

АНДРЕЙ ГАНИН

СЕМЬ
«ПОЧЕМУ»

РОССИЙСКОЙ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ

ПЯТЫЙ РИМ

АНДРЕЙ ГАНИН

**СЕМЬ
«ПОЧЕМУ»
РОССИЙСКОЙ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ**

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2018

УДК 930
ББК 63.3(2)6
Г 19

Рецензенты:

Я.В. Леонтьев, д.и.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова,
ведущий специалист РГАСПИ

В.Ж. Цветков, д.и.н., проф. МПГУ

*Исследование осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц)
«История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.
в документах офицеров русской армии»*

*Отзывы на книгу можно присылать
на электронный адрес автора: andrey_ganin@mail.ru*

Оформление переплета М. Левыкина

Ганин А.В.

Г 19 Семь «почему» российской Гражданской войны. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. — 864 с.: ил.

ISBN 978-5-9908267-1-7

С кем было офицерство? Какова роль казачества? Могли ли победить эсеры? Какую роль сыграли спецслужбы? Брали ли красные в заложники семьи военспецов? Из-за чего был разбит адмирал А.В. Колчак? Почему победила Красная армия? На наиболее острые вопросы военно-политической истории российской Гражданской войны 1917–1922 гг. отвечает один из ведущих современных исследователей в этой области доктор исторических наук А.В. Ганин. В основе монографии уникальные документы 27 российских и зарубежных архивов, включая недавно рассекреченные архивы спецслужб.

УДК 930
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-9908267-1-7

© Ганин А.В., 2018
© Издательство «Пятый Рим»™, 2018
© ООО «Бестселлер», 2018

ВВЕДЕНИЕ

Столетие революционных потрясений 1917 г. неизбежно привлекает значительный интерес общества к тем событиям и их переосмыслению. Тем более что и современный мир регулярно сотрясают государственные перевороты и военные конфликты, в том числе напоминающие те или иные эпизоды и явления российской Гражданской войны 1917–1922 гг. Многие задаются вопросами о том, как и почему сто лет назад в нашей стране вспыхнула братоубийственная война, унесшая миллионы человеческих жизней (а по своим далеко идущим последствиям и десятки миллионов), каким образом в той ситуации повели себя различные слои российского общества, существовали ли альтернативы победе большевиков, и если да, то почему их не удалось реализовать, насколько кровавым был большевистский режим, какова вообще роль спецслужб в исходе Гражданской войны и в победе красных.

К сожалению, общественный интерес по этим и многим схожим сюжетам удовлетворяет, как правило, низкопробная литература конспирологического характера. Поток такого рода произведений, ориентированных на коммерческий успех, неизбежно возрастает к юбилейным датам. Различные теории заговоров и поиск скрытых смыслов по-прежнему весьма популярны, а кропотливое изучение того, как обстояло дело в действительности, авторов такого рода произведений не интересует. К тому же они не обладают и какой-либо квалификацией для ведения исторических изысканий, хотя почти всегда позиционируют себя в качестве историков.

С другой стороны, академическая наука в строгом смысле слова не пытается ответить на масштабный общественный запрос, что и толкает читателей к знакомству с низкопробной литературой. Кроме того, в СМИ и в сети Интернет результаты многолетних трудов ученых нередко с легкостью присваивают разного рода посредники, пересказывающие (часто с ошибками) в популярном ключе работы исследователей.

Необходимость сочетать научную достоверность и точность с популярным стилем подачи материала назрела давно. В Европе и США —

это, по сути, основной формат научной исторической литературы. В России же таких работ пока немного, а научное сообщество все еще настороженно относится к попыткам излагать результаты исследований общедоступным языком.

Замысел написать научно-популярную книгу о Гражданской войне возник в 2010 г. Эта идея в своей основе имела много причин. Достижению поставленной цели в наибольшей степени способствовали авторская работа над главами для крупнейшего многотомного международного юбилейного проекта к столетию событий Первой мировой войны на Восточном фронте, революций и Гражданской войны в России «Russia's Great War and Revolution» (мне выпала честь представлять Россию в качестве научного редактора тома по военной истории Гражданской войны вместе с видными англо-американскими исследователями Дж. Смилом, Д. Стоуном и Дж. Суэйном), а также над выходящими под моей редакцией специальными номерами российского исторического журнала «Родина». Прежде всего, «Белое дело: вехи истории» (2008. № 3) и «Неизвестная Красная армия 1917–1922» (2011. № 2). Для этих номеров я готовил обзорные статьи по таким крупным проблемам, как причины неудач наступления армий адмирала А.В. Колчака в 1919 г. и причины победы Красной армии в Гражданской войне. Эти очерки, сочетавшие в себе обобщение предшествующих работ, широкое введение в научный оборот новых архивных данных и общедоступные структурированные выводы, вызвали значительный интерес читательской аудитории. Поддержка читателей и активное вовлечение коллег в дискуссию по затронутым вопросам способствовали укреплению убежденности в том, что публикации такого рода необходимы.

Помимо этого мой опыт преподавания курса истории России в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова для студентов-гуманитариев неисторического профиля свидетельствовал о весьма низком уровне знаний о прошлом у студентов даже этого ведущего вуза нашей страны, их интеллектуальной зависимости от интернет-ресурсов, информация которых представлялась молодым людям истиной в последней инстанции. Все это сочеталось с беспомощностью многих студентов в самостоятельном объяснении событий и явлений прошлого. На экзаменах и семинарах можно было встретить тех, кто не знал, кто такой Ленин, что такое партия большевиков, какова их роль в истории нашей страны, когда произошла революция, не говоря уже о специальных вопросах.

Не секрет, что не способной размышлять, ничего не понимающей, интернет-зависимой, зомбированной телевидением толпой общества потребления манипулировать гораздо проще, чем самостоятельными, думающими людьми. В этом уже сегодня кроется осязаемая угроза для будущего нашей страны.

В этой связи мне хотелось подготовить сжатый и понятный материал по наиболее острым вопросам военно-политической истории Гражданской войны. При этом очерки, вошедшие в книгу, содержат и прежде неизвестные архивные данные.

Другой причиной обращения к научно-популярному жанру стала воинствующая некомпетентность, распространившаяся уже и в научной и околонаучной среде. Увы, даже научные работы по затрагиваемым вопросам нередко искажают саму суть рассматриваемых событий и явлений. Связано это как с сильнейшей политизацией темы и с личными предпочтениями авторов, так и с недостаточной глубиной проработки документального материала.

Наконец, за полтора с лишним десятилетия непрерывных поисков в архивах России и зарубежья, включая архивы Армении, Грузии, Азербайджана, Украины, Казахстана, Литвы, Латвии, Эстонии, Сербии, Чехии, Польши, Финляндии, Франции, США, мне удалось собрать беспрецедентный по своему объему и научному значению документальный материал и составить собственное многоаспектное представление о событиях Гражданской войны, которым я и хотел бы поделиться с читателями. В основе этой книги материалы 27 отечественных и зарубежных архивов, включая архивы спецслужб. Доказательную базу построений существенно подкрепляет то, что, в отличие от большинства исследователей Гражданской войны, я в равной степени работал с документацией как белых, так и красных, а также представителей национальных государств. При этом в своих поисках я старался не вырывать события Гражданской войны из контекста дореволюционной и послереволюционной истории.

Название книги подсказала небольшая брошюра известного американского советолога Ричарда Пайпса «Три “почему” русской революции» (М.; Спб.: Atheneum; Феникс, 1996. 96 с.) безотносительно воззрений ее автора. В этой работе Пайпс попытался обобщить свои взгляды на революционный процесс. Он отвечал на три вопроса: почему пал царизм, почему восторжествовали большевики и почему на смену Ленину пришел Сталин. В нашей книге акцент сделан на военно-политические

аспекты Гражданской войны, поскольку именно они были главенствующими. При этом автор позволил себе отойти от однотипной вопросительной формы «почему», представив ее как условную, и разнообразить поставленные вопросы.

В приложениях публикуются яркие архивные документы, проливающие свет на события рассматриваемой эпохи и дополняющие основную часть книги. Почти все они самым своим содержанием предостерегают от идеализации как красных, так и белых.

Особое внимание специалистов и всех интересующихся историей Гражданской войны неизбежно привлечет публикация обнаруженного автором этих строк в США прежде не публиковавшегося окончания знаменитого дневника барона А.П. Будберга. Основная часть дневника увидела свет еще в первой половине 1920-х гг. в «Архиве русской революции» и стала суровым приговором Белому движению. При этом сравнительно небольшой фрагмент дневника за конец 1919 — начало 1920 г. на протяжении почти ста лет оставался неизвестным. Думается, введение в научный оборот столь значимого документа будет способствовать приращению научного знания по истории Гражданской войны. Не менее интересны и воспоминания полковника Е.Э. Месснера о Гражданской войне на Юге России, фрагмент которых также вошел в приложения.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей источника. Все даты, относящиеся к истории России до февраля 1918 г., приведены по старому стилю.

Я глубоко признателен всем, кто помогал мне при подготовке этой книги. Прежде всего, моему учителю к.и.н. О.Р. Айрапетову, моим друзьям и коллегам Ю.М. Галкиной, доктору Э. Екабсону, к.и.н. А.В. Калякиной, к.и.н. В.Б. Каширину, к.и.н. М.А. Ковальчуку, к.э.н. Е.В. Кокуре, А.А. Комиссаровой (Снесаревой), к.и.н. А.Н. Комолятовой, А.С. Кручинину, д.и.н. И.В. Михутиной, И.М. Разиной, к.и.н. А.А. Симонову, доктору Т. Таннбергу, Ю.Х. Тотрову, к.и.н. О.Ю. Устиновой, Т.Г. Чеботаревой. Особую благодарность хотел бы выразить моему другу к.и.н. Ф.А. Гушину и, конечно, моим дорогим родителям и брату за многолетнюю помощь и поддержку.

**С КЕМ БЫЛО
ОФИЦЕРСТВО**

Вопрос о том, с кем было офицерство старой русской армии в Гражданскую войну, предполагает не только статистические подсчеты и выяснение соотношения контингентов офицеров в противоборствовавших армиях, но и анализ того, что представляло собой офицерство к началу конфликта, а также реального вклада офицеров в становление всех лагерей Гражданской войны, то есть оценку качества групп офицеров в различных армиях и их роли в тех или иных событиях.

К началу Гражданской войны русский офицерский корпус состоял из двух групп: кадровых офицеров и офицеров военного времени. Между ними существовала колоссальная разница. Кадровое офицерство было замкнутой привилегированной кастой. Это были люди, целиком посвятившие себя военной службе, военные профессионалы, носители военных традиций, знаний, дисциплины, нередко происходившие из офицерских династий, где поколение за поколением представители рода избирали своей профессией военную службу. Часть кадровых офицеров обладала высшим военным образованием, как общим, так и специальным (артиллерийским, инженерным и т.д.). В кадровом офицерстве был силен корпоративный дух. Многие кадровые офицеры были выходцами из дворян. Однако на рубеже XIX–XX вв. как в русской, так и в других европейских армиях шел процесс расширения социальной базы офицерской корпорации, в которую все активнее проникали представители других сословий. Так, например, генерал от инфантерии М.В. Алексеев был сыном солдата, выслужившего офицерский чин. Генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов был сыном казака, дослужившегося до младших офицерских чинов. Генерал-лейтенант А.И. Деникин был сыном крепостного крестьянина, отданного в рекруты и дослужившегося до офицерских чинов. Советский главнокомандующий И.И. Вацетис родился в семье батрака.

Кадровые офицеры были традиционно чужды политической жизни, не знали и не понимали значения партийной борьбы и идеологии,

воспитывались на идеалах приверженности императору. Вместе с тем в офицерской среде в начале XX в. стали появляться и политически активные люди, в том числе сторонники конституционной монархии или республиканского строя. Однако события 1917 года и Гражданской войны показали, что единые корпоративные политические взгляды у офицерства отсутствовали. Кадровыми офицерами были крупнейшие деятели контрреволюционного лагеря Гражданской войны (например, генералы Е.К. Миллер, Н.Н. Юденич, адмирал А.В. Колчак) и многие видные военные работники Советской России (бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич, бывшие полковники И.И. Вацетис, С.С. Каменев и Б.М. Шапошников, бывший подпоручик М.Н. Тухачевский).

Офицеры военного времени, масштабное ускоренное производство которых происходило в годы Первой мировой войны, представляли собой совсем иную среду. Источники производства в офицерские чины этой категории лиц были крайне разнородны. Офицером военного времени мог стать не нюхавший пороха выпускник университета или, например, участвовавший во многих кампаниях простой необразованный казак, выслуживший унтер-офицерское звание, а затем за боевое отличие произведенный в офицеры. Социальный состав офицерства военного времени был очень широк и демократичен. Существенно различались квалификация и уровень подготовки этих людей. Многие из них не связывали свою жизнь с военной службой. Фактически эта категория офицеров представляла собой срез всего русского общества и в большей степени отражала не офицерское мировоззрение, а мировоззрение тех слоев населения, из которых такие офицеры происходили. Они были гораздо хуже подготовлены к управлению войсками, чем кадровые офицеры, и их сложнее отнести к военным профессионалам. Но, вполне естественно, в среде офицеров военного времени было множество сторонников народнических взглядов, приверженцев левых политических течений (например, первый советский Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко, а также С.Г. Лазо, М.К. Тер-Арутюнянц, И.Ф. Федько, Н.А. Шорс и др.). И конечно, такие офицеры приняли как Февральскую, так и Октябрьскую революции и активно поддержали большевиков.

Характерно восприятие этих групп офицерства населением. Капитан И.С. Ильин записал в дневнике 21 июня 1918 г.: «Я видел еще по фейерверкерам и юнкерам, что именно наиболее сознательная часть

народа так и смотрит: кадровый офицер — это одно, а всех этих прапорщиков из учителей да из школ в грош не ставили и даже как будто стыдились, что такие появились офицеры — ни рыба ни мясо»¹.

Гражданская война привела к невиданному прежде расколу русского общества. Она стала одним из сложнейших жизненных испытаний для офицеров старой русской армии. В условиях взаимного ожесточения сторон и эскалации вооруженного конфликта от их выбора, в немалой степени зависел исход борьбы, дальнейший путь развития России и новых независимых государств, возникших на руинах Российской империи. Как и все население бывшей Российской империи, офицерство также оказалось расколотым между красными, белыми и сторонниками национальных государств. На конкретных примерах расколотых офицерских семей отчетливо виден братоубийственный характер Гражданской войны. У раскола офицерства были социальные причины, усугублявшиеся политическим и мировоззренческим разделением. В то же время немалая часть офицеров предпочла уклониться от вовлечения в братоубийство и заняла нейтральную позицию, а некоторые приняли участие в «зеленом» движении, сражаясь против всех. Даже спустя столетие после революционных событий не утихают острые споры, а порой и спекуляции по поводу того, с кем же оказалось тогда русское офицерство.

СТАТИСТИКА

По различным оценкам, к октябрю 1917 г. в русской армии насчитывалось от 250 до 320 тысяч офицеров, среди которых порядка 190–260 тысяч составляли офицеры военного времени, многие из которых впервые взяли в руки оружие лишь в годы Первой мировой войны². В пехотных полках действующей армии к ноябрю 1917 г. из-за высоких потерь оставалось лишь 4% кадровых офицеров³. Для сравнения, среди офицеров морского ведомства кадровые составляли около 60%⁴. Кадровый офицерский состав в основном сохранили и казацкие войска.

Всего в Красной армии оказались примерно 2500 бывших генералов и штаб-офицеров (то есть полковников и подполковников). Кроме того, свыше полутора тысяч военспецов были лицами с высшим общим

военным образованием — выпускниками Императорской Николаевской военной академии.

В результате комплектования по добровольческому принципу в первой половине 1918 г. Красная армия пополнилась незначительным количеством бывших офицеров. Увеличение набора произошло только после перехода к принудительным мобилизациям. К сентябрю 1918 г. мобилизация дала лишь 4237 военных специалистов. По другим данным, призывы по декретам от 29 июля, 2 и 29 августа и 3 сентября дали РККА к 7 октября 1918 г. 9901 бывшего офицера, 15 695 бывших унтер-офицеров, 303 врача, 2446 фармацевтов и фельдшеров, 481 бывшего чиновника⁵.

Отдельные категории бывших офицеров практически не были представлены в Красной армии. Прежде всего, речь идет о сохранившем за годы Первой мировой войны свой кадровый состав казачьем офицерстве, которое почти целиком перешло на сторону антибольшевистских сил. Тем более что казачьи области находились на окраинах, где советская власть была слабее, чем в центре, и откуда началось активное сопротивление большевикам по всей России.

Численность военспецов существенно возросла лишь к концу 1918 г., так как только 23 ноября 1918 г. Реввоенсовет Республики издал приказ № 275 о призыве с 25 ноября по 15 декабря всех бывших обер-офицеров до 50 лет, штаб-офицеров до 55 лет и генералов до 60 лет, что дало новой армии свыше 50 тысяч военспецов, а также 9000 лиц административно-хозяйственного состава⁶.

В данных о численности бывших офицеров и военных чиновников в Красной армии есть существенные разночтения. По официальным отчетам Всероссийского главного штаба (Сведения о командном составе и лицах административно-хозяйственной службы Красной армии за 1918–1919 гг. и с 1 января по 15 июня 1920 г.), в 1918 г. в РККА было зачислено 23,9 тысячи офицеров и чиновников, в 1919 г. — 80 тысяч и в 1920 г. — 18,4 тысячи⁷. Итого 122,3 тысячи человек. По подсчетам на основании документов учета бывших белых офицеров советскими органами госбезопасности, военные чиновники составляли до трети от общего числа зарегистрированных⁸. Однако для Гражданской войны характерно другое соотношение офицеров и чиновников. Так, по данным о составе антибольшевистских формирований Северо-Запада России в конце 1918 г., количество чиновников было в 7–8 раз меньше количества офицеров. Соответственно, из 122,3 тысячи офицеров и чи-

новников могло быть около 108 тысяч бывших офицеров. Но, возможно, в эту статистику включены и унтер-офицеры.

По другим данным, с марта 1918 по 15 июня 1920 г. на укомплектование комсостава было направлено 154 923 человека, в том числе 22 869 красных командиров (краскомов)⁹. Остальные — 132 054 человека представляли собой бывших офицеров, военных чиновников и унтер-офицеров (до 22 тысяч человек). За вычетом унтер-офицеров, бывших офицеров и чиновников остается около 110 тысяч человек. Таким образом, только бывших офицеров могло быть порядка 98 тысяч человек. К концу Гражданской войны в РККА служили и свыше 14 тысяч бывших белых офицеров, сведения о них, видимо, включались и в приведенные выше показатели.

По окончании широкомасштабной Гражданской войны в 1921 г. из РККА были уволены 8415 бывших белых офицеров, около 4000 переведены в Народный комиссариат труда с последующим увольнением как перемещенные в гражданское ведомство, уволены 2710 бывших офицеров военного времени, признанных малоценными, и еще 271 бывший офицер. Итого как минимум 15 396 бывших офицеров¹⁰. Происходили и другие увольнения, но на данный момент нет сведений о том, какую часть из них составляли бывшие офицеры. По оценке Р.М. Абинякина, на службе оставались до 32 544 бывших офицеров¹¹.

Очевидно, что на стороне красных оказалось весьма значительное количество офицеров. Часть была призвана по декретам, часть кустарно мобилизована. О многочисленности военспецов свидетельствуют собранные исследователями персональные данные по нескольким компактным группам внутри офицерского корпуса.

Автором этих строк составлена и на протяжении многих лет совершенствуется база данных по специалистам Генерального штаба (выпускникам и слушателям Николаевской военной академии), принимавшим участие в Гражданской войне в России 1917–1922 гг. Удалось установить, что в Гражданской войне так или иначе участвовали не менее 2837 выпускников и слушателей академии, включая ускоренные курсы периода 1916–1919 гг.

Через ряды Красной армии прошли не менее 1579 выпускников академии, через ряды белых армий Юга России — 1082, через белые армии Востока России — 641, через украинские армии — 426 офицеров¹². Как же разделился Генштаб в процентных величинах? Точные расчеты осложняет то обстоятельство, что немало генштабистов успе-

ли послужить в нескольких противоборствующих лагерях. Чтобы преодолеть это затруднение, автором был проведен подсчет по местам службы офицеров. При таком подсчете на РККА приходится 39,8%, всех мест службы генштабистов, на Южный фронт белых — 27,2%, на Восточный фронт белых — 16,1%, на украинские армии — 10,7%, на Северо-Западный фронт белых — 0,8%, на Северный фронт белых — 0,7%, на прочие белые армии, белое подполье вне РККА и бои с большевиками вне антибольшевистских фронтов — 1,6%, на прочие (кроме украинских) национальные армии — 3,1%.

Суммарно белые фронты составляли 46,4% мест службы генштабистов, превосходя соответствующий показатель в 39,7% у красных. Таким образом, через ряды белых армий прошло несколько больше «академиков», чем через Красную армию. Свою роль в этом сыграло наличие у белых старой академии, осуществившей в 1919 г. ускоренный выпуск слушателей, хотя часть из них позднее и оказалась у красных. Это превосходство не принесло белым победы, тем более что оно было невелико. При этом РККА существенно превосходила по кадрам Генштаба любой из антибольшевистских фронтов. Даже Южный фронт белых насчитывал в своих рядах в полтора раза меньше выпускников академии, чем Красная армия. Отсутствие должной координации и противоречия между антибольшевистскими фронтами и армиями лишили противников новой власти возможности воспользоваться преимуществом в кадрах Генштаба (60,2% мест службы при сложении данных по белым и национальным армиям) и стали одним из факторов, приведших противников большевиков к поражению.

Национальные армии составляли 13,8% мест службы «академиков». Этот высокий показатель достигнут за счет гетманской армии П.П. Скоропадского, которая считалась украинской национальной лишь формально и приняла в свои ряды сотни выпускников академии. За вычетом этих данных процент выпускников академии в национальных формированиях остается крайне незначительным.

Помимо генштабистов известны персональные данные о размежевании 219 доживших до начала Гражданской войны авиаторов — георгиевских кавалеров Первой мировой: 89 из них служили в белых армиях (в том числе 14 позднее сдались РККА и служили в ней, один остался в России, но скрывался под чужой фамилией), 65 — в РККА (в том числе из РККА 7 перешли в белые и 2 — в национальные армии,

а также 1 — к «зеленым»), 3 — в национальных армиях и 10 уклонились от участия в Гражданской войне. Судьбы 52 летчиков не установлены¹³. С учетом перебежчиков в РККА успели послужить 79 человек (36,1%), в белых армиях — 96 (43,8%), в национальных — 5 (2,3%) и 1 (0,5%) у «зеленых». При расчете по местам службы, красный военно-воздушный флот составил 43,6%, белый — 53%, ВВС национальных армий — 2,8%. Следует принимать во внимание и то, что перейти на сторону противника летчикам было объективно проще, чем представителям других военных специальностей.

Известны данные и о службе 61 кавалера ордена Св. Георгия 2-й и 3-й степени — в основном представителей высшего командного состава. Из них через РККА прошли только 7 человек (14,6% мест службы), через белые армии — 32 (66,7%, в том числе один перешел в национальную армию), через национальные армии — 9 (18,75%, в том числе четверо перешли к белым), 16 уклонились от службы и выбор еще 2 неизвестен¹⁴. Можно вывести определенную закономерность: чем выше был должностной и образовательный статус офицеров, тем больше их могло оказаться у противников большевиков.

Имеются и относительно точные данные об офицерах флота, хотя в силу своей специфики они заметно выпадают из общей тенденции размежевания офицерства. К марту 1921 г. в красном флоте оказалось 6559 бывших офицеров из 8060 имевшихся в русском флоте на 1 января 1918 г., или 82,2%¹⁵.

На чьей же стороне оказалось русское офицерство? У историков нет единого ответа. Причины кроются как в отсутствии достаточной документальной базы для расчетов в связи с многочисленностью офицерства, так и в идеологических пристрастиях.

По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, которые до сих пор считались наиболее достоверными, с учетом пленных белых офицеров общая численность военспецов к концу Гражданской войны оценивается в 75–78 тысяч человек, или около 30% офицерского корпуса на осень 1917 г., в том числе свыше 65 тысяч офицеров военного времени¹⁶. По мнению С.В. Волкова, сюда должны быть включены и военные чиновники¹⁷. С.В. Волков занижает численность военспецов, завышая данные об офицерах белых армий, но его рассуждения содержат противоречие, поскольку он указывает, что в РККА могли служить не более 68 тысяч офицеров, или что их было даже примерно 50 тысяч (включая в 75 тысяч 24 тысячи врачей и военных чиновников), или

же что только бывших офицеров в РККА насчитывалось 55–58 тысяч¹⁸.

А.Г. Кавтарадзе предположил, что в антибольшевистских армиях могли служить 40% офицеров, а остающиеся 30% уклонились от участия в войне или погибли¹⁹. По оценке С.В. Волкова, следующего за А.Г. Кавтарадзе, но пытающегося оспаривать его данные, за период Гражданской войны погибли 85–90 тысяч офицеров, тогда как уклонились от участия в Гражданской войне 28–30 тысяч, или 10% (по предположению С.В. Волкова, две трети из них были репрессированы), в национальные армии перешли до 15 тысяч, или 5–6% (в действительности значительно больше), а в Белом движении участвовали порядка 170 тысяч (проверка расчетов С.В. Волкова по его же материалам дает около 160 тысяч), или 62% офицеров. Красной армии он отводит лишь 55–58 тысяч (по минимальной оценке — 50 тысяч) офицеров, или 19–20%, из которых до 10 тысяч погибли. Около 70 тысяч офицеров, по его мнению, эмигрировали, 85–90 тысяч погибли, а 110 тысяч остались в Советской России²⁰.

Эти подсчеты вызывают обоснованные сомнения и вопросы. Прежде всего, к настоящему времени нет каких-либо документальных подтверждений того, что в белых армиях могли служить 160 тысяч офицеров. Неясно, как могло оказаться, что у белых, контролировавших малонаселенные окраины, служили втрое больше офицеров, чем у красных, контролировавших густонаселенный центр страны. Очевидно, что мобилизации у красных были организованы значительно лучше, чем у белых, что напрямую отразилось на численности противоборствующих армий. Непонятно и то, почему красные, по версии С.В. Волкова, мобилизовали такое незначительное в сравнении с белыми количество офицеров. Подсчеты С.В. Волкова не учитывали переходы офицеров из армии в армию. Кроме того, они, очевидно, включали и лиц, произведенных в офицеры уже в рядах белых армий (при этом прямой советский аналог — красные командиры, прошедшие подготовку после 1917 г., — в советскую статистику не включался).

Как же разделилось все офицерство? Ответить на этот важнейший вопрос помогают сравнительно точные данные по ряду фронтов и армий. Так, в Сибирской армии к 1 октября 1918 г. служили 10 754 офицера²¹. На март — апрель 1919 г. в ударных колчаковских армиях, Западной и Сибирской, числились всего 5949 офицеров²². На

Восточном фронте белых к 1 июля 1919 г., по официальным данным, служили около 30 тысяч офицеров²³, на Северо-Западном фронте белых — не менее 1200 офицеров²⁴. Есть данные о том, что к августу 1920 г. в Эстонии находились около 6000 русских офицеров²⁵. На Севере России к февралю 1920 г. числились лишь 1500 белых офицеров²⁶. Поименно известны около 2400 офицеров, служивших у белых на Севере за весь период Гражданской войны, включая произведенных в офицерские чины белыми (в том числе и по окончании боевых действий)²⁷.

В различных украинских армиях в 1919–1922 гг. насчитывалось до 3888 офицеров, а ранее, при гетмане П.П. Скоропадском в 1918 г., служили около 7000 офицеров²⁸. Всего через украинские армии могли пройти до 12 тысяч бывших офицеров русской армии. В польской армии к марту 1920 г. состояли 6204 офицера бывшей русской армии²⁹. Финский офицерский корпус на 1919 г. составлял около 880 человек³⁰, бывших русских офицеров служило около 250. Офицерский корпус литовской армии к 1 июля 1920 г. насчитывал 957 человек, бывших русских офицеров в нем могло быть не менее 440³¹. Общая численность латвийского офицерского корпуса к 1920 г. составляла более 1800 человек³². В эстонской армии на ноябрь 1918 г. служили около 2000 офицеров. К сожалению, нет точных данных об офицерском корпусе армий закавказских государств. Оценочно в армянской армии служили около 1500 офицеров³³, в азербайджанской — до 1000, в грузинской — несколько тысяч. Таким образом, в национальных армиях оказались не менее 26 тысяч офицеров.

Наибольшую сложность представляет определение численности офицеров на Южном фронте белых. Есть данные о том, что к середине 1918 г. офицеры составляли 68,7% численности Добровольческой армии³⁴. Если исходить из того, что численность армии в июне 1918 г. (перед 2-м Кубанским походом) достигала примерно 9000 человек, офицеров должно было быть менее 6200 человек.

По официальным данным, к 5 (18) июля 1919 г. во ВСЮР генерала А.И. Деникина из 244 890 солдат и офицеров, включая и нестроевых, было только 16 765 офицеров³⁵. К сентябрю 1920 г. в Русской армии на довольствии, по утверждению генерала А.С. Лукомского, числились 50 тысяч офицеров³⁶. На сегодня это максимальное документированное количество (пусть и в мемуарном свидетельстве чрезвычайно освещенного генерала) офицеров у белых. Сведения о боевом составе,

имевшиеся в штабе армии, дают намного меньшие цифры. Так, боевой состав ВСЮР к 1 (14) июля 1920 г. включал только 8114 офицеров, а к 1 (14) сентября 1920 г. в боевом составе Русской армии числились 6699 офицеров³⁷.

Эти данные примерно стыкуются со статистикой офицеров, оказавшихся в эмиграции. На февраль 1922 г. в составе врангелевской армии числились 11 802 офицера³⁸. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев и в Болгарии к 1 марта 1922 г. находились 7595 офицеров³⁹. По данным ГПУ, в Болгарии к лету 1922 г. насчитывалось до 15 тысяч офицеров, 75% из них (11 250 человек) эвакуировались из Крыма и 24% (3600 человек) оказались за рубежом в результате прочих эвакуаций белых⁴⁰. В 1, 2, 3 и 4-м отделах РОВС в начале его существования (включая воинские части, группы, офицерские общества и союзы) состояли до 25 293 офицеров, причем в это число входили ветераны всех белых фронтов, оказавшиеся в эмиграции на территории Европы⁴¹.

В СССР к концу 1923 г., по данным ОГПУ, проживали 35–50 тысяч бывших белых офицеров⁴². На особом учете ОГПУ к 1 сентября 1924 г. состояли 50 900 бывших белых офицеров и чиновников⁴³. Остается открытым вопрос о потерях офицеров белых армий (как в боях, так и в результате репрессий при попадании в плен), а также о численности произведенных в офицеры непосредственно в белых армиях.

С учетом потерь, плена, ротации кадров и многочисленных переходов офицеров из лагеря в лагерь через Красную армию могли пройти около 100 тысяч офицеров, что подтверждают приведенные выше архивные данные. Не менее 26 тысяч прошли через национальные армии. Через белые армии (включая произведенных в белых армиях) могли пройти от 110 тысяч до 130 тысяч офицеров (в том числе 70–90 тысяч через белые армии Юга России, порядка 30 тысяч через Восточный антибольшевистский фронт и не более 10 тысяч через прочие фронты).

Немалая часть офицеров перетекала из одного лагеря в другой пленными и перебежчиками, поэтому приведенные показатели неизбежно будут накладываться друг на друга. Значительным было и количество офицеров, уклонившихся от участия в Гражданской войне (только на Юге России таких были десятки тысяч). Таким образом, окончательный ответ на вопрос, сколько офицеров оказалось у красных, а сколько — у их противников, остается задачей будущих исследований.

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ В КРАСНОЙ АРМИИ

Сразу после большевистского переворота новые хозяева России осознали, что без привлечения на свою сторону квалифицированных командных кадров из офицеров им новой армии не создать, равно как и не обеспечить защиту своего режима от многочисленных врагов. Между тем, вопрос привлечения офицерства на сторону красных был непростым, так как большевики и их союзники, левые эсеры, взяли власть на волне разложения старой армии, солдатской вседозволенности, невиданного унижения и массовых убийств офицеров. Придя к власти, они продолжили прежний курс, который неизбежно должен был оттолкнуть офицеров. Было отменено ношение погон, упразднены воинские звания. Само слово «офицер» стало символом классового врага, вызывало подозрения в контрреволюционности, и в Красной армии вместо него был введен в обиход эвфемизм «военный специалист» (военспец).

Негативное восприятие большевиков объединяло многих офицеров. В среде патриотически настроенного офицерства был распространен взгляд на представителей этой партии как на врагов России, предателей, прямых наймитов Германии, стремившихся к поражению собственной страны в мировой войне и заключивших в 1918 г. позорный сепаратный мир с врагом, предав союзников России по Антанте. Этот взгляд был не далек от действительности и служил одной из причин перехода офицеров на сторону антибольшевистских сил. Почему же офицеры, которым большевистский режим был во многом враждебен, все же шли в Красную армию добровольно еще до перехода к мобилизациям летом — осенью 1918 г.?

Активное выражение собственной гражданской позиции — удел меньшинства в любом обществе. Не являлось исключением и русское офицерство. Громадное большинство офицеров представляли собой инертную массу, которая по выработанной за годы службы привычке слепо исполняла приказы сверху и продолжала оставаться на своих местах и после октябрьского переворота. Поскольку большевики взяли под контроль центр страны, где располагались все органы центрального военного управления, а также прифронтовую полосу нескольких фронтов и Ставку, значительная часть офицерства таким путем, как бы по инерции, перешла из учреждений старой армии в

те же, но видоизмененные органы новой, Красной армии. Например, большинство работников Ставки остались на своих местах после смены власти. В этом смысле период перехода от структур старой армии к Красной армии может быть назван инерционным. Многие попавшие таким путем в новую армию считали, что служат своей стране безотнositельно правящего режима. Например, генерал-майор А.А. Балтийский прямо заявлял о себе и своих единомышленниках: «И я, и многие офицеры, шедшие по тому же пути, служили царю, потому что считали его первым из слуг отечества, но он не сумел разрешить стоявших перед Россией задач и отрекся. Нашлась группа лиц, вышедших из Государственной думы, которая взяла на себя задачу продолжать работу управления Россией. Что ж! Мы пошли с ними, помогая им как только могли и работая не для них, а для пользы Родины. Но они тоже не справились с задачей, привели Россию в состояние полной разрухи и были отброшены. На их место встали большевики. Мы приняли их как правительство нашей Родины и также по мере сил стремились помочь им в их работе. В политику мы в то время не вмешивались и действовали по признаку преемственности власти»⁴⁴. Подобная позиция едва ли может быть названа гражданской, но она была достаточно распространена.

Лишь меньшая часть офицерства по идейным причинам, осознанно, пошла на сотрудничество с большевиками. Но такие люди были. К примеру, после июльских событий 1917 г. с военной организацией Петербургского комитета РСДРП(б) начал сотрудничать генерал-лейтенант Н.М. Потапов, связанный с большевиками М.С. Кедровым и руководителем так называемой военки — военной организации большевиков — Н.И. Подвойским⁴⁵. По свидетельству Кедрова, генерал Потапов еще при Керенском «оказывал большевикам ценные услуги»⁴⁶.

Уже в 1920 г. бывший полковник Н.Н. Петин в радиোগрамме своему однокашнику по академии генерал-лейтенанту П.С. Махрову, оказавшемуся у белых, сообщал о своем переходе на сторону советской власти: «Я принимаю за личное для себя оскорбление Ваше предположение, что я могу служить на высоком ответственном посту в Красной армии не по совести, а по каким-либо другим соображениям. Поверьте, что если бы я после тяжелых переживаний не прозрел, то находился бы либо на Вашей стороне, либо в тюрьме или концентрационном лагере. ...Я решил, что ничто не может оторвать меня от народа, и отправился

с оставшимися сотрудниками и имуществом штаба фронта в страшную для нас в то время, но вместе с сим родную Советскую Россию. Может быть, Вы по-прежнему думаете, что в России все военспецы работают по принуждению под страхом расстрела, но такое заблуждение допустимо лишь рядовому офицерству, которое, насколько мне известно, Вы держите в полной слепоте, для Вас же, занимающего столь ответственную должность, как должность начальника штаба армии, и пользующегося всеми средствами разведки как агентурной, так и при посредстве иностранной прессы, должна была давно уже открыться картина истинного положения страны, и я только удивлялся, как Вы, более других возмущавшийся в дни первой революции бесправием рабочего класса, до сего времени стоите в рядах злейших врагов народа»⁴⁷. В то же время абсолютное меньшинство военспецов вступило в большевистскую партию.

Среди старших офицеров, продолжавших служить на прежних местах при новой власти, было распространено заблуждение, что, оставшись на старых должностях, можно сохранить контроль над армией в новых условиях и не отдать ее в руки большевиков. В этой связи достаточно любопытны показания бывшего генерал-майора С.Г. Лукирского, данные во время следствия по делу «Весна» в январе 1931 г.: «Наступившая октябрьская революция внесла некоторую неожиданность и резко поставила перед нами вопрос, что делать: броситься в политическую авантюру, не имевшую под собой почвы, или удержать армию от развала, как орудие целостности страны. Принято было решение идти временно с большевиками. Момент был очень острый, опасный; решение должно было быть безотлагательным, и мы остановились на решении: армию сохранить во что бы то ни стало...»⁴⁸ По свидетельству генерал-майора П.П. Петрова, служившего в 1918 г. в чине полковника в штабе 1-й армии бывшего Северного фронта, «все мы тогда плохо знали, или закрывали глаза на то, что делалось на юге, и считали, что *в интересах русского дела, надо держать в своих руках хотя бы и в стеснительных условиях военный аппарат* (курсив мой. — А.Г.). Вспышки Гражданской войны нас непосредственно не касались...»⁴⁹ В действительности подобные мотивы оказались иллюзией. Осознав невозможность осуществить задуманное в советских условиях, сторонники такой идеи или переходили на сторону антибольшевистских сил, или ввязывались в крайне рискованную подпольную работу.

Беспочвенными оказались и надежды на непрочность и непопулярность большевиков, которых из-за этого поддерживали лишь для того, чтобы они свергли деструктивное Временное правительство, после чего были бы сменены какой-то другой, более приемлемой для офицерства, властью. Генерал от кавалерии А.А. Брусиллов писал о мотивах своего поступления на службу в РККА: «Я, как с малых лет военный, за эти годы (1917–1920 гг. — А.Г.) страдая развалом армии, надеялся опять восстановить ее на началах строгой дисциплины, пользуясь красноармейскими формированиями. Я не допускал мысли, что большевизм еще долго продержится. В этом я ошибся, но я ли один?..»⁵⁰ Однако Брусиллов и те, кто мыслил так же, не ошиблись в том, что большевики довольно быстро смогли на новых началах восстановить армию и наладить строгую дисциплину. Эти меры не могли не импонировать офицерам, увидевшим в новом режиме сильную власть, способную справиться с анархией в стране.

Отметим еще ряд причин, по которым офицеры добровольно выбрали службу в Красной армии в 1918 г. Для многих офицеров, прежде всего кадровых, военная служба была единственным занятием, вне армии и в отрыве от любимого дела эти люди себя не представляли. Среди таких офицеров получила распространение психология «ландскнехтов», готовых служить любой власти, нуждающейся в их услугах⁵¹. Для них подходящим вариантом была служба как в Красной армии, так и в любых других армиях Гражданской войны. Тем более что в новой армии они были не одиноки — там оказались тысячи их прежних сослуживцев.

В Красную армию активно шли карьеристы. Тесно связанным с большевиками был бывший генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич, родной брат которого занимал пост управляющего делами СНК и был вхож в ближний круг большевистского лидера В.И. Ленина⁵². Но в идейном большевизме генерала Бонч-Бруевича можно усомниться. До 1917 г. Бонч-Бруевич придерживался крайне правых взглядов⁵³. После этого с ним произошла резкая перемена. В своих воспоминаниях Бонч-Бруевич писал: «Скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала и полного уничтожения. Нутром я верил Ленину...»⁵⁴ Однако не все разделяли подобную идиллию. В связи с радикальной сменой Бонч-Бруевичем своих взглядов звучали, что такие, как он, «предадут брата родного... и довольно

дешево» (мнение бывшего полковника А.Н. Ковалевского, изложенное в дневнике военного ученого бывшего генерал-лейтенанта А.Е. Снесарева)⁵⁵.

Поступление в новую армию давало возможность продвигаться по службе и тем, кто по каким-то причинам не мог на это рассчитывать в старой армии. Существует немало свидетельств, что в РККА добровольно шли люди, обиженные при старом режиме, неудачники, стремившиеся реализовать свой потенциал. Например, таким путем в РККА попал генерал-майор В.А. Ольдерогге, который во время Русско-японской войны в чине подполковника служил правителем канцелярии дорожного отдела управления военных сообщений штаба Маньчжурских армий и получал взятки (по свидетельству генерала С.А. Щепихина, за поставку гнилых шпал⁵⁶, по документам расследования — за выдачу нарядов на вагоны для коммерческих грузов⁵⁷), а когда афера раскрылась, был переведен в январе 1916 г. из Генерального штаба в строй⁵⁸. В 1918 г. этот офицер добровольно поступил на службу в РККА, где, конечно, смог служить и по Генеральному штабу, причем его служба была достаточно успешной. Однокашник генерала А.И. Деникина по юнкерскому училищу и Николаевской академии Генерального штаба генерал-майор П.П. Сытин к началу Первой мировой войны оказался последним по старшинству из своего академического выпуска. Лишь в 1917 г. он получил генеральский чин⁵⁹. Возможно, именно карьерные неудачы побудили его пойти на службу в новую армию, где он сумел хорошо себя проявить.

Немаловажным стимулом поступления в Красную армию было получение жалованья и продовольственного пайка, позволявшего выжить офицерам и их семьям в условиях хаоса и разрухи. Наконец, поступление в новую армию могло защитить от произвола бандитской стихии на местах, от которой в 1917–1918 г. погибли сотни офицеров.

Группа офицеров в конце 1917 — начале 1918 г. участвовала в качестве экспертов в мирных переговорах с представителями центральных держав в Брест-Литовске. В феврале 1918 г., в разгар демобилизации старой армии, немцы начали масштабное наступление на Восточном фронте. По патриотическим соображениям, для защиты своей страны от обнаглевшего от безнаказанности безжалостного врага, тысячи офицеров добровольно пошли в новую армию. По этой причине, напри-

мер, в Красной армии оказались генерал-лейтенанты Д.П. Парский и Е.А. Искрицкий, видный военный ученый генерал-майор А.А. Свечин, полковник С.С. Каменев и др.

Старое офицерство приняло самое активное участие в отражении немецкого наступления и в защите Петрограда. На всех основных направлениях возглавляли оборону подступов к столице исключительно бывшие офицеры Генерального штаба. Они же осуществляли верховное руководство и координацию действий советских отрядов из Петрограда. Руководил обороной Петрограда Бонч-Бруевич, его ближайшим помощником был генерал-квартирмейстер Ставки, бывший генерал-майор Н.А. Сулейман, участвовали в работе генералы-генштабисты С.Г. Лукирский, Н.И. Раттэль, А.С. Гришинский, М.М. Загю (всего с Бонч-Бруевичем из Ставки в Могилеве в Петроград в феврале 1918 г. приехали 12 бывших офицеров Генштаба⁶⁰), на псковском направлении держались отряды бывшего полковника И.Г. Пехливанова, финляндский район обороняли отряды под командованием бывшего генерал-лейтенанта Д.Н. Надежного, в районе Нарвы и Ямбурга сражались войска бывшего генерал-лейтенанта Д.П. Парского, в районе Дно — бывшего генерал-лейтенанта Ф.А. Подгурского. Под руководством известного военного инженера, бывшего инженер-генерала К.И. Величко спешно подготавливались к обороне ближние подступы к столице.

«Наступление немцев на Псков и Нарву толкнуло меня предложить свои услуги советской власти», — сообщал в своих показаниях по делу «Весна» А.А. Свечин⁶¹. К 1 марта 1918 г. в Петрограде 28 бывших генералов и полковников, занимавших в старой армии должности командиров полков и выше, изъявили желание участвовать в обороне города⁶². Важным шагом по укреплению Красной армии и по привлечению в нее бывших офицеров стал приказ Высшего военного совета от 21 марта 1918 г., отменивший выборное начало. До массовых регистраций и мобилизации офицеров было решено «вылавливать единичных работников-специалистов и держать их на случай, когда будет армия, для формирования штабов»⁶³.

Одним из инициаторов политики массового привлечения бывших офицеров в РККА был нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий, которому пришлось приложить немало усилий, чтобы его взгляд на вопросы развития Красной армии завоевал популярность в ЦК партии.

Свое видение роли военспецов в Красной армии Троцкий изложил в речи на заседании ЦИК 22 апреля 1918 г.: «В вопросах чисто военных, в вопросах оперативных, — тем более чисто боевого характера, — военные специалисты во всех учреждениях имеют решающее слово. Разумеется, этого типа организация не является идеальной. Она тоже выросла из переломного характера эпохи.

Новый класс встал у власти, — новый класс, у которого есть свои тяжелые счета с прошлым. Это прошлое в лице ныне отсутствующей армии завещало нам известный материальный капитал: пушки, винтовки, всякие боевые запасы, и — известный идейный капитал — известную накопленную сумму знаний, боевой опыт, административные навыки и т.д., то, что находилось в распоряжении специалистов военного дела, бывших генералов, полковников старой армии, — то, чего не было в руках нового революционного класса в тот период, когда этот новый революционный класс боролся за власть и встречал на своем пути сопротивление... Рабочий класс и трудящиеся массы крестьянства не выдвинули из своей среды новых полководцев, новых руководителей, все это было предвидено всеми теоретиками научного социализма. Он должен поставить себе на службу тех, которые служили другим классам. Это относится целиком и к военным специалистам»⁶⁴.

Наиболее дальновидные представители советского военно-политического руководства понимали, что на добровольных началах и путем импровизаций массовой армии не построить. К тому же многие офицеры, поступившие в новую армию, отнюдь не горели желанием участвовать в разворачивавшейся в России братоубийственной войне. Некоторые при зачислении в Красную армию прямо выдвигали условие, что не будут воевать на внутреннем фронте, а готовы сражаться только с внешним врагом. Например, капитан Ф.Л. Григорьев, пытаясь устроиться на военную службу, 4 апреля 1918 г. писал в Москву: «В случае потребности в офицерах Генштаба для будущих формирований постоянной армии, предназначенной для борьбы с внешним* врагом, прошу о зачислении меня кандидатом на какую-либо должность Генерального штаба»⁶⁵. Ответ на такие обращения был стандартным: «Вы взяты на учет Генерального штаба для предстоящих формирований постоянной армии для борьбы с австро-германцами»⁶⁶. Интересно,

---

* Подчеркнуто автором письма.

что и большевики первоначально считали приемлемым использовать офицеров только против внешнего врага⁶⁷.

В результате аттестации бывших офицеров по благонадежности и знаниям в РККА было принято лишь 765 человек⁶⁸. По приказу Наркомата по военным и морским делам № 324 от 7 мая 1918 г. началась регистрация бывших офицеров-специалистов в уездных военных комиссариатах. Именно с регистраций начался процесс массового привлечения офицеров на советскую службу. Первоначально регистрации были добровольными, но постепенно правила ужесточались, происходил переход к добровольно-принудительным (например, под угрозой невозможности дальнейшей службы по профессии, как в случае с офицерами Генерального штаба⁶⁹) и прямо принудительным формам. Летом 1918 г. уже осуществлялись мобилизации офицеров, ставшие единственным способом привлечь массу бывших офицеров на критически важные для большевиков внутренние фронты.

29 июля 1918 г. был издан декрет СНК о призыве бывших офицеров 1892–1897 гг. рождения. Мобилизации проводились только в Москве, Петрограде и в семи губерниях — Московской, Петроградской, Архангельской, Владимирской, Нижегородской, Вятской, Пермской, а также в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов.

Призыв офицеров оказался сопряжен с немалыми трудностями, которые порождали волну недовольства. Печально известна история регистрации офицеров до 60 лет, прошедшая в Москве в августе 1918 г. Тогда тысячи людей оказались согнаны в манеж Алексеевского военного училища и задержаны там под охраной двух рот китайцев⁷⁰. Несчастные люди провели несколько дней в период с 6 по 13 августа 1918 г. без еды и в антисанитарных условиях, в результате чего у некоторых начались желудочно-кишечные заболевания⁷¹. Люди не были обеспечены самым необходимым — кипяченой водой и кипятком, горячей пищей, соломой для того, чтобы на ней спать. Военный руководитель Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевич писал начальнику Всероссийского главного штаба А.А. Свечину 14 августа 1918 г.: «Происходящая в Москве регистрация бывших офицеров с массовыми арестами, производя гнетущее впечатление на всю корпорацию бывшего командного состава, еще более ухудшает вопрос возможности добровольного поступления военных специалистов в войска»⁷².

Антибольшевистски настроенный мемуарист Н.А. Авенариус недоумевал в связи с августовской регистрацией: «Когда теперь советская власть вызвала всех живущих в Москве офицеров явиться на регистрацию, грозя [укрывшимся] репрессиями, то в Лефортово их явилось около тридцати тысяч. Что ж, угроза расправы за неисполнение приказа так их напугала? Где были они в октябре? Ведь у красных были только единицы»⁷³.

1 октября 1918 г. был опубликован новый декрет о призыве бывших офицеров и военных чиновников, не достигших к 1 января 1918 г. 40 лет. 14 ноября было издано аналогичное постановление РВСР⁷⁴.

Действие рождало противодействие. В условиях слабой легитимности большевистской власти и в обстановке внутреннего противоборства с развертыванием в конце весны 1918 г. полномасштабной Гражданской войны началось бегство оказавшихся в Красной армии бывших офицеров в антибольшевистские армии. Количество перебежчиков исчислялось тысячами. К белым перелетали целые авиаотряды, переходили высокопоставленные военспецы до уровня командующих армиями включительно.

Понятно, что в условиях враждебности офицерства или его нелояльности военспецов требовалось контролировать, для чего был создан институт военных комиссаров.

Положение бывших офицеров в новой армии было непростым. Комиссары и красноармейская масса относились к ним с недоверием, как к заведомым врагам и контрреволюционерам. Красные командиры, окончившие военно-учебные заведения в Советской России, считали бывших офицеров своими конкурентами в борьбе за командные посты, относились к ним враждебно, интриговали против них, пользуясь своей близостью к власти и партийными связями. Возник даже термин «спецеество», отражавший неприятие бывших офицеров в армии рабочих и крестьян. Видный военспец А.А. Свечин сообщил в показаниях по делу «Весна»: «С самого начала моего пребывания в РККА я ощущал атмосферу недоверия ко мне, как к бывшему генералу, отчего возникало известное расхолаживание в сознании бесплодности моих усилий»⁷⁵.

По утвержденному Троцким положению о военных комиссарах и членах военных советов: «Вся работа происходит на глазах комиссара, но руководство в специально-военной области принадлежит не комиссару, а работающему с ним руку об руку военному специалисту.

Комиссар не отвечает за целесообразность чисто военных, оперативных, боевых приказов. Ответственность за них падает целиком на военного руководителя. Подпись комиссара под оперативным приказом означает, что комиссар ручается за данный приказ как за продиктованный оперативными, а не какими-либо иными (контрреволюционными) соображениями. В случае неодобрения чисто военного распоряжения, комиссар не задерживает его, а только доносит о своем неодобрении стоящему выше Военному Совету. Только такой оперативный приказ может быть задержан, относительно которого комиссар приходит к обоснованному выводу, что приказ продиктован контрреволюционными мотивами»⁷⁶. Впрочем, некоторые бывшие офицеры были убеждены, что люди без военной подготовки, какими являлись комиссары, на самом деле не могли контролировать распоряжения военспецов, так как не разбирались в военных вопросах.

Несмотря на недоверие, комиссары должны были оберегать военспецов от солдатских масс и разъяснять бойцам смысл и значение привлечения бывших офицеров в новую армию⁷⁷. Другой функцией комиссаров был политический контроль за военспецами и предотвращение измен. Не все комиссары были к этому надлежащим образом подготовлены. Тем более что для успешной работы необходимо было обладать не только военными знаниями, но и чувством такта. Не случайно в одном из документов в декабре 1918 г. отмечалось, что «за последнее время наблюдаются случаи, когда комиссары, неправильно понимая приказ о необходимости усилить контроль за военными специалистами, окружают командный состав атмосферой подозрения и личного недоверия, что, с одной стороны, создает для честно работающих воен[ных] специалистов обстановку, в которой работать не представляется возможным, и, с другой, колеблющихся побуждает искать выхода, почему в критический момент многие из числа могущих быть полезными на службе в армии перебегают к противнику. Комиссар должен быть уверенным и спокойным как представитель Советской власти, воздействуя тем самым на военных специалистов... комиссар не должен превращать контроль в мелочную придирчивость, подчеркивая в то же время строгость и точность в исполнении возложенных на него обязанностей»⁷⁸.

Интересно, как большевики разъясняли рядовым красноармейцам потребность в привлечении на службу офицерства старой армии:

«Приходится покуда иметь рядом с красными офицерами командный состав из старых офицеров. Но строй армии таков, что командный состав не имеет того значения, что в прежней армии. Он имеет исключительно технические функции. Выбирать его пока еще не следует. Красноармейцы могут выбирать хорошего товарища, но командир он будет плохой. Что из того, что он хороший товарищ, когда своим неумением он может погубить многих красноармейцев. Назначенный, который знает свое дело, этого не сделает. С другой стороны, не надо забывать того, что за командиром следит Политком.

Бывает иногда измена, но зато польза от старого офицерства в тысячи раз больше, чем вред возможных при контроле измен. Многие уже свыклись с Советской властью и стали ее друзьями. Если бы не старое офицерство, мы не имели бы такой сильной на научных началах организованной армии, ибо рабочие и крестьяне не имеют таких знаний, как они.

Командиру надо подчиняться. Иногда красноармейцам кажется, что командир — изменник, они отказываются подчиниться его команде, и благодаря этому терпят поражение и напрасно погибают сотни, а иногда и тысячи товарищей. Командиру надо беспрекословно подчиняться. Измена может быть одна на тысячу. А никто ведь не отказывается ездить на пароходах потому, что из тысячи пароходов один, вероятно, потонет, благодаря разным причинам и между прочим благодаря тому, что капитан одного парохода может оказаться одновременно и главарем бандитской шайки»⁷⁹.

Число изменников было довольно велико. Это были как белые подпольщики, действовавшие в РККА, так и дезертиры, бежавшие из армии. За период 1918–1920 гг. из РККА дезертировал каждый третий генштабист — в общей сложности свыше 500 человек⁸⁰. В ряде случаев происходили коллективные измены. Так произошло, например, летом 1918 г. с Военной академией, штабом Приволжского военного округа, летом — осенью 1919 г. с полевым штабом 14-й армии и штабом 8-й армии. В отношении военспецов-перебежчиков в целом счет шел как минимум на тысячи. Подобное поведение связано во многом с бесправным положением бывших офицеров в Советской России, где их жизнь и судьба зависели от прихоти политработников и чекистов.

Для повышения лояльности специалистов и предотвращения многочисленных измен были приняты серьезные меры. Как еще в 1962 г.

справедливо отметил советский историк С.А. Федюкин, «фактов измены и предательства было бы значительно больше, а последствия их тяжелее, если бы партия не установила твердого и бдительного контроля за деятельностью военных специалистов в лице института военных комиссаров»⁸¹. Первоначально вся ответственность за измены военспецов возлагалась на комиссаров, однако события лета 1918 г. показали недостаточность такого контроля. Комиссары не могли предотвращать измены даже в немногочисленной касте генштабистов, не говоря уже об остальной офицерской массе. Взаимоотношения командиров и комиссаров приобретали личностный характер, при котором имели место как конфликты и конфронтации, так и симпатии. Не случайно, председатель РВСР Троцкий 21 мая 1919 г. сообщал своему заместителю Э.М. Склянскому для последующей передачи Ленину: «Эти фронтовые привязанности — наша общая беда»⁸². Разумеется, наличие дружеских отношений командиров и комиссаров вело к снижению уровня контроля над военспецами. Недостаточность комиссарского контроля для предотвращения измен привела к поискам иных форм борьбы с изменой.

Одним из способов было устрашение. В частности, 30 ноября 1918 г. Л.Д. Троцкий издал приказ об арестах членов семей изменников из представителей командного состава РККА. Впрочем, эта мера в силу разных причин распространения не получила.

Еще одним способом держать офицеров в напряжении были их произвольные и необоснованные аресты. Многие аресты просто невозможно логически объяснить. Объяснение им дал член РВСР К.А. Мехоношин: «К арестам же и обыскам специалистов я могу лишь порекомендовать относиться более спокойно — это есть одна из форм контроля и воздействия на них, дабы предавать и изменять было бы не так легко и без риска, что многих слабодушных удержит от измены»⁸³. Разгул террора против офицеров вызвал появление в августе 1918 г. докладной записки Всероссийского главного штаба в коллегию Наркомата по военным делам, в которой прямо отмечалось: «Проводимые ныне в отношении офицеров меры являются актами даже не классовой борьбы, а борьбы с профессией и притом с такой, которая необходима для Государства при всяких условиях его жизни»⁸⁴.

На VIII съезде РКП(б) во второй половине марта 1919 г. развернулась масштабная дискуссия об использовании военспецов в Красной

армии. Противниками политики массового привлечения военспецов была группировка, неформальным лидером которой выступал член ЦК РКП(б) И.В. Сталин (впрочем, всегда оставлявший себе свободу маневра). Ленин тогда поддержал отсутствовавшего Троцкого и подчеркнул важность использования культурно-буржуазного аппарата, не прибегая к излишнему притеснению специалистов, но контролируя их работу.

Именно на плечи военспецов легла вся техническая работа по формированию новой армии. По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, военспецы составляли 85% командующих фронтами, 100% начальников фронтовых штабов, 82% командармов, не менее 91% начальников армейских штабов, до 70% начальников дивизий и свыше 50% начальников штабов дивизий, более 90% преподавательского состава военно-учебных заведений периода Гражданской войны⁸⁵, что свидетельствует об их решающем вкладе в дело создания РККА. Не случайно В.И. Ленин весной 1920 г. неоднократно отмечал, что без военспецов не было бы ни Красной армии, ни ее побед⁸⁶. Подтверждают это и свидетельства белых военачальников. Так, видный деятель Белого движения на Востоке России генерал В.М. Молчанов в эмиграции отметил, что «спецы, которые служили в Красной армии, причиняли нам большой вред, потому что у них была высокая квалификация и опыт в военном деле»⁸⁷.

Постепенно в Красной армии стали складываться группировки партийных лидеров и поддерживавших их крупных военспецов. Военрук Высшего военного совета, а позднее начальник Полевого штаба РВСР М.Д. Бонч-Бруевич, главком С.С. Каменев и командующий Кавказским и Западным фронтами М.Н. Тухачевский были выдвинутыми Лениным. Выдвинутыми Сталина считались командующий Южным и Юго-Западным фронтами А.И. Егоров и командующий 14, 9 и 13-й армиями И.П. Уборевич. Главком И.И. Вацетис мог считаться ставленником Троцкого. В то же время занимавшийся практической военно-административной работой Троцкий, в отличие от политиканствовавших и интриговавших Ленина и Сталина, был в большей степени ориентирован на достижение успехов на фронтах и укрепление Красной армии, безотносительно того, чьими выдвинутыми были те или иные военачальники. По этой причине он не имел достаточного количества своих ставленников в высшем командном составе. Конфликты в большевистском руководстве нередко вели к резонансным делам в отношении военных специалистов, пользовавшихся покровительством тех или

иных партийцев. Например, такой характер носили массовые аресты военспецов в Полевом штабе Реввоенсовета Республики в июле 1919 г., в результате которых сменилось высшее военное руководство Советской России. Существуют различные версии этих событий, за которыми стояли Ленин, Сталин и Троцкий.

Важнейшей задачей большевиков было выстраивание мощной армии, в которой, несмотря на приоритетное положение партии, должен был все-таки существовать некий баланс интересов комиссаров и военспецов (при том, что буйные головы встречались как среди одних, так и среди других), поскольку было ясно, что одним принуждением эффективную армию не построить.

Многие бывшие офицеры служили в Красной армии отнюдь не из-под палки. Как отмечал в конце 1918 г. Л.Д. Троцкий, «советской власти совершенно ясно, что многие тысячи и десятки тысяч офицеров, вышедших из школы старого режима, получивших определенное буржуазно-монархическое воспитание, не могли сразу освоиться с новым режимом, понять его и научиться его уважать. Но за 13 месяцев советской власти для многих и многих из бывших офицеров стало ясно, что советский режим есть не случайность, а закономерно выросший строй, опирающийся на волю трудовых миллионов. Для многих и многих из бывших офицеров стало ясно, что никакой другой режим не способен сейчас обеспечить свободу и независимость русского народа от иноземного насилия»⁸⁸.

Известны случаи героического поведения военных специалистов. Некоторые за совершенные подвиги были награждены орденом Красного Знамени. Например, приказ о награждении командира Ударной Огневой бригады 51-й стрелковой дивизии бывшего штабс-капитана И.А. Ринка звучал следующим образом: «Командир Ударной Огневой бригады 51[-й] стрелковой дивизии, тов. **Ринк*** Иван Александрович — за выдающиеся мужество, храбрость и распорядительность в бою на Каховском плацдарме 15 авг[уста] 1920 г. против частей конного корпуса генерала Морозова. В этом упорном бою тов. Ринк, командуя 457[-м] полком, в течение нескольких часов выдерживал ожесточенные атаки более сильного противника, несмотря на страшное утомление и потери полка, изнемогавшего в неравной борьбе. Видя необходимость поддерживать передовые части, тов. Ринк, не имея резервов, собрал небольшую

---

* Выделено в документе.

группу истомленных жаждой и долгим боем красноармейцев и сам с винтовкой в руках повел их против атакующей кавалерии противника. Хладнокровие и спокойствие начальника воодушевили товарищей красноармейцев, которые продержались до темноты, когда противник вынужден был отступить.

По принятии Ударной Огневой бригады, тов. Ринк своими знаниями и преданностью делу значительно содействовал поднятию боеспособности бригады и вместе с ней блестящему выполнению поставленных бригаде боевых задач, благодаря чему был взят Перекопский вал, сломлено упорное сопротивление противника в междуозерном дефиле Перекопского перешейка и отрезан блестящим маневром выход на юг из междуозерных дефиле коннице Барбовича»⁸⁹.

Бывший генерал-майор А.П. Николаев, командовавший бригадой 19-й стрелковой дивизии, был взят белыми в плен в мае 1919 г. под Ямбургом. За отказ перейти к белым на службу его повесили⁹⁰. Аналогичный поступок совершил бывший генерал-майор А.В. Станкевич, командовавший 55-й стрелковой дивизией РККА. Попав в плен к белым на Южном фронте в октябре 1919 г., он отказался перейти к ним на службу, за что подвергся жестоким пыткам и был повешен. Позднее Станкевича с воинскими почестями похоронили у Кремлевской стены. Николаев и Станкевич были посмертно награждены орденами Красного Знамени.

Режим работы военспецов, в особенности специалистов Генерального штаба, был крайне напряженным. Из-за кадрового дефицита многие работали практически без отдыха, иногда по 17–19 часов в сутки. Работа без сна на протяжении нескольких дней была обычным явлением. При этом отношение к специалистам со стороны политического руководства было нередко исключительно потребительским — максимально использовать их знания и опыт, не считаясь с нагрузкой.

Для покрытия кадрового дефицита предлагались порой оригинальные способы. Так, Л.Д. Троцкий 1 января 1919 г. телеграфировал в Рязань в штаб 2-й стрелковой дивизии: «Недостаток офицер[ов] Генерального штаба не позволяет сосредоточить их в отдельных дивизиях, при крайней нужде фронта предлагаю комбинировать генштабов, бывших кадровых офицеров, бывших унтер-офицеров и новых красных офицеров в такой пропорции, чтобы командный состав не впадал в тупик, а был проникнут боевым революционным духом»⁹¹.

При содействии военспецов большевики смогли восстановить сеть дореволюционных военных училищ и академий, а часть военно-учебных заведений была создана с нуля, в том числе академия Генерального штаба.

Среди военспецов оказалось немало таких, кто сумел приспособиться к условиям и требованиям новой армии и даже сделал в ней стремительную карьеру. При отсутствии в Красной армии воинских званий карьера тогда определялась занимаемыми должностями. В период 1917–1922 гг. для быстрого должностного роста в Красной армии требовались личные качества и профессиональные умения, а также лояльность большевистской власти. Важную роль могла играть протекция со стороны того или иного партийного руководителя. Покровительственным и, в целом, доброжелательным отношением к военспецам среди большевистской элиты, например, известны Л.Д. Троцкий, С.И. Аралов (сам являвшийся бывшим офицером), М.В. Фрунзе. Впечатляющей карьерой за годы Гражданской войны могли похвастаться из числа бывших офицеров И.И. Вацетис, С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, А.И. Корк, М.И. Василенко (успевший послужить в 1918–1919 гг. даже у белых на Восточном фронте), дослужившиеся до уровня главнокомандующих, командующих фронтами и армиями — высших постов в советской военной иерархии.

Несколько бывших офицеров стали членами высшего органа советского военного управления — Реввоенсовета Республики. Среди них были бывшие полковники И.И. Вацетис и С.С. Каменев, бывший контр-адмирал В.М. Альтфатер, бывший подпоручик В.А. Антонов-Овсеенко, бывший штабс-капитан С.И. Аралов, бывший прапорщик Д.И. Курский, бывший мичман Ф.Ф. Раскольников. Таким образом, из 23 членов РВСР было 7 военспецов (хотя к дезертировавшему еще в Русско-японскую войну Антонову-Овсеенко термин «военспец» может относиться весьма условно), или 30,4% всех членов РВСР, причем Вацетис, Каменев и Альтфатер, которые единственные из всех членов РВСР являлись действительно квалифицированными военспецами, оставались тогда беспартийными.

Однако талантливые и популярные у красноармейской массы военачальники, обладавшие лидерскими качествами и харизмой вождей, вызывали обеспокоенность большевистского руководства, опасавшегося развития событий по бонапартистскому сценарию, когда на гребне революционной волны могла родиться военная диктатура. По этим

причинам популярных военных руководителей старались устранять. В этом отношении показательна расправа большевиков с возглавившим 2-ю Конную армию бывшим войсковым старшиной Ф.К. Мироновым, арестованным по ложному обвинению и расстрелянным в тюрьме в 1921 г.⁹²

Способом ухода от гнетущей действительности стало пьянство, позволявшее на время забыть о комиссарах и чекистах, отвлечься от воспоминаний об утраченной прежней жизни. Длительные запои целых штабов не были редкостью. Широкою огласку приобрел инцидент с двухнедельным пьянством командующего 14-й советской армией И.П. Уборевича и члена РВС Г.К. Орджоникидзе в 1920 г., когда приводить в чувство незадачливых военных работников пришлось самому В.И. Ленину⁹³. О пьянстве главкома И.И. Вацетиса вспоминал его товарищ по службе бывший генерал А.Л. Носович, бежавший из Красной армии осенью 1918 г.: «В первый же день Вацетис пригласил меня обедать в штаб. Надо сказать, что встретил он меня обращением на “ты”, и вместо доклада мы дружески болтали. Во время закуски и обеда я был все время в центре его внимания. “Ну, брат, теперь выпьем... А что же теперь нам, военным, осталось, как не женщины, выпить, хорошо поесть и воевать...”»⁹⁴

Получили распространение и наркотики. Так, командующий 2-й советской армией В.И. Шорин, а также некоторые работники штаба армии в 1919 г. посещали проституток и кокаинисток Н.С. Соловьеву и Е.И. Сурконт, у которых также бывали агенты белых. Отрицательное влияние этих увлечений армейского руководства на штабную работу было ощутимым — Шорин и член РВС В.И. Соловьев стали реже появляться на службе, вызывая себе вели, компрометировали советскую власть, бывая со своими спутницами в общественных местах, а Соловьев даже попытался из-за женщины покончить с собой и получил ранение. По данным следствия, Сурконт угощала кокаином и легендарного начальника 28-й стрелковой дивизии В.М. Азина, из-за чего «до того времени цветущий и здоровый человек... стал совершенно больным»⁹⁵. Ранее Сурконт якобы сожительствовала с главнокомандующим Восточным фронтом М.А. Муравьевым.

Ради пользы дела большевики готовы были мириться даже с отдельными способными военспецами, замешанными в коррупционных делах. Таким незаменимым человеком, к примеру, являлся бывший штабс-капитан, начальник Центрального управления военных сообщ-

щений РККА М.М. Аржанов, который успешно обеспечивал работу военных перевозок в Гражданскую войну. В то же время Аржанов допускал в работе значительные имущественные злоупотребления своим служебным положением⁹⁶.

Представление о характере службы бывших офицеров в Красной армии в разгар Гражданской войны дает официальная диаграмма распределения убыли летчиков из красного военно-воздушного флота в 1918–1919 гг. Всего из рядов советской авиации за это время выбыли 554 летчика. Из них 56 разбились насмерть, 59 пропали без вести, 92 получили ушибы и увечья, 18 умерли от ран, 15 были уволены по болезни, 63 дезертировали, 43 попали в плен, 92 арестованы, 39 перебежали и перелетели к противнику, 9 расстреляно, 68 выбыли по разным причинам⁹⁷. Суммарно дезертировали, перебежали и перелетели к противнику 102 человека. При суммировании с пленными — 145 человек, или 26,2%, по тем или иным причинам оказались в лагере противника или сбежали от большевиков, 13,4% погибли или умерли от ран, 19,3% оставили службу из-за ранений и болезней, 16,6% были арестованы, 1,6% были расстреляны. К началу 1920 г. в строю оставалось только 378 летчиков⁹⁸. Таким образом, до 44,4% потерь были связаны с пленом, дезертирством и репрессиями. Как уже отмечалось, дезертировать летчикам было сравнительно легко.

Советско-польская война вновь вызвала всплеск патриотических настроений в офицерской среде. В мае 1920 г. в центральных газетах было опубликовано знаменитое воззвание бывшего генерала А.А. Брусилова и ряда других старых генералов «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились» с призывом сплотиться в борьбе с внешним врагом. Однако это был лишь способ патриотического заигрывания с офицерством. Выпуск этого возвания оказал значительное влияние на тех бывших офицеров, которые еще не служили в Красной армии. Многие белые офицеры, поверившие этому возванию и сдавшиеся большевикам, были затем репрессированы.

К концу Гражданской войны комсостав Красной армии пополнился бывшими офицерами из белых и национальных армий. К 1 января 1921 г. таких было около 12 тысяч человек, или 5,53% комсостава РККА⁹⁹. В 1921 г. на учет было принято еще 2390 бывших белых офицеров. Среди этой категории военспецов оказались будущие Маршалы Советского Союза И.Х. Баграмян (бывший прапорщик) и Л.А. Говоров (бывший подпоручик)¹⁰⁰.

Однако от белогвардейцев старались избавляться, поэтому в результате увольнений в Красной армии было оставлено только 1975 бывших белых офицеров, что составило 2,3% командного состава. Из этого количества 33,3% не подлежали увольнению, так как являлись высококвалифицированными специалистами. В белом лагере подобное внимательное отношение к пленным военспецам и их активное и массовое использование на ответственных постах было невозможно. Бывшие белые офицеры были источником постоянного беспокойства советских органов госбезопасности. Для контроля над ними проводились неоднократные регистрации, неучастие в которых было уголовно наказуемо. В 1924–1927 гг. было проведено снятие бывших белых офицеров с особого учета, фактически ставшее новой перерегистрацией.

По данным на 1921 г., образовательный уровень командного состава Красной армии был следующим (табл. 1).

Таблица 1

Образовательный уровень комсостава РККА на 1921 г. (в %)¹⁰¹

Разряды должностей	Процентное соотношение					
	Окончили академию Генерального штаба	Бывшие кадровые офицеры	Бывшие офицеры военного времени	Окончили академию Генерального штаба РККА	Окончили командные школы и командные курсы РККА	Окончили учебные команды и не получившие военного образования
Высший комсостав	3,26	29,69	38,02	1,79	6,29	17,21
Старший комсостав	0,42	12,26	45,26	0,18	15,50	24,10
Весь комсостав (до командиров взводов включительно)	0,28	3,71	24,99	0,11	26,17	41,55

Итак, 41,5% комсостава не был подготовлен для занятия командных должностей. Такова была цена создания массовой армии.

Коммунистов в высшем комсоставе в 1921 г. было 41,1%. Всего в 1920 г. партийного комсостава насчитывалось лишь 10,5%. Интересно, что никто из военспецов, занимавших высшие посты в РККА того времени, не был партийным. Беспартийными были и М.Д. Бонч-Бруевич, и главкомы И.И. Вацетис и С.С. Каменев (вступил в партию только в 1930 г.), и начальники Полевого штаба РВСР Н.И. Раттэль, П.П. Лебедев и Ф.В. Костяев, и другие, усилиями которых была достигнута победа красных в Гражданской войне. В то время членство в партии еще не воспринималось как необходимость для продвижения по службе или укрепления своего положения.

Данные о командном и административном составе РККА за 1922 г. представляются следующими (табл. 2).

Таблица 2

Командный и административный состав РККА в 1922 г.¹⁰²

Год рождения	Число лиц	В %-ном отношении
1850–1854	1	0,001%
1855–1859	—	—
1860–1864	49	0,054%
1865–1869	90	0,098%
1870–1874	215	0,233%
1875–1879	363	0,394%
1880–1884	1102	1,086%
1885–1889	4288	4,702%
1890–1894	12508	13,549%
1895–1899	52520	56,921%
1900–1904	21182	22,946%
1905	14	0,016%
Итого	92332	100%

Согласно таблице 2, комсостав Красной армии был очень молодым — 93,4% командно-административного состава РККА в 1922 г. находились в возрасте 18–32 лет, в том числе около 57% в возрасте 23–

27 лет. По данным отчета Наркомата по военным и морским делам, в 1922 г. в РККА числилось: 4710 кадровых офицеров, получивших образование до 14 июля 1914 г., 16 592 офицера военного времени, 39 896 командиров без военной подготовки, 220 выпускников военных академий¹⁰³, 2372 выпускника высших школ, 12 752 выпускника школ и курсов комсостава¹⁰⁴. Из этих данных следует, что в конце Гражданской войны военных специалистов оставалось не более 23% комсостава.

Доля бывших офицеров в командном составе РККА постепенно снижалась. Если в 1918 г. они составляли 75% комсостава, то в 1919 г. — уже 53%, в 1920 г. — 42% и в конце 1921 г. — 34%. У этого процесса были объективные (подготовка новых кадров красных командиров, преклонный возраст некоторых военспецов) и субъективные причины (очищение командно-начальствующего состава от «классово чуждых» элементов и репрессии). Некоторые бывшие офицеры в 1920-е гг. легально и нелегально уехали из Советской России за рубеж.

По данным на 10 февраля 1931 г., в сухопутных и военно-воздушных силах, а также в центральном аппарате было 6328 бывших офицеров, в том числе 1055 кадровых и 122 бывших белогвардейца, что составляло 12,5% начальствующего состава¹⁰⁵. Процент военспецов в высшем командном составе был существенно выше, доходя до 67,6% в сухопутных войсках.

Советские органы госбезопасности обладали исчерпывающей информацией о положении и взаимоотношениях в среде бывших офицеров в СССР. В их среду активно внедрялась секретная агентура из таких же военспецов. Органами госбезопасности для служебного пользования издавались книги учета бывших белых офицеров (к примеру, лишь одна такая книга, подготовленная в 1931 г. ГПУ УССР, содержала сведения на 21 тысячу офицеров и военных чиновников¹⁰⁶). Как и до революции, офицеры в СССР оказались связаны круговой порукой. Если до 1917 г. она проявлялась в корпоративном духе офицеров, в их многовековых традициях и принципах, то теперь такая порука была им навязана извне, органами госбезопасности и режимом, и сводилась к необходимости доносить обо всем подозрительном. Фактически органы ОГПУ — НКВД переложили немалую часть своей работы на тех, кого сами должны были контролировать.

Массовые репрессии 1930-х гг. (дело «Весна» 1930–1931 гг. и Большой террор второй половины 1930-х гг.) нанесли тяжелый удар по бывшим офицерам, немалая часть которых была уволена из армии, необосно-

ванно арестована и расстреляна. Жертвами репрессий стали многие из тех, кто внес наиболее весомый вклад в создание Красной армии и в ее победу в Гражданской войне (И.И. Вацетис, А.И. Геккер, А.И. Егоров, А.И. Корк, Н.И. Раттэль, А.А. Свечин, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич и многие другие). Немногочисленные уцелевшие после чисток и продолжавшие служить в Красной армии бывшие офицеры приняли участие в Великой Отечественной войне, внося свой посильный вклад в дело победы над нацизмом.

Военные специалисты сыграли важнейшую роль в создании и укреплении Красной армии. Благодаря их деятельности Красная армия сохранила преемственность от старой русской армии. Наличие среди военспецов многих высокообразованных офицеров способствовало повышению интеллектуального уровня Красной армии. Несмотря на трудное существование в советских условиях, недоверие, репрессии, военспецы сумели передать свои знания и опыт следующим поколениям советских командиров, что в конечном итоге способствовало как победе в Великой Отечественной войне, так и превращению Советской армии в самую грозную вооруженную силу в мире в послевоенный период.

ОФИЦЕРЫ В БЕЛЫХ АРМИЯХ

Офицерство сыграло важнейшую роль в истории Белого движения, выступило в качестве его движущей силы. Само это движение было создано и возглавлялось кадровыми офицерами, выражало их мировоззрение и идеалы.

Офицерская масса в основном встретила большевистский переворот пассивно. В центрах страны, а также в центрах военных округов в тот период концентрировались десятки тысяч офицеров (в Москве — по разным оценкам около 50 тысяч, в Киеве — 20–40 тысяч, в Харькове — 12 тысяч, в Ростове-на-Дону и Херсоне — по 15 тысяч, в Пскове, Минске, Екатеринодаре и Симферополе — по 10 тысяч, в Полтаве и Житомире — по 5000 офицеров, более 17 тысяч офицеров числились в гарнизонах Казанского военного округа¹⁰⁷), однако они не поддержали ни новую власть, ни ее противников. Важно отметить, что офицерство в немалой степени оказалось сосредоточено в

городах, контролировавшихся советской властью. Непосредственно в послеоктябрьский период (с октября 1917 по февраль 1918 г.) против большевиков по всей бывшей Российской империи выступили только несколько тысяч офицеров¹⁰⁸.

В белые армии, в которых в основном сохранялись нормы старой императорской армии, шли те, кто уверенно продвигался по служебной лестнице до 1917 г. и имел для этого достаточные знания и навыки работы. Более того, служба в антибольшевистских формированиях для значительной части бывших офицеров Русской императорской армии, при их традиционной системе мировоззрения, носила в гораздо большей степени идейный характер, чем служба в РККА, и вдобавок не являлась принудительной. Иными словами, в антибольшевистских армиях, в отличие от РККА, для офицерства существовали более приемлемые условия.

Причины добровольного поступления офицеров в белые армии, о которых будет сказано ниже, с теми или иными особенностями характерны для всех белых армий и фронтов. К белым шли патриотически настроенные офицеры, которые ощущали резкое неприятие разложения армии, идеологии и пропаганды пораженчества, пропаганды классовой и сословной розни, которую вели большевики. Для многих из них большевики ассоциировались с германским шпионажем и олицетворяли внешнего врага. Приход их к власти в стране казался предвестником окончательной гибели государства.

При этом многие, даже образованные офицеры, будучи далеки от общественно-политической жизни, не могли разобраться в текущих событиях и мыслили примитивными категориями темных обывателей. Бывший колчаковский генерал В.Н. Касаткин наивно записал в эмиграции: «До 1917 г. существовала одна эра — эпоха христианская; после 1917 г. настала другая — антихристианская. Две тысячи лет тому назад пришел мир Христа и основал мир Добра и Любви. В 1917 г. пришел в мир Ленин и основал мир зла и ненависти»¹⁰⁹.

Вовлеченный в политическую жизнь еще до революции и ориентировавшийся в этом вопросе несколько лучше своих товарищей полковник Б.А. Энгельгардт удачно охарактеризовал настроения конца 1917 — начала 1918 г. среди «бывших» людей, в том числе офицеров: «Представления о социализме и коммунизме у большинства этих людей... были самые примитивные, и поскольку они легко примирились со свержением царя и продолжали работать при Керенском, сдвиг от

Керенского к Ленину не должен был казаться им непреодолимым. И Керенский и Ленин находились оба за границей их политических представлений, а разобраться в том, какая пропасть отделяла Ленина от вожakov Временного правительства, они не умели. Но всех этих людей пугали решительные меры, направленные к полной ликвидации старого уклада жизни. Они видели перед собой разрушение всего того, к чему они “привыкли”, того, что в их глазах олицетворяло русскую государственность»¹¹⁰.

В политическом отношении многих офицеров удовлетворяли лозунг «единой и неделимой России» и программа генерала Л.Г. Корнилова с курсом на твердую власть военной диктатуры, наведение порядка в стране и созыв Учредительного собрания, которое должно было предопределить характер будущего государственного устройства. Однако по мере разрастания Гражданской войны ряды белых пополнялись офицерами, придерживавшимися и других политических взглядов, что не могло не размывать политическую платформу белых, делая ее более аморфной. Как отмечал современник, «идеологические расхождения сказывались и в среде вождей Добровольческой армии: Деникин и Романовский на многое смотрели другими глазами, чем Драгомиров и Лукомский... Взгляды на устройство этого старого мира бывали у них так различны, что это губительно действовало на общую работу»¹¹¹.

Базировавшийся на игнорировании общественно-политической жизни общества примитивизм понимания политической стороны событий 1917–1922 гг. отличал лидеров Белого движения (впрочем, мировоззрение военспецов было таким же). Генерал А.Ф. Матковский на судебном процессе над колчаковскими министрами дважды отказывался отвечать на вопрос, что он понимает под политикой, лишь после третьего настояния обвинителя он сообщил, что политикой считает «вмешательство в руководство государственной жизнью»¹¹². Характерно описание принятия генералом А.И. Деникиным внутривнутриполитической программы, разработанной для него кадетом Н.И. Астровым в конце 1919 г. После зачитывания пунктов программы главком ВСЮР заявил присутствующим на совещании: «Все это лирика»¹¹³, однако вскоре эта программа появилась в наказе Деникина. Современники отмечали, что Деникин легко поддавался под влияние политических советников, поскольку сам в политике не разбирался и не хотел ею заниматься.

Об уровне политической сознательности представителей белого командования свидетельствует характерная зарисовка современника: «Генерал Ф.Ф. Абрамов... был просто солдат и как таковой знал только одну политику — беспрекословное повиновение своему начальству. Я работал бок о бок с ним свыше года и не только не мог определить его политической физиономии, но даже узнать, есть ли у него вообще какие-нибудь политические взгляды. Это была бессловесная машина, заведенная в определенном направлении»¹¹⁴. Разумеется, подобные неосознательные военачальники были слабым ориентиром для тех, кто им подчинялся. Неудивительно, что выступления Абрамова перед казаками были сухими и не оставляли никакого следа¹¹⁵.

Конечно, лидеры белых не могли вовсе уйти от ответов на злободневные политические вопросы, хотя, учитывая то, как тяготились политикой белые генералы, они предпочли бы совершенную аполитичность, если бы это только было возможно. По сути, известный ограниченный набор политических лозунгов (принцип «непредрешенчества» будущей формы правления в стране, ликвидация большевизма и передача всей власти Учредительному собранию, которое будет решать судьбу страны) стал своеобразной формой ухода белой военной элиты от мучительных и непонятных политических вопросов. На разных фронтах эти вопросы решались со своими особенностями, но в целом схожим образом. Абсолютное большинство так называемых белых вождей оказались приверженцами курса кадетской партии. В ряде случаев такие лидеры были готовы на различные компромиссы и союзы с представителями других политических сил. Например, оренбургский атаман А.И. Дутов был склонен к сотрудничеству со всеми противниками большевиков от крайне правых до социалистов. Подобная аморфность и разнородность течений, отсутствие единой идеологии стали отличительными чертами Белого движения и отчасти предопределили его неудачу.

* * *

Наиболее мощным антибольшевистским фронтом Гражданской войны стал фронт, постепенно возникший на Юге России. Именно здесь в начале 1919 г. в единую структуру соединились разнородные вооруженные формирования. Очевидно, что этот фронт привлек и наибольшее количество офицеров, стремившихся бороться с красными. Офи-

целство белых формирований Юга России было неоднородным и по своему социальному составу, и по политическим взглядам. Разумеется, были у этих людей и общие качества и особенности.

В конце 1917 г. противники большевиков, жаждавшие активной борьбы, бежали с фронтов или из центра страны на Дон, где генерал М.В. Алексеев формировал Добровольческую армию. Наиболее мотивированное и сплоченное идейное ядро и руководство этой армии составили почти исключительно участники не удавшегося в августе 1917 г. выступления генерала Л.Г. Корнилова, арестованные в городе Быхов (рядом со Ставкой в Могилеве, где многие прежде служили) и бежавшие оттуда в ноябре на Юг.

В белые армии попадали и офицеры, проживавшие на окраинах страны, контролировавшихся антибольшевистскими правительствами. Формировавшиеся для распыления антибольшевистских сил при поддержке Германии армии монархической и прогерманской ориентации (Южная и Астраханская армии) привлекали приверженцев соответствующих течений.

Полковник Б.А. Штейфон так описывал свои переживания рубежа 1917–1918 гг. и причины перехода к борьбе с большевиками: «В душе горело не замирающее чувство национальной обиды. Чувство и рассудок не могли примириться с создавшимся положением и подсказывали, что надо что-то делать. О Добровольческой армии я ничего не знал. Мысль лихорадочно работала в одном и том же направлении: почему анархическая солдатская масса осилила элементы порядка? Почему зверь победил человека? Трудно, да и невозможно было в те дни разобраться в причинах русской трагедии. Ясно стало только одно: зверь победил потому, что действовал скопом, а человек — разрозненно. Следовательно, необходимо было прежде всего или создать какую-то организацию, или, если таковая уже имелась в Харькове, — вступить в ее состав...

Лик революции всегда отвратителен. Российская революция, вызвавшая высокие лозунги, принесла, прежде всего, полное забвение права и полную переоценку решительно всех духовных ценностей. Никогда, даже в самые черные дни опричнины или биро[но]вщины, насилие и произвол не владели нашей несчастной Родиной так, как в эпоху революции. Ужасы Свеаборга, Кронштадта, Севастополя, бесчисленные насилия над офицерами на фронте, воспоминания о собственных тяжелых переживаниях, все это обостряло мою гордость и упрочивало

сознание, что невозможно, недопустимо покоряться тому циничному злу, какое совершалось именем революции. Что позорно ожидать с покорностью и с непротивлением своей очереди, когда явятся людо-звери и уничтожат меня, как беспомощного слепого щенка.

Подобные настроения диктовали и программу действий: мне представлялось необходимым организовать самозащиту, доказать морально приниженному, запуганному офицерству, что мы можем быть силой, если объединимся, если наша воля пожелает отвечать на насилие насилием. Ибо слова, убеждения, все воздействие подлинной культуры не производили никакого впечатления на большевиков. Сила, грубая физическая сила являлась фактором единственно убедительным для них»¹¹⁶.

Путь к белым с фронтов Первой мировой или из центра Советской России был сопряжен с колоссальным риском, что, разумеется, влияло на сокращение потока желающих попасть в антибольшевистские формирования, так как само по себе воплощение решения присоединиться к ним требовало большого личного мужества. В конце 1917 — начале 1918 г. офицеры были, пожалуй, самой бесправной категорией населения рухнувшей империи, их можно было безнаказанно ограбить и убить при одобрении и попустительстве возвращавшейся с фронта разложившейся солдатской массы. Сохранились десятки потрясающих воображение свидетельств о том, как офицеры пробирались в Добровольческую армию. Чтобы не быть казненными просто за офицерские погоны, они переодевались рядовыми, беженцами, гражданскими, прятались в эшелонах, пробирались к месту назначения окольными путями, избегая железных дорог¹¹⁷. Множество офицеров при этом были бессудно убиты. Постепенно красные ужесточали пропуск пассажиров на Юг, в результате чего поступление офицеров в Добровольческую армию этим путем сошло на нет.

Измученные произволом офицеры были рады укрыться в Добровольческой армии. Уже упоминавшийся Б.А. Штейфон впоследствии отметил, что, оказавшись в Добрармии, «впервые после революции я, как офицер, дышал свободно, где все было мне близко и понятно. Где я мог бы заняться привычным мне делом и перестать быть конспиратором»¹¹⁸.

Причины поступления офицеров в белые армии (помимо стечения обстоятельств и мобилизации) были многообразны. Можно отметить патриотический порыв, стремление навести порядок в стране и ар-

мии, неприятие большевизма и нерусских националистических движений, террористических методов управления, разложения армии, идеологии и пропаганды пораженчества, пропаганды классовой и сословной розни.

Другой причиной было стремление блюсти верность союзникам России по Первой мировой войне, продолжать войну с немцами до победного конца, восстановить Восточный фронт и территориальную целостность страны. Часть офицеров испытывала потребность в профессиональной самореализации, желание заниматься военным делом (служить Родине) безотносительно правящего режима. Некоторые примкнули к белым под влиянием призывов авторитетных генералов М.В. Алексеева и Л.Г. Корнилова, ранее принадлежали к участникам движения генерала Корнилова и к его сторонникам.

Разумеется, на выбор в пользу белых влиял и корпоративизм офицерства — стремление защитить права офицеров, объединиться перед угрозой террора и преследований офицерства по всей стране.

Некоторые, как и в случае с поступившими в РККА, просто продолжали служить по инерции в органах старой армии, трансформировавшихся в органы белых армий (например, в администрациях казачьих войск, военно-учебных заведениях, оказавшихся в занятых белыми районах). Схожим образом определились и те, кто оказался связан местом жительства или родственными узами с регионами, контролировавшимися белыми.

Еще одной очевидной причиной участия офицеров в Белом движении являлось стремление укрыться от антиофицерского террора, проводившегося в Советской России.

Наконец, влияли на выбор офицеров и отсутствие средств к существованию и для обеспечения семьи, материальные интересы.

Здесь следует отметить, что, по всей видимости, карьеризм не играл значимой роли среди причин перехода офицеров на сторону белых. Слишком туманны были перспективы Белого движения на этапе его зарождения. Имели место и разнообразные сочетания причин и мотивов. Например, если офицер испытывал потребность в профессиональной самореализации, но при этом негативно относился к большевикам.

На начальном этапе Гражданской войны у перехода на сторону белых было гораздо больше минусов и рисков для офицера, чем в случае занятия выжидательной позиции и пребывания по инерции на месте

прежней службы. Шансы на успех всего дела были не очевидны, а перспективы карьерного роста более чем сомнительны. В такой обстановке среди причин поступления к белым на протяжении 1917–1918 гг. преобладал идейный антибольшевизм. К тому времени, когда белые смогли развернуться и действительно стали выглядеть заманчиво в карьерном плане как возможные победители в Гражданской войне (то есть на протяжении части 1919 г.), большинство офицеров уже сделали свой выбор в ту или иную сторону. Перебежчики из Красной армии едва ли могли рассчитывать не только на серьезное карьерное продвижение у белых, но даже на забвение их прежней службы большевикам.

Полковник А.В. Черныш вспоминал о мотивах своего решения присоединиться к белым в мае 1918 г.: «До Киева я медлил с окончательным решением — куда ехать? На севере, в центре большевизма, в г. Орле была моя горячо любимая семья, жена и четверо детей. Несколько месяцев я не знал о ней ничего. Судьба ее меня до крайности волновала, тревожила. Но ехать в Орел — это значит проходить через большевистский фронт... рисковать жизнью и, в лучшем случае, стать, значит, на сторону большевиков, чтобы сохранить себя для семьи.

Другой выход был — ехать на юг, где что-то делалось — как, в каком размере, не было известно нам толком, — но факт был без сомнения. Поехать и стать в ряды поднявших меч за честь и самое существование Отечества — только во имя этого можно было пожертвовать всем и даже своей семьей. В крайности, при неудаче и этого намерения, пробраться к своим родным, отцу и матери, жившим в г. Ейске, на Кубани, и там осмотреться и выждать более подходящей обстановки для сношения с семьей или поездок туда»¹¹⁹.

Существует точка зрения, что кадровые офицеры больше ценили реальные должности, полагавшиеся им у красных, чем чины, которые могли предложить белые¹²⁰. Однако этот тезис не может быть научно доказан, поскольку едва ли офицер имел возможность сравнивать и выбирать предпочтительные условия службы в объятой хаосом стране. Думается, в обстановке идейного раскола и братоубийства, при необходимости выживать, вопрос о привилегиях и наградах был отнюдь не приоритетным.

На выбор в пользу белых армий, очевидно, влиял фактор красного террора, произвол на местах, ассоциировавшийся с большевика-

ми (хотя они не всегда были за это ответственны, особенно в период 1917 — первой половины 1918 г.). От террора и произвола страдали как сами офицеры, так и их семьи. В 1918 г. в имении Горки Могилевской губернии была убита и сожжена Елена Константиновна Дитерихс — родная сестра видного военачальника, в будущем одного из лидеров Белого движения генерала М.К. Дитерихса¹²¹. У будущего участника Белого движения полковника К.Л. Капнина в начале 1918 г. красными были убиты дядя и двоюродные братья, сам Капнин вместе с братом был вынужден скитаться по горам, сидел в новороссийской тюрьме и едва не погиб¹²². Как отмечал он сам, «чувство долга офицера и гражданина звало туда на поля битв в ряды добровольцев, дерущихся за Родину»¹²³. У штабс-капитана А.В. Туркула (впоследствии генерала, начальника Дроздовской дивизии) в конце 1917 г. в столкновении с красными матросами в Ялте погиб брат, тоже офицер, находившийся в госпитале после ранения. В итоге Туркул приобрел известность как один из самых кровожадных белых командиров, беспощадно истреблявший пленных большевиков. Ненависть таких офицеров к большевикам приобретала личный мотив, а определяющим порой становилось чувство мести.

Добровольческая армия, ставшая основой антибольшевистских формирований Юга России, была создана несколькими группами офицеров Генерального штаба, сложившимися еще до большевистского переворота. Основу армии составила организация генерала М.В. Алексеева. Второй организационной составляющей стала группа офицеров — участников выступления генерала Л.Г. Корнилова, позднее оказавшихся в заключении в Быхове и выпущенных оттуда по приказу генерала Н.Н. Духонина. Разными путями они пробрались из Быхова в Новочеркасск, где с ноября 1917 г. под прикрытием донской казачьей власти во главе с атаманом, генералом от кавалерии А.М. Калединым начали формировать новую армию. Каледин, Алексеев и Корнилов образовали своеобразный триумvirат вождей, руководивших антибольшевистским движением на Юге России в конце 1917 — начале 1918 г. Расчет М.В. Алексеева на возможность возрождения страны с Дона и Кубани оказался верным, именно южнорусское Белое движение стало наиболее мощным из антибольшевистских фронтов.

Непосредственно во главе Добровольческой армии с самого ее основания стояли генералы М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов и А.И. Деникин.

Все трое были выдающимися офицерами Генерального штаба, но каждый обладал своими особенностями. Так, Алексеев был крупнейшим стратегом и военным администратором России, но для многих офицеров являлся фигурой одиозной, ассоциировавшейся с вынужденным отречением от престола императора Николая II, произошедшим, по сути, благодаря позиции Алексеева. Не случайно на могиле Алексеева в Белграде во избежание осквернения ее монархистами долгое время было выбито только его имя «Михаил» без фамилии. Весьма характерен и развернутый отзыв Алексеева об императоре как о ничтожном, безвольном, неискреннем и глупом человеке¹²⁴. С другой стороны, многие офицеры ехали на Дон именно из-за того, что там находился авторитетный Алексеев.

С прибытием 6 декабря 1917 г. в Новочеркасск генерала Л.Г. Корнилова организация вышла из подполья, создан единый штаб Добровольческой армии. Объединение Алексеева, Корнилова и Каледина произошло под давлением со стороны московских общественных деятелей, обещавших поддержку лишь при условии совместной работы генералов¹²⁵.

Командование рассчитывало сформировать 6–10 пехотных дивизий¹²⁶, однако для этого не было ни сил, ни средств. Из-за невозможности доверять солдатам все младшие командные должности должны были замещать офицеры. В Ростове-на-Дону находилось до 15 тысяч офицеров, но лишь немногие из них поступили в Добровольческую армию, а провести мобилизацию малочисленные белые не имели сил и возможностей. До 50% первых добровольцев составляли обер-офицеры. В Добровольческую армию пробирались офицеры с фронтов, из столиц, а также из крупных центров Юга. Заметную роль в этом играла благотворительная организация «Белый крест». Только из Москвы при помощи сестры милосердия М.А. Нестерович-Берг в конце 1917 — начале 1918 г. было переброшено на Дон 2627 офицеров¹²⁷. Пополняли ряды армии и офицеры в составе уже сформировавшихся частей, например Корниловского ударного полка. Летом — осенью 1918 г. активно прибывали офицеры с Украины и из Новороссии.

Для упорядочения потока добровольцев летом 1918 г. возникла система центров Добровольческой армии (в Киеве, Одессе, Харькове, Симферополе, Тифлисе, Екатеринославе, Таганроге, на Тереке, в Тирасполе, Феодосии и Севастополе), которые направляли по-

полнения в армию в организованном порядке. Летом 1918 г. через центры было переброшено в армию, прежде всего, через Харьков и Одессу 3500 добровольцев, включая офицеров¹²⁸. Уже осенью 1918 г. в связи с переизбытком офицеров центры получили следующие инструкции по их отбору: «1) Необходимо направлять в армию обер-офицеров и солдат; из штаб-офицеров отправлять лишь тех, кои согласятся первое время быть на должностях младших офицеров; отправляемые штаб- и обер-офицеры должны иметь не свыше 40 лет от роду (имеющих свыше 40 лет брать с особым разбором); генералов, кроме получивших именные приглашения, вовсе не отправлять. Штаб-офицеров Генерального штаба, если они не пожелают служить в строю (на должности помощника командира полка), также не направлять.

2) Офицеры Генерального штаба, служившие в украинской армии, лишаются раз навсегда мундира русского Генерального штаба; в случае прибытия таких офицеров в армию, они могут поступать лишь на должности рядовых (сохраняя свои офицерские чины); то же относится и ко всем генералам (не только Генерального штаба), служившим в украинской армии после прихода немцев на Украину»¹²⁹.

Офицеры-добровольцы заключали четырехмесячные контракты, что представлялось крайне ненадежным способом удержать людей в армии. Тем более что Гражданская война затянулась, а красные с лета 1918 г. перешли к мобилизации бывших офицеров. В этой связи в ноябре 1918 г. началась мобилизация всех штаб- и обер-офицеров до 40 лет. В декабре были отменены и четырехмесячные контракты.

Позднее белыми предпринимались частичные мобилизации. Так, в январе 1919 г. такая мобилизация офицеров до 40 лет прошла в Крыму¹³⁰. Однако тысячи офицеров уклонились от поступления в Добровольческую армию.

С самого начала в армейском руководстве стали возникать конфликты, сопровождавшие Белое движение на Юге России от начала и до конца. Так, быховцы попытались отстранить генерала Алексева от руководства армией, считая его монархистом, тогда как сами были республиканцами. Сторонники Алексева оценивали быховцев невысоко, так как провал дела Корнилова по причине плохой подготовки не давал «уверенности в строгом расчете всех действий генерала Корнилова и в его умении не поддаваться на авантюру»¹³¹. Между Корниловым и Алексеевым существовала и личная неприязнь. Тем более

что Корнилов в 1917 г. угрожал арестовать Алексева и даже арестовал его сына.

Существовали разногласия и внутри самих быховцев. 29 декабря 1917 г. генерал И.П. Романовский писал жене о Корнилове: «Не лучше и на верхах. Я писал тебе, что все время занимался дипломатией, все склеивал то, что расплзлось. Раза два уже впечатление было: ну вот, наконец, склеил. Смотришь — и опять разъехалось. И сейчас, кажется, опять расплзается. Давно у меня уже закрадывалось сомнение относительно нашего приятеля, не доминирует ли у него над всем честолюбие, и теперь я прихожу к убеждению, что это так... честолюбие такое, которое не хочет ни с чем считаться, не хочет считаться с тем, что раз он прогорел и растратил свое состояние, что теперь надо бросить замашки миллионера и некоторое время посвятить накоплению состояния и при этих условиях быть иногда скромным и, может быть, занимать не первое место. И ты понимаешь, что я начинаю терять спокойствие, когда вижу, что в вопросах, когда сталкиваются интересы Родины и личные, последние доминируют»¹³². Атмосфера была столь неблагоприятной, что в 1918 г. в командном составе Добровольческой армии некоторое время существовала мысль о необходимости самороспуска армии¹³³.

Генерал М.В. Алексеев, в отличие от Корнилова, не страдал умеренным честолюбием. Он прямо отмечал: «Я ничего не искал и не ищу лично для себя. Найден другой — достойнейший — ему и книги в руки, а я или уйду в частную жизнь (пора), или остаюсь при Добр[овольческой] армии, ставя целью развитие ее до пределов, отвечающих общегосударственным задачам»¹³⁴.

В январе 1918 г. штаб Добровольческой армии переехал из Новочеркаска в Ростов-на-Дону. Численность армии к этому времени составляла около 5000 человек. Создатели Добровольческой армии при ее формировании столкнулись с немалыми трудностями. Достаточно отметить, что в январе 1918 г. до четверти всего состава пятидесятитысячной армии составляли служащие штабов и тыловых учреждений¹³⁵. Развернуть армию не удалось. Казачество, в большинстве своем, воевать не хотело. Чувство одиночества в борьбе привело донского атамана А.М. Каледина к самоубийству. В связи с неудачей борьбы с красными на Дону Добровольческая армия была вынуждена покинуть Ростов и уйти на Кубань — в 1-й Кубанский (Ледяной) поход. Полковник С.М. Трухачев, возглавивший строевой отдел штаба армии, впослед-

ствии писал: «Куда мы идем, надолго ли уходим — об этом никто не знал и не заикался. Как будто было неловко касаться этого вопроса»¹³⁶.

Как справедливо отмечал генерал Н.Н. Головин, перефразируя известное высказывание Деникина о походе армии «за синей птицей»: «Стратегия “погони за синей птицей” — плохая стратегия; в крайней своей форме она напоминает Дон Кихота, сражающегося с ветряными мельницами»¹³⁷.

Фактически никакого определенного плана действий в штабе армии не было, разведка организована не была, информация о внешнем мире практически отсутствовала, руководство в своих решениях нередко основывалось на слухах, подробная карта имелась только у самого Корнилова, причем ежедневно вечером с нее перечерчивалось 15–20 схем на ближайший период, которые рассылались частям вместе с приказами. Лишние копии оставались для штаба¹³⁸. До штурма Екатеринодара в штабе армии не имелось ни одного телефонного аппарата, не было писарей и пишущих машин.

Существовали фантастические предположения о захвате Кубани и соединении там с мифическими отрядами генерала И.Г. Эрдели (генерал там находился только в роли наблюдателя и никаких отрядов не формировал), о наступлении на Кубань в эшелонах, всерьез обсуждалось предложение отсидеться на Кубани около месяца, пока большевизм не исчезнет сам собой, и т.д. На самом деле вопрос стоял только о сохранении ценнейшего кадра из тех нескольких тысяч офицеров-добровольцев, которые по идейным соображениям поступили в армию. Кубань давала выход к Черному морю, связь с союзниками и опорой на кубанское казачество. Лишь в отдаленной перспективе белые стратеги надеялись создать более мощную вооруженную силу, и эти надежды оправдались.

Удивительные картины представлял собой 1-й Кубанский (Ледяной) поход Добровольческой армии. В условиях нехватки нижних чинов и переизбытка офицеров последние выполняли несвойственные им функции. Например, обычным делом было отправить в дозор офицеров Генерального штаба¹³⁹. Результатом стали многочисленные ранения и гибель представителей военной элиты. Достаточно отметить, что из генштабистов в период 1-го Кубанского похода был убит генерал Л.Г. Корнилов, ранены генерал И.П. Романовский (в ногу, остался в строю), полковник И.Ф. Патронов (в голову, потерял глаз). Потери армии достигали 40% первоначального состава.

Однако армию, на две трети состоявшую из офицеров, отличал высочайший боевой дух. 1-й Кубанский поход дает множество примеров героизма личного состава. Стратегические разногласия в руководстве проявились по вопросу о необходимости штурмовать Екатеринодар. Взятие столицы Кубани, по мнению генерала Романовского, давало возможность провести успешную мобилизацию казаков, прибавляло армии авторитет. С другой стороны, для штурма требовались значительные силы, а сам штурм мог быть сопряжен с серьезными потерями, опасными в виду малочисленности Добровольческой армии.

Тем не менее попытка штурма города была предпринята. В ходе осады Екатеринодара 31 марта (13 апреля) 1918 г. погиб генерал Корнилов. Командование армией принял генерал А.И. Деникин, в 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего, а в 1918 г. — помощник командующего армией, которого в войсках почти не знали.

Гибель Корнилова воспринималась в армии неоднозначно. По мнению полковника А.А. фон Лампе, изложенному в его дневниковой записи от 2 (15) августа 1919 г.: «По-моему, с Корниловым было бы много тяжелее, и мы давно, находясь под флагом стар о й* Учредилки, должны были бы, подобно уфимской Директории, пережить государственный переворот. Но с характером Корнилова и ввиду отсутствия людей, равных ему по характеру, все бы положение сильно осложнилось.

Судьба знает, что делает. Может быть, отдав судьбы армии в руки слабовольного, но, безусловно, прямого и честного Деникина — она и приведет нас к успеху. Пока в общем надо признать, что его политика оказывалась всегда правильной»¹⁴⁰.

Штаб Добровольческой армии был сформирован в основном из первоходников. Присоединившиеся к армии позднее могли выдвигаться на руководящие посты с большим трудом безотносительно их квалификации. Как следствие, белый тыл был наводнен опытнейшими генералами, не получившими должностей, а на руководящих постах зачастую оставались неподготовленные молодые офицеры, единственным достоинством которых было то, что они имели большой стаж службы у белых¹⁴¹. К примеру, генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии полковник Д.Н. Сальников считался алкоголиком,

* Разрядка фон Лампе.

причем характеризовался как «по утрам до полудня не приходивший еще в состояние полного умственного равновесия от выпивки предшествовавшего вечера»¹⁴². После скандальной вечеринки с сестрами милосердия, завершившейся дракой с его участием, Сальников был снят со своей должности. Позднее оказался у белых на Восточном фронте, где, как говорили, не принес пользы. Ему на смену пришел полковник Ю.Н. Плюшевский-Плющик, добросовестный офицер, но со средними способностями. Генерал В.В. Чернавин в этой связи констатировал, что «была же у Деникина полная возможность подобрать к себе в Ставку выдающихся офицеров Ген[ерального] штаба, талантливых, добросовестных, опытных. Выбор у него был большой, но нужны были “свои”. Вообще я пришел к заключению, что большим даром является умение выбирать помощников и сотрудников, нет, этим даром ни Деникин, ни Романовский не обладали»¹⁴³.

Показательно обсуждение Деникиным и начальником штаба армии генералом И.П. Романовским кандидатуры генерала П.Н. Врангеля, которого в начале 1919 г. хотели назначить командующим Добровольческой армией. Врангель присоединился к белым сравнительно поздно, но был выдающимся военачальником. Тем не менее его высокое назначение могло вызвать обиды, которых больше всего боялись белые вожди. В итоге Врангель все же был назначен командующим Кавказской Добровольческой армией. В результате в отставку ушел командовавший корпусом генерал Б.И. Казанович, другие, как писал Деникин, «поворчали, но подчинились»¹⁴⁴. Трудно представить, сколько талантливых офицеров не могли получить продвижения у белых из-за подобного «местничества». О невозможности аналогичных «обид» в большевистском лагере, где военспецов оценивали по их способностям, не приходится даже говорить.

По свидетельству генерала В.А. Замбржицкого, служившего на белом Юге, подбор кадров у белых не отличался продуманностью: «Мы вообще грешили в назначениях, но это отчасти происходило именно потому, что в Гражданской войне не всегда имелась возможность знать или собрать сведения о подходящих кандидатах. Прежняя система аттестаций сама собою рухнула, и если теперь не находилось человека, который мог бы замолвить словечко, то приходилось сидеть в тени и ждать у моря погоды»¹⁴⁵.

Ускоренное чинопроизводство Гражданской войны вело к появлению в штаб-офицерских и генеральских чинах совсем еще молодых

и порой неопытных людей, офицеров военного времени. Впрочем, в ряде случаев производства были вполне заслуженными и способствовали выдвижению ярких командиров, понимавших особенности Гражданской войны. Генералами в 26 лет стали корниловец Н.В. Скоблин и дроздовец В.В. Манштейн, в 27 лет генеральские погоны надел дроздовец А.В. Туркул, не имевший даже военного образования (произведен в офицеры из нижних чинов в Первую мировую войну), А.Г. Шкуро стал генералом в 31 год. Полковник Е.Э. Месснер уже в эмиграции прямо писал, что в Гражданской войне принцип старшинства неприменим, и сокрушался, что войсками Киевской области в 1919 г. руководил инертный старорежимный генерал А.М. Драгомиров, а не молодой и энергичный полковник Б.А. Штейфон, который мог бы мобилизовать на этой территории несколько дивизий, а не одни лишь местные гарнизоны¹⁴⁶.

В октябре 1918 г. Деникиным в целях ликвидации различий между гвардейскими и армейскими офицерами был упразднен чин подполковника, что привело к массовому появлению полковников (чин подполковника был восстановлен уже приказом главнокомандующего ВСЮР № 1950 от 20 августа (2 сентября) 1919 г.¹⁴⁷). В сентябре 1919 г. последовало аналогичное упразднение чина прапорщика, все прапорщики были переименованы в подпоручики.

В обстановке конфронтации с казачьими лидерами и ощутимого немецкого присутствия поблизости Добровольческая армия ушла во 2-й Кубанский поход. Армия пополнялась благодаря сети центров и вербовочных бюро, расположенных в разных городах Юга России, в том числе на территории, которую белые не контролировали. Армейское руководство и лично генерал М.В. Алексеев разрабатывали планы переноса боевых действий за Волгу для восстановления Восточного фронта против большевиков и немцев, однако эти планы так и остались на бумаге. В результате похода Кубань была освобождена от красных.

С самого начала Гражданской войны в руководстве Белого движения на Юге России сложилась своеобразная иерархия. Определяющее значение для расстановки кадров и карьерного роста офицеров играл стаж их службы в Добровольческой армии, и прежде всего факт участия или не участия в 1-м Кубанском походе. Генерал А.К. Келчевский отмечал, что командный состав оказался разделен на «князей», «княжат» и «прочих». Под «князьями» понимались быховские узники — ближайшее окружение генерала Л.Г. Корнилова, под «княжатами» —

участники 1-го Кубанского похода (первопоходники), «прочими» же были остальные офицеры¹⁴⁸. Подобные суждения о неформальной иерархии и кастовости командного состава Добровольческой армии, а затем и ВСЮР рождались не на пустом месте. Подтверждение находим в еще одном документе, автор которого, один из вождей Белого движения на Юге России полковник М.Г. Дроздовский, сетовал на засилье первопоходников в армейском руководстве, тогда как «почти всех позже пришедших считали чем-то вроде париев. Их не назначали на ответственные должности, а или предлагали идти в строй рядовыми бойцами, или держали в резерве армии»¹⁴⁹.

Среди 3689 участников 1-го Кубанского похода насчитывалось 2356 офицеров (36 генералов, 242 штаб-офицера и 2078 обер-офицеров, в том числе 5 женщин)¹⁵⁰. Таким образом, офицеры составляли около 64%. Не менее 620 офицеров¹⁵¹ (по другим данным, 667 офицеров¹⁵²) участвовали в походе отряда полковника М.Г. Дроздовского с Румынского фронта на Дон.

Костяк Добровольческой армии в дальнейшем составили кадры так называемых цветных (из-за пестрой униформы) или именных частей — корниловцев, марковцев, дроздовцев, алексеевцев с высоким процентом офицеров. К примеру, по данным на август 1918 г., в составе 1-го Офицерского генерала Маркова полка две из двенадцати рот были полностью офицерскими и в них служили 500 офицеров¹⁵³. У марковцев же отмечается наиболее высокий процент офицеров. Интересно, что социальный состав офицеров «цветных» полков отличался абсолютным демократизмом. При высочайшей мотивации, идейности, боевой устойчивости, а также высоком проценте офицеров в частях они несли и тяжелейшие потери, которые невозможно было восполнить равноценными по качеству пополнениями. Так, в корниловских частях за период Гражданской войны погиб 5321 офицер, получили ранения 12 742 человека¹⁵⁴, что в среднем составило 37,6% всех потерь корниловцев. Впечатляет статистика потерь офицеров Сводно-стрелкового полка и добровольческого отряда полковника М.А. Жебрака-Русановича. Из 454 офицеров — участников похода дроздовцев 135 погибли или умерли от ран и болезней, 7 пропали без вести в бою, один погиб на дуэли, пережили Гражданскую войну и остались в дроздовских частях 257 офицеров (56%)¹⁵⁵. Разумеется, процент офицеров в «цветных» частях по мере развертывания армии и убыли личного состава стремительно снижался (в начале 1918 г. — до

50%, в начале 1919 г. — около 30%, в 1919 г. — 25%, в 1920 г. — 20%)¹⁵⁶. Кроме того, к концу Гражданской войны приток офицеров в белые армии практически иссяк.

Иерархия выстраивалась и ниже уровня первопоходников. Далее приоритетным правом назначений пользовались участники боев на Северном Кавказе, тогда как офицерская масса, попадавшая в армию с весны 1919 г., преимуществ уже не имела¹⁵⁷.

В силу обособленности «цветных» формирований на командные посты в них выдвигались представители тех же частей, порой не обладавшие должной квалификацией. Командиров со стороны части могли не принять. По мере продвижения к Москве «цветные» части пополнялись офицерами военного времени¹⁵⁸. Предпочтение при назначениях на командные посты отдавалось первопоходникам, как проверенным и надежным кадрам. Однако этих кадров не хватало. В итоге к концу войны на командные посты выдвинулись даже офицеры военного времени, не обладавшие должным опытом, но отличившиеся в боях.

К февралю 1918 г. в Добровольческой армии гвардейских офицеров оказалось около ста¹⁵⁹. Потери на начальном этапе Гражданской войны, когда у белых сражались офицерские по своему составу части, были колоссальными. Достаточно отметить, что в одном из боев октября 1918 г. под Армавиром Сводно-гвардейский полк за день потерял 26 офицеров, включая командира полка, убитыми и 30 ранеными¹⁶⁰. В апреле 1919 г. общее собрание офицеров Лейб-гвардии Преображенского полка, служивших на белом Юге, вынесло беспрецедентное постановление, возможное только в обстановке Гражданской войны: «Всем преображенцам из армии генерала Деникина перейти к Верховному правителю в Омск и заявить ему о готовности преображенцев быть, как и встарь, оплотом верховной власти, и в Омске приступить к немедленному формированию полка»¹⁶¹. Можно понять недоверие, с каким белое командование воспринимало после этого гвардейских офицеров (при том, что отношение к гвардейцам было непростым и ранее, поскольку вожди белых в основном происходили из армейской среды). Впрочем, в Сибирь уехала лишь одна группа преображенцев. Всего на белом Юге могло служить около 1000 гвардейских офицеров¹⁶².

В представлениях современников и потомков сложилось впечатление, что белые армии Юга России были офицерскими по составу. Так

ли это на самом деле? Если говорить о составе собственно Добровольческой армии в 1918–1920 гг., то, по оценкам исследователей, процент офицеров в ней менялся от 70,1 до 37,8%¹⁶³. В основном это была военная молодежь (к 1920 г. офицеры военного времени составляли 94,1% офицерского состава).

Пока неизвестны весомые доказательства в пользу того, что в Белом движении на Юге России, как утверждал С.В. Волков, участвовали порядка 115 тысяч офицеров, из которых до 30 тысяч погибли и еще от 5 до 10 тысяч умерли от болезней¹⁶⁴. Определенные сомнения в том, что подобные цифры в принципе возможны, можно заметить и в работах других исследователей¹⁶⁵. Однако даже с учетом тыловых офицеров, реальных потерь, ротации кадров, производств непосредственно в белом лагере эти данные представляются существенно завышенными и опровергаются непосредственно документацией белых.

Действительно, в 1918 г. офицерский характер армии ощущался. В период 1-го Кубанского похода даже некоторые генералы, как, например, Б.И. Казанович, ходили в атаки с винтовкой в руках в качестве рядовых. Такое отношение к представителям военной элиты невозможно ничем оправдать. Однако после того, как ВСЮР в 1919 г. стали массовой армией, офицерская составляющая растворилась в общей численности войск. Как уже отмечалось, к 5 (18) июля 1919 г. во ВСЮР из 244 890 солдат и офицеров, включая и нестроевых, насчитывалось только 16 765 офицеров¹⁶⁶. В боевом составе Добровольческой армии из 44 807 бойцов числились 3884 офицера, в Донской — из 43 033 бойцов было 2106 офицеров, в Кавказской — из 18 544 бойцов — 1120 офицеров, а всего в боевом составе ВСЮР — лишь 10 050 офицеров¹⁶⁷.

Можно предположить, что в период дальнейшего наступления с июля по октябрь 1919 г. с занятием Украины и Новороссии (в особенности таких крупных военных и культурных центров, как Киев и Одесса, где концентрировались десятки тысяч офицеров), а также части центральных губерний белые смогли мобилизовать еще некоторое количество офицеров. Однако если такие пополнения происходили, то, очевидно, не в боевом составе. Так, боевой состав ВСЮР на вышеупомянутую дату 5 (18) июля 1919 г., по данным Ставки, насчитывал 136 779 человек, а на пике численности к 5 (18) октября 1919 г. — только 158 469 человек¹⁶⁸. Таким образом, с июля по октябрь он вырос лишь на 21 690 человек.

Речь шла, прежде всего, о пополнении пехотных частей (83,6% пополнений). Очевидно, что офицеры не могли составлять ни всю эту цифру, ни даже бóльшую ее часть. В силу сословной замкнутости казачества не могла заметно пополняться офицерами на занятых территориях и Донская армия. Насколько можно судить, в этот период белые не несли масштабных потерь, сказывавшихся на общей численности боевого состава, либо же потери компенсировались пополнениями. Во всяком случае численность конницы и инженерных частей менялась мало, а численность пехотных частей лишь возрастала.

После октября 1919 г. общая численность на фоне неудач белых стала падать, поток добровольцев и пленных практически иссяк и единичные офицерские пополнения поступали в основном лишь из-за рубежа (например, с разгромленного красными Восточного фронта белых).

Единственно, что можно допустить, так это существенный рост численности зарегистрированных офицеров, которые оставались в тылу и не рвались на фронт (непомерная раздутость тыла являлась подлинным бичом белых армий) либо же постановка которых в строй затягивалась длительными проверками (о чем будет сказано ниже). Подобная ситуация сложилась в Киеве и в Одессе и не свидетельствует в пользу налаженности мобилизационного аппарата белых, что в конечном счете и стало одной из причин их поражения. Известно, что из 37–45 тысяч офицеров, зарегистрированных в Одессе, в период эвакуации города белыми в 1920 г. угрозами расстрела удалось поставить в строй не более 1000 человек¹⁶⁹. Десятки тысяч таких зарегистрированных офицеров по документам могли значиться состоявшими во ВСЮР, но по факту их пребывание в армии являлось номинальным.

Обособленно держались казачьи офицеры, представлявшие Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска. По данным к 1 мая 1917 г., на Дону числились 3746 офицеров, в большинстве своем — военного времени (многие производились в офицеры за отличия из казаков), к концу 1918 г. в Донской армии числились 1282 офицера¹⁷⁰. По некоторым данным, с 26 февраля по 14 апреля 1918 г. красными были расстреляны из числа донских офицеров 14 генералов, 23 полковника, 292 кадровых офицера¹⁷¹. Офицеры участвовали в восстании на Дону весной 1918 г., но кадров не хватало.

В связи с кадровым дефицитом предпринимались меры по усилению офицерского состава Донской армии. Атаманом П.Н. Красновым

был запрещен переход казачьих офицеров в Добровольческую армию, а тем, кто туда убыл ранее, было приказано вернуться. Офицерам до 31 года запрещался выход в отставку, а ранее вышедшие подлежали возвращению на службу¹⁷².

Внутри казачьих частей офицеры чаще всего назначались также из казачьей среды. Такой подход порождал немалые трудности, особенно в связи с некомплектom в некоторых войсках казачьих офицеров. Доминировали фактор землячества и войсковой сословный корпоративизм. Впрочем, в условиях кадрового голода получали назначения и офицеры неказачьего происхождения. Так, технические части Донской армии в 1918 г. были укомплектованы этой категорией офицеров на 60%¹⁷³.

Несмотря на высокий процент офицеров, на белом Юге велась и собственная подготовка офицерских кадров. Особенно необходимы были офицеры казачьим войскам в силу дефицита кадров, обусловленного сословной замкнутостью казачества. В июне 1918 г. открылось Новочеркасское казачье военное училище, рассчитанное на два года обучения и готовившее командные кадры как для казачьей конницы, так и для пехотных частей, артиллерии и инженерных войск. Кроме того, донским командованием была открыта Донская офицерская школа с четырехмесячным курсом для переподготовки офицеров на должности командиров сотен и рот¹⁷⁴. На Дону также действовали Офицерская артиллерийская школа, Новочеркасские военные курсы, Инженерная школа, Донская военно-автомобильная школа, школа мотористов, кадетский корпус¹⁷⁵.

На белом Юге функционировали и другие военно-учебные заведения — Киевское Константиновское военное училище, Кубанско-Софийское военное училище, Кубанское генерала М.В. Алексева военное училище, Сергиевское артиллерийское училище, Корниловское военное училище, целый ряд кадетских корпусов. За годы Гражданской войны училища в общей сложности выпустили несколько тысяч офицеров.

Отрицательной чертой кадровой политики белых было нерациональное наивно-идеалистическое стремление к «чистоте риз», в результате которого в армию не принимали офицеров, например, подозревавшихся в сотрудничестве с немцами. Именно такие подозрения не позволили попасть в армию генералу В.Н. фон Дрейеру. Офицеры, переходившие из Красной или национальных армий, подвергались

преследованиям, разжалованию в рядовые, были вынуждены проходить многомесячные унижительные проверки. Абсурдность ситуации заключалась в том, что многие перебежчики искренне сочувствовали белым и стремились служить им верой и правдой, однако холодный прием пробуждал иные чувства.

Наиболее известен случай с генералом Л.М. Болховитиновым — видным военным ученым и крупным администратором (в Первую мировую — начальник штаба Кавказской армии), разжалованным у белых за службу в Красной армии и вынужденным долгое время служить рядовым. Профессиональная квалификация Болховитинова оказалась невостребованной и была принесена в жертву абстрактным идеалам.

При занятии крупных городов (Киев, Одесса) под властью белых оказывались буквально тысячи офицеров. Киев был занят белыми 18 (31) августа 1919 г. Уже 3 (16) сентября главное командование ВСЮР сообщало начальнику 7-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Н.Э. Бредову, что «в Киеве зарегистрировано около двенадцати тысяч офицеров и военных чиновников, оставшихся после ухода большевиков в городе»¹⁷⁶. Очевидно, такое могло произойти лишь вследствие крайней поспешности ухода красных.

Как отмечал генерал В.Н. фон Дрейер, «у всех был высокий подъем духа, все горели желанием служить Родине. Но судебная волокита тянулась месяцами, и первоначальный порыв явившихся постепенно угасал, во время томительного ожидания перед дверями следственных комиссий. А недостаток средств и необходимость кормить семью иногда толкали их искать частную службу и, таким образом, много хороших боевых офицеров было потеряно для армии»¹⁷⁷.

По свидетельству очевидца, «регистрация происходила во дворе комендантского управления. Когда я пришел туда, там была уже масса военных — полковники, капитаны, поручики, прапорщики; было несколько генералов. Одни ходили уже в форме, другие, меньшинство, — в штатском. Знакомились, делились впечатлениями... Записывали офицеров в алфавитном порядке. До меня очередь в этот день не дошла; около четырех часов все разошлись... На другой день мне удалось, наконец, несмотря на еще большую толпу, получить регистрационную карточку. На ней стояло мое имя, фамилия, год рождения, чин и полк, где я служил во время германской войны. С этой карточкой мне надо было явиться в реабилитационную комиссию и представить,

кроме того, свое *curriculum vitae*¹⁷⁸ от начала германской войны до настоящего момента. Для тех, которые у большевиков не служили и имели какие-нибудь старые документы, удостоверявшие их личность, дело кончалось в реабилитационной комиссии: они могли поступать в Добровольческую армию немедленно.

В противном же случае, дело выходило сложнее; раз в *curriculum vitae* офицер писал, что он служил у большевиков, реабилитационная комиссия отсылала его дело в контрразведку. Из контрразведки товарищ прокурора отсылал дело со своим заключением в четвертое учреждение — Военную судебную-следственную комиссию. Эта комиссия рассматривала дело окончательно и препровождала его на заключение к коменданту города. Причем, если кто не имел старого послужного списка или других не менее солидных документов, он должен был доказать свою личность при помощи управляющего домом и двух благонадежных свидетелей.

Вот что надо было пройти. У меня, как и у большинства офицеров, никаких документов, кроме советских, не было.

И вечером, сидя над своей биографией, я задумался — писать или не писать о службе у большевиков?

Написать — значит быть канцелярской волоките. Я подумал, поколебался и написал. Может быть, чтобы не краснеть потом и не быть уличенным во лжи.

С превеликим трудом кончил я свое *curriculum vitae*.

Лучше было бы, если бы можно было совсем не писать, служил человек или нет — советской власти. Раз люди пришли добровольно, рискуя не только собой, но и своими родными, — какие вопросы могли быть еще.

Так думал я, глядя на свою биографию...»¹⁷⁹

Как результат волокиты с реабилитацией, немалая часть офицеров просто предпочла скрыться от нового режима. Между тем десять тысяч офицеров были крупной силой, фактически корпусом, сплоченным, сильным своей высокой выучкой и идейностью, подобная сила под надлежащим контролем вполне могла бы позволить Деникину одержать победу над красными. Однако деникинский режим вместо этого предпочел заниматься бюрократической волокитой. Более того, многие офицеры в Киеве подвергались совершенно незаслуженным преследованиям, арестовывались на основе анонимных доносов. Парадокс истории и показатель уровня мышления руководства сторон

Гражданской войны: большевики сумели успешно использовать враждебное им офицерство, тогда как белые не смогли полноценно воспользоваться даже дружественными себе офицерами.

На протяжении всего 1918 г. командование Добровольческой армии едва находило общий язык с казачьими атаманами по вопросу совместных действий. С разгромом Германии в ноябре 1918 г. и прекращением ее помощи Дону назрел вопрос об объединении Добровольческой и Донской армий под единым командованием. Объединение двух сил, боровшихся с большевиками, позволило бы равномерно распределить имевшиеся у каждой из сторон ресурсы (рядовой состав, командные кадры, снабжение). Процесс этот протекал очень болезненно.

На встрече Деникина с донским атаманом П.Н. Красновым на станции Торговая 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.) с большим трудом, несмотря на протесты командования Донской армии, удалось достичь соглашения о военном единстве Добровольческой армии, Дона и Кубани. Из добровольческих, донских, кубанских, терских и горских частей были образованы Вооруженные силы на Юге России под командованием Деникина¹⁸⁰.

Штаб главнокомандующего ВСЮР был сформирован из аналогичного штаба Добровольческой армии. Прежняя натянутость отношений с донским командованием сохранилась. Например, Деникин 12 (25) января 1919 г. позволил себе назвать докладывавшего начальника штаба Донской армии и ныне подчиненное Деникину донское командование злейшими врагами Добровольческой армии¹⁸¹. Лишь после кадровых перестановок на Дону в феврале 1919 г. отношения нормализовались.

Конфронтация у командования Добровольческой армии сложилась не только с казачьими лидерами. На протяжении многих месяцев 1918 г. продолжался тяжелый конфликт и внутри самой армии. Речь идет о взаимоотношениях командования с полковником М.Г. Дроздовским. Дроздовский присоединился к армии в мае 1918 г. с мощным отрядом, пришедшим с Румынского фронта. Данное обстоятельство позволяло ему претендовать на руководящую роль в белом лагере, положение которого на Юге России до того оставалось неустойчивым. Однако в этом отношении он столкнулся с противоборством продвигавшего своих людей добровольческого командования. Для руководства армии Дроздовский оставался чужаком. Он возглавил 3-ю пехотную дивизию,

которая, по свидетельству одного из участников событий, находилась на положении пасынка штаба армии в отношении пополнений людьми и материальной частью. Свою роль в конфронтации играли и политические взгляды Дроздовского, не совпадавшие со взглядами Деникина и Романовского. Есть данные о том, что Дроздовский был одним из руководителей тайной монархической организации в деникинской армии¹⁸², тогда как Деникин и его окружение были республиканцами или конституционными монархистами. После эвакуации остатков врангелевской армии из России уже в лагере в Галлиполи был раскрыт заговор дроздовцев против командования. Во главе заговора якобы стоял полковник П.В. Колтышев¹⁸³.

Дроздовский обладал качествами военного вождя периода Гражданской войны, был честолюбивым и самолюбивым человеком. Разумеется, прежнее командование стремилось удержать власть, интегрировать пришедших с Дроздовским в армию, подчинив их общим порядкам. В отношении недавно самостоятельного начальника, своего рода «атамана», при отсутствии у Деникина достаточных сил это было непросто. Возник острый конфликт. Деникин даже объявил Дроздовскому выговор, возмущивший последнего. Любое неосторожное решение могло привести к расколу армии и уходу из нее строптивого начальника.

Ситуация разрешилась лишь тогда, когда в конце 1918 г. Дроздовский был тяжело ранен и затем при не выясненных до конца обстоятельствах скончался. Как отмечал генерал Л.М. Болховитинов, «по общему отзыву от него (Дроздовского. — А.Г.) шли с верхами все время крупные трения, он пришелся, как говорят, не ко двору и от него стремились “отделаться”. Теперь это достигнуто...»¹⁸⁴ По армии поползли слухи, что к смерти Дроздовского причастен генерал И.П. Романовский. На этом эпопея не закончилась, так как Романовский в апреле 1920 г. был убит офицером, вероятно, мстившим за Дроздовского.

Невысокая квалификация отдельных представителей белого командования прослеживается по документам. Показателен доклад генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР начальнику штаба, подготовленный в октябре 1919 г. В этом докладе генерал-майор Ю.Н. Плюшевский-Плющик откровенно писал о собственной некомпетентности и нераспорядительности в связи с успехами украинских повстанцев Н.И. Махно: «Лично я был уверен, что главный артиллерийский склад у нас в Волновахе, на которую мною и было обращено все внимание. Признаю себя виновным в том, что не отдал распоря-

жения об эвакуации всех складов района после перехода Махно через Днепр, хотя убежден, что приказ этот был бы платоническим, ибо в период с 22 по 27 сентября при условии перерыва железнодорожного сообщения и бедности нашего морского транспорта задача эта была невыполнима»¹⁸⁵. Из документа следует, что третий человек в военном руководстве белого Юга толком не знал расположения важнейших артиллерийских складов армии в своем тылу (они располагались не только в Волновахе, но также в занятых махновцами Бердянске и Мариуполе).

Критические отзывы о военном строительстве на белом Юге сохранились в личной переписке опытного генерала Л.М. Болховитинова. 16 (29) декабря 1918 г. он писал жене о том, что Добровольческая армия — это «просто какая-то кочевая банда... И это новая армия!? Подумай только!!!... Вы будете, вероятно, читать... “славословия” про здешние дела, но нас, старых воробьев, на мякине не проведешь»¹⁸⁶. Критикуя порядки, установленные белыми, Болховитинов в своих письмах начала 1919 г. рассуждал о «генеральской сволочи», засевавшей в тыловом Екатеринодаре, отмечал, что грабежи белых ничем не лучше лозунга красных «Грабь награбленное», что затягивание Гражданской войны может привести к взаимному истреблению народа и к скорейшей гибели страны.

Утрата моральных ориентиров, обесценивание жизни вели к разгулу преступности, в том числе в офицерской среде. Частыми были случаи убийств офицеров своими же товарищами, зафиксировано много случаев самоубийств, расправы над пленными. Массовый характер приобретали различные аферы, злоупотребления властью, грабежи, «самоснабжение». Получили распространение пьянство, кутежи. Немало вреда белым принес и конфликт фронта и тыла, под воздействием которого фронтовики считали допустимыми любые беззакония по отношению к тыловикам.

Основные причины неудачи белого Юга (и прежде всего Донской армии) в офицерском вопросе обрисовал генерал А.Н. Алексеев в обширном письме генералу П.Н. Врангелю от 2 марта 1921 г. Документ содержал рекомендации по устранению недочетов в целях возобновления борьбы с большевиками. Алексеев, в частности, отметил: «Ненормальные, смехотворные явления в армии должны быть теперь уничтожены раз навсегда. Все эти опереточно-кустарные генералы, полковники обязаны уступить место людям опыта, знания и долга.

Нужно призвать на должности опытных кадровых офицеров, умело и храбро сражавшихся в Великую войну. Троцкий понял это и призвал всех, требуя лишь работы, не считаясь с их политическими воззрениями; вот почему такие генералы, как Гутор, Парский, Клембовский, Брусилов, служат в Красной армии, а у нас такой ученый специалист, как генерал Пашенко, сидит без места, торгует в кантине, все ожидая персонального вызова. Русской армии нужны люди, нужно их много, чтобы творить дело.

Вундеркинлизм впервые явился с благословения ген. Краснова, который, подражая Наполеону, стал создавать себе маршалов; они должны были дать ему опору и вес, но маршалы Наполеона завоевали 1/2 мира, а наши маршалы ничего не завоевали, но зато побежденные с валютой расхаживают по Константинополю, Белграду, Парижу. Ген. Краснов умудрился получить в один день 2 чина, его командующий армией в 3 месяца получил 2 чина, то же проделал и начальник штаба (был только что произведенный подполковник, а через 4 месяца надел генеральские погоны), немудрено, что, благодаря взятому тону, прапорщики 1917 года ныне уже полковники и генералы; так же щедро награждались и те офицеры, которые сидели в канцеляриях, управлениях, обозах и в Войсковом Круге, так, член Войскового Круга, бывший пристав, уволенный в отставку подполковником, сидя в Войсковом Круге, через три месяца был уже генерал-майор. Тон, взятый в Донской армии, нашел отзвук в Добровольческой армии. Вакханалия чинопроизводства и наград дошла до карикатурных размеров. В общем, по тем наградам и чинам, которые давались в Донской армии, можно было думать, что эти высоко талантливые молодые начальники революционного периода не только овладели Москвой, Петербургом, Берлином, Парижем, перебросились к Нью-Йорку, овладели Чикаго, но и победно продвигаются к С[ан-]Франциско, а между тем результаты плачевны: все эти начальники топтались на Дону, Кубани, Крыму, а затем и были выброшены в С[ан-]Стефано.

В настоящей нормальной армии никаких чинопроизводств в Гражданскую войну не должно быть или если таковые даются, то весьма ограниченно, так, в междуусобную войну Севера и Юга Америки действительно талантливый полководец полковник Ли был к концу войны произведен в генерал-майоры. Можно оправдывать производство казачков в офицерские чины как прием или средство, усиливающее ряды офицеров. Так же нелепо награждать царскими орденами.

Авторитет вундеркиндов ничтожен. Поднявшись на высокую ранговую ступень, не впитав еще службой понятие долга и чести, такой молодой начальник отлично пользуется обстановкой ненаказуемости, перестает быть дисциплинированным и зачастую начинает изощряться во всех способах быстрого обогащения, особенно видя пример своих начальников, таких же революционных героев, быстро проскочивших в дамки. Более хитрые и предусмотрительные сумели вовремя скупить ценности и дома. Сделавшись богатыми, у них интерес к борьбе отошел на задний план; вот почему при отступлении в 1919 году некоторые из таких начальников не только не пожелали исполнить приказ двинуться в тыл Думенко, наступавшему в Новочеркасск, но и заговорили о необходимости мира с большевиками. Нельзя не сознать, что в этот период паника шла сверху, и, наоборот, казаки твердо верили в успех и недоумевали, почему отступление идет так поспешно.

В общем вундеркинды не спасли Россию*, а, напротив, довели нас до настоящего тяжелого положения. Мое отрицательное отношение к вундеркиндизму еще не значит, что ими нельзя воспользоваться: я полагаю, что они будут полезны, но только их нужно поставить на настоящее место: теперь вундеркинд командует дивизией, бригадой, полком, а между тем его надлежащее место быть только командиром сотни и самое большее — командиром полка, храбро бросающимся в атаку. Отличительная черта вундеркиндов — недисциплинированность, невыполнение боевых приказов, что пагубно отражается и на казаках**, и [на] солдат[ах], которые перестают быть послушным орудием своих начальников...

Кроме вундеркиндизма отрицательной стороной, возбуждающей неудовольствие, является протекционизм... Привожу характерный случай: в учреждение баронессы Врангель обратился с просьбой о выдаче одежды заслуженный генерал, плохо одетый, ему было княгиней Урусовой отказано. Сейчас же после ухода генерала трем молодым офицерам, заявившим кн. Урусовой, что они — гвардейские офицеры и нуждаются в обмундировании и белье, было все просимое выдано... Впоследствии один из офицеров рассказал, что они обманули княгиню, назвавшись гвардейцами, ибо знали, что только гвардейским офицерам выдавались костюмы, пособия. Разумеется, полученные костю-

---

* Здесь и далее подчеркнуто в документе.

** В документе несогласованно — казаков.

мы были проданы на рынке, а генерал, действительно нуждавшийся в платье, остался без костюма. В Донской армии со времен г[енерала] Краснова офицеры Атаманского полка стали быстрым темпом производиться в генерал-майоры и генерал-лейтенанты и так быстро, что сами стали удивляться, откуда у них обнаружались такие великие таланты...»¹⁸⁷

По мнению генерала П.И. Аверьянова, Деникин отталкивал старшее кадровое офицерство и тяготел «к новому офицерству революционной и добровольческой формации»¹⁸⁸.

15 (28) декабря 1918 г. Деникиным был выпущен приказ о том, что в Добровольческой армии обер-офицеры служат до 43 лет, штаб-офицеры — до 50 лет¹⁸⁹.

Материальное обеспечение офицерства оставляло желать лучшего¹⁹⁰. Так, в конце 1918 г. прапорщик получал 450 руб. жалованья, а главнокомандующий — 3000 руб., в конце 1919 г. — 700 и 5000 руб. соответственно¹⁹¹. При этом даже 700-рублевый офицерский оклад едва превышал прожиточный минимум. Для сравнения, суточная норма продуктового потребления на человека в Екатеринодаре на 1 ноября 1919 г. оценивалась в 26,16 руб.¹⁹² В 1920 г. ситуация ничуть не улучшилась. В сентябре 1920 г. ежедневный кормовой оклад офицера составлял до 800 руб., тогда как простой обед из трех блюд стоил 5–10 тысяч руб.¹⁹³ С марта по октябрь 1920 г. размер прожиточного минимума для семьи из трех человек в Крыму возрос более чем в 23 раза¹⁹⁴. Никакие оклады не поспевали за столь стремительным ростом цен.

Во многих случаях представители белого командования лишь констатировали наличие серьезных недочетов в организации армии, но не пытались их устранить. К примеру, генерал А.И. Деникин писал генералу П.Н. Врангелю 10 (23) августа 1919 г.: «Вопросы снабжения... действительно у нас хромают, и Вы знаете, что вполне наладить это дело при общей разрухе промышленности, при расстройстве транспорта, при самостийности Кубани — выше моих сил»¹⁹⁵. Таким образом, Деникин просто констатировал факт невозможности наладить снабжение, полагая, что какие-либо особые усилия в этом отношении предпринять нельзя. Думается, если бы большевики рассуждали аналогичным образом, они вряд ли могли бы рассчитывать на победу. Генерал А.К. Келчевский в 1919 г. прямо заявлял своему знакомому генералу: «Силенки у нас мало»¹⁹⁶.

Высшие офицеры белых армий, в отличие от их оппонентов из Красной армии, были вынуждены не только заниматься военными вопросами, но и отвлекаться на сферу гражданского управления. Генерал А.И. Деникин тратил на это значительную часть своего времени, хотя никакого опыта в этом отношении не имел. В результате страдали боевые операции, а вопросы гражданского управления также не получали правильного разрешения. Такой подход нередко провоцировал недовольство местного населения, поскольку крестьяне скептически относились к старому генералитету. Об этом, в частности, докладывал начальник харьковского разведывательного пункта начальнику разведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР 28 октября (10 ноября) 1919 г.¹⁹⁷ Кроме того, военные часто были плохими гражданскими администраторами.

Между тем в военной сфере у белых хватало проблем. Достаточно отметить, что командование Донской армии только в оперативном отношении, а администрации казачьих войск лишь формально подчинялись Деникину, на деле они нередко проводили свою линию, шедшую вразрез с линией главного командования. Как отмечал британский офицер Х. Уильямсон, «в штабе Донской армии... творились жуткие интриги; и никогда нельзя было различить, кто во что верил по-настоящему»¹⁹⁸. Другой современник отмечал, что командовавший Донской армией генерал В.И. Сидорин мог игнорировать приказы и Деникина, и донской администрации и «чувствовал себя маленьким царьком»¹⁹⁹.

Интриганством отличался и командовавший Кавказской армией генерал П.Н. Врангель, разногласия которого с Деникиным по военным вопросам переросли в настоящее противоборство группировок в белом руководстве. Стоит отметить, что Деникин и его окружение были представлены в основном армейцами, тогда как в окружении Врангеля заметную роль играли гвардейцы.

Как справедливо отмечал командующий советским Южным фронтом А.И. Егоров, «постоянного и неусыпного контроля, немедленного исправления недочетов, реагирования на нужды и запросы боевых частей — со стороны белой ставки не было; то же наблюдалось и в армейских органах. А распушенность и самостийность старших войсковых начальников довершали отрицательную характеристику методов управления.

Красные армии в этом отношении находились в совершенно другом и, несомненно, более выгодном положении. Метод живого, постоянно-

го руководства высшего командования, частое личное общение с подчиненными при своевременной постановке задач войскам не могли не способствовать успеху»²⁰⁰.

Весной — летом 1919 г. выявились острые противоречия в руководстве ВСЮР по стратегическим вопросам. Вдохновителем идеи «похода на Москву» был сам главнокомандующий — генерал А.И. Деникин. Его оппонентом выступил командующий Кавказской армией (ранее — Кавказской Добровольческой армией) генерал П.Н. Врангель, считавший приоритетной задачей соединение с Восточным антибольшевистским фронтом адмирала А.В. Колчака. Между штабом Кавказской армии и штабом главнокомандующего шел непрерывный торг относительно переброски Врангелю частей и передачи им ряда формирований в другие армии. В условиях малочисленности ВСЮР командованию приходилось заниматься латанием дыр, что приводило к конфликтам на фронте и обидам. Положение усугублялось плохим снабжением войск. Вопрос обострился осенью 1919 г. По оценке генерала Б.А. Штейфона, к катастрофе белых привело забвение принципа «организация не терпит импровизации»²⁰¹.

Резко критическую характеристику белого командования оставил британский офицер Х. Уильямсон. По его мнению, «командование на всех уровнях было действительно жутким... Ни один генерал не желал, чтобы им руководил кто-то другой, а так как у всех [у] них было слишком много власти, единства командования никогда не существовало. Они могли бы держаться годами, если бы отступили в укрепленные районы или координировали свои усилия, но они всегда были заражены амбициями либо леностью, которые убеждали их делать слишком много или недостаточно или оставаться абсолютно безразличными»²⁰². Оценки иностранного наблюдателя созвучны дневниковому свидетельству полковника А.А. фон Лампе, датированному 3 (16) августа 1919 г.: «[Генерал В.Л.] Покровский смело и открыто заявил, что Кубанская армия — это ерунда, т.к. никаких технических сил у нее нет, а я добавлю “и управления”, что есть только казаки и лошади, да и то первых самостийники сбивают с толку — значит, остаются одни лошади. Да это и верно. Подражая Дону, Кубань забывает, что там людей больше и там стонут от недостатка офицерства, а высший командный состав (на[чальник] шт[аба] арм[ии] — Келчевский) приходится брать извне»²⁰³. Негативную роль играло нежелание казачества активно сражаться за пределами войсковой территории, что,

несомненно, должен был учитывать Деникин. Подобные оценки во многом были обоснованными. Ситуация усугублялась личными недостатками некоторых военачальников. Например, командующего Добровольческой армией генерала В.З. Май-Маевского, злоупотреблявшего спиртными напитками, что отражалось на эффективности управления войсками.

Отличительной чертой белого командования являлась фатальная недооценка противника. Усугубляло неудачи белых непонимание их руководством сути большевизма, способности его лидеров учиться на ошибках, быстро приобретать административный и организационный опыт. Как справедливо отметил близкий к руководству ВСЮР современник, «к Красной армии у нас относились так же упрощенно и прямолинейно, как и к революции и к большевизму вообще. Если революция часто исчерпывалась для нас понятием “бунта”, а большевики были не более как “германские агенты”, то вся Красная армия естественно сплошь состояла из “преступников”: ординарных — солдат и квалифицированных — офицеров»²⁰⁴. Показательно, что в начале 1920 г. белое командование старательно выясняло у случайно попавшего в плен военспеца М.П. Строева (Рихтера), нет ли в РККА немецких инструкторов или солдат²⁰⁵, очевидно, по-прежнему, считая большевиков немецкими агентами.

Генерал А.М. Драгомиров писал генералу А.И. Деникину 12 (25) декабря 1919 г. о действиях войск Киевской области: «Мне только крайне тяжело сознание, что я со своими войсками не оказываю Вам той помощи, на которую Вы вправе были рассчитывать».

Вместо активных ударов всюду, не считаясь с силами красных, вместо самых дерзких маневров по тылам, мои войска оказались способными только на затыкание дыр и на позорное временами “непротивление злу” и оставление своих позиций даже без сопротивления от одного вида большевиков, идущих в атаку. Наиболее удручающим было то, что сами начальники сознавали, что красных не так уж много, что настроение у них неважное, что они босы, легко одеты, голодны, злы на своих комиссаров, что это, в сущности, “рвань”, против которой достаточно одного-двух хороших полков. И тем не менее мы все уходили от этой “рвани” и никакими силами нельзя было вызвать войска не только на смелые, активные решения, но и на самое элементарное упорство»²⁰⁶.

Катастрофа на фронте реанимировала многочисленные противоречия, сохранявшиеся в войсках и в тылу. Активизировались казачьи

лидеры, все чаще стали проявляться конфликты в командном составе, интриги, войска были деморализованы, возросло дезертирство, начались восстания «зеленых» — нередко бывших солдат и офицеров самой деникинской армии. Противник Деникина — генерал Врангель зондировал почву для возможной смены командования, за что был вынужден на некоторое время уйти со службы и уехать из России. Оказавшиеся весной 1920 г. в безвыходной ситуации белые войска на Северном Кавказе тысячами сдавались в плен красным или интернировались в Грузию. Некоторые оставшиеся на фронте офицеры всю вину возлагали на генералов И.П. Романовского, А.М. Драгомирова, А.С. Лукомского и, в меньшей степени, на А.И. Деникина. Обсуждались возможности убийства первых трех²⁰⁷.

Часть войск с Северного Кавказа была эвакуирована в Крым. Командир Добровольческого корпуса генерал А.П. Кутепов фактически предъявил ультиматум главному командованию, потребовав приоритетной эвакуации своих частей и предоставления ему диктаторских полномочий. Однако попытка Кутепова взять власть не удалась²⁰⁸. Серьезные потери в офицерских кадрах белые понесли при оставлении Северного Кавказа и уходе в Крым весной 1920 г.

С начала 1920 г. обострились отношения между командованием Донской армии и штабом Деникина. Донские генералы обвиняли Ставку в бездеятельности, утрате руководства, стремлении эвакуировать в Крым прежде всего добровольцев, а не казаков, и, по сути, предательстве²⁰⁹. В дальнейшем конфронтация лишь нарастала.

В марте 1920 г. остатки Донской армии были эвакуированы с кавказского побережья в Крым. Эвакуация из Новороссийска не была должным образом подготовлена, расчеты постоянно менялись. Сначала донское командование ввиду развала армии предполагало эвакуировать только офицеров (порядка 5000 человек), но затем стало очевидно, что хотят эвакуироваться и простые казаки, для чего не было необходимого тоннажа²¹⁰. В результате разразилась настоящая катастрофа. Был брошен конский состав, войска испытывали огромные трудности с эвакуацией из-за отсутствия судов, целые казачьи части были вынуждены оставаться на кавказском побережье, сдаваться в плен красным или присоединяться к повстанческим отрядам «зеленых». Командующий армией генерал В.И. Сидорин был настолько возмущен Деникиным, не выделившим, по его мнению, донцам необходимых транспортных средств, что, по одному из свидетельств, собирался застрелить его пря-

мо на пристани²¹¹. В разговоре с Деникиным вышедший из равновесия Сидорин обвинил главнокомандующего в предательстве²¹². В действительности же Деникин пытался в крайне сложной обстановке делать все возможное для эвакуации армии²¹³.

Эвакуировавшиеся в Крым остатки Донской армии (около 10 тысяч человек) находились в плачевном состоянии, не имели лошадей и подчас даже оружия. По оценке начальника штаба армии генерала А.К. Келчевского, «это были не воинские части, а толпа обозленных, до глубины души оскорбленных людей, готовых к бунту»²¹⁴. Уже в Крыму по политическим соображениям генералы В.И. Сидорин и А.К. Келчевский были сняты со своих постов, отданы под суд и уволены со службы²¹⁵.

В результате катастрофы на военном совете в Севастополе 22 марта (4 апреля) 1920 г. было принято решение о смене руководства ВСЮР. На том же совещании председательствовавшим генералом А.М. Драгомировым был оглашен ультиматум британского правительства к белому командованию о необходимости завершения неравной и безнадёжной борьбы и готовности англичан выступить посредниками на переговорах²¹⁶. В случае отказа от мирных переговоров англичане прекращали какую-либо помощь и поддержку. Тем не менее борьбу решено было продолжать, а новым главнокомандующим стал генерал П.Н. Врангель.

Катастрофа постигла на кавказском побережье и 40-тысячную Кубанскую армию белых. В ответ на ультиматум РВС 9-й Кубанской армии красных командование во главе с генералом Н.А. Морозовым приняло решение сдаться, что и произошло в начале мая 1920 г. Часть личного состава удалось эвакуировать в Крым, другая часть ушла в Грузию, но большинство сдались в плен. Всего было зарегистрировано 34 337 сдавшихся, включая 373 офицера от капитана до генерала и 858 офицеров в чинах до штабс-капитана²¹⁷. Таким образом, всего сдался 1231 офицер.

С приходом к власти на белом Юге генерала П.Н. Врангеля началась реорганизация остатков армии, органов военного управления и упорядочение тыла. Как свидетельствовал современник, «с первых же шагов командования армией генералом Врангелем, несомненно, всеми и везде почувствовалось управление. Число свободных офицеров в тылу стало заметно уменьшаться, войсковые части, пополнялись, по[д]тягивались и в скором времени отправлялись на фронт,

начали исчезать излюбленные до того “реквизиции”, якобы для нужд армии в порядке “самоснабжения”, с которым генерал Деникин слишком мало боролся и что, однако, сильно вооружало население против Добрармии...»²¹⁸ Такое свидетельство не единично. По оценке генерала В.А. Замбржицкого, «после Деникина хаос и развал царили всюду, в верхах и в низах, но главным образом в верхах. Врангель сумел в короткий срок упорядочить все...»²¹⁹ В армии возросла дисциплина.

Реорганизация армии проводилась в соответствии с докладом генерала П.С. Махрова от 8 (21) апреля 1920 г., в котором признавалось превосходство РККА над белыми и содержалась программа переустройства армии на регулярной основе²²⁰. Махров среди прочего предлагал всех боеспособных отправить на фронт, оставив минимальными аппараты управления и снабжения. Тем не менее сделать это не удалось.

Как отмечал генерал П.И. Залесский, «армия по существу оставалась прежняя, со всеми ее прежними недостатками... Те же “дивизии” из 400 штыков, те же поручики на ролях генералов; те же “вундеркинды” всюду — и в военной и в гражданской администрации; тот же протекционизм, те же “свои” везде, та же “лавочка” всюду; то же служение лицам... младшие командовали старшими без всяких данных на такое предпочтение... Управление Генеральным штабом было вручено офицеру, который гораздо лучше знал жандармское, чем военное дело...»²²¹

Не были изжиты и многие противоречия, органически присущие белому лагерю. В частности, не прекращались конфликты внутри военного руководства. Например, генерал Я.А. Слащов обвинялся Врангелем в интригах²²². Врангель даже считал Слащова психически больным человеком²²³. Слащов, в свою очередь, не доверял штабу Врангеля²²⁴, считал, что штаб главнокомандующего не способен управлять войсками в стратегическом масштабе²²⁵. Неудивительно, что такой генерал был вынужден уйти из армии.

Младшее офицерство также лихорадило. Распространенными были рассуждения о предательстве командования. В Крыму в начале 1920 г. восстание против белых поднял командир 1-го добровольческого полка капитан Н.И. Орлов. Это движение вызвало определенное сочувствие в рядах белых на фоне фронтовых неудач и разочарования в способностях командного состава. Орлов на короткий срок захватил Симферополь, Ялту. В дальнейшем со своим полком вернулся на фронт. В марте, однако, он увел полк с фронта и после неудачного

столкновения с частями белых скрылся в горах с небольшой группой соратников. Впоследствии к нему примкнули другие дезертиры, а его выступление переросло в повстанческое движение в Крыму, получившее наименование орловщины. Движение боролось с белыми вплоть до их эвакуации из Крыма. Впрочем, в декабре 1920 г. Орлов вместе с братом были расстреляны красными.

Врангелем были амнистированы все офицеры, перешедшие от красных и подвергшиеся каким-либо преследованиям²²⁶. Попытки пополнить офицерский состав за счет привлечения на свою сторону военспецов РККА (в частности, Врангель подготовил воззвание к офицерам, оказавшимся в Красной армии²²⁷) значимых результатов не дали. Война завершилась и не в пользу белых, в этот период даже самым недалновидным офицерам была очевидна бесперспективность присоединения к терпящей поражение стороне.

Осенью 1920 г. остатки Русской армии генерала П.Н. Врангеля оставили Северную Таврию, избежав окружения, а затем были вынуждены покинуть Крым. По расчетам белого командования Крым нельзя было длительное время оборонять в условиях блокады по причине недостаточности имевшихся запасов продовольствия²²⁸. Как только отход белых в Крым стал неизбежным, Врангель отдал распоряжения о подготовке флота к возможной эвакуации. В результате удалось избежать трагических обстоятельств, сопровождавших предыдущую новороссийскую эвакуацию. В ноябре 1920 г. остатки врангелевской армии покинули Крым. На 126 судах были эвакуированы в Турцию 145 693 человека, не считая судовых команд, из них до 100 тысяч человек относились к армии²²⁹.

С занятием Крыма частями РККА 16 ноября 1920 г. был образован Крымский революционный комитет, председателем которого стал венгерский интернационалист Б. Кун. Развернулись массовые репрессии в отношении оставшихся в Крыму «бывших» людей. Одной из особенно пострадавших категорий было офицерство. По заслуживающим доверия данным, было расстреляно не менее 12 тысяч человек (в том числе до 30 губернаторов, более 150 генералов и 300 полковников)²³⁰.

* * *

Вторым по численности офицеров антибольшевистским фронтом после Южного стал Восточный. По площади территории белый лагерь на Востоке России был наиболее крупным, однако специалисты едины

в оценке того, что офицерские кадры Восточного антибольшевистского фронта значительно уступали белому Югу как количественно, так и качественно. По общим оценкам из примерно 30 тысяч офицеров белых армий Востока России кадровые офицеры составляли не более 6%, или 1800 человек²³¹.

Первоначально сопротивление красным здесь носило очаговый характер, только к осени 1918 г. можно говорить о возникновении единого лагеря. Как и на Юге, на Востоке России офицеры сыграли руководящую и во многом определяющую роль в борьбе с большевиками. Казачьими офицерами являлись лидеры первых антибольшевистских очагов сопротивления, возникших на Южном Урале и в Забайкалье еще в конце 1917 г., — полковник А.И. Дутов и есаул Г.М. Семенов. Их окружение также состояло во многом из казачьих офицеров. Первоначально силы противников красных были малочисленны. Так, в отряде Г.М. Семенова к началу января 1918 г. состояли 556 человек, включая 51 офицера, всего же с января по август 1918 г. в Особом Маньчжурском отряде успели послужить свыше 700 офицеров²³². Интересно, что среди них были, помимо составлявших большинство русских офицеров, также сербы, японцы, буряты, монголы, корейцы, китайцы и турки.

Первые очаги борьбы были красными разгромлены, а образование серьезного фронта произошло в начале лета 1918 г. в результате восстания Чехословацкого корпуса (в котором также служили русские офицеры) и последовавших выступлений подпольщиков. Офицеры стояли во главе практически всех значимых антибольшевистских движений начального периода Гражданской войны на Востоке. Сыграли они решающую роль и в приходе к власти в результате омского переворота 18 ноября 1918 г. адмирала А.В. Колчака. Ставший Верховным правителем и Верховным главнокомандующим (фактически диктатором и единоличным руководителем Белого движения на Востоке России) адмирал А.В. Колчак также представлял офицерскую корпорацию. Офицерами являлись и его преемники во главе различных антибольшевистских режимов Востока России периода 1920–1922 гг. — генералы Г.М. Семенов и М.К. Дитерихс.

Источники комплектования белых армий Востока России офицерским составом различны. Одним из значимых являлись офицеры-добровольцы. Прежде всего, это были участники многочисленных в Сибири антибольшевистских подпольных организаций (в основном

эсеровского толка), действовавших с конца 1917 по середину 1918 г. Именно на базе подпольных организаций летом 1918 г. формировалась Сибирская армия.

Один из участников подполья, бывший полковник Л.Д. Василенко, впоследствии показал, что «во всех городах и крупных пунктах Сибири организовались боевые организации, имевшие цели в свержении советской власти Сибири. Организации эти состояли по преимуществу из офицерства, эсерствующего реакционного студенчества.

Инструкции и директивы организации получали из своего центрального органа Сибправительства в лице военного министра Краковецкого. Так, организацией отсюда были получены 2 ориентировки о положении правительства на Дальнем Востоке и предполагаемом объединении на борьбу с Советами и всех дальневосточных вооруженных сил, в том числе и атамана Семенова.

Организации на местах имелись почти всюду. Во главе их в Восточной Сибири стоял генерал Эллерц-Усов... в Западной Сибири — Гришин-Алмазов. В Западной Сибири, начиная от реки Енисея, организации офицеров были в Красноярске, Ачинске, Тайге, Новониколаевске, Омске, Барнауле, Семипалатинске и других местах»²³³.

В работе подполья по всей Сибири участвовали сотни офицеров (только в иркутской организации состояли 142 офицера, в канской — 38, в нижнеудинской — 47)²³⁴. Подпольные организации зафиксированы не менее чем в 38 пунктах от Урала до Забайкалья. Общая численность подпольщиков оценивается примерно в 6000 человек. В некоторых местах они успешно внедрились в советские органы. Например, бывший генерал В.Л. Попов занял пост начальника штаба Сибирского военного комиссариата. Подполье существовало и в Поволжье²³⁵, где летом 1918 г. начала формироваться Народная армия.

Как правило, добровольно выступали против большевиков офицеры казачьих войск (на Востоке России — Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Енисейского, Иркутского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского). По большей части, это были высоко мотивированные командиры. Показательно соотношение казачьих офицеров в противоборствующих лагерях. Так, из числа офицеров-уральцев, участвовавших в Первой мировой войне, 564 человека сражались в антибольшевистских формированиях, тогда как за красными пошли только 14 человек²³⁶. Начальник штаба Отдельной Уральской армии генерал В.И. Моторный, находясь в плену,

показал: «К началу войны в войске числилось около 400 офицеров, из коих лучших 50 человек было оставлено для учебного полка и 60 человек пущено на льготы; остальным было предложено делать что угодно. Однако с объявлением войны все они были призваны, но назначения на фронт получали более молодые; старики оставались не у дел. Убыль командного состава (офицерского) пополнялась производством из урядников и выпуском из школы юнкеров, образованной в Уральске в середине 1918 года, и пополнялась казаками — участниками Гражданской войны, т.е. уже получившими боевой опыт. Часть офицеров была прислана Деникиным, но едва ли общее число их превышало 30 человек. Колчак прислал трех офицеров для занятия должностей Генштаба»²³⁷.

К категории добровольцев относились также участники антибольшевистских восстаний в Ярославле, Рыбинске, Муроме, на Ижевском и Воткинском заводах (в общей сложности участники восстаний дали белым несколько сотен офицеров). Часть офицеров-добровольцев прибывала из-за границы.

Однако в отличие от Юга России, куда офицеры-добровольцы стекались со всех концов страны, «в Сибирь... пробиралось и там оседало главным образом офицерство, имевшее какую-либо связь с этим обширным краем Российской державы. Число офицеров, не связанных с Сибирью, попавших туда случайно, главным образом по причине стремления в отряды Дутова и Семенова, было в общем незначительным»²³⁸.

Другой существенный источник комплектования представляли офицеры-перебежчики из Красной армии. Летом 1918 г. на Востоке страны многие офицеры, ранее оказавшиеся в Красной армии, перешли на сторону антибольшевистских сил. Среди них такие, позднее получившие известность деятели Белого движения, как А.И. Андогский, Б.П. Богословский, В.О. Каппель, А.Ф. Матковский, Ф.Е. Махин, П.П. Петров и многие другие. Наибольшей массовостью отличался переход на сторону антибольшевистских сил Военной академии в Екатеринбурге и Казани. Тогда в различные антибольшевистские формирования перешли преподаватели и служащие академии, а также не менее 170 офицеров — слушателей старшего класса (80,6% слушателей) и 80 слушателей младшего ускоренного курса (69,6% слушателей)²³⁹. У красных за некоторым исключением остались лишь те, кто болел, находился под арестом, в командировках и отпусках. Однако неприят-

тие белыми офицерами любых форм примиренчества и тем более сотрудничества с большевиками ударило по тем, кто переходил к белым из Красной армии. По этим причинам длительное время подвергались травле Военная академия и ее представители.

Показательным стал инцидент с несостоявшимся назначением генерал-майора А.И. Андогского начальником штаба Ставки адмирала А.В. Колчака. Опасаясь отрицательного мнения о себе в военном руководстве белого Востока России, только что пришедший к власти Колчак в ноябре — декабре 1918 г. провел опрос старших офицеров о возможности этого высокого назначения для ранее служившего у красных Андогского. Несмотря на незначительный перевес сторонников Андогского, Колчак так и не решился назначить этого генерала. В результате интриг начальником штаба Ставки стал полковник Д.А. Лебедев, с деятельностью которого современники и исследователи связывают неудачу наступления белых на Восточном фронте весной 1919 г. Согласно подписанному позднее тем же Лебедевым приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего № 189 от 8 марта 1919 г., пленные военспецы подлежали военно-полевому суду, а добровольные перебежчики из генералитета подлежали отправке в Омск в распоряжение начальника Главного штаба.

Предубеждение против перешедших из Красной армии военспецов было напрасным. Многие из них блестяще себя проявили в рядах белых. Проиллюстрируем это приказом 7-й Уральской дивизии горных стрелков № 46 от 7 октября 1918 г.: «18 сентября во главе отряда, сформированного из передавшихся на нашу сторону красных, на Режевский фронт выступил капитан [М.А.] Демишхан.

Сумев не только сколотить роты, но и воспитать в них истинный воинский дух, капитан Демишхан повел свой отряд в бой.

Проведя в боях время от взятия Егоршино до Алапаевска предводительствуемые капитаном Демишхан роты выполняли всевозможные ответственные боевые операции.

В течение последних 6 дней, с 21 по 27 сентября, капитан Демишхан, командуя самостоятельной группой, получил задачу обеспечения левого фланга колонны, в силу чего группе пришлось, преодолевая сопротивление красных, обходом по размытым дождями дорогам пройти более 120 верст.

27 сентября, после чрезвычайно тяжелых переходов, во исполнение задачи, впереди своих цепей, под перекрестным огнем пулеметов, ру-

жей и орудий с фланга с криком “Ура” отважный капитан Демишхан бросился на противника, и только благодаря внезапности и порыву превосходящие силы красных не устояли и, дрогнув, оставили дер. Алапаха.

Когда наша цепь под губительным огнем красных залегла, капитан Демишхан, проходя во весь рост по цепи, поверял расположение людей, запас патронов и ободрял солдат для новой атаки.

Но этот героический подвиг стоил крови храбрейшего из храбрых капитана Демишхан. Он тяжело ранен ружейной пулей в грудь навывлет и контужен в руку.

С гордостью объявляю этот подвиг в приказе, с грустью болею душой за героя — георгиевского кавалера и с нетерпением и затаенной радостью ожидаю быстрого выздоровления дорогого моему сердцу славного бойца...»²⁴⁰

Разумеется, основным источником комплектования антибольшевистских армий Востока России стали мобилизации. В Народную армию Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания летом 1918 г. оказались мобилизованы до 6000 офицеров (сюда же входили и добровольцы). Мобилизации подлежали офицеры до 35 лет²⁴¹. В Сибирскую армию к 1 октября 1918 г. призвали 10 754 офицера²⁴². В Сибири офицерская мобилизация охватывала лиц до 43 лет (этот же предельный возраст был позднее подтвержден приказом Колчака № 75 от 18 декабря 1918 г.). В Сибири не хватало штаб-офицеров, существовали трудности с назначениями командиров полков и батальонов, не хватало генштабистов, военных инженеров, военных юристов, интендантов²⁴³.

Развертывание единых антибольшевистских вооруженных сил привело к складыванию совершенно иной ситуации. Офицеров оказалось недостаточно уже не только на штаб-офицерских должностях, но и на должностях младших офицеров, причем этот дефицит белые так и не преодолели даже в 1919 г. Некомплект командных кадров в июле 1919 г. достигал порядка 10 тысяч человек, включая примерно 8500 обер-офицеров — то есть командиров младшего и среднего звена²⁴⁴.

Мобилизации, конечно, не могли дать столь мотивированных командиров, какие пришли в армию добровольно. Офицеры нередко не горели желанием участвовать в Гражданской войне. Так, красные провели в Казани в начале августа 1918 г. регистрацию офицеров, выжившую около 3000 человек. Белые же после занятия города 7 августа

1918 г. смогли сформировать лишь две офицерские роты общей численностью не более 730 человек²⁴⁵. Проблема уклонения офицеров от призыва, несмотря на угрозы, не была решена и позднее при Колчаке.

Некомплект офицеров в частях Оренбургского казачьего войска по отношению к штату, по данным на 15 октября 1918 г., достиг чудовищной цифры — не менее 63 штаб-офицеров и не менее 801 обер-офицера²⁴⁶. По штату в казачьем конном полку полагались 4 штаб-офицера и 45 обер-офицеров. Так, во 2-м Оренбургском казачьем полку не хватало до штатного количества 2 штаб-офицеров и 31 обер-офицера, в 5-м — 1 штаб-офицера и 40 обер-офицеров. Атаман А.И. Дутов 7 сентября 1918 г. даже обратился к казачьим офицерам с призывом не покидать свои части в связи с некомплект²⁴⁷. Бывало, что на офицерских должностях из-за нехватки офицерского состава находились унтер-офицеры²⁴⁸.

В Сибирской армии на 1 марта 1919 г. значились 83 кадровых офицера и 3193 офицера военного времени²⁴⁹. В IV Оренбургском армейском корпусе к 1 апреля состояли 19 кадровых офицеров и 389 офицеров военного времени²⁵⁰. К 15 апреля 1919 г. во всей Западной армии насчитывалось 138 кадровых офицеров и 2548 офицеров военного времени²⁵¹. Во II Уфимском армейском корпусе к той же дате состояли 49 кадровых офицеров и 924 офицера военного времени²⁵². В мае 1919 г. в 4-м Оренбургском казачьем полку насчитывалось 3 кадровых офицера и 2 офицера военного времени, в 33-м Оренбургском казачьем полку — 1 кадровый офицер и 4 офицера военного времени²⁵³.

В связи с кадровым голодом на Востоке России была организована собственная ускоренная подготовка офицеров в военных училищах, школах прапорщиков, инструкторских школах и на военно-училищных курсах. Военно-учебные заведения создавались, прежде всего, в крупных центрах — Уральске, Перми, Екатеринбурге, Челябинске, Кургане, Петропавловске, Омске, Томске, Чите, Хабаровске, Владивостоке. Использовались и военно-учебные заведения, сохранившиеся с дореволюционных времен (например, Оренбургское казачье и Иркутское военное училища). Считается, что белые смогли подготовить на Востоке России порядка 6000 офицеров. Осуществлялось производство в офицеры и унтер-офицерского состава. При этом военно-учебные заведения оттягивали на себя немалое количество офицеров постоянного состава (преподавателей, администраторов), прежде всего кадро-

вых, столь необходимых на фронте. Кроме того, велась и переподготовка, а также повышение квалификации. Так, в начале 1919 г. в Томске возобновила учебную работу Военная академия. В мае 1919 г. академия по сокращенной программе выпустила 152 офицера младшего класса курсов 4-й очереди, которые были распределены в основном по колчаковским штабам.

Острая нехватка офицерских кадров приводила к ускоренному чинопроизводству и к стремительному продвижению по службе младшего и среднего звена командного состава. До 1918 г. менее половины высших руководителей Белого движения на Востоке России имели генеральские чины, большинство же начальников высших штабов и командующих армиями имели до 1918 г. чин полковника, не говоря уже о нижестоящих начальниках²⁵⁴. На высшие командные посты (командующих армиями, корпусами, дивизиями) белые, за рядом исключений, подтверждающих правило, старались не назначать высококвалифицированных генералов старой армии.

Генералами нередко становились еще совсем молодые люди, достаточно энергичные, но не обладавшие ни жизненным, ни административным опытом. К примеру, Р. Гайда и Н.П. Сахаров получили первый генеральский чин в 26 лет, А.Н. Пепеляев — в 27, А.И. Тирбах — в 28, Г.М. Семенов — в 29, И.П. Калмыков — в 30 лет. Помимо харизмы лидеров, энергии, понимания природы Гражданской войны молодежи в генеральских погонах были свойственны недооценка противника, военно-политический авантюризм, шапкозакидательство, легкомыслие. В общей сложности генеральские и адмиральские чины в 1918–1922 гг. на Востоке России получили свыше 384 офицеров²⁵⁵. Всего же в антибольшевистских силах Востока России служили не менее 728 генералов и адмиралов. Таким образом, более 53% белых генералов и адмиралов Востока России получили высшие чины непосредственно в Гражданскую войну. Молниеносность производства порой являлась поводом для ироничных наблюдений²⁵⁶. Сотни новоиспеченных генералов были явно избыточны для белых формирований Востока России и, наоборот, усугубляли нехватку кадровых офицеров на более низких ступенях служебной иерархии.

Показателем слабости военной системы белых стало и то, что в период конфронтации опиравшегося на Японию атамана Г.М. Семенова с Верховным правителем первый осуществлял собственные производства в генеральские чины. При этом 30 из 35 генералов,

произведенных Семеновым в 1918–1921 гг., в первой половине 1918 г. служили в его Особом Маньчжурском отряде, то есть являлись лично преданными ему проверенными людьми с боевым опытом Гражданской войны²⁵⁷. Фактически речь шла о создании Семеновым собственной генеральской группировки. Генерал А.П. Будберг писал, что семеновские начальники «присваивают себе небывалые титулы, пугачевские производства и никогда не заслуженные георгиевские кресты»²⁵⁸.

Ускоренное чинопроизводство, приводившее к появлению «выскачек» и «вундеркиндов», вызывало недовольство старых заслуженных генералов, получивших свои чины в результате многолетней службы. Генеральская молодежь, вполне естественно, не собиралась уступать старшему поколению. Тем более что многие молодые генералы обладали значительными заслугами перед Белым движением. На это накладывалась специфика Гражданской войны, которую старые офицеры не всегда могли уловить и должным образом перестроиться. Все это приводило к складыванию группировок генералитета, боровшихся друг с другом, в том числе и в силу поколенческого конфликта. Отзвуки противоречий сохранились даже в эмиграции. Так, генерал В.М. Молчанов, получивший первый генеральский чин в 33 года, заявил критиковавшему «выскачек» заслуженному генералу А.П. Будбергу, который был на 17 лет старше: «Вы, барон Будберг, занимали пост военного министра — Вы укрылись! А почему Вы не пошли командовать корпусом, почему Вы не пошли командовать дивизией? Наладить это дело? Простите, потому что Вы не были подходящи для этого. Потому что Вы знали: дивизия, по-вашему, — это 14 тысяч штыков, а мы дивизией считаем — у нас до 1500 штыков доходило. И выполняли дивизионные задачи»²⁵⁹.

Еще в начале ноября 1918 г. был издан приказ главнокомандующего генерала В.Г. Болдырева о приостановке чрезмерно ускорившегося чинопроизводства. Предписывалось делать представления о производстве лишь за особо выдающиеся подвиги, а в остальных случаях ограничиваться объявлением благодарностей²⁶⁰. В войсках Колчака командующие армиями в июне 1919 г. получили право производить офицеров в чины до капитана включительно²⁶¹. Вышестоящие производства осуществлялись приказами Верховного правителя и Верховного главнокомандующего. 28 августа 1919 г. последовал приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 179 о том, что в гене-

ральские чины вне театра военных действий разрешалось производить лишь за боевые отличия и за особые государственные заслуги.

Если на Юге в связи с переизбытком офицеров и нехваткой рядового состава создавались целые офицерские части, в которых офицеры служили в качестве рядовых (что вряд ли можно признать рациональной практикой), то на Востоке после развертывания единых вооруженных сил такой подход стал невозможен в силу нехватки кадров, а полномасштабного обмена кадрами между белыми фронтами организовано не было.

Часть офицерства самоотверженно сражалась на фронте, некоторые даже проявили чудеса храбрости, за что были удостоены георгиевских наград. Так, приказом войскам Сибирской армии № 90 от 28 февраля 1919 г. среди других награжденных орденом Св. Георгия 4-й степени был командир 3-й роты 1-го Сибирского штурмового батальона поручик А. Струнге, отмеченный за то, что «23-го декабря 1918 г., исполняя приказание взять мост через реку Каму, имеющий большое стратегическое значение, и перерезать провода к минам, подошел к мосту с полуротой и, несмотря на сильный пулеметный и ружейный огонь, бросился в штыки, заставил замолчать пулеметы, выбил противника с моста и перерезал провода к минам — мост спасен. Противник потерял 40 человек убитыми, 300 пленными, один пулемет и подрывную команду с двумя подрывными аппаратами. Пулемет был взят быстрым налетом и тотчас же обращен против противника»²⁶².

Случаи героизма не меняли общей картины низкого профессионального уровня командных кадров. Среди них преобладали офицеры военного времени, не вполне соответствовавшие требованиям к командному составу. Подтверждается это и результатами инспекций. Так, в полках IV Восточно-Сибирского корпуса офицеры не владели уставами, положением об обучении пехоты и программой обучения молодых солдат²⁶³. Командирами полков порой становились обер-офицеры. Многие опытные старшие офицеры — ветераны нескольких войн, наоборот, оказывались на тыловых должностях. Младшими офицерами повсеместно являлись офицеры военного времени, часто из нижних чинов. Такое положение вещей приводило к панибратским отношениям рядового и офицерского состава, падению авторитета офицера и, как следствие, к выходу из подчинения командирам. Генерал С.А. Шепихин летом 1919 г. оказался очевидцем следующей неприглядной

сцены в 11-й Сибирской стрелковой дивизии: «Офицеры, молодежь, как я видел, очень сжились со своими солдатами, но и сильно от этой близости теряли в авторитете. Я видел, как в игре солдат участвовал и офицер, — но не в качестве руководителя, а рядового игрока, и как ему, офицеру, солдаты с большим аппетитом всыпали шлепки по спине и ниже. При этом на лицах некоторых солдат я заметил ядовитые улыбочки»²⁶⁴.

Наглядным показателем качества командного состава являются сравнительные данные о численности выпускников Николаевской военной академии в белых армиях Юга и Востока России. Если через белые армии Юга России прошли 1082 выпускника академии, то через белые армии Востока России — только 641. Причем среди этих офицеров лишь 229 обучались в академии до Первой мировой войны по полной, а не по сокращенной программе. На Юге же старую академию окончили не менее 828 офицеров²⁶⁵. Показательно и соотношение по «коренным» офицерам Лейб-гвардии Преображенского полка. Если на белом Юге их оказалось не менее 53 человек, то на белом Востоке России — только 11, включая семерых, приехавших с Юга²⁶⁶.

Не отличалось рациональностью и распределение офицеров по должностям. Тыловые учреждения были переполнены офицерами. Уже в июне 1918 г. управление Военного министерства в Омске и штаб Степного корпуса поражали своими размерами, совершенно не адекватными реальной численности войск. Наличие большого количества служащих создавало хаотическую и не подходящую для деловой работы обстановку. Сторонний наблюдатель был очевидцем откровенного бездельничания штабных. В Ставке Верховного главнокомандующего, в управлении Восточным фронтом и в управлениях армий фронта по штату к 1 июля 1919 г. значились 681 офицер и 660 военных чиновников, в 12 управлениях армейских корпусов — 396 офицеров и 132 чиновника²⁶⁷. Реально же, как отмечал генерал-лейтенант А.П. Будберг, «Ставка разрослась в нечто чудовищное по своим размерам и совершенно не соответствовавшее той ничтожной положительной работе, которая там производилась. По наружности работали много, по-своему, усердно и добросовестно, но, по неопытности, с малыми практическими результатами. Продуктивнее других отделов работал отдел дежурного генерала, более определенный по своим функциям и подобравший большие кадры старых опытных работников. Оперативная

работа сводилась к составлению сводок, к разного рода статистике и к мелочному вмешательству в действия армий, состояния которых Ставка не знала, в местности, описания которой в Ставке не было, и при условиях, которые ставочные младенцы и представить себе не могли, сидя в Омске»²⁶⁸. Генерал В.А. Кислицын вспоминал, что в Ставке «были забиты все коридоры толпившимся здесь офицерством... Штабные офицеры держали себя надменно. Они точно оказывали посетителям, таким же офицерам, как и они, честь и милость, разговаривая с ними»²⁶⁹. Безделье процветало и в некоторых войсковых штабах. Так, офицеры штаба II Степного Сибирского отдельного корпуса, расположенного в Семиречье, в апреле 1919 г. в связи с переизбытком свободного времени организовали охотничий и сценический кружки, а также кружок любителей конного спорта²⁷⁰.

Многие целенаправленно уклонялись от службы на фронте, где находилось менее половины офицерства (так, на июнь 1919 г. в Сибирской, Западной и Южной армиях значились 11 343 офицера²⁷¹). Одним из весомых мотивов являлось нежелание участвовать в братоубийственной войне. Впрочем, нахождение в тылу не давало гарантий безопасности. Например, в Омске подпольщики по ночам убивали одиночных офицеров²⁷². Тысячи офицеров проживали в тыловом Харбине. В целях привлечения офицерства на фронт предпринимались порой необычные меры. Интересен приказ Восточному фронту армий № 119 от 20 сентября 1919 г., подписанный генералом М.К. Дитерихсом: «Для усиления мощи Оренбургской армии откомандировать из всех тыловых окружных штабов, главных управлений, управлений и учреждений различных иных наименований тыла всех казачьих офицеров Оренбургского, Уральского, Донского, Кубанского, Терского и Астраханского казачьих войск, занимающих не специальные казачьи штатные должности и не числящихся по Генеральному штабу, и направить всех таковых офицеров в распоряжение Походного атамана казачьих войск в Омске»²⁷³.

Характерно поведение, казалось бы, непримиримого борца с большевиками Б.В. Анненкова, который во главе своего отряда, по существу, делал что хотел, но явно не рвался на общий фронт. Бывший депутат Государственной думы от Семиреченского казачьего войска, беженец Я.И. Егошкин 12 декабря 1918 г. писал на имя Верховного правителя, что отряд Анненкова «бездействует, живет в станице Урджарской, объедает и без того скудно собранные продукты, ведет себя как

в стране завоеванной, никого кроме Анненкова признавать не хочет, а сам Анненков живет себе в Семипалатинске, собирая новых и новых добровольцев. Говорят, что он тянет, потому что не хочет признавать власти генерала Ефремова (Ионова), кстати сказать желающего показать твердость, но ее нет у него и нет последовательности... дело не в личности Ефремова, а просто в мелких честолюбивых, скажу, даже низменных и прочих побуждениях Анненкова: Я-де подавляю большевизм, а честь припишут другому...»²⁷⁴

Примечательно то, как сам Анненков аргументировал отказ покидать Семиречье перед командиром II отдельного корпуса: «Приказание о смене моей дивизии и переброске на Западный фронт может быть выполнено при том условии, если я буду заменен другим начальником дивизии, так как я лично, как патриот, любящий свою Родину, считаю преступным не использовать силы, сосредоточенные здесь... Считаю долгом донести, что я не получил за весь год существования дивизии не получил* ни одной пушки, ни одного пулемета. Многое положенное от казны дивизия не получала, а все это ложилось бременем на население... Китайский полк, добровольческий, в составе около 700 штыков, имеющий тяготение к своей границе, также не может быть переброшен на другой фронт... Вы сами можете вывести заключение, сколько положено труда, энергии и силы воли всего командного состава, чтобы создать такие части... Становиться же игрушкой по воле интриганов, вроде Ионова (чин не имею нравственного права указывать, так как больно, что такие люди, губящие, ради личных выгод, край, губящие дело, уже погубившие раз его, тоже стоят у власти и именуются офицерскими чинами), забывать свой долг перед страной в угоду единых лиц я не в состоянии, не хочу и не могу. Изменником я не был и не буду, я буду продолжать борьбу с большевиками, в Семиречьи, хотя бы с кучкой людей...»²⁷⁵ На общий фронт Анненков так и не отправился. Очевидец событий, капитан И.А. Бафталовский отмечал, что Анненков «свое честолюбие ставил выше долга и общего национального дела»²⁷⁶.

Как отмечал министр иностранных дел колчаковского правительства И.И. Сукин, «атаманы в своих действиях были злейшими выразителями авторитарических приемов власти, страдая в то же время общеказачьей склонностью к демагогии и политиканству»²⁷⁷.

---

* Так в документе.

Материальное положение офицеров на Востоке России в обстановке Гражданской войны было чувствительным — жалованья многим не хватало даже до прожиточного минимума.

Возвращение офицерам прежних знаков различия, в частности погон (в Народной и Сибирской армиях их не носили, опасаясь возможных эксцессов), проходившее осенью 1918 г., воспринималось населением неоднозначно. Генерал М.А. Иностранцев вспоминал об увиденной им ситуации на базаре в белом Томске: «Какая-то торговка вовсе не революционного, а скорее буржуазного типа, увидав одного казачьего офицера, проходившего мимо нее в новых, блестящих погонах, громко сказала другой: “Опять офицерá погоны надели, как при царях, опять нашему брату плохо придется!” — а стоявший тут же сибирский мужик с усмешкою прибавил: “Да, офицерáм погоны надели, а солдату есть нечего будет!”

Этот диалог мне показался чрезвычайно характерным, несмотря на несомненную нелепость его. Он показал правильность мнения [А.Н.] Гришина-Алмазова, что невежественные, но настроенные еще революционно массы всегда будут отождествлять всякий признак старого — с возвращением к старому же и порядку»²⁷⁸.

Политизация и послереволюционное разложение сказались на офицерском корпусе белых армий Востока России. Взаимоотношения внутри социально неоднородного офицерства были далеко не простыми. Существовали группировки офицеров, связанные с их квалификацией (кадровые офицеры и офицеры военного времени), происхождением (например, казаки и неказаки), местами прежней службы, полученным образованием (особняком держались генштабисты) и политическими пристрастиями (монархисты, либералы, социалисты). Между различными группировками происходили конфликты, столкновения интересов. Свою роль играл и личный фактор — персональные противоречия и обиды²⁷⁹.

Борьба различных группировок командного состава стала неотъемлемой частью истории Белого движения на Востоке России. Одним из факторов, предопределивших поражение белых, являлась атаманщина. В силу обширности территории, контролировавшейся белыми на Востоке страны, местные начальники приобретали своеобразный статус «удельных князей», проводивших свою собственную политику и считавшихся с приказами центра лишь постольку, поскольку они сами этого хотели. Атаманщина была связана не обязательно лишь с

казачьими деятелями. Такая линия поведения была характерна и для тех, кто прямого отношения к казачеству не имел. Одиозную известность приобрели в этом отношении такие деятели, как Р.Ф. Унгерн фон Штернберг, Г.М. Семенов, Б.В. Анненков, дискредитировавшие белых и самим своим существованием подрывавшие авторитет омского правительства.

Исходя из принадлежности того или иного офицера к определенной группировке порой производились назначения. Так, оренбургский атаман А.И. Дутов старался назначать на руководящие посты своих соратников, ограничивая продвижение офицеров, действовавших независимо от него (например, лидеров казаков-повстанцев, образовавших по сути альтернативную группировку оренбургских офицеров). Гражданская война вывела на авансцену общественной жизни и многочисленных авантюристов, которые встречались среди офицерства.

Если до 1917 г. для офицеров политики как таковой не существовало, то в новых условиях политические пристрастия нередко предопределяли их поступки. В результате выступления Чехословацкого стрелкового корпуса в конце мая 1918 г. от красных была освобождена обширная территория от Волги до Тихого океана, на которой возникли антибольшевистские правительства различного толка, создававшие свои армейские структуры. Летом 1918 г. в Среднем Поволжье началось формирование частей Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча), отличавшейся своеобразием в ряду антибольшевистских армий того периода. Армия формировалась под полным контролем со стороны партии социалистов-революционеров первоначально на добровольческой основе, а с начала июля 1918 г. — по призыву. Оказавшееся в Народной армии Комуча офицерство не горело желанием сотрудничать с эсерами, а последние не без оснований не доверяли офицерам.

По своей политической ориентации коалиционное (от эсеров до монархистов, с преобладанием представителей правого крыла) Временное Сибирское правительство, возникшее в Омске, было значительно правее эсеровского Комуча, что являлось одной из причин острых разногласий между этими государственными образованиями. Под властью омского правительства формировалась Сибирская армия.

По итогам сентябрьского Государственного совещания в Уфе возникло Временное Всероссийское правительство (Директория), воору-

женные силы Народной и Сибирской армий объединялись. Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России (реально — антибольшевистскими вооруженными силами на Востоке России) стал генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Этот генерал позиционировал себя как выходца «из мужиков» и гордился своим незнатным происхождением. По своим взглядам Болдырев был близок к правым эсерам, выступал сторонником народного самоуправления. Разумеется, в Гражданскую войну подобные взгляды являлись наивным идеализмом и утопией, поскольку для победы требовались жесткие авторитарные методы управления.

В результате объединения антибольшевистских сил Востока России под единым командованием осенью 1918 г. командный состав Народной армии эсеровского Комуча оказался на вторых ролях. Впоследствии некоторые ветераны Народной армии лишь собственными заслугами смогли добиться продвижения на руководящие посты. Между тем многие представители командного состава их воспринимали как эсеров, что не соответствовало действительности. В это время на Востоке России развернулось острое военно-политическое противоборство между эсерами и их сторонниками и правыми кругами, лидером которых выступил А.В. Колчак. Именно он в результате омского переворота 18 ноября 1918 г. занял пост Верховного правителя России. Офицеры сыграли важнейшую роль в омском перевороте. Среди участников переворота был и приехавший из Добровольческой армии полковник Д.А. Лебедев, вскоре назначенный начальником штаба Ставки Колчака.

После прихода к власти Колчака офицеры, ориентировавшиеся на эсеров (а таких было немало среди офицеров военного времени), оказались в оппозиции и в дальнейшем всячески подрывали колчаковские войска изнутри (на территории Сибири действовало эсеровское военное подполье, видную роль в котором играл штабс-капитан Н.С. Калашников, впоследствии он возглавил антиколчаковское восстание в Иркутске и сумел захватить город, что предопределило последующую гибель Колчака). Многие в организации белых армий повторяло порядки старой армии и воспринималось офицерами не всегда положительно. Так, один из колчаковских офицеров, В.С. Савченко, жаловался в феврале 1919 г. на плачевную ситуацию с наградами за Пермскую операцию и отмечал, что положение напоминает «старый николаевский режим»²⁸⁰.

Очевидцы отмечали отсутствие единообразия в устройстве колчаковских войск: «Каждую дивизию и корпус можно было определить по совершенно своеобразным настроениям и приемам, которые в них господствовали»²⁸¹. Обособленность и слабая дисциплина вели к противоречиям и конфликтам, не говоря о том, что сохранение партизанского характера армии лишало ее надежд на успех в борьбе с регулярными формированиями красных.

Разделились офицеры и по вопросу об ориентации на Антанту или на центральные державы. В белых армиях господствовала проантантовская ориентация, причем абстрактная верность союзническому долгу была одним из мировоззренческих принципов белого офицерства. Многие офицеры стремились слепо, несмотря на революционную катастрофу 1917 г., следовать идеалу верности союзникам по Первой мировой войне, пытаясь в 1918 г. восстановить Восточный фронт против немцев. Находились и германофилы, рассматривавшие Первую мировую войну как недоразумение, спровоцированное интересами Великобритании и Франции, считавшие Германию естественным союзником России. На Востоке России ярким германофилом был генерал К.В. Сахаров.

Союзнический долг воспринимался многими представителями военной элиты как нечто незыблемое, а к случаям его нарушения относились болезненно. Когда чехословаки в конце 1919 г. сняли с себя все обязательства и, пользуясь бессилием белых, повели себя как в завоеванной стране (отбирали у беженцев исправные паровозы и эшелоны, причем взяли в Красноярске даже два паровоза из эшелона самого адмирала А.В. Колчака²⁸²), генерал В.О. Каппель вызвал командующего чехословацкими войсками генерала Я. Сырового на дуэль, однако ответа не последовало. Разочарование в союзниках, обвинения в их адрес в отсутствии или недостатке помощи были свойственны многим белым офицерам.

Обособленность демонстрировало казачье офицерство, замыкавшееся в своей среде. В армиях с преобладавшим казачьим элементом (Отдельная Оренбургская, Отдельная Уральская) практиковались назначения почти исключительно из казаков, часто вопреки профессиональным качествам кандидатов. Наиболее крупную роль в военно-политической жизни Востока России играли представители Оренбургского, Сибирского и Забайкальского казачьих войск.

Белое командование на Востоке России нередко признавало свою определенную вторичность по отношению к командному составу До-

бровольческой армии и ВСЮР. В частности, высокие назначения в колчаковском лагере получили некоторые приехавшие с Юга офицеры. Среди них В.В. Голицын, Н.Н. Головин, Д.А. Лебедев, Д.Н. Сальников, Н.А. Степанов, при том, что не все из них были достойными кандидатами.

Далеко не все офицеры в условиях Гражданской войны отличались дисциплинированностью. 1917 г. разложил не только солдат, но и офицерство. Уже осенью 1918 г. наблюдатели отмечали, что на фронте офицеров не хватает, зато в тыловом Оренбурге они встречаются в избытке²⁸³. В офицерской среде стали проявляться неисполнение приказов, непочтительность, широко распространились карточная игра и другие развлечения, пьянство и даже мародерство. Злоупотребляли алкоголем временно исполняющий должность начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал С.Н. Розанов²⁸⁴ и главнокомандующий Восточным фронтом генерал К.В. Сахаров.

Пьяные выходы представителей командного состава порой приводили к скандальным последствиям. Например, один из видных участников омского переворота 18 ноября 1918 г. войсковой старшина И.Н. Красильников 26 октября 1918 г. устроил пьяный дебош на обеде в честь британских офицеров. По свидетельству участника застолья, «Красильников напился со своими казаками и, вынув наган, подошел к музыкантам и заставил их сыграть “Боже, царя храни”. Разумеется, все встали и стояли, а гимн повторялся три раза. Очевидно, Красильников хотел тут показать настоящий казачий национализм. Впечатление неприятное. Англичане были, видимо, порядочно удивлены, а наши генералы старались инцидент замять»²⁸⁵.

Характерен приказ войскам Западной армии № 250 от 16 мая 1919 г.: «Против прапорщика 18-го Оренбургского казачьего полка Павла Александровича Никольского возникает обвинение: 1) в том, что в ночь на 13 мая 1919 г. в гор. Уфе он напился пьяным до потери приличного воинскому званию вида; 2) в том, что тогда же и там же, находясь в кафе “Трудовая артель”, носил при себе бутылку со спиртом, каковой в означенном кафе и распивал, причем вел там себя неприлично, шумя, ругаясь и ходя-шатаясь по ресторану, чем вызвал возмущение находившейся в кафе публики и требование удалить его из кафе; 3) в том, что непосредственно после изложенного в предыдущих пунктах, получив от дежурного по караулам штаба Западной армии подпоручика Совкова требование следовать в комендантское

управление, он, прапорщик Никольский, означенного требования не исполнил, обругав подпоручика Совкова и присутствовавшего с ним в кафе подпоручика Говырина площадной бранью, порочил скверной руганью штабных офицеров, вследствие чего подпоручик Совков для удаления его из кафе вынужден был применить силу, причем, будучи приведен в комендантское управление, он говорил присутствовавшим там военнослужащим, что он, Никольский, служит в войсках Дутова, какового только одного и признает, а до остального ему нет дела»²⁸⁶. Офицер был разжалован и отправлен рядовым на фронт в одну из казачьих частей.

Похожее содержание имел приказ войскам Отдельной Западной армии № 447 от 21 июля 1919 г.: «30 июня 1919 года на ст. Сулея, в санитарном поезде № 7, был обнаружен прапорщик 45 Сибирского стрелкового полка Якимов 1-й, оказавшийся пьяным до состояния полной невменяемости и бывший в истерзанном виде с разбитым лицом. При этом прапорщик Якимов был настолько перепачкан рвотой, что солдаты, выносившие названного обер-офицера из санитарного поезда, должны были завернуть его в мешок, чтобы не запачататься его рвотой.

Во время отправления с вокзала на гауптвахту прапорщик Якимов кричал, что он офицер и его нельзя арестовывать, сопровождая свой крик площадной бранью, причем таким своим поведением вызвал негодование присутствовавшей на вокзале многочисленной публики, состоявшей из железнодорожных служащих и солдат»²⁸⁷. Офицера также лишили звания и отправили рядовым на фронт.

Разложение дошло до того, что 3 августа 1919 г. главнокомандующий Восточным фронтом издал суровый приказ расстреливать по приговорам военно-полевых судов тех офицеров, которые изобличались в пьянстве вместе с солдатами или принуждали их добывать алкоголь нелегальным путем. Кроме того, предписывалось разжаловать офицеров за пьянство в общественных местах, а в случае доходящего до безобразия пьянства дома или в офицерском собрании — после первого предупреждения²⁸⁸.

Некоторые офицеры не гнушались ловить рыбу в мутной воде и в период братоубийственной войны занимались личным обогащением за счет армии. Утрата моральных ограничений, распущенность коснулись и личной жизни офицерского корпуса. Некоторые высокопоставленные военные одновременно имели по несколько семей (например,

белые генералы С.Н. Войцеховский, А.И. Дутов, А.П. Перхуров и др.), заводили любовниц, походно-полевых жен, пользовались услугами проституток, употребляли наркотики. Не имея возможности жить на два дома, часть офицеров держала семьи при себе, вследствие чего войска производили не вполне военное впечатление, а личные интересы порой превалировали над служебными²⁸⁹.

Общее падение нравов и ожесточение вело к появлению в офицерской среде лиц с изуродованной психикой — садистов и палачей. Наибольшую известность в этом отношении приобрел генерал барон Р.Ф. Унгерн фон Штернберг. Психическим расстройствам были подвержены и некоторые другие видные деятели Белого движения на Востоке России. Супруга генерала М.К. Дитерихса летом 1919 г. рассказывала, что они с мужем ежедневно «устраивают бдения, прячутся друг от друга, потом ищут и, найдя, молятся»²⁹⁰. Характерной была и обстановка вагона Дитерихса в декабре 1919 г.: «На столе стояли два больших шандала по три свечи в каждом. Посередине шандал с одной свечой. Прямо сзади стула Дитерихса на стене был прикреплен большой синий щит с белым восьмиконечным крестом, по бокам два полотнища хоругвей. Во всем было что-то таинственно-мистическое»²⁹¹.

Разумеется, среди колчаковских офицеров было множество непримиримых, которые не только боролись с красными до конца, но отличились или даже погибли в этой борьбе либо ушли в эмиграцию, но не сдались. К таким офицерам относились И.Г. Акулинин, С.Н. Войцеховский, М.К. Дитерихс, А.И. Дутов, В.О. Каппель, А.В. Колчак, М.В. Ханжин и др. Однако в целом лояльность офицерства на Востоке России в сравнении с белым Югом была существенно ниже. Отражалось это и на потерях офицерского состава. По неполным данным, ударная Западная армия за период весеннего наступления с 6 марта по 26 апреля 1919 г. потеряла 68 офицеров убитыми и 219 — ранеными, контужеными и пропавшими без вести²⁹². Для сравнения, на Юге России за Гражданскую войну в наиболее мотивированных корниловских частях погиб 5321 офицер²⁹³.

Особенно ярко неустойчивость командного состава проявлялась в периоды неудач на фронте. На рубеже 1919–1920 гг. достаточно большое количество колчаковских офицеров, оказавшись перед перспективой полного лишения отступления по зимней тайге, сдались красным. Среди тех, кто в тот период перешел на сторону РККА, был и

будущий Маршал Советского Союза Л.А. Говоров, прослуживший у белых по мобилизации с сентября 1918 по декабрь 1919 г. в 3-й батаре 8-й Камской стрелковой артиллерийской бригады²⁹⁴. Массовой добровольной сдачей представителей командного состава отмечены события под Красноярском в начале января 1920 г. Здесь в плен частям 5-й советской армии добровольно сдалась большая группа офицеров, в том числе немало генералов, что свидетельствовало о деморализации командного состава колчаковских войск. Так, в эшелоне дежурного генерала штаба Восточного фронта сдались в плен 2 генерала, 12 штаб-офицеров, 53 обер-офицера и военных чиновника. С этой же группой прибыли 10 генералов-генштабистов и 15 штаб- и обер-офицеров-генштабистов²⁹⁵.

В результате отступления в начале 1919 г. наблюдалось массовое дезертирство из рядов Отдельной Оренбургской армии. Тогда целые части расходились по станицам. Так, в 13-м Оренбургском казачьем полку остались 13 офицеров²⁹⁶. Состоявший в распоряжении Войскового штаба Оренбургского казачьего войска генерал-майор Л.Н. Доможиров, выступая весной 1919 г. на станичном сходе в станице Кизильской, говорил казакам о бесцельности борьбы с красными²⁹⁷. Массовые сдачи происходили и осенью 1919 г. Полковник Ф.А. Богданов, командовавший 2-й отдельной Оренбургской казачьей бригадой, 8 сентября 1919 г. вместе с бригадой в полном составе (более 1500 сабель, в том числе 80 офицеров) и со всем вооружением перешел на сторону красных. В ночь на 22 сентября Богданов и другие перешедшие к красным казаки офицеры были представлены председателю ВЦИК М.И. Калинину, прибывшему на фронт, причем «Богданов и другие военнопленные горячо благодарили за прием, оказанный советской властью, каялись в своих ошибках, клялись честно служить народу, защищать советскую власть»²⁹⁸. В дальнейшем бригада Богданова успешно действовала в составе РККА против поляков, врангелевцев и басмачей²⁹⁹.

Офицеры участвовали в тяжелейшем отступлении разгромленных белых армий в Туркестане (Голодный поход Отдельной Оренбургской армии, исход Отдельной Уральской армии) и в Сибири (Сибирский Ледяной поход). Эти события сопровождались массовыми сдачами в плен, эпидемиями, гибелью людей от голода и холода.

В апреле 1920 г. в Форте Александровском на берегу Каспийского моря красным сдались 2 генерала, 70 офицеров и более тысячи нижних чинов из состава Отдельной Уральской армии³⁰⁰.

Положение пленных белых офицеров нередко оказывалось трагическим. Некоторые находились перед выбором между голодной смертью и расстрелом. Так, в июле 1921 г. из Екатеринбургского концентрационного лагеря № 1 бежали шесть пленных белых офицеров. Все они служили на младших офицерских должностях в антибольшевистских формированиях Востока России и понимали, что в случае поимки их ждет расстрел, но тем не менее решили бежать. Причиной побега стал голод (он свирепствовал тогда даже вне мест заключения, а положение арестованных было более тяжелым). Еще 27 мая 1921 г. в Екатеринбургской губернии для борьбы с побегами заключенных была введена круговая порука, по которой за каждого бежавшего расстреливались 5 человек из его группы. В соответствии с этим приказом ГубЧК расстреляла 30 офицеров, которые отбывали наказание вместе с бежавшими. Многие из них о побеге даже не подозревали. Через несколько дней скитавшихся по деревням в поисках пропитания беглецов поймали, все они также были расстреляны³⁰¹.

Внутренние противоречия продолжали разъедать офицерство и на заключительном этапе истории Белого движения на Востоке России. Губительным стало наличие на Дальнем Востоке двух антагонистических группировок военных — каппелевцев (основной массы колчаковских войск, пришедших в 1920 г. в Забайкалье после Сибирского Ледяного похода) и семеновцев (войск атамана Г.М. Семенова, находившихся в Забайкалье). Вовлечены в этот затяжной конфликт были и многие офицеры. Поскольку за Семеновым стояли японцы, каппелевцы до некоторых пор не могли успешно противодействовать его сторонникам.

Из Маньчжурии в ноябре — декабре 1920 г. армия по КВЖД была переброшена в Приморье. Формально это была уже не армия, а люди, искавшие пристанища, однако в действительности армейская структура была сохранена, хотя командование было вынуждено находиться на нелегальном положении. Положение белых в какой-то степени облегчалось наличием в Приморье японских войск. На новом месте войска были расквартированы по линии железной дороги от Гродеково до Владивостока. Армия сохранила свою организацию, но оставалась практически без оружия, бездействовала и, находясь в постоянном контакте с местным населением, начинала разлагаться. Широкий размах приобрело пьянство. Несмотря на жесткие меры командования, направленные на укрепление дисциплины, справиться с процессом

разложения частей было невозможно. Моральное разложение и пьянство коснулись и офицерского состава. К этому в отношении офицеров добавлялись сильнейшая политизация и интриганство. Из-за отсутствия оружия войска не могли противостоять не только партизанскому движению, но и обыкновенному бандитизму, широко распространившемуся в Приморье.

В результате переворота 26 мая 1921 г. во Владивостоке, совершенного силами армии, было свергнуто пробольшевистское Приморское областное управление Дальневосточной республики, и к власти пришло Временное Приамурское правительство под председательством С.Д. Меркулова. Армия после переворота стала получать оружие (при содействии японцев) и смогла приступить к своей первоочередной задаче — наведению порядка в Приморье. Переворот был одобрительно встречен в войсках как среди каппелевцев, так и среди семеновцев, но последние не спешили подчиниться новому командованию. После майского переворота атаман Семенов прибыл 30 мая во Владивосток на пароходе «Киодо-Мару», но сойти на берег ему запретили. Позднее атаман тайно нарушил этот запрет и уехал к верным ему войскам в Гродеково. Конфликт двух группировок внутри армии был столь глубоким, что иногда доходил даже до применения силы. В этой связи весьма показателен приказ командующего Гродековской группой войск генерал-лейтенанта Н.И. Савельева генерал-майору В.П. Малакёну от 12 июля 1921 г., в котором предписывалось «пройти через Раздольное и никаких требований каппелевских комендантов не выполнять. Думаю, что Вашего отряда достаточно, чтобы Вас не арестовали. Имейте в виду, что японцы не позволят стрелять. В случае надобности на рысях выйдет Забайкальская казачья бригада...»³⁰² Столкновение произошло, были убитые и раненые.

Под давлением японского командования, не имея ни средств, ни былой популярности, Семенов был вынужден отступить и покинуть Приморье. Определяющую роль сыграла зависимость войск от финансовых возможностей той или иной группировки. Когда снабжение перешло к бывшему каппелевскому руководству, войска, в целом, смирились со сложившейся ситуацией. Тем не менее определенная внутренняя рознь между уже бывшими семеновцами и каппелевцами сохранялась и в 1922 г.³⁰³, даже после того, как 14 сентября 1921 г. Семенов покинул Приморье, хотя период наиболее острых противоречий остался позади.

К лету 1921 г. положение Дальневосточной армии продолжало оставаться крайне тяжелым. В июне ее общая численность составляла от 12 до 15 тысяч человек³⁰⁴. Вся эта масса людей оставалась безоружной³⁰⁵ и была морально надломлена бесправным и совершенно пассивным существованием на положении беженцев в течение полугода. Кроме того, как уже отмечалось, армия была расколота на два враждебных лагеря и не имела общего командования.

Полковник М.Ф. Воротовов писал в мае 1922 г.: «4 года прошло, как могучая волна восстания охватила Поволжье, Урал. И вот остатки сильной армии адмирала Колчака теперь в Приморье, несколько раз переформированные, продолжают свое существование. Сказать открыто, армия несет только лозунг, а все остальное, дисциплина, этика, порядочность, если не утрачено, то оставляет желать много лучшего. Взамен этого: мародерство, хищения, дезертирство, пьянство, разнузданность. Безусловно армия дошла до такого состояния благодаря небывалым условиям военной жизни. Ей много пришлось пережить и многое извинить. Офицерский состав за Гражданскую войну пополнился недоброкачественным элементом, благодаря производству из нижних чинов в офицеры за боевые отличия. Среди офицеров развелось много проходимцев, спекулирующих на добром имени офицера. Придет время. Восстанет из трупа Россия, и эта армия из Приморья донесет до сердца родной страны свою национальную идею, которую столько лет в лишениях и невзгодах хранила. И этим армия отряхнется от пыли, нанесенной на нее тяжелыми годами, и будет гордо держать в руках русское знамя»³⁰⁶. К этому времени численность офицерства в антибольшевистских формированиях на Дальнем Востоке сократилась до 3567 офицеров (по данным боевого расписания на апрель 1922 г.³⁰⁷).

С приходом в начале июня 1922 г. к власти генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса в армии стали осуществляться преобразования, направленные, прежде всего, на ее объединение. Значительно изменилась структура армии. Дальневосточная армия была переименована в Приамурскую Земскую Рать, полки — в дружины, а командующий — в Воеводу Земской Рати. Введением исторических наименований генерал Дитерихс, судя по всему, преследовал цель поднять дух частей напоминанием о событиях Смутного времени, однако эта мера была неоднозначно воспринята в войсках. После вывода из Приморья японских войск, 4 октября 1922 г. началось наступление Народно-револю-

ционной армии Дальневосточной республики на последний очаг антибольшевистского сопротивления на территории России. Выдержав 8–14 октября ряд ожесточенных встречных боев, Земская Рать оставила Никольск-Уссурийский (17 октября) и Владивосток (25 октября). До 1922 г. в антибольшевистских формированиях Востока России дослужили меньшинство офицеров. Остальные сдались в плен, эмигрировали или погибли.

* * *

Еще 6 марта 1918 г. произошла высадка союзников на Мурмане. Однако Северный фронт Гражданской войны образовался несколько позже, чем Восточный и Южный. Первые столкновения интервентов с советскими отрядами здесь относятся только к концу июня. С конца июля — начала августа 1918 г. стала формироваться Мурманская армия. Первоначально принцип комплектования был добровольческим, жалование и паек предоставлялись британским правительством³⁰⁸.

В Архангельске со второй половины июня 1918 г. действовало белое подполье. В ночь на 2 августа в городе в связи с приближением союзников произошел антибольшевистский переворот, образовалось Верховное управление Северной области (ВУСО) во главе с народным социалистом Н.В. Чайковским. Красные покидали город в панике³⁰⁹. Часть военспецов перешла на сторону белых. После освобождения Архангельска примерная численность войск союзников в этом районе составила 12 тысяч человек³¹⁰. Под их руководством началось создание антибольшевистских вооруженных сил. При ВУСО возникло военное управление (с ноября 1918 г. — штаб командующего войсками Северной области). Командующий русскими войсками капитан 2-го ранга Г.Е. Чаплин находился в оперативном подчинении главнокомандующего всеми союзными вооруженными силами в России генерал-майора Ф.К. Пуля³¹¹. Вследствие дальности расстояний белый Север был изолирован от других антибольшевистских фронтов, не располагал необходимыми для ведения войны ресурсами и, если бы не поддержка союзников, вряд ли мог продержаться столь длительное время.

Источники комплектования офицерскими кадрами белых сил на Севере имели свои региональные особенности. Мобилизационный ресурс Северной области был невелик и оценивался всего в 25 тысяч че-

ловец³¹². Офицеры в Архангельской губернии были немногочисленны. По оценке С.В. Волкова, до мобилизации на фронт выступили до 200 офицеров³¹³. Затем по проведенной мобилизации оказались призваны более 500 офицеров³¹⁴. Белые провели призыв офицеров до 35 лет. В дальнейшем приток офицеров замедлился. Кроме того, уже осенью 1918 г. стало очевидно, что Северный фронт оказался второстепенным. Регистрация офицеров, проведенная постановлением главнокомандующего союзными силами от 20 ноября 1918 г.³¹⁵, дала около 2000 человек, включая военных чиновников, из которых годные к службе офицеры составляли порядка 1000 человек³¹⁶. К февралю 1919 г. зарегистрированные получили назначения³¹⁷.

Новая власть столкнулась с огромными трудностями, в том числе в вопросах военного строительства и мобилизации. Однако помощь белым шла с разных сторон. В частности, переброску офицеров-добровольцев осуществляло белое подполье. Например, добровольцев в Славяно-британский легион на Мурмане переправляла подпольная петроградская организация генерала Б.В. Геруа в 1918 г.³¹⁸ Содействовали переброске офицеров и англичане. В частности, с их помощью прибыли офицеры бывшей гетманской армии с Украины, затем попавшие в Германию и Великобританию. В связи с близостью Финляндии, многие офицеры прибывали оттуда. Офицеров, прибывавших из Финляндии и оставивших там семьи, на Мурманском фронте называли «финикийцами»³¹⁹. Из Европы прибыли 400–700 офицеров³²⁰. Некоторое количество получили офицерские чины непосредственно при белых, причем на Севере действовали и военно-учебные заведения (Артиллерийская школа, школа подготовки офицеров в Мурманском районе, Архангельская пулеметная школа, Архангельская школа телеграфно-телефонной связи и т.д.³²¹). Потери офицеров были незначительны. Тем не менее белые испытывали острейшую нехватку кадровых офицеров³²². В особенности не хватало генштабистов, артиллеристов, интендантов, военных юристов. Достаточно много было флотских офицеров (поименно известны 285). Интересны данные о старших офицерах. На Севере служили не менее 40 генералов и адмиралов, не менее 100 полковников и капитанов 1-го ранга, не менее 135 подполковников и капитанов 2-го ранга.

Основные надежды белые возлагали на прибытие офицеров из-за границы (телеграмма о переброске на Север как можно большего количества офицеров, в том числе генштабистов, была направлена

генералу Д.Г. Щербачеву³²³) и на переход ко всеобщей мобилизации населения вместо набора добровольцев. Однако мобилизованные не отличались надежностью. Основную массу составляли офицеры военного времени. Так, среди более 500 мобилизованных офицеров насчитывалось лишь 6 кадровых³²⁴, обладавших сколько-нибудь серьезной подготовкой и опытом. Со временем, разумеется, количество кадровых офицеров возросло, но проблема не исчезла. Что касается офицеров-генштабистов, то на белом Севере их служило 29 человек, включая 23 выпускников довоенной академии и 6 курсовиков. Именно небольшая группа кадровых офицеров, и прежде всего генштабистов, возглавила Белое движение на Севере России и во многом стала его организационным ядром.

По мнению нового британского главнокомандующего генерала У.Э. Айронсайда, русское командование в лице вызванного из Лондона полковника Б.А. Дурова (с 18 сентября — командующего войсками и генерал-губернатора Северной области³²⁵) и его начальника штаба генерал-майора («революционного производства», по ироничному замечанию генерала В.В. Марушевского³²⁶) С.Н. Самарина оказалось некомпетентным. За два месяца они, по мнению англичанина, ничего не сделали, а призыв в армию считали недемократичным. Айронсайд потребовал замены этих офицеров³²⁷. Британский генерал отметил, что «разведка предоставила мне их послужные списки, но в них не было ничего выдающегося. Ни один из них не имел опыта командования в старой русской армии... ни Дуров, ни Самарин не имели ни малейшего авторитета у бывших царских офицеров»³²⁸.

О Дурове и Самарине военный прокурор С.Ц. Добровольский писал: «Высшая военная власть в лице полк. Д. и ген. С. не обнаруживала никакой заботливости... части были предоставлены самим себе, а все распоряжения, приказы и уставы полк. Д. носили на себе отпечаток того, что получило в армии меткое название “керенщины” и что характеризует собою отсутствие твердости, демагогическую болтовню и бессилие лишенного дисциплинарной власти командного состава. Нет никакого сомнения, что никакая армия в таких условиях существовать не может... Увы, в глазах лиц категории полк. Д. и ген. С. всякое мероприятие, направленное к поднятию воинской дисциплины, вызывало опасение, как бы не прослыть контрреволюционером...»³²⁹ Причины такого курса полковника Дурова современники усматривали в том, что в 1917 г. он находился за границей, а по возвращении попал под

влияние Самарина, который был одним из ближайших сотрудников А.Ф. Керенского. Дуров допускал митинги, беспорядки и не принимал строгих дисциплинарных мер³³⁰. Лишь вмешательство англичан положило конец подобной близорукой политике руководства антибольшевистских сил в условиях Гражданской войны, когда РККА с каждым днем становилась все сильнее.

3 ноября 1918 г. Дурова менее чем на три недели сменил контр-адмирал Н.Э. Викорст, а Самарина — подполковник В.А. Жилинский. Только в ноябре 1918 г. из Стокгольма прибыл генерал-майор В.В. Марушевский, с 19 ноября возглавивший антибольшевистские вооруженные силы вместо неподготовленного к этому Викорста. Это назначение было сделано, видимо, не без влияния союзников, которым Марушевский был известен по службе на Западном фронте. По мнению очевидца, «лишь только с приездом генерала [Е.К.] Миллера и генерала Марушевского началась правильная работа. Генерал Марушевский хорошо справился с трудной задачей формирования войск в такой трудной обстановке. Будучи человеком большого ума и работоспособности, начал вводить очень энергично и твердо дисциплину. К несчастью, он скоро подорвал к себе уважение, ведя совершенно непристойный для командующего войсками образ жизни»³³¹. При Марушевском были установлены начала твердой дисциплины, осуществлен возврат к прежней форме и ранее запрещенным погонам. Как вспоминал сам Марушевский, «часть офицерства с восторгом одела погоны и кое-как раздобыла кокарды, ордена и другие наружные отличия. Другие боялись этих погон до такой степени, что мне пришлось бороться уже с помощью гауптвахты и дисциплинарных взысканий»³³².

Начальник штаба генерала Е.К. Миллера генерал М.Ф. Квецинский, по воспоминаниям начальника 3-й Северной стрелковой бригады полковника И.А. Данилова, «никаких руководящих данных мне дать не мог, ибо сам в Двинском районе ни разу не был и какого-либо представления о том, что творилось на Двине, не имел, кроме того, что там имеется речная флотилия капитана 2-го ранга Чаплина, который и доносил ему о творившемся там хаосе»³³³. По мнению многих мемуаристов, Квецинский был исключительно кабинетным работником, привыкшим воевать по карте, слишком самоуверенным и далеким от жизни фронта и от понимания реалий Гражданской войны на Севере³³⁴. Тем не менее он все же сумел хорошо организовать прием

военного имущества, которое было оставлено на Севере англичанами. С фронтовиками Квецинский находился в конфликте и даже так ни разу и не побывал на фронте. Впоследствии он бежал из Архангельска, как ранее он бежал из захваченного петлюровцами Киева, в обоих случаях оставив подчиненных ему офицеров на произвол судьбы. Именно из-за ассоциаций с киевскими событиями назначение его Миллером на столь ответственный пост было вызовом офицерству, но, видимо, других кандидатур не находилось. Некоторые из офицеров, попавших в плен к красным, собирались после освобождения отыскать Квецинского в эмиграции и убить его³³⁵. Непонятно, как поведение Квецинского сочеталось с орденом Св. Георгия 4-й степени, которым был награжден генерал в годы Первой мировой войны. При этом Квецинский оказывал значительное влияние на Миллера и принимавшиеся последним решения.

Печально известным сдачей в плен под Сольдау во время Восточно-Прусской операции был пожилой, но считавшийся талантливым генерал-лейтенант Н.А. Ключев. Летом 1919 г. он приехал на Север из Германии, причем его ходатайство о принятии на службу было, по некоторым данным, удовлетворено генералом Е.К. Миллером лишь ввиду бедственного материального положения Ключева после плена³³⁶. По воспоминаниям генерала Марушевского, «я увидел полубольного старика, на работу которого рассчитывать было трудно»³³⁷. По другой оценке, Ключев — «бывший командир одного из корпусов Самсоновской армии, пробывший в плену в Германии с 14 года. По прибытии своем в [Северную] область, объехал все фронты и только после этого был назначен на должность и весьма быстро для генерала его возраста и человека, почти не видевшего войны и совершенно не видевшего революции, освоился со своим положением. Начал сам нашу наступательную операцию на железной дороге и вел ее вполне удовлетворительно. Человек не глупый, бодрый и хорошо разбирается в обстановке. Как и все, ненавидит Квецинского»³³⁸.

Вместе с Ключевым прибыли и другие генералы (в том числе Квецинский, П.П. Петренко и еще четыре человека), негативно ассоциировавшиеся в обществе лишь со старым режимом³³⁹. И хотя появление этих лиц вызвало недовольство в офицерской среде, они все же получили высокие назначения в армии Миллера. Ключев занял пост генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего (пусть и являвшийся формальным и якобы даже созданный специально для него). Впоследствии

он уехал из Северной области, как говорили злые языки, «получив весьма загадочную командировку и весьма реальный чек в несколько тысяч шведских крон»³⁴⁰. Генерал С.С. Саввич, занимавший должность заведующего военными школами, «в этот период уже начал свою коммерческую карьеру и не хотел ею жертвовать для политической работы... на его энергичное сотрудничество рассчитывать было нельзя»³⁴¹.

В то же время на белом Севере были и способные начальники, к числу которых можно отнести генералов В.В. Марушевского и Е.К. Миллера, подполковников (впоследствии — полковников) Л.В. Костанди и В.А. Жилинского и некоторых других.

В.В. Марушевский был последним начальником русского Генерального штаба (исполнял обязанности с 26 сентября 1917 г.) перед большевистским переворотом. По мнению А.А. Свечина, служившего с Марушевским в годы Первой мировой, он был яркой личностью: «Очень способный офицер Генерального штаба, он в первый год войны был начальником штаба нашей дивизии и в качестве такового стяжал себе редкую популярность. Всегда обо всем осведомленный, он каждому в нужный момент давал правильную ориентировку, напоминал, объяснял — всегда с редким тактом, предвидел развитие действий и всегда заблаговременно подготавливал все нужное. Командиром полка он приехал на три недели позже меня. Он был умен и дальновиден по-прежнему, но нервы ему изменяли... он умел ладить с людьми, но не приказывать и не перевоспитывать их. Блестящий советник, но отнюдь не вождь»³⁴². Марушевскому удалось за несколько месяцев заслужить доверие русского офицерства, правительства и союзников. При нем была проведена перерегистрация всех русских офицеров (всего около 2000 человек), осуществлено переиздание уставов³⁴³, восстановлены дореволюционные награды, сокращено военное управление, началось введение основ дисциплины в войсках, что протекало не без осложнений. Марушевский не всегда производил впечатление серьезного человека. К примеру, в разговоре с прибывшими на Север из Советской России через Мурман офицерами он предпочитал пожаловаться на невозможность достать шпоры для сапог, чем выслушать ценную информацию, которой располагали гости.

Л.В. Костанди впоследствии разочаровался в Белом движении и при эвакуации решил остаться на Севере в качестве командующего Архангельским округом и коменданта города и, видимо, стремясь в Советскую Россию. Он сам говорил, что за границей ему не место³⁴⁴.

Прибывший в Архангельск 13 января 1919 г. генерал Е.К. Миллер оказался в непростой ситуации. К этому времени генерал Марушевский за два месяца своей службы на Севере уже успел завоевать авторитет и в войсках, и в тылу, и у союзников. Заменять его Миллером было нежелательно. В этих условиях правительством был достигнут определенный компромисс в разделении властных полномочий. С прибытием генерала Миллера Марушевский сохранил пост командующего войсками с подчинением в организационном (но не в оперативном) отношении Миллеру, получившему права командующего отдельной армией. В оперативном отношении Марушевский подчинялся английскому командованию. Фактически первоначально Миллеру отводилась роль «свадебного генерала», который должен был лишь сдерживать аппетиты союзников. В некоторой степени ограничить полномочия вновь прибывшего генерала пытался глава правительства народный социалист Н.В. Чайковский, который до революции многие годы боролся с властями и их опорой в лице армии. Однако Чайковский 23 января уехал в Париж и препятствовать работе Миллера уже не мог. Настала очередь борьбы за власть в военном ведомстве. Если первоначально Миллер из деликатности все военные вопросы выяснял у Марушевского, то постепенно полномочия Марушевского были урезаны (например, непосредственно Миллеру подчинена полевая военная прокуратура), а его назначенцы заменены креатурами Миллера. 30 апреля 1919 г. Миллер признал верховную власть адмирала А.В. Колчака. На Севере начали складываться элементы военной диктатуры Миллера, формирование которой было ускорено эвакуацией союзников и устранением генерала Марушевского. Миллер был, безусловно, представителем элиты русского Генерального штаба и, вероятно, одним из лучших генштабистов русской армии. Даже по мнению своих политических противников Миллер был честным и порядочным человеком. По убеждениям был монархистом, но, в целом, лояльно относился к приверженцам других взглядов (кроме леворадикальных) и был противником жестокостей. По свидетельству очевидца, «и Миллер, да и все правительство... было помешано на правовых началах — в противоположность большевистскому произволу мы должны были насаждать правовой строй...»³⁴⁵ На Севере России Миллер должен был играть скорее политическую, чем военную роль, к чему вряд ли был подготовлен.

Офицерство разъедали внутренние конфликты и противоречия. Уже говорилось о сложных взаимоотношениях генералов В.В. Мару-

шевского и Е.К. Миллера, предопределенных их служебным статусом. Определенную остроту имел вопрос о старшинстве (своего рода местничестве в русском офицерском корпусе, отмененном в РККА), из-за чего регулярно происходили различные неловкие ситуации. Так, выпускник ускоренных курсов Военной академии полковник П.Т. Акутин у белых был назначен командиром одного из полков³⁴⁶. Между тем ранее этот способный офицер сумел организовать оборону на Пинеге и сформировать там вполне надежные силы, за что был произведен в подполковники, а позднее получил чин полковника³⁴⁷. Однако с этого фронта Акутин был снят и отправлен командовать полком лишь потому, что англичане попросили назначить на Пинегу другого офицера, а генерал Марушевский считал, что по своему образовательному цензу и опыту Акутин не мог находиться в подчинении у нового назначенца. Генерал С.Н. Самарин, обладавший высшим военным образованием, и вовсе командовал ротой. Сам генерал Марушевский особенно смущался по поводу старшинства и служебной этики, считал своим долгом, как бы оправдываясь, затрагивать эту «проблему» в разговорах со всеми находившимися на Севере офицерами Генштаба, которые были старше его по выпуску из академии и которыми он должен был руководить. Вопросы их подготовленности и физического состояния почему-то определяющего значения не имели, даже если это были дряхлые старики или люди, уже устранившиеся от активной военной службы.

Тот же Акутин осенью 1919 г., будучи командиром 6-го Северного стрелкового полка, позволил в присутствии солдат повысить голос на командира батальона и дойти до площадной брани. Нервность командира связали с постоянным участием в боях. Из-за заслуг командование ограничилось лишь выговором³⁴⁸.

Ощутимым было деление офицеров на местных уроженцев и приезжих. Некоторая часть местного северного офицерства опасалась активной службы на фронте, предпочитая оставаться в тылу на случай поражения белых. Офицеры военного времени из местного населения часто были малоавторитетны в глазах солдатской массы и даже нередко мало отличались от солдат. По свидетельству участника событий, «солдаты в них видели своих школьных и деревенских товарищей, и им трудно было признать над собой авторитет и дисциплинарную власть “Колек” или “Петек” и величать их “г[осподин] поручик”, а часто даже “г[осподин] капитан” или “г[осподин] полковник”, так как производство у нас носило интенсивный характер»³⁴⁹. Делилось офицерство на

фронтвиков и тыловиков, причем взаимоотношения этих двух групп сопровождались острыми конфликтами и громкими скандалами.

Существовали и политические разногласия. После антибольшевистского переворота в 1918 г. многие офицеры были недовольны эсеровским курсом правительства и построением армии по образцу 1917 г., вследствие чего не желали поступать на службу в антибольшевистские формирования³⁵⁰. Полковник князь А.А. Мурузи в знак протеста против левого курса ВУСО демонстративно поступил на службу в Славяно-британский легион рядовым³⁵¹. Ранее его, как перешедшего из Красной армии³⁵², по причине недовольства этим обстоятельством офицерской молодежи, не назначили начальником штаба Северной области. Между тем высокая квалификация Мурузи позволяла ему стать весьма эффективным начальником штаба. Прибывшие с Украины офицеры гетманской армии были проникнуты германophilством, тогда как командование на Севере ориентировалось на Антанту. В лучшую сторону по своему развитию выделялись помимо единичных генштабистов офицеры-артиллеристы³⁵³.

В обстановке Гражданской войны и слабой власти даже в офицерской среде распространялось разложение. Генерал В.В. Марушевский вспоминал о периоде своего приезда в Архангельск в ноябре 1918 г.: «В городе каждый день происходили офицерские драки. Комендантское управление было бессильно и лишь подробно доносило мне о всех скандалах, происшедших ночью, с указанием увечий и побоев»³⁵⁴. Для наведения порядка была проведена регистрация офицеров, создана гауптвахта, усилено комендантское управление и органы военной юстиции.

Интересно, что Марушевский отказал в приеме на службу знаменитой женщине-поручику М.А. Бочкаревой — инициатору создания женских частей в 1917 г. В специальном приказе командующего от 27 декабря 1918 г. отмечалось: «Считаю своим долгом заявить, что в пределах Северной области, слава Богу, уже наступило время для спокойной созидательной государственной работы, и полагаю, что привлечение женщин к военным обязанностям, несвойственным их полу, лежало бы тяжким укором и позорным клеймом на всем населении Северной области»³⁵⁵.

Среди пороков, которыми страдало офицерство, на Севере, как и в других местах, было пьянство. Оно усугублялось и тяжелыми климатическими условиями Севера. Пьянство было особенно рас-

пространено в тех частях, где офицеры и солдаты происходили из одной среды и царили панибратские отношения. В частности, одним из таких формирований был 3-й Северный стрелковый полк³⁵⁶. Белое командование даже издавало специальные приказы против этого явления, в особенности против появления нетрезвых офицеров в публичных местах. Впрочем, ближе к финалу белого Севера пьянство усугубилось.

Очевидно, в условиях хаоса появились и самозванцы — желающие назваться офицерами, чтобы получить преимущества по службе и довольствию. Не случайно генерал В.В. Марушевский приказал тщательно проверять регистрируемых офицеров на предмет того, действительно ли они имеют права на офицерский чин³⁵⁷. К этой работе привлекалась и контрразведка, поскольку самозванцы вполне могли быть советскими агентами.

По инициативе подполковника В.А. Жилинского и полковника в отставке К.Я. Витукевича в марте 1919 г. началось формирование Национального ополчения (по финскому образцу), численность которого к 1 февраля 1920 г. достигла 10 тысяч человек при 75 офицерах. С 15 апреля 1919 г. в Северной области осуществлялся призыв всех офицеров до 45 лет включительно³⁵⁸. 24 мая 1919 г. помощник генерал-губернатора Северной области по управлению Мурманским районом В.В. Ермолов издал аналогичный приказ о призыве всех офицеров, врачей и военных чиновников до 45 лет³⁵⁹.

3 июня 1919 г. началась эвакуация союзников с Севера, что, как признавали белые, предопределило последующий разгром и их самих. 10 июня по решению Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака Миллер был назначен главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против большевиков на Северном фронте. 12 июля правительство передало Миллеру всю полноту власти, но уже 2 августа отменило свое решение.

Летом 1919 г. произошло несколько восстаний в войсках белых и союзников, в некоторых случаях сопровождавшихся убийствами собственных офицеров, часть восставших (5-й Северный стрелковый полк, группа солдат 6-го полка) даже сумела перейти к красным. В общей сложности, за год, начиная с 29 августа 1918 г., в антибольшевистском лагере на Севере России произошло 18 солдатских выступлений³⁶⁰. В результате одного из них 22 июля 1919 г. белым пришлось оставить

город Онегу. Под влиянием этих событий союзники ускорили эвакуацию с Севера.

В августе белые осуществили перегруппировку сил. Их численность к началу осени 1919 г. была доведена до 25 тысяч человек, около 700 офицеров и военных чиновников прибыли из-за границы. Порядка 12 тысяч человек находилось на фронте. В Архангельске, по данным на 4 сентября 1919 г., насчитывалось всего лишь 39 штаб-офицеров³⁶¹. К 1 февраля 1920 г. силы белых на Севере насчитывали 1492 офицера, 668 врачей и военных чиновников, 39 828 строевых нижних чинов, 13 456 нестроевых нижних чинов, 1568 строевых и 3292 обозных лошади, 125 орудий и 1039 пулеметов³⁶². Советская сторона обладала информацией о том, что у белых к концу января 1920 г. имелись 2262 офицера³⁶³. Впрочем, эти данные нельзя считать официальными.

16 января 1920 г. командующий 6-й советской армией А.А. Самойло издал приказ о подготовке к наступлению на всех направлениях. Наступление красных, несмотря на глубокий снег, 40-градусный мороз и плохое обмундирование, увенчалось успехом. Оно сопровождалось полным развалом Северного фронта белых, массовым солдатским дезертирством, связанным с осознанием бессмысленности продолжения борьбы. Фактически в период с 8 по 15 февраля красные ликвидировали основные участки сопротивления. По мнению полковника В.А. Жилинского, «Северная область существовала настолько, насколько существовала военная сила»³⁶⁴.

Как и на некоторых других антибольшевистских фронтах, офицерская масса винила во всех неудачах начальника штаба армии, то есть генерала М.Ф. Квецинского. Утверждали, что «генералу Квецинскому своя рубашка ближе к телу!»³⁶⁵ Было распространено мнение о том, что, оказавшись Квецинский в плену вместе с другими офицерами, его бы непременно убили бы свои же³⁶⁶, а расстреливаемые «на мхах» вокруг Архангельска якобы даже «просили живых — клятвенно завешать передать миру, что Квецинский — палач и редко встречающийся негодяй»³⁶⁷. Недовольство начальником штаба было столь велико, что Миллер в угоду общественным настроениям был вынужден уволить Квецинского, хотя последний фактически продолжал выполнение обязанностей начальника штаба до самого падения Северной области.

16 февраля 1920 г. из Архангельска в Мурманск был отправлен оперативный отдел штаба главкома. Однако Миллер до последнего

сохранял оптимизм и, лишь узнав о безнадежном положении фронта за несколько часов до падения области, «положительно осунулся и постарел»³⁶⁸. Морозным утром 19 февраля 1920 г. белые эвакуировали Северную область, отправившись на ледоколе «Козьма Минин» и паровой яхте «Ярославна» в изгнание. Эвакуация белых не была заранее подготовлена и скорее напоминала позорное бегство, а число желавших покинуть Север существенно превышало количество мест на этих судах. В итоге тысячи солдат и офицеров были вынуждены остаться, а выехали, прежде всего, чины штаба Миллера, родственники и знакомые белого командования, личная охрана Миллера из датских солдат, а также архангельские купцы и спекулянты, получившие места за взятки³⁶⁹. Первоначально предполагалось высадиться в Мурманске, но в связи с его падением «Минин» направился в Норвегию (Тромсе). Среди уехавших в Норвегию были Е.К. Миллер (летом 1920 г. уехал в Париж), М.Ф. Квещинский и С.С. Саввич³⁷⁰. Вместе с Миллером эвакуировались 220 сухопутных и около 100 флотских офицеров, позднее с Мурманского фронта эвакуировались 377 офицеров, итого не менее 697 человек³⁷¹.

21 февраля 1920 г. части Красной армии вошли в Архангельск. Тех, кто не успел эвакуироваться за границу, ждала тяжелая участь. Из Архангельска некоторое время никого не выпускали для проведения регистрации офицеров (а затем еженедельных перерегистраций) и репрессий. После падения Северного противобольшевистского фронта многие офицеры, служившие у белых, попали в плен и подверглись репрессиям. Они обоснованно считали себя преданными штабом Миллера. Представляются достоверными данные о том, что в плен в разных местах попали 826 офицеров³⁷².

Обобщенная статистика движения офицерского корпуса антибольшевистских вооруженных формирований белого Севера представляется в следующем виде. К первоначально участвовавшим в борьбе 200 офицерам летом 1918 г. прибавились 500 мобилизованных. К концу 1918 г. зарегистрировались около 1000 офицеров (по всей видимости, сверх 700, уже находившихся на службе), не менее 700 офицеров приехали из-за рубежа, некоторое количество было произведено в офицерские чины в 1918–1920 гг. Всего через антибольшевистские формирования на Севере России за время Гражданской войны прошли не менее 2393 офицеров. К февралю 1920 г. до 1000 человек уехали с Севера, попали в плен или погибли. К концу войны на службе оставались 1492

человека. Из оставшихся порядка 700 человек эмигрировали и порядка 800 попали в плен. Вопрос о численности репрессированных бывших белых офицеров-северян остается открытым³⁷³.

* * *

Основой формирования Северо-Западной армии послужил Отдельный Псковский добровольческий корпус Северной армии (Отдельный корпус Северной армии, Северный корпус, Северная армия), формирующийся при германской поддержке осенью 1918 г. в Псковской губернии. Корпусом командовали генерал-майоры Б.С. Малявин, А.Е. Вандам, полковник Г.Г. фон Неф.

Первоначально в корпус записались 1500 человек, 40% которых составляли офицеры³⁷⁴. После этого приток желающих резко пошел на убыль. К 20 ноября 1918 г. в корпусе по документам числились 2 генерала, 52 штаб-офицера и 640 обер-офицеров. Большинство офицеров находилось во Пскове. Другими пунктами их сосредоточения были Остров и Режица³⁷⁵. По свидетельству побывавшего в Пскове осенью 1918 г. генерала А.П. Родзянко, формирования выглядели несерьезно: «Шатающиеся по городу офицеры были, по-видимому, люди ничем не занятые; во многих магазинах за прилавками я видел приказчиков, одетых в офицерскую форму. Еще более я убедился в правильности своего первого неблагоприятного впечатления, когда пришел в штаб: главную роль там играли молодые немецкие офицеры, прикомандированные к германскому Генеральному штабу, но производившие далеко не солидное впечатление»³⁷⁶.

В силу обстоятельств на Северо-Запад приезжали офицеры, ранее служившие в украинских войсках и затем оказавшиеся в Германии. При этом многие офицеры не стремились в организованные немцами формирования. Другим источником комплектования стали перебежчики из Красной армии. Таким путем в антибольшевистские формирования попали будущие видные их деятели Б.С. Пермикин, С.Н. Булак-Балахович, Д.Д. Нелидов и др. Часть белых отрядов формировалась в Прибалтике (в частности, в Риге) под руководством светлейшего князя А.П. Ливена и капитана К.И. Дыдорова. Прибывали офицеры и из других государств (прежде всего, бывшие военнопленные, оказавшиеся в Европе). Иногда пополнения поступали с неожиданной стороны. Так, летом 1919 г. в Северо-Западную армию прибыли порядка

80 офицеров в составе Тульского отряда из восставших в Гомеле в конце марта 1919 г. частей 2-й (Тульской) бригады 8-й стрелковой дивизии РККА. Восставшие перешли на сторону петлюровцев, некоторое время сражались вместе с ними, после чего ушли в Польшу, были интернированы и затем попали в Северо-Западную армию.

Первоначально антибольшевистские формирования были крайне слабыми при пассивно державшемся командовании, в войсках не было должной дисциплины, по мере увеличения количества офицеров стали развиваться и интриги. Споры возникли по вопросу о необходимости проведения мобилизации. Заметную роль в формированиях играли немецкие офицеры. Показательно, что по причине малочисленности войск в ноябре 1918 г. пришлось даже распустить штаб 1-й добровольческой стрелковой дивизии³⁷⁷.

После поражения немцев в Первой мировой войне началась их эвакуация. Одновременно активизировались и части РККА, перешедшие через демаркационную линию и занявшие Псков. Слабые русские формирования отошли в Эстонию. Поддержка русских формирований резко ослабла. По официальным данным, к 24 ноября 1918 г. в Отдельном Псковском добровольческом корпусе состояли 689 офицеров, в том числе один генерал. Общая численность соединений составляла 3459 человек³⁷⁸. По другим подсчетам, офицеров могло быть до 810 человек³⁷⁹.

В связи с отступлением на фронте и переходом русских формирований на эстонскую территорию корпус вошел в подчинение Эстонии. Отдельный корпус Северной армии 3 января 1919 г. возглавил полковник А.Ф. Дзержинский, назначенный на этот пост эстонским главнокомандующим Й. Лайдонером. Эстонские власти опасались белых (был зафиксирован ряд преступлений с их стороны, эстонцы боялись и возможного захвата власти), но стремились их использовать для отражения советского наступления. При этом высказывались сомнения в боеспособности русских формирований. На 13 января 1919 г. в корпусе числились 22 штаб-офицера и 450 обер-офицеров³⁸⁰. При реорганизации корпуса командование столкнулось с проблемой дефицита квалифицированных кадров, в частности офицеров-генштабистов.

Численность офицеров постепенно менялась. К 10 марта в корпусе служили 2 генерала и 743 офицера, к 16 апреля — 2 генерала, 65 штаб-офицеров и 587 обер-офицеров³⁸¹. Интересно, что в белых фор-

мированиях на Северо-Западе фигурируют и офицерские части (например, отдельная офицерская сотня). Хотя численность белого офицерства здесь не позволяла реализовывать такие проекты.

В мае 1919 г. Отдельный корпус Северной армии при поддержке Эстонии участвовал в неудачном наступлении на Петроград. Одной из причин неудачи стала слабость офицерского состава. 19 июня корпус был переименован в Северную армию, которая вышла из оперативно-го подчинения эстонским властям. Несколько ранее, 5 июня 1919 г., по решению Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака главнокомандующим русскими войсками на Северо-Западном фронте был назначен генерал Н.Н. Юденич — герой Кавказского фронта Первой мировой войны.

Северо-Западная армия была создана 1 июля 1919 г. из Северной армии. Непосредственное командование ею Юденич принял в октябре 1919 г., несмотря на недовольство командовавшего армией генерала А.П. Родзянко. Родзянко стал помощником командующего фронтом. Штаб главнокомандующего Н.Н. Юденича также конфликтовал со штабом армии генерала А.П. Родзянко. Подобный конфликт в период решающей операции был излишним. Уровень конфронтации вполне обрисовывает оскорбительная и абсурдная характеристика, данная Родзянко весной 1920 г. Юденичу — заслуженному военачальнику эпохи Первой мировой войны с непререкаемым авторитетом: «Огромная ответственность за гибель армии лежит на самом генерале Юдениче, человеке безвольном и упрямом, которому были совершенно чужды стремления и желания борцов за правое дело. Этот дряхлый старик не имел права брать на себя столь ответственную роль»³⁸². Напомню, что «дряхлому старику» в период наступления на Петроград осенью 1919 г. было только 57 лет, а безволие и упрямство являются во многом взаимоисключающими качествами.

Однако этот конфликт не был единственным. Конфликтовали командир Талабского полка полковник (позднее — генерал) Б.С. Пермикин и начальник 3-й пехотной дивизии генерал Д.Р. Ветренко, причем командование даже стало избегать дислоцировать подчиненные им части на соседних участках. Существовала тенденция не допускать в армию и некоторых офицеров немецкой ориентации³⁸³. Белое командование беспокоила вероятность возникновения в освобожденном от большевиков Петрограде прогерманского правительства, враждебного белым³⁸⁴.

В июле 1919 г. армия была реорганизована — появились корпуса и дивизии. К концу июля численность офицеров составляла 763 человека (при 13 962 штыках и 487 саблях), а к 3 октября — 978 человек (при 14 048 штыках и 345 саблях)³⁸⁵. Численность морских офицеров в войсках Юденича к концу наступления на Петроград составляла до 250 человек³⁸⁶. Офицеров-авиаторов на 1 января 1920 г. насчитывалось 22 человека (управление инспектора авиации, три авиаотряда и авиабаза)³⁸⁷. Максимальная документально подтвержденная численность офицеров-северо-западников составляет 1200 человек³⁸⁸.

Как и на других антибольшевистских фронтах, развертывание армии, появление многочисленных штабов и управлений приводило к ухудшению ее качества. В небольшой армии оказались 54 генерала³⁸⁹. Командный состав не понимал психологии Гражданской войны³⁹⁰. При этом стала ощущаться нехватка офицеров. Помимо мотивированного ядра офицеров-добровольцев, стремившихся активно бороться с красными, существовала и значительная масса тех, кто предпочитал отсиживаться в тылу, занимая выгодные места. Так, на 13 сентября 1919 г. в штабе армии числились уже 500 офицеров и военных чиновников. В тыловой Нарве находились порядка 1600 офицеров, тыловой гарнизон в составе 993 человек, включая 77 офицеров, существовал даже в Ревеле. Характерной структурой стал Морской походный штаб при генерале Н.Н. Юдениче, которым руководил контр-адмирал В.К. Пилкин. В распоряжении штаба числились 130 флотских офицеров, хотя флота у Юденича не было³⁹¹. Предполагалось, что с занятием белыми Кронштадта штаб можно будет использовать для организации управления Балтийским флотом.

Бичом белых стало ускоренное чинопроизводство при нехватке опытных и квалифицированных кадров. Известны случаи столкновений офицеров с эстонцами под воздействием разных факторов (в том числе на почве ожидания от Эстонии более значительной поддержки белым), среди офицеров встречались самозванцы³⁹², получило распространение и пьянство³⁹³. Уже после отхода армии Юденича на территорию Эстонии, в ноябре — декабре 1919 г. были образованы комиссии для расследования преступлений и саботажа в тылу. По итогам работы этих комиссии в наиболее значимых преступлениях изобличались 112 офицеров и военных чиновников³⁹⁴.

По оценкам исследователей, Северо-Западная армия существенно превосходила противостоявшие ей части РККА по качеству коман-

диров тактического звена³⁹⁵. Однако председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий в докладе на заседании ВЦИК 7 ноября 1919 г. озвучил иную точку зрения: «Наших коммунистов — командиров и комиссаров — не могут заменить Юденичу те офицеры, которых так много в главных его частях. Эти офицеры, конечно, способны на героизм. Там было немало истреблено их, таких офицеров Юденича, в жестоких боях, но это все же представители мелкобуржуазной интеллигенции: они способны на порыв, легко окрыляются при успехе, но после первой же неудачи падают духом. Совсем другое дело московские и петроградские пролетарии: чем их больше бьют удары судьбы, тем они делаются крепче»³⁹⁶. Основным преимуществом армии Юденича, по мнению Л.Д. Троцкого, была подвижность³⁹⁷.

В Северо-Западной армии имелись два корпуса и отдельная бригада³⁹⁸. Несмотря на высокий профессионализм Юденича, армия не имела налаженного тыла, страдала от плохого снабжения, испытывала серьезные организационные и кадровые проблемы, в том числе с командным составом. Выбора кадров и достаточного количества генштабистов не было, что сильно осложняло работу штабов³⁹⁹. Всего на белом Северо-Западе служил 31 выпускник Николаевской военной академии, еще 9 генштабистов служили в Западной Добровольческой армии П.Р. Бермондта-Авалова. Командиры корпусов Северо-Западной армии высшим военным образованием не обладали. Из шести начальников дивизий таковое имели трое. Тыловые администраторы не отличались энергичностью.

По причине общей слабости и разрозненности белых какой-либо координации в обмене кадрами с другими антибольшевистскими армиями и фронтами (например, с Югом России, где существовал переизбыток офицеров всех специальностей) не проводилось. Проблематично было перебрасывать даже тысячи офицеров, оказавшихся в Европе. Генерал П.А. Томилов отмечал: «Итак, дело пополнения армии до состава, необходимого для перехода к решительной операции против Петрограда, по-прежнему стояло на мертвой точке. Особенно чувствителен был острый недостаток в офицерском составе для образования действительно прочных кадров, в которые можно было бы вливать в течение самого наступления переходящих на нашу сторону красноармейцев, а также добровольцев из населения вновь занимаемых районов. Неиспользованных еще русских офицеров было много разбросано по всей Европе, но от-

правление их эшелонами встречало такие же затруднения, как и отправления солдат; так, например, вопрос о тоннаже для перевозки 400 офицеров из Англии затянулся до того, что они попали наконец на Северо-Западный фронт тогда, когда уже наступательная операция потерпела фиаско и армия отошла к границам Эстонии. Удавалось пробираться одиночным порядком офицерам, обладавшим достаточной настойчивостью и инициативой, но и для этого нужны были средства для выдачи на проезд и особенно для обеспечения семейств, а средств достаточных, ресурсов на это не было»⁴⁰⁰. Не увенчались успехом попытки проведения мобилизации русских офицеров в Европе — местные власти не собирались контролировать процесс, и мобилизация осталась лишь на бумаге. Не горели желанием воевать и сами офицеры. Так, по оценке белой разведки, на 1 июня 1919 г. «в Финляндии русские офицеры — частные люди. Частью негодяи, частью живут впроголодь, денег нет, разбегаются»⁴⁰¹.

Как и на других антибольшевистских фронтах, на Северо-Западе также выделились энергичные и по-своему талантливые командиры партизанского толка, не всегда подчинявшиеся приказам, — тщеславные авантюристы, искатели приключений, пользовавшиеся революционным безвременьем и слабостью верховного командования. К подобному типу начальников относился С.Н. Булак-Балахович, которого некоторые сослуживцы прямо считали бандитом⁴⁰². Этот авантюрист менее чем за год службы у белых проделал головокружительную карьеру от штабс-ротмистра до генерала и командира корпуса. При этом приобрел одиозную известность печатанием фальшивых керенок и актами террора. Впоследствии Балахович даже захватил и арестовал главнокомандующего генерала Н.Н. Юденича, чтобы добиться от него выплаты денег, но затем сам скрылся от ареста. Одиозную известность приобрел и другой авантюрист — полковник П.Р. Бермондт-Авалов, возглавивший прогерманскую (и в значительной степени состоявшую из немцев — 40 тысяч из 52 тысяч человек⁴⁰³) Западную Добровольческую армию. Вопреки приказам Н.Н. Юденича эта армия воевала вместо красных с латышами, что наносило белым непоправимый ущерб, ослабляя и раскалывая фронт. В результате для отражения наступления Бермондта на Ригу объединились латыши, эстонцы, англичане и французы. По существу Бермондт реализовывал интересы германских правых кругов, заключавшиеся в ослаблении опиравшихся на Антан-

ту белых. В октябре 1919 г. Юденич специальным приказом объявил Бермондта изменником и исключил его из армии⁴⁰⁴. Еще одним постоянным нарушителем приказов являлся начальник 3-й стрелковой дивизии генерал Д.Р. Ветренко.

Не оправдались надежды и на содействие сравнительно мощного белого подполья в Петрограде, которое оказалось разгромлено ВЧК. В середине ноября армия после неудачного похода на Петроград отступила на территорию Эстонии. 29 ноября из Ревеля в Иркутск капитан 1-го ранга П.А. Новопащенко, руководивший разведкой и контрразведкой Северо-Западной армии, отправил телеграмму, в которой сообщал: «Старый режим не в состоянии победить большевиков. Старый режим в смысле казенной мертвечины и бездушного службизма. Армия организовалась с полным пренебрежением к особенностям Гражданской войны и настоящей психологии масс. Армия не была живым организмом с единым сознанием, с телом. Ответственные посты были заняты разношерстной группой начальников, разнородно политически настроенных, разных ориентаций. Людей, непопулярных среди солдат и чуждых им, иногда ярых службистов»⁴⁰⁵.

В разгар наступления на Петроград начальник 3-й пехотной дивизии генерал Ветренко не выполнил приказ командования перерезать Николаевскую железную дорогу в районе Тосно, чтобы взорвать мосты, прервать сообщение с Москвой и перекрыть поступление пополнений в «колыбель революции» (впрочем, железнодорожное сообщение с Москвой существовало и через Вологду). По всей видимости, именно на Ветренко лежит основная ответственность за срыв операции⁴⁰⁶. При этом нужно учитывать, что малочисленность армии Юденича и ожесточенность намечавшегося на улицах Петрограда сопротивления едва ли могли принести успех белым.

По оценке генерала П.Н. Симанского, неудача армии Юденича произошла вследствие несогласованности действий начальников, неорганизованности и слабой сплоченности войск, наличия большого количества отдельных частей во главе с «атаманчиками», отсутствия дисциплины и авторитета командного состава, мягкости самого Юденича⁴⁰⁷. Генерал П.А. Томилов отмечал, что «с имевшимися силами и средствами, в сущности, вовсе нельзя было предпринимать такую серьезную операцию, как взятие Петрограда, что вполне создал Юденич, но вынужден был уступить давлению со всех сторон»⁴⁰⁸.

Армия прекратила свое существование в январе 1920 г. К этому времени интернированные эстонцами войска были охвачены чудовищной эпидемией тифа, жертвами которой стали несколько тысяч человек (от тифа умер даже генерал-майор К.А. Ежевский⁴⁰⁹). Для оценки мотивации офицеров-северо-западников показательны результаты опроса здоровых солдат и офицеров относительно дальнейшей службы, проведенного в январе 1920 г. По результатам опроса, 1176 офицеров выразили желание отправиться служить на Юг России и 25 офицеров выбрали Север⁴¹⁰. Характерно и то, что если солдаты в начале 1920 г. массово переходили к красным (только с 3 января по 2 февраля 1920 г. ушли 7611 человек), то офицерский корпус, за некоторым исключением, продемонстрировал твердость убеждений.

ОФИЦЕРЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ АРМИЯХ

В 1917 г. наряду со многими новыми явлениями российской жизни на развалинах империи стартовал процесс образования независимых национальных государств. Разумеется, в этот процесс не могли не быть вовлечены тысячи офицеров и солдат, происходивших из губерний, отошедших к новообразованным государствам или принадлежавших к доминировавшим там национальностям. Волна националистических настроений захлестнула русскую армию. Стали появляться разнообразные национальные формирования — польские, украинские, прибалтийские и закавказские.

Национализация части русской армии была тем политическим процессом, отдаленные последствия которого никто из высших военных деятелей в 1917 г. даже не мог себе представить. Первоначально такие формирования были санкционированы властями в целях оздоровления разлагавшейся революционной армии. Историческим парадоксом является тот факт, что этот «ящик Пандоры» открыли отнюдь не радикалы-националисты, а те лица, которые в последующей антибольшевистской историографической традиции считались едва ли не единственными государственно мыслящими людьми России того времени. Речь идет, в частности, об одном из будущих вождей Белого движения генерале от инфантерии Л.Г. Корнилове. Гетман Украины П.П. Скоропадский, тогда командовавший XXXIV армейским корпусом, вспо-

минал, что летом 1917 г. украинизация осуществлялась в соответствии «с настоятельным требованием бывшего главнокомандующего, Корнилова, теперь уже верховнокомандующего, который, наоборот, требовал полной украинизации вплоть до лазаретных команд»⁴¹¹. Корнилов, видимо, полагал, что украинизация позволит повысить боевой дух войск, однако жестоко просчитался. Самого Скоропадского, якобы предупреждавшего Корнилова о своем неблагоприятном впечатлении от Украинской рады, удивило легкомыслие, с которым тот относился к этому вопросу. Сторонниками украинизации как способа повышения боеспособности части вооруженных сил были генералы Н.Н. Духонин и А.Е. Гутор.

Очень скоро стало понятно, что национальные формирования могут привести только к окончательному развалу и расколу армии. Точка зрения государственно мыслящих людей России на этот вопрос выражена командующим 7-й армией генерал-лейтенантом В.И. Селивачевым, который записал в своем дневнике 22 августа 1917 г.: «Вечером приехал генерал [П.П.] Скоропадский, все, конечно, со своими бесконечными жалобами и просьбами по вопросу украинизации. Пришлось крупно поговорить с ним, т.к. он стал доказывать, что в этой разрухе не он виноват, а те, кто согласился на украинизацию, намекая, конечно, в числе “тех” на меня. Я, не выдержав, резко ответил ему, что он с первых же шагов сделал неправильно, взяв с собой неукраинских офицеров, а теперь поставил их так, что, работая, они могут ожидать только своего ухода из дивизий, которые они обучают, ради каких-то “самостийных” идей, что, на мой взгляд, для России не только вредно, но просто преступно»⁴¹². Сохранились свидетельства о том, что противниками национализации армии были в будущем видные деятели Белого движения генералы М.В. Алексеев, А.И. Деникин и С.Л. Марков, однако последнее слово осталось не за ними.

Незавидной была участь русских офицеров в украинизированных формированиях. По свидетельству Деникина, старые офицеры подвергались издевательствам, оказавшись во власти «щирых» украинских прапорщиков, поставленных над ними⁴¹³. Комитеты без опасений входили в прямую конфронтацию с высшим командованием, поскольку были уверены в собственной безнаказанности. Командир XXXIX армейского корпуса генерал-лейтенант В.Н. Егорьев, вступивший в должность 9 сентября 1917 г., вспоминал: «Первый инцидент произошел с организацией корпусного украинского комитета... На органи-

зацию комитета я согласился, присутствовал на его открытии, дал из собственных средств 100 рублей на обучение украинскому языку (присутствовавшие говорили или по-русски, или на каком-то жаргоне), но в поддержке из казенных сумм и предоставлении прав официального комитета отказал. Как курьез могу отметить, что комитет начал сейчас же рассылать внутренние телефонограммы на украинском языке, что путало работу и что пришлось скоро прекратить. Это мое запрещение было доведено до Киева и послужило источником нападков на меня в украинской печати... За украинским сформировался корпусный польский комитет»⁴¹⁴.

Предпринимались попытки готовить национальные кадры генштабистов на ускоренных курсах Военной академии в Петрограде. В частности, соответствующие квоты были выделены осенью 1917 г. для польских офицеров⁴¹⁵. Командование польских войск в России стремилось пополнить будущую национальную армию квалифицированными офицерскими кадрами и ходатайствовало о приеме офицеров на курсы. Зачисление «на польскую вакансию» позволяло попасть в академию, минуя общий конкурсный отбор. Украинские власти тоже пытались воспользоваться открытием в Петрограде ускоренных курсов академии Генерального штаба и вытребовать квоты на обучение офицеров-украинцев с тем, чтобы они в дальнейшем служили в украинских формированиях. Именно с такой просьбой представитель украинской Центральной рады при ГУГШ обратился в октябре 1917 г. к русскому командованию. Он просил командировать на курсы академии 15 офицеров-украинцев, «предназначаемых для штабов украинизируемых дивизий и корпусов»⁴¹⁶. Однако эта просьба натолкнулась на справедливый протест высшего военного руководства. Исполняющий должность начальника Генерального штаба генерал-майор В.В. Марушевский телеграфировал 5 октября генерал-квартирмейстеру Ставки генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу, что, по его мнению, «создание офицеров Генерального штаба специально для украинских дивизий внесет путаницу в прохождение службы Генерального штаба. Генеральный штаб должен быть единый»⁴¹⁷. Впрочем, на соответствующие послабления в отношении польских офицеров Ставка уже пошла. В итоге было принято решение не выделять специальных квот для украинских офицеров⁴¹⁸.

Большевики, придя к власти, свернули процесс национализации армии. Один из видных большевистских военных работников

Э.М. Склянский сообщал главнокомандующему Н.В. Крыленко в ноябре 1917 г.: «Необходимо замедлить отправку украинских частей из Питера на Украину. Отсюда мы национальных частей не отправляем, избегаем сейчас по стратегическим соображениям формировать какие бы то ни было новые боевые национальные единицы, национализацию старых боевых единиц мы будем производить только [в] том случае, если за это выскажется референдум данной боевой единицы»⁴¹⁹.

Офицеры поступали в национальные формирования по самым разным причинам. В основном по этому пути шли те, кто был связан рождением, родственными связями, службой или имуществом с самоопределившимися территориями. Немалую роль играл фактор случайности. Например, в украинские армии географически проще было попасть тем, кто служил на Юго-Западном и Румынском фронтах Первой мировой войны. Отдельные офицеры «национализировались» подчас при откровенно комических обстоятельствах. Так, например, заключенные в Быхове сторонники генерала Корнилова осенью 1917 г. убедили подполковника И.Г. Соотса в том, что для освобождения ему следует «самоопределиться» как эстонцу. Соотс действительно подал такое заявление, причем воспринимал это как шутку и не думал о действительном самоопределении. Тем не менее впоследствии он стал эстонским военным министром. Находившийся там же капитан С.Н. Ряснянский позднее отметил в своих воспоминаниях: «Составляя в то время это прошение, никто из нас и не подозревал, что автор его будет действительно “самоопределившийся” министр. Сам п[одполковник] Соотс придавал своей просьбе только значение шутки, могущей способствовать его скорейшему освобождению, но никак не “самоопределению”, о чем он, по-видимому, тогда и не думал»⁴²⁰.

Как и в случае с поступлением в Красную армию, в национальные формирования шли не сумевшие себя ранее реализовать в карьерном плане офицеры, ожидавшие теперь быстрого взлета. Это одна из причин, но не самая значительная. Сюда же поступали противники большевиков, надеявшиеся в рядах этих армий принять участие в борьбе с ними или же переждать Гражданскую войну, избежать репрессий. Среди других причин — стремление удержать контроль над частями бывшей русской армии, пошедшими по пути национализации. Например, некоторые офицеры всерьез считали, что, расставив своих людей

в руководстве украинской армии, они смогут уберечь войска от влияния самостийных идей, поддерживавшихся германским Генштабом⁴²¹.

Выбор русских офицеров в пользу национальных армий воспринимался кадровыми офицерами белых армий (а вероятно, и красными военспецами из кадровых офицеров) как нечто противоестественное или анекдотическое. В особенности это относилось к украинской службе, переход на которую носил массовый характер. Офицеры, служившие в Добровольческой армии, относились к украинизировавшимся неприязненно.

Офицеры русской армии поступили на службу в вооруженные силы Финляндии, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии, Украины, Грузии, Армении и Азербайджана. Одной из самых многочисленных была их корпорация в рядах украинских армий. По некоторым данным, офицеров украинского происхождения на 1917 г. могло быть до 60 тысяч человек⁴²². Разумеется, не все они оказались в украинских войсках. В армию гетмана Скоропадского было мобилизовано до 7000 офицеров. Пошедшие по пути национализации офицеры совершенно не обязательно были националистами или носителями антироссийских взглядов. Прибывший с Украины в Екатеринодар капитан Петров докладывал белому командованию осенью 1918 г., что украинские офицеры Генерального штаба «открыто и искренно говорят, что они готовят часть будущей русской армии»⁴²³.

Из условно выделяемых нами возможных причин поступления офицеров в национальные армии лишь одна относится непосредственно к национализму и русофобии, тогда как остальные связаны с антибольшевизмом, местным патриотизмом, с пребыванием на одном и том же месте службы по инерции, с близостью к тому или иному фронту Первой мировой, с проживанием на национальных окраинах, с карьерными или профессиональными потребностями, стремлением удержать контроль над армией либо с социально-экономическими проблемами. Причем антироссийски настроенные офицеры появлялись не только среди тех, кто относил себя к националистам, но и в группе карьеристов-приспособленцев, подстраивавшихся под то, чего от них хотели власти. Пожалуй, только в Финляндии и Польше, где национальная идея уже к 1917 г. глубоко внедрилась в массовое сознание и был укоренен национальный язык, большинство перешедших на службу новым государствам офицеров сделали это действительно по идейным соображениям.

В других новообразованиях ситуация была совершенно иной. Достаточно отметить, что, например, украинизировавшиеся офицеры лишь в редких случаях владели украинским языком, что было поводом для множества шуток, звучавших даже впоследствии, в годы эмиграции. Так, среди 51 офицера Генерального штаба, включенного в список от 24 мая 1918 г., только 37,2% считали себя или своих родственников украинцами, а украинским языком в той или иной степени владели лишь 44%⁴²⁴. По списку на 21 ноября 1918 г., на 305 офицеров владевших украинским языком было еще меньше — 35%, 21% офицеров только изучали язык и владели им слабо, 42% вообще не знали языка⁴²⁵.

Если летом 1917 г. офицеры еще писали рапорты с просьбами о переводе в те или иные национальные формирования, то к осени 1917 г. относятся уже самовольные переходы в национальные армии, осуществлявшиеся вопреки распоряжениям высшего начальства. Так, например, по данным на декабрь 1917 г., генерал-майор А.П. Греков на протяжении полутора месяцев не прибывал на должность генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии. Выяснение его местонахождения показало, что он перешел в украинские войска⁴²⁶. В дальнейшем Греков занял видное место в украинской военной элите.

К концу 1917 г. через генерального секретаря по военным делам УНР С.В. Петлюру должны были проходить все назначения в украинизированных формированиях. Например, в Особой армии, располагавшейся в районе Полесья. В частности, Петлюрой не был утвержден назначенный ранее командующим войсками этой армии генерал-лейтенант В.Н. Егорьев. Последний платил Петлюре той же монетой, игнорируя его оперативные приказы. В армии сложилось даже своеобразное противостояние армейского комитета, поддерживавшего Егорьева, с армейской радой, подчинявшейся Петлюре и действовавшей в обход командующего армией. В итоге Егорьев арестовал раду, но в ночь на 31 декабря 1917 г. сам был арестован гайдамаками атамана Певнего (по другим данным — атамана Кудри) и отвезен в бердичевскую тюрьму. Из-за отсутствия верных частей командующий армией не мог обеспечить даже собственную безопасность⁴²⁷. Из Бердичева через двое суток его перевели в Лукьяновскую тюрьму Киева, где пришлось сдать шашку, причем всерьез обсуждалось, арестован ли Егорьев или же взят в плен. С занятием Киева красными в конце января Егорьеву удалось освободиться, причем, как он вспоминал, «у Крыленко я за-

стал т.т. Подвойского и Дыбенко и, указав, что я не украинец и обещав, что в случае опасности для Москвы я, как москвич родом, готов стать на ее защиту, просил отпустить меня к моей Особой армии, командармом которой продолжал считать себя. Просьба эта была уважена...»⁴²⁸

В 1918 г. на территории гетманской Украины, по сути находившейся под германским протекторатом, оказались тысячи офицеров старой армии. Многие из них пошли служить в гетманскую армию. Фактически Украина тогда была наиболее спокойным местом на охваченных Гражданской войной землях бывшей Российской империи. К тому же по отношению к Центральной России это было наиболее близкий в территориальном и культурном плане регион. Здесь сохранялся русский язык, а военная служба по своим принципам была очень похожа на дореволюционную.

По этим причинам масса офицеров решила перебраться сюда, спасаясь от красного террора и втягивания в Гражданскую войну. Как правило, офицеры были настроены антибольшевистски, но отнюдь не в украинском, а, скорее, в русском имперском духе. Как справедливо отметил современный украинский исследователь М.А. Ковальчук, «для многих кадровых офицеров служба в армии Украинской Державы была лишь вынужденным этапом в борьбе за “возрождение России”»⁴²⁹. Единственная оговорка — эта борьба для русского офицерства не заключалась в кавычки.

По свидетельству украинского генерала и бывшего офицера русской армии А.И. Удовиченко, в это время «как в государственный, так и в военный аппарат было собрано для работы немало людей, которые в силу своих русофильских тенденций смотрели на Украину как на плацдарм для формирования антибольшевистских сил»⁴³⁰. Тот факт, что большинство офицеров, служивших на Украине при гетмане Скоропадском, были враждебно настроены по отношению к украинской национальной идее, признают и сами украинские авторы⁴³¹.

Полковник Б.И. Бучинский писал генералу А.И. Деникину 23 июля 1922 г.: «С огромным интересом прочел I том Ваших “Очерков” и еще раз пережил ту горечь и боль, которую пережили все любящие свою Родину люди, когда на наших глазах разваливалась армия и гибла Россия. К сожалению, в 18 и 19 годах, когда была полная возможность избавить Россию от большевизма и дать ей национальное правительство, дело наше провалилось. Интересно, как Вы объясните это в Вашем труде. Я полагаю, что несчастье все в том, что большинство преследовало

свои личные цели мелкого карьеризма* и благополучия, совершенно не заботясь об интересах страны. Достаточно вспомнить**, что большинство офицеров Ген. штаба, старших начальников и чиновников явились к нам только после крушения гетманства, потеряв там свое жалование»⁴³². Таким образом, по мнению одного из штаб-офицеров Генерального штаба, которое, скорее всего, разделял и сам Деникин, подчеркнутый наиболее острый фрагмент этого письма, в гетманской армии офицеры задерживались из-за жалованья и карьерных соображений.

При увольнении летом 1918 г. офицеров военного времени из гетманской армии с предоставлением им права доучиваться в военных училищах, многие из уволенных пополнили ряды противников режима, поддержав народных вожаков С.В. Петлюру и Н.И. Махно⁴³³.

После падения режима гетмана Скоропадского из украинской армии бежали тысячи бывших офицеров русской армии, которым было не по пути с пришедшими на смену Скоропадскому радикальными украинскими националистами из Директории. Тем более что Директория была ответственна за расстрелы офицеров в Киеве и гонения на офицерство. Численность офицерского корпуса сократилась примерно вдвое. Даже начальник украинского Генерального штаба подполковник (с 31 октября 1918 г. — полковник) А.В. Сливинский (Слива) после крушения гетманской власти оказался в Одессе, был зарегистрирован у красных, а затем перешел к белым⁴³⁴. В белых армиях отношение к офицерам, пошедшим по пути национализации, было отрицательным (хотя и не столь нетерпимым, как к красным), при попадании к белым такие офицеры подлежали военно-полевому суду.

В то же время служба в национальных армиях предполагала ряд условий, шедших вразрез с традиционными взглядами русских офицеров. К примеру, признаком лояльности офицера петлюровскому (в меньшей степени гетманскому) руководству являлось отсутствие с его стороны контактов с какими бы то ни было организациями или частными лицами, устойчиво ассоциировавшимися с Россией, неиспользование русского языка в устной или письменной речи, презрительное отношение к «москалям» (как во многих украинских документах того времени именовались русские). В Украинской галицийской ар-

---

* Подчеркнуто А.И. Деникиным.

** Далее предложение подчеркнуто на полях А.И. Деникиным.

мии выходцы из старой русской армии должны были служить вместе со своими недавними врагами — австрийцами, поскольку кадровые офицеры бывшей австро-венгерской армии составляли основу старшего и высшего командного состава галицийских войск. Только младший и средний комсостав был представлен украинцами и галичанами.

Офицерами, действительно связавшими свою судьбу с украинским национальным движением, могут считаться лишь те, кто находился в украинских войсках на протяжении всей Гражданской войны. Разумеется, таких было гораздо меньше, чем прослуживших в украинских армиях какой-то период войны. Например, среди выпускников академии Генерального штаба таких было только 10%, в том числе знаковые для украинского национального движения фигуры генералов В.Н. Петрова, А.И. Удовиченко и некоторых других. Как правило, эти люди, сделавшие в украинских формированиях неплохую карьеру, являлись махровыми националистами и русофобами. Например, на страницах своих мемуаров генерал Удовиченко писал о белых и красных «москалях», порабошавших Украину⁴³⁵. Точно так же рассуждал и бывший начальник Генштаба УНР генерал Петров, потомок шведов и норвежцев, любивший для подчеркивания своей «щирости» ходить в украинской «вышиванке».

Интересны рассуждения служившего в украинских войсках генерала русской армии Г.Е. Янушевского о различных категориях украинских офицеров. Офицеры военного времени из бывших унтер-офицеров, по мнению Янушевского, были одной из наиболее ценных составляющих украинского офицерства. «Эта категория старшин*, по крайней мере, знала низшую, ремесленную сторону военного дела»⁴³⁶. Янушевский считал, что с грехом пополам они могли быть младшими офицерами и даже сотенными командирами. Генерала больше всего возмущало самомнение этих лиц, которые, несмотря на отсутствие должного образования, претендовали на посты в армейском руководстве, а некоторые даже дослужились до генеральских чинов. Другой категорией украинского офицерства военного времени была учащаяся молодежь. Как правило, это были националисты-романтики, увлеченные борьбой за Украину. Большинство же офицеров из повстанческих «отоманов» и «отоманчиков» никакого образования не имели. Их основным занятием был грабеж, при этом такие командиры гордились

---

* Офицеров (укр.).

тем, что они «ширые» (искренние) и «певные» (надежные), поскольку умели говорить на «ридной мове». Не случайно головного атамана С.В. Петлюру украинские офицеры неофициально именовали «угловным атаманом»⁴³⁷. Янушевский резюмировал: «В те времена разговор на каком-нибудь ином языке, кроме украинского, считался вполне достаточным основанием для изгнания из армии без всякого разговора образованных старшин как “непевных”»⁴³⁸.

Уровень подготовки украинских офицеров ярко демонстрирует интереснейший доклад от 20 мая 1919 г. командующего Северной группой армии УНР полковника В.И. Желиховского главному атаману и наказному атаману о состоянии войск группы. В докладе отмечалось, что новые работники штаба группы не были знакомы с функциями штабного аппарата⁴³⁹. «В самом штабе Северной группы пришлось встретить*, как уже и раньше отмечено, аппарат расстроенный, многие из офицеров, за исключением оперативного отдела, оказались мало подготовленными к своей работе; например, управление дежурного генерала не могло составить точной и приведенной в систему ведомости состава войсковых частей, штабов и инстанций, входящих в состав группы. В результате пришлось отчислить от должности дежурного генерала полковника Ластовского и назначить взамен его, а также кое-кого из офицеров — офицеров из состава штаба Отдельного пограничного корпуса. В штабе группы работа, по-видимому, не имела характера систематически точно налаженного часового механизма, каковою она должна быть на самом деле, чтобы действительно быть продуктивной. Раньше все делалось, очевидно, между прочим, походя, и большинство распоряжений отдавались писались самолично бывшим начальником штаба, генералом Агапеевым, который, благодаря этому, один был в курсе всех дел и вполне ориентирован, а остальные чины штаба — в очень малой степени»⁴⁴⁰. По мнению Желиховского, «офицерский состав в частях в общем стоит далеко не на должной высоте... были случаи, когда офицеры первыми покидали порученные им боевые участки, когда под их влиянием козаки отказывались идти на позицию... Особенно трудно стоит вопрос с [о] старшим командным составом на ответственных должностях — командиров полков и начальников дивизий... Очень тяжело стоит вопрос с офицерами Генерального штаба: во-первых, их мало, во-вторых — в большинстве это

---

* Здесь и далее подчеркнуто в документе.

молодые без достаточной теоретической и практической подготовки люди»⁴⁴¹. В целом, офицерский корпус УНР был немногочисленным. По сведениям к 1 июня 1922 г., в армии УНР, интернированной на территории Польши, насчитывалось 2863 офицера⁴⁴². В различные периоды 1919–1922 гг. численность офицерства колебалась в пределах 2414–3888 офицеров⁴⁴³, что существенно ниже семитысячного офицерского корпуса, мобилизованного при Скоропадском. Всего через украинские армии могло пройти до 12 тысяч бывших офицеров русской армии. В период Гражданской войны на Украине велась подготовка национальных офицерских кадров. Несколько выпусков в конце 1917 г. дали украинское отделение 2-й Киевской школы прапорщиков и 1-й и 2-й Украинских военных школ. Осенью 1919 г. был осуществлен выпуск 163 хорунжих из Житомирской военной школы. Дальнейшие выпуски офицеров производились уже в эмиграции.

Создатели польской армии столкнулись с завышенными амбициями офицеров. Так, например, генерал-лейтенант И.Р. Довбор-Мусницкий при формировании польского корпуса в 1917 г. отмечал, что некоторые офицеры-поляки из русской армии требовали себе назначений на два чина выше, чем имели. При этом остро ощущалась нехватка старших офицеров⁴⁴⁴.

Поляки традиционно уделяли повышенное внимание внешней атрибутике. В рапорте командующему польскими войсками во Франции генералу Ю. Галлеру о состоянии польских войск в Сибири от 19 января 1919 г. сообщалось: «Не имея никаких указаний по вопросу о повышении в чинах, командование вынуждено было повысить звания большому числу офицеров. Это было сделано по двум причинам: 1-е, у нас совершенно нет офицеров высших званий и слишком разительной была бы разница между званием и занимаемой должностью; 2-е, это необходимо для сношений с русскими, которые привыкли уважать чины, только высокие звания могут им импонировать. Кроме того, повышение офицеров очень запаздывает, в конце концов начальство вынуждено было использовать это средство как необходимый стимул для работы и как вознаграждение»⁴⁴⁵.

К 23 сентября 1919 г. в польской армии насчитывалось по списку 11 040 офицеров, в том числе 3950 в боевом составе⁴⁴⁶. Польская армия формировалась на основе сочетания опыта и традиций различных европейских армий. Выходцы из русской армии были лишь одной из нескольких групп польского командного состава, в котором количе-

ственно лидировали австрийские офицеры. Таким образом, польский офицерский корпус не обладал необходимым единством, офицеры польской армии представляли различные военные школы и даже еще недавно враждующие армии. Представляет интерес сравнение численности генералов и старших офицеров в польской армии в марте и в сентябре 1920 г. по их происхождению (см. табл. 3).

Таблица 3

Происхождение высшего и старшего командного состава польской армии (март — сентябрь 1920 г.)⁴⁴⁷

Чин	Дата	Происхождение						Всего	%
		Австрийская армия	Русская армия и восточные формирования	Легионы	Армия Ю. Галлера	Немецкая армия	Гражданских		
Генера- лы	03.1920	42	71	5	—	2	—	120	7,9
	09.1920	54	56	11	4	3	—	128	5,7
Полков- ники	03.1920	116	200	7	—	1	1	325	21,3
	09.1920	159	133	49	10	14	—	365	16,3
Под- полков- ники	03.1920	187	196	31	—	2	21	437	28,7
	09.1920	297	254	128	28	57 ⁴⁴⁸	—	764	34,2
Майо- ры	03.1920	222	162	95	—	15	147	641	42,1
	09.1920	439	234	224	41	40	—	978	43,7
Итого	03.1920	567 37,2%	629 41,3%	138 9%	—	20 1,3%	169 11,1%	1523	100
	09.1920	949 42,5%	677 30,3%	412 18,4%	83 3,7%	114 5,1%	—	2235	100

В таблице 3 представлены данные о высшем и старшем командном составе. Выходцы из русской армии в нем насчитывали примерно от 30 до 41%. Приведем данные об офицерах русской армии во всей польской армии. По сведениям на 1917 г., в русской армии насчитывалось 119 генералов польского происхождения и до 20 тысяч офицеров-поляков. Разумеется, не все они перешли в национальную армию.

Достаточно вспомнить, что наполовину поляком был вождь Белого движения на Юге России генерал-лейтенант А.И. Деникин, которого польское командование едва ли могло считать своим единомышленником. В общей сложности к марту 1920 г. в польской армии служили 71 генерал, 200 полковников, 196 подполковников, 162 майора, 523 капитана, 1758 лейтенантов и 3294 подлейтенанта из русской армии или восточных формирований. Всего 6204 человека, или 26,9% офицерского корпуса. Для сравнения, австрийские офицеры составляли 38,2%, офицеры из легионов — 17,7%, офицеры из немецкой армии — 5,3%⁴⁴⁹. Бывшие русские офицеры преобладали в старшем и высшем командном составе. Так, к марту 1920 г. бывшие русские офицеры составляли более 59% всех польских генералов, 61,5% всех полковников польской армии. Далее процент снижался. Так, среди подполковников выходцы из русской армии, будучи наиболее многочисленной группой, составляли 44,8%. Среди майоров уже доминировали австрийцы. Однако по политическим причинам главенствующее положение в польском командном составе постепенно заняли близкие Ю. Пилсудскому выходцы из польских легионов, а не представители тех групп командного состава, которые доминировали количественно. Главкомандующим польской армией был противник Пилсудского, авторитетный бывший генерал русской армии И.Р. Довбор-Мусницкий, претендовавший на лидерство в армии и в стране. Проиграв более искушенному в политике Пилсудскому, он оказался отстранен от власти и в марте 1920 г. был вынужден уйти в отставку. К сентябрю 1920 г. соотношение различных групп офицеров изменилось не в пользу «русских». В генералитете они были представлены теперь только 43,7% офицеров, хотя оставались самой крупной группой, среди полковников «русские» составляли лишь 36,4%, среди подполковников — 33,2%, среди майоров — менее 24%. Таким образом, на протяжении 1920 г. состав польского офицерского корпуса радикально изменился за счет ухода из него генералов и полковников русского происхождения, наплыва офицеров из австрийской армии и польских легионов.

Тем не менее в 1921 г. 44% генералитета было представлено выходцами из русской армии (41 человек)⁴⁵⁰. К 1921 г. общая численность польского офицерства достигла 145 генералов и 29 960 офицеров. По штатам мирного времени решено было оставить на службе 18 943 офицера, для чего была проведена переаттестация. Ее успешно прошли 18 172 генерала и офицера, в том числе 6426 офицеров из австро-вен-

герской армии, 5079 офицеров русской армии, 1449 офицеров немецкой армии. Неаттестованные были уволены в отставку или переведены в резерв. В период 1918–1921 гг. в Польше сложилась целая сеть военно-учебных заведений различного профиля. Подготовка и переподготовка польских офицеров в этот период осуществлялась при помощи инструкторов из французской военной миссии.

Как и польская армия, финские вооруженные силы имели несколько разнородных источников комплектования офицерским составом. В начале 1918 г. на службу в финскую армию перешли порядка 150 офицеров русской армии, мобилизация дала еще около 100 офицеров⁴⁵¹. Как и для некоторых других национальных армий, возникших на развалинах Российской империи, для финской армии было характерно постепенное вытеснение выходцев из русской армии с руководящих постов и замена их офицерами иного происхождения — прибывшими из Германии антирусски настроенными финскими добровольцами — участниками егерского движения из 27-го Прусского королевского егерского батальона германской армии⁴⁵². На фоне того, что в Финляндии шли этнические чистки русского населения, бывшие русские офицеры воспринимались егерями с недоверием как представители государства, подавлявшего финскую независимость. Несколько десятков егерей получили генеральские чины в финской армии и влияли на ее развитие вплоть до второй половины XX в. Тем не менее выходцы из русской армии заняли ряд важных руководящих постов. По подсчетам исследователей, на высших должностях оказались 105 выходцев из русской армии⁴⁵³. Отцом-основателем финской государственности был бывший русский генерал-лейтенант, барон К.-Г.-Э. Маннергейм. Начальником финского Генштаба некоторое время состоял известный военный разведчик, полковник русской армии О.К. Энкель. Бывший генерал-майор П.К. фон Герих возглавил военно-учебные заведения Финляндии. Руководил егерями бывший пленный русский генштабист полковник В.В. Теслев, ставший в 1918 г. военным министром и главнокомандующим финской армией. В начале 1918 г. в финскую армию поступили 84 шведских офицера, что вызвало определенные трения и языковые проблемы. Таким образом, в финской армии сочетались три военные школы — русская, шведская и германская.

По данным на октябрь 1920 г., в финской армии служили 110 бывших русских офицеров⁴⁵⁴. В целом, численность финского офицерско-

го корпуса была невелика. С учетом резервистов на 1919 г. она составляла около 880 человек, на 1921 г. — 730 человек⁴⁵⁵. Выходцы из русской армии находились в очевидном меньшинстве, хотя и занимали немало руководящих постов (так, на март 1922 г. выходцами из русской армии были все восемь финских генералов, а также 12 из 14 полковников⁴⁵⁶). Разумеется, это порождало конфликты. Уже в 1920 г. на страницах печати звучали призывы изгнать из армии офицеров, ранее служивших в русской армии. К 1930 г. в результате чисток в финских регулярных вооруженных силах остались служить 35 бывших офицеров Русской императорской армии⁴⁵⁷.

Офицеры русской армии служили и в армиях государств Закавказья. Создание национальных частей из закавказских народов было санкционировано решением Временного правительства от 28 июня 1917 г. Осенью 1917 г. в Закавказье в обстановке развала Кавказского фронта из частей русской армии началось формирование национальных корпусов — Армянского, Грузинского, Азербайджанского и Русского. Позднее первые три корпуса стали основой национальных армий независимых закавказских республик.

В период Гражданской войны, как и в других новообразованиях, здесь также, за исключением Армении, велась активная антирусская пропаганда. 9 ноября 1919 г. главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин издал приказ, касавшийся выходцев из русской армии, служивших в вооруженных силах Азербайджанской республики: «Ввиду враждебного отношения азербейджанских властей* к русской армии и ввиду вероломного покушения азербейджанских войск на земли Армении, приказываю всем офицерам русской службы, состоящим в азербейджанских войсках, покинуть их ряды»⁴⁵⁸.

В анонимном очерке «Бакинские события» об азербейджанцах говорилось следующее: «Многолетнее систематическое непривлечение их к воинской повинности не мешало им дать русской армии множество прекрасных офицеров, с честью служивших государству»⁴⁵⁹. Как и в некоторых других национальных армиях, у истоков создания азербейджанской армии стояла группа националистически настроенных старших офицеров-азербейджанцев, служивших в русской армии. Начальником Генерального штаба Азербейджанской республики стал генерал-лейтенант С.А. Сулькевич, военным министром — генерал от

---

* Так в документе.

артиллерии С.-Б. Мехмандаров, его помощником — генерал-лейтенант А.-А. Шихлинский, ранее командовавший Азербайджанским корпусом. Офицеры штаба Азербайджанского корпуса при его расформировании пополнили аппарат Военного министерства⁴⁶⁰. Становлению азербайджанской армии способствовали также турецкие инструктора. В частности, с их помощью в июне 1918 г. в Гяндже была открыта школа прапорщиков, преобразованная в ноябре 1918 г. в военное училище на 250 слушателей, готовившее пехотинцев и артиллеристов. Первый выпуск состоялся уже в октябре. На протяжении 1919–1920 гг. были открыты кавалерийское, артиллерийское, инженерное училища, а также авиационная и военно-фельдшерская школы. Однако ускоренные выпуски готовили неквалифицированных офицеров.

В азербайджанской армии помимо азербайджанцев также служили русские и грузинские офицеры⁴⁶¹. Соответственно, в офицерском составе было немало тех, кто не владел азербайджанским языком. Русские офицеры, оставшиеся на территории Азербайджана, шли в азербайджанскую армию из-за отсутствия средств к существованию, причем многих не смущало получение продовольственного пайка и денежного вознаграждения от недавних врагов — турок. Появление в армии русских офицеров вызывало недовольство националистов. Тем более что русские офицеры были настроены в пользу белых. Звучали угрозы и в адрес руководства азербайджанской армии, которое шло на сотрудничество с русскими. В частности, такие угрозы поступали в адрес военного министра Мехмандарова. В декабре 1918 г. произошло восстание в гарнизоне Агдама. Среди требований восставших было немедленное удаление из армии русских офицеров и замена их турками.

Обстановка обострилась после скандального ареста в апреле 1919 г. капитана А.С. Чернышева, который возглавлял деникинскую разведывательную сеть в Азербайджане. Агенты Чернышева работали в азербайджанском Главном штабе, имели выходы даже на высшее руководство Азербайджанской республики. Организация Чернышева работала как в интересах Деникина, так и в интересах английского командования в Закавказье⁴⁶². Военно-политическое руководство Азербайджана оказалось в тупиковой ситуации: оно должно было избавиться от русских офицеров, но заменить их было некем. Тем более что привлечению турецких офицеров препятствовали англичане. Характерно, что на допросе Чернышев заявил, что не считает себя виновным, так как

работал на своей территории, то есть на территории бывшей Российской империи, тогда как существование независимого Азербайджана никем не признано. В связи с этим делом часть русских офицеров была выслана на Юг России через территорию Грузии.

Офицеры-азербайджанцы оказались замешаны в многочисленных случаях растраты и злоупотреблений. Обычным явлением стали преувеличенные данные о численности личного состава ради получения большего довольствия на «мертвые души», хищения вооружения и боеприпасов для их продажи. При этом азербайджанские власти культивировали офицерский корпоративизм.

В пятом выпуске «Сводки сведений о противнике на Кавказском фронте» по данным к 8 мая 1920 г., выпущенной типографией штаба Кавказского фронта РСФСР, отмечалось, что азербайджанская армия была разношерстной по своему составу и плохо одетой. Младший состав состоял из турецких офицеров, высший — из русских. В войсках ощущалась нехватка патронов и пулеметов. Солдаты, по данным на апрель 1920 г., ждали прихода Красной армии⁴⁶³. Не удивительно, что азербайджанская армия оказалась небоеспособной и фактически не оказала сопротивления частям Красной армии, занявшим территорию этой страны в апреле 1920 г. Некоторые офицеры перешли на службу в Красную армию, среди них был и генерал Шихлинский.

Общей чертой закавказских армий (за исключением грузинской) была острая нехватка квалифицированных офицерских кадров. Обилие офицеров в Грузии было обусловлено наличием здесь органов управления Кавказским фронтом, а также традиционным для грузинской аристократии выбором военной карьеры⁴⁶⁴. По причине переизбытка множество офицеров было уволено из-за отсутствия штатных мест⁴⁶⁵, некоторые грузинские офицеры иногда переходили в армии соседних закавказских государств. Кроме того, подготовка кадров велась в Тифлисской военной школе с двухгодичным курсом обучения⁴⁶⁶. После занятия Грузии частями Красной армии некоторая часть грузинских офицеров перебралась в Турцию, а затем в Польшу, где с 1922 г. по распоряжению Ю. Пилсудского им было разрешено поступать на военную службу⁴⁶⁷. В польской армии оказались, таким образом, около 90 грузинских офицеров.

В грузинской армии и в ее командном составе особую роль играли эсеры и меньшевики. Несмотря на переизбыток национальных офицерских кадров, положение офицеров было очень тяжелым. Назна-

чения на ответственные посты осуществлялись нередко вовсе не по способностям кандидата, а исходя из соображений лояльности офицера социалистической власти. Так, командиром Грузинского корпуса стал полковник С.Г. Ахметелов, являвшийся родным братом одного из лидеров социал-демократической партии, начальником штаба корпуса стал социалист-федералист капитан И.К. Гедеванишвили⁴⁶⁸. Политики считали, что так достигается баланс представительства двух партий в военном руководстве. В итоге корпус так и не был сформирован.

Власти относились к офицерской массе с подозрением, боялись бонапартизма, старались внести раскол и раздор в офицерский состав, некомпетентно вмешивались в технические вопросы военного дела, в армии поощрялось доносительство, производились обыски и аресты офицеров. Исключительно в противовес армии была сформирована более политически ориентированная Народная гвардия, которая численно вдвое превосходила армию. Опытные офицеры изгонялись из армии, на их места приходила неподготовленная молодежь. Материальное положение офицерства было плачевным. Близкие к власти офицеры — члены социалистических партий и им сочувствующие — стремительно получали высокие чины (в том числе производством через чин), награды и назначения. Как следствие, некоторые офицеры преднамеренно вступали в левые партии только для того, чтобы быстрее продвинуться по службе и завоевать доверие гражданских властей. Именно так, например, поступил полковник В.Д. Каргалетели, записавшийся в эсеры. Благодаря своей партийности, Каргалетели был избран в Грузинский национальный совет и даже вошел в доверие к его председателю А.И. Чхенкели. Далее решение о назначении этого офицера на высокий военный пост было чисто политическим. Каргалетели стал начальником дивизии (один из высших постов по меркам грузинской армии), к чему совершенно не был подготовлен. Когда его несоответствие занимаемой должности стало очевидным, он был уволен, после чего перешел в азербайджанскую армию. На новом месте офицер также преуспел в карьерном отношении. В Азербайджане было крайне мало генштабистов, что сразу дало офицеру доступ на высокие посты в азербайджанском ГУГШ, он стал генерал-квартирмейстером. После азербайджанской армии Каргалетели перешел на сторону красных и, по некоторым данным, явно в конъюнктурных целях вступил в большевистскую

партию. Советский военный атташе в Грузии охарактеризовал его следующим образом: «Беспринципный, бестактный, он является человеком, ненавидящим русских. В межнациональном совете он все время вел явную антирусскую политику. Говорят, что он примкнул к партии коммунистов — ни на одну минуту не могу поверить искренности этого...»⁴⁶⁹

Как и на Украине, в Закавказье тоже существовала проблема незнания старшими и высшими офицерами национального языка. Например, не знал родного языка один из организаторов грузинской армии генерал Г.И. Квинитадзе⁴⁷⁰.

16 ноября 1917 г. был издан приказ армии и флоту, санкционировавший формирование Армянского корпуса. 20 ноября 1917 г. в Эривани был проведен офицерский съезд, принявший решение о создании армянской национальной армии. Тем не менее многие участники событий склонялись к мысли о том, что формирование армии началось слишком поздно. По другую сторону фронта находились турецкие войска, занимавшиеся безжалостным уничтожением армянского населения на занятых ими территориях в целях отуречивания контролируемых районов и создания мононационального турецкого государства. Ситуация усугублялась не менее варварским поведением, как тогда говорили, татарского населения (азербайджанцев), которое под прикрытием турок или ввиду слабости армянских сил также вырезало армян. Армянские войска нередко отвечали тем же. Но в ситуации значительного превосходства сил противника вопрос создания национальной армии фактически был вопросом выживания армянского народа перед лицом тотального истребления. И конечно, важнейшую роль в этом должны были сыграть бывшие офицеры русской армии, как армяне по национальности, так и представители других национальностей, пошедшие на службу в армянские войска.

Основой создания армии стали армянские батальоны (развертывавшиеся в полки) бывшей русской армии и составившие впоследствии Армянский корпус. Назначения на высшие военные посты осуществляли Армянский национальный совет и его военная секция. Именно они утвердили командующим Армянским корпусом генерал-майора Ф.И. Назарбекова. Последний уже при формировании штаба корпуса столкнулся с отсутствием подготовленных национальных кадров. Сложность заключалась не только в нехватке подходящих по своей квалификации офицеров, но и в том, что офицеры должны были со-

ответствовать пожеланиям национального совета, занимавшегося политиканством. По этой причине считавшиеся не вполне лояльными совету офицеры не могли рассчитывать на назначение⁴⁷¹. Получившие уже назначения были вынуждены терпеть постоянные вмешательства представителей военной секции в специальные военные вопросы. Кроме того, сами офицеры были развращены революционными событиями и при поступлении на службу нередко выдвигали целые списки требований — например, добивались более высоких назначений, чем в русской армии, либо не желали служить на фронте и в удаленных местностях⁴⁷².

Исключительная роль в создании армянской армии принадлежала офицерам русского происхождения, которые стремились стать на защиту армян. В самое трудное время, в 1918 г., когда армянский народ находился на грани уничтожения, стараниями этих офицеров была создана национальная армия. В самые напряженные периоды офицеры штаба Армянского корпуса работали с 8 утра до полуночи с перерывом с 15 до 17–18 часов, то есть по 13–14 часов в сутки⁴⁷³. В армянских войсках вместе служили высококвалифицированные кадровые офицеры русской армии, в том числе с академическим образованием, и настоящие национальные партизанские вожаки без какого-либо образования и подготовки, но с огромной силой духа и стремлением к бескомпромиссной борьбе за свой народ. Такие вожаки были крайне популярны в народе, и эта популярность кружила им головы, они переставали прислушиваться к советам опытных военных профессионалов и даже могли себе позволить нарушение дисциплины и неподчинение приказам, если были с ними не согласны. К таким командирам относятся легендарные герои армянского народа А. Озаян и Д. Канаян (Дро).

Начальник штаба отдельной Армянской стрелковой бригады капитан А.К. Шнеур впоследствии вспоминал о событиях начала 1918 г.: «Люди уставшие, ни во что не верящие, развращенные грабежом и резней, совершенно не были настроены воевать дальше, а посматривали в глубокий тыл. Офицеры два-три хороших не старше чина капитана, все военного времени. Командовал полком капитан-поляк — безусловно хороший, но несколько слабоватый характером. За нач[альника] штаба [бригады] — поручик. Боже мой, что это были за офицеры! Крепкий характером, но в военном деле неопытный, очень порядочный адъютант полка Агоронян, а остальные все — ничего не кончившие, произведенные в военное время в прапорщики — настоящие чет-

ники... не привыкшие выполнять приказания и чтобы их приказания выполнялись. Вот с такими офицерами надо было мне формировать заново бригаду и притом формировать на ходу, между переходами и перестрелками»⁴⁷⁴. Командир бригады, по той же характеристике: «Большой оригинал и авантюрист, но храбрый джентльменски настроенный националист»⁴⁷⁵. Неудивительно, что автор этих воспоминаний, окончивший лишь ускоренные курсы академии Генерального штаба, в дальнейшем стал начальником армянского Генерального штаба, причем некоторое время состоял на этом посту, даже не имея армянского гражданства.

О том, с каким трудом формировались штабы национальной армии, свидетельствует анонимный очерк об обороне Эрзинджанского района в начале 1918 г. По свидетельству автора очерка, в конце 1917 — начале 1918 г. штаб Эрзинджанского отряда формировался следующим образом: «Что касается офицерского состава, то только 5% его были кадровые офицеры, остальные же произведены во время войны. Однако среди них было много людей достаточно подготовленных в боевом отношении в смысле опыта, выносливости и готовности к самопожертвованию за Родину. Но они мало влияли на солдат, отчасти благодаря отсутствию самостоятельного порыва и силы воли, которая, не будучи развита в них военным воспитанием, окончательно была подавлена устрашающим кошмаром революционной разрухи, когда волна поднявшегося темного пролетариата грозила поглотить все интеллигентное и сознательное. У очень многих офицеров была сильна именно эта робость перед разнузданным солдатством, хотя бы по близкому для них примеру русских частей. Но все-таки в офицерской армянской среде нашлось много идейных тружеников и бойцов, беззаветно преданных своему долгу и искренно принесших себя в жертву за родное дело. Русские офицеры были по большей части кадровые, опытные, добровольно оставшиеся в рядах армян и идейно им сочувствовавшие. Но и они страдали общим недостатком гражданской бесстрашной воли и не владели сердцами своих подчиненных. Штаб отряда был составлен с большим трудом из 3 армян и 6 русских (в том числе и начальник штаба подполк[овник] Бурков). Офицеры эти работали и за себя и за писарей, т.к. русские писаря все отказались служить, а подходящих армян не нашлось... Вообще набрать штаб удалось с крайним трудом, т.к. большинство офицерства упорно уклонялось в тыл. Упадок чувства Родины был чрезвычайно ярок, и

шкурные интересы везде брали верх над запросами общего долга и самопожертвования. Все считали войну окончательно проигранной, и на этом основании большинство махнуло рукой на все и беспокоилось только о себе»⁴⁷⁶.

Армения была наиболее близким по духу России государством Закавказья, в период Гражданской войны здесь были популярны русофильские настроения. Именно поэтому Армения была союзницей ВСЮР генерала А.И. Деникина. По этой причине вплоть до осени 1919 г. ключевые посты в армянской армии занимали русские офицеры, позднее уехавшие на белый Юг.

Когда угроза безопасности Армении спала, начались гонения на русских офицеров. Как и в других национальных государствах, национальная политическая элита, принадлежавшая в Армении к партии дашнаков, с недоверием относилась к элите военной, представленной бывшими офицерами русской армии, в том числе русскими по национальности. Под предлогом отсутствия у офицеров армянского гражданства и незнания армянского языка русских пытались вытеснить⁴⁷⁷. В результате интриг офицеры русского происхождения были вынуждены покинуть ряды армянской армии. Назначения стали осуществляться по принципу близости к национальной политической элите, а не по компетентности и опыту. В тяжелом положении оказались и добросовестные внепартийные офицеры-армяне, которые были готовы служить вместе с русскими и поддерживали их.

В качестве органа высшего военного управления в 1918 г. был создан Военный совет республики Армения из старших офицеров под председательством Назарбекова. Отдельно существовало Военное министерство, при котором возник военный штаб из строевого и мобилизационного отделов.

Бывший военный министр Армении генерал-лейтенант И.В. Ахвердов в своих воспоминаниях «Военные очерки Армении» писал: «Во всех назначениях на более значительные должности Военное министерство было связано не только правительством, но еще больше и партией, и отдельные лица, желающие занять ту или другую должность в армии, всегда могли, благодаря знакомству с членами партии, получить желаемое назначение... Такое своего рода “кумовство”, помимо умаления роли военных властей, вредило и делу, т.к. таким способом добивались назначения на должности лица, совершенно не пригодные или не под-

ходящие в лучшем случае»⁴⁷⁸. Неудивительно, что армия с таким командным составом не смогла противостоять советизации.

Одним из бывших офицеров военного времени, служивших в армянской армии, а затем поддержавших большевиков, был будущий Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян. Почти весь командный состав вооруженных сил закавказских республик, кроме тех офицеров, которые предпочли эмигрировать, был захвачен в плен частями Красной армии в период советизации Закавказья в 1920–1921 гг. За три месяца существования советской власти на территории Армении было арестовано около 1400 офицеров, включая 20 генералов и 30 полковников⁴⁷⁹. Часть офицеров армянской армии была в начале 1921 г. направлена Особым отделом 11-й советской армии в концентрационный лагерь в Рязань для фильтрации. Отдельные представители высшего и старшего командного состава были отделены от младших офицеров и содержались в тюрьмах. Спустя несколько месяцев офицеры были освобождены и амнистированы, некоторая часть вступила в Армянскую Красную армию и в РККА. Достаточно отметить, что начальником штаба Наркомата по военным делам Советской Социалистической Республики Армения стал бывший полковник В.Ф. Притоманов, ранее служивший в армянской армии, причем по направлению с белого Юга. Впрочем, генштабисты-армяне не подходили большевикам в самой Армении, поскольку были ограничены национальными рамками, тогда как Красная армия формировалась в основном по интернациональному принципу. По этой причине нарком по военным делам Советской Армении А.Ф. Мясников (Мясникян) телеграфировал 23 мая 1921 г. командующему 11-й армией А.И. Геккеру: «Просил бы Вас прислать нам сюда 2–3 старых генштабистов русского происхождения»⁴⁸⁰.

Самостоятельные национальные армии возникли и в Прибалтике. Несмотря на то что эти армии были сравнительно невелики, Латвия, Литва и Эстония сумели сохранить свою независимость в период Гражданской войны. Многие офицеры литовской, латвийской и эстонской армий до революции вместе учились в Виленском военном училище.

Первым главнокомандующим латвийской армией стал Д.П. Симонсон — бывший генерал-майор русской армии, окончивший Николаевскую академию Генерального штаба по 2-му разряду. Симонсона на посту главнокомандующего в 1919 г. сменил бывший капитан русской армии Я. Балодис, возглавивший борьбу против немцев и белых

и оставшийся на этом посту до 1921 г., а Симонсон стал военным министром. Поступившие в латвийскую армию офицеры-латыши слабо знали родной язык. Для пополнения офицерских кадров в Латвии было открыто военное училище. В латвийской армии имелось 11 выпускников Николаевской военной академии. За неимением собственной военной академии офицеров-латышей, стремившихся получить высшее военное образование, командировали в иностранные академии. В Риге осенью 1919 г. открылась военная школа, первый выпуск которой (300 слушателей) был осуществлен в мае 1920 г.⁴⁸¹ Общая численность латвийского офицерского корпуса к 1920 г. составляла более 1800 человек⁴⁸².

К осени 1917 г. в русской армии служили порядка 3000 офицеров эстонского происхождения, причем две трети офицеров-эстонцев оказались в 1918 г. и позднее на службе в эстонской национальной армии. Несколько сотен офицеров перешли в эстонскую армию из эстонских национальных частей русской армии. Эта группа офицеров проявила себя наиболее активно в период Гражданской войны, поскольку обладала достаточно высоким уровнем национального самосознания. 76% офицеров эстонской армии периода 1918–1920 гг. были офицерами военного времени, многие из них закончили службу в русской армии штабс-капитанами. Молодежь, по всей видимости, еще недостаточно инкорпорировалась в среду офицерства русской армии и была больше связана со своей малой родиной.

Диаметрально противоположным было поведение старших офицеров эстонского происхождения, которые отнюдь не горели желанием вставать на национальные рельсы. Из трех генералов-эстонцев в войне за независимость Эстонии не участвовал ни один, из 22 полковников-эстонцев и 32 подполковников — участвовало только по четыре человека соответственно. Таким образом, 57 генералов и штаб-офицеров эстонского происхождения дали эстонской армии только 8 руководящих работников⁴⁸³. В русской армии к 1917 г. насчитывалось до 17 генштабистов эстонского происхождения. Из них в эстонской армии оказались лишь 6.

Зарождению национальной эстонской армии благоприятствовал фактор немецкой оккупации Эстляндии в 1918 г. Создателем эстонских вооруженных сил может считаться офицер русской армии, выпускник академии Генерального штаба, подполковник Й. Лайдонер, ставший в 34 года главнокомандующим эстонской армией. Неудивительно, что в

Эстонии не нашлось более высокопоставленных и старших претендентов на этот руководящий пост. Лайдонер сумел получить признание в офицерской среде. Несколько офицеров Генерального штаба — выходцев из русской армии — смогли объединить вокруг себя националистически настроенную офицерскую молодежь и создать национальную армию. В ноябре 1918 г. в эстонской войне за независимость в рядах национальной армии приняли участие около 2000 офицеров. К июлю 1919 г. в войсках оставалось 1109 офицеров.

В эстонской армии остро ощущалась нехватка высококвалифицированных кадров, в частности офицеров Генерального штаба и лиц с серьезным командным опытом. Особенно серьезным был недостаток офицеров-генштабистов в центральных органах военного управления и в дивизионных штабах. В результате органы военного управления (штаб главнокомандующего, Генеральный штаб, штабы дивизий) были заполнены младшими офицерами, не обладавшими необходимой подготовкой и опытом. Во всей эстонской армии только два офицера имели опыт командования полками (русской армии). Офицеров с опытом командования бригадами и дивизиями не было вообще. Сам главнокомандующий Лайдонер в русской армии был начальником штаба дивизии. Отдельной проблемой был поиск подходящих кадров для артиллерии и технических частей (в соответствующих подразделениях русской армии офицеры-эстонцы служили лишь на младших должностях). По возрасту эстонские офицеры были очень молодыми. Командирам бригад и отдельных пехотных батальонов в среднем было по 32 года, командирам дивизий — по 35 лет. Не менее 80% офицеров эстонской армии в годы Гражданской войны находились в возрасте до 30 лет. Между офицерами и солдатами были не столь сильные различия, как в старой армии.

Вследствие нехватки старшего и высшего командного состава ротации на руководящих постах почти не наблюдалось. По подсчетам эстонских военных историков, за период 1918–1920 гг. на уровне командиров бригад находилось от одного до трех офицеров. Старшие офицеры были перегружены работой. Сравнивая кадры офицеров эстонской армии и РККА, эстонские военные историки, признавая превосходство красных в старшем командном составе на фронтовом, армейском и дивизионном уровне, отмечают превосходство эстонских командиров в бригадном, батальонном и ротном звене⁴⁸⁴. С такой оценкой можно согласиться, поскольку квалифицированный командный состав буквально растворялся в многомиллионной Красной армии, тогда как в

куда более компактных эстонских вооруженных силах был сконцентрирован. Однако рассчитывать на успех в затяжной войне с красными такая армия не могла.

Часть офицеров поступила в эстонские войска после разгрома белой Северо-Западной армии. В общей сложности не менее 250 офицеров перешло в эстонскую армию из РККА и не менее 500 из белых армий.

Помимо собственно эстонцев в эстонской армии служили офицеры других национальностей — русские, немцы, латыши, финны, шведы, поляки. Больше всего офицеров других национальностей служило в эстонском военно-морском флоте, меньше всего — в пехотных частях. Как и в других национальных армиях, руководство эстонской армии болезненно реагировало на немалый процент офицеров, не владевших национальным языком. В конце мая 1920 г. приказом военного министра всем офицерам под угрозой разжалования было предписано в течение полугода выучить эстонский язык. В 1922–1924 гг. 183 офицера и военных чиновника были уволены со службы из-за незнания языка, 13 офицеров по той же причине разжалованы в рядовые.

Офицеры-эстонцы служили и в других армиях Гражданской войны — в Красной, белых и украинских⁴⁸⁵. Отдельные офицеры за период Гражданской войны успели послужить во всех трех прибалтийских национальных армиях (например, бывший подполковник В.А. Озол).

После заключения РСФСР мирного договора с Эстонией туда переехали некоторые бывшие офицеры, служившие в Красной армии. В частности, известный военный ученый, генштабист Д.К. Лебедев и некоторые другие военспецы. Сходный процесс происходил и в других республиках. Так, в 1923 г. в Латвию уехал бывший генерал-майор А.И. Аузан, ранее руководивший корпусом военных топографов в Красной армии.

По предложению Лайдонера 22 апреля 1919 г. в Эстонии открылась военная школа, готовившая офицерские кадры по принципу подготовки прапорщиков военного времени русской армии. Первый выпуск 106 слушателей состоялся 3 августа 1919 г. В 1921 г., после Гражданской войны (в Эстонии она именуется войной за независимость), открылись курсы подготовки офицеров Генерального штаба (с 1925 г. — высшая военная школа)⁴⁸⁶. В 1921–1940 гг. подготовку в этом военно-учебном заведении прошли 232 офицера, в том числе 3 финских и 3 латышских.

Национальное самосознание литовцев к началу Гражданской войны было значительно ниже, чем у латышей и эстонцев. В Литве было

сильно польское влияние. Офицеры-литовцы были немногочисленны и являлись в основном недавними прапорщиками без какого-либо опыта. Тем не менее в конце 1918 г. начала создаваться литовская армия. Первоначально в ней значилось несколько десятков офицеров. Военным министром и главнокомандующим стал генерал-майор русской армии С.К. Жуковский (Жаукаускас). К 3 мая 1919 г. в армии насчитывалось уже 440 офицеров, 127 чиновников и 10 729 солдат. В Каунасе 25 января 1919 г. открылась военная школа, выпустившая 6 июля 1919 г. 89 офицеров и 7 сержантов, а 16 декабря 1919 г. — 200 офицеров и 24 сержанта. К 25 сентября 1919 г. офицерский корпус литовской армии насчитывал 676 человек, а к 1 июля 1920 г. — уже 957 человек⁴⁸⁷.

После присоединения Прибалтики к СССР в 1940 г. многие оставшиеся в живых к этому времени бывшие офицеры русской армии были депортированы вглубь СССР и подверглись репрессиям. Среди депортированных и позднее арестованных были и главнокомандующие латвийской и эстонской армиями периода Гражданской войны генералы Балодис и Лайдонер, проведенные по 12–13 лет в заключении, причем Лайдонер в заключении и скончался.

Проведенный анализ позволил свести данные об общей численности бывших русских офицеров в национальных армиях в таблицу (табл. 4).

Таблица 4

Численность бывших офицеров русской армии в армиях национальных государств периода Гражданской войны (1917–1922 гг.)

Национальная армия (1917–1922 гг.)	Бывших офицеров русской армии
Украина	До 12 тысяч
Польша	6204
Финляндия	Около 250
Латвия	1800
Литва	440
Эстония	2000
Грузия	Несколько тысяч человек
Армения	1500
Азербайджан	Не более 1000 (?)
Итого	Не менее 26 тысяч

Таким образом, офицеров, перешедших из русской армии в войска новых независимых государств, возникших на окраинах разрушенной империи, было не менее 26 тысяч человек или, по меньшей мере, 10% офицерского корпуса осени 1917 г. Большинство офицеров, оказавшихся в этих армиях, были офицерами военного времени. Общей чертой всех национальных армий стали попытки националистически настроенных политиков изгнать из их рядов или вытеснить с руководящих постов офицеров русского происхождения. В некоторых армиях, где русских по происхождению офицеров почти не было, предпринимались попытки изгнания бывших офицеров русской армии безотносительно их национальности (Финляндия). Общей чертой многих национальных армий стало незнание офицерским составом национального языка. Прежде всего, это касалось Украины и Закавказья. Как следствие, делопроизводство нередко велось на русском языке, понятном для всех. Подобного явления почти не было среди офицеров в Польше и Финляндии, где существовал сильный национальный дух.

* * *

Раскол офицерства являлся одной из составляющих общей трагедии русского общества, пережитой им в революционную эпоху. Сегодня биографии многих представителей офицерского корпуса той поры известны достаточно подробно. Это позволяет исследовать данное явление на микроуровне, проследить родственные и служебные связи того или иного офицера, изучить круг его общения, проанализировать выбор каждой такой микрогруппы. На этом уровне погружения мы видим, что по разные стороны баррикад оказывались близкие родственники, недавние товарищи по службе, однокашники, порой даже люди одного мировоззрения. Причем распространялись эти особенности и на высокопоставленных людей.

К примеру, широкую известность в качестве военных специалистов РККА в Гражданскую войну приобрели братья Раттэли Николай и Иван Иосифовичи, первый из которых в старой армии дослужился до генерала, а второй — до полковника. В рядах РККА Н.И. Раттэль занимал важный пост начальника Всероссийского главного штаба, а И.И. Раттэль служил по военным сообщениям (в том числе был начальником военных сообщений Южного фронта). Однако удалось

установить, что их младший брат Евгений, полковник старой армии, успел за Гражданскую войну два раза послужить у красных, а в перерыве служил в войсках Деникина⁴⁸⁸. По удивительному совпадению родной брат другого начальника Всероссийского главного штаба бывшего генерала А.А. Свечина, М.А. Свечин, также служил на белом Юге. Все это создает ощущение по-настоящему братоубийственного характера Гражданской войны, несмотря на то, что перечисленные выше родные братья не считали друг друга врагами.

Поразительный пример крепости семейных чувств дает история отца и сына Клембовских. Бывший генерал В.Н. Клембовский в 1920 г. оказался среди членов Особого совещания при главкоме и в этом качестве среди прочих подписал знаменитое воззвание к бывшим офицерам русской армии с призывом забыть старые обиды и вступить в Красную армию для защиты России. На это с гневной и оскорбительной отповедью откликнулся знаменитый писатель А.И. Куприн, живший тогда в Финляндии. Однако сын Клембовского подполковник Г.В. Клембовский, ветеран Белого движения на Севере России, несмотря на то, что участвовал в Гражданской войне по другую сторону баррикад, вызвал Куприна на дуэль (писатель от поединка уклонился). В одном из писем в связи со случившимся Г.В. Клембовский отметил: «Уверен в том, что большевизм в России придет к скорому концу, и будущая правдивая история Обновленной России сумеет воздать должное и моему отцу»⁴⁸⁹.

Но, конечно, непримиримость не обошла стороной и офицерство. Многие офицеры из белых и национальных армий, равно как и красные военспецы, при попадании в плен оказались жертвами террора. Если пленных военспецов белые расстреливали лишь в исключительных случаях и чаще всего в порядке самосуда (по оценке А.Г. Кавтарадзе, речь идет о нескольких десятках человек⁴⁹⁰), то расстрелы пленных белых офицеров в Советской России приобрели масштабный характер⁴⁹¹. На архангельском Севере в 1920–1921 гг. были расстреляны сотни офицеров и нижних чинов белых армий⁴⁹². Как отмечалось в советском документе, датированном сентябрем 1921 г., «красный террор ступевал все бывшие насилия белых»⁴⁹³.

Центральное положение красных сыграло свою роль и в офицерском вопросе. Прежде всего, красные, несмотря на враждебную политику по отношению к офицерству, смогли заполучить в свои ряды колоссальное количество бывших офицеров. Количество переходило в

качество. И до сих пор встречающиеся даже в работах профессиональных историков утверждения о том, что вахмистры (у красных) разгромили царских генералов (у белых), далеки от реальности. В то же время белые фронты вследствие своей географической разобщенности и удаленности друг от друга не смогли наладить даже необходимый обмен командными кадрами в целях восполнения дефицита, существовавшего на некоторых фронтах (например, на Восточном) и более эффективного использования кадров при их избытке (как на Юге). Основными белыми фронтами стали Южный и Восточный, с большим отрывом от остальных лидировавшие и по количеству офицеров. В силу своей периферийности Северный и Северо-Западный фронты белых являлись второстепенными, в том числе и в отношении контингентов офицеров.

Наряду с численностью офицерства в противоборствующих лагерях не менее важен вопрос эффективности использования этих кадров. И здесь при меньшей численности военспецов в сравнении с белым офицерством организационным превосходством обладала Красная армия, строившаяся на началах строгой централизации (многое было перенято из опыта Великой французской революции). Эта эффективность прослеживается по многим показателям.

В РККА на высоком уровне стоял учет кадров, а следовательно, связанное с ним распределение кадров (назначения) также могло осуществляться эффективнее. Белые же были связаны в этом вопросе множеством условностей, унаследованных от старой армии и старой России. Например, достаточно проблематично было назначить в казачью часть офицера-неказака и, наоборот, изъять офицера из казачьих формирований и перевести его в армейскую часть.

В Красной армии наряду с чинами было отменено старшинство (своеобразное местничество), также унаследованное белыми от старой армии и сильно ограничивавшее их кадровые решения (коль скоро даже представителей высшего командного состава белых всерьез беспокоил вопрос о допустимости нахождения у них в подчинении офицеров с преимуществом в старшинстве). Устранение чинов позволило избежать многих конфликтов, от которых страдали белые (особенно в связи с неупорядоченностью чинопроизводства в Гражданскую войну). Фактически основными критериями при кадровых назначениях в РККА становились образование кандидата и его реальные заслуги на командных постах в новой армии. Поскольку большевики не были связаны с целым рядом аналогичных условностей, существовавших в

старой армии, они могли решать кадровые вопросы гибче, чем противник, и с лучшим результатом (это особенно заметно на примере специалистов Генерального штаба, использовавшихся исходя из факта обучения офицера в академии, а не формальных критериев причисления и перевода в Генштаб, как было у белых).

Красная армия обладала преимуществом и в том, что сфера деятельности военспецов ограничивалась военными вопросами, тогда как у белых офицеры занимались самым широким спектром задач, включая вопросы организации гражданского управления, что снижало их возможности в собственно военной сфере. Должностные обязанности бывших офицеров в РККА в большей степени соответствовали задачам, стоящим перед офицерами любой армии. Касалось это и высшего командного состава. В то же время у белых на Юге России в связи с переизбытком офицеров и дефицитом солдат офицеры нередко выполняли солдатские обязанности. Наиболее яркое выражение такой подход нашел в участии некоторых белых генералов, в том числе с академическим образованием, в боях в качестве рядовых.

Еще одним преимуществом красных стало наличие над офицерами контроля и своего рода третейских судей в лице комиссаров. В Советской России РКП(б) обладала политической волей и последовательно реализовывала ее. Партийные контролеры стояли над офицерской средой и как внешний арбитр не зависели в своих решениях от влияния той или иной группировки офицерства. Между тем высшее руководство белых само происходило из офицерства и было связано множеством обстоятельств со сторонами возникавших противоречий. В результате белые буквально погрязли в конфликтах внутри командования. В РККА, помимо этого, отсутствовала и присущая некоторым белым армиям неформальная иерархия офицеров, отрицательно влиявшая на возможности выдвижения способных командиров снизу.

Наконец, типичной чертой белых армий являлось наличие тысяч офицеров-едоков в тылу. Современники, описывавшие советскую действительность, не упоминают о фланировавших и сидевших по ресторанам офицерах. При этом существует множество описаний такого явления применительно к белому тылу, прежде всего на Юге России и в меньшей степени на Востоке. Участники Белого движения на Юге России признавали серьезные просчеты командования в деле опера-

тивного учета и постановки в строй офицерских пополнений даже на пике Гражданской войны осенью 1919 г., когда, казалось бы, мобилизационный аппарат должен был быть уже отлажен.

Помимо этого в РККА в целях покрытия кадрового дефицита ставились в строй в массовом порядке и пленные белые офицеры. В революционной армии изменились сами принципы отбора командных кадров. Была организована массовая подготовка и переподготовка собственных командиров, на руководящие должности назначались способные унтер-офицеры старой армии. Нехватка кадров покрывалась посредством задействования всех кадровых ресурсов.

Минусом такой неизбирательности стал невысокий общий уровень квалификации комсостава РККА (к 1921 г. 41,55% младших командиров до командиров взводов включительно не имели никакого военного образования или же проходили только через учебные команды). Разумеется, в чрезвычайных условиях Гражданской войны красные не могли избежать ошибок в офицерском вопросе. В результате ряд руководящих постов занимали агенты белых. Кроме того, эффективность использования военспецов красными значительно снижалась тяжелой атмосферой недоверия и подозрительности к бывшим офицерам, часто необоснованными арестами и расстрелами военспецов. Этого явления в созданных кадровым офицерством белых армиях не наблюдалось, как не было в них и массового антиофицерского террора, проводившегося в Советской России.

Отвечая на исходный вопрос, отметим следующее. Не менее 200 тысяч офицеров старой армии сражались в рядах красных и белых. Не менее 26 тысяч оказались в национальных армиях. К различным антирусским выступлениям примкнули немногие. Десятки тысяч офицеров уклонились от участия в братоубийственном конфликте. Если сравнивать красных и белых, то, по нашим оценкам, несколько больше офицеров оказалось у белых. Произошло это в силу того, что само Белое движение во многом являлось движением офицерства (офицеры не только почти повсеместно возглавляли это движение, но и составляли его наиболее активную, цементирующую и мотивированную часть). При этом крупный контингент бывших офицеров оказался в РККА. Если совокупно можно считать, что белых офицеров было больше, чем военспецов, то каждый из белых фронтов в отдельности уступал Красной армии по данному показателю. Кроме того, офицерство в Советской России для решения военных задач использовалось эффек-

тивнее, чем в белом лагере. В конце Гражданской войны несогласные с большевистским режимом офицеры в основном покинули Россию. После этого оставшееся большинство бывших офицеров оказалось на стороне РККА.

Так или иначе, в массе своей офицеры и в РККА, и в белых армиях боролись за Родину, хотя и понимали ее будущее по-разному. Думается, позицию основной их массы в ту эпоху можно охарактеризовать цитатой из письма бывшего полковника Б.А. Энгельгардта И.В. Сталину в 1946 г.: «Каковы бы ни были мои убеждения в прошлом, я всегда являлся верным сыном своей Родины, когда вставал вопрос о ее защите»⁴⁹⁴.

КАКОВА РОЛЬ КАЗАЧЕСТВА

Казачьи войска оказались в центре переломных и трагических событий 1917–1922 гг., разыгравшихся на обширных территориях бывшей Российской империи. К началу XX в. в Российской империи существовало 11 казачьих войск (Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское), в 1917 г. из красноярских и иркутских казаков было образовано Енисейское казачье войско. Кроме того, в ведении МВД находился Якутский казачий полк. К 1916 г. общая численность казачества превысила 4,4 миллиона человек, включая около 480 тысяч человек служилого состава. По переписи 1897 г. казачество составляло 2,3% населения России. К концу XIX в. общая площадь казачьих земель достигала не менее 81 миллиона десятин, или 4,05% всех земель Российской империи, в 1907 г. — около 50 миллионов десятин.

Захват власти большевиками и левыми эсерами 25 октября 1917 г. в Петрограде, а затем и в других центрах страны не мог не отразиться на положении многомиллионной массы казачества⁴⁹⁵, воспринявшей это событие неоднозначно. Тем более что одним из первых декретов ВЦИК и СНК от 17 ноября 1917 г. казачество как сословие оказалось упразднено.

Как особое привилегированное и военизированное сословие казачество не могло оставаться в стороне от активного участия в начавшейся Гражданской войне, в которой решался вопрос самого его существования и последующей судьбы. Не будет преувеличением сказать, что без казачества как базы не было бы и Белого движения. Не случайно первыми очагами антибольшевистского сопротивления осенью 1917 г. стали земли Донского, Кубанского, Оренбургского и Забайкальского казачьих войск.

В годы Гражданской войны в рядах белых армий находилось подавляющее большинство представителей войскового сословия (даже по официальным советским данным казачьего отдела ВЦИК на стороне белых оказалось до 80% казаков⁴⁹⁶). Красное казачество являлось

немногочисленным и основу его, по оценке одного из современных исследователей истории казачества, составляли добровольно расказачившиеся деклассированные элементы⁴⁹⁷. В Красной армии периода Гражданской войны не создавалось каких-либо формирований по принципу принадлежности к казачеству (для сравнения, только из донских казаков противники большевиков сформировали 98 полков). Таким образом, история участия казачества как сословия в Гражданской войне — это, прежде всего, история его участия в антибольшевистском движении.

Однако роль казачества в тех событиях неоднозначна. Участие в них казачества с определенными оговорками в отношении разных войск можно условно разделить на пять крупных периодов, в соответствии с которыми и построен данный очерк: 1) начальный период борьбы (конец 1917 — начало 1918 г.); 2) повстанческий период (до лета 1918 г.); 3) автономный период (до конца 1918 — начала 1919 г.); 4) период интеграции с белыми армиями и фронтами (с конца 1918 г. до окончания широкомасштабной Гражданской войны в 1920 г.); 5) период крестьянско-казачьего повстанчества в казачьих областях после ухода белых (с 1920 г.). Чтобы избежать излишней схематичности в изложении, эти периоды мы будем рассматривать лишь как некоторые ориентиры в общем ходе событий.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД БОРЬБЫ

Уже к первым послеоктябрьским дням 1917 г. относятся отдельные попытки оказания сопротивления новой власти, в том числе со стороны казаков. Казаки петроградского гарнизона заняли нейтральную позицию, но даже при ином отношении с их стороны вооруженный протест при имевшемся соотношении сил был обречен на неудачу.

25 октября 1917 г. министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский в Пскове выпустил приказ Верховного главнокомандующего № 314, в котором призвал всех должностных лиц оставаться на своих постах и исполнять свой долг перед Родиной⁴⁹⁸. В соответствии с этим приказом в районе Петрограда на подавление восстания большевиков и их союзников выступили части III казачьего корпуса под командованием генерал-майора П.Н. Краснова. В так называемом по-

ходе Керенского — Краснова принимали участие донские, оренбургские и амурские казаки. Фронтовой казачий съезд в Киеве в те же дни резко осудил петроградский переворот.

К началу Гражданской войны казаки уже опасались участвовать в карательных акциях, осознавая, что их за это, не без влияния пропаганды, ненавидит остальное население страны. Тем не менее движение на Петроград велось исключительно казачьими частями. Фактически казаки стали последним резервом Керенского, несмотря на то, что он много сделал прежде для разложения казачьих частей, казавшихся ему контрреволюционными. По этим причинам движение корпуса было крайне нерешительным и осуществлялось в основном путем переговоров с представителями новой власти. Единственное боевое столкновение произошло в районе Пулкова, однако сил корпуса явно не хватало для занятия Петрограда, в котором находился мощный большевизированный гарнизон. После этого части корпуса отошли в Царское Село и далее в Гатчину, откуда Керенский бежал. Эти события стали первыми столкновениями Гражданской войны.

Казаки противостояли захвату власти и в Ташкенте, где в период с 28 октября по 1 ноября развернулись затяжные бои при участии 17-го Оренбургского казачьего полка, позднее ушедшего в свое войско⁴⁹⁹. Борьба в крупных центрах потерпела неудачу, но организованное сопротивление началось на окраинах страны.

Здесь, в казачьих областях, образовались первые серьезные очаги сопротивления. 26 октября 1917 г. оренбургский Войсковой атаман полковник А.И. Дутов вернулся из Петрограда в Оренбург и в тот же день подписал приказ по войску № 816 о непризнании насильственного захвата власти большевиками в Петрограде. В приказе говорилось: «В Петрограде выступили большевики и пытаются захватить власть, таковые же выступления имеют место и в других городах. Войсковое правительство считает такой захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым. В тесном и братском союзе с правительствами других казачьих войск оренбургское Войсковое правительство окажет полную поддержку существующему коалиционному Временному правительству. В силу прекращения сообщения и связи с центральной государственной властью и принимая во внимание чрезвычайные обстоятельства, Войсковое правительство ради блага Родины и поддержания порядка, временно, впредь до восстановления власти Временного правительства и телеграфной связи, с 20-ти часов

26-го сего октября приняло на себя всю полноту исполнительной государственной власти в войске. Войсковой атаман полковник Дутов»⁵⁰⁰. С 27 октября в Оренбурге было введено военное положение. Дутов первым в России и первым на Востоке страны объявил о начале целенаправленной вооруженной борьбы с большевиками.

Для «самозащиты и борьбы с насилием и погромами, с какой бы стороны они ни были» 8 ноября оренбургской городской думой был создан особый орган — Комитет спасения Родины и Революции, в который вошли представители казачества, городского и земского самоуправления, политических партий (кроме большевиков и кадетов), общественных и национальных организаций. В ночь на 15 ноября 1917 г. по решению комитета были арестованы 25 членов Оренбургского совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов от партии большевиков, готовивших восстание, однако в ночь на 13 декабря им удалось бежать из тюрьмы.

Военных действий на территории войска до середины ноября не велось, поскольку противоборствующие стороны не имели достаточных сил. В распоряжении Дутова находились три запасных казачьих полка (дислоцировались в Оренбурге, Верхнеуральске и Троицке) и юнкера Оренбургского казачьего училища. Силами 1-го запасного казачьего полка был разоружен гарнизон Оренбурга. Началось формирование добровольческих отрядов из офицеров и учащейся молодежи, составлявшей на начальном этапе борьбы с красными значительный процент в этих отрядах. На территории 1-го (Оренбургского) военного округа (ранее — военного отдела) формировались станичные казачьи дружины. 11 декабря 1917 г. в границах Оренбургской губернии и Тургайской области был образован Оренбургский военный округ, командующим войсками которого стал Дутов⁵⁰¹.

На Дальнем Востоке против большевиков выступил есаул Г.М. Семенов, который начал формировать монголо-бурятские части, а уже 12 ноября первый раз вступил в бой с красными. Вскоре Семенов сформировал Особый Маньчжурский отряд, с которым в начале 1918 г. предпринял наступление на Читу. Семенову противостоял сводный красный отряд под командованием С.Г. Лазо.

27 марта 1918 г. казачья фракция 3-го Забайкальского съезда Советов (93 человека) провозгласила себя 3-м областным казачьим съездом и приняла решение о ликвидации Забайкальского казачьего войска. Возможно, в этой связи 7 апреля в Забайкалье со своим отрядом чис-

ленностью более 3000 человек вступил Семенов. Для противодействия ему со всего Забайкалья и Дальнего Востока красными были стянуты силы общей численностью до 13 тысяч человек. Командовал этой группировкой Лазо. В результате семеновцы в мае были отброшены за реку Онон, а в июне оказались прижаты к китайской границе, уйдя в июле на территорию Маньчжурии⁵⁰².

Иркутские казаки под руководством атамана генерал-майора П.П. Оглоблина 21–30 декабря 1917 г. приняли участие в городских боях на стороне антибольшевистских сил. После неудачи боев в Иркутске антибольшевистская борьба была перенесена в подполье, где продолжалась вплоть до прихода чехословаков⁵⁰³.

Однако подлинную угрозу советскому центру в 1917 — начале 1918 г. нес только один казачий регион — Дон. Как и в Средние века, осенью 1917 г. Дон стал прибежищем противников центральной власти. Именно там генерал М.В. Алексеев и его соратники формировали Добровольческую армию. Наряду с добровольческими создавались и казачьи партизанские отряды. Работу в этом направлении вел донской атаман генерал А.М. Каледин. Наибольшую известность получили отряды есаула В.М. Чернецова (до 600 человек), войскового старшины Э.Ф. Семилетова, есаула Ф.Д. Назарова, есаула Р.Г. Лазарева, сотника Грекова по прозвищу «Белый дьявол», сотника Попова, в которые активно поступала казачья молодежь⁵⁰⁴. Наиболее крупными были отряды Чернецова и Семилетова. Благодаря наличию мощного антибольшевистского очага (и, прежде всего, Добровольческой армии) нарождавшиеся белые силы смогли удержаться на Дону вплоть до февраля 1918 г.

Определенную роль в складывании на Дону и в других казачьих регионах крупных антибольшевистских центров сыграли резкий антибольшевизм основной массы казачьих офицеров, сохранивших за годы Первой мировой войны свой кадровый состав, и позиция казаков-«стариков». Однако возвращавшиеся в родные станицы казаки-фронтовики придерживались иной точки зрения. Основная их масса устала от войны, подверглась революционной пропаганде и влиянию разложившейся солдатской массы и не хотела слышать о возможности вооруженной борьбы с новой центральной властью. Фронтовики заняли выжидательную и даже пробольшевистскую позицию.

Атаман А.М. Каледин провозгласил независимость Дона, а 22 ноября 1917 г. ввел на подконтрольной территории военное положение.

При содействии добровольцев был подавлен мятеж в Ростове-на-Дону, в ходе которого городом на неделю (26 ноября — 2 декабря) овладели местные большевики. После этого в Донской области на непродолжительное время наступило затишье. Однако уже 1 января 1918 г. СНК принял постановление о борьбе против Каледина, и во второй половине января 1918 г. положение белых резко ухудшилось. К этому времени большевикам удалось организовать ВРК в станице Каменской под председательством левого эсера подхорунжего Ф.Г. Подтелкова. ВРК принял резолюцию о свержении правительства Каледина. Деятельность этого органа поддерживали многие донские полки, возвращавшиеся с фронта.

В начале января 1918 г. началось наступление на Дон красновардейских отрядов. На Таганрог и Ростов двигалась группа бывшего прапорщика Р.Ф. Сиверса, восточнее — группа под командованием Ю.В. Саблина, с Кубани двигались части большевизированной 39-й пехотной дивизии. 21 января под станицей Глубокой 27-й Донской казачий полк войскового старшины Н.М. Голубова разбил отряд Чернецова, около 40 чернецовцев со своим командиром попали в плен и были казнены при попытке побега. Это поражение привело к развалу всего «калединского» фронта. В сложившейся ситуации атаман Каледин 29 января 1918 г. покончил с собой, и в начале февраля красные вступили на территорию Донской области⁵⁰⁵. Новым атаманом стал генерал-майор А.М. Назаров. Однако уже началась агония казачьей власти. 23 февраля белые оставили Ростов-на-Дону, а 25 февраля части под командованием войскового старшины Голубова заняли донскую столицу — город Новочеркасск. Не покинувший свой пост атаман Назаров 3 марта был расстрелян в окрестностях города вместе с группой офицеров и чиновников. По некоторым данным, расстрел осуществлял казачий взвод⁵⁰⁶.

Добровольческая армия с Дона ушла на Кубань в поход, позднее получивший название 1-го Кубанского. В день падения Новочеркасска донские казаки во главе с Походным атаманом генерал-майором П.Х. Поповым выступили в Степной поход в глухой район на востоке Донской области, где провели два месяца. В отряде Попова числились 1727 человек при 5 орудиях и 39 пулеметах — в основном это были донские партизаны из отрядов Семилетова, Назарова и других командиров.

Осенью 1917 г. Кубань также не признала советской власти, в регионе началось формирование добровольческих отрядов, наиболее из-

вестными из которых являлись отряды войскового старшины П.А. Га-лаева, капитана В.Л. Покровского, полковников Н.П. Лесевицкого и С.Г. Улагая. Однако в той обстановке у противников большевиков на Кубани не было шансов на успех — через регион проходил маршрут возвращения домой огромной массы солдат Кавказского фронта. Эта лавина неизбежно должна была смести все преграды на своем пути, и прежде всего немногочисленные отряды добровольцев. Именно фронтовики позднее составили основу во многом анархических и недисциплинированных, но все же сильных советских вооруженных формирований Северного Кавказа, сковавших Добровольческую армию вплоть до поздней осени 1918 г.

Уже в январе 1918 г. на Кубани начались боевые столкновения. 14 марта 1918 г. казаками был оставлен Екатеринодар, а имевшиеся формирования сосредоточились в районе аула Шенджий. Появление малочисленной Добровольческой армии на Кубани не вызвало энтузиазма местного населения. Тем не менее здесь в марте к добровольцам присоединилось несколько тысяч кубанских казаков (в основном из состава Кубанского правительственного отряда генерал-майора В.Л. Покровского), что в сложившейся обстановке стало ощутимым прибавлением. В станице Новодмитриевской было заключено даже специальное соглашение по этому вопросу. В дальнейшем кубанские формирования действовали уже совместно с добровольцами. Но ни освободить Кубань, ни поднять казаков на борьбу добровольцы не смогли. Более того, сама Добровольческая армия неизбежно погибла бы, не случись казачьего восстания на Дону. К лету 1918 г. настроения кубанцев изменились. В результате открытой поддержки красными во всех отношениях неказачьего населения, мародерства и насилий красногвардейских отрядов казачество перешло на сторону антибольшевистских сил.

Ситуация на Тереке для казаков складывалась значительно хуже. В декабре 1917 г. были убиты сразу два Войсковых атамана — М.А. Караулов и пришедший ему на смену Л.Е. Медяник. Потеря руководства войска привела к установлению в конце 1917 г. на его территории советской власти. Банды разнузданных солдат, возвращавшихся с Кавказского фронта, беспрепятственно терроризировали местное население.

Руководители астраханского казачества также не признали захват власти в Петрограде, но вследствие малочисленности войска и меньших возможностей для организации добровольческих отрядов серьез-

ного сопротивления без поддержки извне оказать не могли. Еще 20 октября 1917 г. Астраханское войско присоединилось к Юго-Восточному союзу — военно-политическому объединению казачьих войск Юга России на антибольшевистской платформе. На стороне Войскового атамана генерал-майора И.А. Бирюкова в составе добровольческих формирований числились не более 1500 офицеров, добровольцев и казаков. Тем не менее 11–24 января 1918 г. в Астрахани развернулись ожесточенные бои между казаками и сторонниками местного ВРК, стремившегося к ликвидации войска. Казаки потерпели поражение, их отряды были разбиты и рассеяны в калмыцких степях, атаман Бирюков попал в плен и позднее был расстрелян, а войско в феврале 1918 г. по решению Астраханского губисполкома было упразднено. На весь период Гражданской войны Астрахань оказалась под контролем красных, став серьезным препятствием на пути соединения Восточного и Южного фронтов белых.

Условия для создания на казачьих территориях Нижнего Поволжья крупного антибольшевистского очага не являлись благоприятными изначально: малочисленные казачьи станицы были разбросаны в густонаселенных крестьянских районах, находясь под постоянным давлением неказачьего большевизированного населения⁵⁰⁷. По всей видимости, станичное астраханское казачество смирилось с ситуацией, поскольку на подконтрольной красным территории войска в 1918 г. не было восстаний. В условиях потери собственной территории астраханское казачество в дальнейшем участвовало в борьбе с красными в составе белых формирований как Юга, так и Востока России на Дону и Урале.

Соседнее с Астраханским Уральское казачье войско в начальный период Гражданской войны заняло особую позицию и не выступило против новой власти. Здесь сложилось двоевластие войсковой администрации и Совета депутатов. Однако уже в начале 1918 г. в Уральске были арестованы местные коммунисты, совет депутатов разгромлен, а большевизированный гарнизон распущен. 23 марта красным отрядом из Оренбурга под командованием В.Н. Ходакова и А.Е. Левашова без боя был занят город Илек, расположенный на границе с Оренбургской губернией. Первоначально красные вели себя здесь относительно мирно, но потребовали признания советской власти, выплаты контрибуции и выдачи хлеба для обеспечения голодавшего населения Туркестана. Казаков такой подход возмутил, что повлекло обо-

стрение ситуации. Красные открыли стрельбу в воздух и значительно ужесточили первоначальные требования. Было выдвинуто требование сдачи оружия, а на следующий день начались реквизиции и аресты офицеров. Ситуация резко обострилась после того, как один из офицеров за попытку побега был расстрелян, а красный отряд начал грабеж города.

Казаки подняли восстание, в результате чего 26 марта красные в Илеке были разбиты (убиты около 100 человек, пленных утопили в прорубях на Урале). 29 марта советская власть в Уральске была низложена, ее руководители казнены, а 5 апреля Войсковой съезд объявил мобилизацию казаков от 19 до 55 лет и фактически возглавил борьбу казаков с большевиками. Уральские казаки действовали на войсковой территории от Каспийского моря до Илецкого городка. В отношении снабжения они находились, пожалуй, в худшем положении в ряду остальных казачьих войск. В то же время старообрядческое по своему конфессиональному составу войско отличалось непримиримостью. Войсковой съезд еще весной 1918 г. объявил об автономии области, а летом признал власть самарского Комуча, от которого казаками было получено оружие⁵⁰⁸. Уже весной 1918 г. была создана Уральская армия, действовавшая на войсковой территории от Каспийского моря до Илецкого городка. Численность армии колебалась от 12 до 25 тысяч бойцов (в разные периоды существовали Донская, Кубанская, Отдельные Уральская, Оренбургская и Семиреченская армии, основу которых составляли казачьи части).

На Южном Урале обстановка складывалась примерно по той же схеме, что и на Дону. Руководители большевиков быстро осознали, какую опасность для них представляло выступление оренбургского казачества, территория расселения которого перекрывала стратегически важные пути из Европейской России в Сибирь и Среднюю Азию. Первые попытки большевиков подавить выступление Дутова силами красногвардейских отрядов закончились для них неудачно, поэтому красные стали наращивать силы против оренбургского атамана. На Южный Урал из Петрограда прибыл сводный Северный летучий отряд мичмана С.Д. Павлова (1500 человек), отряды В.К. Блюхера из Самары, А.Л. Борчанинова из Перми и П.З. Ермакова из Екатеринбурга. Боевыми действиями против Дутова руководил чрезвычайный комиссар Оренбургской губернии и Тургайской области П.А. Кобозев.

В ночь на 25 декабря 1917 г. красные заняли город Троицк — центр 3-го военного округа Оренбургского войска, одновременно с этим они повели новое наступление на Оренбург. Атаман А.И. Дутов сумел выставить не более двух тысяч человек, включая «стариков» и молодежь. Большинство боеспособных казаков еще не вернулось с фронтов Первой мировой войны, а возвращавшиеся не хотели снова братья за оружие, так как новая власть еще не успела проявить себя и воевать вроде бы было не за что. В результате 18 января 1918 г. Оренбург пал, добровольческие отряды пришлось распустить по домам. Те, кто не пожелал сложить оружие, отступили по двум направлениям: на Уральск (во главе с генерал-майором К.М. Слесаревым) и на Верхнеуральск или временно укрылись по станицам. Дутову пришлось бежать из Оренбурга в сопровождении шести офицеров, вместе с которыми он вывез регалии войска и часть оружия. Несмотря на требования новых властей задержать Дутова, обещание вознаграждения за его поимку и почти полное отсутствие у него охраны, ни одна из станиц атамана не выдала⁵⁰⁹.

Дутов решил не покидать территорию войска и отправился в Верхнеуральск, находившийся вдали от крупных дорог и дававший возможность сформировать новые силы против большевиков, не теряя управления войском. Основу нового формирования составили партизанские отряды войсковых старшин Г.В. Енборисова и Ю.И. Мамаева, есаула Е.Д. Савина, подьесаулов В.А. Бородина и Н.Ф. Михайлова, сотника В.М. Свиридова⁵¹⁰. На территории 2-го (Верхнеуральского) военного округа отряды Дутова продержались до середины апреля, когда казаки были вынуждены под ударами превосходящих сил красных под командованием В.К. Блюхера уйти с территории войска вместе с семьями в шестисотверстный поход на юго-восток, в Тургайские степи. Лишь в начале июля 1918 г. на волне восстания чехословаков и казаков небольшой отряд Дутова вернулся в войско. Тургайский поход оренбуржцев стал аналогом Степного похода донских казаков. Антибольшевистски настроенные оренбургские казаки, уйдя в тургайские степи, сумели сохранить свое управление в лице атамана и правительства, а также мотивированное ядро казаков — идейных сторонников антибольшевистского движения, ставшее основой для развертывания казачьих формирований во второй половине 1918 г.

В Семиречье 1 ноября 1917 г. было образовано Войсковое правительство, заявившее о непризнании новой власти. Область была сильно большевизирована. Ситуация осложнялась непростыми межнацио-

нальными отношениями после недавно подавленного восстания 1916 г. Кроме того, Семиречье было изолировано соседними регионами, признавшими петроградский переворот. Была прервана связь и прекращен подвоз продуктов. В начале 1918 г. был убит бывший Войсковой атаман генерал-лейтенант А.И. Кияшко, незадолго до этого сдавший свой пост полковнику Н.С. Щербакову. 13 (26) февраля Войсковым атаманом был избран полковник А.М. Ионов, однако в ночь на 3 марта войсковая столица, город Верный, в результате внутреннего восстания оказалась под контролем местного ВРК. Семиреченские казаки-фронтовики заняли такую же позицию, как и в других войсках.

Сибирское казачество в конце 1917 г. придерживалось нейтралитета. Разумеется, ни войсковая администрация, ни офицерский корпус не были подлинными сторонниками такого курса, однако в сложившихся обстоятельствах вооруженная борьба была в этом регионе самоубийственной. 26 января 1918 г. омский Совет казачьих депутатов арестовал Войсковое правительство. Этот шаг, несмотря на декларируемый нейтралитет, был равносителен признанию новой власти. К началу марта 1918 г. Совет казачьих депутатов признавала 41 станица, против выступали 46 станиц, еще 41 станица занимала нейтральную позицию, что устраивало большевиков. 3-й Войсковой круг, состоявшийся во второй половине марта — начале апреля 1918 г., признал СНК и Брестский мир⁵¹¹. Однако противники большевиков не прекращали работу. С конца 1917 г. в войске создавались подпольные организации, в основном из офицеров. Белое подполье придерживалось политической программы генерала Л.Г. Корнилова (выходца из сибирского казачества). В начале 1918 г. на территории войска был сформирован партизанский отряд есаула Б.В. Анненкова, другим крупным партизанским формированием стал отряд полковника В.И. Волкова. Однако до выступления чехословаков сибирские казаки за редким исключением почти не принимали участия в антибольшевистском движении.

Похожая ситуация сложилась и в Амурском казачьем войске. Здесь советская власть была установлена 25 февраля 1918 г., однако войсковая администрация продолжала функционировать, перебравшись в Китай. 5-й Войсковой круг совместно с крестьянским съездом 1 апреля 1918 г. принял решение об упразднении звания казака и войскового самоуправления, то есть о добровольном саморасказачивании. В сентябре 1918 г. военная власть в области перешла к атаману И.М. Гамову. Решение 5-го круга было отменено. Таким образом, активного участия

в антибольшевистском движении амурское казачество на этом этапе не приняло, последовательно подчиняясь устанавливавшейся в регионе власти красных или белых. С сентября 1918 г. амурцы вошли в состав противобольшевистских вооруженных формирований, действуя в основном силами собственной казачьей бригады против местных красных партизан.

Уссурийское казачье войско не признало петроградского переворота, что было зафиксировано решением 4-го Войскового круга в Имане в январе 1918 г. Кроме того, круг провозгласил автономию войска. Но какого-либо сопротивления установлению в апреле 1918 г. советской власти здесь оказано не было.

На выборах в Учредительное собрание основная масса казаков проголосовала за казачьи избирательные списки, лишь на Кубани выборы не состоялись, а в Забайкалье казаки отдали предпочтение эсерам.

Подводя итоги начальному периоду борьбы, необходимо отметить, что большевикам зимой 1918 г. удалось взять казачьи земли под свой контроль. Это произошло в значительной степени из-за пассивной или пробольшевистской позиции фронтового казачества, уставшего от войны, желавшего лишь отдыха в своих станицах и не предвидевшего последствий такого выбора. Вместе с тем в конце 1917 — начале 1918 г. практически во всех казачьих войсках выделились лидеры антибольшевистского движения, готовые вести последовательную борьбу с новой властью. Обращает на себя внимание тот факт, что, как правило, это были представители войсковой администрации, атаманы. Выборный характер их власти делал их легитимными выразителями позиции казачьих масс. Антибольшевистская позиция атаманов и других представителей войсковых администраций в дальнейшем предопределила и организованное участие казачества в Белом движении в составе своих казачьих войск.

ПОВСТАНЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Конфликт «стариков» и фронтовиков не позволил казачьим атаманам на начальном этапе борьбы объединить вокруг себя значительные массы казаков, а вооруженный нейтралитет казачества был на руку большевикам. Однако новая власть не считалась с казачьими

традициями и образом жизни, разговаривала с казаками в основном с позиции силы, начала ущемлять права казачества, а к не желавшим подчиняться применялись репрессивные меры. В некоторых местах начались захваты казачьих земель крестьянами. Такой подход к военизированному и привилегированному сословию привел к росту недовольства и масштабным восстаниям, а также к вспышке белого террора⁵¹². Начался повстанческий период борьбы в казачьих областях, временные рамки которого условно охватывают события первой половины 1918 г. Для многих казаков борьба с большевиками уже в начале 1918 г. приняла характер борьбы за свои права и возможность свободного существования. За считанные месяцы на казачьих территориях развернулось мощное антибольшевистское повстанческое движение⁵¹³.

Движущими силами повстанческих выступлений казачества в 1918 г. были офицерство, «старики» и учащая молодежь. Само казачество без помощи извне, конечно, не смогло бы одержать верх в этой борьбе. Временная победа была достигнута при помощи внешних сил (чехословаков, добровольцев, немцев). В результате казачьи войска были освобождены от красных, восстановлен прежний порядок управления. Из общей цепи казачьих восстаний выпадает Астраханское казачье войско, территория которого после двухнедельных январских боев 1918 г. в Астрахани на весь период Гражданской войны оказалась под контролем красных. Кроме того, за рамки традиционного представления о повстанчестве выходят события на Кубани, поскольку там выступления происходили лишь в непосредственной связи с действиями добровольцев — кубанцы присоединились к Добровольческой армии и действовали в ее составе.

Интересен вопрос о непосредственных причинах зарождения казачьего повстанчества. По мнению современного американского исследователя П. Холквиста, первопричиной вооруженного выступления казачества против красных на Дону были слухи о мародерстве отрядов Красной гвардии в начале 1918 г., то есть не столько сам террор, сколько «великий страх» перед ним. «Великий страх» в казачьей среде сочетался с ненавистью к неказачьему населению. Такой же страх испытывало и последнее в отношении казаков, таким образом, заключает Холквист, социальные мобилизации одновременно происходили с обеих сторон⁵¹⁴. Нельзя в полной мере согласиться с американским ученым, поскольку начальный период Гражданской войны в казачьих

регионах был отмечен целым рядом актов красного террора (в особенности против уважаемых в казачьей среде лиц — представителей войсковой администрации, офицеров, «стариков»), так что слухи являлись в значительной степени обоснованными, хотя отрицать наличие острейших внутренних конфликтов между казачьим и иногородним крестьянским населением не приходится.

На Дону по местной инициативе образовалась Донская советская республика, председателем СНК которой стал Ф.Г. Подтелков. Занятие красными Донской области сопровождалось массовым террором, главным образом в крупных городах, прежде всего, против казачьего офицерства. Станицы (и даже советизированные казачьи части) не выдавали офицеров и оружия, что стало тревожным предостережением для большевиков. Репрессии коснулись и других социальных групп. Производившиеся реквизиции продовольствия для снабжения красного центра и, наконец, решение о национализации казачьих земель не могли вызывать симпатий казачества. Постепенно прежде нейтральные или даже пробольшевистски настроенные фронтовики становились на антибольшевистские позиции.

18 (31) марта 1918 г. в станице Суворовской началось восстание донского казачества, успеху которого в значительной степени способствовало появление на Украине, а затем и на Дону германских войск. Одновременно начались восстания и в других местах. Казаки отряда войскового старшины М.А. Фетисова из станицы Кривянской внезапно налетом 1 (14) апреля захватили Новочеркасск. Через четыре дня город был отбит красными, наступавшими со стороны Ростова. Повстанцы, сосредоточившиеся в станице Заплавской (в 10 км восточнее Новочеркаска), образовали Заплавскую (позднее — Южную) группу под командованием полковника С.В. Денисова. Активизировались и партизаны, ушедшие в Степной поход, — они составили Северную группу под командованием войскового старшины Э.Ф. Семилетова. Повстанцы из Задонья образовали Задонскую группу генерал-майора П.Т. Семенова. 4 (17) апреля остатки повстанческих дружин общей численностью до 4000 человек сосредоточились в Кривянской, где было объявлено о создании казачьей армии под командованием генерала К.С. Полякова. Ее основу составили повстанческие формирования и отряд партизан-степняков.

18 апреля (1 мая) 1918 г. из Ростова-на-Дону в северные округа Донской области (Усть-Медведицкий и Хоперский) с целью мобилизации

казаков была направлена экспедиция донского ВРК во главе с Ф.Г. Подтелковым и комиссаром М.В. Кривошлыковым. Однако члены отряда потерпели неудачу, на хуторе Пономарев станицы Краснокутской 78 участников экспедиции были расстреляны казаками, а Подтелков и Кривошлыков — повешены.

23 апреля (6 мая) Новочеркасск был вновь занят казаками и подошедшим отрядом полковника М.Г. Дроздовского. 25 апреля (8 мая) германские войска вошли в Ростов. В Новочеркасске был образован Совет обороны во главе с есаулом Г.П. Яновым, позднее получивший название Временного правительства Дона.

Взаимоотношения представителей Южной и Северной групп складывались непросто, поэтому объединить восставший Дон в перспективе мог лишь авторитетный для всех группировок лидер. Собранный первоначально в станице Константиновской, а затем в Новочеркасске Войсковой круг («Круг спасения Дона») 3 (16) мая избрал донским атаманом генерал-майора П.Н. Краснова как одного из старших по службе донских генералов. Эта кандидатура устроила всех, поскольку ни «степняки», ни «заплавцы» не получали решающего преимущества. Претендовавшие на лидерство в войске участники Степного похода, и прежде всего генерал П.Х. Попов и его сподвижник генерал Э.Ф. Семилетов, оказались отстранены от руководящих постов, начальник штаба Попова полковник В.И. Сидорин подал в отставку, а партизанские отряды были распущены⁵¹⁵. С избранием Краснова атаманом командующим Донской армией стал генерал-майор С.В. Денисов. Начался новый этап борьбы⁵¹⁶.

Аналогичный процесс происходил и на Южном Урале. Весной 1918 г., вне связи с оренбургским атаманом А.И. Дутовым, на территории 1-го военного округа Оренбургского казачьего войска началось мощное повстанческое движение против большевиков, которое возглавили Съезд делегатов 25 объединенных станиц и штаб фронтов во главе с войсковым старшиной Д.М. Красноярцевым. 28 марта в станице Ветлянской казаками был уничтожен отряд председателя Совета Илецкой Защиты П.А. Персиянова, 2 апреля в станице Изобильной уничтожен карательный отряд председателя Оренбургского губисполкома и ВРК С.М. Цвиллинга, а в ночь с 3 на 4 апреля отряд войскового старшины Н.В. Лукина (вскоре расстрелян красными) совершил дерзкий налет на Оренбург, заняв город на короткое время и нанеся красным ощутимые потери.

Вспышки сопротивления повлекли эскалацию конфликта. На территории губернии действовали карательные отряды, которые расстреливали казаков, сжигали сопротивлявшиеся станицы (весной 1918 г. сожжено 11 станиц), налагали на казаков значительные контрибуции.

Об эскалации сопротивления казаков на Южном Урале и ее причинах 25 мая 1918 г. писал управляющему делами СНК В.Д. Бонч-Бруевичу крестьянин села Ново-Ключевка Бузулукского уезда Самарской губернии Г.В. Глушков: «С казаками можно было давно уже все уладить без штыков. Они бы выдали и Дутова и всех главарей, но бестактность красноармейцев так озлобляет казачье население, что просто диву даешься — или дело ведут набитые дураки — или просто провокаторы. Два-три хороших, теплых возвания, какие мастер составлять Л.Д. Троцкий, и казаки были бы на нашей стороне.

Теперь около Оренбурга Дутова нет. Казаки сами нападают именно на те отряды, которые позволяют себе хозяйничать в казачьих селениях. Если провести следствие, то картина выяснится ужасающая. Я ехал в вагоне вместе с красноармейцами, они мне рассказывали следующее: “Когда мы занимаем казачью деревню, то отбираем все, что можно взять, заставляем кормить себя утками и курами, словом, живем хорошо. Только одно плохо, нападают на них на сонных. Недавно убили 110 человек”. Каждого казака решили убивать, всех офицеров брать на пушку*. Вот те девизы, с которыми идут на Оренбургский фронт большинство наших товарищей-красноармейцев»⁵¹⁷.

В результате подобной недалёковидной политики только на территории 1-го военного округа Оренбургского казачьего войска к июню 1918 г. в повстанческую борьбу оказалось вовлечено свыше 6000 казаков. Важную роль в организации выступлений казаков сыграли станичные военные комиссии. Кроме того, в конце мая к движению сопротивления присоединились казаки 2-го и 3-го военных округов, поддержанные восставшими чехословаками. Уже в мае Оренбург оказался окружен отрядами восставших казаков, и красным, чтобы попасть в город, приходилось продвигаться с боями даже по линии железной дороги, подвергавшейся систематическим налетам и разрушению.

Выступление против большевиков Отдельного Чехословацкого корпуса кардинально изменило стратегическую обстановку на Востоке

---

* Так в документе, очевидно, «на мушку».

России. Казаки стали действовать совместно с чехословаками. В то же время автономное друг от друга выступление казаков в 1-м и других военных округах предопределило в дальнейшем искусственное раздробление территории войска, в результате которого казачьи формирования 2-го и 3-го округов с лета 1918 г. оказались отделены от формирований 1-го округа и подчинены различным антибольшевистским правительствам.

После получения известий о восстании в войске атаман А.И. Дутов, ушедший с небольшим отрядом в Тургайские степи, принял решение вернуться. Под натиском казаков-повстанцев В.К. Блюхер, Н.Д. Каширин (бывший казачий подьесаул) и Г.В. Зиновьев, возглавлявшие силы красных в регионе, со своими отрядами отступили из-под Оренбурга на север, в район Белорецка, и на юг, в Туркестан. 3 июля 1918 г. повстанческие отряды войсковых старшин Д.М. Красноярцева и Н.П. Карнаухова овладели Оренбургом, а 7 июля в город вошел партизанский отряд Дутова. Как и на Дону, между «степняками» и «заплавцами», на Южном Урале существовала определенная рознь между «тургайцами» и участниками восстания на казачьей территории. Однако Дутов сумел одержать верх над оппозицией и стал единоличным властителем на Южном Урале⁵¹⁸.

В Семиречье, как и в некоторых других казачьих регионах, весной 1918 г. также вспыхнуло казачье восстание, причиной которого послужили попытки насильственных реквизиций зерна и оружия. 16 апреля отряд красногвардейцев под командованием левого эсера Шукина был разгромлен казаками станиц Софийской, Надеждинской и Малой Алматинской. Затем пять южных станиц восстали и осадили город Верный, причем отряд казаков сотника Бортникова совершил дерзкий налет на город и освободил из тюрьмы Войскового атамана А.М. Ионова. В период с 24 апреля по 11 мая действовало перемирие, которое было на руку скорее красным, рассчитывавшим на подход свежих сил из Ташкента. Действительно, в мае из Ташкента прибыл отряд А. Мураева (около 600 бойцов), который совместно с семиреченскими большевиками и красногвардейцами начал успешные действия против повстанцев. По некоторым данным, пленных с целью устрашения населения рубили прямо на станичных площадях. В итоге к началу июня восстание было жестоко подавлено, а само войско упразднено. Несмирившиеся казаки вскоре вновь восстали. На этот раз их поддержали части Степного Сибирского корпуса Сибирской армии. 21 июля Семи-

реченский отряд полковника Ф.Г. Ярушина взял Сергиополь, захват которого стал сигналом для казачьего восстания на севере области. В ответ на это верненские большевики предприняли ряд энергичных мер по подавлению опасного для них мятежа. Однако белые сумели взять под свой контроль все Северное Семиречье. С 29 августа по 7 сентября они контролировали Лепсинск, а в конце сентября 1918 г. в Семиречье установился стабильный антибольшевистский фронт. По мере освобождения территории войска от красных возрождалось и семиреченское казачество.

В Уссурийском войске в 1918 г. появился свой сильный лидер местных казаков (хотя по своему происхождению из харьковских мещан и не принадлежавший к казачеству) подъесаул И.П. Калмыков, временно исполнявший обязанности Войскового атамана. Весной 1918 г. Калмыков сформировал Особый Уссурийский казачий отряд численностью около 500 человек, с которым в период июня — августа 1918 г. при содействии чехословаков из Владивостокской группы генерал-майора М.К. Дитерихса очистил от красных железную дорогу от Никольска-Уссурийского до Хабаровска, причем в ходе боев численность отряда Калмыкова увеличилась примерно в 2,5 раза⁵¹⁹.

Наиболее поздним по времени из казачьих повстанческих выступлений на Юге России стало терское восстание⁵²⁰. Тем не менее исследователи все равно считают его преждевременным, поскольку Добровольческая армия не могла поддержать восставших, что привело к значительным потерям в их рядах. Восстание началось со стихийных выступлений в июне 1918 г. Видную, но неоднозначную роль в нем сыграл отряд полковника А.Г. Шкуро, захват которым Кисловодска в середине июня 1918 г. спровоцировал преждевременное начало восстания в Волгском, а затем и в Моздокском отделах. Центром восстания был Моздок, где 20 июня (3 июля) состоялся Съезд казаков и крестьян Терского войска, избравший в качестве исполнительного органа Казачье-крестьянский совет во главе с эсером Г.Ф. Бичераховым. Позднее руководство восстанием взяло на себя Временное народное правительство Терского края эсеровского толка во главе с тем же Бичераховым. Образовалось несколько повстанческих фронтов, общее руководство которыми из станицы Прохладной осуществлял полковник Н.К. Федюшкин, а позднее — сменивший его генерал-майор Э.А. Мистулов (покончил с собой в ноябре 1918 г.). Таким образом, восстание имело два центра: Моз-

док (политический) и Прохладную (военный), которые соперничали между собой. Повстанцы не обладали достаточным количеством боеприпасов, а их формирования имели ополченческий характер и действовали локально. В период полевых работ казаки, несмотря на критичность ситуации, расходились по домам⁵²¹. В результате красным удалось прорвать Прохладненский фронт, и восстание было подавлено. Некоторые из его участников отошли через Кабарду на соединение с Добровольческой армией, другая группа вышла в Дагестан. Поражению восстания способствовали острые внутренние противоречия и несогласованность действий восставших. Неудача на Тереке не является исключением из общего хода борьбы казачества; как и первое восстание в Семирежье, она наглядно демонстрирует обреченность повстанческих выступлений без поддержки со стороны регулярных формирований, таких как чехословацкие, белые добровольческие или немецкие войска.

На территории Забайкальского казачьего войска в августе 1918 г. также произошло небольшое казачье восстание. 23 августа в Чите восстали политзаключенные во главе с подполковником Б.П. Ивановым, а на следующий день казаки станицы Титовской под командованием есаула Е.Л. Трухина попытались прорваться в город. 26 августа красные оставили Читу, в тот же день в город вошли казаки Трухина, а городом Нерчинск овладели казаки станицы Знаменской во главе с есаулом Селинским. Не стоит переоценивать значение этих выступлений — красные оставляли крупные центры Забайкалья под воздействием наступавших чехословаков и сибирских войск. 27 августа эти силы уже вошли в Читу. Было восстановлено Забайкальское казачье войско. 30 августа произошло соединение этих сил с войсками Г.М. Семенова на реке Онон. 14 сентября Семенов прибыл в Читу⁵²².

Отличительными чертами казачьего повстанчества являлись стихийность, локальность, поддержка местного населения. В своих действиях казаки часто прибегали к диверсиям — разбирали полотно железной дороги, сжигали мосты, совершали стремительные набеги. Иногда борьба приобретала жестокий и бескомпромиссный характер, но в отдельных местах, наоборот, смена власти происходила мирным путем. Во главе движения в 1918 г., особенно на его начальном этапе, как правило, оказывались малоизвестные офицеры в небольших чинах. Лидеры казаков-повстанцев в некоторых случаях составляли оп-

позицию войсковой администрации после ее восстановления на казачьих территориях. В дальнейшем многие из них, не искушенные в политической борьбе и интригах, не смогли удержаться на первых ролях в освобожденных казачьих областях.

АВТОНОМНЫЙ ПЕРИОД

С окончанием повстанческого периода и освобождением казачьих территорий на них стали создаваться близкие к регулярным казачьи вооруженные формирования, восстанавливались органы казачьего самоуправления, Войсковые правительства. В некоторых войсках (Донское, Уральское, Оренбургское) появились свои казачьи армии или армии с преобладанием казаков, государственная символика, законодательные акты, закреплявшие войсковую автономию. Такое положение вещей было в значительной степени обусловлено отсутствием на тот момент в России приемлемой для казаков верховной государственной власти. Лишь с конца 1918 г. начался период интеграции казачества с белыми армиями и фронтами. Таким образом, и сами казаки, и выразители их позиции атаманы в новых условиях преследовали собственные цели, далеко не всегда совпадавшие с задачами антибольшевистской России. В наибольшей степени негативные последствия этого, вылившиеся в сепаратизм и атаманщину, проявились на слабо контролируемых белым центром окраинах — на Дальнем Востоке, в Семиречье, на Кубани. В меньшей степени это было присуще остальным казачьим войскам.

Период борьбы казаков во второй половине 1918 г. можно назвать автономным не случайно. Должного взаимодействия с Белым движением еще не наступило, а казачья войсковая администрация предпочитала придерживаться собственного курса, подчеркивая автономию и самостоятельность своих войск. В этот период Донская армия, несмотря на общность задач, сражалась без какого-либо взаимодействия с Добровольческой армией, подчас действуя в диаметрально противоположных направлениях (добровольцы — на Кубань, донцы — на Царицын). Донская армия в то время была очень слабой. Первоначально в войсках почти не было офицеров-генштабистов, а в штабе армии не имелось карт, канцелярских принадлежностей и средств связи⁵²³.

Встреча командующего Добровольческой армией генерала А.И. Деникина и донского атамана генерала П.Н. Краснова 15 (28) мая 1918 г. в станице Мечетинской не привела к объединению. Различной была и ориентация руководства двух армий — командование Донской армии и администрация Всевеликого войска Донского ориентировались на центральные державы, а добровольческое — на Антанту. В своем письме кайзеру Вильгельму в июле 1918 г. Краснов отметил, что в случае восстановления Восточного фронта Дон будет держать нейтралитет и не допустит боевых действий на своей территории. Краснов предлагал Германии в обмен преимущественное право вывоза излишков хлеба, кожевенных товаров, сырья, шерсти, рыбы, жиров, масла, табака, скота, лошадей, вина и другой продукции с территории Дона с обменом их на необходимые Дону сельскохозяйственные машины, химические продукты, различное оборудование. Кроме того, Краснов обещал кайзеру особые льготы для германских предпринимателей в отношении инвестиций в донские предприятия⁵²⁴. В результате таких заверений Краснов добился признания немцами границы Дона с Украиной.

Краснов просил германского императора и о военной помощи, но не получил ее. Тем не менее атаману удалось, по различным подсчетам, поставить под ружье до 50 тысяч казаков, что было внушительной силой. Лица неказачьего сословия, участвовавшие в борьбе с красными на Дону, были приняты в казаки. И все же мобилизационная политика большевиков оказалась намного эффективней, в результате чего численное превосходство было на их стороне. Детищем Краснова стала Молодая армия (до 20 тысяч казаков), укомплектованная молодыми казаками, прошедшими серьезную подготовку. Осенью 1918 г. эта армия получила боевое крещение. Краснов всячески пытался возродить боевой дух казачества. При нем войско обрело свое историческое наименование «Всевеликое войско Донское», создавались атрибуты донской казачьей государственности, культивировался казачий национализм.

К концу июля 1918 г. территория войска была освобождена от красных. Предстояло выйти за пределы Донской области, что с учетом казачьей психологии было непросто. «Пойдем, если и “русские” пойдут», — говорили казаки, но русское крестьянство не горело желанием отрываться от своих уездов. Сами казаки, помня опыт участия в карательных мероприятиях в старой России, не стремились выходить

за пределы области и драться за «мужичьи» интересы. Незамедлительно началось резкое падение боевого духа казачьих частей. Одной из основных задач Донской армии стало овладение Царицыном — ключевым пунктом на правом фланге армии. Казаки перерезали железнодорожную ветку Царицын — Торговая, было предпринято несколько безуспешных штурмов города, однако существенных результатов добиться не удалось.

В результате борьба свелась практически к пассивной обороне границ войска. В то же время донские казаки обеспечивали тыл совершавшей 2-й Кубанский поход Добровольческой армии. Благодаря этому добровольцы не сталкивались с необходимостью вооруженного противоборства с красным центром, что позволило им значительно усилиться в преддверии решающих операций 1919 г.

Донское командование относилось к руководству Добровольческой армии неоднозначно. По мнению генерала С.В. Денисова, Добровольческая армия напоминала «странствующих музыкантов», тогда как Донская армия была связана с определенной территорией⁵²⁵. Добровольческое командование пользовалось помощью Дона в снабжении, однако ответного содействия в виде направления квалифицированных командных кадров, в которых нуждался Дон и которые в избытке имелись у Деникина, казаки не получили. Конфронтация двух антибольшевистских армий вылилась на страницы прессы. Ценные свидетельства об этих событиях содержатся в личных документах Деникина. 17 (30) сентября 1918 г. он писал генералу Н.А. Степанову в Сибирь: «С Доном отношения Добровольческой армии по внешности соседские — взаимная поддержка и помощь друг другу чем можно. По существу же политика атамана Краснова двойственна и преследует лично-эгоистические интересы, что сильно отражается на установлении полного единства и на проявлении союзниками необходимой спешности в оказании их содействия. По вопросу об едином командовании полного соглашения еще не достигнуто»⁵²⁶.

Вместе с тем на Дону складывалась оппозиция власти атамана П.Н. Краснова. Часть старших офицеров проантантовской ориентации была недовольна заигрыванием с немцами и рассчитывала на союз с Деникиным. Среди оппозиционеров оказались генералы В.И. Сидорин, Э.Ф. Семилетов, А.П. Богаевский. Сидорин и Семилетов были Красновым арестованы, а затем уехали в Добровольческую

армию. В Екатеринодаре перебежчиков с Дона встречали с воодушевлением.

Поражение Германии в Первой мировой войне в ноябре 1918 г. резко ослабило позиции прогерманского лобби на Дону и самого атамана Краснова, прекратилась германская помощь, заметно ухудшилось стратегическое положение региона. С уходом немцев с Украины вся западная граница Донской области становилась открытой для ударов красных. Снабжение Донской армии было замкнуто на единственную железнодорожную ветку, поэтому, угрожая прервать снабжение, большевики вынудили донское командование выставить на фронт все резервы. Впрочем, и это не помогло. Содержание значительной армии для Донской области, не имевшей ни достаточного количества подготовленных командных кадров, ни соответствующей материально-технической базы, являлось непосильной задачей. Важную роль в боевом обеспечении играли трофеи. Боеприпасы донцам частично поставляли немцы, а позднее англичане.

На фоне усиления Добровольческой и разложения Донской армии Краснов был вынужден пойти на уступки Деникину. На станции Торговая 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.) состоялось совместное совещание, по итогам которого были созданы Вооруженные силы на Юге России, объединившие добровольцев, донцов, кубанцев и горцев под общим командованием Деникина. Последующие события привели к полному подчинению Дона добровольческому командованию.

Уже в январе 1919 г. несколько полков в Верхнедонском округе отказались сражаться, в феврале Донская армия была вынуждена отступить за Дон, а затем и за Донец. Большой Войсковой круг в феврале 1919 г. потребовал отставки командования Донской армии. Краснов был вынужден также уйти в отставку, передав 6 (19) февраля атаманский пернач проденикински настроенному генерал-лейтенанту А.П. Богаевскому. На этом автономный период борьбы Дона с большевиками закончился.

По итогам встречи с представителями Кубани 10 (23) июня 1918 г. генерал М.В. Алексеев с горечью отмечал: «Уже ранее из разговоров с [Л.Л.] Бычом для меня была ясна суть пожеланий, домогательств этих жалких представителей “казацкого войска”, их идеалы»⁵²⁷. Тем не менее Кубань не имела возможности вести самостоятельную борьбу с большевиками, казаки фактически влились в состав Добровольческой армии.

В ноябре 1918 г. на открытии Кубанской рады в Екатеринодаре командующий Добровольческой армией генерал Деникин произнес речь, в которой призвал к единству в борьбе и заявил о признании необходимости широкой автономии составных частей России, в том числе и казачьих областей. Такое заявление было призвано повлиять на настроения политической верхушки Кубани, которая среди всех казачьих войск в тот период отличалась наибольшим стремлением к сепаратизму и русофобии (одним из штампов кубанской пропаганды того периода являлось выражение «проклятые москали») ⁵²⁸. Обусловлено это было историческим разделением населения Кубанского казачьего войска на «черноморцев» (потомков запорожских казаков) и «линейцев» (потомков переселенцев с Дона и крестьян). Наложение исторической психологии представителей казачьей интеллигенции из «черноморцев» на политическую программу социалистических партий оказалось взрывоопасным. Политическими лидерами этой группы были председатель кубанского правительства Л.Л. Быч, председатель законодательной рады Н.С. Рябовол, священник А.И. Кулабухов. «Линейцы» в гораздо большей степени были пророссийски настроены, однако не имели сильных вождей.

Все эти околополитические разногласия мало касались основной массы казачества, которое шло в Добровольческую армию и исполняло приказы белого командования, разделяя цели и задачи этой армии. Доктринеры из Рады мечтали о создании «Великой Кубани», причем ради осуществления этих планов они шли на тайные переговоры с представителями Грузии, пытались организовать голодную блокаду Черноморской губернии, которую намеревались присоединить, с большим размахом вели враждебную Добровольческой армии агитацию и даже высказывались в пользу создания федерации с Украиной. Местные интересы политически близоруких людей возобладали над общегосударственными. В казачьей среде не без пропаганды сверху широко распространились шовинистические настроения. С освобождением Кубани от красных казачество стало открыто мстить иногородним, считавшимся большевиками. В основном борьба шла за землю. На местном уровне начались повсеместные самосуды, предлагалось даже осуществить поголовное выселение иногородних (не казаков) с Кубани, а отдельные члены Рады говорили и об истреблении.

Добровольческое командование осенью 1918 г. не имело тех возможностей для борьбы с кубанским сепаратизмом, какие у него появились к осени 1919 г. Связано это было в том числе и с зависимостью Добровольческой армии от Кубани как от базы. В сентябре 1918 г. кубанцы составляли около 89% конницы, 44% пехоты и 33% артиллерии армии Деникина. По мнению самого Деникина, кубанцев в армии было до 65%⁵²⁹. С этим приходилось считаться.

Исходя из этого, кубанские представители потребовали создать самостоятельную Кубанскую армию. Разумеется, такая армия, как и в случае с Донской армией формирования 1918 г., не пошла бы за пределы войска и не решала бы общегосударственных задач. Добровольцы лишились бы конницы и части пехоты, а кубанцы — опытного командного состава и артиллерии. Наглядным примером является упорная пятимесячная борьба единой Добровольческой армии с красными на Кубани после освобождения Екатеринодара. Самостоятельная Кубанская армия такую борьбу выдержать не могла. Атаман А.П. Филимонов, по мере возможности, пытался сглаживать противоречия и бороться с сепаратистами, однако его борьба с ними как представителя кубанцев имела четкие пределы и не принимала решительного характера.

С образованием в начале 1919 г. ВСЮР, уходом немцев с Украины, утратой мечты кубанцев о федерации с Украиной, усилением позиций Антанты и Добровольческой армии и приближением большевиков донское и кубанское руководство было вынуждено подчиниться ВСЮР. Впрочем, это не привело к прекращению сепаратистской активности кубанских политиков.

По окончании 2-го Кубанского похода и освобождении Кубани от красных Добровольческая армия приступила к Северо-Кавказской операции на Тереке, овладев в январе — феврале 1919 г. территорией Чечни, Ингушетии, Осетии и Дагестана. Несмотря на то что Владикавказско-Грозненская группа красных насчитывала до 8000 человек, белым удалось сравнительно быстро добиться успеха в результате активного использования высококомобильной казачьей конницы. Только благодаря приходу на Терек Добровольческой армии терские казаки смогли организовать борьбу с большевиками после неудачного восстания лета — осени 1918 г. Вскоре после вступления III армейского корпуса генерал-лейтенанта В.П. Ляхова и I конного корпуса генерал-майора В.Л. Покровского на террито-

рию войска из терцев удалось сформировать две конные дивизии и две пластунские бригады (позднее появились еще две дивизии и две бригады). Большой Войсковой круг Терского казачьего войска избрал атаманом генерал-майора Г.А. Вдовенко. Фигура Вдовенко была вполне приемлема и для руководства ВСЮР. Само войско получило широкую автономию.

Однако в Северо-Кавказском регионе серьезное значение имел национальный фактор. Горское население нейтрально или сочувственно относилось к советской власти, в том числе в связи с земельным вопросом. 3-й съезд народов Терека принял решение о ликвидации «сунженского клина» — казачьих станиц на бывших ингушских землях. Острейшие противоречия существовали и на территории Чечни. Северный Кавказ после его формального занятия белыми продолжал оставаться очагом постоянной напряженности, жестокой борьбы и серьезного отвлечения сил в белом тылу в решающий период «похода на Москву».

Астраханское войско, как уже отмечалось, утратило свою территорию еще в самом начале Гражданской войны. Вплоть до окончания войны оно оставалось единственным войском, земли которого прочно контролировались красными. Есть основания полагать, что станичное астраханское казачество смирилось с ситуацией, поскольку на занятой красными территории войска в 1918 г. не было восстаний. Здесь, как и в каждом войске, существовал определенный процент активных противников большевистской власти, которые участвовали в борьбе на протяжении всей Гражданской войны. С образованием весной 1918 г. крупного антибольшевистского очага на Дону группа астраханских офицеров и чиновников во главе с князем Д.Ц. (Д.Д.) Тундутовым, исполнявшим обязанности Войскового атамана, прибыла на Дон и попыталась воссоздать управление Астраханского войска и его воинские части. Тундутов сформировал новое правительство и стал формировать Астраханскую армию, командующим которой стал генерал-лейтенант А.А. Павлов. Летом 1918 г. удалось сформировать две бригады. Эти силы действовали с переменным успехом. Осенью 1918 г. общая численность астраханских частей достигла 2000 штыков и шашек. Однако под Царицыном астраханцев разгромила дивизия Д.П. Жлобы, причем астраханская пехота была почти полностью уничтожена, а пленные подверглись зверской казни.

К ноябрю 1918 г. по соглашению между астраханским Войсковым правительством и атаманом Красновым в состав Донской армии вошел Астраханский корпус общей численностью до 4000 штыков и шашек, который был укомплектован, прежде всего, калмыками и иногородним населением Донской области, военнопленными. Собственно астраханских казаков в корпусе было не более 12%. Донское командование разыскивало природных астраханских казаков в обозах и в тылу. В период с ноября 1918 по февраль 1919 г. корпус принимал участие в наступлении на Царицын и обороне Донской области с юго-востока, действуя в сальских и маньчских степях, однако к концу февраля 1919 г. перестал существовать. Остатки корпуса в начале марта 1919 г. были отведены руководством ВСЮР в тыл и переформированы в конную бригаду, основу которой составили калмыки. Сторонник германской ориентации и калмыцкий националист князь Тундутов в феврале 1919 г. был смещен на атаманском посту проденикински настроенным Н.В. Ляховым.

Одновременно астраханцы боролись с большевиками и на территории Уральского войска, куда их часть отошла после поражения астраханского восстания в январе 1918 г. Действиями этой группы руководил есаул Н.К. Сержников. Осенью 1918 г. в Гурьеве были сформированы Астраханский казачий дивизион и пластунский батальон общей численностью до 600 штыков и шашек. Эти части в составе Уральской армии действовали на подступах к Астрахани, одновременно обороняя главную тыловую базу уральцев — город Гурьев. Весной 1919 г. из астраханцев был сформирован Освободительный отряд полковника Сержникова (до 2000 штыков и шашек и до 8 орудий), задачами которого стали освобождение территории Астраханского войска и активные действия против Астрахани. Таким образом, астраханцы в условно выделяемый нами автономный период в отсутствие собственной базы сражались в рядах Донской и Уральской армий.

Осенью 1918 г. красные попытались овладеть Уральском, в боях участвовали формирования под командованием легендарного В.И. Чапаева. Расположенное уступом впереди Восточного фронта белых Уральское войско находилось на периферии антибольшевистских фронтов, поэтому после ухода белых из Поволжья красные получили возможность нанести удар по уральцам. С октября 1918 г. уральцы действовали в составе Юго-Западной армии генерал-лейтенанта А.И. Дутова при

оперативной самостоятельности. Уральцы признали приход к власти адмирала А.В. Колчака и подчинились ему как Верховному правителю. 24 января 1919 г. после ожесточенных боев Уральск пал. Положение уральцев являлось непростым и с географической точки зрения — в их тылу были лишь безводные степи и Каспийское море, поэтому в случае неудачи легкого пути отступления не было и поражение грозило гибелью участникам борьбы, если не от красных, то от погодных условий, что и случилось зимой 1919/20 г.⁵³⁰

Гражданская война в Уральском войске отличалась большим ожесточением. Начальник штаба Отдельной Уральской армии генерал-майор В.И. Моторный, оказавшись в советском плену, показал: «Озлобленные поступками красных, имевшими, например, место в п.*, где были вырезаны оставшиеся после отхода казачьих частей до 50 стариков и старух, сожжением поселков и хуторов, разрушением церквей, добиванием раненых, — казаки в свою очередь часто, взяв пленных, расстреливали на месте всех коммунистов, а с остальных снимали верхнюю одежду. Последнее объясняется недостатком обмундирования и обуви в армии. Часть пленных разбиралась казаками по поселкам для полевых работ (этим в огромном большинстве жилось хорошо); другая часть содержалась в лагерях, работая по постройке окопов и разгрузке Гурьевской пристани. Бегство из плена достигало огромных размеров. Благодаря эпидемии тифа, многие из пленных погибли»⁵³¹.

В Оренбуржье события во второй половине 1918 г. развивались следующим образом. Освобождение территории войска от большевиков шло с двух сторон: на юге оно осуществлялось повстанческими отрядами оренбургских казаков, а на севере — соединенными силами казаков и частей восставшего против большевиков Отдельного Чехословацкого стрелкового корпуса. По возвращении в Оренбург Дутов признал власть Комуча и вскоре побывал в Самаре. Затем атаман отправился в Омск — столицу Временного Сибирского правительства. Эта поездка привела к острому конфликту Дутова с Комучем, члены которого считали визит атамана в Омск едва ли не враждебным шагом и лишили Дутова данных ему ранее полномочий. Между тем оренбургский атаман придерживался своей собственной политической линии, присматривался к тем политическим силам,

---

* Название населенного пункта в документе пропущено.

которые его окружали, а порой и заигрывал и с теми и с другими, стремясь добиться максимальных выгод для своего войска. Скудные материальные возможности подчиненного ему региона вынуждали Дутова лавировать, стремясь получить помощь отовсюду, а сама территория Оренбургского казачьего войска летом 1918 г. оказалась разделена между самарским и омским правительствами. 12 августа на фоне развивавшегося конфликта с Комучем Дутов пошел на беспрецедентный шаг — автономизацию территории войска, значительно укреплявшую его позиции как атамана. Было провозглашено образование в составе Российской федеративной республики (как будущей формы государственного устройства, утвержденной всеми Войсковыми кругами) особой Области войска Оренбургского⁵³². Принятие указа 12 августа было проявлением стремления лидеров казачества оградить войско от внешних опасностей и непродуманных решений того или иного правительства (самарского или омского). Автономизация делала Дутова более независимым от давления со стороны Комуча, позволяя на равных вести переговоры с представителями Самары.

Летом 1918 г. главной задачей атамана А.И. Дутова в военном отношении стало освобождение всей территории войска, однако до конца сентября 1918 г. эта задача решена не была. На войсковой земле к осени 1918 г. оставался крупный форпост красных — город Орск. Период августа — сентября 1918 г. на фронтах Оренбургского казачьего войска характеризовался попытками оренбуржцев взять Орск, но для блокирования Орска имевшихся у Дутова сил было явно недостаточно. С переменным успехом шли бои и на ташкентском направлении. Разведка доносила, что красные здесь усиливаются. По взятии Орска Дутов предполагал развить наступление на Актюбинск и ликвидировать весь южный фронт, но его ликвидация могла быть достигнута лишь в случае полного освобождения от красных всего Туркестана, на что, учитывая колоссальную площадь этого региона, были необходимы весьма значительные силы. Такая задача была для оренбуржцев непосильной, на какую-либо стороннюю помощь, за исключением снабжения, рассчитывать не приходилось. Осенью бои с переменным успехом шли на участке между Илецкой Защитой и Актюбинском.

Вопрос со взятием Орска затянулся до самого конца сентября 1918 г., а уже в начале октября в связи с крушением Поволжского фронта на

севере образовался Бузулукский фронт, ставший главным для оренбургцев. «Мы совершенно не имеем обмундирования и белья, и полки наши одеты отвратительно, и тем не менее вот уже три месяца мы деремся без всякой посторонней помощи. У нас не было ни чехословаков, ни добровольцев, ни солдат; все делается исключительно казачьими руками», — писал Дутов⁵³³.

Однако белое командование с огромным трудом могло получить казачьи части на неказачьи фронты. В сентябре 1918 г. в переговорах начальника полевого штаба Поволжского фронта полковника С.А. Щепихина с управляющим военным ведомством Комуча генерал-майором Н.А. Галкиным прозвучали следующие оценки: «Нам нужна [в] значительном количестве конница, мы имеем рядом с собой два казачьих войска, но, чтобы получить одну сотню, необходимо неделями вести дипломатические переговоры, это надо учитывать, ибо командующий должен только приказывать, а не вести переговоры. Желательно у Вас [в] Уфе, теперь же [в] Уфе поставить этот вопрос перед представителями обоих войск...»⁵³⁴ В дальнейшем ситуация практически не изменилась.

17 октября 1918 г. из оренбургских и уральских казачьих частей была образована Юго-Западная армия, командующим которой стал сам Дутов, уже в чине генерал-лейтенанта. Осенью 1918 г. по освобождению территории войска большинство казаков посчитали свою задачу выполненной и стремились разойтись по станицам, чтобы заняться хозяйством. Это, конечно, не способствовало успехам на фронте.

Одним из первых после омского переворота 18 ноября 1918 г. атаман Дутов признал власть адмирала А.В. Колчака, политическую позицию которого разделял. Однако именно Оренбургское войско больше других пострадало от последствий этого переворота. В Оренбурге противники Дутова и Колчака — деятели партии эсеров, лидеры национальных окраин и представители оппозиции Дутову в лице командующего Ташкентской группой войск полковника Ф.Е. Махина и атамана 1-го военного округа Оренбургского войска К.Л. Каргина готовили заговор против Дутова, одним из далеко идущих последствий которого могло стать воссоздание уже ликвидированного Комуча и раскол антибольшевистского лагеря на Востоке России. Случайно заговор был раскрыт, и вооруженный переворот не удался⁵³⁵. Однако впоследствии, в феврале 1919 г., башкирские части под влия-

нием участника заговора, лидера башкир А.-З. Валидова перешли на сторону красных.

На территории Сибирского казачьего войска главной движущей силой, освободившей этот регион от красных, были чехословаки, участники подпольных организаций и добровольцы (в ряды которых поступали и казаки), а самостоятельные казачьи выступления, по всей видимости, играли вспомогательную роль. В ряде центров таких, как Павлодар и Усть-Каменогорск, казаки совместно с подпольщиками приняли участие в свержении большевистской власти. Формировались станичные дружины, часть из которых была стянута в города. Разумеется, эти формирования носили самоохранный характер, не имея ни дисциплины, ни слаженности, ни цели бороться с большевиками за пределами не только войска, но и уезда. С освобождением своей округи такие отряды расходились по домам. Частично войсковой администрации удалось использовать дружинников в качестве территориальных частей, но для антибольшевистской борьбы эти формирования практически никакой пользы не несли. Помимо дружин самообороны в войске существовали и партизанские отряды. Наиболее известны были отряды есаулов Б.В. Анненкова и И.Н. Красильникова, численностью в несколько сотен бойцов каждый. Эти отряды не были укомплектованы по принципу войсковой принадлежности, к популярным атаманам шли и казаки и неказаки, нижние чины и офицеры, учащаяся молодежь. Отряд Красильникова действовал в Западной и Восточной Сибири, отряд Анненкова — в Западной Сибири, на Урале, а позднее и в Семиречье⁵³⁶. Формировались и штатные казачьи части, сведенные к концу 1918 г. в отдельную Сибирскую казачью бригаду под командованием полковника А.И. Белова. Впрочем, в условиях отсутствия линии фронта вблизи войсковой территории мобилизационные усилия сибирского казачества в 1918 — начале 1919 г. нельзя назвать значительными.

В отличие от боевой работы, политическая активность представителей Сибирского войска была достаточно велика. Войсковая столица, Омск, стала уже в 1918 г. одновременно и столицей белой Сибири, что обусловило в определенной степени «придворный» статус сибирской войсковой администрации и офицерства. В июле 1918 г. на 4-м Войсковом круге Войсковым атаманом был избран генерал-майор П.П. Иванов-Ринов. Не случайно именно сибирские казачьи офицеры полковник В.И. Волков, войсковые старшины А.В. Катанаев и И.Н. Красиль-

ников составили ту самую «переворотную команду», которая 18 ноября 1918 г. привела к власти адмирала А.В. Колчака, ставшего Верховным правителем и Верховным главнокомандующим. Таким образом, представители сибирского казачества являлись не только одной из опор белого режима, но и движущей силой, приведшей к его установлению.

Семиречье к осени 1918 г. было изрезано линией фронта, впрочем, линия эта была достаточно условной, поскольку заставы и разъезды располагались в населенных пунктах. Как и другие войска, Семиреченское столкнулось с проблемой острой нехватки офицерских кадров. В декабре 1918 г. из района Семипалатинска в Семиречье прибыли части Партизанской дивизии Б.В. Анненкова (1800 штыков, 1770 шашек, 6 орудий). Задачей Анненкова была ликвидация красноповстанческого центра в белом тылу, в районе села Черкасского («Черкасская оборона»), а затем наступление на Верный. Однако анненковцы увязли в боях и до осени 1919 г. не смогли ликвидировать черкасскую группировку красных.

Семиреченский атаман А.М. Ионов в конце 1918 г. решил оказывать Семиречье, заселенное в значительной степени столыпинскими переселенцами и местным киргизским населением. Старожилы записывались в войско, однако крестьяне-новоселы выступили против. Подобная мера не привела к усилению войска, как рассчитывал Ионов, а лишь обострила и без того существовавшие противоречия. Кроме того, произошел конфликт между Ионовым и Анненковым, приведший в конце концов к решению Колчака отозвать Ионова из Семиречья.

Активное участие в Гражданской войне приняли и енисейские казаки. В июне 1918 г. они восстали на юге Енисейской губернии против большевиков, политики продовольственной диктатуры и контрибуций. В 1918 г. в Красноярске были сформированы 2 конных полка⁵³⁷ и батарея, принявшие участие в боях на Урале и в подавлении восстаний в Сибири. Осенью 1918 г. началось минусинское восстание, которое сумели подавить небольшие казачьи отряды (в общей сложности до 600 человек), сталкивавшиеся порой с десятитысячными толпами крестьян. Кроме того, по инициативе штабс-капитана А.П. Кайгородова на Алтае в 1919 г. было создано Алтайское казачье войско, основу которого составил партизанский отряд капитана Д.В. Сатунина, ставшего Войсковым атаманом. Белые продержались в этом удаленном районе до весны 1921 г.

С освобождением от красных Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока возродились Иркутское, Забайкальское, Амурское

и Уссурийское казачьи войска. Летом 1918 г. прошла мобилизация казачьего населения Иркутской губернии. Основной задачей дальневосточного казачества стала борьба с партизанским движением в белом тылу. Одно из самых маленьких войск, Иркутское, смогло выставить один полк (численностью в разные периоды 480–660 человек⁵³⁸), Забайкальское войско выставило дивизию, Амурское и Уссурийское — по бригаде. 14 ноября 1918 г. был образован отдельный Восточный казачий корпус, а 8 декабря 1918 г. Г.М. Семенов провозгласил себя командующим Отдельной Восточно-Сибирской армией, объединившей формирования забайкальских, амурских и уссурийских казаков. Нельзя не отметить, что атаман Г.М. Семенов в своей политике ориентировался на Японию. Атаман опирался на лично преданных ему чинов Особого Маньчжурского отряда. В ноябре 1918 г. дальневосточные казачьи войска заключили союз и избрали Семенова своим Походным атаманом. При поддержке Японии, не заинтересованной в централизации власти в России, дальневосточные атаманы проводили откровенно сепаратистскую политику, получившую название «атаманщины».

Атаман Семенов позже других атаманов признал власть адмирала Колчака. 23 ноября 1918 г. он отказался признать Колчака Верховным правителем и предложил на этот пост кандидатуры генералов Деникина, Д.Л. Хорвата и Дутова. Возможно, это произошло под влиянием японцев, негативно воспринявших установление сильной власти на Востоке России. По другой версии имело место простое недоразумение. В связи с тем, что «переворотная команда» в Омске была предана весьма формальному Чрезвычайному военному суду (с целью легализовать переворот), в ходе которого оправдана, Семенов, не владея информацией, потребовал отмены суда и высылки обвиняемых в Забайкалье.

Попытка Колчака подчинить Семенова силой натолкнулась на серьезное сопротивление японского командования. Лишь к 25 мая 1919 г. инцидент был исчерпан. Семеновцы воевали против партизан на Амурском фронте, в Приморье и Иркутской губернии, не занимавшие штатных должностей офицеры по приказу Семенова были направлены в Омск. В то же время на Восточный фронт ни он, ни атаманы соседних Амурского и Уссурийского войск И.М. Гамов и И.П. Калмыков, несмотря на обещания⁵³⁹, так и не выставили ни одной части.

ПЕРИОД ИНТЕГРАЦИИ С БЕЛЫМИ АРМИЯМИ И ФРОНТАМИ

Завершение автономного периода борьбы казачьих войск с красными в конце 1918 — начале 1919 г. имело свои объективные причины. Первый год боевых действий показал невозможность их ведения силами одного лишь казачества, которое к тому же не стремилось к ликвидации советской власти за пределами своих регионов. Между тем лидеры белых за 1918 г. заметно укрепили свои позиции, сумев объединить вокруг себя разнообразные силы. Наконец, в первой половине 1919 г. в белом лагере удалось прийти к единому командованию. В этой ситуации казачество не могло по-прежнему оставаться в стороне от общероссийского течения и демонстрировать свою особость. Тем не менее склонность к автономизму, сепаратизму, атаманшине была присуща казачеству и на поворотном для судьбы России этапе совместной с белыми борьбы против большевиков, который в основном ограничен периодом 1919–1920 гг.

Потери, которые понесло казачество в период 1917–1922 гг., представляются довольно значительными. Очевидно, что Гражданская война по сравнению с Первой мировой потребовала от казачества существенно бóльших жертв, о которых до сих пор нет точных статистических данных. Связано это в значительной степени с тем, что сами боевые действия велись на казачьих территориях. К примеру, донская станица Нагавская (2-й Донской округ) за период Первой мировой войны потеряла 6 человек убитыми и 30 ранеными, тогда как в Гражданскую войну — 270 человек убитыми и 80% мужского населения ранеными⁵⁴⁰. Донская артиллерия в годы Гражданской войны потеряла 52 офицера, тогда как в годы Первой мировой — только 6 офицеров⁵⁴¹.

Массовое участие казачества в антибольшевистском движении обусловило враждебное отношение представителей советской власти ко всему сословию. Документально эта политика была зафиксирована в секретном циркулярном письме Оргбюро ЦК РКП(б) партийным организациям Дона и Приуралья от 24 января 1919 г., согласно которому планировалось «провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью», а также поголовное истребление богатых казаков. Так или иначе, против советской власти боролось, а следовательно, подлежало уничтожению, почти все казачество.

Расплывчатость ключевых формулировок этого документа допускала весьма широкую их трактовку. Также предполагалось уравнивать казаков и иногородних и осуществить массовое переселение крестьянской бедноты на казачьи земли. Письмо было оперативно разослано на места, став одним из основных свидетельств законодательного оформления большевистским режимом политики насильственного расказачивания⁵⁴².

16 марта 1919 г. пленум ЦК РКП(б) приостановил действие этого постановления⁵⁴³, но документ попал к белым. В белой Сибири он был опубликован в приказе начальника штаба Верховного главнокомандующего № 334 от 17 апреля 1919 г. и вслед за этим получил самое широкое распространение в белой пропаганде, что явно способствовало дискредитации советских порядков и мобилизации казачества в белые армии⁵⁴⁴.

При этом Донское бюро РКП(б) пыталось продолжать прежнюю террористическую линию. В решении Донского бюро, принятом не позднее 21 апреля 1919 г., прямо говорилось, что «существование донского казачества... стоит перед пролетарской властью неизменной угрозой контрреволюционных выступлений», что «ставит насущной задачей вопрос о полном, быстром и решительном уничтожении казачества как особой бытовой экономической группы, разрушении его хозяйственных устоев, физическом уничтожении казачьего чиновничества и офицерства, вообще всех верхов казачества, активно контрреволюционных, распылении и обезвреживании рядового казачества и о формальной ликвидации казачества»⁵⁴⁵. Такова была большевистская программа действий в отношении казачества, которая, надо сказать, последовательно реализовывалась.

Репрессивные меры применялись самым активным образом. Например, только в Вешенском районе, где затем произошло антисоветское восстание, красными, по официальным данным, были расстреляны около 600 человек⁵⁴⁶. Предпринимались и иные способы расказачивания. В некоторых местах запрещалось употребление слова «казак». Станицы и хутора по требованиям иногороднего населения начинали преобразовываться в волости и деревни. Впоследствии для дробления казачьих регионов менялось административно-территориальное деление.

5 июня 1919 г. на заседании Оренбургского губкома РКП(б) обсуждался вопрос об уничтожении всех казаков «свыше 45 лет, не имеющих

сыновей в Красной армии и не стоящих на стороне Советской власти», большинство членов комитета высказалось «за». Впрочем, данных о применении этой меры на практике нет, но характерна постановка вопроса.

Однако даже в рядах РКП(б) постепенно появлялось понимание ошибочности политики, проводимой в отношении казачества. В.А. Антонов-Овсеенко писал 18 июля 1919 г. в ЦК: «Вы не учли всей силы казачьих традиций на Дону и в Кубани. Вы решили идти напролом. Тов. [Х.Г.] Раковский рассказывал мне, что вами было решено искоренить казачество, вселив на казачьи земли бедноту из центра, уничтожив всякую тень казачьих привилегий. Вы не учли соотношения сил, не попытались пойти на соглашение с трудовым казачеством. Вы бросили армии в поход под знаменем, вызвавшим против нас почти поголовное восстание на Дону и почти поголовный подъем кубанцев. Вот основная причина нашего временного поражения на юге, и эта причина создана вами»⁵⁴⁷.

Уже в 1919 г. большевики поняли бесперспективность политики беспощадного террора против казачества и взяли курс на его раскол. Однако часть казачества по-прежнему поддерживала белых. По имеющимся отрывочным данным, только из станиц Донецкой в 1919 г. с Дутовым ушли 5 офицеров, 2 военных чиновника и 708 казаков, из Верхне-Павловской — 3 офицера и 131 казак, из Капитоновской — 130 казаков⁵⁴⁸. За период Гражданской войны в Оренбургском казачьем войске было сожжено, разграблено и разрушено 16 станиц, уничтожено не менее 4110 дворов⁵⁴⁹. Население Оренбургской губернии, значительную часть территории которой занимало Оренбургское казачье войско, в результате боевых действий, голода, миграций с осени 1917 по весну 1923 г. сократилось на 32,2%, исчезли 27,1% крестьянских и казачьих хозяйств⁵⁵⁰.

Серьезным фактором, обострившим Гражданскую войну в казачьих областях, стали масштабные потери гражданского населения этих территорий. Казачество являлось единственной в стране организованной и многочисленной социальной группой, представители которой были настроены антибольшевистски, обладали боевым опытом, военной подготовкой и отлаженной внутренней организацией. Для красных это был серьезный противник. Впрочем, еще в ходе Гражданской войны большевики осознали невозможность подчинить казачество исключительно насильственным путем. В апреле 1919 г. при освобождении

белыми территории 1-го военного округа Оренбургского казачьего войска, занятого красными с января 1919 г., выяснилось, что большевики практически не расстреливали казаков, «особенных безобразий не чинили», в результате чего казаки стали более лояльны к красным и менее склонны к поддержке белых⁵⁵¹. Командир II Оренбургского казачьего корпуса генерал-майор И.Г. Акулинин в рапорте командующему армией от 25 апреля 1919 г. указал на отсутствие «особенно сердечного отношения со стороны “родных станичников” к казачьим частям»⁵⁵².

Некоторое смягчение казачьей политики РКП(б) произошло после Вешенского восстания, начавшегося в тылу 8-й и 9-й красных армий 11 марта 1919 г. вследствие особенно жестокой антиказачьей политики большевиков на Верхнем Дону. 16 марта действие январского письма было приостановлено⁵⁵³. В начале апреля соответствующие указания были доведены Реввоенсоветом Южного фронта до РВС армий и ревкомов Донской области. Однако старый документ вскоре сменила резолюция Донбюро РКП(б), утвержденная 22 апреля в ЦК партии. На Дон в массовом порядке требовалось переселить население северных и центральных губерний. Как вариант — переселение казаков вглубь России⁵⁵⁴. Лишь в начале осени 1919 г. на фоне успехов белых наметилось кардинальное изменение политики советской власти в отношении казачества, в том числе в связи с расследованием причин Вешенского восстания. Впрочем, это было скорее тактическим ходом.

Подчинение Донской армии добровольческому командованию стало приносить свои плоды. В марте 1919 г. донцы при поддержке присланных Деникиным кубанских частей отбили два наступления красных на Новочеркасск. В мае было отражено наступление на Ростов. Тогда же началась операция Кавказской армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля против Царицына. Задачей собственно донских формирований (I, II, III Донские корпуса) было соединение с верхнедонскими повстанцами, вынужденными бороться в тяжелейших условиях (восстание на Верхнем Дону началось еще в марте 1919 г.). 7 июня конница генерал-майора А.С. Секретева прорвалась на соединение с верхнедонцами, что способствовало успехам белых в наступлении на Москву.

Донская армия развивала наступление на север, справа и слева наступали Кавказская и Добровольческая армии. К 30 июня Донская об-

ласть и даже юг Воронежской губернии были под контролем донцов. 1 июля пал Царицын, Кавказ оказался отрезан от советского центра. Далее донцы должны были наступать в направлении на Тамбов — Елец.

На стороне белых было значительное превосходство в коннице, однако в полной мере этим важным преимуществом они не воспользовались. Практически единственной яркой страницей истории белой конницы стал знаменитый конный рейд IV Донского корпуса генерала К.К. Мамантова по красным тылам (Тамбов — Козлов — Елец — Воронеж). Целый месяц Мамантов наводил панику, нарушал коммуникации, раздавал населению оружие в большевистском тылу. 18 августа пал Тамбов, 28 — Лебединь, 1 сентября — Елец, 11 сентября — Воронеж. Но из-за традиционной склонности казаков к самоснабжению и захвату военной добычи Мамантов не смог реализовать все предоставившиеся ему возможности⁵⁵⁵. А некоторые представители белого командования даже считали рейд преступным⁵⁵⁶. Розданное населению Тамбовской губернии оружие сыграло свою роль уже позже, в ходе Антоновского восстания 1920–1921 гг.

С расширением территории ВСЮР значение казачества в их рядах стало снижаться. К 20 сентября 1919 г., когда армии Деникина были на пути к Москве, в их рядах, по данным советской разведки, числились 183 тысячи человек, из которых 48,5% составляли добровольцы (88 750 нижних чинов и офицеров), 33,5% донские казаки (61 300 нижних чинов и офицеров) и 18% кубанцы и горцы (32 950 нижних чинов и офицеров)⁵⁵⁷. Таким образом, в сравнении с 1918 г. казаки перестали быть основой белых сил, хотя их совокупный процент превышал половину сил Деникина. Позднее, когда белые стали откатываться в казачьи области, процент казаков в их рядах вновь возрос.

В сентябре 1919 г. силами II Донского корпуса было остановлено контрнаступление частей РККА на Дон, начавшееся в августе. В октябре Донская армия всеми силами перешла в общее наступление на Москву. Однако к концу месяца инициативу перехватил противник. Председатель РВСР А.Д. Троцкий учел особенности казачьей психологии и предложил план наступления на воронежском направлении (Воронеж — Харьков — Каменноугольный бассейн), позволявшем выйти к Северному Кавказу через крестьянские губернии, тогда как советский главком С.С. Каменев предлагал наступать с Волги на Царицын и далее на Кубань, как базу Деникина, по казачьим землям. Вариант Камене-

ва теснее спланировал Деникина и казаков, вариант Троцкого разоблачил их, разрубая в случае успеха казачьи Донскую и Кавказскую армии и Добрармию.

Переход к реализации плана Троцкого принес успех. 20 октября пал Орел, 29 октября красные вошли в Воронеж, 17 ноября был занят Курск, 12 декабря пал белый Харьков. Фронт Деникина оказался расколот на две части — казачью и добровольческую. В середине декабря конница Б.М. Думенко прорвалась в богучарском направлении, а Донская армия была вынуждена отходить за Донец. Для успешной борьбы с казачьей конницей красные создали во второй половине 1919 г. собственную стратегическую конницу.

К 5 (18) января 1919 г. соотношение казаков и добровольцев в боевом составе ВСЮР было следующим. Из 81 506 штыков и сабель на добровольцев приходилось 37,8%, на горцев — 1,3%, на казаков — 60,9% (на донцов — 46,3%, на кубанцев — 10,2%, на терцев — 3,8%, на астраханцев — 0,6%)⁵⁵⁸. Таким образом, казаки в войсках Деникина к этому времени преобладали.

В начале 1920 г. белые отошли на Нижний Дон. Частные успехи белых в январе — феврале 1920 г., такие как разгром конницы С.М. Буденного и Б.М. Думенко под Ростовом и на Маньиче, а также временное занятие Ростова 8–10 (21–23) февраля 1920 г., не переломили ситуацию. В марте 1920 г. белые отошли к Новороссийску и были прижаты к Черному морю. Плохо организованная новороссийская эвакуация стала одной из трагических страниц истории Белого движения. Войска перебрасывались в Крым. Не сумевшие эвакуироваться в Новороссийске донские части частично сдались, частично отошли вдоль черноморского побережья к Сочи и до мая 1920 г. были перебросены в Крым, где из них сформировали Донской корпус.

Кубанская администрация являлась наиболее оппозиционной в отношении командования ВСЮР в сравнении с администрациями других казачьих войск Юга России. 14 (27) июня 1919 г. в Ростове-на-Дону был убит один из лидеров самостийников председатель Кубанской рады Н.С. Рябовол. Это убийство было использовано кубанскими политиками для активизации пропагандистской кампании против белых. В смерти Рябовола обвинили деникинцев. Кубань получила поддержку со стороны враждебной белым Грузии. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что у белых не было централизованного аппарата ведомства внутренних дел и стройной системы органов пропаганды,

что позволяло кубанским самостийникам контролировать краевые органы и использовать их в своих целях. Таким образом, Деникин в какой-то степени стал заложником собственной несовершенной политической системы, предоставлявшей оппозиционерам, несмотря на военное время, трибуну и определенный административный ресурс. Кубанские политические деятели за спиной белого командования вели тайные переговоры с Грузией, Украиной, представителями Дона и Террека. Атаман А.П. Филимонов пытался лавировать, но такая политика не могла продолжаться бесконечно. Тем не менее Кавказская армия под командованием генерала П.Н. Врангеля, сформированная в основном из кубанцев, летом 1919 г. действовала очень успешно. Царицын и Камышин были взяты казаками с большими потерями, к сентябрю в некоторых полках оставалось всего по 70 шашек, однако армия сохранила дисциплину и боевой дух.

После взятия Царицына вновь возник вопрос о создании Кубанской армии. Атаман Филимонов писал об этом Деникину⁵⁵⁹. В ответ Деникин высказался в пользу централизации военного управления, резюмировав, что «ни стратегические, ни политические, ни технические условия, ни численное состояние кубанских частей не позволяют мне согласиться на Вашу просьбу»⁵⁶⁰. По оценкам современников, кубанские формирования в силу целого рода причин не могли быть выделены в самостоятельную армию⁵⁶¹.

В октябре 1919 г. Деникин пошел на силовое решение конфликта с Кубанской радой, введя в Екатеринодар войска под командованием генералов В.Л. Покровского и П.Н. Врангеля и арестовав наиболее одиозных деятелей «самостийного» крыла рады. Член рады священник А.И. Кулабухов был повешен по приговору военно-полевого суда за сепаратизм, 11 членов рады были арестованы и высланы за границу. В этот период большевики планировали, а возможно, уже и вели секретные переговоры с представителями Кубани. Сами кубанские делегаты в Париже через французского социалиста Ф. Лорио вышли на представителей СНК РСФСР с мирными предложениями. В этой ситуации кубанский атаман генерал-лейтенант А.П. Филимонов сложил свои полномочия и был заменен генерал-майором Н.М. Успенским, в большей степени ориентировавшимся на Деникина. Однако вскоре Успенский, заразившись сыпным тифом, умер, а новым атаманом стал генерал-майор Н.А. Букретов. Новый атаман оказался ярким противником переброски кубанцев в Крым, в результате чего

значительная их часть сдалась красным в 1920 г. на черноморском побережье. Избрание Букретова, по некоторым данным, произошло как раз в связи с его антиденикинской позицией. Перебравшиеся в Крым немногочисленные кубанские казаки составили там казачью дивизию.

Терское казачество было в большей степени лояльно белым, поскольку без их поддержки было бы истреблено соседним горским населением, что впоследствии и произошло. Терцы в связи с постоянной борьбой против чеченцев и ингушей стремились к максимальному увеличению численности казачьего населения, в частности, в войско были включены караногайцы, предполагалось вхождение в его состав осетин и кабардинцев, настроенных также пророссийски. Терские части и соединения в составе ВСЮР были широко разбросаны и действовали на Украине, Дону, в Поволжье и непосредственно на Кавказе. С уходом белых начались депортации и истребление казачьего населения Терска⁵⁶². После Гражданской войны, по некоторым данным, погиб каждый третий терский казак.

Астраханцы играли малозаметную роль в Гражданской войне на Юге России. В общей сложности они дали до 4000 казаков разным антибольшевистским формированиям. Определенную рознь в войско вносил князь Тундутов, который не смирился с избранием астраханским атаманом присяжного поверенного Н.В. Ляхова и пытался поднять мятеж в калмыцких частях. По приказу Деникина в октябре 1919 г. он был выслан с двумя сподвижниками с Северного Кавказа. В Русской армии из терских и астраханских казаков была сформирована отдельная Терско-Астраханская казачья бригада.

В начале 1920 г. в Екатеринодаре собрался Верховный круг Дона, Кубани и Терека, задачей которого было создание единой казачьей власти на Юге России. В этот период процент казаков в составе ВСЮР вновь возрос, что было связано с сокращением общей численности неказаков в армии по мере отступления ее из неказачьих районов. Деникин был вынужден пойти на уступки казакам, введя в состав правительства донского атамана генерала А.П. Богаевского, была создана Кубанская армия под командованием популярного на Кубани генерала А.Г. Шкуро.

Тем не менее эти преобразования ничего фактически не изменили. Оказавшись в Крыму, далеко от родных станиц, казаки были вынуждены подчиниться новому главнокомандующему — генералу П.Н. Вран-

гелю. Врангель подавил казачью оппозицию, организовав суд над донскими генералами В.И. Сидориным и А.К. Келчевским, при которых среди казаков велась пропаганда против главного командования. Оба генерала были высланы за границу. Донской корпус возглавил генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов. Администрация казачьих войск оказалась как в финансовой, так и в политической зависимости от Врангеля. Кроме того, в Крыму в силу нахождения казаков вне своих областей практически не было почвы для сепаратизма. При этом Врангель не отказывался от мысли, что казачество по-прежнему является надежной опорой Белого движения.

На Кубани с мая по сентябрь 1920 г. сражалась повстанческая «Армия Возрождения России» (до 11 тысяч казаков) под командованием генерал-майора М.А. Фостикова⁵⁶³, состоявшая из кубанцев, не сумевших эвакуироваться в Крым. По приказам Фостикова в Лабинском, Майкопском и Баталпашинском отделах были созданы антибольшевистские органы власти — назначены атаманы, сформированы управления отделов, введены должности станичных атаманов, восстановлены станичные сходы. При уклонении от мобилизации применялись репрессивные меры. Фостиков ставил задачу выхода на линию Владикавказской железной дороги на участке Армавир — Невинномысская и перенос операций в Ставропольскую губернию. К середине августа 1920 г. отряды Фостикова развернули наступление по линии станица Кужорская — Ярославская — Вознесенская — Невинномысская. Занятые территории были отрезаны от Кубано-Черноморской области. Силы повстанцев содействовали десанту белых на Кубань, отвлекая крупные силы 9-й Кубанской армии. Против отрядов Фостикова были задействованы 12, 14, 22, 31, 34-я стрелковые дивизии, 5-я Кубанская и 17-я Кавказская горная кавалерийские дивизии. Отряды Фостикова не могли противостоять превосходящим силам РККА и не имели боеприпасов. С остатками армии (более 5000 человек) Фостиков пробился через Кавказский хребет к черноморскому побережью и в сентябре 1920 г. отступил через Хосту — Адлер в Грузию, где отряды были интернированы и эвакуировались в Крым. Остатки формирований Фостикова, не попавшие в Крым, в дальнейшем присоединились к Кубанской повстанческой армии генерала М.А. Пржевальского.

В качестве плацдарма для дальнейших действий Врангель принял решение осуществить десант из Крыма на Кубань. Однако к этому

времени уже трудно было рассчитывать на активную поддержку истощенного годами боевых действий станичного казачества. Тем более что большевистское руководство предпринимало меры по недопущению возобновления враждебных выступлений казаков. Так, в период десанта на Кубань несколько тысяч пленных кубанцев были перевезены красными в другие регионы, прежде всего на Европейский Север России, где многие погибли⁵⁶⁴.

Донское казачество оказалось мобилизовано в Красную армию вскоре после сдачи донцов под Новороссийском. Кроме того, во избежание казачьих выступлений против врангелевского десанта были направлены крупные силы РККА. Огромные обозы не позволили высадившимся казакам действовать мобильно, и соединиться с Фостиковым не удалось. В итоге десант Врангеля успехом не увенчался. Тем не менее к врангелевцам на Кубани присоединилось около 10 тысяч казаков.

По прибытии казаков Фостикова в Крым появилась возможность сформировать Кубанский корпус, который и возглавил этот генерал. В ноябре 1920 г. казаки эвакуировались в Турцию из Феодосии и Керчи, причем погрузка была организована на высоком уровне — практически все желающие уехать смогли это сделать. Всего выехало около 52 тысяч казаков.

Вынужденное оставление Родины, за которую они столько времени боролись и вне которой не представляли свою жизнь, стало жизненной драмой и трагедией казаков. Генерал П.И. Аверьянов был очевидцем того, как происходила эвакуация кубанцев в Феодосии, и оставил свидетельство об этом: «Стали прибывать на базу кубанские конные полки. Они подходили к ней в конном строю, затем спешивались и уже пешими вводились на базу, оставляя своих лошадей на произвол судьбы. Некоторые казаки плакали, обнимая и целуя своих коней, другие убеждали толпившихся возле базы в небольшом числе феодосийских обывателей разобрать казачьих лошадей по своим домам, на что получали в ответ: “А чем мы будем их кормить?” Изредка раздавались револьверные выстрелы, которые объясняли тем, что некоторые офицеры убивали своих коней... Вскоре все прилежавшие к базе улицы были заполнены брошенными казаками лошадьми, которые тревожно ржали, тянулись за казаками, подходили к ограде базы, просовывали в отверстия ограды свои головы... Несколько коней прорвались через ворота за своими хозяевами на самую базу. В общем получалась по-

трясающая нервы картина. Многие беженцы, наблюдая ее, плакали, плакали и сами казаки.

Все это в связи с непрекращающимися взрывами и красными отблесками последних на темном небе создавало... очень жуткое настроение»⁵⁶⁵. Кубанцы из Константинополя были направлены на остров Лемнос в Эгейском море, а донцы — в Чаталджу (около 100 км от Константинополя).

Судьба казачества Востока России сложилась не менее трагично, чем на Юге. Пожалуй, самым тяжелым было отступление частей Отдельной Уральской армии в конце 1919 — начале 1920 г. 28 декабря 1918 г. Юго-Западная армия была разделена на Отдельную Уральскую и Отдельную Оренбургскую армии. 24 января 1919 г. пал Уральск. Уральцы предприняли несколько неудачных попыток вернуть свою столицу. Вскоре весь север войска перешел под контроль большевиков. Несколько тысяч казаков сдались в плен. Положение уральцев было весьма тяжелым. Ситуация обострилась к марту 1919 г., когда над уральцами нависла угроза потери территории войска. В этой обстановке уральский Войсковой съезд передал власть полковнику В.С. Толстову. Толстов отличался жестокостью и решительностью. В частности, он лично командовал расстрелом прибывших на переговоры в станицу Мергеневскую представителей красных.

Новому атаману в определенном смысле повезло. Его приход к власти совпал с весенним наступлением колчаковских армий, поэтому вскоре перешли в наступление и уральцы, что нередко ставится в заслугу Толстову. Восстание на севере войска способствовало успехам уральцев. Однако вернуть войсковую столицу казакам так и не удалось. Начало сентября ознаменовалось единственной по-настоящему крупной победой уральских казаков — занятием Лбищенска и уничтожением штаба знаменитой 25-й стрелковой дивизии вместе с ее прославленным начдивом В.И. Чапаевым. Серьезные потери осенью 1919 г. армия понесла от тифа, в результате значительного сокращения личного состава началось отступление к Гурьеву. Кроме того, красные, подавив сопротивление оренбургского казачества, переключились на уральцев.

После падения Гурьева (5 января 1920 г.) под ударами 4-й советской армии Отдельная Уральская армия оказалась прижатой к замерзшему Каспийскому морю. Во избежание окружения и уничтожения, командующий армией атаман Толстов повел войска (всего до 15 тысяч чело-

век) по пустынному восточному берегу Каспийского моря на юг. На фоне успехов РККА на ее сторону после длительных переговоров перешли представители казахского правительства Алаш-Орды. В результате неожиданного нападения казахов попали в плен около 500 офицеров и казаков во главе с командиром Илецкого корпуса Уральской армии генерал-майором В.И. Акутиным. Пленных передали штабу 1-й армии. Позднее Акутин был расстрелян в Москве.

Уральское командование первоначально планировало переправить войска на Кавказ из рыбацкого поселка Жилая Коса, однако в связи с тем, что море возле поселка замерзло на 30–40 верст, это оказалось невозможным и пришлось отступить дальше, оставив в Жилой Косе много больных и раненых. Невозможным оказалось и передвижение на санях. Санний путь по морю от Гурьева до Форта Александровского занимал всего два с половиной дня, однако, как писал участник похода полковник М.И. Изергин, «к нашему полному неблагополучию переживаемая зима до сих пор по крайней мере была теплой. Тем не менее мы не теряли надежды на то, что придут рождественские морозы, которые откроют дорогу по льду»⁵⁶⁶.

От Жилой Косы на тысячу верст до самого Форта Александровского почти не было населенных пунктов, что создавало угрозу голода для армии. По этой причине красные и не преследовали казаков. Проживавшие в этих местах казахи нападали на отдельные группы казаков, грабили и убивали их. В начале января в этом районе бывает сильнейший ветер с метелью при 40-градусном морозе. Дорога шла возле моря с изрезанной многочисленными лиманами береговой линией, что сильно затрудняло движение. После двухмесячного похода до Форта дошло не более трех тысяч человек из 15 (причем, по некоторым подсчетам, до 75% дошедших было обморожено), остальные погибли в пути от мороза, тифа и голода⁵⁶⁷.

Для оказания помощи оставшимся в живых предпринимались меры по направлению врачей с Северного Кавказа в Форт Александровский (в итоге прибыл лишь один врач). Из Форта Александровского остатки армии предполагалось перевезти на Северный Кавказ — к Деникину. Однако в Петровск (ныне — Махачкала), в связи с отступлением войск Деникина и оставлением ими в конце марта этого порта, удалось переправить только раненых, больных и обмороженных. Казаки попали во Владикавказ, где оставались, за некоторым исключением, до прихода красных. Сохранились воспоминания

очевидца о прибытии эвакуированных казаков в Петровск: «Большинство доставленных уральцев было в ужасном состоянии: обмороженные поголовно, многие уже полутрупы, с омертвевшими или же отвалившимися конечностями. Картина, которую мне пришлось видеть при выгрузке этих несчастных, не поддается никакому описанию»⁵⁶⁸.

Около 1900 человек осталось на восточном берегу Каспия, так как Петровск был 30 марта занят красными. Известия об отступлении Деникина были неожиданной новостью, до этого казаки знали лишь об успехах белых на Юге и допускали даже мысль о занятии ими Москвы. Судьба оставшихся в Форте Александровском уральских казаков была трагична. Командующий Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе телеграфировал командованию Волжско-Каспийской флотилии: «Форт Александровский занят остатками отдельной Уральской армии Толстова. Туземные племена* ведут борьбу, прося поддержки через степного комиссара. Ввиду чрезвычайной трудности подать помощь с сухопутья прошу сообщить, когда и какими средствами сможете оказать помощь»⁵⁶⁹. Помимо ликвидации сопротивления уральцев, красных интересовал захват уральской войсковой казны (свыше 2100 кг серебра), находившейся в Форте.

4 апреля возле Форта произошел морской бой между эсминцем «Карл Либкнехт» и истребителем «Зоркий», со стороны красных, а также канонерскими лодками «Милютин» и «Опыт» со стороны белых. Силы были неравными. Два 100-мм орудия «Карла Либкнехта» были более дальнобойными по сравнению с тремя 75-мм орудиями, которые имели корабли белых. Соответственно, красный эсминец мог маневрировать и обстреливать корабли белых вне зоны досягаемости их снарядов. В результате двухчасового боя «Милютин» (который получил попадание в корму) и «Опыт», предназначенные для эвакуации казаков из Форта, были вынуждены прекратить бой и уйти в Баку, увезя с собой часть войсковой казны. На следующий день в Форте был высажен десант с кораблей Волжско-Каспийской флотилии. Оставшимся в Форте частям белых был предъявлен ультиматум о капитуляции, в случае принятия которого всем сдавшимся гарантировалось сохранение жизни. Боль-

---

* Имелись в виду казахи.

шинство казаков, обессилевших в результате тяжелейшего похода, приняли ультиматум.

Красным сдались 2 генерала, 70 офицеров и 1088 нижних чинов. Была захвачена и значительная часть войсковой казны (около 1300 кг). Сдавшиеся в плен под большевистские гарантии генералы Г.К. Бородин и С.Е. Толстов (отец атамана) были впоследствии расстреляны. Лишь 214 казаков и гражданских лиц во главе с атаманом Толстовым накануне сумели вырваться из Форта и уйти на юг — к границам Ирана⁵⁷⁰. Часть этой группы затем перебралась на Дальний Восток, приняв участие в заключительном акте Белой борьбы в Приморье. Из Приморья казаки перебравшись в Корею, а затем в Китай и в Австралию, ставшие основными центрами уральской казачьей эмиграции.

На положении Отдельной Оренбургской армии (общая численность — 18 863 человека при 53 орудиях и 309 пулеметах, по данным на 18 января 1919 г.⁵⁷¹) очень скоро сказались осенние неудачи белых на Волге. Уже 22 января 1919 г. в результате соединенного наступления частей 1-й советской и Туркестанской армий (общая численность — 23 500 человек при 76 орудиях и 254 пулеметах, по данным на 15 февраля 1919 г.) казаки оставили Оренбург. Далее красные планировали, заняв южную часть Урала, развить наступление на Челябинск. Отдельная Оренбургская армия была вынуждена отходить на восток, потеряв связь с уральцами.

Основной задачей армии было не позволить красным наладить регулярную железнодорожную связь с Туркестаном, поэтому войска должны были бороться буквально за каждый клочок железнодорожного полотна. Задача была выполнена, но моральный дух казачьих частей резко понизился, начались самовольный уход по домам и переходы на сторону красных. Это явление было вызвано неудачами на фронте и значительным переутомлением войск в результате продолжительных боев, а также милиционным характером комплектования частей. Для повышения боевого духа частей атаману Дутову пришлось осуществить ряд преобразований в войсках (были расформированы ненадежные части, укреплена дисциплина), что дало положительный результат.

Армия отходила вглубь войска — на территорию 2-го военного округа и перешла в контрнаступление только в середине марта, благодаря успехам белых на фронте Западной армии. Буквально за месяц

были заняты ранее оставленные районы, в том числе города Орск и Актюбинск (ранее не был под контролем казаков), а 19 апреля началась Оренбургская операция, затянувшаяся до августа: казаки осадили свою бывшую столицу. В то же время оренбургцы успешно действовали на пермском и уфимском направлениях.

10 апреля 1919 г. красными из состава 1, 4, 5-й и Туркестанской армий была создана Южная группа Восточного фронта под командованием М.В. Фрунзе. Сконцентрировав ударную группу в районе Бузулук — Сорочинская — Михайловское (Шарлык), 28 апреля Фрунзе начал контрнаступление. 13 мая красные заняли Бугуруслан, 9 июня — Уфу. Сражение в районе Челябинска также закончилось для белых неудачно, и 24 июля город был занят красными. В августе 1919 г. боевые действия на этом участке фронта переместились в Зауралье.

23 мая 1919 г. из Отдельной Оренбургской армии, Оренбургского военного округа на театре военных действий и Южной группы Западной армии была образована Южная армия. Командующим армией был назначен генерал-майор П.А. Белов (Г.А. Виттекопф). Ставка, видимо, осознала невозможность самостоятельной борьбы казачьей конницы без поддержки армейской пехоты (конница не могла штурмовать укрепленные районы в полосе железной дороги, а военные действия были привязаны именно к ней) и создала смешанную армию со значительной долей оренбургских казаков (свыше 45%). Однако новая армия никаких существенных результатов не достигла. Единственным исключением стал успех Отдельной Оренбургской казачьей пехотной дивизии, выставленной заслоном в Туркестан. К началу августа 1919 г. дивизия, пройдя с боями свыше 400 верст, достигла станции Аральское Море и создала условия для освобождения Ташкента от красных. Неудачи на фронте не позволили осуществить эту операцию. Поскольку войска не смогли пробить «аральскую пробку» на юге, а с севера наступали красные, было принято решение об отходе с железной дороги на восток к городам Иргиз и Тургай.

Ввиду трудностей с продовольствием и болезней, части I Оренбургского казачьего корпуса и некоторые армейские части под общим командованием генерал-майора И.Г. Акулинина ушли на запад, на соединение с Отдельной Уральской армией (впоследствии часть казаков из этой группы перебралась на Кавказ к Деникину и далее в Крым)⁵⁷².

13 сентября 1919 г. у станции Мугоджарская войска 1-й советской армии соединились с туркестанскими частями Актюбинского фронта. После разгрома оренбургского казачества красные перешли к активным действиям против уральских казаков. При отступлении с территории Оренбургского казачьего войска в конце августа — первой половине сентября в районе Оренбург — Актюбинск в плен красным сдались до 57 тысяч человек, в основном военнослужащих Южной армии. Часть из них составляли оренбургские казаки, не желавшие покинуть территорию войска и уйти в Туркестан (уходить приходилось из-за отрыва от остальных армий фронта, так как Южная армия располагалась выступом впереди и ей грозило окружение).

18 сентября 1919 г. Южная армия была переименована в Оренбургскую, а командующим армией вновь стал генерал-лейтенант Дутов⁵⁷³. Войскам пришлось отступать на Тургай по голодной и безлюдной степи. В частях свирепствовал тиф. К середине октября в строю осталось не более половины личного состава. От Тургая предстояло пройти еще свыше 400 верст по степи до ближайших населенных районов Акмолинской области, куда войска прибыли в октябре, расположившись вблизи городов Атбасар и Кокчетав, от которых планировалось нанести фланговый удар по красным у Петропавловска. Но в середине ноября отступление продолжилось уже на Каркаралинск и Семипалатинск. Наступили 30-градусные морозы, а в войсках не было зимнего обмундирования, люди были истощены. Этот поход получил название Голодного⁵⁷⁴. Вообще отступления оренбургских и уральских казаков с территории своих войск по своей тяжести и потерям были наиболее трагичными в сравнении с отступлениями белых сил на остальных фронтах.

1 декабря красные заняли Семипалатинск, и частям Отдельной Оренбургской армии (такое название армия получила в начале ноября 1919 г.) пришлось отступать на Сергиополь, в районе которого располагались части «атамана» Б.В. Анненкова. Анненковцы враждебно встретили остатки отступающей Отдельной Оренбургской армии, которую, и без того голодную и оборванную, бессовестно обирали, были даже случаи стычек с применением оружия⁵⁷⁵. В начале января 1920 г. все части Оренбургской армии были сведены в отдельный отряд атамана Дутова под командованием генерал-майора А.С. Бакича, вошедший в состав Отдельной Семиреченской армии⁵⁷⁶. В марте 1920 г. вскоре по-

сле падения Сергиополя отряд покинул пределы бывшей Российской империи, перейдя китайскую границу в районе города Чугучак. В составе отрядов Анненкова, Бакича и Дутова границу Китайского Туркестана (Синьцзяна) перешли до 15 тысяч солдат и офицеров и около 5000 гражданских беженцев.

Оренбургские казаки сражались и на других театрах военных действий — участвовали в Сибирском Ледяном походе и в боевых действиях на Дальнем Востоке (вплоть до конца 1922 г.). Оренбургский казачий полк, сформированный из казаков, перешедших на сторону белых из РККА, существовал и в составе 3-й Русской армии в Польше (1920 г.). В эту армию также входили Донской и Уральский полки, Кубанский дивизион и Донская батарея.

1919 г. стал пиком мобилизационных усилий сибирского казачества. Весной 1919 г. из сибирских казаков был сформирован Сводный казачий корпус под командованием генерал-майора В.И. Волкова. Сибирские казаки успешно участвовали в Тобольско-Петропавловской операции, проходившей на землях войска, однако их отношение к антибольшевистскому движению мало отличалось от отношения казаков других войск — за пределами своего войска казаки воевать не хотели. Остатки сибирских казачьих формирований приняли участие в Сибирском Ледяном походе, попав в Забайкалье и на Дальний Восток, а затем ушли в эмиграцию.

В Семиречье в 1919 г. фактически вся власть сосредоточилась в руках генерал-майора Б.В. Анненкова⁵⁷⁷. Покинуть Семиречье и усилить в переломный период лета 1919 г. своей дивизией белый Восточный фронт Анненков, несмотря на приказ Колчака, не захотел и продолжил бороться с восставшими семиреченскими крестьянами. В октябре за победу над ними приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака Анненков был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и чином генерал-майора. После ликвидации Черкасской обороны Анненков повел борьбу с частями Семиреченского фронта красных. Были взяты города Копал и Джаркент. В декабре 1919 г. в Семиречье была образована Отдельная Семиреченская армия численностью 7200 штыков и сабель и 6 орудий, в состав армии вошли и семиреченские казаки.

Анненков в Семиречье находился на положении местного князька, который, если это было в его интересах, подчинялся центральной власти, а если нет — действовал по собственному усмотрению. Появление

дутовцев в Семиречье стало для него неприятным сюрпризом. Приход остатков армии Дутова, охваченных эпидемией тифа, после тяжелейшего Голодного похода, был встречен сравнительно благополучно существовавшими анненковцами крайне враждебно. Дутовцы едва ли усилили армию Анненкова. Уже 19 января 1920 г. белыми был оставлен Сергиополь. Части под сильным давлением войск противника отходили по тракту Сергиополь — Чугучак в Западный Китай. Эпопея белого Семиречья подходила к концу. 27 марта на китайскую территорию перешел отряд атамана Дутова под командованием генерал-майора А.С. Бакича⁵⁷⁸, в тот же день на сторону красных перешел вступивший в командование Отдельной Семиреченской армией начальник ее снабжения полковник А.А. Асанов. Он издал приказ о сдаче армии красным, под воздействием которого многие части действительно сдались⁵⁷⁹. После этого продолжение борьбы в Семиречье становилось совершенно бессмысленной жертвой. Весной 1920 г. Семиречье пришлось оставить, анненковцы ушли в Китай, причем часть их позднее попала на Дальний Восток.

На Дальнем Востоке на протяжении 1919–1922 гг. с переменным успехом продолжалась борьба с красными партизанами. Колчак так и не смог подавить сепаратизм местных атаманов. Ни одной части на Восточный фронт дальневосточное казачество не дало. Колчаку оставалось лишь, задабривая атаманов высокими назначениями, использовать их в контрпартизанской борьбе. Летом 1919 г. в Забайкалье даже установилась линия фронта, однако благодаря агитации на сторону партизан перешли некоторые казачьи части. Казаки двух сотен 1-го Забайкальского казачьего полка перебили своих офицеров и ушли к противнику. В ответ на это Г.М. Семенов издал приказ о расстреле на месте казаков, попадавших в плен к белым. Осенью 1919 г. казаки совместно с японцами предприняли масштабный рейд против забайкальских партизан. Тем не менее одержанные частные успехи не привели к каким-либо серьезным переменам. Осенью 1920 г. Забайкалье было оставлено белыми. Борьба с партизанским движением на огромных пространствах Дальнего Востока была крайне затруднительна для малочисленных белых сил. То же самое испытали и красные — вплоть до середины 1920-х гг. белоказачьи отряды осуществляли рейды в Забайкалье с территории Китая.

В жизни иркутского казачества 1919 г. был отмечен конфликтом Войскового атамана генерал-майора П.П. Оглоблина с командующим

войсками Иркутского военного округа генерал-лейтенантом В.В. Артемьевым, арестовавшим иркутского атамана за самоуправство. Атаман Оглоблин боролся за официальное признание Иркутского казачьего войска. Колчаковское правительство узаконило статус войска 10 июня 1919 г. После этого Оглоблин, неадекватно понявший свое новое положение, решил подчинить себе Иркутский казачий полк, входивший в состав Сводной казачьей бригады генерал-майора И.Ф. Шильникова. Через голову последнего Оглоблин тайно сменил командира полка, назначив вместо полковника П.И. Войлошникова другого полковника, оренбуржца А.Г. Бычкова. Подобное вмешательство представителя гражданской администрации (хотя и с правами командира отдельного корпуса), каким являлся атаман, встретило резкий отпор как со стороны командира бригады, так и со стороны командующего войсками округа. В начале июля 1919 г. Оглоблин и некоторые другие представители казачьей администрации были арестованы. 28 июля в Иркутск прибыла следственная комиссия под председательством генерал-лейтенанта В.В. фон Нотбека для расследования инцидента, подтвердившая обоснованность обвинений в отношении Оглоблина. Тем не менее вскоре при помощи влиятельного оренбургского атамана Дутова Оглоблин был освобожден из-под ареста. В 1920 г. Иркутское войско, несмотря на попытку атамана Оглоблина подчеркнуть свою лояльность красным, было ликвидировано, а сам атаман арестован, но спустя полгода выпущен на свободу. В то же время иркутские казаки в 1920-е гг. приняли активное участие в антибольшевистском повстанческом движении⁵⁸⁰.

Летом 1919 г. в политической жизни Востока России значительно усилилась роль вождей казачества, стремившихся оказывать влияние на политические и военные вопросы. Казаков в связи с продолжительным отступлением белого Восточного фронта как в обществе, так и в правительственных кругах считали фактически последней надеждой. Очень скоро, однако, стала очевидна призрачность этой надежды.

19 августа в Омске открылась Чрезвычайная конференция представителей девяти казачьих войск (Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Енисейского, Иркутского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского) под председательством генерал-лейтенанта П.П. Иванова-Ринова. На предварительном заседании, прошедшем накануне, конференция была признана аналогичной

Войсковому кругу, ее почетным председателем избрали Дутова⁵⁸¹. На заседании 21 августа Ивановым-Риновым было сделано громкое политическое заявление о том, что конференция является оппозицией верховной власти с целью очистить Колчака от окружавшей его «камарильи»⁵⁸². Казачьи вожди к августу 1919 г. перестали довольствоваться своей прежней незначительной ролью в политической жизни Востока России и стремились играть более заметную роль, влияя на государственное управление. Верховная власть была вынуждена считаться с этим давлением.

Участники конференции, видя слабость фронта и тыла, высказались за переустройство государственной власти в сторону военной диктатуры. Казаки выступили за подчинение Совета министров непосредственно Колчаку, упразднение двоевластия (Верховный правитель — председатель Совета министров), реконструкцию всей системы государственного управления. Была выдвинута идея учреждения при Колчаке помощников по гражданской (председатель Кабинета управляющих) и военной (главнокомандующий) части⁵⁸³. Приоритетной ставилась задача обороны от большевизма. Казачьи атаманы высказались за созыв Государственного совещания — высшего законосовещательного органа из лучших людей для единения власти и общества.

28 августа делегация конференции встретилась с Колчаком и потребовала принять это предложение, вместе с тем в свой проект казаки включили и неприемлемые для верховной власти требования контроля казачьей конференции за принятием всех решений, касавшихся казачества, а также посылки казачьих частей на фронт только по согласованию с их выборными атаманами⁵⁸⁴. В итоге атаманам пришлось пойти на уступки.

Казаки восточных казачьих войск, связавшие свою судьбу с белой армией, принимали участие в Гражданской войне на Востоке России вплоть до конца 1922 г., пройдя вместе с белыми и Сибирский Ледяной поход (оренбуржцы и сибирцы), и борьбу в Забайкалье и Приморье. Определенный костяк казаков являлся непримиримым по отношению к красным (в Оренбургском войске — не более 30% воюющих). Настроенные таким образом непримиримые активно участвовали в антибольшевистском сопротивлении на всех его этапах, ожесточенно боролись и в конце концов были вынуждены уйти в эмиграцию (для примерного выявления этой цифры по всем войскам необходимо установить чис-

ленность казаков-эмигрантов мужского пола, оставшихся за пределами Советской России и не вернувшихся на Родину в первые годы эмиграции). На долю этих людей выпали наибольшие тяготы и страдания.

В то же время в казачьих войсках Дальнего Востока ярко проявилось стремление к саморасказачиванию и окрестьяниванию, значительно усилились пробольшевицкие настроения. Фактически основная масса дальневосточного казачества в 1920–1922 гг. заняла пассивную позицию, что стало одной из причин поражения белоповстанцев в борьбе с войсками Народно-революционной армии Дальневосточной республики.

ПЕРИОД КРЕСТЬЯНСКО-КАЗАЧЬЕГО ПОВСТАНЧЕСТВА В КАЗАЧЬИХ ОБЛАСТЯХ ПОСЛЕ УХОДА БЕЛЫХ

В 1920–1921 гг. и позднее на казачьих землях Юга России, Урала Сибири развернулось стихийное мощное крестьянско-казачье повстанческое движение, выделить из которого именно казачью составляющую довольно сложно. Первопричиной было недовольство политикой военного коммунизма, продразверсткой, а позднее и продналогом. Способствовали восстаниям казачий корпоративизм, отлаженная веками способность к быстрой военной самоорганизации и мобилизации, сохранение в казачьих регионах некоторого количества оружия со времен Гражданской войны.

Это была борьба обреченных. Офицерский корпус казачьих войск был разгромлен, многие его представители погибли, ушли с белыми, оказавшись в эмиграции, или находились в советских тюрьмах и лагерях. Теперь за отсутствием в станицах офицеров борьбу возглавили казачьи унтер-офицеры и простые казаки, которые не обладали необходимым для борьбы с регулярной армией военным и административным опытом. Показательно и то, что повстанческое движение вовсе не прекратилось после введения НЭПа. Следовательно, борьба повстанцев носила не только экономический, но и политический характер. Повстанцы не имели ни достаточного количества оружия и боеприпасов, ни надлежащей организации, ни квалифицированных командных кадров, их выступления носили локальный характер, не приходилось

рассчитывать и на помощь со стороны. Тем не менее отчаявшиеся казаки и крестьяне шли на эту борьбу⁵⁸⁵. Известны Донская и Кубанская повстанческие армии; действовавшие в Поволжье, на Урале и в Сибири отряды К.Т. Вакулина, А.П. Сапожкова, Я.Г. Луконина, Г.С. Охранюка (Черского); казачья повстанческая армия есаула Сибирского войска Д.Я. Шишкина; Народная дивизия подхорунжего С.Г. Токарева и подъесаула А.А. Гноевых.

На Дону в конце 1920 г. в повстанческом движении участвовали свыше 5000 казаков, на Кубани осенью 1921 г. — свыше 7500 казаков. Общая численность повстанцев в Северо-Кавказском военном округе (Донская и Кубанско-Черноморская области, Ставропольская и Терская губернии), по данным на август 1921 г., достигала 23 тысяч человек⁵⁸⁶. Эти движения были настолько популярны, что красные для борьбы с ними сами стали создавать ложные отряды, однако такая игра не всегда развивалась в нужном для большевиков направлении. Использовались и другие методы борьбы — в станицах брались заложники, в отряды внедрялись агенты ВЧК. Только в конце сентября — ноябре 1921 г. на Кубани по обвинению в причастности к повстанцам было расстреляно, по неполным данным, свыше 3000 человек. Выступления носили сезонный характер, но репрессии далеко не сразу привели к ликвидации повстанчества. На Северном Кавказе очаги сопротивления сохранялись до начала 1925 г., хотя, очевидно, что к этому времени повстанчество носило лишь локальный характер, все больше превращаясь из идейной борьбы крестьян и казаков за свои права в обыкновенный бандитизм.

* * *

Казачество сыграло заметную роль в событиях Гражданской войны. Первые очаги сопротивления большевикам были связаны именно с казачьими областями. Без казачества как территориальной и отчасти социальной базы не было бы и Белого движения в полном смысле этого слова. Не случайно крупнейшие белые фронты — Южный и Восточный — возникли именно в тех частях бывшей Российской империи, где находились казачьи области.

Отметим высокую степень монолитности казачества по отношению к советской власти в разгар Гражданской войны. Сохранившее кадровый состав в годы Первой мировой войны казачье офицерство

практически в полном составе выступило на стороне антибольшевистских сил, чем способствовало притоку в белый лагерь массы рядовых казаков.

На начальном этапе гражданского противостояния (1918 г.), когда белые армии находились в стадии зарождения, поддержка казачества дала белым значительное преимущество, особенно в подготовленной стратегической коннице, наличие которой в условиях маневренной войны было трудно переоценить. В белых армиях Юга России процент казаков был очень высоким. По сведениям П.Н. Краснова, в Добровольческой армии к ноябрю 1918 г. насчитывалось 35 500 кубанцев и 7500 добровольцев⁵⁸⁷. Даже в составе знаменитых и не ассоциируемых с казачеством «цветных» полков Добровольческой армии в начале 1919 г. было 65% казаков⁵⁸⁸. По данным на октябрь 1919 г., в составе ВСЮР донцы составляли 32%, кубанцы — 12%, к 5 января 1920 г. казаки составляли уже 61% боевого состава ВСЮР — 49 662 человека из 81 506 офицеров и нижних чинов, числившихся во ВСЮР⁵⁸⁹. Есть все основания утверждать, что в сравнении с другими сословиями именно казачество дало наибольший процент активных участников борьбы с большевиками.

В то же время в большинстве своем казаки не относились к числу непримиримых и были готовы воевать только на территории своих войск, причем при наступлении, как и при отступлении, уклонялись от участия в вооруженной борьбе в тех случаях, когда она непосредственно не затрагивала их интересы.

Поддерживая белых, казаки, и прежде всего выразители их мнения, казачьи атаманы, всегда проводили собственную политику, порой втайне от лидеров Белого движения. Этим подрывалось единство антибольшевистского лагеря. Однако в Советской России, несмотря на такие нюансы, на казаков смотрели как на заведомых контрреволюционеров, которые подлежат суровому обращению во избежание новых антисоветских вооруженных выступлений.

В среде рядового казачества активное нежелание драться «за мужичьи выгоды» вызывало пробольшевистское настроение крестьянства соседних губерний и областей, опасения за свои земельные наделы, боязнь за семьи, остававшиеся в станицах. Казачьи войска не имели руководителей, способных справиться с казачьей массой и жестко подчинить ее своей воле. Не смогли этого осуществить и белые вожди, что следует считать одной из основных причин по-

ражения Белого движения. Между тем только при жесткой зависимости от центра и контроле казачество могло быть эффективным. Фактически же казачьи войска периода Гражданской войны являлись полунезависимыми автономными республиками, считавшимися с решениями центра лишь постольку, поскольку эти решения их устраивали.

В итоге в Гражданскую войну казачья альтернатива оказалась несостоятельной. Большинство казачьих атаманов этого периода — главных выразителей настроений казачьей массы — были фигурами малопривлекательными. Малопривлекательной была и позиция самого казачества. Не случайно многие мемуаристы отмечали, что в условиях ослабления контроля центра казаки превращались в деструктивную массу. В данном случае вполне уместно провести параллель с действиями казачества в Смуту XVII в.

Гражданская война на несколько лет отсрочила упразднение казачества как сословия. Поражение белых принесло и поражение казачеству, ликвидированному красными как особая социальная группа. Процесс расказачивания сопровождался массовым террором, прежде всего против казачьих лидеров и офицерства.

Необходимо остановиться и на таком явлении, как красное казачество. Оно было относительно немногочисленным. Как главный орган управления красным казачеством при ВЦИК был создан казачий отдел. Известны лидеры красных казаков: донские офицеры А.И. Автономов и Ф.К. Миронов, кубанец И.Л. Сорокин, оренбургские офицеры братья Н.Д. и И.Д. Каширины. Бывших казачьих офицеров в Красной армии в Гражданскую войну оказалось немного. С поражением белых армий в казачьих областях на сторону красных, хотя бы в целях спасения собственной жизни через искупление своей «вины» перед большевиками, перешло значительное количество казачьих офицеров и казаков. Не случайно весной 1920 г. пленные казаки существенно пополнили красную конницу. Точные подсчеты едва ли возможны ввиду сложности определения социального состава советских частей и их истории, в особенности в связи с их потерями и пополнениями. В 1-й Конной армии донские казаки укомплектовали 4-ю кавалерийскую дивизию, состав 6-й дивизии был смешанным (Ставрополье, районы Астрахани и Смоленска), пленные денкинцы, уроженцы Кубани и Северного Кавказа, стали основой 14-й

кавалерийской дивизии, формировавшейся в Майкопе и Таганроге весной 1920 г.⁵⁹⁰

Некоторые части себя зарекомендовали хорошо. Так, еще осенью 1919 г. красным в полном составе сдалась 2-я отдельная Оренбургская казачья бригада полковника Ф.А. Богданова в составе 1500 шашек при 80 офицерах. В дальнейшем Богданов и другие сдавшиеся участвовали в борьбе с частями Русской армии генерала П.Н. Врангеля и басмачами, а сам Богданов получил орден Красного Знамени. Показательно, что оказавшиеся у красных казаки продолжали быть настроенными антибольшевистски, были склонны к изменам и разложению. В частности, в период советско-польской войны красные казаки переходили на сторону поляков, убивая или арестовывая командиров и комиссаров. Случалось, что к противнику уходили целые части (достоверно известны два случая массового перехода бойцов 1-й Конной армии: 31 мая 1920 г. к полякам перешли три эскадрона из состава 14-й кавалерийской дивизии, состоявшей из донских казаков, а в ночь на 21 июля к полякам ушел Кубанский полк из кавалерийской группы А.М. Осадчего⁵⁹¹). Кроме того, 6-я кавалерийская дивизия по итогам польской кампании почти полностью разложилась и требовала чрезвычайных мер по восстановлению дисциплины.

Большевики стремились использовать казаков в своих интересах. Характерна судьба одного из харизматичных вождей красного казачества Ф.К. Миронова. Донской казачий офицер, еще в годы первой русской революции замеченный в агитации против существовавшего режима, Миронов был уволен за этот немислимый для офицера императорской армии проступок из ее рядов. Военная карьера не задалась. Однако в период Первой мировой войны Миронов продолжил офицерскую службу, дослужился до чина войскового старшины и даже был награжден в начале 1917 г. Георгиевским оружием. По своим взглядам Миронов был близок к эсерам, но после большевистского переворота решил попытать счастья в рядах красных. В 1917 г. Миронова избрали командиром 32-го Донского казачьего полка. В феврале 1918 г. он — член ВРК и комиссар Усть-Медведицкого округа. С мая 1918 г. он уже сражался против частей Донской армии на Серебряковском участке, а позднее — на Хоперско-Усть-Медведицком фронте. Президиумом ВЦИК 28 сентября 1918 г. награжден орденом Красного Знамени № 3. Наличие в своих рядах лидера красного каза-

чества было выгодно большевикам, способствовало притоку казаков к красным, однако подозрительность и недоверие, несмотря на верную и доблестную службу Миронова новой власти, в конечном итоге взяли верх. Способствовал этому и сам Миронов, который далеко не всегда выполнял приказы сверху, резко выступил против политики расказачивания.

С июня 1919 г. Миронов командовал особым Донским конным корпусом, в сентябре за самоуправство по приказу председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого арестован и приговорен к расстрелу. Однако смертный приговор ЦК РКП(б) вскоре отменил, а в сентябре 1920 г. Миронов возглавил 2-ю Конную армию, форсировавшую Сиваш. 25 ноября 1920 г. Миронов получил Почетное революционное оружие — высшую боевую награду РККА, а с начала 1921 г. стал главным инспектором кавалерии РККА. Но большевикам он был уже не нужен. По доносу Миронова арестовали, а 2 апреля 1921 г. он был расстрелян в Бутырской тюрьме. Большевики лишь использовали казачьего вожака в своих интересах⁵⁹². Похожим образом сложилась судьба еще одного красноказачьего лидера — Б.М. Думенко (впрочем, происходившего из иногородних).

Несмотря на крайнюю остроту конфликта с властью большевиков и мужество многих казаков, проявленное в борьбе, казачество эту войну проиграло. Причин поражения немало. Условно выделим основные их группы: военные и экономические; политические и организационные; социально-психологические. К военным и экономическим причинам можно отнести острую нехватку пехотных частей на казачьих фронтах, недостаток оружия и боеприпасов, средств связи и техники, нерегулярность снабжения, постоянное превосходство противника в силах и средствах и значительные размеры театра военных действий, почти не позволявшие массировать конницу для нанесения мощных ударов или рейдов в тыл красных, периферийное положение казачьих областей и связанное с отсталостью окраин отсутствие развитой сети железных дорог в тылу, оборудованной тыловой базы и военной промышленности. Свою негативную роль сыграли и ошибки казачьих генералов.

Политические и организационные причины неудачи казаков заключались в отсутствии среди значительной части казачьих лидеров широкого, подлинно государственного взгляда на события Гражданской войны и последствия участия или не участия в ней казаков, стрем-

ление казачьих администраций обособиться от белого командования, а нередко и противостоять ему, в том числе при поддержке внешних сил (представителей лимитрофных государств, интервентов). В организационном отношении казачьим атаманам не удалось после мобилизации или самомобилизации казачества удержать казаков на фронте настолько, насколько это было необходимо, и подчинить их твердой дисциплине, удержав от разложения. Хотя донской атаман А.П. Богаевский и говорил, что, только взяв Москву, казаки смогут получить отдых, в действительности казаки «устали» и начали расходиться по домам значительно раньше.

Среди социально-психологических причин поражения казачества — низкий уровень политической сознательности казаков, усталость от многолетней войны (некоторые казаки воевали с 1914 г.), противоречия с неказачьим населением, беспокойство казаков за свои семьи в станицах, а также стремление казаков активно бороться с большевиками лишь в войсковых пределах и т.д.

По мнению видного военного мыслителя полковника А.А. Зайцова, «казачество все же было тесно связано со своей территорией и отстаивание и ее и своих вольностей от покушений большевиков в глазах подавляющей массы казачества не было равносильно вооруженному походу на советский центр. Казачество было готово выделить часть своих сил для решения общерусских задач, но наряду с ними у него были и свои местные, казачьи задачи»⁵⁹³. Иными словами, казачество могло выделить лишь часть сил для общегосударственной борьбы против красных, а также предоставить свою территорию в качестве базы для развития Белого движения. До создания массовой Красной армии такая особенность казачества давала белым неоспоримое преимущество перед их противником и стала одной из причин крупных успехов Белого движения в 1919 г. Однако, в отличие от красных, белые не сумели в полной мере воспользоваться этим преимуществом и сформировать массовые армии, что, в конечном итоге, обрекло их на поражение.

С другой стороны, уральский казак генерал-майор С.А. Щепихин отмечал, что никто из лидеров Белого движения так и не решился доверить судьбу этого движения казакам, сделав на них ставку. Возможной причиной этого был тот факт, что «что-то мешает казакам до глубины проникнуться идеей государственной, идеей общего порядка и поставить эту идею превыше всего, а главное над местными, узкими интере-

сами»⁵⁹⁴. Далее Щепихин добавил: «Кто-то довольно метко выразился, что идея у казаков в их желудке. Это справедливо в отношении всей массы русского народа»⁵⁹⁵.

Участник Белого движения на Востоке России капитан И.С. Ильин записал в дневнике 29 ноября 1918 г.: «Интересно знать, почему это всегда казаки уверяют, что они спасители России, что они настоящий государственный элемент и что в критическую минуту они являлись истинно государственным элементом? История и примеры говорят совсем другое...»⁵⁹⁶

Не смогли в полной мере воспользоваться потенциалом казачества и лидеры Белого движения. В белом лагере не появилось мощных кавалерийских объединений по образцу 1-й и 2-й Конных армий, созданных в РККА. Между тем массирование конницы порой предопределяло стратегические успехи в Гражданской войне. Думается, помешали лидерам белых те же слабые места, что и во многих других вопросах, — дезорганизованность, неподконтрольность казачьих начальников (так, на Востоке России серьезной проблемой было получение разрешения казачьей администрации на переброску казачьих частей на неказачьи участки фронта), традиционализм и косность взглядов командного состава на тактику и стратегию Гражданской войны.

По итогам Гражданской войны казачество как особая социальная группа было большевиками ликвидировано, многие яркие его представители оказались уничтожены или были вынуждены покинуть Родину. Внушительной была казачья эмиграция (по некоторым данным, она составила до 250 тысяч человек⁵⁹⁷). Невосполнимые потери понесло казачье офицерство и чиновничество, значительная часть казачьей интеллигенции. В районах ожесточенных боев на казачьих территориях значительно сократилась численность населения. Например, на Хопре к концу Гражданской войны осталось до половины жителей, а в целом по Донской области сокращение населения составило около 30%⁵⁹⁸.

Законодательным упразднением казачества стало в 1920 г. постановление ВЦИК, распространившее законоположения о землеустройстве и землепользовании РСФСР на казачьи земли. В том же году в казачьих областях были введены органы власти, предусмотренные Конституцией РСФСР. Многие казаки, перешедшие на сторону красных, оказались репрессированы. Казачьи территории меняли свое

административное деление — часть земель отходила соседним регионам, что-то, наоборот, прирезалась к территориям, на которых проживало казачье население. Все это вело к расказачиванию — утрате казаками идентичности и ассимиляции с неказачьим населением. Одним из итогов гражданского противостояния и политики расказачивания стала ликвидация казачества как самобытной духовной, культурной и социальной общности.

**ИМЕЕТ ЛИ ШАНСЫ
НА ВОЕННУЮ ПОБЕДУ
«ТРЕТИЙ ПУТЬ»**

Под «третьим путем» или «третьей силой» в Гражданской войне, как правило, понимают тот лагерь, который пытался составить демократическую альтернативу как красным (диктатуре слева), так и белым (диктатуре справа), а именно лагерь социалистов-революционеров (эсеров).

В 1917 г. партия эсеров стала самой многочисленной политической организацией в стране (до миллиона членов), она же в конце 1917 г. лидировала на выборах в Учредительное собрание, набрав 39,5% голосов⁵⁹⁹. Историки много писали об особом пути развития страны, по которому пошла бы Россия в случае победы эсеров в Гражданской войне⁶⁰⁰. При этом, однако, забывалось главное — крайне низкая способность эсеров к созидательной государственной работе. Деятели ПСР, пришедшие к власти в России в 1917 г., в значительной степени ответственны за трагические для нашей страны события того года, анархию и последовавший в результате ее захват власти большевиками и левыми эсерами.

Партия эсеров исторически была негосударственнической организацией. Самих себя эсеры считали защитниками интересов крестьян, рабочих и интеллигенции, но политическая программа партии страдала утопизмом и анархизмом⁶⁰¹. Опираясь, прежде всего, на крестьянство, они оказывались прямыми соперниками большевиков. Последние, разумеется, не собирались терпеть подобную конкуренцию и, осознавая свое меньшинство, ориентировались на силовой захват власти и террористические методы управления⁶⁰². В результате октябрьского переворота пало Временное правительство, которое возглавлял эсер А.Ф. Керенский. Учредительное собрание, где лидировали эсеры, новая власть распустила. Полная победа эсеров сменилась их сокрушительным поражением.

Как известно, любая революция тогда чего-то стоит, когда может себя защитить. Могли ли защитить себя эсеры в условиях Гражданской войны? Попробуем ответить на этот вопрос, разобрав вполне показа-

тельную ситуацию противостояния эсеров и сторонников адмирала А.В. Колчака на Востоке России в конце 1918 г. Тем более что именно на Востоке России летом — осенью 1918 г. под руководством эсеров была создана целая антибольшевистская армия.

В 1917 г. эсеры ярко продемонстрировали свою разрушительную работу в армии. Не особенно удачливы они были и в подпольной работе. Активный и осведомленный участник Гражданской войны генерал А.Л. Носович писал об эсерах: «Эти тоже были слюнтяи. И теоретики, столкнувшись с практиками, безнадежно и окончательно проиграли. Эсеры подготавливали “свое” восстание, но желали действовать самостоятельно без ненавистного для них “офицера”, и блестяще провалялись»⁶⁰³.

Летом — осенью 1918 г. эсеры играли видную роль в антибольшевистском движении на Востоке России. Восстание Чехословацкого корпуса позволило эсерам организовать на Волге собственную государственность, ставившую целью восстановление власти Учредительного собрания. Однако эксперимент по созданию вооруженных формирований Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания летом 1918 г. успехом не увенчался. Фактически руководили военным ведомством члены партии эсеров, не сведущие в вопросах военного управления. Кроме того, эсеры оказались практически недоговороспособными даже в отношении своих ситуативных союзников — соседних антибольшевистских правительств. Например, исключительно из-за нежелания эсеровских политиков передавать богатейшее поволжское военное имущество представителям Сибири оно досталось в качестве трофея красным.

Исходя из печального опыта 1917 г., офицерство было разочаровано способностями эсеровских лидеров к государственному управлению. Вмешательство партийных деятелей в сугубо военные вопросы, назначения в армии по принципу лояльности социалистическим идеям, борьба с политическими противниками в антибольшевистском лагере, отказ от сотрудничества с представителями правого лагеря вызывали неприятие.

Порядки, устанавливавшиеся в Народной армии, напоминали «керенщину». Колчаковский генерал П.П. Петров впоследствии вспоминал, что «если существуют у офицеров разные мнения о Керенском, то к Чернову оно* относится единодушно — с ненавистью и гадливостью.

---

* Офицерство.

Ленина и Троцкого ненавидят, пожалуй, меньше»⁶⁰⁴. Психологию белых офицеров, вынужденных служить Комучу, выразил подполковник Ф.Ф. Мейбом: «Сейчас, в данный момент, будем драться под всяким правительством. Уничтожим первоначально коммунистов, а затем и социалистов!! Такое мнение было почти у всех офицеров моей роты»⁶⁰⁵. Генерал К.В. Сахаров вспоминал о ехавших с ним в поезде офицерах Народной армии, которые «высказывали недовольство отношением к ним и их полкам Самарского правительства, что развели опять политику, партийную работу, скрытых комиссаров, путаются в распоряжения командного состава...»⁶⁰⁶

Капитан И.С. Ильин в дневниковой записи от 2 июля 1918 г. отметил, что новый устав, введенный в Народной армии по распоряжению Комуча, — «полная чушь. По этому уставу никакой армии не создашь»⁶⁰⁷. Парадоксально, но с такой оценкой был согласен и тот, кто отвечал за введение подобного устава, — старый сослуживец Ильина управляющий военным ведомством Комуча полковник Н.А. Галкин, заискивавший и пасовавший перед эсеровскими деятелями⁶⁰⁸.

Колчаковский офицер капитан И.А. Бафталовский вспоминал о правительстве Директории: «Естественно, что одна только политическая физиономия “этих господ” говорила сама за себя и предугазывала на характер и образ их деяний, в которых интересы “своей” партии* будут доминировать над интересами и благом Родины»⁶⁰⁹. Очевидно, подобный взгляд широко распространялся в среде офицерства. Обладая слабой опорой среди офицеров, эсеры потерпели сокрушительное поражение не только в борьбе с внешним врагом, но и в попытках вооруженного противостояния внутри антибольшевистского лагеря.

Приход к власти адмирала А.В. Колчака в результате омского переворота 18 ноября 1918 г. стал одним из узловых моментов истории Белого движения. Политическая история этого события имеет обширную историографию, однако военно-политический аспект произошедшего, одним из наиболее ярких проявлений которого стало противоборство между сторонниками Колчака и социалистами-революционерами, оставался в тени. Даже в специальных работах этот вопрос или не рассматривался вообще, или затрагивался поверхностно⁶¹⁰, между тем

---

* Эсеров.

именно наличие или отсутствие поддержки армии у противоборствующих сторон предрешило тогда исход политической борьбы. Военная деятельность ПСР до сих пор во многом остается «белым пятном». Попробуем проанализировать ход и итоги военно-политического противоборства Колчака и эсеров в конце 1918 г.

Каковы были цели эсеров в борьбе с Колчаком? Прежде всего, они стремились любым путем вернуть себе власть в России, утраченную после падения Временного Всероссийского правительства (Директории). Являясь победителями на выборах во Всероссийское Учредительное собрание, они считали только себя вправе встать у руля государственной машины в этот непростой момент. Как писал член ЦК ПСР В.Г. Архангельский, «партия, собравшая большинство голосов при выборах в Учредительное собрание, обязана была выступить на его защиту против посягательств представителей меньшинства на ясно выраженную волю народа»⁶¹¹. Однако опыт нахождения эсеров у власти в 1917 г. и летом — осенью 1918 г. отчетливо продемонстрировал полную несостоятельность их политического курса, ведшего к гибели страны. Как писал генерал В.Г. Болдырев, «самарское правительство было весьма тесно связано с только что утратившей власть эсеро-партией, с которой у многих еще слишком свежи были счеты. Керенщина была еще слишком памятна даже при нависшей угрозе со стороны Советов»⁶¹². Во многом по этой причине противники эсеров — сторонники правого курса — считали «состав “черновского” Учредительного собрания, избранного в ненормальных условиях и состоявшего почти наполовину из большевиков и левых социалистов-революционеров, не правомочным...» и выступали за созыв нового Учредительного собрания после свержения власти большевиков⁶¹³.

Еще до омского переворота эсеры «готовились к неминуемой атаке справа»⁶¹⁴. В военно-политическом отношении эта подготовка сводилась к агитации и формированию батальонов имени Учредительного собрания и русско-чешских полков. Ко времени переворота 18 ноября эсеры имели три центра своего политического влияния на Востоке России: Директорию (Омск), заметно полевевший съезд членов Учредительного собрания (Екатеринбург)⁶¹⁵ и Совет управляющих ведомствами Комуча (Уфа)⁶¹⁶.

Здесь уместно процитировать высказывание находившегося в 1918–1919 гг. на Востоке России британского полковника Д. Уорда — коман-

дира 23-го Мидлсекского батальона: «Уфимская Директория вела свою власть от умеренной партии социалистов-революционеров и состояла из “интеллигенции” — республиканцев, визионеров, непрактичных людей... Эти люди обвиняли казаков за их безотчетную лояльность, а офицеров армии за все преступления, в которых виноваты цари, и в худшие дни Второй Революции они травили их, подобно крысам, в подвалах и на улицах. Офицеры и казаки в свою очередь проклинали Керенского и социалистов-революционеров за расстройство старой армии, за то, что именно они развели в стране анархию и большевизм. Не может быть никаких сомнений, к кому надлежит отнести порицание»⁶¹⁷.

Не стоит сомневаться в том, что в случае победы белых Колчак действительно созвал бы Учредительное собрание. Об этом он сам совершенно искренне писал 28 июля 1919 г. в частном письме генерал-лейтенанту А.Н. Пепеляеву: «Не мне, принявшему перед Сенатом присягу в передаче этому собранию всей полноты власти и обязавшемуся в его немедленном созыве, как только будет уничтожен большевизм, говорить о целесообразности этого...»⁶¹⁸ При этом Колчак был резко против предложения Пепеляева о немедленном созыве Учредительного собрания в ходе войны, полагая, что «это будет победа эсеровщины, того разлагающего фактора государственности, который в лице Керенского и К^о естественно довел страну до большевизма. На это я никогда не пойду»⁶¹⁹.

Не смирившись с потерей власти после переворота в Омске 18 ноября 1918 г., социалисты предприняли ряд безуспешных попыток реванша. Одной из наиболее опасных для Белого движения можно назвать попытку захвата власти в результате заговора против Войскового атамана Оренбургского казачьего войска и командующего войсками Юго-Западной армии генерал-лейтенанта А.И. Дутова в Оренбурге. Об этой и других попытках вооруженного реванша эсеров в союзе с лидерами национальных окраин и пойдет речь.

Почти за месяц до переворота, 22 октября 1918 г., ЦК ПСР выпустил обращение ко всем партийным организациям. Обращение составил лидер партии В.М. Чернов, призвавший соратников по партии быть готовыми к отражению ударов контрреволюции⁶²⁰. Это обращение, безусловно, принесло большой вред эсерам. В то же время Чернов сумел в чем-то предвосхитить грядущие события. Уже 5 ноября в разговоре по прямому проводу между Уфой (М.А. Веденяпин (Штегеман) и

С.Ф. Знаменский) и Омском (В.М. Зензинов) Веденяпин сообщал Зензинову: «Мне очень хотелось бы Вас хоть немного познакомить с положением после падения Самары*. Развал в армии произошел полный, ее почти нет, она рассыпалась. Это заставило Центральный Комитет призвать всех членов партии под ружье**, и тут мы это осуществили и вместе с чешским командованием вопреки приказам Болдырева создали добровольческие части, которые держат фронт, в наших частях с офицерства берется подписка не носить погон и кокард, только при таких мерах приходится что-либо делать. Нами предприняты шаги совместно с чехами к широкому формированию добровольцев. Несколько дней назад мы отправили все части на фронт, дав им задачу взять Самару. Здесь создан известный подъем, и наши товарищи выполняют это задание, если Вы не произведете тут перемен, которые разрушат все. В партии определенное настроение отойти в сторону от борьбы, полное недоверие к Временному правительству*** как только связали свою судьбу с Сибирским правительством...»⁶²¹ Таким образом, деятели ПСР имели основания всерьез опасаться за свое будущее еще до переворота в Омске.

В этот же период эсеры предприняли ряд шагов по укреплению своего положения. Прежде всего, активно велись переговоры с военными, о чем будет сказано ниже. Кроме того, была предпринята попытка поставить под свой контроль местные власти. В частности, в десятых числах ноября оренбургским губернским уполномоченным была получена телеграмма из Уфы с возмущением против того, что некоторые учреждения получают распоряжения из Омска, минуя Совет управляющих ведомствами. Уфимские политики требовали руководствоваться их распоряжениями, а не омскими. Дутов писал в Омск, что «означенным распоряжением предложено руководствоваться всем правительственным учреждениям, находящимся на территории Оренбурга и губернии. Ввиду того, что до образования Всероссийского съезда [территория] находилась в сфере влияния Самарского Комуча, остальная территория подчинялась Сибирскому и Оренбургскому войсковому правительствам, [в] настоящее время [с] образованием центровласти подобное распоряжение Совета создает двойственность

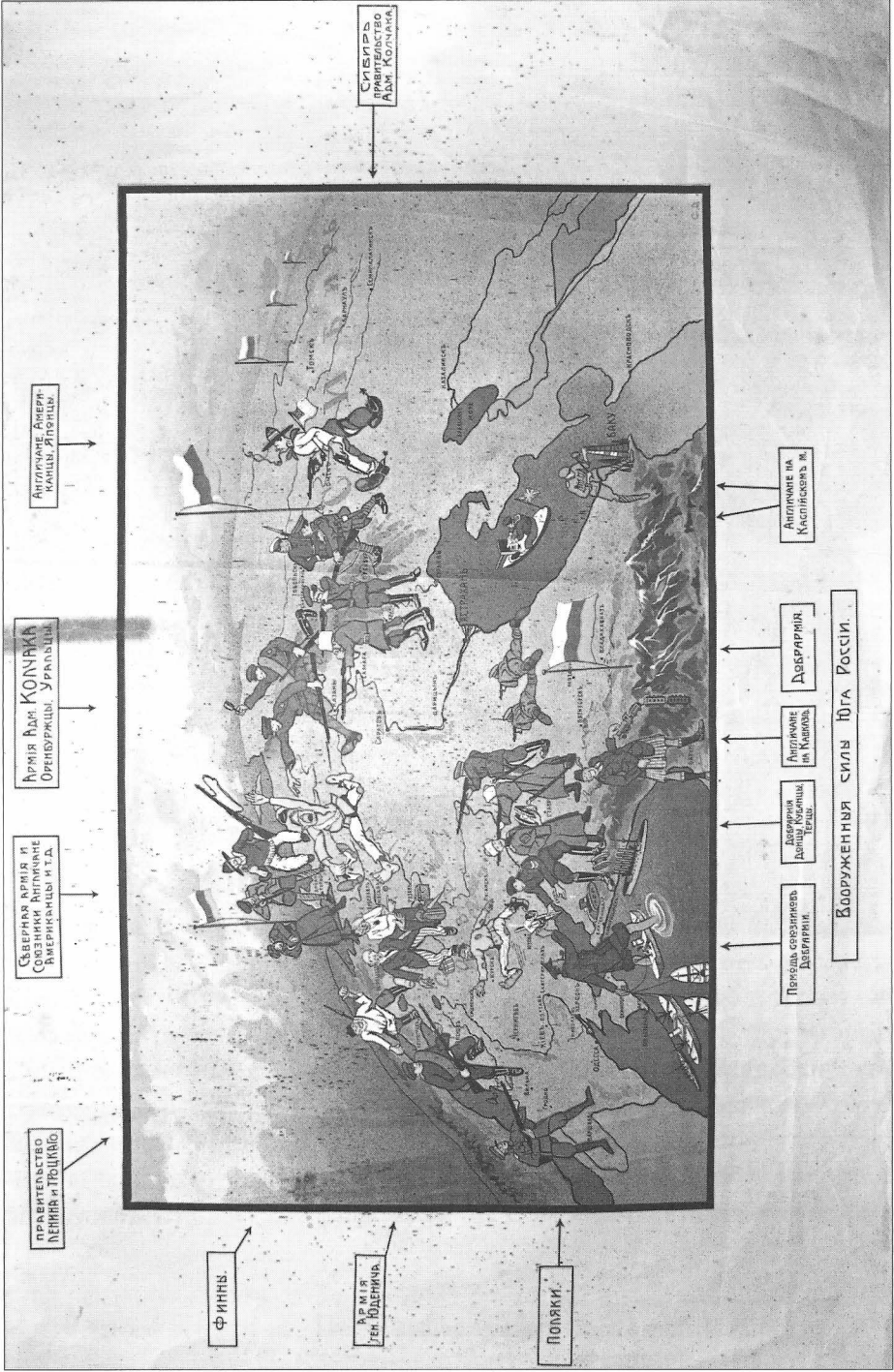
* Оставлена белыми 7 октября 1918 г.

** Здесь и далее подчеркнуто в документе.

*** Речь идет о Временном Всероссийском правительстве.

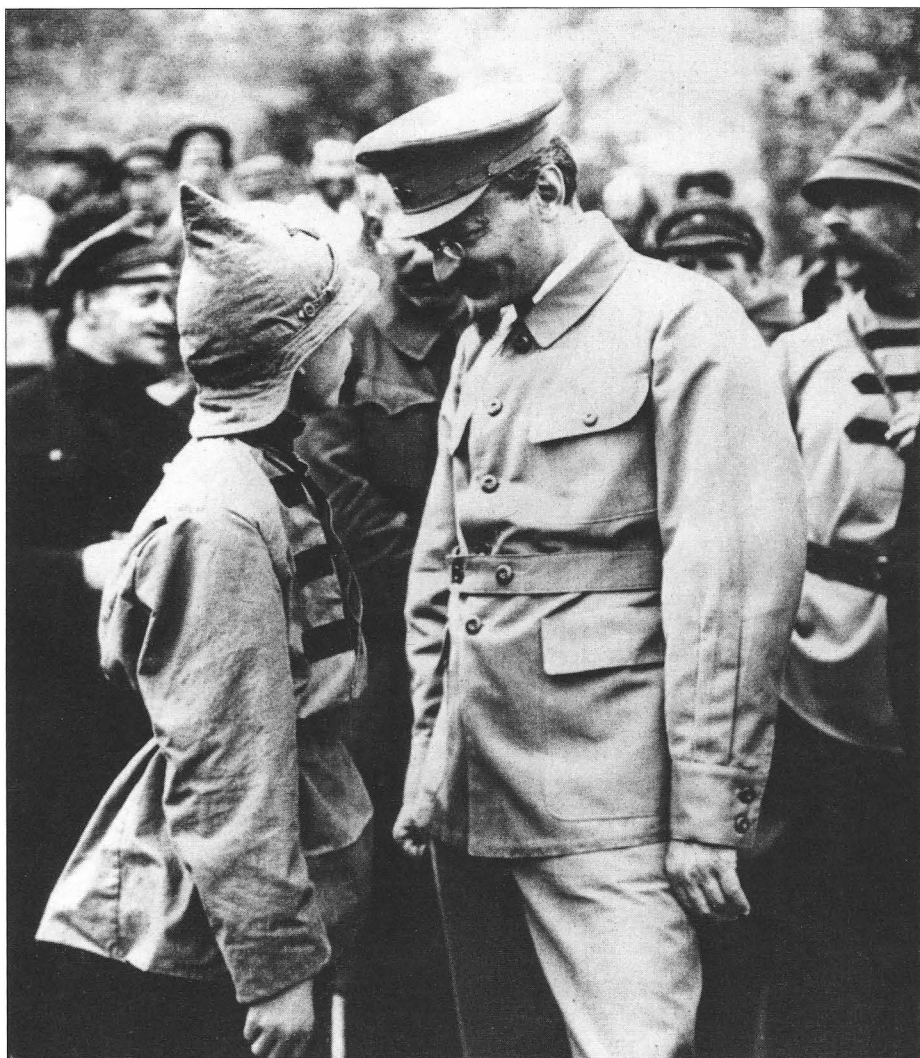
Группа Минского полка Красной армии на привале по дороге на фронт.
Мартышкино, район Старого Петергофа. 1921 г.

Белый плакат с изображением фронтов Гражданской войны. 1919 г. ГА РФ

И.Э. Грабарь. В.И. Ленин у прямого провода. 1933 г.

Вожь Красной армии Л.Д. Троцкий

Крестьяне, мобилизованные в Красную армию

Празднование дня Всеобуча на Красной площади. 11 июля 1918 г.

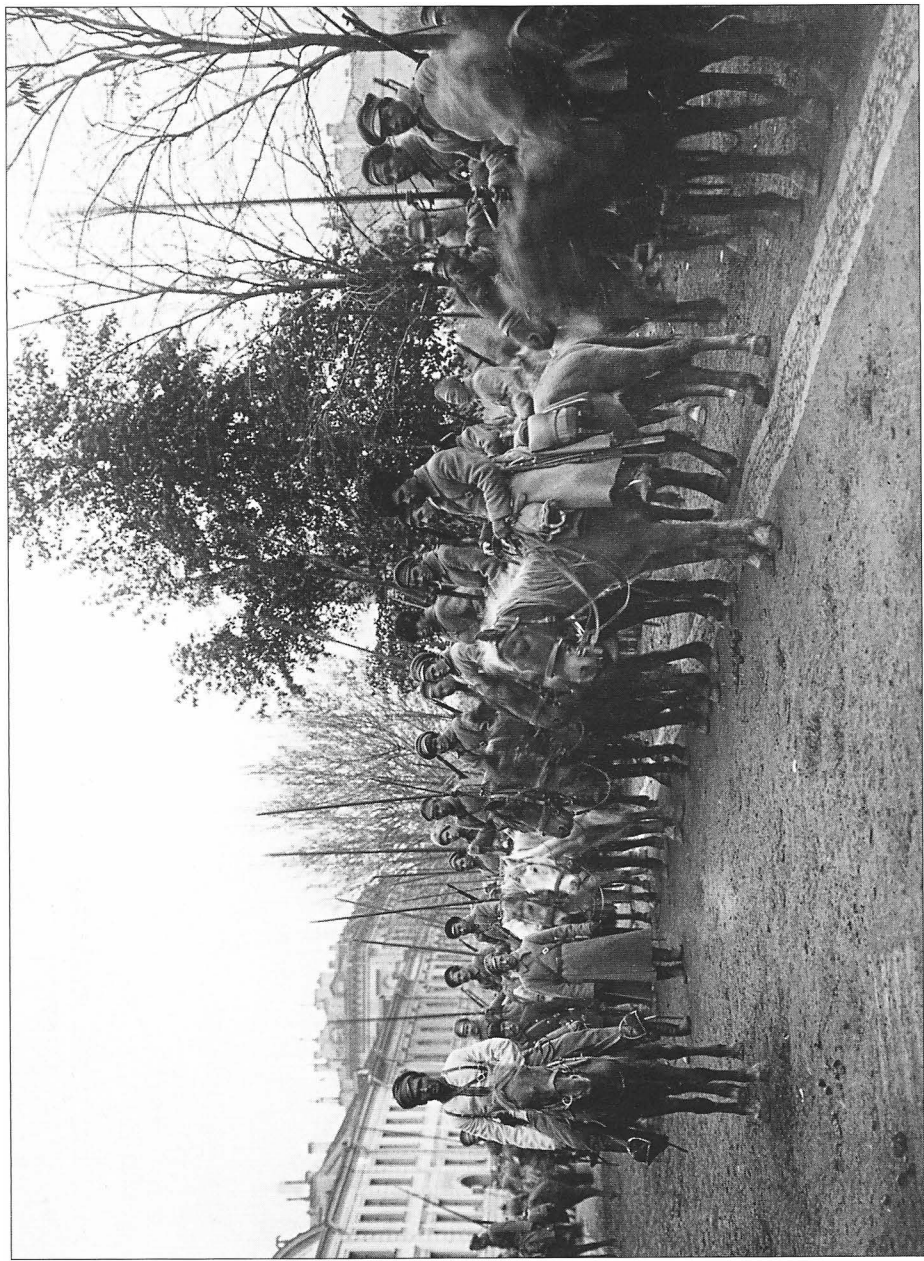

Китайские интернационалисты из охраны Смольного. Петроград. 1918 г.

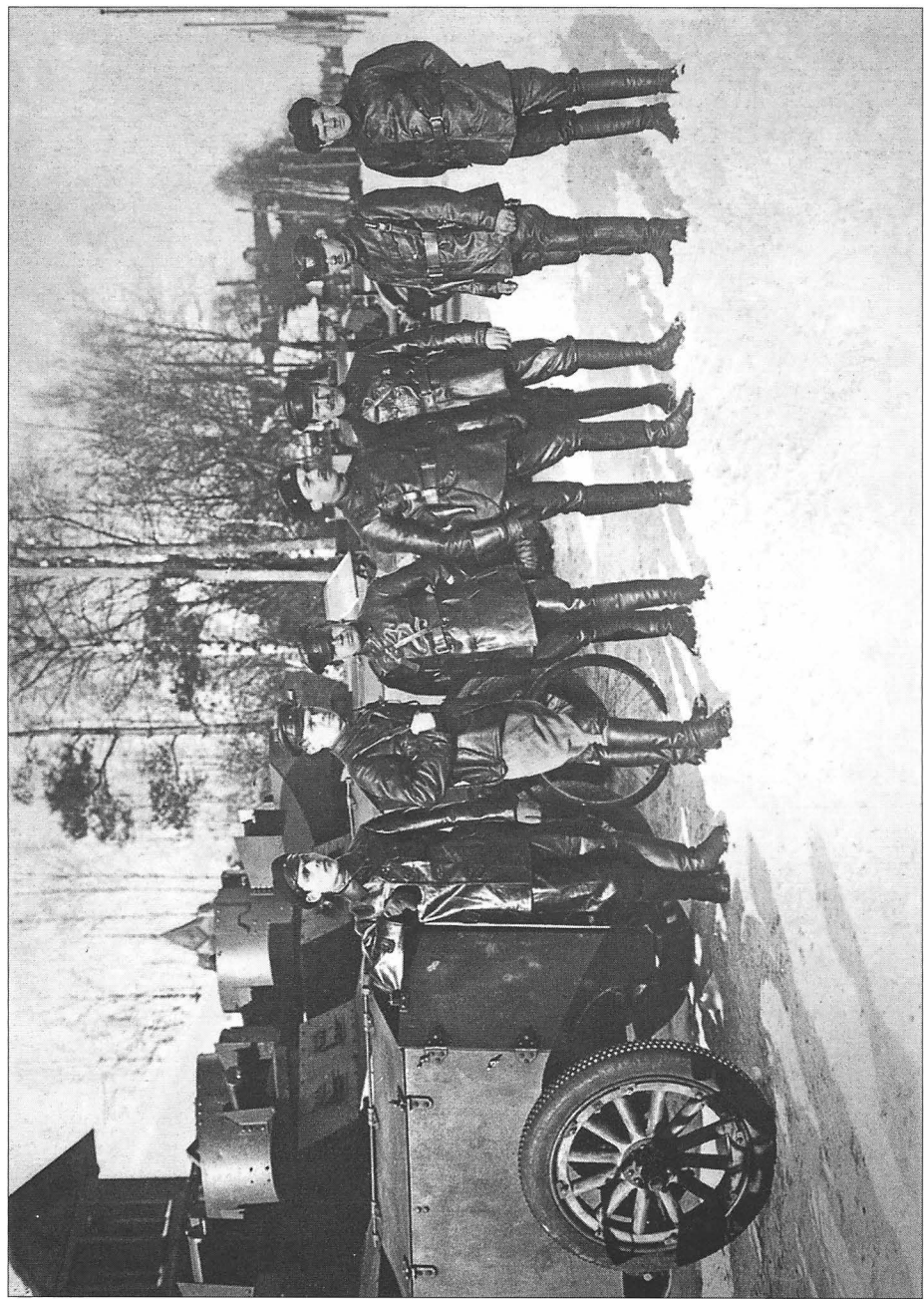

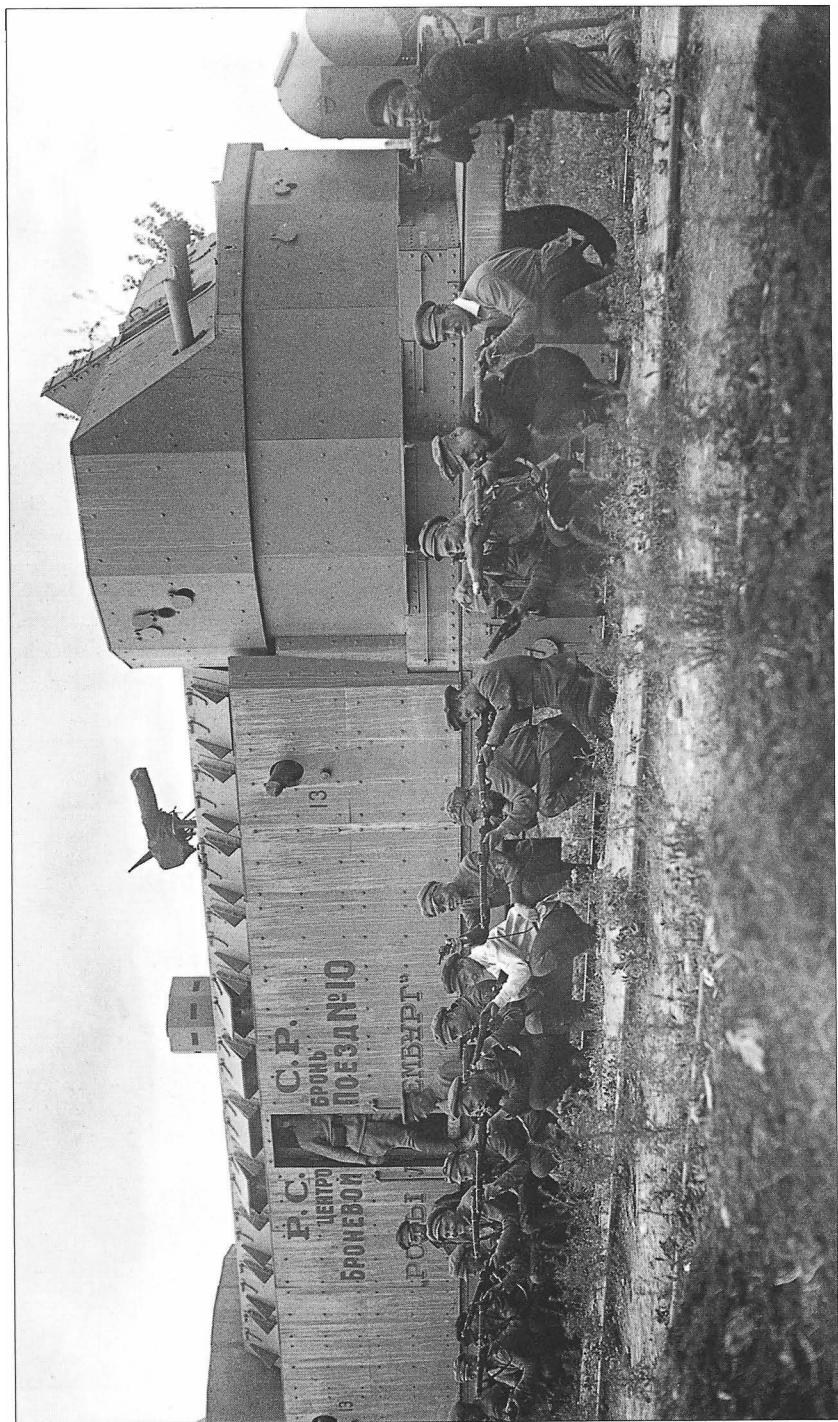
Санитарно-боевой отряд коммунарок. 1919 г.

3-й Башкирский кавалерийский полк перед отправкой на фронт. Петроград. Октябрь 1919 г.

Красноармейцы 7-го автобронепоезда с броневидами. Петроград. 1920 г.

Учебные занятия команды бронепоезда № 10 им. Р. Люксембург. Туркестан. 1920 г.

Корнет Уланского Его Величества полка
В.Н. Зарубаев. Варшава. 1902–1903 гг.
Государственный архив Тамбовской области.
Публикуется впервые

Бывший полковник В.Н. Зарубаев –
военный специалист РККА. 1919–1920 гг.
Государственный архив Тамбовской области.
Публикуется впервые

Командующий Северной группой войск
Восточного фронта бывший полковник
В.И. Шорин возле стеной карты боевых
действий. 1919 г.

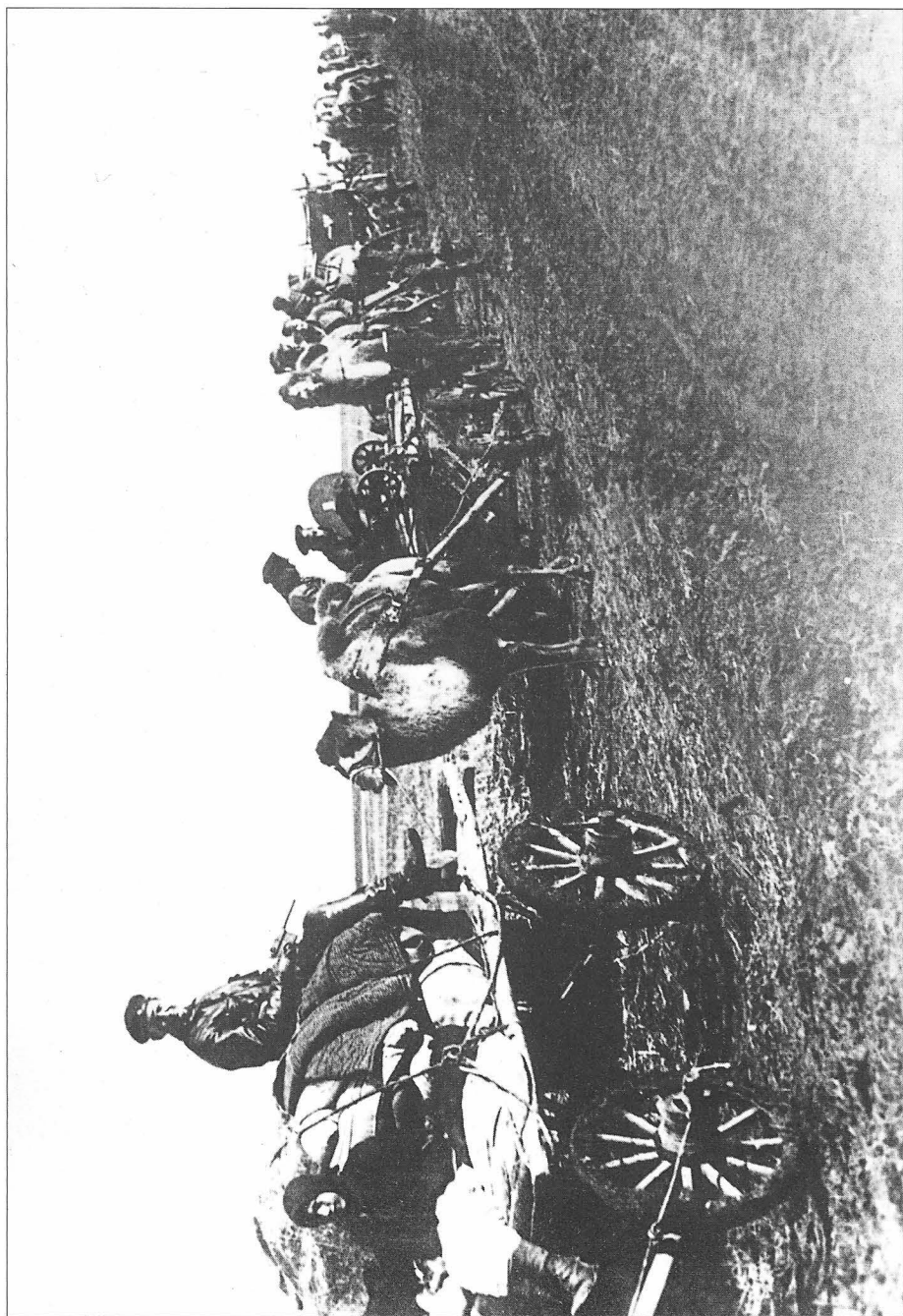
Генерал А.П. Николаев, казненный белыми
за отказ перейти к ним на службу.
Архив Ю.Ю. Мажурина

Группа перебежчиков из денкиннской армии. Южный фронт. 1919 г.

Советский плакат. 1919 г.

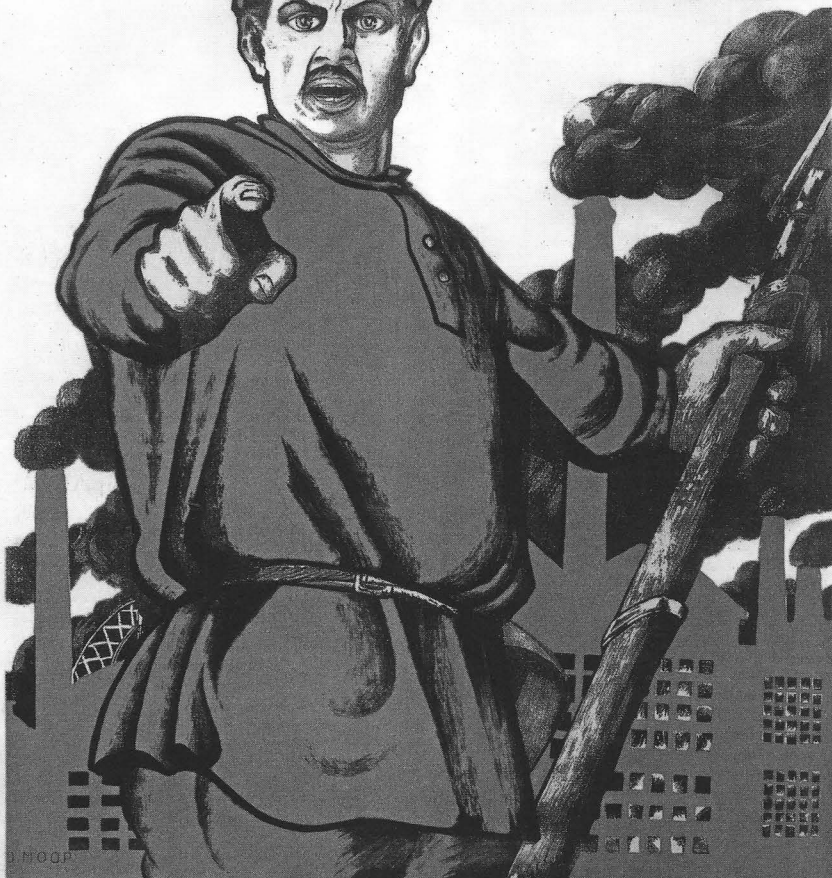
Обоз с вооруженной охраной

Р. С. Ф. С. Р.

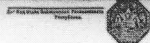
„Пролетарии всех стран, соединитесь!“

ТЫ

ЗАПИСАЛСЯ ДОБРОВОЛЬЦЕМ?

№ 100.

Плакат Д. Моора «Ты записался добровольцем?» 1920 г.

Плакат ВСЮР «Отчего вы не в армии?» ГА РФ

ЦАРЬ, ПОП И БОГАЧ

НА ПЛЕЧАХ У ТРУДОВОГО НАРОДА.

Три владыки, три господина мира едут на плечах рабочих и крестьян по тощей, разоренной земле, по гнилым и костям погибших бедняков.

Эти три владыки — царь, поп и жадный, ненасытный богач-капиталист.

В руках у капиталиста — бич, на боку у него висит меч, покрытый кровью. Вичом он хлещет рабочий народ, заставляя тащить проклятую пошу. Мечом он гонит народ на войну, на бойню. Пущая бедняки завоеуют ему в чужих странах новые земли и богатства.

Так было раньше в России. Теперь рабочие и крестьяне сбросили жадных ворованов. Но во Франции, Англии, Америке короли, попы и богачи

еще уцелели. Они гонят теперь свои полки на Россию, хотят помочь царскому отродью, попам, кулакам снова сесть на шею русского народа.

Рабочие и крестьяне! Хотите ли вы опять проливать для грабителей пот и кровь? Хотите ли жить в голоде и холоде и отдавать бездельникам все свои богатства? Хотите ли опять катать на своих плечах царя, попов, помещиков, богачей?

Если не хотите, сбивайте покровителей иностранных королей и богачей. Умоляйте Советской власти, давайте новую Армию! Поднимайте все оружие, хлеб, работы, солда

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

— Пролетарии всех стран, объединитесь!

ПУТЕШЕСТВИЕ КОМИССАРОВ ПО СОВЕТСКОЙ РОССИИ ВЪ 1919 ГОДУ.

Комиссаръ Троцкий (онъ-же Левка Бронштейнъ)—„Ну ты русская крестьянская мужицкая дрянь, носи меня скорѣ!“

Белый плакат «Путешествие комиссаров по Советской России в 1919 году»

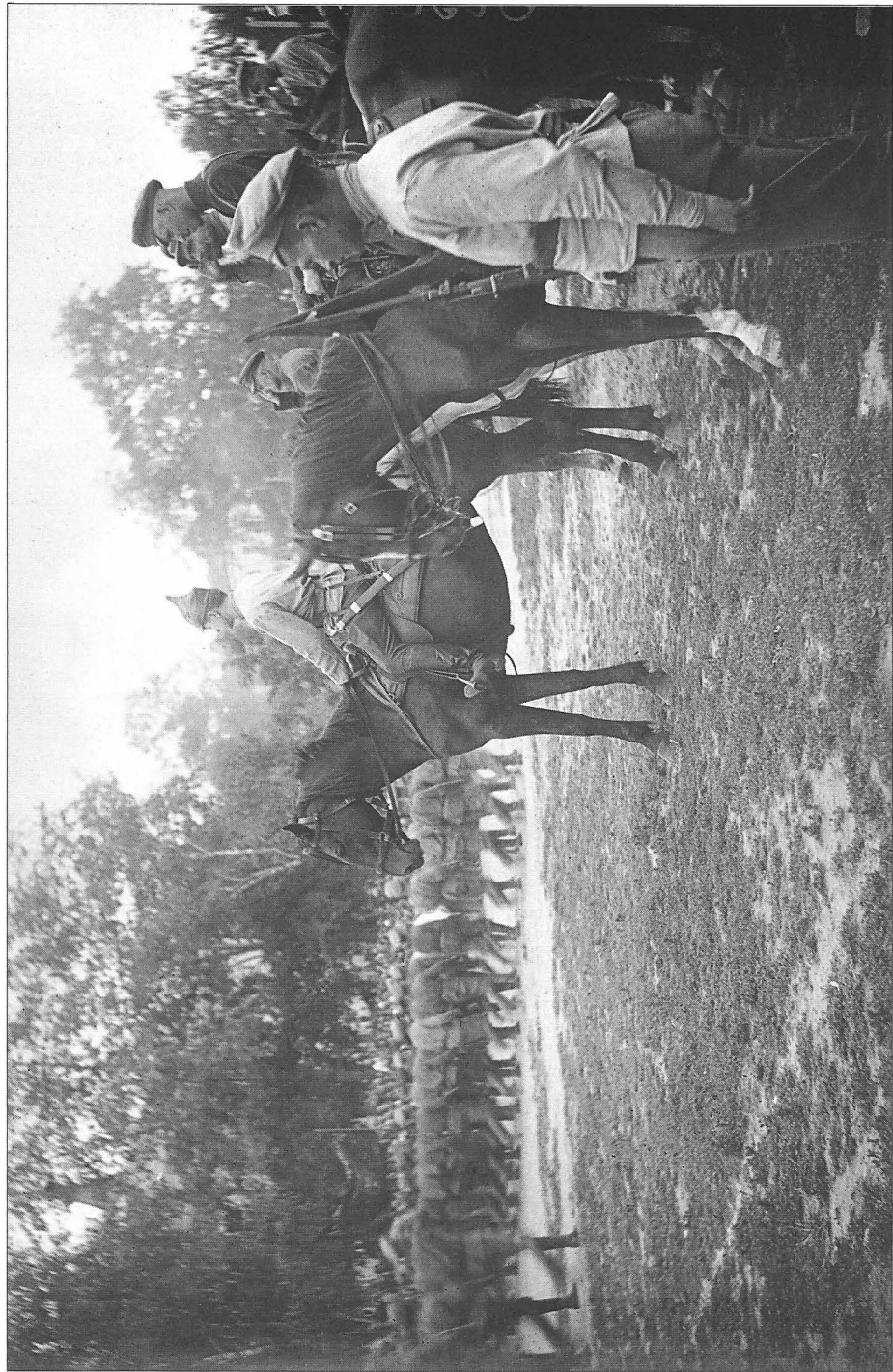
Штаб 9-й советской армии и Кавказского фронта. Екатеринодар. 1920 г.

Наглядная агитация белых на здании городской управы Екатеринослава.
На балконе генерал А.Г. Шкуро. Июнь 1919 г.

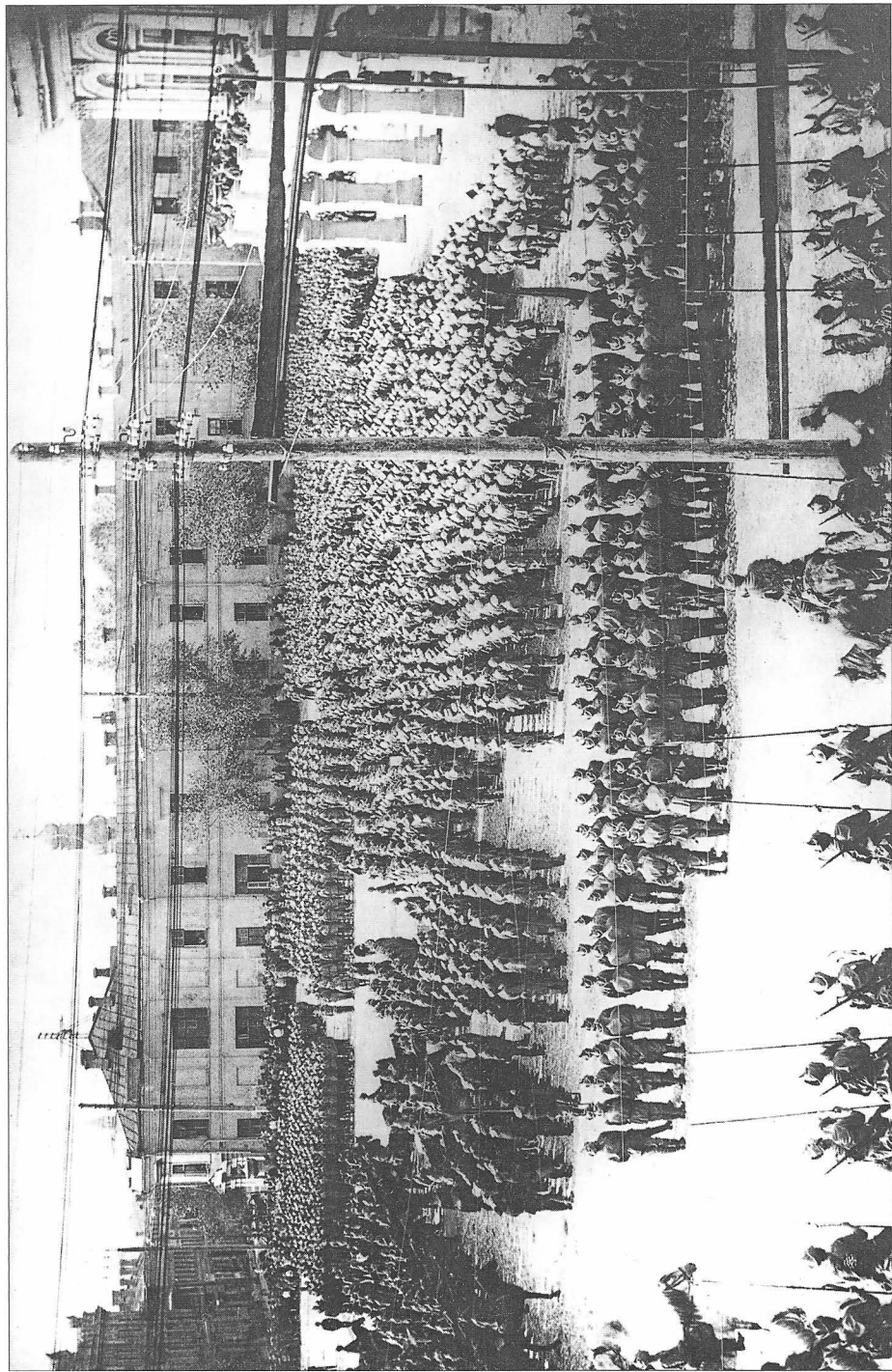

Передвижной агитпункт Западного фронта. 1919 г.

М. Н. Тухачевский принимает парад. 1920 г.

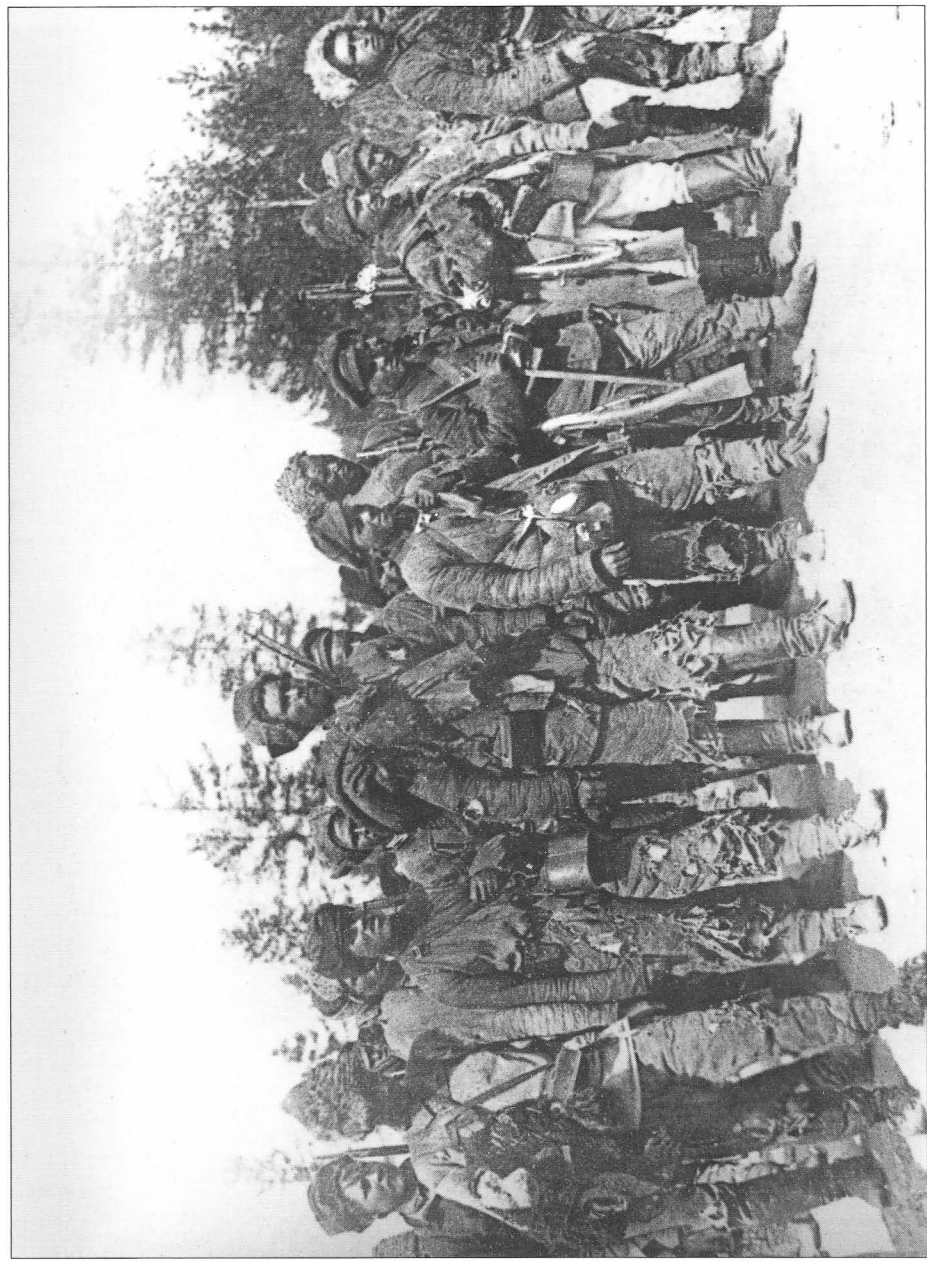

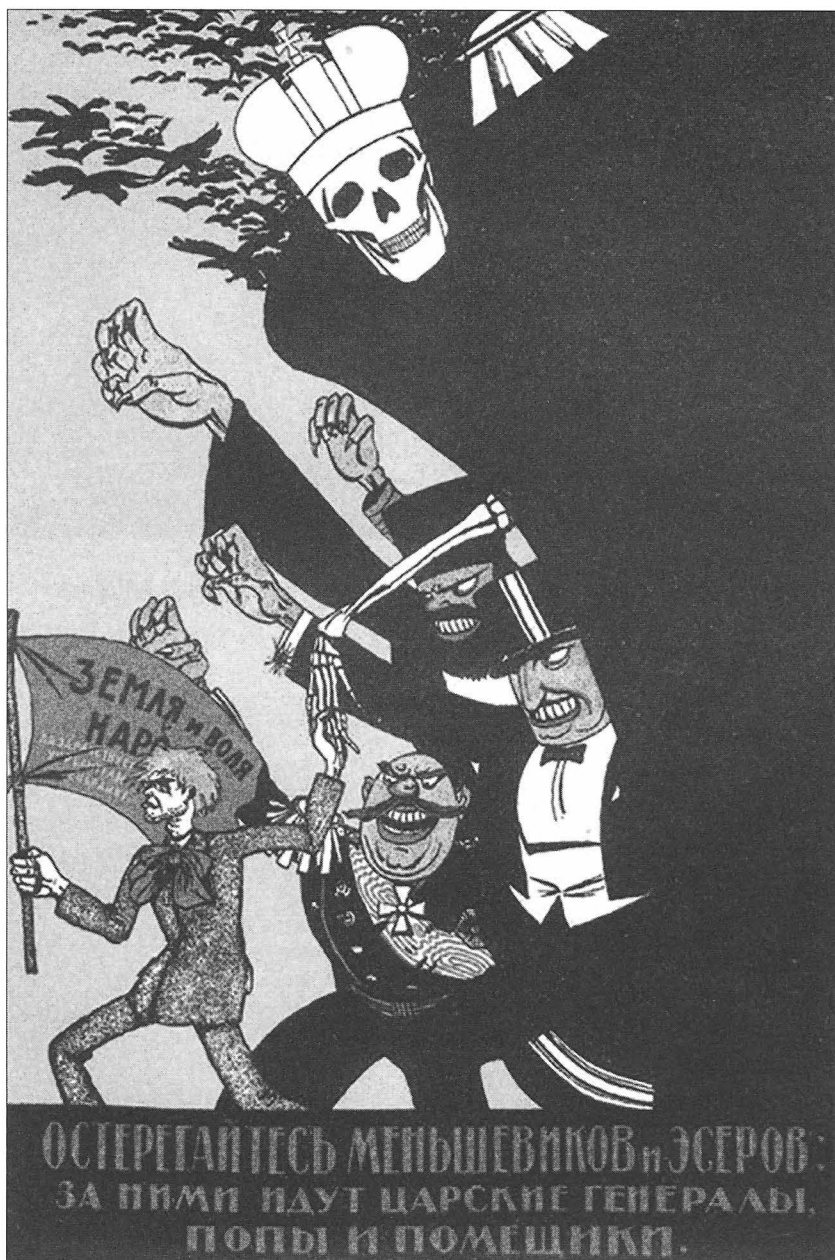
Огневая бригада на параде. Казань. 1920 г.

М.В. Фрунзе в Бухаре. 1920 г. РГВА. Публикуется впервые

Бойцы 12-го полка Народно-революционной армии Дальневосточной республики. 1921 г.

Плакат «Остерегайтесь меньшевиков и эсеров». 1920 г.

Генерал М.В. Алексеев

Генерал Л.Г. Корнилов

Генерал А.М. Каледин

Генерал А.И. Деникин

Полковник М.Г. Дроздовский

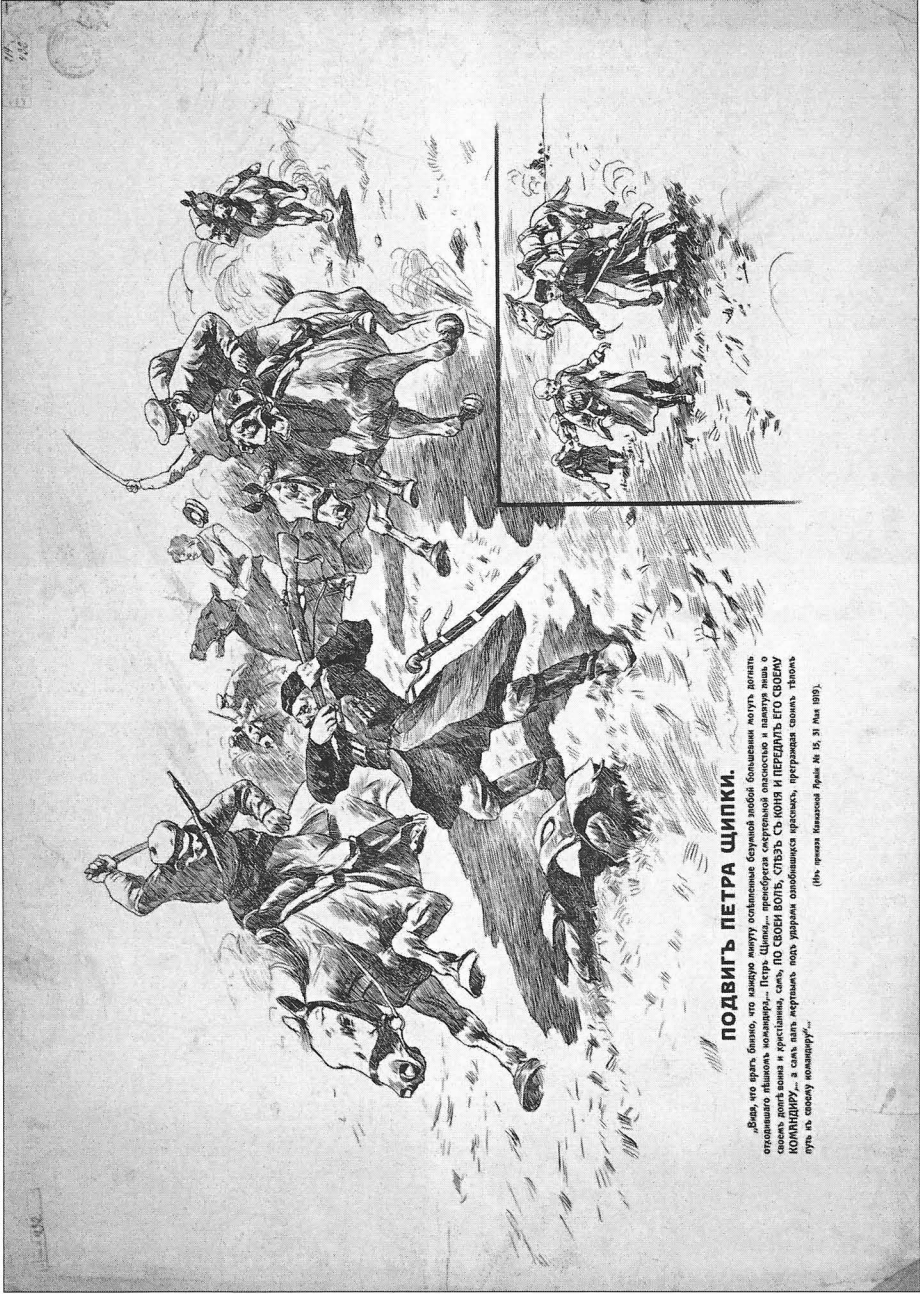
Генерал А.П. Кутепов

Белый плакат с изображением генерала
А.Г. Шкуро. ГА РФ

Генерал К.К. Мамантов. ГА РФ

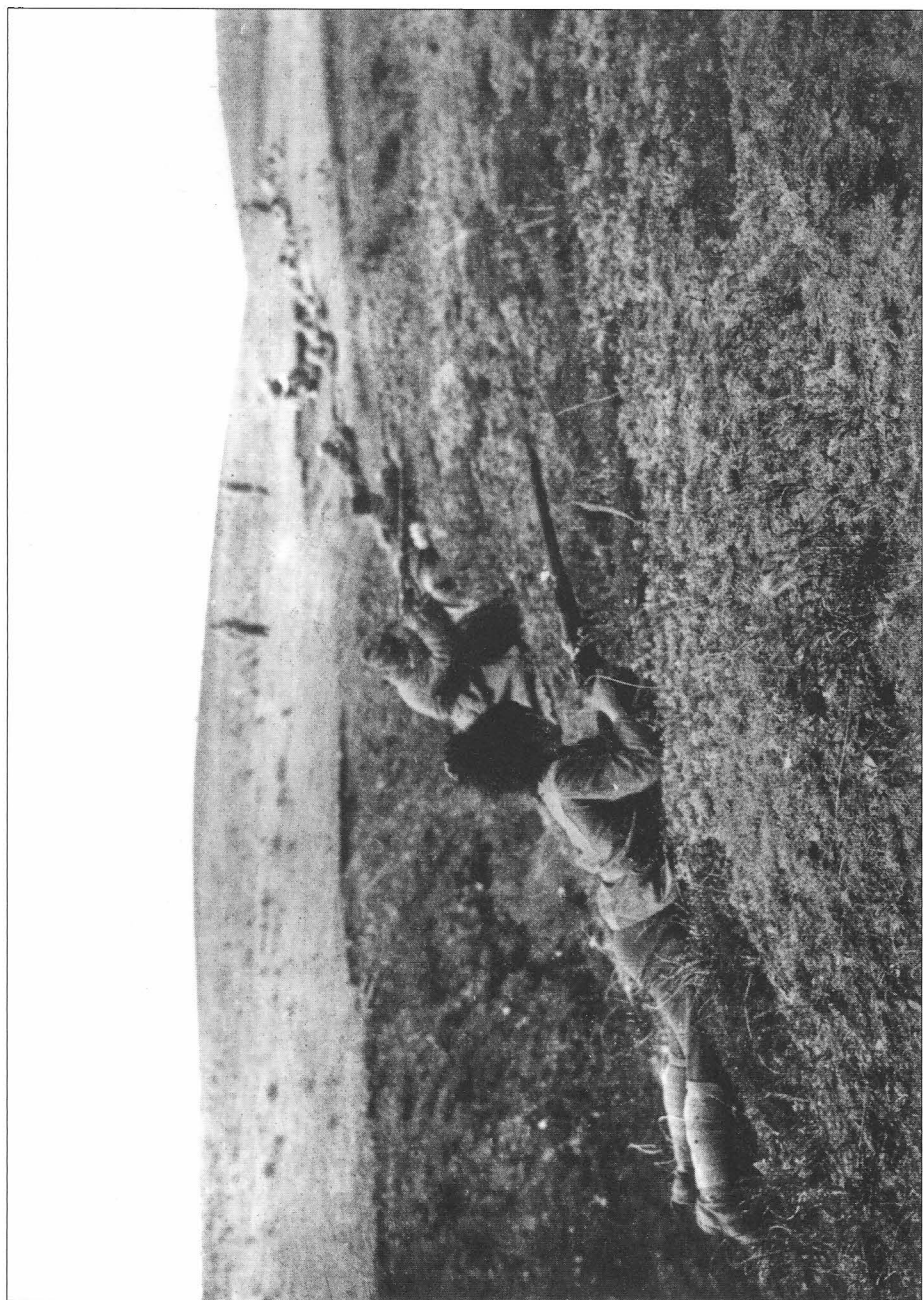

ПОДВИГ ПЕТРА ШЧИПКИ.

„Видя, что враг близко, что лавину ослепленные бурей любой болячкой могут дрыгать
отчаянно ошопить козлами... Петр Шчипко... прообрел секретной оловяшкой и шашуртэ лавы, о
после дождя ковы и хрустально, сая, ПО СВОЕЙ ВОЛЕ, СПЕВЪ СЪ ЮМЪ И ПЕРЕДЪТЬ ЕГО СЪ ОУДО
КОМАНДЪРЪ. А затемъ, перешагнувъ подъ ударами ослепленных враговъ, устранивши ослепъ, Шчипко
отъ въ сторону козлами...“

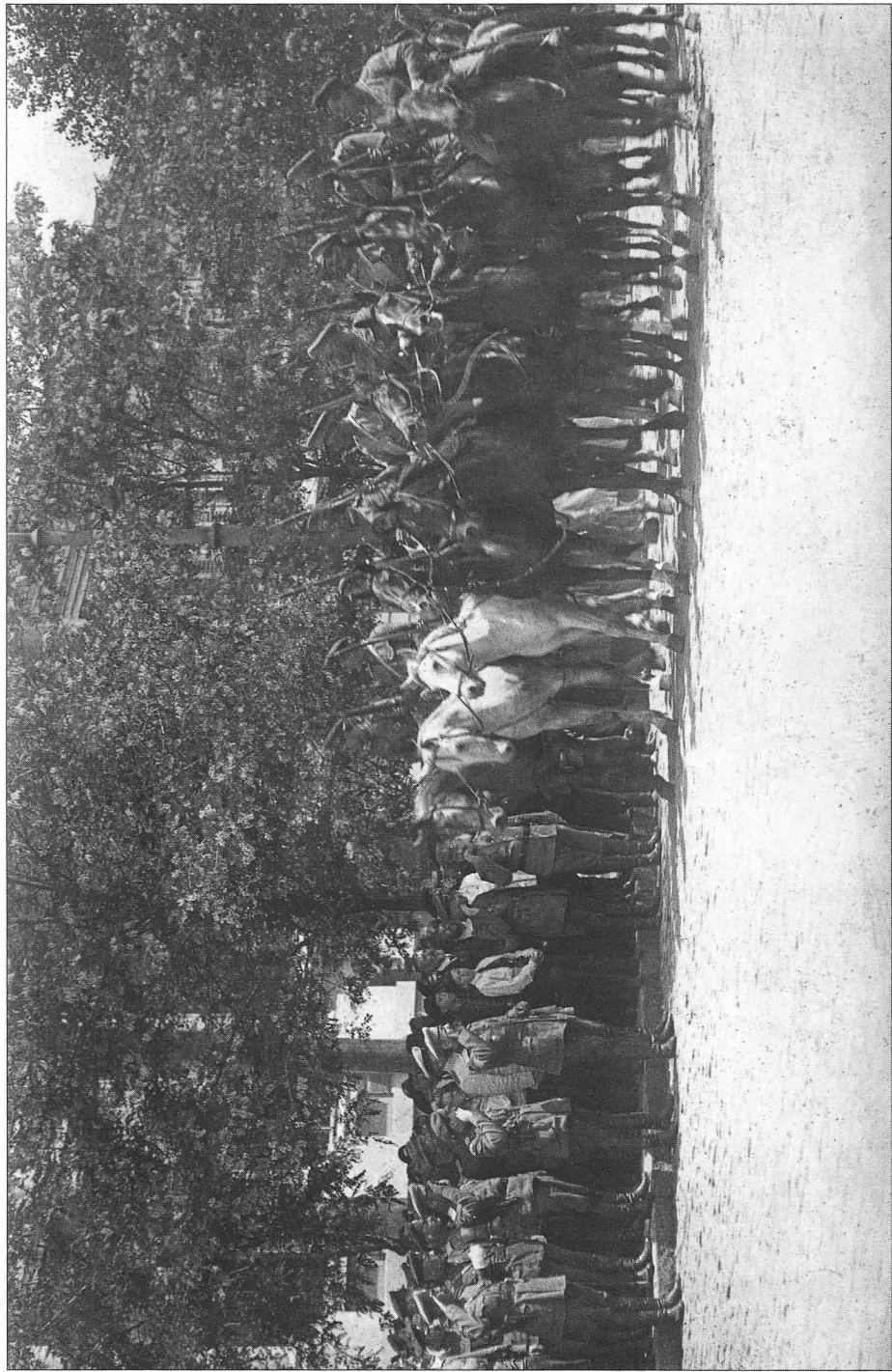
(Изъ журнала Народное Слово № 16, 21 Мая 1919).

Белый плакат «Подвиг Петра Щипки». 1919 г. ГА РФ

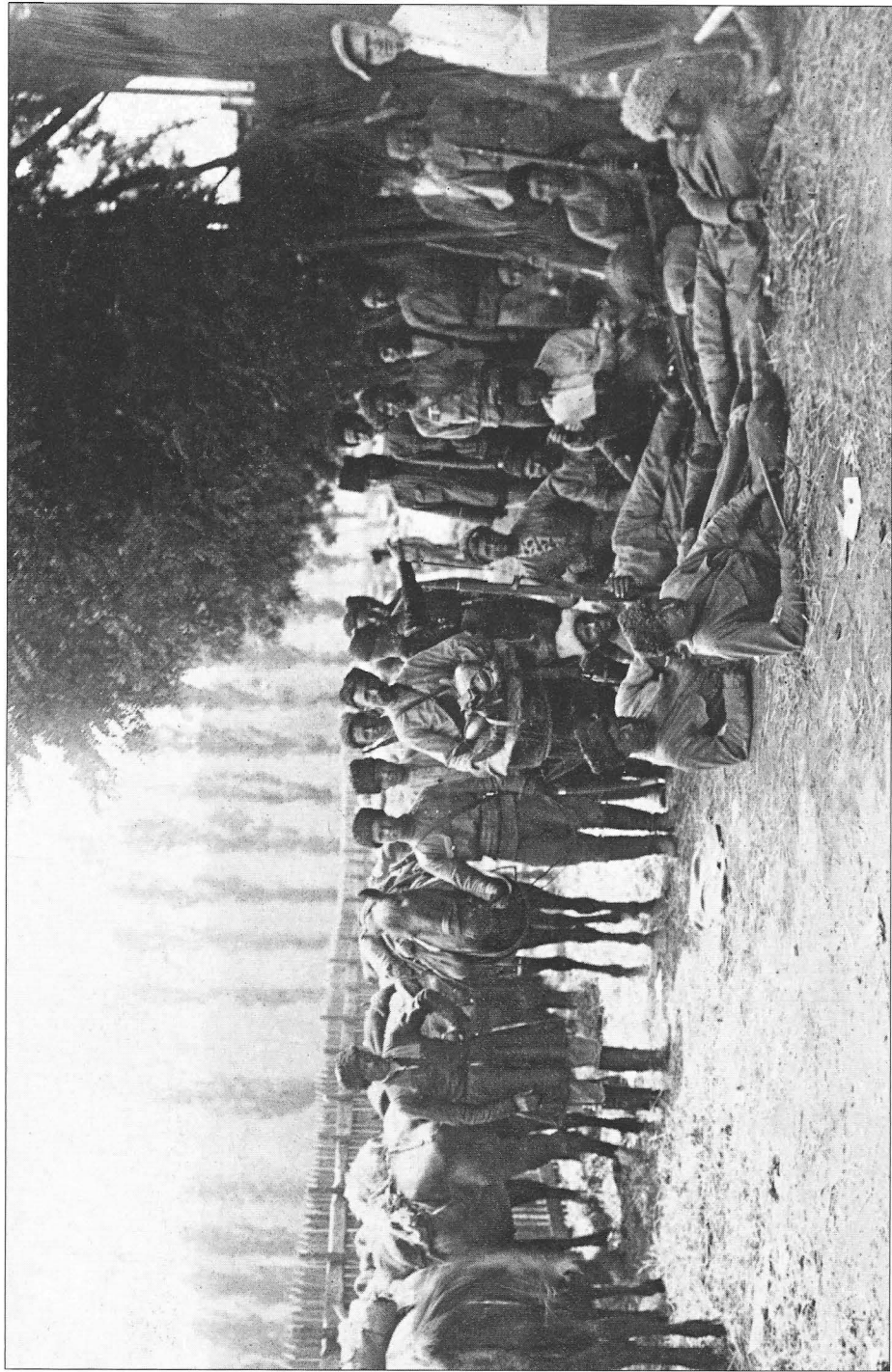

Цель пластунов. Юг России. 1919 г.

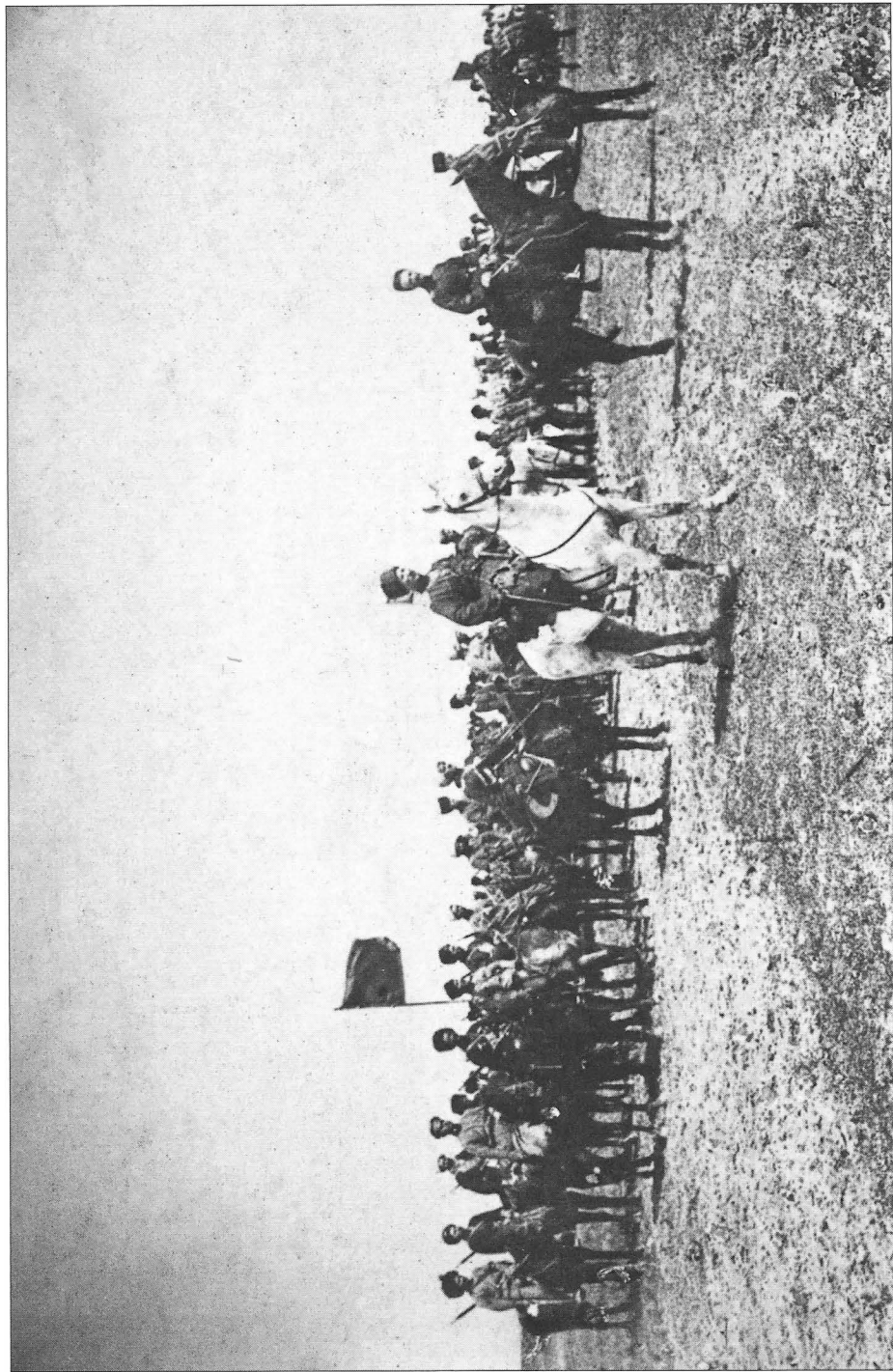

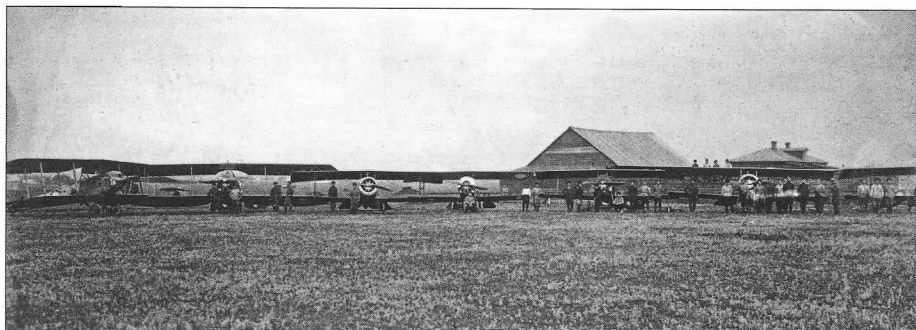
Конница белых на параде. Ростов-на-Дону. 1919 г.

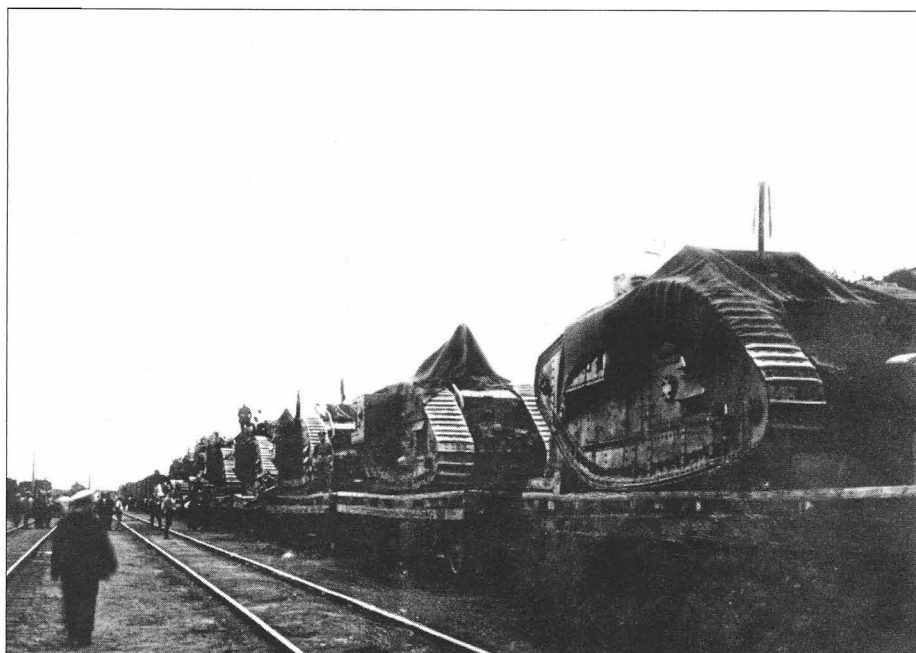
Конница белых на отдыхе. Екатеринослав. 1919 г.

Карачаевский полк Сводно-горской дивизии ВСЮР под Царицыном. 1919 г.

Авиаотряд Донской армии. 1919 г.

Эшелон британских танков на Юге России. 1919 г.

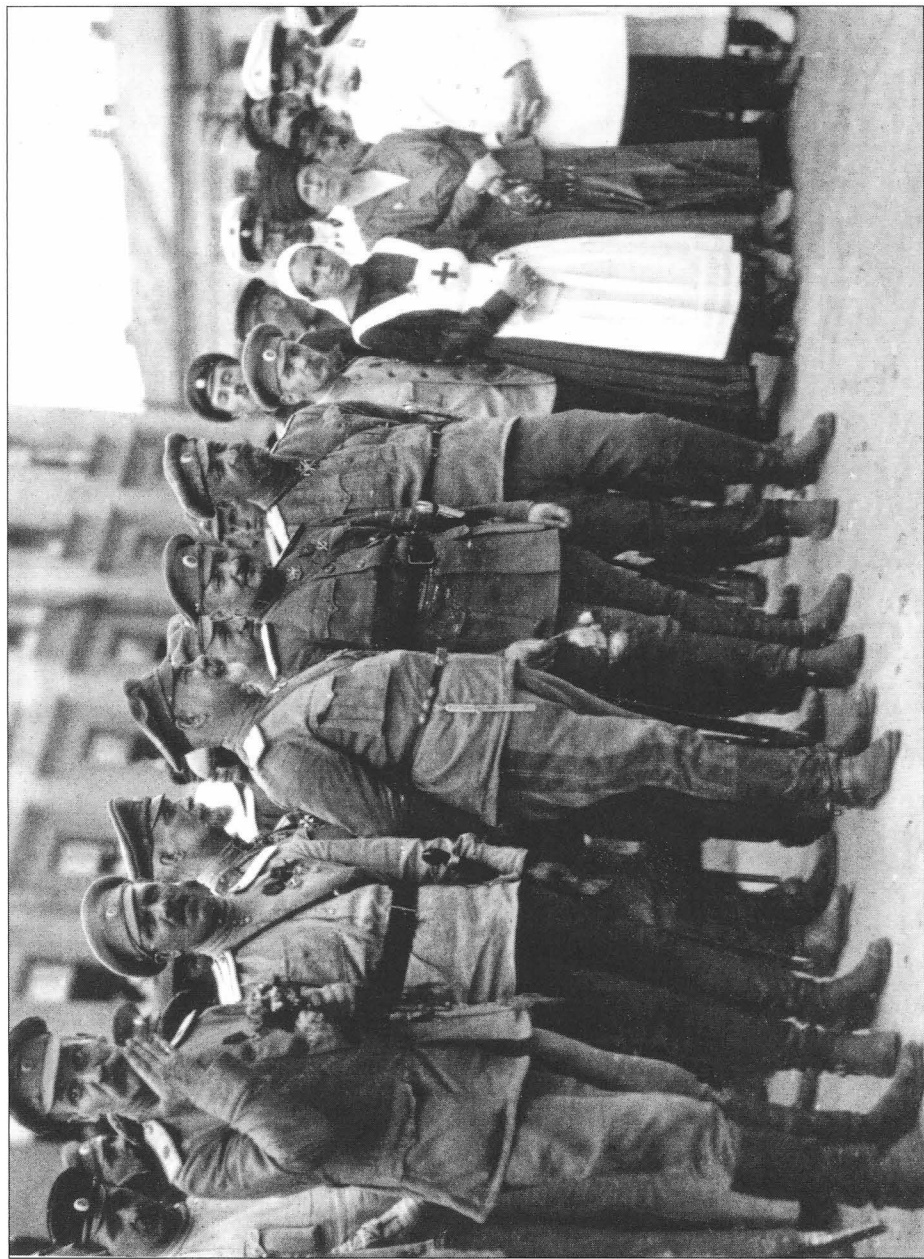
Бронепоезд ВСЮР «Единая Россия». 1919 г.

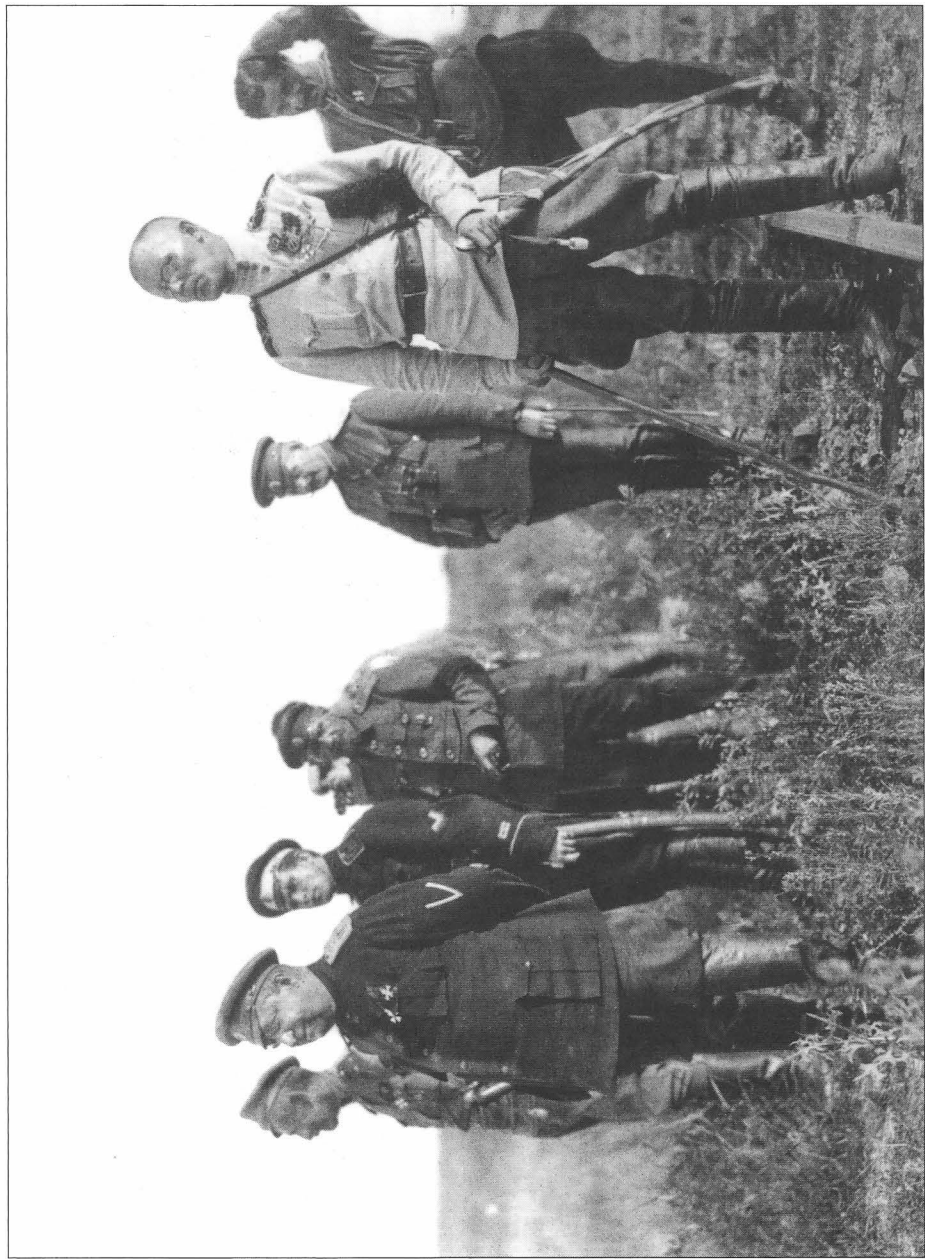
Самый маленький корниловец Федя Иващенко.
НИА. Публикуется впервые

Юный доброволец на Юге России

Генералы А.И. Деникин, И.П. Романовский и Ю.Н. Плещевский-Плющик на параде в Харькове. 1919 г.

Генералы В.З. Май-Маевский и Н.С. Тимановский на фронте. 1919 г.

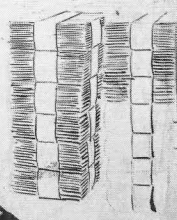
Генерал П. Н. Врангель на параде в Царицыне. 1919 г.

Ростъ
Добровольческой
Армии.

Сотни тысячъ

200 человекъ
и
400 рублей

Белый плакат «Рост Добровольческой армии». 1918–1919 гг. ГА РФ

ГОРСКО
МУСУЛЬМАНСКИЙ
КОТЫЙ ДИВИЗИОНЪ
ПОЛКОВНИКА ПУЖОВСКАГО
ПРИГЛАШАЕТЪ
ДОБРОВОЛЬЦЕВ
МУСУЛЬМАНЪ
ГОРЦЕВЪ.
Запись:

فجسبيل الحق في القتال والجدالة.
أجرباً التائبين! -
وئيس للوزيون (قسمين التوفيق)
المسلمين الجليلين. بن الدمير وفتنسى ارميه
بالقوة نك دوق مسك يدعو لشبان
المسلمين في صف مسكروا لاجيا ابتراكهم والخط
بهم فيه.
للأمننا:

فخذوا ناه، تا بزه، ميمقاغهم حماكه .
تج دهس ادغه - مساهن، شو ديزدو
ه، برو و فليستقه تا و م صمو په لكونك
بوقوش سقام بين نوم زتقير غة لقه
ژی، قو وگه .
زته ز تخمته ر:

حترق، شرتيب و طو فريلق او پورن .
طا و لرح سلمان يا شترى!
دا برا و فليستقه تا و م صمو په لكونك
المسلمين الجليلين. بن الدمير وفتنسى ارميه
بالقوة نك دوق مسك يدعو لشبان
المسلمين في صف مسكروا لاجيا ابتراكهم والخط
بهم فيه.
للأمننا:

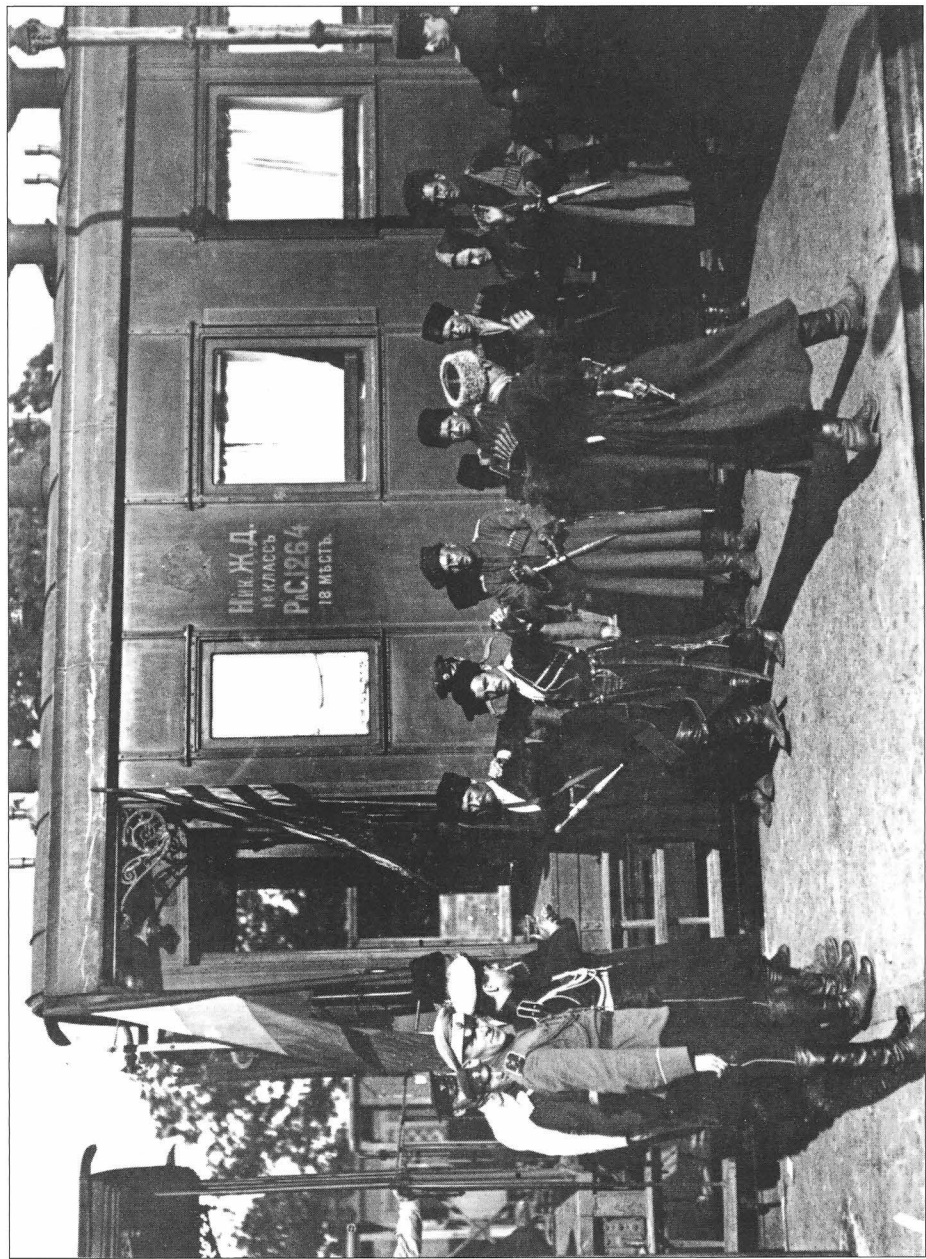
Белый плакат «Горско-мусульманский конный дивизион приглашает добровольцев мусульман и горцев». ГА РФ

Генерал-лейтенант П. Н. Врангель. Эскиз плаката. 1919 г. ГА РФ

Перевоска корниловцев по железной дороге. 1919 г.

Казачи конвоя генерала В.З. Май-Маевского танцуют лезгинку на отдыхе. 1919 г.

Кавказскому
Восточной Армии
Генерал-Лейтенант
1891

Милостивой Государь
Антон Иванович!

2. Кавказскому

Т. К. К. К.
Храню секретам
и прочим
И. М. М.

Во минуту касавшейся нежданной
удален Великой России, когда Армия
распалась, обижено трудилось попра-
вилось по уриане и оверувавший на-
родо грабиль и осель Поднюю Землю,
Вос подполье вынавиле нля руку
убитого Тенгана Корникова
Знамя „ спасения Родина“. Под
статье этого знамени отоскалме
ты, кто не потерял еще вероя
к спасению России, кто, впрд. к
Васа, шел за Вами на сугне-
ние Родной Земли.

Во Крестоводурашеву.
А. И.

Деникину.

Во гисел, нля бды и з. Скоро
годт, какя з. к рддаел Армии
иду за Вами, страдаю душой
при виде потопкой русской
Крови, праштвель Гражданской ру-
ков, при виде мерзости са-
муртанис Родной Земли, но не
звблело впрд к святые Суду
нее России. Слуга са Вами
одному Кавказу Дню, звы-
лес нольте огнива нля Вашиел

Подлинник письма П.Н. Врангеля А.И. Деникину. 1919 г. НИА. Публикуется впервые

П Р И К А З Ъ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЪ РОССИИ.

гор. Феодосія.

№. 2111

22 Марта 1920 г.

§1.

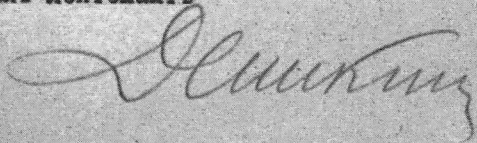
Генераль-Лейтенантъ Баронъ ВРАНГЕЛЬ назначается Главкомандующимъ Вооруженными силами на Югъ Россіи.

§2.

Воѣмъ, честно шедшимъ со мною въ тяжелой борьбѣ, низкій поклонъ.

Господи, дай побѣду А р м і и и спаси РОССИЮ.

Генераль-Лейтенантъ

Генерал А.В. Туркул

Белый плакат с изображением генерала В.Л. Покровского. 1919 г. ГА РФ

Генерал В.В. Манштейн-младший

Генерал В.К. Манштейн-старший

Эшелон Чехословацкого корпуса. 1918 г.

Группа бойцов Сибирской армии. Государственный центральный музей современной истории России (ГЦМСИР)

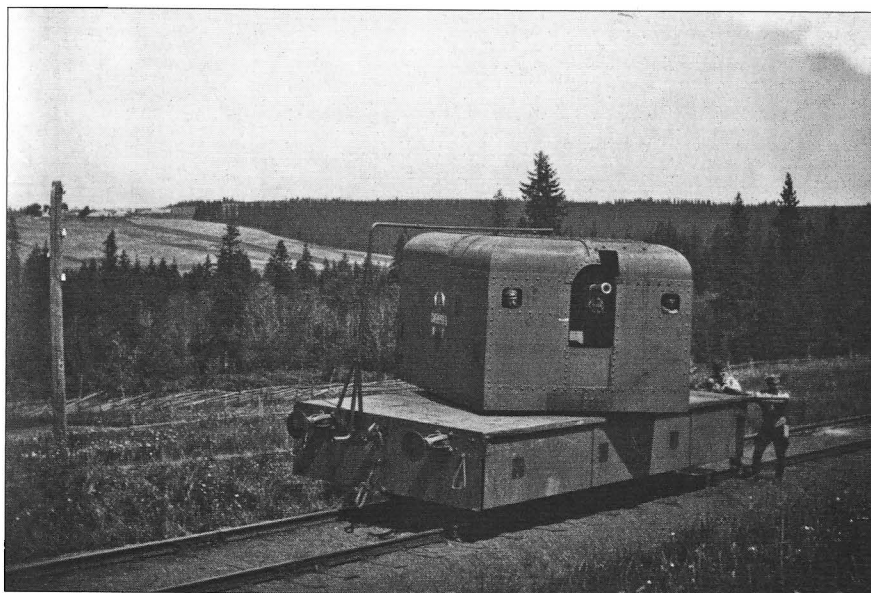
Обоз Сибирской армии. ГЦМСИР

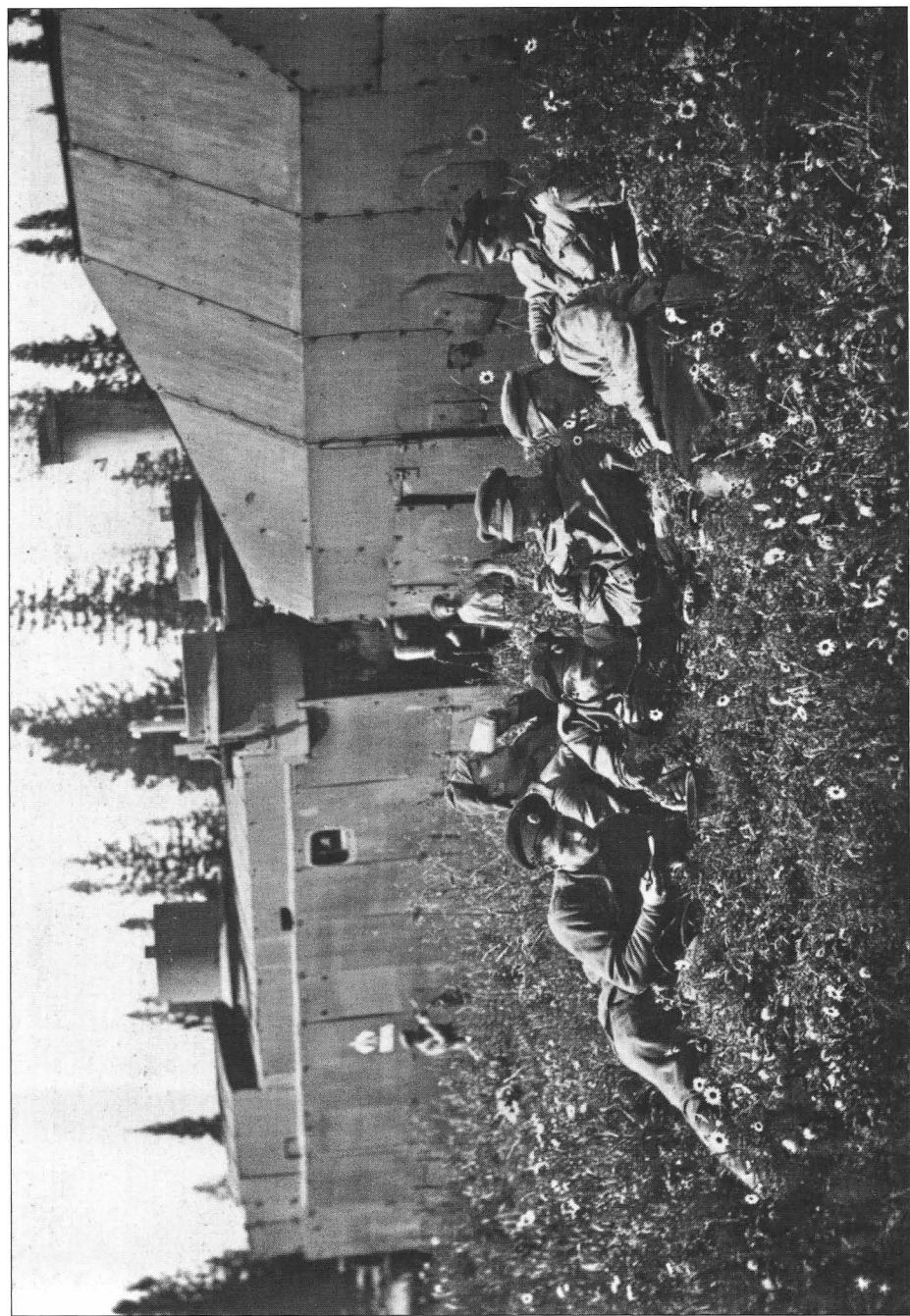
Конная группа Сибирской армии. ГЦМСИР

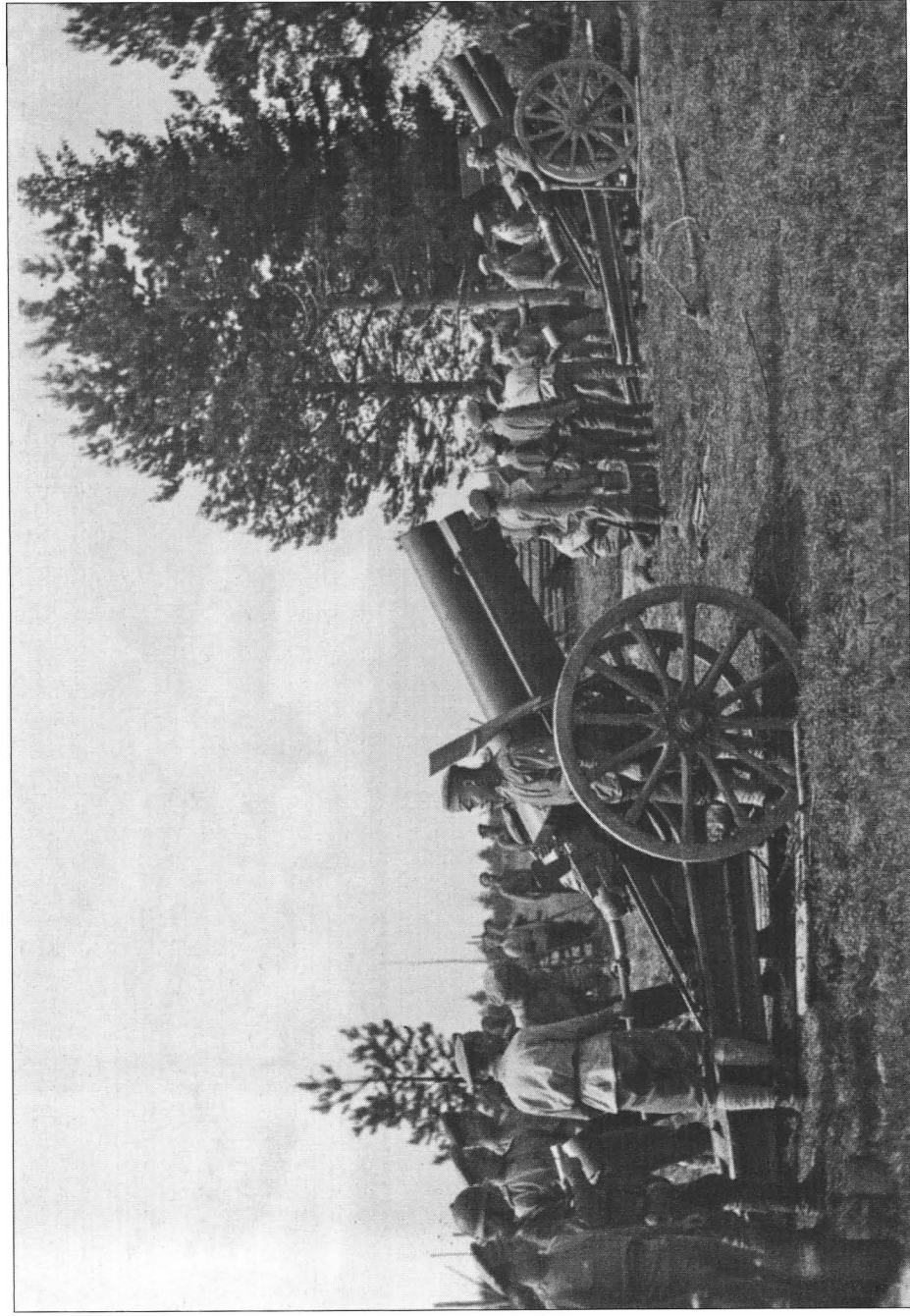
Чистка оружия в Сибирской армии. ГЦМСИР

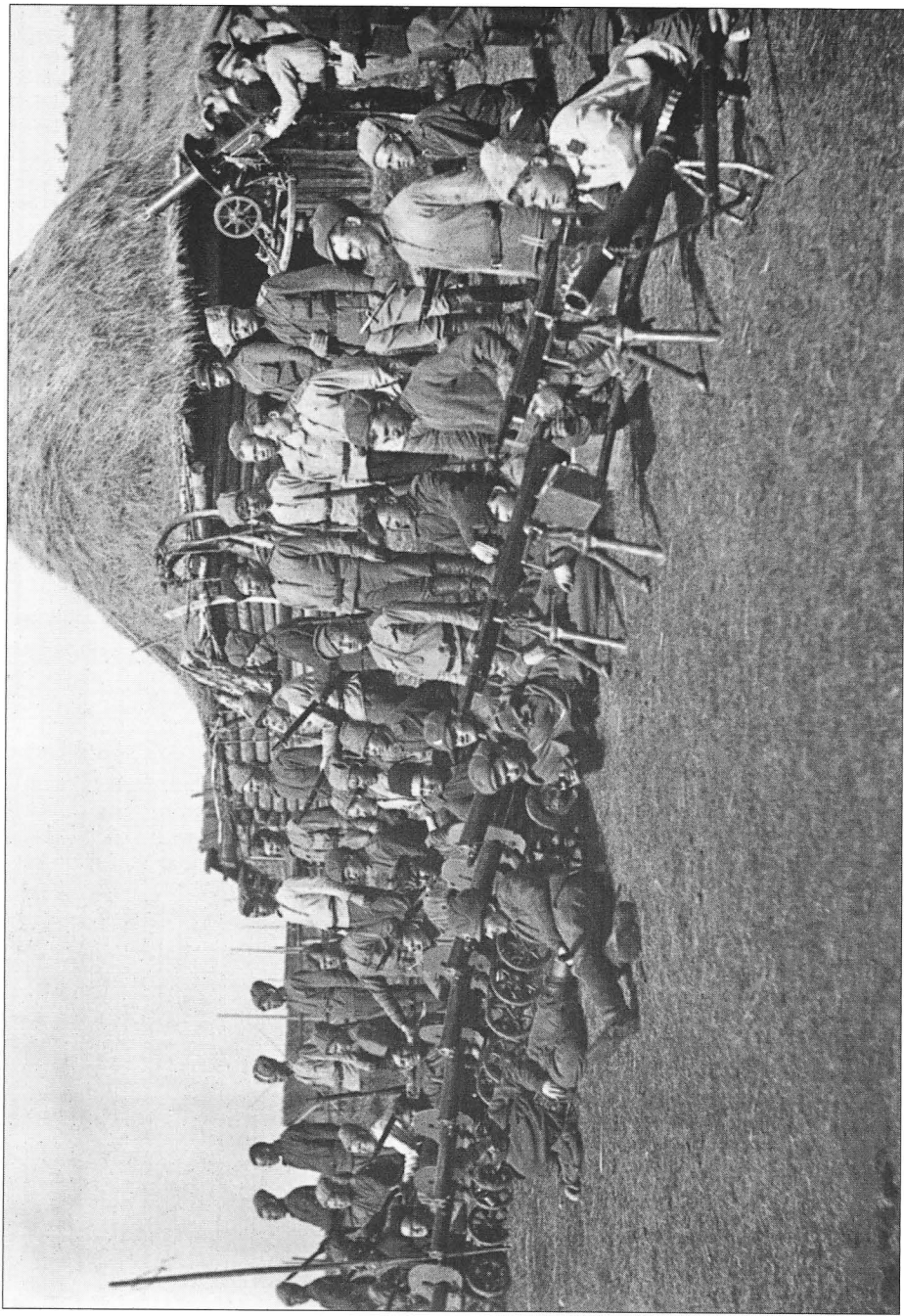
Орудие бронепоезда «Сибиряк». ГЦМСИР

Команда бронепоезда «Сибиряк» на отдыхе. ГЦМСИР

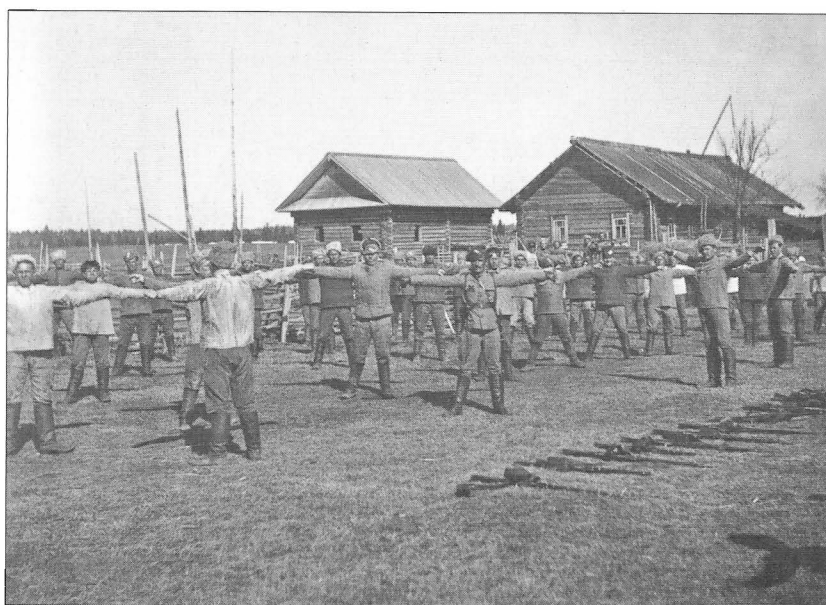
Гаубица Сибирской армии. ГЦМСИР

Бойцы Сибирской армии с пулеметами различных систем: «Максимы», «Кольты» и «Льюис». ГЦМСИР

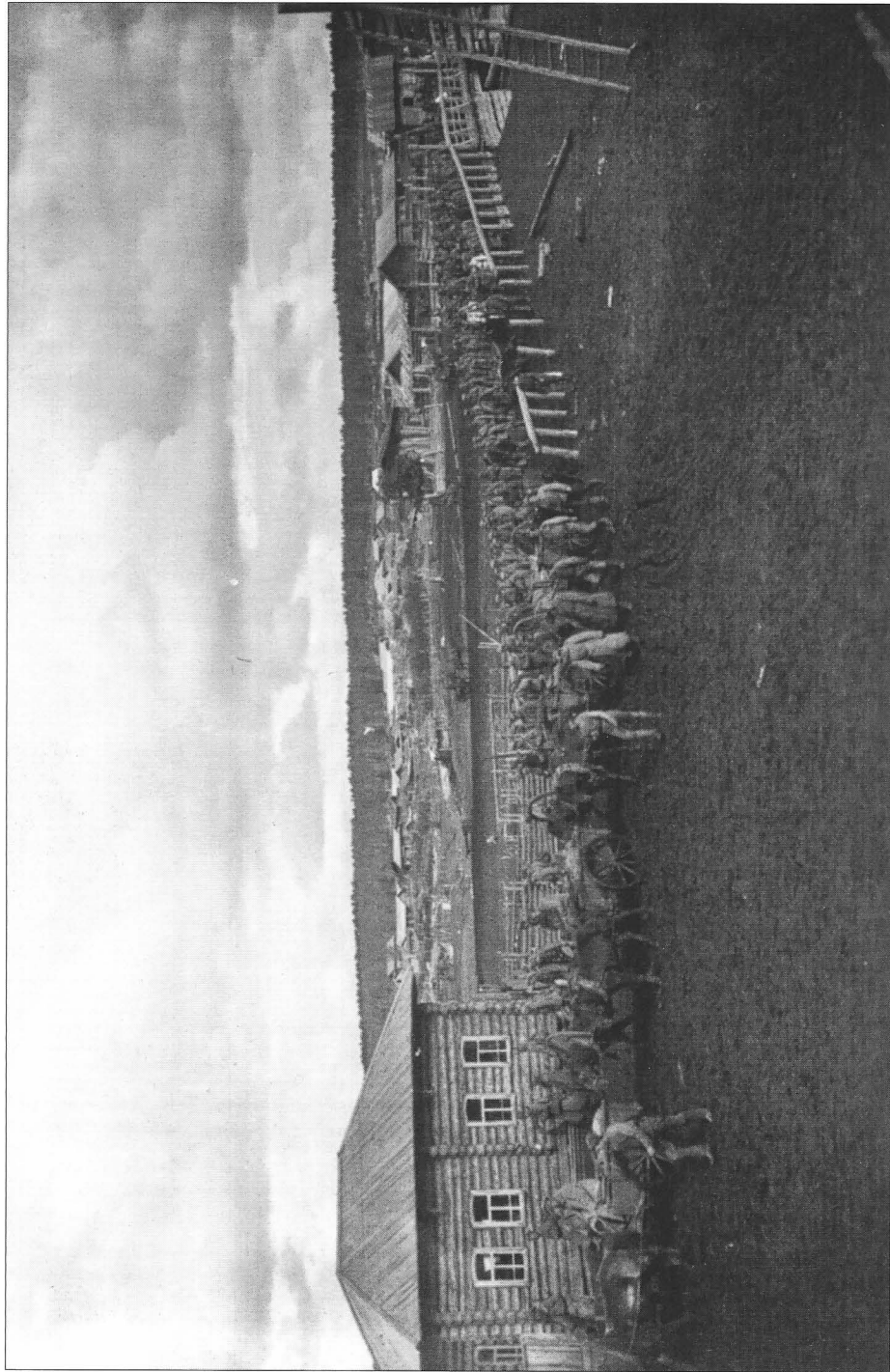

Раздача пищи в Сибирской армии. ГЦМСИР

Зарядка в Сибирской армии. ГЦМСИР

Части Сибирской армии в походе. ГЦМСИР

Атаман А.И. Дутов. ГЦМСИР

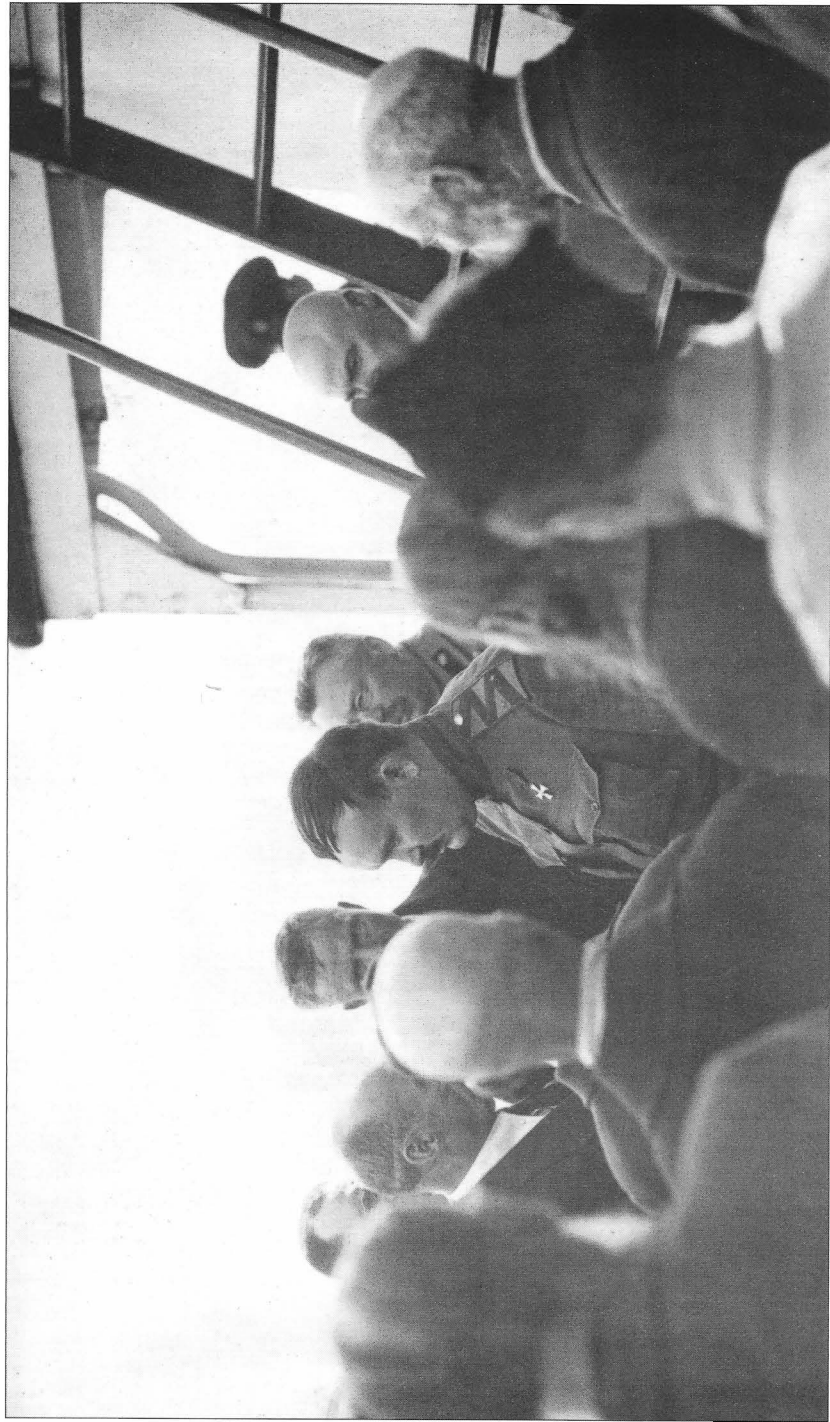
Генерал В.Г. Болдырев

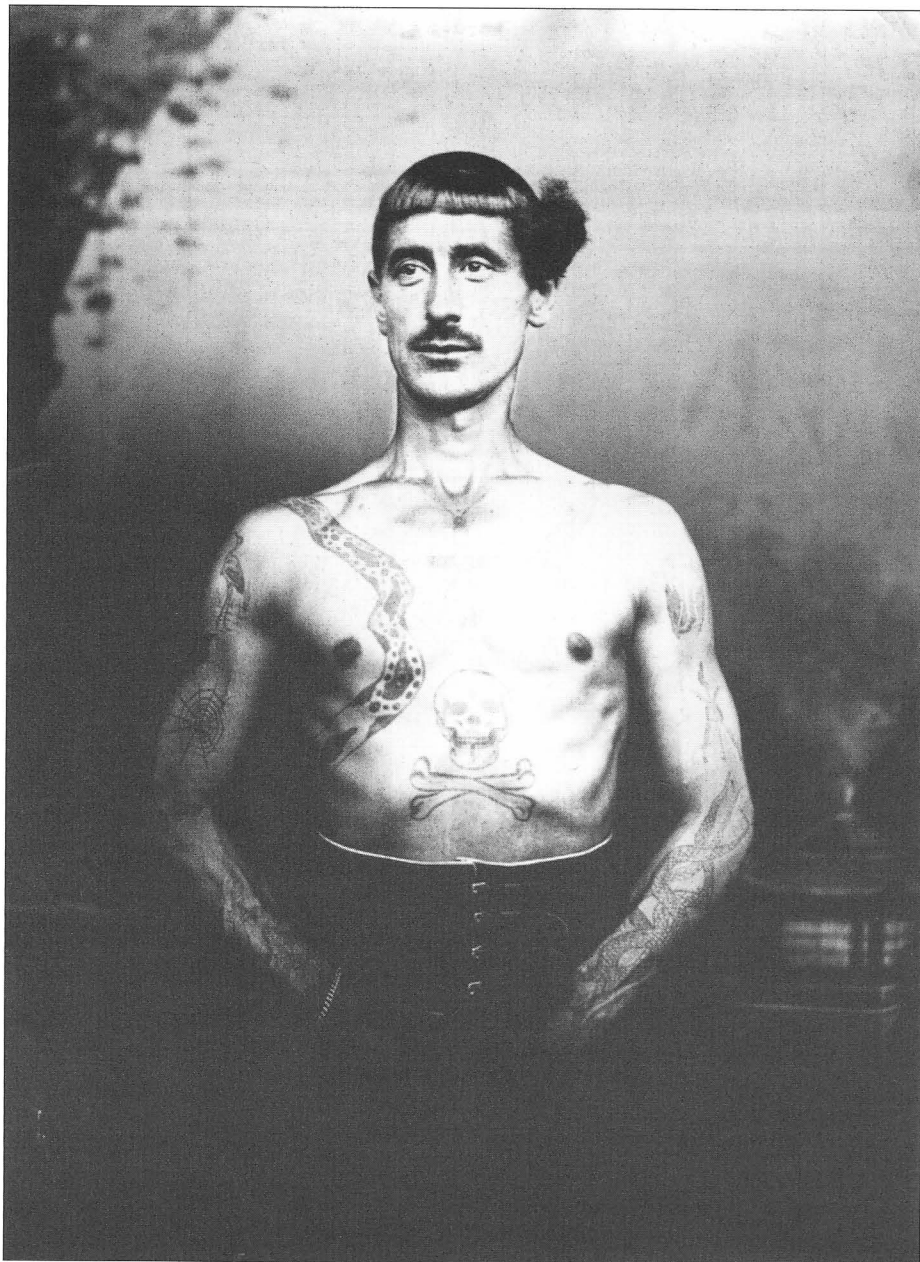
Плакат с изображением адмирала
А.В. Колчака. ГА РФ

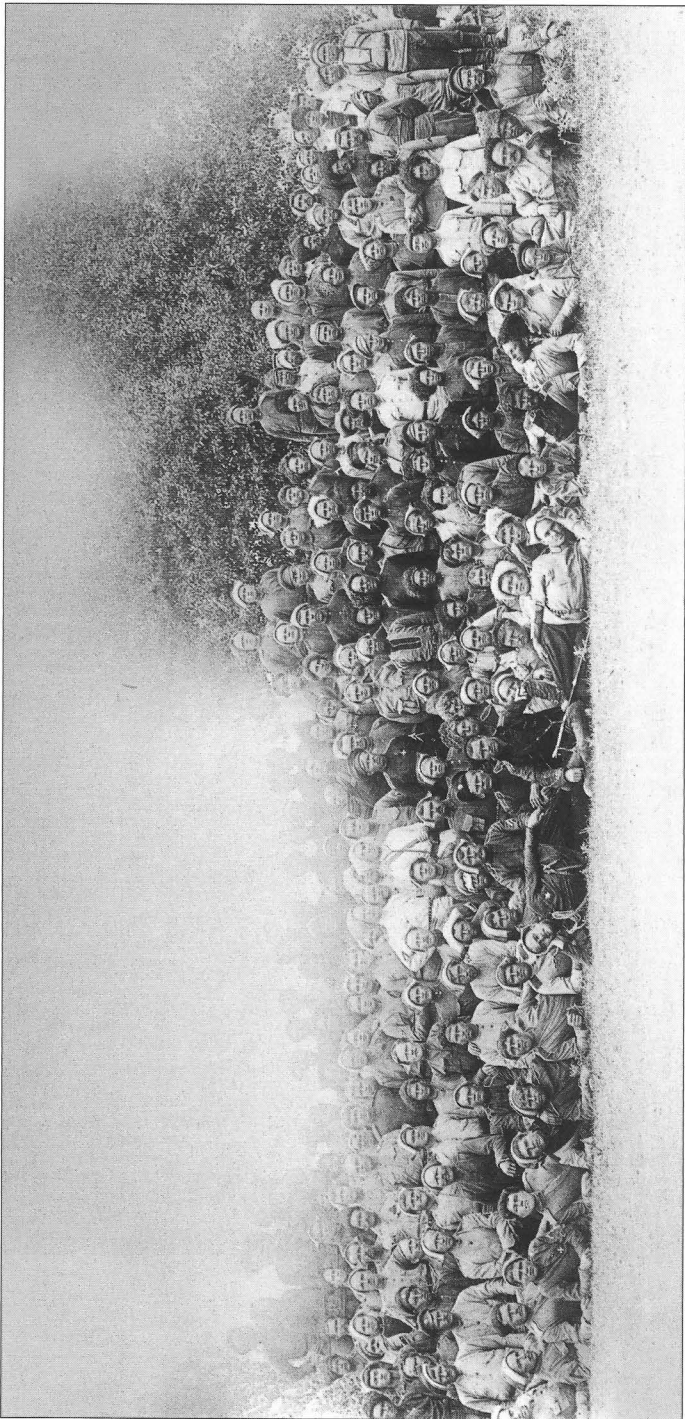
Генерал Р. Гайда

Атаман Г. М. Семенов во Владивостоке. Июнь 1921 г.

Атаман Б.В. Анненков. ГЦМСИР

Группа анненковцев из Leib-Атаманского полка. ГА РФ. Публикуется впервые

О С В Ъ Д С Т Е П Ъ
ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЙОНА ОРЕНБУРГСКОЙ АРМИИ.

ОСТАВИТЬ БѢДНѢЙШИХЪ
ПОСТРАДАВШИХЪ ОТЪ БОЛЬШЕВИКОВЪ
иностранцевъ-КИРГИЗЪ, ТАТАРЪ и БАШКИРЪ

ВЪ СТЕПИ БЕЗЪ

МАТЕРИАЛЬНОЙ
ПОМОЩИ—

—ПРЕСТУПЛЕНИЕ
передъ РОССІЕЙ!

Помогайте ИМЪ чѣмъ
можете!!!

Атаман И.П. Калмыков с одним из офицеров. РГВА.

ТЕЛЕГРАММА АТАМАНА КАЛМЫКОВА.

12 февраля 1920 года.

По радио всем, всем, всем.

Стон и вопль русского народа, вновь являющегося объектом партийного эксперимента, вновь вовлекаемого вами в анархию путем „талантливого стратегического“ движения эшелонов на Хабаровск, настоятельно диктуют мне всех вас перевешать.

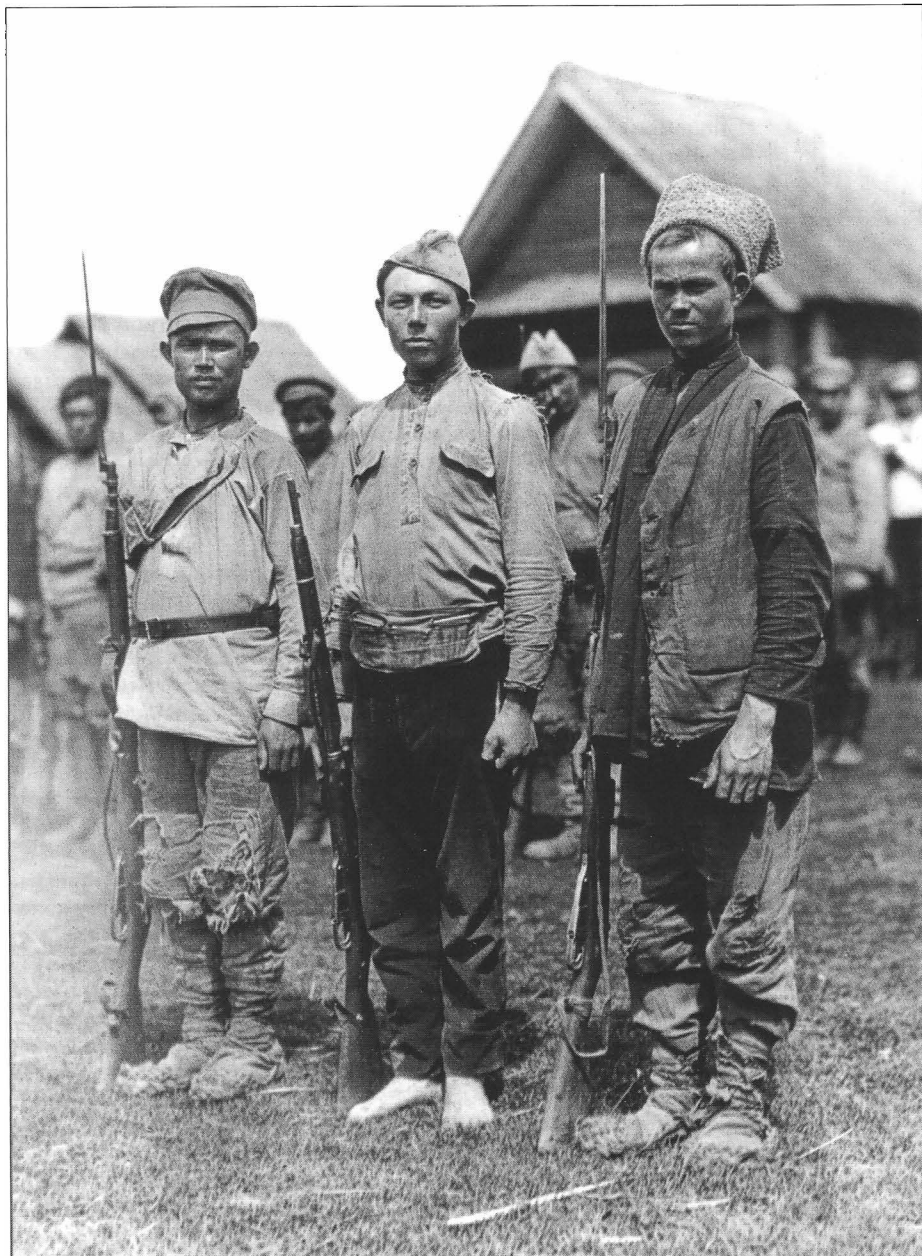
Атаман КАЛМЫКОВ.

Телеграмма атамана И.П. Калмыкова. 12 февраля 1920 г.

Группа колчаковцев. 1919 г.

Колчаковцы. 23 октября 1919 г.

управления губернии. Благоволите разъяснить взаимоотношения и в интересах общегосударственных предоставить Губернскому уполномоченному Врем[енного Всероссийского] правительства по гражданской территории губернии право непосредственных сношений с центром»⁶²².

Вопросы военного планирования в ПСР доверялись профессионалам. Функционировала специальная военная комиссия⁶²³, в состав которой входил член партии подполковник Ф.Е. Махин — один из главных участников заговора в Оренбурге. Махин вполне осознанно участвовал в подготовке переворота, представляя среди заговорщиков оппозиционные атаману Дутову силы в армейской среде. Именно он являлся автором доклада о восстановлении Восточного фронта против германцев, будучи негласным консультантом Комуча⁶²⁴. Многие члены партии склонны были видеть в нем потенциального военного вождя.

Даже после провала попытки реванша лидеры эсеров не скупались на похвалу в адрес Махина. Вероятно, столь велики были их надежды на его военные и организаторские способности. В частности, председатель Комуча В.К. Вольский в своем докладе на заседании IX Совета партии эсеров (июнь 1919 г.) заявил: «Только один был у нас, один, чей образ светлым лучом врезался в каждого, кто только с ним встречался. Знарок военного дела, подлинный военный вождь, организатор, глубоко понимавший душу народа и знавший ключ к его душе, полный личного бесстрашия и храбрости и глубочайшей преданности идее демократического восстановления России — таков был незабвенный Федор Евдокимович Махин... Если кто достоин был стать военным руководителем, главою военного дела революционной демократической трудовой республики, то это был Махин. Если кому и можно было вручить временную и политическую диктатуру, то это только Махину, славному и честному демократу эсеру, редкостно мощной личности. Несчастье Комитета, который в военном деле вынужден был полагаться на эсеров [В.И.] Лебедева, [Б.К.] Фортунатова, затем Взорова⁶²⁵, не дало ему возможности поставить Махина в центр своего военного дела»⁶²⁶. Как писал С.Н. Николаев, «после падения Уфы, в начале июля, Комитет мог ввести в органы центрального управления Генерального штаба подполковника Ф.Е. Махина, но допустил ошибку, назначив его на фронт...»⁶²⁷

Махин родился в Иркутске 15 апреля 1882 г. в семье урядника Оренбургского казачьего войска, разжалованного и сосланного на каторгу за оскорбление офицера, совершенное в нетрезвом состоянии⁶²⁸. В 1917 г. (по другим данным, в 1906 г.⁶²⁹) подполковник Махин вступил в ПСР, возглавив штаб военной организации партии. А в 1918 г. по приказу ЦК партии поступил на службу в Красную армию⁶³⁰. Как впоследствии вспоминал Г.А. Семенов (Васильев), некоторое время возглавлявший в ПСР красноармейский отдел, «мы сосредотачивали особое внимание на работе в красноармейских частях: на вливании в формирующиеся части возможно большого* количества наших людей, подборе нашего командного состава для этих частей и создании наших ячеек»⁶³¹. Именно так подполковник Махин оказался в рядах Красной армии, где вскоре достиг высоких постов — стал начальником Уфимского полевого штаба и командующим 2-й армией (26 июня — 3 июля 1918 г.). Произошло его назначение на пост командарма не без помощи бывшего прапорщика Мартъянова, тоже эсера, служившего в штабе советского Восточного фронта⁶³².

При подходе чехословацких войск к Уфе Махин выехал из города со своим адъютантом навстречу командиру Поволжской группы чехословацких войск полковнику С. Чечеку и заявил ему: «Я начальник штаба красных войск в Уфе. Зная о вашем приближении, я разослал все части так, что вы можете войти в город беспрепятственно. Дальнейшее мое личное пребывание в городе — невозможно. Возвратиться туда мне нельзя... Идите на эту крепость смело, не раздумывайте, достаточно одной части, чтобы забрать город»⁶³³. Таким образом, Махин фактически сдал город белым. Вскоре после своего перехода на сторону Комуча Махин возглавил части Народной армии Хвалынского района (с 15 июля 1918 г.) и был произведен «за проявленное мужество и самоотвержение в боях против большевиков» в полковники. 18 октября 1918 г. он получил назначение на должность начальника 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии с зачислением по Оренбургскому казачьему войску⁶³⁴. Находясь именно на этой должности, Махин принял участие в попытке социалистического реванша в Оренбурге. К тому же он пользовался доверием другого участника заговора — башкирского лидера А.-З. Валидова⁶³⁵.

---

* Так в документе.

В отличие от многих других старших офицеров, участвовавших в борьбе с большевиками, полковник Махин по своим политическим взглядам был убежденным противником монархии. Тезисно его политическая позиция изложена в «Записке о ближайших задачах, стоящих на очереди в связи с возобновлением войны с Германией», составленной им для Комуча 17 июля 1918 г., и состоит всего из трех пунктов:

- 1) подъем народных масс на борьбу при опоре на рабочих и крестьян;
- 2) единственно возможный лозунг — «Земля и Воля, независимая демократическая Россия»;
- 3) борьба с большевиками⁶³⁶.

Все эти положения соответствовали политической программе ПСР. Постепенно Махин переходил на более левые позиции. Более ярко политические взгляды Махина выражены в переписке, относящейся к периоду эмиграции. Так, 14 апреля 1924 г. Махин, находясь в Белграде, писал своему другу, бывшему управляющему ведомством финансов Комуча И.М. Брушвиту в Прагу о деятельности в Югославии: «Проделал большую работу, подготовил почву в правительств[енных] кругах и вдруг выйдет конфуз. Торжество у черносот[ен] н[ых] будет огромное, а вера в нас окончательно пропадет. Нужно сказать, что демократическая работа находится вся в зависимости от учреждения нашего представительства. Погибнет это дело — погибнет и надежда на какой-нибудь просвет у демократической части беженства»⁶³⁷. Или еще одна не менее красноречивая цитата: «Пришлось здесь покупать литературу для М^{ва} Иностр[анных] Дел, чтобы выяснить связь монархистов с немцами. Стоит тоже сотни динаров. Но это расход, который нигде показать нельзя...»⁶³⁸ По мнению лидера ПСР В.М. Чернова, высказанному им в письме ЦК в начале 1921 г., Махин, как и сам Чернов, принадлежал к левому крылу партии⁶³⁹.

Таким образом, в лице полковника Ф.Е. Махина ПСР имела своего верного сторонника, чего нельзя было сказать о других старших офицерах Народной армии, которые, как писал современник, «вели политику, для Комитета вредную, направляя свое внимание и усилия к укреплению Сибирского правительства, отвечавшего их привычкам и симпатиям»⁶⁴⁰. Более того, некоторые офицеры «в прилегающих к Волге местностях... предпочитали идти на Юг в добровольческую армию, несмотря на ее отдаленность, а не в народную, в надежность которой не

верили, усматривая в общем курсе политики определенное партийное течение»⁶⁴¹. И, как позднее писал управляющий ведомством внутренних дел Комуча П.Д. Климушкин: «Между Комучем и офицерством с самого же начала гражданского движения на Волге создалось взаимное непонимание, приведшее потом к полному расхождению»⁶⁴². Махин был абсолютно лоялен эсерам, но, и это признают практически все эсеровские мемуаристы, лидеры Комуча не оценили его по достоинству, когда у них на это было время, и не доверили ему, по крайней мере, пост начальника штаба Народной армии, на который Махин вполне мог рассчитывать⁶⁴³. Возможно, это произошло в связи с общим недоверием эсеров к военным. Уже осенью 1918 г. из штаба Махина сообщали: «Полковник Махин срочно выехал на фронт. Нам очень хотелось получить К.* Полковник Махин назначен командующим Ташкентской группой... возможно... желал бы [быть?] хоть на вашем** фронте. Не знаю, считает ли он более важным оставаться на своем месте... мне же кажется, что он имеет основания думать о том, что его забыли. Сам же он этого не высказывал, не теряем надежды снова с Вами увидеться, хотя в дебри забрались мы порядочно. На нашем фронте наступила зима. Противник активен. Возможно в ближайшем будущем серьезное столкновение; чувствуем себя оторванными; не имеем сведений о происходящем. Прошу сообщить об общем положении, о союзниках и Ваших планах действий...»⁶⁴⁴ К сожалению, подобные переговоры, где часть сведений подразумевается или зашифрована, вызывают больше вопросов, чем дают ответов.

Омский переворот застал эсеров врасплох. Хотя сами члены Директории и подозревали о подготовке переворота задолго до омских событий, ежедневно опасаясь быть арестованными (Н.Д. Авксентьев)⁶⁴⁵, а «идея диктатуры носилась в воздухе»⁶⁴⁶. Тем не менее к серьезному военно-политическому противоборству с правым лагерем социалисты оказались не готовыми. Обстоятельства омского переворота к настоящему времени исследованы довольно подробно, поэтому остановлюсь на событиях, последовавших за этим переворотом.

Как уже говорилось, в ноябре 1918 г. на Востоке России действовало несколько эсеровских организаций. Одной из основных являлся функционировавший в Уфе Совет управляющих ведомствами Комуча

* Возможно, это аббревиатура от фамилии Климушкин.

** Видимо, речь идет о Самарском фронте.

ча (председатель и управляющий ведомством торговли и промышленности — В.Н. Филипповский, члены: М.А. Веденяпин (управляющий ведомствами иностранных дел, почты и телеграфов), П.Д. Климушкин (управляющий ведомствами внутренних дел, земледелия и государственной охраны), И.П. Нестеров (управляющий ведомствами путей сообщения, труда и юстиции), Ф.П. Рудко (управляющий ведомством финансов), являвшийся после Государственного совещания в Уфе, в результате которого на Востоке России было образовано Временное Всероссийское правительство (Директория), организацией с весьма широкими полномочиями (на самом деле Совет представлял собой в завуалированной форме бывшее правительство Комуча). После падения Директории Совет взял на себя «всю полноту Верховной власти на территории Комитета Членов Всероссийского Учредительного собрания»⁶⁴⁷ и направил телеграмму премьер-министру П.В. Вологодскому в Омск с требованием освободить арестованных членов Директории, арестовать участников переворота и объявить о восстановлении прав Директории. В противном случае члены Совета намеревались объявить Вологодского врагом народа и предложить всем областным правительствам выступить против Омска. Копии телеграммы были разосланы всем правительствам, на поддержку которых рассчитывали в Уфе, — оренбургскому, уральскому, башкирскому, правительству Алаш-Орды, а также Чехословацкому национальному совету в Екатеринбурге и главнокомандующему вооруженными силами Временного Всероссийского правительства генерал-лейтенанту В.Г. Болдыреву, телеграмма была разослана, кроме того, в Лондон, Париж, Рим, Прагу, Вашингтон и Токио⁶⁴⁸. Тогда же было выпущено воззвание: «[В] Омске совершен государственный переворот. Арестованы находящиеся в Омске Члены Всероссийского правительства. Граждане. Ответ[ьте?] [на] удар [по] революции и становитесь все в ряды русско-чешских имени Учредительного собрания полков, отряда Фортунатова и добровольческих отрядов Народной армии. Не медлите ни часа. В промедлении смерть демократии. А вместе с ней и смерть начавшей возрождаться великой России. Все к оружию. Все за Учредительное собрание»⁶⁴⁹. Однако лидеры ПСР жестоко просчитались — ни население, ни областные правительства, за исключением, пожалуй, лишь башкирского, их не поддержали. Некоторую помощь эсерам оказали также чехословаки.

ЦК ПСР объявил адмирала А.В. Колчака «врагом народа» и заочно вынес ему смертный приговор⁶⁵⁰. В ночь на 19 ноября 1918 г. совещание Бюро съезда членов Учредительного собрания и ЦК ПСР в Екатеринбургe постановило, что вся власть должна перейти к съезду, который будет представлен особым органом. Во внутренней переписке ПСР этот орган назван Исполнительным комитетом съезда членов Учредительного собрания⁶⁵¹. По мнению И.Ф. Плотникова, орган получил название комиссии по руководству борьбой с Колчаком⁶⁵². Л.А. Кроль в своих воспоминаниях приводит еще одно название этого органа — комитет для борьбы с заговором в Омске⁶⁵³. В комитет вошли семь человек: В.М. Чернов, В.К. Вольский, И.С. Алкин (от мусульман), Ф.Ф. Федорович, И.М. Брушвит, Н.В. Фомин и Н.Н. Иванов. Задачей этой организации стало стягивание к Уфе и Златоусту верных эсерам частей с фронта и вступление в переговоры с большевиками⁶⁵⁴.

Уже 19 ноября началась активная военная и организационная подготовка предстоявшей борьбы. В политическом плане были воссозданы распущенные Директорией местные революционно-демократические правительства (Комуч, башкирское правительство), развернута широкомасштабная пропагандистская кампания по осведомлению населения о характере и целях омского переворота, наконец, Исполкому удалось добиться от местных общественных учреждений (дум, земств), а также от Чехословацкого национального совета заявлений о непризнании переворота⁶⁵⁵. Некоторые эсеры считали, что «в особенности нам не следовало упускать из своего внимания Екатеринбург, где мы должны были произвести революционный переворот в первую голову, изгнав сибирское командование и водрузив на его месте свою собственную власть»⁶⁵⁶.

В военном отношении Исполком попытался стянуть в Екатеринбург рабочие дружины с окрестных заводов, но не успел этого сделать. Только 21 ноября, на следующий день после отъезда депутатов из Екатеринбурга, к городу подошел отряд вооруженных рабочих Нижнетагильского завода, численностью 800 человек. Подойди этот отряд на два дня раньше, соотношение сил могло кардинально измениться!⁶⁵⁷ Кроме того, была предпринята попытка заручиться поддержкой генералитета. Однако никто из старших офицеров не согласился возглавить вооруженную борьбу с Омском. Согласно мемуарам Чернова, отказались командующий Екатеринбургской группой войск генерал-майор Р. Гайда (Екатеринбург) и командующий Самарской группой войск генерал-майор С.Н. Войцеховский (Уфа)⁶⁵⁸.

18 ноября М.А. Веденяпин сообщил Ф.Ф. Федоровичу: «Сейчас иду говорить с генералом Войцеховским. Думаю, что этот разговор будет решающим»⁶⁵⁹ — эсеры сразу после омских событий стали апеллировать к армии. Позднее, 29 декабря 1918 г., Войцеховский на станции Тавтиманово осторожно отметил в своем дневнике после долгого семимесячного перерыва в записях: «Сложная политическая обстановка; борьба диктатуры и демократии (Учред[ительное] соб[рание]). Я генерал на русской службе, но, кажется, не в милости у начальства. На этих днях Уфа будет очищена. Куда назначат меня, еще не знаю. Рассчитываю на корпус»⁶⁶⁰. Между тем в Ставке за Войцеховским закрепились репутация сторонника эсеров⁶⁶¹, возможно, не лишенная оснований.

Главнокомандующий Вооруженными силами Временного Всероссийского правительства генерал-лейтенант В.Г. Болдырев 18–19 ноября находился в пути из Уфы в Челябинск и, судя по его воспоминаниям, пребывал в полной растерянности. Первоначально он собирался «немедленно освободить арестованных и разоружить отряд Красильникова⁶⁶², арестовать и предать суду виновных»⁶⁶³, по его мнению, то, «что свершилось в Омске [—] безобразия и означает катастрофу»⁶⁶⁴. Однако затем в нем произошел какой-то перелом, и, задаваясь вопросом «Что делать?», Болдырев все же решил «временно уйти, не делать новых осложнений в армии»⁶⁶⁵, а ведь ему ничего не стоило помешать перевороту. Болдырев был возмущен бездействием Колчака в Омске и заявил ему при разговоре: «Я никак не могу стать на точку зрения такого спокойного отношения [к] государственной власти, хотя, может быть, и несовершенной, но имевшей в своем основании признак законного избрания... я не ошибусь, если скажу, что Ваших распоряжений как Верховного главнокомандующего на фронте слушать не будут. Я не позволил себе в течение двух суток ни одного слова ни устно, ни письменно, не обращался к войскам и все ожидал, что в Омске поймут все безумие совершившегося акта и ради спасения фронта и нарождавшегося спокойствия в стране более внимательно отнесутся к делу. Как солдат и гражданин я должен Вам честно и открыто сказать, что я совершенно не разделяю ни того, что случилось, ни того, что совершается, и я считаю восстановление Директории, считаю* совершенно необходимым немедленное освобождение Авксентьева и дру-

---

* Так в документе.

гих, немедленное восстановление в правах и сложение Вами Ваших полномочий. Я считал долгом чести и совести высказать мое глубокое убеждение и надеюсь, что Вы будете иметь мужество выслушать меня спокойно. Я не допускаю мысли, чтобы [в] сколько-нибудь правовом государстве допустимы такие приемы»⁶⁶⁶. Колчак ответил жестко: «Я передаю возможно кратко факты и прошу говорить о них, а не о своем отношении к ним. Директория вела страну к Гражданской войне в тылу, разлагая в лице Авксентьева и Зензинова все то, что было создано до их вступления на пост верховной власти, свершившийся факт ареста их, конечно, акт преступный и виновные мною преданы полевому суду, но Директория и помимо этого не могла бы существовать долее, возбудив против себя все общественные круги и военные в особенности...»⁶⁶⁷ Поскольку ранее перед Директорией Болдырев ставил вопросы о преследовании ПСР за бунт против верховной власти и об аресте членов ЦК партии, теперь ни о каком сотрудничестве с представителями ПСР речь не шла⁶⁶⁸. 19 ноября в 22 часа Колчак приказал Болдыреву прибыть в Омск, неисполнение чего должно было считаться актом неповиновения.

Сразу после омских событий воззвание из Уфы с протестом против низложения Директории и с призывом объединиться в борьбе против Колчака было получено и в Оренбурге. Причина обращения оппозиционеров к Дутову понятна: оренбургский атаман и командующий войсками Юго-Западной армии располагал в то время довольно крупными вооруженными силами (по данным на 28 декабря 1918 г. около 30 500 штыков и сабель⁶⁶⁹) и мог не только морально, но и вполне реально воздействовать на других политических деятелей.

Как впоследствии отмечал помощник Дутова генерал-майор И.Г. Акулинин, «поддержка атаманом Дутовым той или другой стороны в те дни имела первенствующее значение»⁶⁷⁰. Однако, поскольку Дутов одним из первых военачальников на Востоке России признал верховную власть Колчака, что во многом повлияло на выбор остальных, на его содействие эсеры в тот период рассчитывать не могли. Как вспоминал Г.К. Гинс, «претендовать на звание Верховного Правителя он* не собирался. Это связало бы его, как человека, любящего, прежде всего, независимость атамана. Он сразу признал адмирала,

---

* Дутов.

но от имени войск Оренбургского и Уральского он сделал запрос адмиралу по поводу отношения его к Учредительному собранию, так как войска якобы волновались ввиду конфликта между адмиралом и Учредительным собранием»⁶⁷¹. Генерал В.Г. Болдырев писал, что Дутов являлся «довольно важной, хотя и скрытой пружиной Омского переворота»⁶⁷².

Не имея возможности повлиять на решение Дутова, эсеры предприняли попытку срыва его переговоров с Колчаком. В разговоре по прямому проводу между представителем Совета управляющих ведомствами М.А. Веденяпиным и представителем Чехословацкого национального совета доктором Куделя первый заявил: «Попытка Совета* воспрепятствовать сговору Колчака с Дутовым по прямому проводу парализована генералом Сыровым, который запретил даже доставлять Совету контрольную ленту, обеспечив монархистам возможность беспрепятственно осуществлять свой заговор и лишив Совет возможности принять меры противодействия. Кроме того, генерал Сыровой крайне ограничил даже круг лиц и учреждений, которым Совет управляющих может посылать политические телеграммы и не только на фронт, но и на всей территории, освобожденной от большевиков. Сейчас генерал Сыровой требует отправки Дутову пяти миллионов, которые будут употреблены для содействия Колчаку против демократии. Генерал Сыровой требует передачи в руки военного командования милиции и государственной охраны, без чего Совет не сможет осуществлять важнейшие свои функции охраны безопасности граждан, государственного порядка и самой государственной власти, Совету известно предположение о назначении генерала Каппеля командующим Самарского и Симбирского фронта. Совет отдает должное военным заслугам и способностям генерала Каппеля, но он** никогда не скрывал своих монархических убеждений и назначение его на столь ответственный пост в момент монархического Омского мятежа равносильно активному содействию этому мятежу. Указанные меры, ослабляющие позицию демократии и содействующие монархистам, оправдываются будто бы интересами фронта. Совет управляющих и вся русская демократия более кого бы то ни было заинтересованы в укреплении фронта, разрушение которого грозит потерей последней

---

* Управляющих ведомствами.

** Каппель.

территории, откуда может вести борьбу демократия, и содействующие монархистам уже вызвали тревогу на фронте, поколебали его стойкость и угрожают окончательно разложить его, ибо войска демократии не смогут и не захотят драться за монархию. Мы гарантируем успешную защиту Самарского и Симбирского участка фронта при условии назначения командующим русскими частями этого фронта полковника Махина при общем командовании Войцеховского. Все указанные меры были бы приняты, меры оккупационные монархического неприятельского отряда*, но совершенно непонятны, когда они исходят от имени демократического правящего органа дружественной чехословацкой нации. Мы полагаем, что меры эти представляют ряд недоразумений, которые мы просим выяснить. Если же такие меры, как изъятие из рук Совета милиции и Государственной охраны, назначение командующим фронтом генерала Каппеля, предоставление Дутову возможности сговориться с Колчаком и отправка ему денежных средств для осуществления своего заговора, будут приводиться в исполнение, то Совет управляющих, лишенный возможности исполнять свои задачи и нести ответственность, вынужден будет сложить свои полномочия. Мы надеемся, однако, что между чешской и русской демократией не может возникнуть таких разногласий и что указанные недоразумения будут Вами устранены»⁶⁷³.

В.М. Чернов в этой связи отметил, что «тут мы столкнулись с целым рядом трудностей... Нам надо было для посылки в Омск снять с фронта несколько наиболее надежных в революционном смысле частей. Но они были разбросаны, нейтралитет Гайды и Войцеховского означал выполнение оперативных директив Омска, а директивы эти были направлены к разобшению тех частей, на которые могли опереться мы...»⁶⁷⁴ Как впоследствии вспоминал генерал-лейтенант Д.В. Филатьев: «Антигосударственная партия [эсеров] и такой же Комуч... теперь с легким сердцем готовы были начать войну с тылом во имя торжества партийных догм, а если ее не открыли, то только потому, что за ними никакой силы не оказалось и надежда на какую-то мобилизацию "всех сил" не оправдалась, как не осуществилось желание втравить в борьбу с Омском чехов»⁶⁷⁵.

19 ноября по распоряжению А.В. Колчака участники съезда членов Учредительного собрания во главе с В.М. Черновым были аре-

---

* Так в документе.

стованы группой молодых офицеров 25-го Екатеринбургского горных стрелков полка в екатеринбургской гостинице «Пале-Рояль»⁶⁷⁶. Причиной ареста стала телеграмма Колчаку из Уфы, подписанная несколькими деятелями Комуча, с угрозой открытия боевых действий против Омска⁶⁷⁷. Однако под давлением Чехословацкого национального совета генерал Р. Гайда был вынужден отпустить арестованных, которые вечером 20 ноября были высланы в Челябинск. По мнению С.П. Мельгунова, Гайда все время вел двойную игру⁶⁷⁸. К слову сказать, его личным другом был видный эсер-кооператор Н.В. Фомин⁶⁷⁹.

22 ноября солдаты и офицеры 25-го Екатеринбургского полка подали рапорт на имя Гайды, утверждая, что арест депутатов был осуществлен по их инициативе: «Мы, видя отсутствие мер по отношению к предателям, — говорилось в документе, — решились на шаг, нарушивший воинскую дисциплину... не спросив разрешения своих высших начальников, мы арестовали мятежников, во главе с Черновым...»⁶⁸⁰ В Челябинске командующий Чехословацким корпусом генерал Сыровой предложил делегатам съезда выехать в город Шадринск Пермской губернии «как наиболее удобный, спокойный пункт»⁶⁸¹. В Шадринске никакая активная работа, разумеется, была бы невозможна. Исполком же выдвинул категорическое требование отправки в Уфу — единственный пункт, в котором эсеры могли чувствовать себя в то время в относительной безопасности. Помимо того, что в Уфе находился Совет управляющих ведомствами Комуча, город был еще и центром формирования оппозиционных Омску вооруженных сил — уже упоминавшихся выше русско-чешских полков и батальонов имени Учредительного собрания, запрещенных в свое время генералом Болдыревым (этот запрет Уфой фактически игнорировался⁶⁸²). Вечером 23 ноября участники съезда прибыли в Уфу⁶⁸³. Однако и там они почувствовали себя не вполне комфортно из-за двусмысленной позиции чехов, зависевших от союзников, которые поддержали переворот в Омске (особенно Великобритании), а по некоторым данным даже были его инициаторами⁶⁸⁴. Кроме того, на съезде в конце ноября произошел раскол на левых и правых, причем первые выступали за ликвидацию съезда, всего антибольшевистского фронта и за отъезд в Советскую Россию⁶⁸⁵.

Чешский политический деятель доктор Влассак полагал, что «особенно на театре военных действий, к которому принадлежит Уфа,

насильственные политические выступления недопустимы, и командование имеет право их не допускать и предупреждать. На этот счет, несомненно, командующий группой* потребует указание от штаба западного фронта»⁶⁸⁶.

После прибытия в Уфу Чернов, фактически находившийся на нелегальном положении, от имени ЦК ПСР направил Чехословацкому национальному совету ультиматум, потребовав сотрудничества в борьбе против Колчака или окончательного разрыва отношений. Ультиматум помимо требований содержал краткий обзор событий на Востоке России в сентябре — ноябре 1918 г., а также характеристику сложившихся политических сил. В тексте ультиматума командному составу чехословацких войск противопоставлялись старшие офицеры русской армии, которые якобы отесняли «на задний план, держа в загоне и распыляя истинно демократическую часть офицерства, носительницу труда и таланта...»⁶⁸⁷

Любопытно, что в ультиматуме предлагалось создать объединенное русско-чешское военное ведомство, которое возглавил бы управляющий чехословацким военным ведомством подполковник (произведен 29 ноября 1918 г.) Р. Медек «при двух товарищах министра по выбору русской демократии»⁶⁸⁸. По всей видимости, на один из постов товарища военного министра предполагалось назначить полковника Ф.Е. Махина⁶⁸⁹. Этот ультиматум в Челябинск должны были отвезти И.М. Брушвит и Л.Я. Герштейн, а в Челябинске к ним должен был присоединиться Н.В. Фомин.

Однако события развивались стремительно. Приказ об аресте бывших членов Комуча и их союзников был отдан адмиралом А.В. Колчаком 30 ноября 1918 г. В приказе говорилось: «Бывшие члены самарского Комитета членов Учредительного собрания, уполномоченные ведомствами бывшего самарского правительства... И примкнувшие к ним некоторые антигосударственные элементы в уфимском районе, в ближайшем тылу сражающихся с большевиками войск, пытаются поднять восстание против государственной власти: ведут разрушительную агитацию среди войск; задерживают телеграммы верховного командования; прерывают сообщения Западного фронта и Сибири с оренбургскими и уральскими казаками; присвоили громадные суммы денег, направленные атаману Дутову для организации борьбы ка-

---

* С.Н. Войцеховский.

заков с большевиками, пытаются распространить свою преступную работу по всей территории, освобожденной от большевиков»⁶⁹⁰. Далее всем русским военным начальникам предписывалось «самым решительным образом пресекать преступную работу вышеуказанных лиц»⁶⁹¹.

Уже утром 2 декабря, в понедельник, в Уфу из Челябинска прибыл отряд командира 41-го Уральского стрелкового полка полковника А.В. Круглевского (450 штыков)⁶⁹². А 3 декабря генерал-майор С.Н. Войцеховский заявил В.К. Вольскому, что не может ручаться за безопасность съезда в Уфе, и предложил делегатам уехать в другое место⁶⁹³. Получив такой ответ, депутаты пришли к выводу о необходимости привести в полную боевую готовность верные части. Здесь существует расхождение в изложении хода событий двумя съездовцами — С.Н. Николаевым и Н.В. Святицким. Первый утверждал, что преданных съезду войск в Уфе хватало, второй же считал, что войск не было, поскольку все верные эсерам формирования находились на фронте, в 200 верстах от Уфы. Тучи над эсерами сгущались, и лидер партии В.М. Чернов, судя по всему, значительно усилил свою охрану — с 4–6 до 20 человек⁶⁹⁴.

Верных частей, готовых подчиняться эсерам, было немного. Попытки агитировать в войсках успехом не увенчались⁶⁹⁵. В распоряжении съезда в Уфе, по мнению С.Н. Николаева, были следующие силы: русско-чешский батальон (полк) (400–450 штыков), отряд (батальон) имени Учредительного собрания (1000 штыков на фронте и 250 — в Уфе) и конный отряд Б.К. Фортунатова (100 сабель). Кроме того, депутаты рассчитывали на поддержку Ижевской бригады и мусульманских (башкирских) частей. В самой Уфе формировался еще один батальон Учредительного собрания, но генерал Войцеховский приказал не выдавать солдатам оружие. Позднее он, по свидетельству депутата Н.В. Святицкого, уступил требованиям съездовцев, но не изменил своего отрицательного отношения к формированию таких частей⁶⁹⁶. Депутат С.Н. Николаев вспоминал: «Под предлогом, что стоящим в тылу частям нет нужды иметь надлежащее вооружение. В их распоряжении были оставлены лишь берданки, и то в недостаточном количестве, и несколько дрянных пулеметов»⁶⁹⁷.

Вполне надежен был конный отряд Б.К. Фортунатова. Вот что спустя десять с лишним месяцев после рассматриваемых событий записал в своем дневнике один из офицеров отряда: «Сзади же нас... не-

навистная нам реакционная армия, которая, оправившись, несмотря на то, что мы прикрывали их отход, не преминула [бы?] с нами расправиться»⁶⁹⁸. Яркий пример отношения сторонников ПСР к белым. Что касается Ижевской бригады, то надежды эсеров на нее не оправдались. Бригада практически сразу перешла на сторону адмирала Колчака. На офицерском собрании командир бригады штабс-капитан Журавлев — ставленник эсеров — попытался склонить офицеров на сторону Директории. Его поддержали лишь двое сообщников, которые вместе с самим Журавлевым через некоторое время бежали из бригады, захватив два миллиона рублей⁶⁹⁹. В одной из телеграмм сообщалось, что «отступление от Ижевска происходило беспорядочно. Самую большую беспорядочность проявил штаб. Поступок ижевского штаба по отношению к членам Уч[редительного] соб[рания] — самое постыдное, вернее — предательское. Члены Уч[редительного] соб[рания] даже не были поставлены в известность относительно оставления Ижевска. Чрезвычайное осадное положение и военная диктатура введена и проводится самым беспощадным образом...»⁷⁰⁰ По всей видимости, речь шла о ненадежности ижевцев в отношении их приверженности ПСР.

По свидетельству того же Николаева, отряд Фортунатова был приведен в боевую готовность и верхом прождал до утра, офицеры русско-чешского батальона (полка) также ждали сигнала к выступлению и, не дождавшись, разошлись по домам. Дело в том, что посланец от съезда к этим частям был задержан правительственными войсками, и сигнала к выступлению не последовало⁷⁰¹. В ночь на 3 декабря ряд (по одним данным — 12, по другим — 13–14, точный список до сих пор неизвестен) членов Учредительного собрания (Н.Н. Иванов, Ф.Ф. Федорович (оба — члены ЦК ПСР), В.Е. Павлов, В.Н. Филипповский, И.П. Нестеров, В.В. Подвицкий, С.М. Лотошников, В.Т. Владыкин, И.В. Васильев, А.Н. Алексеевский, С.Н. Николаев, К.Т. Почекуев, а также один из депутатов от мусульман), кроме того, заведующий охраной съезда эсер А.Н. Сперанский, управляющий канцелярией съезда Н.Я. Барсов, управляющий делами ведомства внутренних дел А.А. Брудерер, бухгалтер съезда В.А. Марковецкий и др. были арестованы и отправлены в Омск (прибыли 5 декабря) для проведения суда над ними, в Челябинске был арестован Н.В. Фомин⁷⁰².

Оставшиеся на свободе В.М. Чернов, М.А. Веденяпин, В.К. Вольский, П.Д. Климушкин, Н.И. Ракитников, К.С. Буревова (Сопляков),

Н.В. Святицкий, И.С. Алкин, Д.П. Сургучев, а также два представителя офицерской эсеровской группы⁷⁰³, фамилии которых установить не удалось, собрались 5 декабря на нелегальное совещание. Было принято решение прекратить борьбу с большевиками и «все силы демократии направить против диктатуры Колчака»⁷⁰⁴. Однако уже 10 декабря ЦК ПСР провозгласил борьбу на два фронта (и против красных, и против белых). «Борьба с Колчаком должна выразиться в подготовке восстания против власти его и его клеветов», — вспоминал один из депутатов⁷⁰⁵. В июне 1919 г. курс на борьбу с белыми был закреплен решением 9-го Совета партии эсеров, на котором была выдвинута идея «единого боевого фронта демократии против контрреволюции»⁷⁰⁶.

Для организации восстания была избрана военная комиссия в составе четырех человек (известны глава комиссии В. Соколов, Д.П. Сургучев — оба впоследствии расстреляны⁷⁰⁷, весьма вероятно, что еще двое — уже упоминавшиеся члены офицерской эсеровской группы, имена которых эсеровские мемуаристы не афишировали). Центром восстания должен был стать район Уфы и Златоуста. Планировалось своими силами занять уфимский район, а затем заключить договор с представителями наступавших на Уфу частей красных. Остававшиеся на свободе депутаты должны были разъехаться по районам и активно участвовать в организации восстаний в районе Златоуста, Екатеринбург, Омска и Томска. В Уфе оставались лишь несколько человек для центрального руководства. Восстание планировалось осуществить через полторы-две недели. Всерьез рассматривались утопические идеи повторного созыва Учредительного собрания в Москве в союзе с большевиками и левыми эсерами.

По причине отсутствия связи с верными съезду частями восстание не было поднято. К тому же чехи потребовали от съезда не увозить свои части с фронта, лишив его, таким образом, какой бы то ни было вооруженной силы. Но, как справедливо отметил Г.К. Гинс: «Легкая победа в Екатеринбурге и Уфе не была окончательной победой. Правительству Колчака все время пришлось вести борьбу на два фронта: с большевиками и эсерами»⁷⁰⁸.

События в Оренбурге следует рассматривать как подготовку одного из эсеровских выступлений, заблаговременно раскрытую сторонниками омской власти. Об этом свидетельствует и высказывание В.М. Чернова в беседе с делегатами английской независимой рабочей

партии в апреле 1920 г. о том, что после событий в Екатеринбурге и Челябинске «борьба была перенесена в Оренбург»⁷⁰⁹. Хотя идея выступления в Оренбурге появилась у заговорщиков еще до директив ЦК ПСР.

Уже 19 ноября (впрочем, есть и другая датировка разговора — 20 ноября) атаман Дутов сообщил Колчаку по прямому проводу, что «Комитет Учредительного собрания своими воззваниями мешает работать и нарушает спокойствие. Все идет из Уфы. Доношу, что во вверенной мне армии полный порядок. И я свято исполняю Ваши приказы [и] приму меры, чтобы армия не коснулась политики. Просил бы Ваши директивы по отношению гражданских управлений и населения. Как относятся союзники и Чешский совет? Как Америка, Италия и Япония[?] Я уверен, что чехи лишь по тактическим соображениям не говорят открыто, лишь в душе сочувствуют. Где генерал Болдырев и что он предпринимает[?] Сейчас перехватил радио о занятии союзниками Петрограда — буду проверять. Убедительно прошу ежедневных Ваших директив и полной информации, без чего сейчас нельзя. Могу ли рассчитывать на это[?] Счастливо оставаться. Атаман Дутов», на что Колчак ответил: «Всей душой благодарю Вас, господин атаман, за Ваше согласие работать со мной [ради] общей цели по спасению Родины. Из всех полученных мною заверений в поддержке и помощи от союзников и начальников частей мне особенно дорога Ваша помощь и поддержка как сильного защитника и первого защитника Родины, не прерывавшего борьбы с ее врагами. Вчера у меня была депутация представителей всех казачьих войск и сообщила мне солидарность со мной и готовность совместно работать. Препятствия к общественной безопасности исходят из указанного Вами источника, а также партии, связь с которой бывшего правительства послужила причиной омских событий. Очень озабочен этим вопросом, но затрудняюсь сообщить Вам свои соображения по [этому] поводу и пошлю Вам их шифром...»⁷¹⁰

Опасность оренбургского заговора для белых заключалась в том, что в числе его организаторов были представители нескольких разноплановых и достаточно влиятельных политических сил: член ЦК ПСР В.А. Чайкин, башкирский лидер А.-З. Валидов, казахский лидер и автономист М. Чокаев, представители оренбургской казачьей интеллигенции: командующий Актюбинской группой Оренбургского казачьего войска полковник Ф.Е. Махин и атаман 1-го (Оренбургско-

го) военного округа полковник К.Л. Каргин. Несмотря на кажущуюся «реакционность» казачьей столицы, именно в Оренбурге заговорщики могли рассчитывать на поддержку воинских частей, входивших в состав Юго-Западной армии Дутова и непосредственно подчиненных ярим противникам оренбургского атамана Валидову и Махину. Захватив власть, заговорщики могли расколоть антибольшевистский лагерь на Востоке России и тем самым привести к падению всего Восточного фронта. Башкирский лидер А.-З. Валидов, судя по его воспоминаниям, ненавидел Колчака больше, чем многие эсеры, и открыто называл его своим врагом⁷¹¹. Противоречия резко усилились после обнародования 21 ноября приказа Колчака о ликвидации казахского и башкирского правительств и о роспуске башкиро-казахского корпуса.

22 ноября в командование корпусом вступил сам Валидов. По мнению генерала И.Г. Акулинина, Валидов вел постоянные переговоры по прямому проводу с членами Учредительного собрания в Уфе⁷¹². Для координации подпольной работы в Оренбург прибыл член ЦК ПСР, лидер туркестанских эсеров политик крайне левого толка В.А. Чайкин. Он был давним другом Валидова, и они легко нашли общий язык⁷¹³. По поводу политических взглядов Чайкина депутат Е.Е. Лазарев в письме Е.К. Брешко-Брешковской от 6 ноября 1918 г. писал: «Непримиримо левым оказался член ЦК Чайкин, молодой, очень неглупый и человек настойчивый, который резко порицает ЦК за то, что тот допустил даже Уфимское совещание и явно участвовал в измене и предательстве Учредительного собрания и самой партии с.-р....»⁷¹⁴

Вместе с еще одним будущим заговорщиком — депутатом от Ферганской области и вторым товарищем председателя съезда членов Учредительного собрания (от мусульманской фракции) М. Чокаевым, Чайкин 22 ноября 1918 г. бежал из поезда, доставившего их из Екатеринбургa в Челябинск. Среди депутатов распространился слух, что всех их арестуют, и Чайкину с Чокаевым было поручено заготовить на всякий случай семь троек с надежными ямщиками⁷¹⁵. Они ушли из вагона со всеми своими вещами и больше в поезд не возвращались. Как писал Чокаев: «Мы теперь убедились, что совместная с белыми борьба против большевиков не приведет нас к нашей цели»⁷¹⁶.

Именно тогда, согласно воспоминаниям М. Чокаева, у них созрел план освобождения Туркестана от красных, для чего необходимо было смещение Дутова⁷¹⁷. Это решение, таким образом, было при-

нято двумя депутатами вне связи с официальными директивами руководства партии и съезда. Если верить в этом отношении Чокаеву, то получается, что цели у всех заговорщиков были разные, но план действий один: смещение Дутова и восстановление власти Учредительного собрания.

Для сравнения, сам Валидов позднее писал о событиях тех дней: «Единственное, что можно было сделать для победы демократии — это, договорившись с верными демократической идее уральскими и оренбургскими казаками, отстранить генерала Дутова. Если бы это удалось, было бы восстановлено правительство Комуча, и красные могли бы быть снова отброшены за Волгу»⁷¹⁸. Конечно, наивно думать, что восстановление власти Комуча могло способствовать каким-либо успехам на фронте (в этом вопросе приоритет явно за диктатурой), но в этой цитате — политическая программа заговорщиков.

Валидов лично инспектировал верные ему части на Актюбинском фронте 6 и 25 ноября, именно на фронте он встретился с будущими заговорщиками: полковниками Махиным и Каргиным (Каргин до революции некоторое время находился под негласным надзором полиции⁷¹⁹, происходил из той же станицы Буранной, что и отец Махина) и представителями уральцев и договорился с ними о мерах против Дутова⁷²⁰. Свержение Дутова, одним из первых признавшего Колчака, для оппозиции могло стать символом скорой победы и над самим Колчаком.

Таким образом, заговор стал складываться как минимум с 25 ноября. Такого же мнения придерживался и М. Чокаев, утверждавший, что «переворот этот мог быть задуман только после прихода к власти адмирала Колчака»⁷²¹. Однако в мемуарах Валидова есть фраза, относящаяся уже к неудачному исходу заговора, которая дезавуирует предыдущее высказывание: «Так за несколько часов провалился план, который готовился в течение нескольких месяцев»⁷²². В этом случае начало формирования заговора можно отнести к периоду августа — сентября 1918 г. — времени наиболее острого противостояния между Комучем и атаманом Дутовым, а приход к власти Колчака еще более способствовал консолидации левой антиколчаковской и антидутовской оппозиции. К сожалению, любые заговоры, особенно неудачные, оставляют после себя минимальное количество источников. Поэтому нельзя точно сказать, когда начал формироваться этот заговор. Уфим-

ские эсеры активно участвовали в переговорах со своими сторонниками на Южном Урале.

В ноябре 1918 г. М.А. Веденяпин вел переговоры по прямому проводу с полковником Махиным, что само по себе могло квалифицироваться как преступление — армия не должна вмешиваться в политику. Есть данные о том, что эти разговоры были регулярными, однако сохранились тексты только двух из них. 6 ноября между Уфой и Ак-Булаком, где находился Махин, состоялся первый документально подтвержденный разговор: «*Веденяпин*. Здравствуйте, Федор Евдокимович, привет Вам от всех нас. Я Вас слушаю.

Махин. Доброе здоровье, Мих[аил] Александрович. Во-первых, я хотел ответить на Ваш вопрос [о] посредничестве [в] деле Майстраха⁷²³ с Петровичем⁷²⁴. Прибыть лично для переговоров не могу, говорить только по аппарату, во 2-х, узнать от Вас об общем положении.

Веденяпин. Вас запросил, потому что Майстрах указал на Вас, сделал это только для формалистики, знал заранее о неосуществимости суда. Общее положение таково. Временное правительство на днях издаст акт о ликвидации всех областных правительств, в том числе и нашего Совета. Сибирский аппарат министров и административный переходят в распоряжение Вр[еменного] пр[авительства], другими словами, Сибирское правительство становится Всероссийским*. [В] настоящее время на этом сосредоточено все внимание. [В] настоящее время положение [для] нас значительно ухудшилось. Съезд в Екатеринбурге приступил к работам. В Уфе нас четыре человека: Филипповский, Нестеров, Климушкин и я. На фронте у нас только добровольческие части Капшеля, Фортунатова, батальон имени Учредительного собрания и русско-чешский полк и ваши части. Есть приказ ген[ерала] Болдырева о прекращении формирования добровольческих частей и о роспуске имеющихся. Ижевск все еще борется, туда сегодня поехали Былинкин⁷²⁵ и Несмеянов⁷²⁶. Донской⁷²⁷ шлет Вам привет и очень просит Вас приехать к нему в Советскую Россию. Прибыл курьер из деникинской армии, который сообщает, что якобы армия насчитывает до 120 тысяч штыков.

Махин. Собственно на моем Ташкентском фронте мы заставили противника перейти к обороне. Менее успешно идут дела на Самар-

---

* Здесь и далее подчеркнуто в документе.

ском фронте. Там инициатива в руках противника. Перспективы пока трудно там наметить, ибо они в значительной степени будут зависеть от числа союзнических войск, которые будут находиться в России. Лично я продолжаю пока не верить в близком будущем союзной помощи с их стороны, но твердый курс политики Временного правительства заставляет думать, что у него есть большая реальная сила, вероятно, таящаяся где-либо в Сибири. Где генерал Галкин. Тогда трудно объяснить⁷²⁸. На этом документ обрывается.

11 ноября Веденяпин в связи с распоряжением Омска о роспуске областных правительств беседовал с оренбургским представителем башкирского правительства: «В Омске Сибирское правительство восторжествовало. Мы боимся, что не только будет ликвидирован Совет управляющих, но будут также ликвидированы* договорные обязательства Комитета, в частности и договор между Комитетом и Малой Башкирией и Алаш-Ордой. Поэтому необходимо нам солидарно действовать, чтобы наш договор не был нарушен. Считаю необходимым приезд Вашего представителя в Уфу»⁷²⁹. Башкиры отправили своих представителей в Уфу, однако были слабо осведомлены о положении в Омске.

16 ноября Веденяпин беседовал с начальником штаба Махина: «У аппарата начальник штаба полковника Махина. Командующий войсками полковник Махин дня три не получает от Вас информации. Поэтому поручил мне с Вами переговорить и справиться, когда последний раз Вами передавалась очередная информация, и, если есть что-либо новенького, будьте добры передать, я запишу.

Веденяпин. Очередная информация передавалась каждый день. Вчера последний раз была отправлена в 10 часов вечера. Сегодня мы справимся, куда делись посланные Вам телеграммы. Сейчас же абсолютно нет времени и трудно сообразить, что Вам в настоящее время передать. Вечером мы постараемся Вам все сообщить. Сердечный привет Федору Евдокимовичу.

Начальник штаба. Благодарен. Последние сведения были получены от Вас от 13 числа. Очевидно они где-нибудь задерживаются, поэтому я просил бы Вас передавать нам сведения по прямому проводу. Сведения нам крайне необходимы, т.к. мы издаем газету «Ташкентский фронт» и нуждаемся в материале.

---

* Здесь и далее подчеркнуто в документе.

Веденяпин. Постараемся. Провод часто бывает занят военными депешами, и это лишает нас возможности передавать непосредственно. Сейчас приму меры, чтобы Вы получили сведения.

Начальник штаба. Очень благодарен. Счастливо оставаться»⁷³⁰.

Связь Махина с Уфой не прекратилась и после омского переворота. 19–20 ноября он вновь беседовал с Веденяпиным. Махин заявил: «Теперь на нас лежит большая задача спасти Россию и восстановить границы, как Франция восстановила в семьдесят первом году.

Веденяпин. — Приезжайте к нам, Вас ждем. Все Вам шлем привет, в настоящее время на Самарском фронте развивается наше наступление и можно ожидать большой трепки большевикам*». Махин ответил на это: «Ура. Будем стараться, только дальше от всех тех самарских авторитетов, которые в верхах творят здания военной мощи России. К Вам постараюсь приехать. Держите крепко свое знамя. До свидания»⁷³¹.

В ночь с 1 на 2 декабря 1918 г. заговорщики провели свое первое и последнее совещание в Оренбурге, в здании Караван-Сарая — резиденции башкирского правительства. Случайность или нет, но незадолго до совещания 19 ноября 1918 г. комендант зданий Караван-Сарая Т. Алиев был произведен из подпоручиков в поручики и тем же приказом из поручиков в штабс-капитаны⁷³². На совещании, по воспоминаниям одного из его участников, М. Чокаева, присутствовали Валидов, Чокаев, Махин, Каргин и Чайкин⁷³³. Однако, по мнению генерал-майора И.Г. Акулинина, присутствовали также члены башкирского правительства, местные социалистические лидеры и несколько офицеров башкирских полков⁷³⁴. К данному свидетельству следует относиться достаточно осторожно, так как сам Акулинин, разумеется, не являлся участником совещания и не мог в точности знать состав присутствовавших.

На совещании заговорщики утвердили состав будущего объединенного правительства трех стран (Казахстан, Башкурдистан, Казачье государство). Полковник Махин должен был стать главным командующим, атаман 1-го военного округа Каргин — Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска⁷³⁵, Башкурдистан представлял Валидов, Казахстан — представитель Алаш-Орды в Оренбурге С.К. Кадирбаев (ранее — уполномоченный Комуча по Тургай-

---

* Подчеркнуто в документе.

ской области, утвержден в должности 25 июля 1918 г. по представлению Дутова⁷³⁶) и Чокаев (пост министра внешних связей), Чайкин также получил должность в этом правительстве. Позднее он писал, что в Оренбурге принимал «руководящее участие в подготовке восстания против атамана Дутова»⁷³⁷. Есть сведения о нерешительности заговорщиков — в частности, К.Л. Каргин предлагал повременить с арестом Дутова⁷³⁸.

Во время совещания в Оренбурге были расквартированы четыре башкирских стрелковых полка (1, 2, 4 и 5-й), Атаманский дивизион Оренбургского казачьего войска, 1-й Оренбургский казачий запасный полк, в котором обучались молодые казаки, конвойная сотня и караульная рота, а также артиллерийские и технические части⁷³⁹. Таким образом, у заговорщиков, при опоре на башкирские части, были все основания рассчитывать на победу. Однако поручик Али-Ахмед Велиев (Ахметгали), по характеристике Валидова, — татарский купец из Челябинска⁷⁴⁰, — донес о тайном совещании коменданту Оренбурга капитану А. Заваруеву. Тот, в свою очередь, предупредил об этом главного начальника Оренбургского военного округа генерал-майора И.Г. Акулинина. Сразу же были приведены в боевую готовность Атаманский дивизион и запасный полк, установлено наблюдение за Караван-Сараем и казармами башкирских частей, в распоряжение коменданта города вызваны русские офицеры, служившие в башкирских полках. Однако, поняв, что инициатива перешла к сторонникам Дутова, Валидов в полдень 2 декабря выехал из города, захватив все имевшиеся в наличии вагоны. Он остановился в селе Ермолаевка Оренбургского уезда Оренбургской губернии. Так или иначе, но попытка заговора против власти Дутова и Колчака не удалась.

2 декабря 1918 г. Дутов писал помощнику военно-морского министра по казачьим делам генерал-майору Б.И. Хорошхину: «Меня травят везде и всюду, но, пока я на своем посту, — я не брошу борьбы, как бы тяжело и обидно подчас ни было. Казаки меня понимают. В самом Оренбурге тоже имею сильных врагов — атамана Каргина и полк[овника] Махина. Характеристику обоих спросите у [Н.С.] Анисимова; я писать не буду: долго и много надо говорить. Башкурдистан сошел с ума и выразил неподчинение адмиралу; ну, да я очень-то не буду разговаривать, а вы там устройте так, чтобы им не давали денег на их дела, ибо это преступление — жить на российских хлебах и вести ин-

тригу и не подчиняться власти. Полки свои втянули в политику, и мне много приходится тратить времени и труда, чтобы все это улаживать. Алаш-Орда тоже шипит, а татарва уже заявила свой нейтралитет. Противно это все. Валидов это — одна сплошная глупость и недоразумение. Работы так много, что последние нервы кончаю и устал безумно...»⁷⁴¹

Дальнейшая судьба заговорщиков различна. Полковник Махин получил от штаба Юго-Западной армии предписание отправиться в Омск, ему была гарантирована полная безопасность. Из Омска через Владивосток он выехал за границу⁷⁴². В командование Актюбинской группой вступил генерал-лейтенант Г.П. Жуков. Башкирские части были выведены из Оренбурга на усиление Северного участка Юго-Западной армии, прикрывавшего территорию Башкирии⁷⁴³. По имеющимся данным, атаман Каргин ездил по округу и агитировал казаков переходить к большевикам⁷⁴⁴, по постановлению окружного съезда 1-го военного округа он был смещен со своей должности и даже попал в тюрьму, в отсутствие Дутова выпущен, затем вновь арестован и отправлен в Ставку⁷⁴⁵, позднее был взят в плен красными под Иркутском и, по некоторым данным, расстрелян в 1921 г. по приговору военного трибунала 5-й армии. Чокаев с супругой отправился в Гурьев и далее в Баку. Чайкин уехал вместе с ними⁷⁴⁶. А.-З. Валидов через некоторое время перешел на сторону большевиков.

Однако после провала заговора попытки выступлений не прекратились. Под влиянием воззваний оппозиционеров группа офицеров и казаков 4-й сотни 16-го Карагайского атамана Дутова полка повела агитацию против Колчака⁷⁴⁷. Руководители выступления были арестованы и отправлены с фронта в Оренбург. Наказания для них, чтобы не разжигать противоречия еще больше, были ограничены дисциплинарными взысканиями.

Есть данные о том, что Валидов в декабре 1918 г. установил из Ермолаевки связь с Уфой посредством летучей почты, доставка корреспонденции занимала менее суток⁷⁴⁸. Кроме того, он встречался с неким офицером Кондратьевым — доверенным лицом Н.Д. Авксентьева, отвечавшим за связи с башкирским правительством. Возможно, что после высылки членов Директории за границу он представлял при Валидове интересы оставшихся на свободе эсеров. По крайней мере, он считал, что диктатура Колчака долго не продержится и власть вновь вернется к сторонникам Учредительного собрания. Этот же офицер

передал башкирам оружие, спрятанное на Усольском заводе⁷⁴⁹. Конечно, все эти инициативы нельзя сравнивать по масштабам с попыткой переворота в Оренбурге.

В свете вышеприведенных фактов становится ясной несостоятельность тезиса советской историографии о том, что против большевиков эсеры боролись всерьез, тогда как против белых как будто бы «понарошку»⁷⁵⁰. На самом деле, наоборот, в конце 1918 г. эсеры пришли к прекращению борьбы с большевиками и всемерно стремились к свержению диктатуры Колчака, считая большевиков куда менее опасным противником. Доказательством тому — уфимские переговоры группы эсеров во главе с В.К. Вольским с большевиками в январе 1919 г. (справедливости ради отмечу, что эсеровские организации почти сразу после этих переговоров поспешили от них откреститься и назвать переговорщиков провокаторами⁷⁵¹). Эта постоянная борьба стала одной из причин неудачи Белого движения на Востоке России, однако она не привела к победе и самих эсеров.

Характерна цитата из антиэсеровского политического памфлета, составленного неким В. Ферганским во Владивостоке в 1921 г.: «Партия эс-эров в течение четырех лет русской революции сыграла роковую для русского народа роль. Эс-эры систематически взрывали все возникавшие на территории Совроссии национальные государственные образования. Добравшись до власти и не будучи в силах удержать ее в своих руках, эс-эры позорно капитулировали перед коммунистами. Преступная, предательская, антинациональная работа»⁷⁵².

Оценки представителей белого лагеря единодушны. По свидетельству очевидца событий, лидеры Комуча — «люди, далекие от мысли о России, некультурные, узкие, ни политически, ни общественно не воспитанные. Они уцепились за власть и, точь-в-точь как большевики, не хотят и не могут ее выпустить»⁷⁵³. Тот же современник позднее отметил, характеризуя екатеринбургскую группу деятелей Комуча, что «вся жизнь их — это революционная интрига, болтовня, всякая провокация и всякие “взрывы”»⁷⁵⁴. Генерал-лейтенант К.В. Сахаров характеризовал деятельность эсеров схожим образом: «Едва ли найдется кто-либо сомневающийся в том, что руководило с самого начала и руководит действиями социалистических партий и их работников. Им важна не Россия и не русский народ, они рвались и рвутся только к власти, одни — более чисто убежденные, фанатики, чтобы проводить в жизнь свои книжные теории, другие смотрят более прак-

тически, и им важна власть, чтобы быть наверху, иметь лучшее место на жизненном пиру»⁷⁵⁵. Барон А.П. Будберг эмоционально отмечал в своем «Дневнике»: «Каков бы ни был Колчак, но Омская обстановка выдвинула его к власти, к власти, ведущей смертный бой с большевизмом, и сто раз проклят тот, кто восстает на него и этим помогает большевикам...»⁷⁵⁶

Несмотря на победу на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г., эсеры уже в 1918 г. не получили практически никакой поддержки населения в своей борьбе как с правым, так и с левым лагерем, и в этом нет парадокса — деятели ПСР так и остались теоретиками, проводниками уже упоминавшихся книжных теорий, которым они подчиняли все остальное.

Сибирь в целом в те годы считалась проэсеровски настроенной. Имелись у эсеров и свои симпатизанты в военно-политическом руководстве антибольшевистских сил Востока России. Некоторые колчаковские генералы, как, например, генерал Р. Гайда осенью 1919 г., пытались ситуативно заручиться поддержкой эсеров. Однако организованные эсерами антиколчаковские восстания не привели их к достижению своих целей, а политика лавирования между основными сторонами Гражданской войны оказалась губительной для самой партии. Эсеры и лидеры национальных окраин, отстаивая свои интересы в борьбе с белыми и ведя подрывную работу против армии адмирала Колчака, сами того не желая, фактически содействовали красным. В конечном счете столь недалководная линия поведения привела эсеров либо в советские тюрьмы, либо в эмиграцию.

Очевидно, диктатура является более подходящим для ведения войны политическим режимом, чем коллегиальная демократия. Равно как не приходится говорить о демократических преобразованиях в военное время. Лишь в периоды слабости основных участников Гражданской войны (красных летом 1918 г., колчаковцев на рубеже 1919–1920 гг.) эсеры могли добиться некоторых, весьма ограниченных военно-политических успехов. При этом они потерпели поражение даже от более слабой стороны Гражданской войны — белых. Характерно, что в ноябре 1919 г., когда уже произошел перелом в Гражданской войне в пользу красных, ЦК ПСР постановил, что «по отношению к власти и государственному порядку, установленным деникинской диктатурой, не должно быть допущено ни тени чего-либо похожего на сделку с реакцией»⁷⁵⁷. Эсеры вновь пытались организовать альтернативную

большевикам силу, борющуюся с реакцией. Тем самым лидеры ПСР в очередной раз продемонстрировали свою политическую близорукость и приверженность отвлеченным теориям, лишь ускоряя неизбежное исчезновение своей партии из политического пространства.

В условиях Гражданской войны при полном напряжении сил воюющих сторон никакого третьего пути, демократической альтернативы, попросту не было. Победа должна была достаться тем государственным силам, которые смогут в новых, «революционных» условиях наиболее эффективно побороть анархию, организовать власть и, конечно, создать более мощную армию (в том числе любыми способами заставив население драться на своей стороне). Как показала практика, лучше других это получилось у большевиков.

**ИЗ-ЗА ЧЕГО
БЫЛ РАЗБИТ
КОЛЧАК**

Белое движение потерпело неудачу, в первую очередь, на фронтах Гражданской войны. Наиболее серьезными причинами военного поражения белых были кардинальное и все возраставшее на протяжении войны неравенство сил по сравнению с красными, крупные просчеты в военном планировании и организационных вопросах, а также фатальная недооценка противника. Однако белые продолжали бороться и надеялись на победу, а значит, необходимо дать общую оценку того, были ли эти надежды хотя бы в какой-то степени обоснованными. Восточный фронт являлся одним из двух основных белых фронтов. Попробуем разобраться, могли ли белые в 1919 г. победить на этом фронте и почему проиграли.

Кампанию 1919 г. белый лагерь встретил значительно окрепшим. От красных была освобождена и удержана огромная территория Сибири и Северного Кавказа. Правда, белые не контролировали центр страны с наибольшей плотностью населения и наиболее развитой промышленностью, но готовились к наступлению, которое должно было решить участь Советской России. На Юге всю полноту власти сумел сосредоточить в своих руках генерал-лейтенант А.И. Деникин, временно подавивший казачий сепаратизм, на Востоке к власти пришел адмирал А.В. Колчак. Летом 1919 г. Деникин даже объявил о своем подчинении Колчаку, правда, сделал он это уже в тот период, когда колчаковский фронт трещал по швам и белые из Поволжья откатывались к Уралу.

КОЛЧАКОВСКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

Важнейшими среди причин поражения белых стали проблемы высшего военного управления и стратегического планирования. При этом основная ответственность за неудачный исход вооруженной борьбы с большевиками на Восточном фронте лежит на высшем команд-

ном составе белых армий Востока России. Что же представляли собой колчаковские полководцы?

В основе каждого решения стоял тот или иной офицер Генерального штаба, обладавший индивидуальным теоретическим и практическим опытом, своими сильными и слабыми чертами. Наиболее одиозной в белом лагере в этом контексте представляется фигура генерал-майора Д.А. Лебедева — начальника штаба Ставки Колчака.

Многие мемуаристы и исследователи называли и называют Лебедева основным виновником неудачи наступления армий Колчака на Москву весной 1919 г. По поручению Колчака была образована комиссия для расследования деятельности Лебедева в составе трех опытных генералов-генштабистов М.К. Дитерихса, М.А. Иностранцева и А.Ф. Матковского. Один из членов комиссии, генерал-майор Иностранцев, вспоминал: «Ознакомление наше с деятельностью Ставки и генерала Лебедева вообще, и в частности с оперативными директивами, убедили **всех нас трех членов комиссии***, что дело управления армии находится в совершенно неопытных до младенчества и невежественных, хотя и самоуверенных, руках, что в вопросах организации царит полнейший произвол, хаос и импровизация»⁷⁵⁸. При этом в мае 1919 г. на Лебедева помимо занимаемой должности, которой он не соответствовал, были возложены еще и обязанности военного министра. Ставка и министерство находились в Омске, удаленном от фронта на тысячу с лишним километров, что также негативно сказывалось на управлении.

Конечно, вряд ли один человек, даже самый бесталанный, мог быть виновен в провале такого масштабного движения. Представляется, что Лебедев в общественном сознании стал «козлом отпущения» и был обвинен, в том числе и в тех ошибках и неудачах, за которые ответствен не был. Чего стоят наивность и недальновидность других колчаковских полководцев и самого Верховного правителя?! Оренбургский атаман А.И. Дутов, к примеру, в обстановке эйфории от успехов весеннего наступления заявлял журналистам, что в августе белые будут уже в Москве⁷⁵⁹, но к августу они оказались отброшены в Западную Сибирь. Похожее отношение к себе в войсках и обществе испытал после неудачи Белого движения на Юге России начальник штаба ВСЮР генерал-лейтенант И.П. Романовский, судь-

---

* Выделено в тексте.

ба которого сложилась еще более трагично, чем у Лебедева. С неприязненным отношением войск к себе сталкивался и начальник штаба Северного антибольшевистского фронта генерал-лейтенант М.Ф. Квезинский.

Однажды в разговоре с генералом М.А. Иностранцевым Колчак заявил: «Вы скоро сами убедитесь, как мы бедны в данное время людьми, почему нам и приходится терпеть, даже на высоких постах, не исключая и постов министров, людей далеко не соответствующих занимаемым ими местам, но — это потому, что их заменить нечем»⁷⁶⁰. Восточному фронту белых вообще не везло с руководителями. По сравнению с Югом здесь всегда существовала нехватка кадровых офицеров и опытных генштабистов. По мнению генерала С.А. Щепихина, «уму не постижимо, удивлению подобно, до чего долготерпелив наш страстотерпец рядовой офицер и солдат. Каких только опытов с ним не производили, какие при его пассивном участии кунштюки не выкидывали наши “стратегические мальчишки” — Костя (Сахаров) и Митька (Лебедев) — а чаша терпения все еще не переполнилась»⁷⁶¹.

По-настоящему талантливых и опытных военачальников и штабистов у белых на Восточном фронте было крайне мало. Наиболее яркие имена можно пересчитать буквально по пальцам: генералы И.Г. Акулинин, В.Г. Болдырев, С.Н. Войцеховский, М.К. Дитерихс, В.О. Каппель, В.М. Молчанов, А.Н. Пепеляев, С.А. Щепихин. Вот, пожалуй, весь список тех, кого можно сходу отнести именно к талантливым военным деятелям высшего звена. Но даже эти более чем скромные кадровые ресурсы использовались белым командованием нерационально. Например, приход к власти Колчака лишил белых такого талантливого военного руководителя, как прежний главком генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Именно о нем советский главком И.И. Вацетис написал в своих мемуарах: «С появлением ген. Болдырева на горизонте Сибири мы должны были считаться особо»⁷⁶². Генерал Дитерихс от решения военных вопросов долгое время был фактически отстранен и всю первую половину 1919 г. по поручению адмирала Колчака занимался расследованием убийства царской семьи, что могло быть с таким же успехом поручено гражданскому чиновнику. В.О. Каппель с января по начало мая 1919 г. также не участвовал в боевых операциях, занимаясь формированием своего корпуса в тылу.

Командующие всех трех основных армий Колчака были подобраны крайне неудачно. Во главе Сибирской армии был поставлен 28-летний

плохо управляемый авантюрист Р. Гайда, с кругозором австрийского фельдшера, более других колчаковских генералов способствовавший своими действиями срыву весеннего наступления. В июле 1919 г. из-за конфликта со Ставкой Гайда был отстранен от должности и уволен из армии, а позднее даже лишен генеральского чина. Западную армию возглавлял генерал М.В. Ханжин — опытный офицер, но артиллерист по специальности, при том, что командарм должен был решать не только узко технические вопросы артиллерийского дела. Командующий Отдельной Оренбургской армией атаман А.И. Дутов был скорее политиком, чем полководцем, поэтому значительную часть времени в первой половине 1919 г. его замещал начальник штаба генерал-майор А.Н. Вагин, на другие руководящие должности в казачьих частях выдвигались почти исключительно казаки по происхождению, иногда вопреки профессиональной пригодности кандидата.

Сам адмирал Колчак как моряк плохо разбирался в сухопутной тактике и стратегии, вследствие чего в своих решениях был вынужден полагаться на штаб во главе с Лебедевым, и одной лишь общей военной культуры⁷⁶³ Колчаку для успешного руководства оказалось явно недостаточно. Как отмечал генерал-лейтенант А.П. Будберг, «военного дела он не знает совершенно, даже хуже, ибо схватил только общие места и приобрел кое-какие теоретические сведения, дающие видимость знания, но крайне опасные в практическом применении»⁷⁶⁴. Ни Лебедев, ни Колчак, в отличие от противостоявших им советских военных специалистов, не имели опыта управления крупными силами в Гражданскую войну. Существует точка зрения, что Колчак намеренно выдвигал Лебедева, поскольку на его фоне не так заметно было непонимание самим адмиралом основ сухопутной войны⁷⁶⁵.

По оценке Будберга, не имевший своего мнения по ряду ключевых вопросов Колчак был «большим идеалистом», «беспомощной игрушкой в руках тех, которые приобрели его доверие и овладели его волею»⁷⁶⁶, «это мягкий воск, из которого можно лепить все что угодно; горе в том, что присяжные и доверенные лепщики очень плохи»⁷⁶⁷. Между тем так называемые вундеркинды, оказавшиеся в военном руководстве белой Сибири и сумевшие подчинить своему влиянию Колчака, фатально недооценивали противника и его возможности.

Генерал Д.В. Филатьев писал 16 августа 1919 г. А.И. Гучкову о положении колчаковских войск: «Генералов и офицеров там нет, руководи-

тели — зеленая молодежь, главнок[омандующий] Дит[e]рихс отличается, как Макдональд, поразительной незадачливостью во всех своих делах. Стратегия же и тактика и администрация не прощают забвения своих законов»⁷⁶⁸.

Характерным проявлением отсутствия гибкости мышления колчаковского командного состава является история бывшего командира 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии РККА полковника В.В. Котомина, перешедшего к белым на Восточном фронте летом 1919 г. Котомин подготовил для белых подробный доклад о состоянии Красной армии. Однако в колчаковском лагере важные свидетельства перебежчика о колоссальных успехах военного строительства в Советской России, установлении там более строгой дисциплины, чем у белых, не были приняты всерьез и даже вызвали скандал, а сам Котомин приобрел репутацию большевика, хотя искренне желал победы белым. Для сравнения, доклад Котомина, позднее захваченный частями Красной армии, привлек к себе самое пристальное внимание высшего военно-политического руководства Советской России, в том числе В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Ф.Э. Дзержинского. Неудивительно, что победа осталась за теми лидерами, которые продемонстрировали бóльшую дальновидность и готовность прислушиваться к разумной критике⁷⁶⁹. Аналогичный доклад с тем же результатом представил полковник-генштабист Г.И. Клерже на рубеже 1918–1919 гг.⁷⁷⁰

ПЛАНИРОВАНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ И СТРАТЕГИЯ КОЛЧАКА

Существует прямая взаимосвязь между низким уровнем квалификации колчаковских полководцев, отсутствием у белых продуманного плана операции и примитивизмом их стратегического планирования. Совещание командующих армиями, их начальников штабов и адмирала А.В. Колчака 11 февраля 1919 г. в Челябинске, когда решался принципиальный вопрос о наступлении, было откровенным фарсом. Не приехавший на совещание Лебедев давно уже принял свой собственный план, который Колчак должен был заставить принять всех командующих армиями, а последние имели свои планы действий и ру-

ководствовались ими без должной координации с соседями⁷⁷¹. О легкомыслии сибирских стратегов в вопросах военного планирования писали генералы А.П. Будберг и М.А. Иностранцев⁷⁷². Когда на фронте Западной армии начались неудачи, командующий Сибирской армией и его штаб вместо оказания немедленной поддержки явно и недальновидно радовались неудаче своего соседа слева⁷⁷³. Очень скоро красные перебросили часть освободившихся при разгроме Западной армии войск против Сибирской армии, командарм которой повторил печальную судьбу предшественника.

До сих пор был до конца не ясен вопрос о направлении главного удара белых. Весной 1919 г. он мог быть нанесен в двух направлениях: 1) Казань — Вятка — Котлас на соединение с войсками Северного фронта генерала Е.К. Миллера и союзниками и 2) Самара (Саратов) — Царицын на соединение с войсками генерала А.И. Деникина, действовавшими на Юге России. Концентрация значительных сил в выпестованной белым командованием Западной армии и оперативная переписка⁷⁷⁴, а также простейшая логика свидетельствуют в пользу главного удара в центре фронта — вдоль линии Самаро-Златоустовской железной дороги на уфимском направлении, являвшемся наиболее важным и перспективным, позволявшем кратчайшим путем выйти на соединение с Деникиным⁷⁷⁵. Свидетельствуют об этом и прямые указания Колчака в начале наступления, когда он распорядился «подтвердить, что в предстоящих операциях главный удар возложен на Западную армию, в целях овладения уфимским районом, почему командармам Сибирской и Оренбургской принять все меры к способствованию Западной армии выполнить поставленную задачу ей и свои действия согласовать с ней»⁷⁷⁶.

Тем не менее по разным причинам сконцентрировать все первоначально намеченные для нанесения удара войска в Западной армии, не растягивая их по фронту, и скоординировать наступление с соседними армейскими объединениями не удалось⁷⁷⁷. Правофланговая Сибирская армия была почти столь же мощной по своему составу, как и Западная, а ее действия в значительной степени были связаны именно с северным направлением наступления на соединение с союзниками в районе Архангельска. Сторонником этого пути был сам командарм генерал Р. Гайда, не скрывавший своих взглядов на этот счет даже от гражданских⁷⁷⁸. Белые военачальники свидетельствовали, что из Сибирской армии всегда можно было взять одну-две дивизии⁷⁷⁹, а попыт-

ки Гайды действовать самостоятельно в северном направлении вместо поддержки наступления Западной армии ударами на Сарепул и Казань являлись серьезной стратегической ошибкой, сказавшейся на итогах операции. На этот существенный промах противника обратил внимание в своих неопубликованных мемуарах советский главнокомандующий И.И. Вацетис⁷⁸⁰.

Не случайно еще 14 февраля 1919 г., до начала наступления, Деникин писал Колчаку: «Жаль, что главные силы сибирских войск, по-видимому, направлены на север. Соединенная операция на Саратов дала бы огромные преимущества: освобождение Уральской и Оренбургской областей, изоляцию Астрахани и Туркестана. И главное — возможность прямой, непосредственной связи Востока и Юга, которая привела бы к полному объединению всех здоровых сил России и к государственной работе в общерусском масштабе»⁷⁸¹.

Белые стратеги подробно расписывали преимущества именно южного варианта, отмечая важность создания общего фронта с Деникиным, освобождения казачьих областей и других территорий с антибольшевистски настроенным населением (немецкие колонисты, поволжские крестьяне), захвата зерновых районов и районов угле- и нефтедобычи, а также Волги как важной коммуникационной линии, позволявшей осуществлять транспортировку этих ресурсов⁷⁸².

Конечно, при этом неизбежно растягивались коммуникации Колчака, что до соединения с Деникиным могло привести к неудаче, но армия выходила в более развитый район, обладавший более густой, чем восточнее, железнодорожной сетью, к тому же сокращался белый фронт и высвобождались резервы. Впрочем, до координации с белым Югом дело так и не дошло, поскольку наступления двух белых фронтов развивались в противофазе. Крупные успехи Деникина начались уже после того, как колчаковское наступление захлебнулось. Советский главком И.И. Вацетис вспоминал: «Предметом действий для всех контрреволюционных фронтов являлась Москва, куда все они устремились разными способами. Был ли общий план действий у Колчака, Деникина, Миллера? Едва ли. Мы знаем, что проект общего плана был выдвинут Деникиным и Колчаком, но он не выполнялся ни тем, ни другим, каждый действовал по-своему»⁷⁸³.

Если же говорить о колчаковской стратегии и выборе между «северным» и «южным» вариантами наступления, то наиболее близко

к действительности в свете фактической группировки белых армий высказывание генерал-лейтенанта Д.В. Филатьева, позднее служившего в Ставке Колчака: «Был еще один, третий вариант, кроме двух указанных: двинуться одновременно и на Вятку и на Самару. Он приводил к эксцентрическому движению армий, действиям враздробь и к оголению фронта в промежутке между армиями. Такой образ действий мог бы позволить себе полководец, уверенный в самом себе и в своих войсках и располагающий превосходством сил, стратегическим резервом и широко развитую сеть железных дорог для переброски войск по фронту и в глубину. При этом одно из направлений выбирается как главное, а прочие — суть демонстрации для введения противника в заблуждение. Ни одного из перечисленных условий налицо в Сибирской армии не было, исключая уверенности в себе полководца, поэтому такой вариант должен был быть отброшен из обсуждения, как ведущий неумолимо к полному неукладу. Между тем он именно и был избран для сокрушения большевиков, что и привело сибирские армии в конечном результате к краху. Положение большевиков весной 1919 года было таково, что только чудо могло спасти их. Оно и случилось в виде принятия в Сибири самого абсурдного плана для действий»⁷⁸⁴. Фактически из-за ошибок Ставки белое наступление, и без того слабо подготовленное и малочисленное, превратилось в удар растопыренными пальцами. Не получилось не только координации с Деникиным, но и эффективного взаимодействия между самими колчаковскими армиями.

На это еще в первые дни наступления обращал внимание Ставки командующий Западной армией, который телеграфировал 2 марта 1919 г. в Омск: «Западная армия, наносящая главный удар, вправе рассчитывать не только на полную связь с ее действиями операций соседних армий, но и на полную поддержку с их стороны, даже поступаясь частными интересами этих армий в пользу главного удара... Сибирская армия составила свой план действий и вчера перешла к его выполнению, не заняв указанного ей исходного положения — до сих пор левобланговый участок этой армии от железной дороги Сарапул — Красноуфимск до разграничительной линии с Западной армией не занят войсками Сибирской армии, и этот разрыв фронта я должен прикрывать полутора полками моего Уфимского корпуса, отвлекая эти силы на неопределенное время от выполнения поставленной корпусу задачи.

Оренбургская армия находится в том же состоянии полного разложения казачьих частей, как было под Оренбургом; разложение грозит перейти и на приданные этой армии пехотные части... Командование Оренбургской армии бессильно, как и под Оренбургом, восстановить порядок в своих рядах... Ясно, что такая армия не только не выполнит возложенной на нее общей директивой Ставки задачи, она не только не способна [к] наступлению, но у нее даже нет сил удержать фронт и остановить стихийный отход и обнажение фланга и тыла ударной армии»⁷⁸⁵.

Начальник штаба Ханжина генерал С.А. Щепихин писал об Оренбургской армии, что «по существу, Дутов со своей псевдо-армией — мыльный пузырь и левый фланг Западной армии на весу»⁷⁸⁶. Но намного ли лучшим было положение самой Западной армии, где служил Щепихин?! На самом деле эта армия, несмотря на стягивание в нее всевозможных пополнений, тем не менее испытывала общие для всех трех белых армий проблемы.

4 августа 1919 г. помощник начальника штаба Ставки генерал А.П. Будберг записал в своем дневнике: «Сейчас наше положение много хуже того, что было год тому назад, ибо свою армию мы уже ликвидировали, а против нас, вместо прошлогодних совдепов и ви-негрета из красноармейской рвани наступает регулярная Красная армия, не желающая, — вопреки всем донесениям нашей разведки, — разваливаться; напротив того, она гонит нас на восток, а мы потеряли способности сопротивляться и почти без боя катимся и катимся»⁷⁸⁷.

СОСТАВ КОЛЧАКОВСКОЙ АРМИИ

Катастрофичной была ситуация не только с высшим командным составом и военными талантами в войсках Колчака. Не меньше проблем было и на других уровнях, в отношении как офицерского, так и рядового состава.

Как свидетельствовал генерал М.А. Иностранцев, «в Сибири чувствовался вообще большой недостаток офицеров Генерального штаба, что при ответственной и требующей больших и специальных знаний работе созидания армии должно было очень серьезно давать себя чув-

ствовать. На фронте, действующем против большевиков, войск, недостаток тех же специалистов также был настолько силен, что многие ответственные должности в штабах были заняты совсем молодыми, не имеющими никакого опыта офицерами, зачастую имеющими и минимальное военное образование»⁷⁸⁸.

В войсках остро не хватало офицеров, а кадровые офицеры вообще были редкостью. В 63-тысячной Западной армии к середине апреля было лишь 138 кадровых офицеров и 2548 офицеров военного времени⁷⁸⁹. В Сибирской армии на 15 марта 1919 г. числились 70 кадровых офицеров при 3009 офицерах военного времени⁷⁹⁰. В мае в Сибирской армии не хватало офицеров даже для укомплектования штабов двух армейских групп, которые комплектовались по штатам штабов неотдельных армий⁷⁹¹.

По некоторым данным, к началу 1919 г. некомплект офицеров у Колчака достигал 10 тысяч человек⁷⁹². Во многих оренбургских казачьих полках недостаток офицеров исчислялся двузначными цифрами⁷⁹³. Тыл же, наоборот, был переполнен офицерством. Не способствовало исправлению ситуации и суровое отношение к бывшим офицерам, ранее служившим у красных и попадавшим в плен к белым.

Масса имевшихся в наличии офицеров оставляла желать много лучшего, причем не только по своей подготовке. По свидетельству министра иностранных дел колчаковского правительства И.И. Сукина, «командный состав наших войск, без всяких сомнений, был крайне неудовлетворителен. Младшие офицеры представляли собой серую массу, недостаточно воспитанную, старшие же начальники были лишены дарований, дисциплины и настойчивости, которых требовали тяжести условий борьбы. В этом отношении Красная армия всегда имела над нами решающее преимущество, ибо ее командный состав был, с одной стороны, опытен, а с другой — вынужден подчиняться строжайшей дисциплине, которую большевики особенно применяли в отношении офицеров»⁷⁹⁴.

В годы Гражданской войны в офицерской среде распространились карточная игра и другие развлечения, пьянство (возможно, вследствие безысходности положения) и даже мародерство. К примеру, в приказе по Восточному фронту № 85 от 8 сентября 1919 г. говорилось, что командир 6-го Оренбургского казачьего полка войсковой старшина А.А. Избышев «за уклонение от боевых операций и непрерывное пьянство» разжалован в рядовые⁷⁹⁵.

Практически не было ни одного начальника дивизии, командира корпуса, командующего армией (Р. Гайда, А.Н. Пепеляев, А.И. Дутов), не говоря уже об атаманах, которые бы в условиях Гражданской войны не совершали дисциплинарных проступков. Так, Гайда 26 мая 1919 г. направил в Омск фактический ультиматум с требованием отправить в отставку генерала Д.А. Лебедева, которого считал виновником многих неудач на фронте. Начальник 11-й Уральской стрелковой дивизии Западной армии, георгиевский кавалер, генерал-майор В.В. Ванюков в июне 1919 г., например, отказался выполнить приказ о передислокации дивизии, так как обещал солдатам отдых, за что был отстранен от командования и попал под следствие⁷⁹⁶. Сменивший генерала Ханжина на посту командующего Западной армией генерал-майор К.В. Сахаров без стеснения писал, что в его армии единственным эффективным способом командования было прямое управление войсками, поскольку «бумажные приказы оставались всегда неисполняемыми или неисполнимыми... прежний способ приучил строевых начальников отписываться, смотреть на полученный приказ как на простой лоскут бумаги»⁷⁹⁷.

Старшие начальники подавали дурной пример всем остальным. Абсолютного значения приказа не существовало. По сути, любой сколько-нибудь значимый воинский начальник в новых условиях являлся своеобразным атаманом для подчиненных. Интересы своей части, отряда, дивизии, корпуса, армии, войска ставились выше приказов сверху, которые исполнялись лишь по мере необходимости. Такой «атаман» для своих подчиненных был и царь, и бог. За ним они готовы были пойти куда угодно. Как отмечал современник, «в условиях Гражданской войны нет “устойчивости частей”, а все зиждется лишь на “устойчивости отдельных вожаков”»⁷⁹⁸. И действительно, колчаковскую армию трудно назвать единой воинской силой, сформированной по одному образцу, штату и т.д. Почти каждый корпус или отряд отличался от остальных⁷⁹⁹, что отнюдь не свидетельствовало в пользу «регулярства» этой армии, о котором иногда пишут, а скорее говорило о партизанском и импровизационном характере формирований.

Воинская дисциплина в ее правильном понимании⁸⁰⁰, равно как и взаимодействие войск отсутствовали как таковые. Совершенно иначе дисциплина была поставлена у красных, в лагере которых дисциплинарные проступки сурово карались. Впрочем, при сложившейся обста-

новке победителям в Гражданской войне не удалось до конца решить задачи внедрения строгой дисциплины в войсках.

Штабы были раздуты и переполнены уклонявшимися от фронта офицерами. Полная дезорганизация собственного военного управления и впечатляющие успехи противника приводили к утрате в рядах белых веры в победу. Наиболее ярко разочарование можно проследить по высказываниям представителей командного состава, оценки офицерской и рядовой массы должны были быть куда жестче. Состоявший в распоряжении Войскового штаба Оренбургского казачьего войска генерал-майор Л.Н. Доможиров, выступая весной 1919 г. на станичном сходе в станице Кизильской, говорил казакам о бесцельности борьбы с красными⁸⁰¹. «Я чувствую, что у меня подрывается вера в успех нашего святого дела»⁸⁰², — отметил в начале мая 1919 г. генерал-майор Р.К. Бангерский. Командир II Оренбургского казачьего корпуса генерал-майор И.Г. Акулинин в рапорте командующему армией от 25 апреля 1919 г. писал об отсутствии поддержки со стороны казачьего населения⁸⁰³. 2 мая 1919 г., когда еще поражение Колчака было неочевидным, командующий ударной Западной армией генерал от артиллерии М.В. Ханжин наложил на один из документов резолюцию: «Нашей коннице надо брать пример с красноармейской»⁸⁰⁴. Подобные признания высших военачальников дорогого стоят.

К началу наступления белые на Восточном фронте обладали двойным превосходством в силах над красными, учитывая нестроевых. Реальное превосходство по боевому составу было менее выигрышным — примерно в 1,5 раза. Это преимущество белыми было сравнительно быстро растрчено. К 15 апреля 1919 г. в наносившей главный удар Западной армии было 2686 офицеров, 36 863 штыка, 9242 сабли, 12 547 человек в командах и 4337 артиллеристов. Всего 63 039 офицеров и нижних чинов⁸⁰⁵. К 10 июня в Западной армии оставалось только 24 015 штыков, 6174 сабли и 1694 невооруженных бойца⁸⁰⁶. В Сибирской армии к 1 марта имелось 3276 офицеров, 39 309 штыков и 2859 сабель⁸⁰⁷, а к 10 июня 1919 г. числилось 56 649 штыков и 3980 сабель, всего 60 629 бойцов⁸⁰⁸. В Отдельной Оренбургской армии к 29 марта 1919 г. имелось только 3185 штыков и 8443 шашки, всего 11 628 бойцов⁸⁰⁹. Последняя насчитывала в своих рядах почти в шесть раз меньше войск (в том числе за счет передачи всех наиболее ценных в боевом отношении неказачьих частей в Западную армию), чем сосе-

ди, командование которых (прежде всего, Западной армии) позволяло себе при этом систематические издевки над оренбуржцами. К 10 июня 1919 г. в Южной армии, в которую были переформированы Отдельная Оренбургская армия и Южная группа Западной армии, значилось 15 483 штыка и 12 049 сабель⁸¹⁰. Численность Отдельной Уральской армии, по разведанным красных, летом 1919 г. составляла около 13 700 штыков и шашек. Всего же в весеннем наступлении на его начальном этапе одновременно участвовало не менее 120 тысяч солдат и офицеров колчаковских армий (без учета уральских казаков, действовавших фактически автономно). Красные на Восточном фронте к 15 февраля 1919 г. имели 76 400 штыков и 8570 сабель⁸¹¹. Однако уже к началу мая соотношение сил на фронте выровнялось. К 1 июня красные на Восточном фронте располагали 119 214 штыками, 11 184 саблями при 367 орудиях и 2298 пулеметах⁸¹².

Образовательный уровень колчаковских пополнений был очень низким. Так, в период с 4 февраля по 4 марта 1919 г. в Сибирскую армию были мобилизованы 46 987 нижних чинов и 847 офицеров. Из этого числа только 1238 человек имели четырехклассное или более высокое образование⁸¹³. За вычетом офицеров, которые в основном обладали сравнительно высоким образовательным цензом (за исключением произведенных из нижних чинов), получается, что в армию был направлен только 391 человек, обладавший элементарным образованием.

Колчаковская армия страдала неправильным распределением сил и средств по фронту — она испытывала острую нехватку пехотных частей на казачьих фронтах (что, например, сделало невозможным взятие такого важного центра, как Оренбург, силами одной лишь конницы) и при этом недостаток конницы на фронтах неказачьих. Только централизованное управление могло привести белых к победе, однако казачьи регионы так и остались автономными, а казачьи атаманы продолжили проводить собственную политическую линию. Помимо тактических и стратегических проблем это добавляло и морально-психологические неудобства. Солдаты и казаки, сражаясь на своих родных землях, испытывали сильный соблазн при первой же возможности дезертировать, разойтись по домам или перейти к противнику, если родная станица или село оказались за линией фронта (кстати, большевики понимали эту проблему и старались ее не допускать). После освобождения от красных Ижевского и Воткинского заводов

домой захотели даже легендарные ижевцы и воткинцы — единственные белые части из рабочих. В период самых тяжелых боев конца апреля, когда решалась судьба Белого дела на Востоке, большинство из этих «героев» борьбы с большевиками просто разошлись по домам (надо сказать, что ранее «вернуться к своим семьям» им непредусмотрительно обещал сам генерал Ханжин). К маю в Ижевской бригаде осталось только 452 штуки из прежнего состава, прибывшие пополнения оказались плохо обученными и сдавались в плен⁸¹⁴. 10 мая генералу Гайде пришлось уволить в запас и распустить по домам бойцов Воткинской дивизии⁸¹⁵.

Казачи вообще не хотели выходить за пределы своей территории, ставя местные интересы выше общегосударственных. Как показала практика, казачество могло лишь выделить часть своих сил для общегосударственной борьбы против красных, а также предоставить свою территорию в качестве базы для развития Белого движения. До создания массовой Красной армии такая особенность казачества давала белым неоспоримое преимущество перед противником и стала одной из причин крупных успехов Белого движения в 1919 г. Однако отсутствие у белых аналогичного имевшемуся у красных репрессивного аппарата не позволило вождям Белого движения, несмотря на вышеуказанное преимущество, быстро сформировать массовые армии (при помощи террора) и, в конечном итоге, обрекло их на поражение.

Мобилизованные Колчаком силы были неоднородны по своему составу. Во многом справедлива оценка советского главкома Вацетиса: «У Колчака получился фронт довольно неоднородный, как по своей политической ориентации, так и по линии общественной группировки. Правый фланг — армия ген. Гайды состояла, преимущественно, из Сибирской демократии, сторонников Сибирской автономии. Центр — Уфимский фронт слагался из кулацко-капиталистических элементов и по политической линии держался великороссийско-казацкого направления. Левый фланг — казачества Оренбургской и Уральской областей объявили себя конституционалистами.

Так было на фронте. Что же касается тыла от Урала до Байкала, то там сгруппировались остатки левого крыла бывшего чехо-русского военного блока: чехо-войска и эсеры, открывшие враждебные действия против диктатуры Верховного Правления адмирала Колчака»⁸¹⁶. Разумеется, при столь разнородном составе и наличии внутренних проти-

воречий боевой дух колчаковских войск также оставлял желать много лучшего.

Генералы Щепихин, Пепеляев и др. отмечали безразличие населения к делу возрождения России, которое влияло и на моральный дух войск. По мнению Пепеляева, «настала такая минута, когда не знаешь, что будет завтра, не будут ли части сдаваться в плен целиком. Должен быть какой-то перелом, новый взрыв патриотизма, без которого мы все погибнем»⁸¹⁷. Но перелома не случилось.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАСТУПЛЕНИЯ

Весеннее наступление колчаковских армий началось в марте 1919 г. на фронте Западной армии. Конечной целью наступления являлось занятие Москвы, но намеченный план взаимодействия армий при наступлении был сорван практически сразу, а плана действий за Волгой не существовало вовсе⁸¹⁸. В то же время предполагалось, что основное сопротивление красные будут оказывать у Симбирска и Самары⁸¹⁹.

Сюрреализм затеваемой наступательной авантюры подкрепляется делопроизводственной документацией белых. Чего стоит указание из журнала военных действий Сибирской армии, в котором накануне наступления, 28 февраля, отмечалось, что в резерве армии нет ни одного батальона, левый фланг армии в поставленных задачах не совпадает с разграничительной линией между Сибирской и Западной армиями, а между двумя армиями имеется разрыв, пользуясь которым красные могут беспрепятственно наступать⁸²⁰.

Еще удивительнее то, что в начале наступления, 4 марта 1919 г., части III Степного корпуса Сибирской армии по причине недостатка патронов были вынуждены оставить ряд пунктов с большими потерями⁸²¹. Похожая ситуация сложилась и в Средне-Сибирском корпусе, где не хватало патронов и снарядов. Перейдя в наступление, части Средне-Сибирского корпуса 5 марта 1919 г. всюду встречали укрепленные позиции и превосходящие части красных, причем превосходство противника ощущалось во всем — в артиллерии, боеприпасах и даже в коннице⁸²², несмотря на то, что казачество выступало на стороне белых. По донесению командира Средне-Сибирского

корпуса, начавшееся наступление встретило «небывалое до сих пор сопротивление красных, которые переходят сами в контратаки. Артиллерия противника и пулеметы наносят нам громадные потери. Барабинский полк за день боя под заводом Андреевским потерял всех пулеметчиков и во многих ротах всех офицеров... С офицерами дело критически. Длина фронта невозможна. Прошу два миллиона патронов и обеспечение левого фланга быстрым выдвижением частей третьего корпуса...»⁸²³ Подобные коллизии в первые же дни наступления отнюдь не свидетельствуют в пользу подготовленности операции.

В журнале военных действий Сибирской армии 6 марта отмечалось, что армия перешла в наступление по всему фронту, но «противник по всей линии оказывает упорное сопротивление и развивает ураганный артиллерийский, пулеметный и винтовочный огонь»⁸²⁴.

С самого начала наступление развивалось не по намеченному плану. Некоторые наиболее вопиющие ошибки и дезорганизация в управлении войсками были очевидны даже простым офицерам и солдатам и подрывали их веру в командование. Это и не удивительно, если учесть, что даже не во всех корпусных штабах было известно о замысле предстоявшего наступления⁸²⁵. Части Западной армии влезли в полосу наступления Сибирской армии, причем подразделения двух армий отказывались помогать друг другу — сразу наметилась проблема плохого взаимодействия соседних армий, усугублявшегося соперничеством военачальников. Командующий Отдельной Оренбургской армией генерал А.И. Дутов в ответ на просьбы о присылке двух казачьих полков в Сибирскую армию потребовал взамен хорошо вооруженный пехотный полк с пулеметами⁸²⁶, то есть фактически вместо помощи начал торговаться.

В первые же дни наступления Сибирская армия стала нести тяжелые потери. Командир Сводного корпуса в начале марта ходатайствовал об отводе в тыл 3-й Иркутской дивизии ввиду того, что «дивизия имеет в полках по сто — сто пятьдесят штыков, совершенно изнуренных, раздетых, отупевших от бессменной шестимесячной работы на фронте, пулеметы не действуют ввиду выбытия из строя номеров, команд разведчиков и лыжников нет»⁸²⁷. На смену 9 марта была выдвинута 7-я Сибирская дивизия. По причине острой нехватки боеприпасов войскам приходилось ходить в штыковые атаки.

Первоначально белые действовали довольно успешно. На фронте правого фланга Сибирской армии 7 марта был взят Оханск, на следующий день — Оса. 13 марта белыми была взята Уфа, причем, по некоторым данным, в плен тогда едва не попал сам председатель РВСР Л.Д. Троцкий. Уже 17 марта лыжники Сибирской армии установили связь с Северным фронтом белых в Усть-Цильме⁸²⁸. Наконец, 18 марта на левом фланге Восточного фронта началось одновременное наступление частей Южной группы Западной армии и Отдельной Оренбургской армии, которые к двадцатым числам апреля вышли на подступы к Оренбургу, но увязли в попытках овладеть городом. 22 марта Западная армия заняла Мензелинск, 5 апреля — Стерлитамак, 7 апреля — Белебей, 10 апреля — Бугульму и 15 апреля — Бугуруслан. Сибирская и Западная армии нанесли тяжелые удары по 2-й и 5-й армиям красных.

В сложившейся ситуации белым важно было, не теряя соприкосновения с противником, энергично преследовать его, чтобы до вскрытия рек овладеть стратегически важными пунктами, начался так называемый бег к Волге. Однако опередить весеннюю распутицу не удалось. Левый фланг Сибирской армии тормозил наступление на Сарапул, занятый лишь 10 апреля, 7 апреля был взят Воткинск, 13-го — Ижевск, а затем войска двинулись на Казань, Вятку и Котлас, 4 мая была взята Елабуга, а войска вышли к реке Вятке. После этого командующий Северной группой Сибирской армии сообщил, что по условиям местности, при том, что войска не были полностью вооружены, а коммуникационная дорога еще не была организована, он не мог перейти в наступление ранее 20 мая⁸²⁹. Фактически две недели в условиях пробуксовки наступления и отхода соседней Западной армии Северная группа Сибирской армии не вела активных действий.

Тупиковая для белых ситуация сложилась к маю и на крайнем левом фланге колчаковского фронта — в районе Оренбурга. Фактически весь левый фланг белых к югу от района Челябинска не имел железнодорожной связи с Сибирью из-за недостроенной ветки. К Оренбургу оказались прикованы главные силы Отдельной Оренбургской армии (два корпуса) и корпус из состава Южной группы Западной армии. Корпуса белых не имели сил для штурма города, были плохо обеспечены боеприпасами, не имели необходимых технических средств, а плохая связь и разлив рек не позволяли наладить взаимодействие. На этом

участке фронта белые не смогли полностью сковать силы 1-й советской армии⁸³⁰. Кроме того, часть Отдельной Оренбургской армии должна была сдерживать красных в Туркестане. Таким образом, силы, имевшиеся на флангах колчаковского фронта, в мае оказались, по сути, выведены из активной борьбы.

Основные события развернулись на центральном участке фронта. Здесь для белых сложилась тяжелая ситуация. При отсутствии координации действий Западной армии с соседями фланги этой главной колчаковской армии оказались необеспеченными, фронт пришлось растягивать на 400 км, что вело к ослаблению сил, тылы при наступлении отстали, а снабжение налажено не было, не приходилось рассчитывать и на резервы, ситуация усугублялась противоречиями в командном составе, а перегруппировки осложнялись распутицей.

Еще 5 марта 1919 г. красными была образована Южная группа Восточного фронта под командованием М.В. Фрунзе, 10 апреля она была реорганизована и включала силы 1, 4, 5-й и Туркестанской армий. Удар по колчаковским войскам должна была нанести мощная группировка общей численностью около 42 тысяч штыков и сабель. С 28 апреля группа перешла в контр наступление, лишившее Колчака шансов на победу. Уже 4 мая красные взяли Бугуруслан и Чистополь, 13 мая — Бугульму, 17 мая — Белебей, 24 мая белые оставили Стерлитамак, 26 мая красные вступили в Елабугу, 2 июня — в Сарапул, 7-го — в Ижевск. Как отмечали очевидцы, в середине мая красные на фронте Сибирской армии вели наступление густыми колоннами⁸³¹. Контраст с малочисленными белыми формированиями, видимо, был ощутимым, а у командира VIII армейского корпуса Сибирской армии не было сил для парирования удара красных.

20 мая в наступление на Вятку, наконец, перешла Северная группа Сибирской армии, занявшая 2 июня Глазов, но этот успех носил лишь частный характер и не сказался на положении фронта, и прежде всего начавшей отступление Западной армии. Начальник штаба III Степного корпуса доносил 6 июня, что «после оставления нами Сарапуля, находясь все время на фронте и имея непосредственное соприкосновение с полками и дивизиями, он считает долгом доложить, что корпус ведет слишком неравные тяжелые бои, это сплошное геройство, полки, неся громадные потери до половины своего состава, морально поддерживаются своими славными делами и уступают слишком дорого каждую

пядь земли... Корпус будет драться, и если надо, то он весь погибнет»⁸³². В журнале военных действий Сибирской армии отмечалось, что наступающие красные нередко доводили обстрел до ураганного огня⁸³³. По всей видимости, ответить тем же белые не могли. Для выправления ситуации на фронте Гайда не останавливался перед суровыми приказами. Впрочем, не все они свидетельствовали о трезвом взгляде командующего армией на ситуацию. Так, Гайда угрожал отправить личный состав 1-й кавалерийской дивизии, которая действовала вяло и нерешительно, нести ординарческую службу⁸³⁴. Подобные абсурдные угрозы высказывались в обстановке отсутствия каких бы то ни было резервов.

В приказе по войскам временно ему подчиненной Западной армии Гайда во многом справедливо отмечал, что армия отступает без должного сопротивления, «в некоторых частях Западной армии появились перебежчики, убийства офицеров и даже случаи насильственного ухода офицеров к красным. В частях тыла возрастают случаи пьянства. Появление в разных районах вооруженных шаек из местных большевиков и дезертиров, которые терроризируют население, и большое явление самосуда. Командный состав растерялся. Явлением всего этого считаю виновным командный состав, который слишком далеко стоит от своих подчиненных, а во время боев находится слишком далеко от своих частей. Начальники частей и интендантство не заботятся о регулярном снабжении частей продовольствием, так что есть случаи, что в некоторых частях люди по несколько дней не получали хлеба и горячей пищи. Командиры полков и начальники дивизий дают неправильные и неточные сведения о составе своих частей, именно штыков, пулеметов, орудий и т.д., а также доносят о тяжелых боях и больших потерях, но на самом деле не существующих. Некоторые начальники при малейших опасностях уходят со своими штабами, причем вызывают панику у подчиненных. Самая главная вина командного состава та, что он в бою не принимает решительных мер к солдатам, не исполняющим приказаний и бегущим с фронта»⁸³⁵. Однако такой приказ стороннего начальника не принес пользы, а лишь глубоко оскорбил командный состав Западной армии⁸³⁶, усугубив прежнюю конфронтацию командования двух армий. 9 июня белыми оставлена Уфа, 11 июня — Воткинск, а 13-го — Глазов, поскольку его удержание уже не имело смысла.

По итогам операции генерал А.Н. Пепеляев, командовавший в период наступления Северной группой Сибирской армии, 21 июня 1919 г.

писал своему начальнику — командующему Сибирской армией Р. Гайде: «Ставка легкомысленно пустила на убой десятки тысяч людей»⁸³⁷.

Вскоре белые утратили практически всю территорию, которой овладели в период наступления, и откатились за Урал, а затем были вынуждены отступать в суровых условиях по Сибири и Туркестану, претерпевая чудовищные лишения, на которые их обрекли недальновидность и неспособность собственного руководства.

РЕЗЕРВЫ

Какими бы ни были способности военачальников, без войск они ничего сделать не могут. При отсутствии резервов для развития успеха операция может привести лишь к провалу и напрасной гибели людей, что и произошло с колчаковскими войсками весной — летом 1919 г.

Проблема резервов была одной из наиболее болезненных для белых и явилась тем краеугольным камнем, который не позволил им добиться успеха. В мемуарах генерала К.В. Сахарова применительно к маю 1919 г. проскальзывает такая фраза: «Нечего было и думать о посылке на фронт на смену и поддержку выдохшимся бойцам свежих частей»⁸³⁸. Фактически наступление Колчака, так же, как и наступление Деникина, началось и развивалось при почти полном отсутствии каких-либо резервов, что не могло не привести к катастрофе. Расчеты белых стратегов основывались, по всей видимости, на постепенном сжатии кольца фронтов вокруг Советской России и сокращении за счет этого собственной линии фронта. При этом освобождались новые территории, на которых было возможно мобилизовать пополнения, и высвобождались собственные войска. Однако для такого развития событий требовалось хотя бы выйти на линию Волги и закрепиться на ней, чего колчаковцам сделать так и не удалось.

Операция началась в канун весенней распутицы, и очень скоро малочисленные части белых оказались на несколько недель оторваны от тылов (это произошло как в Западной, так и в Отдельной Оренбургской армиях), не налаженных и ранее, а теперь вообще отсутствовавших. М.В. Фрунзе справедливо полагал, что распутица должна будет стать союзником красных⁸³⁹. И действительно, в результате разлива рек не могли двигаться вперед не только артиллерия и обо-

зы, но и пехота, которая поначалу была вынуждена пользоваться «утренниками» (утренними морозами), а с потеплением перестала иметь и такую возможность; были случаи, когда всадники тонули вместе с лошадьми. Части корпусов вследствие разлива рек разъединялись, не могли действовать скоординированно, теряли связь между собой. Движение в таких условиях даже вне боевой обстановки утомляло войска.

Если красные отступали на свою базу, где могли быстро оправиться, то войска белых, на всех парах мчавшиеся к Волге, чтобы опередить распутицу, в самый ответственный момент оказались лишены продовольствия, одежды, боеприпасов, артиллерии и сильнее всего образом переутомлены. Такая ситуация, к примеру, сложилась в апреле 1919 г. в Западной армии⁸⁴⁰. Командир VI Уральского армейского корпуса генерал-майор Н.Т. Сукин запрашивал командование о том, как ему поступить в сложившейся ситуации — продолжать наступление на Бузулук и пожертвовать пехотой или же переждать распутицу, подтянуть обозы и артиллерию и привести войска в порядок⁸⁴¹. По его мнению, «выходить... на Волгу слабыми силами, слабыми, поредевшими частями — это равносильно провалу всего дела»⁸⁴². В действительности дело провалилось задолго до выхода к Волге.

Опередить наступление распутицы не удалось, и белые увязли. Остановка же в условиях маневренной Гражданской войны почти всегда была предвестником отступления и поражения. Наступавшие войска численно увеличивались, отступавшие — уменьшались. «Остановка [-] это гибель в Гражданской войне», — писал генерал Шепихин⁸⁴³. Красные, пользуясь возникшей вследствие половодья временной передышкой, подтянули резервы, взяли инициативу в свои руки, а затем, действуя по внутренним операционным направлениям, перебрасывали подкрепления на угрожаемые участки и тем самым не позволяли белым достичь где-либо решающей победы. Белые же так и не получили столь необходимых им резервов. Именно распутица, приостановившая наступательный порыв белых, позволила красным оправиться и нанести силами Южной группы Восточного фронта контрудар из района Бузулук — Сорочинская — Михайловское (Шарлык). Готовившийся удар красных, хотя о нем и стало заранее известно⁸⁴⁴, было нечем парировать (аналогичная ситуация осенью 1919 г. произошла и у Деникина). Белые даже не смогли дойти до Бузулука, который предписывалось взять до 26 апреля и перехватить Ташкентскую желез-

ную дорогу, чтобы заблокировать связь Оренбурга с советским центром. Из-за отсутствия точных разведанных непонятно было, куда двинуть Южную группу Западной армии — кулаком на Оренбург либо на Бузулук или же держать ее между этими пунктами⁸⁴⁵. Правильнее было двинуть группу на Бузулук, но она была направлена в соответствии с третьим вариантом.

Подготовка резервов колчаковским командованием осуществлялась по разным принципам. С одной стороны, практиковалось формирование в тылу частей и соединений, с другой стороны, создавались четырехбатальонные кадровые полки и бригады, через которые пополнялись части и соединения, находившиеся на фронте, причем кадровые бригады подчинялись командирам корпусов на фронте.

Третьим вариантом комплектования являлись мобилизации в прифронтовой полосе, так как мобилизационный аппарат белой Сибири не отличался эффективностью. Генерал Пепеляев писал о состоянии частей Сибирской армии: «Полки тают, и нечем их пополнить... Приходится мобилизовать население занимаемых местностей, действовать независимо от какого-либо общего государственного плана, рискуя получить за свою работу кличку "атаманство". Приходится создавать импровизированные кадровые части, ослабляя части боевые»⁸⁴⁶.

Генерал С.А. Щепихин отмечал, что за фронтом Западной армии никаких резервов не было — «далее на восток до самого Омска хоть шаром покати, — ни одного полка и мало вероятности получить что-либо в ближайшие месяцы»⁸⁴⁷. Между тем наступление истощило части. В одном из лучших полков V Стерлитамакского армейского корпуса, Белорецком, к началу мая осталось до 200 штыков⁸⁴⁸. В полках VI Уральского корпуса к середине апреля насчитывалось по 400–800 штыков, из которых до половины не могло действовать из-за отсутствия сапог, часть бойцов надела лапти, но от этого стали возникать заболевания, одежды не было даже для пополнений⁸⁴⁹. Еще хуже ситуация была у уральских казаков, в полках которых насчитывалось по 200 человек, существовали выборное начало и крайне слабая дисциплина⁸⁵⁰.

Генерал Будберг уже 2 мая отметил в своем дневнике, что наступление белых захлебнулось, а фронт прорван красными в очень опасном месте: «Я считаю положение очень тревожным; для меня ясно, что войска вымотались и растрепались за время непрерывного на-

ступления — полета к Волге, потеряли устойчивость и способность упорного сопротивления (вообще очень слабую в импровизированных войсках)... переход красных к активным действиям очень неприятен, так как готовых и боеспособных резервов у Ставки нет... Плана действий у Ставки нет; летели к Волге, ждали занятия Казани, Самары и Царицына, а о том, что надо будет делать на случай иных перспектив, не думали... Не было красных — гнались за ними; появились красные — начинаем отмахиваться от них как от докучливой мухи, совсем так же, как отмахивались от немцев в 1914–1917 годах... фронт страшно, непомерно растянут, войска выдохлись, резервов нет, а войска и их начальники тактически очень плохо подготовлены, умеют только драться и преследовать, к маневрированию неспособны... жестокие условия Гражданской войны делают войска чувствительными к обходам и окружению, ибо за этим стоят муки и позорная смерть от красных зверей. Красные по военной части тоже безграмотны; их планы очень наивны и сразу видны... Но у них есть планы, а у нас таковых нет...»⁸⁵¹

Фронт требовал новых сил, в результате чего на передовую отправлялись недостаточно сколоченные войска. О планомерной работе по подготовке пополнений говорить не приходится. Пожалуй, можно согласиться, что передача стратегического резерва Ставки — I Волжского корпуса генерал-майора В.О. Каппеля в Западную армию и введение его в бой по частям оказались серьезным просчетом командования. В составе Отдельной Оренбургской армии корпус Каппеля мог бы изменить обстановку⁸⁵², но армия Дутова в решающий момент оказалась действиями Ставки предоставлена своей собственной участи. При этом корпус Каппеля был направлен на фронт в сыром виде, а состав его не отличался надежностью (с февраля по апрель 1919 г. 43% пополнений корпуса составляли пленные красноармейцы⁸⁵³). Неудивительно, что каппелевцы вскоре частично перешли на сторону красных (в частности, 10-й Бугульминский полк сдался практически в полном составе, случаи переходов имели место и в других полках), а оставшаяся часть была использована для затыкания дыр на фронте одной лишь Западной армии. По данным английской военной миссии, из корпуса Каппеля к красным перешло около 10 тысяч человек⁸⁵⁴, хотя эта цифра кажется сильно завышенной. Еще один резерв — Сводно-казачий корпус — также большой роли в операции не сыграл.

В составе Сибирской армии в качестве резерва находился сформированный с февраля — марта 1919 г. Сводный Ударный Сибирский корпус. К середине мая корпус все еще не был готов к наступлению, так как не было винтовок, пулеметов, кухонь, обозов⁸⁵⁵. Вместо использования корпуса для активных наступательных действий его стали применять для латания дыр на фронте. Корпус был введен в бой 27 мая, чтобы прикрыть образовавшийся разрыв между Западной и Сибирской армиями, но буквально за два дня боевых действий лишился половины своего состава, прежде всего за счет сдавшихся в плен, и в дальнейших боях никак себя не проявил.

Некоторые части корпуса показали себя крайне позорно. Так, 6-й и 7-й ударные полки стали отступать, причем отход быстро превратился «в бегство, столь поспешное, что некоторые солдаты бросали оружие и сапоги и в панике бежали от врага, которого были призваны победить»⁸⁵⁶. Гайда был в ярости и приказал всех дезертиров расстреливать, всех пришедших без сапог и винтовок арестовать, виновных предать военно-полевому суду, лишить личный состав английского обмундирования, заменив его на старое, новое обмундирование сдать в штаб армии для выдачи более достойным, лишить личный состав отпусков, а полки и 2-ю Ударную Сибирскую дивизию лишить наименований Ударных Сибирских. Кроме того, Гайда потребовал задержать всех мобилизованных старых солдат после отбытия 6 месяцев обязательной службы, пока дивизия себя не реабилитирует успешными действиями. Начальник дивизии получил строгий выговор.

Причины неудачи корпуса одновременно очевидны и невероятны — войска были направлены в бой без надлежащего сколачивания и подготовки, большинство полковых, батальонных и ротных командиров получили свои назначения лишь накануне или во время выдвижения корпуса на фронт, а начальники дивизий уже даже после разгрома корпуса. Соединение было направлено на передовую без телефонов, полевых кухонь, обоза и даже не полностью вооруженное⁸⁵⁷. Мобилизованные унтер-офицеры не прошли даже трехнедельного обучения. Действия корпуса не были скоординированы с действиями сил Западной армии. В конечном итоге было признано, что «командный состав ударников совершенно не подготовлен и не способен к самостоятельным действиям и деморализован»⁸⁵⁸. Других крупных резервов в армии Гайды не было. Левый фланг армии был

уже измотан тяжелыми боями. Над Сибирской армией нависла угроза поражения.

Подполковник И.С. Ильин записал в дневнике 6 июня 1919 г.: «Матковские, Марковские, Степановы, Лебедевы и пр. не могут и не должны быть у власти, ибо с ними дело возрождения России снова может погибнуть. Как это ни горько, но я оказываюсь прав. Что делали они, кроме интриг “мексиканщины”, грубой глупости? Что сделали они к моменту, когда оказались нужными резервы, новые готовые части, когда понадобилось полное напряжение сил для окончательной победы?

Солдаты не одеты, части, которые должны были быть готовы, оказались несформированными, а эти господа занимались интригами. Жалкие, ничтожные люди»⁸⁵⁹.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ АРМИИ

Боевой дух войск зависит не только от успехов на фронте, но и от того, как солдат одет, обут, накормлен и обеспечен всем необходимым для несения службы. Почему же даже немногочисленные имевшиеся пополнения белые не могли обеспечить всем необходимым для боевых действий?! Здесь надо отметить, что вопросы материального обеспечения войск являлись самым узким местом колчаковской военной машины. Через всю Сибирь проходила единственная Транссибирская железнодорожная магистраль, от пропускной способности которой во многом зависела судьба наступления. По данным на 1918 г. пропускная способность дороги составляла только шесть пар поездов в сутки⁸⁶⁰. Железная дорога в 1919 г. работала из рук вон плохо: вагонов не хватало, снабжение отличалось крайней нерегулярностью и неравномерностью распределения. Генерал Д.В. Филатьев писал А.И. Гучкову 16 августа 1919 г.: «Вчера читал письмо от апреля из Омска (шло 3 1/2 м[еся]ц[а]), из которого видно, что даже и тогда, в период успехов, каша на ж.д. Владивосток — Омск была большая. Надо думать, что теперь стало не лучше, а хуже»⁸⁶¹.

В результате войскам приходилось возить все необходимое с собой, а в крайнем случае переходить на самоснабжение, граничившее с мародерством, озлоблявшее местное население и разлагавшее войска. Вследствие этого вместе с частями иногда передвигались колоссальные

обозы, что не способствовало успехам на передовой и отвлекало огромное количество бойцов. Например, в 32-м Прикамском полку Западной армии в июне 1919 г. имелось более 2000 повозок⁸⁶².

Особенно трудно было с материальным обеспечением в тех районах, где железная дорога отсутствовала и необходимо было обеспечивать подвоз гужевым транспортом. Это касалось обеспечения многих фронтовых частей, а также снабжения Оренбургской и Уральской армий — то есть всего левого фланга белых.

Достаточно вспомнить, что знаменитые «психические» атаки белых без единого выстрела производились вовсе не от хорошей жизни и не для того только, чтобы произвести впечатление на противника. Одной из основных причин подобных действий было отсутствие у белых боеприпасов, мало относившееся к психологии. Командующий Южной группой Западной армии генерал-майор П.А. Белов (Г.А. Виттекопф) писал генералу Ханжину: «Главной причиной упадка духа моих частей, по общему мнению командиров, является то, что уже давно они не снабжаются патронами. Сейчас осталось в частях по тридцать-сорок патронов на винтовку и в моем запасе на всю группу десять тысяч»⁸⁶³. В марте 1919 г. оборонявшим Уфу ижевцам было выдано лишь по две обоймы патронов⁸⁶⁴.

Оставив осенью 1918 г. Поволжье, белые лишились имевшихся там военных заводов и складов (Казань — пороховые и артиллерийские склады; Симбирск — два патронных завода; Иващенково — завод взрывчатых веществ, капсюльный завод, артиллерийские склады, запасы взрывчатых веществ на 2 миллиона снарядов; Самара — трубочный завод, пороховой завод, мастерские)⁸⁶⁵. На Урале имелись военные заводы в Ижевске, Перми и Златоусте, но в остававшейся у белых Сибири оружейных заводов не было. Быстро наладить собственное производство на взятых белыми уральских заводах оказалось затруднительно, и производительность труда была невысока. Так, по донесению из Сибирской армии, «Ижевский завод оставлен большевиками в тяжелом положении. Вывезены важнейшие части машин оружейного завода, все ремни, телефоны, лошади и т.д. На первое время можно будет с трудом организовать лишь только починочную мастерскую для обслуживания армии»⁸⁶⁶.

На вооружении белых находилось оружие самых разнообразных систем — винтовки системы Мосина, Бердана, Арисака, Гра, Ветгерли, револьверы Нагана, пулеметы Максима, Кольта, Гочкиса, Льюиса⁸⁶⁷.

Винтовки иностранных систем были подчас распространены не меньше, чем русские. Приведем имеющиеся данные по нескольким Оренбургским казачьим полкам⁸⁶⁸ (табл. 5.)

Таблица 5

**Стрелковое вооружение Оренбургских казачьих полков
(на 15 октября 1918 г.)**

Система винтовок	1-й Оренбургский казачий полк	2-й Оренбургский казачий полк	11-й Оренбургский казачий полк
Мосина	111	122	345
Бердана	—	115	121
Арисака	—	44	86
Гра	402	—	138
Веттерли	243	114	—

Подобная пестрота обусловила крайнюю сложность обеспечения армии соответствующими боеприпасами. Похожая ситуация была и в Западной армии. Русских винтовок не было, а к имевшимся японским не имелось патронов⁸⁶⁹.

Аналогичным образом дело обстояло с пулеметами и орудиями. В Западной армии к 15 апреля 1919 г. имелись 229 пулеметов Максима, 137 Льюиса, 249 Кольта, 52 прочих систем, всего 667. В 44 батареях было 85 трехдюймовок, два 42-линейных орудия, восемь 48-линейных, семь прочих систем и один бомбомет⁸⁷⁰. В Отдельной Оренбургской армии не хватало орудий и пулеметов. Во всех армиях чувствовалась нехватка средств связи, автомобилей, бронетехники. Из-за плохой связи, к примеру, фактически сорвалось координированное наступление белых корпусов на Оренбург в начале мая 1919 г. По данным на 28 мая 1919 г., в Орск (штаб расформировавшейся Отдельной Оренбургской армии) из Уфы (штаб Западной армии) не могло пройти до 300 военных телеграмм⁸⁷¹. По свидетельству И.И. Сукина, был случай, когда Ставка утратила связь с некоторыми частями на несколько недель⁸⁷². Причины были не только в несовершенстве и недостатке техники, растянутости коммуникаций, но и в частых диверсиях при невозможности навести порядок в тылу.

Армии не хватало бензина. Летчикам Западной армии в разгар весеннего наступления 1919 г. предписывалось «имеющееся [в] авиаотря-

дах незначительное количество бензина... сохранить для авиарботы при форсировании Волги»⁸⁷³.

С началом весенней распутицы проблемы с доставкой всего необходимого на фронт лишь усугубились. 14 апреля в журнале военных действий Сибирской армии записано: «Дороги становятся трудно проходимыми, артиллерия и обозы продвигаются с большим трудом, а конная разведка почти стала, т.к. лошади проступаются»⁸⁷⁴. После того как распутица прекратилась, в начале мая из-за частых дождей ситуация на фронте Северной группы Сибирской армии повторилась. К 4 мая «воды в Каме прибыло на 136 вершков. Вода сносит телеграфные и телефонные столбы, заливает дороги и прерывает связь с[о] многими участками»⁸⁷⁵.

Нехватка оружия и боеприпасов представляла лишь наиболее важную в военном отношении проблему, но чего стоит внешний вид простого колчаковского солдата! Немногочисленные фотоснимки изображают ужасающую картину. Еще страшнее то, что не запечатлено в кадре, но известно по документам. В частях Северной группы Сибирской армии «люди босы и голы, ходят в армяках и лаптях... Конные разведчики, как скифы XX века, ездят без седел»⁸⁷⁶. В 5-м Сызранском стрелковом полку Южной группы Западной армии «обувь у большинства разваливалась, шли по колено в грязи»⁸⁷⁷. Во II Уфимский армейский корпус Западной армии пополнения прибывали без обмундирования прямо от воинских начальников и посылались в бой⁸⁷⁸. Единственная на Востоке России суконная фабрика располагалась в Белебее и оказалась у красных, в связи с чем возник дефицит шинелей, которые приходилось закупать за рубежом⁸⁷⁹. По свидетельству генерала Сахарова, облик бойцов Западной армии в конце мая 1919 г. был таков, «как будто это были не воинские части, а тысячи нищих, собранных с церковных папертей»⁸⁸⁰. Оренбургские казаки вместо шинелей носили китайские ватные куртки, из которых при потеплении многие бойцы повыдергивали вату⁸⁸¹, а после неожиданного наступления холодов стали мерзнуть и заболеть. «Надо было видеть своими глазами, чтобы поверить, во что была одета армия... Большинство в рваных полушубках, иногда одетых прямо чуть ли не на голое тело; на ногах дырявые валенки, которые при весенней распутице и грязи были только лишней обузой... Полное отсутствие белья»⁸⁸².

В мае прибывший на передовую Колчак «выразил желание видеть части 6-го Уральского корпуса... ему были показаны выводимые в тыл

части 12 Уральской дивизии. Вид их был ужасный. Часть без обуви, часть в верхней одежде на голое тело, большая часть без шинелей. Прошли отлично церемониальным маршем. Верховный Правитель был страшно расстроен видом...»⁸⁸³ Аналогичная ситуация в донесении из Сибирской армии: «Корпус Пепеляева дальше Глазова продвигаться не сможет, ибо нет сапог»⁸⁸⁴. При этом снег под Глазовым был выше колен.

Генерал Г.А. Вержбицкий сообщал полковнику А.Я. Крузе, что Воткинская стрелковая дивизия была совершенно не обеспечена самым необходимым, так как «сводный корпус обобрал их окончательно, взял артиллерию, оставил 26 пулеметов, отобрал 135 верст телефонных проводов, командный состав блещет отсутствием, в нескольких батальонах всего по 2–3 офицера, прибыли без патронов, приходится делиться с ними на месте из того ничтожного запаса, что там имеется у меня, продовольственное дело поставлено ужасно, большая половина ходит в лаптях, жалуются, что вместо 350 рублей в месяц стали им выдавать по 60, не выдавая того, что получает регулярный солдат. Все эти данные не создают иллюзии относительно боеспособности...»⁸⁸⁵

Эта картина не вяжется с данными о многомиллионных поставках союзников Колчаку, в том числе о поставках двух миллионов пар обуви и полного обмундирования на 200 или даже на 360 тысяч человек⁸⁸⁶, не говоря уже о сотнях тысяч снарядов, винтовок, сотнях миллионов патронов, тысячах пулеметов. Если все это и было поставлено во Владивосток, то до фронта в значительной степени так и не дошло.

По данным управления заграничного снабжения, с 1 ноября 1918 г. по 15 июля 1919 г. в Сибирь от союзников было поставлено следующее количество военного имущества (табл. 6).

Таблица 6

Официальные данные о военных поставках союзников в белую Сибирь с 1 ноября 1918 по 15 июля 1919 г.⁸⁸⁷

Наименование предметов	Количество	Поставщик
Отправлено		
трехдюймовых полевых орудий	230	Франция
фургонов полковых	20	
ротных повозок	20	
75-мм снарядов	10 000	

АНДРЕЙ ГАНИН. СЕМЬ «ПОЧЕМУ» РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Наименование предметов	Количество	Поставщик
ружейных мортир УВ	600	
снарядов к ним	22 000	
винтовок французских 1886 г.	500	
починочных мастерских для ручного оружия	1	
быстроходных моторных лодок	6	
37-мм пушек со снарядами	6	
лент к пулеметам Гочкиса	5000	
патронов к французским винтовкам 1886 г.	850 000	
трехдюймовых выстрелов	400 000	
42-линейных гранат	1735	
танков с принадлежностями ⁸⁸⁸	24	
патронов пулеметных	2 000 000	
пистолетов автоматических	2000	
патронов к ним	110 000	
ружей-пулеметов	50	
полное снаряжение пулеметной роты	1 комплект	
Подлежит отправке		
ружейных патронов Веттерли	2 000 000	Франция
патронов Бердана	17 400	
винтовок Бердана	470	
биноклей простых	200	
биноклей призматических	500	
биноклей Галилея	800	
револьверов американских ⁸⁸⁹	2000	
патронов к ним ⁸⁹⁰	250 000	
трехдюймовых полевых орудий	194	Северо-Американские Соединенные Штаты
трехлинейных винтовок	114 049	
запасных частей к ним	55 ящиков	
винтовок Краг-Юргенсона	300 000	Великобритания
трехлинейных винтовок	50 760	

По всей видимости, эти материалы неполны, поскольку демонстрируют относительно скромные масштабы снабжения. Вообще сведения о поставках союзников существенно различаются. По официальным британским данным, с октября 1918 по октябрь 1919 г. в Сибирь только из Великобритании было поставлено 600 тысяч винтовок, 346 миллионов патронов, 6831 пулемет, 192 полевых орудия, обмундирования и снаряжения на 200 500 человек⁸⁹¹. Из США были получены около 400 тысяч винтовок, 1000 пулеметов, большое количество боеприпасов. Из Франции колчаковцы получили 400 орудий, 1700 пулеметов, 30 аэропланов. Из Японии на Дальний Восток было отправлено 30 орудий, 50 тысяч снарядов, 100 пулеметов, 70 тысяч винтовок, 42 миллиона патронов, 120 тысяч комплектов обмундирования⁸⁹².

Как бы то ни было, в связи с транспортным кризисом и неупорядоченностью снабжения одним из значимых источников обеспечения войск являлись трофеи, захваченные у красных. По свидетельству генерала Сахарова, в Челябинске в мае 1919 г. на складах Западной армии имелся полуторамесячный запас продовольствия, однако интенданство не знало нужд армии и не отправляло то, что необходимо, в войска⁸⁹³. Голод, усталость от непрерывных маршей и боев, отсутствие нормальной одежды создавали благодатную почву для большевистской агитации, а чаще помимо нее приводили к волнениям в войсках, убийствам офицеров, переходам на сторону противника. Мобилизованные крестьяне воевали неохотно, быстро разбежались, переходили к противнику, унося с собой оружие и открывая огонь по своим недавним товарищам. Имели место случаи массовой сдачи в плен.

Наибольшую известность получил организованный подпольщиками бунт в 1-м Украинском курене им. Тараса Шевченко 1–2 мая 1919 г. в деревне Кузькино к югу от станции Сарай-Гир Самаро-Златоустовской железной дороги. В ходе восстания было убито около 60 офицеров, а на сторону красных перешло 2500–3000 вооруженных солдат, в основном из состава 11-й (помимо Украинского куреня 41-й Уральский и 43-й Верхнеуральский стрелковые полки) и 12-й (46-й Исетский стрелковый полк) Уральских стрелковых дивизий VI Уральского армейского корпуса при 11 пулеметах и 2 орудиях⁸⁹⁴. Курень им. Шевченко был переименован в 210-й стрелковый полк им. В.И. Ленина. Также среди мятежников были бойцы 22-го Златоустовского стрелкового полка 6-й

Уральской дивизии горных стрелков, входившей в III Уральский корпус горных стрелков.

Немаловажно, что до мятежа, в апреле 1919 г., 11-я Уральская дивизия героически сражалась в долине реки Ток и понесла тяжелейшие потери, практически была уничтожена⁸⁹⁵, а к красным переходили уже прибывшие после пополнения. Позднее на сторону противника перешли 11-й Сенгилеевский полк, 3-й батальон 49-го Казанского полка и др.⁸⁹⁶ Похожие, но меньшие по своим масштабам случаи имели место в Южной группе Западной армии, Сибирской и Отдельной Оренбургской армиях. В июне 1919 г. к красным, перебив офицеров, перешли два батальона 21-го Челябинского горных стрелков полка, а в конце месяца под Пермью без боя сдались 3-й Добрянский и 4-й Соликамский полки⁸⁹⁷. В общей сложности в ходе контрнаступления до окончания Уфимской операции красными было взято в плен около 25 500 человек⁸⁹⁸.

При неспособности командования создать войскам элементарные условия для нормального несения службы результат колчаковского наступления неудивителен. Начальник 12-й Уральской стрелковой дивизии генерал-майор Р.К. Бангерский доносил командующему корпусом генералу Н.Т. Сукину 2 мая 1919 г.: «Тыла у нас никогда не было. Со времени Уфы⁸⁹⁹ мы хлеба не получаем, а питаемся чем попало. Дивизия сейчас небоеспособна. Нужно дать людям хотя бы две ночи поспать и придти в себя, иначе будет большой крах»⁹⁰⁰. При этом Бангерский отмечал, что не видел в старой армии такого героизма, какой был проявлен белыми войсками во время Уфимской и Стерлитамакской операций, но всему есть предел. «Хотелось бы так знать, во имя каких высших соображений пожертвовано 12 дивизией», — вопрошал Бангерский⁹⁰¹.

Но жертвовано было не только дивизией Бангерского, а всей колчаковской армией вообще. Действовавшие в составе Западной армии оренбургские казаки не имели фуража для конского состава, лошади страдали от бескормицы, постоянных переходов и еле передвигались шагом⁹⁰². Такое плачевное состояние конского состава лишало его важного преимущества — быстроты и внезапности. Белая конница, по свидетельству участника боев, не шла ни в какое сравнение с красной, лошади которой были в отличном состоянии и вследствие этого обладали высокой подвижностью.

Командующий VI Уральским армейским корпусом генерал-майор Н.Т. Сукин 3 мая 1919 г. писал командующему Западной армией генералу от артиллерии М.В. Ханжину: «Беспрерывные марши по невероятно трудным дорогам, без дневок и ежедневные бои последних двух недель без отдыха, без обозов, голод, отсутствие обмундирования (много людей буквально босых, в рваных теплых... пропуск...* без шинелей) — вот причины, которые окончательно могут погубить молодые кадры дивизий, люди шатаются от усталости и от бессонных ночей и боевая упругость их окончательно надломлена. Прошу отвести дивизии в резерв для приведения их в порядок»⁹⁰³. Именно генерал Сукин, доведенный до отчаяния сложившейся ситуацией, не постеснялся выставить перед прибывшим в Уфу вскоре после ее взятия Колчаком босой почетный караул⁹⁰⁴. Сукин в отчаянии писал: «Нет даже хлеба»⁹⁰⁵. Генерал Пепеляев отмечал, что «район военных действий выеден дотла, тыл богат бесконечно, но транспорт таков, что с ним, в его настоящем положении, воевать нельзя»⁹⁰⁶. Порой не хватало самого необходимого. В частности, в июле 1919 г. во II Уфимском армейском корпусе не имелось кипятильников, что вело к желудочно-кишечным заболеваниям личного состава⁹⁰⁷.

По мнению генерала Бангерского, «взятие Уфы давало возможность образовать прочный тыл, пополнить войска мобилизованными, снабдиться обозом и вот теперь в начале мая начать наступление крупными силами, подтянув корпус г[енерала] Каппеля и сформировав еще новые войска»⁹⁰⁸. Но этого сделано не было — у белых не имелось возможности сделать передышку в Уфе, а наличных ресурсов для похода на большевистский центр оказалось недостаточно.

КОЛЧАКОВСКИЙ ТЫЛ

Венцом чудовищного состояния колчаковской военной машины был тыл, который белыми контролировался очень слабо. Во многих местах царили произвол и беззаконие как со стороны властей, так и со стороны их противников. Капитан Г.С. Думбадзе, направленный

---

* Так в документе.

по окончании ускоренного курса Военной академии в Красноярск — один из крупных центров Сибири, — вспоминал: «Прибыв в Красноярск, я впервые увидел огненное пламя партизанщины, охватившее всю губернию. Хождение по улицам Красноярска было сопряжено с большим риском. Банды красных и отдельные большевики под видом правительственных военнослужащих убивали офицеров, пользуясь покровом ночи. Никто не был уверен, кем он остановлен для проверки документов: настоящим законным патрулем или маскированными красными террористами. Поджигание складов и магазинов, перерезывание телефонных проводов и многие другие виды саботажа происходили буквально каждые сутки. Свет в домах не зажигался или окна завешивались темной материей, иначе ручная граната бросалась на свет в квартиры. Я помню, как мне приходилось ходить по улицам ночью, держа в кармане заряженный браунинг. Все это было буквально в сердце белой Сибири»⁹⁰⁹.

Вся Енисейская губерния и часть Иркутской были охвачены партизанским движением, приковавшим к себе значительные силы белых и постоянно ставившим под угрозу снабжение Восточного фронта по Транссибу. В мае 1919 г. партизаны систематически ежедневно разбирали пути (иногда на значительном расстоянии), что приводило к длительным срывам движения поездов (например, в ночь на 8 мая в результате диверсии железнодорожное сообщение было прервано на две недели), сжигали мосты, обстреливали поезда, совершали их крушения, перерезали телеграфные провода, терроризировали железнодорожников. На каждые 10 дней к началу июня приходилось 11 крушений, из-за чего восточнее Красноярска скопилось более 140 составов с боеприпасами и снабжением, которые были бы совсем не лишними на фронте⁹¹⁰. Однако на железной дороге царил беспорядок и без дополнительного вмешательства партизан. В итоге проблема со снабжением в начале 1919 г. стала предметом практически каждодневного обсуждения в штабе Западной армии.

Думбадзе писал: «Нет точной мерки для определения страшного морального, политического и материального ущерба, причиненного нам партизанами. Я всегда буду при своем мнении, что дела в Енисейской губернии были ножом в спину Сибирской армии. Советский генерал Огородников... говорит, что белые проиграли в Сибири без всяких стратегических поражений от Красной армии»⁹¹¹, а причина

их гибели была в беспорядках в тылу. Имея опыт на этом вооруженном тылу, я не могу не согласиться с тем, что говорит Огородников»⁹¹². Восстаниями были охвачены уезды Тургайской и Акмолинской областей, Алтайской и Томской губерний. На их подавлениях использовались тысячи солдат, которые при иных обстоятельствах могли быть направлены на фронт. Кроме того, само по себе участие десятков тысяч боеспособных мужчин в партизанском движении наглядно свидетельствовало о провале колчаковской мобилизации в Сибири.

Небезынтересны данные о численности войск дальневосточных казачьих атаманов Г.М. Семенова, И.П. Калмыкова и И.М. Гамова. По данным на 21 февраля 1919 г. (канун весеннего наступления), у Семенова было 7500 штыков, 4500 сабель, 84 пулемета, 30 орудий и 3 бронепоезда; у Калмыкова — 300 штыков, 250 сабель, 18 пулеметов, 12 орудий; у Гамова — 530 штыков, 560 сабель, 9 пулеметов и 5 орудий. В общей сложности 8330 штыков, 5310 сабель, 111 пулеметов, 47 орудий и 3 бронепоезда. Всего в Приамурском военном округе находилось 10 140 штыков, 5630 сабель, 130 пулеметов, 62 орудия и 3 бронепоезда⁹¹³. Едва ли все эти силы были так уж необходимы для борьбы с партизанами, победить которых в конечном итоге все равно не удалось. Полковник Ф.А. Пучков в марте 1919 г. горько иронизировал в этой связи в оперативной переписке по вопросу переброски одной из бригад: «В районе юго-западн[ее] Чишмы эта бригада столь же нам полезна, как отряды атамана Семенова»⁹¹⁴.

Сил для обуздания казачьего сепаратизма у Колчака не было. В результате вместо того, чтобы помогать фронту, атаманы-сепаратисты сосредоточили свои усилия на интригах и подковерной борьбе против Колчака. Чего стоит письмо Семенова действовавшему в Семиречье атаману Б.В. Анненкову, написанное втайне от Колчака 25 мая 1919 г. Семенов писал: «Великодержавные тенденции омского правительства и стремления его к самой крайней централизации... создают чрезвычайно трудные условия совместной работы с ним. Однако обстоятельства настоящего момента таковы, что, к моему глубокому сожалению, я лишен возможности открыто объявить о своем отношении к нему⁹¹⁵, но в недалеком будущем такой момент наступит, и я открыто заявлю о недопустимости дальнейшего преступного толкания нашей исстрадавшейся Родины на путь авантюристической герmanoфильской политики»⁹¹⁶. При чем тут невесть откуда взятое

германофильство колчаковского правительства, — непонятно, зато налицо стремление к сепаратизму и сколачиванию союза атаманов в противовес Омску. Из-за атаманщины белый Восточный фронт не получил с Дальнего Востока ни одной воинской части, тогда как подкрепления были бы совсем не лишними и, возможно, могли бы переломить ситуацию.

РАЗГРОМ КОЛЧАКА

В июне — июле 1919 г. красные практически безостановочно наступали на Урале. Советский главком И.И. Вацетис 6 июня распорядился приостановить наступление на Восточном фронте с тем, чтобы закрепиться на реках Белой и Каме, что давало возможность перебрасывать силы на другие фронты⁹¹⁷. РВС Восточного фронта считал необходимым продолжать наступление, пользуясь откатом колчаковцев. Члены РВС фронта через голову Вацетиса заручились в этом вопросе поддержкой большевистского лидера В.И. Ленина и не выполнили приказ главкома. Пленум ЦК РКП(б) издал распоряжение о продолжении наступления⁹¹⁸. Однако Вацетис 24 июня представил обширный доклад с детальным обоснованием предложенного им решения⁹¹⁹. Итогом конфликта стали смена главнокомандующего, арест Вацетиса и замена его командующим Восточным фронтом Каменевым.

В июне на Восточный фронт из прифронтовых районов было направлено около 600 коммунистов. Однако за период 14 июня — 12 июля Восточный фронт получил лишь 34 200 человек пополнений, что было недостаточно для восполнения потерь и убыли от переброски войск на другие фронты (с середины мая по конец июня с фронта сняты три стрелковые дивизии, четыре стрелковые и две кавалерийские бригады общей численностью до 45 тысяч штыков и сабель при 500 пулеметах и 100 орудиях)⁹²⁰. Тем не менее красные продолжали успешное наступление. 1 июля были взяты Пермь и Кунгур, 4 июля — Красноуфимск, 13 июля — Златоуст, 14 июля красные вошли в Екатеринбург, 24–25 июля заняли Челябинск и Верхнеуральск, 4 августа белые оставили Троицк. По некоторым данным, потери 1, 2, 3 и 5-й советских армий за первую половину июля составили лишь 138

убитых, 664 раненых и 89 пропавших без вести⁹²¹. 2-я и 3-я советские армии продвинулись на 280–300 км со скоростью 18–20 км в сутки. Учитывая размеры занятой территории, в достоверность незначительных потерь верится с трудом. Однако если эти сведения достоверны, они представляют собой наиболее очевидное доказательство грандиозного развала колчаковских армий, отступавших фактически без сопротивления.

В середине июля белые Сибирская и Западная армии были реорганизованы в неотдельные — 1-ю (командующий — генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев), 2-ю (генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий) и 3-ю (генерал-майор К.В. Сахаров) армии, образованы группы войск. Еще во второй половине июня была введена должность главнокомандующего армиями Восточного фронта, которую занял генерал-лейтенант М.К. Дитерихс. Начальником штаба при Дитерихсе длительное время был полковник Д.Н. Сальников, ценившийся коллегами невысоко⁹²². Штаб главнокомандующего должен был стать центром управления боевыми операциями, тогда как прежняя Ставка упраздняялась. Вопросы обеспечения армии теперь занимался штаб главнокомандующего, тогда как армейское командование могло сосредоточиться на боевых операциях. Впрочем, в условиях дезорганизации белого тыла изменения не привели к улучшению снабжения, а сама реформа — к успехам на фронте.

Попытка организовать сопротивление в районе Челябинска и даже завлечь наступавших красных в «мешок», устроив красным «Канны», провалилась, несмотря на то, что северной и южной ударными группами руководили такие выдающиеся военачальники, как генералы Войцеховский и Каппель⁹²³. Сил белых, предназначенных для окружения противника, было недостаточно. Если северная группа была достаточно мощной, то южная оказалась намного слабее. Даже успех операции для белых мог быть лишь тактическим, поскольку никаких резервов для его возможного развития не имелось. Тем более что колчаковцы понесли значительные потери в предыдущих операциях. К тому же охват наступавших севернее железной дороги частей 27-й дивизии 5-й армии возлагался в том числе на дивизии, впервые вводившиеся в бой. Дивизии Войцеховского, ударив в стык 27-й и 35-й стрелковых дивизий, смогли перерезать железную дорогу Екатеринбург — Челябинск и создать угрозу тылам 5-й армии. Однако

это стало единственным сколько-нибудь значимым успехом белых за всю операцию.

В Челябинском сражении принимало участие 80–100 тысяч человек с обеих сторон. И хотя советское командование не ожидало серьезного сопротивления белых, оно смогло к началу августа парировать удар. За неделю боев красные подтянули на выручку 5-й армии М.Н. Тухачевского части 3-й советской армии С.А. Меженинова. 21-я стрелковая дивизия 3-й советской армии устремилась в тыл группы Войцеховского. В ходе операции белые не смогли обеспечить собственные фланги и тыл и сами едва не оказались в «мешке», потеряв в итоге около 15 тысяч человек пленными. Набирало обороты разложение белых. Только за период 25–27 июля к красным из состава северной ударной группы белых перебежало до 3500 человек⁹²⁴.

Негативную роль для белых сыграла практика отправки на фронт готовых соединений (которые, как выясняется, даже готовыми были только на бумаге) вместо маршевых пополнений. Ко времени Челябинского сражения в испытанных фронтовых бригадах и дивизиях (например, в Ижевской отдельной стрелковой бригаде, 7-й Уральской горных стрелков дивизии) оставалось по несколько сотен солдат и офицеров, тогда как свежие необстрелянные дивизии по численности превышали 16 тысяч бойцов. Если бы белое командование вливало новобранцев в старые формирования, возможно, результаты были бы иными⁹²⁵.

Вид резервных колчаковских дивизий был прекрасным⁹²⁶. Однако внешнее впечатление оказалось обманчивым. Как и прежде, пополнения прибывали на фронт необученными. 13-я Сибирская стрелковая дивизия (около 13 тысяч человек), вошедшая в северную ударную группу, состояла из неопытных новобранцев, которые не только не имели опыта Гражданской войны, но даже не были должным образом подготовлены (со стрелками велись лишь строевые занятия и оттачивалось бесполезное на фронте прохождение церемониальными маршами). К тому же стрелки систематически подвергались большевистской агитации. В результате за неделю боев к красным перешло свыше 80% личного состава дивизии, перебив или уведя с собой часть офицеров⁹²⁷. К концу операции дивизия сократилась в своем составе в десять раз и была сведена в полк.

В 11-й Сибирской стрелковой дивизии, также сформированной из новобранцев, «солдаты плохо обучены; это обучение прервано — не

прошли курса стрельбы даже; воспитание не на высоте, да офицеры были малоопытны и малоавторитетны... Офицеры были молодцы, отличные гимнасты, вероятно не хуже и стреляли, но с солдатом обойтись, подойти к нему не умели. Это были отличные рядовые бойцы и только»⁹²⁸. Разумеется, неслаженное формирование без подготовленных офицеров, в котором было распространено панибратское отношение нижних чинов и командного состава, не могло дать хороших результатов в боевой обстановке. Схожая ситуация была и в 12-й Сибирской стрелковой дивизии, из состава которой к красным в полном составе перешел 47-й полк.

В одном из солдатских писем, проверенных военной цензурой белых летом 1919 г., отмечалось: «Дерутся красные так, что дай Бог, чтобы все наши войска дрались так. Мобилизованные сибиряки не желают драться и при сближении с неприятелем переходят на его сторону...»⁹²⁹

11, 12 и 13-я Сибирские стрелковые дивизии были единственным резервом, имевшимся к тому времени в Сибири. Симптоматично, что этот резерв не был готов ни в конце мая (тогда дивизии еще не имели артиллерии, пулеметов, средств связи и обозов)⁹³⁰, ни, как показали события, в конце июля (когда все это в дивизиях уже было). Генерал К.В. Сахаров отмечал, что по причине бюрократической волокиты три дивизии могли быть посланы на фронт не раньше августа, тогда как Ставка дала задание Главному штабу подготовить их еще к 1 мая⁹³¹. Между тем боевое слаживание укомплектованной дивизии в военное время может быть проведено за один месяц, а за три месяца дивизия формируется с нуля. Следовательно, дело не в нехватке времени на подготовку, а в отсутствии этой самой подготовки и в плохой организации формирования резервов. В итоге все усилия оказались напрасными. Разбитые 11-я и 12-я дивизии были расформированы уже 17 августа, от 13-й дивизии остался один полк. Кроме того, белые по-прежнему испытывали нехватку обмундирования и вооружения. Среди пополнений, присланных на фронт перед Челябинской операцией для создания ударного кулака, до 3000 человек были безоружными.

Тем не менее в результате Челябинского сражения красные оказались истощены, что позволило белым отступить на восток, избежав окружения. План Челябинской операции разрабатывали начальник штаба Ставки генерал-майор Д.А. Лебедев и его друг,

командующий 3-й армией генерал-майор К.В. Сахаров. В качестве стимула провести операцию были опасения того, что войска при продолжении отступления на восток разложатся и погибнут даже без фронтовых операций. Стиль руководства Сахарова заключался в мелочной опеке подчиненных ему военачальников, что влекло конфликты, тем более что в подчинении Сахарова были такие блестящие, опытные и амбициозные командиры, как В.О. Кашпель, С.Н. Войцеховский и др. Противником плана был главнокомандующий армиями Восточного фронта генерал М.К. Дитерихс, однако принцип субординации в колчаковской военной машине не был приоритетным.

Прорыв красных по линии Транссибирской железной дороги разрезал колчаковские армии на две части. Отдельная Уральская и Южная армии оказались если не полностью отрезанными от остального фронта и от Ставки, то, во всяком случае, остались без железнодорожной связи с Сибирью (после того как красные перерезали единственную в регионе железнодорожную ветку Троицк — Челябинск) и лишились нормального снабжения. Главные силы белых были вынуждены отступать под угрозой постоянных фланговых обходов и окружения.

Неудачи на фронте привели к серьезным кадровым перестановкам в колчаковском военном руководстве. 10 и 12 августа соответственно был снят с постов начальник штаба Ставки и военного министра Д.А. Лебедев. Обе должности временно перешли к опытному Дитерихсу, сохранившему также пост главнокомандующего армиями Восточного фронта. Штаб фронта и штаб главнокомандующего оказались объединены. Была предпринята попытка уменьшить раздутость высших штабов. К руководству колчаковской военной машины летом — осенью 1919 г. пришли некоторые более опытные генштабисты, чем в предшествующий период: генерал-лейтенанты М.А. Иностранцев, Н.А. Лохвицкий, Д.В. Филатьев, генерал-майор А.И. Андогский. На непродолжительное время приехал пользовавшийся большим авторитетом в военных кругах генерал-лейтенант Н.Н. Головин (по одним данным, ему принадлежала разработка плана Тобольской наступательной операции, по другим, Головин ничего не стал делать, осознавая безнадежное положение фронта и не желая подрывать свой авторитет в военной среде). Однако конфликты в колчаковском руководстве не прекратились. Управляющий Военным министер-

ством генерал-лейтенант А.П. Будберг находился в конфронтации с Дитерихсом. Противником Дитерихса был и генерал Сахаров. Одной из инициатив Дитерихса для восполнения некомплекта офицеров стала отправка в войска офицеров Ставки. Тем не менее Омск продолжал оставаться переполненным офицерством, не желавшим идти на фронт.

Непрерывное длительное отступление вызвало падение боевого духа колчаковских войск. Способствовало этому и впечатление от хорошей организации Красной армии и от ее успехов. Подобные настроения нашли отражение в переписке колчаковских солдат и фиксировались военной цензурой белых⁹³². Продолжались дезертирство и переходы на сторону противника. Только в августе известно несколько таких случаев. Почти в полном составе красным сдался 42-й Троицкий стрелковый полк, в результате чего белые были вынуждены отступить. Перешла к красным Башкирская конная бригада под командованием штабс-ротмистра М.Л. Муртазина. Ушел с фронта и начал боевые действия как против белых, так и против красных Волжский конный отряд корнета Б.К. Фортунатова. Разочарование охватило и старший командный состав. Так, например, генерал-майор А.П. Перхуров, разочаровавшись в колчаковском командовании, сформировал собственный партизанский отряд и перешел к автономным действиям⁹³³.

5-я советская армия, наступая на восток вдоль Транссибирской магистрали, к 18 августа, оторвавшись от соседей, вышла на линию реки Тобол и 20 августа форсировала реку. К концу августа некоторые части продвинулись на 180 км к востоку от Тобола, приближаясь к реке Ишим. 4 сентября части 51-й дивизии В.К. Блюхера заняли Тобольск. Однако красные были истощены затяжными боями и семисоткилометровым наступлением, их тылы отстали. Советское командование было против активных действий. К примеру, командующий 3-й советской армией С.А. Меженинов неоднократно в первой половине августа 1919 г. просил штаб фронта дать его армии возможность отдохнуть⁹³⁴. В результате инициатива перешла к белым.

Аналогичная ситуация сложилась и в частях РККА на Южном Урале. При осмотре 24-й стрелковой дивизии командующим Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе, последний нашел ее сильно потрепанной и дезорганизованной, значительный процент комсостава выбыл из

строю, материальная часть находилась в безобразном состоянии⁹³⁵. Тем не менее в конце августа красные перешли к ликвидации остатков Южной армии, застрявшей в полосе Ташкентской железной дороги и в глухих районах Южного Урала. Командование пыталось вывести армию в Туркестан на зимовку, но этот план был невыполним. В результате армия едва не попала в окружение на линии Ташкентской железной дороги. Значительная часть ее сдалась в плен (по различным подсчетам, на фронте 1-й советской армии в сентябре 1919 г. сдалось в плен от 30 до 57 тысяч человек⁹³⁶), а наиболее стойкие части смогли прорваться от линии железной дороги на восток — на соединение с колчаковскими армиями и на запад — на соединение с уральскими казачками. 13 сентября у станции Мугоджарская произошло соединение 1-й армии и туркестанских войск Актюбинского фронта — красные пробили путь в Туркестан.

В Западной Сибири разворачивалась Тобольско-Петропавловская операция. Главный удар по 5-й советской армии наносила 3-я армия белых под командованием генерала К.В. Сахарова. Командующий советским Восточным фронтом В.А. Ольдерогге не ожидал активизации белых. 9 сентября в районе станицы Пресновской Сибирского казачьего войска части Сибирского казачьего корпуса окружили четыре полка 5-й и 35-й дивизий, нанеся им тяжелые потери. На этом казачья конница прекратила активные действия и надежды на то, что казаки смогут осуществить рейд по красным тылам по примеру рейдов на Юге России, оказались напрасными. Однако и красные в начале сентября смогли разбить 7-ю Уральскую стрелковую дивизию противника. Следует отметить, что красные к осени 1919 г. имели хорошо налаженную разведку и смогли перехватывать оперативные приказы и телефонные переговоры противника, до уровня переговоров штаба 3-й армии белых с армейскими группами⁹³⁷. Все это позволяло действовать на упреждение.

Бои носили ожесточенный характер, некоторые населенные пункты неоднократно переходили из рук в руки. К началу октября белые сумели отбросить советские войска к Тоболу, однако этот успех был достигнут колоссальной ценой — белые понесли невосполнимые для них потери. 3-я армия Сахарова за период с 1 сентября по 15 октября потеряла убитыми и ранеными 988 офицеров и 17 700 нижних чинов⁹³⁸. Тем не менее к 10 октября в ней все еще насчитывалось около 19 900 штыков, 6500 шашек, 331 пулемет и 153 орудия, 5-я советская армия

имела 31 313 штыков, 3387 шашек, 475 пулеметов и 99 орудий⁹³⁹. Приехавший ненадолго в Омск Сахаров пришел к выводу, что положение почти безнадежно⁹⁴⁰.

К концу наступления части 3-й армии оказались растянуты по Тоболу на 200 верст, причем шесть из одиннадцати дивизий пришлось отвести в резерв для отдыха и пополнения⁹⁴¹. Убыль частично пытались восполнять пленными красноармейцами. Кроме того, для восполнения убыли на Востоке России с сентября до середины ноября 1919 г. под лозунгами защиты православной веры развернулась кампания по формированию добровольческих дружин Святого Креста. Однако белым эти дружины не помогли. В них вступило не более 6000 человек, дружины формировались достаточно медленно, а их боевая ценность оказалась крайне низкой, так как наиболее восприимчивым к религиозной пропаганде оказалось гражданское беженское население⁹⁴².

В качестве цели борьбы колчаковское командование ставило отвлечение максимального числа дивизий Красной армии от других фронтов, прежде всего от белого Юга, в надежде на то, что если не Колчак, то Деникин сумеет взять Москву. В результате красные не могли в сентябре — октябре перебрасывать войска с Восточного фронта на Южный и даже вернули на Восточный фронт 5-ю дивизию и бригаду 21-й дивизии, предназначенные к переброске против Деникина. Однако на большее фронт рассчитывать не мог, поскольку в этот период все силы были брошены на отражение наступления Деникина. В октябре на Восточный фронт была отправлена 54-я стрелковая дивизия, сформированная в Приуральском военном округе. Генерал Дитерихс и адмирал Колчак считали необходимым продержаться до конца октября, надеясь, что к этому времени Деникин возьмет Москву⁹⁴³. Можно представить их чувства, когда выяснилось, что наступление Деникина захлебнулось.

10 октября белыми была образована Московская группа армий во главе с генерал-лейтенантом К.В. Сахаровым (начальник штаба — генерал-майор В.И. Оберюхтин), в которую вошли 3-я и Оренбургская армии (переименована из Южной армии 18 сентября 1919 г.⁹⁴⁴), а также Степная группа⁹⁴⁵. Однако громкое название не привело к успеху. Тем более что наступили холода, а войска не были обеспечены зимним обмундированием.

В середине октября 1919 г. красные перешли в наступление. 14 октября 5-я советская армия вновь переправилась через Тобол и начала преследовать белых. Белые отходили к следующему рубежу — реке Ишим. 17 октября едва не попал в плен к красным генерал Сахаров⁹⁴⁶. 19–20 октября в наступление перешла и 3-я советская армия.

Уезжая с Востока России, генерал Н.Н. Головин советовал генералу М.А. Иностранцеву во всем поддерживать М.К. Дитерихса, однако Колчак, как отмечал сам Иностранцев, отдавал предпочтение «мальчишкам и авантюристам» — Сахарову, Белову, П.П. Иванову-Ринову⁹⁴⁷. Однако не оправдались и надежды на генерала Дитерихса как на главнокомандующего Восточным фронтом. Дитерихс на протяжении августа — октября 1919 г. занимался перманентными преобразованиями штаба Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего фронтом, что лишило войска работоспособных органов высшего военного управления в период решающих операций и лишь ускорило разгром колчаковских войск⁹⁴⁸.

Дитерихс телеграфировал Колчаку 22 октября 1919 г. о тяжелом положении армии: «Правый фланг у Тобольска не внушает спокойствия, может опять представить угрозу обхода противником первой армии... Прочие армии слабы числом, но приступают к пополнению рядов и способны вести упорную борьбу, отстаивая каждый рубеж, но перелома общего положения создать сами не смогут без помощи новых резервов. Резервы образовать смогу, но с постановкой Омска в опасное положение, так как потребуется времени до шести недель»⁹⁴⁹. В колчаковских армиях к 25 октября 1919 г. имелось 40 150 штыков, 13 614 сабель, 173 легких и 19 тяжелых орудий, 587 пулеметов⁹⁵⁰. У красных на Восточном фронте к 1 ноября 1919 г. имелось 91 402 штыка, 7296 сабель при 304 орудиях и 1211 пулеметах⁹⁵¹.

29–30 октября 1919 г. красные заняли Петропавловск и начали практически безостановочное преследование белых вдоль Транссибирской магистрали. В ходе наступления к Петропавловску скорость продвижения частей 5-й армии достигала 16–18 км в сутки⁹⁵². С окончанием Тобольско-Петропавловской операции организованное сопротивление колчаковцев было сломлено, началось методичное добивание остатков белого Восточного фронта.

В связи со значительным усилением эпидемии тифа и натиском красных закрепиться на Ишиме не удалось. В ночь на 5 ноября ча-

стями 3-й армии красных был занят город Ишим, белые отходили к Омску. Генерал Дитерихс считал, что Омск удержать невозможно, однако Колчак требовал удержания столицы белой Сибири по политическим причинам. План Дитерихса сводился к образованию в глубоком тылу (в районе Томска, Новониколаевска и Мариинска) крупных стратегических резервов при оставлении на фронте заслона из сильных арьергардов⁹⁵³ с тем, чтобы, укомплектовав резервы, нанести контрудар. Однако выполнимость подобного плана в условиях развала колчаковского фронта и тыла и небоеспособности войск была крайне сомнительной. Отвод в тыл частей 1-й армии привел к тому, что они попали под эсеровское влияние и разложились, а сил на фронте осталось еще меньше. Как бы то ни было, в результате разногласий Дитерихсу пришлось оставить пост главнокомандующего, эту должность получил генерал К.В. Сахаров, обещавший Колчаку удержать Омск. И здесь в очередной раз проявилась порочность кадровой политики белых. В то время, когда разгром Белого движения в Сибири был фактически предрешен, Колчак беспокоился отнюдь не о назначении наиболее квалифицированного главнокомандующего, а о совсем других вопросах. В разговоре с министром И.И. Сукиным он отметил, что выше остальных ценил способности командующего Уфимской группой войск генерала Войцеховского, однако его назначение не по старшинству могло вызвать недовольство других претендентов, в частности, занимавшего более высокий пост командующего армией Сахарова⁹⁵⁴. Армия, в которой назначения высшего командного состава осуществлялись практически по принципам допетровской Руси, была обречена на поражение.

Сменились и другие представители высшего командного состава. 3-ю армию возглавил генерал Каппель, 2-ю — Войцеховский. Опытного генерал-майора П.Ф. Рябикова в должности начальника штаба главнокомандующего сменил сослуживец Сахарова генерал-майор В.И. Оберюхтин, по оценке генерал-лейтенанта Д.В. Филатьева, «совершеннейший младенец»⁹⁵⁵. Сам Филатьев стал помощником Сахарова по части снабжения.

Однако 14 ноября колчаковцы оставили Омск и начали отходить на Новониколаевск, город был занят частями 27-й стрелковой дивизии. В плен в районе Омска попало более 30 тысяч человек из тыловых частей, красным достались 31 тысяча винтовок, 19 миллионов патронов,

около 1000 пулеметов, 34 орудия, 199 тысяч ручных гранат⁹⁵⁶. Сдача Омска, по мнению И.И. Сукина, обозначала конец конструктивного периода колчаковской эпопеи и переход к отчаянному спасению⁹⁵⁷.

Катастрофа колчаковского Восточного фронта разрасталась. Из-за ошибок командования пострадали десятки тысяч солдат и офицеров. Опасаясь большевистских репрессий, с колчаковскими армиями отступали тысячи гражданских беженцев, в том числе члены семей офицеров и солдат. Преследование белых после взятия Омска было возложено на части 5-й армии, в состав которой 25 ноября из 3-й армии были влиты 30-я и 51-я стрелковые дивизии, в результате чего ее численность достигла 200 тысяч человек. Скорость преследования белых достигала 25–30 км в сутки, иногда доходя до 40 км в сутки. При таких темпах отхода белые просто не имели шансов закрепиться на каком-либо рубеже.

Управление отступавшими остатками колчаковских армий было нарушено. Войска, пытаясь оторваться от преследовавших красных, передвигались в эшелонах, растянувшись на десятки километров, боевые части смешались с тылом, из-за закупорки движения в районе Новониколаевска паровозы замерзли, отступавшие пересаживались на сани (главнокомандующий генерал Каппель со своим штабом пересел на сани 22 декабря), двигались верхом и пешком, вместе с армией отступали многочисленные беженцы. После отъезда из Омска Колчак фактически утратил контроль над ситуацией, постоянно колебался в принятии тех или иных решений. По свидетельствам очевидцев, Верховному правителю изменило и чувство реальности⁹⁵⁸. Все это добавлялось к прежним упущениям. По свидетельству генерала Щепихина, комплектованию штаба 2-й армии, видимо, не было уделено необходимого внимания, подбор кадров носил случайный характер, «ни спайки, ни даже простого содружества в работе не было и в помине... все чины сидели по своим углам, не имея особого желания встречаться и общаться с другими работниками штаба»⁹⁵⁹.

Положение усугублялось произволом недавних союзников белых — чехословаков, ранее охранявших Транссибирскую железную дорогу. Чехословаки теперь сняли с себя все обязательства и задерживали все русские эшелоны западнее станции Тайга, пропуская на восток только свои собственные. Пользуясь бессилием белых, они повели себя как в завоеванной стране — отбирали у беженцев ис-

правные паровозы и эшелоны, причем взяли в Красноярске даже два паровоза из эшелона самого Колчака⁹⁶⁰. В одночасье белые оказались отрезаны от своего тыла. Впрочем, никакой помощи от тыла нельзя было ожидать и без вмешательства чехословаков. Движение эшелонов по Транссибу осуществлялось «лентами» в одну сторону. Соответственно, в сторону фронта, если его так можно назвать, не могли двигаться ни эшелоны с пополнениями, ни с боеприпасами. К тому же ни тех, ни других не было. Тем не менее генерал Сахаров не оставлял беспочвенных проектов перехода в контрнаступление, в частности, на Оби. Кроме того, он планировал свернуть 1-ю армию Пепеляева в корпус, что привело к печальным последствиям для самого Сахарова.

Темп отступления увеличивался. Если, по наблюдению генерал-майора Ф.А. Пучкова, от Тобола до Иртыша фронт отступал в среднем на 10 верст в сутки, то от Иртыша до Оби — на 12–13 верст, а от Оби до Томи — на 25–28 верст. Отдельные суточные переходы достигали 45 верст⁹⁶¹. Разложение белых армий прогрессировало по мере ухудшения обстановки на фронте, затронув даже высший командный состав. Известно несколько случаев серьезных нарушений дисциплины колчаковскими генералами и штаб-офицерами в конце 1919 — начале 1920 г.

17 ноября 1919 г. во Владивостоке поднял мятеж против Колчака бывший командующий Сибирской армией Р. Гайда, ранее уволенный из армии с лишением чина генерал-лейтенанта. После подавления мятежа, поддержанного эсерами, Гайда был выслан в Чехословакию. Командующий Северной группой войск 2-й армии генерал-майор П.П. Гривин, несмотря на директиву не отходить без сопротивления, отдал приказ об отходе в район города Каинска. 22 ноября командующий армией генерал С.Н. Войцеховский потребовал от Гривина выполнить приказ или сдать командование. После отказа Гривина выполнить это распоряжение Войцеховский застрелил его за неисполнение боевого приказа⁹⁶².

9 декабря 1919 г. командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев с братом, колчаковским премьер-министром В.Н. Пепеляевым, будучи недовольны неумелым, по их мнению, руководством командующего Восточным фронтом генерал-лейтенанта К.В. Сахарова, сместили его с должности и арестовали на станции Тайга⁹⁶³. Колчак, не располагавшей тогда реальной силой, был вынужден

смириться с такими действиями. Место Сахарова, освобожденного из-под ареста уже вечером следующего дня, занял генерал-лейтенант В.О. Капшель.

Начальник гарнизона Новониколаевска и командир 2-го Барабинского полка полковник А.В. Ивакин предпринял попытку арестовать в Новониколаевске генерала Сахарова, а после ее провала — штаб 2-й армии во главе с генералом Войцеховским. Однако и эта попытка не удалась, Ивакин был арестован и застрелен.

Командующий войсками Енисейского района и начальник гарнизона Красноярска генерал-майор Б.И. Зиневич поднял восстание против Колчака, а 23 декабря 1919 г. направил Колчаку ультиматум с требованием передать власть Земскому собору, после чего по телеграфу сдал Красноярск красным. В результате выступления Зиневича поезд Колчака оказался отрезан от колчаковских армий, еще не добравшихся до Красноярска, что предопределило трагическую гибель Верховного правителя.

Еще одним примером утраты доверия к руководству в среде высшего командного состава стал ответ генерала Дитерихса на декабрьское предложение Колчака вновь возглавить фронт. Дитерихс соглашался при условии незамедлительного отъезда Колчака за пределы Сибири.

Рядовая масса колчаковцев была деморализована. 7 декабря в Новониколаевске вспыхнуло восстание во 2-м Барабинском полку, подавленное 5-й польской дивизией. 17 декабря в Томске восстали части 1-й армии, а 23 декабря, как уже отмечалось, в Красноярске восстал местный гарнизон.

На фронте события развивались стремительно. 10 декабря красные вступили в Барнаул и Семипалатинск (ранее занят партизанами), 13 декабря взяли Бийск и Каркаралинск, 14 декабря — Новониколаевск, 15-го — Усть-Каменогорск. В районе Новониколаевска красные захватили свыше 30 тысяч колчаковских солдат и офицеров, 88 орудий, 200 автомашин и т.д.⁹⁶⁴

Отдельная Оренбургская армия Дутова оказалась полностью отрезана от остальных колчаковских армий и не имела иного выхода, как отступление в Семиречье, на соединение с войсками генерал-майора Б.В. Анненкова через малонаселенную Голодную степь. В результате неподготовленного отступления от голода и холода погибли тысячи людей, включая отступавших с армией беженцев с

Поволжья и Южного Урала. Отступление сопровождалось разложением армии и массовыми сдачами в плен: в полном составе сдались красным 22-й и 35-й Оренбургские казачьи полки, 1-я батарея 5-го артиллерийского дивизиона и другие части, была брошена почти вся армейская артиллерия. Отстававшие погибали в столкновениях с кочевниками. Этот поход получил впоследствии название Голодного. В начале 1920 г. к Сергиополю вышли остатки армии — около 10 тысяч человек из 20 тысяч, числившихся в районе Кокчетавы, остальные погибли. Ситуация усугубилась враждебным отношением к дутовцам со стороны военной администрации Семиречья во главе с генерал-майором Б.В. Анненковым. Отдельная Оренбургская армия была сведена 6 января 1920 г. в отдельный отряд атамана Дутова под командованием генерал-майора А.С. Бакича, который вошел в состав Отдельной Семиреченской армии Анненкова. В марте 1920 г. остатки войск Дутова были вынуждены отступить из Семиречья на территорию Западного Китая, где были интернированы в районе города Чугучак⁹⁶⁵.

Схожим был финал Отдельной Уральской армии. В начале 1920 г. армия оказалась прижатой к замерзшему Каспийскому морю. Во избежание окружения и уничтожения командующий армией атаман генерал-майор В.С. Толстов повел войска (всего до 15 тысяч человек) по пустынному восточному берегу Каспийского моря на юг. После двухмесячного похода до Форта Александровского дошло не более 3 тысяч человек из 15. Большинство казаков, обессилевших в результате тяжелейшего похода, в апреле 1920 г. сдались красным, небольшая часть во главе с В.С. Толстовым ушла в Персию.

Основные силы колчаковского Восточного фронта в конце 1919 — начале 1920 г. прошли через аналогичный исход уральских и оренбургских казаков гибельный Сибирский Ледяной поход — отступление от Омска до Забайкалья. К середине декабря 1919 г. красные вышли на линию реки Обь, 20–21 декабря без боя был занят Томск, 26 декабря красные взяли Кузнецк, 28 декабря — Мариинск, 2 января 1920 г. — Ачинск. То, что не сделали красные, сделали за них лютые сибирские морозы и отсутствие у белых надлежащей амуниции. Условия безостановочного отступления по тайге, усугублявшиеся сильными морозами и эпидемией тифа, были чудовищны. Тифом переболели большинство участников похода (например, в штабе 8-й Камской стрелковой дивизии 50% офицеров и 100% солдат⁹⁶⁶). Эпидемия пе-

рекинулась на местное население, а от него на преследовавшие части 5-й советской армии.

В отступлении участвовали 2-я и 3-я армии белых, тогда как остатки 1-й армии, ранее отведенные в тыл, разложились во время начавшихся антиколчаковских восстаний в сибирских гарнизонах. Существовала возможность закрепиться на выходах из тайги, причем оборона была возможна незначительными силами при наличии пулеметов и запаса патронов. Это могло дать возможность приостановить бегство колчаковцев и привести войска в относительный порядок. Однако приказ о защите выходов их тайги, подписанный Каппелем, не получили даже штабы корпусов 3-й армии⁹⁶⁷. 2-я армия должна была отступать вдоль Сибирского тракта и железной дороги, тогда как 3-я армия белых, прикрывавшая направление на Бийск и Барнаул, должна была до 120 верст пройти по лесной просеке (переселенческому тракту) в Щегловской тайге (от района Томска до Алтая), где почти не было населенных пунктов. Просека была забита санями с беженцами в три ряда, движение, несмотря на мороз, было крайне медленным⁹⁶⁸. Обозы никем не управлялись, координации действий не было, приказы не выполнялись. Замерзали люди и лошади. Взаимопомощи не было. Помощник главнокомандующего фронтом по части снабжения генерал Д.В. Филатьев, придавленный упавшей лошадью, полчаса пролежал в сугробе. Мимо проехали сотни саней с солдатами, но никто не отозвался на крики о помощи. Впрочем, генералу повезло — он смог выбраться самостоятельно и не замерзнуть⁹⁶⁹. Однако немало было аналогичных случаев с иным исходом.

При отступлении на узкой просеке были брошены артиллерия и несколько тысяч подвод, что на некоторое время заблокировало красным возможность преследования. Помощь частям РККА оказывали сибирские партизаны, совершавшие диверсии на железной дороге, устраивавшие засады и нападения на белых. 29 декабря 3-я армия вышла из тайги. У станции Минино, западнее Красноярска, 2-я и 3-я армии белых соединились. Однако на этом злоключения колчаковцев не закончились, так как дальнейшее движение было немногим легче. К тому же красные продолжали активные действия. Никто не был застрахован от попадания в плен. Например, начальник штаба 3-й армии генерал-майор С.Н. Барышников едва не попал

в плен к красным при окружении штаба армии в районе станции Кемчуг.

В результате боев 4–7 января 1920 г. красные закрепились в районе Красноярска, где в плен сдались около 60 тысяч колчаковцев. Красные захватили более 200 орудий. Об уровне боеспособности белых в это время свидетельствует тот факт, что они отказались от наступления на Красноярск, лишь увидев на железной дороге бронепоезд, который, как оказалось, принадлежал полякам и даже не открывал огня. На следующий день, несмотря на распоряжения Каппеля, несколько тысяч солдат перед Красноярском не пожелали вылезать из саней, в которых ехали, чтобы обстрелять пехотную полуроту, высланную из города⁹⁷⁰. Солдаты устали от бесконечного бессмысленного отступления и в массовом порядке сдавались в плен красным.

Белое командование некоторое время не знало, на какие силы еще могло рассчитывать, и предпочло безостановочное бегство, хотя, как выяснилось, красные прекратили преследование⁹⁷¹. Красноярск поглотил силы красных, которые занялись трофеями. Однако стихийный отход белых был слабо управляем. Как свидетельствовал генерал Филатьев, «то было уже не войско, а панически настроенная толпа, тупо, без всякой мысли, стихийно стремившаяся на восток в чаянии где-то, за каким-то рубежом оторваться от красных и почувствовать себя в безопасности. Наступил момент животного страха»⁹⁷². Паника была столь велика, что колчаковцы предпочитали при звуке выстрелов бросать все, запрягать лошадей и убегать. Этим пользовались их же товарищи по несчастью, шедшие следом, например, чтобы захватить хорошие избы с приготовленной их предшественниками пищей⁹⁷³.

Остатки отступавших белых армий обошли Красноярск и вышли по Енисею к устью его притока — реке Кан. Основные силы двинулись по льду реки Кан в сторону Канска — к железной дороге. Во время отступления генерал Каппель провалился в полынью, в результате чего заболел двусторонним крупозным воспалением легких и гангреной нижних конечностей. 25 января Каппель передал командование генералу Войцеховскому, а на следующий день скончался.

Между тем 15 января частями 30-й стрелковой дивизии был занят Канск, 31 января части РККА заняли Нижнеудинск. 30 января прои-

зошел крупный бой у станции Зима в 150 верстах от Иркутска, после которого остатки белых армий перешли в наступление на Иркутск.

В конце декабря 1919 г. начались антиколчаковские восстания в городах и гарнизонах Восточной Сибири. Произошли выступления в Черемхове (железнодорожная станция в 60 верстах западнее Иркутска), Киренске, в период с 27 декабря 1919 по 5 января 1920 г. произошло восстание в Иркутске, где власть перешла к эсеровскому Политическому центру. 5 января Колчак, заблокированный в своем поезде между Красноярском и Иркутском, передал полномочия Верховного правителя России Деникину, хотя и не имел на это права. В Нижнеудинске с конца декабря 1919 г. Колчак уже оказался на положении пленника чехов. 15 января 1920 г. Колчак и премьер-министр Пепеляев при потворстве союзников и лично французского генерала М. Жанена, главнокомандующего союзными войсками в Сибири, были переданы представителям иркутского Политцентра и заключены в тюрьму. 22 января власть в Иркутске перешла к большевистскому военно-революционному комитету. Видимо, по указанию из Москвы 7 февраля 1920 г. Колчак и Пепеляев были казнены. В тот же день командование Чехословацкого корпуса на станции Куйтун заключило соглашение с РВС 5-й армии о порядке эвакуации корпуса из России, по которому чехи получали подвижной состав и свободу выезда из страны в обмен на захваченный ими у Колчака золотой запас. Отступавшие каппелевцы решили не штурмовать Иркутск, не имея достаточно сил (в двух армиях боевой состав не превышал 8000 бойцов (во 2-й армии — боеспособна была четверть от общей численности, остальные — раненые, больные и обмороженные) при 4 действующих и 7 разобранных орудиях и при 2–3 действующих пулеметах на дивизию⁹⁷⁴) и боеприпасов, а также опасаясь вмешательства чехословаков и окончательного разложения своих войск в случае занятия города. По льду Байкала остатки разбитых колчаковских армий ушли в Забайкалье, контролировавшееся атаманом Г.М. Семеновым, куда прибыли к середине февраля в количестве около 27 тысяч человек⁹⁷⁵. Эпопея колчаковского Восточного фронта завершилась, однако Гражданская война на Востоке России еще продолжалась и закончилась лишь в 1922 г.

ИТОГИ

Анализ внутреннего состояния колчаковских армий наглядно показывает невозможность успешной реализации планов белого командования при сложившемся на Востоке России положении дел. Красные, успешно запустившие маховик массовой мобилизации, обладали почти постоянным превосходством в силах и средствах. В течение 1919 г. средний ежемесячный прирост численности РККА (как боевого, так и небоевого состава) составлял 183 000 человек⁹⁷⁶, что, к примеру, превосходило общую численность войск, имевшихся у белых на Восточном фронте. К 1 апреля 1919 г., когда белые еще надеялись на успех, в РККА уже состояли полтора миллиона бойцов, и их численность постоянно возрастала. Численность войск всех противников красных, вместе взятых, не шла ни в какое сравнение с этой цифрой.

Слабость мобилизационного и карательного аппарата белых, бессистемность их работы не позволили им создать вооруженные силы, сопоставимые по численности с РККА. Имевшееся у белых до создания массовой Красной армии преимущество в качестве личного состава было быстро утрачено. Казачьи войска Востока России сыграли двойственную роль. За редким исключением тех воинских частей, которые командование смогло влить в регулярные формирования, казаки по-настоящему боролись с красными только на своей войсковой территории. Таким образом, белые в самый напряженный период смогли использовать лишь потенциал Уральского и Оренбургского войск. Остальные казачьи войска не приняли активного участия в борьбе с большевиками на Восточном фронте. Более того, казачьи войска Дальнего Востока оказались во власти враждебных Омску атаманов-сепаратистов. Подготовка резервов в белом тылу носила хаотический характер. Дивизии отправлялись на фронт в сыром виде, солдаты не имели боевого опыта, не получали необходимой подготовки и слаживания и, оказавшись на передовой, переходили к красным. Надежды, возлагавшиеся на эти пополнения, оказались напрасными. Численность войск красных, а во многих случаях и их качество стремительно возрастали — качество войск белых при относительно мало изменившейся численности постоянно падало.

Центральное положение красных позволило им не только воспользоваться запасами старой армии и ресурсами промышленного центра,

но и действовать по внутренним операционным линиям, громя противника поочередно. Белые же, наоборот, действовали разрозненно, попытки координации их действий оказывались запоздалыми. Более того, должной координации не было не только между различными белыми фронтами, но порой и внутри этих фронтов между различными армиями.

Из-за обширности театра войны белые не смогли воспользоваться имевшимися у них преимуществами, такими как наличие подготовленной казачьей конницы, которую можно было бы сосредоточить в одном месте для массированного удара или рейда в тыл красных. Свою негативную роль сыграли и ошибки колчаковских генералов, сделавших в период Гражданской войны головокружительные карьеры, но не обладавших необходимым в соответствии с их новым статусом, опытом. Мобилизационный ресурс подконтрольных белым областей не был в полной мере использован, огромная масса крестьян оказалась вовлечена в партизанско-повстанческое движение в белом тылу или просто уклонялась от мобилизации. Подготовленных резервов не было, что превращало любые активные наступательные действия на фронте в авантюру. Армия, контролировавшая обширную, но слабо развитую периферийную территорию, не имела оборудованной тыловой базы и эффективно работающей военной промышленности. Ориентироваться приходилось на поставки из-за рубежа, которые часто не доходили до фронта, имевшееся вооружение отличалось многообразием типов, а снабжение из-за слабого развития сети железных дорог в тылу было нерегулярным. Процветала коррупция. Колчаковская администрация оказалась неспособной навести элементарный порядок в собственном тылу, без чего невозможно было нормальное снабжение армии. Следствием этого стала постоянно ощущавшаяся нехватка в войсках оружия и боеприпасов, средств связи и техники.

Белые не смогли что-либо противопоставить и мощнейшей большевистской агитации в своих войсках. Идеология большевизма была достаточно привлекательной. В то же время рядовая масса обладала низким уровнем политической сознательности, была утомлена многолетней войной. В колчаковском лагере не было единства из-за острых внутренних противоречий, причем не только по политическим вопросам между монархистами, кадетами и эсерами. На окраинах, контролировавшихся белыми, остро стоял национальный вопрос, чего не было

в советском центре. Исторически существовали непростые отношения казачьего и неказачьего населения, противоречия русского населения с башкирским и казахским.

Белое руководство проводило достаточно мягкий политический курс, а суровые меры часто не могли быть осуществлены из-за отсутствия механизмов реализации приказов на местах и контроля их исполнения. Несмотря на жестокий красный террор, гонения на церковь, озлоблявшую крестьян земельную политику, белые так и не смогли стать той силой, которая принесла бы на освобожденную территорию порядок и стала бы привлекательной для широких масс населения. Кроме того, с окончанием Первой мировой войны большевики в значительной степени утратили облик предателей, который за ними закрепился в результате Брестского мира. По мере расширения территории Советской России они, наоборот, все больше стали выглядеть собирателями земель бывшей Российской империи. Белые же, наоборот, оказались в роли пособников интервентов.

Вожди Белого движения, в отличие от их противника, не поняли всей сложности стоявшей перед ними задачи, не осознали необходимости бросить все и не останавливаться перед самыми суровыми мерами для достижения победы. Сколько бы ни говорили о белом терроре, очевидно, что белые вожди — люди, порожденные старым режимом, не могли представить себе тот масштаб принуждения, который был необходим в 1917–1922 гг. для достижения победы над врагом. Такое представление, однако, имелось у фанатичных и закаленных годами нелегальной борьбы большевиков, которые ради удержания власти и реализации своих планов не останавливались ни перед чем. Впрочем, их методы воздействия не сводились к одному лишь террору, составляя жестокую, но при этом эффективную систему управления.

Большевистские лидеры сумели понять то, чего не поняли их оппоненты, военные профессионалы по другую линию фронта, — принципы ведения войны в новых условиях, соединив войну и политику, о чем писал еще выдающийся прусский военный теоретик XIX в. К. фон Клаузевиц и что не удалось белым. Именно создание массовой Красной армии под управлением квалифицированных офицеров старой армии, контролировавшихся комиссарами, а также выдвигание понятных и привлекательных для большинства населения лозунгов принесло большевикам победу. У белых были свои преимущества, но эффективно

воспользоваться ими они не смогли. В итоге красная организация победила белую импровизацию. Весеннее наступление белых армий Восточного фронта провалилось и не может считаться ничем иным, как авантюрой. Если белые и могли одержать победу на Восточном фронте, то только при полной реорганизации всей системы своего военного управления.

**КАКУЮ РОЛЬ
СЫГРАЛИ
СПЕЦСЛУЖБЫ**

История борьбы спецслужб в период Гражданской войны в России еще не написана, но совокупность известных данных позволяет составить обзор этой борьбы. Условия Гражданской войны значительно облегчали ведение разведывательной и контрразведывательной работы основным воюющим сторонам, прежде всего, по причине отсутствия языкового барьера и возможности как красных, так и белых разведчиков легко затеряться в толпе. С другой стороны, в условиях острого идейно-политического противоборства тайная война приобрела большой идеологический накал и повлекла беспощадное отношение к агентам противника.

КРАСНЫЕ

О зарождении и первых годах существования советской военной разведки известно немного. Связано это, в первую очередь, с отсутствием в ее деятельности, относящейся к периоду Гражданской войны, сколько-нибудь значительных успехов. Подобная ситуация была обусловлена переходом многих русских военных агентов на сторону антибольшевистских сил, а также необоснованными репрессиями, практиковавшимися в Советской России в отношении верных большевикам профессиональных разведчиков и контрразведчиков.

Весной 1918 г. был арестован помощник начальника контрразведки Главного штаба С.Н. Каменский. 3 августа 1918 г. был арестован и уже 14 сентября безо всяких причин расстрелян бывший руководитель Особого делопроизводства ГУГШ полковник Н.К. Раша, являвшийся главой русской военной разведки с марта 1914 по август 1916 г.

5 сентября 1918 г. фактически в полном составе было арестовано военно-агентское отделение Всероссийского главного штаба (начальник К.И. Жихор, сотрудники В.А. Ивановский и П.С. Арапов)⁹⁷⁷. Неуди-

вительно, что при таком подходе большевики, по сути, лишились всей зарубежной военной разведки, которая и находилась в ведении данного отделения. Прекрасно понимавший нужды советского военного ведомства председатель РВСР Л.Д. Троцкий в октябре 1918 г. просил председателя ВЧК указать, какие арестованным Ивановскому и Жихору предъявлены обвинения, и сообщал, что «для разрешения текущих дел крайне необходимо наличие указанных работников»⁹⁷⁸. Однако просьба Троцкого никак не ускорила исход этого дела.

В 1919 г. последовала вторая волна репрессий против военных разведчиков — тогда арестам подверглись выпускники ускоренных курсов Военной академии: консультант Регистрационного (разведывательного) управления (Региструпра) Полевого штаба РВСР бывший капитан Г.И. Теодори, начальник разведывательного отделения Полевого штаба бывший капитан Б.И. Кузнецов, консультант разведывательного отделения бывший капитан Ю.И. Григорьев, консультант Региструпра и бывший начальник агентурного отдела Регистрационного управления в прошлом штабс-капитан Г.Я. Кутырев, осенью 1919 г. был арестован сменивший Теодори бывший старший консультант Региструпра В.Г. Зиверт. Хотя эти аресты не имели под собой серьезных оснований, они лишили большевиков возможности в сжатые сроки обзавестись собственной военной разведкой. К примеру, Теодори был добросовестным военным специалистом, разработчиком одного из проектов «Положения об Особом отделе» и отстаивал сохранение контрразведки в военном ведомстве.

Развал страны в 1917 г. не мог не отразиться и на специальных службах. В инерционный период конца 1917 — 1918 г. частично сохранилась дореволюционная разведывательная и контрразведывательная служба. Ее центральный аппарат был сохранен в составе ГУГШ, переформированного в мае 1918 г. во Всероссийский главный штаб. В годы Первой мировой войны разведкой и контрразведкой ведал отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ, а к концу 1917 г. вопросы агентурной разведки и контрразведки оказались в ведении 2-го генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал-майора П.Ф. Рябикова⁹⁷⁹. Также вопросами разведки занимался 3-й обер-квартирмейстер ГУГШ полковник А.В. Станиславский, подчинявшийся 2-му генерал-квартирмейстеру. Понятно, что в первой половине 1918 г., в период переездов и реорганизации, разведка ГУГШ и Всероглавштаба не была эффективной. Достаточно отметить

такой, казалось бы, незначительный факт, что на конец апреля 1918 г. в переехавшем из Петрограда отделе 2-го генерал-квартирмейстера еще не был установлен телефон⁹⁸⁰.

В мае 1918 г. в связи с преобразованием ГУГШ во Всероглавштаб отдел 2-го генерал-квартирмейстера был реорганизован в военно-статистический отдел оперативного управления, который возглавил А.В. Станиславский. Отдел ведал вопросами разведки и контрразведки, однако его работа без денежных средств и без агентуры в основном сводилась к составлению разведсводок. Разведывательное отделение возглавлял бывший полковник Н.Н. Шварц. По состоянию на конец мая 1918 г., по данным Станиславского, средства на разведку не отпускались с октября 1917 г.⁹⁸¹ Станиславский сохранил прежние контакты с союзниками, развившиеся в условиях Гражданской войны в сотрудничество с врагами большевиков. Очевидно, сотрудничество военспецов с разведками стран Антанты в обстановке продолжавшейся мировой войны даже после Брестского мира не воспринималось как предательство и шпионаж. Следует отметить, что до некоторой степени это сотрудничество развивалось в интересах большевиков. Так, источником сведений для готовившихся отделом аналитических материалов были данные штабов завесы, сведения из Оперативного отдела Наркомата по военным делам и данные, передававшиеся французской военной миссией.

Если центральный аппарат военной разведки сравнительно благополучно пережил большевистский переворот и просуществовал без особых изменений до мая 1918 г., то местные аппараты разведки и контрразведки прекратили свое существование уже в связи с демобилизацией старой армии, агентурные сети из-за прекращения финансирования развалились, а агентура стала сотрудничать с иностранными разведками, платившими за работу. Многие русские военные агенты, опытные генштабисты, поддержали антибольшевистские силы и не признали советскую власть. Располагая денежными средствами, они, в отличие от своих товарищей на Родине, могли избежать вынужденного поступления на советскую службу по материальным причинам. Институт военных агентов так и не был восстановлен в прежнем виде. При инспектировании Всероглавштаба осенью 1918 г. было отмечено, что «пока не будут посланы за границу военные агенты и не будет организована агентурная разведка, сбор сведений об иностранных государствах будет стоять на мертвой точке»⁹⁸². Тем не менее, по данным

на лето 1918 г., в ведении Всероглавштаба оказались разведывательные отделения штабов военных округов⁹⁸³.

Своя разведывательная служба (разведывательный отдел) в 1918 г. возникла при Высшем военном совете на базе партизанских формирований и велась в районе демаркационной линии. Однако отправной точкой истории советской военной разведки может считаться 15 апреля 1918 г., когда было создано разведывательное отделение оперативно-го отдела (Оперода) Московского областного военного комиссариата, положившее начало советской разведывательной службе. Отделение возглавил выпускник ускоренных курсов Военной академии Г.Я. Кутырев. 12 мая Оперод был переподчинен Наркомату по военным делам и стал центральным органом, ведавшим вопросами разведки и контрразведки. Разведывательную работу Оперода курировал выпускник ускоренных курсов Военной академии капитан Б.И. Кузнецов.

Если Всероглавштаб в соответствии со спецификой прежнего ГУГШ ведал внешней разведкой, то Оперод занялся разведывательной работой на территории России, в районах, контролировавшихся белыми, интервентами и немецкими оккупационными властями. Оперод имел 34 агента-резидента, агентурную группу из 6 человек и 2 агентов-маршрутников. Агентура находилась в городах на оккупированной немцами территории. Однако агентурные донесения вследствие проблем со связью поступали нерегулярно. К тому же Оперод оказался аморфной и раздутой структурой, которая не избежала проникновения антибольшевистской агентуры.

Наиболее известна история бывшего полковника, латышского стрелка А.И. Бирзе (Эрдмана), который был членом организованного Б.В. Савинковым «Союза защиты Родины и Свободы» (1918 г.) и даже одним из организаторов ударных дружин. Для конспирации он выдавал себя за анархиста, тесно связанного с большевистским руководством, и внедрился в Оперод. Пользуясь своими связями среди латышских стрелков, приближенных к партийным верхам и активно привлекавшихся к работе в ВЧК, Бирзе (Эрдман) вел широкую диверсионную работу, вводя в заблуждение даже председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского⁹⁸⁴. В своем письме-исповеди Дзержинскому от 10 августа 1922 г. находившийся за границей Бирзе написал, что контрразведывательное отделение Оперода в 1918 г. было в его руках и не только не принесло никакой пользы красным, но и было намеренно использовано белыми подпольщиками во вред большевикам⁹⁸⁵. Бирзе играл на ведомствен-

ных различиях, поскольку в Опероде его считали человеком Держинского и боялись. Помощником Бирзе был неназванный офицер Генштаба, видимо, служивший в Красной армии⁹⁸⁶.

Осенью 1918 г. в только что созданном штабе РВСР был организован разведывательный отдел, которым руководил бывший полковник Б.М. Шапошников, в его подчинении находилось разведывательное отделение во главе с бывшим капитаном Ф.Л. Григорьевым.

Многообразие разведывательных служб, возникших в Советской России, отсутствие четкой регламентации сферы деятельности каждой из них затрудняло взаимодействие между ними, вызывало конфликты и противоречия, могло приводить к срыву операций и серьезным неудачам в тайной войне⁹⁸⁷. С другой стороны, параллелизм структур позволял перепроверять поступающую информацию. Как бы то ни было, назрел вопрос о централизации военной разведки. Осенью 1918 г. этот вопрос получил свое разрешение.

На заседании РВСР 2 октября 1918 г. Оперод было решено влить в РВСР, переименовав в одно из управлений, задачей которого стала бы разведка и контрразведка. Это решение стало важной вехой на пути централизации органов разведки и контрразведки. Соответствующие материалы передавались в новый орган из бывшего Высшего военного совета, а также из некоторых отделов Всероглавштаба⁹⁸⁸. Первым руководителем Региструпра стал С.И. Аралов, который привлек к работе своих прежних сотрудников по Опероду. Начальником штаба нового управления должен был стать Г.И. Теодори, который принял деятельное участие в реорганизации Оперода⁹⁸⁹.

5 ноября 1918 г. постановлением РВСР был утвержден штат Полевого штаба РВСР, в котором обозначено Регистрационное управление (Региструпр), ставшее центральным органом военной разведки и контрразведки⁹⁹⁰. Ключевые посты в управлении заняли молодые выпускники ускоренных курсов Военной академии. Консультантом управления был назначен Теодори. Он же руководил учрежденными для подготовки кадров курсами разведки и военного контроля, которые функционировали при Региструпре. В управлении было создано два отдела — агентурный (39 сотрудников) и военного контроля (контрразведывательный, 157 сотрудников). Агентурным отделом Региструпра руководил выпускник ускоренных курсов Военной академии В.Ф. Тарасов, агентурное отделение возглавлял его однокашник Г.Я. Кутырев. Во главе отдела военного контроля находился бывший врач, 27-летний

большевик М.Г. Тракман. Позднее военная контрразведка была передана в ведомство Дзержинского, а 5 ноября по сей день отмечается в нашей стране как день военной разведки.

В 1919 г. из-за кадровых проблем военную разведку пришлось создавать с нуля методом проб и ошибок, подчас дорого стоивших Советской России. Не случайно в докладе начальника 1-го отделения 1-го отдела Региструпра бывшего капитана В.А. Срывалина, направленном начальнику 1-го отдела Г.Я. Кутыреву 19 февраля 1919 г., говорилось о катастрофическом положении советской военной разведки⁹⁹¹. По мнению автора этого документа, по причине неспособности к работе нужно было уволить половину агенты⁹⁹². Препятствовали работе и необоснованные репрессии. Срывалин резюмировал: «Картина безотрадная. Вызвана полнейшей изоляцией от работы лиц, даже пользующихся доверием (Теодори, Срывалин, Кутырев и т.д.); вся вербовка [проходит] на глазах самих же агентов, из коих были шантажисты: следовательно, все мы давно сняты и сфотографированы. Доклады специалистов на учет не принимаются: им отводится “почетная роль” истребования денег, продовольствия и т.д., на что генштабисты не нужны»⁹⁹³.

По официальным данным на февраль 1919 г., советские агенты не сумели проникнуть ни в один из белых штабов⁹⁹⁴. В то же время известны десятки случаев внедрения белых агентов даже в высшее советское военное руководство. Для красных аналогичные действия были предельно затруднены из-за низкого образовательного ценза их агенты и корпоративизма офицеров русской армии, которые вряд ли могли принять в свою среду чужака. Тем более что лица без военного образования не знали ни уставов, ни основ военной службы. Все это заставляет задуматься о возможности появления в подобных условиях и эффективности работы «адъютантов его превосходительства». Эффективность внедрения белых разведчиков в советское руководство была обусловлена нехваткой квалифицированных руководящих кадров в Советской России. Военное руководство Красной армии оказалось в значительной степени в руках бывших офицеров, о лояльности которых можно было только гадать.

Советская агентура вербовалась в основном по принципу политической преданности — из коммунистов и сочувствующих (85,4% агентов) по социальному составу 56,6% принадлежали к рабочему классу, что неизбежно накладывало отпечаток на образовательный уровень аген-

тов — 74,16% имели низшее образование. Притчей во языцех стал случай, когда один из сотрудников из тщеславных побуждений приклеил на двери своей квартиры табличку с надписью «Агент Полевого штаба». Разумеется, такой «агентуре» было проблематично внедриться в белые штабы и переиграть офицеров-генштабистов, занимавшихся разведкой и контрразведкой у противника.

43,8% агентов составляли латыши и эстонцы и лишь 12,3% русские. Несмотря на это, попытки организации агентурных сетей в Прибалтике и Польше к началу 1919 г. не удались. Часть сведений из иностранной прессы появлялась раньше в сообщениях телеграфных агентств, чем в агентурных донесениях. Подбор агентуры свидетельствует, скорее всего, о том, что вербовкой агентов также занимались большевики. Возможно, этот вопрос курировал заместитель начальника Региструпра латыш В.П. Павулан. Нельзя полностью исключать и того, что набор безграмотных агентов мог быть преднамеренной диверсией военспецов-изменников, действовавших по принципу «чем хуже — тем лучше».

Разведка на фронте, особенно на дивизионном и бригадном уровне, была налажена слабо. Слушатель академии Генштаба РККА Ю.Ю. Аплом, направленный из академии на службу в 6-ю стрелковую дивизию 7-й армии, сообщал в августе 1919 г., что «разведка войсковая, как и агентурная, находится на нулевой точке своего развития»⁹⁹⁵. Лишь после того, как по предложению Аблока агентурная разведка дивизии была отделена от войсковой и доверена партийному работнику, она стала развиваться. По мнению другого слушателя академии, А.Г. Васильева, назначенного помощником начальника штаба бригады по разведывательной части, его должность — «это ни больше, ни меньше как писарь по оперативной части при полковом адъютанте»⁹⁹⁶. По свидетельству слушателя, работа на этой должности занимала у него 10 минут в день, а все остальное время командир был предоставлен самому себе. Сравнивая свою работу в Первую мировую и в Гражданскую войну, Васильев отмечал, что в мировую войну составлял по восемь разведсводок в сутки, а теперь, несмотря на нехватку генштабистов, составляет только одну.

По данным на осень 1919 г., разведорганы 12-й армии были переполнены анархистами⁹⁹⁷. Из разведотделения штаба 1-й армии весной 1919 г. был похищен список сотрудников, засланных в тыл белых под Оренбургом. Вскоре документ оказался у противника и был опублико-

ван, что поставило под угрозу жизни агентов. Вследствие этих событий в штабе армии возникла атмосфера подозрительности и шпиономании. Как результат — бессудный расстрел членом РВС армии О.Ю. Калниным одного из работников штаба, совершившего не заслуживающий такой кары проступок⁹⁹⁸.

Еще более скандальная ситуация произошла в 1918 г. в разведывательном отделении штаба Южного фронта. Под арестом оказался начальник отделения З.Б. Шостак, который был активным участником заговора Р.Б. Локкарта и обвинялся в передаче военных сведений голландскому корреспонденту Л. Грондайсу, связанному с белыми⁹⁹⁹, а также в снабжении контрреволюционеров документами от высших советских учреждений. Помощник Шостака, бывший юнкер Н.В. Бодак, также был арестован. По постановлению Особого отдела Южного фронта Шостака и Бодака расстреляли¹⁰⁰⁰. Впрочем, в этом деле больше вопросов, чем ответов.

Вместе с тем некоторые руководители военной разведки назначались в РККА с учетом их специализации и личных предпочтений. Так, например, агентурной разведкой 1-й стрелковой дивизии 7-й армии, действовавшей против финнов, ведал военный комиссар дивизии, известный финский большевик Э.А. Рахья. Впрочем, его критиковали за то, что он все внимание обратил на Финляндию и не занимался Мурманом¹⁰⁰¹.

До конца 1919 г. агенты-ходоки были основной единицей советской агентуры, некоторые переходили через линию фронта по многу раз¹⁰⁰². Но сведения агентов-ходоков были отрывочными и поступали нерегулярно. К множеству трудностей в их работе прибавлялось слабое взаимодействие с фронтовыми штабами и органами ЧК, нередко препятствовавшими пропуску агентов во вражеский тыл. Однако помимо них имелись и резиденты в белом тылу. В частности, весной 1920 г. регистрационное отделение штаба 13-й советской армии создало резидентуру в Севастополе, получавшую ценные сведения из Морского управления белых¹⁰⁰³. Кроме военной разведки, в белом тылу большевики имели разветвленную сеть местной партийной агентуры, деятельность которой в основном сводилась к осведомлению советского руководства, агитации и мелким диверсиям¹⁰⁰⁴. Помогали красным также многочисленные партизанские отряды и банды в белом тылу, однако вопрос координации их деятельности с советским центром остается открытым.

Разведчики из числа бывших офицеров порой своими действиями подтверждали недоверие к ним со стороны чекистов и комиссаров, поскольку нередко переходили к белым. В 1919 г. при оставлении красными Украины к белым бежал В.А. Срывалин — бывший руководитель агентурного отделения агентурного отдела Региструпра. Причины, толкнувшие его на бегство, неизвестны. Возможно, свою роль сыграли необоснованные аресты его однокашников, производившиеся в 1919 г. Известно, что подобные действия чекистов вызывали неприятие у Срывалина¹⁰⁰⁵.

Как водится, среди разведчиков встречались и беспринципные любители легкой наживы, стремившиеся заполучить казенные средства. Особенно легко так могли поступать иностранцы. Например, венгерский интернационалист, инженер Сатке получил 1500 руб. на подпольную работу в белом тылу, но, перейдя линию фронта, скрылся с деньгами.

В июне 1919 г. Региструпр был реорганизован — теперь в нем было три отдела — сухопутный и морской агентурные и военно-цензурный. В сухопутном агентурном отделе имелись четыре отделения — Северное, Западное, Ближневосточное и Дальневосточное. После С.И. Аралова летом 1919 г. Региструпр возглавил близкий В.И. Ленину партийный деятель С.И. Гусев (Я.Д. Драбкин), не имевший опыта разведывательной работы. Затем началась череда кадровых перестановок. В общей сложности только в 1919–1921 гг. на посту начальника Региструпра сменилось шесть человек. Кадровая чехарда наблюдалась и на нижестоящих должностях. Постепенно военспецы-генштабисты вследствие арестов или увольнений оказались вытеснены с руководящих постов. Это не было случайностью, поскольку большевистское руководство взяло курс на построение военной разведки не по профессиональному, а по классовому принципу. Такой подход вел к снижению результативности работы¹⁰⁰⁶. Тем не менее в сложившейся в дальнейшем системе военных представительства за рубежом военспецы-генштабисты продолжали играть определенную роль.

В докладе о деятельности Региструпра осенью 1919 г. говорилось об отсутствии должного взаимодействия военной разведки и Особых отделов. В частности, было отмечено, что «одной из серьезных причин, объясняющих крупные недостатки в работе разведки, является следующее. Особые отделы, как организация контрразведки, тесно соприка-

саются с работой нашей — разведывательной. Тем не менее до сих пор Особые отделы как в центре, так и на местах не только не обслуживали разведку, но тормозили ее работу. Арестовывали и месяцами держали в тюрьмах наших агентов при переходе ими фронта, не обращая внимания на документы, выданные Регистрационным управлением. Не шифрованными телеграммами запрашивали Регистрационное управление, прося подтверждения, что действительно ли такой-то (фамилию, кличку и назначение, очевидно, выпытывали у агента в тюрьме) посылается Регистрационным управлением туда-то, и этим уже проваливали все дело...»¹⁰⁰⁷

Помимо Региструпра в Полевом штабе РВСР функционировал разведывательный отдел (затем — разведывательная часть) оперативного управления, ведавший войсковой и агентурной разведкой, во главе которого стояли военспецы — с 15 августа 1919 г. Б.М. Шапошников, а с конца 1919 г. К.Ю. Берендс.

По советскому художественному фильму «Адъютант его превосходительства» широкую известность приобрела переосмысленная художественными средствами история личного адъютанта командующего Добровольческой армией белых генерала В.З. Май-Маевского — П.В. Макарова. В действительности Макаров не был столь успешным разведчиком, как его кинематографическое воплощение — П.А. Кольцов. Более того, в показаниях на следствии в 1937 г. он вообще не упомянул о какой-либо своей разведывательной работе¹⁰⁰⁸.

Свежее дыхание в разведывательную деятельность вдохнуло создание в марте 1919 г. в Москве Коммунистического интернационала (Коминтерна), в результате чего большевистское руководство смогло приобрести обширную агентуру по всему миру. Разведка Коминтерна тесно сотрудничала с Региструпром. Важнейшей особенностью разведки Коминтерна был тот факт, что многие разведчики занимались такой деятельностью добровольно, вследствие глубокой идейной убежденности в справедливости и правильности коммунистических идей, веры в грядущую мировую революцию. Этот фактор предопределил колоссальные успехи советской внешней разведки на протяжении значительной части XX в. Сломить или перевербовать таких агентов было практически невозможно. Деятельность Коминтерна оказала громадное влияние на мировую историю и во многом способствовала краху колониальных империй¹⁰⁰⁹.

В 1920 г. советская военная разведка была уже достаточно развитой и сформировавшейся структурой, обладавшей определенными успехами. Разведчики анализировали белогвардейскую прессу, изучали положение в Закавказье, Турции, европейских странах. Активно велась радиоразведка, устанавливались позывные белогвардейских радиостанций и перехватывались их сообщения¹⁰¹⁰. С января 1920 г. в Региструпре было по новому штату четыре отдела — мобилизационный, оперативный, информационный и хозяйственно-финансовый, позднее добавился общий отдел. К 1921 г. в управлении числилось 275 сотрудников. В апреле 1921 г. Региструпр и разведывательная часть оперативного управления Штаба РККА были объединены в Разведывательное управление Штаба РККА (Разведупр), которое возглавил А.Я. Зейбот.

После завершения широкомасштабной Гражданской войны в руководство военной разведкой пришли новые люди. Помощником начальника Разведупра в мае 1921 г. стал бывший капитан А.И. Кук — выпускник ускоренных курсов Военной академии. Именно Кук стоял у истоков создания советской военной разведки в ее полноценном виде.

Изменились и задачи военной разведки. Работа в белом тылу уходила на второй план, а на первое место выходила гораздо более трудная, требующая знания иностранных языков, высокой квалификации и интеллектуальных способностей работа за рубежом. Эта работа была начата в 1919 г., а уже на следующий год советская военная разведка действовала практически во всех сопредельных государствах. По данным на 1920 г., агентурные сети военной разведки имелись в 18 государствах, включали 77 резидентур и 51 отдельного агента¹⁰¹¹.

Особую тревогу советского руководства вызывала Польша. Разведка на этом направлении стала одним из приоритетов. С конца 1919 г. против поляков на территории Белоруссии действовала Нелегальная военная организация, созданная по инициативе одного из руководящих работников штаба Западного фронта И.С. Уншлихта. Организация занималась агентурной и диверсионно-террористической деятельностью.

Заброска агентуры отличалась массовостью в ущерб качеству (например, в Латвию было направлено 700 агентов, в Грузию — 500). Летом 1920 г. был создан институт военных атташе при советских полно-

мочных представительствах за рубежом, положивший начало широко-масштабному внедрению резидентур советской военной разведки за границей. В качестве военных атташе использовались, прежде всего, бывшие офицеры Генштаба, которые смогли принести большую пользу Советской России. Достаточно отметить, что советский военный атташе в Грузии бывший генерал П.П. Сытин заблаговременно предупредил руководство РККА о подготовке в белом Крыму десантов на кавказское побережье¹⁰¹². По примеру истории с военной контрразведкой подчинить себе военную разведку неоднократно пытались чекисты. В конце 1920 г. это на некоторое время даже удалось, но протест военных не позволил ВЧК подмять под себя и это направление. Сотрудничество военной и политической разведки выразилось в создании объединенных резидентур и агентурных сетей, практиковавшемся до середины 1920-х гг.

Советская внешняя разведка (политическая) была создана уже после окончания широкомасштабной Гражданской войны. Приказом ВЧК № 169 от 20 декабря 1920 г. был создан Иностранный отдел (ИНО) ВЧК, имевший право ведения агентурной разведки за рубежом. С весны 1920 г. существовал Иностранный отдел Особого отдела ВЧК, занимавшийся разведывательной работой за рубежом и ставший основой для нового органа. Первым начальником ИНО стал старый большевик Я.Х. Давыдов (Давтян). До конца 1922 г. сменилось четыре руководителя ИНО (помимо Давыдова Р.П. Катанян, С.Г. Могилевский и М.А. Трилиссер). Таким образом, среди четырех первых руководителей советской внешнеполитической разведки было два армянина и два еврея. ИНО обзавелся сетью резидентур, действовавших под дипломатическим или внешнеэкономическим прикрытием.

Для более тесной координации действий разведки и контрразведки 14 января 1921 г. ИНО, а также информационный, секретный, оперативный и Особый отделы ВЧК были включены в Секретно-оперативное управление ВЧК, которое возглавил В.Р. Менжинский. В начале 1922 г. ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ), которое в ноябре 1923 г. было преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). О том, какое значение придавалось органам госбезопасности в Советской России, свидетельствует численность сотрудников органов ВЧК, которая к началу 1921 г. составляла около 40 тысяч че-

ловек в центре и на местах¹⁰¹³. Хотя количество не переходило в качество, трудно представить, что белогвардейские спецслужбы могли похвастаться подобным штатом.

Особенностью Гражданской войны было тесное переплетение в ней внутренних и внешних сил. Соответственно, военная и политическая разведка и контрразведка тесно переплетались. В то время даже не существовало сформировавшегося понятийного аппарата этой сферы деятельности, и разделение разведки и контрразведки еще не было распространено. Активным шпионажем, например, именовались диверсии. Военное руководство и чекисты понимали задачи контрразведки по-разному. Военные стремились к борьбе со шпионажем, чекисты во главу угла ставили контроль за лояльностью военспецов. Значимо было как одно, так и другое.

Первоначально контрразведывательную работу в Советской России вели несколько организаций. Значительную роль в этой работе даже до создания Особого отдела играла Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем¹⁰¹⁴ — орган, который большевики считали своей важнейшей опорой, передовым отрядом партии. В январе 1918 г. при ВЧК было создано контрразведывательное бюро, действовавшее в Петрограде и Финляндии, из 35 сотрудников (в том числе 25 агентов), однако весной 1918 г. деятельность бюро была свернута из-за произвола его сотрудников¹⁰¹⁵. Впрочем, точных данных об этом периоде нет. Есть основания считать, что уже с апреля при ВЧК существовала какая-то контрразведывательная структура. Параллельно соответствующей деятельностью занимались доверенные лица председателя ВЧК Дзержинского и даже левые эсеры. Интересно, что одним из руководителей советской контрразведки Дзержинский хотел назначить В.Г. Орлова, в действительности работавшего на белых¹⁰¹⁶.

Руководителем контрразведывательного отделения отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК стал левый эсер Я.Г. Блюмкин, однако это отделение было быстро ликвидировано. Тем не менее именно чекисты раскрыли летом — осенью 1918 г. заговор организации английского дипломата Р.Б. Локкарта в Москве. Англичане через агента Шмитхена (агент ВЧК Я.Я. Буйкис или, по предположению А.А. Здановича, Я. Спрогис¹⁰¹⁷) попытались завербовать командира 1-го тяжелого Латышского артиллерийского дивизиона Э.П. Берзина, о чем последний сообщил руководству ВЧК (возможно, по рекомендации самого Шмит-

хена). Руководители ВЧК посоветовали ему принять предложение англичан с целью их компрометации. Посредниками между Локкартом и Берзиным были агент Шмитхен и лейтенант С.Г. Рейли (С.М. Розенблюм)¹⁰¹⁸. Англичане интересовались взглядами одного из видных командиров латышских стрелков И.И. Вацетиса¹⁰¹⁹, возглавившего Восточный фронт РСФСР, и рассчитывали при помощи латышских стрелков свергнуть большевиков и открыть интервентам фронт на Севере. Рейли даже планировал убийство Ленина и Троцкого¹⁰²⁰. Интересовались Вацетисом и немцы. С Локкартом сотрудничали и другие дипломаты — французский генеральный консул в Москве Ф. Гренар и американский генеральный консул Д. Пуль. С самого начала англичане оказались под наблюдением чекистов, причем Локкарт был даже арестован. В итоге Локкарт и Гренар были высланы из Советской России. С.Г. Рейли через Прибалтику тайно уехал в Великобританию. В Петрограде чекисты вышли на британского военно-морского атташе капитана Ф. Кроми, занимавшегося разведкой. Кроми был застрелен при захвате чекистами здания британского посольства в Петрограде 31 августа 1918 г.

Среди первых чекистов не было профессиональных разведчиков и контрразведчиков, однако руководство требовало результатов. Такой подход в революционных условиях провоцировал фабрикацию дел и массовые расправы. На поверку многие громкие разоблачения оказывались полностью сфабрикованными (например, дело об «организации» генерала М.А. Дормана в Смоленске, раскручивавшееся осенью 1918 г.¹⁰²¹). Хорошо, если из-за этого никто не страдал, но, как правило, вместе с фабрикацией дел шло массовое истребление тех представителей старого офицерства и буржуазии, кому была отведена роль заговорщиков.

Одним из распространенных способов работы ЧК стали массовые аресты представителей буржуазии. Надо сказать, этот метод иногда приносил пользу большевикам. По свидетельству генерала К.И. Глобачева, система массового террора парализовала антибольшевистское подполье. Глобачев отмечал: «Самая техника массовых арестов в Петрограде выглядела так: исполнение поручалось районным советам, которые производили обыски в своих районах. Данными для этого служили регистрационные сведения относительно офицеров, домовые книги и опросы швейцаров и дворников. Квартал окружался красноармейцами, и каждый дом обходился чекистами, причем

все бывшие офицеры и подозрительные буржуи арестовывались. Эта мера сразу дала несколько тысяч арестованных, заполнивших тюрьмы Петрограда и Кронштадта, не давши, впрочем, ничего существенного в смысле обвинения задержанных в каких-либо преступлениях. Но, с другой стороны, она совершенно парализовала работу контрреволюционных организаций, выхватив из их среды многих серьезных работников и порвав имевшиеся связи. Той же мере были подвергнуты и пригороды Петрограда, так что скрыться, особенно бывшему офицеру, было чрезвычайно трудно. Началась сильная тяга на Дон и Украину»¹⁰²².

Лишь 28 ноября 1918 г., сравнительно поздно, II конференцией ЧК было принято решение о создании ЧК при всех фронтах и армиях, что подготовило почву для перехода контрразведки в руки чекистов¹⁰²³.

Своя контрразведка, регистрационная служба оперативного управления, существовала и во Всероглавштабе. Определенное влияние на развитие советской военной контрразведки оказало пребывание в высшем советском военном руководстве на посту военного руководителя Высшего военного совета бывшего генерал-майора М.Д. Бонч-Бруевича, известного своей рьяной шпиономанией и германофобией еще с дореволюционных времен. Бонч-Бруевич считался специалистом в области контрразведки, хотя этот ореол не соответствовал его реальной квалификации. Уже в мае 1918 г. он потребовал усиленных мер борьбы с немецким шпионажем и распорядился создать контрразведывательные отделения в войсках завесы, хотя война с немцами была уже закончена. Бонч-Бруевич предлагал немедленно расстреливать шпионов¹⁰²⁴. Беспокоила Бонч-Бруевича и безопасность самого Высшего военного совета. В результате летом 1918 г. наблюдатели регистрационной службы совета занимались охраной штаба этого учреждения и выслеживали подозрительных лиц, проходивших поблизости¹⁰²⁵.

Немаловажно, что Бонч-Бруевич и поддерживавший его Троцкий выступали за назначения на контрразведывательную работу генштабистов, обладавших опытом службы в органах военного контроля¹⁰²⁶. Среди предложений Бонч-Бруевича в сфере организации контрразведки было приглашение на службу своего старого знакомого генерала Н.С. Батюшина, находившегося тогда в Казани. Однако Батюшин к красным не пошел и вскоре оказался в антибольшевистском лагере¹⁰²⁷.

Контрразведывательные структуры — органы военного контроля — возникли при Наркомате по военным делам, причем в центре эта работа была сосредоточена в руках молодых выпускников ускоренных курсов Военной академии. Как уже отмечалось, разведкой и контрразведкой военного ведомства ведал Оперод Наркомата по военным делам, который возглавил бывший офицер С.И. Аралов. Контрразведывательное отделение (военный контроль) Оперода, созданное 30 мая 1918 г., возглавил М.Г. Тракман. Военным консультантом при нем стал выпускник ускоренных курсов Военной академии бывший капитан И.Д. Чинтулов. Консультантом (затем — начальником штаба) Оперода стал его однокурник бывший капитан Г.И. Теодори.

Излагая на следствии по делу «Весна» свою деятельность в этот период, Чинтулов вспоминал: «Мне было поручено в качестве военного консультанта создать военные контрразведывательные органы. Начальником, при котором я был консультантом, был Тракман, большевик, доктор, эстонец. О такого рода работе я имел лишь книжные познания и не имел той уверенности в работе, какая нужна была в столь критические времена. Все же работа эта не заслужила порицания и обеспечила довольно стройную систему органов Военного контроля на фронтах и их работу инструкциями и указаниями. Велась работа и по организации подрывных партий и посылке их в тыл белых против Колчака, на Украину, на Дон. Служба требовала быть начеку постоянно. По этой службе мне приходилось сталкиваться с т.т. Араловым, Аппетером, Блаунсом, Берзиным, Эйдуком, Кедровым, Держинским, Караханом и др. Менее всего виделся с генштабистами, так как моя новая служба многим из них казалась зазорной»¹⁰²⁸.

Долгое время полномочия советских спецслужб не были разграничены. Фактически в каждом органе высшего военного управления считалось необходимым обзавестись собственной разведкой и контрразведкой. К этому добавлялись аналогичные устремления ВЧК. В июле 1918 г. Троцким было утверждено «Общее положение о разведывательной и контрразведывательной службе». По этому документу военной разведкой руководил Всероглавштаб, а Оперод Наркомата по военным делам должен был выполнять разведывательные поручения коллегии народных комиссаров по военным делам. Контрразведкой руководили Всероглавштаб, Высший военный совет и Оперод. Активная контрразведка сосредотачивалась в регистрационной службе Всероглавштаба,

в отделах и отделениях регистрационной службы штабов военных округов и в отделениях регистрационной службы при Высшем военном совете, а также при подчиненных последнему штабах участков и районов завесы¹⁰²⁹. Впрочем, такая сложная схема не могла быть окончательной.

Отделение военного контроля Оперода 24 августа 1918 г. представило заведующему отделом проект декрета о борьбе со шпионажем. Одним из острых вопросов была возможность доверить контрразведку военспецам. В сопроводительном документе отмечалось: «Представляя при сем проект Декрета о борьбе со шпионством, сообщаю, что до проведения этого Декрета было бы необходимо издать приказ о реорганизации всех отделений регистрационной службы в том направлении, чтобы во главе отделений стояли партийные товарищи, а при них военные консультанты, в противном случае в руки офицеров Генштаба будет дано такое сильное оружие, как право на обыск и арест»¹⁰³⁰. Ознакомившись с этой идеей, Теодори не смог удержаться от язвительного комментария: «Старая песня! Не приемлема*, ибо избавит специалистов от ответственности; а отсутствие ответственности и самостоятельности всегда вело к параличу работы. Согласен лишь в силу политических условий момента. 27/VIII-[19]18. Теодори»¹⁰³¹.

Зарождавшиеся органы военного контроля смогли предотвратить ряд заговоров в РККА. В частности, эсеровский заговор в 4-й армии Восточного фронта, которым руководили командир 1-го Саратовского кавалерийского полка Бредихин и работник штаба армии Д.Е. Буренин. И.С. Кутяков вспоминал: «Начальник штаба 4-й армии штаб[с]-ротмистр Буренин являлся шпионом, который как бы по своей наивности передал все оперативные приказы, планы и решения в незашифрованном виде в г. Саратов, тем самым давал возможность противнику заранее знать наши действия, а следовательно, и принимать соответствующие меры к парированию наших ударов. Примером служит уже то, что рейд п[олковни]ка [М.Ф.] Мартынова на тыл нашей армии и захват бронемашин случайным считать нельзя»¹⁰³². Однако подобные успехи были нечастым явлением, а кадры контрразведчиков на местах оставляли желать лучшего. Например, в военном контроле советского Южного фронта работали кокаинисты, расхитители имущества, маро-

---

* Здесь и далее подчеркнуто в документе.

деры. Начальником военного контроля фронта оказался совершенно случайный человек — Е.А. Трифонов, слесарь с низшим техническим образованием, подобравший себе, непонятно по какому принципу, более 250 сотрудников¹⁰³³. Трифонов впоследствии обвинялся в должностных преступлениях, а следствие по его делу велось в РСФСР.

Осенью 1918 г. военная контрразведка оказалась влита в РСФСР. Тем не менее независимость военной контрразведки, нахождение в ее руководстве военспецов на фоне все возрастающих измен бывших офицеров, служивших в Красной армии, вызывали беспокойство большевистского руководства¹⁰³⁴.

Г.И. Теодори отстаивал сохранение контрразведки в военном ведомстве (в составе РСФСР), но верх, как известно, одержали сторонники подчинения этого органа ВЧК. Подчинение это выразилось в создании Особого отдела ВЧК¹⁰³⁵. В связи с борьбой за ведомственную принадлежность Особого отдела 28 декабря 1918 г. консультанты Полевого штаба РСФСР Теодори и его однокашник по академии И.Д. Чинтулов телеграфировали Троцкому: «Подписанный Вами 26-го декабря проект Особого отдела был переделан под давлением Вацетиса и Кедрова Араловым, но ни мне, ни Штейнгордту¹⁰³⁶, ни Чинтулову¹⁰³⁷ не показан. Этот проект целиком противоречит задачам контроля, а с утверждением 23-го декабря военной цензуры*, подчиненной на местах военному контролю, ныне упраздняемому, создается ряд противоречий. Произошло это потому, что никаких общих комиссий не было. Если Вами доклады и схема работ, сделанных военным контролем, прочитаны, и Вы принципиально согласны за сохранение в целом уже проводимой в жизнь военной системы, то просим приостановить телеграфно действие только что утвержденного положения до Вашего приезда и рассмотрения задач контроля под Вашим председательством. Обстановка для работы создается невозможная, ибо спутаны все права, все законоположения, все обязанности. После восьми месяцев работа вся вновь свалена. О последующем не откажите уведомить. 28-го декабря. № 635. Теодори — Чинтулов»¹⁰³⁸.

В тот период Теодори и Чинтулов практически каждый день буквально бомбардировали советское руководство (Л.Д. Троцкого, Я.М. Свердлова, С.И. Аралова, И.И. Вацетиса) различными посланиями по этому поводу, однако успеха не добились. Предыстория вопроса

---

* В документе несогласованно — цензурой.

связана с разработкой Теодори и Чинтуловым проекта положения об Особом отделе, по которому он должен был находиться в подчинении РВСР, а не ВЧК. Такое решение вопроса о подчинении военной контрразведки могло бы снизить количество необоснованных арестов и расстрелов военспецов, но вряд ли было приемлемо для большевистской верхушки, которая могла лишиться важнейшего рычага контроля за армией. При этом военное руководство из бывших офицеров получало возможность покрывать «своих» специалистов. Стоит отметить, что изначально большевики, видимо, не имели четкой стратегии в этом вопросе, однако итоги преобразования оказались чрезвычайно выгодными для укрепления их власти в армии. В результате нешуточной борьбы и даже интриг военная контрразведка в начале января 1919 г. отошла к чекистам и находится в ведении органов госбезопасности по сей день.

Особый отдел (другое первоначальное название — военный отдел) ВЧК был создан 19 декабря 1918 г. как орган военной разведки (ведал зафронтовой агентурной разведкой) и контрразведки¹⁰³⁹. Его полномочия были очень широкими, включая право на арест и следствие. Реформирование органов военной контрразведки продолжалось с декабря 1918 по февраль 1919 г. Особый отдел подмял под себя органы военного контроля, которые воспринимались чекистами как враждебные¹⁰⁴⁰. Военная разведка и военная цензура были переданы в начале января 1919 г. в ведение Региструпра, однако вопросы засылки агентыры за линию фронта особисты курировали и позднее. Конфронтация Особых отделов, выполнявших функции военной контрразведки и подчиненных при этом ВЧК (хотя и подконтрольных РВСР), с армейскими учреждениями была предопределена институционально¹⁰⁴¹. Одним из отрицательных последствий перехода контрразведки к чекистам стало приоритетное внимание к проявлениям нелояльности среди бывших офицеров, ставших военспецами в РККА, из-за чего создавалась нездоровая обстановка подозрительности, а борьба со шпионажем страдала. С другой стороны, контрразведчики теперь не были скованы ведомственным корпоративизмом. В результате новая система заработала и прижилась. Стали создаваться Особые отделы на фронтах, где ими руководили большевики-подпольщики, обладавшие опытом борьбы со спецслужбами старой России.

Несмотря на все противоречия, имели место случаи попадания особистов под влияние более образованных и квалифицированных штаб-

ных работников. Например, такая ситуация произошла во взаимоотношениях между профессиональным дореволюционным разведчиком, бывшим генерал-майором А.А. Самойло, командовавшим 6-й отдельной армией на Севере России, и работниками Особого отдела армии¹⁰⁴². Опасаясь безграничных полномочий Особого отдела ВЧК, большевистское руководство старалось держать новый орган под тщательным контролем. В частности, с мая 1919 г. Особый отдел должен был предоставлять ЦК (И.В. Сталину или Оргбюро) еженедельные доклады¹⁰⁴³. Кроме того, Особые отделы фронтов и армий с 13 мая 1919 г. получили двойное подчинение ВЧК и РВС (подчинялись одному из членов).

Особый отдел ВЧК старательно обслуживал большевистскую верхушку. Именно с этой точки зрения следует рассматривать, например, так называемое дело Полевого штаба РВСР, в ходе которого летом 1919 г. чекистами были арестованы высшие руководители военного ведомства, в том числе главком И.И. Вацетис и начальник Полевого штаба Ф.В. Костяев. Аресты по этому сфабрикованному делу были вызваны подковерной борьбой и интригами в партийном руководстве и непосредственно в окружении большевистского лидера В.И. Ленина и привели к смене кадров в высшем военном руководстве страны, а также несколько ослабили позиции Л.Д. Троцкого в военном ведомстве.

Первым председателем Особого отдела стал старый большевик, друг В.И. Ленина М.С. Кедров. Назначение это было не случайным и свидетельствовало о том, какую важную роль придавал новому органу большевистский лидер. Однако Кедров, не имевший никакой подготовки к порученной работе, оказался не на высоте. Вместо организационной и административной работы он предпочитал лично участвовать в арестах, обысках и допросах. Председатель РВСР Л.Д. Троцкий обоснованно обвинял Кедрова в самоуправстве, арестах ответственных военных деятелей без согласия и даже уведомления РВСР и дезорганизаторских действиях, причем подобным волонтаризмом Кедров славился еще в 1918 г.¹⁰⁴⁴ Ситуацию усугубляло то, что Кедров стремился к самостоятельности в рамках как военного ведомства, так и ВЧК, конфликтовал не только с Троцким, но и с председателем ВЧК Дзержинским. В итоге 18 августа 1919 г. Кедров был заменен Дзержинским¹⁰⁴⁵. В 1920 г. отдел возглавил В.Р. Менжинский. Видную роль в нем играл и бывший прапорщик И.П. Павлуновский, ставший при Дзержинском заместителем начальника Особого отдела ВЧК.

Интересно, что Особые отделы и органы военного контроля занимались не только контрразведывательной деятельностью, но и разведкой (например, на территорию Персии в 1919 г. забрасывались агенты Особого отдела штаба Закаспийского фронта и закаспийского бюро военного контроля¹⁰⁴⁶), что отражало недостаточную степень разделения этих направлений в период Гражданской войны¹⁰⁴⁷.

Советская контрразведка и другие спецслужбы постепенно приобретали опыт и добивались значительных успехов. Расцвет контрразведки был связан с приходом в руководство Особого отдела ВЧК, а затем контрразведывательного отдела ГПУ-ОГПУ (выделен в 1922 г. из Особого отдела) А.Х. Артузова (Фраучи) — племянника высокопоставленных большевистских работников М.С. Кедрова и Н.И. Подвойского. Высокое родство сыграло свою роль в стремительном карьерном росте Артузова (первоначально в ноябре 1918 — январе 1919 г. он оказался на службе в отделе военного контроля Реввоенсовета Республики, где, видимо, не столько занимался контрразведкой, сколько помогал своему дяде Кедрову в борьбе с этим конкурирующим органом), однако он обнаружил и большие способности в сфере разведки и контрразведки, далеко превзойдя действовавшего примитивными методами Кедрова.

Именно Артузов, занявший в 1921 г. пост заместителя начальника Особого отдела ВЧК, руководил борьбой с польской военной разведкой — главным и наиболее серьезным противником советских контрразведчиков в тот период. Летом 1920 г. в Москве был захвачен резидент польской разведки поручик И. Добржинский, который выдал более десяти своих агентов¹⁰⁴⁸. Разумеется, часть из них была принуждена к сотрудничеству с ВЧК. В результате операции было предупреждено убийство поляками командующего советским Западным фронтом М.Н. Тухачевского. В ходе дальнейшей оперативной игры были ликвидированы несколько групп польских агентов, заброшенных на советскую территорию осенью 1920 г., затем уничтожена польская агентурная сеть на Украине. За ликвидацию польских шпионов Артузов был награжден орденом Красного Знамени.

Операции стали отличаться значительной дерзостью и решительностью, возросли профессионализм и оперативное искусство их организаторов. В то же время, как и ранее, чекисты предпочитали действовать на упреждение, провоцируя и устраняя реальных и потенциальных противников режима, практиковались террористические методы, стали применяться убийства оппонентов за пределами Советской Рос-

сии. В начале февраля 1921 г. в результате совместной операции военной разведки и ВЧК группой наемных боевиков в Западном Китае был убит атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант А.И. Дутов, готовивший вторжение на советскую территорию¹⁰⁴⁹. Была предпринята не увенчавшаяся успехом попытка уничтожить и наиболее авторитетного руководителя белой военной эмиграции — главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля. 15 октября 1921 г. итальянский пароход «Адриа», совершавший рейсы в Советскую Россию, протаранил яхту Врангеля «Лукулл» на Босфоре как раз в районе каюты генерала. По случайности Врангель тогда на судне отсутствовал (уехал за час до происшествия) и не пострадал¹⁰⁵⁰.

В 1921–1922 гг. чекисты с помощью своей агентуры ликвидировали ряд повстанческих отрядов на Украине, причем даже создавали фиктивные банды для выявления и ликвидации повстанцев¹⁰⁵¹. Выдающейся операцией советских контрразведчиков стал вывод на советскую территорию генерал-хорунжего армии Украинской народной республики Ю.И. Тютюнника, совершившего при содействии 2-го отдела Генштаба Польши несколько рейдов на территорию Украины. Операция была разработана в контрразведывательном отделе полномочного представителя ГПУ УССР под руководством 25-летнего бывшего прапорщика Н.Г. Николаева-Журида, который лично участвовал в переговорах с посланцем Тютюнника под видом представителя повстанческого комитета. В окружение Тютюнника были внедрены советские агенты, которые убедили его в возможности крупного антисоветского восстания на Украине. Операция длилась более года. Наконец, 17 июня 1923 г. Тютюнник с группой сторонников переправился через Днестр и был захвачен чекистами. В дальнейшем ОГПУ использовало Тютюнника в работе по разложению украинской эмиграции¹⁰⁵².

Разумеется, этими операциями активность чекистов в 1920–1922 гг. не исчерпывалась. Советская республика находилась во враждебном окружении, а органы госбезопасности должны были противостоять иностранным спецслужбам практически всех сопредельных государств, в особенности на западной границе. Уже в 1922 г. была ликвидирована агентурная сеть латвийской военной разведки в Советской России, действовавшая с 1921 г. В том же 1922 г. контрразведчиками были раскрыты резидентуры эстонской военной разведки в Москве и Петрограде. Ряд успехов был достигнут и в борьбе с польской разведкой. В целях разложения белой военной эмиграции чекистам и во-

енным разведчикам удалось склонить к возвращению в Россию одного из видных белых генералов — Я.А. Слащова, конфликтовавшего с Врангелем. Операция находилась на контроле у высшего руководства страны. В ноябре 1921 г. Слащов с группой соратников нелегально вернулся на Родину, был амнистирован и получил советское гражданство. Он не только передал советским спецслужбам ценную информацию о белой военной эмиграции, но и обратился к последней с призывом возвращаться в Россию. Под влиянием этих событий многие бывшие белые последовали примеру Слащова. Стоит отметить, что уже в 1921–1922 гг. чекисты готовили масштабную провокацию против белой эмиграции и иностранных разведок — операцию «Трест», растянувшуюся на многие годы и нанесшую тяжелый удар по активным кругам военной эмиграции. Организаторами операции стали чекисты Артузов, В.С. Кияковский-Стецкевич и В.А. Стырне. По итогам Гражданской войны 20 декабря 1922 г. Особый отдел был награжден орденом Красного Знамени.

На местах успехи контрразведчиков были гораздо скромнее, чем в центре, что связано с непрофессионализмом сотрудников и атмосферой шпиономании. Разумеется, в регионах тоже были успешные контрразведывательные операции и даже иногда крупные успехи¹⁰⁵³, но одним из основных способов отчетности региональных подразделений ВЧК-ОГПУ по окончании широкомасштабной Гражданской войны стала фабрикация дел о мнимых контрреволюционных заговорах, по которым репрессировались невинные, но потенциально нелояльные граждане¹⁰⁵⁴. Поощрение подобной практики руководством стимулировало произвол госбезопасности, достигший своего апогея в 1930-е гг.

БЕЛЫЕ И ИНТЕРВЕНТЫ

Вопросы разведки и контрразведки в белом лагере по дореволюционной традиции оставались в основном прерогативой офицеров Генерального штаба. На белом Юге руководство этой работой было сосредоточено в управлении генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии и ВСЮР, а также в отделе Генерального штаба Военного управления, которым руководил генерал-лейтенант В.Е. Вязьмитинов. Разведкой и контрразведкой занимались разведывательное и

контрразведывательное (позднее — часть) отделения штаба главкомандующего¹⁰⁵⁵. Разведывательные и контрразведывательные отделения создавались также при штабах армий.

Генерал М.В. Алексеев, создавая Добровольческую армию, делал ставку и на активную подпольную борьбу в центре страны. В письме генералу М.К. Дитерихсу от 8 ноября 1917 г. он отмечал: «Создавая организации в центре, нужно подумать о сосредоточении для них оружия и патр[онов], а то и наличные офиц[еры] в Петрогр[аде], могшие принять участие в обороне Зимн[его] дв[орца], остались без всякого оружия, а в Москве не имели достаточного количества патронов. В результате — гибель лучшего элемента, гибель нерасчетливая и преступная»¹⁰⁵⁶.

Квалификация первых разведчиков далеко не всегда соответствовала сложности поставленных задач. Тем более что специальной оперативно-розыскной подготовки они не имели. Об уровне компетентности белых разведчиков свидетельствуют самокритичные воспоминания полковника С.Н. Ряснянского. В первое время постановка разведывательной службы могла вызывать лишь удивление, так как у Ряснянского не было даже отдельного помещения для встреч с секретными агентами, и вести переговоры приходилось у всех на виду. Первоначально «задачи агентурной разведки сводились, в общем, к посылке в ближайший тыл большевиков с целью узнать их силы и группировку, двух-трех посылаках в Могилев в ставку верхов[ного] большевистского командующего Крыленко для получения сведений о планах его не только на нашем фронте, но и на других фронтах и посылке в Москву и Петроград курьеров для связи с нашими организациями»¹⁰⁵⁷. В Могилев по приказанию генерала М.В. Алексеева ездила отважная женщина-прапорщик З.И. Готгард. Полковник И.Ф. Патронов вспоминал, что «работа в разведывательном отделении шла по тому же шаблону, как и в штабах армий на фронте Великой войны, но только в более узком масштабе. Посылались агенты в разные города России и выяснялось, какие части и сколько их действует на том или другом большевицком фронте»¹⁰⁵⁸.

Хотя Ряснянский был одним из руководителей деникинской разведки, он без стеснения писал о своей неподготовленности к этой работе. Будучи назначен представителем Добровольческой армии в Киеве в 1918 г., Ряснянский был пойман с поличным немецкой контрразведкой, оставив на рабочем столе разведывательные сводки, и 9 (22) июня

1918 г. арестован. Вспоминая об этом эпизоде, Ряснянский признавал собственную никчемность в вопросах конспирации¹⁰⁵⁹. В результате около двух месяцев ему пришлось провести в Лукьяновской тюрьме Киева. Об освобождении Ряснянского генерал А.И. Деникин лично ходатайствовал перед гетманом П.П. Скоропадским¹⁰⁶⁰. Несмотря на провал, после освобождения Ряснянский возглавлял разведывательное отделение штаба главкома Добровольческой армии.

Белые эмиссары регулярно посещали советскую территорию с тайными разведывательными миссиями (наиболее известны из них Б.И. Казанович, Д.А. Лебедев, В.Е. Флуг, В.Д. Хартулари). Практиковался также переезд с одного антибольшевистского фронта на другой через удобно расположенную территорию Советской России. Для организации антибольшевистского подполья и переброски добровольцев на белый Юг командование Добровольческой армии направляло офицеров в Москву, Нижний Новгород, Казань, Самару, Царицын, Астрахань¹⁰⁶¹ и в другие центры.

В июне 1918 г. в Москву из Добровольческой армии по заданию белого командования приехал генерал Б.И. Казанович. Донесение о положении в Москве он отправил генералу М.В. Алексееву со своей дочерью, проехавшей через Оршу в Новочеркасск¹⁰⁶². Московское подполье произвело на Казановича впечатление авантюры. В военных организациях в основном составлялись списки их членов, по которым впоследствии чекисты смогли арестовать перечисленных подпольщиков¹⁰⁶³.

В начале Гражданской войны подпольные организации были распространены едва ли не по всей территории Советской России. Как отмечал современник, «в январе 1918 года в России существовало множество контрреволюционных организаций, возглавляемых гражданскими и в основном военными лицами. По крайней мере десять офицеров из моего бывшего полка, живших в Москве, состояли в этих тайных организациях... Несмотря на всю конспирацию, большинство подобных организаций действовали крайне непрофессионально. Кроме того, в их рядах были предатели и шпионы... во всех этих тайных организациях витал дух романтики. Они могли существовать лишь до той поры, пока у большевиков не была налажена служба тайной разведки»¹⁰⁶⁴.

С начала Гражданской войны мощную подпольную организацию «Союз защиты Родины и Свободы» в Москве и городах Верхней Волги создал Б.В. Савинков, выдававший себя за представителя Добровольче-

ской армии. Политически организация была ориентирована на эсеровскую партию, но в ее состав входили антибольшевистски настроенные офицеры, не обязательно разделявшие партийные установки. Начальником штаба военного подполья был полковник А.П. Перхуров, командированный в Москву в марте 1918 г. одним из вождей Белого движения на Юге России генералом Л.Г. Корниловым. Перхуров считал, что в случае восстания в Москве сможет вывести на улицы 300–400 вооруженных подпольщиков¹⁰⁶⁵. Члены организации Савинкова в июле 1918 г. подняли целый ряд восстаний в Москве, Муроме, Рыбинске и Ярославле (последнее, организованное лично Перхуровым, оказалось наиболее крупным, заговорщики не только захватили город, но и удерживали его на протяжении двух с лишним недель).

Особую роль в разведывательной работе белых сыграли их крупные агенты в руководстве РККА. Эти агенты действовали как в составе организаций, так и индивидуально.

С организацией Савинкова был связан крупный белый агент в Красной армии — генерал А.Л. Носович. В мае 1918 г. по распоряжению руководства «Союза защиты Родины и Свободы» (Носович также упоминал штаб московского отдела Добровольческой армии) и содействовавшей последнему французской военной миссии генерала Лаверна Носович поступил на службу в РККА и был назначен начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. Для успешной работы Носовича немаловажным было то, что он являлся старым сослуживцем военного руководителя округа бывшего генерал-лейтенанта А.Е. Снезарева. В период с мая по октябрь 1918 г. Носович и его помощники вели разведывательную и подрывную работу в пользу белых¹⁰⁶⁶. Подпольщики разжигали конфликты в советском руководстве, жесткими приказами стремились вызвать беспорядки в войсках. Однако с прибытием в Царицын одного из видных большевистских руководителей И.В. Сталина их деятельность оказалась на грани провала. В начале августа некоторые подпольщики были арестованы, но освобождены в результате вмешательства сотрудников Высшей военной инспекции, куда также проникла белая агентура. Свою связь с подпольем Носович отрицал, заявляя, что «пост почти постоянный временного военрука на таком виду, что во всяком случае я не о 2-х головах, чтобы, состоя начальником штаба, держать в руках какие-нибудь нити заговора»¹⁰⁶⁷. В дальнейшем Носович продолжил свою работу. В октябре 1918 г., находясь на ответственном посту помощника командующего советским

Южным фронтом и исчерпав возможности для продолжения своей нелегальной работы, Носович бежал к донским казакам, передав им информацию о положении на фронте, планах красного командования, шифры и коды¹⁰⁶⁸.

Как и в Белом движении, в белом подполье тоже не было единства. Московские подпольные организации в 1918 г. разделились в соответствии с ориентацией на Германию (организация генерал-майора С.А. Довгирда) или страны Антанты, а также по партийной принадлежности (эсеры, кадеты, монархисты) и целям борьбы (установление белой диктатуры, созыв Учредительного собрания, восстановление монархии). Созданный лидерами кадетов «Национальный центр», как и командование белых, ориентировался на Антанту. «Правый центр» выступал за возрождение монархии и германскую ориентацию. Политические деятели даже в подпольных организациях занимались составлением отвлеченных проектов будущего устройства России, а подлинная разведывательная работа велась в основном бывшими офицерами.

С весны 1918 г. в Москве действовал «Союз возрождения России», одним из создателей которого был генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Организация была связана с партией меньшевиков. Болдырев зарегистрировался в Красной армии, но затем через Украину перебрался в Поволжье и осенью 1918 г. занял пост главнокомандующего антибольшевистскими силами на Востоке России.

Существенную роль в поддержке антибольшевистского подполья играли дипломатические представительства союзных держав в Москве. Свою роль играли и представители союзников на местах. Так, в Казани летом 1918 г. находилась французская военная миссия капитана Ф. Борда, которая взаимодействовала с разведкой белых. В Царицыне работал французский консул Шарбо, сотрудничавший с белым подпольем (в частности, с Носовичем)¹⁰⁶⁹.

Серьезные последствия для красных имел переход к белым командующего 9-й армией бывшего полковника Н.Д. Всеволодова. Он был одним из наиболее высокопоставленных генштабистов-перебежчиков за всю историю Гражданской войны. Его переход к противнику стал предметом особого внимания председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского. В частности, статья Всеволодова «Разгром южных советских армий» из белогвардейской газеты «Утро Юга» (№ 157–185 от 17 (30) июля 1919 г.), в которой он, вероятно, не без некоторого преувеличения написал о своей подрывной работе у красных накануне перехода, была добыта

советской разведкой и хранилась уже в сентябре 1919 г. непосредственно у Дзержинского. Фрагменты этой статьи представляют при критическом к ним отношении значительный интерес в рамках рассматриваемой темы. Всеволодов, в частности, писал: «Благодаря умышленному распоряжению штаба 9-й армии ударная группа была сосредоточена вопреки приказу фронта... вместо нанесения могущественного удара при помощи 9 и 10 армий советскому командованию пришлось сдать Царицын, Балашов, Борисоглебск, эти важнейшие центры, с их многочисленными запасами»¹⁰⁷⁰.

Саботажники были куда опаснее в центральных учреждениях и штабах. Так, значительную помощь Добровольческой армии оказал начальник управления по командному составу Всероссийского главного штаба (июнь — сентябрь 1918 г.) генерал-лейтенант А.П. Архангельский. При его реабилитации военно-полевым судом на белом Юге «суд нашел, что генерал-лейтенант Архангельский фактически состоял на службе у большевиков с 25-го октября 1917 года по 15-е сентября 1918 года, занимая должности первоначально начальника Главного штаба (до его расформирования), а затем начальника управления по командному составу армии Всероссийского главного штаба, причем, по его личному признанию, он, Архангельский сделал это не “по добросовестному заблуждению”, а вполне сознательно и с ведома и по соглашению с другими высшими представителями Военного министерства ввиду признания всеми необходимости сохранить от большевистского развала важные органы государственного управления, в особенности в предположении близкого подавления власти большевиков, а также чтобы быть на страже обездоленного и угнетаемого русского офицерства, а впоследствии с мая 1918 года и по лозунгу выдающихся политических деятелей правых партий, возглавлявших военную организацию... суд вполне определенно установил, что он не только никакими личными целями и видами не руководствовался, а, наоборот, рискуя своей головой, вел постоянную тяжелую борьбу с большевиками и их комиссарами, в частности: в Петрограде — с прапорщиком Семашко и в Москве — с Караханом, всегда отстаивая интересы генералов и офицеров, и в этом отношении достигал иногда реальных успехов, т.к. ему удалось до своего ухода: 1) сохранить и вывезти в Москву ценные и важные документы Главного штаба, необходимые в будущем — при возрождении надлежащей русской армии; 2) успел удержать дела пенсионного отделения, предназначавшиеся

к передаче в комиссариат социального обеспечения, — при Главном штабе, благодаря чему вопрос о пенсиях и пособиях разрешался по пенсионному уставу достаточно быстро и насколько возможно в пользу офицеров; 3) оказывал услуги Добровольческой армии, давая ей ценные и важные сведения о положении Красной армии; 4) сообщил Добровольческой армии о заключенном немцами с Троцким дополнительном тайном договоре, по которому немцы настаивали на принятии советской властью энергичных мер к решительному подавлению чехословацкого движения, мятежа генерала Алексева и к удалению союзников с Мурмана и из Архангельска; 5) несмотря на декрет о воспреещении отъезда из Москвы офицеров, добился по просьбе группы офицеров командирования значительного числа их на Уральский фронт (в Пермь), благодаря чему некоторым из них удалось пробраться к чехословакам; 6) делая все для поддержания и отстаивания интересов офицерства, предупреждал тех из них, коим грозила опасность попасть под “чрезвычайку”, и этим путем дал возможность нескольким офицерам избежать ареста и скрыться; 7) пользуясь незнанием большевиками техники штабной [работы] и формирования армии, способствовал их затруднениям в формировании и таким образом вообще, не принося большевикам никакой пользы, по возможности тормозил их деятельность, чем и вызвал с их стороны подозрение в саботаже и удаление от должности и 8) вообще во всей своей деятельности, будучи, по характеристике одного из свидетелей, кристаллически чистым, стремился, насколько был в силах, нести принятый им на себя “тяжелый крест службы у большевиков”, оставаясь верным долгу русского офицера»¹⁰⁷¹. По одной из оценок, благодаря его стараниям, «большевики не смогли к началу 1919 года сформировать даже четвертой части из намеченного ими числа стрелковых дивизий, предполагавшихся к посылке на добровольческий фронт»¹⁰⁷². В сентябре 1918 г. Архангельский бежал из Советской России на Украину, откуда перебрался к белым.

Архангельский не был одинок в своей борьбе. На белых работал и начальник оперативного управления Всероссийского главного штаба генерал-майор С.А. Кузнецов, который курировал вопросы учета и назначения генштабистов. Именно он весной — летом 1918 г. командировал в Поволжье многих генштабистов, впоследствии прославившихся в рядах белых армий, в том числе В.О. Каппеля, Ф.Е. Махина, И.И. Смольнина-Терванда¹⁰⁷³.

Кроме того, Кузнецов передавал белым важную документацию, которая проходила через него. Генерал А.П. Архангельский писал по поводу С.А. Кузнецова генералу А.С. Лукомскому 8 октября 1918 г.: «Многоуважаемый Александр Сергеевич! В ответ на Ваше письмо от 15 сентября (ст.ст.), полученное мною сегодня, спешу сообщить следующее. За несколько дней до моего отъезда из Москвы, 12 или 13 сент. нового стиля, я был у С.А. Кузнецова, начальника Оперативного управления Вс[ероссийского] гл[авного] шт[аба]. Он мне передал, что после заключения договора, дополнительного к Брестскому, германский министр иностранных дел Гинце обратился к советским властям с нотой, которая является как бы новым дополнением к договору. Нота секретная, и в конце ее имеется указание о необходимости сохранения ее в тайне. С содержанием всей ноты в целом я не имел ни времени, ни возможности ознакомиться, но с некоторыми ее пунктами С.А. Кузнецов меня ознакомил (в переводе), прибавив, что будут приняты меры к доставлению всей ноты в Добровольческую армию. В одном из пунктов немецкое правительство настаивает (германское правительство “ожидает”) на принятии советскими властями решительных мер к немедленному прекращению чехословацкого движения и наступления, к удалению союзников с [строка угасающего текста утрачена] движения и к подавлению мятежа (или восстания — точного выражения не помню) генерала Алексева. Если советская власть окажется не в состоянии достигнуть указанных выше задач собственными силами, то она не должна противодействовать продвижению для достижения этих целей немецких сил по территории России. Затем в одном из пунктов ноты говорится о праве немецкого командования воспользоваться до окончания войны судами Черноморского флота для мирных целей, но уже в следующем пункте предусматривается право воспользоваться этими судами, если в этом встретится надобность, и для военных потребностей. Эти данные казались мне настолько важными для Добровольческой армии, что я тотчас по приезде в Киев сообщил П.Н. Ломновскому, а увидев полк. Ерофеева и узнав, что он едет в Добров[ольческую] армию, сообщил и ему о требованиях немцев относительно Добровольческой армии для скорейшего доклада там. Сведения эти казались мне тем более важными, что еще в Москве я слышал о том, что немцы пытались войти в переговоры с генералом Алексеевым, но неудачно, а также о том, что немцы видят наибольшую для себя опасность именно в Добровольческой армии и в генерале Алексееве. Из сопоставления всех этих данных с пере-

дачей советским властям вооружения, снаряжения и боевых запасов, захваченных немцами на наших фронтах, а также с формированиями на немецкие (по-видимому) средства и при помощи немцев Астраханской и Южной армии — для меня было ясно, что немцы принимают все меры как к ослаблению численности Добровольческой армии путем отвлечения от нее добровольцев и к поселению розни между ними, так и по возможности к полному ее уничтожению. Эти соображения также побудили меня сообщить упомянутые выше сведения полк. Ерофееву. Что касается Дона, то я говорил лишь, что немцы, по-видимому, предали его большевикам, обязавшись дополнительным к Брестскому договору [соглашением] очистить жел. дор. линию Воронеж — Ростов, а также не признав его самостоятельности. По-видимому, и советские власти пришли к убеждению, что немцы не будут поддерживать Дон в его борьбе с большевиками. Сведений о том, что немцы потребовали от Советской власти сосредоточения возможно больших сил против Дона, у меня не было, и я об этом не говорил полк. Ерофееву. Но фактически советское правительство действительно старается стянуть против Дона большие силы и усиливает меры для борьбы с ним. В числе этих мер находится и усиление агитации и созыв или, вернее, “назначение” походного донского Крута и усиление войск около Балашова и на поворинском направлении. Примите уверения в совершенном уважении и преданности.

А. Архангельский»¹⁰⁷⁴.

Крупной фигурой в военно-политической элите Советской России был генерал-лейтенант Н.Н. Стогов. 8 мая 1918 г. он стал первым начальником Всероссийского главного штаба — одного из высших органов управления зарождавшейся Красной армии. Уже в 1918 г. Стогов был связан с объединенной офицерской организацией (военной организацией «Национального центра») — антибольшевистским вооруженным подпольем в Москве¹⁰⁷⁵.

Полковник Л.Н. Новосильцев, направленный летом 1918 г. генералом М.В. Алексеевым в Москву для связи с подпольем, писал в своем докладе: «Офицерство: Часть служит у большевиков, но уже желает страховать на будущее, и, узнав о моем приезде, генералы Стогов и Архангельский непременно желали видеть меня и просили указаний, как им помочь нам в нашей задаче. Я ответил, что всякая работа к упорядочению Красной армии будет только вредной, и от них получено много сведений, которые везет Ладыженский»¹⁰⁷⁶.

С подпольем был связан и бывший генерал-лейтенант В.И. Селивачев. Начальником штаба организации был бывший генерал-лейтенант В.И. Соколов, также состоявший на службе в комиссии по исследованию и использованию опыта войны, что, впрочем, не давало ему особых возможностей для ведения подпольной работы в РККА. Стогов же считался руководителем организации.

Стогов находился под подозрением с конца 1918 г., неоднократно арестовывался и эффективно руководить военным подпольем в 1919 г. уже не мог. Вообще в 1918–1919 гг. были арестованы практически все руководители антибольшевистского военного подполья в Москве. По всей видимости, ВЧК активно использовала для разоблачения подполья провокаторов из бывших офицеров, наблюдала за подозреваемыми. Трудно представить, чтобы в таких условиях белое подполье могло успешно работать.

Один из руководящих работников ВЧК В.Р. Менжинский отмечал, что «связи организации¹⁰⁷⁷ в военном ведомстве были громадны, белогвардейцы фактически распоряжались Главным управлением [военно-]учебных заведений, Главным военным инженерным управлением, Центральным управлением военных сообщений и штабом железнодорожных войск (обороны). Очень сильные связи у них были во Всероглавноштабе, в Московском окружном штабе, Главном артиллерийском управлении, в Военно-законодательном совете и др.»¹⁰⁷⁸ Подобную оценку следует считать преувеличенной.

По итогам ликвидации «Национального центра» другой высокопоставленный чекист, первый заместитель председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновский на первом съезде Особых отделов фронтов и армий, проходившем в Москве 22–25 декабря 1919 г., выступил с крайне невнятным и бессвязным докладом, в котором заявил: «Из документов [Н.Н.] Щепкина, которые мы захватили, известно, что создавались кадры генштабистов, которые рассовывали по органам управления и объединяли в своих руках. Таким образом, мы встречаемся с подготовкой технического захвата наших аппаратов»¹⁰⁷⁹. Докладчик отмечал опасность использования подпольем возможностей Красной армии, различных советских структур и даже техники в интересах белых. В частности, по данным Павлуновского, подпольщики из «Национального центра» пользовались одной из советских радиостанций для организации связи с белым Югом¹⁰⁸⁰. Тем не менее связь с белым Югом у московских подпольщиков была крайне неустойчивой.

Каковы же были позиции подпольщиков в руководстве РККА? Известно, что среди сотрудников Стогова по Всероглавштабу оказалось несколько его единомышленников — противников большевиков. Серьезной фигурой в антибольшевистском подполье был 3-й обер-квартирмейстер ГУГШ, начальник военно-статистического отдела и разведывательной части Всероссийского главного штаба и член комиссии по организации разведывательного и контрразведывательного дела бывший полковник А.В. Станиславский. Фактически через Станиславского руководство разведкой и контрразведкой в Советской России, хоть и не в полном объеме в связи с наличием параллельных Всероглавштабу структур, находилось в руках противников большевиков. В сентябре 1918 г. Станиславский бежал на Украину.

В итоге Всероссийский главный штаб в глазах большевистского руководства приобрел устойчивую репутацию оплота контрреволюции. Многие генштабисты, работавшие в штабе, прошли через аресты, некоторые были расстреляны, в том числе по делу «Национального центра». По-настоящему мощные административные рычаги у подпольщиков имелись в 1918 г., тогда как позднее члены организации, за некоторым исключением, оказались отстранены от важных постов в советском военном руководстве. Летом — осенью 1919 г. чекисты смогли ликвидировать военную организацию «Национального центра», однако генералу Стогову удалось бежать к белым.

Членом московской подпольной организации «Правый центр» в 1918 г. был член Высшей аттестационной комиссии РККА бывший генерал-лейтенант Я.К. Цихович¹⁰⁸¹, состоявший на службе в РККА с 1918 по 1920 г., а затем бежавший из Советской России в Польшу¹⁰⁸². Тот факт, что многие участники подполья смогли избежать репрессий, не свидетельствует в пользу качественной работы советской контрразведки. Отметим, что, по свидетельству генерала Б.И. Казановича, на заседании «Правого центра» в 1918 г. помимо Циховича присутствовал контр-адмирал А.В. Немитц¹⁰⁸³, занимавший в 1920–1921 гг. ни много ни мало пост командующего морскими силами Советской России¹⁰⁸⁴.

Судя по всему, офицеров, поступивших в РККА по заданию различных антибольшевистских организаций, было существенно больше. Не случайно руководитель военной организации московского «Национального центра» Н.Н. Стогов однажды сказал начальнику артиллерии той же организации А.Е. Флейшеру: «Странно, что все мы — я (то есть Н.Н. Стогов), Архангельский А.П., А. Мочульский, П.П. Лебе-

дев и многие другие (фамилий Н.Н. Стогов не называл) — пошли на службу к большевикам с благословения правых национальных кругов (правого крыла “Национального центра”) специально, чтобы не дать формироваться армии, и они (то есть А.М. Мочульский, П.П. Лебедев) предали на сторону Советской власти...»¹⁰⁸⁵ В итоге борьба с персональным предательством была обозначена на первом съезде Особых отделов в декабре 1919 г. как наиболее приоритетное направление деятельности этих органов¹⁰⁸⁶.

Что касается разведывательной работы московского подполья, то ущерб Красной армии от нее, вопреки утверждавшемуся в советской историографии¹⁰⁸⁷, был невелик. По оценке члена РВСР С.И. Гусева, документы, изъятые у одного из руководителей московского «Национального центра» Н.Н. Щепкина, свидетельствовали об отсутствии у подпольщиков выходов на крупных штабных работников, поскольку добытые материалы в большинстве своем были запоздалыми, малоценными или неточными¹⁰⁸⁸. Не способствовало успехам и поразительное непонимание руководителями подполья сущности большевизма. Так, генерал Стогов в своих рассуждениях о красных не шел дальше того, что они были представителями мирового еврейского заговора¹⁰⁸⁹.

На генерала Казановича, тайно побывавшего в Москве летом 1918 г., московские подпольные организации произвели впечатление чего-то несерьезного. Генерал А.И. Деникин впоследствии писал, что «Московские Центры»¹⁰⁹⁰ поощряли вхождение в советские военные учреждения и на командные должности доверенных лиц, с целью осведомления и нанесения большевизму возможного вреда. Я лично решительно отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патриотическим побуждениям. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самим фактом их советской службы вред. За 2 1/2 года борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; поплатился за это жизнью. Я не хочу сейчас называть его имя...»¹⁰⁹¹ Деникин имел в виду выпускника академии бывшего генерал-лейтенанта В.И. Селивачева, в августе — сентябре 1919 г. командовавшего группой войск Южного фронта.

Существовало антибольшевистское подполье и на Северо-Западе России. Впрочем, многие наблюдатели, как отечественные, так и иностранные, скептически оценивали его возможности¹⁰⁹². Еще с марта 1918 г. бывший генерал-майор Б.В. Геруа, назначенный начальником штаба Северного участка и Петроградского района завесы, переправлял офицеров в белые войска на Севере России. В подпольной антисоветской организации в Петрограде летом 1918 г. состоял выпускник академии генерал от кавалерии Г.О. Раух. Собственную агентурную сеть в Петрограде создал и бывший начальник петроградского охранного отделения, в прошлом генерал-майор К.И. Глобачев¹⁰⁹³. Подпольной деятельностью он занялся по просьбе генерал-майора В.П. Никольского¹⁰⁹⁴. Агентура Глобачева работала на «Правый центр», кроме того, генерал взаимодействовал с британским разведчиком С.Г. Рейли. В 1917–1918 гг. в Петрограде существовала и военная организация «Правого центра», штабом которой руководил полковник Б.П. Поляков, а контрразведывательное отделение возглавлял капитан Р.Д. Мергин¹⁰⁹⁵.

В 1919 г. во главе подготовки вооруженного выступления в Петрограде, которое должно было начаться при подходе к городу частей Северо-Западной армии генерала от инфантерии Н.Н. Юденича, стоял еще один офицер, полковник В.Я. Люндеквист. Этот генштабист был мобилизован в РККА в феврале 1919 г., служил на должностях начальника штаба 1-й стрелковой дивизии, временно командующего бригадой 19-й стрелковой дивизии, начальника штаба Петроградской группы 7-й армии, командующего Олонецким фронтом и, наконец, начальника штаба 7-й армии. Первоначально деятельность полковника Люндеквиста в пользу белых заключалась в передаче сведений о состоянии РККА. В сентябре 1919 г. бывший офицер разработал и переправил в штаб Юденича план взаимодействия участников петроградского антибольшевистского подполья с наступающей Северо-Западной армией. Однако решения о вооруженном выступлении в Петрограде ни в дни максимального продвижения армии Юденича 20–21 октября 1919 г., ни позднее он так и не принял. Уже в ноябре 1919 г. Люндеквист был арестован, а в январе 1920 г. расстрелян¹⁰⁹⁶. Имеются данные об антибольшевистской работе в Петрограде в пользу Северо-Западной армии начальника сухопутного оперативного отдела штаба Балтийского флота, в прошлом подполковника В.Е. Медикритского¹⁰⁹⁷.

Среди бывших офицеров Балтийского флота в 1918 г. возникла подпольная антибольшевистская организация «ОК», работавшая в интересах белых и англичан. Долгое время организация не была раскрыта чекистами. По некоторым данным, подпольщики были причастны к подготовке Кронштадтского восстания 1921 г.¹⁰⁹⁸

Антибольшевистское подполье в рядах РККА на Украине весной — летом 1919 г. было достаточно мощным. Строительство Красной армии и советских спецслужб здесь существенно отставало от аналогичных процессов на территории РСФСР. Разумеется, это давало более широкие возможности для работы белого подполья. В частности, белые подпольщики активно действовали в штабе 2-й советской Украинской армии, которой командовал бывший штабс-капитан А.Е. Скачко. Пользуясь наличием компрометирующих Скачко данных, к нему в штаб секретарем для особых поручений устроился его старый знакомый, белый агент (сотрудник Харьковского Центра), впоследствии полковник А.М. Двигубский¹⁰⁹⁹. Весной 1919 г. Двигубский поддерживал связь со штабом главнокомандующего ВСЮР. С целью облегчить положение деникинских войск он организовал в украинской советской печати целую пропагандистскую кампанию о необходимости помощи Советской Венгрии, об организации для этого наступления на Польшу и Румынию. В подчинении Харьковского Центра оказалась телеграфная сеть Советской Украины, использовавшаяся для передачи ложных приказов советским частям¹¹⁰⁰. Используя свое влияние на Скачко и играя на противоречиях между военным руководством РСФСР и УССР, Двигубский сумел войти в доверие к командующему советским Украинским фронтом В.А. Антонову-Овсеенко. Специально для него он подготовил доклад, давший Антонову-Овсеенко необходимые аргументы против находившегося с ним в конфликте командующего войсками Южного фронта РСФСР В.М. Гиттиса. В результате Двигубский под фамилией Захаров оказался на службе уже в штабе Антонова-Овсеенко, где смог развернуть подрывную работу в еще большем масштабе.

Антонов-Овсеенко поручил Двигубскому разработку плана наступления на Румынию. После провала этого наступления Двигубский в июне 1919 г. отчитывался непосредственно перед председателем РВСР Л.Д. Троцким. В своем докладе он возложил ответственность за неудачи на Антонова-Овсеенко, чем, если верить отчету Двигубского, укрепил Троцкого в мысли снять Антонова-Овсеенко с его поста и покончить с

украинской партизанщиной. В дальнейшем сотрудники Двигубского содействовали занятию белыми Харькова и раскрыли оставленную в городе советскую агентуру.

Белые агенты, работавшие в украинских советских формированиях, были связаны с Киевским Центром Добровольческой армии. В это время Центром руководил полковник Н.В. Ерарский. Публиковавшиеся в советское время данные о раскрытии организации Ерарского¹¹⁰¹ не соответствуют действительности, хотя бы потому, что на самом деле руководители организации (полковники Ерарский и Н.З. Неймирок) благополучно попали к белым, тогда как по официальной чекистской версии были расстреляны.

Занимавший пост начальника оперативного отдела, а затем начальника штаба группы войск сумского направления бывший подполковник А.И. Парв в своем рапорте отметил, что, не имея связи с белыми, сосредоточил свои усилия на срыве операций красных, причем был вынужден действовать наугад. Во многом благодаря деятельности Парва белые 28 июля взяли Полтаву, а управление войсками Сумской группы красных оказалось доведено до того, что большевикам пришлось оставить город Сумы. Затем Парв уехал в командировку в Киев и скрывался до прихода белых.

Другой белый подпольщик, подполковник Н.Ф. Соколовский, дослужился у красных до поста помощника начальника отдела обороны организационного управления штаба Наркомата по военным делам Украинской ССР. В своем рапорте Соколовский указал, что преднамеренно составил невыполнимые расчеты мобилизации населения в украинские советские формирования. Наркомвоенмор Украинской ССР Н.И. Подвойский утвердил эти расчеты, «переварить которые Украина не могла бы и в несколько лет»¹¹⁰². О невыполнимости мобилизационных планов впоследствии писал командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко. По его свидетельству, фронт запросил от наркомата значительные пополнения, однако наркомат наметил еще более широкую программу формирований — до 249 тысяч человек при 65 тысячах лошадей¹¹⁰³. В то же время некомплект к 1 июня 1919 г., по данным Антонова-Овсеенко, составлял 287 тысяч человек и 134 тысячи лошадей¹¹⁰⁴.

Интересно, что Антонов-Овсеенко был информирован о потенциальном наличии белой агентуры в украинских советских штабах. Так, еще 23 февраля 1919 г. в Орле он получил записку, в которой от-

мечалось, что в штабе армий Украинского фронта, возглавлявшемся бывшим полковником В.П. Глаголевым, не все благополучно. Проверкой занялся Особый отдел, и при обысках были найдены компрометирующие сотрудников штаба документы и погоны¹¹⁰⁵. Впрочем, при чистках чаще страдали невинные люди, в том числе, видимо, хранившие свои офицерские погоны как воспоминание о прежней службе. Весной 1919 г. на фотографии штаба гетмана П.П. Скоропадского был опознан бывший генерал-майор М.В. Басков, занимавший к этому времени должность начальника оперативного отделения оперативно-управления штаба армий Украинского фронта по рекомендации Глаголева. За эту фотографию бывший офицер был снят с должности, судим и расстрелян¹¹⁰⁶, хотя в нашем распоряжении нет никаких свидетельств о том, что Басков был связан с антибольшевистским подпольем.

Белые агенты действовали по единой схеме — пытались максимально оттянуть части красных с деникинского фронта, направив их на Запад и Юго-Запад Украины или на борьбу с крестьянами-повстанцами («внутренний фронт»). Подполковник Соколовский способствовал углублению конфликта в советском военном руководстве на Украине между Подвойским и Антоновым-Овсеенко. Кроме того, при содействии Соколовского красными 30 августа был оставлен Киев, хотя ему не удалось организовать окружение советской группировки.

Оба агента были офицерами Генерального штаба, кавалерами Георгиевского оружия за Первую мировую войну, то есть храбрыми людьми, обладавшими к тому же высоким образовательным цензом. Совокупность этих данных позволяла им успешно вести свою крайне рискованную работу. Впрочем, как справедливо отметил в свое время еще В.Г. Бортневский, «светлые страницы не писанной пока истории разведки и контрразведки белого Юга... связаны с самоотверженной и высокопрофессиональной деятельностью одиночек...»¹¹⁰⁷

Наиболее мощным стимулом для работы подпольщиков были личные убеждения. На этом принципе держалось белое подполье в рядах армии Украинской народной республики. Противники украинских националистов, оказавшиеся в рядах этой армии, в 1919 г. создали пруденикинскую организацию «девятка», в которой каждый из участников знал только девять человек. Члены организации проникли даже в штаб

украинского головного атамана С.В. Петлюры и занимали ряд ответственных постов. На счету этой организации были попытка срыва петлюровской мобилизации, изменение оперативных планов украинского командования, приведшее к неудачам на фронте, агитация в пользу белых, дезорганизация снабжения армии, разжигание противоречий в командном составе армии УНР и провокации против некоторых старших офицеров, а также передача сведений белым. По данным одного из членов «девятки», с организацией тайно сотрудничали крупные украинские военные деятели: начальник штаба армии УНР генерал В.А. Синклер, 1-й генерал-квартирмейстер полковник Н.А. Капустянский, начальник Генерального штаба генерал С.И. Дядюша, генерал-инспектор галицийских войск генерал В.И. Генбачев и его помощник полковник Н.Е. Какурин¹¹⁰⁸.

Туркестан стал еще одним регионом, где активно работали белые подпольщики, а также британская разведка. Здесь в 1918 г. возникла Туркестанская военная организация, руководителями которой были генерал-лейтенант Л.Л. Кондратович, бывший помощник туркестанского генерал-губернатора действительный статский советник Е.П. Джунковский, полковник П.Г. Корнилов (родной брат основателя Добровольческой армии генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова), полковник Г.В. Блаватский (выполнял обязанности дежурного генерала штаба организации), бывший комиссар Временного правительства в Ташкенте адвокат А.Д. Арсеньев и инженер П.С. Назаров (он должен был стать премьер-министром и министром финансов в будущем правительстве). В рядах РККА успешно действовал член организации полковник В.В. Фенин.

Организация действовала с лета 1918 г. в Ташкенте, имела отделы в Самарканде, Коканде, Красноводске, Асхабаде, Верном и подотделы в более мелких пунктах, вела работу по объединению офицеров для организации антибольшевистского восстания в Средней Азии. Агенты организации были в частях Красной армии. Кроме того, было много сочувствующих. Штаб организации установил связь с вождями повстанческих отрядов: ханом Джунаидом, главой туркменских племен, и Адиз-ханом (Азиз-ханом), главой текинских племен. С организацией был тесно связан крупный белый разведчик полковник И.М. Зайцев¹¹⁰⁹. Члены организации были разбиты на шестерки: каждый член организации вербовал еще пятерых, те, в свою очередь, — еще пятерых каждый и т.д. Всего в организации состояло около 3000 человек.

Однако из-за конспирации точного числа членов не знало даже руководство.

Впрочем, не все в работе организации шло гладко: не хватало оружия, денежных средств, отмечался сепаратизм асхабадского, ферганского, семиреченского и самаркандского отделов. Сепаратизм породил интриги и сеял рознь между отделами, каждый из которых стремился возглавить борьбу с большевиками. В большей степени это относилось к отделу в Асхабаде, который имел прямые контакты с британской военной миссией генерал-майора У. Маллесона в Мешхеде (Персия).

Из-за нехватки оружия и денег организация была вынуждена заключить соглашение с англичанами¹¹¹⁰. Англичане издавна преследовали свои интересы в Туркестане. Летом 1918 г. главной задачей британской разведки в Туркестане была борьба с попытками германо-турецких сил проникнуть в Афганистан и развязать там религиозную войну¹¹¹¹. Кроме того, англичане противодействовали и большевикам как сторонникам германцев. Британская военно-дипломатическая миссия прибыла в Ташкент с разрешения Туркестанского Совнаркома 14 августа 1918 г. из Кашгара. По соглашению с англичанами, организация должна была поднять восстание против советской власти в разных районах Туркестана. По мнению британского разведчика подполковника Ф.М. Бейли, одновременное выступление позволило бы разгромить туркестанских большевиков¹¹¹².

Генерал Кондратович получил от англичан деньги и приступил к покупке лошадей для создания конных частей. Это не осталось незамеченным ТуркЧК. В результате было арестовано около 50 членов организации, остальным пришлось временно свернуть свою деятельность. Из числа руководителей был арестован П.С. Назаров, впоследствии ему удалось бежать. Генерал Кондратович сумел скрыться. Переодевшись в австрийскую военную форму (в Туркестане было много пленных солдат австро-венгерской армии), бежал из Ташкента и подполковник Бейли¹¹¹³. Уже 30 октября 1918 г. полковники Зайцев и Корнилов и есаул Н.М. Юдин в связи с раскрытием Туркестанской военной организации были вынуждены покинуть район Ферганы и выехали в Ташкент.

Список офицеров, участвовавших в деятельности антибольшевистских подпольных организаций или оказывавших содействие белым армиям иными способами, этими данными не исчерпывается.

Но отдельные, пусть даже крупные, успехи белых подпольщиков не смогли переломить ход Гражданской войны в пользу антибольшевистских сил. Одиночки не могли перебороть систему создававшейся Красной армии, которую планомерно выстраивали большевики. Генерал А.И. Деникин справедливо заметил об успехах белых агентов в РККА, что, «свидетельствуя о высоком самоотвержении участников, эти факты имели тем не менее эпизодический характер, мало отражаясь на общем ходе событий»¹¹¹⁴. В итоге подвиги и смертельный риск, которому подвергали себя белые подпольщики, оказались напрасными. В некоторых случаях белые, даже владея важнейшей оперативной информацией из советских штабов, не могли ею воспользоваться из-за отсутствия сил на фронте¹¹¹⁵. Не случайно генерал-майор А.А. фон Лампе впоследствии отмечал в своем дневнике: «А если правы те, кто говорит, что красные начальники играли в поддавки, то как же надо объяснить все же наше конечное поражение... Выходит уж очень плохо»¹¹¹⁶.

Выдающийся контрразведчик, бывший следователь по особо важным делам при штабе Западного фронта В.Г. Орлов по заданию генерала М.В. Алексеева под псевдонимом Б.И. Орлинский внедрился в комиссию по уголовным делам и даже в ВЧК. Рекомендовал Орлова на советскую службу, по всей видимости, генерал М.Д. Бонч-Бруевич¹¹¹⁷. Работая в Наркомате юстиции, Орлов собирал информацию о высшем советском руководстве и помогал бывшим офицерам избежать репрессий. При содействии Орлова на белый Юг было переправлено более 800 офицеров. Постепенно, если верить его мемуарам, он создал собственную разведывательную организацию в самом сердце Советской России, причем находил помощников даже в ВЧК.

В феврале 1918 г. Орловым в Петрограде по предложению представителей французской армии капитанов Ш. Фо-Па-Биде и Э. Вакье и представителей английской армии капитана Ватсона и полковника Бойса с согласия генерала М.В. Алексеева, по плану, одобренному бывшим главнокомандующим Кавказской армией генералом Н.Н. Юденичем, находившимся тогда в Петрограде, было организовано тайное разведывательное бюро в составе 80 сотрудников. Члены организации проникли в большевистские учреждения. Организация вела сбор важной информации в интересах генерала Алексеева и союзников. В марте 1918 г. организация внедрилась в штаб военного руководителя

Петроградского района генерал-лейтенанта А.В. фон Шварца. Штаб Шварца был связан с союзными офицерами — лейтенантом Видором, майорами Э. Корбелем и Э. Шапуи, полковником Бойсом, лейтенантом графом Ж. де Люберсаком, поручиком Хотсенем. Кроме того, Шварц поддерживал связь с британским дипломатом Р.Б. Локкартом. Организация была раскрыта большевиками, а генерал Шварц бежал из Советской России¹¹¹⁸. Интересно, что офицер французской военной миссии в России в 1917–1918 гг., монархист Ж. де Люберсак 27 февраля 1918 г. встречался с В.И. Лениным по вопросу организации борьбы с немцами, а впоследствии служил в союзной контрразведке на Севере России¹¹¹⁹.

Орлов собрал обширную картотеку, содержащую 6000 фотографий партийных агитаторов и функционеров. Как отмечал он сам, «в то время было нетрудно найти недовольных людей, притом они были практически во всех советских организациях и учреждениях»¹¹²⁰. Возможно, именно об этой организации вспоминал белый контрразведчик подпоручик Н.Ф. Сигида: «Наши разведчики имели доступ всюду. Тайная организация полковника* Орлова и разведка, оставленная на местах Добровольческой армией, снабдили своими членами все советские учреждения в достаточной мере. Начиная от милицейских участков и кончая наркомом, разведка имела свои глаза и уши, и Центр наш всегда был благодаря этому в курсе событий»¹¹²¹. Впрочем, речь шла не обо всей Советской России, а только о Донской советской республике.

Некоторые агенты сотрудничали с антибольшевиками просто потому, что не верили в долговечность новой власти и стремились перестраховаться. Орлову удалось войти в доверие даже к Дзержинскому, дело которого он расследовал до революции (во время командировки из Петрограда в Москву Орлов поселился в гостиничном номере Дзержинского в «Национале» в то время, как тот жил непосредственно на работе). Орлов контактировал с французской и британской разведкой, в том числе с агентом «Secret intelligence service» С.Г. Рейли, британским резидентом Э. Бойсом, заместителем французского резидента капитаном Ш. Фо-Па-Биде. Информацию о действиях немцев Орлов передавал как представителям Антанты, так и советскому руководству. Содействовал Орлову и атташе германского

---

* Так в документе.

консульства в Петрограде В. Бартельс, получавший от Орлова данные о деятельности большевиков в Германии. С его помощью Орлов, опасаясь разоблачения, осенью 1918 г. бежал из Советской России и прибыл в Одессу, где в феврале 1919 г. получил назначение начальником контрразведывательного отделения штаба Добровольческой армии Одесского района.

В дальнейшем Орлов занял пост начальника контрразведывательной части особого отделения отдела Генерального штаба Военного управления Вооруженных сил на Юге России. В ведении Орлова была разведывательная сеть, созданная по периметру западной границы Советской России (Финляндия, Прибалтика, Польша, Украина, Румыния). Не исключено, что основой сети послужила агентура Орлова времен его службы в Советской России. Сотрудники Орлова следили за большевистскими эмиссарами, выезжавшими из Советской России за рубеж. Явочные квартиры имелись в Москве и Харькове. Среди агентов Орлова оказался даже один из секретарей советского полномочного представителя в Эстонии М.М. Литвинова. Мечтой Орлова было заручиться поддержкой ведущих мировых держав в борьбе с большевизмом, однако иностранные спецслужбы не спешили с такой поддержкой и даже опасались Орлова. Летом 1920 г. Орлов отправился в инспекционную поездку по Западной Европе для проверки деятельности русских военных агентов, собирал информацию о советско-польских мирных переговорах и сумел наладить контакт с военным экспертом советской делегации бывшим генерал-майором Ф.Ф. Новицким¹¹²².

Еще одним выдающимся белым разведчиком был начальник агентурной части разведывательного отделения полковник В.Д. Хартулари. Это был храбрый офицер, в 1918–1919 гг. неоднократно с огромным риском ездивший с белого Юга в командировки на советскую территорию и даже на другие белые фронты через Советскую Россию. В начале осени 1918 и весной 1919 г. Хартулари приезжал в Москву для координации работы белого подполья. Однако судьба этого разведчика оказалась трагичной. ВЧК начала охоту за ним, и в 1920 г. в результате предательства одного из его бывших сотрудников Хартулари попал в руки работников Особого отдела Кавказского фронта, став фигурантом дела «Волк» о раскрытии белогвардейского подполья на Кубани. Поведение Хартулари вызывает уважение. Чекистам не удалось сломить белого разведчика, так как Хартулари покончил с собой в тюрьме

Екатеринодара, оставив предсмертную записку: «Я — полковник Генштаба Владимир Дмитриевич Хартулари. Со мной кончается подпольная деятельность господина Деникина. Организации у меня еще нет, есть несколько намеченных лиц, но без моих инструкций они ничего не будут делать... Контрреволюция на юге кончилась... Советская власть непобедима»¹¹²³. Этой запиской разведчик пытался спасти свою агентуру, так как на самом деле организация у него существовала, и остался он на советской территории с целью разведывательной работы.

В руководстве разведки и контрразведки белого Юга стояла целая плеяда офицеров: полковники Т.А. Аметистов, В.Н. Арнольдов (начальник центрального разведывательного пункта при штабе войск Новороссийской области), Б.И. Бучинский (начальник контрразведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии), В.В. Добрынин, Н.В. Ерарский, В.В. Крейтер, В.М. Мельницкий, Р.Д. Мергин, С.Н. Ряснянский (начальник разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии), К.К. Шмигельский (помощник начальника разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии и заведующий агентурой особого отделения отдела Генштаба Военного управления), А.К. Шнеур (начальник агентурной разведки штаба главнокомандующего ВСЮР), подполковник В.П. Кадыкин (начальник контрразведывательного отделения штаба Донской армии), капитаны Б.М. Сесаревский (заведующий агентурой) и Н.Е. Невядомский. В большинстве своем эти офицеры не были специалистами в области разведки и контрразведки.

Важную роль в организации разведки на советской территории, особенно на начальном этапе Гражданской войны, в 1918 г., сыграла сеть так называемых центров Добровольческой армии — фактически представительств белого командования в крупных городах Юга России и Украины. Центры стали создаваться весной 1918 г. и выполняли множество функций, в том числе занимались пропагандой, вербовкой кадров для белых армий Юга России, организацией снабжения белых армий и разведывательной деятельностью¹¹²⁴. Летом 1918 г. территория Украины, Крыма, Северного Кавказа была разделена на районы, подчиненные центрам. Руководителей центров назначал лично генерал М.В. Алексеев. Практически все они были генштабистами. Центры подчинялись одновременно трем инстанциям — военно-политическо-

му отделу Добровольческой армии, осведомительному отделению и штабу армии. Условия работы центров были различными. Если на гетманской Украине они существовали практически открыто, то на советской территории должны были действовать нелегально. Часть центров существовала лишь на бумаге. Ввиду отсутствия постоянной связи с центрами их ежемесячно должен был объезжать офицер Генштаба из штаба армии. По мере расширения территории Юга России, контролируемой белыми, центры, оказывавшиеся на этой территории, расформировывались¹¹²⁵.

Бывшим депутатом Государственной думы В.В. Шульгиным в Киеве была создана организация «Азбука», которая в дальнейшем финансировалась Деникиным (руководство организации перебралось в Екатеринодар). Сотрудники организации получали псевдонимы по названиям букв старославянского языка. Помощником начальника организации был полковник А.А. фон Лампе, получивший кодовое имя Люди¹¹²⁶. Организация занималась пропагандистской деятельностью, содействовала отправке к белым офицеров, а также вела разведку на советской территории. В ряде случаев кадровый состав Центров и «Азбуки» совпадал. Так, начальником Киевского Центра был полковник В.П. Барцевич, также руководивший местным отделением «Азбуки» (псевдоним Фита).

Однако разведывательную работу в советском тылу вели не только опытные генштабисты и профессионалы шпионажа и контршпионажа. Такие люди, скорее, были исключением, а преобладали дилетанты. Тем более что даже костяк белых разведчиков — офицеры старой армии — в абсолютном большинстве не обладали никаким опытом конспиративной деятельности. Но, как справедливо отмечал один из первых исследователей советских спецслужб С.С. Турло, «в эпоху Гражданской войны, когда буржуазия еще надеялась услышать звон кремлевских колоколов, тогда шпионажем занимались все. Занимались и буржуазия, и интеллигенция, и офицерство, и ученые. Занимались шпионажем и офицеры Генштаба, и просто разные командиры. Доходило до того, что люди из “благородного” общества, “хорошо воспитанные” родители в целях этой “священной миссии” благословляли своих детей 15–16 лет на разврат. Здесь было все испытано, чтобы спасти Россию от большевиков»¹¹²⁷.

Широчайшее распространение как у белых, так и у красных получил женский шпионаж, порой мало отличавшийся от проституции¹¹²⁸.

Например, командующий 2-й советской армией В.И. Шорин, а также некоторые работники штаба армии в 1919 г. посещали проституток и кокаинок Н.С. Соловьеву и Е.И. Сурконт, у которых также бывали агенты белых¹¹²⁹. Не исключено, что через этих женщин белая разведка получала какую-то информацию из штаба армии¹¹³⁰. Тем более что Соловьева, работавшая сестрой милосердия, как выяснилось, имела все основания ненавидеть красных — у нее был убит отец и на ее глазах расстрелян муж¹¹³¹.

Успешную разведывательную миссию осуществил А.А. Борман — сын известной журналистки и общественного деятеля А.В. Тырковой-Вильямс. Это был молодой человек, юрист по профессии, без опыта разведывательной работы, который в марте 1918 г. прибыл в Москву и за короткий срок сумел стать заведующим отделом внешней торговли и исполняющим должность наркома торговли Советской России, встречался со многими членами большевистского правительства и даже был представлен В.И. Ленину. На самом деле Борман выполнял задание штаба Добровольческой армии. Борман с ностальгией вспоминал о широких возможностях ведения разведывательно-диверсионной работы в Советской России в это время: «Какие тогда были возможности! Чека еще не оплела всю Россию своей сетью и действовала ощупью, работать было не только возможно, но даже не очень трудно. Чекисты были заняты, главным образом, ловлей невинных людей, а лица, стремившиеся работать против большевиков, разъезжали в комиссарских вагонах, сидели на видных местах в комиссариатах и в красных штабах. Однако не сумели сделать того, что хотели. Чего-то не хватало. Недоставало центрального штаба действия. Было слишком много мудрствования и обсуждений. Все примеряли и прикидывали, а когда собирались резать, то наступал какой-то паралич рук»¹¹³². В конце 1918 г. Борман был вынужден бежать из Советской России под угрозой разоблачения¹¹³³. Разумеется, подобные громкие истории нуждаются в тщательной проверке, однако в обстановке 1918 г., когда государственный аппарат Советской России еще только налаживался, они были вполне возможны.

Другим распространенным способом разведки была засылка на советскую территорию агентов-ходовков. В этом была своя сложность, поскольку интеллигентный облик такого агента-ходака сразу же вызывал серьезные подозрения и мог привести к трагическим последствиям. Впрочем, по показаниям пленных колчаковских генштабистов, ку-

рировавших вопросы разведки, основная масса агентов представляла собой полуинтеллигентов. Как отмечал бывший офицер по разведке штаба Волжской дивизии есаул А.П. Колесников, в дивизии агентуры не было, попытки организации ее не удавались из-за постоянного движения фронта, пропускали только агентов штаба армии, в период стояния на реке Белой их прошло несколько партий, «преимущественно башкиры и разные полуинтеллигентные типы, интеллигент[ных] очень мало»¹¹³⁴. В последние два месяца перед пленением офицера агентура штаба армии не проходила через участок дивизии вовсе. Агентура от реки Белой работала до Волги. Много сведений давали возвращавшиеся из Германии и Австрии военнопленные, получали информацию и из советских газет. Вывод Колесникова, однако, был неутешителен для белых: «На основании агентурных данных в армейских сводках можно судить, что агентура белых не была на должной высоте. Дивизионная разведка уделяла мало внимания своей работе, и я, будучи обер-оф[ицером] по разведке, больше привлекался для занятий по оперативной части в своем штадиве»¹¹³⁵.

Колесникову вторил полковник М.Е. Шохов — бывший старший адъютант разведывательного отделения штаба 3-й армии белых. По его свидетельству, в качестве агентуры использовали беженцев, женщин и 3–4 офицеров, в основном же агентами были все те же полуинтеллигентные типы. За год штабом армии было отправлено только 25 агентов, из которых вернулись двое или трое, доставив малозначимые сведения. При этом агентам платили по 5–10 тысяч руб. в месяц. Готовили агентов за одну-две недели, занимаясь с ними по 1–2 часа в день по организации РККА, расположению частей, приемам добычи данных. Вербовали агентов инструктора, основываясь на справке из милиции. Изучения агентов не проводилось. Таким образом, к агентуре подходили как к расходному материалу, который не представлял большой ценности. Шохов отмечал: «Я как нач[альник] отд[еления] сознавал, что импровизировать агентурную разведку в процессе Гражданской войны, при постоянно меняющихся фронтах — бесполезно и ожидать хороших результатов не приходилось»¹¹³⁶.

Иногда на советскую территорию проникали целые банды. Получили распространение и диверсии. Однако фронтовая разведка белых работала не очень успешно. Так, например, тот факт, что одной из двух ударных групп советского Южного фронта командует бывший генерал В.И. Селивачев, стал известен разведке Донской армии лишь 9 (22)

августа 1919 г., то есть в разгар операций, когда с момента назначения Селивачева прошло уже около трех недель¹¹³⁷.

Важную роль в осведомлении белого командования играла сохранявшаяся с дореволюционных времен сеть военных агентов за рубежом. Работавшие на белых военные агенты занимались разноплановой деятельностью: собирали и анализировали материалы телеграфных агентств и прессы о Советской России, добывали информацию другими путями, содействовали формированию благоприятного для белых мнения в элитах соответствующих государств, боролись с большевистской агентурой. Например, генерал-лейтенант А.В. Геруа, служивший представителем ВСЮР в Румынии, содействовал переброске на белый Юг солдат и офицеров с других антибольшевистских фронтов, организовывал доставку белым вооружения, военной техники и прочего необходимого имущества. По его собственному свидетельству, Геруа смог воспрепятствовать снабжению из Румынии войск Украинской народной республики, наладил разведывательные связи с Россией¹¹³⁸.

Как отмечал генерал А.И. Деникин, каждое местное «демократическое правительство» начинало свою деятельность в Гражданскую войну с создания контрразведки¹¹³⁹. Контрразведка белого Юга как единая структура сформировалась сравнительно поздно. Изначально же она была объединена с разведкой. Полковник С.Н. Ряснянский вспоминал о первых белых контрразведчиках: «С составом к[онтр]р[азведки] Добровольческой армии было работать очень легко в том отношении, что причисленные к ней офицеры, юнкера, а особенно женщины-прапорщики шли без разговоров на любое опасное предприятие, но зато опыта или специальных знаний у них совершенно не было, начиная с их начальника бывшего судебного следователя кап[итана] Капелька... а потому давать сложных задач им было невозможно»¹¹⁴⁰. По причине шпиономании свои контрразведывательные органы в инициативном порядке стали создаваться во многих воинских частях и при территориальных органах управления белого Юга. Разумеется, подобная практика вела к хаосу и разгулу произвола, причем беспринципность многих контрразведчиков отмечали сами белые.

Между тем на Юге оказались лучшие дореволюционные специалисты в этой области: генералы Н.С. Батюшин, К.И. Глобачев и Е.К. Климович, следователь В.Г. Орлов. Как и их коллеги в Советской России, не все старые специалисты в области разведки и контрразведки смогли работать по своей специальности. Нередко такие люди, в том числе

из-за своей дореволюционной деятельности, оказывались не у дел или работали не по профилю (например, бывшие генералы В.Н. Клембовский и М.Д. Бонч-Бруевич у красных, генерал Батюшин у белых). За революционные годы жандармы и контрразведчики в обществе оказались дискредитированы, в результате чего либерально настроенный главком ВСЮР генерал-лейтенант А.И. Деникин старался не привлекать бывших жандармов на службу. Батюшин и Орлов замарались в фабрикации прогремевшего до революции заказного дела о шпионаже полковника С.Н. Мясоедова¹¹⁴¹, в связи с чем недоверие Деникина можно понять. Между тем только они обладали значимым опытом борьбы с революционным подпольем. Следование на поводу у общественного мнения не могло принести белым успехов. С другой стороны, и сами профессионалы не всегда стремились заниматься прежним ремеслом. Например, генерал Глобачев вспоминал, что старался избежать службы в белой контрразведке, так как она напоминала ему ЧК¹¹⁴².

Работа контрразведки осложнялась параллелизмом структур. Помимо ведавшего этим вопросом контрразведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР существовала контрразведывательная часть особого отделения отдела Генштаба Военного управления, которой с ноября 1918 по август 1919 г. руководил военный юрист, капитан А.С. Дмитриев, затем его сменил полковник Р.Д. Мергин. Особое отделение занималось заграничной военно-политической разведкой и контрразведкой. Помощником начальника особого отделения, а затем его начальником был полковник П.Г. Архангельский. Помощником начальника контрразведывательного отделения с конца ноября 1919 г. стал полковник А.Т. Гаевский. Контрразведка играла свою роль во внутренней борьбе в белом руководстве. По свидетельству полковника А.А. фон Лампе, П.Г. Архангельский «за спиной [генералов] Вязьмитинова и Лукомского вел паутину разведок и доносов в пользу [генерала] Романовского»¹¹⁴³. На то, что контрразведчики намеренно распускают о нем негативные слухи, жаловался в 1920 г. в своем письме главкому ВСЮР генералу А.И. Деникину генерал П.Н. Врангель¹¹⁴⁴. Контрразведывательные функции имел и пресловутый ОСВАГ — Осведомительное агентство белого Юга, в котором работали более 10 тысяч человек, а также ряд других структур¹¹⁴⁵. Некоторые сотрудники ОСВАГа оказались членами тайной организации «Анонимный центр», ставившей своей задачей подготовку монархического заговора против Деникина и его начальника штаба генерала И.П. Романовского¹¹⁴⁶. Одним из ру-

ководителей организации оказался генерал Батюшин. В руководстве белого Юга организация имела немало сторонников, среди которых были и руководители разведки и контрразведки белого Юга — начальник разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР полковник С.Н. Ряснянский и начальник контрразведывательного отделения отдела Генерального штаба Военного управления статский советник Орлов.

Свои органы разведки и контрразведки имели правительства казачьих войск. Нередко эти органы конкурировали между собой. Белой контрразведке хронически не хватало средств даже на жалование штатных сотрудников, не говоря об агентуре. Подразделения контрразведки белых в ряде случаев представляли собой структуры полукриминального характера, где творился абсолютный произвол. Так, при официальной ревизии делопроизводства и деятельности контрразведывательного отделения штаба Кавказской армии в августе 1919 г. вскрылась отвратительная картина. Председатель ревизионной комиссии докладывал главнокомандующему ВСЮР А.И. Деникину, что «установлены случаи изнасилования казаками женщин, содержавшихся под стражей в контрразведке... лица, задерживаемые контрразведкой, подвергаются битью плетью... причем этот способ наказания применяется не в виде исключения, а как система или для наказания... или же как способ добыть сознание у арестованного... Для разнообразия предлагают иногда одному задержанному бить другого... в некоторых случаях, как это было с Нестеровой и Поповой, битье плетью полуобнаженных женщин производилось в присутствии многих офицеров... при этом под звуки гармоники... Отбираемое при обысках имущество поступало без описей... в отделение и здесь или расхищалось казаками... или же раздавалось офицерам отделения в определенном порядке... иногда же и по жребью»¹¹⁴⁷. Битье плетью производилось с ведома полковника Б.И. Бучинского. Более 50 человек, попав в руки контрразведчиков, бесследно исчезли. Из доклада следовало и то, что при наличии в контрразведывательном отделении семи агентов для внутреннего наблюдения филеров для наружного наблюдения не было, разведки не велось, получить справку по какому-либо вопросу было невозможно, а денежная отчетность была настолько примитивной, что не позволяла обнаружить злоупотребления, если бы они имели место. Контрразведчиками не соблюдалась тайна розыска, были даже случаи выдачи пропусков на выезд из Царицына заведомым большевикам.

Это не был исключительный случай. В ноябре 1919 г. генерал-лейтенант А.С. Лукомский приказал арестовать и обыскать начальника екатеринославского контрразведывательного пункта есаула Щербакова и его спутницу артистку Лескову, подозревавшихся в хищении денег и драгоценностей¹¹⁴⁸. Адьютант начальника одесского контрразведывательного пункта в 1919 г. за 300 тысяч руб. продал большевикам списки сотрудников, за что был расстрелян, но восполнить нанесенный ущерб репрессии не могли¹¹⁴⁹. О том, что в белую контрразведку поступали на службу даже большевики, занимавшиеся провокациями и устрашением населения в целях дискредитации власти белых, писал осенью 1919 г. в своем докладе начальнику штаба главнокомандующего ВСЮР генерал-лейтенанту И.П. Романовскому полковник В.К. Манакин¹¹⁵⁰. Как отмечал генерал-лейтенант Е.И. Доставалов, «состав контрразведывательных отделений был самый пестрый. В одном он был однороден: на 90% это были патентованные мерзавцы, садисты, люди легкой наживы с темным прошлым»¹¹⁵¹. К примеру, начальник керченского контрразведывательного отделения капитан Стеценко был связан с криминалитетом, истязал арестованных и отбирал у них ценности¹¹⁵².

Командующий Добровольческой армией генерал П.Н. Врангель писал главнокомандующему ВСЮР генералу Деникину 9 (22) декабря 1919 г.: «Неудовлетворительная постановка контрразведки и уголовно-розыскного дела, работавших вразброд, недостаточность денежных для них отпусков и неудачный подбор сотрудников, все это дало большевистским агитаторам возможность продолжать в тылу армии их разрушительную работу»¹¹⁵³. Врангель требовал упорядочить контрразведывательную работу и объединить ее с уголовным розыском в пределах армии. В другом письме от 15 (28) февраля 1920 г. Врангель обвинял Деникина в организации слежки за собой при помощи контрразведки¹¹⁵⁴. Таким образом, контрразведка оказалась важным инструментом политической борьбы на белом Юге. По данным на август 1920 г., многие офицеры, находившиеся за рубежом или при иностранных миссиях, работали на иностранные спецслужбы и продавали иностранцам сведения о состоянии белых армий¹¹⁵⁵.

Белая контрразведка была слабо осведомлена о руководящем составе советской разведки. Так, например, когда на сторону белых летом 1919 г. перешел руководитель советской нелегальной военной агентуры

бывший капитан В.А. Срывалин, выяснилось, что в контрразведывательном отделении штаба Добровольческой армии о нем не имелось никаких сведений¹¹⁵⁶. Были ли такие материалы в контрразведывательном отделении штаба главнокомандующего ВСЮР, неизвестно.

В то же время отдельные территориальные органы контрразведки работали успешно. Уже упоминавшийся следователь Орлов поставил работу контрразведки белых в Одессе на широкую ногу. Был сформирован штат сотрудников наружного наблюдения, выделялись средства на секретную агентуру. Налаживалось сотрудничество с французской контрразведкой, которой руководил майор Порталь. Агентура Орлова была внедрена в одесское большевистское и анархистское подполье, имела выходы на большевистский комитет. В результате совместных с французами операций руководство большевистского подполья в Одессе (И.Ф. Смирнов (псевдоним — Николай Ласточкин), Ж. Лябурб) было ликвидировано, однако подпольщики в ответ уничтожили агента Орлова и покушались на него самого. Белой контрразведкой в 1919–1920 гг. были нанесены мощные удары по большевистским подпольным организациям Харькова, Николаева, Киева, Севастополя, Симферополя, Феодосии, Ялты, Керчи.

Белая разведка пыталась воспользоваться любыми возможностями для осведомления. В частности, при отправке группы офицеров для связи с петлюровцами весной 1920 г., по свидетельству капитана А.И. Батрука, с ним беседовал 2-й генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего ВСЮР полковник П.Е. Дорман и взял расписку о негласном осведомлении белого командования о петлюровских войсках¹¹⁵⁷. Впрочем, до реальной организации осведомления дело не дошло.

С приходом к власти на белом Юге генерала П.Н. Врангеля началась реорганизация органов разведки и контрразведки. Некоторые специалисты оценивали изменения критически. Например, А.А. фон Лампе отметил в своем дневнике: «Уничтожили 2-го ген[ерал-]квар[тир]-м[ейстер]а, создали обер-квартирмейстера Генерального штаба. А в результате борьба с зелеными или, вернее, разведка о них вышла из рук на[чальника] шта[ба] глав[ноком]а[ндующего] и висит в воздухе»¹¹⁵⁸. Контрразведка Ставки была передана в ведение начальника Военного управления, объединена с органами политического и уголовного розыска, в результате чего возникла особая часть. В июне в белом Крыму был создан Особый отдел при штабе главнокомандующего. С 1 июня

1920 г. его начальником стал бывший директор департамента полиции генерал-майор Е.К. Климович¹¹⁵⁹.

Южный фронт белых ближе других антибольшевистских фронтов продвинулся к центру Советской России. В сравнении с Востоком, Севером и Северо-Западом России здесь была наиболее развита инфраструктура, что благотворно сказывалось на организации разведки. Тем не менее даже к концу истории белого Юга о масштабности постановки разведывательной работы говорить не приходилось. Так, по официальному отчету о состоянии агентуры разведывательного отделения Ставки к 14 (27) октября 1920 г., за месяц за рубеж были отправлены 13 агентов, двое работали в прифронтовой полосе и трое — на внутреннем фронте¹¹⁶⁰.

На Восточном фронте белых, где было меньше офицеров Генерального штаба, чем на Юге, постановка разведывательной работы была значительно хуже. С колчаковским фронтом связано гораздо меньше высокопоставленных белых агентов в Красной армии, чем с фронтом Деникина. Разведывательной работой здесь руководили выпускники ускоренных курсов Военной академии. Разведывательный отдел управления 2-го генерал-квартирмейстера Ставки до 12 июля 1919 г. возглавлял подполковник Н.А. Киселев, 7 сентября 1919 г. начальником отдела был назначен подполковник Г.И. Овчинников, фронтовой разведкой ведал капитан Ф.М. Бредш, а стратегической — полковник Н.О. Масыгин. Он же был начальником разведывательного отделения осведомительного отдела Главного штаба, делопроизводителями — капитаны В.Н. Отрыганьев и И. Самодуров¹¹⁶¹. Все они были выпускниками ускоренных курсов Военной академии, что отражало нехватку более опытных генштабистов в колчаковской армии.

Войсковая разведка была не на высоте. Например, от Отдельной Оренбургской армии сведения о красных было получить практически невозможно. Начальник штаба соседней Западной армии генерал-майор С.А. Щепихин был в ярости и на один из документов наложил резолюцию: «Переговорите со Ставкой, чтобы надавили на Оренбургскую армию в смысле разведки (особенно тайной). Недопустимо, чтобы при столь широком и быстром наступлении не было сведений, кто и куда отходит, какие силы там»¹¹⁶². Из-за отсутствия этих данных белые не знали, куда направлять свои силы. Щепихин пояснял: «Сведения эти необходимы мне, чтобы решить вопрос, обеспечен ли наш левый фланг при наступлении на линию Оренбург — Бузулук или же мы

именно должны идти на него. Если не 6 корпусом (что теперь с очевидностью отпадает), то Беловым*»; но здесь важно решить, как направлять Белова: 1) кулаком на Оренбург, 2) кулаком на Бузулук или же 3) ввиду невыясненности держать этот кулак между этими направлениями. Только при неполучении ответа от Оренбургской армии мы будем вынуждены двигать Белова третьим способом. Признаюсь, весьма не выгодным, ибо кулак сзади опоздает наверно на оба пути. Двигать же его решительно на Бузулук при неизвестности на Оренбургском фронте — можно получить удар в левый бок»¹¹⁶³. В итоге так и случилось — колчаковцы не смогли упредить контрудар Южной группы Восточного фронта красных.

По свидетельству одного из признанных авторитетов в области разведки того времени, генерал-майора П.Ф. Рябикова, «громдную пользу в деле разведки приносили переходящие от красных старые офицеры, иногда даже уже состоявшие в тайных белых организациях. Но, к сожалению, по отношению к ним, как в частях, так и в некоторых штабах, проявлялось обидное недоверие, иногда даже оскорбления и издевательства, что не служило импульсом к таковым переходам; все такие офицеры обыкновенно подвергались судебному расследованию, тянувшемуся очень долго, изматывавшему этих пострадавших людей, подвергавшихся громадному риску для создания себе возможности сдачи в плен или тайного перехода»¹¹⁶⁴. Стоит отметить, что в 1919 г. Рябиков защитил диссертацию и опубликовал в Томске свое исследование «Разведывательная служба в мирное и военное время» (как диссертация, так и книга были засекречены, но книга рассылалась по штабам), считающееся этапной работой в области осмысления теории и практики отечественных спецслужб. В дальнейшем Рябиков занимал пост 2-го генерал-квартирмейстера Ставки Колчака и был одним из руководителей колчаковской разведки.

С февраля 1919 г. при управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего (позднее — при управлении 2-го генерал-квартирмейстера) существовал отдел контрразведки и военного контроля. При штабах армий существовали контрразведывательные отделения, при штабах неотдельных корпусов и в крупных центрах прифронтовой полосы — контрразведывательные пункты. Органами

---

* Имеется в виду Южная группа войск Западной армии под командованием генерал-майора П.А. Белова.

контрразведки тыла ведала контрразведывательная часть Главного штаба.

Кадры колчаковских разведчиков оставляли желать лучшего. По свидетельству начальника штаба 2-й армии белых генерал-майора С.А. Щепихина, старший адъютант разведывательного отделения штаба армии капитан М.Н. Плеткин, окончивший ускоренные курсы Военной академии в Томске, «случайно попал на высокую и ответственную должность старшего адъютанта разведывательного отделения. Курс академии он проходил при новых условиях Гражданской войны, т.е. уровень его подготовки не был высок. Так он относился и к своей работе: ничего не знал не только о противнике, но и о делах в самом штабе. Его доклады всегда по форме стереотипны — все обстоит благополучно... Учить его и ему подобных я, к сожалению, не имел ни времени, ни охоты... Это был “пассажир” в прямом значении этого слова»¹¹⁶⁵.

Белая контрразведка на Востоке России возникла из контрразведывательных структур подпольных антибольшевистских организаций, существовавших здесь до свержения советской власти. При штабе Сибирской армии в июле 1918 г. появилось отделение военного контроля во главе с чехословацким офицером капитаном Зайчком — в прошлом инструктором берлинской сыскной полиции¹¹⁶⁶. Аналогичные структуры были созданы при корпусных и окружных штабах. Кроме того, собственную агентуру в Омске имели некоторые военные и политические деятели — генерал П.П. Иванов-Ринов, министр финансов И.А. Михайлов. Наличие нескольких контрразведок в небольшом городе вело к различным злоупотреблениям (появлению двойных агентов, торговле информацией¹¹⁶⁷). 29 ноября 1918 г. при Ставке Верховного главнокомандующего возникло Центральное отделение военного контроля. Но в целом единой системы органов военной контрразведки на Востоке России вплоть до февраля 1919 г. создано не было.

Лишь в феврале — марте 1919 г. отделения военного контроля были созданы при штабах армий, корпусов и военных округов. 18 апреля 1919 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего утвердил «Временное положение о контрразведывательной и военно-контрольной службе на театре военных действий». Организационное оформление структур военной контрразведки завершилось к маю 1919 г. Работой контрразведки первоначально руководил начальник Главного штаба через контрразведывательную часть осведомительного отдела,

а затем 2-й генерал-квартирмейстер Ставки и впоследствии начальник военно-административного управления Восточного фронта.

Работа белой контрразведки на Востоке России получала диаметрально противоположные оценки. Многие считали эту службу средоточием всего негативного, что только было у белых. Так, например, колчаковский военный министр генерал-лейтенант А.П. Будберг отмечал, что «наиболее роскошно развились такие паразитные, а при отсутствии строгого надзора, гнусные учреждения, как контрразведка и разные осведомления, создавшие громоздкие, дорогие и вредные для чистоты нашего дела организации. У них нет даже того умения и той профессиональной добросовестности, которыми отличались наши старые охранные учреждения и их штатные агенты; зато все скверные стороны прежнего восприняты полностью.

Настоящей контрразведки и истинной борьбы с агентами большевизма у нас нет; все делается напоказ, чтобы удовлетворить начальство, проявить деятельность и оправдать расходы, достигающие чудовищных размеров; в Омске у меня не проходило недели, чтобы от меня не требовали десятки миллионов рублей на расходы по контрразведке (расходы бесконтрольные, поверяемые и утверждаемые ближайшим начальством, что и дает простор всевозможным злоупотреблениям, и требует особо опытного и тщательного надзора со стороны старших органов).

Реформировать и упорядочить деятельность этих полупочтенных учреждений будет нелегко и реформатору надо будет проявить исключительную энергию; отрицательные элементы этой клики легко не сдадут своих вкусных позиций, а они достаточно сильны во влиятельных верхах и сумели сделаться там очень нужными»¹¹⁶⁸.

Встречались, однако, и положительные отзывы. Так, например, командующий 3-й армией белого Восточного фронта генерал-лейтенант К.В. Сахаров вспоминал об организации контрразведки 3-й армии: «Более образцовой службы мне не случалось встречать. На это тяжелое дело шли к нам, именно сюда, лучшие люди, честные, неутомимые и храбрые; среди них большинство были с высшим университетским образованием. Поэтому здесь не было места тем ненормальностям и злоупотреблениям, какими иной раз грешили другие контрразведки... Но зато не было ни малейшей поблажки и спуску разрушителям русской государственности. Не покладая рук, зачастую рискуя своей жизнью, чины армейской контрразведки открывали каждую противо-

правительственную партию, заговор, вылавливали большевицких агитаторов и всех средствственных им, уничтожая социалистическую заразу в корне. Оттого-то и не заводилось эсеровское предательство в районе моей армии»¹¹⁶⁹.

Документально известно, что колчаковская контрразведка работала достаточно активно. В частности, контрразведчики Южного Урала вели агентурную разведку в тылу красных, осуществляли радиоперехват¹¹⁷⁰. Аналогичную работу вели соответствующие подразделения и в других прифронтовых районах. В середине апреля 1919 г. мощный удар был нанесен контрразведкой Отдельной Оренбургской армии по большевистской организации Троицка. Крупным успехом контрразведки Западной армии стала ликвидация в конце марта 1919 г. ядра челябинской подпольной организации большевиков, в ходе которой были задержаны сразу 66 человек во главе с З.И. Лобковым и С.А. Кривой¹¹⁷¹. Контрразведка осуществляла слежку за оппозиционно настроенными представителями командного состава. Например, на Дальнем Востоке под наблюдением находился генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Информация о его деятельности поступала к генералу К.В. Сахарову.

В отношении произвола белая контрразведка Востока России не уступала южной. По свидетельству начальника уфимского контрразведывательного пункта белых, обучавшегося на ускоренных курсах Военной академии, К.А. Звиргзда, «Уфа была взята 13 марта. Начались аресты большевиков. В этом направлении работали не только контрразвед[ывательные] органы штабов корпусов (3^й и 6^й), но, короче говоря, каждый офицер считал себя вправе произвести обыск и арестовать любого гражданина, даже по анонимному доносу. Аресты и обыски приняли стихийный характер. Тюрьма быстро наполнилась арестованными»¹¹⁷².

Разведывательные и контрразведывательные структуры белых армий на Севере и Северо-Западе России носили более локальный характер по сравнению с контрразведкой крупнейших белых фронтов — Южного и Восточного. Здесь, как и на других антибольшевистских фронтах, руководящую роль в постановке работы играли генштабисты. Так, разведывательное отделение на Севере России возглавлял капитан А.П. фон Энден. Спецслужбы Севера и Северо-Запада России находились в подчиненном положении и во многом зависели от интервентов. Однако кадры разведчиков даже в союзных штабах могли быть смешанными. Так, например, находившийся в Екатеринбурге выпуск-

ник ускоренных курсов Военной академии, офицер польского происхождения М.М. Войткевич был командирован на Север (видимо, как союзный польский офицер), где по приказу генерала Пуля поступил на службу в разведывательное отделение штаба главнокомандующего союзных войск, действующих на русском фронте. Проработав там некоторое время и получив шифровки от французского и американского посольств, Войткевич возвратился в Екатеринбург и привез эти важные для союзников документы¹¹⁷³.

В период Гражданской войны территория бывшей Российской империи стала полем битвы разведывательных служб многих мировых держав. Наиболее активную роль сыграла британская разведка, но в России работали и разведчики из других стран, прежде всего участниц антисоветской интервенции.

Одной из баз для ведения антибольшевистской разведки стала Финляндия¹¹⁷⁴. В руководство финской разведки пришли антироссийски настроенные активисты, прежде служившие в разведывательных службах Германии периода Первой мировой. Финны занимались организацией диверсий на Мурманской железной дороге и в ряде важных центров Севера и Северо-Запада (Архангельск, Кемь, Мурманск, Петроград). После краха надежд финских активистов на потерпевшую поражение в войне Германию они переключились на взаимодействие с другими государствами. В частности, финская разведка работала против Советской России с территории Эстонии. Финны и в 1919 г. не оставляли надежд захватить Петроград и создать в его районе финскую область Ингерманландию (характерно, что потенциальный захват города белыми шел вразрез с этими планами, что и сказалось на отсутствии поддержки финнов войскам генералов А.П. Родзянко и Н.Н. Юденича). В интересах «военной партии» было разжигание конфронтации с Советской Россией, что и выполняли террористы и разведчики, засылавшиеся на территорию России. Показательно, что приказ об организации актов саботажа на Востоке подписал генерал А.А. Тунцельман фон Адлерфлуг, бывший русский генштабист, возглавивший финский Генштаб¹¹⁷⁵. Финские террористы из ингерманландцев-эмигрантов организовали в Петрограде даже свою штаб-квартиру. Невзирая на потенциально колоссальные жертвы гражданского населения, они планировали ночные взрывы электростанции, двух водопроводных станций и ряда предприятий, поджоги наиболее важных зданий в погрузившемся во мрак городе. 30 марта 1919 г. в «колыбели

революции» прогремели взрывы, не причинившие, однако, серьезного ущерба, но, наоборот, приведшие к усилению мер безопасности и контроля со стороны властей. Одним из руководителей и организаторов разведывательных операций и диверсий был финский активист Э. Хайкелль. Финны участвовали и в организации саботажа на Балтийском флоте. В частности, британские торпедные катера, атаковавшие Кронштадт летом 1919 г., базировались в Терийоках (ныне — Зеленогорск). По этой линии финны взаимодействовали с британской разведкой, в частности с агентом П. Дюксом. Финляндию не устраивал сильный русский Балтийский флот, причем уничтожить его, потопив корабли, планировалось в результате заигрываний с белыми и красными (до захвата Петрограда топить «красные» корабли собирались с помощью белогвардейцев и их сторонников, а после, топить «белые» корабли с помощью сторонников большевиков)¹¹⁷⁶. Интересно, что в команду крейсера «Олег» финнам удалось внедрить группу угонщиков. Финская разведка содействовала и прямому военному вторжению ингерманландских активистов во главе с подполковником Г. Эльвенгреном на советскую территорию. Впрочем, террористическая деятельность вскоре утратила поддержку финских властей.

Легально в разведывательных отделах экспедиционных войск или под военно-дипломатическим прикрытием в составе многочисленных военных и военно-морских миссий иностранные разведчики работали на территориях, контролируемых антибольшевистскими силами. Активная работа велась на Юге России, Севере, Северо-Западе, в Закавказье, в Сибири и на Дальнем Востоке. Судя по тому, что труд британских разведчиков и контрразведчиков за период Гражданской войны оценивался высокими наградами, результаты работы отличались масштабностью. Различными орденами были награждены Э. Бойс, Д. Гиллесли, М. Макларен, Л. Рид, В. Смолл и ряд других¹¹⁷⁷. Некоторые разведчики и контрразведчики в зависимости от быстро менявшейся фронтовой обстановки могли переходить на нелегальное положение. В качестве баз для заброски агентуры на советскую территорию использовались Финляндия, Прибалтика, Польша, Турция. К сожалению, до сих пор эта тема во многом остается «белым пятном» противоборства спецслужб.

Нелегальная агентурная работа широко практиковалась на территории Туркестана, в западных губерниях, а также в Москве и Петрограде. В период нахождения дипломатического корпуса союзных

держав в Вологде в 1918 г. центр шпионажа возник там. Разведчиком, например, был секретарь английской миссии Д. Гиллеспи¹¹⁷⁸.

Британские спецслужбы столкнулись с серьезным противником в лице советской контрразведки. Несмотря на ряд успехов у англичан, советские спецслужбы смогли уверенно противостоять им, в том числе при опоре на население. Тем более что не все британские разведчики были достаточно искушенными в своем деле специалистами. Например, капитан Ф. Кроми не имел опыта разведывательной работы. Не был профессиональным разведчиком и Р.Б. Локкарт. В результате они попали в сети чекистов. В разное время арестованы оказались и некоторые другие британские агенты (Э. Бойс, Л. Вебстер, Д. Голдсмит, Р. Окерлунд, Д. Томлинг, С. Томс, Д. Хилл, Г. Холл).

Неудачи усугублялись специфическими трудностями работы в Советской России. В условиях игнорирования советскими репрессивными органами норм международного права, иностранные дипломаты не могли быть уверены в том, что смогут в критической ситуации воспользоваться дипломатической неприкосновенностью. Возможности для ведения шпионажа сокращались. Достаточно отметить, что в результате налета чекистов на британское консульство в Петрограде 31 августа 1918 г. был застрелен Ф. Кроми. 31 августа — 1 сентября прошли аресты десятков работников посольств и консульств в Петрограде и Москве. Любовница Локкарта, сотрудница посольства М. Бенкендорф, оказалась тайным осведомителем ЧК¹¹⁷⁹. В ходе раскрытия «заговора послов» ВЧК был задержан американский агент К. Каламатиано, разоблачены французский разведчик А. де Вертамон, английский разведчик С.Г. Рейли и некоторые их агенты¹¹⁸⁰.

Посольства и военные миссии находились под наблюдением чекистов, что затрудняло работу разведчиков под дипломатическим прикрытием. Но успехи знаменитых нелегалов, работавших вне посольств на свой страх и риск, тоже были невелики. Реальные достижения некоторых легендарных английских разведчиков, таких как П. Дюкс, Д. Хилл или С. Рейли, которые стремились свергнуть большевиков методами тайной борьбы, в действительности оказались довольно скромными. Финансовая и организационная поддержка белого подполья в Москве и Петрограде значимых результатов не принесла. Традиционно интересовавшим британскую разведку регионом был Туркестан¹¹⁸¹. Однако и здесь не было больших успехов. Как оказалось, успешно

противодействовать британцам советские контрразведчики могли не только в центре Советской России, но даже на захолустной периферии, например в 1919 г. в Закаспии и на сопредельной персидской территории¹¹⁸².

Англичане преуспели в технической разведке благодаря значительным материальным ресурсам и лучшей оснащенности. Видимо, за счет этого они имели возможность перехватывать большевистские телеграммы, направлявшиеся в Европу¹¹⁸³.

Мощную разведывательную службу создали поляки¹¹⁸⁴. Разведывательную работу на советской территории вели и прибалтийские спецслужбы. Так, по заданию эстонского Генштаба в Москву с разведывательной миссией в 1921 г. был направлен Р. Бирк, имевший официальное прикрытие в качестве атташе эстонской миссии. Бирк оказался вовлечен в операцию «Трест» и вскоре начал сотрудничать с ВЧК, причем его сотрудничество с советскими спецслужбами продолжалось на протяжении полутора десятилетий¹¹⁸⁵.

На Дальнем Востоке активную разведывательную деятельность вели американцы и японцы. Американская разведка в качестве прикрытия использовала такие организации, как Международный Красный Крест, YMCA (Христианский союз молодых людей), Американское бюро печати, различные коммерческие предприятия. По некоторым данным, численность японской агентуры достигала 4000 человек¹¹⁸⁶. С ними боролись как красные, так и белые контрразведчики. В частности, ряд японских агентов был задержан на территории белой Сибири контрразведкой Колчака¹¹⁸⁷. Агентами иностранных государств нередко становились противники большевиков, даже из среды русских офицеров-патриотов. Так, например, с японской разведкой сотрудничал бывший полковник Н.П. Корзун, занимавший пост начальника военно-топографического отдела штаба Иркутского военного округа¹¹⁸⁸. Однако, как и в большой Гражданской войне, участники тайной войны из числа бывших офицеров оказались по разные стороны баррикад. Так, с ВЧК против японской разведки сотрудничал бывший штабс-капитан А.Н. Луцкий, владевший японским языком. В период Гражданской войны он оказался в рядах колчаковцев, где, если верить официальной ведомственной истории российской внешней разведки, работал в интересах сибирских партизан. В мае 1920 г. Луцкий был казнен японцами или казаками вместе с легендарным большевиком С.Г. Лазо.

* * *

Итоги борьбы спецслужб в период Гражданской войны оказались неутешительными для каждой из сторон. Этот период был, образно выражаясь, детством отечественных спецслужб. Спецслужбы красных и белых находились еще на стадии своего зарождения и становления, профессионализм их сотрудников был невелик.

Казалось бы, в отношении разведывательной деятельности огромное преимущество было у белых, разведчики которых обладали высоким образовательным цензом и должностным статусом и, что особенно важно, полностью соответствовали критериям назначения на руководящие посты в РККА. Бывший офицер-генштабист, будучи тайным сторонником белых, мог легко выдвинуться на самый верх советской военной иерархии. Такие случаи действительно имели место. В то же время ни один советский агент, не будучи кадровым офицером старой армии в достаточно высоких чинах, не мог рассчитывать на подобную карьеру в белом лагере. Тем не менее белым такая асимметрия не помогла.

В наибольшей степени критериям профессиональных разведчиков и контрразведчиков соответствовали бывшие офицеры Генерального штаба, однако в красном лагере они оказались отстранены от разведывательной и контрразведывательной работы в пользу более лояльных с точки зрения большевиков людей. Драгоценные кадры профессиональных разведчиков разбазаривались и бездумно уничтожались. Разумеется, пострадал профессионализм.

Успешной следует признать разведывательную деятельность большевистского подполья в белом тылу, хотя это подполье состояло не из военных профессионалов. Этот канал информации был очень важен для большевиков, а вследствие колоссальной идейности и фанатизма подпольщиков приносил ощутимые результаты. Однако белая контрразведка вела с подпольем беспощадную борьбу и в случае обнаружения подпольщиков их участь была незавидной.

Но работа советской военной контрразведки этого периода не выдерживает критики. Особый отдел ВЧК вместо выявления подлинной агентуры белых занимался арестами и запугиванием невинных военспецов, чем причинил серьезный вред делу военного строительства в Красной армии. Атмосфера чекистского произвола угнетающе действовала на бывших офицеров и не останавливала перебежчиков и предателей, а, наоборот, толкала военспецов на измены. Даже наиболее

успешные с позиций официальной ведомственной истории спецслужб операции, как, например, раскрытие подпольной антибольшевистской организации «Национального центра», вызывают больше вопросов, чем дают ответов. О таких сфабрикованных по заказу большевистского руководства делах, как «дело» Полевого штаба РВСР, и говорить не приходится.

Советские контрразведчики не смогли ликвидировать ни одного крупного действующего белого агента в РККА из числа бывших офицеров Генерального штаба. Даже руководитель подпольной военной организации «Национального центра» в Москве бывший генерал Н.Н. Стогов смог бежать из-под ареста к белым, причем арестован он был отнюдь не тогда, когда по должностному статусу мог нанести красным наибольший ущерб. Зато добросовестно служивших красным военспецов чекисты арестовывали с завидной регулярностью, что в обстановке острой нехватки в РККА кадров с высшим военным образованием было просто преступным.

Достижения профессионалов-генштабистов, работавших в советских штабах на противника, тоже были скромными. В своих отчетах перед белым командованием они расписывали грандиозные успехи — срыв целых операций РККА, содействие наступлению белых, задержку формирования советских дивизий, дезорганизацию тыла и даже разжигание конфликтов в советском руководстве. Но проверить правдивость этих заявлений сегодня довольно затруднительно, тем более что они касаются тех аспектов, которые, как правило, не документировались (конфликты, межличностные отношения) или были длительными по времени процессами с множеством разнообразных взаимовлияющих факторов (мобилизация, передислокация войск). При этом очевидно естественное стремление любых агентов к преувеличению своих заслуг на поприще тайной войны. Белое командование также довольно скептически относилось к разрушительным возможностям своих сторонников в РККА. Очевидно, что в антибольшевистском подполье состояло абсолютное меньшинство военспецов, тогда как десятки тысяч добросовестно служили новому режиму, что и предопределило победу красных в Гражданской войне.

Работа белой контрразведки, несмотря на ряд успешных операций, осложнялась общим разложением и хаосом белого тыла. Разложение затронуло и контрразведчиков, нередко воспринимавших свои особые полномочия как средство личного обогащения или злоупотребления властью.

Казалось бы, более профессиональными должны были быть уже давно сформировавшиеся спецслужбы интервентов — Великобритании, Франции. Однако и они потерпели в Советской России ряд крупных провалов и особенными успехами похвастаться не могли. Куда меньше шансов на успех было у национальных спецслужб государств, возникших на развалинах Российской империи (за исключением явно выделявшейся на общем фоне польской разведки).

Белая разведка испытывала серьезные кадровые, финансовые, организационные проблемы, но основная трудность лежала в иной плоскости. Ключевой проблемой белых оказалось фатальное непонимание и недооценка серьезности противостоявшего им врага. Белая разведка вплоть до конца Гражданской войны регулярно предрекала скорый крах большевистского режима, рассуждала о его нежизнеспособности. Однако свою нежизнеспособность продемонстрировали как раз белые режимы. Белогвардейские разведчики на всем протяжении Гражданской войны продолжали смотреть на противника сквозь розовые очки, не видели в большевистском лагере ничего, кроме пресловутого «красного террора», старательно не замечали ни эволюции большевиков, ни значительного совершенствования их административного и карательного аппарата в период 1917–1920 гг., не ориентировались в нюансах их политической деятельности. Подобная недалёковидность была присуща не только белым разведчикам, но и белым вождям и военачальникам, обладавшим общностью мышления старых кадровых офицеров. Неудивительно, что работа выдающихся одиночек — крупных белых агентов в советских штабах не смогла принести ощутимой пользы белым. Разумеется, нельзя говорить о том, что советская разведка или контрразведка переиграла белую. Каждая из сторон имела свои успехи и провалы, однако определяющую роль в победе большевиков сыграли отсутствие у них шаблонности, новизна мышления, способность и готовность учиться, в том числе на собственных ошибках, воспринимать и перерабатывать новые идеи. Закостеневшие в традиционализме белые оказались на это неспособны.

**БРАТЯ ЛИ КРАСНЫЕ
В ЗАЛОЖНИКИ
СЕМЬИ ВОЕНСПЕЦОВ**

В постсоветской историографии, в СМИ, а через них и в общественном сознании прочно утвердился тезис о том, что в годы Гражданской войны бывшие офицеры служили в Красной армии под жесточайшим контролем. Одной из основных составляющих такого контроля над военспецами считается учет их семейного положения в целях ареста, а возможно, и последующего уничтожения их близких в случае измены. Нельзя не отметить, что вопрос о заложничестве и репрессиях в отношении членов семей военспецов крайне политизирован. Однако почему-то исследователи и публицисты, отстаивающие такую дополнительную кровожадность большевиков, не только не приводят конкретных примеров, но и закрывают глаза на находящиеся в явном противоречии с этой точкой зрения сотни случаев измены военспецов советской власти, имевших место на всем протяжении Гражданской войны. Ведь, казалось бы, оказались родственники военспецов в заложниках с угрозой неминуемого ареста и расстрела, массовые измены стали бы немыслимы. Тем не менее этого не произошло. Попробуем разобраться, как же обстояло дело в действительности.

Сразу оставим за рамками эксцессы бандитизма и мародерства, в ходе которых могли страдать семьи военспецов, и сосредоточимся лишь на вопросе о наказании в отношении семей тех, кто изменил советской власти. В центре нашего внимания будут, прежде всего, семьи бывших офицеров Генерального штаба — представителей военной элиты; людей, находившихся вследствие своей немногочисленности и особого, исключительно высокого положения в комсоставе, на виду и, соответственно, более удобных в плане надзора.

Обязательная регистрация бывших офицеров в Советской России началась в основном летом 1918 г., но в регистрационных материалах того периода (в частности, при регистрациях в Москве¹¹⁸⁹) отсутствовали данные о семейном положении регистрируемых. В учетных карточках и списках фиксировались только адреса офицеров, что пока еще не было увязано с адресами семей, но во многих случаях позволяло

установить их местонахождение. Однако уже осенью 1918 г. в анкетах встречаются разделы «Адрес семьи», а, например, в 1919–1920 гг. анкеты содержали пункт «Адрес семьи, а для холостых — ближайших родственников»¹¹⁹⁰. Вопрос о проверке указывавшихся анкетных данных остается открытым.

4 сентября 1918 г. в Советской России официально появился институт заложничества, легализованный приказом главы НКВД Г.И. Петровского. Инициативу поддержал Л.Д. Троцкий, распространив ее на семьи бывших офицеров и военных чиновников. Приказ Троцкого от 30 сентября 1918 г. гласил: «Предательские перебеги лиц командного состава в лагери неприятеля, хотя и реже, но происходят до настоящего дня. Этим чудовищным преступлениям нужно положить конец, не останавливаясь ни перед какими мерами. Перебежчики предают русских рабочих и крестьян англо-французским и японо-американским грабителям и палачам. Пусть же перебежчики знают, что они одновременно предают и свои собственные семьи: отцов, матерей, сестер, братьев, жен и детей. Приказываю штабам всех армий Республики, а равно окружным комиссарам, представить по телеграфу члену Реввоенсовета Аралову списки всех перебежавших во вражеский стан лиц командного состава со всеми необходимыми сведениями об их семейном положении. На т[оварища] Аралова возлагаю принятие, по соглашению с соответственными учреждениями, необходимых мер по задержанию семейств перебежчиков и предателей»¹¹⁹¹. Пока что речь шла только о семьях ранее изменивших советской власти военспецов. Однако не было указано, что делать с задержанными. В дальнейшем Троцкий конкретизировал свои предложения, указав, что в случае измены военспецов их семьи будут арестованы¹¹⁹².

К октябрю 1918 г., по некоторым данным, в заложниках находились свыше 8000 бывших офицеров. Очевидно, что массовое заложничество было бессмысленным. Поэтому по предложению Троцкого заложники, не причастные к контрреволюционной деятельности, были решением ЦК РКП(б) освобождены с предложением поступить на службу в РККА. В случае согласия они должны были представить списки своих семей, которые были бы арестованы при переходе этих бывших офицеров к противнику¹¹⁹³. Постановлением VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов от 6 ноября 1918 г. освобождению подлежали все заложники, «кроме тех из них, временное задержание которых необходимо как условие безопасности товарищей, попавших в руки

врагов»¹¹⁹⁴. Братъ заложников по этому постановлению отныне могла только ВЧК.

Учетом военспецов в РККА занимались сами же военспецы. Они едва ли могли выступать активными проводниками репрессивной политики в отношении семей таких же бывших офицеров. Вполне можно допустить, что они сознательно саботировали требования Троцкого. Однако, как выясняется, даже семьи многих заведомых контрреволюционеров, в том числе видных деятелей антибольшевистского лагеря, спокойно жили в Советской России и не подвергались серьезным репрессиям.

Семья известнейшего белого генерала В.О. Капшеля проживала в Перми. Его супруга, 29-летняя О.С. Капель (Строльман), в 1918–1919 гг. работала в штабе 3-й армии красных машинисткой. В одной из анкет она указала, что ее муж, после чего была уволена без права поступления на службу в военные учреждения. Тогда она смогла устроиться канцелярской сотрудницей в департамент государственного казначейства в Перми. Весной 1919 г. Строльман была арестована. Арест произошел «по приходе домой в общежитие для служащих Государст[венного] казначейства, быв. гостиница “Ижевское (?) подворье”...»¹¹⁹⁵ Причины ареста самой женщине были неизвестны, допросов не проводилось, обвинений выдвинуто не было. Содержалась арестованная в женском одиночном корпусе Бутырской тюрьмы. По всей видимости, речь шла о заложничестве. В карточке арестованной указано: «Муж, бывший с ней в разводе более 2^х лет, служил в армии белогв[ардейцев], о чем О.С. не знала, сама же она сл[ужила] в Пермск[ом] казнач[ействе] и на служ[ебной] анкете дала неверные сведения»¹¹⁹⁶. По некоторым данным, О.С. Капель находилась в Бутырской тюрьме до марта 1920 г., когда ей сообщили о смерти мужа и предложили оформить развод¹¹⁹⁷. По свидетельству дочери Капшеля, арест матери произошел в Глазове (штаб 3-й армии с декабря 1918 г.), а затем за Строльман вступились (!) руководители ВЧК Ф.Э. Дзержинский и В.Р. Менжинский, причем последний предложил ей работу в Наркомфине на условиях оформления заочного развода с мужем, причем якобы с 1 апреля 1919 г. Строльман там и работала¹¹⁹⁸. Таким образом, супруга одного из самых известных вождей антибольшевистского лагеря провела в заключении, по различным версиям, около года.

Цели этого «заложничества» совершенно не понятны. Возможно, требовалось изолировать супругу Капшеля, чтобы она не могла содействовать белым. Достоверность же эмигрантских рассуждений о неко-

ем предложении Каппелю «ослабить свои удары по красным» в обмен на освобождение супруги и пафосном ответе генерала: «Расстреляйте жену, ибо она, как и я, считает для себя величайшей наградой на земле от Бога — это умереть за Родину. А вас я как бил, так и буду бить»¹¹⁹⁹, кажется крайне сомнительной. Хотя бы потому, что своих ударов Каппель не ослаблял, а его жена, несмотря на это, была довольно быстро освобождена. Тем более сложно предположить, при каких обстоятельствах могло быть сделано подобное предложение.

В Советской России находились семьи и других видных деятелей антибольшевистского лагеря — например, семья начальника петлюровского ГУГШ и военного министра генерала С.И. Дядюши¹²⁰⁰. О том, что она подвергалась преследованиям, данных нет. Во всяком случае, его близкие благополучно пережили Гражданскую войну, а после войны генерал вел интенсивную еженедельную переписку с проживавшей в Москве семьей уже из эмиграции. Весной — летом 1918 г. в занятом красными Оренбурге спокойно проживал отец знаменитого вождя Белого движения атамана А.И. Дутова. Не где-нибудь, а в «колыбели революции» Петрограде жила и работала в городском музее на протяжении 1918–1920 гг. мать другого вождя белых, легендарного «черного барона» генерала П.Н. Врангеля, баронесса М.Д. Врангель. Позднее она вспоминала, что, «несмотря на все ужасы жизни и особо шекотливое личное мое положение, уцелела каким-то чудом»¹²⁰¹. Стоит отметить, что в борьбе с казачьим повстанчеством красные не церемонились и активно практиковали заложничество, в результате чего репрессиям подвергались и семьи бывших офицеров. По некоторым данным, в 1920 г. были расстреляны родители и двоюродные братья кубанского повстанческого командира полковника М.Н. Жукова¹²⁰². Впрочем, эти примеры не относятся к семьям военспецов РККА. Но что же происходило с последними?

Лишь через месяц с лишним после приказа Троцкого, в ноябре 1918 г., военком Полевого штаба РВСР С.И. Аралов, на которого Троцкий были возложены обязанности задерживать семьи перебежчиков и предателей, действительно потребовал арестовать семьи перебежчиков из предложенного им сравнительно небольшого списка. Единственным высокопоставленным лицом в этом списке был генштабист И.Г. Пехливанов, остальные же, за некоторым исключением, серьезных постов не занимали¹²⁰³. Было ли что-то предпринято в действительности, неизвестно. К тому же семья Пехливанова находилась за предела-

ми Советской России. Документов, отражающих другие инициативы Аралова в этом отношении, обнаружить не удалось.

Стоит отметить, что хотя Аралов и состоял в большевистской партии, все же при этом он и сам являлся бывшим офицером. Недоброжелатели считали его человеком, намеренно искажавшим свою биографию и приписывавшим себе партийный стаж сверх имевшегося на самом деле, меньшевиком по взглядам и чуть ли не покровителем военспецов-изменников, создателем «араловщины». Уже после смерти Аралова несколько ветеранов Гражданской войны — щорсовцев составили о нем довольно нелицеприятный рукописный очерк. Ветераны утверждали, что «в годы Гражданской войны с именем Аралова связана и около высокого араловского поста подвизается целая полдюжина шпионов и предателей. И это обстоятельство объясняется опять чистой “случайностью”. Не слишком ли уж много “случайностей”, случайных совпадений связано с именем Аралова? Бывает ведь и так, что “случайности” связаны с закономерностью»¹²⁰⁴. При всей предвзятости такой характеристики, Аралов действительно не проявил усердия в деле исполнения воли Троцкого.

Небезынтересно и то, что чекисты самоустранились от работы по сбору подписок об ответственности семей военспецов. Председатель Петроградской ЧК В.Н. Яковлева сообщила 2 ноября 1918 г. на запрос Троцкого, что подписка об ответственности семейств является делом военного ведомства и может быть осуществлена приказом по армии¹²⁰⁵. Речь шла об арестованных военспецах, с которых, видимо, должны были взиматься соответствующие подписки перед их освобождением.

Поскольку измена штабного офицера могла быть гораздо опаснее измены строевого офицера¹²⁰⁶, заложничество, казалось бы, должно было использоваться, прежде всего, для устрашения «лиц Генштаба», тем более что их было сравнительно мало. Однако анализ документов показал, что это была скорее декларированная угроза большевиков.

Как уже отмечалось, Троцкий 30 сентября 1918 г. потребовал установления семейного положения изменивших большевикам военспецов. В конце года, учитывая многочисленные новые случаи измены, он вернулся к этому вопросу. 20 декабря 1918 г. он телеграфировал в отдел военного контроля РВСР, что со времени прошлой телеграммы «произошел ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, занимающих командные посты, но ни в одном из случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по-видимому, регистра-

ция бывших офицеров вовсе не была произведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо. Предлагаю Вам в кратчайший срок заняться выполнением возложенной на Вас в свое время задачи, используя для этого аппарат Всебюркомвоен¹²⁰⁷, с одной стороны, и аппарат военного контроля — с другой»¹²⁰⁸. Речь шла теперь о превентивных мерах — учете семейного положения пока еще лояльных большевикам военспецов. Завершить сбор данных требовалось не позднее 1 января 1919 г. Телеграмма была разослана также на все фронты и всем начальникам окружных штабов. Таким образом, по состоянию на конец декабря суровое распоряжение все еще оставалось на бумаге.

Троцкий не учел перегруженности штабов оперативной и организационной работой, при которой штабам не хватало времени на такие излишества, как установление семейного положения всех подчиненных военспецов. Большевистская бюрократическая машина едва справлялась с учетом самих военспецов, не говоря уже о членах их семей. По всей видимости, централизованный учет данных о десятках тысяч военспецов с их семьями оказался все же непосильной задачей для советской военной бюрократии.

В некоторых случаях¹²⁰⁹ анкеты спецов предусматривали заполнение пункта «Адрес семьи», но далеко не всегда и не везде. Кроме того, неизвестно, проверялись ли анкетные данные, записанные со слов бывших офицеров. Нисколько не смущаясь прямым указанием Троцкого, работники штаба Северного фронта в январе 1919 г. даже пожаловались, что данное требование загружает их работой в ответственный период реорганизации армии¹²¹⁰.

В других местах по пути прямого игнорирования приказа не пошли и начали составлять бумаги с требованиями присылать списки военспецов с данными об их семьях и адресами. Штаб Орловского военного округа, например, 28 декабря 1918 г. рассылал следующий приказ: «По приказанию председателя Революционного Совета Республики товарища Троцкого требуется установление семейного положения командного состава бывших офицеров и чиновников и сохранение на ответственных постах только тех из них, семьи которых находятся в пределах советской России, и сообщение каждому под личную расписку — его измена и предательство повлечет арест семьи его и что, следовательно, он берет на себя, таким образом, ответственность за судьбу своей семьи...»¹²¹¹ Для этого должны были быть составлены списки со всей

необходимой информацией, причем не только по перебежчикам, как требовалось изначально, но уже по всем военспецам вообще. В случае измены военспецов члены их семей подлежали аресту. Удивительно, что составление списков началось лишь в самом конце 1918 г., то есть через три месяца после изначального приказа Троцкого.

Ярославский окружной комиссариат по военным делам 10 января 1919 г. циркулярно рассылал совершенно секретное распоряжение Троцкого не позднее 25 января 1919 г. предоставить сведения о бывших офицерах, включая адреса их семей. В случае измены или предательства предписывалось немедленно арестовывать указанных в списках, для чего безотлагательно телеграфировать в отдел военного контроля в Москву, указав фамилии, имена и отчества, должности и адреса, сообщая по телеграфу эти сведения и ближайшему органу военного контроля. Помимо этого требовалось «при составлении вышеуказанных списков на ответственных постах оставлять только тех из бывших офицеров, семьи которых проживают в пределах Советской Республики»¹²¹². Таким образом, для занятия высоких постов военспецам необходимо было быть женатыми и иметь семью на советской территории. Однако на практике это предписание не соблюдалось.

Нам не удалось обнаружить приказ Троцкого, в котором он требовал бы оставления на службе только тех военспецов, семьи которых находились на советской территории. Практика показала, что это необходимое для контроля за военспецами требование было невыполнимым. Не стоит забывать, что в РККА существовала острейшая нехватка квалифицированных командных кадров, и заниматься чисткой рядов в связи с казавшимся надуманным обвинением в отсутствии семьи на советской территории командование из таких же бывших офицеров и комиссары не только не хотели, но и не могли, поскольку остались бы в этом случае без командного состава. Особенно много семей военспецов находилось на территории Украины. Например, дочь крупного военспеца бывшего генерала-генштабиста А.Ф. Добрышина жила в Купянске Харьковской губернии, в том числе в то время, когда город находился на антибольшевистской территории¹²¹³. На контролирувавшемся антибольшевистскими силами Дальнем Востоке проживала семья крупного советского военного деятеля Н.Н. Петина¹²¹⁴. Семья одного из создателей Полевого штаба РВСР П.М. Майгура находилась на Украине, но службе Майгура в РККА это обстоятельство никак не

мешало¹²¹⁵. Семья генштабиста З.И. Зайченко также находилась на Украине, причем военспец не имел с ней никакой связи¹²¹⁶. Семья известного белого агента в РККА В.Я. Люндеквиста находилась в Крыму¹²¹⁷. Там же проживали дети генштабиста С.Г. Лукирского, причем в августе 1918 г. военспецу было даже разрешено лично забрать их оттуда¹²¹⁸. Один из видных перебежчиков бывший генерал В.Е. Борисов был вдовцом. Не брались в заложники и военспецы РККА, ближайшие родственники которых (родители, дети, братья) служили в антибольшевистском лагере. Более того, известно немало случаев, когда такие военспецы приобретали в РККА весьма высокое положение.

Сохранились документы о том, что, например, слушателей курсов разведки и военного контроля, родственники которых находились на территории противника, считали неблагонадежными¹²¹⁹. Вместе с тем нет данных о каких-либо ограничениях по службе в отношении этих лиц.

В начале 1919 г. аппарат военного контроля, который должен был арестовывать семьи военспецов, был упразднен (путем поглощения органами ВЧК), а его функции перешли к Особому отделу ВЧК. Кроме того, борьба с семьями могла вызвать недовольство лояльных красным военспецов и повлечь ответные меры антибольшевистских сил — ведь фронты Гражданской войны разделили и семьи большевиков. Все это, по всей видимости, привело к тому, что на уровне системы заложничество семей военспецов в Советской России не практиковалось. Тем не менее нами обнаружено несколько анкет арестованных жен бывших офицеров, которые в графе о причинах своего ареста указывали заложничество за мужа. Поскольку документы заполнялись самими арестованными, данные свидетельства нельзя считать официальными указаниями на заложничество. Как бы то ни было, речь идет о единичных случаях.

Не может быть никаких иллюзий и сомнений, что в случае настоящей необходимости репрессии против членов семей изменников могли быть применены. Военспецы, очевидно, были осведомлены об этом. Одной подобной угрозы уже было достаточно, чтобы многие решали не испытывать судьбу и не рисковать жизнью и здоровьем ближайших родственников. В то же время слухи о заложничестве семей были удобным оправданием при попадании в плен. Взятые белыми в плен военспецы на Северном фронте на вопрос, почему они не переходили к белым добровольно, отвечали, что не могли этого сделать, поскольку семья была в заложниках. По всей видимости, подобные оправдания службы у красных были достаточно распространены и не

особенно убедительны для белых, так как мемуарист приводит недовольный ответ опрашивавшего пленных: «Рассказывайте... все вы так говорите»¹²²⁰. Однако без лишней необходимости военспецы старались не искушать судьбу. Не случайно, например, известный перебежчик, командующий 9-й армией генштабист Н.Д. Всеволодов, дезертировал к белым летом 1919 г. вместе с семьей¹²²¹.

Что же происходило на деле? Генштабист Г.И. Теодори после своего ареста беспокоился, не были ли арестованы его жена и сестра¹²²². Между тем с его жены была лишь взята подписка о невыезде¹²²³. Громкий случай измены генштабиста А.А. Лаурица, в результате которой белые смогли захватить штаб 55-й стрелковой дивизии и казнили комдива А.В. Станкевича (посмертно награжден орденом Красного Знамени, торжественно перезахоронен у Кремлевской стены), обернулся арестом жены изменника, произошедшим, однако, почти через год после событий. Арестованная утверждала, что не жила с мужем уже много лет и никакого отношения к его деятельности не имела¹²²⁴. Исход дела неизвестен. Такова была репрессивная практика в связи с одной из наиболее резонансных измен. Как видно, реакция ВЧК по этому делу не отличалась стремительностью.

В Нижегородской губернии в декабре 1918 г. после массовой сдачи противнику на Южном фронте 11-й Нижегородской стрелковой дивизии были арестованы родители военспецов-перебежчиков А. и П. Нерцаловых¹²²⁵.

Весной 1919 г., через несколько месяцев после исчезновения бывшего капитана А.Н. Цурпалева установлением его семейного положения занялись сотрудники Всероссийского главного штаба, где он ранее служил на ответственной должности старшего делопроизводителя оперативного управления. Однако их постигла неудача. Послужного списка Цурпалева в штабе не оказалось, в последнем подробном списке Генштаба на 1914 г. он не значился, поскольку только поступил в академию в 1913 г., а по частным сведениям родных в Москве у него не было. Пример Цурпалева наглядно свидетельствует об отсутствии учетных данных о семейном положении даже высокопоставленных военспецов весной 1919 г. В то же время длительные поиски родственников Цурпалева такими же, как он, военспецами без подключения чекистов скорее свидетельствуют о попытке разобраться в произошедшем, чем о стремлении подвергнуть семью пропавшего репрессиям. Как удалось установить по документам Гуверовского архива, Цурпалев перебрался

на Юг России и в 1920 г. служил в Русской армии генерала П.Н. Врангеля¹²²⁶.

Вообще взаимовыручка была свойственна части военспецов. К примеру, даже антибольшевистски настроенные офицеры в мемуарах отмечали благородство видного военспеца Н.Н. Петина, в советских условиях не выдававшего прежних сослуживцев-недоброжелателей на расправу ЧК¹²²⁷.

Известен случай, когда жена арестованного военспеца, генштабиста Н.Н. Доможирова, в 1919 г. добровольно предложила себя в качестве заложницы за мужа. В обращении к Троцкому отчаявшаяся женщина писала: «Если же дело затягивается, на коленях умоляю Вас освободить моего мужа, а меня посадить в тюрьму заложницей за него — ведь тогда само собой отпадет недоверие к мужу — единственная причина его заключения»¹²²⁸. Очевидно, подобное предложение принято не было, а Доможирова вскоре освободили.

Следует признать, что единичные случаи арестов членов семей военспецов имели место, но до системности в этом вопросе было далеко. Так, известно, что в связи с мятежом командира Особого корпуса Ф.К. Миронова в 1919 г. была арестована его жена, впоследствии она отмечала, что была заложницей по делу мужа, однако уже 13 октября 1919 г. постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) ее освободили и никаких последствий для нее это заложничество не имело¹²²⁹.

Похожий случай произошел и с женой другого мятежника — бывшего командира 9-й кавалерийской дивизии А.П. Сапожкова. В старой армии Сапожков дослужился до подпоручика, хотя в РККА, видимо, не считал себя военспецом и презрительно о них отзывался. Летом 1920 г. Сапожков поднял восстание, возглавив Красную армию «Правды». В августе в плен попала его супруга Д.С. Сапожкова, которую красные арестовали и собирались расстрелять, однако расстрел отложили, поскольку хотели использовать ее для давления на мужа. После гибели Сапожкова командующий войсками по подавлению мятежа ходатайствовал об отмене приговора¹²³⁰.

В годы Гражданской войны произошло немало перелетов к белым красных авиаторов. 29 октября 1918 г. на сторону белых был совершен даже групповой перелет летчиков 9-го армейского авиаотряда. После этого дерзкого шага советское командование на Южном фронте распространило суровый циркуляр, по которому летчики и наблюдатели должны были из числа служащих авиаотряда указать не менее двух

лиц, согласных дать подписку об ответственности вплоть до расстрела в случае измены лица, за которое они ручались. Поручители не могли быть одновременно в воздухе с теми, за кого ручались. Также требовалось предоставить подписи родственников или друзей об аналогичной ответственности¹²³¹.

Однако введение круговой поруки среди летчиков было тупиковым решением, поскольку в связи с массовыми перелетами на сторону противника большевикам за каждого изменника пришлось бы казнить еще двух и более других летчиков. Такие действия могли привести не только к росту саботажа и нежеланию квалифицированных пилотов служить на подобных варварских условиях, но и к бессмысленному физическому истреблению даже добросовестно служивших красным авиаторов. Совокупность же измен и расстрелов заложников за измены их сослуживцев в короткой перспективе могла лишить красных авиации вообще. По этим причинам такая мера, естественно, не нашла применения. Есть данные об арестах членов семей красных авиаторов, перелетавших к белым¹²³², однако более суровых репрессий в их отношении не было, и арестованные освобождались. В конечном итоге за особые заслуги красного воздушного флота суровый приказ об ответственности родственников был отменен¹²³³.

В переписке Полевого штаба РВСР приводились сведения о семьях перебежчиков¹²³⁴, но упоминаний о репрессиях в их отношении обнаружить не удалось. Фактически же массовое заложничество членов семьи оставалось лишь декларированной угрозой.

Эффективность заложничества, нацеленного на перебежчиков, в немалой степени определялась пропагандой результатов. Как известно, пропаганда в Советской России была поставлена образцово. Однако свидетельств о взятии в заложники семей военспецов в газетах того времени встречать не приходилось. Следовательно, изменники о возмездии ничего не знали. В антибольшевистских источниках упоминания также единичны. Антибольшевистская мемуаристика, являющаяся основным средоточием подобных сведений, представляется ненадежным источником. Тем не менее объективность требует обратить внимание на эти свидетельства.

В частности, военспец РККА генштабист Н.С. Махров в конце августа 1919 г. передал через линию фронта своему родному брату — начальнику военных сообщений Кавказской армии Генерального штаба генерал-майору П.С. Махрову — известие о том, что он служит в

РККА по принуждению, находится под контролем военного комиссара и не может перейти к белым, поскольку в заложниках у большевиков остаются его жена и дочь¹²³⁵. О том, насколько такого рода сведения соответствовали действительности, данных нет. Нельзя полностью исключить возможное стремление Н.С. Махрова обеспечить свое будущее на фоне успешного продвижения белых к Москве и изобразить себя в качестве вынужденного сотрудника большевиков (по нашим данным, в РККА Махров поступил добровольно).

По ряду свидетельств, прежде всего мемуарных, после перехода к белым бывшего генерала и руководителя антибольшевистского военного подполья в Москве Н.Н. Стогова большевиками была казнена его жена¹²³⁶. Арестована она была вместе с сыном в связи с делом «Национального центра», попав в чекистскую засаду на квартире политического лидера этой организации Н.Н. Щепкина¹²³⁷. Казнь жены Стогова исключить нельзя, но проверить эти сведения пока не удалось.

Согласно послужному списку на 1909 г., Стогов был женат первым браком на дочери умершего потомственного почетного гражданина Екатерине Тихоновне Саниной, родившейся 9 мая 1877 г. В семье было пятеро детей: Татьяна (1902 года рождения), Надежда (1903 года рождения), Николай (1905 года рождения), Екатерина (1906 года рождения), Ольга (1908 года рождения)¹²³⁸. В эмиграции его супругой была Анна Дмитриевна, она скончалась во Франции в 1987 г. По всей видимости, сын генерала Стогова и его полный тезка был расстрелян в период Большого террора в 1937 г. в Казахстане.

Бегство Стогова, одного из самых высокопоставленных военспецов РККА, было настоящей пощечиной для большевиков, которые даже на уровне первых лиц знали о подозрениях против него, а сам Стогов дважды арестовывался в 1918–1919 гг. Реакция большевиков могла быть совершенно непредсказуемой. Не исключено, что на волне возмущения репрессиям могла подвергнуться семья перебежчика¹²³⁹.

По некоторым данным, как заложница была казнена супруга бывшего военного министра генерала В.А. Сухомлинова¹²⁴⁰. В этом случае, однако, не шла речь о семье военспеца-изменника, поскольку Сухомлинов не служил в РККА. Супруга генерал-майора Б.А. Левицкого, расстрелянная, по некоторым данным, вместе с мужем¹²⁴¹, также не относится к заложникам за него, вопреки утверждениям эмигрантских авторов¹²⁴².

Даже ангажированный историк-эмигрант С.П. Мельгунов, целенаправленно собиравший материалы (безотносительно их достоверности)

о любых проявлениях красного террора¹²⁴³, по вопросу о заложничестве семей военспецов привел лишь единичные примеры, основанные на данных, которые невозможно проверить. В частности, он отмечал, что о расстрелах в 1918 г. жен-заложниц за военспецов, бежавших к белым, рассказывали деятели киевского Красного Креста. Кроме того, основываясь на данных зарубежной печати, Мельгунов упоминал о расстреле в марте 1919 г. в Петрограде родственников офицеров 86-го пехотного полка, перешедшего к белым¹²⁴⁴, а также писал о расстрелах родственников офицеров, подозревавшихся в переходе к белым в Кронштадте в 1919 г.¹²⁴⁵ Однако есть все основания усомниться в достоверности этих примеров. Первый случай приводится им по слухам, источник второго также ненадежен, а сообщение изобилует неточностями (видимо, речь идет о 86-м стрелковом, а не пехотном полку, перешедшем к белым отнюдь не целиком и уже после марта 1919 г. — в конце мая¹²⁴⁶). Третий пример также лишен конкретики. Еще один пример подобного рода — упоминание о расстреле в мае 1920 г. в Елисаветграде семьи из четырех девочек 3–7 лет и старухи-матери 63 лет за сына-офицера¹²⁴⁷. Такой пример, естественно, вызывает возмущение любого цивилизованного человека, однако Мельгунов не указывает ссылку на источник информации, а целесообразность и возможность подобных репрессий в период, когда внутренняя контрреволюция была практически ликвидирована, вызывает сомнения. Таким образом, даже наиболее ангажированные авторы не смогли привести сколько-нибудь убедительных примеров репрессий в отношении семей военспецов.

Считается, что всего в 1919 г. был взят 5491 заложник¹²⁴⁸. На заседании ЦК РКП(б) 15 июня 1919 г. был рассмотрен проект декрета о расширении права расстрела, предложенный Ф.Э. Дзержинским¹²⁴⁹. По утверждению исследователя истории спецслужб О.Б. Мозохина, Дзержинский предлагал расстреливать семьи перебежчиков и преступников, что не встретило поддержки¹²⁵⁰. Впрочем, Мозохин неверно датирует это заседание ЦК, а об отклоненном предложении расстреливать семьи в изученных нами документах не упоминается.

Троцкий не оставлял идеи с арестами семей изменников и в 1919 г. В колчаковской прессе были напечатаны телеграмма члена РВСР и РВС Восточного фронта К.К. Юренева и распоряжение комиссара штаба 3-й армии: «Реввоенсоветам фронтов, армии, округа, губвоенсоветам округа, губвоенкомам неоднократно предлагалось внимательно следить за тем, чтобы на ответственные командные должности не

назначались с неопределенной физиономией, если семья проживает на территории, занятой врагами Советской власти. Между тем указания эти не соблюдаются. Так, в одной из армий Восточного фронта начдивом (начальником дивизии) назначено было лицо, вся семья которого находится у Колчака. Означенный начдив совершил измену, перейдя со штабом [к] Колчаку. Напоминаю снова: регистрация лиц командного состава по семейному положению должна производиться со всей строгостью. Реввоенсоветы армии, фронтов, Всероглавштаба*, округа, губернии обязуются строжайше сообразовываться с указанным выше условием при назначении на ответственные посты. Отступления могут допускаться по особому каждый раз постановлению председателя Реввоенсовета Республики. Нарушение предписания повлечет строгую ответственность. № 1149. Реввоенсовет Юренев.

Телеграммой Реввоенсовета на комиссаров частей возлагается самое спешное проведение перерегистрации всех лиц командного состава по семейному положению. Означенные списки с указанием моральной и политической физиономии пришлите срочно в военсовет. Комиссар штарм 3 Рейхардт»¹²⁵¹. Эти документы вновь подтверждают отсутствие применения заложничества.

Сохранилась и листовка, подписанная И.В. Сталиным, «К войскам, обороняющим Петроград!», датированная июнем — началом июля 1919 г. В документе упоминалось о том, что «семейства всех командиров, изменивших делу рабочих и крестьян, берутся в качестве заложников»¹²⁵². Впрочем, этот документ, являвшийся скорее воззванием, вряд ли свидетельствует о такой практике. Отметим, что сам Сталин вскоре был отозван из Петрограда.

В секретной «Инструкции ответственным работникам 14-й армии», составленной 9 августа 1919 г., Троцкий среди прочих мер, необходимых для восстановления боеспособности армии, отмечал: «Каждый комиссар должен точно знать **семейное положение командного состава**** вверенной ему части. Это необходимо по двум причинам: во-первых, чтобы прийти на помощь семье в случае гибели командира в бою, во-вторых, для того, чтобы немедленно арестовать членов семьи в случае измены или предательства командира. Все сведения о семейном положении командного состава и политработников должны быть со-

---

* В газете искаженно — Всероглавостба.

** Выделено в документе.

средоточены в политотделе Реввоенсовета армии»¹²⁵³. Подобное требование Троцкого напрямую свидетельствует о том, что эта мера к августу 1919 г. все еще не применялась в РККА. Кроме того, едва ли арест семьи с последующим ее освобождением (о более суровых мерах в отношении семей изменников не говорилось) мог остановить решившихся на измену. Недоволен был отсутствием применения жестких мер и В.И. Ленин, который писал 8 июня 1919 г. Э.М. Склянскому: «Надо усилить взятие заложников с буржуазии и с семей офицеров — ввиду учащения измен. Сговоритесь с Дзержинским»¹²⁵⁴. Требование немедленно арестовать семьи изменников звучало и в приказе Троцкого по оборонявшей Петроград 7-й армии 2 ноября 1919 г.

Наконец, 17 декабря 1919 г. был издан приказ Президиума ВЧК № 208 об аресте заложников и буржуазных специалистов, в котором за подписями Ф.Э. Дзержинского и М.Я. Ладиса разъяснялось, что заложник — «это пленный член того общества или той организации, которая с нами борется. Причем такой член, который имеет какую-нибудь ценность, которым этот противник дорожит, который может служить залогом того, что противник ради него не погубит, не расстреляет нашего пленного товарища. Из этого вы поймете, что заложниками следует брать только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров... Они чем дорожат... Высокопоставленными сановными лицами, крупными помещиками, фабрикантами, выдающимися работниками, учеными, знатными родственниками находящимися при власти у них лиц и тому подобным. Из этой среды и следует забирать заложников. Но так как ценность заложника и целесообразность на месте не всегда легко установить, то следует всегда запросить центр. Без разрешения Президиума ВЧК впредь заложников не брать. Ваша задача взять на учет всех лиц, имеющих ценность как заложники, и направлять эти списки нам»¹²⁵⁵. По этому приказу было предписано взять на учет всех бывших офицеров, но необходимость получения в каждом случае санкции Президиума ВЧК на взятие заложников существенно ограничивала применение этой меры. О семьях бывших офицеров речь не шла.

Сохранились нуждающиеся в проверке мемуарные свидетельства об угрозах большевиков убить семью генерала М.А. Фостикова, руководившего антибольшевистским восстанием на Кубани в 1920 г. В ответ на это генерал якобы пообещал за каждого убитого замучить сотни большевиков. По некоторым данным, какие-то родственники Фостикова все же были убиты, однако жена смогла уехать к нему¹²⁵⁶.

Когда в 1921 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов узнал, что начальником штаба сибирских казаков-повстанцев является бывший полковник А.Ф. Кудрявцев, командированный РВСР в штаб помощника главкома по Сибири, Смирнов распорядился найти семью Кудрявцева и взять ее в заложники, однако выполнить это распоряжение не удалось, поскольку Кудрявцев на самом деле не был офицером и учетных данных на него не имелось¹²⁵⁷.

Уже в конце Гражданской войны, летом 1921 г., Троцкий, беседуя с французским коммунистом А. Моризе, не без преувеличений заявил: «Мы призвали бывших офицеров. Французская революция из 15 тысяч королевских офицеров получила пять-шесть тысяч. На миллион мы нашли сотни тысяч¹²⁵⁸. Некоторые предали, это правда. Наша 11-я дивизия, например дивизия из Нижнего Новгорода, наша гордость, была весной 1919 года истреблена казаками Краснова из-за умышленной ошибки своего командования. Мы арестовали семьи подозреваемых офицеров и держали их как заложников. Впрочем, угрозы оказалось достаточно»¹²⁵⁹. Из этих слов следует, что отдельные случаи взятия заложников имели место, но не приводили к серьезным последствиям для арестованных, поскольку дело не шло дальше угроз.

Спустя несколько лет после Гражданской войны Троцкий комментировал смысл подобных суровых приказов (в первую очередь, приказов о расстрелах комиссаров): «Это не был приказ о расстреле, это был тот обычный нажим, который тогда практиковался. У меня здесь есть десятки такого же рода телеграмм Владимира Ильича... Это была обычная в то время форма военного нажима»¹²⁶⁰. Таким образом, речь шла об угрозах.

Окончательно проясняет вопрос важное свидетельство Троцкого, оставленное им много лет спустя, уже в Мексике. Тогда Троцкий посвятил заложничеству отдельный раздел «Революция и институт заложничества» своего очерка «Их мораль и наша», в котором писал: «Не будем настаивать здесь на том, что декрет 1919 г.¹²⁶¹ вряд ли хоть раз привел к расстрелу родственников тех командиров, измена которых не только причиняла неисчислимы человеческие потери, но и грозила прямой гибелью революции. Дело, в конце концов, не в этом. Если б революция проявляла меньше излишнего великодушия с самого начала, сотни тысяч жизней были бы сохранены. Так или иначе, за декрет 1919 г. я несу полностью ответственность. Он был необходимой мерой в борьбе против угнетателей. Только в этом историческом содержании борьбы —

оправдание декрета, как и всей вообще Гражданской войны, которую ведь тоже можно не без основания назвать “отвратительным варварством”»¹²⁶². Таким образом, Троцкий вновь и уже более определенно высказался, что, несмотря на отдельные случаи арестов членов семей военспецов, более серьезных репрессий в их отношении не практиковалось.

Фактически заложничество членов семьи было крайне жестоким, слишком сложным и при этом неэффективным средством борьбы. Неотъемлемыми составляющими заложничества должны были являться эффективная связь фронта и мест призыва, а также доведение сведений о нем до заинтересованных лиц и предъявление им соответствующих условий освобождения заложников. Требовалось не только установить факт измены, а не простого исчезновения или гибели в сложной боевой обстановке того или иного военспеца (что было нелегко), необходимо было, кроме того, определить местонахождение его семьи (что в случае заранее подготовленной измены было практически невозможно), завязать переписку с тылом о ее аресте, осуществить арест, а затем обнародовать сведения о взятии семьи в заложники и, видимо, выдвинуть какие-то требования. В противном случае механизм не работал. Кроме того, дальше нескольких арестов с последующим освобождением заложников дело не шло.

Изначальный замысел Троцкого, очевидно, сводился к запугиванию тех, кто еще не перебежал к противнику. Возведенными в систему арестами членов семей перебежчиков, наверное, можно было запугать еще колеблющихся военспецов, но едва ли такие действия могли остановить людей, готовых бороться до конца. Реальных рычагов воздействия на белых офицеров, даже оставивших свои семьи на советской территории, у красных не было. Заложничество членов семей белогвардейцев и перебежчиков с предъявлением им требований через линию фронта было бессмысленным и, вероятно, даже не рассматривалось большевистским руководством.

Репрессии против семей уже перебежавших к противнику лиц могли только озлобить перебежчиков, дав им дополнительный стимул в борьбе с большевиками. Активные контрреволюционеры при этом не ликвидировались, а преследованиям подвергались лишь невинные и беззащитные члены семьи. Подобный подход противоречил логике даже наиболее радикальных чекистов, считавших, что «в таком деле половинчатость хуже всего, она озлобляет врага, не ослабив его»¹²⁶³.

Именно поэтому в роли заложников в Советской России, особенно в 1918 г., скорее могли оказаться сами бывшие офицеры, нежели их семьи.

В ранг системы репрессии против семей военспецов возвести не удалось. Кроме того, единичные случаи арестов членов семей военспецов практически не имели для них далеко идущих последствий, так как обычно арестованных освобождали. На уровне угрозы заложничество семей действительно выглядело устрашающе, но попытка реализовать эту угрозу провалилась. Красные не располагали данными обо всех семьях белых офицеров и перебежчиков, а учет семейного положения десятков тысяч военспецов оказался слишком сложным и не был должным образом осуществлен. Ведавшие учетом кадров специалисты, по всей видимости, препятствовали взятию семей на учет и саботировали аресты членов семей перебежчиков. Взятие заложников из семей военспецов могло озлоблять бывших офицеров, но не способствовало борьбе с контрреволюцией. Возможно, советское руководство также понимало, что, начав террор против семей, оно рискует столкнуться с ответной реакцией белых.

Итак, в силу ряда объективных причин репрессии в отношении семей военспецов не получили распространения в Советской России. Если бы подобные меры практиковались красными, антибольшевистская печать не стала бы их замалчивать, а, наоборот, многократно преувеличивая, старалась придать им максимальную огласку. Однако ничего подобного не было. Даже в антибольшевистских источниках упоминания о заложничестве семей военспецов единичны, а достоверность их не поддается проверке. Разумеется, нельзя в полной мере исключать отдельных эксцессов в обстановке Гражданской войны, но нельзя не признать, что подобные репрессии не носили системного характера.

ПОЧЕМУ ПОБЕДИЛА КРАСНАЯ АРМИЯ

Для оценки итогов Гражданской войны и всего советского периода истории России важно детально разобраться в причинах победы большевиков и Красной армии в той войне. Эти причины особенно ярко прослеживаются при сравнительном анализе военной политики большевиков и их противников.

ВОЖДИ

Во главе белых армий стояли в основном старшие офицеры и генералы старой армии. Красные тоже сумели привлечь в свои ряды дореволюционный командный состав, однако обоснованно никогда ему не доверяли всей полноты военной власти, не говоря о власти политической. Военной политикой Советской России руководили сами большевики, а не их военные специалисты. Как показала практика Гражданской войны, большевики оказались лучшими организаторами по сравнению со старым офицерством, которое традиционно отличалось отсутствием инициативы, инертностью и следованием шаблонам. Полковник А.А. фон Лампе писал о генерале А.И. Деникине: «Хотя Деникин и очень порядочный человек, но несомненно узкий и никакого государственного масштаба не имеет... это не диктатор и не повелитель, это честный исполнитель, хотя бы и своих собственных решений, но и только»¹²⁶⁴. В Красной армии над такими честными исполнителями, даже на уровне высшего комсостава, стояло более чем энергичное политическое руководство, которое успешно занималось координацией политических и военных задач и подталкивало военспецов к активной работе. Политическое руководство белого лагеря было представлено деятелями либерального и эсеровского толка, оказавшимися еще по опыту 1917 г. абсолютно неспособными к созидательной государственной работе в условиях

кризиса и обладавшими сомнительной репутацией в глазах офицерского корпуса¹²⁶⁵.

Большевики тоже неоднозначно воспринимались офицерством, но при этом многие представители первого эшелона большевистской партии за время Гражданской войны проявили выдающиеся организационные способности и недюжинную энергичность, чего нельзя сказать о политической элите их противников. Деятельность военного и гражданских ведомств Советской России с 30 ноября 1918 г. координировал Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с В.И. Лениным. Не имея опыта государственного управления, Ленин сумел обеспечить удержание власти в своих руках и подавить оппозицию в партийной верхушке, определял стратегическое развитие государства и его армии на длительную перспективу, наладил стабильную работу центрального аппарата управления, способствовал успешной организации советского тыла. Стоявший во главе РВСР и Наркомата по военным и морским делам Л.Д. Троцкий, не будучи военным специалистом, сумел фактически с нуля организовать Красную армию, превратив ее в эффективную и мощную вооруженную силу. Член ЦК и член РВСР И.В. Сталин выправлял положение на проблемных фронтах, требовавших немедленного вмешательства и принятия чрезвычайных мер, внес вклад в боевое обеспечение РККА. «Профессиональный революционер» А.И. Рыков на постах чрезвычайного уполномоченного Совета рабочей и крестьянской обороны по снабжению РККА и председателя ВСНХ сыграл крупную роль в организации продовольственного обеспечения РККА, в деле национализации, централизации и налаживания работы советской военной промышленности. При этом аппарат чрезвычайного уполномоченного к 1921 г. насчитывал всего около 500 человек¹²⁶⁶.

Вот как характеризовал Рыкова резко антибольшевистски настроенный невозвращенец бывший заместитель наркома внешней торговли Г.А. Соломон (Исецкий): «Рыков, во всяком случае, представляет собой крупную фигуру в советском строе... считаю его человеком крупным, обладающим настоящим государственным умом и взглядом. Он понимает, что время революционного напора прошло. Он понимает, что давно уже настала пора сказать этому напору "остановись!" и приступить к настоящему строительству жизни... Человек очень умный и широко образованный, с положительным мышлением, он в Советской России не ко двору...»¹²⁶⁷ Разумеется, последнее сужде-

ние объясняется разоблачительным пафосом автора по отношению к советской системе.

Обратимся к тем оценкам, которые давали советскому руководству офицеры русской армии — люди, не испытывавшие к ним никакого пиетета, уважение которых большевикам нужно было еще завоевать. Интересно наблюдение из дневника противника большевиков полковника фон Лампе от 18 (31) мая 1920 г.: «В Трапезунде кричат: “Да здравствует Ленин, Энвер и Таалат!” Люди сумели распространить свое влияние и на Азию! Я нахожу, что в интенсивности работы мы, старый господствующий класс, оказались совершенно неспособными!»¹²⁶⁸ Такое признание со стороны врага дорогого стоит!

Советский главком, бывший полковник С.С. Каменев, дал следующую оценку высшего звена политработников РККА периода Гражданской войны: «Исключительный подбор членов РВС фронтов, армий и комиссаров дивизий и частей положительно бросался в глаза. Нужно было большое знание качеств тех товарищей, которые получали ответственные назначения в Красной армии, и Владимир Ильич знал каждого из них.

Ближе я знал членов РВС фронта и армий, почему мои впечатления складывались главным образом по этим товарищам. Знакомство этих товарищей с военным делом меня, достаточно искусственного в этой специальности, сплошь и рядом удивляло. В отношении же их боевых качеств: самоотверженности, находчивости, решимости, смекалистости — они были положительно выкованы и закалены по одной школе, по одному образцу. Можно было бы привести тысячи примеров, подтверждающих сказанное. Самым же веским доказательством является то, что многие из членов РВС были позднее назначены командующими армиями и хорошо справлялись с делом управления войсками. Очень многие комиссары частей заняли посты командиров этих частей и были прекрасными командирами»¹²⁶⁹. И хотя за этой высокой оценкой вполне могло скрываться стремление польстить большевистской верхушке, факт остается фактом.

Удивительно похожую оценку командовавшему войсками Московского военного округа большевику Н.И. Муралову дал бывший генерал-майор В.К. Гондель: «Как в первый, так и во все последующие мои доклады Муралову, я удивлялся, как этот, совершенно не военный человек, быстро разбирался в специально хозяйственно-админи-

стративных вопросах, быстро давал им правильную оценку и делал краткое, энергичное и верное резюме»¹²⁷⁰. Эти свидетельства не могут не привести к выводу о выдающихся организационных способностях и серьезном интеллектуальном потенциале высшего большевистского военно-политического руководства.

Аналогично выглядит характеристика М.В. Фрунзе его многолетним соратником, бывшим генерал-майором Ф.Ф. Новицким. По мнению Новицкого, Фрунзе «обладал удивительной способностью быстро разбираться в самых сложных и новых для него вопросах, отделять в них существенное от второстепенного и затем распределять работу между исполнителями сообразно со способностями каждого. Он умел и подбирать людей, как бы чутьем угадывая, кто на что способен...»¹²⁷¹

Важнейшим фактором победы большевиков было, с одной стороны, их внутреннее единство (единый военно-политический центр и, несмотря на отдельные разногласия, единство партийной доктрины, а также установленное декретом от 1 июня 1919 г. военное и хозяйственное единство социалистических республик, позволявшее интегрировать в эту систему новых союзников). Подобного единства не было в антибольшевистском лагере, погрязшем во внутренних конфликтах и противоречиях. С другой стороны, на победу работала способность большевиков идти на компромиссы и временные союзы даже с враждебными силами. Например, такой временный союз у большевиков существовал с анархистами «комбрига», как его именовали в РККА, Н.И. Махно, которых красное командование безуспешно пыталось весной 1919 г. инкорпорировать в РККА путем введения твердой дисциплины (достичь этого Троцкий рассчитывал путем присылки в «анархистские банды» махновцев отрядов партработников, чекистов, матросов и рабочих)¹²⁷². Аналогичный союз красные были готовы заключить в конце 1919 г. даже с лидером украинских националистов С.В. Петлюрой¹²⁷³. Военно-политический союз красные заключили и с башкирскими националистами, позднее лишив их самостоятельности и упразднив башкирскую армию¹²⁷⁴. На протесты башкирского лидера А.-З. Валидова Ленин ответил: «Договор, подписанный с вами, никого ни к чему не обязывает — это просто клочок бумаги... Не к лицу вам спорить о бумаге, которая некогда вынужденно была подписана...»¹²⁷⁵ Даже если эти слова позднее приписал Ленину сам башкирский лидер,

они достаточно точно отражают отношение большевиков к своим временным попутчикам.

Как свидетельствовал впоследствии Л.Д. Троцкий, «Ленин, как и я, не был военным. Но мы пытались решать военные вопросы при помощи нашего хорошего марксистского образования, жизненного опыта и, с позволения сказать, здравого смысла»¹²⁷⁶.

Сильной стороной Троцкого как вождя Красной армии, несмотря на отсутствие у него военного образования, было четкое понимание стратегии Гражданской войны. В этом вопросе он значительно превосходил даже старых военных специалистов с академическим образованием, которые плохо понимали социальную природу Гражданской войны. Это превосходство Троцкого особенно ярко проявилось в ходе дискуссии о советской стратегии на Южном фронте летом — осенью 1919 г., когда главком Каменев спланировал нанесение главного удара при наступлении через казачьи районы, где красные столкнулись с ожесточенным сопротивлением местного населения. Тем временем белые добились значительных успехов на главном для них курском направлении, чем поставили под угрозу само существование Советской России. Идея Троцкого заключалась в том, чтобы отделить казаков от добровольцев путем нанесения главного удара именно на курско-воронежском направлении. Однако тогда партийное руководство его не поддержало¹²⁷⁷. В конце концов, РККА перешла к реализации плана Троцкого, но это произошло лишь после нескольких месяцев бесплодных попыток воплотить в жизнь план Каменева.

На угрожаемые участки фронта в годы Гражданской войны регулярно отправлялись высшие партийные руководители, не исключая членов Политбюро ЦК (например, Троцкого и Сталина). Обычно эти меры давали положительный результат, особенно в случае Троцкого, который показал себя талантливым организатором, понимавшим природу Гражданской войны и методы управления в ее условиях, а также человеком, умевшим находить общий язык с военспецами.

В чем был смысл подобных командировок при том, что на этих фронтах и так имелись свои военные и политические руководители? Чрезвычайные комиссары ЦК выполняли функции прямого управления на местах, которое является отечественной исторической традицией. Троцкий позднее вспоминал о своих поездках на фронты: «Огляды-

ваясь на три года Гражданской войны и просматривая журнал непрерывных своих поездок по фронту, я вижу, что мне почти не пришлось сопровождать победоносную армию, участвовать в наступлении, непосредственно делить с армией ее успехи. Мои поездки не имели праздничного характера. Я выезжал только на неблагополучные участки, когда неприятель прорывал фронт и гнал перед собою наши полки. Я отступал с войсками, но никогда не наступал с ними. Как только разбитые дивизии приводились в порядок и командование давало сигнал к наступлению, я прощался с армией для другого неблагополучного участка или возвращался на несколько дней в Москву, чтоб разрешить накопившиеся вопросы в центре»¹²⁷⁸.

«Конечно, этот метод нельзя назвать правильным, — отмечал Троцкий в другой своей работе. — Педант скажет, что в снабжении, как и во всем вообще военном деле, важнее всего система. Это правильно. Я сам склонен грешить скорее в сторону педантизма. Но дело в том, что мы не хотели погибнуть прежде, чем нам удастся создать стройную систему. Вот почему мы вынуждены были, особенно в первый период, заменять систему импровизациями, чтобы на них можно было в дальнейшем опереть систему»¹²⁷⁹.

Например, чем занимался Троцкий в период обороны Петрограда осенью 1919 г.? Документы свидетельствуют о том, что он обеспечивал своим авторитетом поставку всего необходимого для оборонявшейся «Колыбель революции» 7-й армии, то есть занимался проблемами снабжения армии, решал кадровые вопросы, осуществлял стратегическое планирование (например, выдвинул весьма дельные предложения по превращению Петрограда в неприступную крепость¹²⁸⁰ или заблаговременно поднял вопрос о перспективах отношений с эстонцами при разгроме армии Юденича и отходе ее в Эстонию) и общее верховное управление, а также наставлял военное и политическое руководство и, как отмечал сам Троцкий, давал «толчок инициативе фронта и ближайшего тыла»¹²⁸¹. Помимо этого Троцкий со свойственной ему кипучей энергией проводил митинги, произносил речи, писал статьи. Польза от его присутствия в Петрограде была несомненной.

Сам Троцкий писал о достижениях первых дней под Петроградом: «Командный состав, втянувшийся в неудачи, пришлось перетряхнуть, освежить, обновить. Еще большие перемены произведены были в коммиссарском составе. Все части укреплялись изнутри коммунистами.

Прибывали и отдельные свежие части. На передовые позиции выброшены были военные школы. В два-три дня удалось подтянуть совсем опустившийся аппарат снабжения. Красноармеец плотнее поел, сменил белье, переобулся, выслушал речь, встряхнулся, подтянулся и — стал другим»¹²⁸².

Любопытно, что уже в это время Троцкий выработал универсальную формулу побед в Гражданской войне. 16 октября 1919 г. он писал бывшему генералу Д.Н. Надежному, которому было поручено командование 7-й армией: «Как всегда в подобных случаях, мы и на этот раз достигнем необходимого перелома при помощи мер организационного, агитационного и карательного характера»¹²⁸³. Подобные суждения свидетельствуют о глубоком понимании Троцким методов достижения успеха в боевых операциях Гражданской войны. Хотя Троцкий в этой фразе несколько упростил слагаемые военного успеха красных, попробуем комплексно рассмотреть, что же они собой представляли.

ОРГАНИЗАЦИЯ

Основными принципами, приведшими большевиков к военному успеху в Гражданской войне, были: системность, масштабность и строгая централизация. Несмотря на исключения, только подтверждавшие правило, эти принципы у большевиков касались практически всех военных и связанных с ними вопросов.

Важным преимуществом нового режима стала возможность опереться на готовый аппарат управления старой армии. Так, например, штаб Высшего военного совета активно пополняли бывшие чины Ставки Верховного главнокомандующего, а позднее на основе штаба совета возник Полевой штаб РВСР. Фронтовые и армейские штабы старой армии использовались большевиками при формировании управлений военных округов¹²⁸⁴. Конечно, бюрократизация большевистского военного аппарата была немалой (штат одного только Всероссийского главного штаба к 15 сентября 1920 г. предусматривал 4247 сотрудников¹²⁸⁵, к 1 января 1922 г. штатный состав центральных органов военного управления включал уже 12 583 должности, а окружные управления предусматривали еще 31 492 должности¹²⁸⁶),

однако, например, создание параллельных структур, таких, как Полевой штаб РВСР и Всероссийский главный штаб, имело свои преимущества. Первый сосредотачивался на работе фронта, а второй — на военном строительстве в тылу.

21 марта 1918 г. в Красной армии было отменено выборное начало. 22–23 марта 1918 г. на совещании Высшего военного совета, на котором председательствовал помощник военного руководителя С.Г. Лукирский, было принято решение о том, что основным соединением РККА станет дивизия. В двадцатых числах апреля 1918 г. были опубликованы штаты частей и соединений. В те же дни была завершена работа над планом формирования и развертывания миллионной армии.

Как известно, эскалация Гражданской войны привела к отказу от добровольческих начал формирования РККА и принципов партизанства, чем был положен камень в основание будущей победы в Гражданской войне. Уже в начале июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов постановил, что каждый гражданин в возрасте от 18 до 40 лет должен защищать Советскую Россию. После этого фактически началось формирование массовой Красной армии. Весной 1918 г. в Советской России появились военные округа. Первоначально их было семь, а по мере расширения территории к сентябрю 1920 г. стало двенадцать. Вплоть до осени 1918 г. большевики еще не пришли к жесткой централизации в военных вопросах, в том числе в вопросе мобилизации, что вело к хаосу из-за самочинных действий местных властей. Тем не менее постепенно предпринимались значимые шаги, направленные на укрепление новой армии.

За период с июля по ноябрь 1918 г. была налажена работа местных военных комиссариатов (до 7000 волостных, 385 уездных, 39 губернских и 7 окружных¹²⁸⁷). Но первых настоящих успехов в военном строительстве удалось добиться лишь к концу 1918 г., когда РККА включала уже 13 полевых армий, а на фронтах действовали 42 стрелковых и 3 кавалерийских дивизии¹²⁸⁸. Наличие в дивизиях таких единиц, как стрелковые бригады, повышало оперативные возможности РККА. Серьезным испытанием новой системы стало отражение наступления колчаковских армий на Восточном фронте весной 1919 г. За период с 1 апреля по 15 мая 1919 г. Восточный фронт получил около 50 тысяч бойцов, что предопределило разгром белых на этом направлении.

Думается, именно возможность долгосрочного стратегического планирования в вопросах военного строительства (элемент той же системности) стала еще одним из главнейших преимуществ большевиков. Фактически плановый подход большевиками практиковался как в народном хозяйстве, так и в военном деле, что не могло не приносить результата. Уже весной 1918 г. было намечено развертывание армии в 1 миллион человек¹²⁸⁹, что было достигнуто к февралю 1919 г., а в конце 1918 г. председатель Высшей военной инспекции Н.И. Подвойский с уверенностью озвучивал ленинский лозунг, выдвинутый в письме объединенному заседанию ВЦИК и Моссовета с представителями фабрично-заводских комитетов и профсоюзов от 3 октября 1918 г. о необходимости трехмиллионной Красной армии¹²⁹⁰. И эта цель через год была достигнута. В 1918–1920 гг. у красных была полная возможность последовательно реализовывать заранее намеченные планы развития армии и военной промышленности. У белых, прежде всего из-за внутренних неурядиц и разногласий, особенно периода 1918 г., последовательное долгосрочное планирование было практически неосуществимым.

В среднем РККА получала ежемесячно на пике Гражданской войны (весна — осень 1919 г.) по 130 тысяч бойцов¹²⁹¹. Эта цифра вполне сопоставима с общей численностью войск Деникина или Колчака. Всего с 15 мая по 1 октября 1919 г. в действующую армию по документам Всероссийского главного штаба было отправлено около 585 тысяч человек¹²⁹². Как отмечал главком Каменев, в советском военно-политическом руководстве существовало «твердое желание перейти в деле формирований от кустарных приемов к более организованным, скажем, “фабричным”»¹²⁹³. Иными словами, речь шла о постановке вопроса с пополнениями на поток. И большевики в этом преуспели. Неудивительно, что один из деникинских офицеров вспоминал о событиях февраля 1920 г.: «Несметные полчища конницы и пехоты начали атаковать наши позиции, и ввиду слабости наших сил и очень ограниченного количества бойцов нам пришлось отступить дальше»¹²⁹⁴.

Подготовка запасных войск и пополнений в РККА также была введена в систему. Первоначально запасные части создавались непосредственно при дивизиях. Параллельно велась работа по формированию запасных частей в военных округах. Однако из 11 стрелковых дивизий, формирование которых началось летом 1918 г., к концу года

в распоряжении главного командования оставалось только три¹²⁹⁵, остальные растаяли в боях. В марте 1919 г. в военных округах были сформированы управления запасных войск. В Поволжье в августе 1919 г. была развернута запасная армия, отправившая в действующую армию 2 стрелковых и 2 кавалерийских дивизии, 26 стрелковых и 4 кавалерийских бригады, 4 стрелковых и 16 кавалерийских полков, 30 эскадронов, 20 артдивизионов, 17 батарей, свыше 200 маршевых батальонов, 12 пулеметных команд, авиаотряд, понтонный батальон и т.д. В среднем через запасную армию прошло 34% всех пополнений¹²⁹⁶. Помимо подготовки запасных частей эта армия занималась также подавлением беспорядков в тылу¹²⁹⁷. Запасные армии вскоре стали создаваться при фронтах (всего четыре). В июле 1920 г. началось формирование запасных бригад. Белым до такой системности было очень далеко.

На протяжении 1918–1920 гг. Красная армия постепенно крепла и усиливалась. В октябре 1918 г. большевики могли выставить 30 пехотных дивизий, а в сентябре 1919 г. — уже 62. В начале 1919 г. имелось только 3 кавалерийские дивизии, а в конце 1920 г. — уже 22. Весной 1919 г. армия насчитывала порядка 440 тысяч штыков и сабель при 2000 орудий и 7200 пулеметах только в боевых частях¹²⁹⁸, а общая численность превысила полтора миллиона человек. Тогда было достигнуто превосходство в силах над белыми, которое с каждым днем все увеличивалось. К концу 1919 г. РККА включала уже 17 армий. К осени 1920 г. в РККА было разработано 29 различных уставов, еще 28 находились в работе.

При этом Троцкий отмечал, что «создать крепкую армию нельзя с налету. Затыкая и штопая дыры на фронте, делу не поможешь. Переброска отдельных коммунистов и коммунистических отрядов в наиболее опасные места может только на время улучшить положение. Спасение одно: преобразовать, реорганизовать, воспитать армию путем упорной, настойчивой работы, начиная с основной ячейки, с роты, и поднимаясь выше через батальон, полк, дивизию; наладить правильное снабжение, правильное распределение коммунистических сил, правильные взаимоотношения командного состава и комиссаров, обеспечить строгую исполнительность и безусловную добросовестность в донесениях*»¹²⁹⁹.

---

* Выделено в документе.

Таким образом, секрет успеха Троцкого заключался далеко не только в количестве штыков. Росло и качество армии, приобретшей обширный боевой опыт, крепла дисциплина. Бывший офицер Н.В. Воронович вспоминал о событиях 1920 г. в районе Сочи: «Впервые после 1918 года я увидел красноармейцев и был поражен их дисциплинированностью и военной выправкой, так резко отличавшей их от прежних разнуданных, необученных и наводивших страх даже на самих комиссаров, солдат красной гвардии.

Через некоторое время по приезде в Сочи я имел возможность еще более убедиться в коренной реорганизации Красной армии, которая нисколько не отличалась, а в некоторых отношениях была даже лучше организована, чем прежняя дореволюционная русская армия»¹³⁰⁰.

И действительно, дореволюционные начала, особенно в дисциплине, активно насаждались в новой армии усилиями ветеранов Первой мировой, прежде всего из нижних чинов, не боявшихся, в отличие от бывших офицеров, обвинений в принадлежности к контрреволюционерам и потому не стеснявшихся в средствах. Еще один мемуарист, бывший офицер, участник Белого движения П. Макушев, вспоминал о событиях 1920 г.: «Я узнал, что дисциплина в Красной армии строгая, и зуботычина, каковой наградили начдив Дыбенко писаря, который говорил с ним, имея папиросу в зубах, свидетельствовала, что личность совершенно на другом плане»¹³⁰¹. Ему же принадлежит и еще одно интересное свидетельство: «В первое время Майкоп отличался оживленностью и новизною ощущений: всюду плакаты, воззвания и пр., много новых лиц, по преимуществу военных. По главной улице проходит конница, бригада в полном составе. “Куда денкинской коннице до этой...”, — слышу сзади в толпе голос. Оборачиваюсь и... удивлению нет границ: в говорившем узнаю одного из помощников атамана М[айкопского] отдела. Потом его и всех оставшихся офицеров забрали и отвезли в концентрационный лагерь»¹³⁰².

К 1 января 1920 г. РККА на фронте и в тылу насчитывала 3 миллиона человек¹³⁰³. К 1 октября 1920 г. при общей численности РККА в 5 498 тысяч человек на фронтах находилось 2 361 тысяч человек, 391 тысяч в запасных армиях, 159 тысяч в трудовых армиях и 2 587 тысяч — в военных округах¹³⁰⁴. К 1 января 1921 г. РККА насчитывала 4 213 497 едоков, а боевой состав включал 1 264 391 человек, или 30%

от общего количества¹³⁰⁵. На фронтах находились 85 стрелковых дивизий, 39 отдельных стрелковых бригад, 27 кавалерийских дивизий, 7 отдельных кавалерийских бригад, 294 легких артдивизиона, 85 гаубичных артдивизионов, 85 полевых тяжелых артдивизионов (всего 4888 орудий разных систем)¹³⁰⁶. Всего в 1918–1920 гг. в Красную армию были призваны 6 707 588 человек¹³⁰⁷.

Успех советской мобилизации ярко обрисовал Л.Д. Троцкий: «Пока у них, у Дутова, Колчака, Деникина, были партизанские отряды из наиболее квалифицированных офицерских и юнкерских элементов, до тех пор они развивали большую ударную силу по отношению к их числу, ибо, повторяю, это элемент большого опыта, высокой военной квалификации. Но когда тяжелая масса наших построенных на мобилизации полков, бригад, дивизий, армий вынудила их самих перейти к мобилизации крестьян, чтобы массу противопоставить массе, тут заработали законы классовой борьбы. И мобилизация превратилась у них во внутреннюю дезорганизацию, вызвала работу сил внутреннего разрушения. Чтобы это проявить, вскрыть на деле, понадобились только удары с нашей стороны»¹³⁰⁸.

Важным преимуществом РККА была ее сравнительная социальная однородность (к концу Гражданской войны, на сентябрь 1922 г., в РККА служили 18,8% рабочих, 68% крестьян, 13,2% прочих¹³⁰⁹), тогда как белые армии имели более пестрый состав.

Большевики к осени 1919 г., несмотря на отсутствие поддержки казачества, почти полностью оказавшегося в антибольшевистском лагере, сумели создать у себя стратегическую конницу, сведенную первоначально в конный корпус, а затем и в Конную армию и ряд кавалерийских дивизий и бригад. К ноябрю 1919 г. красная конница насчитывала в своих рядах уже 447 тысяч человек (в ноябре 1918 г. — только 223 тысячи)¹³¹⁰.

Мобилизованы были и командные кадры в лице десятков тысяч «классово чуждых» бывших офицеров. В ноябре 1918 г. был издан приказ РВСР о призыве всех бывших обер-офицеров до 50 лет, штаб-офицеров до 55 лет и генералов до 60 лет. По итогам этого приказа РККА получила порядка 50 тысяч военных специалистов. Общая численность военспецов РККА была еще выше (к концу 1920 г. — до 75 тысяч человек¹³¹¹), но позднее стала сокращаться (по данным на 1922 г. уже только 21 500 человек¹³¹²). Привлечение большевиками в армию многомиллионной крестьянской массы, квалифицированных команд-

ных кадров, представленных бывшими офицерами, а также политработников-коммунистов, контролировавших военспецов, предопределило успех красных. В сочетании этих трех составляющих была сила, а не слабость новой армии. Стоит отметить, что значительной части крестьянства Красная армия казалась своей, обеспечивающей защиту крестьянских интересов (особенно в связи с непосредственной угрозой прихода белых и возвращения помещиков¹³¹³). Многие офицеры также служили в Красной армии идейно, уже по патриотическим соображениям борьбы с интервентами и врагами России¹³¹⁴. В высокой идейности самих большевиков сомневаться не приходится. В итоге крестьянство обеспечило армии массовость, офицерство — военный профессионализм, а большевики — решительность, революционный дух и политический контроль.

Использование военспецов сопровождалось рядом важных ограничений. Например, уже с 1918 г. на ответственных должностях в одном учреждении или штабе запрещалось служить близким родственникам¹³¹⁵.

Особую роль в деле создания Красной армии сыграли сотни бывших офицеров Генерального штаба, служивших красным не за страх, а за совесть. По свидетельству советского главкома бывшего полковника И.И. Вацетиса, «среди лиц Генерального штаба, особенно занимающих высшие ответственные посты, чувствуется большая усталость, нервная издерганность и упадок энергии. На них смотрят как на необходимое зло, которое временно необходимо использовать, а потом выбросить за борт, как выжатый лимон. Тем успехом, который нам удалось достичь при создании Красной армии и приведении ее на ратное поле, мы обязаны почти исключительно тому, что мне удалось в сентябре 1918 года поставить в ряды действующей армии на ответственные штабные должности, а равно и на крупные командные посты, лиц с академическим образованием и бывших офицеров Генерального штаба с большим научным и командным опытом старой армии. Без них, само собой разумеется, у нас не было бы никакой Красной армии и не было бы тех успехов, которых мы достигли. Это необходимо признать, и это колоссальнейшая заслуга бывших офицеров Генерального штаба...»¹³¹⁶ С этой точкой зрения, делая поправку на самовосхваление Вацетиса, нельзя не согласиться.

Красные военачальники, в отличие от белых, не отвлекались на решение многочисленных вопросов, находившихся в компетенции мест-

ной гражданской администрации, а целиком сосредотачивали свое внимание на боевых операциях. Еще одним важным преимуществом РККА была возможность выдвижения в ее рядах на руководящие посты «народных полководцев» — способных военных руководителей, например из числа бывших унтер-офицеров, что было практически невозможно в белом лагере. Эта категория командного состава была представлена такими фигурами, как В.И. Чапаев, С.М. Буденный, О.И. Городовиков, М.М. Лашевич и др.

Такой подход имел и свои минусы в виде невысокого образовательного ценза рекрутируемых командиров, хотя многие из них за годы Гражданской войны приобрели ценный практический опыт. К 1921 г. 41,55% командиров всех уровней до командиров взводов включительно вовсе не имели военного образования или же имели образование в пределах учебной команды, 26,17% окончили командные курсы и школы, 24,99% были офицерами военного времени старой армии, 3,71% кадровыми офицерами старой армии, 0,28% окончили старую академию Генштаба и 0,11% академию Генштаба РККА¹³¹⁷. Таким образом, массовая армия была создана большевиками при наличии в ней почти половины командиров без надлежащей подготовки — высококвалифицированные специалисты просто растворились в бескрайнем море командного состава, необходимого для такой армии. Справедливости ради, по тем же данным, в высшем комсоставе бывшие офицеры составляли более 70% общего числа командиров, в старшем комсоставе — около 58%. Коммунисты в высшем комсоставе составляли 41,1%¹³¹⁸.

Красные умело распоряжались и пленными белыми офицерами. После пленения такие офицеры ставились на особый учет (местный и центральный — в штабах округов и армий и во Всероссийском главном штабе соответственно), в обязательном порядке подвергались обработке на специальных ускоренных курсах политической подготовки (каждые курсы на 1000 человек) и призывались в армию, причем во избежание проблем служить должны были не на том фронте, где попали в плен. Например, перебежчики из Северо-Западной армии генерала от инфантерии Н.Н. Юденича в декабре 1919 г. отправлялись служить на Восточный фронт¹³¹⁹.

Вот что вспоминал ветеран Отдельной Оренбургской армии полковник Н.Н. Лесевицкий, позднее попавший в РККА: «Отношение было чисто братское... Я да и все мы должны были быть и были поражены

и изумлены власть[ю] зверей и насильников, какими мы представляли себе большевиков, людей, которые наслаждаются видом крови и залили ею Россию; мы встретили великодушного противника, сразу забывшего все наши вины и давшего почти каждому из нас возможность работать. Арестованы и препровождены в центр были очень немногие из нас и то исключительно люди, так или иначе причастные к контрразведке...»¹³²⁰

Продуманностью отличались и другие вопросы в отношении пленных. Например, общее число бывших белых офицеров в одной части не должно было превышать 15% наличного комсостава. Запрещалось назначать офицеров на службу в ту местность, где произошло пленение или добровольная сдача, предписывалось также избегать назначений по месту рождения или постоянного жительства¹³²¹. Особо отмечалось, что недопустимо отступать от этого принципа в отношении казаков. В течение первого года службы бывшие белые офицеры не имели права пользоваться отпуском, но в остальном обладали теми же правами, что и прочие командиры. По истечении года службы, если не происходило каких-либо эксцессов, они снимались с особого учета и далее уже могли продолжать служить на общих основаниях.

Похожих принципов большевики старались придерживаться и в отношении рядового состава — пленные и призывники не могли служить по месту пленения или призыва, в противном случае была велика вероятность дезертирства. Перешедшая на сторону красных летом 1919 г. Башкирская бригада была с этой целью направлена под Петроград. Пленных оренбургских казаков направляли на Юг России, на польский и врангелевский фронты. Существовали специальные распоряжения, регламентировавшие эту прописную истину, например, в отношении тех же пленных казаков. В августе 1919 г. этим правилом руководствовались и местные органы военного управления, в частности на Восточном фронте. В одном из документов прямо говорилось: «Окрвоенком* всех поступивших в его распоряжение пленных и перебежчиков направляет в ряды Красной армии на любой из фронтов, за исключением того фронта, на котором совершено пленение или перебежка»¹³²². Трудно даже описать, сколько проблем и неудач из-за несоблюдения этих принципов испытали белые, особенно в казачьих областях.

---

* Окружной военный комиссариат.

Важнейшим контролирующим органом была Высшая военная инспекция. К сожалению, ее обширная и разнообразная деятельность, особенно в 1918–1919 гг., когда Красная армия только зарождалась, еще не получила должной оценки исследователей. Между тем достаточно беглого знакомства с огромным по своему объему архивным фондом инспекции в РГВА, чтобы понять, что ее работа была колоссальной и затрагивала все стороны строительства РККА. Именно благодаря Высшей военной инспекции советское военно-политическое руководство своевременно получало информацию о различных проблемах и недостатках в самых разных отраслях военного дела и могло своевременно решать эти вопросы. Высокопрофессиональной работе инспекции способствовало привлечение к работе в ней опытных и квалифицированных специалистов Генерального штаба.

Военные операции Красной армии отличались системностью. Как отмечал советский главком С.С. Каменев, «в войне современных больших армий для действительного разгрома противника нужна сумма непрерывных и планомерных побед на всем фронте борьбы, последовательно дополняющих одна другую и связанных между собою во времени... Наша 5-я армия была почти сведена на нет адмиралом Колчаком. Деникин произвел чуть ли не разгром всего правого фланга Южного фронта. Врангель растрепал до последнего нашу 13-ю армию. И все же победа осталась не за Колчаком, не за Деникиным и не за Врангелем. Победила та сторона, которой удалось суммировать свои удары, нанося таковые непрерывно и тем самым не позволив противнику залечить свои раны»¹³²³.

Нужно также учитывать, что блокада Советской России и успехи Деникина и Колчака в 1919 г. привели к ухудшению продовольственного положения красных и, наоборот, к улучшениям у белых. Отступление вело к потерям не только продовольствия, но и людских ресурсов, промышленности, вооружения и военной техники. Не случайно в ходе наступления силы и средства армий Деникина, несмотря на тяжелые бои, постоянно возрастали. Тем не менее сжатая до предела советская пружина сумела распрявиться и нанести мощный удар по своим противникам. Стоило начаться отступлению, как деникинская армия и ее ресурсы стали неумолимо таять. Горячий противник большевиков, участник Белого движения на Юге России полковник фон Лампе записал в дневнике осенью 1919 г. о стратегии красных и белых: «У них я все же вижу план — отход в центре и давление на фланги, а у нас реши-

тельно ничего — рви вперед и уверяй всех, что Красная армия, дающая контрудары в штыки, развалилась»¹³²⁴. К сожалению для белых, Лампе был прав, авантюристическая стратегия не могла привести к успеху, а одних чудес храбрости было недостаточно.

Наконец, именно Красная армия и стоявшие за ней большевики в конечном итоге выступили собирателями земель бывшей Российской империи. Не случайно один из военспецов после разгрома Деникина в кругу бывших офицеров, в том числе недавних белогвардейцев, заявлял: «Нет, не деникинцы соберут русскую землю... мы соберем... Увидите, скоро пойдем за Грузией и Арменией»¹³²⁵. И действительно скоро пошли.

Эти суждения перекликаются с провидческими оценками великого князя Александра Михайловича Романова в 1920 и 1933 гг.: «Когда ранней весной 1920-го я увидел заголовки французских газет, возвещавшие о триумфальном шествии Пилсудского по пшеничным полям Малороссии, что-то внутри меня не выдержало, и я забыл про то, что и года не прошло со дня расстрела моих братьев. Я только и думал: “Поляки вот-вот возьмут Киев! Извечные враги России вот-вот отрежут империю от ее западных рубежей!”. Я не осмелился выражаться открыто, но, слушая вздорную болтовню беженцев и глядя в их лица, я всей душою желал Красной армии победы... Мне было ясно тогда, беспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что еще мои сыновья увидят тот день, когда придет конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картографам придется немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке»¹³²⁶. Пророчество великого князя сбылось раньше, чем он предполагал.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ АРМИИ

Важнейшим преимуществом Советской России была ее опора на промышленно и культурно развитый, густонаселенный центр страны. За спиной у белых была слабо развитая сеть железных дорог (особенно на Севере и Востоке), упиравшаяся в море. В условиях дезорганизации белого тыла и отсутствия налаженного снабжения иностранные военные поставки морским путем не были в полной мере использованы противниками большевиков. В центре было не просто больше людей, центр обладал и значительным превосходством над окраинами в квалифицированных кадрах, в том числе военных. К тому же большевики получили в свое распоряжение фактически все органы высшего управления старой армии, что сразу позволило им опереться на готовый аппарат. Также под их контролем оказалась и прифронтовая полоса, по крайней мере Северного и Западного фронтов Первой мировой с сосредоточенными там военными запасами.

Подконтрольная большевикам территория центра обладала густой сетью железных дорог, тогда как, например, Колчак опирался на единственную Транссибирскую железнодорожную магистраль, антибольшевистские силы на Севере России также были вынуждены опираться на единственную железную дорогу. Наличие развитой транспортной сети, важное в условиях маневренной войны, позволяло большевикам действовать по внутренним операционным направлениям, осуществляя переброску сил, техники и запасов на угрожаемые участки. К примеру, в августе 1918 г. с Балтики на Волгу по Мариинской водной системе за 20 дней были переброшены четыре миноносца («Поражающий», «Прочный», «Прыткий» и «Ретивый»), часть из них составила ударную силу Волжской военной флотилии и уже через пять дней принимала участие в боях¹³²⁷. Через боевую работу на нескольких фронтах прошли 71,5% дивизий РККА¹³²⁸. Однако недостатком центра помимо разрухи на транспорте было отсутствие топлива и сырья для промышленности, тогда как этими ресурсами как раз были богаты контролировавшиеся антибольшевистскими силами окраины.

При таких условиях вопрос снабжения РККА всем необходимым, включая продовольствие, фураж, топливо, оружие, боеприпасы, обмундирование, конский состав, технические средства и т.д., приобрел определяющее значение для исхода всей войны. Большевистские вожди

прекрасно это понимали и действовали соответственно значимости вопроса. Прежде всего, в промышленности и снабжении был взят курс на централизацию производства и распределения, широкое применение чрезвычайных мер политики «военного коммунизма». Плановое снабжение РККА продовольствием осуществлялось за счет продразверстки, под которую в 1918 г. подпадали хлеб и зерновой фураж, а в 1919–1920 гг. все продукты сельского хозяйства при условии запрета торговли¹³²⁹. В 1918 г. большевиками был проведен целый комплекс важнейших мероприятий: осуществлены национализация и мобилизация военной и других отраслей промышленности, централизовано управление ею, взяты на учет квалифицированные рабочие кадры, проведена в жизнь милитаризация труда (перевод рабочих и служащих на положение мобилизованных с прикреплением к предприятиям, самовольное оставление которых приравнивалось к дезертирству). На советской территории к сентябрю 1919 г. действовало 59 военных заводов, 330 предприятий обеспечивали интендантское снабжение армии. К маю 1920 г. красноармейским пайком обеспечивались 226 тысяч рабочих.

Для сравнения, антибольшевистские силы в своем распоряжении военных заводов практически не имели, рассчитывая на поставки союзников и трофеи. В Сибири военной промышленности не было вообще. Когда красные захватили Луганский патронный завод, казаки при отступлении сумели вывезти лишь 600 тысяч патронов и 200 тысяч руб.¹³³⁰ Ранее завод находился на территории независимой Украины и также был недоступен для белых. Кроме того, часть оборудования и запасов завода была вывезена немцами осенью 1918 г. при оставлении Украины¹³³¹. Пермский оружейный завод белые захватили лишь в конце 1918 г., но производительность его по сравнению с дореволюционным периодом резко упала. Немногочисленные имевшиеся в распоряжении белых предприятия работали из рук вон плохо, а ресурсы использовались нерационально.

Такой подход усугубляли внутренние разногласия, раздиравшие антибольшевистский лагерь. Наиболее вопиющий пример — события лета — осени 1918 г. в Поволжье, когда правительство Комуча из-за конфронтации с Временным Сибирским правительством предпочло все военные заводы и склады оставить красным, чем эвакуировать их на восток с перспективой отдать сибирякам. Красным тогда достались в Казани несколько тысяч пудов пороха и около сотни полевых орудий; в Симбирске — оборудование двух патронных заводов с запасом ме-

талла и полуфабрикатов на 100 миллионов патронов; в Иващенко — завод взрывчатых веществ, капсюльный завод, артиллерийские склады, запасы взрывчатых веществ на два миллиона снарядов, миллионы пустых и готовых снарядов, взрывателей, втулок и трубок; в Самаре — большой трубочный завод с запасом латуни на 700 тысяч пудов, пороховой завод и т.д.¹³³² При отступлении от Орска, в районе которого заканчивалась железнодорожная линия, весной 1919 г. белые не смогли эвакуировать и бросили около 90 тысяч снарядов — фактически все запасы Отдельной Оренбургской армии¹³³³. Красные, впрочем, также не смогли воспользоваться этими трофеями в полном объеме и были вынуждены половину уничтожить.

Данные о выпуске оружия и боеприпасов на советской территории в 1919 г. следующие. Было выпущено 460 055 винтовок, 77 560 револьверов, свыше 340 миллионов винтовочных патронов, 6256 пулеметов, 22 229 шашек, 152 трехдюймовых орудия, 83 трехдюймовых орудия других типов (зенитные, горные, короткие), 24 42-линейные скорострельные пушки, 78 48-линейных гаубиц, 29 шестидюймовых крепостных гаубиц, около 185 тысяч снарядов, 258 аэропланов (еще 50 отремонтировано). Эти цифры свидетельствуют об огромном потенциале советского военно-промышленного комплекса в это время. В 1920 г. выпущено было 426 994 винтовки (около 300 тысяч отремонтировано), 38 252 револьвера, свыше 411 миллионов винтовочных патронов, 4459 пулеметов, 230 трехдюймовых орудий, 58 трехдюймовых орудий других типов, 12 42-линейных скорострельных пушек, 20 48-линейных гаубиц, 35 шестидюймовых крепостных гаубиц, 1,8 миллиона снарядов¹³³⁴.

Все это производилось в условиях продовольственного, топливного и транспортного кризиса, нехватки сырья (латунь, свинец и т.д.), инструментов, квалифицированных рабочих, при колоссальной изношенности оборудования за время двух войн. По официальным данным, выпуск винтовок на Тульском и Ижевском заводах в 1919 г. составил 39% выпуска 1916 г. (пик военного производства в дореволюционной России), в 1920 г. этот показатель снизился до 36%¹³³⁵. По производству пулеметов Тульский завод, являвшийся монополистом, в 1919 г. давал 57% объема 1916 г., а в 1920 г. — 41,3%. Намного хуже обстояло дело с выпуском револьверов — 27% и 21,3% уровня 1916 г. по 1919 и 1920 гг. соответственно¹³³⁶. По производству винтовочных патронов Тула в 1919 г. вышла на 81,6% выпуска 1916 г., в 1920 г. выпуск составил 78,4%. Симбирский завод в 1919 г. давал 15% выпуска 1916 г., а в 1920 г. — 20%.

Луганский завод, неоднократно переходивший из рук в руки, в 1920 г. дал лишь 8% производства 1916 г.¹³³⁷

В условиях нехватки оружия и боеприпасов большевики пошли на беспрецедентные меры регламентации. К примеру, в феврале 1919 г. Архангельский губвоенкомат требовал от Онежского уездного комиссариата сдать излишки оружия, револьверы могли быть оставлены только членам коллегий военных комиссаров, а членам партии разрешалось иметь по одной винтовке и револьверу, лучшее отдавали РККА — необходимые для унифицированного вооружения массовой армии трехлинейки подлежали сдаче и замене иностранными винтовками¹³³⁸.

Несмотря на более низкую плотность огня в Гражданскую войну в сравнении с Первой мировой, не следует забывать, что расход боеприпасов в огромной РККА все равно был весьма значителен. Для одной только 6-й армии, оборонявшей советский Север, весной 1919 г. ежемесячно требовалось 10 тысяч трехдюймовых снарядов двух видов¹³³⁹. При этом боевые действия на Севере не отличались особой интенсивностью. Только за период с июля по ноябрь 1919 г. РККА израсходовала 197,7 миллиона русских патронов, 20,9 миллиона японских патронов, 1,5 миллиона трехдюймовых снарядов, 200 тысяч снарядов других калибров¹³⁴⁰.

На начало 1919 г. дивизии РККА, по сведениям Полевого штаба РВСР, были обеспечены артиллерией лишь на 40%¹³⁴¹. К 1 мая 1919 г. обеспеченность РККА пулеметами составляла 50% штатной¹³⁴². К началу 1920 г. на фронтах имелось около 600 тысяч винтовок, 7500 пулеметов и 4500 орудий¹³⁴³. В 1920 г. в среднем на стрелковую дивизию РККА приходилось до 150 пулеметов и до 28 орудий, или 37,5 пулемета и 7 орудий на тысячу штыков.

В мае 1920 г. РВСР считал, что для минимального обеспечения безопасности страны ежемесячный объем производства должен составлять 50 миллионов патронов и 50 тысяч винтовок¹³⁴⁴. Как видно, этого уровня тогда достичь не удалось. Но большевики настойчиво пытались преодолеть патронный кризис. 4 июня 1919 г. РВСР постановил приступить к изготовлению патронов с уменьшенным выстрелом из стреляных гильз¹³⁴⁵. Во второй половине 1920 г. было запущено производство патронов на новом Подольском заводе. Нехватка свинца для пуль привела к организации производства пуль из томпака, для чего были разработаны соответствующие чертежи, проведены обширные опыты и но-

вая разработка запущена в массовое производство. Наконец, ближе к концу Гражданской войны было обращено внимание на необходимость экстренного оздоровления военной промышленности, грозившей при сохранении форсированного производства полностью остановиться, путем снижения объемов производства и повышения качества продукции. По намеченным планам в результате оздоровительных мер предполагалось выйти на уровень производства, близкий к объемам 1916 г.

Тем не менее у советской военной промышленности были впечатляющие достижения. До конца 1919 г. в Советской России было выпущено 33 броневедомоцикла «Остин»¹³⁴⁶. К концу ноября 1920 г. успешно прошел испытания и был запущен в серийное производство первый советский танк, изготовленный по образцу захваченных летом 1919 г. у белых двух малых французских танков «Рено». Двигатели для танков изготавливались на заводе «АМО», броневые корпуса — на Ижорском заводе, разработка шасси и сборка осуществлялись в Сормово, орудия поставлялись с Путиловского завода. Планировалось выпускать по четыре танка в месяц, а всего Совет военной промышленности заказал 15 штук, производство которых завершилось к концу июня 1921 г.¹³⁴⁷ Впрочем, эти танки в Гражданской войне участия уже не приняли. К началу 1922 г. РККА имела уже 79 танков (в основном трофейных), 141 бронепаровоз, 321 бронеплощадку (то есть вагоны бронепоездов), 5 бронедрезин, 47 пушечных и 148 пулеметных бронемашин¹³⁴⁸. Правда, для трофейных танков не хватало запчастей, многие бронепаровозы и бронеплощадки были нетиповыми, что усложняло их эксплуатацию, а ряд броневедомоциклов имел кустарную бронировку или уже выслужил свой срок.

За период 1918–1920 гг., в том числе при опоре на прежние запасы, было построено не менее 558 аэропланов, а несколько сотен старых машин прошли капитальный ремонт¹³⁴⁹. В среднем количество произведенных аэропланов в 1918–1920 гг. соответствовало 17% производства 1917 г. Хотя, по оценкам исследователей, этого не хватало для восполнения потерь, все же нельзя не признать такие результаты в обстановке разрухи весьма впечатляющими. Для сравнения, белые так и не наладили своего производства аэропланов (хотя на Юге России были заводы этого профиля) и зависели от поставок союзников¹³⁵⁰. Небывалые достижения имелись у красных и в других областях. Так, например, в 1919 г. в Советской России было отремонтировано 3387 паровозов, в 1920 г. — уже свыше 8000¹³⁵¹.

Красное командование проявляло заботу о нуждах простых красноармейцев. Например, Троцкий осенью 1919 г. писал в ЦК о необходимости теплой одежды для армии, так как «нельзя требовать от человеческого организма больше, чем он может вынести»¹³⁵². Тем не менее вопрос обеспечения армии обмундированием в 1918–1919 гг. по объективным причинам стоял наиболее остро. Запасов старой армии, очевидно, было недостаточно, чтобы обеспечить многомиллионную РККА, а богатая хлопком Средняя Азия была отрезана от советского центра вплоть до осени 1919 г. (за исключением месячного промежутка в марте – апреле 1919 г., когда, несмотря на острейшую нехватку топлива, в красный центр было отправлено несколько десятков поездов с хлопком¹³⁵³). Текстильная промышленность Советской России по причине отсутствия сырья практически остановилась. Не случайно в документах белых этого периода так часто встречаются упоминания о взятии в плен совершенно оборванных и плохо одетых красноармейцев. Белые же, не имея собственной текстильной промышленности, целиком опирались на поставки союзников, хотя их помощь признавалась недостаточной.

За вторую половину 1919 г. РККА получила 1,5 миллиона шинелей, 700 тысяч гимнастеров, 600 тысяч шаровар, 3,8 миллиона нательных рубах, 700 тысяч кальсон, 1,8 миллиона пар обуви¹³⁵⁴. После возобновления связи с Туркестаном текстильное производство заработало с невиданным размахом. Только в 1920 г. были выполнены заказы на поставку в РККА более 3,5 миллиона шинелей, 5,8 миллиона пар обуви, более 2,9 миллиона летних гимнастеров и 2,7 миллиона летних шаровар, около 11,7 миллиона нательных рубах и 10,7 миллиона нательных кальсон, 1 миллион папах, 1 миллион ватных телогреек, 1 миллион портянок, 800 тысяч фуражек, 700 тысяч ватных шаровар и т.д.¹³⁵⁵ Ежемесячно в 1920 г. производилось 5000 седел для красной кавалерии¹³⁵⁶. Эти цифры кажутся просто фантастическими, но они были вполне реальны. При этом намеченные объемы заказов в большинстве случаев не были выполнены даже наполовину, и Красная армия все еще не была в достаточной степени обеспечена обмундированием. В частности, требовалось изготовить 6,2 миллиона шинелей, 2,6 миллиона папах, 11,6 миллиона портянок, 19,5 миллиона нательных рубах и кальсон, 1,9 миллиона походных рубашек и шаровар. Большевики централизовали даже такую отрасль, как производство лаптей для армии, создав Чрезвычайную комиссию по снабжению войск лаптями (Чекволап).

Не будем забывать и о том, что красным достались богатые запасы со складов старой русской армии. Запасы эти были весьма велики. Например, лишь на Северном и Западном фронтах, всецело контролируемых большевиками, при демобилизации армии насчитывалось 4806 орудий, 945 858 винтовок, 505,5 миллиона патронов, 9,2 миллиона снарядов. Всего же на фронтах при демобилизации армии, по неполным данным, имелось 11 964 орудия, 2 508 123 винтовки, свыше 1,2 миллиарда патронов и свыше 28 миллионов снарядов¹³⁵⁷. Разумеется, довольно проблематично установить, как распределились эти колоссальные запасы во время Гражданской войны. Только по данным на апрель — май 1918 г. на складах Советской России имелось 896 исправных трехдюймовых орудий, 4902 пулемета, 1 249 170 винтовок, 687 миллионов патронов, 3,5 миллиона гранат для трехдюймовых орудий и т.д. Кроме того, имелось свыше трехсот исправных артиллерийских орудий других систем (включая тяжелую артиллерию)¹³⁵⁸. Снарядного кризиса РККА до 1919 г. не знала благодаря запасам Первой мировой¹³⁵⁹, но руководителям РККА предстояло в сжатые сроки решить проблему обеспечения массовой армии винтовками и патронами, которых не хватало для многолетней войны. Исходных запасов оказалось достаточно, чтобы опереться на них в первой половине войны и успеть, несмотря на разруху и хаос, в 1919 г. наладить полномасштабное промышленное производство, сопоставимое с дореволюционным. Запасы различных полуфабрикатов, пороха, селитры и других материалов со времен мировой войны продолжали питать советскую военную промышленность и в дальнейшем¹³⁶⁰.

Отдельную проблему составляло обеспечение армии конским составом, особенно если учесть ту огромную роль, которую конница играла в маневренной Гражданской войне. Здесь долгое время преимущество оставалось за белыми, которые обладали мощной казачьей конницей и контролировали казачьи районы с большим поголовьем лошадей. Между тем, конские запасы были истощены еще в годы Первой мировой, когда у населения было мобилизовано 1,5 миллиона лошадей (30% конского запаса, годного для армии), а возвращено не более 10%. Тем не менее в сентябре 1918 г. красные провели первую конскую мобилизацию, а к 1 апреля 1919 г. набрали уже 281 тысячу голов. Чтобы окончательно не подорвать сельское хозяйство, истощенное продразверсткой, в 1919 г. начались закупки лошадей. К сентябрю 1920 г. армия получила более полумиллиона голов, что покрывало ее потребности на

50%. В общей сложности большевики смогли мобилизовать для нужд армии четверть всего поголовья лошадей, имевшегося на подконтрольной им территории¹³⁶¹. На фоне массы прочих проблем, которые им приходилось решать, — результат весьма впечатляющий. В итоге была создана мощная стратегическая красная конница, которая уже в 1919 г. с успехом действовала против белых.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ

Рассмотрим сферу подготовки командных кадров и обучения рядовых красноармейцев. И здесь прежде немислимые масштабы в самые сжатые сроки! К лету 1919 г. для подготовки командных кадров РККА в Советской России были открыты пехотные курсы в Москве, Петрограде, почти во всех губернских и просто крупных городах. Возникли пулеметные курсы в Москве, Ораниенбауме, Пензе, Саратове; кавалерийские — в Петрограде, Твери, Орле, Тамбове, Борисоглебске; артиллерийские — в Москве, Петрограде, Саратове; инженерные — в Петрограде, Орле, Самаре, Казани; электротехнические — в Сергиевом Посаде; газотехнические — в Москве; железнодорожные — в Торжке; военно-топографические и гимнастическо-фехтовальные — в Петрограде; авиашколы — в Москве и Егорьевске, броневая школа — в Москве и т.д. Планировалось открытие военно-хозяйственных курсов. Сроки обучения на пехотных, пулеметных и кавалерийских курсах составляли по четыре месяца на подготовительном и специальном отделениях¹³⁶². Очевидно, здесь сказалось наличие в крупных городах сети военных училищ дореволюционной России, однако сводить все достижения в деле подготовки кадров только к этому преимуществу было бы неверно.

Поскольку офицеры военного времени и красные командиры (краскомы), в отличие от старых кадровых офицеров, плохо подходили для занятия ответственных должностей, нужно было срочно повысить их квалификацию. Для этого с середины 1918 г. создавались высшие школы (стрелковая, артиллерийская, кавалерийская, электротехническая, военно-химическая, автомобильно-броневая, военная финансово-хозяйственная, дислокации, штабной службы, военной маскировки).

Когда стало ясно, что РККА остро не хватает специалистов Генерального штаба, буквально за два месяца в Москве с нуля была создана и уже в конце 1918 г. начала функционировать академия Генштаба РККА с блестящим преподавательским составом. Однако срок обучения в ней был слишком велик для удовлетворения текущих потребностей быстрорастущей армии. В результате была открыта Высшая советская школа штабной службы, в которой по программе ускоренной подготовки обучали специалистов для занятия младших должностей Генштаба и выполнения простейшей технической работы. В школу штабной службы командировались бывшие офицеры и выпускники командных курсов, которые не менее шести месяцев прослужили в РККА и обладали боевым стажем. Фактически этим шагом не просто повышалась квалификация младших офицеров и командиров, но было положено начало массовому введению в специальность Генштаба в рядах РККА. Предполагалось открыть такие школы при каждом из фронтовых штабов, но полностью реализовать столь грандиозный проект не удалось. Аналогов подобным учебным заведениям, являвшимся промежуточной ступенью между военным училищем и академией Генштаба, у белых просто не было.

Для подготовки высококвалифицированных специалистов в Советской России в годы Гражданской войны помимо академии Генштаба также открылись артиллерийская, военно-инженерная и военно-хозяйственная академии, военно-педагогический институт. Сроки обучения в этих вузах исчислялись не месяцами, а годами. Слушатели получали солидную подготовку.

17 июня 1919 г. Троцкий издал приказ о создании при каждой армии Южного фронта собственных курсов подготовки комсостава¹³⁶³. Были созданы и другие военно-учебные заведения, подчас экзотического и узкоспециального характера. Например, в Кусково открылись курсы подготовки командиров полков, рассчитанные на 100 слушателей¹³⁶⁴.

Масштабы работы по подготовке командных кадров не могут не впечатлять. К примеру, в декабре 1919 г. на одних только Петроградских курсах комсостава обучалось ни много ни мало 8000 человек. В связи с угрозой войны с Финляндией Троцкий росчерком пера распорядился увеличить число курсантов при содействии Петроградской коммуны еще на 2000 человек¹³⁶⁵. Революционеры работали в революционных масштабах! Если бы у Деникина осенью 1919 г. существовал не задействованный резерв из 10 тысяч подготовленных бойцов, какой

имел Троцкий на одних только петроградских курсах, он бы вполне мог взять Москву.

Весной 1918 г. красные имели лишь 10 курсов подготовки комсостава, в сентябре 1918 г. — уже 34, в феврале 1919 г. — 63, в сентябре — 109, в августе 1920 г. — 117¹³⁶⁶. Красных курсантов на 1 августа 1920 г. было 43 тысячи человек, курс обучения составлял шесть месяцев. Ранее было выпущено 28 тысяч человек со званием красного командира. Таким образом, в Советской России подготовка и переподготовка командных кадров приобрели массовый характер. Красные курсанты были настоящей опорой большевиков и могли решать сложные задачи на угрожаемых участках фронта.

Забываясь о подготовке командиров, вожди РККА не забывали и о рядовых бойцах. Их подготовка с 1918 г. велась через Всевобуч (Всеобщее военное обучение). За короткое время во всех рабочих центрах появились отделы обучения и формирования. По замыслу Троцкого, Всевобуч должен был создать крупные войсковые единицы до армий включительно. Первоначальный план, принятый в сентябре 1919 г., предусматривал формирование 131 рабочей резервной дивизии¹³⁶⁷, однако, естественно, он был неосуществим. К маю 1919 г. в распоряжении начальника Всевобуча имелось 24 тысячи бывших офицеров и унтер-офицеров, которые и осуществляли широкую подготовку бойцов¹³⁶⁸. Курс обучения был 8-недельным и включал 96 часов занятий без отрыва от производства для подготовки одиночного бойца. Продолжением курса была программа дополнительных учебных сборов на 28 дней, в ходе которой велось обучение уже в составе частей — рот и батальонов. К сентябрю 1920 г. 96-часовой курс прошли до 500 тысяч граждан¹³⁶⁹. В рамках Всевобуча осуществлялась допризывная подготовка в трудовых школах, которую прошли 60 тысяч человек, или 10% всех взятых на учет.

ПРОПАГАНДА

Советская пропаганда периода Гражданской войны традиционно и вполне заслуженно получает самую высокую оценку исследователей. Проведем прямую аналогию. Легендарный плакат Д.С. Моора с мобилизующим призывом «Ты записался добровольцем?», выпущен-

ный в 1920 г. тиражом 50 тысяч экземпляров, и его белогвардейский аналог, интеллигентски вопрошающий «Отчего вы не в армии?». Разумеется, идея плаката не нова — подобные постеры выпускались воюющими державами еще в Первую мировую войну, однако художественное воплощение совершенно различно. И здесь белые однозначно проигрывали. Скорее всего, белогвардейский вариант плаката вызывал лишь усмешку аудитории и цели не достигал. Тем более издательские возможности белых были гораздо скромнее.

Любопытно сравнение количественных показателей советской и белогвардейской пропаганды. В декабре 1919 г. совокупный тираж главных советских газет «Беднота», «Правда» и «Известия ВЦИК» превышал миллион экземпляров в день¹³⁷⁰. Во второй половине 1919 г. в РККА ежедневно отправлялось 520 674 экземпляра центральных газет (то есть порядка половины общего тиража), а всего с марта 1919 по февраль 1920 г. совокупный тираж газет для РККА составил 142 515 460 экземпляров¹³⁷¹. Помимо этого выпускались армейские газеты, тираж которых достигал 250 тысяч экземпляров в сутки. Для сравнения, тиражи сибирской белогвардейской прессы даже в лучшие времена не превышали 10 тысяч экземпляров в сутки для самых крупных газет¹³⁷². Неудивительно, что, например, по словам пленных с Северного антибольшевистского фронта, советские газеты поступали в войска белых быстрее, чем их собственные¹³⁷³. При низком уровне политической сознательности населения интенсивная обработка бойцов напрямую вела к разложению антибольшевистских сил (не стоит забывать и о нелегальной пропаганде в белых войсках) и поднимала боевой дух красноармейцев.

Несмотря на все трудности, в Советской России в 1919 г. было выпущено 68,2 миллиона экземпляров книг и брошюр, а в 1920 г. — 47,5 миллиона (начал сказываться бумажный голод). И это считалось недостаточным. В 1918 г. в РККА было создано 3033 стационарных библиотеки, в 1919 г. работало уже 7500, а также 2400 передвижных, услугами которых пользовались не только красноармейцы, но и местное население. В Политуправлении РСФСР считали, что «прошедший через Красную Армию неграмотный и полуграмотный крестьянин и рабочий должен возвратиться домой грамотным, и он никогда не забудет, что рабоче-крестьянская власть снабдила его самым мощным оружием защиты его собственных интересов — просвещением»¹³⁷⁴. К 1 октября 1919 г. большевики открыли 3800 красноармейских школ грамоты, в 1920 г. их

количество достигло 5950. К лету 1920 г. действовало свыше 1000 красноармейских театров. Со свойственным большевикам размахом велась устная пропаганда в войсках, чего не было заметно в антибольшевистском лагере. Лозунги большевиков были понятны и привлекательны для широких масс. Белые же фактически не увязывали свои действия с политической борьбой.

К концу 1920 г. партийно-комсомольская прослойка в РККА составляла около 7%, коммунисты — 20% командного состава РККА¹³⁷⁵. К 1 октября 1919 г. в армии было, по некоторым данным, до 180 тысяч членов партии, а к августу 1920 г. — свыше 278 тысяч. За время Гражданской войны на фронте погибли более 50 тысяч большевиков¹³⁷⁶, что красноречиво свидетельствует о высоком уровне идейности и самопожертвования партийцев, направленных на военную работу. К сожалению, точная статистика неизвестна, но примерно можно подсчитать, что за годы Гражданской войны погиб каждый пятый находившийся на фронте большевик.

Политический аппарат пронизывал РККА сверху донизу и сыграл важнейшую роль в победе большевиков. Военспец, бывший генерал В.К. Гондель, задававшийся вопросом, нужны ли были комиссары в Красной армии, если от них было столько проблем в военном управлении, пришел к интересному выводу, что без института военных комиссаров строительство РККА было бы невозможно, так как красноармейская масса, развращенная революционными событиями, просто не приняла бы военспецов. Комиссары же, как ни парадоксально, должны были поддерживать авторитет тех, кому сами не доверяли.

Гондель отмечал: «Видя невязку в работе командного и комиссаровского* состава, наблюдая часто со стороны комиссаров действия, противные и чуждые военному делу, быту и строю, я нередко задумывался, нужен ли был при строительстве Красной армии институт комиссаров, и пришел к тому выводу, что без него строительство было бы невозможно. Пусть ВЦИК и Совнарком уверовали бы в истину, что добровольно предложившие свои услуги бывшие офицеры, в силу воспитанной в них щепетильности и честности, не могут быть изменниками и поэтому им надлежит предоставить работать безо всякого контроля со стороны господствующей политической партии. Но как

---

* Так в документе.

могла отнестись к этому красноармейская масса. Составлявшие эту массу рабочие, крестьяне и солдаты были вовлечены в классовую борьбу, а так как старая армия и давно уже была классовая, то и борьбу против военной касты, которую составляло кадровое офицерство. Естественно, что рабочие, крестьяне и солдаты должны были недоумевать, когда увидели, что те, к беспощадной борьбе с которыми их звали еще вчера, являлись сегодня руководителями военного дела в Красной армии, и только присутствие рядом с этими врагами представителей рабоче-крестьянского правительства и господствующей политической партии могло рассеять это недоумение в силу врожденной привычки русского народа без всякой критики подчиняться признаваемой им власти. Как трудна была задача военных комиссаров: они должны были поддерживать авторитет тех, которым не доверяли, к которым относились с подозрением, над которыми были поставлены для явного и тайного контроля. Для этого требовался недюж[ин]ный ум, выдающаяся тактичность, выдержка и чутье, и на почве непонимания и недомыслия вначале создавались эксцессы, вредные для строительства Красной армии»¹³⁷⁷.

Таким образом, Красная армия была превращена большевиками в эффективное средство широкого распространения своих идей в народных массах, а внедрение в ней школ грамоты и библиотек делало ее привлекательной для наиболее активной части населения, стремившейся к получению хотя бы начального образования и повышению своего общественного статуса.

Отношение населения к Красной армии стало еще одним важным фактором победы большевиков. Конечно, основная масса была иждивенчески настроена по отношению к любой власти и индифферентна ко всему происходящему, однако на некоторую часть повлияли демагогические, но привлекательные лозунги коммунистов. Повышению боевого духа способствовали успехи красных и неудачи белых. Как источник сведений о настроениях красноармейцев большой интерес представляют сводки военной цензуры, занимавшейся проверкой корреспонденции с фронта и на фронт. В красноармейской среде бытовали самые разнообразные и даже взаимоисключающие точки зрения, которые и отражала эта переписка. Тем не менее во многих письмах домой весной 1919 г. бойцы РККА выражали готовность сражаться за победу революции и за Советскую Россию, за свободу всего пролетариата, против мирового капитала. В одном из

писем были такие слова: «Не сложим оружия, пока не срубим голову всемирному капитализму»¹³⁷⁸. Подобные лозунги были понятны красноармейской массе. В некоторых частях, однако, имели место и антисоветские настроения. Подавленность чаще всего возникала вследствие усталости, голода, убавки жалованья, прекращения отпусков. Интересно, что не все красноармейцы были готовы к вводимой большевиками суровой дисциплине. Не случайно, например, в одном из писем цензором была выделена такая фраза: «Настроение в войсках, особенно в пехоте, неважное, боятся открыто высказаться, но все против Советской власти. Вводится почти старая дисциплина»¹³⁷⁹.

Свою роль в переломе настроений в пользу красных сыграло хаотическое состояние белого тыла, население которого жаждало порядка. В то же время при безразличном отношении населения жесткие меры большевиков позволяли им поставить безразличных в свою армию и давали неоспоримое преимущество.

Среди косвенной пропаганды, поднимавшей боевой дух, можно отметить и наградную политику красных, также отличавшуюся размахом. К осени 1920 г. в РККА было 1866 награжденных орденом Красного Знамени, а почетным революционным Красным знаменем или орденом Красного Знамени на знамя были отмечены 92 воинские части¹³⁸⁰.

РЕПРЕССИИ

Строгая дисциплина была одним из принципов построения Красной армии, но, разумеется, этот принцип был проведен в жизнь далеко не сразу. Тем не менее с того момента, как заработал механизм всеобщих мобилизаций, — примерно с осени 1918 г. — можно говорить о существенном ужесточении дисциплины в РККА. Без мощного и эффективного карательного аппарата большевики просто не смогли бы поставить под знамена миллионы крестьян, развращенных событиями 1917 г., и успешно проводить массовые мобилизации. Разумеется, насилие было не единственным, но одним из значимых факторов успеха большевистской мобилизации.

Репрессии в Советской России и в Красной армии отличались широким размахом, однако влияние этого фактора неоднозначно. Немалый

процент репрессий носил необоснованный характер, вызывал пассивность и страх командного состава, выводил из активной работы ценных специалистов. В то же время репрессии имели громадное воспитательное и мобилизующее значение, повышали дисциплину и служили средством устрашения нелояльных элементов.

В секретной «Инструкции ответственным работникам 14-й армии», подписанной Троцким 9 августа 1919 г., говорилось о принципах карательной политики: «Все руководящие учреждения армии — Реввоенсовет, Политотдел, Особый отдел, Ревтрибунал должны твердо установить и провести в жизнь то правило, что ни одно преступление в армии не остается не наказанным. Разумеется, кара должна быть строго сообразована с действительным характером преступления или проступка. Приговоры должны быть таковы, чтобы каждый красноармеец, читая о них в своей газете, ясно понимал их справедливость и необходимость для поддержания боеспособности армии. Наказания должны следовать как можно скорее за преступлением»¹³⁸¹. Важным психологическим фактором были неотвратимость и публичность наказания, тогда как в белом лагере этот вопрос находился в хаотическом состоянии.

Конечно, приобретшее массовый характер и колоссальные масштабы дезертирство (с учетом того, что всего задержано было 2,6 миллиона дезертиров¹³⁸², их общее количество должно было быть еще выше) не было искоренено до конца, однако уже к лету 1919 г. в борьбе с ним удалось добиться значительных успехов. Немаловажно, что дезертирство красноармейцев совсем не обязательно вызывалось нежеланием служить в Красной армии, были у него и объективные причины — например, голод. Положение голодавших красноармейцев было трагическим и безвыходным. В письмах с фронта домой упоминалось о расстрелах за воровство продуктов питания (к примеру, картофеля) у гражданского населения¹³⁸³. Создавался своего рода замкнутый круг: за воровство продуктов расстреливали, но продовольствием не всегда обеспечивали. В целях выживания некоторые красноармейцы меняли на еду казенное обмундирование, а кто-то занимался попрошайничеством.

Борьба с дезертирством была централизована и сосредоточена с 25 декабря 1918 г. в Центральной временной комиссии по борьбе с дезертирством из представителей военного ведомства, партии и НКВД. Местные органы были представлены соответствующими губернскими

комиссиями. Только при облавах на дезертиров в 1919–1920 гг. было задержано 837 тысяч человек. В результате амнистий и разъяснительной работы с середины 1919 по середину 1920 г. добровольно явились более 1,5 миллиона дезертиров. Однако против дезертиров применялись и крайние меры. О расстрелах дезертиров прямо на железнодорожных станциях писали красноармейцы домой с фронта¹³⁸⁴.

Жесткие дисциплинарные меры были нормой в повседневной жизни Красной армии. Во многих случаях только суровыми мерами можно было добиться выполнения приказов, тем более что солдатская масса и даже часть офицерства подверглась разложению еще в 1917 г. и прежние принципы управления, распространенные у белых, практически не работали. Например, командующий 8-й армией бывший подполковник В.В. Любимов летом 1919 г. у командира вновь присланной дивизии интересовался в первую очередь тем, сформированы ли в его дивизии заградотряды и ревтрибунал¹³⁸⁵. Эти меры считались необходимым условием успешной боевой работы соединения.

В укреплении дисциплины нуждалась не только рядовая масса, но и комсостав и даже комиссары. Вождь Красной армии Троцкий в этом отношении был готов идти до конца, вплоть до расстрелов партийных работников. Именно по его распоряжению был назначен трибунал, приговоривший к расстрелу командира 2-го Петроградского полка Гнеушева, комиссара полка М. Пантелеева и каждого десятого красноармейца, которые с частью полка бросили позиции и бежали на пароходе из-под Казани летом 1918 г.¹³⁸⁶ Этот случай вызвал дискуссию в партии о допустимости расстрелов партработников и волну критики в адрес Троцкого. Однако, думается, такие шаги вели к укреплению дисциплины, в том числе среди командиров и комиссаров.

Это резонансное дело дает основания полагать, что расстрелы членов партии были все же явлением исключительным и единичным. Еще одним средством устрашения, фактически не нашедшим реального применения в Красной армии, стали распоряжения о взятии в заложники семей перебежчиков из числа военспецов.

Надежным способом укрепления дисциплины были массовые публичные расстрелы в армии. Приведем несколько примеров. В период с 13 по 16 февраля 1919 г. Реввоен трибунал 5-й армии Восточного фронта рассматривал дело о происшествии в 4-м Пензенском стрел-

ковом полку. Четыре взвода 5-й роты этого полка перешли на сторону колчаковцев, предварительно проведя с ними переговоры посредством переписки. Еще одна рота не смогла перейти к белым. Кроме того, первый батальон полка самовольно оставил позиции, в результате чего противник прорвался на участке батальона. Реввоентрибуналом было вынесено постановление полк расформировать, боеспособные взводы, роты и команды переподчинить, весь командный состав 9-й роты, готовившейся перейти к белым, до отделенных командиров включительно арестовать и расстрелять через каждого пятого после установления наличия организации, поддерживавшей связь с белыми, красноармейцев 9-й роты расстрелять через каждого двадцатого, виновных в невыполнении приказов из первого батальона также расстрелять. Всего подлежали расстрелу 57 человек. Приговор должен был быть приведен в исполнение 16 февраля 1919 г. на глазах всех подразделений полка¹³⁸⁷. Думается, массовая казнь должна была произвести на красноармейцев самое серьезное впечатление, отбив раз и навсегда стремление переходить к противнику. За невыполнение приказов военно-полевой суд 5-й армии 15–17 февраля 1919 г. постановил расстрелять 15 человек в 1-м Пензенском стрелковом полку, сверх этого многие признанные виновными были приговорены к различным срокам тюремного заключения¹³⁸⁸.

Широко известен расстрел большой группы красноармейцев и командиров 1-й Конной армии, виновных в массовых еврейских погромах на Украине осенью 1920 г.¹³⁸⁹ 9 октября 1920 г. РВС этой армии издал приказ о расформировании полков, личным составом которых были совершены эти преступления. Арестам подверглись 387 человек, в основном из 6-й кавалерийской дивизии И.Р. Апанасенко. На открытых судебных заседаниях чрезвычайной выездной сессии ревтрибунала в Елисаветграде 21–23 октября 1920 г. 141 погромщик, включая 19 представителей комсостава, был приговорен к расстрелу (впрочем, 31 человеку расстрел заменили заключением), прочие осуждены на различные сроки лишения свободы. Сверх этого были расстреляны еще 57 человек¹³⁹⁰. По предположениям некоторых исследователей, расстрельные приговоры по этому делу выносились и позднее, причем всего могли быть расстреляны до 400 бойцов и командиров¹³⁹¹. Тем не менее для полного оздоровления 1-й Конной этих мер оказалось недостаточно. Всего же в 1920 г. по решениям военных трибуналов были расстреляны 6543 человека¹³⁹².

ПОЧЕМУ НЕ ДОШЛИ ДО ГАНГА

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.

П.Д. Коган

Несмотря на размах постановки военного строительства и прочих вопросов, несмотря на ошеломляющие победы, большевики все же так и не смогли добиться успеха в практическом воплощении своих идей мировой революции. Подобные идеи были привлекательны при их обсуждении в ЦК, однако попытки реализации этих наполеоновских планов все расставили по местам.

Прежде всего, большевики столкнулись с активным нежеланием соседних государств, их населения, а тем более элит участвовать в мировой революции, с противодействием своим планам, со всплеском национализма и патриотизма (например, в Польше и в странах Востока), со значительными различиями в местных условиях для осуществления революций (например, даже в соседних Персии и Турции¹³⁹³, не говоря уже о различиях между странами Европы и Азии). Сотрудничавшие с большевиками представители других стран нередко вели двойную игру, выдавая себя за революционеров, но будучи на самом деле местными националистами, стремившимися решить собственные проблемы за счет большевиков. Один только учет местной специфики создавал множество проблем и требовал наличия соответствующих специалистов¹³⁹⁴. Координация столь масштабных действий и одновременное планирование революций сразу во многих странах оказались задачами, которые технически реализовать было невозможно. Для экспорта революции нужны были колоссальные ресурсы, которых большевики не имели.

При этом внутри Советской России к концу Гражданской войны было далеко не благополучно. Партию раздирали противоречия, а после первых неудач в Польше и Персии в 1920 г. в партийном руководстве появилось разочарование в осуществимости планов мировой революции. Солдаты Красной армии, воевавшие уже по много лет, сильнее всего устали от войны и были далеки от идей мирового переустройства, которые исповедовали большевистские вожди-доктринеры. Советская Россия оказалась истерзанной

многолетним гражданским противостоянием, а впереди маячила угроза новой затяжной войны со всем миром, включая ведущие державы — победительницы в Первой мировой с их колоссальными ресурсами.

Помимо этого в 1921 г. Советская Россия оказалась охвачена массовым голодом. Ширилось протестное движение крестьянства. Военная промышленность требовала срочного оздоровления путем сокращения объемов производства и обновления материально-технической базы, при прежнем форсированном подходе она грозила полной остановкой. Для продолжения войны нужно было преодолевать разруху, транспортный и топливный кризис. Совокупность всех этих проблем оказалась в итоге непреодолимой, и большевики были вынуждены перейти к укреплению своего положения внутри страны, демобилизации многомиллионной армии и к постепенному свертыванию авантюристического курса на экспорт революции посредством прямых военных вторжений.

ИТОГИ

Не нужно идеализировать РККА. Понятно, что, при обрисованных выше масштабах и валовых показателях по всем вопросам, неизбежны были и очень серьезные упущения, к которым относятся низкий уровень подготовки красных командиров, грубость и некомпетентность комиссаров, раздутость штабов, необоснованные и часто бессмысленные репрессии и жестокости, массовое и трудно преодолимое дезертирство, слабая подготовка бойцов, нехватка топлива, боеприпасов и стрелкового оружия для многомиллионной армии и т.д. Как отмечал советский главком И.И. Вацетис: «Едва ли можно было требовать, чтобы РККА была в то время¹³⁹⁵ такой, какой рисуют ее на юбилейных торжествах. Надо иметь в виду, что Красная Действующая армия строилась из колоссальной военной разрухи, при крупных спорах и расхождениях, которые к концу года¹³⁹⁶ еще не были изжиты»¹³⁹⁷. Тем не менее большевистское руководство не позволило этим упущениям перечеркнуть достижения.

Белый офицер искренне недоумевал: «Одно очень странно: несмотря на жесточайшее поражение, дезорганизацию, отсутствие же-

лезнодорожного транспорта, снабжения, красные на многих участках сами начали контрнаступление и переходят в контратаки. Откуда столько энергии? Почему при полном развале, голоде и пр. они все-таки наступают, сдерживают и даже кое-где имеют успех?»¹³⁹⁸ Поиски ответов на эти вопросы нередко приводили к упрощенным объяснениям.

Совершенно неверно утверждение белого автора, что якобы «все военные успехи Красной армии можно приписать исключительно ее численности»¹³⁹⁹. В это наивное объяснение очень хотелось верить ветеранам Белого движения, чтобы закрыть глаза на более глубокие и более серьезные причины победы красных и собственных неудач. Достаточно отметить, что красные превосходили своих противников практически во всем, от численности армии и масштабов заготовок для нее до качества системы учета военных специалистов, количества выпущенных листовок и числа расстрелянных врагов. Фатальные ошибки белых лишь усиливали этот разрыв. Неудивительно, что новая сила в итоге и одержала верх.

Большевики были фанатиками своего дела. Для достижения поставленной цели они не останавливались ни перед чем, включая самые жестокие меры. Фактически против белых ими была развернута тотальная война (отличительными чертами которой как раз и были системность, масштабность и централизация, указанные нами в качестве базовых принципов военной политики большевиков), тогда как антибольшевистскому лагерю, опиравшемуся на традиционализм и дореволюционные принципы администрирования, было нечего противопоставить красным. В этом отношении противоборствующие стороны были в совершенно не равных условиях. Это была борьба старой и новой системы ценностей, старого и нового миропонимания, многовековых традиций и условностей с молодой беспринципностью, жестокостью и решимостью. Некоторые противники большевиков смогли понять это. Как справедливо писал генерал-майор Э.-К.-В.Г. фон Валь, «В борьбе на жизнь и смерть безнадежно держаться за джентельменскую шпагу, когда кругом действуют дубинами»¹⁴⁰⁰. И возможно, не вина белых, что они не могли стать другими.

В качестве финального аккорда вполне подходят слова из дневника полковника А.А. фон Лампе, датированные 19–20 апреля (2–3 мая) 1920 г.: «Я когда-то собирался писать “Этапы разрухи”. Тогда я думал,

что последней главой будет “Добрармия”, ну а теперь вижу, что это дольше и значительно сложнее. Меня очень интересует сущность Красной армии. Создана она была социалистическим бредом, но борьба с нами, ввод в нее настоящих офицеров и постепенное возвращение к дореволюционным порядкам — это тоже глава в той же книге, о которой я мечтаю»¹⁴⁰¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение участия в Гражданской войне сословий и значимых социальных групп, таких как казачество и офицерство, чрезвычайно важно для понимания общего хода событий и итогов братоубийственного противостояния 1917–1922 гг. Казачество и офицерство можно отнести к движущим силам российской контрреволюции и к наиболее активным сторонникам белых среди населения страны. Однако даже в этих, казалось бы, самых лояльных противникам большевиков группах не было ни должного единства, ни общего стремления бороться с красными.

Если говорить о казачестве, то оно практически до конца 1918 г., то есть почти до кульминации Гражданской войны, держало себя автономно от белых, не стремясь координировать свои действия с Белым движением, а некоторые казачьи атаманы считали себя равными лидерам белых и не собирались им подчиняться. Это, разумеется, ослабляло антибольшевистский лагерь. Если в отношении казачества можно говорить о том, что, за редкими исключениями, оно в целом как сословие оказалось на стороне белых, то офицерство и вовсе разделилось, причем значительная его часть верой и правдой служила красным почти на всем протяжении широкомасштабной Гражданской войны. Последующая судьба и казачества, и офицерства, фактически оказавшихся проигравшими в Гражданской войне, была трагичной.

Но Гражданская война отнюдь не исчерпывалась борьбой красных и белых. «Третьей силой», пытавшейся составить альтернативу как одним, так и другим, стали эсеры. И хотя эта партия пользовалась колоссальной популярностью среди населения, прежде всего у крестьянства, в Гражданскую войну ее лидеры продемонстрировали невероятную политическую близорукость. Что касается военно-политического аспекта как главного в условиях боевых действий, эсеры повторили многие ошибки, допущенные в 1917 г., когда они находились во главе страны. Лидеры эсеров оказались неспособными не только создать ре-

альную военно-политическую альтернативу основным лагерям гражданского противостояния или выработать здравую партийную стратегию, но даже защитить самих себя, потерпев поражение как от белых, так и от красных.

В противостоянии красных и белых постепенно выявилась сильнейшая сторона, которая в конечном итоге одержала победу. Такой стороной оказались большевики, которые смогли обеспечить военно-политическое единство своего лагеря, минимизировали трения, подавили оппозицию, наладили работу тыла и мобилизовали все ресурсы ради достижения победы.

Белые на протяжении всей Гражданской войны оставались разрозненными, действовали несогласованно, опираясь на слабо развитые окраины, где практически не было военной промышленности и транспортной сети. Такое положение ставило их в прямую зависимость от иностранных поставок. Как на белом Юге, так и в белой Сибири на всем протяжении наиболее острой фазы Гражданской войны (1918–1919 гг.) существовали сильные оппозиционные, сепаратистские течения, не стремившиеся подчиняться верховной власти. Положение антибольшевистского лагеря усугублялось хаосом тыла, отсутствием налаженного мобилизационного аппарата и системы подготовки резервов.

Выход из окружения, в котором в 1918–1919 гг. находилась Советская Россия, и впечатляющая победа красных в Гражданской войне были достигнуты полным напряжением и истощением всех сил, при помощи жестоких мер, несмотря на нехватку квалифицированных специалистов во многих сферах, многочисленные акты саботажа, работу агентуры противника в руководстве Красной армии, активную иностранную поддержку антибольшевистских сил.

В период Гражданской войны в РКП(б) существовали различные взгляды на вопросы стратегии и экспорта революции за пределы Советской России. Однако неизбежным явлением, связанным с самой природой власти, стал постепенный переход большевиков к проведению государственнической политики в интересах той территории, которой они управляли. Кроме того, по мере расширения пределов Советской России большевики получали все бóльшую об-

пественную легитимацию как собиратели земель бывшей Российской империи.

«Революции — локомотивы истории», — написал в середине XIX в. К. Маркс¹⁴⁰². И это действительно так. Победа большевиков в Гражданской войне оказала колоссальное влияние на весь мир, который после 1917–1922 гг. стал другим. Внутри страны она закрепила те прогрессивные результаты, которые были достигнуты Октябрьской революцией и первыми годами советского государственного строительства. Прежде всего, это упразднение сословий и сословного неравноправия, помещичьего землевладения, национализация крупной и средней промышленности, транспорта, культурных ценностей, равенство народов, равноправие полов, отделение церкви от государства, всеобщее обязательное бесплатное начальное образование, революционные изменения в трудовом законодательстве (восьмичасовой рабочий день и 48-часовая рабочая неделя, запрет ночного труда для женщин (кроме непрерывного производства и транспорта) и детей, право на ежегодный отпуск) и социальной защите населения (право на бесплатное жилье, бесплатная общедоступная медицинская помощь и санаторно-курортное лечение от государства, бесплатное пользование детскими дошкольными учреждениями, пенсии по инвалидности, пособия по беременности, родам, материнству, по временной нетрудоспособности, по безработице, по погребению).

Вместе с тем победа большевиков привнесла в жизнь страны и такие явления, которые тормозили дальнейшее развитие: запрет свободной торговли и частной собственности, ограничение наследственного права, принудительный труд, уравнительную систему оплаты труда, огосударствление профсоюзов, однопартийную диктатуру, жесткую зависимость всех ветвей власти от высшего руководства страны и проистекавшее из этого попрание законов, произвол политической полиции, подавление оппозиции и любых проявлений инакомыслия, преследование части общества, исходя из происхождения, убеждений или рода занятий (дворян, офицеров, представителей буржуазии, духовенства, казачества, верующих), изгнание части населения из страны, уничтожение памятников истории и культуры.

В конечном счете, некоторые из этих трагических для нашей страны и общества явлений привели к отложенным по времени негативным последствиям планетарного масштаба. Главнейшим из них стала гибель самого советского государства, дискредитация любых (в том числе конструктивных) идей, которые несла революция, а вслед за тем и отказ режимов, сложившихся на постсоветском пространстве, даже от ряда прогрессивных завоеваний Октября.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

«Части сербских войск... не будут принимать участия ни в каких действиях, направленных против братского русского народа». Письмо представителя сербской армии в России полковника Б. Лонткиевича народному комиссару по военным делам. 21 марта 1918 г.

Сербская
военная миссия
в России
Д № 90¹⁴⁰³

Господину комиссару по военным делам
Здесь.

Сегодня мною получено сообщение от комиссара по иностранным делам, что имеются сведения о том, что будто бы некоторые части сербских войск на границе Маньчжурии участвовали в отряде какого-то есаула Семенова в борьбе против Советских войск¹⁴⁰⁴, которые во время происходящего боя взяли в плен одну сербскую роту. На основании имеющихся данных заявляю, что это известие ни в каком случае не может относиться к каким бы то ни было частям, принадлежащим сербским правительственным войскам, и что оно произошло вследствие недоразумения или умышленной провокации наших врагов.

Я, как представитель сербской армии в России, и на этот раз удостоверяю, что находящиеся в России части сербских войск вполне надежны и согласно данным им инструкций со стороны сербского правительства, как и до сих пор, так и в будущем, не будут принимать участия ни в каких действиях, направленных против братского русского народа и вообще вмешиваться во внутренние дела России.

Ввиду того, что не в первый раз распускались подобные неблагожелательные слухи по отношению сербских войск, находящихся в России, я прошу господина комиссара по военным делам, если он находит целесообразным, назначить следственную комиссию, в которой принял бы участие и один сербский представитель, для расследования вышеупомянутых сведений, полученных комиссаром по иностранным делам.

С совершенным почтением
представитель сербской армии в России
полковник Б. Лонткиевич

Москва
21¹⁴⁰⁵ марта 1918 г.

**РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 406. Л. 112–112об. Подлинник.
Машинопись. Печать сербского военного агента в России.**

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

О причинах потери артиллерийских заводов и имущества, находящихся в районе Поволжья. Рапорт полковника Сибирской армии К.Н. Рогуля. Октябрь 1918 г.¹⁴⁰⁶

Рапорт полковника Сибирской армии Константина Николаевича Рогуля, публикуемый ниже, является одним из интереснейших источников по истории Гражданской войны на Востоке России. Это, по сути, приговор Комитету членов Всероссийского Учредительного собрания и возглавлявшим его деятелям партии эсеров, метавшимся всю Гражданскую войну между красными и белыми. В документе ярко показана бездарная потеря военной промышленности и имущества на Волге, последствия которой, по мнению полковника К.Н. Рогуля, «очевидно должны отразиться на боевом и политическом положении Российских войск и государства»¹⁴⁰⁷.

Положение белых на Востоке России осложнялось тем, что там практически отсутствовали военная промышленность и запасы для армии. Октябрь 1918 г. ознаменовался отступлением антибольшевистских сил от Сызрани, Самары и Бузулука на восток, к Уфе. А когда в ноябре белые оставили Ижевск, под контролем большевиков оказались все три существовавших в стране оружейных завода (Ижевский, Сестрорецкий и Тульский). Обеспечение армии боеприпасами находилось на грани срыва, поскольку Сибирь в этом отношении не являлась самодостаточным регионом, а иностранные поставки осложнялись неразвитостью железнодорожной сети.

Известно, что героизм одних есть разгильдяйство других. Поэтому если бы те военные заводы и те колоссальные запасы патронов и снарядов, которые были брошены Народной армией осенью 1918 г. в Поволжье из-за политики лидеров Комуча, были бы своевременно вывезены на восток, не было бы необходимости в знаменитых «психических» атаках на пулеметы красных, основной причиной которых было как раз отсутствие боеприпасов. Причина невывоза боеприпасов и имущества — противоречия между Комучем и Временным Сибирским правительством, в результате которых лидеры первого предпочли оставить все военное имущество большевикам. Судя по всему, руководство комитета опасалось резкого усиления Сибирской армии в результате передачи ей обширных запасов патронов и снарядов. Таким образом, внутренние противоречия в антибольшевистском лагере са-

мым серьезным образом отразились на ходе Гражданской войны и на неудаче вооруженной борьбы для белых.

Об авторе документа известно немного. Удалось установить, что в 1918 г. ему было 38 лет, в декабре того же года Рогуль был назначен членом ликвидационной комиссии Высшего совета снабжения союзных армий, в конце 1918–1919 г. являлся начальником 2-го отделения отдела заготовок Главного артиллерийского управления армии адмирала А.В. Колчака, а в сентябре 1919 г. по собственному желанию пошел на фронт. Публикуемый документ хранится в фонде 39617 «Управление Сибирской армии» РГВА.

* * *

Начальнику штаба Сибирской армии

Находящийся на
службе в Сибирской армии
полковник Рогуль
« » октября 1918 года
№.....
г. Омск

Рапорт.

О причинах потери
артиллерийских заводов
и имуществ, находящихся
в районе Поволжья.

С падением Казани, Симбирска, Иващенко и Самары, действующие ныне русские армии* лишены источников питания боевыми припасами: порохом, патронами, снарядами и прочими частями боевого снабжения, не считая других ценных предметов и материалов; в руки неприятеля достались: в Казани — несколько тысяч пудов пороха, около сотни полевых орудий; в Симбирске — оборудование двух патронных заводов с запасом металлов и полуфабрикатов на 100 миллионов патронов; в Иващенко — весь завод взрывчатых веществ, капсюльный завод, мастерские Томыловского, артиллерийские склады, запасы взрывчатых веществ на 2 миллиона снарядов, миллионы пустых и готовых

---

* В документе несогласованно — действующая ныне русская армии.

снарядов, взрывателей, втулок, трубок и проч[его]; в Самаре огромный трубочный завод, с запасом латуни (700 тысяч пудов), пороховой завод, мастерские и много прочих, весьма ценных и нужных материалов.

По полученным сведениям, неприятель уже приступил к вывозу из Симбирска всего имущества патронных заводов; надо полагать, что и прочие упомянутые заводы будут увезены или разрушены; так что в случае обратного занятия нашими войсками Поволжского района трудно рассчитывать на возобновление деятельности этих заводов; поэтому вопрос о создании в России новых источников боевого питания армии является теперь важнейшим вопросом, требующим огромных денежных затрат и продолжительной интенсивной работы наших технических сил. Одной из причин таковой катастрофы является, несомненно, задержка в вывозе из боевых зон всех поволжских артиллерийских заводов и ценных материалов.

Задача настоящего рапорта — выяснить обстоятельства, которые оказывали препятствие в своевременной и интенсивной эвакуации упомянутых заводов и материалов.

1) Вскоре после очищения от большевистских войск территории жел[езной] дороги Самара — Омск, я был в начале июля командирован в г. Самару с широкими полномочиями и с целью эвакуации из Самарского района наиболее нужных боевых припасов и части военных заводов; по прибытии в Самару мне удалось образовать из лиц самарской Народной армии смешанную комиссию, которая выяснила наличность всего имевшегося в районе Самары артиллерийского имущества, потребность в таковом для Народной армии и определила очередь эвакуации наиболее опасных для хранения в боевой зоне взрывчатых веществ, пороха и проч[их] предметов. Об этой работе комиссии мною было доложено начальнику Главного штаба Народной армии полковнику Галкину¹⁴⁰⁸ и студенту Фортунатову¹⁴⁰⁹: названные лица на мою просьбу посодействовать скорейшей эвакуации излишних для Народной армии и опасных для хранения в огромном количестве предметов — ответили отказом, ссылаясь на распоряжение самарского правительства — не вывозить в Сибирь ни одного снаряда: причем полковник Галкин, считая положение Самары и Сызрани прочным, выразил мне сомнение в необходимости разгрузки складов района Иващенко, несмотря на указание мое на то, что многими комиссиями (в том числе комиссиями генерала Сапожникова¹⁴¹⁰ и Киснемского¹⁴¹¹) и управлением завода настаивалось о скорейшей разгрузке

весьма опасных для совместного хранения, скопившихся в огромном количестве взрывчатых веществ и проч[их] боевых припасов.

2) В начале августа я вторично был командирован в Самару в качестве уполномоченного Высшего совета снабжения* союзных армий; согласно составленного названным Советом Наказа мне было предоставлено совместно с представителями от чеховоиск¹⁴¹² и самарской Народной армии право приступить к эвакуации из района Иващенко и Симбирск[а] первой очереди артиллерийского имущества и излишней части патронного завода. По прибытии в Самару и по докладе о сем полковнику Галкину, после продолжительного разговора и заявления моего, что главнокомандующий генерал Сыровой считает безопасной зоной Зауралье, мне удалось получить согласие полковника Галкина на командирование от Народной армии уполномоченного; во время сего разговора полковник Галкин сообщил мне, что ввиду отказа Сибирского правительства в ввозе масла в Самару — он принужден воспретить вывоз боевых припасов в Сибирь. И действительно, несмотря на письменную просьбу мою и телеграмму, полковник Галкин своего согласия не выполнил и уполномоченного от Народной армии не назначил. Это обстоятельство в значительной степени тормозило все мероприятия по эвакуации. Телеграммами и рапортом моим Высшему совету снабжения я доносил о таковых противодействиях со стороны штаба Народной армии. Спустя две недели по образовании двух дополнительных** комиссий по эвакуации наиболее спешного имущества из Иващенко и Симбирска я возвратился в Омск с докладом Высшему совету снабжения, в коем просил настойчивого представления перед штабом Народной армии о скорейшей эвакуации боевых припасов и части патронного завода. Позднее я узнал от начальника отдела Г.У.А.¹⁴¹³ генерал-майора Грот¹⁴¹⁴, что полковник Галкин якобы сделал распоряжение о приостановке какой-либо эвакуации патронного завода, а только за 2–3 дня до падения Симбирска было получено распоряжение о немедленной эвакуации завода, что за недостатком времени и при враждебном отношении рабочих завода не могло быть выполнено. Таким образом, и вторая моя поездка в Самару положительных результатов не дала.

---

* В документе несогласованно — снабжением.

** Так в тексте, вероятно, правильно — дополнительных.

Считаю необходимым отметить преступное отношение некоторых лиц к деятельности Симбирского патронного завода: так, член Учредительного собрания Алмазов¹⁴¹⁵ вскоре после взятия войсками Народной армии Симбирска — объявил рабочим патронного завода, что все права рабочих и вся власть их в заводе останутся незыблемыми; благодаря сему, несмотря на объявленное военное положение Симбирска и происходившие в то время близ него бои (в августе), вместо правильной работы в заводе происходили непрерывные раздоры между рабочими и администрацией завода за власть; раздоры эти были вдобавок разжигаемы вмешательством члена самарского правительства Маслова¹⁴¹⁶, который вместе с выборными рабочими завода требовал смещения (назначенного военной властью) генерал-майора Копанского¹⁴¹⁷ с должности начальника завода, не представив при этом каких-либо обоснованных мотивов; в результате чего производительность завода была ничтожна: приготавливалось 30–40 тысяч патронов в день вместо 250–270 тысяч, могущих легко быть приготовленными на установленных станках (об этом мною доложено Высшему совету снабжения [союзных армий]).

С оставлением Симбирска осталось в заводе около миллиона готовых патронов, несколько миллионов готовых гильз, капсюлей и пуль; и Народной армии вскоре же пришлось обратиться к Сибирской армии с просьбой отпустить винтовочные патроны, которых можно было бы иметь, при соответствующей постановке дела, огромные запасы, достаточные на продолжительное питание армии.

Кроме того, из района Симбирск[а] не было вывезено около 1 1/2 миллиона аршин сукна, хранившегося на фабриках; в самом Симбирске в районе боевых действий была учреждена швальня, которую при отступлении пришлось оставить вместе с запасом сукна более 100 тысяч аршин (более подробные сведения по делу эвакуации Симбирска могут дать генерал-майор Копанский и полковник Филимонов).

3) В числе хранившегося в складах Самары артиллерийского имущества имелись многие предметы, которые не были использованы Народной армией; на мою просьбу отпустить для нужд Сибирской армии некоторые неиспользованные предметы (несколько панорамных прицелов, горных пушек и др.) мне ответили отказом — и эти предметы, в числе многих других, попали теперь в руки большевиков. Точно так же командир Уральского корпуса¹⁴¹⁸ во время боев близ Екатеринбурга обратился с просьбой отпустить корпусу пушечные патроны и снаряды в небольшом количестве (всего около 5000 шт.), в чем ему было

отказано (начальником Г.У.А. полковником Болдескул¹⁴¹⁹); тогда как с падением Иващенко осталось в нем более миллиона готовых и пустых снарядов и частей к ним.

4) При третьей командировке моей в Самару (в начале сентября), чехами уже было приступлено к спешной эвакуации боевых припасов и разгрузке самарского узла, который был забит более чем 1500 вагонами; лишь благодаря энергичной работе агентов чеховойск (инженера Знаменатик, Свобода) и начальника Томыловского артиллерийского склада полковника Нефедова в течение 3 1/2 недель удалось вывезти почти все готовые снаряды и патроны из Томыловского артиллерийского склада и разгрузить самарский узел.

Заключение: На основании вышеизложенных фактов следует вывести заключение, что одною из причин гибели источников питания* армий боевыми припасами в России является, несомненно, недоверчивое и недружелюбное отношение к Сибирской армии и ее нуждам со стороны некоторых лиц Народной армии и самарского правительства, которые, очевидно, считали находившиеся в Поволжье военные заводы и склады собственностью самарского правительства, а не общегосударственным достоянием.

Происшедшая катастрофа, вместе с упомянутой деятельностью указанных лиц, привели:

а) К гибели обоих патронных заводов (Симбирского и эвакуированного Петроградского); при ином отношении можно было бы без ущерба нормальной деятельности Симбирского патронного завода своевременно вывезти излишнюю аппаратуру эвакуированного Петроградского завода, установить ее в предназначенных для сего в с. Кочкары¹⁴²⁰ зданиях и этим значительно увеличить изготовление винтовочных патронов, а с падением Симбирска армии могли бы продолжать питаться своими патронами (подробный доклад по установке патронного дела в с. Кочкары сделал г[енерал-]м[айор] Плазовский¹⁴²¹ Высшему совету снабжения).

б) К гибели всего количества взрывчатых веществ (около 150 000 пуд.), готовых снарядов в Сызрани и Иващенко (около 600–800 тысяч шт.), миллионов корпусов снарядов, капсюльных втулок (более 5-и миллионов), взрывателей (более 2-х миллионов), дистанционных трубок (около 6-ти миллионов), огромного запаса селитры, всех ценных механических мастерских, инструментов, материалов; к гибели трубочного и порохо-

---

* В документе — питаний.

вого заводов — словом, к полной потере источников боевого питания армий; тогда как при иных обстоятельствах, при соответствующей деятельности штаба Народной армии по эвакуации военного имущества в тыл, со дня первой моей командировки в Самару, т.е. за бесполезно истекшие два месяца, можно было бы вывезти, считая по 3 эшелона в сутки, более 5-ти миллионов пудов предметов и материалов, сверх уже вывезенного за последние 3 1/2 недели;

в) К гибели миллионов аршин сукна — в то время, когда Сибирская армия и мобилизуемые части нуждаются в обмундировании.

г) К гибели многих ценных имуществ казенных, общественных учреждений и частных лиц.

Последствия такого материального ущерба, очевидно, должны отразиться на боевом и политическом положении российских войск и государства.

Для установления нормальных отношений в деле управления государством и снабжения армий необходимыми предметами все виновные в происшедшей катастрофе лица должны быть изъяты из политической и боевой деятельности государства; поэтому я счел долгом обратиться на этот предмет с настоящим рапортом.

Полковник Рогуль

РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 70. Л. 156–158об. Машинописная копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Письмо бывшего генерала А.А. Брусилова председателю
ВЧК Ф.Э. Дзержинскому. 10 октября 1918 г.

Председателю
Всероссийской Чрезвычайной Комиссии*

В июле 1917 года телеграммой Керенского, бывшего председателя Совета министров Временного правительства, я был отставлен от

---

* Резолюция красными чернилами: В Московский Сов[ет] д[е]путатов]. В комиссариат по военным делам. Презид[иум]у ВЧК 11/Х 18 г. Выписка из протокола заседания президиума — Указать комиссариату по военным делам уплатить Брусилову назначенную ему пенсию. Продажа мебели на основании декрета воспрещается.

должности Верховного главнокомандующего и мне было приказано немедленно выехать из Ставки, не дожидаясь прибытия нового Главковерха Корнилова, что мною и было исполнено. С тех пор, т.е. в течение 15 месяцев, я не получал ни содержания, ни пенсии, ни эмеритуры и до настоящего времени жил на сбережения от моего содержания, которое я ежемесячно копил за три года войны, в которой я участвовал.

Лечение раны и жизнь моего семейства при исключительной дороговизне настоящего времени почти истощили эти сбережения, тем более, что 26 $\frac{1}{2}$ тысяч рублей, на которые я купил военные займы, ныне аннулированы. Мне 65 лет от роду и [я] пока настолько еще болен, что не только не могу работать, но на мое лечение требуются значительные, относительно, расходы.

Кроме того, после только что умершего брата осталось семейство без всяких средств к жизни, состоящее из двух девушек и 14^и-летнего мальчика, которого требуется учить, и я не могу бросить их на произвол судьбы.

На основании всего вышеизложенного прошу: 1) Разрешить продавать мне мое единственное достояние — мебель и часть домашних вещей, без которых я и мое семейство можем обойтись, и 2) Просить Вашего содействия, чтобы назначенная Советским правительством мне пенсия и эмеритура в размере в совокупности 5700 рублей в год выдавалась мне беспрепятственно, тогда как по настоящее время я еще ни гроша не получил.

А. Брусиков

10 октября 1918 г.

г. Москва

Остоженка, Мансуровский пер., 4, кв. 3

РГВА. Ф. 11. Оп. 17. Д. 305. Л. 7–7об. Подлинник. Автограф.
Черные чернила.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

**Из воспоминаний генерала Б.А. Штейфона «Харьковский
главный Центр Добровольческой армии. 1918 год»**

Быстро уширившаяся деятельность Харьковского Центра с его разнообразными областями работы возлагала на меня решение таких

сложных вопросов, опыта в которых я раньше не имел. Несмотря на неизменное поощрение инициативы, мои помощники всегда желали получать от меня указания, всегда желали, чтобы моя воля, моя энергия возбуждала их импульсы. Только свои силы я обязан был находить в себе. Подобное душевно-волевое одиночество переносилось тяжело.

Когда обстоятельства того требовали, я, правда, не испытывал колебаний проявить волю и решимость. Но когда надо было давать чисто практические указания по вопросам ранее мне неизвестным или мало знакомым, я не мог не сознавать своей неподготовленности. Естественно, что инстинктивно искал поддержки человека столь же твердой воли, но житейски более опытного.

Таковым лицом явился генерал граф Ф.А. Келлер¹⁴²², с которым я встречался каждый день и с которым советовался во всех случаях, когда чувствовал в этом потребность.

Отношение графа к Добров[ольческой] армии было двойственным. Он горячо поддерживал идею вооруженной борьбы с большевиками и всей своей солдатской душой стремился принять активное участие в борьбе. В то же время он прекрасно понимал, что в период гражданской междоусобицы необходимы четкие политические лозунги, ибо они вдохновляют и решают борьбу.

Идея Учредительного собрания в ее тогдашнем понимании вызывала органический протест столь цельной натуры, как генерал Келлер. По его мнению, Добр[овольская] армия обязана была вести борьбу под монархическим флагом, ибо большевистскому материализму могла быть победно противопоставлена лишь его одухотворенная антитеза — монархия. Ф[едор] А[ртурович] принадлежал к числу тех консервативных умов, кои отнюдь не были склонными перечеркнуть российскую революцию только потому, что ее не одобряли. Наоборот, все свои практические выводы он строил на основе бытия революции.

На эту тему мы много говорили, и граф неизменно отождествлял русскую либеральную интеллигенцию с Иваном Карамазовым, а русских солдат и крестьян эпохи революции с Смердяковым — вывихнутой душой. Однако так как русская народная душа хранит и святость Зосимы и гнусность Смердякова, то надо стремиться, чтобы благодатное воздействие светлых порывов заглушило бы смердяковщину. Поэтому, по мнению графа, необходимы были лозунги, пронизанные

мистической одухотворенностью, понятные народным массам и имеющие* историческое обоснование...

Генерал Келлер не верил в монархизм руководителей Добровольческой армии и помнил, что лозунг «Учредительное собрание» принят не в силу объективной его якобы целесообразности, а главным образом по симпатиям к нему и ген. Алексеева, и ген. Деникина.

Граф настойчиво стремился стать в ряды Добр[овольческой] армии. Но, конечно, не в смысле формального, бумажного зачисления, а как действенный и притом строевой участник. Однако что было легко выполнимо для любого офицера, то оказывалось непреодолимым для генерал[а] от кавалерии Келлера, одного из выдающихся кавалерийских начальников Великой войны. Нельзя же было гр[афа] Келлера поставить рядовым под команду корнета-первопоходника или дать ему должность командира эскадрона!

Назначить же его во главе добровольческой конницы почему-то не решались. Впрочем, это «почему-то» было понятно тем, кто знал характер графа, его высокий авторитет среди офицеров и непреклонность его монархических убеждений...

Генерал Келлер был, кажется, единственным лицом, не причастным к деятельности Харьковского Центра, которое знало, что я начальник Центра. Он всегда с полным беспристрастием давал мне советы, никогда их не навязывая. Обычно мы сходились во взглядах на решение тех или иных практических вопросов, но это было не столь важно. Важным для меня было то, что в разговорах с Ф.А. я мог свободно высказать свои сомнения, колебания и выслушивать критику своих действий. Человек обширного служебного и житейского опыта, он, конечно, не мог не видеть тогда моего молодого задора и моей прямолинейности, не всегда полезной в том сложном деле, которое я вел. Впрочем, сам юный душою, он, по-видимому, и ценил во мне и мой задор и мою прямолинейность.

С глубоким уважением относясь к гр[афу] Келлеру, я никогда не позволял себе прикрываться его авторитетом, а тем более втягивать его в ту военно-политическую деятельность, которая увлекала тогда меня. Только один раз я счел необходимым предложить графу публичное выступление. Это было в те печальные дни, когда в Харьков дошла весть о мученической гибели государя и его семьи.

---

* В документе несогласованно — имеющим.

Совместно со своими друзьями, мы порешили отслужить всенародную панихиду в кафедральном соборе. Дабы оформить это намерение, я побывал у архиепископа Антония. Владыка отнесся с полным сочувствием к моей просьбе и не только благословил ее, но заявил, что лично будет служить заупокойную литургию.

Панихида была назначена в ближайшее воскресенье, о чем и было объявлено в газетах. Одновременно было дано указание офицерам присутствовать в парадной форме.

Утром в воскресенье я заехал в автомобиле за графом, и мы отправились в собор. Ф.А. был при орденах, я тоже. Наш проезд по Сумской улице и Николаевской площади, т.е. по самым многолюдным местам, привлекал общее внимание.

После литургии духовенство проследовало на Соборную площадь и в присутствии массы народа отслужило торжественную панихиду. В благословенном молчании молились русские люди за своего Царя-Мученика. Редко у кого не было слез. Плаксивая Царя, плакивали и погибающую Родину!

Панихида на Соборной площади произвела сильное впечатление. Площадь эта являлась традиционным местом бывших парадов, торжеств. И невольно вспоминались иные дни, иные картины, с воспоминанием о которых отождествлялось недавнее величие нашей Родины.

И живым воплощением близкого прошлого являлась фигура гр[афа] Келлера. Среди огромной толпы, в мундире и орденах императорской армии, престарелый и величественный, на голову выше других, он так ярко олицетворял величие и блеск империи.

С тяжелой душевной болью сознавалось, что русские люди на русской земле могли свободно молиться о русском царе только потому, что город был занят вражескими войсками. Какая ужасная неясность жизни!

По окончании панихиды гр[аф] Келлер мог лишь с трудом пробраться к автомобилю. Толпа обезумела: люди плакали, крестили графа, старались дотронуться до его мундира, шапки... Всенародно, но, увы, поздно каялись в вольных и невольных прегрешениях перед покойным государем, перед загубленной, поверженной в унижения еще недавно великой Россией...

Потрясенные, возвращались мы домой. Молчали. Да и что мы могли сказать друг другу в те минуты, когда так остро, так больно переживали национальное горе, национальный позор?..

Чем больше налаживалась работа Центра, тем нервнее делался генерал Келлер. Его огневая душа не мирилась с бездеятельностью.

Ценность графа, как военачальника, как кавалерийского генерала, была хорошо известна вождям Добр[овольческой] армии. Штаб армии знал, по моим донесениям, что генерал проживает в Харькове, знал, что он жаждет боевой службы. Однако никаких предложений из армии не получалось.

Несколько раз в душевных разговорах со мною Ф.А. говорил, как бы отвлеченно, что интересно было бы побывать в армии и посмотреть, что там делается. Я понимал, что всегда правдивый, прямодушный граф на этот раз пытается сам себя обмануть. Конечно, не соображения ориентировки, не обывательское любопытство, а тайная надежда принять участие в борьбе тянула его на юг.

Я отмалчивался, ибо имел основания полагать, что графа, в случае его поездки в армию, ожидают лишь неприятные разочарования. Однако, когда Ф.А. сильно заскучал, осунулся, я, переговорив предварительно с графиней, решил «посоветовать» ему съездить в армию. Генерал ожил и быстро собрался. На всякий случай я приставил к нему охрану, обеспечил возможные удобства поездки, и он уехал преображенным. Вновь он стал прежним орлом!

Дней через десять была получена телеграмма о его возвращении. Краткое сообщение о дне и часе приезда. И графине и мне стало ясно, что затаенные надежды Ф.А. не осуществились! Для генерала Келлера не нашлось места в Добровольческой армии!

По приезде, Ф.А. сейчас же послал своего сына за мною. Ему не терпелось излить свою душу. Впечатления были не радостные: между ген. Алексеевым¹⁴²³ и ген. Деникиным¹⁴²⁴ углублялись натянутые отношения. Столь же ненормальными были отношения между Добр[овольческой] и Донской армиями.

В организационных вопросах преобладала импровизация.

Штаб армии работает в атмосфере политических интриг — тайных и явных. Более светлые впечатления оставил ген. Краснов¹⁴²⁵, но его травят и Добр[овольческая] армия, и казачья партийность, и союзники.

Особенно тревожили графа политические настроения самого ген. Деникина — их неопределенность и явное желание надумать какую-то равнодействующую российской партийности.

«Нет ярких лозунгов. Какая-то неопределенность, недоговоренность и видимое подыгрывание. Так вести Гражданскую войну нель-

зя. Офицеры дерутся стойко. Будут победы, успехи, но помяните мои слова — Деникин не добьется окончательного успеха. Самая скверная политика, это сидеть между двумя стульями. Уже теперь Деникин не удовлетворяет ни правых, ни левых. Типичная кадетская политика...»

Я внимательно слушал рассказы графа. Тогда мне казалось, что многие его выводы излишне пессимистичны, продиктованы, быть может, бессознательно, но личными мотивами. Теперь, когда тогдашняя действительность стала уже отстоявшейся историей, я могу только удивляться, какую прозорливость обнаружил Ф.А.

Как бывает с сильно волевыми натурами, неудачная поездка гр[афа] Келлера лишь всколыхнула его энергию. У него зарождается план объединить борьбу против большевиков, ведущую Добр[овольческой] армией, Доном и Скоропадским¹⁴²⁶. Три плацдарма, каждый в отдельности слабый, объединившись, дадут могучую силу. Гетман, правда, не имеет своей армии и вряд ли будет ее иметь. Не позволят немцы! Но он обладает богатыми средствами.

План увлекает генерала. Он предвидит много затруднений на путях его осуществления, но верит, что силою патриотических побуждений можно преодолеть все препятствия. Он организует встречу трех антибольшевицких вождей — ген. Деникина, атамана Краснова и гетмана Скоропадского.

Встреча состоялась¹⁴²⁷, но задуманного объединения не произошло. Генерал больно переживал неудачу. Переживал бы ее еще острее, но в это время получил из Пскова предложение стать во главе формируемой Северо-Западной армии.

Граф отвечает условным согласием: желает предварительно знать условия своей будущей работы и отвергает в этом деле какое бы то ни было участие немцев.

Меня просит составить проект своего подробного ответа и предупреждает, что в случае принятия им должности главнокомандующего Северо-Западной армии он желает, чтобы я был у него генерал-квартирмейстером.

При всем своем уважении к графу, при полном сочувствии живому начинанию, я решительно отказываюсь:

«Покуда Вы в Харькове, я готов всячески служить Вам, но я не ландскнехт, чтобы во имя служебных выгод менять армии».

Ф.А. явно сердится, и чтобы его успокоить, убеждаю, что теперь еще рано обсуждать подобные кандидатуры.

— Нет, не рано. Время дорого и надо хорошо обсудить все, что возможно обсудить здесь. Ехать на охоту, поздно собак кормить!

Много вечеров провели мы, обсуждая по намеченной программе вопросы организации С[еверо-]З[ападной] армии.

После ответа графа в Харьков прибыли представители тех общественных групп, инициативой которых осуществлялась идея новой армии. С их приходом работа графа приняла уже реальный характер.

Со всей накопившейся энергией отдался Ф.А. этому последнему большому делу своей жизни. Он буквально горел, не подозревая, что уже вступил на тот крестный путь, который скоро приведет его к трагическому концу.

В это время графу очень пригодились и те наблюдения, и те разочарования, какие он вывез из своих поездок на Дон и в Добр[овольческую] армию. Эти поездки дали ему полезное представление о тех условиях, в каких ведется Гражданская война. Война столь отличная от всех иных видов войны.

ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 88–96. Подлинник. Автограф.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

«Настоящую революцию я в натуре лично с оружием в руках проводил». Исповедь сотника И.Е. Рогожкина¹⁴²⁸

Красный и белый лагеря Гражданской войны не являлись зафиксированными по своему составу — во все периоды помимо костяка в них оказывались многочисленные временные попутчики. Немало было и тех, кто метался между сторонами, не зная, к кому примкнуть. В полной мере это относилось и к офицерству. Типичные для того времени искания казачьего офицера нашли яркое художественное воплощение в образе Григория Мелехова из романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Документов, отразивших аналогичные перипетии, сравнительно немного. Тем выше ценность каждого такого свидетельства.

Вниманию читателей предлагается интереснейший документ эпохи — воспоминания о Гражданской войне оренбургского казачьего офицера, выходца из нижних чинов Ивана Евдокимовича Рогожкина,

казака станицы Бердской (по другим данным, Никольской) 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска.

О Рогожкине известно немного. Он участвовал в Первой мировой войне, служил в 14-м Оренбургском казачьем полку, в партизанском отряде Сводной казачьей дивизии, 25 августа 1916 г. был эвакуирован и зачислен во 2-ю Оренбургскую казачью запасную сотню, а затем вернулся в полк. На 1917 г. числился в 14-й особой Оренбургской казачьей сотне. За отличия был произведен 2 января 1915 г. в старшие урядники, а затем и в прапорщики (с того же числа), с 1916 г. — хорунжий, по состоянию на 1918 г. — сотник (со старшинством с 4 сентября 1915 г.)¹⁴²⁹. За боевые отличия в годы Первой мировой Рогожкин был награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами¹⁴³⁰. Офицер отличался храбростью и решительностью. Так, в ночь с 25 на 26 января 1916 г. он руководил разведкой группы охотников западнее фольварка Анатовка. Тогда разведчики обнаружили партию противника силой не менее 50 человек, подпустили ее на 15 шагов, забросали гранатами, а затем атаковали, ранив 12, убив 3 и пленив 1 человека, остальные солдаты противника бежали¹⁴³¹.

В Гражданскую войну офицер командовал 1-й сотней 25-го Оренбургского казачьего полка в войсках А.И. Дутова. Но у белых служба Рогожкина не задалась. Он неоднократно предавался военно-полевому суду. Наконец, 19 января 1919 г. Рогожкин бежал к красным, захватив пропуска и секретную переписку командира полка. Эпизод появления Рогожкина в штабе красных нашел отражение в опубликованных воспоминаниях одного из советских работников: «В 6 часов утра, когда мы пили чай, вошел незнакомый человек в военном плаще. Отвесив общий поклон, “по-офицерски” громко и отчетливо произнес: “Позвольте представиться, я командир 3-й¹⁴³² сотни 25-го казачьего полка сотник Рогожкин”.

В его записной книжке мы нашли копию письма, которое он оставил своей сотне.

Вот оно:

“Станичники, простите, я сделал по чистой совести все, что мог. Сего 19 января в 6 часов утра покидаю вас и перехожу на сторону Красной армии и буду защищать интересы вас, трудящихся”.

Сотник поступил в один из наших полков и сразу послал письмо своей сотне, предлагая ей целиком перейти к нам»¹⁴³³.

Поступив на службу в Красную армию, Рогожкин стал командиром конной разведки 212-го Московского полка 24-й Симбирской Железной дивизии (почетным красноармейцем этого же полка с 27 февраля 1922 г. стал числиться В.И. Ленин) и участвовал в боях со своими недавними сослуживцами. Через линию фронта Рогожкин отправил письмо своей сотне с призывом в полном составе переходить к красным. Впоследствии, возможно, с целью выслужиться перед большевиками Рогожкин заявлял о своей попытке убить атамана Дутова, которую он не осуществил якобы из-за того, что рядом были дети¹⁴³⁴. Дальнейшая судьба офицера неизвестна.

В своих кратких воспоминаниях Рогожкин, простой, полуграмотный человек, бесхитростно изложил свои переживания на фоне исторических событий. Воспоминания отражают взгляд младшего офицерского состава на происходившие события и представляют описание переживаний человека, метавшегося между белыми и красными.

Рогожкин описывает удивительные в своей противоречивости реалии Гражданской войны. К примеру, как казаки с офицером обсуждают, стоит ли всем переходить к красным. Мнения разделяются. Офицер решает перейти к красным, а казаки — остаться у белых. Происходит сцена прощания, целуются. Офицер уезжает, казаки имитируют стрельбу, чтобы их не подвергли преследованиям, и возвращаются к белым.

Другой эпизод. В занятую красными станицу вступает казачий полк. Красных мало, силы неравны. Комиссар пугается конницы противника, однако тут же выясняется, что казаки едут сдаваться. Пленный белый штаб-офицер убегает через забор. Красноармейцы обнаруживают брошенные им письма к невесте, обещают их передать по адресу.

Эпизод третий. Целая станица встречает красных колокольным звоном и хлебом-солью, те не знают, как реагировать, тем более что среди красноармейцев есть поляки и венгры, а русские — атеисты. По совету Рогожкина как знатока казачьего быта все снимают шапки и принимают подношение. Гражданская война в мемуарах Рогожкина предстает абсолютно живой, реальной, в том числе сквозь призму таких парадоксальных и поразительных ситуаций.

Установить точное время написания воспоминаний не удалось. По всей видимости, речь идет о 1920-х гг. Воспоминания выявлены нами в коллекции Историко-партийного отдела Оренбургского губкома ВКП(б) из собрания ОГАСПИ. Документы публикуются в соответствии

с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей (прежде всего, характерного написания мемуаристом отдельных слов).

Документ 1. И. Рогожкин. Гражданская война на дутовском фронте за октябрь — декабрь 1918 г.

И. Рогожкин

Гражданская война на дутовском фронте за октябрь — декабрь 1918 г.

Гражданская война на самарском фронте за октябрь, ноябрь, декабрь 1918 года

Из воспоминания командира 1 сотни 25 Оренб[ургского] каз[ачьего] пол[ка] И. Рогожкина

1918 год в последних числах сентября состоялся приказ Дутова¹⁴³⁵ казаков Бердской станицы снять с охраны железной Ташкентс[кой] дороги и сформировать из них сотню и отправить на самарский фронт в 25 Оренб[ургский] каз[ачий] полк. Меня вызвал на квартиру в станице Бердской есаул Баев Александр¹⁴³⁶ и сообщил, что казаки собраны, завтра отправка их на самарский фронт, и я назначен командующим сотни, младш[ий] офицер Черемухин Ив.И. подал мне приказ, в котором сказано порядок передачи сотни при торжественной обстановке. Завтра день воскресный, вы должны явиться в церковь в парадной форме, по окончании обедни состоится напу[т]ственный молебен и тут же сдача и принятие сотни, казакам к окончанию обедни приказано построиться напротив церкви в конный строй, я стал есаула Баева просить, не будет ли возможным командиром назначить Черемухина прапорщика, но он ответил, что нельзя распоряжением свыше. Я сообщил ему, вам известно, что подсудный и, вместе с тем, не разделяю религиозные убеждения, при всех желаниях исполнить приказ идти в церковь я не могу, Баев есаул еще ранее спас меня от большой неприятности, со мной был очень мил, сказал мне: То, что Вы мне сказали, если узнает Дутов, вас постигнет та же участь, что произошла с 13 большевиками от партизанского отряда на задах дома Козлова Еф. (бывшего штаба Пугачева), я, видя, что выходу нет, расписался в извещении и ушел. Немедленно вызвал прапорщика Черемухина и отдал ему приказание, чтобы он был завтра в церкви вместо меня и принял сотню после молебна и отдал приказание сотне, чтобы собраться к 2 час. дня на пло-

щади для отправки на фронт, и к этому времени я окончу неотложные дела [и] буду там же, вышло все по-хорошему, в 2 часа я выехал на площадь, сотня была уже готова, я поздоровался, поздравил с походом и дал им слово постараться привести их домой на эту площадь целыми и невредимыми.

Нашлись старики недовольные, которые сказали: от этого командира ждать хорошего нечего — в церкви божьей не был, да и на молебне не присутствовал. Посадку производили сотни на № 18 разъезд[е], куда прибыли провожать и родные казаков, а также были старики без определенной цели, видимо, только посудачить. На 18 разъезд прибыл полковник Белов, каковой до сего времени здравствует. Собрал кучу стариков, которые ему поясняют, что командир в церкви не был, напутственное слово сказал неладно, я, проходя мимо их, Белов как нарочно говорит: не нужно их было отправлять на фронт, а на площади из пулемета перестрелять это было бы лучше, что заставило говорить такие слова полковника Белова, не знаю, но думаю, что старики наговорили ему какую-нибудь глупость про меня и про казаков. Вот с таким благословением пошли воевать с большевиками Бердяши. Напомню, этот полковник Белов со спокойной душой подхлестывать других, а сам занялся важной работой пустые вагоны списывать. По приезде на самарский фронт около села Барабановка сгрузился и явился к начальнику группы генералу Корноухову¹⁴³⁷, который назначил меня командир[ом] 1[-й] сотни, состоящей исключительно из казаков Бердской станицы, и зачислил в 25 Орен[бургский] каз[ачий] полк.

В полку я с первого разу заметил порядки плохие, причитающие[ся] жалованье и суточные на довольствие 2 месяца не выдавали. Обмундирование тоже, казаки большинство обтрепаны, довольствие себе и лошадям доставали способом реквизиции и неумеренно, где кто сколько ухватит, вооружение: за исключением моей 1[-й] сотни весь полк вооружен винтовками системы Гра и в большинстве неисправными.

Командир 25 Орен[бургского] полка был Тургенев¹⁴³⁸ полковник — форменный алкоголик, да и недалекого, видимо, ума, он мне заметил, что я в колесницу сотни вставляю палки, и лучше было бы, если [бы] меня в полку не было, по вывеске был очень представительный¹⁴³⁹, в полку мародерство считалось геройством, казаки привыкли каждый день менять лошадей, отымая у крестьян, и некоторые отсылали домой все, что попадется под руку, крестьяне ранее считали сво-

ими казаков, а потом стали ими тяготиться и стали сочувствовать красным и с нетерпением ждали прихода красных, за период моего служения у белых 3^х месяц[ев:] октябрь, ноябрь, декабрь 1918 год[а] особенного отметить нечего, за исключением полного хаоса. Война с большевиками [среди] фронтовиков-казаков была, в целом, непопулярна, если они там и участвовали, то только принудительно — мобилизованы Дутовым после занятия города Оренбурга, проведена сильная реакция казаков, расстреливали чуть ли не в каждом поселке, страх нагнан был ужасный, никто не мог заикнуться, что воевать не будет с большевиками; мобилизация объявлена как раз в покос, все побросали станы, заимку, работы, косы и косилки и скотину[;] скакали наперегонку являться в свои станицы, но многие по приезде тут же расстреливались, я за время трех месяцев на фронте два раза предавался полемому суду. Причина была ранее описана. Был в наступлении несколько раз, и всегда наступление по тем или другим обстоятельствам не состоялось, в большинстве из-за того, что ночью теряли направление на заранее выработанную диспозицию, позже стали заранее брать (язык) проводников из местных жителей, которые тоже всегда сбивались. Я замечал, что это искусственно, и очень этому радовался, особенно довольны казаки были, что наступление не состоялось. Тургенева, ком[андира] 25 Оренб[ургского] полк[а], сменил войсковой старшина Иванов П.¹⁴⁴⁰, человек трезвый и очень гуманный, но в военном деле был бездарный до бесконечности, он готов в трех осинках целый день плутать, несколько ему раз отдавали приказ наступать, но ни одно наступление не сделал. Он меня просил, чтобы я помог, но я, как старый его сослуживец по Германской войне, был с ним более чем откровенен, всегда отказывался, говорил, что это меня не устраивает, Иванова сменили, назначили еще чуднее полковника Калачева¹⁴⁴¹, это был человек совсем глупый и ни к чему не способный, после его назначили из гражданского ведомства, видимо, юрист, ранее был в гор. Варшаве управляющ[им] княжеских имений, человек, видимо, ума, но не военный, хотя числился есаулом, сделать он с полком ничего не мог, потому что только где чуть красные появятся, достаточно несколько выстрелов, казаки делают панику. Офицеры, видимо, немало были моего взгляда, а особенно командир 3^й сотни 25 пол[ка]. На Рождество я получил отпуск на 6 дней. Сотней вместо меня командовал[и] штаб[с]-капитан Красильц и корнет Кувшинов, казаки мои их никак не слушали, а ночью даже боялись их команди-

ры, если ночью куда поехали казаки, над ними всюду издевались, выкрикивали по ихому* адресу матерные слова, освистывали, передразнивали их фамилии. Как назло, сотня прикрывала казачью батарею, а ком[андир] Московского полка т. Гурский сделал набег, забрал три орудия, казач[ки] разбежались, за это в сотне началось следствие об измене и неисполнении приказаний. Я на Рождество готовил воззвание в четырех экземплярах для казаков, где описывал всю революцию и ее последствия. Учил, как вести агитацию в частях и как должны переходить к красным, кого должны больше всего опасаться, а также просил трудящих[ся] офицеров не запуговаться** сдаваться красным, Дутов на Рождество справлял пиры, был у нас на елке в школе в пос. Бердском, меня не приглашали старые заправилы, я приходил незванный под окно со двора школы и слушал декламацию детей, имея при себе две большие бомбы и заряжен[ный] револьвер***, велико желание было в упор разрядить револьвер в Дутова и его присных, но жалость к детям взяла верх. Дутов остался цел, мне вся обстановка благоприятствовала для безопасного выполнения. Конвой был большинство снаружи у парадных и внутри помещ[ения], а со двора стояли только кони конвоя, я казака заранее расспросил, какая лошадь лучше и сильнее всех бегаёт, мне казак показал, я полюбовался, подтянул подпруги, приготовил повод на легкий узел, осмотрел ворота, подошел опять к окну. Дутов стоит от меня в двух шагах, несколько раз намеревался разрядить в Дутова [револьвер], но радостные лица детей и радостный лепет стишков детских голосков спас его и многих других. Я больной ушел от окна домой, на Рождество прибыли ко мне с визитом два попа, вновь назначенный и неизвестный мне священник Аполлонов**** и другой священник, псаломщик Иван Кондрашев, с последним у меня на квартире вышел наружу секрет, случайно стоящий жизни, 1918 г., в последних числах сентяб[ря], пред отъездом моим на самарский фронт псаломщик был у меня в дому и при прощании сказал мне — дай Бог вам победы над большевиками, я посмотрел на него и сказал, ведь я лично скорее красный командир, чем белый, и победы как раз желал бы на стороне красных, которым я сочувство-

---

* Здесь и далее так в документе.

** Так в документе.

*** Т.е. револьвер. Здесь и далее так в документе.

**** Здесь и далее в документе — Аполлонов.

вал и буду служить им на пользу, псаломщик этих слов так напугался, что несколько время не мог говорить, побелел до неузнаваемости, с дрожью в голосе произнес — Бог с вами, оставайтесь при своих убеждениях, я противодействовать с вами не в силах. Я подал ему руку и сказал ему — предупреждаю вас, если вы неосторожно проговоритесь или заявите властям, меня сейчас же арестуют и расстреляют. Но вы в день моего ареста будете убиты, и на этом расстались. При входе с попами на Рождество псаломщика Кондрашева в избу я увидел его лицо то же, что было три месяца назад, исправив рождественскую требу, попы со мной поздоровались, я прошу присесть и предложил по рюмке спирту, ранее не знакомый мне священник Аполлонов с первых слов перешел об войне. Я, говорит, очень обрадовался, когда узнал, что приехал командир сотни с фронта, и поэтому поторопился к вам, расскажите про наших доблестных воинов и скоро ли мы эту сволочь уничтожим. Я всяко смягчал разговор о фронте, но священник настойчиво спрашива[е]т моего мнения, когда перебьем их, я, с трудом сдерживая себя, сказал, если верить нашей печати и разным сообщениям, то будто скоро кончится, а если верить красным газетам, то там комиссар Троцкий сообщает, что годика три или более повоюем, Аполлонов, видимо, был немного на взводе, схватил крест, как стукнет им по столу, что все перепугались, и говорит — я закладываю свою голову, что всю эту сволочь перебьем за продолжение шести месяцев, к несчастью, за столом сидела моя тетушка из главных мастерских Зонова. У ней сын на Ташкентском фронте в красных Матвей Губернский, и она не стерпела, заплакала и говорит — мы молимся Богу, чтобы Господь смирил их сердца враждующих, а батюшка говорит вон что, Аполлонов священник обернулся к ней и говорит, что миру быть не может, мы или они должны одни царствовать, мы или они все должны погибнуть, тетушка со слезами спрашивает Аполлонова, кто же это они. Аполлон[ов] отвечает — вся эта рабочая сволочь, тетушка стала сильно плакать и упрекать священни[ка], другой поп и псаломщик стоят в изумлении, а Аполлон[ов] сильно нервничает. Положение мое было хуже, чем в самых тяжелых местах на фронте, я нашелся, вынул 25 рублей и отдал Аполлон[ов]у, поклонился, они ушли, успокоив тетушку, я слег в постель, а на другой день еще больше болел, что не разрядил револьвер в Дутова, праздник провел скверно, кроме попов никого не принимал и ни к кому не ходил. Держал револьвер наготове все время, думал, что пса-

ломщик выдаст, одно было утешение закончить воззвание и покончить самарский фронт. Звал жену на фронт, чтобы проводить через фронт к красным, она не согласилась, а сам хотел сговориться с т. Гурским и ликвидировать фронт на станции Новосергиевка, но по случаю налаженной сильной агентуры Дутова с штаб[ом] Крас[ной] арм[ии] осведомленность была полная. Я ехать к тов. Гурскому раздумал и ждал случая, когда дутовский самарский фронт ликвидировался, Аполлон[ов] ушел с белыми, видимо, жил не так далеко, жена его спросила меня, если муж мой придет, вы его отправите в чрезвычай[ай-ку] или нет за то, что он говорил на Рождество у вас на квартире, я дал ей слово, если он здесь не будет делать пакости, то его, думаю, никто не тронет, Аполлон[ов] вскоре приехал, через полгода вызывают меня в ревтрибунал, Оренб[ургский] губ[ернский] суд по делу Аполлонова, наверное тетушка возобновила дело или наши из ячейки, но на суд ее не вызывали. На суду была вся тройка — два попа и псаломщик, судья спросил меня — вы из белых офицеров, я ответил да, были ли у вас на Рождество священ[ник] Аполлонов и псаломщик Кондрашев, я ответил были, что говорил Аполлонов, спрашивал, когда война кончится, я ответил, что если Троцкому верить, то года три провоюем, Аполлон[ов] вышел из себя и постучал по столу крестом и сказал, что за шесть месяцев всю сволочь поколотим, судья спрашивает еще, как ругал священ[ник] Аполлонов, я попросил, чтобы сам Аполлонов рассказал, я сказал, что не помню, как ругал, но знаю, что поносил грубо, спросили другого попа и псаломщика, было ли так, они подтвердили. Судья стал спрашивать, Аполлонов, что говорил на квартире Рогожкина, он сказал, хорошо не помню, но знаю, что порицал красных, иначе я вести себя не мог, потому что был в доме белого офицера. Когда я порицал красных, то Рогожкин дал мне за это 25 руб. и мы ушли. Аполлонов на суде себя показал, что он сам чуть не коммунист, мешает только ряса, что только ни говорил, называл себя левым меньшев[иком], а сын мой служит партизаном в Красной армии, очень много врал Аполлонов, но все выходило у него красиво и в доказательство представил рекомендательное письмо из Ц.И.К. от доктора Ружейникова.

Судья спросил меня, давали ли Аполлонову 25 руб. за то, что очень сильно порицал красных, я сказал, чтобы избавиться скорей от такой неприятности в доме давал, Аполлонов и другой поп и сейчас здравствуют, Аполлонов приехал домой и говорил при народе, не хотел,

чтобы Рогожкин засадил. Не только для оправдания нужна наука, требуется еще и нахальность и ложь, я думаю, при перевороте Аполлонов сотни невинных обвинит и расстреляет.

Иван Евдоким. Рогожкин

ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183. Л. 1–4об. Рукопись;
Д. 213. Л. 80–83об. Машинопись.

Документ 2. И. Рогожкин. 1919 год.
Разложение самарского дутовского фронта.
1919 год*

Разложение самарского дутовского фронта

25^й Оренб[ургский] казачий полк на станции Новосергиевской самовольно отошел на несколько верст в тыл, военное командование немедленно донесло Дутову, атаману оренб[ургского] казачества. Дутов не замедлил издать сногшибательный приказ отозвать 25 Оренб[ургский] каз[ачий] полк в тыл, в станицу Донецкую, где приготовленные 1000 достойных стариков-станичников из разных поселков, преданных казачеству (то есть дутовцы), изменников, 25 казачий полк, обезоружить и отобрать коней, вооружение и снаряжение и передать достойным старикам-станичикам, виновников немедленно отправить в Оренбург; район Донецкой станицы на бумаге у Дутова считался укрепленным районом и в печати часто упоминалось для успокоения умов, как будто неприступная крепость, горожане Оренбурга, а особенно старики-станичники, свято верили, что укрепленный район большевики не перешагнут. На сходах старики выносили постановления в верности атаману Дутову с лозунгами смерть большевикам, только через трупы наши большевики займут гор. Оренб[ург], а на деле было совершенно иначе: укрепленный район ничем от другой местности не отличался, за исключением, разве, проволочного ограждения, занесенного снегом, а фронтовики на самарском фронте все лозунги своих отцов осмеивали и в обыденный порядок вошло критиковать газетные выдержки о верности Дутову, о непобедимости, до полной победы воевать с большевиками, а самое частое выкрикивали «Ура» Дутову, через трупы только большевики взойдут в гор[од]

---

* В документе ошибочно — 1918 год. Речь идет о событиях 1919 г.

Оренб[ург], смешных лозунгов фронт родил ежедневно, казаки ими только и жили, о победе или о задержке большевиков никто и не думал, иначе думал, иначе жил фронт с тылом. Не брезговали казаки делать кой-какие проказы, как то отобрать у мужика лошадь, снять полушубок, валенки, а также обыденно отбирали продуктовый скот, продукты и фураж. Не говоря про офицеров, даже казаки имели двух коней. Отцы-командиры потворствовали мародерству, это их устраивало, они писали счетики не существующих покупок на довольствие людей и лошадей, а денежки по карманам, казакам многим такие поступки не нравились, но было как-то введено в порядке вещей, население страшно негодовало, как ни боялись красных, но часто можно слышать — так обижать не будут наверно большевики, всемерно сочувствовали красным и ждали ихого* прихода, при перестрелках казаки повсюду стреляли только для демонстрации.

Старшее командование группой, особенно полковник Поляков¹⁴⁴², больше всего наводили дисциплину, требуя отдания чести в тылу; охотно производили репрессии. Это можно отметить на станц[ии] Новосергиев[ка], я лично видел целый обоз на Рождест[во] нагих красноарм[ейцев], привез[енных] башкирцами с уфимского, видимо, фронта. Бросить нагим какую-либо тряпку никому не допускалось, многих расстреляли тут же на стан[ции] Новосергиев[ка], а остальные отправлены в гор. Оренбург.

Осуществить приказ Дутову не пришлось, казаки 25 Оренб[ургского] каз[ачьего] полка узнали секрет своевременно, для какой цели отводят на укрепленные позиции, то есть в станицу Донецкую. Хотя делалось Дутовым очень аккуратно, без всякого шума. Отвод в тыл 25 полк[а] сообщалось как на отдых ввиду переутомления.

1919 год**. 17 янв[аря] в 12 час. ночи 25 Оренб[ургский] каз[ачий] полк разместился по квартирам, заранее подготовленным местной администрацией, казаки за час или полтора до занятия квартир узнали, для какой цели их отвели в станицу Донецкую; а еще более убедились, что станица Донецкая в 12 час. ночи была переполнена стариками, казаки по квартирам встали более чем когда кучно, не думая выбирать, где простор или где есть молодки, всюду поставили строгую самоохрану, в случае, где появятся старич[ки], на квартиру за исключением

* Так в документе.

** В документе ошибочно — 1918 год. Речь идет о событиях 1919 г.

хозяина никого не пускать, в противном случае немедленно стрелять, чтобы поднять в тревогу остальных, предупредить. Мы не успели зайти в избу, самовар был подан, хозяин узнал, что у него квартирует командир 1^й сотни 25 полк[а], услужливо собирает на стол съестное, дверь отворилась, на пороге появился рослый, представительный старик-станичник, по-военно[му] попросил войти в комнату делегации от стариков. Все трое взошедшие были очень прилично одеты, подпоясаны синими кушаками, вытянулись в струнку, я немедленно стал просить их сесть, по взору ихому я заметил, что они ищут старшего, но определить, видимо, не могут: за столом были два корнета — помещики из центра России; и один подхорунжий в более прилично[й] форме и с упитанной физиономией. Я лично ничем не отличался от казаков. Они, обращаясь к моему младшему офицеру, за каждым словом повторяя Ваше благородие или Ваше высокоблагородие, позвольте узнать, кто командир 1 сотни 25 Оренб[ургского] каз[ачьего] полка, они указали на меня, я с трудом уговорил стариков сесть, они начали возражать мне, что при разговоре с командиром они должны стоять, я, успокоив станичников, спросил их причину позднего посещения. Ответили невраз и с какой-то боязнью — вам, наверно, Ваше высокоблагородие, известно, что в 25 Оренб[ургском] казач[ьем] полку много изменщиков, которых атаман Оренб[ургского] каз[ачьего] войска приказал обезоружить, отобрать коней, вооруж[ение] и снаряжение и вооружиться нам. Мы надеемся, что вы, Ваше высокоблагородие, нам поможете; на помощь нам для обезоруживания прибыли партизаны и 19 полк, а также атаман Дутов шлет свой дивизион казаков из города Оренб[урга], должны с часу на час прибыть; выслушав станичников, посмотрел на своего подхорунжего Комарова, которого забила лихорадка от такой неожиданности. Я сказал им, я приму все меры, зависящие от меня, для обезоруживания, но думаю, что отобрать винтовки, а особенно собственных коней и, снаряжение не так легко, добровольно никто не отдаст, а силой, я думаю, наш 25 полк едва ли обезоружить возможно; вызванные партизаны и дутовский дивизион и 19 полк едва ли совладают, потому что у наших каз[аков] 25 полка винтовки в большинстве трехлинейки и в полной исправности и при полном запасе патронов, а у партизан и в 19 полку винтовки Гра системы и в большинстве не стреляют, дело очень риско[во]е, без большой крови обойтись нельзя; старикам, видимо, дана инструкция с расчетом усталые казаки рады до места без охраны будут спать, сонных обезоружить, но случилось

наоборот, не только по одному, в некоторых больших домах встали по два часовых, а вход в избу не только посторонним старикам, даже некоторые и хозяев в избу до утра не пустили, я объяснил, что вам, почтенные отцы, очень теперь опасно ходить в районе 25 полка, не только взойти в избу обезоруживать; всюду стоят караул[ы] и по первому знаку откроют стрельбу.

Я в присутствии стариков обратился к подхорунжему Комарову — как вы смотрите на это дело, возможно ли обезоружить наш 25 полк, он ответил — не только казаки, я сам, покуда буду живой, не отдам из рук никому винтовки, а про коня и говорить не приходится, старики, видимо, очень напугались и стали говорить, что им сказано, что обезоруживание пройдет безо всякого скандала, Комаров обратился ко мне, предложил писать требование на патроны, а в случае необходимости нужно предупредить патронные двуколки, чтобы были под руками, Комаров до этой минуты был самый преданный дуговец. Старики простились, ушли, часа через 2^{ва} один станичник-старик пришел ко мне со слезами, стал расспрашивать, что ему делать, семья большая, сыновья на фронте, скотины много, если уехать, скотина вся пропадет, взять с собой скотину — дорогой без корму подохнет, или таковые* без гроша свои отберут. Остаться дома наверно красные расстреляют. Я считаюсь здесь самым главным виновником, несколько раз ломал полотно железной дороги, жег поезда и мосты, делал ключи для отвинчивания гаек от рельсов, и пояснил, что наша Донецкая станица три раза послала делегацию к красным, что ломать и жечь не будем, и нам прощали, а теперь, думаю, не простят. Я присоветовал временно побыть на хуторе, по мере успокоения прийти с повинной о своих деяниях, старик ушел со слезами. Ночь прошла спокойно, казаки оживели утром, 18 янв[аря] 1919 г.** Командир 25 полк[a] уехал на станцию Сырт, где находился командир корпуса генерал Шишкин¹⁴⁴³, мне извес[тно], что ждут от Дугова подкрепления и особых инструкций. Казаки 25 пол[ка] чувствовали себя хозяева[ми]. Я предложил казакам 1 сотн[и] собраться на одном дворе и без винтовок, никуда не выходить, обсудить, что они думают делать — сдаваться красным или отступить с казаками, по обсуждению урядники мне доложили, что большинство решили, если будут отступать, то отступят не из боязни красных, а из боязни, что

* Слово неразборчиво.

** В документе ошибочно — 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

красные власть не удержат, а тогда где бы мы ни были, нас найдут и расстреляют, как это было по приходе Дутова в Оренб[ург] [в] 1918 г., меньшая часть решила, когда будем отступать через свои станицы, то попрячемся дома. Я получил почту на имя командира 25 каз[ачьего] полка, весьма секретные конверты оставил себе, остальные услал в канцелярию полка, вызвал к себе урядника Козлова Вениамина, которому приказал немедленно ехать по фронту установить связь, где находятся какие части и с кем держат связь, к вечеру 18 янв[аря] 1919 год[а]* я собрал сводку расположения казачьих частей, вскрыл секретные конверты, где оказались дутовские приказы командиру корпуса генералу Шишкину, в которых Дутов приказывает Шишкину во что бы [то] ни встало** задержать наступление красных на укрепленных позициях в районе станции Сырт и Донецкая станица, дабы выиграть несколько времени в упорных боях; предупреждаю, что от этих боев зависит все; через несколько дней на помощь к Вам придут наши добрые союзники — французы и англичане, спешно идут из г. Троицка. Я собрал все документы важнейшего значения, ночью рассчитался со всеми должностными лицами, сделал отчет, многим написал отпуска домой, а сам с тремя урядниками поехал в разведку. Отъехал от станицы Донецкой версты три, остановились, я объявил им, что я красный командир и был у вас только по необходимости, а службу нес все время в интересах красных, урядники мне не поверили, сказали [в] один голос, что я их одманываю***, я с уверенностью рассказал всю работу свою, тогда они ответили, что мы немного замечали, но что сейчас уйду к красным, они опять не верят, я рассказал свой взгляд на революцию и надпомнил**** свои переживания от Дутова, они поверили, стали спрашивать, можно ли им ехать со мной, я охотно им предложил, они спросили меня, а красные как бы не расстреляли, я ответил, что скорей красные меня как командира сотни расстреляют, а вас, думаю, не тронут. После долгих споров ехать они со мной отказались из[-з]а боязни, [что] красные расстреляют, я объяснил им, что скоро или нескоро вы все равно вернетесь к красным, но с большими трудами вам доведется переходить, потому что вы будете следить друг за дружкой, а тем более вас переме-

---

* В документе ошибочно — 1918 год. Речь идет о событиях 1919 г.

** Так в документе.

*** Так в документе.

**** Здесь и далее так в документе.

шают с народовольцами¹⁴⁴⁴ или еще хуже с офицерами. Я вручил урядник[у] Копытину три конверта [(у меня были за продолжительное время написаны в революци[онном] духе воззвания[и]), адресованные в разные полки, где описана вся революция с начала и что будет дальше, просил конверт, адресов[анный] 25 полку, вскрыть по приезду в сотню, из него вы узнаете, что вам делать, остальные передать по назначению адреса, распрошались несколько раз, целование проходило со слезами, я особенно просил доставить по назначению конверт, потому что они стоили большой работы при самых тяжелых условиях и душевных волнениях, конверты доставить они пообещались, а ехать в сотню одни не едут, говорят, что мы приедем одни, нас сочтут за соучастников и расстреляют. Я сказал — станичники, невозможное вы с меня не просите, если хотите, то стреляйте в меня, вас трое и не бойтесь, у меня револьвер в кобуре, при желании обороняться я во всяком случае не успею вынуть, ведь у вас винтовки на изготовке, они опять стали просить ехать с ними до станицы, я наотрез им отказал — вы трое и все трусы, у вас здесь не хватает у троих храбрости убить одного, а если я вас доведу до станицы, вы на меня накинетесь и растерзаете на куски, я этого не хочу, стреляйте в меня, покуда в ваших руках, а то утром нынче, если красные не расстреляют, я вас бе[з] задержки погоню. Они стали просить, научите, как нам быть, я сказал, если вы убивать меня серьезно не хотите, то отъезжайте от меня несколько и стреляйте, хотите в меня, хотите вверх, и скачите докладывайте командиру полка, что я был с вами в разведке, отъехал несколько вперед и кальером* ускакал, мы стреляли в него, не попали. Все три урядника Копытин Петр, Долинин Михаил, Козлов Сергей, все мои поселочники Бердяши и по сие время живы. Еще раз поцеловались, я повернул коня и поехал шагом, стреляйте закричал, если хотите в меня; жутко было несколько минут, по спине несколько раз пробежали мурашки, вот ждал выстрела в спину, но слышу, они поворотили коней и поскакали к станице, через несколько время раздались несколько выстрелов, но пули полетели в другую сторону, казаки прискакали в сотню, сообщили, что командир ускакал к красным и поведет наступление на нас красных, сотня моментом собралась и бросила фронт, уехали по станицам, за сотней последовали полки, с криками домой, по станицам, если бы я знал, что произойдет это с фронтом, то штаб корпуса можно бы забрать одним взводом, он

---

* Т.е. карьером. Так в документе.

более половины дня не знал, что на фронте нет никого, надо думать как штаб корпуса себя считал слабым, казаки на Берде от Сосновина, член[а] Круга, узнали, что я прислал письмо, которое находится в штабе корпуса, ездили обратно на фронт, потребовали выдачи моего письма, им сказали, что Рогожкин, видимо, расстрелян, написано письмо не его рукой, только есть его подпись, письмо казакам прочтено, содержание дальше. По приезде моем в поселок Переволоцкий, где находился командир 24 Желез[ной] дивизии тов. Павловский, командир бригады Пугачевский и командир Курского полка, а также комиссары бригады и дивизии, тов. Павловский расспросил цель приезда, об состоянии фронта, а также расспросил, в каком виде сообщает контрразведка, предложили остаться при штабе, сообщил, что я им известен, я отказался, предлагали на бронепоезд, особенно звал к себе в полк командир Курского полка, я отказался; пожелал ехать в 212 Московск[ий] полк к тов. Гурскому. Павловскому я передал все секретные бумаги, а также копию пакет[ов], переданных казакам. Особенно его взбесило, откуда эти черти-союзники, мы немедленно выясним, если они есть, им тоже поухнет.

По окончании утреннего чая, тов. Павловский предложил мне написать несколько строк своим казакам, для этого был вызван крестьянин, которому тов. Павловский вручил мое письмо со словами — Смотри, отец, это равноценно твоей жизни. Сейчас же скачи в сторону белых и передай письмо казакам, письмо было мной написано следующего содержания: «Станичники, нынче утром, 19 января 1919 г.*, я прибыл в штаб 24 Железной дивизии, принят гостеприимно, жизнь вне опасности, желающие, следуйте за мной, ваш бывший командир 1^й сот[ни] 25 каз[ачьего] полка Иван Е. Рогожкин, пос. Переволоцк». Мой подлинник оставили у себя, а снятую копию, которую я подписал, послали казакам. Из поселка Переволоцка в 2 час. дня 19 янв[аря] я поехал в дер. Алексеевку, в штаб 212 Московского полка, где явился тов. Гурскому и зачислился в конную разведку добровольцем. Во время боевых действий я был за командира конной разведки, а на отдыхе я был свободным, мне был даден вестовой, из поселка Алексеевского нам дан маршрут** на соединение Илецкого фронта через посел. Зубочистенку, станицу Татищеву и в станицу Городище, в ка-

---

* В документе ошибочно — 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

** Т.е. маршрут. Так в документе.

кую я с разъездом взшел вечером 1919 г.* 20 янв[аря]. На пройденном пути столкновений с казаками не имели, остановились на площади около дома попа, я заметил, по большой дороге из Краснохолма по направлению в гор. Оренб[ург] скачет тройка, запряженная в простые сани, на которых сидят три человека. Бег лошади, красивый и очень сильный, меня привлек, я приказал троим разведчикам воротить их, но догнать было трудновато, они стали стрелять, те ход задержали и привели их ко мне, по физиономии я на одного подумал, что офицер, спросил откуда и куда и кто они, они ответ[или]: Едем из станицы Краснохолмской в гор. Оренбур[г] на заседание Круга, один назвал себя писарем оренбургского штаба и членом оренбургского казачьего Круга по фамилии Нестеренко¹⁴⁴⁵, я предупредил, мы красные, и я из белых офицеров и прошу вас говорить правду, а то будет хуже, я лично думаю, что вы — офицер, он не сознался, в санях у них лежали две большие бомбы и офицерская шашка с аннинским темляком, а также офицерский саквояж (шикарный). Я хотел осматривать документы, но в это время подскакал красный разведчик и сообщил, что по дороге из г. Оренб[урга] идет конная колонна казаков, а впереди дозоры, я оставил задержанного Нестеренку с несколькими красноармейцами, а сам с разведчиками поскакал навстречу идущей казачьей коннице, при въезде в станицу я встретил дозорных казаков, которые сообщили, что это идут казаки 13го полка с Илецкого фронта сдаваться, и подумал и велел сообщить, что никого из них красные не обидят. Казаки, узнав добрые отношения, были очень веселые и выкрикивали заискивающие словечки, перемешанные сдобно, очень радостно отзывались об красных и очень скверно об своих белых, балагуры шутили всюю на своих хохлацких выражениях, я предупредил, что винтовки и другое оружие должны сейча[с] же по приезде к дому попа сдать. Все ответили с радостью, хоть сейчас, когда я оставил Нестеренку у дома попа, через несколько время прибыл комиссар полка и стал делать допрос Нестеренке и остальным, в избе у двери и на крыльце стояли часовые-красноармейцы. Смеркалось, я скакал по улице с казаками, от морозу был большой шум, один красноармеец увидел нас, побежал и доложил комиссару, что казаков видимо-невидимо. Комиссар растерялся, выбежал на улицу, а с ним вместе и часовые, а Нестеренко с[о] своими товарищами выбежал на двор, перепрыгнул через заг[о]родь

---

* В документе ошибочно 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

(забор) и скрылись, видимо, на соседних дворах. Комиссар узнал, что казаки приехали сдаваться, поспешил допрашивать Нестеренку, которого уже не оказалось, сделали несколько выстрелов в воздух и на том* допрос кончился. Один его ученик пришел и рассказал все.

Казаки винтовки и другое оружие передали, а лошадой оставили под надзором красноармейцев до утра на отведенных особых дворах. Казакам приказано расходиться по квартирам по своим усмотрениям. Ночь была очень жуткая, всю ночь прибывали казаки сдаваться из разных дутовских частей с Илецкого фронта. К 12 час. ночи казаков сдалось около 1000 чел., кажется, из 14 разных частей, Гурский осторожно спросил меня, не может ли выйти неприятности — нас против их только горсточка, я его успокоил, но все-таки спать не нужно и принять строгие меры охраны оружия и лошадей. Принесли саквояж Нестеренко, в котором оказалась офицерская тужурка с погонами войскового старшины (подполковник), заготовленный рапорт атаману Дутову, в кото[ро]м он просил [об] освобождении от должности командира Краснохолмского полка и назначении его командиром партизанского отряда, в каковых он состоял, много другой переписки, были письма от его невесты, а также ее карточка, особенно миловидная, и заготовлены ей письма по адресу г. Оренб[ург] Форштадт № не помню, наспротив** пожарной части. Начиная от блестящей тужурки и других вещей, все было пропитано духами. Его карточку, снятую, войскового старшины и письма я передал красноармейцам, которые обещали мне доставить по адресу невесте. Ночь прошла спокойно, утром 20 января 1919 г.*** я был в почтовом отделе той же стан[ицы] Городищен[ской], вызывал из г. Илецка по прямому проводу начальника Илецкого укреплен[ного] района, чин, фамилию не помню, адр[ес] был на почте. Я говорил с ним от имени уральского представителя из гор. Оренб[урга], состоящего при атамане Дутове, фамилии не помню, но чин — генерал, вызван в Илецке**** к прямому проводу у начал[ьника] укреп[ленного] района я запросил его — немедленно сообщите, где требуется экстренная помощь, укажите район и в каких силах требуется помощь и какой род оружия. Оказывается, я попал в недоумение, чтобы узнать секрет по

---

* В документе — на тем.

** Так в документе.

*** В документе ошибочно — 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

**** В документе — Илецким.

прямому проводу, недостаточно знать адрес, чин и фамилию и должность, меня запросили имя, отчество и еще кой-что, но я ответить не мог, разговор по прямому проводу немедленно прекратился, запросил Оренб[ург] от имени полковника Нагаева с Самарского фронта, но там что-то не добились вызова, видимо, уже удирали, утром часов около 10 час.* 1919 г.** 21 янв[аря] выех[ал] в г. Оренб[ург]. Навстречу около Городищенской стан[ицы] нам попался пулеметный взвод в полном составе и вооружении, который находился при 25 полку, при моей 1 сотне. Оказывается, по уезде моем из полка моя сотня тут же ушла домой, а пулеметный взвод вслед за ним[и] прошел через весь гор. Оренб[ург], никто не спросил, откуда и куда, в городе была большая суета, только на реке Урале часовой остановил, спросил, куда едете, они ответили — на поддержку Илецкого фронта, их безо всякого сопр[отивления] пропустили, и, таким образом, они прошли в двух местах фронт так называемого укрепленного дутовск[ого] района, да и вдобавок прошли чере[з] весь гор. Оренбург, никем не задержаны, это все доказало, что лозунги и воззвания старик[ов] и Дутова были дутые, а критика фронтовиков справедлива. Не может быть, по-моему, ничего сильнее и выгоднее, как завладеть умами воинов враждебного фронта, чтобы они сами себя критиковали. В станице Никольской, где меня немного поколотили и под конвоем двоих казаков отправил Дутов 1917 год[а] 29 декабря, проходя проездом, полк мимо станиц[ы] Никольской, около правления так же, как и год назад, стояла масса казак[ов]-стариков, комиссар полка говорил речь и выкрикивал мое фамилии, ваш народник офицер у нас в рядах. Я подъехал к правлению, приветствовал стариков, надпомнил сделанную ими мне большую неприятность, просил их не преследовать виновников, пожелал им лучшей жизни. В станице Павловской (казач[ьей]) наш полк, 212 Московс[кий] стр[елковый], станичники встретили с колокольным звоном, на окраину станицы выступили очень много народу, впереди шли старики с хлебом-солью, а за ними стояли шпалерами духовенство из двух церквей с иконами и хоругвями. Мороз был очень сильный, весь народ был без шапок. Ком[андир] полк[а] Гурский спрашивает меня, что нам делать, я предложил скомандовать полку шапки долой и принять хлеб-соль и приветствие от стариков. Ему было немного не по душе, он поляк, а красноармейцы

---

* Так в документе.

** В документе ошибочно — 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

много мадьяр да и русские, большинство презирующие религию и особенно духовенство. Но долг уважения перед сознанием массы его заставил. Он скомандовал: Полк, шапки долой. Принял приветствие от делегации и духовенства, поблагодарил за сознательное отношение населения и просил всемерно поддерживать Красную армию. Скоманд[овал]: Полк, накройсь. Наскоро были выставлены подводы для красноармейцев, некоторые казаки стали предлагать менять валенки, но я запротестовал. Мена прекратилась. Тот же день 26^{то} янв[аря] 1919 год[а]* мы взошли в гор. Оренб[ург], полк 212 Моск[овский] стр[елковый] разместился в Неплюевском кадетском корпусе, а конная разведка в номерах на Гришковской улице. Наутро издан приказ, чтобы поддерживать полный порядок, и воззвание к населению. Начальник[ом] охраны назнач[ен] тов. Гурский, а комендант[ом] гор[ода] тов. Пугачевский, порядок поддерживался образцов[ый]. Красноармейцам воспрещ[алось] без служебных обязан[ностей] ходить по городу с оружием, появляющихся пьяных немедленно, кто бы он ни был, арестов[ыв] али, а оружие тут же отбирали. Всякие самочинные обыски, аресты строго воспрещены. Население Оренб[урга] очень было радо такому отношению, до прибытия красных душевно весь город переболел из боязни самосудов и бесчинств, но этого не случилось, все население гор. Оренбурга перешло к самодеятельности безболезненно при наилучших условиях.

Заполнял с личного участия и вспоминал Иван Евдоким. Рогожкин.

ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183. Л. 5–11. Рукопись.

Документ 3. И. Рогожкин. Пояснительная записка № 1

Пояснительная записка № 1

1. Я родился от казака Бердской станицы Оренбургской волости, уезда и губернии, занимался сельским хозяйством. Образование сельской школы.

2. Действительную службу отбыл в гор. Варшаве 1904–1907 г., во 2-м Оренбургском казач. полку нижним чином.

3. [На] австро-германскую войну взят с 1914 г. 3-го августа н[ового]/с[тиля] в 14-й Оренбургский казачий полк, где был произведен за бо-

---

* В документе ошибочно — 1918 год. Речь идет о событиях 1919 г.

евые отличия в 1914 г. в прапорщики, в 1916 г. в сотника и переведен был в 14 Оренбургскую запасн[ую] отдел[ьную] каз[ачью] сотню, где пробыл до демобилизации.

4. В белой армии был около трех месяцев в 1918 году командиром 1-й сотни 25 Оренбургского казачьего полка на самарском фронте.

5. В Красной армии добровольцем с 1919 года с января месяца в 212 Московском стрелковом полку на самарском фронте в качестве конного разведчика, сделал поход на соединение самарского и илецкого фронтов, где принял в одну ночь более тысячи отступающих казаков, первый с конной разведкой вошел в гор. Оренбург. В наступлении в г. Орск я руководил разведкой, всюду был впереди. Писал казакам воззвание о сдаче и гарантировал их безопасность в поселке Ново-Черкасском. 1-й был тяжело ранен, по выздоровлении был командирован в гор. Москву на Центральные агитационные курсы, откуда был командирован в Тамбовскую губернию с народным комиссаром Подбельским по борьбе с контрреволюцией, был уполномоченным в Козловском уезде Ново-Юрьевского района до набега Мамонтова, по прибытии в гор. Оренбург был назначен командиром губернского конского запаса, по сдаче был на 1-[м] Всероссийском казач[ьем] съезде в гор. Москве. Временно был завед[ующим] оружия 1-го Крепостного полка, был библиотекарем при бригаде 23 ОХРА, откуда был командирован на 3 месяца [на] библиотекарьские курсы при Оренб[ургском] народ[ном] образе¹⁴⁴⁶, был председателем следственной комиссии по войскам Кир[гизского] края по больш. браковке лошадей. Производил дознания в городах Оренбурге, Илецкая Защита, Актюбинск, Темир. Служил в Губземотделе, где выдержал испытание на техника по огородничеству, был командирован в коммуну «Пролетарская культура», на 1921 год был откомандирован на завод «Орлес», заведующим по сельскому хозяйству. Состоял* членом Бердского ревкома и совета. При Керенском был председателем сотенного комитета, 1926 год был выдвиженцем Оренб[ургского] УИКа¹⁴⁴⁷ на должность председателя уездной зем[ельной] ком[иссии].

6. Политическую работу вел с 1905 года, в знамен[а]т[ельный] день 17-го октября 1905 года [в] гор. Варшава Саксонская площадь приостановил небывалую резню сигналом «Все, отбой», сигнал был принят как распоряжение высшей власти и бойня прекратилась, на дей-

---

* В документе ошибочно — Состав.

ствительной службе в 1905 году вел агитацию революционных идей в г. Варшаве. Настоящую революцию я в натуре лично с оружием в руках проводил и охранял завоевание октябрьской революции, не оставившись ни перед какими жертвами, не щадил своим здоровьем, привилегиями и материальным положением*. В 1917 году не допустил нанести удар сведенной коннице 10 армии на узловую станцию г. Смоленска, где предполагалось раздавить большевизм. 1918 г. январь дутовскую защиту Оренб[урга] разлагал в нужных местах, вел агитацию фронтовиков, чтобы не защищали Дутова. 11/1-18 г. я подал рапорт о разжаловании меня в рядовые и лишения меня чинов и орденов. На приказ Дутова выехать на фронт станция Сырт для борьбы с большевизмом я отказался, Дутов своим красноречием весьма много мне обещал, даже напоминал, что потомство мое будет пользоваться большим привилегием**. Я отказался исполнить приказ, Дутов на моем рапорте наложил резолюцию[:] для пресечения неисполнения боевых приказов расстрелять Г.Н. Седельников*** приказ Дутова в исполнении задержал, а меня в присутствии М. Копытина, Репникова, Бунина предупредил об дутовской резолюции на моем рапорте. На вызов являться не велел.

В 1918 г. первый больш[ой] Круг оренбургского казачества¹⁴⁴⁸, заседавший в Центральной гостинице, мое дело разбирал. Обвинитель выступал Акулинин¹⁴⁴⁹. Полковник меня на разбор дела на заседании Круга не допустил, я находился под надзором в кабинете Акулинина**** в присутствии полковника Полякова и двух других полковников, неизвестных мне. Явился Акулинин, объявил мне, что Круг меня оправдал, но за отсутствием Акулинина в продолжение 2-х часов меня Поляков всячески оскорбил в измене казачеству, об оскорблении чести офицерства, едко издевался, что власть жидюги***** Керенского мне вскружила голову, только надо подумать дойти до такого боевому офицеру. Акулинин подал руку и еще раз напомнил — Вас Круг простил. Я очень много хотел говорить с Вами, но не имею время, и предложил мне немедленно ликвидировать жидовские***** коми-

---

* Так в документе.

** Так в документе.

*** Так в документе. Видимо, речь идет о Т.И. Седельникове.

**** Здесь и далее в документе ошибочно — Акулинкин.

***** В документе — мидюги.

***** В документе — мидовские.

теты, где я был председателем Бердской сотни, я ему объяснил, что комитеты распущены в силу приказа. В сентябре 1918 года я был послан с Бердской сотней на Самарский фронт в 25 каз[ачий] полк, где был командиром 1 сотни в продолжение 3-х месяцев на Самарском фронте, меня два раза предавали полевому суду. Первое дело меня обвиняли за срыв всеобщего наступления на станцию Гамалеевка, но генерал Корноухов Н., начальник Самарской группы, виновности моей не усмотрел, второй полевой суд состоялся в дер. Гамалеевке, обвиняли меня в сношении с красными. Моя сотня была в сторожевом охранении в дер. Гамалеевке, стояла на постах, совместно с переодетыми офицерами из народников¹⁴⁵⁰ под предлогом связи два казака ходили по постам, агитировали против назначения диктатора Колчака и агитаторов сдаваться красным, а в крайности стрелять вверх. В ту же ночь была задержана женщина, видимо подпольщица, которая в большинств[e] была при моей квартире, у которой оказались мои двухнедельные секретные слова, женщина была повешена в ту же ночь в дер. Гамалеевка. Офицер, инкогнито находящийся на посту, перепутался, не мог арестовать агитаторов и тут же ушел с поста к начальнику сторожевого охранения и обо всем доложил, экстренно назначили несколько переодетых офицеров задержать агитаторов, но их нигде не оказалось. На состоящем полевом суду* из десяти старших офицеров мне задавали вопросы — Вы должны знать, кто были агитаторы, я воспользовался ссылкой на казаков второго отдела¹⁴⁵¹, каковых одна сотня была в нашем 25 пол[ку], что же натурализованы еще в станице большев[иками] братьями Кашириными¹⁴⁵², на заданный вопрос, как попали секретные слова в руки большевистских агентов, я уверил суд, что были выкрадены, и в доказательство показал в полевой книжке донесение о пропаже секретных слов. Несколько офицеров высказались в мою пользу, особенно какой-то казач[ий] есаул, называл себя Благословенного поселка. Подозрение с меня было снято, я всюду казакам надежным передавал газеты и воззвания под предлогом курительной бумаги, которую я получал из 24 Желез[ной] дивизии. На станции Ново-Сергиевка наш 25 пол[к] самовольно отступил, полковник Поляков донес Дутову, а Дутов не замедлил издать пресловутый приказ отозвать 25 полк, обезоружить и отобрать кон[ское] снаряжение и вооружение и передать старикам. Я случайно первый узнал о приказе от серба Бакича¹⁴⁵³, предупредил

---

* Так в документе.

казаков, чтобы не отдавали старикам оружия и коней, а сам на Крещение ночью 1919 года* ускакал в штаб 24 дивизии к тов. Павловскому.

Иван Е. Рогожкин

ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 211. Л. 41–42. Машинопись.

Документ 4.

И. Рогожкин. Гражданская война на Орском фронте

Гражданская война на Орском фронте

Схема расположения войск в момент моего ранения в 1919 г. Примерно около 20 февраля наступал в пос. Ново-Черкасский 1-й в 85 верстах от гор. Оренбурга. Белые ведут наступление из станицы Гирьяльской при наличии двух родов оружия с раннего утра, видимо, по заранее по** проработанному плану. С применением фланговых наступлений в обхват, при сильной оружейной и пулеметной подготовке белые заняли хлебные карды вблизи поселка, на которых была наша застава 3-го батальона Московского полка при трех пулеметах, два пулемета были уничтожены оружейным огнем, третий пулемет ранен, красноармеец Селезнев утащил в овраг, казаки пробежали мимо его, видимо, не заметили, оставших[ся] на заставе раненых, видимо, казаки прикололи в момент занятия казаками нашей заставы. До наших ушей донесся особенный какой-то неистовый крик, я на лицах у всех заметил какой-то страх, многие в один голос сказали — бляди, раненых прикололи. Комбриг 24-й Желез[ной] дивизии тов. Гурский наблюдал с колокольни пос. Н[ово]-Черкаска, комсостав был ранен в большинстве. По занятии хлебной карды оружейный и пулеметный огонь был перенес[ен] и по окраине деревни подступ для казаков был открыт, занимавшие главные обороны цепь на дороге в большинстве по ранению из строя выбыли, а оставшиеся красноармейцы, видимо, смутились, стали отступать по улице, беспорядок. Я учел все обстоятельство печального исхода при занятии казаками деревни, приказал воротить отступающих красноармейцев, а сам спешенную конную разведку повел для защиты входа в поселок на большой дороге.

Казаки с криками «ура», конные и пешие, перешли в атаку на поселок Ново-Черкасский. Под моим руководством остатки красноармей-

* В документе ошибочно — 1918 года. Речь идет о событиях 1919 г.

** Так в документе.

цев 3-го бат[альона] и конная разведка Московского полка без патронов бросились в контратаку с криками ура. Примерно в 50 саж[енях] от казаков я был ранен, лишился памяти, очнулся в избе, недалеко от места боя, выходное отверстие* моей раны, сильно текла кровь, повязка и бинт кровь удержать не помогли. Молодая женщина со слезами передала свою белую нательную рубашку, видимо, подвенечную, сделав перевязку, отправили меня на перевязочный пункт в поселок Красногорский, где врач сделал перевязку, тут же отправили в гор. Оренбург. Подводчик вез меня, казак, Кабаев (старший), в г. Оренбурге был положен в военный госпиталь в комнату с мадьярами, прибывшими с Илецкого фронта, целой партией** для ампутирования*** конечностей обмороженных. Отношение мадьяр ко [мне] был чрезмерно хорошее. Каждое утро мне на стол клали по одной папироске, хотя я был некурящий. Не понимая их язык, по внешности видел, что они очень сожалеют моему ранению. Я до сего времени не могу понять, почему каз[аки] отступили при всех выгодах для них. Нас было мало, патронов не было, орудия, снарядов тоже не было, на протяжении 20 саж[еней] по дорог[е] во время контратаки лежали убитые, раненые, больше 50 человек красноармейцев за продолжение 10 минут. Красноармейцы в те минуты проявили себя на редкость героями, увлекали друг друга.

Зам[еститель] команд[ующего] конной разведки 212 Московск[ого] п[олка] Рогожкин

ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 211. Л. 43–43об. Машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

«Хотелось бежать назад без оглядки...».

«Психическая» атака 2 февраля 1919 г. в Башкирии¹⁴⁵⁴

За последние годы в изучении истории боевых действий периода Гражданской войны отечественной историографией достигнуты значительные успехи. Но до сих пор история Гражданской войны содержит

* Так в документе.

** В документе — целую партию.

*** В документе ошибочно — агитирования.

немало вопросов, на которые даже специалисты не всегда могут дать ответ. Начиная с простого, на первый взгляд, вопроса о том, как именно проходили боевые действия в то время, какую роль играли в них технические средства воюющих сторон, какие чувства испытывали рядовые участники того или иного боя. То есть речь идет о своего рода микроистории с элементами военного и психологического анализа. Помочь исследователям ответить на этот вопрос могут прежде всего источники личного происхождения: письма, дневники и воспоминания.

Публикуемый отрывок из воспоминаний поручика Л. Бобрикова достаточно ярко изображает одно из наиболее интересных явлений в тактике Гражданской войны — «психическую» атаку. И хотя существует точка зрения, что «психические» атаки — «миф, созданный спустя десятилетия по окончании войны»¹⁴⁵⁵, на наш взгляд, это название как нельзя лучше характеризует тот феномен, который изображен в публикуемом документе. Сам же термин — «психическая» атака — можно трактовать очень широко, ведь такой характер приобретает любая атака, содержащая элементы психологического воздействия на противника¹⁴⁵⁶.

Автор воспоминаний, поручик Бобриков, прошел нелегкий боевой путь. Участвовал в Первой мировой войне, сражаясь на Румынском фронте, затем, после развала армии, вернулся домой, под Казань. В 1918 г. поступил на службу в Народную армию Комуча. Служил в Спасском конном отряде и в отдельном батальоне охраны Ставки. Летом — осенью 1919 г. в результате отступления Восточного фронта белых попал на территорию Уральского казачьего войска, откуда через Каспийское море перебрался на Кавказ. Служил в белых частях на Юге России и, как тысячи других офицеров, в 1920 г. был вынужден покинуть Родину. Дневник с точным описанием боевых действий автору пришлось сжечь, чтобы развести огонь, еще во время похода к уральцам. Так что ход событий для написания воспоминаний ему пришлось восстанавливать по памяти.

Воспоминания под названием «От Колчака к Деникину» представляют собой 11 школьных тетрадей в линейку, текст которых написан в Болгарии в 1927 г. Воспоминания были переданы в Прагу, в Русский заграничный исторический архив. После Второй мировой войны они попали в Москву, где и хранятся до сих пор в собрании ГА РФ.

В данном отрывке речь идет об атаке бывшего отдельного батальона охраны Ставки под командованием капитана Серебров и сотни казаков на части красных 2 февраля 1919 г. под Амидбаево, в Башкирии.

Вскоре после этого боя батальон был влит в состав 33-го Белорецкого горных стрелков полка и участвовал во взятии Стерлитамака (11 февраля 1919 г.), использовался как летучий отряд на наиболее тяжелых участках фронта.

* * *

Впервые нам пришлось столкнуться с красными у Амидбаево. Здесь произошел бой, очень удачный для нас. Нам дали какую-то казачью батарею (2 пушки), и мы пошли в наступление. Мы пошли в лоб, а в обход левого фланга красных пустили сотню уральцев¹⁴⁵⁷. С трудом подвезли мы свои орудия и установили их на позицию. Солдаты наши вязли в снегу. Красные сделали себе окопчики из снега и ждали нас. Капитан Серебров отдал приказание не стрелять и идти молча, «ура» тоже не кричать. Мы двинулись вперед.

Красные тоже молчали. Здесь были их отборные и дисциплинированные части. Мы подошли уже на 1000 шагов — красные молчат..

Какая-то дрожь охватила меня. Долго ли будет продолжаться это молчание?..

Мы шли, взяв штыки наперевес. Приблизились на 800 шагов — красные молчали... Минута была жуткая: хотелось бежать назад без оглядки — так действовала эта убийственная тишина. В это время на санях по фронту проехал Серебров и говорил:

— Если красные начнут стрелять, вы идите молча, как шли...

Некоторые наши солдаты стали отставать и пятиться назад, но капитан Серебров подъехал к одному и выстрелил в него из револьвера: пуля просвистела мимо его ушей, и тот вернулся в цепь. После этого случая никто не захотел более оставаться сзади цепи.

Если у нас были напряжены нервы до крайности, то и красные чувствовали себя очень скверно: я видел, как некоторые красноармейцы покидали окопы и уходили назад.

Когда между нами и красными оставалось не более 400 шагов, кто-то у них выстрелил (не выдержал!), и вслед за тем послышались выстрелы и затрещали пулеметы. Мы молча шли вперед. Через две минуты красные бежали. У нас были убитые и раненые (человека 3 или 4 убитых и около 20 человек раненых). Когда красные повернули спины, мы открыли по ним огонь и, закричав «ура», кинулись вперед. В это время конница наша успела обойти красных и зайти им в тыл. Они

встретили отступающих красных ружейным огнем. Красные сдали Амидбаево*, потеряв два пулемета и человек 10 убитыми и около 100 человек убитыми и ранеными. С их стороны действовало человек 600. С нашей стороны — 500—550; у них артиллерии не было, у нас было две пушки, хотя они стреляли очень мало. Это было 2го февраля. День этот почему-то запомнился мне. В Амидбаево нас очень радушно встретили татары; гораздо радушнее, чем в первый раз. Говорят, что большевики издевались над ними и производили грабежи. В Амидбаево стояли мы два дня и затем пошли дальше. Две роты пошли на Белорецк, а две на Стерлитамак.

ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 253. Л. 33 об.–36. Подлинник. Автограф.
Чернила.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

«Целый день ничего не делаем...».

Доклад о состоянии телеграфной роты штаба
Сибирской армии. 24 февраля 1919 г.

· Генерал-квартирмейстеру штаба Сибирской армии
В[есьма] секретно

Штаб Сибирской армии
Начальник
в[оенно]-цензурного
отделения
24 февраля 1919 г.
№ 87
г. Екатеринбург

О деятельности телеграфной роты (по письмам)
Доклад**

Целый ряд писем телеграфной роты штаба Сибирской армии свидетельствует, по-видимому, о полном отсутствии внутреннего порядка

---

* В тексте ошибочно — Абидбаево.

** На документе резолюция чернилами: «Доклад. Полагаю необходимым всех отправить на фронт в пехотн[ые] части без всякого промедления. 24/II. Г[енерал] П[опов]». Резолюция зеленым карандашом: «Отправить в полном составе ген. Гривину. Г[енерал]-м[айор] Богословский».

и дисциплины в роте. В доказательство привожу выдержки из наиболее характерных писем: «В роте занятий никаких нет, целый день ничего не делаем». В другом письме говорится: «Николаевского вина нет, а если есть, то продают вольно по 70 рубл... бл...ей здесь очень много... Наши ребята сколько раз приходили — отделают всей ротой и деньги не заплатят — выгонят.

Если деньги есть, то скучно здесь не будет, пошел в театр, подцепил на ночь, у ней на квартире за ночь берут 60 руб., да закупить кое-что ста рублей не будет». Адъютант роты пишет, что он занимается распространением языка «Эсперанто», имеет 15 учеников, времени свободного много, «ничего не делаю». Некто А. пишет своим знакомым, что если призовут кого-либо из его друзей, то чтобы обратились к нему — он всех их устроит в роту. «Службы никакой нет, не то что в пехотном полку».

Этих писем вполне достаточно, чтобы составить себе представление о том, что собою представляет телеграфная рота. Такой порядок в части мыслим лишь вследствие не отвечающего своему назначению состава и главным образом отсутствия самостоятельности и должной энергии начальствующих лиц в роте¹⁴⁵⁸.

Войсковой старшина *Семенов*

РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 24. Л. 174. Подлинник. Машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Из воспоминаний полковника Е.Э. Месснера «В Добровольческой армии»

Воспоминания видного военного мыслителя русской эмиграции, выпускника ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии, участника Белого движения на Юге России полковника Евгения Эдуардовича Месснера (03.09.1891–30.09.1974)¹⁴⁵⁹ представляют собой чрезвычайно важный исторический источник, до сих пор практически не введенный в научный оборот¹⁴⁶⁰. Е.Э. Месснер был образованным и проницательным наблюдателем, от глаза которого не укрылись многие важные детали, характеризующие события Гражданской войны.

Объем этих воспоминаний колоссален (свыше 5 миллионов знаков). Временной охват также впечатляет — с конца XIX по середину XX в. Воспоминания написаны блестящим литературным языком и, безусловно, ждут своей научной публикации как важное свидетельство по истории России, прежде всего революционной эпохи. Вместе с тем эта работа и сложна для публикации. Помимо большого объема, воспоминания содержат многочисленные комментарии мемуариста, подготовленные отдельно от основной части. Соответственно перед публикатором встает непростая задача отнесения этих комментариев к тому или иному фрагменту основного текста.

Вниманию читателей предлагается фрагмент воспоминаний, посвященный участию Е.Э. Месснера в событиях Гражданской войны на Юге России с мая 1919 по февраль 1920 г. Штабс-капитан Месснер участвовал в Гражданской войне с 5 (18) ноября 1918 г., когда он был зачислен в 1-ю офицерскую батарею Добровольческой армии, а уже через пять дней стал исполняющим должность штаб-офицера для поручений штаба формирования Одесского Центра. Со 2 (15) декабря 1918 г. Месснер исполнял должность обер-офицера для поручений штаба командующего войсками Добровольческой армии Одесского района. Участвовал во взятии Одессы 5 (18) декабря 1918 г. С 28 декабря 1918 г. (10 января 1919 г.) временно исполнял должность старшего адъютанта по строевой части штаба войск Добровольческой армии Одесского района. При эвакуации Одессы 23 апреля (6 мая) 1919 г. Месснер выступил с частями Отдельной Одесской стрелковой бригады генерал-майора Н.С. Тимановского из города, на следующий день был прикомандирован к штабу бригады, с 27 апреля (10 мая) состоял обер-офицером для поручений штаба бригады. Бригада была интернирована в Румынии, а затем на пароходах отправлена в Новороссийск.

Публикуемый ниже отрывок воспоминаний касается событий, которые произошли после возвращения бригады в Россию. В этот период (с 5 (18) мая 1919 г.) Е.Э. Месснер исполнял должность старшего адъютанта (по части Генерального штаба) штаба бригады. 18 (31) мая бригада была переименована в 7-ю пехотную дивизию. Е.Э. Месснер описывает последовавшую за этим командировку в расположение Кавказской Добровольческой армии в качестве квартирьера 5–11 (18–24) июня 1919 г.

Затем, с 10 (23) июля 1919 г. Е.Э. Месснер исполнял должность старшего адъютанта (по части Генерального штаба) штаба Полтавского от-

ряда с оставлением в той же должности в штабе 7-й пехотной дивизии. 15 (28) декабря 1919 г. штаб отряда был переименован в штаб войск Киевской группы, а через десять дней, 25 декабря 1919 г. (7 января 1920 г.), Месснер был произведен в капитаны. На протяжении 1920 г. он получил производство в еще два чина — подполковника и полковника.

После перелома на фронте и начала масштабного отступления белых Месснер в составе отряда генерал-лейтенанта Н.Э. Бредова (войска Киевской группы и Новороссийской области) участвовал в отходе к румынской границе на Днестре (27–29 января (9–11 февраля) 1920 г.), а затем и во фланговом марше в составе отряда для присоединения к польской армии (29 января — 11 февраля (11–24 февраля) 1920 г.). В составе штаба 22 марта (4 апреля) 1920 г. Месснер прибыл в лагерь Пикулице (Перемышль) для отбытия карантина, а в начале июля 1920 г. (по новому стилю) уехал в Крым, где осенью исполнял обязанности начальника штаба Корниловской дивизии. После Гражданской войны Месснер прожил долгую жизнь и умер в Аргентине. В Буэнос-Айресе в 1955 г. и были написаны публикуемые воспоминания, а комментарии к ним Месснер составил через пять лет, в 1960 г.

Публикуемый отрывок ярко характеризует порядки, существовавшие в деникинских Вооруженных силах на Юге России, раскрывает особенности тактики и логистики Гражданской войны, описывает боевую повседневность белых офицеров и солдат. Этот фрагмент интересен, прежде всего, с точки зрения боевой жизни ВСЮР. Думается, воспоминания Е.Э. Месснера в этом отношении одни из лучших по белому Югу.

Е.Э. Месснер описывает героизм частей ВСЮР, сражавшихся в тяжелых условиях, свидетельствует о проявлениях военной хитрости (например, о расшифровке мемуаристом нескольких советских шифров, что позволило достичь успехов в некоторых операциях).

Воспоминания содержат яркие портретные характеристики военачальников, Месснер описывает способы управления войсками в бою, порой совершенно не эффективные, которыми пользовались те или иные белые генералы. Белые военачальники в традициях прежних времен любили выезжать на передовую и бравировать бесстрашием под интенсивным огнем противника. Надо ли говорить, что последствия такой бравяды нередко заканчивались трагично.

Не лучше обстояло и с организацией штабной работы, отличавшейся поражающей воображение неэффективностью. Так, генерал

Н.Э. Бредов в занятом белыми Киеве часами принимал штатских просителей с благодарностями и абсурдными вопросами (например, ехать ли имяреку лечиться на Минеральные Воды), но не имел времени и сил выслушать важнейший оперативный доклад своего сотрудника, а когда тот приходил докладывать поздно ночью, Бредов засыпал в ходе доклада, а докладчик от изнеможения после многочасовой работы опирался на стену, чтобы не отключиться. Проявлением той же деструктивной тенденции в белом военном администрировании было личное участие генерала Бредова, например, в расцепке вагонов штабного поезда. Не забывает Месснер и о межличностных отношениях в штабе, влиявших на оперативную и военно-административную работу. Например, тот же Бредов игнорировал собственного начальника штаба полковника Г.А. Эверта, поскольку не одобрял его образ жизни. Из других документов известно, что непростые взаимоотношения складывались у Бредова и с некоторыми строевыми командирами¹⁴⁶¹.

Месснер описывает проблемы с материально-техническим обеспечением войск. Из его воспоминаний можно узнать, что, к примеру, в мае 1919 г. офицер ВСЮР, имевший отличное английское обмундирование, воспринимался с удивлением. Офицерам непросто было достать верховую лошадь. В войсках, штурмовавших Царицын, в июне 1919 г. не было достаточного запаса снарядов для артиллерийской подготовки, отсутствовали телефонные аппараты, разведка налажена не была — войска не знали, какое сопротивление их ожидает, воевать приходилось на «авось». Прибывшие английские танки служили скорее мишенями для советской артиллерии, двигались медленно, ломались, и, если верить Месснеру, польза от них заключалась лишь в том, что они отвлекали на себя артиллерийский огонь красных. В 7-й пехотной дивизии, где служил Месснер, не было даже перевязочного отряда. Тем не менее, штурм укрепленной позиции увенчался успехом, хотя дивизия была измотана и понесла потери (в пехотных частях — до четверти состава)¹⁴⁶².

Показательно взаимодействие белых частей друг с другом, когда из-за дефицита питьевой воды едва не происходили боевые столкновения между отдельными формированиями. Внутренняя рознь белых проявлялась и в других аспектах. В частности, в мемуарах Месснера прослеживается отрицательное отношение к восстановленным во ВСЮР гвардейским частям, крайне слабым по составу, на которые невозможно было положиться. Месснер описывает склонность гвардей-

ских офицеров к красивой жизни даже в Гражданскую войну, когда часть офицеров находились в строю, а другие отдыхали в обозах или даже на южном берегу Крыма.

Свидетельствовал Месснер и о том, что по взятии Царицына войска устремились за добычей, причем он сам, помимо своей воли, оказался вовлечен в одну из операций по спекулятивной продаже конвойцами штаба дивизии кожи с захваченного склада. По оценке мемуариста, особую склонность к грабежу, даже во время боя, питали горские части ВСЮР.

Месснер рисует чудовищные картины разложения денкинских войск, акты белого террора и произвола, когда, например, пленного военспеца К. Яковлева — друга мемуариста — зачислили в белый штаб, но один из казаков запер его вместе с другими военнопленными, а пьяный офицер затем застрелил. В мемуарах Месснера есть свидетельства бессмысленных расправ над заподозренными в большевизме (например, сцена казни двух перегонщиков скота под Одессой в начале 1920 г.), описывается присвоение войсками имущества казненных. Исходя из гуманистических соображений, мемуарист отмечает бессмысленность подобных расправ над случайными людьми и недопустимость мародерства.

Белый мемуарист не скрывает факты еврейских погромов, пьянства в белых штабах и других отрицательных явлений. Эти картины, нарисованные автором, явно не стремившимся оклеветать то движение, которому он себя отдавал, производят тяжелое впечатление. Месснер свидетельствует, что на вагонах гвардейских поездов красовались надписи «Бей жидов! Спасай Россию!», те же надписи были написаны на заборах населенных пунктов, через которые прошли гвардейские формирования. Гвардейские части, по его мнению, были, прежде всего, причастны к поркам крестьян за «черный передел» и к возвращению помещиков, что толкало крестьянство в лагерь противников белых. Месснер отмечает и отсутствие у белого командования должной гибкости в национальном вопросе (в частности, в украинском). По мнению мемуариста, белые вполне могли договориться с различными украинскими вооруженными формированиями о совместных действиях против большевиков, но в основном боролись против украинских войск. Мемуарист уделил внимание отображению картин развала и разложения белого лагеря в конце 1919 — начале 1920 г., тяжелейшего отступления, в ходе которого наблюдалось падение дисциплины даже в офицерской среде и неисполнение приказов.

Наблюдения автора воспоминаний точны и чрезвычайно интересны, однако, когда дело доходит до выводов и анализа причин поражения ВСЮР, логика начинает отказывать Месснеру. Он предлагает альтернативный деникинской стратегии авантюрный план набега на Москву без обеспечения тыла и флангов. Объяснения произошедшего Месснером традиционны для белых мемуаристов — прежде всего, численное превосходство красных, наличие у них промышленного центра и богатых запасов фронтов Первой мировой войны, а также более эффективная пропаганда. Недоволен Месснер и стратегией распыления сил белых. В какой-либо квалификации противнику мемуарист отказывает и почему-то даже не отдает себе отчета в том, что численное превосходство является результатом более эффективно организованной мобилизации, а мобилизованных требуется обучить, вооружить, снабдить всем необходимым, провести боевое слаживание, дать квалифицированное командное руководство. Отметим, что фатальная недооценка противника стала одной из причин поражения белых, своевременно не осознавших необходимость создания массовой армии на регулярных принципах.

Все даты Е.Э. Месснером приведены по старому стилю. В комментариях приводятся датировки по новому стилю. Воспоминания дополняют семь схем боевых действий (№ 19–25), нарисованных Е.Э. Месснером и относящихся к этому фрагменту (см. вклейку).

* * *

Месснер Е.Э.
 Мои воспоминания
 Раздел 1. В России
 Часть 4. Гражданская война
 Глава Л. В Добровольческой армии
 (Все даты по старому стилю)

Интернирование Одесской Отдельной стрелковой бригады в Румынии, при всей «комфортабельности» его, было все-таки неволей, и поэтому мы были рады прибытию пароходов, присланных за нами моим дядей, генералом Месснером¹⁴⁶³, назначенным* сейчас же по эвакуации Одессы начальником новороссийского узла сообщений.

---

* В документе несогласованно — назначенного.

Из Тульчи мы числа 8 мая [1919 г.]¹⁴⁶⁴ на пароходах поплыли в Новороссийск*, где пробыли 2 дня, познакомившись с местной достопримечательностью — борой: дом, где я жил, стоял в 150 метрах от берега, а гравий с берега колотил по крыше, как крупный град. В Новороссийске нас одели в английское обмундирование, и мы поездами поехали в Ростов-на-Дону.

Генерал Тимановский¹⁴⁶⁵ привел генералу Деникину тысяч 7 офицеров¹⁴⁶⁶. Уже в Новороссийске они стали расползаться: артиллеристов вытребовали в Белую Глину, где формировались батареи; саперы, телеграфисты и прочие техники ушли по принадлежности к техническим управлениям для получения назначений; многие самовольно исчезли, направляясь в уже существующие отряды и войсковые части, где их земляки, однополчане и родственники служили. Уехал Генерального штаба полковник Рубцов¹⁴⁶⁷ в свое Всевеликое войско, в конницу направился ротмистр Невядомский¹⁴⁶⁸, и в штабе остались на должностях Генерального штаба капитан Капнин¹⁴⁶⁹ (начальник штаба) и я (старший адъютант по части Генерального штаба).

Покуда бригада следовала воинскими поездами в Ростов, я направился туда пассажирским поездом, чтобы позаботиться о квартирах. Мое английское обмундирование с русскими погонами вызывало недоумение — по-видимому, английский гостинец достался нам первым, — а марш бригады по ростовским улицам вызвал сенсацию. Прибытие «англичан», как несомненное доказательство, что Добровольческая армия получила поддержку от Великобритании, подняло настроение ростовцев. Для большего эффекта был устроен парад наших полков на

---

* Мы плыли в Новороссийск, везя с собою беззаботность молодости. Пока не стало качать и укачивать, с палубы и из трюмов слышались песни. Здесь наши конвойцы пели, импровизируя, так называемого «журавля»: «А и кто ревнив, как кошка? То Васильев наш Сережка! Жура, жура, журавель, журавушка молодой». Васильев был артиллерийский подпоручик, который на бронев автомобиле вывез свою невесту из покинутой нами Одессы и который в Тульче справил свадьбу. С другой стороны доносилась любимая в то время песнь об Уэверле: «Пошел купаться Уэверлей, / осталась дома Доротея. / С собою пару пузырей / берет он, плавать не умея / Но вот, увы! Жестокий рок: / хотел нырнуть он с головою, / но голова тяжелей ног, / она осталась под водою. / Жена, узнав про ту беду, / в том убедиться захотела. / Увидя пару ног в пруду, / она с тоски окаменела. / Прошли года, и пруд засох / и поросли в саду аллеи, / но все торчит там пара ног / и остов бедной Доротеи». В противоположность печальному содержанию мотив песни был весел и бодр, и это придавало особую прелесть песенке (*примеч. Е.Э. Месснера*).

площади перед казначейством (где большевики сожгли весь капитал моего отца). Я расставил жалонеров для парада, но, будучи артиллеристом и не зная пехотных сноровок, поставил их строго по уставу — когда полки пришли, они забраковали мою работу и по-своему поставили жалонеров. Я был крайне сконфужен.

В Ростове бригада стала разворачиваться в трехполковую дивизию, то есть из четырехбатальонного соединения в двенадцатибатальонное. Офицеров для занятия офицерских и унтер-офицерских должностей было более чем достаточно. Солдат нам дали из военнопленных. 18-го мая¹⁴⁷⁰ бригада была переименована в 7-ю пехотную дивизию. В ее состав входили: сводный полк 15-й пехотной дивизии (командир — полковник Залесский), сводный полк 4-й стрелковой дивизии (полковник Непенин¹⁴⁷¹) и 42-й Якутский полк (полковник Карпов). Первые два полка имели полное право на свое наименование, потому что имели в своем составе много офицеров соответствующих дивизий: 15-я пехотная стояла в довоенное время в Одессе, Николаеве и Херсоне, а 4-я стрелковая (в то время — бригада, а не дивизия) — в Одессе, и поэтому в эти города устремились офицеры этих дивизий при развале и демобилизации Действующей армии в 1917 году. Якутский же полк не имел якутцев, кроме командира его, полковника Карпова — ему было разрешено формировать его полк в воздаяние его заслуги: он был комендантом штаба войск Одесского района Добровольческой армии (генерала Санникова¹⁴⁷², а потом Шварца¹⁴⁷³) и, подобно мне, отказался следовать за Шварцем в Константинополь и, подобно мне, присоединился к бригаде генерала Тимановского. Карпов показал себя в 7-й пехотной дивизии отличным командиром полка, и его полк был во всех отношениях отличен.

В дополнение к двум батареям, которые были в составе Одесской бригады, мы получили еще четыре батареи (из Белой Глины). Одной из них командовал мой сослуживец по мирному и военному времени подполковник Груев Иван¹⁴⁷⁴, с которым мы расстались в Румынии, когда он пошел в офицерский отряд полковника Дроздовского¹⁴⁷⁵. В батареях были и другие офицеры родной моей 15-й артиллерийской бригады, в том числе и друг Груева подполковник Бахутов Ваню (Иван)¹⁴⁷⁶, на руках которого Груев умер, сраженный пулею на киевском Цепном мосту¹⁴⁷⁷. Во время моего пребывания в Добровольческой армии то и дело появлялись в пределах моего горизонта мои старые боевые сотоварищи и то и дело доходили сведения о гибели их одного за другим:

все меньше и меньше оставалось в живых нас, кадровых офицеров. Если мы, по мнению некоторых, были кастой, то надо признать, что эта каста добросовестно гибла за Россию.

Во главе 7-й артиллерийской бригады был поставлен генерал-майор Добровольский¹⁴⁷⁸, заслуженный, опытный артиллерист. Саперной ротой, включенной в состав дивизии, командовал полковник Добровольский¹⁴⁷⁹: красное, лунообразное, всегда смеющееся лицо с очками на носу, походка вразвалку создавали впечатление, что это — добродушная, ленивая «штафирка» (штатский человек), но он был офицером феноменальной энергии, организационных способностей и большой храбрости в бою*.

Если личный состав дивизии был хорош (даже пленные красноармейцы в руках многочисленного офицерства выказали себя хорошими солдатами), то с обозом дело обстояло плохо, и верховых лошадей не было (для передвижения на походе и в бою оперативного отделения штаба предназначалась 1 повозка). Верховых лошадей мы, штабные офицеры (кроме Капнина), не получили; для ординарческой службы мне дали взвод донских казаков-бородачей, напоминавших мне станичников пресловутой сотни есаула Усова, бывшей мукой штаба 15-й пехотной дивизии в годы Великой войны.

Формирование дивизии шло форсированным темпом — она была спешно нужна на фронте, чтобы заменить Корниловский ударный полк в Донецком бассейне. Полк этот дрался там на протяжении 3-х месяцев против вдесятеро превосходящих сил врага и разбил их, но при этом потерял убитыми и ранеными 3300 офицеров, что при средней численности этого, в то время еще чисто офицерского, полка составляет потрясающий процент потерь: 280%. Имея в своем составе 3 батальона (12 рот), он за это время зарегистрировал выбывшими из строя 75 батальонных и ротных командиров (убитых или раненых). Правда, Корниловский полк проявлял совершенно исключительную живучесть, но живучесть была характерным отличием частей Добровольческой армии, насыщенных доблестным офицерством.

---

* С полковником Добровольским я встретился в 1920 г.: он был командиром саперной роты Корниловской ударной дивизии. И тут я, как начальник штаба этой дивизии, мог убедиться, что в бою он так же великолепен, как и в мостостроительстве. В третий раз я встретился с Виктором Васильевичем в Белграде. Он по-прежнему был грузен, ходил уткой, улыбался во всю ширь своего круглого лица и не терял бодрости (*примеч. Е.Э. Месснера*).

10 мая¹⁴⁸⁰ Корниловский ударный полк в составе отряда генерала Кутепова¹⁴⁸¹ (Марковская и Дроздовская дивизии, если не ошибаюсь) пошел из Донецкого каменноугольного района на Харьков. Для обеспечения левого фланга Добровольческой армии и ее тыла от ударов со стороны Полтавы, Екатеринослава, Александровска была назначена наша 7-я пехотная дивизия. 20-го мая¹⁴⁸² дивизия поехала в Донецкий бассейн — ее уже сочли боеспособною. Я остался в Ростове, будучи болен. Профессор, доктор, специалист по сыпному тифу, уложил меня в свою заразную клинику, найдя у меня сыпняк, хотя я его и уверял, что пятна на руках — следы клопных укусов. В этой образцовой больнице прибывших больных мыли в ванне, но воду меняли после 3-х пациентов: горячечных обмывали водой с уксусом, но губку не мыли после обмывания каждого больного; термометры, не дезинфицируя, совали в очередную подмышку. Во всем чувствовалось отсутствие денег и людей. В палате со мною лежало 9 сыпных и 7 возвратных. Моя температура стала, к удивлению врачей, падать, и меня выпустили, но приказали в течение недели оставаться под их надзором. Мой шурин Миша Калнин¹⁴⁸³ по приказанию начальника штаба оставленный в Ростове для заботы обо мне, принял меры, чтобы в больнице дезинфекцией не испортили моих вещей: за малую мзду служитель продезинфицировал чемодан-погребец с котелком, посудой, столовым прибором и прочими вещами, на которых не поселится и самая голодная вошь, и спас от разрушительной дезинфекции чемодан с носильными вещами, где только и могли быть насекомые.

По моем выходе из больницы мы стали бедствовать. Из дому мы не взяли с собою денег — семье они были нужнее. Нажитый на продаже «нашего» пароконного выезда капитал погиб на неудачной спекуляции: едучи на Кавказ, в землю, охваченную эпидемией сыпного тифа, Миша купил большую банку камфары — на этом товаре можно было спекулировать, потому что мешочек с камфарой, носимый на груди, отгонял от человека вшей (так уверяли все); но на пароходе Миша обнаружил на себе вошь — она безмятежно сидела на его груди на мешочке с камфарой; в негодовании Миша швырнул банку в море. Итак, мы жили на наше офицерское жалованье (я получал жалованья 800 рублей, на дороговизну 600 рублей и как семейный 400 рублей, а Миша 1200 рублей в общей сложности), между тем обед в ростовском ресторане стоил рублей 50.

К счастью, офицеры могли обедать в столовых Общества «Синий Крест», где дамы и девушки, лично трудясь, кормили нас за 3 рубля (обед). Однако и на это у нас не стало денег (перед моим заболеванием мы потратились на необходимые покупки), и мы последние два дня прожили от коммерции: мы покупали несколько горшочков кислого молока в молочной, где за посуду брали залог по полтиннику за штуку, а сдавали горшочки в другую молочную, где за горшочек давали рубль; эта «добавочная стоимость» давала нам возможность пообедать и купить хлеба к кислому молоку.

30-го мая¹⁴⁸⁴ мы с Мишей прибыли на ст[анцию] Иловайская, где стоял штаб. Дивизия очищала от красных Каменноугольный район.

Тут я впервые непосредственно вошел в тактику Гражданской войны (в Одессе, кроме одного дня боя за обладание Одессой, я занимался оперативкой, будучи в армейском штабе). Тактика эта была своеобразна уже тем, что враг появлялся со всех сторон — не было, как в нормальной «правильной» войне линии фронта и полосы благополучного тыла позади этой линии. Красные банды и большие отряды появлялись со всех румбов света, и полки наши целиком, или побатальонно, или даже поротно кидались навстречу им то на запад, то на север, то на юг, а случалось и на восток. Штаб был в постоянной боевой готовности, и его комендантская (почти сплошь из офицеров) рота обеспечивала нашу безопасность, будучи в твердых руках коменданта штаба первоходника-артиллериста капитана Ползикова^{*1485}. К счастью, в то время «техника» такой войны не была еще изучена, как это было во время 2-й Всемирной войны, когда партизанские отряды уничтожали железнодорожную сеть. И мы, и красные дрались войско против войска, почти не прибегая к разрушению сооружений на землях, которые переходили из рук в руки: рельсы, мосты, водокачки, станции были нужны обеим сторонам для переброски отрядов поездами даже на малые (так сказать, тактические) расстояния. Пользуясь чрезвычайно густой сетью железных дорог в Донецком районе, мы производили железнодорожные десанты

---

* Если я не путаю, то капитан Ползиков не был участником Первого Кубанского похода, но был с полковником Дроздовским в походе из Ясс в Ростов — тогда он командовал единственной в отряде батареею. Перешел он из артиллерии на комендантскую должность вследствие ранений и болезненного состояния. Его все очень почитали (*прим. Е.Э. Месснера*).

на большом радиусе, имея центром станцию Иловайская, где стоял штаб дивизии.

Дивизия дралась отлично и нанесла столько ударов красному врагу в боях с 20-го мая по 4-е июня¹⁴⁸⁶, что район был почти очищен от противника, и охрана его могла быть доверена менее крупному войсковому соединению — нас же направили к Царицыну.

5-го июня¹⁴⁸⁷ дивизия начала погрузку в поезда. Я был направлен в штаб Кавказской армии (генерала Врангеля¹⁴⁸⁸) для получения приказаний для дивизии и для отдачи распоряжений первым эшелонам, шедшим впереди штаба дивизии. Но в Ростове я получил от заведующего передвижением войск совет не ждать пассажирского поезда — они редко ходили на линиях Батайск — Торговая и Батайск — Тихорецкая — Торговая, но ехать с головным эшелоном нашей дивизии: это будет быстрейшим способом добраться до станции Котельниковская, подле которой стоял штаб генерала Врангеля. Я был принужден послушаться этого совета и водрузиться в вагон полковника Залесского, ехавшего в голове своего полка.

Когда мы остановились на ст[анции] Котельниковская, я попросил командира полка не разрешать нашему поезду отойти, пока я не возвращусь — я пошел в штаб генерала барона Врангеля. Там я получил приказания для дивизии и топографические карты. Когда я пришел на вокзал, то увидел, что поезд уже вышел за семафор. В уверенности, что меня хватят и остановят поезд, я побежал ему вдогонку, благо он шел на подъем очень медленно. Я скакал по шпалам версты две, упорствуя в своей уверенности, и наконец увидел, что поезд остановился: когда подали обед, командир полка заметил, что моя тарелка стоит без хозяина, и обнаружил, что меня нет в поезде. Машинисту был дан сигнал остановиться. Я добежал «едва дыша»: тяжелый пакет карт и неудобство прыжков по шпалам сделали бег утомительным и для моего спортивного сердца.

Дивизия сосредоточилась к 11-му июня¹⁴⁸⁹ у ст[анции] Шутово. А я был послан в Сарепту, где стоял штаб генерала Улагая¹⁴⁹⁰, командира конного корпуса и начальника Царицынской группы войск. Поехал я поездом, который вез в цистернах питьевую воду для станций Абганерово и Тингута, где были взорваны водонапорные башни. Дальше Тингуты железнодорожного сообщения не было, а комендант станции не мог мне предоставить ни коня, ни повозки. Я по телефону доложил о моем безвыходном положении начальнику штаба корпуса, и тот мне

сказал: «Ночью с Тингуты к нам пойдет паровоз, пробуя крепость восстановленных мостов; на нем вы можете поехать».

Паровоз шел с потушенными огнями, чтобы противнику не стало известно, что рельсовый путь восстановлен, и перед каждым мостиком машинист замедлял ход, шепча: «Дай, Боже, чтоб пронесло». Не провалившись на мостах, прибыли мы под Сарепту, где меня, голодного, накормили и снабдили всеми потребными распоряжениями. Тем же манером, но уже не тормозя на мостах, поехали мы обратно.

Дивизия двинулась 12 июня¹⁴⁹¹ от Шутово к Царицыну. Не имея опыта в вождении войск через пустыню, я допустил большую ошибку при составлении приказа для марша. Два полка пошли на хутора Водяные; третьему полку, артиллерии и штабу я наметил для ночлега место на карте, отмеченное надписью: «Зимовье калмыков Шаретова рода». Но в пути меня взяло сомнение, есть ли там вода, и я попросил капитана Капнина послать казачий разъезд на разведку. Казаки возвратились с докладом, что все колодцы взорваны и засыпаны. Колонна наша уже изнемогала от жажды: хотя в Шутово было приказано, кроме фляжек, набрать воды в бочки, в котлы и всевозможные сосуды, но уже на втором часу похода люди выпили всю воду. Жара стояла немилосердная. В этой пустыне не было ни птиц, ни животных — валявшиеся вдоль дороги трупы лошадей оставались нетронутыми, и солнце их так высушивало, что гниения не было.

Я доложил начальнику штаба, что на ст[анция] Тингута видел многоводное озеро. Колонна направилась туда. Но у озера стояли обозы казачьего корпуса генерала Улагая; они выставили пулеметы, чтобы не дать нам вычерпать озеро, им необходимое для водопоя. Командуй дивизией генерал Тимановский, мы овладели бы водопоем, но Тимановский расстался с нашей дивизией в Ростове и уехал для вступления в командование Марковской дивизией, а нами командовал полковник Непенин, командир Сводного полка 4-й стрелковой дивизии, вступивший в[о] временное командование дивизией. Это был офицер старого закала, и поэтому он не мог и подумать о применении силы против казаков. Полк и батареи, сделавшие уже 35 верст, пошли к хуторам Водяным, отстоявшим в пятиверстном удалении от ст[анции] Тингута. Штаб остался на ст[анции] Тингута, комендант коей напоил нас водою из вагонов-цистерн.

Приказ для второго перехода (13 июня¹⁴⁹²) я писал, тщательно расспросивши местных жителей о дорогах и водопоях. На третий день

(то есть 14 июня¹⁴⁹³) мы, дождавшись сумерек, приняли незаметно для красных боевое расположение перед одним из участков внешней царицынской оборонительной линии. Ночью к нам подошли 4 танка. Эти несуразные коробки так громыхали своими гусеницами, что в ночной степной тиши, несомненно, пробудили красных на пространстве многих верст.

Для овладения Царицыном генерал Улагай располагал Кубанской пластунской бригадой (она атаковала, примыкая правым своим флангом к Волге), Терско-Астраханской конной бригадой, своим казачьим конным корпусом и 7-ю пехотной дивизией, которую он почему-то поставил на левом, открытом фланге.

Удар мы нанесли на рассвете (16 июня¹⁴⁹⁴) и без труда, взявши пленных, овладели передовой позицией верстах в 12 от Царицына. Наша дивизия двинулась к городу. Но вдруг слева, со стороны г. Калач, на нас кинулся конный корпус красных. Полковник Непенин, не проявив ни малейшего волнения при виде этой огромной конной массы, приказал шедшему неподалеку артиллерийскому дивизиону нашей бригады открыть огонь. Но батареи уже и сами снимались с передков. Их меткий огонь прямой наводкой (вся прислуга состояла из офицеров) через несколько минут привел в расстройство плотные построения эскадронов и полков, и корпус Буденного¹⁴⁹⁵ ушел*.

Теперь генерал Улагай увидел свою ошибку, и он перевел большую часть своего корпуса на левый фланг, и после этого наша конница до

---

* В составе артиллерийской прислуги батарей, отражавших конницу Буденного, когда дивизия наша шла к Царицыну по овладении первым позиционным поясом, были кадеты Одесского и других кадетских корпусов (конечно, кадеты старших классов). Для большинства это было первым жутким боевым событием (не жутко ли, когда огромная конная масса — не меньше двух дивизий — скачет на несколько артиллерийских батарей?), но они молодцами выдержали экзамен. В Аргентине я встретился с одним из них — фамилия его Иоч, — и он, не зная еще, что и я был зрителем этого эпизода, рассказал мне о подвиге кадетского взвода в составе батареи и рассказал почти верно — с преувеличениями, неизбежными для каждого рассказчика о пережитом боевом эпизоде. Для командиров батарей этот случай был, так сказать, праздничным, ведь это чистейшая военная романтика — прямой наводкой на ровном, как бильярд, поле отражать шрапнелью конную атаку!

Для 7-й пехотной дивизии Добровольческой армии этот бой у Царицына был началом бесконечной серии больших боев, завершившейся взятием Киева, и эта серия началась в тот именно день, когда в Европе закончилась война подписанием Версальского мира (15-VI по ст.ст.)¹⁴⁹⁶ (примеч. Е.Э. Месснера).

конца дня боролась против красной конницы. Улагай принадлежал к категории тех генералов, которые командуют эскадронами или ротами своего корпуса, но не корпусом в целом. Он метался из одного конца поля сражения в другой, желая всюду навести порядок, поэтому бой протекал беспорядочно. Его начальник штаба оставался там, где было указано в приказе для боя; к нему стекались донесения, и он их посылал вдогонку генералу Улагаю; поэтому вся степь покрылась десятками ординарцев, скачущих и спрашивающих: не видали ли вы командира корпуса?

Донесения достигали поэтому до командира корпуса с опозданием, и в результате его распоряжения, отданные вследствие получения этих донесений, приходили к исполнителям так поздно, что не соответствовали уже обстановке, изменявшейся весьма скоро. Воображаю, как мучило все это его начальника штаба, Генерального штаба генерал-майора Шуберского¹⁴⁹⁷.

Одна улагаева бригада была выделена для преследования противника, отступавшего перед нами. Два полка дивизии дошли до второй царичьинской позиции и залегли перед нею, верстах в 4-х от города. Якутский полк, сделав крюк, захватил блестящей атакой ст. Воропоново* (?), взял много пленных и присоединился к нам. Штаб дивизии избрал своим наблюдательным пунктом холм верстах в 1 1/2 позади боевого порядка полков. Противник взял его под такой сильный артиллерийский огонь, что я был рад, когда меня послали в более безопасное место — в передовые цепи, — чтобы узнать, что делается в полках, с которыми мы телефонной связи не имели, за отсутствием телефонных средств.

К полкам я подъехал в тот момент, когда казачья бригада, не попросив от нас огневой поддержки, пошла ни с того ни с сего в атаку, выполняя, вероятно, запоздалое приказание летучего командира корпуса, основанное на с запозданием доставленном донесении. Бригада была встречена пулеметным огнем и с казачьей поспешностью ушла за нашу дивизию. В это время к цепям подъехал на автомобиле генерал Врангель. Он подозвал меня и приказал доложить ему обстановку. Его автомобиль с издали видным армейским георгиевских цветов значком привлек на себя оживленный пулеметный огонь, но генерал невозмутимо выслушивал доклад. Многочисленные следы пуль на стенках автомобиля свидетельствовали о том, что командующий армией имел обыкновение раз-

---

* В тексте ошибочно — Воропаново.

езжать в пехотных цепях. Генерал сказал мне: «Передайте полковнику Непенину дожидаться подхода танков и затем атаковать».

Не успел автомобиль отъехать с версту, как один из командиров полков, с которым я беседовал, слезши с моей раненой пулей лошади, сказал мне: «Глядите, Терско-Астраханцы атакуют». Действительно, справа видна была наша конница, скачущая в атаку на неприятельскую позицию и перескочившая уже через аванпосты. Полковник Залесский спросил: «Не поддержать ли их? Как вы думаете?» И я сказал командирам полков: «Именем начальника дивизии приказываю атаковать и взять впереди лежащие окопы».

Полки немедленно поднялись и пошли.

Бросив коня, раненного более тяжело, чем казалось сначала, пошел я в сторону штаба, но полковник Непенин и сам уже скакал ко мне в сопровождении штаба и конвоя, так как увидал движение полков. Пока я ему докладывал о происшедшем, подошли 2 танка (прочие 2 уже были из строя). Им было приказано поддержать атаку, но они не могли догнать нашу пехоту, потому что двигались со скоростью танкистов, шагавших подле своих машин, — люди, полузадохшиеся в своих железных духовых, раскаленных солнечными лучами, предпочитали неприятельский артиллерийский огонь безопасности под стальным укрытием. Во всяком случае, спасибо танкам за то, что они привлекли на себя огонь всей неприятельской артиллерии. От этого огня досталось и штабу дивизии, потому что мы безрассудно шли рядом с танками.

К темноте бой закончился — мы прорвали вторую оборонительную линию и залегли перед третьей, проложенной у городской черты. Штаб заночевал на каком-то хуторе, а когда мы ночью разобрались в обстановке, то оказалось, что мы находимся в 500 метрах от противника. Не дожидаясь рассвета, ушли мы на более благоразумное расстояние, и во вчера взятых окопах устроили наблюдательный пункт.

Надо признаться, что мы ждали более упорного сопротивления со стороны «Красного Вердена», как большевики наименовали Царицын, после того, как он отбил предшествующую атаку, выполненную казаками месяца 2 тому назад¹⁴⁹⁸. У нас и у нашего командования возникла мысль, что большевики берегут силы для оказания крепкого сопротивления на главной позиции, непосредственно прикрывавшей город. Ни силы этой позиции, ни ее начертания никто не знал. В штабе корпуса генерала Улагая мне вообще не дали никаких разведывательных данных, кроме начертания нам доставшегося участка внешней позиции.

Поэтому 15-го июня¹⁴⁹⁹ полковник Непенин с командирами полков и артиллеристами и капитан Капнин со мною произвели (скрытно) рекогносцировку вражеской внешней позиции. Нарисованные мною и в штабе размноженные схема и перспективный чертёж были единственными пособиями для командиров, чтобы ориентироваться на поле боя: плоская, гладкая степь, на которой линия неприятельских окопов и проволочного заграждения была так однообразна, что трудно было указать полкам направление наступления.

К передовой позиции мы подошли днем 16 июня только потому с осторожностью, что она была открыта без достаточной маскировки; пред началом же боя мы знали лишь о том, что она пролегает верстах в 4-х впереди города. О главной позиции мы знали еще меньше, и поэтому с рассвета 17 июня¹⁵⁰⁰ полки стали под огнем производить разведку ее.

Начальник дивизии послал меня для объезда обозов дивизии: он полагал, что к ним «приблудилось» много людей из рот. Но опасение оказалось неосновательным, и моя работа ограничилась передвижением обозов поближе к полкам и батареям дивизии. По приказанию полковника Непенина, я удостоверился, что все раненые вчера были отправлены на железнодорожную станцию: эта обязанность лежала на полковых обозах, потому что дивизия не имела ни перевязочного отряда, ни госпиталя — этот недостаток в санитарных учреждениях был мукой Добровольческой армии во все время ее существования*.

Когда я к полудню возвратился из поездки, артиллерия наша начала подготовку штурма. Было приказано атаку главной позиции произвести после тщательной артиллерийской подготовки. Это были пустые

---

* Посланный в перерыв между двумя стадиями царицынского боя для приведения в порядок обозов дивизии, я впервые в моей походной жизни увидел, что обозы боятся быть в тылу и с удовольствием принимают приказание придвинуться поближе к боевой линии. Дело в том, что конный корпус генерала Улагая не мог связать весь корпус Буденного, и поэтому отдельные эскадроны его (а в воображении наших обозных — целые полки) бродили в тылу нашей дивизии и угрожали ее обозам.

Впоследствии мне пришлось не раз наблюдать, что обозы искали для себя безопасности в прижимании к ведущим бой частям: перерывчатость фронта делала возможным проникновение противника в глубокий тыл, не говоря уже о войсковом тыле. Естественно было бы обозам вооружиться для получения возможности отражать врага. Но обозная психика была сильнее потребностей действительности: обозные солдаты — это нестроевые солдаты и драться не их дело (примеч. Е.Э. Месснера).

слова: дивизия не имела артиллерийских парков, батарейные резервы состояли из нескольких повозок каждый с весьма ограниченным запасом снарядов. Но наши опытные артиллеристы восполнили своим стрелковым искусством недостаток в снарядах и хорошо поддержали атаку, которая была произведена к концу дня. Правее нас атаковали пластуны. Что делала конница, не помню. Окопы были взяты, и наши полки вошли в город¹⁵⁰¹. Я был послан отыскать пластунскую бригаду и узнать, как у нее обстоят дела. Доехал до реки, чтобы иметь право говорить: «От Сана до Волги я поил моего коня» (впрочем, сейчас конь то был не мой, а позаимствованный казачий и, надо сказать, скверный).

Пластунов я не нашел: все устремились в город, соблюдая суворовское «На добыч!» И квартирьеры нашего штаба пошли за добычей — это были конвойцы, привычные к такого рода делам. Они быстро отыскали большой казенный склад кож и стали при нем караулом, а через несколько дней послали в Ростов, на продажу, вагон кожи; и я оказался безбарышным участником этой спекуляции — мне как заместителю начальника штаба подсунули на подпись «литеру» на перевозку одного вагона войсковой клади. С тех пор я не подписывал ни одной бумаги по инспекторскому отделению, не разобравшись в точности, зачем она написана.

Часть квартирьеров, закончив разведку на экономическом фронте, занялась поисками квартир, и поздно ночью штаб стал на ночлег. Грабеж складов продолжался и на следующий день. Мой писарь, Иванов, отпросился в города на прогулку и, возвратясь, хотел поделиться со мною своею добычей — преподнес мне дюжину крахмальных манишек: лучшего, мол, ничего не было. Я выгнал его из комнаты с его приношением.

Грязный, пыльный, запущенный городишко с запуганным населением не радовал нас, и поэтому мы без огорчения пошли 21 июня¹⁵⁰² в направлении на Дубово, чтобы прикрывать собою Царицын. Дивизию благодарил и генерал Улагай, и Врангель: мы в два дня справились с «красной крепостью», так долго не дававшейся казармам.

В деревнях, находившихся в нескольких верстах к северу от Царицына, простояли мы до 24 июня¹⁵⁰³, не имея соприкосновения с противником, которого наша конница отогнала за Дубово.

Числа 25 мы, как резерв Кавказской армии, были оттянуты в Царицын*. Здесь нам произвел смотр генерал Врангель. Он гипнотически

---

* Когда мы отошли 25-VI (у Е.Э. Месснера ошибочно — 25-IV. — А.Г.) в резерв командующего армией и расположились в Царицыне, то мне было приказано

действовал на офицеров и солдат огнем своих глаз, сталью в голосе, решительностью властной речи и энергией в движениях его высокого сухопарого тела. И на население города он произвел сильное впечатление. Его штаб напечатал и расклеил отлично выполненный плакат, на котором Врангель был изображен на белом коне, делающем скачок из Царицына в Москву (оба города были очень эффектно изображены на рисунке). Плакат этот появился как раз в день, когда до нас дошел приказ генерала Деникина о переходе подчиненных ему армий в наступление на Москву. Выходило: Деникин намеревается взять Москву, и Врангель хочет на белом коне вступить победителем в Белокаменную. Может быть, этот плакат был одной из причин неприязненных отношений, установившихся между двумя генералами и, к сожалению, отразившихся на управлении операциями Вооруженных сил Юга России.

способствовать каким-то (теперь уже не помню их фамилий) офицерам организовывать восстание населения по ту сторону Волги. Это были не то пленные (из насильно мобилизованных), не то перебежавшие на нашу сторону офицеры, не то скрывавшиеся в Царицыне от большевицкой мобилизации; во всяком случае, они уверяли, что знают обстоятельства за Волгой и имеют связи с населением. Я в Одессе уже приметил наличие особого типа офицеров Гражданской войны — их я называл формирователями: они проявляли весьма интересную подчас инициативу в создании обычных или особых войсковых частей, брали денежные авансы, представляли требования на непомерное количество оружия и материальной части всякого рода и растягивали формирование елико возможно, а в результате почти ничего не сформировывали. И мне казалось, что мои царицынские клиенты тоже были «формирователями», которых нельзя было бы и проревизовать: где искать их на берегах волжских рукавов? Но я был вынужден выполнять приказ и выдавать им оружие из советского, трофейного, а также деньги и, кроме того, удостоверения на право производить добровольную вербовку в отряды. Мы вскоре ушли из Царицына, и поэтому я не видел (и впоследствии не узнал ничего) о результатах этого моего «заволжского восстания».

Другой вид формирования производился вне ведома нашего штаба: откуда-то прибывшие морские офицеры стали образовывать Волжскую флотилию. Насколько припоминаю рассказы офицеров Днепровской флотилии (с которыми познакомился во время нашего обладания Киевом), на Волге отличились адмиралы Римский-Корсаков и Фабрицкий, оба мне знакомые: первый был первым мужем Веры, сестры моей жены, а второй был сыном одесского мирового судьи, в доме которого я бывал; оба были по возрасту гораздо старше меня и поэтому стали адмиралами, когда я еще ходил скромным капитаном. Фабрицкий, кажется, командовал одно время Донской флотилией, которой командовал и капитан 2-го ранга Кононов, получивший казачье производство в контр-адмиралы (и его я знал в Белграде — он был женат на одной из дочерей генерала Флуг[а]¹⁵⁰⁴) (примеч. Е.Э. Месснера).

Во главе дивизии стал Генерального штаба генерал-лейтенант Бредов¹⁵⁰⁵. Он сразу начал заводить регулярные порядки вместо «добровольческих». Первым делом он подтянул наш штаб. Капитан Капнин, уже привыкший при Тимановском и Непенине к большой самостоятельности, почувствовал, что при новом хозяине ему будет не по себе, и попросился в отпуск. Он сдал мне штаб дивизии и уехал. По приятельству он сказал мне, что больше в дивизию не возвратится. Я снова встретился с этим отличнейшим боевым офицером Генерального штаба лишь 20.IX.1920 года¹⁵⁰⁶, когда он мне сдал штаб Корниловской ударной дивизии.

Генерал Бредов пробыл в Царицыне несколько дней, а затем был вызван в Екатеринодар: наша дивизия получила задание оперировать в направлении на Полтаву, и штаб главнокомандующего хотел дать генералу Бредову директивы.

4-го июля¹⁵⁰⁷ первые эшелоны 7-й пехотной дивизии стали отходить со станции Царицын, направляясь через Торговую, Ростов-на-Дону, Славянск к станции Лозовая. В голове дивизии шел мой штабной поезд, последним поездом следовал временно командующий дивизией полковник Непенин, остававшийся в Царицыне, чтобы следить за погрузкой полков и батарей.

В Царицыне наша дивизия обзавелась (из советских складов и учреждений) потребным имуществом — походные кухни, починочные мастерские, пишушие машинки и проч. Наш штаб разбогател — получив столовую и кухонную посуду, привел в должный вид свое офицерское собрание, и мы, наконец, стали пристойно питаться, чему все обрадовались; «обезьянье мясо» (австралийские консервы) изрядно надоело.

При погрузке штаба ко мне подошел наш хозяин собрания поручик Назаров, израненный корниловец, и сконфуженно доложил, что «Соня страшно скандалит». Соня эта, девочка лет 13, была дочерью дамы, в чьем доме помещалось собрание. Эта девочка усвоила ученье Крупской и Коллонтай¹⁵⁰⁸ о свободной любви и буквально кидалась на поручика Назарова. Мать и сестры и не пытались ее образумить или обуздать, помня, как она тиранила семью при большевиках. Поручик Назаров был вынужден запирается от нее на ключ в своей комнате. Теперь Соня пришла на вокзал и кричала: «Назаров — мой муж. Он останется со мною или я поеду с ним!» Я велел привести ее, позвал двух дюжих казаков с нагайками и сказал девчонке: «Если ты немедленно не пойдешь домой, то я велю вот этим казакам выпороть тебя. Получив 50 плетей, ты оставишь в покое поручика Назарова». Моя угроза была

произнесена так сурово, у казаков была такая готовность к производству экзекуции, что Соня овечкою пошла домой.

Мы ехали Заманычскими степями в пору цветения трав. Сильный аромат наполнял воздух. Мы в вагонах вдыхали его полной грудью. Благодать Божья!

В Ростове в поезд сел генерал Бредов. Он сказал, что вместо капитана Капнина начальником штаба назначен Генерального штаба полковник Эверт¹⁵⁰⁹. В связи с переменами в управлении дивизии исчезли все конвойцы, а их лошадей мы передали офицерам из комендантской роты, образовав команду конных ординарцев.

В пути к Ростову в наш вагон подсел один полковник, участник похода отряда полковника Дроздовского и свидетель ранения в бою этого доблестного генерала. От Ясс до Ростова по прямой линии — 1000 верст, следовательно, отряд сделал в весеннюю распутицу свыше 1300 верст в пятьдесят дней. Это уже само по себе трудное дело. А если принять во внимание затруднения со снабжением, стычки с противником, то надо признать, что офицерский отряд проявил огромное напряжение воли. И конечно, это больше всех проявил полковник Дроздовский.

Он подоспел к Новочеркаску в момент, когда его неожиданная помощь оказалась очень нужной: 23 апреля 1918 г.¹⁵¹⁰ донцы освободили свою «столицу» от красных, но на другой день большевики снова ворвались в Новочеркасск. Тут по ним ударил отряд полковника Дроздовского, подошедший с Украины, отогнал красных, помог донцам. Это было поворотным пунктом в борьбе Дона за свое освобождение от большевизма.

По пятам за Дроздовским шли немцы, и они заняли Таганрог.

Мы прибыли на ст. Лозовая, где в комфортабельном поезде стоял штаб генерала Геймана¹⁵¹¹, командира кубанской пластуноской бригады. Геймановцы умели воевать и хорошо пожить: в штабном поезде был багажный вагон, наполненный запасами вин и водок. Генерала и меня, как исполняющего обязанности начальника штаба, угостили таким обедом, по сравнению с которым обеды в нашем собрании были нищенскими. Пластуны сдали нам 10 июля¹⁵¹² свой операционный сектор и уехали. Рядом с развернувшей боевой порядком 7-й дивизией стояла Сводно-гвардейская бригада (влево от нас), вместе с которой мы составили Полтавский отряд под командою генерала Бредова.

Отряду был вскоре придан еще и Осетинский пехотный полк, составленный из горцев, которые выказали себя энергичными в насту-

плениях, но весьма нестойкими против соблазна пограбить после завершения боя, а если возможно, то и до завершения его.

Штаб дивизии нашей выполнял в то же время и обязанности штаба Полтавского отряда, что усложняло работу и увеличивало количество ее. Прибывший для возглавления штаба Генерального штаба полковник Эверт, высокий, несколько грузный человек, не выказал себя очень охочим к напряженной работе. Он сразу проникся расположением ко мне, когда увидел, что я способен и готов работать 20 часов в сутки. Но еще большее расположение почувствовал он к инспекторскому адъютанту штаба, который умел совмещать служебную работоспособность с неутомимостью в беседах за стаканом зелена вина (у него была к тому же способность всегда раздобывать спирт или водку). Не хочу сказать ничего дурного о моих сослуживцах и начальнике, но я с большим неудовольствием наблюдал, как в инспекторском отделении попойки становятся все более частыми и продолжительными. Я привык к «монашескому» штабу: таким был родной мне штаб 15-й пехотной дивизии, когда я жил при нем в качестве бригадного адъютанта и когда я был в нем сперва старшим адъютантом, а потом начальником¹⁵¹³. В Одессе я подобрал себе сотрудников того же «монашеского» типа (другие отделения большого штаба были так обособлены от моего оперативного, что я не знал о поведении их офицеров). В штабе полковника Эверта я был таким строгим «игуменом» над оперативным отделением, что моим «монахам» было не до питья. Если кто-либо из них и убегал изредка на полчаса к офицерам комендантской команды штаба, чтобы по какому-нибудь случаю «пропустить рюмочку», то это делалось так тихо, что на репутации оперативного «монастыря» не отражалось.

Полтавский отряд имел задачу взять Константиноград¹⁵¹⁴ и затем Полтаву и тем обеспечить левый фланг Добровольческой армии генерала Май-Маевского¹⁵¹⁵, которая в то время после 30-дневного наступления к Харькову вела тяжелый бой за обладание этим городом (этот бой, завершившийся победой, окончился в день, когда мы прибыли на Лозовую). Левее нашего отряда должна была, прикрывая его со стороны Екатеринослава¹⁵¹⁶, действовать казачья дивизия генерала Шкуро*¹⁵¹⁷. В планы главного командования не входило распространение операции

---

* Не привелось быть свидетелем боевой работы дивизии генерал[а] Шкуро. Видел шкуринцев на разведке (фотография справа (не публикуется. — А.Г.)), но в бою не видал. Дивизию хвалили за боевую энергию, но за грабежи осуждали. Надо сказать, что на протяжении всей Гражданской войны у меня было впечатление, что кубанцы дерутся гораздо лучше донцов (и меньше грабят) (*примеч. Е.Э. Месснера*).

на Правобережную Украину, наполненную украинскими партизанами, но генерал Шкуро не удержался от соблазна разграбить богатый Екатеринослав, и он овладел этим городом. После трехдневного грабежа удалось его дивизию поставить на назначенное ей операционное направление (вдоль левого берега Днепра), но генералу Деникину пришлось для прикрытия Екатеринослава от большевиков перебросить кое-какие войска за Днепр.

Шкуринцы пробыли лишь несколько дней на участке между нами и Днепром, и в это время произошло нечто, причинившее мне лично большое горе. Как я уже упомянул, при уходе из Одессы поручик Костя Яковлев¹⁵¹⁸, мой школьный друг, не мог пробраться ко мне, чтобы вместе идти с бригадою Тимановского; он ушел за город и там присоединился к польской дивизии, надеясь за границею или на границе отыскать русские части. Но у Беляевки поляки поставили русским офицерам требование — надеть польские гербы на фуражки, если желают перейти с дивизиею границу. Яковлев отказался превратиться в поляка. Он долгое время бродил, скрываясь от большевиков в малонаселенных одесских дачных пригородах, где его кормили бесстрашные люди, но, в конце концов, был вынужден возвратиться домой. Первая волна террора уже миновала, и он, вынырнув на поверхность, не пострадал. Летом 1919 г. он был мобилизован, зачислен адъютантом в красный артиллерийский дивизион и отправлен на фронт. В первом же бою он так ловко путал боевые распоряжения, что его дивизион попал в плен к дивизии Шкуро. Костя заявил, что имеет сделать важный доклад начальнику штаба и, действительно, доложил такие ценные сведения о Красной армии, что начальник штаба, полковник Шифнер-Маркевич¹⁵¹⁹, немедленно зачислил его офицером в свой штаб. Позвавши одного казака, он приказал ему сходить с господином поручиком в плененный дивизион и помочь ему перенести свои вещи. Ленивому казаку не хотелось таскать чемоданы «солдатского офицера», и он посадил Яковлева в сарай с пленными, а через несколько часов пьяный казачий офицер застрелил его. Так погиб преданный России человек и отличный офицер.

Все эти и многие другие возмутительные подробности я узнал от его вдовы, Веры Лаврентьевны, которая, разыскивая мужа, героически пересекала партизанские, большевицкие и добровольческие фронты, расспросила полковника Шифнера-Маркевича и подобающим образом погребла тело мужа. Выйди он к нашим линиям на 1 километр се-

вернее, он попал был не в казачий штаб, а в штаб Полтавского отряда, ко мне. Первый бой Полтавского отряда был удачен, и мы, преследуя врага, заняли Константиноград. Вскоре затем мы разбили красных под Полтавою и заняли этот дивный, утопающий в садах город. Полтава была излюбленным местопребыванием отставных генералов — хороший климат давал надежду на долгую жизнь; дешевизна позволяла удовлетворять на пенсию все стариковские потребности, а специально генеральскую потребность — чтобы кто-нибудь, отдавая честь, становился во фронт — удовлетворяли кадеты Полтавского корпуса. Дальнейшие города, начиная от Гоголем прославленного Миргорода, были забытыми Богом углами, население которых сильно пострадало от местных комитетов и от красноармейских частей.

В Полтаве мне прибавилось работы: оперативное отделение стало и пропагандным. Уже по взятии Константинограда я написал несколько прокламаций, и поручик Циммерман¹⁵²⁰ (заведующий разведкой) напечатал их в десятках тысяч экземпляров в типографии, еще пахнувшей коммунизмом. Под Полтавой же я дал Циммерману задание немедленно по нашем вступлении в город начать издание газеты. Энергичный Циммерман отыскал какую-то даму, у которой полтора года тому назад большевики отобрали местную газету; он водворил ее в ее бывшую редакцию, оживил типографию, замершую при бегстве коммунистов вследствие нашего приближения к городу; и через 24 часа по овладении нами Полтавою на улицах продавали первый номер «Полтавского вестника». Циммерман, не прекращая своей работы в штабе, редактировал и газету, а я писал военные обзоры. Развивая пропагандную деятельность, я выставил в витринах магазинов огромные карты театра военных действий и ежедневно обозначал на них линию фронта, согласно сообщений штаба главнокомандующего.

Полтава быстро оправлялась от ужасов большевистского режима. Мои «оперативные мальчишки» говорили мне об этом, войдя в курс полтавской жизни, благодаря установлению знакомств с приветливыми полтавскими барышнями. Я ни с кем не мог познакомиться — безотлучно (если не считать выходов к моим картам в витринах) находился в штабном поезде. Поезд мы организовали уже на ст. Лозовая. Теперь же в Полтаве мы его пополнили: он состоял из оперативного вагона, где жили в отдельных купе генерал Бредов, полковник Эверт и я и где два купе разборкой перегородки были превращены в оперативную «комнату»; шестое купе было отведено под телеграф (на каждой станции

аппарат включали в железнодорожную линию для телеграфной связи с вышестоящим штабом). Другой вагон был инспекторским, третий — офицерское собрание. Четвертый — электрическая станция. Затем были вагоны писарской, для ординарческой команды, для комендантской команды, для телефонистов-телеграфистов, вагон-кухня, конские вагоны и платформы для обозных повозок и автомобиля. Автомобиль появился в Полтаве — два гимназиста зачислились к нам добровольцами с собственным автомобилем (один из них остался при нем шофером, а младший брат — помощником шофера).

По взятии нами Полтавы прибыл к нам генерал Май-Маевский*, чтобы поблагодарить отряд генерала Бредова за службу. Он произвел смотр войскам на плацу подле красивого бульвара у высокого обрыва над Ворсклой. Впрочем, смотр не был эффектным: наши полки были далеко, в боевой линии, а в городе оставался небольшой резерв да саперная рота. Генерал, производивший смотр, был еще менее эффектен, чем смотр: на коротких ногах огромное шаровидное тело, а непосредственно над этим шаром — без шеи — шаровидная голова с лицом, казавшимся в ширину более протяженным, нежели в высоту. Бедный Май-Маевский располнел до невозможности. Казалось удивительным, как мог такой заплывший жиром человек проявлять огромную и победоносную командную энергию.

Вскоре после взятия Полтавы мы попали в тяжелое положение: главные силы отряда верстах в 20-ти к западу от города, а к самой Полтаве подступила неприятельская колонна, пришедшая от Ахтырки; с юга же, от Кременчуга, подошли банды, довольно многочисленные.

---

* Генерал Май-Маевский (фотография внизу (не публикуется. — А.Г.) пользовался большой любовью среди офицеров первого периода существования Добровольческой армии; они его так же ласково-фамильярно называли «Май», как впоследствии американцы и англичане называли своих вождей «Айк» (Эйзенхауэр) и «Монти» (Монтгомери). Эта любовь к «Маю» и побудила (возможно) генерала Деникина вручить ему Добровольческую армию, когда возросшая численность антибольшевических сил потребовала разделения на армии. Но мы, мало знакомые с полководческими дарованиями Май-Маевского, поражались, как могли этого совершенно спившегося человека держать на столь ответственном посту. Я же лично поражался, как могла эта бочка с алкоголем проявлять и энергию, и живость мысли (в наличии этих качеств я мог убедиться, наблюдая — правда, краткие моменты, генерала в Полтаве, а потом в Киеве).

На фотографии позади генерала Май-Маевского виден легендарный корниловец: командир (и основатель) 2-го Корниловского полка Пашкевич, полковник и герой (*примеч. Е.Э. Месснера*).

Мы попали в мешок. Естественным решением было бы поспешное отступление Полтавского отряда на левый берег Ворсклы. Но генерал Бредов решил выправить положение не отходом на восток, а ударом на запад. 7-я дивизия ввязалась в тяжелый бой, а Гвардейская бригада разбила наголову Башкирскую конную дивизию¹⁵²² (редкий случай уничтожения конницы атакующей пехотой). Эта дивизия понесла такие потери, что была после боя навсегда расформирована. Благодаря этой победе, сжимавшие нас клещи сейчас же разжались.

Впрочем, через несколько дней какой-то неприятельский отряд провалился в Константиноград. Мне было приказано немедленно послать туда одну роту из Полтавского гарнизона. Железнодорожники саботировали: нет машиниста, нет паровоза с углем и т.п., надо, мол, выполнить все формальности по передаче вагонов с Кременчуг-Харьковской на Киев-Полтавскую дорогу (дороги эти принадлежали разным дирекциям). Я пригрозил дежурному по станции расстрелом, если к определенному времени поезд не отойдет — поезд отошел раньше этого времени. Положение железнодорожных служащих было крайне тяжелым — они, полуголодные, устали выполнять требования красных, белых и партизан без определенного цвета, поочередно владевших дорогами в дни Гражданской войны. Машинисты и кондуктора боялись вести поезда, потому что случалось терять на долгие месяцы связь с семьей вследствие неожиданного скачка линии фронта.

Благополучию фронта Полтавского отряда угрожал неприятель, базировавшийся на Сумы и действовавший во все возрастающий разрыв между нами и харьковской группой Добровольческой армии генерала Май-Маевского.

Генерал Бредов поставил на ахтырское направление 42-й Якутский полк, и он блестяще выполнял задачу бокового авангарда. Но корпус генерала Кутепова уходил все дальше на север, наступая на Курск, во исполнение общей директивы генерала Деникина о движении на Москву. Вследствие этого, во-первых, увеличивался оперативный разрыв между левым флангом корпуса генерала Кутепова и правым флангом Полтавского отряда — здесь уже не хватало сил Якутского полка — и, во-вторых, создавалась новая стратегическая потребность в движении на Киев для обеспечения движения на Москву. Для действия на киевском операционном направлении была создана группа генерала Юзефовича¹⁵²³, изъятая из подчинения генералу Май-Маевскому и подчиненная непосредственно генералу Деникину. Группу эту состав-

ляли V-й конный корпус (генерала Юзефовича) и Полтавский отряд. Последнему было приказано наступать вдоль железной дороги Полтава — Киев, имея конечной целью занятие Киева. Вследствие того, что дивизия генерала Шкуро, действовавшая левее нас, была куда-то уведена, наша операционная полоса растянулась влево от Днепра; правая разграничительная линия пролегла приблизительно в полутора-двух десятках верст правее железнодорожной магистрали Полтава — Киев. Правее нас действовал V-й конный корпус, постепенно усиливаемый разными пехотными частями.

Якутский полк с приданной ему батареей возвратился к главным силам дивизии, которая между тем с непрестанными боями продвигалась на северо-запад, разбивая все новые и новые дивизии красных. Осетинский полк лихим ударом выбил противника из гор. Лубны. Но затем осетины предались грабежу, и красные, получившие подкрепление, воспользовались этим и выбросили Осетинский полк из города на восточный берег реки. Вторичный лобовой* удар сулил неуспех, а поэтому генерал Бредов послал один полк в обход, на переправу, лежащую верстах в 15 к северу от г. Лубны; полк этот, спустившись к югу, вышел в тыл красным, оборонявшим город; в результате этого маневра мы взяли много пленных и далеко отбросили красных.

Пока мы разыгрывали этот второй бой у города Лубны, большевики успели зверски убить большинство монахов монастыря, находившегося подле города¹⁵²⁴: красные расправились с ними потому, что те колокольным звоном выразили свою и всего населения Лубен радость по поводу вступления осетин и отслужили благодарственный молебен.

Эта трагедия в монастыре еще раз показала нам, как надо быть осторожными в операциях Гражданской войны. Если в нормальной, внешней войне театр войны был шахматной доской, на которой можно было передвигать фигуры, сообразуясь лишь с тактическими и оперативными потребностями, то в Гражданской войне такой свободы маневрирования не было, вследствие наличия социального фактора: тактически могло быть выгодно, например, захватить временно какой-либо городок, чтобы получить те или иные маневренные преимущества, а затем уйти из этого города, когда в этих именно преимуществах больше не будет надобности — но такой уход был бы актом бесчеловечности в отношении населения городка, которое, не подозревая крат-

---

* У Е.Э. Месснера — лобовой.

ковременности нашего владения городком, проявит к нам симпатии, не боясь этого проявления, ибо думает, что мы принесли окончательное освобождение от врага. Поэтому совестливый военачальник должен взвешивать шансы и учитывать ту моральную ответственность за население, какую он берет на себя, овладевая населенным пунктом.

Полтавский отряд быстрым темпом овладел Миргородом, воспетым Гоголем, овладел Ромоданом, наиболее почему-то унылым из всех мне известных малороссийских городов, и Лубнами, стариннейшим (после Киева) городом Украины, основанным в 1107 году. После этого, при приближении к узловой станции Гребенка, генерал Бредов замедлил темп наступления, приберегая силы войск для предстоящего удара на Киев*.

---

* От Лозовой до Киева шли мы по благословенной Малороссии — ее еще не успела разорить революция. Не раз я, разъезжая с генералом Бредовым в автомобиле по театру наших операций, вспоминал великолепные, яркие, дивные стихи моего любимого поэта А. Толстого: «Я знаю край, где все привольем дышит».

И сейчас еще перед моими глазами виды Малороссии, по которой я колесил в дни междоусобицы, так не гармонизировавшей (а с чем она может гармонизировать?) с привольной жизнью милых моему сердцу «хохлов». Помню реки и речушки неоторпливые, как обозы чумаков, влекомые медлительными волами. И на каждой из этих рек, как на удобном оборонительном рубеже, противник давал нам отпор, и мы его опрокидывали, и кровь лилась, как в столетия, когда там простиралось Дикое Поле.

И бой переходил с берега реки, с простора полей в улицы тихих городов, дремлющих под пылью и под сенью деревьев в пространных садах и на примитивных тротуарах. И к нашей радости победы примешивалась радость жителей городка, благодарных нам за освобождение от террора со стороны черни, пришедшей и своей. И эта радость мешан давала нам оправдание в том, что мы во время боя своими пушками и пулеметами подвергали смертельной опасности обитателей этих до революции патриархальных городков.

И села встречали нас радостно, приветливо: это не была обычная жалость к солдатику, которую в дни маневров мирного времени проявляли жинки и дивчата, утешая проходящие колонны молоком или холодной водой, хлебом, фруктами. Теперь по проходе победительной колонны «охфицерай» староста посылал ей вдогонку воз или возы муки, снесенной ему односельчанами, и хлебов-калачей, снесенных бабами. Села эти не были унылыми, грязными поселениями, как те деревни, что я видывал в окно вагона поезда, едучи на север, в Москву, в Питер. Это были деревни-сады, свидетельствующие о любви их обитателей к красоте. Может быть, во мне было слишком много сентиментальности, но мне становилось грустно каждый раз, когда я видел, что такое романтическое село или живописный хуторок покрывается огнем нашей или красной артиллерии. Не бывавшим в боях покажется странным (так в документе. — А.Г.) такая жалость к строениям и садам в моменты, когда бой пожирает солдатские жизни. Но к ранению и смерти своих соратников мы относились просто: на то, мол, и война. А вот раненая лошадь или под обстрелом мечущаяся из рощи в рощу лань вызывали общее сожаление, невинное в людской расправе животное ведь незаслуженно страдало (*примеч. Е.Э. Месснера*).

Большевики при отступлении взрывали все железнодорожные мосты. Наша саперная рота, которую командовал энергичнейший полковник Добровольский, с непостижимою быстротою восстанавливала эти мосты. Мы поражались, как он, располагая примитивнейшими техническими средствами, подымал упавшую ферму, восстанавливал тяжело поврежденный бык или из балок сооружал конструкцию для перекрытия пролета. Надо отдать справедливость техническому персоналу из железнодорожников (служба пути), который подкреплял наших сапер и изобретательностью, и знаниями, и трудом. У нас, кроме полковника Добровольского, появился и другой столь же энергичный человек — доктор, который в короткое время создал первоклассный санитарный поезд, названный по имени жены генерала Бредова; вскоре оказалось, что он доктор-самозванец, не медик, а ветеринар; но он был полезным самозванцем — благодаря ему наши раненые подвергались быстрой и комфортабельной эвакуации. И все же медики «съели» его, и он, несмотря на все усилия генерала Бредова, был смещен и заменен дипломированным ничтожеством.

Вследствие разрушения мостов наш штабной поезд, поспешая за войсками, делал далекие объезды — Полтава — Кременчуг — Ромодан, Ромодан — Знаменка — и Бобринская (обе в партизанском районе) — Черкассы — Гребенка. В дни боев поезд служил генералу Бредову лишь местом ночлега и пунктом сбора донесений; днем же он объезжал свои боевые колонны, руководя ими. Я всегда сопровождал его, имея, кроме других обязанностей, задачу пользоваться всякой возможностью, чтобы связаться по телефону с полковником Эвертом, узнать у него обстановку и доложить ему, какие распоряжения дал колоннам генерал.

Расстояния между колоннами бывали значительны, и поэтому нам приходилось ездить по «ничьей земле». Я приказал закрепить на автомобиле пулемет Кольта — я был за пулеметчика; шофер же и его помощник (два полтавских гимназиста) имели по винтовке. Встречи с конными разъездами в поле бывали неприятны — ни красные, ни наши казаки не имели погон, и поэтому до момента сближения на дальность голоса надо было иметь пулемет наготове. И, въезжая в село, мы никогда не знали, нет ли в нем большевистской засады и как нас встретит население: благословениями или выстрелами*.

---

* Во время объездов с генералом боевых колонн Полтавского отряда неприятно бывало появление в многоверстных промежутках между этими колоннами

Надо знать, каковы улицы в наших селах; в сухое время — выбоины, косогоры; после дождя — невылазная грязь и глубокие лужи, — чтобы представить себе, каковы были возможности повернуть автомобиль и выбраться из села, если оно окажется враждебным или вражеским. Но Бог нас хранил, и мы ни разу не попали в положение, из которого было бы трудно «выбраться».

Поездки по селам и остановки в них показали мне, насколько изменилась психика крестьян благодаря революции. Они разговаривали с нами — и не только со мною, но и с моим генералом — без прежнего подобострастия; особенно изменилось поведение детей — в старину (т.е. в дни моего детства) они при появлении помещика или начальства жались к родителям или прятались за плетнями; теперь же они лезли на наш автомобиль — на подножку, на крылья, рассматривая прищельцев, машину и мой пулемет. Мне их бесцеремонность больше нравилась, чем прежняя робость.

Однажды, возвращаясь ночью с поездки, мы с генералом уснули, измученные бессонными ночами и напряженной боевой работой. Шофер, будучи городским жителем и не умея запоминать дорогу в поле, на одном перекрестке свернул не к северу, а к югу, и мы поехали прямо в Переяслав, находившийся в руках матросского полка (красного). К счастью,

---

конных частей: невозможно было в бинокль отличить наших казаков от красных. Наши (в особенности донцы) выглядели такой же буйной вольницей, как и вражеские (см. рисунок слева (не публикуется. — А.Г.)). В императорской армии мирного времени, в кавалерии, в Николаевском кавалерийском училище, где казачьих юнкеров выделили в особую сотню, казаков — и рядовых, и даже офицеров не считали полноценными воинами. Свообразная (теперь сказали бы — демократическая) дисциплина в казачьих войсковых частях и несколько пониженный, по сравнению с общеармейским, уровень умственного развития и воспитанности казачьих офицеров заставляли сомневаться в способности казачьих полков сравняться на войне в тактическом искусстве с регулярными полками конницы (казачьи артиллерийские батареи комплектовались преимущественно неказачьими офицерами, потому что мало кто из казаков рисковал отважиться на изучение премудрости артиллерийских училищ). Война подтвердила опасения, что казачьи полки будут, вообще говоря, слабейшими полками в кавалерийских дивизиях (состоявших, как правило, из трех регулярных и одного казачьего полков). А полки из пожилых казаков, распределенные в качестве корпусной и дивизийной конницы, были, что называется, «унеси ты мое горе».

В Гражданскую войну кубанцы были куда лучше донцов, но те и другие не могли идти в сравнение с кавалерийскими полками, уже по одному тому, что эти последние имели офицеров не только на командных должностях, но и — в значительном проценте — в составе всадников (*примеч. Е.Э. Месснера*).

я проснулся и остановил автомобиль. По расчету времени мы должны были бы подъезжать к той в темноту погруженной железнодорожной станции, где стоял наш штабной поезд; между тем впереди я видел огни и небо, освещенное огнями какого-то города. В темноте не было возможности точно ориентироваться, но я предположил, что мы стоим верстах в трех от Переяслава, т.е. от большевиков. Ехавшие нам навстречу крестьяне подтвердили это. Я, не будя спящего генерала, приказал ехать в обратном направлении. Мы поехали, но шофер «обрадовал» меня известием, что бензин при конце. Если ехать по большой дороге, огибая пространное озеро, то до штаба оставалось 30 верст. Я, сокращая путь, повел автомобиль проселочными дорожками и даже напрямик, полями, и все же нам с генералом пришлось последнюю версту идти пешком.

В полночь добрались мы до нашего поезда. Пообедали (мы весь день ничего не ели, поэтому ужин был и обедом), а после этого Бредов, выслушав доклад Эверта о накопившихся в штабе оперативных сведениях, лег отдохнуть, а я еще часа два писал распоряжения на следующий день, донесения в штаб генерала Юзефовича и говорил по телефону или телеграфу с разными штабами. А на рассвете — завтрак и выезд с генералом в поле.

Нет ничего удивительного в том, что накануне я заснул в автомобиле — начиная от Лозовой, я не имел никогда времени для нормального сна. Генерал Бредов с первых же дней невзлюбил полковника Эверта за его склонность к хорошей жизни — Бредов был настоящим аскетом — и он стал игнорировать своего начальника штаба. Часть обязанностей последнего легла на меня, и без того уже перегруженного работой, потому что, выполняя функции штаба корпуса, мы, кроме меня, не имели ни одного офицера, подготовленного для службы Генерального штаба.

Я не тяготился трудностью работы и обилием ее в нашем штабе. Полковник Ширяев¹⁵²⁶ (мой бывший начальник по одесскому штабу) трижды присылал ко мне гонцов с предложением перейти в его штаб Донского корпуса — мне сулили штаб-офицерские чин и должность. Но я отвечал, что — неказак и не могу поэтому перейти на службу Всевеликому войску.

Самым ценным человеком в штабе был заведующий разведкой поручик Михаил Артурович Циммерман. Летом 1914 г. он, зачисленный из запаса в один из гвардейских конных полков, был со своим разъездом окружен во время глубокой разведки и, пытаясь прорваться через ряды германского эскадрона, был пикой ранен в голову во время

конной атаки и попал в плен. Трижды он бежал из плена, трижды был пойман и сажаем в более строгий лагерь на более суровый режим. Возвратившись, по завершении войны, в Россию, он в начале мая поступил в нашу дивизию. Юрист по образованию, он не успел перед войной защитить диссертацию по международному праву — доктором и профессором этого права он стал впоследствии, в Праге. Он был рассеян, как профессор, и на каждой стоянке, сдавши какой-либо женщине в стирку свое белье, забывал его — время от времени приходилось ему делать новое «приданое». Но, как человек научного склада, он вел разведку очень систематично и всегда располагал нужными сведениями.

Штабс-капитаны Михайловский и Образков (оба пехотные кадровые офицеры) хорошо справлялись со своими обязанностями — один ведал связью, а другой — боевым составом и прочей статистикой. Оперативными мальчиками были толковые, но мало служившие поручики Лопухов, Растегаев и Вегнер. Они годились лишь для дежурства по строевому отделению. Четвертым был поручик Юркевич, которого можно было с разездом послать с опаснейшим поручением — например, ночью отыскать нашу колонну, почти окруженную неприятелем, и вручить ее командиру боевые распоряжения; за это я взял его к себе из ординар[че]ской команды, где он нес обязанности унтер-офицера. Другой из ординарцев, поручик Ткаченко¹⁵²⁷, за такую же исполнительность и лихость был поставлен при генерале Бредове личным адъютантом.

Инспекторской частью ведал опытный канцелярист капитан Головин. Мой шурин поручик Михаил Калнин был у него казначеем. Большую роль играл наш интендант: чтобы удержать войска от грабежей, генерал Бредов велел ему в каждом завоеванном городе брать под охрану большевицкие склады и затем известную часть их запасов распределять между офицерами и солдатами. Мои купеческие сынки Растегаев и Лопухов делали какие-то коммерческие комбинации с товарами своими и своих сослуживцев; я же все приберегал для подарка Милочке¹⁵²⁸ — в Киеве набрался целый чемодан материй, полотна, ниток. Это было добавлением к тому ничтожному, с ценами несообразному, жалованью, какое получали добровольцы.

Возвращаясь к вопросу о перегруженности работой строевой части штаба, надо сказать, что не только многочисленность подчиненных генералу Бредову частей усложняла наши обязанности: малое количество конных ординарцев и паралич железной дороги, ведущей

в тыл, крайне ограничивали возможность пересылки бумаг (приказов, донесений и т.п.), а потому приходилось прибегать к телеграфным разговорам, требующим много времени, в особенности если собеседник, вместо исчерпания каждой темы понаособь, пытается говорить сразу на 2–3 темы. Телеграфный аппарат стоял в купе, смежном с моим, и я во всякое время дня и ночи (если не был в поле) подходил к аппарату. За это генерал Кусонский¹⁵²⁹ (начальник штаба группы генерала Юзефовича) прозвал меня «бессонным мальчиком» (мальчиком — за мою моложавость) — он мне об этом сказал в Париже лет через 20, когда мы с ним «вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они».

Полтавский отряд на протяжении похода на Полтаву и Киев увеличивался в своем составе и стал по силе равен армейскому корпусу. То прибывавшие, то убывавшие войсковые части и соединения силы разного качества: начиная от великолепной кавалерийской бригады генерала Барбовича¹⁵³⁰ и Белозерского полка (полковник Штейфон¹⁵³¹) и кончая грабительскими: бригадою пластунов полковника Белозерцева и Волчанским партизанским отрядом (капитан Яковлев¹⁵³²).

7-я пехотная дивизия впитала в себя в Одессе много офицеров 15-й пехотной и 4-й стрелковой дивизии, боевое качество которых было выше похвал; третий полк дивизии — 42-й Якутский — тоже имел достаточно офицеров для замещения опытными командирами должностей командиров вплоть до отделенных.

Иначе выглядела Сводно-гвардейская бригада генерала Штакельберга¹⁵³³. Гвардия восстановила все свои бывшие полки, хотя бы офицеров хватало лишь на штаб, одну роту и хозяйственную часть. При крайне малом числе офицеров и при пополнении преимущественно пленных красноармейцами, генерал Штакельберг допустил посменное пребывание офицеров в строю — часть офицеров отдыхала в обозах и даже на южном берегу Крыма, где были некоторыми из этих символических полков арендованы дачи. Боевая сила бригады была незначительной — около 3-х батальонов и конный дивизион, составленный из полковых команд разведчиков, — и вся она была подчинена артиллеристу (закончил академию Генерального штаба по 2-му разряду) полковнику Сакс¹⁵³⁴; генерал же Штакельберг командовал небоеспособными ротами бригады (символическими полками) и обозами, а также служил посредником между штабом Полтавского отряда и полковником Сакс, отличным, надо признать, тактиком.

Гвардейская бригада мной раз проявляла высокий боевой порыв, иной же раз не могла решить и легкой боевой задачи — полагаться на нее было очень трудно.

Переяслав, куда шофер нас с генералом сонными едва не доставил, был захвачен молодецким набегом конно-разведческого дивизиона полковника Сакс. Гвардейцы на рассвете неожиданно ворвались в город, овладели пушками, стоявшими на главной площади, и стали из них стрелять по окружающим домам, где спали матросы. Часть матросского полка была порублена здесь же, другая отошла к Днепру и потонула в нем. Говорят, что никто не спасся. Гвардейцам досталось знамя и пушки.

Но это молодецкое дело имело для нас плохие последствия. Предвидя, что сражение за Киев будет тяжелым, генерал Бредов решил сделать у Борисполя трехдневную остановку, чтобы дать войскам хороший отдых, а затем, сделав тридцативерстный переход, вдруг оказаться перед красной позицией, прикрывавшей киевские мосты, — можно было надеяться, что неприятель, успокоенный нашей остановкой у Борисполя, будет застигнут до некоторой степени врасплох. Однако гвардейцы, воодушевленные переяславской победой, решили таким же манером взять и Киев — конный дивизион, без ведома генерала Бредова, кинулся к переправам, был отбит, ввязался в бой; ему на помощь подоспели батальоны полковника Сакс; но их положение у дер. Бровары стало опасным, и полковник попросил подмоги — генералу Бредову пришлось двинуть весь Полтавский отряд в сражение, разгравшееся не так, как задумал генерал, а как оно развивалось в результате постепенного усиления вражеских войск, прилагавших все усилия, чтобы прикрыть эвакуацию из Киева по Черниговскому шоссе.

Из Киева большевики уходили по Черниговскому шоссе. Чтобы мы его не перерезали (мы уже приблизились к нему вплотную), красное командование бросало против нас каждую войсковую часть, перешедшую из Киева по мосту на восточный берег Днепра; эта войсковая часть под нашим ударом быстро изнемогала, и ее отводили на Чернигов, а на ее место становились новые, свежие полки из Киева. Мы не имели резервов, наши полки были уже измучены боем, а против них каждый день вырастали свежие силы врага.

Трое суток продолжался весьма тяжелый бой. Было много красивых и героических эпизодов — например, лихая конная атака Ингерманландского полка, прикрывавшего с другими эскадронами генерала

Барбовича наш правый фланг. Из многих моментов этого сражения мне особенно запомнился один, когда я был очень близок к гибели или же плену — вследствие порчи автомобиля, пошел я без сопровождающих из одной колонны в другую и был вынужден идти в нескольких сотнях шагов от Черниговского шоссе, по которому двигались и обозы, и войсковые части противника. Генерал Бредов не щадил своей жизни, появляясь в самых опасных местах. И он не щадил своих моральных сил, внушая бодрость командирам, сомневающимся в возможности овладеть Киевом при нашей малочисленности. И мы сломили сопротивление красных. Большевицкому командованию не удалось вывести все свои войска на Чернигов — часть была нами отрезана и ушла на Коростень (за реку Тетерев).

Генерал Бредов приказал идти в Киев. Первою пошла Гвардейская бригада (пока полковник Сакс крепко дрался, силясь взять Бровары, тыл Гвардейской бригады занимался еврейскими погромами в отведенном ему местечке). Она пошла первою, потому что действовала на левом фланге Полтавского отряда у самого берега Днепра, 7-я же пехотная дивизия и прочие части отряда дрались восточнее гвардии, то есть дальше от мостов через Днепр. За гвардией пошла в Киев 7-я дивизия — прикрытие Киева со стороны Чернигова было поручено Ингерманландскому гусарскому полку и сводному отряду из частей, включенных в корпус генерала Бредова.

Обгоняя на автомобиле полки 7-й дивизии и глядя на сотни брошенных большевиками на шоссе автомобилей и повозок, поехали мы в завоеванный нами Киев. Но оказалось, что Киев достался не нам, а галичанам. Об этом нам сообщила не гвардия (она вообще не отличалась исправностью в присылке донесений), а выехавшая навстречу генералу Бредову депутация киевлян во главе с В.В. Шульгиным¹⁵³⁵. Оказалось следующее: в то время, как мы совершали наш поход на Киев, а затем атакой предкиевских позиций принуждали красное командование перебрасывать навстречу нам свои войска с правого на левый берег Днепра, корпус галицийских сечевиков, подчинявшийся Петлюре¹⁵³⁶, беспрепятственно приближался от Житомира к Киеву. А пока мы дрались в восточных (левобережных) предместьях Киева с последними вышедшими из Киева красными войсками, сечевики без боя вошли в Киев с запада.

Это было сюрпризом для генерала Бредова. Поручик Циммерман, ведший тактическую разведку, не имел никаких средств к выяснению

обстановки по ту сторону Днепра (денег на оплату шпионов мы не имели); в последнем бою не было взято пленных, которые могли бы сообщить о приближении сечевиков от Житомира; штаб же генерала Юзефовича и штаб главнокомандующего дал нам не разведывательное, а политически-оперативное указание, как поступать «в случае встречи с петлюровцами».

Мы переехали Цепной мост и подле него увидели гвардейскую роту в развернутом строю и визави ее — роту сечевиков. Сечевики, по-видимому, имели задание — не трогать москалей. Директива генерала Деникина гласила: «...в случае встречи с петлюровцами предлагать им положить оружие, а при отказе — обезоруживать». Генерал Бредов упростил директиву и приказал командиру гвардейской роты обезоружить роту сечевиков. Та без сопротивления положила оружие. А я в это время обезоружил верхового сечевика, державшего чьего-то верхового коня; кони эти достались генералу Бредову, а моим трофеем была шашка (я, выходя из дому в Одессе и предполагая, что в бригаде Тимановского буду зачислен канониром в батарею, не взял с собою шашку, но вооружился лишь карабином).

Деникинская директива казалась мне и Эверту (а может быть, и генералу Бредову) политической ошибкой. Но она отвечала принципу «Единая, неделимая Россия». Весьма строгое применение этого принципа уже создало в 1918 году трения между Добровольческой армией и кавказскими племенами. В Грузии, например, где после февральской революции власть взяли в свои руки грузинские социал-революционеры¹⁵³⁷, не было стремления отделиться от России, но было твердое желание стать федеративной частью России (может быть, у них и не было сильной любви к русским, но у них было сильное опасение, что Турция поглотит Грузию, если та выделится из состава нашей империи). Однако непреклонность генерала Деникина в буквальном толковании слова «неделимая» привела к тому, что Грузия объявила себя независимой, ставши под защиту Англии. В других племенах Кавказа тоже была тенденция к федерализму или автономии. Назначенный для согласования политики этих племен с политикой Екатеринодара генерал Абациев¹⁵³⁸ (прозванный поэтому: «царь царей») был бессилен внушить им деникинское понимание слов «Единая и неделимая Россия». Этот лукавый осетин, дослужившийся до полного генерала из простых туземных всадников, был своим выдвижением обязан тому, что он, будучи всадником, был любимым ординарцем генерала Скобе-

лева. В лукавстве превосходил его только армянин Генерального штаба генерал Баратов¹⁵³⁹, о котором говорили, что он всегда отвечает более чем дипломатично: «Может быть — может быть, а может быть — не может быть». Но Баратов все еще оставался с 1918 года в Персии, где командовал в Великую войну российскими войсками, и поэтому Абациев и получил высокое административно-дипломатическое назначение. И, как я уже сказал, не мог справиться с племенными отталкиваниями от основного принципа Добровольческой армии.

Строгое выполнение этого принципа не встретило никакого затруднения в левобережной Украине, по которой шел на север к Курску генерал Кутепов, а на северо-запад, к Киеву, — генерал Бредов. И на правом берегу Днепра, где медленно продвигался от Екатеринослава на Знаменку и Бобринскую отряд генерала Промтова¹⁵⁴⁰, утихло украинское повстанчество — банды рассеялись, а население не противилось добровольческой власти. Но иначе обстояло дело дальше на запад, чем ближе ко Львову с епископом Шептицким¹⁵⁴¹, злейшим врагом России, и чем ближе к Польше, с первых дней своей возрожденной независимости образовавшей в своем Генеральном штабе особый украинский отдел (там виднейшую роль играл Генерального штаба полковник Змиенко¹⁵⁴², бывший офицер моей 15-й пехотной дивизии).

Шептицкий и Пилсудский¹⁵⁴³ поддерживали Петлюру, и он (отчасти пропагандой, отчасти террором) держал в своем подчинении Подолию. С этим нельзя было не считаться. Между тем генерал Деникин не мог [не] считаться с тем смятением племенных настроений, которое в 1917 и 18 годах охватило в некоторой степени народные массы и в большей, а местами в огромной степени и общественно-политических деятелей. Об этих настроениях остроумно писал Мятлев¹⁵⁴⁴: «Из хохлов создав чудом нацию, / пан Павло¹⁵⁴⁵ творит федерацию, / Атаман Краснов подпевает в тон: / будет тихий Дон, наш великий Дон, / и журчит Кубань водам Терека: / я республика, как Америка»*.

---

* В Киеве по рукам ходили в рукописных копиях стихи Мятлева, талантливого сатирика из правого лагеря. Они настолько остроумны, что хочется сохранить их от забвения.

Въезд Петлюры
 Виктория, виктория!
 Флаг желто-голубой.
 Гарцует Директория
 Довольная собой.

Погода отвратительна,
Кружит седая мгла,
Кой-где предупредительно
Звенят колокола,
Во страхе за последствия,
Хотя душа скрипит,
Какое-то приветствие
Бормочет Агапит.
Украина, Украина!
Все это пустыжки,
Но скоро дети Каина
Придут большевики.
Возьмут в свои объятия
Все классы целиком,
Узнает демократия,
Что значит Совнарком.
А может, это скверное
Минует нас пока,
Тогда придут, наверное,
Деникина войска.
И закишит кадетами
Отель «Континенталь»

.....
Виктория, виктория!
Уже окончен бой,
Петлюра, Директория,
Флаг желто-голубой.
Народа правомочие,
Сияние зари,
И прочее и прочее...
И черт вас побери...
Примечание: Агапит — архиепископ Киевский.

Видя медленность аллюра,
Войска франко-англичан,
Крайне ширый пан Петлюра,
По примеру половчан,
Зная черни нрав Батыев
И учтя большевиков,
Взять задумал стольный Киев,
Во главе сечевиков.
За великого Шевченко,
Самостийность и хохлов
Пресловутый Винниченко
Распинаться был готов,
Восхвалял всемирно мову,

И в душе лелеял план,
 Светских дам одеть в поневу,
 А мужчин одеть в жупан.
 И ого, неосторожный
 С бледной томностью в лице,
 Пан Павло ясновельможный
 Слушал в гетманском дворце,
 Принимал его «апарте»,
 Говорил: «благодарю»,
 И не вняв державной варте,
 Думал: я перехитрю.
 Тщетно князь Голицын бравый,
 Протофисный генерал,
 Прежде левый, ныне правый,
 Волновался и орал,
 Тщетно Гейден, граф голландский,
 Хлебобоб и патриот,
 Посещал будинок панский,
 Уверяя, что народ
 Ждет восторженно мгновенья,
 Чтоб помещикам вернуть
 Разоренные именья,
 Гетман думал: «В чем же суть?
 Что они ко мне пристали?
 Что за споры, что за крик?»
 И сидел на пьедестале
 Преднамеренно двулик,
 Раскусил, что зреет драма,
 В ночь из гетманских хором,
 Граф Олсуфьев, сын Адама,
 Переехал в частный дом,
 Перепуганные Липки
 Повторяли каждый час:
 «Гетман делает ошибки.
 Скоропадский губит нас!
 Ведь Петлюра же опасен,
 Он ворвется в город в ночь...
 Благородный Альвенслебен
 Вряд ли сможет нам помочь,
 Раз немецкие совдепы,
 Свергнув генералитет,
 Методичны и нелепы,
 Сохранят нейтралитет».
 И среди таких контрастов
 И борьбы враждебных сил,
 Пан Петлюра занял Фастов
 И себя провозгласил...

В день нашего вступления в Киев мне при известии о том, что в него уже вошли галичане, не пришло в голову считать, что генерал Бредов

.....
.....
Успокойтесь. Все проходит...
Человек есть горсть земли,
И недаром происходит
Пан Петлюра от петли...
Есть у всех вещей изнанка,
Подождем, повременим.
Чудодействовал Родзянко
И иные иже с ним.
И соратник фарисеев,
Раза три меняя фронт,
Подвизался Алексеев,
Затемняя горизонт.
Из слезливых крокодилов
Тщась устроить винегрет,
Чудодействовал Корнилов
Неудачный Лафайет.
И язык свой чисто-женский
Изошряя в словесах
Чудодействовал Керенский,
Взор кушая в небесах,
И неистовствует Ленин,
Обезумевший дракон,
Но один и неизменен
Эволюции закон.
И невидимый пропеллер
Время двигает вперед;
То, что тайно думал Келлер,
Ясно выскажет народ.
Над простором русской нивы
Вновь зардеется заря,
И замолкнут все мотивы
В общем возгласе: Царя!..¹⁵⁴⁶

Примечание: Винниченко — председатель первого правительства отделившейся Украины. Пан Павло — гетман, генерал Скоропадский Павел. Граф Гейден — организатор «Союза хлеборобов», организации крупных земельных собственников. Генерал Альвенслебен — командующий германской оккупационной армией на Украине. Алексеев — генерал-адъютант Алексеев, создатель Добровольческой армии. Келлер — генерал, не присягнувший Временному правительству, и монархист, не сумевший вокруг себя и своего имени, как кавалерийского генерала большого военного дарования, объединить монархистов; застрелился, когда его в Киеве пришли арестовать большевики (*примеч. Е.Э. Месснера без привязки к основному тексту*).

должен послушаться приказа и, не разоружая сечевиков-галичан, войти с ними в соглашение — неисполнение приказа, как бы несимпатичен он ни был, было чуждо моему офицерскому сознанию (не подлежал выполнению приказ явно преступный, как, например, распоряжение генерала Шварца офицерам Добровольческой армии отступить из Одессы не к Добровольческой армии, а за границу в Константинополь). Но теперь я вижу, что в отношении корпуса сечевиков (галичан) Бредов мог бы быть более гибким. Корпус этот был остатком галицийской армии, образовавшейся в дни самостоятельности Галиции, провозглашенной в момент развала Австро-Венгерской империи. Самостоятельность эта была весьма кратковременной: по словам того же Мятлева, «выезжает лях на позицию — подавай ему всю Галицию». Уходя от поляков, сечевики стали в подчинение Петлюре. Это не было идеологическое сотрудничество, это было попросту наемничество, что сечевики и доказали, когда они, именуясь уже не корпусом, а армией, переменили хозяина и 3 ноября 1919 г.¹⁵⁴⁷ подчинились Добровольческой армии. Это было тяжелым ударом для Петлюры: он лишился наиболее организованного из своих соединений и сузил свою «незалежну Украину» до размеров Каменец-Подольского уезда. Тогда шутили: «Директория, директория, а где твоя территория?» и в ответ говорили — «Директория в поезде, территория под поездом».¹⁵⁴⁸

Бредову было приказано разоружать петлюровцев; о галичанах в Екатеринодаре, по-видимому, ничего не знали. А поэтому генерал Бредов мог бы не столь круто обойтись с сечевиками и получить их на нашу сторону не в ноябре, когда уже для Добровольческой армии было все потеряно, а в июле, когда усиление нас корпусом сечевиков могло бы быть стратегически полезным.

Но генерал Бредов был бескомпромиссно исполнителен в отношении приказа сверху, и поэтому его первым распоряжением на территории Киева было: разоружить роту галичан у Цепного моста. В то время гвардия была уже в городе. Дождавшись головного полка 7-й дивизии, генерал Бредов поднялся с ним к Лавре, а затем мы пошли по Николаевской (?) ул. к Крещатику. Когда мы прошли мимо публичной библиотеки, из одного дома был открыт по нам* пулеметный огонь. Колонна остановилась в ожидании, пока головная рота расправится с большевиками, засевшими в коммунистическом клубе. В это время с Крещати-

---

* В документе ошибочно — по нас.

ка свернул на нашу улицу автомобиль, в котором сидели австрийские офицеры; рядом с автомобилем скакал всадник-гвардеец и угрожал офицерам револьвером; не понимая происходящего, я направил на эту группу свой пулемет; старый австрийский офицер в автомобиле сделал мне знак не стрелять. Автомобиль остановился подле нашего, из него вышел генерал и сказал, что хочет говорить с генералом Бредовым. Генералы познакомились. Прибывший был командиром корпуса сечевиков генерал Краус¹⁵⁴⁹ (известный австрийский военный писатель, командовавший одной из армий императора Франца Иосифа, а теперь служивший Галиции и действовавший в союзе с Петлюрой). Всадник, угрожавший застрелить генерала, отъехал в сторону и истерически кричал что-то о чести русского флага. Его поведение стало понятным позже, когда мы узнали о столкновении, происшедшем возле здания городской думы между гвардейцами и украинцами. Каждая из сторон подымала свой национальный флаг на башне городской думы, а другая сторона срывала его. Разгоряченный происшедшей стычкой, этот юный всадник хотел на вражеском генерале отвести душу, но, к счастью, не хватило решимости выстрелить.

Автомобили обоих генералов поехали вспять по Николаевской (?) ул. к зданию гимназии, где генерал Бредов вступил в переговоры с генералом Краус. В это время ко мне подошла жена полковника Генерального штаба Туган-Мирза-Барановского¹⁵⁵⁰ и пригласила генерала Бредова и меня поужинать. Генерал приказал мне поужинать за двоих — он же должен вести переговоры. В уютной квартире г[оспо]жи Барановской меня угостили хорошим ужином за хорошо накрытым столом с чистой скатертью — этой роскоши я не видел со дня оставления Одессы. Хозяйка предоставила генералу и мне свою спальню, но я, поблагодарив, пошел спать на школьной скамье в здании гимназии.

Уже была ночь, а генералы продолжали разговор в классе, едва освещенном свечой. Краус не мог понять, почему русский генерал не соглашается на дележ Киева: пополам... украинцам меньшую часть, а вам — большую... украинцам хотя бы одну треть. Но генерал Бредов отвечал: Киев — русский город; Киев брали мы, а вы лишь подобрали лежавшее; уходите из города. Переговоры были оборваны, когда к генералу Краусу приехал галицийский офицер и доложил, что русские уже разоружили полкорпуса. Австриец уехал, полный негодования.

Наутро в лагере у села Бровары скопилось около 6000 пленных галичан. В Киеве валялись брошенные галичанами пушки и обозные повоз-

ки. Их корпус отошел верст на 40 к западу от города. Мы заняли фронт по реке Ирпень. Наступавший от Нежина Белозерский полк полковника Штейфона взял Чернигов в результате смелой и энергичной боевой операции. При этом полковник Штейфон чуть было не взял в плен Троцкого — был захвачен его поезд, но «народный комиссар» успел бежать. Этот представитель пролетариата разъезжал в роскошном поезде, в котором прежде путешествовал царь*.

Следовавшая по правому берегу Днепра пластунская бригада полковника Белогорцева¹⁵⁵¹ заняла Белую Церковь и Фастов. Участок Полтавского отряда растянулся от Чернигова до Белой Церкви. Правее нас по реке Десне стоял V конный корпус генерала Юзефовича. Левее нас в районе Бобринская — Екатеринослав стоял II-й корпус (генерал Промтов), из состава которого перешла к нам разбойничья бригада полковника Белогорцева — она, захватив Фастов, подвергла разграблению это еврейское местечко (оно не только было разграблено, но и частично сожжено, а много евреев перебито). Генерал Бредов был бессилен предотвратить это беззаконие или хотя бы покарать погромщиков; предание суду главных виновников, разрушителей Фастова, вызвал[о] бы «международный конфликт» — Кубанское правительство вступилось бы за своих казаков. Даже и в отношении добровольческих частей не всегда можно было принять меры, которые бы соответствовали тяжести преступления. Гвардейская бригада по занятии Киева произвела еврейский погром на Подоле. Генерал Бредов отчислил кое-кого из команди-

---

* Прилагаемый портрет Троцкого (не публикуется. — А.Г.) сделан был во время его пребывания в Цюрихе в качестве эмигранта (до первой всемирной войны).

Когда Белозерский полк, наступая к Чернигову, отрезал путь поезду, в котором разъезжал по фронту комиссар Троцкий, то белозерцы надеялись захватить и «Лейбу», но их надежда оказалась тщетной. По-большевицки загаженный поезд оказался одним из «литерных поездов», в которых путешествовал по России государь (известно, что всегда пускали два «литерных поезда», причем хранили в строжайшем секрете, в каком из них едет царь с частью свиты и конвоя, а в котором остальная свита и конвойцы). Большевицки настроенные люди удовлетворенно говорили: «Вот какое настало время: теперь народный комиссар ездит в поезде Николая Кровавого!» А небольшие втихомолку ворчали: «Если он народный комиссар, то ему подобало бы ездить, если не в теплушке, как сейчас при железнодорожной разрухе ездит народ, то, во всяком случае — не в роскошном царском поезде». А мы, офицеры, так же негодовали, что Лейба Бронштейн забрался в царский поезд, как возмущались, что Керенский, поселившись в Зимнем дворце, избрал для своего сна цареву постель (никто толком не знал, верно ли это, но все враги Керенского были уверены, что это верно) (*примеч. Е.Э. Месснера*).

ров, но большой кары не было — гвардия имела сильных покровителей на верхах и пользовалась поэтому как бы неприкосновенностью. Беззаконие не рассматривалось гвардейцами как позорящее действие — и после выхода бригады из Киева на реку Ирпень обозные герои гвардии производили в городе реквизиции всего, что им казалось необходимым (вплоть до пианино для полковых офицерских собраний).

На линии р. Ирпень 7-я пехотная дивизия и Гвардейская бригада простояли некоторое время без соприкосновения с красными. Но затем обстановка изменилась: галичане, узнав о движении трех красных дивизий, желавших из Новороссии пробиться на север, спешно отошли к Житомиру — между Краусом и Бредовым образовался коридор, в который большевицкие дивизии беспрепятственно проскользнули (одно из последствий обезоружения украинцев)¹⁵⁵². Дойдя до устья Тетерева, эти дивизии стали в распоряжение красного командования и 10 (?) сентября¹⁵⁵³, прорвавши наш фронт, ворвались в Киев. Через два дня положение было восстановлено, но этот эпизод произвел очень тягостное впечатление на киевлян.

Киевляне, а особенно киевлянки встретили нас, по уходе корпуса галичан, триумфально — наши пушки, винтовки наших солдат были украшены цветами, офицерам подносили цветы как примадоннам*.

---

* В жизни моей я видел много народных ликований: спокойно-официальных, подогретых правительством или партией, эффектно-постановочных и психопатологических. Но ликования, подобного киевскому при нашем вступлении в матерь городов русских, я не видел и не увижу (надеялся увидеть, десятилетиями надеялся увидеть и почувствовать и приобщиться при нашем триумфальном возвращении на освобожденную Родину, но уже давно эту надежду превратил в приятное, но беспочвенное мечтание).

Впрочем, момент вступления нашего в Киев 18 (31 — по новому стилю. — А.Г.) VIII-19 был омрачен пребыванием в нем петлюровцев-галичан. Но на следующий день Киев стал определенно нашим, и население возликовало: в церквях служили молебны (фотография на стр. 238 изображает Андреевский собор [не публикуется. — А.Г.]), на улицах люди засыпали цветами проходившие войска — на каждой винтовке, на уздечках лошадей, на пушках — букеты цветов, одиночно шедших солдат и офицеров мужчины приветствовали рукопожатием, а женщины и девушки — поцелуем. И это — не только в Липках, где жила аристократия, или на скромном Подоле, но и в рабочих предместьях: большевики и украинцы осточертели всем, и все радовались, что стали под российскую власть. Войска, проходя улицами, пели и песни императорской армии, и новые, добровольческие. Среди них выделялась своим бодрым и серьезным мотивом песнь Дроздовского полка:

Из Румынии походом / шел Дроздовский славный полк. / Для спасения России / нес тяжелый он свой долг. / Много он ночей бессонных / и лишений вы-

В приемной у генерала Бредова (мы расположились в здании бывшего штаба Киевского военного округа на Банковой ул.) отбою не было от посетителей, желавших выразить свое уважение герою-освободителю. Одна дама, например, дожидалась несколько часов очереди на прием, чтобы спросить генерала, ехать ли ей лечиться на Минеральные Воды. «Сударыня, — ответил генерал Бредов, — об этом надо бы спросить доктора». «Ах, нет, генерал. Я вас так уважаю, что послушаюсь только вашего совета».

Из-за этого наплыва посетителей я часами не мог добиться от генерала, чтобы он принял мой оперативный доклад. А между тем работы было много: генерал совмещал должности начальника края, командира корпуса, начальника киевского гарнизона, начальника 7-й дивизии. И я с моими семью помощниками должен был со всем справляться. Каждый вечер, около полуночи, делал я последний оперативный доклад генералу; при этом он засыпал в кресле, а я, докладывая, опирался о стенку, чтобы не упасть, заснувши.

Маленькая иллюстрация того, как загружен был работой генерал и его маленький штаб: я был в 1917 г. (не в пример моим одноклассникам по академии) причислен к Генеральному штабу; об этом была отметка в моем послужном списке, но не был указан номер приказа Ставки или штаба фронта, или штаба армии (в революционное время небрежничали и писаря и адъютанты); поэтому я для верности просил полковника Эверта снова представить меня к причислению, когда в начале августа 1919 г. пришло распоряжение генерала Деникина возбуждать ходатайства о причислении достойнейших из числа курсантов академии; полковник Эверт написал отличное представление и дал генералу Бредову для наложения на нем резолюции; бумага пролежала на генеральском столе две недели; тогда я во время обычного

носил, / но героев закаленных / путь далекий не страшил. / Генерал Дроздовский гордо / шел с полком своим вперед. / Как герой, он верил твердо, / что он Родину спасет. / Видел он, что Русь святая / истомилась под ярмом / и, как свечка догорающая, / угасает с каждым днем. / Шли дроздовцы твердым шагом, / враг под натиском бежал. / И с трехцветным русским флагом / славу полк себе стяжал. / А у них на правом фланге / красных шапок виден ряд: / это их родные братья — / то корниловцев отряд.

Я вставил в свои воспоминания немало песен военных, а также разных песенок. Их никто не записывает, и они — звуки прошлого — заглохают. К сожалению, не имею ни малейших музыкальных способностей и поэтому не могу записать мотивы (*примеч. Е.Э. Месснера*).

доклада обратился к генералу за разрешением проситься о переводе в другой штаб; «С чего вдруг?» — изумился генерал. «Я вижу, что вы недовольны моей работой». «Откуда вы это взяли?» «Предполагаю это потому, что вы не находите меня достойным причисления к Генеральному штабу и моему представлению не дали хода». «Я его задержал, чтобы положить возможно более похвальную резолюцию, да все нет времени хорошенько обдумать ее... Вот ваше представление... Вот и резолюция на нем... Отдайте начальнику штаба и никуда от меня не уходите». И нельзя было винить Бредова в таком невнимании к своему ближайшему сотруднику — генерал действительно изнемогал от избытка обязанностей.

Но постепенно все вошло в норму — прибыл генерал от инфантерии Абрам Михайлович Драгомиров¹⁵⁵⁴, сын знаменитого М.И. Драгомирова¹⁵⁵⁵, командовавшего войсками Киевского военного округа. Он стал во главе войск и края, а генерал Бредов возвратился к своим обязанностям — к командованию 7-й дивизией и Полтавским отрядом, по силе своей уже превосходившим* армейский корпус.

Овладение всем Приднепровьем и в результате этого бегство красных из Новороссии и Правобережной Украины — заслуга генерала Бредова. Этот генерал понял характер гражданской «неправильной» войны и, ведя «неправильные» операции, побеждал не менее блестяще, нежели прославленные генералы того периода — Кутепов, Врангель, Май-Маевский, Покровский¹⁵⁵⁶. Это был человек сильной воли и самых честных офицерских правил — он решительно ничем не пользовался во время войны и ушел в эмиграцию бедняком, чего нельзя было сказать о многих других героях войны. Служить с ним было нелегко — он не щадил себя, но и выжимал все силы из подчиненных, которым доверял. Его недостатком было желание во все вникнуть лично — случилось, что он сам распоряжался расцепкою и сцепкою нашего штабного поезда.

Он взял на себя страшную муку, когда пошел брать Киев — в Киеве жила его семья. Он боялся, что красные расправятся с его женой и детьми. Я часто заставал его в его купе в горячей молитве — вероятно, он молился о семье, которую подвергал страшной опасности. Однажды к нам в штаб прибыл шпион, которого штаб главнокомандующего приказал пропустить через нашу линию и направить в Киев. Справив-

---

* В документе несогласованно — превосходившего.

шись через поручика Циммермана, надежный ли это агент, генерал поручил шпиону пройти в Киеве на его квартиру и сказать жене, чтобы хорошенько укрылась у каких-либо знакомых. Не успел Циммерман донести в Екатеринодар о том, что шпион благополучно пошел в сторону врага, как из Екатеринодара пришла телеграмма: задержать агента — он большевик. С этого дня генерал Бредов не находил себе места, когда оставался минутку без работы. Потом оказалось, что агент добросовестно выполнил генеральское поручение. Неизвестно, заподозрили ли его напрасно в большевизме или он, будучи большевиком, оказался все же человеком.

В Киеве числилось при нашем приходе около 40 тысяч офицеров¹⁵⁵⁷. В дни нашего триумфа они повалили к нам в намерении стать в наши ряды, но их пыл был охлажден распоряжением генерала Деникина пропускать всех через реабилитационные комиссии перед постановкой на службу в армию. Тогда появилось множество «подснежников» — лиц с удостоверениями, что они под большевиками состояли в тайных организациях Добровольческой армии; это прозвище указывало на аналогию: как солнце, растопив снег, позволяет обнаружиться белому подснежнику, так и наш приход выявил белизну тех, кто служил у красных (большевики говорили, что многие из офицеров в Красной армии похожи на редиску: снаружи красные, а внутри белые). Председателем реабилитационной комиссии генерал Бредов назначил одесского стрелка полковника Прокоповича¹⁵⁵⁸; он вел дело крайне добросовестно и по-стариковски медленно, просматривая дела 15–20 офицеров в день. Перспектива ждать месяцами реабилитации убила энтузиазм офицерства, и оно стало «ловчиться» в тыловые и административные учреждения, возникавшие в Киеве, как грибы после дождя. И нельзя осуждать этих офицеров — ведь есть, пить надо. Впрочем, нахлынувшие отовсюду вербовщики увели в строевые части армии, минуя реабилитационную комиссию, несколько тысяч офицеров и такое же количество юных добровольцев — последние особенно охотно шли в гвардию и в прославленные полки конницы.

Престижу Добровольческой армии нанесла удар гвардия, учинившая, как я уже упоминал, в Киеве на Подоле еврейский погром. Стало известно, что она на пути в Киев то же проделала в Борисполе. И другие плохие войсковые части грабили и громили (пластуны полковника Белогорцева), но гвардия возвела безобразие в политический принцип: «Бей жидов! Спасай Россию!» было написано на всех вагонах гвардей-

ских поездов и на всех заборах городов и сел, где побывала гвардия. И другой грех лежит на гвардии (в значительно большей мере, нежели на других войсковых частях): ее офицеры нередко пороли крестьян за раздел помещичьих земель и возвращали помещиков на прежние места. В результате крестьянство отвернулось от нас, а ведь при нашем приходе оно нам дарило зерно и муку возами и даже целыми обозами.

В неестественных условиях Гражданской войны не надо удивляться совмещению идеализма с мстостью, с разгулом и даже с грабительством ради возможности разгула, но недопустимо идеологический поход превращать в карательную экспедицию, как это делали иные офицеры, и в первую голову гвардейские.

Не обвиняясь, пишу о теневых сторонах Добровольческой армии, потому что знаю о ее светлых сторонах — о самопожертвовании и героизме боровшихся, страдавших и погибавших за Единую и неделимую Россию, за Россию, государственный строй, которой установит сам народ. Знаю о боях, в которых офицерская рота дралась против дивизии и побеждала; знаю о дивизиях, которые (как Полтавский отряд) каждую неделю разбивали несколько неприятельских дивизий и на следующей неделе победоносно сражались с новым гарнитуром красных дивизий. Знаю о людях, о тысячах и десятках тысяч людей, которые бросили своих родных и любимых на нужду, голод и муки и пошли спасать родину.

Мне, по складу моего характера, по строгости моих взглядов на военную службу, трудно оправдывать беззакония, которые чинили чины Добровольческой армии. Но, не оправдывая их, все же не могу не понимать побуждений тех, кто их творил. Грабежи, самовольное присвоение имущества в складах, брошенных большевиками при отступлении, затем в тылу спекуляция приобретенными товарами казались многим естественным и необходимейшим добавлением к грошовому офицерскому жалованью: офицер на положении рядового получал несколько сот рублей в месяц, в то время как «керенка» (бумажка 40-рублевого достоинства) была наименьшим обиходным денежным знаком. Были, конечно, грабители, так сказать, «махровые»: знаменитый казачий генерал Шкуро (Царство ему небесное — его в Москве повесили коммунисты) увез в Париж чемодан с драгоценностями; об этом узнала вся эмиграция, когда стало известно, что генеральский адъютант улепетнул в Америку с этим чемоданом. Но большинство брало в меру и с некоторым стеснением — о взятом говорили, что это подношение на-

селения, благодарного за освобождение от большевиков. Так и пошло выражение: «от благодарного населения».

7-я пехотная дивизия вела себя в этом отношении отлично — на нее жалоб не поступало. Штаб же наш, насколько мне известно, никаких «благодарностей» от населения не получал. Мы воевали, но не жили.

После взятия Киева на фронте Полтавского отряда наступило затишье — нам дальше некуда было идти, а красные были так заняты положением у Курска, что Киев выпал из орбиты их внимания. Нам стало известно, что 10 августа¹⁵⁵⁹ кавалерийский отряд полковника Барановского совершил десант под Одессой и занял этот город*. Я с нетерпением ждал установления телеграфной связи с Одессой, чтобы постараться получить известие о жене, родителях и родных: прошло 5 месяцев со дня моего ухода из дому.

Наконец я получил известие о жене и семье. Мне доложили: «На аппарате появилась Одесса», и я побежал в телеграфную комнату. Дежурным по одесскому телеграфу оказался подполковник, мой бывший сослуживец, и я его попросил вызвать по телефону мою жену и спросить, как она живет и все ли благополучно дома. Через несколько минут — они показались целым часом — я получил ответ: «Все благополучно. Счастлива получению известия от тебя и Миши». По моей просьбе, на другой день Милочку допустили в Одессе на телеграф и я с нею, при посредстве телеграфиста, переговорил. Ее удивляло, что телеграфист так долго выстукивает ее короткие фразы, а я поражаюсь необычно нежному тону Милочкина разговора: «Истосковалась по тебе, милый... не дождусь, любимый, твоего приезда...» Потом оказалось, что симпатичный телеграфист нашел, что супруги разговаривают

---

* Взятию Одессы отрядом, десантом полковника Туган-Мирза-Барановского (этот полковник Генерального штаба был мужем той дамы, которая меня так гостеприимно угощала ужином при нашем вступлении в Киев) способствовал крейсер «Кагул», незадолго перед тем приведенный в порядок и поставленный в строй флота под именем «Генерал Корнилов». Он же помогал и захвату добровольцами Очакова.

За несколько дней до высадки полк Барановского крейсер стал очень редким огнем обстреливать пролетарские предместья Одессы. Большевики не имели дальноточной артиллерии, чтобы ответить кораблю, и в бессильной ярости Бюро украинской печати (сокращенно: БУП) снабжало газеты бранчливыми статьями по адресу Добровольческой армии. Одесситы острили: «В нас — Кагулом, мы в них — Бупом» (примеч. Е.Э. Месснера).

слишком серьезно и от себя добавлял некоторое количество нежных слов; и в принимаемый от меня текст он включал ласковые выражения, мне не свойственные.

Раз Одесса была в добровольческих руках, раз стало налаживаться не только телеграфное, но и железнодорожное сообщение, мы с Мишей решили ехать в отпуск домой. Мой дядя, занимавший пост начальника военных сообщений Добровольческой армии, приказал дать мне классный вагон и распорядился о прицепке этого вагона к первому отходящему поезду на каждой узловой станции. Со мною поехало человек 20 одесситов и николаевцев. Мы запаслись винтовками и большим количеством патронов и ручных гранат — хотя между Тарашей и Знаменкой украинские партизаны и считались ликвидированными, но все же еще бывали нападения на поезда. Поехали мы кружным путем, на Николаев, потому что между Бобринской и Одессою еще не было движения.

Поручику Сильвестрову¹⁵⁶⁰, моему подчиненному еще по штабу 15-й дивизии, я поручил ведать охраною от партизан и следить, чтобы наш вагон не застревал на станциях, где переформировываются поезда. Хитрый поручик пустил слух, что в вагоне едет генерал Месснер, и поэтому нас мгновенно перецепляли на узловых, а на промежуточных станциях поезд почти не задерживался: коменданты и начальники станций торопились отправить поезд со строгим начальством. А на переговорах от Долинской к югу, поручик Сильвестров дал машинисту хорошие чаевые, чтобы тот довез нас поскорее — мы боялись опоздать на одесский пароход. Машинист так постарался, что на станциях пришлось отцепить 3 платформы с углем для Николаева: загорелись оси от быстрого движения.

Мы обратили внимание на то, что на протяжении всей партизанской области поручик Попель¹⁵⁶¹ не становится часовым на площадке вагона, а, сказавшись больным, лежит, укрывшись с головою. Потом оказалось, что он был атаманом одного из партизанских отрядов и теперь боялся быть опознанным. Этот Сеня Попель был моим товарищем по гимназии и по парусному спорту. В Киеве он пришел ко мне и попросил зачислить его на службу. Минув реабилитационную комиссию, я определил его в штабную комендантскую роту — мог ли я подозревать, что мой Сеня истреблял москалей и что он пришел укрыться под моим крылом. В Одессе Попель исчез, и я его больше никогда не встречал (между прочим, в нем малороссийской крови не было. Отец — поляк, а мать, кажется, рязанская).

Перед самым отъездом в отпуск меня обокрали. Я жил в Киеве в квартире генерала Ломновского¹⁵⁶², оставшейся на попечении старой гувернантки генеральских девочек. Там жила одна проститутка, подруга какого-то комиссара, вселившаяся при большевиках в эту квартиру. Гувернантка просила меня выселить эту девушку, но мне было жаль подвергать ее, глупую и на вид безобидную, мытарствам, связанным с указанием полиции ее местопребывания. За мою жалость она отплатила тем, что унесла все, что я накопил для подарка Милочке (кожи, нитки, материи и проч., которое нам выдавало интендантство из захваченных складов). В полиции мне сказали, что это — известная воровка. Мои офицеры помогли мне в беде: каждый дал часть своих запасов материи, ниток, кож, и я — спасибо им — явился домой с пристойным гостинцем.

Но и без гостинца встреча была бы радостной. Милочка сильно похудела за эти месяцы. Сперва она медленно оправлялась от болезни и перенесенного горя. Теперь только, когда я пишу эти строки и когда от описываемых событий нас отделяет 38 лет, она призналась мне, как тяжела была для нее смерть Егорушки, желанного ребенка: в первые месяцы она, никогда не плачущая, плакала при виде на улице детской колясочки, при виде в витринах предметов младенческого обихода. К этому горю добавлялась и тревога обо мне, а кроме того, она тяжело страдала от того гнета, который лежал на ней, на семье, на всем населении, и, наконец, она жила впроголодь, как и все «буржуи». В нашей огромной квартире водворился штаб интернациональной дивизии, и комиссар этого штаба, полусумасшедший детина, то донимал всю семью своими дружескими разглагольствованиями, то угрожал ее всю уничтожить и при этом угрожающе держал в руке взведенную гранату. Этот постой не избавлял семью от частых обысков, причем были взяты мои шашки, седло и почти все мое офицерское обмундирование.

Атаман Григорьев¹⁵⁶³ и последующие администраторы убили много тысяч людей. Чека помещалась на Екатерининской площади, но это садистическое учреждение не было столь страшным, как стоявший в порту крейсер «Алмаз», где помещался кровожаднейший матросский трибунал. Народная частушка запечатлела жестокость этого судилища: «Яблочко, куда ты котишься? Попадешь на “Алмаз” не воротишься!» Говорили, что водолаз, посланный осмотреть дно крейсера, сошел с ума от вида сотен мертвецов, стоявших в воде с привязанными к ногам кусками рельс и шевелившихся от движения воды.

Погибло много людей нашего круга. Мой друг, капитан Митаки¹⁵⁶⁴, будучи ранен в бою, не мог уйти с добровольцами в апреле из Одессы; его приютил еврей-адвокат, но его выдал сын этого адвоката, обозлившись на Павла во время политического спора за то, что он обругал евреев; Павла расстреляли. С его вдовой и дочерью я познакомился через 30 лет в Америке.

Погиб мой дядя Ромео. Исчез дядя Артуро. Несколько офицеров 15-й артиллерийской бригады, несколько шереметьевцев¹⁵⁶⁵, несколько приятелей теннисистов были умучены. Я не видал подвалов одесской Чека, но в Киеве я насмотрелся, при раскопках, таких ужасов, что даже мои войнами закаленные нервы и сейчас содрогаются. Это нельзя назвать зверством, потому что в царстве зверей не существует жестокости, не оправдываемой потребностью в еде (знаю 2 исключения — игра кошки с мышью и истребление насытившимся хорьком целого курятника). Невозможно поверить, что главным палачом в Киеве была женщина, товарищ Роза¹⁵⁶⁶; весь Киев жалел, что полевой суд приговорил ее просто к повешению — все хотели для нее утонченно-мучительной казни. И в Одессе была специалитка по расстрелам и по мучениям перед расстрелами — это была молодая ведьма с эротически-кровожадным психозом¹⁵⁶⁷.

Людей арестовывали по доносу, по подозрению и по произволу. Арестовали, например, моего знакомого ротмистра Муханова; через несколько дней ведут на допрос; не дожидаясь вопросов, Муханов спрашивает: «В чем я обвиняюсь?» «Вы обвиняетесь в том, что вы арестованы», — отвечает комиссар юстиции, по-видимому из грузчиков. Муханов, будучи юристом, стал ему вразумительно объяснять бессмысленность такого ответа. Комиссар внимательно слушал и сказал: «Вы в этих штукаx здорово разбираетесь. Хотите, я вас назначу своим помощником?»

Психоз страха, психоз неуверенности в завтрашнем дне овладел населением Одессы, голодавшим и ни откуда не видевшим спасения: внешняя торговля прекратилась; промышленность стала из-за отсутствия угля; Одесса сделалась только административным центром — но для этого не было надобности в полумиллионном населении.

Как всегда во время революции, вещи переходили от обреченных классов к новым классам. Знать и богачи распродавали, чтобы прокормиться, а комиссаро-знать и скоробогачи жадно скупали, чтобы кичиться своими жизненными успехами. Преуспевали единицы, бедствовали все. Полковники служили ночными сторожами. Мой тесть

служил помощником архивариуса в архиве того самого штаба округа, в котором был некогда генерал-квартирмейстером¹⁵⁶⁸. Мать моя шила летнюю обувь. Отец мой от огорчения разболелся и работать больше не мог. Теща, как самая религиозная из нас, спокойнее всех переносила ниспосланные Богом испытания.

Прихода добровольцев ждали с нетерпением, но они избавили от террора, не избавивши от нужды. Милочка была уверена, что я буду в числе тех, кто первыми высадился у Малого Фонтана под прикрытием огня добровольческого флота. Под огнем морских орудий пошла она с моим братом праздновать мое возвращение: празднование заключалось в том, что они позволили себе большую роскошь — поесть мороженого. Возвращалась она домой под ружейным огнем, но ее ждало разочарование. Передовые цепи полковника Барановского подошли к нашему дому, залегли у дома, а я не появлялся. Милочка пошла угощать добровольцев чем Бог послал и расспрашивала обо мне, но офицеры обо мне ничего не знали. И только через 3 недели я дал о себе знать и обещал приехать ко дню ее Ангела. Но приехали мы несколькими днями раньше, и к ее огромной радости при виде меня примешалось маленькое женское огорчение: после болезни ей пришлось коротко остричь свои волосы и ей хотелось к моему приезду привести их в порядок и завить для красоты, а пришлось показаться простоволосой. Я, конечно, не мог при встрече с Милочкой наблюдать со стороны проявления нашей радости, и лишь много лет спустя в 1942 году увидел я, как выявляется такая радость: я шел по улице Белграда и увидел красивую еврейскую девушку лет 20 и еврея несколькими годами старше ее — они шли рука в руке и глядели друг на друга и не видели, не ощущали ничего, кроме самих себя. По-видимому, они только что встретились после долгого неведения друг о друге — в то время гитлеровцы* засадили белградских евреев в лагерь между Белградом и Земуном, где были выставочные павильоны, и уничтожали их голодом; такие же лагеря смерти были и в других местах Югославии. Обычно мы видим людей, но не души их; глядя же на эту пару молодых людей, я как бы не видел их, но ощущал, почти видел их души, сияющие счастьем от встречи, от воссоединения... Нечто подобное произошло и с нами — Милушей и мною — в момент моего возвращения домой. Но Милочкина радость была двойной: возвратились и муж, и любимый брат Миша.

---

* У Е.Э. Месснера — хитлеровцы.

Миша на пристани нанял подводу для доставки наших чемоданов домой и пошел, ее сопровождая, а я решил по дороге зайти побриться, но прежде, чем разделиться, мы торжественно дали друг другу обещание встретиться подле военного училища и домой прийти одновременно; каждому из нас хотелось видеть радость родных при нашем неожиданном для них появлении.

Конечно, велика была радость и родителей наших. А привезенные гостинцыгодились — теперь можно было починить обувь, кое-что сшить и вообще шить: ведь при большевиках нитки исчезли.

Отдохнувши несколько дней дома, мы с Мишей стали собираться в обратный путь. В те дни конечная победа над коммунизмом казалась не только публике, но и нам, «небожителям Генерального штаба», близкой: генерал Кутепов взял 9 сентября¹⁵⁶⁹ Курск и победно шел к Орлу. Можно было предполагать, что и отряд генерала Бредова пойдет к северу, имея своей базой Киев. Поэтому я предложил Милуше ехать со мною в Киев, чтобы быть со мною, пока наш штаб находится в Киеве, и быть в связи со мною, когда штаб с отрядом начнут новый поход. Милочка с радостью согласилась и быстро собралась в путь. 15 октября¹⁵⁷⁰ мы поплыли в Николаев, где сели в мой вагон.

В то время путешествие по железной дороге было медленным: на станциях стояли часами в ожидании смены паровоза; в пути останавливались, чтобы кочегар поднял пар (держать давление было трудно, потому что не было хорошего топлива; говорили, что в Закаспии топили вяленой рыбой, которая сгнила в складах, вследствие невозможности вывоза ее); если машинист замечал у пути штапель шпал, то он останавливал поезд, и пассажиры пилили шпалы и грузили в тендер. Ехали мы не туда, куда хотели, а куда можно было проехать, минуя партизанские районы — от Знаменки до Рамадана и от Гребенки до Тарашчи и Цветково область вдруг покрылась сетью украинских или большевических партизан. Природа не терпит пустоты. Добровольческая армия не была в состоянии заполнить своими войсками Правобережную Украину, и поэтому ее стали заполнять партизанские отряды. Они было присмирели, когда шло продвижение добровольческих войск к Киеву по обоим берегам Днепра; дальше к западу петлюровские партизанские отряды присмирели потому, что тут продвигались на север три советские дивизии, которые, как уже было упомянуто, спаслись, пробравшись в коридоре между Киевом и Житомиром. Но в пределах Киевской области генерал Драгомиров занимал войсками генерала

Бредова только Киев и линию по р. Ирпень*, а также Фастов с Белой Церковью; генерал Шиллинг¹⁵⁷¹, стоявший во главе Одесской области, имел в районе Екатеринослава слабый корпус генерала Промтова и гарнизоны в Одессе, Николаеве, Херсоне и др[угих] городах.

Огромные пространства были предоставлены самим себе, и там подымали головы партизаны. Положение населения было трагично — его терроризировали петлюровцы и карали добровольцы, когда им удавалось выбить петлюровцев из какого-либо села. Партизанское движение распространилось и на левый берег Днепра, потому что предприимчивые атаманы увидели, что позади фронтовых войск у Деникина нет ничего, никакой силы. Активность партизан выражалась в нападениях на железные дороги, что было вполне логично: война велась «на рельсах» (за недостатком перевозочных средств конной или моторной тяги), и враги наши стремились лишить нас рельсовых путей.

Мы ехали, охраняясь на случай нападения (поручик Сильвестров снова наполнил вагон вооруженными попутчиками). Мы попали че-

---

* Жена моя, приехавшая со мною в Киев из Одессы, оказалась разочарованной: я ей дома рассказывал о бодром, жизнерадостном городе, а он оказался каким-то настороженным: на него сильно подействовал эпизод 19 сентября (2 октября по новому стилю. — А.Г.), когда большевики с Ирпеня, ими командовал Якир, ворвались в город, и наши войска на один день отступили за Днепр.

При этом отступлении погиб мой сослуживец по мирному времени подполковник Груев Иван. Он командовал батареею. Она уходила по Цепному мосту, когда по реке сверху подплыла большевицкая канонерка и открыла пулеметный и ружейный огонь по войскам на мосту. Груев приказал одному взводу сняться с передков, чтобы шрапнелью и гранатами отогнать дерзкую канонерку. Орудия этого взвода обслуживали кадеты. Они сноровисто, словно старые артиллеристы, изготовили орудия к бою, но огонь не пришлось вести подполковнику Груеву: он лежал убитым. В ожидании пока кадетики изготовятся к стрельбе, он стоял у парапета моста, глядя на канонерку. Рядом с ним стоял его закадычный друг (тоже кадровый офицер моей 15-й артиллерийской бригады) подполковник Бахутов Ваню. Груев, никогда в бою не знавший страха, сказал Бахутову, смеясь: «Смотри, Ваню, этот подлец винтовкою мне прямо в рот целит...» И в этот момент пуля попала ему в рот, и он упал мертвым. После него в Одессе осталась жена и двое маленьких детей. В командование батареей вступил Бахутов и, словно не потрясенный смертью друга, спокойно и, как всегда, искусно вел огонь — канонерка бежала.

В этом боевом эпизоде кадеты потерь не понесли. Но за время войны потери среди них были велики: лезли в бой люто (солдатское выражение). Дань своею кровью кадеты уплатили в первых же боях Добровольческой армии: 27 ноября (10 декабря по новому стилю. — А.Г.) 1917 г. почти полностью погиб взвод поручика Донского, состоявший из кадет Одесского и Орловского корпусов (*примеч. Е.Э. Месснера*).

рез Полтаву в Харьков. Там я побывал у дяди, генерала Месснера. Он, будучи начальником военных сообщений Добровольческой армии, намеревался сформировать летучие отряды для охраны железных дорог, и начальство предназначило меня на должность начальника штаба этого специального войска. Дядя сообщил мне об этом и сказал, что вызовет меня из Киева, как только начнется формирование. Но немного спустя он заболел тифом, был отправлен в Ростов и там умер. А план его был забыт в тяжелые дни отката армии от Орла и Курска.

В Киев я возвратился 19 октября¹⁵⁷². Город жил нервной жизнью — гул орудий с Ирпеня, где пролегла боевая линия, тревожил людей. Остроумный Лоло (Мунштейн)¹⁵⁷³ писал в газете: «Как в учебном заведении, / мы склоняем каждый день, / и дано нам для склонения, / слово трудное: Ирпень. / Поутру мы слышим первый / Звук начавшегося дня, / это — взвинчивающий нервы / гул орудий с Ирпеня. / В полдень смотрим / скучным взором / в ресторанное меню. / Что в еде, коль разговоры, / гонят мысли к Ирпеню?» И т.д. на все падежи. В силу Добровольческой армии больше не верили.

Один доктор, муж моей кузины, владевшей большим домом на Крещатике, сказал мне это с полной откровенностью. Я ему возразил: «Только что под вашими окнами прошел с музыкой саперный батальон, демонстрируя мощь нашей армии». «Киев, — сказал доктор, — доживает сейчас девятое правительство — царь, Керенский, Ленин, Петлюра, Скоропадский, Петлюра, Ленин, Краус, Деникин; каждое правительство перед падением водит роты по Крещатику, демонстрирует свою мощь; а мы поверим в мощь того правительства, которое добьется, чтобы на трамваях люди не висели, как виноградные грозди; кто сделает порядок, в силу того мы поверим»*.

---

* Доктор, выразивший мне свое сомнение в силе Добровольческой армии, не был, конечно, единственным скептиком в Киеве: жители видели нашу слабость. Военное имущество Румынского фронта при демобилизации-развале армий досталось румынам; Юго-Западного фронта — осталось в большей своей части на территории, теперь занимаемой Петлюрой; имуществом прочих двух фронтов владели большевики; половина запасов Кавказского фронта осталась в Закавказье; мы были бедны военной техникой. Нам было трудно формировать новые дивизии: не хватало имущества. И людей. Потому что командование оставалось при принципе добровольчества и неохотно прибегало к мобилизациям.

Когда начальник британской военной миссии генерал Бриггс посетил Бредовский отряд, я разговорился с сопровождавшим его молодым офицером, и он мне показал бывший при нем иллюстрированный лондонский журнал, в котором

Кухина эта и ее семья были единственным домом, куда мы с Милочкой, будучи в Киеве, зашли несколько раз. Жена сидела дома одна в пустой квартире генерала Ломновского — я был занят службою 16 часов в сутки. Сходили мы однажды в театр; давали веселую комедию «Темное пятно»; в зале, считая с городовыми, дежурившими перед театром и зашедшими обогреться, было восемь человек; отличная комедия казалась трагедиею. Милочка бодро переносила свое безрадостное одиночество в Киеве и была рада помогать мне в моей газетной работе: она расшифровывала и выправляла тексты моих статей для газет*. В Киеве на меня была возложена задача ежедневно проводить «конференции печати» — беседовать с газетчиками о военной и политической обстановке. Так я познакомился с приходившими на конференции редакторами газет, и один из них, Михаил Семенович Ганфман¹⁵⁷⁴, пригласил меня работать военным обозревателем в большой газете «Объединение» и в ее вечернем издании. Я писал еженедельно 4 «подвала» для утренней газеты и 7 статей (1–1½ столбца) для вечерней. Платили мне

были фотографии, подобные ниже прилагаемым (не публикуются. — А.Г.): первая из них изображает шотландских солдат на архангельском фронте с их обозом на оленях. На второй видим «томми», плывущих на тот же фронт по замерзшему морю.

Показывая мне иллюстрации, англичанин хотел подкрепить ими свои уверения, что Англия и нам щедро поможет в ведении войны против большевиков, что генерал Бриггс для этого и послан к генералу Деникину и что генерал Бриггс — друг России. Последнее было правдой; предпоследнее — полуправдой; первое — неправдой (*примеч. Е.Э. Месснера*).

* «То-ль дело Киев! Что за край, валяются сами в рот галушки, вином хоть пару поддавай. А молодичи-молодушки...» Киев — я полюбил этот город во время моих поездок через него в мирное время — примечателен тем, что он как бы стоит на лоне природы. В Санкт-Петербурге, в Москве природы нет: и Нева, и Москва-река кажутся почему-то частью города, а не частью природы. Но в Киеве красавец-Днепр так импозантен, что город кажется стоящим при нем, и это дает очарование городу. Екатеринослав тоже расположен на холме подле Днепра, но у него унылое Заднепровье, в то время как Киев имеет за рекой Дарницу, полную садов (см. картинку на этой странице (не публикуется. — А.Г.)). Киев заслужил название города-мученика: столько перемен власти испытал он и столько боевых гроз пронеслось над ним (на обороте той же картинке — вид Киева осенью 1941 г. (не публикуется. — А.Г.)), когда, по отступлении коммунистов, в нем стали взрываться заложенные ими мины в центральной части города, на Крещатике в особенности). Находясь в Киеве со штабом генерала Бредова, я переживал горести города, словно он был мне родным. И жена моя, живя при мне в Киеве, была подавлена его видом и видом его измученного населения (*примеч. Е.Э. Месснера без привязки к основному тексту*).

10 рублей от строки (для уяснения скажу, что обед в «Континентале» стоил 50 рублей). Ганфман был московским евреем (сыном одного из редакторов Большого энциклопедического словаря Брокгауз и Ефрона); это был одаренный публицист, обладавший огромной эрудицией и феноменальной памятью — он помнил столько событий и биографий, что редакция не нуждалась в подсобных картотеках.

Если я, заваленный штабной работой, не успевал написать очередную статью, то Ганфман (или его помощник Мильруд¹⁵⁷⁵) вызывал по телефону мою жену и умолял побудить меня спешно написать военный обзор: «Без него газета не может выйти — публика подумает, что произошла катастрофа на фронте, о которой редактор Месснер не смеет писать». Крупнейшая газета в Малороссии «Киевская жизнь» («Киевская мысль») пригласила меня сотрудничать. Так как это был социалистический орган, то я спросил генерала Бредова, как мне поступить. «Конечно, пишите; пусть и левые читают наши добровольческие мысли». Я поехал в редакцию — это было огромное, комфортабельно меблированное здание — и поставил главному редактору условия: пишу сколько хочу и что хочу; редакция помещает все мои статьи, не изменяя в них ни слова. Эти условия были приняты — ведь в Киеве не было больше читаемого публициста (нелегко мне было в моей осведомленности и в моих прогнозах не разгласить служебных тайн — моим цензором был генерал-квартирмейстер штаба генерала Драгомирова Генерального штаба полковник фон Лампе¹⁵⁷⁶, почему-то с первых же дней невзлюбивший меня, но и он мог меня осаживать только по причине моего оптимизма, но не по причине недозволенной откровенности).

Однажды газетчики пригласили меня в клуб печати и угостили обедом. После обеда, беседа в уютном салоне, они раскрыли смысл этого приглашения: «На случай эвакуации Киева мы сговорились с командиром одного бронепоезда, что он прицепит к своей базе вагон с нашей ротационной бумагой и с нами и доставит нас в Одессу, где мы возобновим издание газеты; но нам важно вовремя погрузиться в вагон; поэтому просим вас, когда настанет время, сказать нам по телефону только три слова — “Садитесь на бумагу!”, а мы обещаем не распространять этого сведения о предстоящем оставлении Киева».

Я обещал выполнить просьбу и недели через 2 вызвал по телефону Мильруда: «Говорит капитан Месснер. Здравствуйте. Садитесь на бумагу!» «Как? Что? На бумагу? Ах, да! Спасибо! Спасибо!» Мои евреи не

забыли этой услуги, отыскали меня в эмиграции и предложили корреспондировать в их газету «Сегодня», выходившую в Риге. Из «севших на бумагу» помню Ганфмана, культурнейшего редактора «Сегодня», ежедневной газеты в Риге; он и умер на этом посту. Помню Мильруда, сменившего Ганфмана и затем (в 1939 г.) бежавшего от большевиков в Швецию. Помню Чаговца Всеволода¹⁵⁷⁷, который впоследствии возвратился в СССР и попал под обычную советскую «амнистию» — был посажен в концлагерь. Помню Мунштейна¹⁵⁷⁸ (Лоло), даровитого поэта-фельетониста.

Кроме газетного дела соприкоснулся я в Киеве и с пропагандным. Уже начиная с Константинограда мы с Циммерманом писали, печатали и распространяли в населении сотни тысяч летучек, говоривших о задачах Добровольческой армии. Генерал Бредов позвал меня однажды и спросил: «Вы когда-либо делали публичный доклад?» «Никак нет!» «Ну, так сделайте! Через неделю в Купеческом собрании прочтите доклад о нашем походе на Киев и о победах Добровольческой армии. Организационную часть берет на себя Кучинский, представитель Освага» (Осваг, т.е. Осведомительное агентство, было как бы министерство[м] пропаганды при Добровольческой армии). Я написал и вызубрил доклад, а целый взвод чертежников сделал несколько исполинских схем, иллюстрировавших текст. Публики набрался полный зал. Я оробел 3 раза — в начале, когда почувствовал на себе 2000 глаз; в середине, когда вдруг забыл дальнейший текст и, лишь взглянув в рукопись, опять стал на рельсы; в конце, когда не знал, что мне делать с множеством цветов, брошенных мне под ноги на эстраду: выручили 2 дамы, сидевшие в первом ряду, — они собрали букетики, пока я раскланивался перед рукоплескавшей публикой, и вручили мне цветы. Эти овации относились не ко мне, а к Добровольческой армии, о которой я докладывал. Второй доклад делал я по приглашению «Союза возрождения России» — это было объединение левых, к нам, к Добровольческой армии, оппозиционных политических деятелей; они обратились ко мне, правоверному «добровольцу», потому, что в моих статьях не обнаруживали реакционных мыслей.

Текст моего первого доклада был напечатан в виде брошюры под заглавием «Взятие Киева войсками Полтавского отряда» (пессимист Миша Калнин мне советовал приступить к составлению второй брошюры: «Отдание Киева войсками Полтавского отряда»). Мне эта брошюра дала хороший доход, а вскоре после ее напечатания ко мне при-

шел некий делец, направленный ко мне нашим старшим адъютантом капитаном Головиным; делец рассыпался в похвалах моей брошюре, которой он, конечно, не читал, и сразу же купил у меня право на второе издание «в одном или двух миллионах экземпляров». Вручив мне в виде задатка 30 тысяч рублей, он пригласил меня на завтрак у него в канцелярии для обсуждения деталей издания. За завтраком не было сказано ни слова о брошюре, но он и его компаньоны, не менее наглые, чем он, предложили мне вступить акционером в создаваемое общество «Добрармия Москве».

Идеологическая ширма этого предприятия была такова: мало избавить Москву и города на пути к ней от большевиков, надо их избавить от голода и от товарного голода, а для этого непосредственно за войсками должны продвигаться поезда с продовольствием и товарами. Коммерческая сторона заключалась в том, что «Добрармия Москве» будет закупать целые поезда грузов и по себестоимости (под контролем властей) продавать товары и продукты населению, однако 1–2 вагона общество может продать и по вольной цене (в этом и заключался трюк: можно без барыша продать 15 вагонов муки и кухонной посуды, но нажить миллионы на вагоне дамских чулок и на вагоне ниток). Общество имело бы 10 акционеров — из них 5 дают капитал, а 5 офицеров — свои связи; барыши же делятся на 10 частей поровну. Меня, по-видимому, заманивали по двум причинам — я был влиятелен в штабе генерала Бредова, а мой дядя был начальником военных сообщений. Я не знал, вступить ли в это общество, но Милочка (у нее ясность ума и чистота сердца всегда были отличны) указала мне, что это — не офицерское дело. Она меня спросила: «Вступил ли бы ты в такое общество, в то время, когда был подпоручиком 15-й артиллерийской бригады?» «Не вступил бы» — «Ну, так и теперь не вступай!» И я не пошел на «суаре», которое давал главный директор по случаю основания общества. Так я «упустил» единственную в моей жизни возможность стать миллионером.

Впрочем, деньги никогда не гипнотизировали нас с Милочкой. И мои большие газетные заработки в Киеве были не целью, а «побочным продуктом» моего публицистического производства, сильно меня увлекавшего.

Однако своими прямыми обязанностями — штабными — я увлекался еще более. По возвращении в Киев я застал перемены: вместо полковника Эверта начальником штаба стал Генерального штаба пол-

1919

Президентские

Дневник
Генерала А. Будберга.

6 1919. 1 Мая. Утром проехали Иркутск; доставили
своей агентской телеграммой и получили кое-
какую информацию от местного заведывающего
перевозкой почты. Узнали в предстоящем уходе
Вологодского и искренно-доброжелательны — не
такие, какими бывают, чтобы беречь предостере-
жением советам министерства этого безубыточного и
выгодного, «представитель общественного» и
«искренней демократичности правительства». За-
интересованным называют Третьякова; все это
считать весьма неудачным, так как наши
интересы не говорят ни о кадетско-буржуазных кру-
гах, а сильнейшие люди дня.

В этой же доверии прочитали, что с ближайшего
дня Китайская граница переходит на валюту ба-
нкету с прекращением приема Сибирской денежной;
здесь это выстало волею негодования и весьма про-
зрачные материалы, что также, поинтересованная страна
принимает ради событий интересов Русско-Азиат-
ского банка (в скотках китай лимитирован финан-
сов Гайера)

Узнали, что банк тут не пришел и что здание
наличности капитана, предположения Гайера
или перепада на новый деньг американской валюты

Генерал А.П. Будберг

Генерал Б.А. Штейфон

Белозерский полк на параде в Харькове. 1919 г.

Генерал П.П. Непенин

Полковник Е.Э. Месснер в эмиграции

Генерал Н.Э. Бредов пробует пищу. Лето 1919 г.

Схемы к воспоминаниям Е.Э. Месснера.

VAR. Публикуются впервые

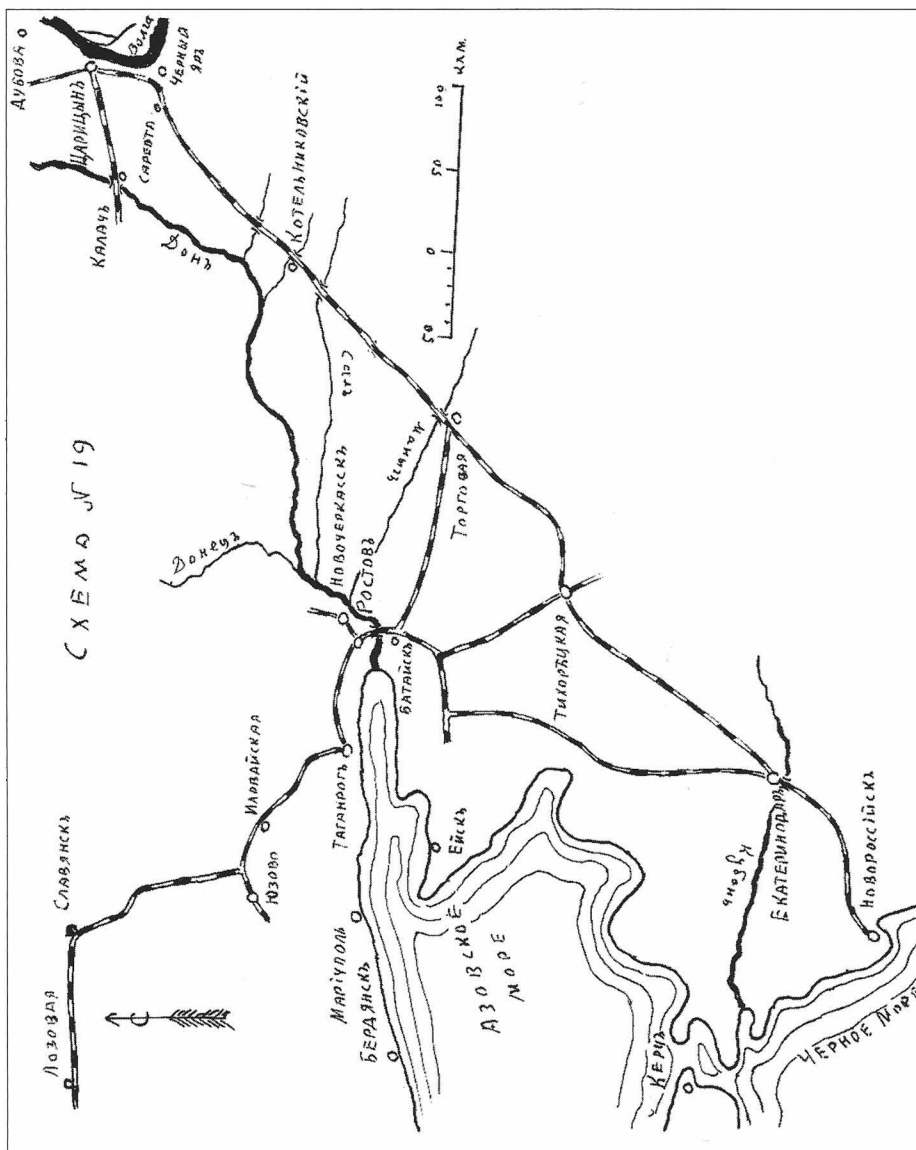

Схема № 19

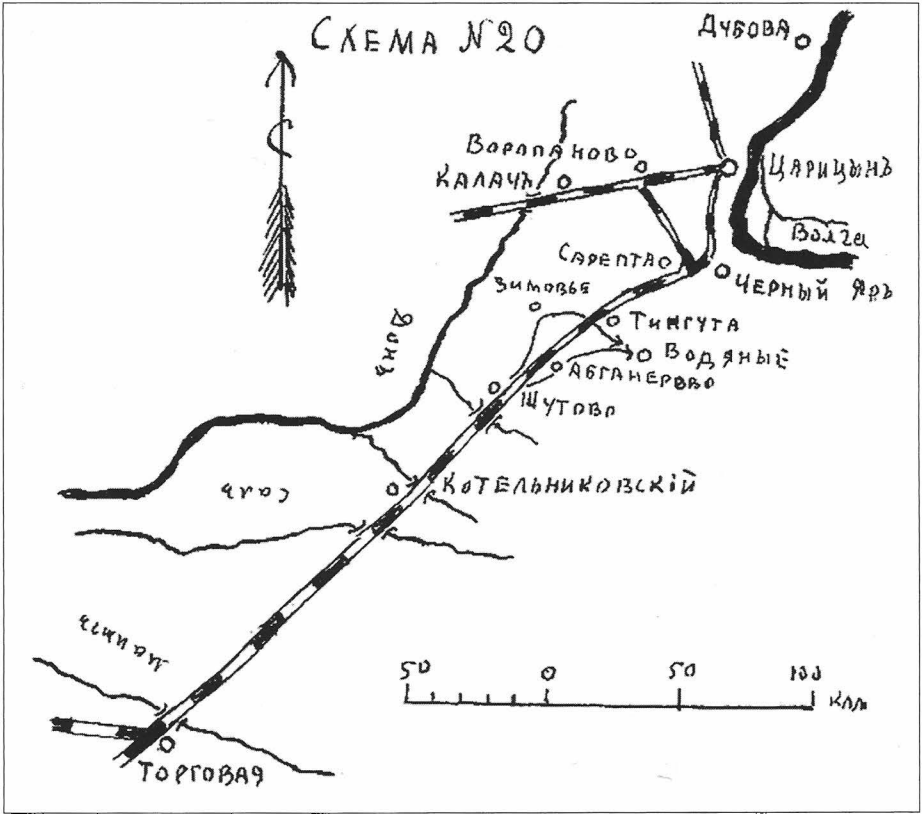

Схема № 20

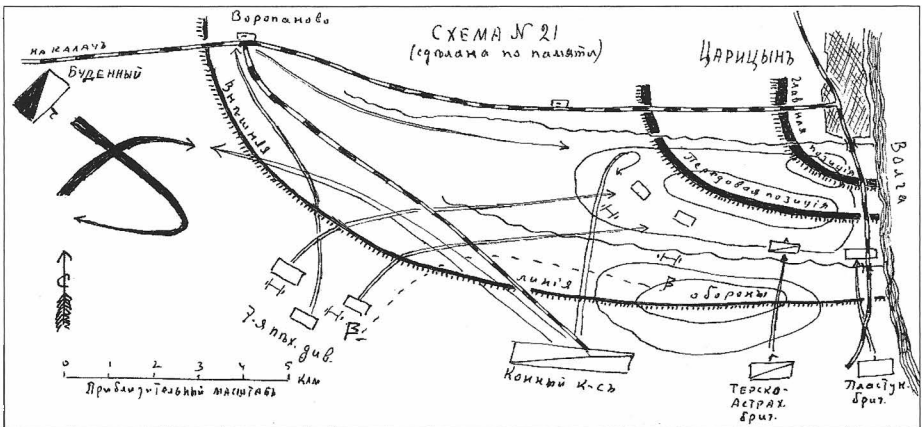

Схема № 21

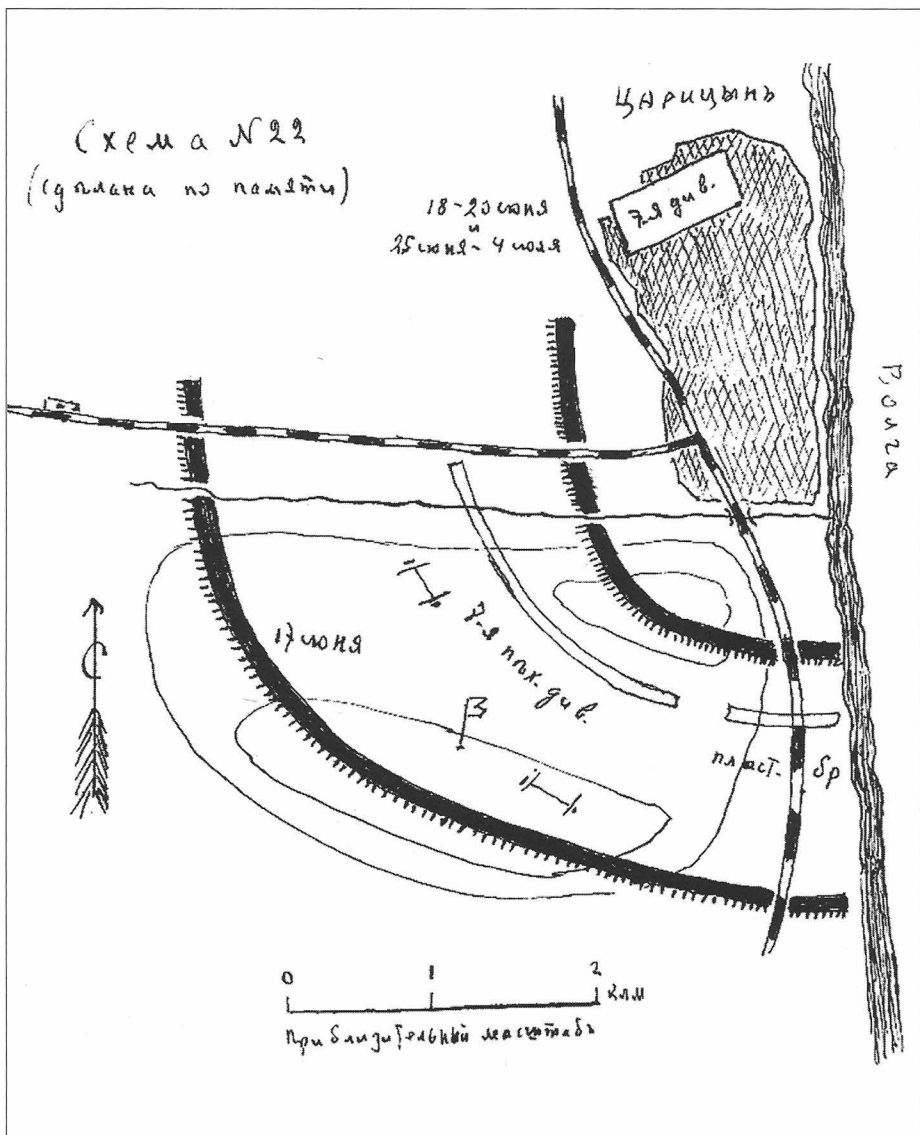

Схема № 22

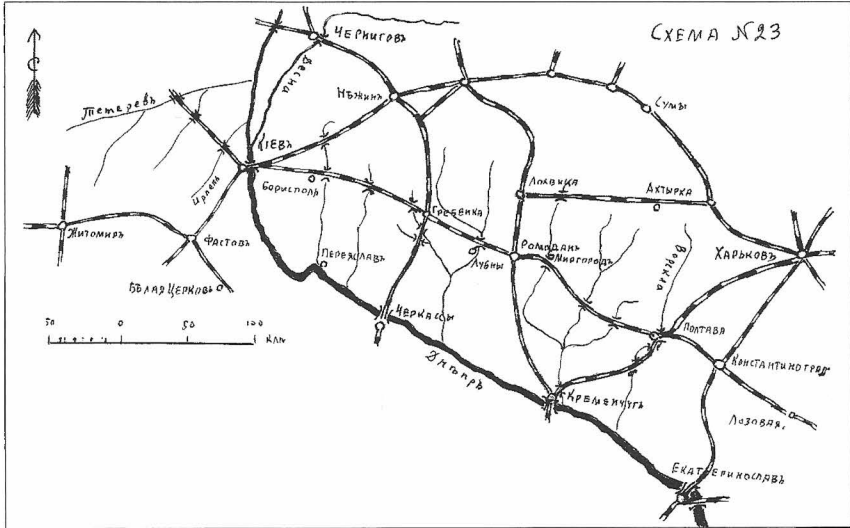

Схема № 23

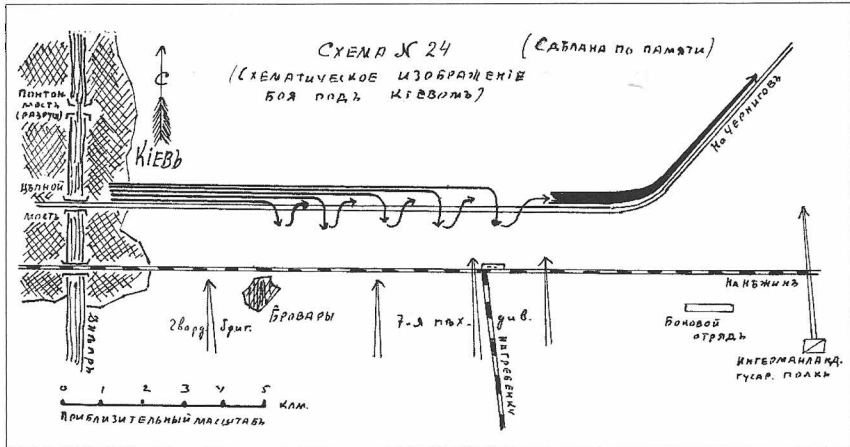

Схема № 24

СХЕМА №25

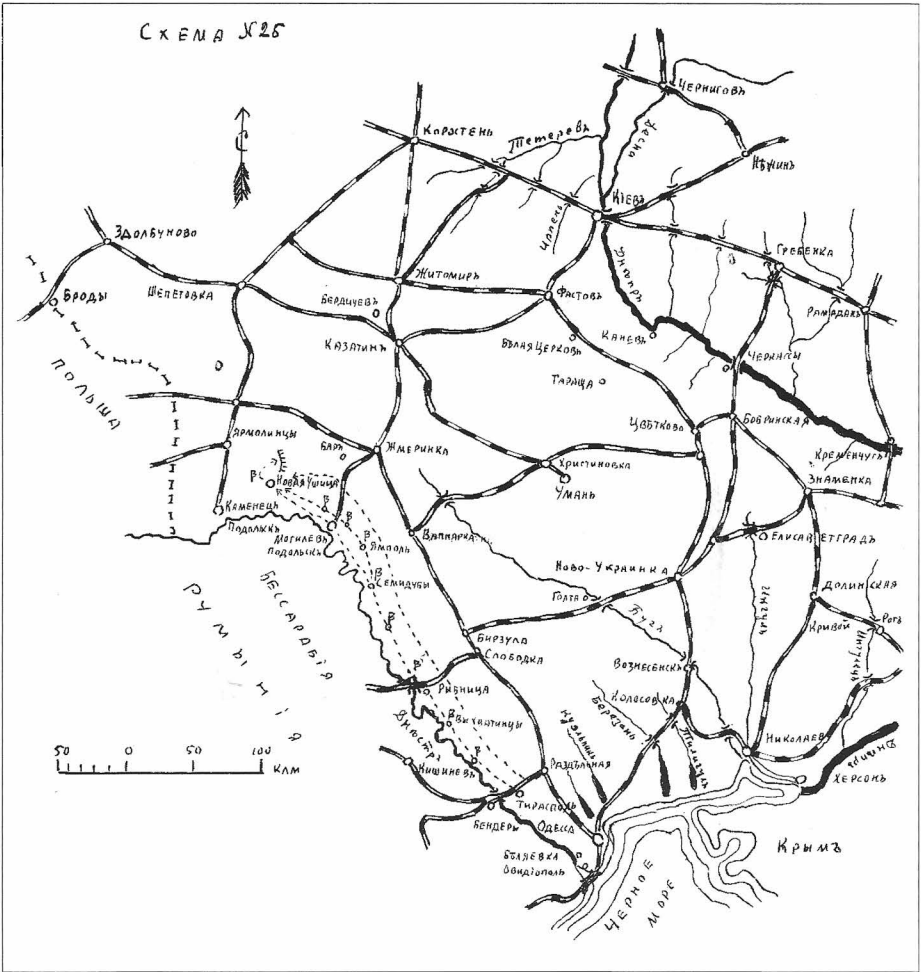

Схема № 25

ковник Борис Александрович Штейфон. Это был выдающийся офицер, уже в чине капитана отличавшийся способностью к проявлению инициативы и к принятию на себя ответственности за нее: генерал Юденич отважился на штурм Эрзерума потому, что капитан Штейфон, произведя разведку, сделал ему крайне оптимистичный доклад: капитан решил, что надо штурмовать, и своим докладом подстегнул решимость генералы. Тайное путешествие генерала Штейфона по Советскому Союзу (см. главу «Дело»¹⁵⁷⁹) доказало его редчайшую отвагу. Этот человек вел жизнь христианина, и эмигрантское разложение не подточило в нем понятий об офицерской чести. И тем не менее его до конца жизни преследовало презрительное слово «жид»: будучи по матери духовного происхождения, он по отцу унаследовал еврейскую кровь — его отец и дед-выкрест имели в Харькове мастерскую фуражек. Потомок еврея в третьем поколении по принятии христианства, он мог поступить и в военное училище, и в академию. Царь признал его достойным и офицерского звания, и звания офицера Генерального штаба, но монархические изуверы в эмиграции не признавали этого монаршего удостоения.

Новый начальник штаба сразу поставил вещи на свое место — воспротивился вмешательству генерала Бредова в штабную работу, отменил мои непосредственные доклады генералу и подтянул инспекторскую часть. Мне он, когда я ему представлялся, сказал: «Надеюсь, что вы знаете ваши права и обязанности. Уполномочиваю вас замещать меня и тогда распорядиться моим именем, но если вы превысите свою власть, то мы с вами немедленно расстанемся». Мы не расстались, и за год совместной работы полковник Штейфон не имел случая сделать мне замечания. А мои промахи он, как добрый начальник, брал на себя. Например, когда мы в Бредовском походе шли по Подолии и я, за недостатком обоза, велел уничтожить тюки с излишними топографическими картами, то я положился на военного топографа, а он положился на писарей, писаря же, по неопытности, сохранили карты Урала и истребили карты Подолии; полковник Штейфон доложил генералу Бредову, что он велел сжечь все карты.

Полтавский отряд в Киеве впитал в себя все войска Киевской области — у генерала Драгомирова в непосредственном подчинении остались киевский и иные тыловые гарнизоны. Таким образом, наш штаб получил значение армейского. В связи с этим заведующим разведкой на шею поручику Циммерману был посажен Генерального штаба под-

полковник Кобылянский¹⁵⁸⁰, но когда выяснилось, что он разведкою не интересуется, то его переместили в мои помощники (я в то время уже был представлен к производству в подполковники и полковники и был причислен к Генеральному штабу, поэтому полковник¹⁵⁸¹ Кобылянский не очень обиделся, что дан мне в помощники). Вторым помощником мне назначили полковника Збутовича¹⁵⁸², много лет тому назад окончившего академию по 2-му разряду и служившего затем только по военно-учебной части — он штабной работы не знал и был ленив, как истинный хохол. По понятиям регулярной армии, постановка полковников под начало капитана (хотя уже и представленного к производству в полковники) была недопустима*. Но в революционной войне это было естественно: я вынес на своих плечах всю тяжесть оперативно-штабной работы от Иловайской до Царицына и до Киева — не смещать же меня в Киеве, потому что там примкнул[и] к Добровольческой армии полковник К. и полковник З. Если бы при появлении в армии новых офицеров, старших в чинах, смещали старых заслуженных добровольцев, то не достигли бы высоких должностей такие мастера «неправильной «войны», как Кутепов, Скоблин¹⁵⁸³, Туркул¹⁵⁸⁴, Пешня¹⁵⁸⁵, Манштейн¹⁵⁸⁶. Принцип старшинства, вообще говоря, правильный для нормальной армейской жизни, не применим в ненормальной войне: если бы во главе Киевской области был поставлен не почтенный генерал от кавалерии Драгомиров, а, скажем, полковник Штейфон, то область выставила бы несколько дивизий для действующей армии, а не только местные гарнизоны в городах. Если бы в[о] главе Одесской области стал не генерал Шиллинг, богатый давними заслугами в гвардии, а гвардейский авантюрист полковник Стессель¹⁵⁸⁷ (сын порт-артурского генерала Стесселя¹⁵⁸⁸), то область подкрепила бы собою бредовские войска, когда они отходили к Одессе: но при Шиллинге Одесская область осталась беспомощной.

Жизнь, боевые потребности оправдывали нарушение принципа старшинства. Поэтому нашим начальником штаба стал молодой, но отличившийся взятием Чернигова полковник Штейфон, а не какой-либо генерал, предложивший свои услуги по освобождению нами Киева от большевиков; поэтому я не был смещен с должности, а киевские «подснежники», более чиновные, нежели я, были поставлены в мое подчинение.

---

* В документе несогласованно — было недопустимо.

При оперативном отделении состоял для связи с Днепровской речной флотилией лейтенант М., известный всему российскому юношеству под именем «капитан Свистун» — он был автором захватывающих рассказов о морских приключениях. Я обратил внимание, что секретные сведения о положении на фронте становятся достоянием всего штаба; приказал моим оперативным мальчишкам обнаружить щель, в которую вытекают секреты, и они установили, что «капитан Свистун», получив у меня для своего адмирала секретную устную сводку, собирает вокруг себя в офицерском собрании штаба аудиторию и кичится перед нею своею осведомленностью. В тот же день автор занимательных приключений пережил неприятное приключение и был изгнан из нашего штаба*.

Во время одного телеграфного разговора генерала Бредова с Екатеринодаром в аппаратной комнате штаба обнаружили газетного репортера, обманувшего бдительность часового и дежурного офицера и выслушавшего весь секретный разговор. Это обнаружилось, и Бредов вышел из себя. Заведующий службой связи штабс-капитан Михайловский¹⁵⁸⁹ был снят с этой должности (но оставался, впрочем, в моем отделении), а на его место назначили киевлянина полковника Т. Под его начало был поставлен капитан Зур, неутомимый и весьма толковый командир нашей телеграфной роты, и от этого дело пострадало: полковник Т. имел способность плестись в хвосте у потребностей армий, а не предвидеть их; например, когда мы отступили на переход от Киева и проволочная связь с ним не была прервана, то он стал по телеграфу уговаривать недостававших нам телеграфистов догнать нас. Этот подснежник испарился, когда мы подошли к Одессе. Вообще киевский урожай не был высококачественным: по-видимому, лучшая часть офицерства была еще при гетмане переслана генералом Ломновским в Добровольческую армию или вступила в добровольческие генерала Кирпичева¹⁵⁹⁰ дружины, вывезенные немцами в Германию, чтобы спасти офицеров от петлюровской расправы.

Почему-то был смещен комендант штаба — отличный офицер-первопоходник капитан Ползиков (он остался командиром комендантской

---

* Болтливый лейтенант флота, прикомандированный к нашему штабу в Киеве, обозначенный в воспоминаниях буквой «М», носил, как мне помнится, фамилию Бурачек. В списке окончивших Морской корпус в 1900 году значатся два Бурачка — Аполлон и Сергей Павловичи. Кто именно из них писал под псевдонимом Свистун, не знаю (*примеч. Е.Э. Месснера*).

роты при штабе), и комендантом был назначен киевлянин полковник Тарновский, единственным достоинством которого было то, что он имел расторопнейшего, исполнительнейшего и энергичнейшего сына подпоручика — я взял его в оперативные мальчишки.

Штаб наш в Киеве разросся в связи с увеличением количества войск, которые этот штаб теперь обслуживал. К сожалению, киевлянин Бредов проводил в состав штаба своих знакомых киевлян без должного отмеривания их служебных и идейных качеств.

Недостаточная идейность части киевских добровольцев бесспорно выявилась в момент оставления нами Киева: полезные войска подтаяли, а киевский гарнизон растаял — многие оказались патриотами в пределах видимости родной колокольни. Впрочем, людей семейных строго винить нельзя — в Гражданскую войну забота о семье, естественно, доминирует над заботой о родине. Надо добавить, что часть киевского гарнизона влилась в отходившие полевые войска, а рота, например, сформированная инженером Кирста¹⁵⁹¹ из киевских рабочих, до конца кампании доблестно дралась в составе армии генерала Бредова.

Киевляне предчувствовали наш уход. Если бы даже и не случилась психическая катастрофа в Добровольческой армии, вызвавшая откат от Орла, Курска и Харькова, то все же наше положение в Киевской области стало бы затруднительным — наша власть не совладала с моральной, хозяйственной и административной анархией в крае. Назначение генерала А. Драгомирова начальником области было большою ошибкой. Этот отличный кавалерист не годился в администраторы в революционное время. Однажды в Белграде во время одной из его бесед со мною он мне поведал сущность своего мирозерцания: «Все живое подчиняется двум законам — закону эволюции вида и закону сохранения вида; эти два начала — прогрессивное и консервативное — находятся в вечном соревновании; я являюсь воплощением консервативного начала». Это вполне отвечало психике генерала Деникина, но не психике сбитого с вековых устоев народа: против демагогических лозунгов большевизма бессильна была формула — «сперва возвращение к прежним формам жизни и успокоение, а потом реформы».

Разрушение иллюзий, создававшихся в населении Киевской области во время нашего освободительного похода к Киеву, привело к апатии и к упованию лишь на помощь иностранцев, главных персонажей Версальского мирного конгресса¹⁵⁹².

Фельетонист Лоло (Мунштейн) писал: «Мы хотим, чтобы Черчилли / сразу нас излечили / Мы с тревогой взираем / в жизни хмурюю даль. / О, Черчилли! О, Билли! / Жизнь совсем в ином стиле / О, Черчилли! О, Билли! / О, далекий Версаль!»

Ко мне пришел капитан Гершельман¹⁵⁹³, мой приятель по службе мирного времени, и, заклиная старой дружбой, умолял сказать, пора ли отправить жену в Одессу к родителям. Я дал пифийский ответ: прифронтовая полоса — не место для женщин; если твоя жена нервничает, то немедленно ушли ее из прифронтовой полосы, какую является Киев. Я не мог ответить — пора спасаться. Такой совет, исходивший из оперативного отделения штаба генерала Бредова, вызвал бы массовое бегство киевлян. А если бы стотысячная волна беженцев хлынула на юг, то железные дороги охватил бы паралич, и вследствие этого наша армия потеряла бы маневро-боеготовность и не защитила бы никого, ни даже тех, кого исподволь эвакуировала из Киева. Киевский заведующий передвижением войск Генерального штаба полковник Злобин¹⁵⁹⁴, не щадя своих сил, вывозил киевлян, сколько позволяли железнодорожные средства.

Для успокоения населения Киева и для оттяжки на нас неприятельских резервов из Харьковской области мы предприняли в ноябре наступление на Коростень*. Продвинувшись верст на 10, мы останови-

---

* Перед нашим наступлением на Коростень в штабе генерала Бредова было много совещаний с подчиненными ему начальниками. На них выяснилось, что командиры стали пессимистами. Как ни старался я своими военными обзорами в трех киевских газетах подымать дух населения и войск, факты были сильнее моего краснописания: генерал Май-Маевский, который достиг было Корниловской дивизией гор. Мценска в 130 верстах от Москвы, катился к Харькову и очень стремительно. Снижало дух войск, завоевавших Киев, и то обстоятельство, что Киевская область не дала им прироста сил в такой мере, на какую все мы рассчитывали: офицеры увязли в «Реабилитационной комиссии», а патриотическую молодежь увезли вербовщики кавалерийского корпуса генерала Юзефовича: куда заманчивее быть в составе знаменитого Нижегородского драгунского полка, чем в строю пехотного Якутского. Третьим развращающим обстоятельством было малое удаление фронта от большого города с его спекулянтами, паникерами, политическими махерами. Настроения города передавались фронту, и тревога города превращалась среди воинов в неуверенность, в «конфузство» (выражение из приказа Петра I, утверждавшего, что победы проистекают от бесконфузства). Мы же в штабе понимали, что наступление и даже победа на коростеньском направлении не спасут положения у Харькова, не потребуют от красного командования переброски своих сил со стратегической магистрали Москва — Харьков — Ростов-на-Дону к Коростеню, никакого политического, административного, экономического значе-

лись — даже 7-я дивизия не проявила боевого подъема, гвардейская же дивизия — и того меньше. Генерал Драгомиров, будучи в молодости гвардейцем (он начал службу в Семеновском полку, а по завершении академии воспользовался правом переменить род войска и стал кавалеристом), внял настроениям гвардии и развернул бригаду генерала Штакельберга в Сводно-гвардейскую дивизию, несмотря на утверждения генерала Бредова, что это недопустимо вследствие опасной малочисленности офицерского кадра бригады. В результате развертывания боеспособность символических полков понизилась в такой же мере, в какой офицеры повысились в должностях (батальонными командирами стали ротные, ротными — взводные, а взводами командовать было некому). Распухли хозяйственные части; появились поезда — базы, составленные из вагонов, наполненных сахаром, кожами, мануфактурой — в этом накоплении проявлялась не только запасливость, но и спекулятивная жадность*.

ния не имеющему. Но у нас на Ирпене было слишком мало войск, чтобы что-либо снять с этого боевого сектора и перебросить к Чернигову, где наше удачное наступление крупного масштаба могло бы иметь значение и для облегчения положения Добровольческой армии. Но генерал Драгомиров (командующий войсками Киевского края) не имел резервов, а корпус генерал[а] Бредова едва мог охранять фронт от Чернигова до Фастова (оба пункта включительно).

Прилагаемая фотография (не публикуется. — А.Г.) напоминает мне о моей автомобильной поездке на ирпеньский сектор для рекогносцировки местности, где предстояло наступать. Выбран был такой район, где не было больших лесных комплексов и где слегка холмистая местность допускала и боевое маневрирование пехоты, и ведение действительного артиллерийского огня. Я был рад хотя бы на несколько часов вырваться из штабной канцелярии на Банковой улице и снова почувствовать себя «полевым» офицером. Мой доклад начальнику штаба после рекогносцировки говорил об удобствах местности для наступления и о психологическом «неудобстве» — неуверенности войск в успехе и в надобности наступления (примеч. Е.Э. Месснера).

* Гражданская война была «войной на колесах». Количество лошадей в деревнях сильно уменьшилось за годы Великой войны, автомобилей стало мало — не было запасных частей, покрышек, бензина. Поэтому войсковые части, за недостатком обозов, имели свои поездные «базы»; крайняя маневренность военных действий требовала быстрой переброски пехоты из одного района в другой, и поэтому походные движения при каждой возможности заменялись железнодорожными перевозками. Железные дороги изнемогали от чрезмерности предъявленных к ним требований, от недостатка топлива, от «забронирования» вагонов и даже паровозов под составы для штабов, для «баз», для бронепоездов и т.д. Не хватало персонала, а зимой не было рабочих рук для расчистки путей и станций. К счастью, зима 1919/20 гг. выдалась малоснежной, и поэтому бредовский корпус не испытывал больших затруднений от заносов, но морозы были врагами паро-

Генерал Драгомиров потом понял свою ошибку и со свойственной ему прямоотой высказал свое разочарование в гвардии. В своем прощальном приказе по случаю упразднения Киевской области он поблагодарил войсковые части за героическую боевую работу и затем написал: «Не благодарю полки Сводно-гвардейской дивизии, которые своею малою боеспособностью и своими возмутительными грабежами запятнали свои, кровью предков освященные знамена. Не благодарю 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду... Не благодарю Волчанский партизанский отряд...»*

возов: не хватало топлива, чтобы поддерживать в них огонь во время многочасовых простоев на станциях или же в пути (простои вследствие пробок на станциях, забитых поездными составами); а если не держать огня, то паровоз замерзал и часто вследствие этого выходил из строя.

Тысячи верст проехал я во время Гражданской войны в поездах, на автомобилях, верхом и в поры земледельческих работ не видел обычного оживления на полях. В тылу, конечно, производилась и пахота, и сев, и жатва. Но я в тыл не ездил, а, находясь все время в боевой зоне, видел только крестьян в селах, встревоженных боями, постоями буйных войск, реквизициями. В этой зоне не было возможности да и охоты трудиться в поле. И поэтому лишь изредка удавалось увидеть одинокого пахаря (см. снимок [не публикуется. — А.Г.]). Такая трудящаяся точка на необъятном пространстве полей свидетельствовала: замирает жизнь... Считается, что Гражданская война обошлась России в 4 700 000 жизней... (*примеч. Е.Э. Месснера без привязки к основному тексту*).

* Приказ генерала Драгомирова, осуждающий (поделом) гвардию, никогда не был гвардией забыт: до самой смерти генерал ощущал неприязнь гвардии. Приказ этот ничего не переменял: как на пути к Киеву и в Киеве гвардия грабила еврейское имущество, так на пути от Киева она грабила сахарные заводы — вывозила десятки вагонов сахара, чтобы в тылу продать его спекулянтам.

Если за отсутствием налаженной интендантской службы войско вынуждено снабжаться самостоятельно из местных средств, то покупки и законные реквизиции постепенно переходят в беззаконие. Но если войско так бедно, как Добровольческая армия, в которой офицерское жалованье было катастрофически ничтожным, то приходится оправдывать реквизицию складов в целях раздачи воинам вспоможествования натурой или деньгами, вырученными от реализации реквизированного. Однако гоголевское «Не по чину берешь!» должно было бы оставаться напоминанием о границах небезобразного пользования «добычею». Для гвардии это напоминание не было удерживающим. Хуже того: она делала злодеяния — еврейские погромы — с целью грабежа.

Генерал Драгомиров наказал гвардию жестоким приказом, но куда лучше было бы, если бы он во все время своего пребывания на командном посту в Киеве наказывал безжалостно грабителей. Этого в Вооруженных силах Юга России никто, насколько мне известно, не делал — строгих мер не было. А генерал Врангель сразу прекратил грабежи. И добился этого в Русской армии (в Крыму и Таврии) тем, что при каждом штабе дивизии создал военный суд для немедленного разбора и наказания (*примеч. Е.Э. Месснера*).

Генерал Бредов в конце ноября¹⁵⁹⁶ оттянул к Киеву свои войска, занимавшие Чернигов и стоявшие по Десне от меридиана Нежина до киевских предместий. А затем, по приказу из Екатеринодара, мы покинули город*. Это случилось 3 декабря¹⁵⁹⁷. Мы ощущали, что город замер в ужасе, в предчувствии большевицкой расправы за цветы в дни прихода добровольцев, за пожертвования на нужды Добровольческой армии, за «контрреволюционные настроения». Интересно, что чувствовал тот рабочий, который полгода тому назад, по приказу красных, снял со шпилья здания городской думы российский герб и заменил его серпом и молотом — мы его заставили собственноручно заменить коммунистическую эмблему российским гербом; теперь ему не миновать было в третий раз лезть на высокий шпиль, но и не миновать было чекистского наказания за выполнение «белобандитского» приказа.

Мы оставили Киев не под неприятельским давлением, а лишь потому, что продвигавшиеся к Левобережной Украине к югу красные армии угрожали нашему флангу и тылу. По той же причине мы потом оставили линии Канев — Белая Церковь, Черкассы — Умань и Кременчуг — Новоукраинка.

20 июня 1919 г.¹⁵⁹⁸ генерал Деникин приказал начать поход на Москву. В июне был взят Харьков, в начале сентября — Курск, в сентябре — Орел¹⁵⁹⁹. Действовавшая на главном оперативном направлении Корниловская ударная дивизия уже подходила к Мценску в 200 верстах от Белокаменной. И вдруг — откат к югу, безудержное, хотя и героическое отступление. Катастрофа.

Ее предвидели те, кто рассуждал здраво, а не мечтал, как мечтали мы в боевых рядах. Генерал Драгомиров рассказывал мне в Белграде, что в августе 1919 г. он был командирован в Париж и там по делам беседовал с бывшим президентом Соединенных Штатов, г. Хувер¹⁶⁰⁰, и тот сказал ему, что он восхищается героизмом Добровольческой ар-

---

* Харьков был оставлен 30-XI (Е.Э. Месснер неточен — Харьков был занят частями РККА на день раньше — 29 ноября (12 декабря) 1919 г. — А.Г.). Поэтому нам пришлось 3-XII (16 декабря по новому стилю. — А.Г.) оставить Киев. В 200 верстах к ю[го]-з[ападу] от Харькова лежал Екатеринослав; если противник захватит этот пункт, то войска Киевского края будут отрезаны от Добровольческой армии. А мы, корпус генерала Бредова, находясь в Киеве, т.е. в 400 верстах от Екатеринослава, не могли помешать захвату этого города красными. Поэтому в Екатеринодаре решили оттянуть нас от Киева (*примеч. Е.Э. Месснера*).

мии, но он не верит, чтобы она могла победить: народ еще не переболел революцию, а у армии нет достаточно сил для борьбы на огромном фронте и для поддержания порядка на исполинской территории, ею завоеванной.

Совершенно верно: фронт был слишком протяжен, а территория чрезмерно велика. «Вина» лежит на генерале Деникине и на всех генералах, которые помогали ему делать стратегию, а также на тех государственных деятелях, которые ему помогали делать политику. Они были людьми нормы, правил, традиции, в то время как руководство Гражданской войной должно было быть в руках «авантюристов» (применяю это слово в хорошем смысле). Суворов¹⁶⁰¹ был «авантюристом» и победил при Нови, при Треббии и т.д., а венский Хохкригсрат¹⁶⁰² был олицетворением норм, правил. Если бы после смерти генерала Корнилова¹⁶⁰³ командование перешло к генералу Маркову¹⁶⁰⁴, к полковнику Дроздовскому, если бы во главе Вооруженных сил Юга России стал Кутепов или Врангель, поход на Москву был бы выполнен не в стиле завоевания нами Галиции в 1914 г. или Брусиловского прорыва 1916 года, да в стиле глубокого рейда. Надо было собрать все силы в кулак (Добровольческую армию генерала Май-Маевского, Кавказскую армию генерала Врангеля и Полтавский отряд, и все прочие отряды и дивизии) и ударить мощным, быстрым ударом. Надо было рвать красный фронт на узком пространстве и прорываться к Москве*. Тог-

---

* Возникшие в моей голове в период отступления от Киева мысли о том, что не постепенное завоевание Юга России, а стремительное наступление всеми силами на Москву, не заботясь об оперативных флангах, привело бы нас к победе над Троцким, подтвердились выводами, которые я сделал лет через 15, когда прочитал труд Троцкого «Как вооружалась революция». Сквозь хвастливые фразы о себе и о созданных им армиях видна тревога командования Красной армией, сознававшего, что решительный удар, стремительное движение белых едва ли будет остановлено непрочными войсками революции.

Генерал Бредов искусно и победно продвигался к Киеву и занял этот город, освободивши его жителей от зверств большевицкой власти. Но какая от того была стратегическая польза? Какая оперативная помощь Добровольческой армии, наступавшей по линии Харьков — Курск — Орел — Москва? Если бы корпус (V-й конный) генерала Юзефовича был усилен корпусом генерала Бредова и от Полтавы пошел на Брянск — Калугу, чтобы оттуда бить на Москву, когда генерал Май-Маевский будет бить от Тулы на Москву, то это был бы удар кулаком, а не растопыренными пальцами.

Все сказанное не означает, что я считаю генерала Деникина плохим стратегом и его стратегический план плохим, неправильным. При решении каждого тактического, оперативного и стратегического задания могут быть предложены

да можно было бы овладеть Москвой, а затем подвижными отрядами преследовать Ленина и Троцкого с их приверженцами, преследовать до уничтожения их.

Вместо этого Деникин стал планомерно завоевывать территорию необъятного Юга России. Завоевание территории налагает обязанность управлять этой территорией и поддерживать в ней порядок. Для этого не было сил у генерала Деникина: позади зонтика из фронтовых полков была пустота: лишь некоторые населенные пункты были более или менее прочно занимаемы местными добровольческими гарнизонами. Для управления территориями не хватало и многого иного: финансов, хозяйственного плана, социальной базы и политической программы. Реакционное «Особое совещание» (высший совещательный политический орган при Деникине) во главе с консервативным генералом Драгомировым Абрамом было слишком принципиально, чтобы делать политику в беспринципное время революционного хаоса настроений, вожделений и психопатии. Политика генерала Деникина не могла привлечь народные массы, а поэтому обладание территорией без одновременного обладания душой значительной части населения было непосильной обузой для войска.

Другое дело, если бы войско прорвалось в Москву, изгнало Ленина с его бандой и, находясь в Первопрестольной или в Петрограде (наш прорыв с юга помог бы продвижению противобольшевицких армий с запада, востока и севера), провозгласило бы российское правительство; тогда политика войска вышла бы из своего оцепенения, вызванного деникинским убеждением, что он не вправе разрешать государственные вопросы российского бытия. И пока мы с летучими отрядами угашали* бы по взятии Москвы очаги коммунизма в разных частях страны, новое, нами поставленное правительство спешно созвало бы новое Учре-

---

различные правильные планы. Из них полководец выбирает такой, который соответствует его полководческому темпераменту. Если в репертуаре театра есть пьесы с хорошими героическими, лирическими и т.п. ролями, то данный актер будет хорош только в роли, соответствующей его артистическому темпераменту. Для генерала Маркова правильным был бы план удара всеми решительно силами в направлении Москвы, для генерала Деникина не могло быть иного плана, как движение на Москву с одновременным занятием территорий, прикрывающих собою главное оперативное направление: это был правильный план для генерала Деникина (*примеч. Е.Э. Месснера*).

* В документе ошибочно — угашали.

дительное собрание, избранное более благоразумно, нежели прежнее, детище безумного 1917 года.

Все эти «если бы...» приходили мне в голову уже в 1919 году и были потом несчетное количество раз повторяемы в мыслях и в речах во время сорока лет нашего эмигрантского сидения «на реках Вавилонских». Но жизнь текла не в согласии с этими «если бы...»; генерал Деникин завоевал Юг России и на этом истощил свои силы: в разгаре похода «на Москву!» некому было продолжать поход. С точки зрения классической стратегии хороший полководец генерал Деникин в ходе операции отверг основное правило: быть сильнее врага в решительный момент в решительном пункте. По мере приближения нашего к Москве сопротивление красных, благодаря феноменальной энергии Троцкого, усиливалось, а наши силы катастрофически уменьшались вследствие растяжки фронта. 20 июня 1919 г.¹⁶⁰⁵ в день отдачи приказа «на Москву» фронт генерала Деникина имел протяжение в 1000 километров (от Камышина на Волге, через Харьков до Екатеринослава и до устья Днепра). А к 1 октября¹⁶⁰⁶ дуга фронта равнялась 1700 километрам (от Камышина на Волге через Орел и Киев до Рыбницы на Днепре). Количество войск за время похода почти не увеличилось — пополнения едва покрывали страшные потери, которые несли наши полки в битвах против врага, в 5 и даже в 10 раз более многочисленного. Немудрено, что при движении от Орла к Мценску Корниловская ударная дивизия получила участок шириной в 140 километров (это значит — около 45 бойцов на 1 километр). А эта дивизия дралась на главном направлении и должна была наносить главный удар. Ее соседи — Марковская и Дроздовская дивизии — были не в лучшем положении. И они, как и Корниловская, имели против себя каждая по несколько непрерывно пополняемых или заменяемых свежими дивизий Красной армии. Поэтому поход на Москву превратился в отход к Новороссийску.

Бредовская армия¹⁶⁰⁷ уходила с боями и предпринимала время от времени небольшие по глубине наступательные операции. В них особенно отличался Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии, которым командовал Генерального штаба полковник Попов*. Он до

---

* Командир Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии Генерального штаба полковник Попов Сергей Петрович скончался в эмиграции в марте 1959 г., будучи 76 лет от роду. Это был офицер выпуска 1904 года (29-го Одесского драгунского, потом 10-го Одесского уланского полка). Командуя полком в Крыму, получил орден Николая Чудотворца (этот орден, учрежденный генералом Врангелем, равнялся георгиевскому¹⁶⁰⁸) (примеч. Е.Э. Месснера).

последнего дня сохранил безукоризненную дисциплину в своем полку, потому что был тверд, храбр и был любим офицерами и солдатами. Он ел с котла, спал, положивши под голову седло, не заботился о себе, а заботился о полке.

Генерал Бредов уже не выезжал со мною в автомобиле для объезда в поле подчиненных ему отрядов (как это делал во время похода на Киев): теперь он командовал таким множеством войск, что не было возможности посещать их. И наш штаб стал по характеру своей работы большим штабом.

Нашему штабу удавались забавные мистификации, благодаря тому, что безграмотные красноармейские штабы не следили за своевременным пресечением телефонных и телеграфных линий в сторону нашего расположения. Мы подслушивали их разговоры и не раз сообразовывали наши боевые действия с полученными таким образом сведениями. Мы вызвали большевицкий бронепоезд якобы на помощь одному отряду Красной армии и, устроив засаду, захватили этот бронепоезд; мы посылали в красные штабы шифрованные телеграммы с распоряжениями, имевшими целью поставить красный отряд под наш удар. Красноармейские войсковые шифры, вследствие отсутствия опытных специалистов, были просты, и мне удалось разгадать 3 шифра, которыми мы и пользовались для наших мистификаций, почти всегда удачных. Зато какая феноменальная брань неслась к нам по проволоке, если красные догадывались, что «белобандиты» пытаются их обдурить. Надо сказать, что недостаток в войсковых средствах проволочной связи и весьма подвижной характер войны делали часто невозможным прокладку войсковых линий, и поэтому штабы широко пользовались постоянными линиями — железнодорожными и земскими, они-то иногда и служили нам связью с нашими бестолковыми красными коллегами.

Может быть, мы, разбитые, не должны были бы называть бестолковыми тех, кто имел достаточно ума, чтобы нас победить. Но побеждали они не умом и умением, а огромнейшим численным перевесом и преимуществом лучшего вооружения. Они мобилизовали, а мы звали добровольцев — поэтому нашей тысяче противостояли в бою 10 тысяч, а взамен разбитых 10 тысяч красных приходили новые 10 тысяч. Мы снабжались из запасов захудалого Кавказского фронта Великой войны и почти не пользовались запасами Румынского фронта, по большей части остававшимися в Румынии и Бессарабии; красные же располагали оружием бывших 3 фронтов — Северного, Западного и Юго-За-

падного. Военной промышленности, кроме Луганского патронного завода, на нашем юге не было, а Москва владела всей российской военной промышленностью. Силы были не равны, не говоря уже о том, что наше политическое оружие не было так удачно заострено, как большевицкое. Нельзя забывать и того, что в нашем тылу действовали: Калабухов¹⁶⁰⁹ (на Кубани), Махно¹⁶¹⁰ (в Приднепровье) и Петлюра (на Украине).

Когда Сводно-гвардейская дивизия (ею теперь командовал генерал Скалон¹⁶¹¹) занимала участок подле Умани, по ее тылам пытались проскочить две петлюровские дивизии (слабого состава): деревенский бухгалтер Петлюра, ставший главою Вильной Украины, бежал в Польшу, а его войска думали спастись, влившись в партизанские отряды в Приднепровье. Гвардия, прикрывшись от большевиков малыми арьберггардами, повернула фронт на 180 градусов и разбила петлюровцев — только часть колонны прорвалась на северо-восток, бóльшая же часть рассеялась. Мне было непонятно, почему генерал Бредов не приказал пропустить этих украинцев — ведь нам на руку было усиление украинских партизан в области, которая частью уже перешла и продолжала переходить в руки красных.

При нашем отходе на линию Цветково — Умань в подчинение генералу Бредову поступил и II-й армейский корпус (генерала Промтова), и таким образом в дальнейшем все полевые войска, прикрывавшие Новороссию, оказались в ведении нашего штаба, главноначальствующему же этой областью, генералу Шиллингу, непосредственно подчинялись только гарнизонные войска. Затем в подчинение генералу Бредову вошла и Галицийская армия — это были те самые галичане, которых мы изгнали из Киева; и к нам в штаб для связи прибыл тот самый майор, который со мною долго беседовал в классе киевской гимназии. Несчастные галичане после бегства Петлюры за границу не знали, что с собой делать — большевиков опасались, поляки их не впускали в Галицию, и они подчинились нам, москвитам. Впрочем, дружба длилась недолго: в начале февраля 1920 г.¹⁶¹² из-под Слободки и Бирзулы галичане стали просачиваться вдоль Днестра на Буковину, и их армия растаяла — кто сдался полякам, а кто большевикам, мы же в то время уходили в пределы Польши. Лишь один галицийский конный полк решил от Ямполья пробиться через Румынию и добраться до славянской Болгарии; не знаю, чем закончилось это отчаянное предприятие.

На границе Новороссийской области наша армия задержалась недели две, обороняясь на линии Кременчуг — Новоукраинка — Голта (левее нас у Бирзулы стояли галичане). Штаб в то время находился на ст. Колосовка. Наш штабной поезд вышел из Киева, походя больше на переселенческий, нежели на воинский: многие из офицеров вывозили родных и знакомых; я вез, кроме Милочки, помещавшейся в моем купе, г[оспо]жу Туган-Мирза-Барановскую: ее муж, Генерального штаба полковник, положился на меня, что я ее не оставлю в Киеве.

На ст. Фастов мы застряли — поезда стояли непрерывной вереницею от Фастова до Белой Церкви в ожидании, что последующие станции рассосут пробки.

Паровозы в поле сожгли все свое топливо и замерзли — приходилось за каждым поездом слать из Белой Церкви паровоз. Шайки крестьян вечером присматривались издали, какой поезд можно ночью ограбить, намечая наиболее беззащитные. Когда мы стояли на ст. Фастов, мимо нас проходили те, кто пешком порядком покинул Киев; если это были осколки гарнизонных частей и команд, то мы их вливали в наши полки; если это были группы беженцев, то мы их вооружали, чтобы они могли пробиться через партизанскую область. Зашел ко мне и профессор Одинец¹⁶¹³, председатель «Союза возрождения России» — его группа, как и он сам, была вооружена; я его снабдил топографическими картами, салом и водкою. Этот непримиримый антикоммунист на протяжении 25 лет стоял на левом фланге русской эмиграции, в 1945 году потерял мерило правды и стал совпатриотом.

На участке между Цветково и Бобринской под нашим поездом ночью партизаны взорвали мостик. Локомотив вел не какой-либо небрежный машинист, а инженер путей сообщения Шурупов¹⁶¹⁴ (от Киева до Колосовки он никому не желал передать паровоз нашего поезда); благодаря его быстрой сообразительности поезд был заторможен прежде, чем разорвались вагоны. Электричество в поезде потухло (взрыв повредил электрическую станцию); бандиты открыли по поезду ружейный огонь. Все офицеры заняли места, указанные каждому расписанием на случай боевой тревоги. Я, схватив свой карабин и подсумок, выбежал из купе, сказав Милуше: «Ложись!» — лежа на диване, она была бы подушками несколько прикрыта от пуль. Мы отразили нападение, и комендант штаба послал отряд для преследования бандитов (все равно поезд не мог двинуться с места, пока не будет починен мост). Я возвратился в купе и увидел, что Милочка, в то время как из всех ва-

гонов неслись крики и вопли перепуганных женщин, преспокойно разделась и, постеливши постель, легла спать: «Ты сказал мне “ложись”, ну я и легла»... Если бы все воины нашей армии были так дисциплинированы, мы были бы в Москве, а не катились бы к Ростову и Одессе.

Со станции Колосовка, где остановился штаб, Милуша поехала домой — теперь я уже знал, что наш путь отступления лежит не на Крым, а на Одессу, и мог на время расстаться с женою, чтобы она все приготовила для дальнейшего следования со мною: было несомненно, что Одессы мы не удержим.

Первоначальная директива генералу Бредову, полученная, когда мы были на линии Знаменка — Голта, предусматривала отход нашей армии в Крым. Но непредвиденно быстрое продвижение красных к востоку от Днепра сделало невозможным наше отступление на полуостров. На этом пострадали наши бедные гвардейцы, предусмотрительно накопившие бриллиантовый фонд на случай ухода за границу; в Крыму очутились полковые базы с заграничным фондом, но без полков, а полки пошли за границу в Польшу без фонда.

Приказ переложить свои коммуникации с херсонского пути на одесский путь был выполнен командиром II армейского корпуса генералом Промтовым буквально — его штабной поезд пошел от Знаменки на Вознесенск и остановился рядом с нашим поездом на ст. Колосовка, войска же II корпуса продолжали у Кривого Рога и Долинской прикрывать Херсон и Николаев. Штаб II корпуса лишился контакта с войсками. Когда противник отбросил левый фланг корпуса от Долинской на юг, штаб корпуса из своего далека не установил, что удар был нанесен красным отрядом, подошедшим к Долинской не с севера, а с востока и продолжившим движение на запад от Долинской. Этот отряд неожиданно оказался у Вознесенска, занял город и переправу и частично уничтожил обозы дивизий нашей армии. Последняя стояла к югу от линии Елисаветград — Голта, и потеря Вознесенска ставила ее в тяжелое положение. Генерал Бредов принял быстрые меры, и красные были с тяжелыми потерями изгнаны из города и бежали за Ингул.

Генерал Промтов, командир корпуса, был отличным артиллеристом; он мог, пожалуй, быть хорошим командиром корпуса в нормальных условиях, хотя и был скорее бюрократом, нежели полководцем; но Гражданская война требовала от командиров некоторого авантюризма. Этого в генерале Промтове не было. Генерал Бредов никак не мог побудить генерала Промтова перевести свой штаб в Николаев — чтобы править ло-

шадьями, надо сидеть позади лошадей, а не на соседней повозке. В конце концов войска II корпуса, сдав 29 января¹⁶¹⁵ Херсон и Николаев, приблизились к своему командиру корпуса и управление стало нормальным.

В составе II корпуса были и отличные войска, как, например, 11-я (?) пехотная дивизия генерала Шевченко¹⁶¹⁶, но была и казачья конная бригада генерала Склярова¹⁶¹⁷. Не помню сейчас, какая войсковая часть проявила неустойчивость, но преждевременное оставление Одессы было вызвано прорывом фронта II корпуса, который имел 3 естественные оборонительные линии — берег Буга, Тилигульский лиман и Березанский* лиман. Гораздо труднее была задача дивизий, прикрывавших Одессу с севера, — между железными дорогами на Вознесенск и на Слободку не было рубежей, перпендикулярных направлению вражеского наступления, но они все же удержали свои позиции.

Не приходится удивляться тому, что войска, за 60 дней отступившие на 400 верст, понизились в своих боевых качествах. Во время нашей стоянки на ст. Колосовка наблюдалось движение ненормально большого числа одиночных воинов в тыл, в Одессу. В те дни генерал Бредов находился в Одессе, совещаясь с генералом Шиллингом, армией же командовал полковник Штейфон. С решимостью, ему свойственной, он попытался пресечь эту утечку бойцов — на дорогах были поставлены конные заставы, а на станции Колосовка образован военно-полевой суд. Из первого поезда, пришедшего с севера, было высажено человек 20, не имевших документов, оправдывавших их поездку. Полковник Штейфон приказал мне отобрать двух для предания их суду. Я остановил свой выбор на пожилом вахмистре и молодом пьяном офицере. Суд приговорил их к смертной казни. Их повели на расстрел, но в последний момент казнь была отменена. Эта остратка подействовала — число дезертиров уменьшилось (или они избрали дороги, нами не контролируемые).

Подле станции были арестованы два «чобана» (пастуха), гнавших овец в Одессу на продажу. В них заподозрили большевицких агентов, что, возможно, не было ошибкою: при них были найдены огромные суммы денег. Полевой суд счел эту улику и признание арестованных

---

* На этой странице и на схемах указан Березанский лиман. Так его называли друзья моего отца, ружейные охотники, бившие там водяную птицу. Но теперь припомнил (и по карте убедился), что официально такого наименования не было: был[и] Аджигейский и Большой Аджигейский лиманы, параллельные Тилигульскому (примеч. Е.Э. Месснера).

достаточным основанием для смертного приговора. Несчастные были повешены на фонарных столбах на перроне. Такими казнями ничего не достигалось. Если есть аппарат сыска и следствия или если полевой суд осуждает захваченных на месте преступления, то казнь удовлетворяет добронамеренных и устрашает злонамеренных; если казни выполняются в порядке массового террора, то они и истребляют многих из тех, кого власть хочет истребить, и устрашают того, кого власть хочет утратить; но казнь двух случайно взятых чобанов бессмысленна. Кстати, после казни писаря штаба разделили между собой 200 тысяч рублей, найденных у пастухов; это — тоже маленький штришок к рисунку, изображающему упадок нравов, усиливавшийся по мере приближения конца Гражданской войны.

В Одессе никто не сомневался, что приближается если не конец войны, то конец Одессы. Все, что могло, бежало за границу. Уезжавшие платили огромные деньги за бриллианты и иностранную валюту. В городе остряли: у нас остался один лишь Шиллинг, да и тот со Штемпелем¹⁶¹⁸ (генерал Штемпель был одесским градоначальником). Каковы были административные способности генерала Шиллинга, главнокомандующего и главноначальствующего в Одесской области, я не знаю, но что он не был полководцем, сужу по тому прискорбному факту, что он из Одессы уехал в Крым, вместо того чтобы разделить участь своих войск. Вызвав к себе генерала Бредова, он ему сказал, что передает ему командование и приказывает отходить на Румынию. На вопрос, пропустит ли нас румынское правительство на свою территорию, он ответил, что Бухарест предуведомлен о нашем намерении интернироваться и что неполучение отказа от румынского правительства надо понимать как его согласие.

Наш поезд перешел из Колосовки на ст. Одесса-малая, а потом на ст. Одесса-главная. Генерал Бредов и полковник Штейфон целые дни проводили в городе, разбираясь в административном наследстве генерала Шиллинга и в эвакуационном хаосе; на мне же лежала вся оперативная работа — армия должна была возможно дольше удерживать подступы к Одессе, чтобы дать время для вывоза морем тысяч и тысяч людей. Но войска генерала Промтова как покатались от Долинской, так и не задержались до самой Одессы. Не завершив эвакуации, генерал Бредов был вынужден отдать приказ об отходе на румынскую границу (в те дни этой границей был Днестр, потому что Румыния присоединила к себе Бессарабию).

Правая колонна — Галицийская армия — должна была от ст[анций] Бирзула и Слободка идти на Рыбницу и перейти границу. Средняя ко-

лонна — войска, пришедшие из Киева и прикрывавшие теперь ст[анцию] Раздельная, — идти на Тирасполь в целях перехода границы; во главе этой колонны стал генерал Бредов. Левая колонна — II корпус генерала Промтова — минуя Одессу, должен был* от Куяльницкого лимана идти на Беляевку, где и переправиться через Днестр. Одесский гарнизон и беженцы под командою гвардии полковника Стесселя были направлены на Овидиополь, где замерзший лиман допускал переход по льду на бессарабскую сторону.

Прощание с семьей было на этот раз очень тяжелым — все предчувствовали, что остающиеся не увидятся больше с отходящими. Из семьи жены и моей дома остались лишь старики: генерал Калнин, мой отец и дядя Карл, а при них генеральша и две сестры генерала, моя мать, бабушка и две тетки. Поручик Калнин Михаил и доброволец Калнин Леонид, поручик Ферфолио Артуро (мой дядя) и доброволец Месснер Виктор (мой брат) были со мною — все, кто был способен носить оружие. Милуша тоже следовала со мною.

Когда комендант поезда увидел Милочку в моем купе, он сказал мне, что генерал Бредов запретил брать женщин с собою в поезд нашего штаба. Я ему ответил: «Раз генерал, как я сейчас узнал, заблаговременно отправил свою семью в Болгарию, а о наших семьях не позаботился и даже не сказал нам, что есть возможность послать их за границу, то он не имеет морального права приказывать нам бросить наших жен на произвол судьбы». Не знаю, доложил ли полковник Тарновский мои слова генералу, но жена и дочь полковника, а затем и жены двух-трех офицеров водворились в вагонах, а полковник был на другой день отчислен от должности коменданта штаба.

24-го января 1920 г.¹⁶¹⁹ вечером штабной поезд пошел к Тирасполю. Одесса была оставлена 26-го января¹⁶²⁰. Когда мы прибыли в Тирасполь, то узнали, что железнодорожный мост у города Бендеры был давно взорван. На десятиверстной колее от Тирасполя до моста стояла непрерывная вереница поездов. Генерал Бредов пошел на мост в сопровождении поручика Циммермана для переговоров о пропуске армии через границу. Началась трагедия побежденных.

Первый акт трагедии разыгрался на льду лимана у Овидиополя. Когда голова колонны полковника Стесселя — Одесский кадетский корпус и беженский обоз — дошли до середины лимана, с румынской

---

* Так в документе.

стороны был открыл пулеметный огонь, погубивший много юношеских и женских жизней*. А в это время с тылу наскочила конная бригада Котовского¹⁶²¹, бывшего разбойника, и довершила разгром колонны — кого порубила, кого увела в одесский застенок, кого до нитки ограбила.

Генерал Промтов также не был пропущен через Днестр у Беляевки — румыны уверяли его, что пропускным пунктом назначены Бендеры. Пока шли переговоры, бригада Котовского покончила с [о] Стесселем и ударила по II корпусу, поддержанная другими красными войсками. Жалкие остатки дивизии генерала Шевченко, без артиллерии и обозов, и командир корпуса со штабом пришли через 2 дня в Тирасполь. А у нас все продолжались переговоры. Командир румынского корпуса советовал идти к Беляевке, где, как ему было известно, правительство установило пропускной пункт для нашей армии. Относительно же пропуска у Бендер он еще не получил ответа из Бухареста. Нельзя было сомневаться в отрицательном смысле этого ответа — румынские саперы взрывали у Бендер днестровский лед в местах, где берег допускал съезд к реке и подъем на бессарабскую землю.

У нашего поезда томились десятки офицеров в качестве ординарцев, ждавших приказа для перехода реки; их прислали командиры и начальники частей и учреждений, опасавшихся, что штаб позабудет о [б] их существовании. Начальник отдела пограничной стражи престарелый генерал-лейтенант Орлов¹⁶²² каждые полчаса говорил полковнику Штейфону: «Не забудьте, ваше превосходительство, о пограничной страже». Скромный Штейфон, не выдержав, сказал старику: «Вы изволите видеть, что я — полковник. Зачем же Вы меня величаете превосходительством?» «По должности, ваше превосходительство, по должности!»

Наш штаб осаждали штаб- и обер-офицеры, доктора: у того не хватает продовольствия, у иного — патронов, тот не знает, что делать с больными, и все плачутся, что не могут покинуть свой поезд, потому что их части не имеют обоза.

---

* На берегу Днестровского лимана скопившаяся колонна из одесского гарнизона и беженцев имела в своем составе и Одесский кадетский корпус — кроме старшего класса, который почти полностью пошел в предшествовавшем году в бригаду генерала Тимановского, с нею попал в Тульчу, а потому в Белую Глину для формирования артиллерийских батарей. Кадетики и были первыми пострадавшими на льду лимана от огня бессердечных румын — даже детям не захотели дать убежища (*примеч. Е.Э. Месснера*).

Доклад генералов Промтова и Шевченко об отказе румын дать пропуск у Овидиополя и Беляевки и взрывы на льду у Бендер привели генерала Бредова к решению силою ворваться в Румынию, дойти до Прута и там, защищаясь, ждать, чтобы вмешались англо-французы, обещавшие в Одессе и Екатеринодаре, что румынское правительство примет нашу армию. Был написан приказ, и все зашевелилось, готовясь к форсированному переходу Днестра. Впереди должны были идти обозы с ранеными и больными, подняв флаги Красного Креста; за ними — 7-я дивизия, имевшая задачу прикрыть с запада пункт переправы; потом прочие войска; а прикрытия переправы с востока было возложено на конницу генерала Склярова и полковника Попова. Но когда санитарные транспорты стали сходиться на сборный пункт, генерал Шевченко вызвал по телефону генерала Бредова и сообщил ему, что генералы Скляров (казаки) и Скалон (гвардия), не веря в возможность прорыва в Румынию, решили отделиться от армии и идти в Польшу*. Мы не могли получить к телефону этих «самоопределившихся» генералов — не то они не желали разговаривать, не то уже начали свой поход. На вопросы генерала Бредова генерал Шевченко ответил, что его крошечная дивизия не может вместо казачьей бригады сыграть роль арьергарда; а генерал Непенин, начальник 7-й дивизии, сказал, что при создавшемся положении не хватит сил для сопротивления румынам по переходе реки. И генерал Бредов решил двинуться с армией к пределам Польши.

---

* Зачинщиком самовольного ухода из-под Тирасполя из состава армии генерала Бредова был генерал Скляров, спевшийся втихомолку от нашего штаба с генералом Скалон[ом]. Донские казаки вообще проявляли в Гражданскую войну много своеволия (кубанцы были дисциплинированнее и воинственнее). Своеволье под Тирасполем — Бендерами было основано на таком «шкурном» рассуждении: обоз пехотных дивизий генерала Бредова мал и поэтому тяжел; нет повозок для подсаживания утомленных пехотинцев; поэтому эти дивизии будут идти медленно: если им и удастся переправиться через Днестр, то углубиться далеко на румынскую территорию не успеют — румыны подтянут войска и отбросят Бредова назад через Днестр. Казаки же, будучи конными и бросивши пехоту на произвол ее судьбы, успеют уйти в Польшу, пока красные наберутся с силами, чтобы переродить путь. Гвардейская дивизия генерала Скалона тоже была подвижна, как конница: проходя по районам немецких колоний, гвардия набрала много шарабанов с отличными лошадьми и весь свой (немногочисленный) состав офицеров и солдат посадила на подводы. Поэтому и для нее, при ее сниженной этике, «не было смысла» оставаться при армии прижатого к переправе Бредова: «Спасайся, кто может!» — вот каков был сигнал, вот какова была оперативная идея Склярова и Скалона (*примеч. Е.Э. Месснера*).

Ночь была дана на приготовления, а холодным январским утром мы пошли на север. В голове шла 7-я дивизия, в хвосте — Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии. Бунтовщикам — генералу Скалону и Склярову приказано было в качестве бокового авангарда прикрывать наш марш со стороны железной дороги Раздельная — Жмеринка. Наша колонна напоминала нам картины, иллюстрирующие эпоху переселения народов; воины попеременно с женщинами и детьми на телегах, нагруженных всяким скарбом. Колеса превращали снег на дороге в лед, поэтому задние забирали вправо и влево, расширяя дорогу шире екатерининских шляхов. На спусках и подъемах обледеневший снег создавал едва преодолимые затруднения; на одном подъеме Милочке пришла в голову счастливая мысль: посыпать лед отрубями из близ стоящей мельницы. Части разрывались, обозы терялись, а в довершение сумятицы «пираты» пересекали колонну, угрожая пулеметами тем, кто не желал их пропустить; «пиратами» мы называли символические гвардейские полки, которые своевременно запаслись в немецких колониях бречками, легкими фургонами и отличными лошадьми и теперь перемещались куда хотели, не считаясь с предписаниями приказа для походного движения и ночлега. Только необыкновенной энергии генерала Бредова и полковника Штейфона надо приписать, что на 7-й день марша армия приобрела надлежащий вид: по правой дороге двигался боковой арьергард (пиратство прекратилось), по средней — главные силы, а вдоль реки шла колонна обозов, защищаемая от украинских партизан дивизией генерала Ткаченко.

Наш штаб не имел перевозочных средств. Гражданская война 1918–20 гг. была «войной на рельсах». При развале российской армии в конце 1917 года на театре войны (т.е. в западных губерниях и в Румынии с Бессарабией) осталось великое множество повозок и лошадей; прочие же части России оказались обездоленными в 1914–16 год повторными сдачами перевозочных средств по военно-конской и военно-повозочной повинности. Поэтому ни Добровольческая, ни Красная армии почти не имели обозов — поезда служили вместо армейских, корпусных, дивизионных* и полковых транспортов и обозов и были подвижными жилищами для штабов и иногда даже для войск. В Киеве наш штаб бросил автомобили вследствие отсутствия бензина, резины и запасных

---

* Так в документе.

частей. И мы в поезде имели лишь экипаж командующего армиею и 2 повозки для фуражиров (которые закупают не столько фураж для этих шести лошадей, сколько продовольствие для 200 человек). Но у Тирасполя стоя, наш комендант раздобыл несколько повозок; мне досталось три: одна под офицерские вещи (на ней ехала Милочка, не выпуская из рук заряженного карабина), вторая под канцелярию и писарские вещи и третья — воловья запряжка — под топографические карты. Волы пристали после первых 50-ти километров пути, и мы их бросили, уничтоживши карты. На походе мы раздобыли сани-дровни, чтобы везти наших больных, заразившихся сыпным тифом, потому что тираспольский военный госпиталь, вывезя всех сыпнотифозных, не имел возможности на ночлегах их изолировать — мы все спали попеременно с сыпнотифозными.

Милушин брат Миша заболел первым, а за ним и другой ее брат, а также и мой брат; к ним присоединились князьки Святополк-Мирский и Абамелек, киевские юноши, которых отрядили ко мне чертежниками. В конце похода наступила оттепель, и кони едва волокли по грязи дровни с пятью больными, но я сказал старшему писарю Иванову (отличный сотрудник мой, из бывших полицейских), что расстреляю его, если он бросит нашу молодежь на большевицкую расправу. Иванов довез всех до польских госпиталей.

В строевом отделении штаба по-прежнему числились полковник Збутович и подполковник Кобылянский; к капитанам Михайловскому и Образкову добавился капитан Львов, мой давнишний помощник; в последний момент в Одессе попросился ко мне поручик Штайгер¹⁶²³, с которым мы так холодно расстались при демобилизации 15-й дивизии; к прежним четырем оперативным мальчикам добавился юный поручик Тарновский; поручик Циммерман и военный топограф дополняли состав отделения — итого со мною 14 человек и сверх того 5 писарей и чертежников. На походе мы все шагали, не выполняя штабных функций, а на ночлеге работали мы с Циммерманом, три старших офицера сменялись ночью каждые два часа в качестве дежурных по строевому отделению, пять младших офицеров и писарь Иванов окарауливали ночью наш обоз и коней; мои штаб-офицеры работы не несли.

Не имея верховных лошадей, мы не могли следовать за экипажем, в котором на походе передвигались генерал Бредов и полковник Штейфон. Следовать же за ними на нашей повозке было невоз-

можно: в колонне все пропускали генеральский экипаж, но повозку нашу затирали. Поэтому штаб мог работать только на ночлегах. Но, отшагавши в течение целого дня, нелегко было работать бóльшую часть ночи.

Армия проходила в день около 35 верст (в среднем). Если для одиночного человека это — большой переход, если для маленького отряда это — форсированный переход, то для армейской массы это — переход сверхсильный. Вытягивание в колонну, мучительно медленное движение без большого привала (каждая часть останавливалась на привал по своему усмотрению, давая себя обогнать задним и затем, в свою очередь, обгоняя их, когда они станут отдыхать), размещение по квартирам — все это поглощало 16–17 часов. Потом начиналось приготовление пищи по хатам, печение коржей вместо хлеба и раздобывание «самогона», необходимого для подкрепления сил (случилось, что даже Милочка, никогда хмельного не бравшая в рот, выпила, по общему настоянию офицеров, чуть ли не $\frac{3}{4}$ стакана этой отвратительной сивухи, потому что ее силы уже пришли к концу). Ужин был единственной едой в течение суток — на походе жевали мы коржи. После ужина оставалось часа 4 на сон. Спали вповалку, не раздеваясь и держа оружие наготове.

Второй ночлег был в д. Быхватинцы. Спуск в деревню был так крут, что повозки были оставлены на дороге, а под кров отправились лишь люди и кони. Возвратившись наутро к повозкам, мы узнали, что несколько караульчиков, спавших на возах, замерзло насмерть.

На третьем переходе пришлось вступить в бой с бронепоездом и красной пехотой, пытавшимися преградить нам переход через железнодорожную линию Слободка — Рыбница. Артиллеристам пришлось израсходовать несколько снарядов — а их было счетное число сотен на всю армию. В тот же день и полковник Попов сразился с неприятелем, наседавшим сзади.

В конце четвертого перехода хвост колонны заночевал на дороге — в селе не было места. Я с вечера пошел к своему начальству, чтобы писать приказ на следующий день и вообще нести свои обязанности, и я думал, что обозы утрясутся и втиснутся в село, рассчитывая при этом, что 12 моих офицеров сумеют позаботиться о моей жене. Милочка сперва заснула на подводе, а потом продрогла, когда проезжавший казак украл покрывавший ее резиновый плащ. Тогда Милуша в полночь отправилась меня искать, инстинктом, в полной темноте, в лаби-

ринте деревенских улиц нашла она дом, где помещался генерал. Я ее чем-то накормил и нашел на полу местечко, где она могла заснуть. Этот ночной подвиг избавил ее от гибели или, во всяком случае, от большой опасности: на рассвете красная конница отхватила часть обозов, заночевавших вне села, другая часть их в панике бросилась в деревню. К счастью, красные захватили и обоз Волчанского партизанского отряда; тогда отряд вспомнил о своей бывшей боевой энергии и смелой атакою отбросил красных и отбил свои повозки и часть иных обозов. Но все же красные увели с собою и богатую добычу и немало офицеров, солдат и женщин. Это неожиданное нападение удалось потому, что штаб не имел средств вести разведку, а войска не имели сил выставлять сторожевое охранение. Лишь плохое качество красных войск и командования ограждало нас от každонощных подобных сюрпризов.

Пятый переход закончился в м. Семидубы*. Генерал Бредов дал армии дневку. Во-первых, она устала, а во-вторых, надо было привести ее в состояние годности для боя: нельзя было не предвидеть, что на линии Жмеринка — Могилев-Подольск[ий] нас встретят красные войска. Были собраны все командиры полков, отдельных батальонов, команд и т.п. — от этих воинских частей уцелели лишь штабы, большие обозы и малое число бойцов. Генерал Бредов распределил всю эту мелочь между полками дивизии, а эти полки приказал переформировать в трех- и даже двухбатальонные в соответствии с наличием людей. Под страхом предания полевому суду вся реорганизация должна была быть закончена в течение 4-х часов.

---

* Должен исправить ошибку: село Семидубы было не пятым нашим ночлегом, а первым. А пятый ночлег и дневка были в местечке, наименование которого я забыл.

Боевая стычка полка полковника Попова с конной дивизией Котовского недалеко от Рыбницы (здесь славные нижегородцы отразили наступление большевицкого «полководца» из уголовных преступников) была, по-видимому, в реляциях красных штабов изображена большой победой над нами: одно местечко (теперь, вероятно, городишко), подле которого случился этот боевой эпизод, получило наименование Котовск в честь «победителя». После этой «победы» над нами полки Котовского нас не преследовали, а только робко следовали за нами на благоразумном удалении; «побежденные» же не только спокойно продолжали свой марш, но даже сделали дневку, не будучи никем тревожимы (*примеч. Е.Э. Месснера*).

Я доложил начальнику штаба, что наш обоз чрезвычайно перегружен и кони не дотянут до следующего ночлега. Полковник приказал сократить багаж каждого офицера до 1 пуда, а семейного до 3-х пудов. Для примера прочим мы с Милочкой перебрали свои пожитки. Ее меха, платья, обувь, полотно ее еще не сшитого приданого, мое белье было оставлено домохозяину-еврею, которому я обещал щедрую награду, если он сохранит вещи до моего возвращения (о, двойной оптимизм — вера в возвращение наше и в сохранность вещей!). Излишнее обмундирование я выбросил. Его сейчас же разобрали денщик, обозный ездовой, писаря, и на другой день моя повозка оказалась нагруженной почти по-прежнему, с тою лишь разницею, что часть вещей перестала мне принадлежать.

Другие офицеры не обратили никакого внимания на приказ, и поэтому на следующий день наш обоз едва полз, а к концу седьмого перехода, хотя и сравнительно небольшого, отстал так, что остался один в чистом поле. А сзади появился эскадрон красной конницы. Мы приготовились к отражению атаки. Словно почуяв о нашем отчаянном положении, полковник Штейфон прислал в виде конвоя полусотню казаков. Но по их лицам было видно, что в случае вражеской атаки станичники немедленно кинутся «до лясу». Впрочем, красные были не менее робки, чем казаки, и на нас не напали. Надо отметить, что в опасные минуты — а их было немало во время этого похода — Милочка сохраняла полное спокойствие.

Против нашего ожидания красные нас не остановили на железнодорожной линии Жмеринка — Могилев-Подольск[ий] — они ушли на север, испугавшись, по-видимому, что будут зажаты между нами и поляками. Лишь боковой авангард имел столкновение неподалеку от г. Бар и оттеснил красных, а в Могилев-Подольске не то красные, не то жовто-блакитные* (украинцы) напали на наши обозы.

Пересекши указанную линию, командующий армией решил снова сделать дневку — она была нужна не столько для отдыха, сколько для сбора сведений о поляках — о занимаемой ими линии, о их боевой деятельности, о качестве их войск и о расквартировании высших штабов. Жители нам охотно дали все справки. Эта дневка совпала с днем рождения Милуши. Я устроил пир — у хозяйки дома, где мы стояли, заказал жареного гуся — любимое кушанье «новорожденной». При-

---

* В документе неточно — жовто-бланкитные.

глашенные офицера так развеселились, что даже плясали с дочками хозяйки под звуки их граммофона*.

12 февраля¹⁶²⁴ днем подле Новой Ушицы мы соприкоснулись с поляками. Ехавший во главе колонны генерал Бредов был весьма удивлен, когда польский офицер встретил его словами: «Уполномоченный пана генерала был здесь вчера и сообщил, что пан генерал изволили прибыть со своею славною армией, чтобы поступить на службу Речи Посполитой для борьбы против красных». Оказалось, что капитан Яковлев со своим Волчанским партизанским отрядом, тайно отделившись от армии, прибыл накануне в Новую Ушицу и самозванно вел переговоры от имени генерала. Но надо признать, что вследствие его лжи поляки нас встретили не пулями, а приветствиями. Яковлева мы больше не встречали; говорили, что он нанялся со своим отрядом на польскую службу.

Армии был отведен квартирный район, а генерал проехал в Каменец-Подольск[ий] для переговоров с командующим польской армией. Последний удивился, что мы не намереваемся служить Польше, но договорился с нашим генералом, что мы займем боевой участок к западу от г. Бар и обязуемся удерживать его, пока из Варшавы не придут указания.

Сыпнотифозные, больные и раненые были свезены в одно село, где поляки снабдили наших врачей медикаментами; строевые части получили боевые задания и местными атаками выправили линию фронта.

Бредовский поход был закончен. В стужу, а потом в оттепель, следившую дорожки труднопроходимыми, мы в 12 дней прошли 350 километров, имея слева, за Днестром, бдительных недружелюбных ру-

---

* На второй дневке, совпавшей с днем рождения Милуши, оперативное отделение «пировало». Мы уже отмахали 350 верст, мерзли, голодали, теряли последние силы на марше, отбивались от врага, прижимавшего нас к враждебной румынской границе, пережили катастрофу, постигшую Вооруженные силы Юга России, шли навстречу неизвестному будущему — интернируют ли нас поляки, возьмут ли в союзники или позволят красным на своих глазах уничтожить нас? — но никому из нас не было 30 лет от роду, и все мы были закаленные воины. Поэтому именной пир был беззаботным, и мы на нем были (без обильной выпивки) бодры. Мы пели: Пусть свищут пули, льется кровь, / пусть смерть несут гранаты, / мы смело двинемся вперед. / Мы — русские солдаты. / В нас кровь отцов-богатырей. / И дело наше право. / Сумеет честь мы отстоять / и умереть со славой. / Мужайтесь, матери, отцы, / терпите, жены, дети — / для блага родины святой / забудем все на свете. / Вперед же, братья, на врага! / Вперед, полки лихие / Господь за нас: мы победим! / Да здравствует Россия! (примеч. Е.Э. Месснера).

мын, а справа, спереди и сзади — красные войска. Мы не имели продовольствия, а огнеприпасы приходилось беречь до скупости, потому что негде было пополнить наши ничтожные запасы. Артиллеристы были принуждены часть своих пушек сбросить в Днестр (чтобы они не достались врагу). Это пришлось сделать, потому что батареи лишились части лошадей, павших вследствие переутомления и недоедания. А сколько людей из-за недоедания и переутомления осталось по селам или просто на дороге! Поход выдержали лишь крепкие духом и физически выносливые.

Главнокомандующий генерал Врангель установил для участников этого похода особый нагрудный знак, чтобы оценить подвиг вышедших из безвыходного положения*.

Полковник Штейфон был послан в с. Ярмолинцы для встречи с ротмистром князем Радзивиллом¹⁶²⁶, личным адъютантом президента Пилсудского, прибывшим для ведения переговоров. Князь проявил исключительную доброжелательность к нам и выработал с полковником Штейфоном почетный для нас договор об интернировании: Польша

---

* Участникам 1-го Кубанского генерала Корнилова похода был присвоен значок на георгиевской ленте, изображенный на прилагаемом рисунке (не публикуется. — А.Г.). Не только участие в походе было подвигом, но для многих был подвигом и прорыв с Севера России на Дон для вступления в армию генерала Алексева.

Мне рассказывал один из первопоходников, полковник Эйхенбаум¹⁶²⁵, что он в 1915 году осенью, командуя ротой, выиграл однажды в карты фантастическую сумму в 2000 рублей. Он позвал фельдфебеля и обсудил с ним, кто из солдат роты имеет особенно нуждающуюся семью, которой следовало бы помочь. Составлен был список, и капитан Эйхенбаум тайно послал деньги женам или родителям нескольких солдат. Тайное не осталось тайным — солдаты узнали.

В декабре 1917 г. Эйхенбаум пробирался на Дон. На одной станции его и многих офицеров вытащили из поезда и повели в революционный трибунал. Судьями были жуткого вида солдаты. И приговоры были жуткими — к стенке! Когда дошла очередь до Эйхенбаума, то один из судей вскочил и, обращаясь к своим сотоварищам, крикнул: «Не дам судить мово братишку!» Он подошел к Эйхенбауму и как бы прикрыл его собой. Судьи ответили: «Да бери его себе!» А в это время их позвали ужинать, и они ушли. А стоявший подле Эйхенбаума судья спросил его вполголоса: «Не узнаете меня, ваше благородие? А я вас помню. Моей семье вы 200 рублей послали. Скоро пойдет поезд. Пойдемте, я вас посажу. Счастливого пути вам!» Эйхенбаум ему говорит: «Со мною несколько приятелей. Нельзя ли им со мною?» «Зачем нельзя? Можно. Которые они?» И Эйхенбаум наугад указал на десяток офицеров, ждавших суда. Признательный судья всех их усадил в отходивший поезд, который далее уже беспрепятственно перешел границу Донской области. Эйхенбаум вспомнил, что солдата звали Горелкин (*примеч. Е.Э. Месснера без привязки к основному тексту*).

дает нам возможность выехать, как только представится возможность отправиться нам в Крым на присоединение к Вооруженным силам Юга России; сданное полякам оружие остается нашей собственностью и будет армии возвращено при ее отъезде; мы отдаем полякам обоз и лошадей, но Польша заплатит офицерам и казакам за собственных лошадей; стоимость казенного имущества покрывает часть расходов Польши по содержанию интернированных. Армия будет размещена по лагерям, сохранив свою организацию и внутренний уклад; офицерам было предоставлено право ношения револьвера — эта необычная для интернированных привилегия была дана потому, что, как заявил полковник Штейфон, офицеры Добровольческой армии никогда не расстаются с револьвером, видя в нем средство не попасть в руки врага: револьвер дает возможность предпочесть самоубийство плену. Впрочем, мы недолго пользовались этой привилегией. Гвардейские офицеры, проезжая через Станиславов, перепились и на улицах стали стрелять из револьверов. В результате нас заставили в каждом лагере сложить револьверы в ящик.

Договор этот был ратифицирован военным министром генералом Соснковским¹⁶²⁷ и генералом Бредовым. После этого я был послан в Ярмолинцы для выработки с князем Радзивиллом деталей интернирования. Князь и полковник Домбровский (?), начальник ярмолинского гарнизона, вели переговоры в самом дружелюбном тоне. Они, например, без возражений согласились на мое пожелание, чтобы слова «сдача оружия» были заменены выражением «депонирование», как менее унижительным.

Мне с женой отвели квартиру в еврейском доме — в жизни моей я не видел подобной грязи в комнатах и на дворике. Ортодоксальный еврей протестовал, что к нему вселили «гоя», но когда князь Радзивилл сделал мне визит, то домохозяин стал нас называть «ясновельможная пани» и «ясновельможный пан». Впрочем, мы у него простояли дня два, а потом перебрались в дом лесника на опушке леса и у околицы местечка. Сюда же прибыла и большая часть офицеров строевого отряда для несения наряда — у околицы один офицер встречал прибывавшие войсковые части и давал им письменную инструкцию о порядке интернирования, а другой офицер следил на площади у вокзала за выполнением обеими сторонами этой инструкции. Я же улаживал мелкие недоразумения (крупных не было).

Меня удивляло, что на дорогу к околице выходил не только дежурный офицер, но и все свободные от наряда «оперативные мальчишки». Много

позже узнал я причину этого служебного рвения — они уверяли казаков, что польское правительство едва ли заплатит за лошадей, а уверивши, покупали коней и с хорошим барышом продавали их в окрестных селах. Так мой оперативный «монастырь» превратился в «вертеп разбойников».

Наша пехота направлялась в лагерь Пикулинце подле Перемышля, гвардия — в Щалкув в Западной Польше, казаки и конница — в Дембию у Кракова. Впоследствии был образован еще лагерь Александрия для выписывавшихся из госпиталей.

Когда наладилась процедура интернирования, меня послали квартирьером в Пикулинце, где надлежало разместиться и штабу армии. Нас с Милочкой пропустили через поезд-баню, наши вещи попортили в дезинфекционной камере, и мы пассажирским поездом поехали в Перемышль. Под Перемышлем я был в 1914 году, когда его атаковала армия генерала Радко-Дмитриева¹⁶²⁸. Под Перемышлем я был в 1915 году, когда мы его защищали от армии фельдмаршала Макензена¹⁶²⁹. И теперь в 1920 году пришлось быть в третий раз под Перемышлем, но уже на положении интернированного. Эти три даты разделяют неполных 6 лет, но сколько пережито за эти немногие годы: столько не переживали поколения наших предков за целую жизнь.

Но удары судьбы не сломили нас. Идя сейчас как бы в плен, мы — во всяком случае большинство из нас — не думали о завершении войны этим пленом: он представлялся нам маленьким перерывом борьбы. Мы хотели продолжить борьбу, и мы ее продолжили.

Буэнос-Айрес
1955 [г.]
Месснер

BAR. E.E. Messner collection. Box 3. Месснер Е.Э. Мои воспоминания. Ч. 4. Л. 201–245. Машинопись с рукописной правкой.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

О сепаратизме атаманов Б.В. Анненкова и Г.М. Семенова. Письмо полковника Г.М. Семенова генерал-майору Б.В. Анненкову. 25 мая 1919 г.¹⁶³⁰

В последние годы в историографии возобладало несколько идеализированное представление о деятельности лидеров Белого движения в

Семиречье и Забайкалье Б.В. Анненкова и Г.М. Семенова¹⁶³¹. Обнаруженный мною в фонде штаба 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа РГВА машинописный документ проливает свет на до сих пор малоизвестный аспект истории Гражданской войны на Востоке России — закулисные переговоры лидеров казачества, направленные на подрыв власти адмирала А.В. Колчака.

Публикуемый документ не нуждается в комментарии. Он представляет собой подлинное письмо полковника Г.М. Семенова вождю Белого движения в Семиречье генерал-майору Б.В. Анненкову. Письмо датировано 25 мая 1919 г. и представляет собой ответ на приветствие посетившей Семенова делегации анненковцев во главе с полковником Соколовым и есаулом Бяковым. В этом документе Семенов прямо писал о необходимости выступления против «великодержавных тенденций омского правительства». По всей видимости, он в этих намерениях рассчитывал на поддержку Анненкова, пытаясь сколотить коалицию против Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Стремясь хоть как-то обосновать свою позицию, Семенов упоминает даже невесть откуда взятое германофильство колчаковского правительства. Характерно, что письмо составлено всего за два дня до признания Семеновым Колчака как Верховного правителя¹⁶³², что позволяет усомниться в искренности этого шага Семенова.

* * *

Атаман
Дальневосточных казачьих
в о й с к
Мая «25» дня 1919 года
№° ..-..
г. Чита.

Глубокоуважаемый Борис Владимирович!

Сердечно благодарю Вас за приветствие, переданное мне от Вашего имени есаулом Бяковым.

Несмотря на затрудненность сообщений и неисчерпывающую информацию, полученную мною от командированных Вами представителей полковника Соколова и указанного есаула Бякова, для меня совершенно ясно и определенно установлен характер Вашего тяжкого

служения Родине, и Ваш бескорыстный и беззаветный подвиг служения ей позволяет мне с чистым сердцем и спокойной душой протянуть Вам братскую руку для дальнейшей совместной работы в деле воссоздания великой и могучей России, водворения в ней порядка и законности и окончательного уничтожения гнусных предателей Родины большевиков.

Великодержавные тенденции омского правительства и стремления его к самой крайней централизации в связи с неудачной финансовой политикой, совершенно аннулировавшей наш рубль, а также совершенно точно установленное и обнаружившееся германофильское направление в области внешней политики создают чрезвычайно трудные условия совместной работы с ним.

Однако обстоятельства настоящего момента таковы, что, к моему глубокому сожалению, я лишен возможности открыто объявить о своем отношении к нему, но в недалеком будущем такой момент наступит, и я открыто заявлю о недопустимости дальнейшего преступного толкания нашей пострадавшей Родины на путь авантюристической германофильской политики.

Будучи горячим сторонником незабвенного русского патриота Лавра Георгиевича Корнилова, я в своем понимании нужд и интересов нашей многострадальной Родины следую всецело его заветам и твердо и не[у]клонно, пока позволят мне силы и обстоятельства, буду проводить их в жизнь.

О каждом важном и решительном мероприятии я своевременно буду ставить Вас в известность.

Итак, с Богом в добрый путь за единую, великую могучую Россию.

Примите мой сердечный привет и братский поцелуй, глубокоуважаемый Борис Владимирович, и помните, что в общем деле борьбы за Родину я всегда с Вами и за Вас.

Уважающий и преданный Вам атаман *Семенов*

Представителем Вашим и получить ответ очень хотел бы видеть этого же офицера.

РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 62. Л. 126–126об. Подлинник. Машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

Воззвание офицеров и солдат ижевцев и воткинцев о самовольном оставлении ими рядов армии.

Лето — осень 1919 г.¹⁶³³

Публикуемый документ представляет собой воззвание группы офицеров и добровольцев ижевских и воткинских частей во главе с полковником А. Ниловым. Документ наглядно демонстрирует порядки, существовавшие в 1919 г. в войсках адмирала А.В. Колчака, и позволяет, в некоторой степени, приблизиться к пониманию причин поражения белых на Восточном фронте. До 1917 г. немыслимое воинское преступление — самовольное оставление рядов воюющей армии, — исходя из текста воззвания, представляется его авторам явлением само собой разумеющимся. Достаточно характерны и сами авторы — это, в основной своей массе, тыловые офицеры военного времени. Датировка в документе отсутствует, однако из текста можно понять, что он мог быть составлен лишь в период с середины июля по начало ноября 1919 г. На мой взгляд, публикуемое воззвание отражает целый комплекс противоречий, характерных для любой воюющей армии и многократно усилившихся в России в период революций и Гражданской войны.

В первую очередь, это конфликт фронта и тыла — в данном случае налицо непонимание составителями воззвания действий главнокомандующего армиями Восточного фронта генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса по отправке формирующихся частей на фронт. Затем, политические противоречия между традиционно левыми ижевцами и воткинцами и убежденными монархистами, какими являлись генералы М.К. Дитерихс и К.В. Сахаров. Наконец, это антагонизм между «белой» и «черной костью» — между кадровыми офицерами с академическим образованием, стоявшими во главе Восточного фронта, и офицерами военного времени, составлявшими основную массу младшего и среднего офицерского состава. Как мне представляется, все эти противоречия, разъедаая армию Колчака изнутри, объективно способствовали ее военному поражению. Кроме того, воззвание отражает и еще один прискорбный для Белого движения на Востоке России факт — неспособность армейского командования наладить в войсках жесткую дисциплину, без которой победа едва ли возможна.

Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей.

Копия с копии.

Письмо
Ижевцы — Воткинцы, чехословаки
и все честные граждане России

Мы, группа офицеров Ижевцев и Воткинцев, видя тяжелое положение фронта, слыша приказ Верховного главнокомандующего, зовущий всех, кто любит истерзавшуюся мать Р о с с и ю, идти добровольцем в армию, с первого же дня, с первого же призыва Верховного вождя, отдали все свои силы на воссоздание старых родных нам Ижевской и Воткинской дивизий.

В тяжелых условиях, почти не имея средств и авторитетных полномочий, повели работу по воссозданию добровольческой армии, но на первых же порах своей деятельности столкнулись со старыми приемами, со старыми навыками, оставшимися* от проклятого погубившего Россию царизма, которые в корне мешали живой работе в течение целых четырех месяцев, привлекая к себе все новых и новых сотрудников, мы были почти уже у цели: в окрестностях города Омска из бывших солдат Прикамской армии¹⁶³⁴ была уже в конце формирования Отдельная Ижевско-Воткинская бригада; в это же время посылались пополнения, в целом ряде городов Сибири были разосланы вербовщики добровольцев, и казалось, что все власти должны были содействовать нам в нашей работе, но так думали мы, слишком любившие родину, не так делали штабы, не так думал главнокомандующий фронтом генерал-лейтенант Дитерикс¹⁶³⁵ и его ближайшие сотрудники: официальными приказами поддерживающие добровольческие формирования и неофициально всеми силами препятствующие** этому делу.

Боевым приказанием командующего третьей армией генерала Сахарова¹⁶³⁶, подтвержденным*** главковостоком генералом Дитериксом, было отменено признанное Верховным главнокомандующим адмира-

* В документе несогласованно — оставшегося.

** В документе несогласованно — препятствующими.

*** В документе несогласованно — подтвержденного.

лом Колчак формирование уже почти законченной 2-й Ижевской и Воткинской бригады, и отправили ее маршевыми батальонами на фронт, из оставшегося небольшого количества, а также из вновь поступающих добровольцев, мы приступили к формированию разрешенного* Начальником добровольческих формирований добровольческого батальона.

Еще раз почти законченная работа опять разрушена вторичным приказанием генерала Сахарова, опять поддержанным** главквостком, причем [предписывалось] закрыть и приемно-вербовочный пункт, что означало уже прямое выступление против добровольческих формирований.

Вследствие данного нежелания генерал-лейтенанта Дитерикса, ставящего вполне определенные тормозы нашей работе, и видя полную невозможность оставаться [на] таких условиях в рядах армии, возглавляемой Дитериксом, мы вместе с добровольно согласившимися солдатами, оценившими нашу работу на пользу родине, за свободную Россию, отправляемся в другую армию¹⁶³⁷, где и отдадим все свои силы.

Вас же, друзья ижевцы, воткинцы и чехословаки, умоляем, берегите фронт, не смущайтесь нашим вынужденным уходом, помогите Верховному вождю адмиралу Колчак в его огромной ответственной работе.

Сплотитесь тесней, выбрасывайте негодные элементы... и еще раз умоляем слезно... берегите фронт и не судите нас очень строго за наш вынужденный уход. Помните одно, что настоящая Омская власть не вечна, что мы идем к Учредительному собранию той дорогой, по которой смело идет и наш Верховный правитель адмирал Колчак.

Да здравствуют доблестные герои ижевцы и воткинцы.

Наздар¹⁶³⁸ братьям чехословакам.

Долой большевиков.

Подлинный подписали:

Полковник Нилов¹⁶³⁹, подпор[учик] Ходырев, прап[орщик] Малинин, пор[учик] Кондратьев, доброволец Попов, добров[олец] Ущицкий, шт[абс-]кап[итан] Макаров, прап[орщик] Хробтов, пор[учик] Адашек, прапор[щик] Золотарев, прапор[щик] Гусев, подпор[учик] Зорин, подпор[учик] Палтов, прап[орщик] Нестеров, юнкер Афанасьев, шт[абс-]кап[итан] Каленчин, пр[апорщик] Швемов, прап[орщик] Мошовитин,

* В документе несогласованно — разрешенной.

** В документе несогласованно — поддержанный.

поруч[ик] Прелевский, прапор[щик] Вахрушев, подпор[учик] Агафонов, прапорщ[ик] Негодин, прапорщ[ик] Ушинский, прапорщ[ик] Гридягин, прапор[щик] Лабнин.

С подлинным верно:

прапорщик*

РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–1об. Заверенная машинописная копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

О состоянии Минской ЧК в 1919 г.

Документ 1. Копия доклада о состоянии Минской ЧК, направленная председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому. 21 августа 1919 г.

Копия

Секретно

Председателю В.Ч.К. тов. Дзержинскому

Неся на себе ответственность за политическую линию в Литве и Белоруссии, Ц.К. Коммунистической партии Литбел¹⁶⁴⁰ ни в коем случае не может взять на себя ответственность за политическую линию Ч.К. Литбел, так как был лишен возможности так или иначе воздействовать на нее. Несмотря на то, что от Президиума В.Ч.К. была получена на имя тов. Мицкевича-Капсукаса телеграмма, согласно которой под его контролем должны были находиться заложники, и высказано было пожелание, чтобы партия контролировала действия Ч.К., на самом деле ничего нам не удалось на месте добиться: Ч.К. не желала считаться с партией; действовала совершенно самостоятельно и этими действиями иногда не укрепляла пролетарской революции, а вредила ей, так как создавала враждебное к нам отношение рабочих масс.

Для иллюстрации бесконтрольного поведения Ч.К. Литбел считаем нужным привести ряд фактов, о которых известно широким кругам партийных товарищей Литбел.

Еще раньше мы сообщили о расстреле в Минске без уведомления организации двух польских коммунистов: т. Квека и т. Занко¹⁶⁴¹, отно-

* Подпись неразборчива.

сительно виновности которых нам ничего не могли сказать представители Ч.К. Литбел. С их делом до сих пор нам не дали возможности познакомиться, несмотря на наше неоднократное обращение.

Расстрел этих двух коммунистов — это только наглядный пример того, как работала наша Ч.К. и как выносились там смертные приговоры. Относительно последнего у нас имеются некоторые сведения. Случайно член Ц.К.В.С.* Мицкевич был один раз на заседании «Тройки» (т. Тарашкевич и два т.т. из Особого отдела Зап[адного] фронта), где выносились смертные приговоры. При этом совершенно не рассматривались дела приговариваемых, не было их дел даже на столе, а по памяти выносились приговоры. Были случаи, когда никто из присутствующих не знал, в чем обвиняется такой-то. Тогда спрашивали об этом одного или другого сотрудника и заносили фамилию арестованного в список подлежащих расстрелу. Мицкевич сначала думал, что это какое-нибудь предварительное совещание, но потом выяснилось, что это было официальное заседание «Тройки». Было ли и больше таких заседаний, нам неизвестно.

Однако со слов сотрудников Ч.К. известно, что иногда члены «Тройки» и представители Особого отдела прямо-таки заходили в камеру, спрашивали арестованных, в чем они обвиняются, и тут же отводили одних направо, других налево. Одна из этих партий немедленно отводилась на расстрелы. Некоторые спасались тем, что скрывались за дверь. Между прочим, это имело место в Минской Ч.К. в ночь с 28 на 29 июля. Подлежащие расстрелу иногда тут же в камере разувались и раздевались. Потом служащие Ч.К. в присутствии арестованных шумно делили между собой их имущество.

Был случай, когда отправляемого на расстрел шофера случайно опознали сотрудники Особого отдела, засвидетельствовали его непричастность к контрреволюции, и он был освобожден, кажется, стал работать в Особом отделе (подробные сведения у тов. Дронгошевского из Особого отдела Ч.К.).

Сколько было таких расстрелов, где какая-нибудь случайность не могла спасти жизни ни в чем невинных, трудно сказать, но, судя по приемам «Тройки» и по расстрелу упомянутых коммунистов, можно утвердить, что это были не единственные случаи.

Приговоренные к расстрелу иногда могли выкупиться. Это делалось официальным путем. Назначалась определенная сумма в 40 или сколько

---

* Так в документе.

там тысяч. В случае взноса — освобождался, в случае невзноса — расстреливался. Так был расстрелян некий Футер, за которого был назначен выкуп в 40 или 60 тысяч, но эта сумма своевременно не была внесена.

В Минске упорно циркулировали слухи, что на почве выкупов там развивалась «спекуляция». Рабочие возмущались, что таким образом богатые спекулянты могут освобождаться, а бедные подлежат расстрелу.

Заложники брались направо и налево без всякого толка. Среди них есть много дряхлых старух и молодых девушек, никакой цены как заложники не представляющих. Часто арестованные, к которым нельзя применить никаких обвинений, без всякого разбора зачисляются в число заложников. Их больше сотни находится в Смоленской тюрьме. Проконтролировать заложников нам не дала Ч.К. Литбел возможности.

При обысках отнимались без разбора ценные вещи, платье, одежда, продукты, деньги, без установления определенных норм. Все это не сдавалось согласно состоявшемуся решению в Продком и Народный банк (или казначейство), а хранилось в Ч.К., причем имущество хранилось в беспорядочном состоянии.

При эвакуации Ч.К. больше, чем другие учреждения, поддавалась панике. В Минске еще в первых числах июля она погрузилась, и лишь усилиями Совета обороны Литбел была часть ее снята с колес и опять водворена на свое место. После этого еще целый месяц она работала в Минске. В Бобруйске случилось то же самое. Когда был дан приказ о том, чтобы учреждения в течение 24 часов эвакуировали свое ценное имущество и дела, Ч.К. поспешила вся бежать из города на вокзал. При этом отдельные сотрудники Ч.К. выскакивали на улицу с револьверами в руках и насильно, без всякого разбора, забирали для себя лошадей и подводы (таким образом была задержана лошадь, на которой ехал и[сполняющий] об[язанности] минского губвоенкома член Сов[ета] обороны Бобруйского узла т. Муклевич). Несмотря на категорическое запрещение Центра и на неоднократный протест местных органов, заведующих эвакуацией, Ч.К. все-таки вывозила мебель, кровати и проч. Председатель Ч.К. т. Тарашкевич вместе с представителями Особого отдела Запфронта и большинством сотрудников сейчас же уехал, меньшинство осталось на колесах и этим создало паническое настроение и среди некоторых других учреждений. Это сделала Ч.К., несмотря на то, что Ц.К. Литбел, Президиум Губревкома, Совет обороны Бобруйского узла и другие советские органы остались в городе и продолжали работать.

Очевидно в паническом состоянии перед своим бегством председатель Ч.К. Литбел вместе с представителем Особого отдела Зап[адно-го]фронта Антоновым, как утверждали некоторые сотрудники Ч.К., в пьяном виде произвели безобразную экзекуцию над приговоренными к расстрелу. Прежде, чем расстрелять их, они издевались над ними настолько, что некоторые сотрудники по этому поводу даже выразили протест перед Ц.К. Литбел. Когда ничего не удалось выпытать, семь человек были расстреляны; в живых оставлен только Глуховский, мать и отец которого на его глазах были расстреляны. Трупы расстрелянных были оставлены на дворе Ч.К., в подвале, не зарытыми в землю. Вся Ч.К. уехала на вокзал. Если бы на следующий день пришли легионеры, они нашли бы эти обезображенные трупы. Так как среди расстрелянных были видные члены польской организации, польские контрреволюционеры использовали бы превосходно эти трупы в своих целях и на всю Европу кричали бы о новом зверстве как доказательстве морального растления большевиков.

Учитывая это, Ц.К. Литбел поручил Мицкевичу добиться, чтобы трупы были похоронены. Об этом Мицкевич говорил с т. Эйдукевичем, временным заместителем Тарашкевича, и в следующую ночь трупы были вывезены за город и зарыты.

По пути в Смоленск 10 человек арестованных бежало. В ответ на это было расстреляно на различных вокзалах на глазах публики 7 человек. Расстреливались без разбора. В числе расстрелянных имеется агроном Жаба, о котором Ц.К. Литбел слышал очень хорошие отзывы. Расстрелы эти вызвали большое возмущение видевших это наших товарищей.

Потом Тарашкевич с удовлетворением заявил, что им расстреляны у нас 167 человек. Это должно служить доказательством того, что таким образом искоренена в Белоруссии контрреволюция. На самом деле бессистемными расстрелами направо и налево при той обстановке, какую мы видели, было лишь усилено враждебное отношение населения к советской власти, и не только среди буржуазии, но и среди рабочих. До глубины души были возмущены поведением Ч.К. даже многие партийные тов. тов. Нам стоило немалых усилий, чтобы успокоить Минский рабочий полк, который готов был разнести Ч.К.

Ввиду этого всего Ц.К. Литбел полагает, что:

1) Необходимо назначить ревизию Ч.К. Литбел и следствие по затронутым в докладе делам с участием представителя от Ц.К. Литбел; виновных привлечь к ответственности.

2) Назначить комиссию с участием представителя Ц.К. Литбел для рассмотрения дел всех эвакуированных из Минской губ. арестованных, заложников и др. с предоставлением этой комиссии права освобождать невинных и непригодных в качестве заложников.

3) Во избежание повторения такого рода действий со стороны Ч.К. и столь печальных последствий этого, Ц.К. Литбел полагает, что необходимо ввести бóльшую зависимость Ч.К. от местных органов (партийных комитетов и исполкомов), контроль над действиями Ч.К.

4) Полагает, что необходимо отстранить Тарашкевича от руководящего поста в Ч.К., т.к. он как председатель Ч.К. Литбел оказался не на должной высоте, легко поддается влиянию тех или других лиц и старается угодить «начальству», упуская при этом из вида интересы пролетарской революции не только сегодняшнего дня, но и завтрашнего.

5) Необходимо отстранить от руководящей роли и представителей Особого отдела Зап[адного] фронта, которые были посланы в Минск и оказывали нежелательное воздействие на Тарашкевича.

6) Необходимо обратить внимание на Ч.К. и в других западных городах, ибо там, по нашим сведениям, то же самое предельвается, что и в Минске.

Копию доклада направляем в Ц.К. Р.К.П. с просьбою рассмотреть затронутые нами вопросы.

По поручению Ц.К. К[оммунистической] П[артии] Литвы и Белоруссии.

Москва 21 августа 1919 года

У. Мицкевич-Капсукас, К. Циховский

С подлинным верно:

Секретарь:

РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 282. Л. 1–2. Машинописная копия.

**Документ 2. Постановление Реввоентрибунала
Западного фронта от 18 февраля 1920 г.
по делу о Минской ЧК**

Копия

Постановление

1920 г. февраля 18 дня я, военный следователь Революционного военного трибунала Западного фронта, рассмотрев следственное про-

изводство о председателе Минской Губ. Ч.К. Иосифе Владиславовиче Тарашкевиче, быв. коменданте Минской Губ. Ч.К. Семенове Родионе Семеновиче, сотрудниках Чека Чекагуне, Айселинике, Ронине Абраме Ельевиче и сотрудниках Особого отдела Зап[адного] фронта Антонове Михаиле Николаевиче, Шульмане и Никольском, обвин[яемых] в преступных по службе действиях, нашел:

Тарашкевич, состоя председателем Минской Чека Литбел с мая 1919 г., в своих действиях допустил ряд преступлений. Так, в конце июля в Минске, в заседании тройки, состоявшей из него и представителей Особого отдела Зап[адного] фронта Никольского и Шульмана, были вынесены смертные приговоры по памяти: были случаи, что никто из присутствовавших на заседании этой тройки не знал, в чем обвиняется арестованный, и в зависимости от ответа того или иного сотрудника Чека и арестованного фамилия арестованного заносилась в список подлежащих расстрелу (показания председателя Совнаркома Литовско-Белорусской республики т. Мицкевича-Капсукаса на л. д.¹⁶⁴² 1 и 92 и показание председателя Ц.К. Советов Литвы и Белоруссии т. Циховского на л. д. 1).

Шульман и Никольский в своих показаниях говорят, что «арестованные, большая часть дел о коих была эвакуирована в Бобруйск, приглашались в кабинет заседания, где по личным опросам, а также и сведениям, даваемым следователями и заведывающим» секретно-оперативным отделом, выносилось то или иное постановление (л. д. 9, 12об., 258об.).

12 августа 1919 года в Бобруйске тройка из Тарашкевича, представителей ВЧК т. Ихновского и Особого отдела Зап[адного] фронта Антонова (л. д. 55) также пыталась решать дела без самих дел, только по устному докладу, причем определенных докладчиков не было. Тарашкевич из присутствовавших вызывал докладчиков словами: «Кто будет докладывать». На присутствовавшего в заседании члена ЦК Литбел т. Далецкого, Антонов произвел впечатление садиста за фразы его «убить», а не расстрелять, «что вам жалко контрреволюционера» (л. д. 155об., 248).

В заседании тройки, 23 июля 1919 г., в Минске, в составе Тарашкевича, Шульмана, Никольского, Балтина, Саватьева, Эйдукевича были приговорены к расстрелу 2 польских коммуниста Орловской организации Квек и Замко без предварительного следствия и запроса Орловской организации только за то, что у Квека были найдены чистые блан-

ки организации (л. д. 53, 92, 97, 142, 147, 12, 258). Т. Мицкевич-Капсукас показывает на л. д. 92, что Квек и Замко были приговорены к расстрелу и расстреляны без предъявления какого-либо обвинения. Следователь Цесляк, производивший следствие о Квек и Замко, не найдя достаточных данных для их обвинения и пришедший к убеждению вместе с т. Ихновским, присутствовавшим на допросе их, что они действительно польские коммунисты, командированы в Политотдел 16 дивизии и задержаны ошибочно, наложил резолюцию «освободить» (показание следователя Ч.К. т. Цесляка на л. д. 228 и показание заведывающего экономическим отделом В.Ч.К. т. Ихновского на л. д. 250), причем сам Тарашкевич признает приговор в отношении их неправильным; арестованы они были вечером, а утром расстреляны. При Тарашкевиче был случай освобождения по просьбам сотрудников Чека приговоренных к расстрелу 4-х человек, оказавшихся добровольно бежавшими от белых (показание инспектора секретной части Смоленской Ч.К. т. Забелло на л.д. 142), и освобождение уже отправленного на расстрел шофера, которого случайно опознали сотрудники Особого отдела и за свидетельствовали его непричастность к контрреволюции (показание члена Реввоенсовета 16 армии т. Уншлихта). Расстрелы при Тарашкевиче производились в недопустимой форме: смертные приговоры приводились в исполнение не определенными лицами, а «охотниками» (показание заведывающего юридическим отделом Минской ЧК т. Ронина на л. д. 117). Так, в Бобруйске, в ночь на 13 августа, расстреливал Тарашкевич совместно с Антоновым, не установленным по фамилии следователем Чека и Семеновым, причем они все вместе были в пьяном виде, расстреливали поодиночке, в присутствии остальных приговоренных: мать и отца Глуховских расстреляли на глазах сына-гимназиста, которого оставили в живых за обещание выдать лиц, принадлежащих к П.О.В.¹⁶⁴³ Над приговоренными издевались (показание инспектора секретной части Смоленской ЧК т. Забелло на л. д. 142, показание заведывающего секретно-оперативным отделом Смоленской ЧК т. Эйдукевича на л. д. 139).

Тарашкевич допустил расстрел на ст. Жлобин, при эвакуации Чека из Бобруйска в Смоленск, в 12 часов дня, у полотна жел. дороги, за водокачкой, 4-х арестованных в целях воздействия, ввиду бегства и покушения на побег арестованных, в присутствии ехавшей в эшелоне посторонней публики (заявление 10 членов Коммунистической рабочей партии Польши на л. д. 97 и показание председателя Ос[обой] прод.

комиссии Зап[адного] фр[онта] т. Калмановича на л. д. 39). Тарашкевич оставил безнаказанным Айселиника*, вместо расстрела заколовшего ножом приговоренного Гольдина-Володарского, и Семенова, обнаружившего у арестованного ножик и заставившего его проглотить этот ножик (показание состоящего для поручений при Реввоенсовете Зап[адного] фронта т. Шапиро на л. д. 144).

Трупы расстрелянных погребались небрежно или вовсе не зарывались. Так, в Бобруйске, после расстрела, 7–8 трупов были оставлены на дворе и лежали в течение суток. Трупы зарывались небрежно, так, что части тела торчали из земли: были видны разможенные от выстрелов головы, — это дало повод распространять провокационные слухи о зверствах большевиков (л. д. 92, 138, 142, 97, показание члена Реввоенсовета 16 армии т. Уншлихта на л. д. 138 и показание инспектора секретной части Смоленской ЧК тов. Забелло на л. д. 142).

При Тарашкевиче приговоренные к расстрелу иногда освобождались при уплате известного штрафа: были случаи, что Чека арестованных, к коим нельзя было предъявить какое-либо обвинение, зачисляла заложниками и наоборот, например, Чехович был арестован как заложник, потом освобожден, а потом опять арестован (л. д. 1, 92, 94, 145).

Отобранное при обысках имущество не сдавалось, как полагалось, в Продком, Совнархоз, военное ведомство и народный банк, а хранилось в огромном количестве в Чека. Ревизией Госконтроля обнаружено в кассе Чека 550 000 рублей. Имущество раздавалось сотрудникам без всякой нормы и системы. Имуществом распоряжались безотчетно, так, Семенов забирал массу вещей «на фронт», а оправдательных документов в израсходовании их никому не представлял. Сотрудникам Чека раздавались спирт и вино по простым запискам (показание заведывающего судебно-административным отделом Минского губ. отделения госконтроля т. Бернштейна на л. д. 108; показание комиссара особых поручений Ч.К. т. Савицкого на л. д. 123, показание завед. юридическим отделом Минской Ч.К. т. Ронина на л. д. 269).

Таким образом, Тарашкевич своим бездействием и превышением власти в корень дискредитировал в глазах трудящихся Советскую власть в недавно занятой местности Литбел, чем он унизил авторитет Чека, возбудил к ней ненависть как в советских учреждениях, так и среди пролетариата.

---

* В документе — Айсельника.

Семенов, будучи комендантом Минской Ч.К. Литбел в конце июля 1919 года, во время массового расстрела в Минске, утерял список приговоренных к расстрелу, и он восстановил его по памяти из общего списка арестованных, и по этому новому списку и были произведены расстрелы (показание заведывающего секретно-оперативным отделом Смоленской Ч.К. тов. Эйдукевича на л. д. 138; показание инспектора того же отдела т. Забелло на л. д. 142). При аресте у Семенова были отобраны двое золотых часов и золотая цепочка, стоимостью по вольной оценке 37 000 рублей, и несколько золотых колец (л. д. 181, 210). 13 августа прошлого года, в Бобруйске, Семенов сам расстреливал в пьяном виде, издевался над арестованными, а своими действиями вообще дискредитировал в корень Советскую власть.

Чекатун и Айселиник, состоя сотрудничниками Чека Литбел, приводили смертные приговоры в пьяном виде и тем самым в корень дискредитировали Советскую власть.

Представители Особого отдела Зап[адного] фронта Антонов, Шульман, Никольский и сотрудники Чека Литбел Балтин, Саватеев и Эйдукевич в заседании тройки в июле месяце 1919 года, разбиравшей дела об арестованных без самих дел, выносили необдуманные, а иногда и неосновательные приговоры о расстрелах, не имея перед собою дел, которые были эвакуированы в Бобруйск, а Антонов, кроме того, своим поведением оказывал дурное влияние на Тарашкевича и лично расстреливал в пьяном виде и своим поведением дискредитировал Советскую власть.

2) Что по настоящему делу не привлечены еще к ответственности Балтин, Саватеев, Эйдукевич за участие их в заседании тройки с правом решающего голоса, вынесшей приговор о расстреле двух польских коммунистов Квек и Замко;

3) что по настоящему делу допрошены Антонов, Тарашкевич, Семенов, Ронин, а остальные еще не допрошены по не зависящим от следствия обстоятельствам;

4) что Ронин, как пробывший короткое время, с 8 июля по 12 августа, заведывающим юридотделом Минской Губ. Ч.К. Литбел, не мог вследствие обилия работы и недостатка следственного персонала привести в должный порядок дела Юридотдела, а потому он подлежит освобождению от суда за отсутствием состава преступления в его деяниях.

Принимая во внимание предложение Предреввоентрибунала Зап[адного] фронта, постановил: настоящее не законченное следствием

дело представить в Реввоентрибунал Зап[адного] фронта для препровождения его в Реввоентрибунал Республики.

Военный следователь (подпись)

Справка: Предписано Тарашкевичу выехать в ВЧК 20/II-20 г. за № 6763. Секр[етарь] РВТ Зап[адного] фр[онта] (подпись)

Верно: / секретарь РВТР *Мисевич*

РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 282. Л. 281–282об. Заверенная машинописная копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

Неизвестный дневник барона А.П. Будберга 1919–1920 гг.

Знаменитый «Дневник» генерал-лейтенанта барона Алексея Павловича Будберга (21.05.1869—14.12.1945) был впервые опубликован в 1923–1924 гг. в берлинском «Архиве русской революции» (Т. 12–15). Дневник охватывал период с 7 октября 1917 по 31 октября 1919 г.

Колоссальная значимость этого документа стала очевидна сразу после его публикации, причем как ветеранам Белого движения, так и их противникам, не говоря уже об историках революции и Гражданской войны. Полковник Р.Р. фон Раупах отмечал: «Полное созвучие ежедневно заносившихся наблюдений этого горячего патриота с выводами и впечатлениями очевидцев и участников Гражданской войны на других фронтах, бесконечная скорбь за гибель белого дела, которой дышит каждая строка его дневника, и высокое служебное положение автора этих анналов позволяют считать их источником не только вполне компетентным, но и исключаящим всякие подозрения»¹⁶⁴⁴.

Поскольку в дневнике ярко и зло обличались многочисленные недостатки режима, установленного белыми на Востоке России, этот документ в 1929 г. опубликовали даже в СССР под названием «Дневник белогвардейца». В постсоветский период дневник неоднократно переиздавался, в том числе с обстоятельными комментариями, подготовленными А.Б. Езевым¹⁶⁴⁵.

Однако до сих пор ни специалистам, ни любителям прошлого не было известно, что этот ценнейший источник был опубликован в

1920-е гг. не полностью. Работа с коллекцией генерала А.П. Будберга в Гуверовском архиве позволила автору этих строк обнаружить неизвестное даже специалистам окончание дневника генерала, посвященное событиям Гражданской войны на Дальнем Востоке в конце 1919 — начале 1920 г.

Обнаруженное окончание продолжает предыдущую часть дневника (омский период) и охватывает события с 1 ноября 1919 по 7 февраля 1920 г., после чего Будберг покинул пределы России. Возможно, дальневосточный дневник, в основном касающийся событий во Владивостоке, Харбине и, в меньшей степени, в Чите, кому-то покажется менее интересным, чем предыдущая часть. Тем не менее это никоим образом не снижает колоссального значения публикуемого исторического источника.

Значение это очевидно и в плане развенчания проявившегося в некоторых публикациях необоснованного гиперкритицизма в отношении известного ранее «Дневника». На данном аспекте следует остановиться подробнее.

К сожалению, восприятие «Дневника» А.П. Будберга оказалось политизировано. Как опытный и высококвалифицированный генштабист, барон А.П. Будберг отчетливо видел и не стеснялся бичевать пороки белых, подчас не выбирая выражений. Это вызывало резкое неприятие в кругах белой эмиграции. Однако критическое восприятие окружающей действительности было в целом присуще Будбергу и прослеживается не только в дневнике, но и в его воспоминаниях, посвященных дореволюционному периоду. Полковник А.Г. Ефимов писал военному историку поручику Б.Б. Филимонову: «Будберг отличается исключительной способностью замечать все отрицательное и темное. И не только замечать, но и собирать все слухи и сплетни и выдавать их за факты. Поэтому его воспоминания являются порою ушатами грязи на разных начальников, которые ему не нравились, и на русскую армию, в которой его “критический” талант видел только ряд промахов, злоупотреблений, недочетов... При чтении так и сквозит: “Все дураки, негодяи, жулики, — один я умный, знающий, дельный и честный”»¹⁶⁴⁶. В то же время оценки наследия Будберга непредвзятыми исследователями иные. Мемуары Будберга, по мнению одного из специалистов по истории Дальнего Востока, — по-настоящему уникальный источник¹⁶⁴⁷.

В начале 1990-х гг., на волне всплеска интереса к истории Белого движения, авторы, разделявшие идеологию этого движения и считавшие

себя его духовными продолжателями, достаточно резко отзывались о «Дневнике» Будберга и его достоинствах как исторического источника. Утверждалось, к примеру, что «барон Будберг чаще предстает как аккумулятор газетных сообщений, рассказов очевидцев, различных слухов, грязных сплетен и так далее, чем как свидетель того или иного события, как человек, наблюдающий то или иное явление изнутри, а не снаружи. Автор “Дневника” не знал, да и не мог знать ни военной, ни политической “кухни” ни Омска, ни Харбина. Зато о “кухонных” склоках, дрызгах и скандалах он был прекрасно осведомлен»¹⁶⁴⁸.

Это было написано не о случайном обывателе, а о генерал-лейтенанте Генерального штаба, прожившем почти год в Харбине, позднее занимавшем в Омске посты главного начальника снабжений, помощника начальника штаба Ставки и военного министра омского правительства, то есть о человеке весьма осведомленном. Едва ли он мог не знать омской и харбинской военной и политической кухни. Более того, изучение истории белой Сибири по архивным документам подтверждает правоту, глубину и точность многих суждений и оценок Будберга.

Наша находка позволяет усомниться и в некогда выдвинутом тезисе о том, что «Дневник» генерала Будберга был дневником лишь по форме, но не по содержанию, поскольку якобы являлся памфлетом, написанным месяцы или даже годы спустя после событий¹⁶⁴⁹. Подобное предположение основывалось на том зыбком тезисе, что поденные записи Будберга якобы не соответствуют фактическим обстоятельствам или состоянию автора дневника, а также содержат анахронизмы. Заслуживающих внимания аргументов в обоснование не приводилось¹⁶⁵⁰. Позднее автор этого тезиса повторил его в еще более категоричной форме: «“Дневник” барона Будберга... не является дневником в собственном значении этого слова — это лишь литературная форма воспоминаний и размышлений с использованием дневниковых записей. Целый ряд соображений позволяет датировать время создания этого произведения 1920–1923 гг. Отсюда — большое количество анахронизмов в тексте»¹⁶⁵¹.

На самом деле тому, что комментатором «Дневника» обозначалось как анахронизмы, можно дать объяснение. В ряде случаев это либо слухи и ошибки автора (к примеру, 4 января 1918 г. Будберг упомянул еще не существовавший штаб Красной армии, но, возможно, речь шла о штабе Красной гвардии), либо же мнимые анахронизмы. В частности,

к явным анахронизмам комментатор «Дневника» отнес указание на генеральский чин начальника 15-й дивизии Мартынова в записи от 14 октября 1917 г., упомянутый был идентифицирован как М.Ф. Мартынов, произведенный в генералы лишь в 1918 г.¹⁶⁵² Однако у Будберга речь идет о совсем другом человеке — А.И. Мартынове, который стал генералом еще в 1913 г.

Путаница в событиях соседних дней вполне естественна даже для дневника, тем более что какие-то записи могли осуществляться не день в день, а несколько позднее. Рациональную версию происхождения некоторых анахронизмов привел сам комментатор¹⁶⁵³.

Есть в дневнике и по-настоящему труднообъяснимые анахронизмы. Таковых, на наш взгляд, выявлено два. Так, 23 августа 1918 г. Будберг писал о том, что Г.М. Семенов «самоопределился» в командующие Отдельной Восточно-Сибирской армией из нескольких корпусных штабов при малочисленном личном составе. Казалось бы, это безошибочный аргумент в пользу того, что дневник написан позднее, поскольку армия с таким названием возникла только в ноябре 1918 г., что и отметил комментатор¹⁶⁵⁴. Однако обращение к канве событий показывает, что именно в августе 1918 г. Семенову Временным правительством автономной Сибири была предложена должность командующего существовавшей лишь на бумаге 1-й Сибирской армией¹⁶⁵⁵. Можно предположить, что позднее Будберг внес в текст и более позднее наименование реально возникшей армии. Во всяком случае, характер исправлений в обнаруженном окончании дневника дает основания считать, что текст подвергался автором стилистической правке. Подобные исправления могли вноситься как по горячим следам событий, так и спустя какое-то время.

Другой, казалось бы, бесспорный анахронизм — 8 февраля 1919 г. Будберг написал о полученном радио по поводу занятия генералом Н.Н. Юденичем Петрограда. Комментатор справедливо обратил внимание на то, что в феврале 1919 г. еще не предпринималось наступления на Петроград, а сам Юденич не находился на Северо-Западе России¹⁶⁵⁶. Однако анализ фактов показывает, что еще в январе 1919 г. Юденич пытался поставить под свой контроль Северный корпус, дислоцированный в Эстонии, назначив его командующего. Переговоры с финскими властями о походе на Петроград также велись в начале 1919 г., кроме того, Юденич обменивался телеграммами с А.В. Колчаком по вопросу создания на Северо-Западе России антибольшеви-

ского фронта¹⁶⁵⁷. Таким образом, данный анахронизм уже не выглядит абсолютно невозможным вымыслом. Слухи о взятии Петрограда Юденичем могли распространяться на Востоке России.

Окончание дневника Будберга написано им на тех же американских листах в голубую линейку с полем, отделенным красной линией, что и хранящиеся рядом воспоминания о Первой мировой войне. Это дает основания полагать, что дневник был переписан набело уже в США. Весомым доводом в пользу аутентичности дневника является то, что часть документа, обозначенного как памфлет (что предполагает широкое распространение), на протяжении почти столетия так и не была обнародована.

Стилистически окончание дневника не отличается от широко известной части — Будберг продолжает бичевать порядки белых, теперь уже на Дальнем Востоке. Глубочайшая детализация событий по дням не дает оснований считать дневник позднейшим произведением. Очевидно, Будберг в Гражданскую войну действительно вел дневник, поскольку приводимые им данные изобилуют подробностями, которые невозможно изложить постфактум. При этом можно допустить, что записи исходного дневника позднее Будбергом корректировались, но с учетом высокой степени детализации материала едва ли позднейшее вмешательство было существенным. Позднейшая работа над текстом прослеживается, в частности, в датировке записи от 29 января 1920 г., ошибочно датированной А.П. Будбергом 29 ноября.

Еще один видный деятель Белого движения на Востоке России, сослуживец Будберга по Первой мировой войне генерал В.Е. Флуг, писал генералу В.В. Чернавину 17 января 1933 г. о Будберге и его дневнике: «Мне известна только та часть дневника Будберга, к[ото]рая относится к периоду, начинающемуся с большевицкого переворота. В нем он выявляет себя, действительно, пессимистом до степени какой-то психической болезни, близкой к мании. П.Н. Симанский писал мне, что будто бы существует также дневник Будберга, относящийся к периоду всей Великой войны. Каковы там его настроения, я не знаю, но могу засвидетельствовать, что во время нашей совместной боевой работы в сент. 1914 г. он был далек от какого бы то ни было пессимизма и, напротив, своей неизменной бодростью духа благотворно влиял на меня и на чинов штаба. Насколько я вообще знаю Будберга по многим годам совместной службы, он вообще не пессимист или меланхолик, ему только в сильной степени свойствен дух критики, подчас выражающийся в

форме резких и желчных выпадов»¹⁶⁵⁸. Таким образом, дневник генерала охватывал намного более широкий период, нежели 1917–1920 гг. Подтверждал это и сам Будберг, по словам которого его военные дневники были закопаны на чердаке дома в Петрограде в 1917 г.¹⁶⁵⁹

В период, который охватывает окончание дневника, генерал Будберг состоял в распоряжении Верховного главнокомандующего (с 5 октября 1919 г.), выезжал на лечение в Харбин, занимал пост начальника штаба Приамурского военного округа (с 19 ноября 1919 по 31 января 1920 г.), а затем эмигрировал в Японию и Китай, после чего в апреле 1921 г. переехал в США. Публикуемый документ позволяет уточнить некоторые факты биографии самого А.П. Будберга на рубеже 1919–1920 г.¹⁶⁶⁰ и намного подробнее, чем было до сих пор известно, осветить его деятельность в эти месяцы.

В заключительной части дневника Будберг столь же критичен, как и прежде. Он беспощадно обличает коррупцию в белом командовании, описывая события выступления генерала Р. Гайды во Владивостоке, приводит факты двурушничества старших офицеров, бичует атаманщину и ее произвол, неоднократно свидетельствует о вызывающем поведении командования интервенционистских сил на Дальнем Востоке и трагической зависимости от них и бессилии белых, описывает произвол чехословаков в Сибири. Дневник дает представление о малоизвестных сторонах жизни белого Приморья в конце 1919 — начале 1920 г., позволяет уточнить данные о кадровой политике белых, борьбе различных военно-политических группировок внутри антибольшевистского лагеря на Востоке России, роли иностранного фактора в происходивших событиях и о многом другом. Таким образом, в научный оборот вводится прежде неизвестный специалистам ценнейший исторический источник о Гражданской войне на Востоке России, который по своим достоинствам не уступает той части дневника, что получила широчайшую известность прежде.

В письме генералу В.В. Чернавину от 8 октября 1936 г. А.П. Будберг пожаловался: «На свои рукописи я вообще имею предложение Хуверовской библиотеки, матерьяльно для меня выгодные*, но дело в том, что там они обречены на вечный покой, а мне хотелось поместить их там, где есть надежда на их, когда-нибудь, напечатание. Это мой дар прошлому, запись виденного, слышанного и пережитого, запись прав-

---

* Так в документе.

дивая (имею отзывы) и до известной степени редкая»¹⁶⁶¹. Спустя почти столетие после своего создания окончание дневника генерала Будберга публикуется в России — на родине этого выдающегося военного деятеля. Таким образом, в какой-то мере выполняется воля генерала, изложенная в процитированном письме.

Уникальный рукописный документ был подготовлен нами к печати, тщательно выверен, снабжен комментариями (в них, как правило, указываются данные о званиях и должностях идентифицированных персоналий на момент упоминания в документе) и предлагается вниманию читателей в полном объеме.

* * *

Дневник барона А. Будберга

1 ноября [1919 г.]. Утром проехали Иркутск; достал свежие агентские телеграммы и получил кое-какую информацию от местного заведующего перевозкой войск. Узнал о предстоящем уходе Вологодского¹⁶⁶² и искренно этому порадовался — не такие сейчас времена, чтобы держать председателем Совета министров этого бесцветного и выдохшегося «представителя общественности» и «гарантии демократичности правительства». Заместителем называют Третьякова¹⁶⁶³; сие надо считать весьма неудачным, так как нам нужны не говоруны из кадетско-буржуазных кругов, а сильные люди дела.

В местной газете прочитал, что с сегодняшнего дня Китайская дорога¹⁶⁶⁴ переходит на золотую валюту с прекращением приема сибирских денег; здесь это вызывало вопли негодования и весьма прозрачные намеки, что такая исключительная мера принята ради соблюдения интересов Русско-Азиатского банка (в скобках читай министра финансов Гойера¹⁶⁶⁵).

Думаю, что банки тут ни при чем и что этим начинается кампания, предложенная Гойером для перехода на новые деньги американской заготовки, заказанные еще при Керенском и после очень долгих мытарств и пререканий наконец-таки полученные.

Незадолго до моего отъезда из Омска Гойер говорил мне, что накануне выпуска в обращение новых денег ему крайне важно свалить возможно больше сибирские и керенки, особенно в тылу и в полосе отчуждения, чтобы скупить их по возможно более низкой цене.

Шаг, несомненно, очень смелый и могущий дать положительные результаты для наших финансов. Сверх того, все это связано с планами Гойера по развитию нашего экспорта по южной ветке с обязательством экспортеров расплачиваться в золотой валюте.

В связи с этим с горечью вспомнил, как еще в мае Михайлов¹⁶⁶⁶ провалил мой проект скупить все запасы маньчжурской пшеницы и бобов и организовать казенное снабжение хлебом Забайкалья и Ленско-Енисейского района и казенный экспорт бобов за границу.

Надо полагать, что обесценение сибирских денег очень мало затронет интересы населения; пострадают главным образом многочисленные харбинские и владивостокские спекулянты, но с ними давно уже следовало бы поступать по-атамански, а может быть, даже и покруче и, арестовав их сразу в один день, выслать их в Советскую Россию, а приобретенные ими капиталы обратить в пользу государства.

Перед отходом поезда из Иркутска узнал, что Омск эвакуируется и что часть министерства переводится в Иркутск; лучше поздно, чем никогда! Одновременно узнал и об уходе Неклютина¹⁶⁶⁷, человек он не дурной, но как франт, доверчивый и малопрактичный идеалист, неспособный на широкий размах и необходимую в данное время крутость, он был совершенно не на месте, и это обошлось нам в большую копеечку.

Вообще ведь приготовительный пансион для министров, именующийся у нас по старой привычке Советом министров, давно следовало бы сдать их в архив.

За время стоянки поезда в Иркутске слышал немало жалоб на царящий всюду дровяной голод; было сие и неприятно, и неожиданно, так как этот вопрос был поднят мной еще в июне и тогда же в распоряжение командовавших войсками в округах были отпущены значительные кредиты для заготовки топлива, как для военных надобностей, так и для снабжения населения больших городов.

Новое доказательство вялости и инертности инженерных окружных управлений, равным образом не сумевших справиться с приведением в порядок всех казарм и больших частных зданий; об этом я многократно писал и телеграфировал в округа и особенно в Иркутск, которому еще с лета придавал особое значение, как пункту сосредоточения учреждений и запасов в случае эвакуации Омска. Требовал самого энергичного исполнения, не жалел денежных отпусков, а теперь узнал, что в Иркутском округе выполнили едва ли одну только четверть самых важных работ.

Забайкальская железная дорога по-прежнему отличается порядком на станциях, приличным видом пассажирских поездов и отсутствием разболтанных и наглых чешских солдат.

2 ноября. На станции Березовка в мой вагон сели начальник 8 Сибирской стрелковой дивизии генерал Мисюра¹⁶⁶⁸ и комендант штаба Монголо-Бурятской дивизии, сотник очень развязного вида с розеткой романовских цветов, весь в золоте и оружии.

Мисюра, видимо, хотел со мной о многом поговорить, но постоянное присутствие союзника делало его очень молчаливым; только урывками, во время отлучки нашего спутника в станционные буфеты и на телеграф, генерал рассказал мне про свои мытарства со снабжением своей дивизии, которая была у Семенова последним пасынком и своим нищенством резко отличалась от частей-любимчиков, богатеише обставленных и по обмундированию, и по снабжению.

Из последних мелочей читинской жизни рассказал про захват нескольких вагонов с мехами, принадлежащими какой-то американской фирме, и про то, как после этого огромное большинство местных влиятельных «дам» и полудам буквально купались в роскошнейших песках.

Сотник оказался высокой марки, даже по местным нравам; в описаниях своих «подвигов» не только не стеснялся, но и несомненно ими весьма гордился, расписывая самым циничным образом все подробности перехода в его собственность часов, колец, драгоценных украшений, его кинжала и пр. и пр. и судьбы их старых владельцев или, вернее сказать, самые чудовищные и отвратительные детали их убийства.

3 ноября. Проехали Читу; жена видела подробности осмотра пассажиров и багажа — настоящий погром. Нас эта судьба миновала, так как встречать меня приехали начальник семеновского штаба полковник Зубковский¹⁶⁶⁹ и начальник снабжений генерал Федотьев¹⁶⁷⁰, которого я знал еще по Благовещенску, когда он был адъютантом Амурского казачьего полка. Получил печальные сведения об оставлении нами Петропавловска, что по моему убеждению должно грозить нам самыми тяжелыми последствиями; оборона линии Иртыша совершенно не подготовлена; нападение может быть произведено на очень широком фронте, а все это, вместе взятое, является огромной угрозой для Омска, в котором задержались и без того уже чересчур долго.

По рассказам Зубковского, основанным, несомненно, на информации Сырбаярского¹⁶⁷¹, общее положение в армиях и в Омске очень

неважное; также неблагополучно и в Иркутске, где работают эсеры; в Забайкалье развивается все более и более красная партизанщина и в районе Нерчинского завода имеется уже шесть красных казачьих полков, получающих оружие и патроны из Китая.

Несколько дней тому назад они перехватили железную дорогу между Карымской и Маньчжурией и захватили пассажирский поезд № 21.

Вся тяжесть борьбы лежит на японцах, которые действуют очень энергично, но, благодаря неумению вести малую войну, несут иногда очень большие потери; у них есть части, потерявшие уже до 75% состава.

Перед отходом поезда вновь видел Зубковского, только что говорившего по прямому проводу с Сыробоарским; впечатление такое, что сохранение линии Иртыша едва ли возможно и что среди сибирского казачества началось отпадение станиц тех районов, которые уже заняты большевиками.

Представляю себе, что должно твориться теперь на Сибирской магистрали; ведь район Петропавловск — Омск был очень забит еще со времен уральской эвакуации, причем очень много эшелонов принадлежало войскам, и никакие усилия Дитерихса не могли с ними разделаться. Сейчас ко всему этому надо прибавить эвакуацию Омска, министерств, иностранных миссий, госпиталей, складов и частного населения, да еще и считается с необходимостью подвоза с востока угля для паровозов; последний вопрос весьма серьезен, так как при прощании в Омске с Непениным¹⁶⁷² он мне говорил, что с добычей и перевозкой угля очень неблагополучно. Кроме того, вся магистраль совершенно не подготовлена для пропуска массы людских эшелонов — нет запасов топлива, нет продовольствия и, вдобавок ко всему, хозяевами дороги и всего движения являются чехи, думающие только о себе и о соблюдении своих собственных интересов.

Всю ночь простояли на ст[анции] Андриановка, причем не исключалась возможность ночного нападения красных. Весь путь впереди забит пассажирскими и товарными поездами, задержанными в пути набегом красных.

В шедшем с востока поезде встретил подполковника Михайлова¹⁶⁷³, служившего во Владивостоке в жандармском управлении, а сейчас примазавшегося к какому-то семеновскому штабу.

По его словам, дела Омска совсем плохи; в атаманском окружении это вызывает не особенно скрываемые чувства радости, даже как будто бы готовятся быть наследниками падающего режима¹⁶⁷⁴.

Все это ухудшило состояние здоровья; начались жестокие боли, пришлось травиться морфием. Вспомнили около Омска; хочется узнать, в каком состоянии войска и насколько красные превосходят нас в силах. Очень важна также степень развития начавшихся местных восстаний в районах Барнаула и Минусинска.

Надо или какой-либо исключительной ценой купить вооруженную помощь чехов, или же, быть может еще более дорогой ценой, купить их согласие немедленно же эвакуироваться в полосу отчуждения и во Владивосток, после чего на их место должны будут выдвинуться японцы.

Чувствую, что раз не удержались у Петропавловска, то у Омска уже не зацепиться и придется уходить на Красноярск, где на очень узком фронте можно будет надолго закрепиться.

А тогда Иркутский район станет главной базой, и вновь поднимется тревожный вопрос о снабжении тыла и населения хлебом. Проклинаю Михайлова, не давшего осуществиться моему проекту легкой скупки всего хлеба в Маньчжурии, когда мы могли приобрести его по шести руб. за пуд и исподволь сосредоточить в Забайкалье и в Иркутске.

Ползем на восток медленно, кое-где видны остатки путевых будок, сожженных красными партизанами. Смотря на бегущие мимо нас степи, мечтаю о появлении здесь танков, о присылке которых просил в Омске у Жанена и союзников.

4 ноября. На станции Маньчжурия стояли недолго, наш вагон даже не беспокоили таможенным осмотром; зато ночью и ранним утром, начиная от Оловянной и при проходе через Даурию и Мациевскую, к нам вваливались весьма разнузданные и пьяные офицеры и требовали себе места, открывая двери купе и изображая из себя разных контролеров.

На ст[анции] Борзя при помощи собственного ключа в наш со всех сторон запертый вагон забрался мальчик в форме Сибирского кадетского корпуса, предъявивший удостоверение командира бронированного поезда [«Усмиритель[»]»] о том, что он кадет Александров, сын товарища министра внутренних дел генерала от кавалерии Александрова.

Когда я спросил неожиданного спутника, кто же в действительности был его отец, так как никогда у нас в России не было такого товарища министра, да еще в чине генерал от кавалерии, то необычайно развязный мальчишка стал дерзить, угрожая Семеновым, Ивановым-Риновым и прочими атаманскими сателлитами, после чего проехал с нами две станции, привел Валю¹⁶⁷⁵ в ужас рассказами о своих подвигах во

время службы на [«]Усмирителе[»], а затем тайком ушел из вагона и в него уже не возвратился, видимо испуганный моим предложением довести его до Владивостока на присоединение к отправленному туда корпусу.

Типичный отпрыск семеновщины; старшие присваивают себе небывалые титулы, пугачевские производства и никогда не заслуженные георгиевские кресты, а младший додумался до фальшивого отца.

Маньчжурская степь имеет невероятно скучный и унылый вид; как жаль, что управление дороги не удосужилось прикрыть полотно древесными посадками по образцу того, что делается у нас в России. Будь жив фанатик-древонасадитель князь Хилков¹⁶⁷⁶, он это сделал бы; никаких естественных препятствий к тому нет — на барханах* растут ели, а на станциях имеются весьма приличные тополя.

5 ноября. За Хинганом сделалось совсем тепло; яркое солнце и хорошая, бодрящая осенняя погода. На станциях сибирских денег уже не берут, особенно крупных; мелкие сибирские кое-где принимают, но по расчету 20 сиб[ирских] рублей за один романовский; даже бумажные 50 коп[еек] выпуска времени войны берут охотнее всяких других, — царский кредит оказался прочнее всех**. Интересна котировка цены курицы — на серебро 20 коп[еек], на романовские — 8 руб[лей], на сибирские, да и то с уговорами и только мелкими купюрами, от 300 до 400 р[ублей].

В Цицикаре взял в наш вагон читинского шубного фабриканта Окулова, который между прочим рассказал, что почти весь ходовой меховой товар в Забайкалье и Монголии скуплен или реквизирован Семеновым; в Сибири нас обобрали чехи и американцы, а здесь — атаманщина.

6 ноября. Рано утром приехал в Харбин; с деньгами здесь совсем плохо; берут только мелкие романовские, а все остальное только на иены; мне с моими сибирскими все равно как «без никому». Прочитал газеты: на фронте продолжает катиться на восток, Омск эвакуируется; воображаю, что это за хаос.

Харбинская злоба дня — это переход на золотую валюту. По словам Самойлова¹⁶⁷⁷, эта мера была принята по согласию с Гейером, во исполнение его плана повалить наши сибирские в полосе отчуждения, где

---

* В документе — бурханах.

** Далее зачеркнуто — других.

они сосредоточились в сотнях миллионов рублей, быстро и за бесценок их скупить и затем пустить в обращение на положении твердых и обеспеченных денег кредитки отличного американского изготовления.

Все было к этому подготовлено, но все оказалось сорванным совершенно неожиданным вмешательством компании из Розанова¹⁶⁷⁸, Семенова¹⁶⁷⁹ и Калмыкова¹⁶⁸⁰. Первый, к сожалению, своевременно не предупрежденный Гойером, разразился ультиматумом Хорвату¹⁶⁸¹, потребовал немедленной отмены приказа о золотой валюте и грозил вооруженным занятием Харбина в случае неисполнения*.

Хорват отменил свое валютное распоряжение, причем это было мотивировано не атаманскими застрачиваниями, а невозможностью обеспечить все станции соответственными запасами валюты для скупки и размена сибирских денег.

Как бы то ни было, денежная реформа провалилась, а сопровождавшая ее склока внесла еще большее расстройство в наше денежное обращение.

7 ноября. С утра масса посетителей самых разнообразных оттенков; вечером совершенно неожиданно и даже с черного хода явился сам Хорват, поторопившийся узнать о положении дел в Омске.

Просидел у меня довольно долго; сообщил, что, как и ожидалось, попытка продвинуть золотой запас несколькими эшелонами не увенчалась успехом. Первый же эшелон, сопровождавшийся товарищем министра финансов Ильиным¹⁶⁸², был задержан Семеновым, отказавшимся пропустить его дальше под предлогом очень большой опасности движения по железной дороге. Новый Гришка-разбойник слопал сразу сто миллионов рублей золотом и теперь надолго обеспечен. Омские события подбодрили все читинские осиные гнезда; им уже мало захваченного золота, и Семенов в самой ультимативной форме потребовал от Хорвата, чтобы тот давал его харбинским агентам наряды и состав в 25 вагонов ежедневно для экспорта бобов на юг; по расчету Хорвата, продажа этих нарядов должна будет дать Семенову не менее семи миллионов иен ежемесячно, ибо при остром недостатке подвижного состава в южном направлении экспортеры готовы платить за вагон по тысяче иен и более.

---

* По словам осведомленных лиц, Семеновым и Калмыковым были отданы уже приказания о сосредоточении подвижных составов и назначении специальной части для занятия Харбина (*примеч. А.П. Будберга*).

Перед уходом Хорват передал мне копию ленты разговора по прямому проводу между Владивостоком (Розанов) и Читой (Семенов). Оказалось, что после розановского ультиматума Хорвату об отмене введения золотой валюты Верховный правитель вызвал Розанова в Омск для доклада о положении дел в Приамурском военном округе и приказал передать командование войсками округа, находившемуся во Владивостоке генералу Романовскому¹⁶⁸³.

Об этом узнали атаманы и заявили Розанову, что они Романовскому не подчинятся и признавать его не станут. По данным хорватовской разведки, подкрепляемым некоторыми фразами вышеуказанной ленты, сейчас Семенов и К^о при помощи числящегося помощником Розанова генерала Семенова-Мерлина¹⁶⁸⁴, готовится к возможности полного краха власти адмирала¹⁶⁸⁵ и замышляет автономию Дальнего Востока под верховной властью читинского Гришки.

Слухи об этом приходили в Омск в последние дни моей там службы и тогда казались совершенно нелепыми; теперь же выходит, что дым был [не] без огня.

Розанова эта компания прихватила временно и только по протекции Калмыкова; в дальнейшем же его предполагают убрать.

8 ноября. Был впервые у Хорвата, разговаривали о перспективах, связанных с событиями около Омска. Хорват показал мне телеграмму адмирала с повелением предоставлять Семенову ежедневно не менее 25 вагонов в южном направлении, на что отвечает, что исполнение невозможно и что в случае повторения приказа Хорват будет вынужден сложить свои полномочия и просить об увольнении.

Очевидно, что эта телеграмма вынуждена у адмирала под давлением Сыробоярского и К^о и под влиянием того значения, которое приобретает Забайкальем с переносом правительства в Иркутск. У Хорвата на руках самые неопровержимые доказательства, что почти все вагоны, наряжаемые для нужд семеновских войск, продаются семеновскими агентами (Ходским и др.) за большие деньги, а последние поступают исключительно в карманы всей читинской клики.

Хорват сообщил мне очень печальную новость об уходе Дитерихса¹⁶⁸⁶, о замене его Сахаровым¹⁶⁸⁷ и о назначении Иванова-Ринова¹⁶⁸⁸ помощником главнокомандующего. Это похоже на начало конца; Сахаров в роли главнокомандующего и Иванов-Ринов его помощник! Это ужасно!

В японских газетах очень показательна статья информатора японского командования на Дальнем Востоке, некоего Зумото, который со-

вершено откровенно отстаивает идею полезности создания автономной Сибири, но только не под властью адмирала Колчака; вместе с тем высказывается мысль о неизбежности разделения России на несколько отдельных республик и о выгодности этого для азиатских интересов Японии.

С последним экспрессом проехала в Читу группа японских капиталистов, учредителей Общества эксплуатации Забайкалья (капитал 23 миллиона иен); по сведениям контрразведки, эта компания уже приобрела кабинетские Нерчинские прииски¹⁶⁸⁹, причем Семенов и его приближенные получили весьма крупные комиссионные.

В связи с этим Хорват сообщил мне, что при последнем свидании с Семеновым тот разоткровенничался и рассказал, что недавно получил от японцев пять миллионов иен за уступленные им монгольские земли, отведенные ему, Семенову, в собственность союзом монгольских князей.

По этому поводу Хорват наводил справки у очень влиятельных и осведомленных японцев, и те категорически заверили, что Семенов никогда и никаких земель от монголов не получал. Отсюда ясно, что миллионы иен попали в атаманские руки за что-то другое. Вообще же, по словам Хорвата, в Чите большое оживление, связанное, очевидно, с надеждами на жирное будущее; туда уже вернулись опальные Вериго¹⁶⁹⁰, Малиновский¹⁶⁹¹ и т.п.

Из других источников проскальзывают намеки, что аппетиты Читы направлены уже в сторону Харбина и что уже было подано несколько проектов об его захвате семеновским отрядом при благосклонном-де попустительстве японцев.

9 ноября. Заходил ко мне генерал Полидорov¹⁶⁹², своевременно бросивший свое место главного военного прокурора и устроивший себе совершенно постороннюю для своей специальности командировку в Харбин для выработки нормальной дислокации вновь восстанавливаемого корпуса пограничной стражи полосы отчуждения.

По его рассказу, под Петропавловском нас жестоко побили, причем одной из главных причин была измена карпаторусских частей и их переход на красную сторону.

Вспомнил свои предупреждения Дитерихсу и Рябикову¹⁶⁹³ по поводу карпаторуссов, сделанные мною на основании весьма основательных данных, сообщенных мне в Омске стариками-ижевцами во главе с Хлебниковым; ижевцы стояли в Куломзино вместе с сформировавшимся

ся тогда карпаторусским полком и не раз слышали в нем разговоры о том, чтобы в первом же бою перебить всех офицеров и уйти на красную сторону, а оттуда добраться и до дома.

Тогда мои предупреждения встречались весьма скептически, а временами явно враждебно. Дитерихс, Иванов-Ринов, Голицын¹⁶⁹⁴ и иже с ними были увлечены утопиями всевозможных формирований до крестноспев включительно. Кто-то додумался до мобилизации карпаторуссов, в свое время очень быстро сдавшихся нам в плен и отлично устроившихся в Сибири рабочими в разных мастерских; их сорвали с работы, одели с иголки, вооружили, снабдили обозом... и в первом же бою все это отправилось к красным.

Японское осведомительное бюро распространяет по Харбину по виду как будто бы и совершенно беспристрастные, но по сущности и освещению умышленно искаженные, тревожные и невыгодные для адмирала данные о положении на фронте и в Омске.

Не выдержал, поехал к Самойлову и Хорвату, и с разрешения последнего, вполне со мною согласившегося, послал телеграммы Семенову и Розанову с горячим призывом ввиду общерусской опасности всем тесно объединиться вокруг Верховного правителя и боевого фронта, сообщить им о нашей готовности поддержать их всеми силами и раздавить всех внутренних и внешних врагов, сплетников и провокаторов. С тем же обратился к биржевым комитетам во Владивостоке и Харбине.

10 ноября. Проект лечь в харбинский госпиталь не удался; совершенно нет мест; приходится лечиться дома. Послал адмиралу телеграмму с ходатайством усилить работу осведомительных учреждений и дать средства для самого широкого оповещения всего населения о происходящем в районе военных действий, а также и о планах и распоряжениях правительства. Имеем всюду многочисленные осведомительные органы с тысячами присосавшихся к ним тунеядцев и шкурников; расходуем на это дело десятки миллионов, клеиваем плакатами все омские заборы, а население питается всякими сплетнями и слухами.

Все семеновцы ходят здесь гологами, в ресторанах не стесняются — видимый результат невидимых вагонных махинаций.

11 ноября. В газетах приказ адмирала о назначении Сахарова главнокомандующим с подчинением ему Министерства путей сообщения и снабжения, служащие каких объявлены состоящими на военной службе. Затем опубликовали более чем запоздалые оповещения о земле крестьянам и о созыве земского собрания.

С этого надо было начинать; теперь же это какая-то жалкая потуга вернуть что-то уже ускользнувшее из рук.

Настроение Омска очень хорошо характеризуется опубликованием дополнительного приказа о том, что командующим Московской группой армий вместо Сахарова назначается генерал Каппель¹⁶⁹⁵. Сколько раз я пытался убедить адмирала о необходимости сократить наши высшие административные и военные инстанции. Теперь, более чем когда, это нужно и это нетрудно исполнить, а все остается по-старому. Катимся назад, резервов никаких, будущность самая мрачная, а мы назначаем командующего, да еще [«]Московской группой армий», заведомо зная, что бойцов у него не наберется и на одну настоящую дивизию.

Думаю об омском положении и страшусь за судьбу офицерских семей; ожесточенно осуждаю себя за то, что в вопросе об эвакуации всех семей в Забайкалье и Приморье, с которым я так долго возился, не проявил достаточно резкой решительности и не добился соответственного результата в августе, когда настаивал на необходимости разгрузки Омска и ближайших тылов от всего небоевого. Каково будет положение женщин и детей во время хаотической эвакуации; чтобы представить это, достаточно вспомнить, что было при оставлении Уфы и Екатеринбурга, а потом Челябинска.

12 ноября. Последние известия из Омска меня прямо ошеломили; вместо трезвых и решительных распоряжений несутся какие-то истерические вопли о недопустимости оставления Омска, ибо это равносильно признанию конца. По этим выкрикам случайная сибирская станица, знаменитая до сих пор только своей баснословной грязью и пылью, оценивается выше Москвы и ради ничтожной географической точки ставится на карту судьба всех сибирских боевых кадров. Несомненно, что в этом очередном омском преступлении сказывается влияние творца предыдущего челябинского преступления генерала Бетонная голова¹⁶⁹⁶ и его теперешних сподвижников Иванова-Ринова и казачьей конференции.

Судя по полученной информации, на омском горизонте вновь воссиял крестоносный Голицын и его компания, вопящая о поголовном вооружении (с неизменным фактическим «ребята вперед, а мы за вами»).

Послал донкихотскую телеграмму адмиралу, умоляя отказаться от защиты Омска и спасти только живую силу армии. Зная омскую обстановку, понимаю безнадежность своего обращения, но по свойству своего характера не могу оставаться безучастным ко всему там совершающемуся.

Биржевой комитет Владивостока, реагируя на мою к нему телеграмму, выпустил воззвание поддерживать правительство и не выдумывать сейчас никаких новых политических комбинаций; последнее является, несомненно, следствием большей, чем моя, осведомленности комитета о семеновско-японских планах по части автономии Дальнего Востока.

Отмена золотой валюты и неудавшаяся реформа с ликвидацией сибирских денег вызвала стихийное стремление избавиться от последних; вчера на станции Харбин 90 процентов всей выручки было в сибирских.

По Харбину ходит привезенная из советчины песенка «был царь-дурачок, хлеб был пятачок; стала умная республика, а хлеб стал четыре рублика». Царь дурачком, конечно, никогда не был, а все остальное — правда.

Наслышался немало про нашего омского деятеля подполковника Рудченко¹⁶⁹⁷ или, вернее сказать, про его агента и исполнителя — его жену. Выходит, что приговаривать к расстрелу нужно было не Касаткина¹⁶⁹⁸, а Рудченко и К^о, если только верна даже часть того, что здесь рассказывают про эту пару (супругу называют совершенно открыто королевой местных спекулянтов, а для евреев-экспортеров она «самая нужная в Харбине дама»).

Около Хабаровска произошло совершенно неожиданное столкновение с китайцами; их канонерки, прибывшие в Николаевск, вздумали подняться оттуда по Амуру с дальнейшей целью пройти в Сунгари, но около Хабаровска были встречены огнем нашей полевой батареи и были вынуждены вернуться обратно. Должно быть, очень плохи наши дела, если даже китайцы считают возможным так дерзко нарушать договорные соглашения.

13 ноября. Пытался сделать первый выезд из дома, провел вечер у И.П. Назорова, видел там несколько старых железнодорожников и наслушался разных рассказов. Очень характерен рассказ про бывшую здесь недавно холеру, когда городской голова Харбина протестовал против прямого отвоза умерших на кладбище и требовал, чтобы все таковые свозились предварительно в центральную больницу для регистрации (это при сотнях ежедневно умиравших китайцев и при расположении больницы в самом оживленном месте города!)

Острили, что после бывшей здесь забастовки ж. д. служащих Лачинов¹⁶⁹⁹ получил якобы благодарственную телеграмму Ленина за энергичную и успешную подготовку забастовки (вызванную, как было известно, невыносимым материальным положением маленьких железнодорожников, получавших жалованье сибирскими деньгами).

14 ноября. По опубликованной сводке от 10/XI красные находились тогда в 120 верстах от Омска. В моем убеждении самая грозная для нас сейчас опасность — это новый главнокомандующий, который по своей тупости и шалости способен опять выдумать какой-нибудь удивительный маневр и на нем уложить последние боеспособные остатки нашей армии. Другая сводка сообщает, что Иванов-Ринов объявил Омск на осадном положении и приказал произвести поголовный призыв и вооружение всего мужского гражданского населения в Омске и его окрестностях.

В шанхайской газете прочитал разговор с Каутским¹⁷⁰⁰, высказавшим, что правительства европейских государств проспали время, когда следовало задавить большевиков; теперь, когда все избавились от немецкой опасности, правительства попали в руки рабочих, а те не допустят энергичной борьбы с красным злом, ибо они надеются на нем заработать, а его черных сторон они сами на себе не испытали. В этом много правды.

Приходил и долго разглагольствовал барон Корф¹⁷⁰¹; он понемногу болтается при всех, кажется, разведках и контрразведках и утверждает, что Семенов при содействии японского командования, действительно подготавливает отделение Дальнего Востока в автономное государство и что то же самое замышляется и по отношению Маньчжурии, где японским агентом является Чжан Цзо-Лин¹⁷⁰², пользующийся якобы поддержкой американских капиталистов, и ведет даже секретные переговоры с[о] Стивенсом¹⁷⁰³ о заключении в Америке займа на выкуп Китайской железной дороги.

По мнению Корфа, Розанов в плену у Семенова и под постоянным надзором Калмыкова; последний сейчас играет в Приморье первую скрипку, находится в тесных дружеских отношениях с японцами и занимает острое враждебное положение к американцам.

Японцы и американцы преследуют только личные цели, редко противоположные, и стараются всячески друг друга подкузьмить; видный американский представитель Эмерсон¹⁷⁰⁴ не постеснялся недавно заявить, что скоро японцам будет не до Сибири, так как весной у них произойдет такая жестокая революция, что и Микадо, быть может, не усидит на своем троне.

Корф уверяет, что Семенов и Чжан Цзо-Лин находятся и действуют в тесном союзе и обязались друг другу помогать, и что почти полномочным посланником при Чжане состоит мой бывший подчиненный по Восточному институту капитан Грегори¹⁷⁰⁵, ведущий в Мукдене такой широкий образ жизни, который затмил остальных семеновских сател-

литов. Англичане и американцы очень недовольны направлением дальневосточных событий и якобы настаивают перед адмиралом на том, чтобы командующим войсками в Забайкалье, на Амуре и в Приморье был назначен генерал Хрещатицкий¹⁷⁰⁶, единственный, по их мнению, достойный для сего кандидат.

15 ноября. Ухудшение состояния здоровья и почти полное отсутствие сна вызвали мой отъезд во Владивосток в надежде устроиться там в Морском госпитале, бывшем в мои времена образцовым и превосходно обставленным медицинским учреждением. Перед отъездом познакомился с опубликованным в газетах грозным воззванием Сахарова, сулящим расстрелы и всякие скорпионы всем, не исполняющим распоряжения по эвакуации; по суконности редакции и по глупости самих угроз видно, что тут работали совместно родственные души бетонного аракчеевца и злобного полицейского¹⁷⁰⁷.

В деталях примечательно распоряжение о выгоне всех омичей на окопные работы, это в обстановке отступления, общего развала и 25-градусных морозов.

В вагоне меня атаковал Корф с проектом новой организации осведомительного отдела с филией в Шанхае и, конечно, с весьма жирными окладами содержания и притом в валюте; начальнику отдела, понимая, что таковым должен быть такой специалист, как сам Корф, одних только разъездных положено 2500 долларов в месяц.

Я совсем опешил от этого доклада; выразил удивление, почему с ним обращаются ко мне, совершенно конченному и начисто ушедшему от всяких дел человеку, да кроме того еще очень тяжело больному и, надо добавить, общеизвестному ненавистнику всяких осведомительных и разведывательных организаций и учреждений вообще, а в их формах и нравах Гражданской войны в особенности.

С маньчжурским поездом, к которому прицепили мой вагон, приехал из Читы Петр Петрович¹⁷⁰⁸; как прежний сотенный командир Семенова, он хорошо осведомлен во многом, там происходящем. Между прочим, он сообщил мне, что я проехал через Читу благополучно только вследствие авторитетного вмешательства Федотьева; без этого было бы, наверное, осуществлено тайное решение семеновской клики снять меня с поезда и под каким-нибудь соусом вывести в расход — в наказание за тот разговор с Мике¹⁷⁰⁹ и другим членом японской миссии, который я имел в Омске вскоре после моего туда приезда и который касался безобразий атаманского режима. Этот разговор, как оказыва-

ется, был своевременно сообщен в Читу, и в иных условиях мне, конечно, не дали бы благополучно проехать в Харбин.

Корф ушел от меня недовольным и обескураженным; я весьма откровенно изложил свой отрицательный взгляд на всяких осведомительных деятелей, добавив, что если бы расформировать все учреждения, в которых они укрываются от боевого фронта и черной работы, то получился бы хороший полк с внушительным числом рядов.

В ответ на это мой собеседник не преминул поделиться со мной некоторыми сведениями не своего, так сказать, а моего порядка. Он сообщил, напр[имер], что сейчас в Харбине работает не менее десяти разных разведок и осведомителей; по его данным, на хорватовскую разведку расходуется до 300 000 иен в месяц, семеновские руководители местной агентуры получают одного только жалованья по 10–12 тысяч романовскими в месяц плюс сотни тысяч в иенах на экстраординарные расходы; за ними следуют более мелкие акулы: охранной стражи, Приамурского округа, отделение ставочной разведки, Министерства внутренних дел, а вся компания завершается союзниками, среди которых наиболее энергичны и наиболее не стесняются в расходах японцы, американцы и чехи.

Откровенничая со мной по этой части, мой собеседник не знал, конечно, что мне было доподлинно известно, что в период до моего отъезда в Омск он сам был очень близко причастен к разведкам генерала Хрещатицкого и японской и получал от них ежемесячно по несколько сот иен (трудно сказать за что, так как по ограниченности и болтливости должен был не подпускаться совершенно к делам разведочного характера).

Из всех этих разведок и контрразведок наши собственные были самые гнусные, с огромным процентом агентуры, подкупленной союзниками и работавшей главным образом в их пользу. Все наши учреждения этого рода работали независимо друг от друга и старательно друг другу мешали, устраивали одна другой всякие подвохи и по этой части проявляли, несомненно, значительно больше энергии и поворотливости, чем в борьбе с красными шпионами и агитаторами. Сейчас, наверняка, все это продолжается в том же духе. При расставании с Корфом убедился, что одним из главных родителей проекта новой осведомительной махинации был Полидоров, очевидно понимающий всю невыгоду возвращения в трескающийся Омск и старающийся создать для самого себя высокую и валютную синекуру в наиболее безопасном тылу. Но опять-таки, непонятно, к чему тут я.

В дороге прочел записку и.д. начальника штаба охранной стражи полковника Баранова¹⁷¹⁰ по поводу обнаруженного им плана местных китайских властей не допустить восстановления прежнего корпуса пограничной стражи и заменить его своими собственными китайскими формированиями.

Записка обстоятельная, убедительная и подкреплённая солидными доказательствами, а самый план находится в полном соответствии с националистическими стремлениями Чжан Цзо-Лина, каковые давно уже известны и направлены к постепенному нашему вытеснению из всей Маньчжурии... а в далеком будущем даже связаны с возвращением Китаю всего, взятого нами по Айгунскому договору¹⁷¹¹.

В связи с этой запиской надо было очень и очень пожалеть о преступной бездеятельности Хорвата и его помощников в вопросе о восстановлении пограничной стражи с выполнением этого во всяком случае уже в канун 1917 года, когда произошел захват власти большевиками.

Тогда для этого имелись все законные основания*; тогда никто не мог этому препятствовать, а поток военных беженцев давал все возможности создать новые и достаточно прочные части.

Вместо этого выдумали организацию какой-то полуштатской вольнонаемной охранной стражи, да и это дело поручили старому командному составу, промаринованному в старом маньчжурско-хорватовском соусе и привыкшему смотреть на свои места как на что-то очень спокойное, весьма обеспеченное и не особенно обязывавшее.

В результате новая охранная стража недалеко ушла от качества и порядков знаменитой Матильдиной гвардии¹⁷¹² первых годов существования Восточно-Китайской железной дороги; большая разница получилась только в денежном размахе: прежде лилось золото и летели миллионы, теперь все сжалось, а кое-где подошло к пределам нищенства.

Командный состав, который получила новая охранная стража, не выдерживает сколько-нибудь снисходительной критики; Самойлов при дельных и энергичных помощниках был бы еще терпим, но при их теперешнем составе его сибаритство, безволие, условия его личной

---

* Конечно, при большей дальновидности мы должны были одновременно с отправкой полков Заамурского округа пограничной стражи на театр военных действий формировать на их месте такие же новые части, пополняя их ранеными инвалидами, ополченцами и т.п. (примеч. А.П. Будберга).

жизни, отсутствие авторитетности и гражданского мужества обращают его в полный нуль, если даже не хуже.

Хозяйства он не знает, в него не мешается, и все идет по-старому, по чему-то среднему между коммерческим правом и кормлением. Помощник Самойлова по хозяйственной части старый заматерелый маньчжурец, физическая развалина, сутубый лентяй и присяжный укрыватель разных злоупотреблений. Очень недавно проворовался казначей штаба охраны, и все это покрыли, ибо для всей старшины очень опасно допустить следователя копаться в хозяйственных и денежных делах охраны. И в то же время роты на линии сидят без одежды и обуви, страдают от непорядков и задержек в отпуске денег и даже текущего продовольствия.

Недавно открылось место начальника I отдела охранной стражи; налицо имелось несколько дельных и порядочных кандидатов, а назначили генерала Кордюкова¹⁷¹³, старую алкогольную развалину, управляемую распутной девкой-сожительницей.

16 ноября. Газеты со встречного поезда полны известиями с фронта и обсуждением грамоты конференции казачьих войск по адресу Семенова; все субсидируемые осведомления и их платные писаки захлебываются в дифирамбах и восхвалениях казачьей доблести и казачьих вождей.

Конечно, есть очень порядочные казаки, но в общем вся казачья масса шкурники, ну а их сибирские вожди один другого хуже; за Дутовым, по крайней мере, есть заслуга первого подъема казаков против большевистской власти, а у Иванова-Ринова и наших дальневосточных Семенова и Калмыкова одна только грязь и кровь. Ну разве к этой банде допустимы признания великих заслуг «за восстановление государственности»!

17–18 ноября*. Записываю сразу за два дня, так как ночь на 18^е прошла в обстановке, не допускавшей прибегнуть к дневнику и перу. Наш поезд пришел на станцию Владивосток рано утром.

17 ноября; на вокзале пустыня, на путях мертвая тишина, в самом воздухе что-то тревожное. Состав поезда убрали сразу на Первую Речку, а мой вагон бросили на первом пути; еле добился кого-нибудь в управлении коменданта станции и узнал, что местные железнодорожники частью бастуют, а частью разбежались, ибо в городе неблагополучно и ожидают какие-то беспорядки, связанные с пребыванием здесь поезда генерала Гайды (его все еще зовут генералом, хотя он этого звания уже лишен)¹⁷¹⁴.

---

* Подчеркнуто публикатором.

С большим трудом удалось добиться передвижения моего вагона на обычный для служебных вагонов тупик западнее второго вокзального виадукта. Здесь бросилось в глаза почти непрерывное прохождение по путям к пристани Добровольного флота и по направлению на Эгершельд небольших групп и кучек субъектов весьма подозрительного, а частью и совсем каторжного вида, мрачно и сосредоточенно куда-то спешивших.

В том же направлении вдоль портовой дороги мотались большие чем-то груженые чешские грузовики.

Обстановка несколько разъяснилась, когда ко мне прибежали приехавшие одновременно со мной Черновы, совсем испуганные и ошалевшие, наспех сообщили, что Манакины¹⁷¹⁵, жившие на Печенге, арестованы и что скоро начнется вооруженное восстание, организованное Гайдой, и после этого побежали дальше в город искать приюта у кого-либо из знакомых.

Теперь мне стало ясно, куда и зачем двигались эти подозрительные кучки.

Всю предыдущую ночь почти не спал от сильных болей в печени, но подкрепился соответственными лекарствами и налегке пошел в штаб крепости, чтобы там получить более подробное осведомление и в случае надобности предложить свои услуги на положении знатока местных условий и в своем роде специалиста по части усмирения владивостокских бунтов и беспорядков.

Большого начальства в штабе крепости не нашел, но все же узнал, что с утра к поезду Гайды начали стекаться рабочие и грузчики и туда же ожидаются некоторые уже восставшие отдельные части гарнизона. Приказано стянуть к району вокзала Инструкторскую школу¹⁷¹⁶ и егерский батальон и занять выжидательное положение, т.к. все зависит от решения союзного командования.

Не без труда дошел до штаба округа, который помещался в здании какого-то шантана на Алеутской ул. за Светланкой¹⁷¹⁷. На счастье, встретил по дороге своего старого медикуса-целителя доктора Акацатова¹⁷¹⁸, который наспех спросил обстоятельства и ход моей болезни и быстро достал мне из ближайшей аптеки какое-то удивительно эффективное лекарство, которое меня сразу подкрепило и дало возможность оставаться на ногах без всякого сна и с очень маленьким отдыхом в течение почти двух суток.

Штаб округа (как это было мизерно и лохмато в сравнении с хабаровским штабом) застал в состоянии растревоженного муравейника;

всем распоряжался очень кряжистый и решительный подполковник Генерального штаба Смирнов¹⁷¹⁹, в остальном персонале царила какая-то оторопь и рассеянность; начальника штаба полковника Сыромятникова¹⁷²⁰ не видел.

Осведомился, почему же до сих пор не предпринято ничего для ликвидации Гайды в месте накопления его силы, имея главной задачей локализацию восстания и недопущение его распространения по всему городу. Получил ответ, что союзное командование сообщило, что не допускает никаких вооруженных столкновений и разоружит немедленно ту сторону, которая начнет первой. Незавидное выходило положение Розанова, связанного этим по ногам и рукам. Узнал также, что в данное время шло заседание междусоюзной комиссии военных представителей и от ее решения зависело дальнейшее течение дел.

Около 2 часов дня в районе вокзала начались отдельные вспышки ружейного огня; постепенно то усили[ва]вшиеся, то временно затихавшие, отдельные перелетные пули достигали до Светланской улицы — это, как выяснилось, стрелял калмыковский бронепоезд, отрезанный на Эгершельде и оказавшийся на фланге гайдовского сосредоточения.

Направился опять к вокзалу; Светланская улица между железнодорожным виадуком и Амурским заливом была уже занята японцами, взявшими под контроль всякое движение на Эгершельд. По Алеутской временами надо было останавливаться и укрываться от пуль, летевших со стороны Эгершельда. В штабе крепости узнал, что огонь начали гайдовцы, хотевшие выбить юнкеров Инструкторской школы, занимавших здание вокзала.

Это развязало Розанову руки; около этого времени в штаб союзного командования попали разбросанные утром прокламации самого разнузданного и погромного характера, и это очень скоро отразилось на настроениях и отношениях союзного контроля: американцы заявили о своем невмешательстве, а японцы гарантировали поддержание порядка в городе, но требовали локализации военных действий на Эгершельде и рекомендовали «кончать все скорее и решительнее».

По имевшимся данным, силы Гайды состояли из привезенного им с собой конвоя, двух рот крепостной артиллерии и батальона морских стрелков; кроме того, к нему стеклось несколько сот грузчиков и всевозможной шпаны из притонов семеновского базара Первой Речки и из временных квартирантов старых кирпичных заводов.

Было известно, что вооружение и обмундирование для грузчиков и шпаны подвозилось на Эгершельд на чешских грузовиках (по некото-

рым неустановленным точно данным, помогли как будто бы и американцы). Восстание шло под флагом сибирского эсеровского правительства, на шинелях восставших частей были нашиты зеленые погоны.

Надо заметить, что Гайда оказался ничемушным главковерхом; как район сосредоточения его банд, так и весь дальнейший процесс развития его вооруженного выступления был весьма неудачный. Правда, как потом говорили, его уверили его эсеровские соучастники, что им вполне обеспечено содействие стоявших в порту миноносцев и даже возможно присоединение к ним калмыковского бронепоезда.

При этих условиях сосредоточение на Эгершельде и прикрытие его железнодорожным обрывом, массивными зданиями и вагонными составами представляли известные выгоды, но ничто не могло объяснить затягивания начала нападения на Инструкторскую школу, т.е. на главнейшую и надежнейшую часть правительственных войск (что на несколько часов раньше и при более широком фронте атаки имело весьма большие шансы на быстрый и решительный успех).

Думаю, что как это, так и вся последовавшая вялость действий гайдовских воинов объяснялись тем, что у них было очень много желания пограбить и попасть в хозяева положения, но очень и очень мало охоты рисковать своей шкурой и подвергать себя большой опасности.

Помощники Розанова действовали тоже не очень быстро. Весьма неудачно общее начальство всеми войсками, назначенными для ликвидации Гайды, было поручено коменданту крепости полковнику Томилко¹⁷²¹, только что приехавшему во Владивосток и не знавшему даже названия тех улиц, в районе которых надо было действовать; его начальник штаба подполковник Кононов¹⁷²², тоже новичок, был осведомлен немного больше. Фактически же все надо было отдать в руки старшего штаб-офицера Инструкторской школы, так как в действительности она оказалась единственной воинской частью, работавшей против бунтовщиков в центре восстания, т.е. около железнодорожного вокзала.

Последний был в это время уже оставлен юнкерами и занят гайдовцами, установившими там несколько пулеметов и державшими под огнем всю площадь и все подступы.

Вскоре на вокзал перебрался и Гайда со штабом и с новым правительством; сначала их, сидевших в поездах бывшего хорватовского туника, стал обстреливать калмыковский бронепоезд, а затем совершенно неожиданно на них обрушился огонь 40^{-мм} орудий наших миноносцев.

После этого все бросилось под укрытие вокзала, построенного из весьма солидных гранитных плит, причем для усиления безопасности со стороны залива на железнодорожные пути вблизи самого вокзального здания восставшие накатили на руках несколько пустых вагонных составов.

В общем действия правительственных войск начались с наступлением сумерек, причем было ясно, что занятие вокзала давало бунтовщикам весьма серьезные преимущества и что без содействия артиллерии и сильных подрывных средств взятие вокзала простым штурмом живой силы было совершенно невозможно и всякие в этом отношении попытки привели бы к беспечельному уничтожению рот Инструкторской школы, кстати сказать, очень немногочисленных по своему составу.

Было ясно, что для надлежащего разрешения вокзального дела надо было применить артиллерию; на счастье, вспомнили, что на Чуркине имелось несколько полевых орудий, недавно прибывших из Франции, и отправили туда группу артиллерийских офицеров с поручением привести в готовность и доставить к штабу округа одно такое орудие.

Задача была нелегкая, так как перевозных средств не было и орудие и снаряды надо было проташить на руках кругом всей бухты и проскочить незаметно через район Гнилого Угла, занятого чешскими войсками.

Я пробыв в районе 1^й Морской и штаба крепости до наступления темноты и воочию видел полную невозможность ликвидации вокзала силами одной инструкторской роты; затем с великим трудом добрался до штаба округа и там свалился в кабинете начальника штаба. На этот раз Сыромятников был здесь, но очень удивил меня какой-то странной рассеянностью и равнодушным отношением ко всему происходившему; по-прежнему всем распоряжался Смирнов.

Через некоторое время удалось пристроиться на автомобиль, на котором ехал офицер с бумагами на подпись Розанову, с которым до этого времени не мог даже поговорить по телефону и который даже не знал о моем нахождении во Владивостоке.

Дом Свицерского, в котором жил Розанов, был окружен постами часовых его казачьего конвоя; на дворе стояли два доморощенных броневых автомобиля.

Электричество не работало, и кое-где горели свечи, вставленные в бутылки; прихожая была завалена спавшими на полу гардемаринами¹⁷²³. Мое появление было полной неожиданностью. Розанов наспех ознакомил меня со сложностью своего положения, в котором главную роль играли сейчас чехи, ибо американцы объявили о полном

невмешательстве, а японцы занимали двойную позицию, одной рукой (Ойя¹⁷²⁴ и союзная комиссия) сдерживая и играя на беспристрастности и необходимости не допускать кровопролития, а другой (независимая военная миссия полковника Изоме¹⁷²⁵) — обещая негласное содействие и подбадривая на твердые и решительные действия.

При этом было доподлинно известно, что чехи под разными видами тайно помогали восставшим и что их командование было на стороне Гайды и в случае каких-либо осложнений могло даже выступить активно на его защиту вообще, а при его неудаче в особенности.

Вскоре после моего прибытия мне самому пришлось быть свидетелем нелепого положения старшего представителя русской власти на русской территории; почти непрерывно на квартиру командующего войсками являлись разные представители союзного командования с заявлениями, уговорами, советами, предостережениями, и все завершилось получением почти что ультиматума от старшего во Владивостоке чешского генерала Чечека¹⁷²⁶, заявившего в самых решительных выражениях, что если генерал Розанов начнет военные действия против Гайды, то будет отвечать за это перед Чешской республикой и чешскими войсками во Владивостоке и в Сибири (последнее было изложено очень дерзко и должно было быть понимаемо, как* определенная угроза ответа немедленным военным против нас выступлением).

Этот ультиматум был получен в то время, когда в кабинете Розанова находился японский полковник Изоме, занимающий здесь совершенно исключительное положение; он состоит начальником особой японской военной миссии, независим от местного японского главнокомандующего и подчинен прямо Токио. Он весьма прилично говорит по-русски, хорошо образован, держится европейцем, настроен резко враждебно против американцев и чехов и все время подбивает Розанова, с которым, по-видимому, находится в очень дружеских отношениях, к самым решительным и бескомпромиссным действиям.

Однако в данном случае он уклонился от вмешательства, и Розанов, припертый к стене, оказался вынужденным ответить Чечеку, что согласен прекратить усмирение гайдовского восстания на следующих условиях: 1) немедленная и безусловная сдача всех восставших; 2) Гайда и чехи, принимавшие участие в восстании и нарушившие приказ чешского правительства вмешиваться в русские внутренние дела, переда-

---

* В документе ошибочно — какая.

ются чешскому командованию для суждения и наказания; 3) русские участники восстания подлежат суду и наказанию по русским законам военного времени.

Едва был отправлен этот ответ, как все положение оказалось сугубо запутанным спешкой и малоосновательностью нашего офицера для связи с японским командованием, который, не имея официальных данных и руководствуясь только слухами и частными разговорами с младшими японскими офицерами, прислал спешную записку, в которой доносил, что междусоюзная компания и японское командование не считают Гайдю чешским подданным, не признают за ним права экстерриториальности и предоставляют русской власти поступать с ним по своему усмотрению.

Это сообщение резко изменило настроение Розанова и его антуража, явилась надежда на то, что агрессивность чехов будет аннулирована поддержкой всех остальных союзников, и на основании этого была послана новая телеграмма Чечеку с уведомлением, что на основании решения междусоюзной комиссии командующий войсками округа изменяет свое решение и в выдаче Гайдю и его чешских соумышленников отказывается.

Я тщетно уговаривал Розанова повременить с этим решением и ожидать получения протокола вечернего заседания междусоюзной комиссии; мои опасения оправдались — оказалось, что вопроса о подданстве Гайдю в комиссии не обсуждалось и постановления, сообщенного в записке нашего офицера для связи, не выносилось.

Получилось довольно конфузное положение; Изоме быстро ретировался, а через некоторое время в кабинет Розанова буквально ворвался Чечек в сопровождении группы чешских офицеров и в очень резких выражениях потребовал немедленного и короткого ответа, считает ли генерал Розанов вторую телеграмму своим окончательным решением, причем добавил, что в утвердительном случае он приступит к немедленной отдаче соответственных и вызванных этим распоряжений и что с этим может быть связана судьба отходящих от Омска русских армий.

Прошло несколько тягостных минут полного молчания, Розанов взволнованно ходил взад и вперед, Крашенинников¹⁷²⁷ пытался что-то говорить ему на ухо, а адъютант Нарышкин¹⁷²⁸ начал что-то советовать по-французски, но был сразу оборван Чечеком, сказавшим, что он тоже говорит по-французски.

Наконец Розанов принял решение и ответил, что ввиду ошибочности полученной им информации о решении междусоюзной комиссии он вынужден отказаться от второй телеграммы и считать для себя обязательным свое первое соглашение.

После этого начались очень длинные, а по сущности и атмосфере обидные для нас дискуссии о порядке ликвидации восстания; в конце концов остановились на том, что Чечек поедет парламентаром и употребит все усилия и приложит весь авторитет чешского командования, чтобы заставить восставших положить оружие и сдаться на выработанных для сего условиях*.

Чечек сейчас же отправился в штаб округа, но ко времени его туда прибытия уже начался артиллерийский обстрел здания вокзала, и чешскому генералу было заявлено, что там идет рукопашный бой и до конца его никто уже не в силах его остановить. Чечеку пришлось примириться с неизбежным ходом событий. Для нас вышло очень удачно, особенно с началом стрельбы орудия, поставленного на Алеутской улице около здания и первый выстрел которого совпал с отъездом Чечека из розановского дома; для проформы Розанов просил коменданта остановить огонь, но из штаба крепости ответили, что было уже поздно.

Судя по рассказам артиллеристов, обстановка стрельбы была оригинальная: обращение с французским орудием было неизвестно его импровизированной прислуге; пришлось разбираться по французскому наставлению, находясь уже под пулеметным огнем с вокзала и при свете где-то добытой свечки.

И все же это орудие сыграло решающую роль и сломило все восстание, несмотря на то, что весь боевой комплект состоял из одних только шрапнелей; при этом нам очень посчастливилось, так как первые выстрелы попали прямо в окна и шрапнели разорвались во внутренних помещениях вокзала, набитых гайдовцами.

Это разрушило сразу же все надежды бунтовщиков на прочность укрытия за гранитными стенами вокзального здания, и все в нем скрывавшееся бросилось в разные стороны, прячась под поездами и стара-

---

* Во время этих разговоров Чечек был очень ошеломлен и даже ничего не возразил, когда Розанов выразил ему удивление, что по неопровержимым и документальным доказательствам «друзья-чехи» пытались подкупить команды наших броневиков и сманить их на сторону Гайды (*примеч. А.П. Будберга*).

ясь проскочить на Эгершельд и в ближайшие казармы, занятые американскими войсками.

Впереди всех убегало самозванное правительство и его главковерх; только правительству удалось проскользнуть и спастись в американских казармах, а Гайда и его свита, пробравшиеся по направлению к Коммерческой пристани в надежде достичь штаба чешских войск, напоролись на офицерский патруль и немедленно и без всякого сопротивления сдались и были отведены в штаб округа.

Об этом стало известным у Розанова одновременно с новыми требованиями Чечека (очевидно, раньше уже осведомленного о всем происшедшем) выполнить соглашение и передать ему Гайду и захваченных чехов; это требование опять-таки сопровождалось очень откровенными угрозами в случае неисполнения, причем грозили выступлением не только во Владивостоке, но и в Сибири.

Розанов страшно волновался, временами намеревался отдать приказ о немедленном предании Гайды и К^о полевому суду с немедленным же расстрелом, но, ввиду очень осторожного настроения вновь явившегося к нему Изоме, вынужден был согласиться на чешские требования.

Уведя меня в свой кабинет, он сказал: «Я не могу жертвовать судьбой наших сибирских войск из-за этого мерзавца Гайды и приказал передать его генералу Чечеку с условием, что он будет неотлагательно отправлен за границу и даст обязательство не вмешиваться в русские дела».

Иначе Розанов не мог поступить; вся сила была в чешских руках; союзная комиссия ненавидела Розанова за его самостоятельность и резкое отстаивание русских национальных и военных интересов.

Драться с чехами здесь, во Владивостоке, союзники, конечно, не позволили бы, да и что мог сделать представитель русской власти, имея в своем распоряжении всего лишь несколько сот юнкеров и гардемарин?

Расстрелять Гайду и его свиту было очень легко, но это фактически, а не призрачно угрожало такими последствиями для наших сибирских армий, в тылу которых и на пути отхода которых находились две свежие* и вооруженные до зубов чешские дивизии, что всякий разумный человек должен был согласиться с решением Розанова.

Рано утром был в штабе округа, видел там Гайду, сидевшего в кабинете начальника штаба вместе с полковником Сырмятниковым;

---

* В документе несогласованно — свежих.

следов побоев, которым будто бы подвергся эсеровский главковерх, не заметил. Остальные чехи сидели, окруженные часовыми, в углу большой залы и производили весьма жалкое впечатление*.

Смирнов и его помощники по борьбе с восстанием имели торжествующий вид и, не стесняясь, выражали свое крайнее недовольство «дряблостью командующего войсками и передачею Гайды в чешские руки». Гайде, несомненно, повезло тем, что он попал в офицерские руки; нарвись он при своем удирании на юнкеров или гардемарин, понесших довольно большие потери, его прикончили бы на месте.

Из штаба округа доплелся до своего вагона; мой неожиданный из него вчерашний уход обошелся мне достаточно чувствительно: гайдовцы забрали мою золотую шашку, разворотили все купе и сперли оставленные в чемодане деньги (все мои наличные ресурсы в размере пяти тысяч романовскими и тридцати тысяч сибирскими, скопленные мною для оплаты лечения).

Вагон был пробит пулями в нескольких местах; на вокзале весь нижний этаж и багажные помещения были завалены трупами убитых и расстрелянных; весь район охранялся юнкерами Инструкторской школы, и всем распоряжался старший батальонный командир полковник Рубец¹⁷²⁹ (бывший офицер 36 Сибирского стрелкового полка). Расстрелы все еще продолжались; экзекутировали всех с зелеными погонами, захваченных с оружием в руках; таков был первоначальный приказ Розанова, вскоре после выхода им отмененный по требованию междусоюзной комиссии и замененный передачей всех бунтовщиков на рассмотрение военно-полевых судов.

Судя по звуку, расстреливали внизу и из пулеметов; мимо меня туда провели несколько мелких партий с такими рожами, при наличии которых нельзя было возражать против крутости расправы.

Пошел на [«]Печенгу[»] повидать[ся с] Манакиным; по дороге видел вагон Гайды и его поезда, разгромленные только что командой калмыковского бронепоезда. Картина напомнила мне маленькие восточно-пруссские городки, которые мы проходили в 1914 году после боев. Все внутри представляло из себя мелкую труху из осколков, обрывков и кусочков; получалось впечатление, что все это было пропущено через грандиозную мясорубку, а объяснялось тем, что калмыковцам стало

---

* Исправлено вместо вычеркнутого: имели весьма жалкий и перепуганный вид.

известным, что в поездах Гайды было немало золота и ценностей и что все это было искусно запрятано в стенках и внутри вагонных сидений; посему все и было разбито, разворочено, распорото, осмотрено и прошло через несколько десятков рук.

Погромом поезда и объяснялось то непонятное сначала обстоятельство, что довольно долго после сдачи вокзала бронепоезд, стоявший на Эгершельде, продолжал робкими выстрелами покрывать железнодорожные пути; как мне говорил проводник нашего вагона, большой жулик и, по-видимому, даже участник в общем грабеже, это делалось для того, чтобы не допустить к поезду Гайды ни чехов, ни соперников своего лагеря.

Манакины просидели эти дни запертыми в своей каюте; все коридоры были набиты гайдовцами, и нашим заключенным пришлось слышать веселые разговоры на тему о том, как эта шпана собиралась «попировать и погулять» после ожидавшегося ею успеха, а одновременно и рассчитаться с кровопийцами-буржуями.

В первое время на [«]Печенге[»] был штаб восстания; начальником штаба был Солодовников¹⁷³⁰, а при нем два неизбежных еврея.

Поздравил Манакина с избавлением от двойной опасности, так как во время пребывания в доме у Розанова узнал, что ввиду сведений о занятии [«]Печенги[»] гайдовцами было решено в случае затяжки ликвидации восстания утопить этот пароход минами с действовавших со стороны бухты миноносцев.

На обратном пути встретил местного управляющего Добровольным флотом* Кузьменко¹⁷³¹; ему пришлось провести очень скверную ночь: 17¹⁰ вечером его арестовали и связанного заперли в пустую теплушку, которую и выдвинули к стороне Эгершельда вместе с несколькими другими — для прикрытия своего района от огня калмыковского бронепоезда.

Показал мне свою ночную тюрьму, пробитую и пулями, и осколками снарядов нашего миноносца; на счастье заключенного, траектория пуль шла довольно высоко и большинство пробоин оказались в верхней половине вагона.

На мой вопрос, как же чувствовалось во время этого заключения и обстрела, Кузьменко, очень флегматичный и много испытывавший моряк, ответил, что почти все время он упрекал себя в том, что вышел к

---

* В документе ошибочно — фронтом.

арестовавшим его в новой и очень хорошей шубке, которую с него не сняли, и этим подвергся двойной неприятности быть раненым или убитым и вместе с тем лишиться свою жену наследования очень дорогой вещи.

При опросе взятых бунтовщиков выяснилось, что большинство присоединившихся к Гайде было обмануто сообщенными им сведениями о том, что правительство адмирала пало, а Розанов и местные власти бежали в Японию, и что на стороне Гайды все моряки, миноносцы, розановские егеря и броневики и даже часть команды калмыковского бронепоезда.

Были показания, что Солодовников в своей речи к восставшим призывал их стать под главенство великого военного вождя Троцкого, в возможности такого призыва я сначала сомневался, но пришедший в мой вагон Манакин подтвердил, что слышал из своей каюты (рядом с большой кают-компанией), что кто-то там ораторствовал на эту именно тему.

После обеда проехал к Розанову; там получены сведения, что третьего дня нами оставлен Омск, который подожжен красными со всех четырех сторон в отместку за то, что был белой столицей. По данным японской разведки, в Иркутске тоже было восстание эсеров, но также быстро подавлено; говорят, что все эти восстания были задуманы при проезде Гайды через Иркутск, где у него были тайные совещания с эсерами. Выходит, что я был прав, когда советовал адмиралу не пускать Гайду на восток, а отправить его — через Семиречье и Монголию — в Китай.

Познакомился с розановским серым кардиналом капитаном Крашенинниковым, начальником гражданской канцелярии, главной разведки и контрразведки и, как уверяли в Харбине, фактическим распорядителем в округе и крае. Розанов рекомендовал его мне как исключительно* талантливого и верного человека, необычайно искусного организатора и исполнителя с одним только недостатком — ничем не сдерживаемой ненавистью к большевикам и связанной с этим склонностью к жестоким иногда расправам.

Первого свидания и довольно длинного разговора было вполне достаточно, чтобы сразу раскусить эту штучку; оказалось, кустарный вариант хабаровского провокатора и мерзавца ротмистра Фиоши-

---

* Вычеркнуто — необычайно.

на¹⁷³² с тем же нахальством, абсолютнейшим отсутствием каких-либо принципов, кроме собственного честолюбия и корыстолюбия, и даже с очень похожими на фиошинские приемами втирания очков, создания небывалых заговоров, измен и шпионств и пр. и пр.

При этом, работая в несравненно в более грязной, темной и выгодной для таких субъектов обстановке Гражданской войны, сей гусь развернулся, в очень крупном, сравнительно, размере, а сверх того, действительно, овладел доверием и волею Розанова.

Даже при первом разговоре, учитывая, несомненно, мои близкие товарищеские отношения с его начальством, он сразу и так же, как когда-то Фиошин, пытался ошеломить меня тонкостями своих разведывательных операций и их результатами.

Не зная, конечно, моего долгого опыта по знакомству с работой наших жандармских органов, он стал вываливать мне кучу своих сведений, полагая, что я должен был изумиться их широте и важности.

В своем старании, а может быть, и просто по глупой заносчивости и самовлюбленности, сей сверх-контрразведчик не замечал, что огромное большинство того, что он мне сообщал, делало объектами его наблюдения больше всего Хорвата, а затем разных русских персонажей, и в силу этого имело характер очень дешевенького внутреннего шпионажа, весьма у нас обычного и даже модного, но лишенного всякого практического значения.

Когда же я стал расспрашивать его об отношениях Гайды и чехов и о том, каким образом прозевали накопление здесь эсеров и всю подготовку восстания Гайды, то мой до тех пор очень словоохотливый докладчик сразу закип и быстро испарился, объяснив свой уход важными и срочными делами.

Откровенно высказал Розанову свое впечатление от знакомства с его любимцем, что вызвало целый поток возражений и попыток доказать огромный талант К. и его пользу для нашего дела.

Особенно не спорил, так как по опыту службы с Саввичем¹⁷³³, а потом и с Санниковым¹⁷³⁴, знал, что в подобных случаях это совсем безнадежно.

Как это ни странно, но таинственность разведки и контрразведки очень сильно влияет на случайно приткнувшихся к ней старших начальников, их гипнотизирует и очень легко отдает их в руки разных Фиошиных и Крашенинниковых, которые этим и пользуются и на этом создают свое положение. Ведь то, что, по-видимому, проделывается

сейчас с Розановым его доверенным контрразведчиком, необычайно сходно с тем, что я застал в 1913 г. в Хабаровске, где на месте Розанова сидел Саввич, а Крашенинниковым был голубоглазый и ангелоподобный Фиошин.

Приказом Верховного правителя Забайкалье выделено в отдельный военный округ и подчинено Семенову, кроме того, откуда-то получен слух, что вскоре генерал Дитерихс будет назначен генерал-губернатором всего Дальнего Востока с особыми полномочиями. Нельзя возражать, что вообще с оставлением Омска чрезвычайно важно укрепить порядок и положение на Дальнем Востоке, но невольно напрашивается мысль, как это сделать, когда в Забайкалье сидит Гришка Семенов, а в Хабаровске его «младший брат» Калмыков, а на линии железной дороги орудуют чехи, а во Владивостоке интригуют и друг другу ножки подставляют наши милые союзнички, а атаманов нельзя и пальцем тронуть, так как этого никогда не позволят их друзья и торговые компании — японцы.

В такой обстановке никто не справится; это заставило меня отказаться от назначения на Д[альний] В[осток], которое мне предлагали во время ухода Хорвата, ибо я понимал свое бессилие свернуть головы Семенову и Калмыкову, а без этого всякий старший там начальник был пустым нулем. Таким, насколько я теперь вижу, является и мой достопочтенный Сергей Николаевич¹⁷³⁵, пытающийся, по-видимому, дружить с атаманами, но без какой-либо от этого пользы; в особенности это бесцельно в отношении Семенова, который был сугубо оскорбленным назначением Розанова, ибо считал, что это место принадлежало только ему самому.

Помню, что в Омске это настолько чувствовалось, что там даже были предположения, что Семенов просто не пропустит Розанова в Приморье.

Между прочим, Сергей Николаевич очень невысокого мнения о качествах хваленого Дитерихса; он рассказывает, что когда после омского переворота Болдырев¹⁷³⁶ предложил Дитерихсу место военного министра, то тот категорически отказался, а на упрек Болдырева, что в такое исключительное время русскому генералу не пристало отказываться от исполнения своего долга, последовал холодный ответ, что это к нему, Дитерихсу, относиться не может, так как он был прежде русским генералом, а теперь стал чешским.

19 ноября. Розанов очень расстроен; выяснилось, что его любимый и доверенный начальник штаба Сыромятников находился в тайных

сношениях с Гайдой, виделся с ним накануне выступления и только ожидал успеха восстания, чтобы перейти на его сторону; командир калмыковского бронепоезда, громивший гайдовский вагон, нашел там на письменном столе подлинный черновик приказа, подписанный Розановым 17 ноября и отдававший все распоряжения по атаке вокзала.

После этого начались дальнейшие разоблачения, причем некоторые гуси, собиравшиеся последовать за Сыромятниковым, немедленно его предали и раскрыли всю его деятельность.

Хорош, однако, розановский разведывательный сверх-талант Крашенинников, не сумевший вовремя все это обнаружить; совершенно невозможно даже предполагать, что он недосмотрел также предумышленно и вел двойную игру, ибо должен был знать наверняка, что в случае успеха гайдовского восстания ему грозила неизбежная петля, или если бы ему удалось спастись у японцев, то дальнейшим исходом было бы тайное бегство за границу и конец его великого визириата.

Гайда передан Чечеху, подписал обязательство в течение трех дней выехать в Шанхай и никогда уже не вмешиваться в дела России; последний абзац для него лично лестен, а для нас прямо-таки позорен.

Познакомились с розановским антуражем — невеселые впечатления; я знал С.Н. как товарища по училищу и академии и всегда думал, что едва ли он мог быть хорошим высоким начальником — слишком он был избалован хорошей личной жизнью и удачными условиями петербургской службы. На войне он вел себя доблестно и честно заслужил своего Георгия, но уже в Красноярске, на должности начальника района, одновременно с решительностью и распорядительностью, проявил несомненные атаманские замашки и не столько лично (для этого он был слишком порядочен), сколько путем излишнего доверия к лицам своего ближайшего окружения. Этим он доставил тогда немало забот адмиралу, и это же вынудило меня протестовать (хотя и не успешно) по поводу его назначения главным начальником Приамурского края*.

Как очень часто случается с такими доверчивыми людьми, около него собралась весьма полупочтенная компания, весьма умело пользующаяся его слабостями. Самый крупный гусь, конечно, Кра-

---

* Первоначально предполагали назначить его только командующим войсками округа, а потом по предложению Пепеляева добавили и главным начальником края (примеч. А.П. Будберга).

шенинников, ловко прибравший к рукам все остальную, так сказать, адъютантуру и, по-видимому, ее подкармливающий. В адъютантуре состояли Нарышкин, Гуковский и Кузьминский¹⁷³⁷, а в свите постоянного окружения два офицера казачьего конвоя Левиз-Менар¹⁷³⁸ и Стрелецкий.

Хуже всех Кузьминский (племянник графа Л.Н. Толстого и двоюродный племянник Розанова), грязный авантюрист, способный на всякую гадость и подлость, отдающий именем командующего войсками самые незаконные распоряжения, продающий разные льготные удостоверения и работающий в компании с такими же грязными авантюристами и дельцами, весьма обильно здесь кишашими.

За один сегодняшний день мои старые владивостокские знакомые познакомили меня с десятками предприятий этого «влиятельного родственника генерала Розанова», не только обирающего и реквизирующего, но и грозящего самыми жестокими репрессиями и расправами против не слушающихся.

В числе отдельных предприятий оказалась реквизиция винного погреба А.Г. Свидаерского, в доме которого жил Розанов, причем это было сделано для какой-то грандиозной попойки, а прикрыто личным якобы приказанием главного начальника края, который никогда этого даже и не подозревал и во всяком случае не допустил бы ничего подобного.

Остальная свита вертится около Крашенинникова, предаается* кутежам, принимала участие в раскрытии и ликвидации никогда не бывших заговоров и по-своему наслаждается жизнью, страшно компрометируя Розанова и весь режим и создав, в конце концов, легенду о постоянных кутежах и непросыпном пьянстве своего командующего войсками.

Когда в Харбине я услышал от Хорвата, что по данным его агентуры Розанов постоянно пьян, то очень удивился, т.к. знал Р. больше тридцати лет как веселого и размашистого, но корректного и никогда не пившего человека. Теперь я понял, откуда шли эти обвинения.

Я счел себя обязанным познакомить С.Н. со всеми этими данными; опять-таки по обыкновению таких доверчивых и избалованных людей, он сразу окрысился, назвал все это сплетнями враждебных кругов, но когда я ему представил неопровержимые факты отдачи Кузьминским

---

* Так в документе.

от его имени самых незаконных и грабительских распоряжений*, то так же скоро вскипел и немедленно приказал отчислить Кузьминского и выслать его в Харбин.

В общем, получалось что-то вроде маленькой Читы, но с разницей в том, что здесь это делалось без ведома старшего начальника, а в Чите не только с ведома, но и при участии.

Что касается моей оценки влияния Крашенинникова, то получилась полная обида, обычный по отношению ко мне упрек во мрачном и непомерно преувеличенном пессимизме и целый поток самых лестных восхвалений качествам, талантам, прозорливости, энергии, преданности, доблести и патриотизму этого совершенно-де исключительного человека, совершившего якобы уже невиданные подвиги в борьбе с большевиками в России и особенно на Волге.

Защита была такая ярая, что спорить с какой-нибудь надеждой на успех было бесполезно.

Вечером узнал о решении Розанова отчислить Сыромятникова и отправить его в Иркутск; если правда все то, в чем обвиняют С., то с ним следовало расправиться, возможно, круче и беспощаднее, как с несомненным изменником и предателем. И ведь он был не один; чуть ли не половина офицеров штаба округа была готова последовать его примеру в случае успеха восстания.

Понятна теперь та вялая позиция, которую занимал С. 17го и в ночь на 18^е.

20 ноября** . Не спал всю ночь; обдумывал положение Розанова и утром сделал донкихотский шаг — предложил ему исполнять обязанности начальника окружного штаба¹⁷³⁹ до приезда сюда заместителя (последний не был намечен Розановым, и я посоветовал предложить это место генералу Бурлину¹⁷⁴⁰, который знает владивостокскую обстановку и хотя немудр и ограничен, но очень работоспособен и старателен).

Пошел на это решение ради возможности принести хоть какую-нибудь пользу. Считаю, что мои личные отношения с Розановым позволят мне быстро многое поправить, а самое скверное немедленно устранить; кроме того, меня знает весь старый Владивосток и по трем сюда

---

* В числе их мебелировка своей квартиры обстановкой, отнятой у разных обывателей, создание своего винного погреба с реквизицией лучших вин «для надобностей главного начальника края» и т.п. (*примеч. А.П. Будберга*).

** Подчеркнуто публикатором.

приездам можно думать, что по старой службе за мной сохранился порядочный авторитет, который должен весьма и весьма пригодиться для выправления достаточно корявого положения местных представителей власти. Затем по штабной службе у меня большой опыт, а в теперешнем составе штабных чинов имеется несколько старших офицеров, с помощью которых можно быстро наладить настоящую и истовую работу.

Делая столь неожиданное для С.Н. предложение, я вместе с тем предупредил его, что считаю необходимым иметь в виду, что для меня Калмыков — разбойник и убийца и что вся разведочная и контрразведочная работа должна находиться под моим контролем.

Розанов был очень обрадован моим предложением и охотно на все согласился, попросив только дать несколько времени на исполнение порядка подчинения Крашенинникова ввиду его второй должности начальника личной канцелярии по гражданскому управлению.

Дополнительно предупредил Розанова, что самым решительным образом отказываюсь от какого-либо участия в политических делах и буду держать себя с союзниками самым самостоятельным образом; одновременно просил помнить, что по состоянию здоровья гожусь только на чисто кабинетную работу.

За день у меня перебывало много старых знакомых и офицеров прежнего гарнизона; из их рассказов узнал много мелких, но характерных подробностей современного здесь положения и всевозможных деяний розановского антуража, прикрывающегося почти всегда именем и распоряжением командующего войсками или главного начальника края; между прочим, узнал, что как союзники, так и наши при них сателлиты добрались до полковых складов, в которых хранились вещи ушедших на войну офицеров 3^й и 9^й дивизий, и теперь все квартиры разных больших, средних и малых персон обставлены весьма комфортабельно за счет этого подлого грабежа и мародерства.

21 ноября. Усилившееся нездоровье и вчерашние печальные рассказы заставили меня написать Розанову с просьбой освободить меня от данного ему обещания, так как очень боюсь, что мы сразу же на чем-нибудь так разойдемся, что от моей службы не только ничего не получится, но мой уход вскоре после принятия должности произведет неблагоприятное впечатление; поэтому мне кажется, более полезным устраниться, а временное исполнение обязанностей начальника штаба может нести и подполковник Смирнов.

Получив мое письмо, Р. примчался ко мне в вагон и упросил не отказываться, обещая полное содействие во всех моих планах и реформах.

Приходил Акацатов; красочно описал все, что здесь творилось во времена Иванова-Ринова и что продолжается и теперь; рвачи, авантюристы и насильники чувствуют себя, как рыба в воде; консервативное население совсем растерялось, а некоторые дошли до того, что начинают думать, что при всяком другом решении будет лучше.

Во всей области страшно развилось партизанство, и, по сущности, законная, правительственная власть имеет значение только в городах и отчасти вдоль железной дороги, да и то только потому, что на ней стоят союзники (из коих американцы настроены безусловно против нас и весьма благосклонны и попустительны к партизанам разных колеров, приравнивая их к истинным представителям русского патриотического населения).

Американская двуличность, конечно, не похвальна, но ведь, по правде сказать, коль оценивать и судить нас по тому, что творят Семенов, Калмыков и розановский антураж, а прежде выделявал Иванов-Ринов, а отчасти даже и Хорват, то, быть может, американцы и правы, относясь к нам недружелюбно. За грязью и туманом исполнителей нельзя видеть тех высоких идей, которые являются общей целью нашей белой борьбы и за которые борется большинство.

22 ноября. Вступил в исполнение обязанностей; работы предстоит выше головы; штаб округа был до сих пор каким-то политическим кабинетом и распухшей контрразведкой; о самих войсках округа никто не думал и не заботился, и надо только удивляться, как части до сих пор еще не разбежались.

Узнав о моем назначении, приехали городской голова, председатель Биржевого комитета и некоторые влиятельные старожилы, выразить радость по поводу моего приезда и обещали полное содействие во всем, что мне потребуется для пользы дела.

Все это очень приятно, но, по сущности, только ласковые слова и главным образом в надежде получить теперь защиту от разных уязвлений, от которых раньше такой защиты не было.

Для меня главное — войска и приведение их в надлежащий порядок и благоустройство, что после всего, принесенного революцией и всем последующим кавардаком, представляет огромные затруднения, особенно серьезные ввиду почти полного отсутствия командного состава и настоящих офицеров.

Говорил по этому поводу с генералом Смирновым¹⁷⁴¹ и со старыми приамурцами Станишевским¹⁷⁴², Делимарским¹⁷⁴³, Ешковым и некоторыми другими и получил от них самые безотрадные данные об офицерском составе частей гарнизона и беспорядках в хозяйстве и о настроении нижних чинов.

При разгроме гайдовского поезда калмыковцы захватили очень много документов, но Розанову их не сдали, а отправили своему атаману в Хабаровск. Розанову же они хотели преподнести в презент все русские ордена Гайды, но С.Н., конечно, отказался от такого подарка.

С большой помпой похоронили юнкеров инструкторской роты, убитых при взятии вокзала; с «большой» по современным послереволюционным масштабам; по старому владивостокскому масштабу все было серо, мизерно, убого, распущено и не по-военному.

23 ноября. Принялся за работу самыми бешеными темпами и сразу наткнулся на неожиданное препятствие, так как все остальные военно-окружные управления, от которых зависят срочные распоряжения по всем видам снабжения войск, оказываются в плену у Калмыкова, который не позволяет им выехать из Хабаровска; начальники этих управлений приезжают сюда периодически, а все остальное производится путем длительной переписки (служебная добросовестность теперь на манер белого слона). С такими «порядками» далеко не уехать!

Другая, еще более неприятная неожиданность — это прекращение нормальных денежных ассигнований, шедших для округа из Омска и нарушенных эвакуацией Военного министерства. Приходится ждать конца переезда в Иркутск и утрясения довольствующих учреждений на новых местах.

Принял первый доклад Крашенинникова, «для сведения» только, так как пока он мне еще не подчинен и находится в исключительном распоряжении Розанова, как командующего войсками и главного начальника края.

Вид у него надутый и настороженный, все время старался произвести впечатление и наблюдал за результатами. Я молча слушал; выводы — самая посредственная стряпня малограмотного, но дерзкого и самовлюбленного дилетанта, весьма бестолковый винегрет из международных союзнических дрызг и внутренне-российских политических соперничеств, подковырок, честолюбий, корыстолюбий и т.п., и все это на соусе грошовых, но острых сенсаций и разоблачений; опять-таки огромное сходство с теми непомерно раздутыми сводками и ведомо-

стями, на которых Фиошин сделал свою карьеру у Саввича и на которых потом сломал у меня свою дутую репутацию.

Высказал докладчику, что до перехода в разведывательной части штаба округа в мое подчинение могу только рекомендовать, чтобы вся наша энергия и все личные и денежные средства направлялись на борьбу с большевиками, ибо для военного командования нет особенной необходимости следить за Хорватом, Арнольдом¹⁷⁴⁴ и даже за союзниками; для этого у нас нет ни лишних людей, ни лишних средств; наш главный враг — большевики, эсеры и, как это ни прискорбно, наши собственные атаманы, и против них должны быть напряжены все наши усилия; надо направить главный удар на революционные и партизанские организации, найти их верхушки, вонзить туда внутреннюю агентуру и при всякой возможности бить по головам, не останавливаясь ни перед какими мерами — пора снять белые перчатки, но не в том, конечно, смысле, как то я видел в Омске и Харбине, где нравы и порядки были не лучше Чеки, а кое в чем и похуже.

Добавил, что при меньшей «разбросанности» работы нашей контрразведки весьма вероятно, что все махинации Гайды и эсеров, двойная игра Сыромятникова и многое другое были бы своевременно раскрыты.

Крашенинников ушел от меня мрачнее ночи; несомненно, с сегодняшнего дня у меня одним врагом больше и, как когда-то в Хабаровске, из довольно грязного и беспринципного лагеря (тогда настоящий жан-дарм, а теперь доморощенный, послереволюционный).

24 ноября. Приказал ликвидировать театры, содержимые штабом округа; для влиятельных лиц и для нужных союзных офицеров — это негласные публичные дома, а для всякой тыловой сволочи и так называемых артистов — удобное место для спасения своей шкуры от мобилизации.

Собрал кое-какие сведения о состоянии войск (настоящей отчетности и осведомления до сих пор нет). Положение в общем отчаянное — до сих пор нет теплой одежды и в караулы и на посты ходят в летних рубашках, фуражках и в рваных сапогах. Необходимых запасов продовольствия не заготовлено, и части перебиваются частными покупками; при таких условиях, усугубленных высокими ценами и неопытными, а в большинстве чересчур уж опытными начальниками хозяйственной части, довольствие нижних чинов поставлено отчаянно скверно. Где же при таком кавардаке надеяться на прочность и верность наших ча-

стей; ведь революция и восстания начинаются всегда с брюха. Сейчас, знакомясь с тем, что у нас делается, могу только удивляться терпению послереволюционных солдат.

Уговорил Розанова связаться по прямому проводу с правительством, где бы оно сейчас ни находилось, и потребовать от него обширных полномочий по мерам и кредитам, настоятельнейше необходимым для разрешения всех продовольственных и снабжательных нужд и не только войск, но и населения. Надо пытаться наверстать то, что упущено и не было сделано при Хорвате и Иванове-Ринове. Войска должны быть хорошо одеты, сытно накормлены и хорошо оплачены, ибо идет сумбурный послереволюционный период. Равным образом и население должно быть привлечено на нашу сторону, не пустобрехами и посулами, а реальностями в виде снабжения сахаром, ситцем и другими предметами потребления.

В Сибири это было трудно при том грабительском разбирании вагонов, которое производилось у нас чехами и Семеновым, но в Приморье постановка надлежащего снабжения местного населения не представляет затруднений; надо только это понять, а затем побеспокоиться и распорядиться, продвинуть необходимые запасы вдоль магистральных путей, а остальное сделают сами жители.

Конечно, для закупки нужна валюта или серебро (для маньчжурского скота и хлеба), ибо на сибирские ничего не приобрести.

25 ноября*. Настроение невеселое, работать я привык и сейчас, несмотря на продолжающееся нездоровье, количества работы не боюсь; живу весь день в штабе, временами отлеживаюсь на диване, обложенный горячими пузырями, но все это пустяки сравнительно с моральными условиями всей обстановки. Далее с Розановым не могу управиться, так как в штабе, где он бывает редко, он один, а дома, где его непрерывно настраивает Крашенинников и К^о, делается совершенно другим, пытается атаманить.

Интересны подробности содержания штабного театра: режиссер — тридцать тысяч рублей в месяц, главная шансонетка — пятьдесят тысяч, остальные в пропорциональности. За закрытие пришлось заплатить 550 000 р. неустойки; не без труда получил утверждение этого расхода; за снятие с военного ведомства этой грязной затеи можно не жалеть денег, да еще и сибирских.

---

* В документе ошибочно — 24 ноября.

Узнав о моем назначении, из Раздольного приехал командир Приморского полка Шипунов¹⁷⁴⁵; поведал свои командирские горести. Оказалось, что его полк сформирован и содержится на специальный отпуск от Японии, причем все ассигнования идут почему-то через Хрещатицкого.

Результаты такие же, как и в Харбине; недавно японская миссия отпустила на теплую одежду для полка очередное ассигнование в два миллиона рублей и 5000 иен, а Хрещатицкий взял эти деньги себе, купил автомобиль за 600 000 рублей, а остальное большей частью раздал чинам своего окружения. Полк же до сих пор сидит без теплой одежды.

Большинство японских кредитов выдается в иенах, а до полка доходит только в сибирских и притом по самому невыгодному и произвольному курсу.

Японцы, которым об этом сообщалось частным образом, заявили, что сие их не касается.

Послали телеграмму Сахарову, в ответе которого числится Хрещатицкий и его «управление по формированию»; прошу управление расформировать, а самого Хрещатицкого куда-нибудь убрать.

Хотел назначить следствие о растрате, но Розанов не согласился, под тем предлогом, что если поднимется скандал, то японцы прекратят отпуск денег, и мы только проиграем.

Приходил ко мне знаменитый одесский Толмачев¹⁷⁴⁶; он пытается играть большую роль, путается сейчас с японцами и с Семеновым — по части каких-то поставок и комиссий; под особым секретом сообщил, что сейчас исполняет очень деликатное поручение Семенова по примирению последнего с американцами и по исследованию возможности перекинуться на американскую ориентацию. Какая-то чушь, ибо Гришка всей требухой неразрывно связан с японцами, ими движет и держится, без них ноль и в таком виде американцам совсем не нужен.

Объяснение в том, что, как случайный администратор и участник всяких одесских махинаций политического характера, Толмачев воображает себя великим дипломатом и дельцом и на этой почве кое-что мухлюет, а больше, конечно, привирает для придания себе самому побольше веса.

Яростно заступает за Семенова, уверяет в его высоких талантах и в полной реформе всего читинского режима; в доказательство последней сообщил о разгоне всего старшего состава дивизии бронепоездов (по своим подвигам побившего рекорды самой свирепой Чеки).

Со мной Т. был очень осторожен, так как сразу увидел, как я отношусь ко всем его проектам.

Перед Розановым он совсем распустился; несомненно, что сейчас в Чите идет какая-то вакханалия по части раздачи японцам всевозможных концессий; между прочим, продаются или сдаются в столетнюю аренду Нерчинские прииски Кабинета Его Величества.

При этом японцы, для лучшего закрепления своих дел, весьма откровенно предлагают всем влиятельным персонажам русских политических верхов получить акции учреждаемых акционерных предприятий и притом бесплатно, «в знак благодарности за сочувствие». Одновременно с такими предложениями делаются самые откровенные намеки, что при желании акции могут быть немедленно куплены обратно с оплатой в иенах.

Оказывается, что на этих днях представитель японского консорциума, проехавшего уже в Читу, явился к Розанову с подобным предложением, но был попрошен выйти вон.

От Манакина слышал, что отдания концессий и раздачи России распространяются* сейчас и на Сахалин.

26 ноября. Приходил опять Крашенинников, держит себя очень подтянуто; говорил о своей неопытности, просил совета и указаний; все это неискренно и с какой-то целью. Принес копии некоторых документов, захваченных в поезде Гайды и из которых видно, что Гирса¹⁷⁴⁷ и Чечек находились в связи с последним восстанием, ему сочувствовали и тайно помогали.

Очень интересны списки назначений в штабе Гайды как главнокомандующего: в нем штаб-офицер для поручений при Розанове полковник Малыхин, начальник осведомительного отдела штаба округа есаул Большаков и еще шесть офицеров из состава штаба округа.

Уколол Крашенинникова выражением сожаления, что его агентура не оказалась своевременно у поезда Гайды, не предупредила¹⁷⁴⁸ там калмыковцев и не овладела подлинными документами

Несколько удивлен, что все офицеры, находящиеся в вышеуказанном списке, не привлечены к ответственности (Малыхин уехал в Харбин, а Большаков остался на том же месте).

27 ноября. Подтянул штабную работу, но пока все идет на холостом ходу — без денег, хлеба, мяса, теплой одежды войскам не по-

---

* В документе несогласованно — распространяется.

можешь, а это сейчас главное. С трудом раскачал Розанова на принятии решительных мер с донесением об этом адмиралу. Здесь еще до моего прибытия заключили какую-то сделку с японцами по продаже им части запасов хлопка, привезенных из Америки еще во время войны и портившихся от скверных условий хранения на эгершельдских складах.

Про эту продажу слышал массу сплетен; уверяли, что кое-кто из розановских приближенных получил за это жирные комиссионные. Разобрать, где правда, нелегко, но думаю, что больше врут. Спрашивал полевого контролера, он говорит, что проведено по закону, признано необходимым и неубыточным, полученные деньги будут сданы в казначейство и могут быть расходуются только по приказам и по ассигновкам за подписью командующего войсками округа и контролера.

Теперь решено воспользоваться частью этих денег (в иенах) для закупки мяса и зерна как для войск, так и для населения. На этом деле тоже налипло много всяких толков, так как решено все сдать с подряда, и сейчас идет яростная борьба нескольких предпринимателей и, как мне сегодня говорили, ассигнованы большие деньги на «подмазку причастных к сему лиц гражданской канцелярии»; несомненно, что около этого дела вертится Кузьминский, но с его опалой и высылкой он выпал из игры.

Чем ближе знакомлюсь с работой местного правительственного аппарата, тем меньше удивляюсь тому, что все трещит и ничего не выходит.

И в военной, и в гражданской части заседают и орудуют всевозможные Дундуки, весь актив которых только в том, что у них есть, на что сесть, и в большой наличности способности изображать из себя власти предержавшие, не утруждая себя излишним трудом и беспокойством.

Розанова еще можно простить, ибо по своему положению он обречен мытариться и жариться в самой сумбурной обстановке, создаваемой наличием союзного главнокомандующего, междусоюзного комитета военных представителей, злобно настроенных чехов, готовых вцепиться друг в друга японцев и американцев с добавкой затем Семенова и Калмыкова, имеющих здесь свою обширную агентуру, следящих всю за Розановым и готовых в любую минуту свернуть ему шею и сесть на его место, у него большая часть дня проходит в разных посещениях, вывертываниях и компромиссах.

Но все остальное, ничем посторонним не связанное, могло бы, кажется, работать для возможно более быстрого восстановления всего правительственного аппарата, разваленного революцией и добитого порядками Гражданской войны.

Особенно много надо было сделать в отношении населения и разумными мерами, восстановлением законности и твердостью власти привлечь его на свою сторону. В действительности же часть машинных деталей гражданского управления восстановлена, но пребывает в состоянии абсолютного ничегонеделания и только плодит бумагомарание и нелепые проекты.

Вдобавок, как бы нарочно, жизненные отделы областного управления отданы в руки таких персон, которых по глупости и лени нельзя допускать к хоть сколько-нибудь серьезному делу, или таких, которые по подвигам прежней служебной деятельности одиозны для населения.

В результате бурлят и работают только разные осведомители и контрразведчики.

Сегодня учинили очередную провокацию; уверили Розанова, что подошедшие от Пограничной чешские эшелоны раздадут рабочим оружие и подстрекают их на бунт на почве требования хлеба. Всю ночь и часть дня находились в состоянии боевой готовности, та же комедия, что проделывали с нами в Омске.

Тщетно пытался убедить Розанова в нелепости всех слухов; по этой части он всецело в руках Крашенинникова.

Дошло до того, что Чечек приехал к Розанову и выразил ему свое крайнее удивление по поводу мер, направленных открыто против чешских войск, которые ведут себя лояльно и нейтрально.

Тем не менее Розанов все-таки был у Ойя и выразил ему невозможность спокойно и продуктивно работать, когда постоянно приходится ожидать всяких волнений, инспирируемых теми, кто должен нам помогать, подразумевая под этим чехов и американцев.

Видел впервые японского главнокомандующего и его начальника штаба Инагаки¹⁷⁴⁹ — два гладких, самодовольных японца с непроницаемыми рожами и стереотипной улыбкой. Оба говорят по-немецки, и это облегчило разговор.

Ойя весьма откровенно ответил, что ручается, что чехи будут держать себя спокойно, так как знают, что их отъезд на Родину зависит сейчас от японцев, а потому с ними ссориться не будут; что же касается американцев, то их командование сохраняет полный нейтралитет,

а если симпатии отдельных персонажей американского отряда не на нашей стороне, то он, Ойя, не считает себя вправе путаться в столь деликатные подробности.

Все это очень мило, но остается фактом, что чехи и американцы спрятали у себя в казарме большинство вдохновителей и исполнителей гайдовского восстания, а американский караул «случайно упустил» группу второстепенных главарей, сданных ему под охрану.

28 ноября. Проехал граф Келлер, едущий к адмиралу с секретным поручением от германского Министерства иностранных дел и как будто бы с какими-то предложениями по части борьбы с большевиками. Не поздно ли?

По семеновской разведке японцы собираются подвезти сюда еще четыре дивизии и сменить ими чехов; с одной стороны, маловероятно, так как этому воспротивится Америка, а с другой — Ойя вчера еще говорил Розанову, что, быть может, ему потребуются еще дополнительные казармы, и просил об этом подумать.

Из Сибири никаких известий. Чехи, владеющие всей телеграфной связью, осведомлены, но держат все про себя. Одно бесспорно — делается что-то тревожное и нехорошее.

Опубликована нервно-больная телеграмма адмирала на имя Гирсы и Павлу¹⁷⁵⁰ с обвинением их в шантаже; последнее, быть может, и правда, но какая может быть польза от таких выпадов. Ведь вся сила в руках чехов, они занимают всю сибирскую магистраль, и от них зависит снабжение и движение отступающих армий, т.е. вся их судьба.

Если мы молчали и не ссорились, когда это до известной степени было возможно, не представляло для нас опасности и опиралось на какую-то реальную силу, то разве можно лезть на рожон в нашем теперешнем положении и так резко и оскорбительно тыкать в глаза, хотя бы и правдой.

Не знаю, вспоминает ли теперь адмирал мои предостережения в отношении чехов и мои советы сделать все возможное, чтобы отправить их домой, не останавливаясь ради этого ни перед какими и даже золотыми расходами.

Все больше и больше разговоры об усилении общего и резкого недовольства по части недостатка хлеба и мяса, грозят уже не политическими, а голодными бунтами.

В Читу отбыл номинальный помощник Розанова генерал Семенов-Мерлин, назначенный к Гришке; это может быть началом большо-

го подвоха под С.Н., ибо Мерлин настроен против него; для характеристики же самого М. достаточно указать, что в дни гайдовского восстания он спрятался у американцев и не показал даже своего носа.

29 ноября. На сибирском фронте очевидно совсем плохо; получена паническая и истерическая телеграмма Сахарова; в ней довольно смутно дана весьма скверная обстановка, умоляется сохранить в наших руках Новониколаевско-Барнаульский район и просится сообщить, «что еще нужно для победы». Все содержание показывает полную потерю спокойствия и рассудительности; какое-то нелепое «всем-всем».

Начинаю уже весьма ругать себя за проявленное неделю тому назад донкихотство; очень уж я не подхожу ко всем здешним нравам и порядкам; о долге, обязанностях и необходимости самой напряженной и идейной работы здесь мало кто думает; от старых понятий о честности и порядочности остались жалкие следы.

Чтобы все это сломать, нужна сила, а также и время для замены; начни я это делать, все поднимется против, а мое начальство едва ли окажется на моей стороне.

Получены ужасные новости — весь чешский массив, вытянувшийся вдоль сибирской магистрали, трогается на восток; при этом беспощадно забираются все паровозы и все запасы топлива; на западе — ни одного локомотива, что равносильно гибели отходящих армий и находящихся при них десятков тысяч небоевого элемента, преимущественно жен и детей наших офицеров.

Об этом Сахаров официально уведомил всех союзных представителей. Главный и опасный нарыв, сидевший в нашем тылу, лопнул в самое опасное для нас время и обрек на ужасы голода и мороза десятки тысяч людей. Вместе с тем гибнут и все эшелоны с запасами снабжения, растянутые между [Ново-]Николаевском и Иркутском. К несчастью, Сахаров еще более ухудшает положение, грозя чехам принятием против них решительных мер. Надо спросить, чем, где и с какими последствиями.

Подражая немцам, можно только молиться «Боже, покарай чехов!» и добавлять и «спаси наших».

Остановить чехов некому, а, главное, им нужно вывезти все награбленное в Сибири добро, под которое заняты тысячи вагонов.

Подав Розанову доклад о необходимости ходатайствовать перед союзниками, чтобы чехов от Харбина свернули на Чань Чунь и Дайрен, дабы этим избавить Дальний Восток от этой грозы.

30 ноября. Непременно убедился, что по существу здесь нет ни командования, ни штаба округа, ни штаба крепости; вместо них какие-то хилые и туманные подobia — такие же мельницы без жерновов, какие я видел в Омске. Чтобы это излечить, нужны соответствующие люди, а их меньше, чем если бы кот наплакал. В штабе округа есть еще два-три старых офицера и хороших работника, а штаб крепости — сплошная помойная яма, погрязшая в осведомлении и шпионстве за своими же русскими учреждениями и начальниками; при этом имею уже данные считать, что часть нашей агентуры служит одновременно и в разных союзнических разведках; сие по теперешним нравам весьма понятно — мы платим сибирскими, а союзники — в валюте; родина же, честь и все прочие стеснительные принципы давно уже позабыты этой стервятиной.

С Запада получены неприятные сведения о крахе Юденича; как и всегда, беда не приходит одна.

Семенов все же отозвался на мой призыв поддерживать адмирала; за его приказ всеми силами подняться на помощь Верховному правителю и главнокомандующему ему многое можно простить. И опять грызет подлое сомнение «а не поздно ли уже?»

Семеновцы рассказывают, что, по их сведениям, Семенову-Мерлину предложен пост министра иностранных дел в кабинете Пепеляева¹⁷⁵¹, сменившего Вологодского, играют, очевидно, на его службе военным агентом, но то впечатление, которое он на меня произвел здесь во Владивостоке, не дает права радоваться такому назначению — фат, бабник, любит широкий и разгульный образ жизни.

Прибыли сюда Дитерихс и Хрещатицкий, понюхали и, кажется, собираются в Харбин. Дитерихс, конечно, безопасен, ну, а от Хрещатицкого можно ожидать любой гадости, в особенности, если это сопряжено с возможностью на этом заработать.

1 декабря. Говорил по аппарату с Гинсом¹⁷⁵²; положение похоже на катастрофу; узнал новый состав министерства; министром финансов назначен Бурьшкин¹⁷⁵³, а внутренних дел — Червен-Водали¹⁷⁵⁴; два очень печальных недоразумения*, особенно же Поль Буре¹⁷⁵⁵ в роли руководителя финансов в такое исключительное время; не только на меня, но и на других сей стилизованный фрукт нового поколения московского купечества произвел впечатление шута горохового (его и прозвали в Омске Поль Буре).

---

* В документе несогласованно — недоразумений.

Такое же недоразумение и Червен-Водали, или по омской же кличке Червен Водолей — по его привычке говорить долго и монотонно на манер журчащего фонтана. Лично он, по-видимому, идейный и порядочный человек, но ведь этого очень недостаточно для такой чудовищной работы, какая ложится на плечи министра внутренних дел. Остались Петров и Шумиловский.

С чехами временное перемирие; Гирса полуизвинился за свой меморандум, но это только в области обмена нотами. Паровозы по-прежнему все у чехов, а наши эшелоны, брошенные на станциях, обречены на гибель — этого, кажется, уже не устранить. Сильные духом, конечно, пробьются, а все остальное погибнет и попадет в красные лапы.

Получая последние приказы Сахарова, был готов выть от отчаяния; нужно же было получить это Божеское наказание с багажом командира дисциплинарной роты на положение главнокомандующего в самые тяжкие для нас дни.

Выпущены приказы о всенародном (!! ополчении и об образовании в течение 48 часов губернских, уездных, волостных, деревенских комитетов обороны. Только бетонная голова этого пустобреха могла додуматься до такой ахины.

Особенно замечательны эти 48 часов при сибирских условиях оповещения и снабжения и при остро враждебном отношении к нам подавляющего большинства крестьянского населения.

Недурны также подробные указания по части обнаружения и обезвреживания большевиков и им сочувствующих. Нет никакого сомнения, что все это рождено и разработано двумя родственными душами и двумя скорбными главами: Сахарова и Иванова-Ринова.

Вся эта химера возглавлена всероссийским инспектором народной обороны с соответственным управлением. Инспектором, конечно, вылез особо падкий на такие места Голицын, отправившийся немедленно в тыл для организационной работы, ну, а что касается помощника инспектора, то, узнав, кто он, я буквально ошалел; оказалось, что это Кронковский¹⁷⁵⁶, бывший у меня в 70 дивизии¹⁷⁵⁷ в чине поручика и заведывающий офицерской столовой штаба дивизии, прилизанный и обходительный полячок, примазавшийся к Сахарову и сделавший на этом быструю карьеру.

Приходил ко мне Хрещатицкий, тоже инспектор тыловых формирований, неизвестно для чего подличал и лгал, уверяя, что он сам был

всегда против такого назначения, но вынужден исполнять приказ; одновременно задавал разные кляузные вопросы, стараясь выпытать что-нибудь, чем можно было бы подковырнуть Розанова (тот принял его очень холодно и не разрешил ему мешаться в дела и распоряжения округа).

Старания очень глупые, ибо ему не могут быть неизвестны мои старые дружеские отношения с С.Н. и как я раньше смотрел и смотрю на все его, Хрещатицкого, махинации и спекуляции.

В очень корректной форме я ему высказал очень много неприятного и предупредил, что если будет мешаться в наши распоряжения, то придется его выслать из пределов округа.

Вечером говорил со Ставкой по поводу ускорения назначения Бурлина и отправления его во Владивосток; нужно, чтобы возможно скорее в штаб округа прибыл он, постоянный его начальник.

Просил также прислать с Бурлиным Кондрашева¹⁷⁵⁸ и других наших приамурских офицеров, а если можно, то и нашего генерала Волкова¹⁷⁵⁹.

2 декабря. Отправил Бурлину длинную телеграфную записку с изложением тех вопросов, которые надо было разрешить в штабе адмирала, и с указанием таких полномочий, которые надо было дать командующему войсками округа.

Передача военной разведки в штаб округа по-прежнему тормозится. Серьезно говорил по этому поводу с Розановым, довел до его сведения кучу весьма сомнительных махинаций его серого кардинала, но безуспешно, вера в талант Крашенинникова непоколебима.

Между прочим, представил ему неопровержимые доказательства материальной прикосновенности К-ва к продажам хлопка, сообщил ему все сплетни, связанные с этим и замешивающие в это дело и личность самого Розанова, вызвал, несомненно, какие-то сомнения, но цели не достиг — все осталось по-прежнему.

3 декабря. Отчаянная телеграмма Сахарова уполномоченному министра продовольствия о самой спешной закупке хлеба в Маньчжурии. Еще раз проклял Михайлова¹⁷⁶⁰, провалившего мой проект о закупке летом всех хлебных запасов Маньчжурии. Сейчас почти уже поздно; цены поднялись во много раз; агентурного аппарата нет; тара и склады не готовы, перевозка в Забайкалье и к Иркутску до прохода чехов на восток совершенно невозможна.

Конечно, надо немедленно делать все, что возможно, но местный уполномоченный Министерства продовольствия — форменная шля-

па и если не сам жулик, то кругом его отборная компания жуликов и рвачей.

Получены смутные вести о том, что две роты 34 полка, стоявшие на охране Сучанских копей, избили офицеров и ушли к красным партизанам.

Опять-таки сбылись мои предсказания. Одним из первых моих докладов Розанову был доклад о недопустимости держать наши сырые роты, плохо обставленные и плохо снабженные, разбросанными по мелочам на разных охранах. При наличии в полках самого третьесортного состава офицеров было преступно разгонять отдельные роты по урочищам и по охранным командировкам, где нижние чины уходили изо всякого надзора и влияния, братались с местным населением, а плохо одетые и скверно кормленные быстро разлагались и переставали быть послереволюционным намеками на солдат.

Я не сам это измышлял; по этому поводу я имел неопровержимые подтверждения такого опытного сибиряка и образцового командира, каким был генерал Смирнов; об этом знали и мне докладывали старые офицеры: Станишевский, Ешков и др. Да ведь иначе и быть не могло после революционного разложения и в тех условиях, в которых стояли отдельные роты.

Приехавший сюда управляющий Сучанскими рудниками Егоров доложил мне, что вышеуказанные роты не имеют теплой одежды и получали очень скверное и недостаточное довольствие (он уехал с Сучана еще до ухода оттуда рот).

Крашенинниковская разведка сообщает, что представители Семёнова и Калмыкова очень оживлены и озабочены; как будто бы идет какая-то подготовка в связи с катастрофой, созданной для наших армий чешским движением.

4 декабря. Прилетели первые вороны и принесли грустные и тяжелые сведения об оставлении Омска и отходе наших армий. Наиболее важные и достоверные подробности такие: своевременная (конечно, относительно) эвакуация Омска срывалась тройкой из Сукина¹⁷⁶¹, адмирала Смирнова¹⁷⁶² и Пепеляева. Сукин громче всех кричал о недопустимости оставить Омск, позволял себе ругать трусами инакомыслящих, а сам бежал первым и потайным образом, бросив всех чинов своего министерства на произвол судьбы и последующую гибель.

В таком же духе отличился Третьяков, московская знаменитость, прибывшая спасать сибирское положение; сей министр требовал,

чтобы все министры взяли винтовки и защищали Омск до последней капли крови, а после этих речей сел тайком в поезд и проследовал в Иркутск, а затем и дальше.

Вновь назначенный министр торговли О कोरोков¹⁷⁶³ удрал раньше всех.

Прошел слух, что Сукина захватили в Чите и Семенов приказал его расстрелять. Магомаев¹⁷⁶⁴ категорически это опровергает.

Дитерихсу удалось все-таки уговорить адмирала оставить Омск и уводить армии на восток, были отданы все распоряжения об эвакуации и последняя была уже в полном ходу, как в дело вмешались какие-то тайные силы (как будто бы Иванов-Ринов и казачья конференция), Дитерихс был внезапно уволен и на его место назначен Сахаров с помощником по гражданской части Риновым.

Немедленно все повернули назад; началась преступная шумиха на мотив все ляжем костями, но через несколько дней все это лопнуло и началось, собственно говоря, малоорганизованное стихийное бегство на восток.

К первому челябинскому преступлению генерала Сахарова прибавилось второе омское (не считая мелких промежуточных).

Сообщают, что между Омском и Новониколаевском брошено в пути 37 эшелонов с людьми, женщинами и детьми и что в Омске оставлено и не могло уехать 11 генералов и две тысячи офицеров.

Получили по телеграфу воззвание к сибирскому населению от командира Сибирского корпуса* Пепеляева¹⁷⁶⁵, умоляющего всех подняться на защиту Сибири от большевиков. Поздновато. Очень уже наатаманили, к чему и Его послереволюционное Превосходительство приложил свою руку.

Приходил председатель Биржевого комитета с сетованиями, что первая партия хлопка продана какой-то жульнической компании. Жалко Розанова и как человека, и как старшего представителя государственной власти; мне думается, что он сам безупречен, а обстановка такова, что все валят на него.

Старые владивостокцы плачут мне в жилет, не учитывая, что теперь не прежние времена и что я бессилен очистить атмосферу.

Известия о Сучанских событиях вполне подтвердились: к партизанам ушло около двухсот стрелков с винтовками, несколькими пулеметами и порядочным запасом патронов. Доложил Розанову, что продол-

---

* Так в документе, правильно — армии.

жение держания на отлете отдельных рот современного состава и качества будет равносильно снабжению большевиков людьми, оружием и патронами. По моему мнению, не надо стараться объять необъятное; мы должны собраться по полкам, не пожалеть денег на обстановку казарм, на обмундирование и довольствие и привлечь в полки все остатки сохранившегося еще старого офицерства.

Приехал опять Хрещатицкий; ему официально объявлено, что мы его не признаем и никаких его формирований в пределах округа не допустим.

Заодно намекнул ему о необходимости произвести поверку старой отчетности по формированию и содержанию Раздольненских частей; смутился и быстро ретировался.

5 декабря. Послал Бурлину зашифрованную телеграмму, рекомендуя получить широкие полномочия по обузданию многочисленных местных контрразведок, разведших невероятную нравственную грязь, разлагающих своих чинов и насаждающих всюду самые подлые и гнусные формы внутреннего шпионажа.

Вошел в острый конфликт с японским штабом; когда я сообщил им об уходе к партизанам Сучанской роты, то ввиду важности Сучанского района просил его занять частями, находящимися в распоряжении союзного командования.

При этом самым вразумительным образом объяснил вред посылки туда наших частей и большую целесообразность охранения столь важных районов именно союзными войсками, наиболее обеспечивающими сохранение там порядка.

Японцы сразу окрысились; они уже с самого начала стали на меня коситься, так как я сразу же осадил разных капитанов и поручиков, возомнивших себя начальством над русскими, являвшихся в штаб округа как в какую-то подчиненную им канцелярию и, видимо, к стыду нашему, уже привыкших к тому, чтобы мы перед ними гнулись и заискивали. Особенно распустились так называемые чины для связи, не стеснявшиеся врывать в кабинет начальника штаба без доклада и требовать немедленного представления им справок и объяснений.

Вступив в обязанности начальника штаба, я категорически воспротивил давать союзникам какие-либо справки или сведения без получения на то моего или генерал-квартирмейстера разрешения, что стало быстро известно и возбудило неудовольствие зазнавшейся японской молодежи.

Из Харбина приехала Валя, видимо, там дочь Самойлова, муж которой капитан¹⁷⁶⁶ нашей 7 Сиб[ирской] стр[елковой] арт[иллерийской] бригады Цвиленев¹⁷⁶⁷ был утоплен большевиками-матросами в Евпатории вместе с десятками других офицеров.

Утопленных постепенно выкидывало на берег моря, где сидели вдовы и дети, бросаясь к каждому выброшенному трупу и стараясь отыскать своих близких; только на третий день Цвиленева нашла там своего мужа, отвезла его в церковь и пригласила священника для отпевания; последнее собрало кучу большевистских баб, которые, увидев на покойнике положенный на него офицерский Георгиевский крест, решили выбросить «золотопогонную падаль» на свалочное место.

Защищая труп мужа, Цвиленева упала в гроб и тут же сошла с ума; это отрезвило красных мегер, и они молча ушли.

По рассказам лиц, успевших проскочить из Омска на Иркутск и Харбин, егерская бригада была развернута в дивизию и пополнена омскими шкурниками, насильно собранными по приказу Сахарова и К^о, окончилось это бунтом, убийством офицеров и дезертирством к красным. То, что было весной в корпусе Каппеля, нас ничему не научило; по-прежнему не понимаем, что сейчас принуждением уже не заставить верно себе служить.

6 декабря. Утром меня осадили жены, а вернее, уже вдовы офицеров образцовой бригады, части которой были укомплектованы большей частью из владивостокской офицерской организации полковника Волкова¹⁷⁶⁸.

Что я мог сказать обезумившим от горя женщинам; все, что был в состоянии сделать — это отдать распоряжение впредь до получения каких-либо точных сведений выдавать им полное содержание их мужей.

В заботах о довольствии войск все время натываюсь на возмутительное бездействие местных агентов Министерства снабжения; выясняется, что мои наряды по доведению всех тыловых магазинов до полной нормы, отданные Неклютину еще в начале августа, выполнены в самой ничтожной степени. Скверно то, что сейчас очень мало надежды наверстать потерянное время — слишком неблагоприятна и тревожна наличная обстановка; старая, хоть и очень плохенькая, омская административная рутина развалилась, а о новой ничего не слышно; это очень тяжело отражается на кредитных и продовольственных нарядах, а сейчас это главное.

В общем по этой части очень похоже на то, что происходило при катастрофах на фронте большой войны, когда на некоторое время высокие снабжательные инстанции куда-то испарялись, катились в более далекие тылы и до их там устройства нормальное течение всех снабжений прекращалось.

Приехал бывший управляющий Государственным банком Коншин¹⁷⁶⁹; рассказывает, что в Чите под главенством Семенова-Мерлина, занимающего там командное положение, идет оживленная продажа японцам горных и лесных концессий; наши верхи получают крупные комиссионные (по выражению местных остряков, Чита сейчас иенизирована, идет иенизация).

7 декабря. В пути пропали вагоны с теплым обмундированием для войск округа, которые я самым решительным наскоком вырвал от местного уполномоченного Министерства снабжения; послал Станишевского с военной командой на розыски. Войска до сих пор в летней одежде, а морозы уже переваливают на второй десяток градусов. Часовые стоят на постах в фуражках и рваных сапогах; надо удивляться, как это до сих пор все не разбежались.

Наверху полное отсутствие власти; где Верховный правитель, сейчас не знаем, правительство где-то в пути. Иркутск ни на что не отзывается, вот что значит запоздалая эвакуация. Японское командование наотрез отказалось дать свой войска для охраны Сучана, в районе которого осталась одна только рота, а кругом хозяйничают партизаны; состоятельное крестьянство бросает дома и добро и бежит во Владивосток.

Сегодня у меня были старики из района Шкотова и Владимиро-Александровского; сказали, что узнали о моем приезде во Владивосток и решили просить помощи и заступничества. По их словам, партизанство зародилось здесь вследствие жестоких мер Иванова-Ринова и развилось из-за боязни репрессий и отсутствия законности, порядка и надежной охраны.

Они мне заявили под клятвенным поручительством, что если бы в их районах расставили эскадроны Приморского драгунского полка, к которому у них почему-то особое доверие, то они готовы чем угодно гарантировать, что партизанство быстро сократится и в нем останутся только беспокойные и преступные элементы, которые, не получая поддержки от остального населения, разбегутся или уйдут в северные области.

«А что касается наших деревенских парней, которые ушли в сопки или по озорству, или боясь наказания за разные дела против власти, — сказал мне новонежинский старожил, — то мы их сами за уши домой приведем; обещай только, что никакой расправы за старое не будет».

Все это, несомненно, правда, но как все это выполнить; Приморцы входят в состав Раздольненской бригады, состоящей на довольствии у японцев, и в особом к ним отношении, и мы не имеем права ею распоряжаться самостоятельно. Кроме того, одного полка на весь район партизанщины очень мало, а других надежных частей у нас нет; нельзя же отправить на Сучан инструкторские роты или морских гардемарин.

Ради спасения авторитета власти обещал старикам возможную помощь, а пока похлопотал по части отправки в их район хлеба, сахара и кое-каких товаров.

Имел очень тяжелое и острое столкновение с своим временным начальством. Розанов под напором Крашенинникова, поддержанного близким антуражем и местными жандармами, утвердил все смертные приговоры, вынесенные судом, разбиравшим дело восстания 17го ноября.

Я настоятельно уговаривал его этого не делать, ибо прошло уже более двух недель, а главное, Гайда передан чехам и не понес никакого наказания, а вся эсеровская головка, создавшая и начавшая восстание, бежала и вне нашей власти; при таких условиях бесчеловечно предавать смертной казни третьестепенных участников, сманенных и обманутых и, по сущности, бесконечно менее виновных.

Мой доклад не был уважен; из дальнейшего разговора выяснилось, что представители Семенова и Калмыкова настаивали на самой беспощадной расправе и грозили, что малейшее снисхождение будет сурово осуждено войсками; думаю, что эти настояния сыграли решающую роль.

По просьбе Розанова был вместо него на quasi-крестьянском съезде, выдуманном и организованном местными правыми дельцами, продолжающими играть старую волюнку с разными вариантами союзов русского народа, Архангела Михаила и т.п.

Как и надо было ожидать, просидел около 1^{1/2} часов, слушая болтологию разных господ в сюртуках и крахмальных сорочках и забравшихся всамомделишных представителей кондового крестьянства и говоривших о всяких высоких, весьма отдаленных и сейчас совершенно не исполнимых планах и программах.

От имени главного начальника края пожелал съезду всякого успеха, но добавил, что настоятельно необходимо привлечь к исполнительной работе съезда настоящих деревенских людей и что вместо длинных речей и внушительных деклараций нам сейчас нужна самая напряженная и непрерывная работа по немедленному удовлетворению насущнейших и жизненных нужд и запросов крестьянства, дабы этим показать, что власть и центральные организации эти нужды знают, оценивают, готовы их удовлетворить и способны это сделать.

8 декабря. К партизанам перешла еще одна рота 34 полка, стоявшая на посту в заливе Св. Ольги. Если так будет продолжаться, то очень скоро мы останемся только при военной школе.

Чем больше вхожу с соприкосновение со старыми владивостокцами, тем больше поражаюсь количеством и качеством сплетен и лжи, наброшенных* на репутацию и имя Розанова деяниями Кузьминского, Крашенинникова и К^о. Пытаюсь доказать личную непричастность С.Н. к этим грязным и сомнительным делам, но мои доводы встречаются с плохо скрываемым скептицизмом.

Удалось остановить заключение сделки местного уполномоченного Министерства снабжения, пытавшегося купить огромную партию маньчжурского зерна по 1,97 иены за пуд в то время, когда лучшая цена на рынке была 1,05 иены. Интересно было бы выяснить, сколько миллионов уже переплачено нами на сделках подобного рода.

Потребовал от всех командиров частей представить записки о нуждах их частей и о том, что надо для немедленного их удовлетворения. Прошу контроль дать на некоторое время нескольких опытных чинов для проверки хозяйственной отчетности во всех войсках и учреждениях округа. Те частные сведения, которые до меня доходят, даже с большой скидкой на неизбежные преувеличения, требуют принятия самых крайних мер. Виновато и большое начальство, которое не хочет и не умеет поставить как следует службу и довольствие войск, и войсковые начальники разных рангов, или сидящие сложа руки и ни о чем не беспокоящиеся, или же добавляющие к общему хаосу собственные атаманские замашки.

Очень характерное проявление мелкой атаманщины — это приказ командира бригады 9 Сиб[ирской] стр[елковой] дивизии, а теперь команданта Владивостокской крепости полковника Томилко о назначе-

---

* В документе несогласованно — наброшенными.

нии самого себя шефом своих полков с наименованием их «имени полковника Томилко» (повторение приказа Калмыкова о наименовании Хабаровского кадетского корпуса «Собственным атамана Калмыкова кадетским корпусом»).

В дни столкновения с союзниками Розанов сделал огромную ошибку, приказав привезти во Владивосток эту бригаду, стоявшую раньше в Хабаровске и Благовещенске и совершенно там разболтавшуюся, как в нижних чинах, так и в офицерах.

Показательным настроением командного состава бригады был вчерашний случай с Томилко; этот «атаманчик» не признает над собой никакой власти и отдает самые незаконные распоряжения. Розанов долго терпел, но вчера решил вызвать автономного коменданта и отрезать его от должности. Тот прибыл к штабу округа в сопровождении конных и пулеметных команд и окружил ими здание и приказал в случае его задержки в штабе или его сигнала ворваться в штаб и всех там арестовать.

Это распоряжение сделалось известным почти одновременно с прибытием Томилко; у Розанова не было никаких средств противодействия, и пришлось ограничиться только словесными предупреждениями, принятыми весьма равнодушно, если не дерзко.

Хорошо положение старшего представителя власти!

9 декабря. Отпраздновали день Св. Георгия; был Георгиевский парад — жалкая и серая пародия на то, к чему Владивосток привык до войны. Ведь тогда вдоль Светланской вытягивались сводные роты полков 3 и 9 [ибирских] с [трелковых] дивизий, составленные исключительно из георгиевских кавалеров, имея во фронте восемь георгиевских знамен и десятки георгиевских труб. Из Омска прибыла деятельница Красного Креста Таль; проехала в поезде, в котором «следовала» семья Иванова-Ринова с двумя вагонами разного добра и довольствия.

По рассказу Таль, дочь И.Р., девочка лет 10–12, занималась в пути тем, что приставала к пассажирам с просьбами подарков, а если кто отказывал, то угрожала пожаловаться маме, что могло окончиться запрещением ехать дальше в столь привилегированном поезде. Поистинно, яблочко не далеко откатилось от родившей его яблони. И в то же время это яблочко при одном из посещений вагона, в котором ехала Таль, не постеснялось вылить свое собственное раздражение против своей матери, выразив свое отвращение оставаться иногда в своем купе и стеречь ящик с драгоценностями, которые нахапал ее папаша.

10 декабря. Сюда прибыл Калмыков с[о] своими отборными башибузуками. Я предупредил Розанова, чтобы этот разбойник не вздумал появиться в штабе округа, так как тогда я буду вынужден отдать приказ об его аресте за все учиненные им злодеяния и преступления и, ввиду невозможности фактического исполнения и неизбежных последствий вооруженного нападения калмыковцев, вынужден буду просить вооруженной же защиты союзников.

Поставил Розанова в очень сложное положение; он решил, что примет Калмыкова в штабе самолично, а меня на это время командирует к союзным представителям для разрешения разных вопросов. Счел за лучшее согласиться на этот компромисс; объехал французского представителя графа Мартель¹⁷⁷⁰, старого знакомого по Владивостоку и Харбину Ли-гья-о¹⁷⁷¹ и очень долго просидел у Нокса¹⁷⁷² (живет в бывшей квартире коменданта крепости на Эгершельде).

Воспользовался случайной передышкой и успел проехать на форты и батареи — всюду развал и мерзость запустения; как говорят, японцы захватили в свою собственность все карты крепостного района и сняли подробные планы всех крепостных средств обороны. Горе слабым и побежденным!

11 декабря. Из источников чешского осведомления распространился слух об отчислении Сахарова. Мавр ушел, но предварительно сделал свое злое дело и поставил остатки армии на краю гибели. Всякая связь с армиями у нас потеряна; что там делается, известно только чехам и японцам, которые очевидно не хотят нас ориентировать. Знают, конечно, и семеновские здесь представители, но они тоже молчат и чем-то очень озабочены и заняты.

Известно только, что поезд адмирала и идущий вместе с ним поезд с золотым запасом болтаются где-то в пути за Красноярском.

Прибыла эвакуированная из Томска академия Генерального штаба¹⁷⁷³; один из ее профессоров генерал Медведев¹⁷⁷⁴, бывший у Сахарова главным начальником снабжений, дал мне о нем отзыв, очень мало отличающийся от моего о нем мнения; равным образом и его взгляд на Дитерихса очень близко сходится с моим.

По словам Медведева, все то, что им известно об омских событиях и о ходе эвакуации, свидетельствует о полной растерянности и невероятном хаосе; чешская пробка является смертельной угрозой для сотен наших военных и беженских эшелонов, оставшихся к западу от Красноярска. Чехи движутся стихийно, думают только о себе и о своих

шкурных и материальных интересах, и нет силы, которая могла бы заставить их изменить их действия.

Нокс чрезвычайно взволнован всем, происходящим в Сибири; как будто бы наш злой рок устроил нарочно так, чтобы в столь тяжелые минуты этот истинный и убежденный доброжелатель России оказался в отсутствии из Омска.

Я во многом не согласен с его действиями и очень его виню за выдвижение Сахарова, за северное направление¹⁷⁷⁵ и за излишнее вмешательство в процесс распределения разных видов союзного снабжения, но уверен в его желании нам всемерно помочь и победить большевиков.

В городе опять слухи о расстреле Семеновым Гойера, Михайлова и Сукина; если бы это оказалось правдой по отношению к двум последним, то тогда мало было бы сказать, что и атаманы бывают иногда полезны, было бы грубое, по форме, беззаконие, но вместе с тем и заслуженное возмездие за то огромное зло, которое было нам причинено этими двумя революционными выкидышами.

На днях помощник Крашенинникова принес мне ряд старых шифрованных телеграмм Михайлова, в которых делались заказы на платья, парфюмерию и разные дамские надобности супруги господина министра финансов (бывшей жены Гришина-Алмазова); исполнителем поручений был управляющий местной конторой Государственного банка.

Получили категорический отказ союзного командования поставить его войска для охраны Сучана и других отдельных районов. Я вновь доложил Розанову, что ради спасения последних остатков наших стрелковых полков мы должны отказаться от старой системы разброски их по отрядам и ротам и сосредоточить их во Владивостоке, Раздольном и Никольске, с принятием самых экстренных и решительных мер по приведению их в порядок. Опять был Дон Кихотом и заявил, что готов принять должность н[ачальни]ка 9 дивизии, но при условии полной власти по перетасовке командного состава и отпуска необходимых материальных и денежных средств на приведение всего в порядок и благоустройство.

Доложил, что если союзники отказываются дать охрану Сучана, то мы должны убрать оттуда последнюю оставшуюся там роту и ничего туда не посылать. При крайности обойдемся и без сучанского угля; он больше всего нужен самим союзникам, а главное — чехам, так как

от него зависит правильность и энергия движения по железным дорогам.

Разрешение продовольственного кризиса все затягивается. При всем отвращении к атаманским приемам я уговариваю Розанова отказать от содействия уполномоченного Министерства снабжения и распорядиться самому — это его законная обязанность, вызываемая совершенной исключительностью положения; мы не можем допустить, чтобы на войска обрушился подлинный голод.

12 декабря. Принимал офицеров, присланных от нескольких частей с записками о неотложных нуждах; картина тяжелая, но не непоправимая, если взяться за дело быстро, энергично и не жалея средств. Скаредничать теперь не приходится, ибо в состоянии войск весь залог нашего текущего и грядущего положения. Всякая революция начинается с брюха; если нам удастся выправить наши полки и сделать их хорошо одетыми и сытно кормленными, то это и будет лучшим средством для борьбы с большевиками.

Уговорил Розанова передать продовольствия владивостокского населения заботам городского управления и отпустить для этого городу валютный заем из хлопковых денег. Был у меня приехавший из Омска Тельберг¹⁷⁷⁶; рассказал много очень печального, но почему-то счел нужным засвидетельствовать, что все лучшие представители Владивостока поголовно высказали ему свою радость по поводу резкой перемены в действиях правительственной местной власти, вызванной моим-де сюда прибытием.

Вместо денег в обращение выпустили листы выигрышного займа 1917 года (тогда не осуществленного); они нарядны на вид и сразу пошли в ход с лажем¹⁷⁷⁷ по сравнению с остальными (даже и в Харбине); только очень громоздки.

13 декабря. На мое уведомление, что мы сняли свою последнюю роту из Сучанского района, последовал вызов меня в штаб союзного главного командования.

Начальник штаба генерал Инагаки попробовал начать в очень резком начальническом тоне, но я сразу же оборвал, попросил не забывать, что я ему не подчинен, и если он желает продолжать в том же духе, то я отказываюсь вести дальнейший разговор и буду ходатайствовать, чтобы меня принял сам Ойя.

От неожиданности (японцы не привыкли к такому отпору) Инагаки опешил, зашипел, но подобрался и перешел на вполне корректный

тон. Я не без труда все же вдолбил в его голову, что при всем нашем желании самим нести охрану наиболее важных и беспокойных районов нашего края, мы не в состоянии этого выполнять, так как нельзя держать на далеком отлете и в очень тяжелых и опасных условиях кучки плохо одетых и малодисциплинированных послереволюционных солдат. Рекомендовал ему беспристрастно оценить положение русского старшего командования после того, как целых три роты с оружием, пулеметами и большим запасом патронов ушли на красную сторону.

Если мы пошлем туда три новых роты, то ничто не гарантирует и не может гарантировать, что через несколько дней они [не] последуют по тому же пути и окажутся в рядах партизан и усилят последних очень нужным для них боевым снабжением.

После этого разговора Инагаки ушел с докладом к Ойя; по возвращении объявил, что главнокомандующий оставил вопрос о немедленной посылке наших рот открытым, но приказал передать генералу Розанову, чтобы тот организовал возможно скорее посылку на Сучан специальной военной экспедиции из надежных частей для водворения там порядка.

Совершенно не представляю себе, каким образом мы сможем исполнить этот приказ; ведь все, что можем считать надежным, это Инструкторская школа и гардемарины.

Какая-то совершенно несуразная телеграмма, подписанная главнокомандующим войсками Дальнего Востока генералом Сыровой¹⁷⁷⁸; если это не путаница, то неужели же ради какого-нибудь компромисса с чехами мы опять попали под команду чешского генерала.

14 декабря. Красные партизаны разгромили станцию Дормидонтовку и сожгли живьем трех офицеров стоявшей там роты 36 Сиб[ирского] полка; от спасшихся известно, что стояли без всякого даже ближайшего охранения и были захвачены спящими; часть роты перешла к партизанам, унеся с собой три пулемета. Итого, за последнюю неделю мы потеряли четыре роты, девять пулеметов, пятьсот винтовок и более миллиона патронов, а красные партизаны сделали, соответственно, сильнее.

Дормидонтовская катастрофа тем печальнее, что произошла в специальном калмыковском районе и под носом у самого атамана; тот сидит в Хабаровске, творит суд и расправу, грозно машет кулаками, пишет приказы в ярко пугачевском штите и только на это и годен.

После обеда имел трехчасовой разговор с Семеновым-Мерлиным, заменяя больного Розанова. Было известно, что нас подслушивает Харбин (о том, что там такое подслушивание прочно организовано, я знал от начальника телеграфа В[осточно-]К[итайской] железной дороги), и Семенов старался говорить загадками¹⁷⁷⁹.

Тем не менее было совершенно ясно, что в Чите уже разработан план нового государственного устройства Сибири и Дальнего Востока; решено «временно» оставить адмирала Верховным правителем в виде символа единства России, но с «освобождением» его от реального вмешательства в управление вооруженными силами и всеми делами Дальнего Востока и с упразднением всероссийских органов государственного управления.

Вся местная власть переходит в руки двух главнокомандующих — Западной и Восточной Сибири с диктаторскими полномочиями и с только совещательными при них органами. Старшим западносибирским диктатором будет атаман Семенов, начальником штаба генерал Андогский¹⁷⁸⁰ (о кандидате на восточное главнокомандование не сказал ни слова).

Семенов-Мерлин, вероятно, не знал, что Харбин его слушает, он не стеснялся говорить про Хорвата всякие гадости и в том числе об его проекте продать американцам В[осточно-]К[итайскую] железную дорогу — очевидную нелепость, ибо если бы даже умный Хорват мог обремизиться¹⁷⁸¹ таким сумбурным планом, — то ведь не могло найтись таких сумасшедших американцев, которые стали бы покупать у Хорвата ему не принадлежащее имущество миллиардной стоимости и опутанное весьма сложными международными и финансовыми обязательствами. Очевидно, что такими выдумками Чита старается подорвать до сих пор еще очень большой авторитет Хорвата.

Относительно Хрещатицкого С[еменов-]М[ерлин] тоже признал почему-то нужным поделиться своими о нем сведениями; сообщил, что у атамана Х. совсем провалился, разоблачен у японцев и сейчас болтается между Хорватом и американцами и старается продать последним свои услуги.

По поводу Хорвата я, не стесняясь, сказал С[еменову-]М[ерлину], что все это злостная и подлая клевета, измышленная их контрразведкой, которая не умеет работать в надлежащем направлении, а потому занимается провокационным втиранием очков и фабрикацией самых глупых и несообразных нелепостей.

Из намеков С[еменов-]М[ерлина] надо понять, что новая система государственного устройства Сибири разработана по соглашению Семенова с Верховным правителем, но что против нее восстает Пепеляев, выдвигающий автономию целой Сибири (от Урала до Тихого океана). При всяком упоминании имени атамана, его конфидент добавлял восторженные похвалы, временами напоминавшие порядки и речи при дворе персидских царей. В числе многих абсурдов, много в эти часы услышанных, узнал, напр[имер], что сейчас все расчеты нашего дальневосточного вождя зиждятся на поднятии против большевиков магометанского населения в Китае; это очевидное влияние Унгерна¹⁷⁸², но С[еменов-]М[ерли]ну, как офицеру Генерального штаба и бывшему военному агенту, следовало бы оценивать всю нелепость этих расчетов. Тем не менее в очередную программу включено формирование в Китае особых магометанских полков.

Из отдельных вопросов об охранной страже и ее командном составе можно думать, что при введении нового государственного порядка предполагается захват Харбина и всей линии и полосы отчуждения В.К.Ж.Д.¹⁷⁸³, с включением в район подчинения Семенову. Это вполне для меня понятно, т.к. слухи о таких намерениях бродили в Харбине еще во время моего там пребывания. Чита оскудела денежными ресурсами, а потому вполне естественны ее вожделения наложить властную руку на все мирные возможности, связанные с господством над столицей «Хорватии» и над распределением экспортного транспорта и на юг, совместно с японскими друзьями, и на восток для собственных выгод атаманского окружения.

15 декабря. Собрал старший персонал штаба округа и объявил, что даю им две недели для постановки штабной работы на надлежащую ногу в смысле энергии и добросовестности исполнения. Я даю по всем делам настолько точные, определенные, а иногда и детальные указания, что в остальном нужно только не лениться и немного думать. Напомнил об исключительности положения и о том, что все мы существуем только для того, чтобы войска округа были бы благоустроены, хорошо снабжены и приведены в надлежащий порядок и что если для этого нам потребуется работать без всякого отдыха, то это должно быть осуществлено.

Имел очень резкий разговор с С.Н. по поводу Крашенинникова, еще раз дал полную и обоснованную характеристику всей его деятельности, основанной на лжи, провокации и втирании очков. Вынужден был

сделать этот шаг, так как К., учтя мое влияние на Розанова, стал увозить его в гражданскую канцелярию и держать там по несколько часов, всячески препятствуя нашим личным встречам и разговорам. Мало этого, вчера вечером было организовано весьма сложное покушение против моей физической целостности, о чем я узнал только сегодня из доклада нашего старого офицера капитана Викторова¹⁷⁸⁴. Оказалось, что вчера после моей поездки с докладом, когда на обратном пути я совершенно неожиданно остановил и отпустил штабной автомобиль и, сказав, что вернусь в штаб пешком, зашел в Морской штаб по делу к адмиралу Федоровичу¹⁷⁸⁵, то с этим автомобилем через несколько кварталов произошла катастрофа: сломался руль, и машина разбилась; при осмотре в автомобильной команде открылось, что рулевая тяга была очень умело подпилена; тот, кто это сделал, знал, что при поездках с докладом и обратно я очень торопился и требовал бешеной езды, т.е. того, что в случае внезапной поломки руля должно было окончиться достаточно для меня неблагоприятно. Я приказал сохранить это в секрете, Розанову ничего об этом не сказал; но при встрече утром сегодня с Крашенинниковым как бы мельком ему заметил, чтобы он понаблюдал бы за автомобильной ротой ради сохранения безопасности командующего войсками и что я сам буду ездить только с шоферами — офицерами штаба.

Разговор с Розановым окончился тем, что я заявил, что беру назад свою готовность помогать ему в его тяжелой работе, ибо от этого не вижу никакой пользы, и завтра же начну подготавливать передачу штаба в руки полковника Смирнова, который так же, как и я, сможет справляться с текущей перепиской.

Я же при данных условиях не только бесполезен, но, вероятно, приношу даже вред и вообще своими планами и тем, что затрудняю общение с Семеновым и Калмыковым и мешаю «творческой работе талантливому сотруднику капитана Крашенинникова[»]. Да и с японцами отношения стали много холоднее, так как я им тоже не нравлюсь, как их штабу, так и влиятельному полковнику Изоме.

16 декабря. Все утро был терзаем очень продолжительными* беседами с представителем вновь родившейся Украинской рады, за которой виднеются такие фигуры, как Иванов-Ринов, Хрещатицкий и недавно появившийся Вериго, как будто бы восстановивший свой фавор у Се-

---

* В документе несогласованно — продолжительной.

менова и присланный сюда последним с какими-то конфиденциальными поручениями и немедленно же примазавшийся к Раде в качестве широкого украинца.

Пришли ко мне просить денег и продовольствия и притом в распоряжение старшины Рады, представленной атаманом по фамилии Горовой, секретарем Мова в ярком галстуке, с закрученными вверх усами и с самой жульнической физиономией и покровителем-проводником в лице Вериги, внушительно заявившего, что атаман Семенов всецело на стороне национального украинского объединения и встретит сочувственно всякую ему помощь.

Рекомендовал обратиться к начальнику гражданской канцелярии, т.е. К[рашениннико]ву, сказав, что весь такой вопрос не входит в сферу моей ограниченной военной компетенции.

Опять задрался с Инагаки, который обиделся за то, что я не сразу принял их офицера для связи, присланного в штаб за какими-то пустяковыми сведениями. Инагаки пожаловался на меня Розанову, а я заявил последнему, что лучше всего назначить для сношения с японцами кого-либо из болтающихся здесь генералов, выбрав из них наиболее покладистого, а меня освободить от всяких дел, касающихся союзников; при этом напомнил, что, предлагая свои услуги в роли временного начальника штаба, я вполне определенно обещал наладить профессиональную работу самого штаба, но категорически отказывался путаться в международные отношения, во всякую политику и гражданские дела.

17 декабря. Сибирский фронт докатился уже до Новониколаевска и близок уже к медленно ползущей на восток чешской пробке, забирающей все без исключения паровозы и пожирающей весь уголь и местные запасы продовольствия. Всячески стараюсь дать решительное направление главнейшим вопросам по устройству войск округа, чтобы облегчить дальнейшую работу Смирнова. Условился с С.Н., что ради уменьшения впечатления, которое, несомненно, вызовет мой уход с должности начальника штаба, я получу сначала кратковременную командировку в Харбин и по возвращении сдам штаб Смирнову, если до того времени сюда не приедет Бурлин, уже назначенный, но застрявший в пути и никак не могущий проскочить через чешскую затычку.

Крашенинников, видимо, уже знает о моем решении, ходит гоголем, но на докладах сугубо почтителен, просит советов и указаний и т.п.

18 декабря. С удовлетворением прочитал заявление предсовмина Третьякова, что деятельность Министерства снаб[жения и] продоволь-

ствия — это сплошное преступление. К нашему горю, все это констатируется с великим и едва ли поправимым теперь опозданием, когда все ползет и рассыпается.

Одно несомненно, что все рули правления надо передать новым людям совершенно исключительной энергии, распорядительности и решительности, дав им неограниченные полномочия и средства (напр[имер], на должность председателя Совета министров выдвинуть генерала Капшеля, на снабжения — генерала Прибыловича¹⁷⁸⁶).

Надо оживить мертвый государственный аппарат, вложить жернова в пустые административные мельницы. Если не закрывать глаза и не бояться правды, то партизанская старшинка вроде Старика¹⁷⁸⁷, Ворона¹⁷⁸⁸, Дяди Антона, Шевченко¹⁷⁸⁹ и Кравченко, распоряжающаяся в сопках и ворующая у нас целые роты, располагает теперь большей фактической властью, большим авторитетом и большей сферой активного действия, чем любой из наших министров.

Все катится куда-то в черту, а в Иркутске занимаются переименованиями: знаменитое Морское министерство во главе с не менее знаменитым министром адмиралом Смирновым переименовано в Главное управление морского ведомства.

Из полученных здесь приказов Семенова явствует, что незадолго до эвакуации Омска Иванов-Ринов отправил своего сына в Читу на должность личного адъютанта при атамане; типичное проявление родительской заботы, особенно поучительное при одновременном требовании всеобщего ополчения и борьбы до последней капли крови при отстаивании сибирской казачьей столицы¹⁷⁹⁰; повторение «ребята вперед, а мы... за Вами!»

19 декабря. Все наши телеграммы в Иркутск с самыми настоятельными запросами остаются без ответа; меня это очень тревожит, так как наводит на мрачные мысли о размерах и последствиях происходящего там и уже несомненного развала. На наше горе, председателем комиссии по заграничному снабжению здесь сидит генерал Рооп¹⁷⁹¹, необычайно элегантный и подтянутый, но оказавшийся удивительнейшим буквоедом самой редкой марки, казалось бы, невозможной даже для такого блестящего кавалериста.

В его распоряжении находятся кредиты и разные предметы снабжения, прибывшие из-за границы, но он самым решительным образом отказался нам хоть чем-нибудь помочь, основываясь на том, что он подчинен военному министру и без разрешения или наряда последнего не имеет-де права распорядиться ни одной копейкой и ни одним фунтом.

Все мои указания на исключительность положения и на полный перерыв связи с этим самым министром не имели никакого действия; так мы ничего от Роопа и не получили.

Его канцеляризм доходит до того, что прибывшие из Франции маленькие танки две недели уже стоят погруженными на платформах и никуда им не отправляются, так как он ждет ответа на свой вопрос, можно ли направить их по ранее данному наряду на Томск или же изменить назначение.

Когда я узнал о нахождении этих танков на Эгершельде, то стал настойчиво просить отправить их хотя бы только до Читы. В бытность в Омске я с немалым трудом добился их отправки из Франции, причем на их долю выпало немало приключений, прежде всего их не хотели грузить марсельские рабочие, а когда это обошли и танки все же добрались до Владивостока, то оказалось, что при них забыли отправить карбюраторы к моторам и еще какие-то части. Отчасти выручило то, что наш офицер, сопровождавший танки из Франции, догадался прикарманить и привезти старый карбюратор, по которому удалось построить необходимое число новых.

Теперь, казалось, не могло быть и тени сомнения, что танки никогда уже не могли попасть в Томск, так как и армии быстро катились на восток, а чешская пробка не пропускала на запад ни одного паровоза, не говоря уже о целых поездах.

Поэтому я и просил передвинуть танки в Забайкалье, что по условиям железнодорожного транспорта было еще возможно, а там они были бы на полторы тысячи верст ближе к цели своего применения, но и в этом, очевидном деле P[oop] упрямо стоял на своем.

20 декабря. Действительность победила крайние предположения «известного пессимиста» барона Будберга. Телеграф разнес ужаснейшую по своему содержанию телеграмму адмирала, оповещающую союзные державы и их представителей, что чехи остановили все движение на западе и обрекают на смерть и мучения сотни эшелонов, вытянутых вдоль сибирской магистрали и наполненных ранеными и больными, женщинами и детьми.

Иудиным предательством расплачиваются с нами эти гости, разъевшиеся на русских хлебах и разбогатевшие на награбленном русском добре.

Колчак просит все союзные нации оказать помощь и воздействие. Боюсь, что это трагическое обращение останется гласом вопиющего в

пустыне. Силы для воздействия нет, Жанена¹⁷⁹² чехи в грош не ставят, а ради спасения всего того, что награбили на Урале и в Сибири, перегрызут горло каждому, кто станет им на дороге к Забайкалью или Владивостоку. Их около 30 тысяч, одетых и вооруженных с иголки. Единственно, кто мог выступить, это японцы, но, судя по настроению Изоме, на это нет никакой надежды.

Получил первую сносную сводку о красных партизанах; они стали господами положения во всем Приморье за исключением Владивостока, Никольска, Хабаровска, узенькой полосы Уссурийской жел[езной] дороги и части Посъетского побережья. У них появилась военная организация, штабы и боевое снабжение (весьма вероятно, морем из Японии).

21 декабря. Вслед за обращением адмирала — телеграмма нового главнокомандующего генерала Каппеля на имя Ойя и Нокса с просьбой воздействовать на чехов и заставить их пропускать паровозы на запад. А затем, что уже хуже всего, это совершенно истерическая телеграмма Семенова с требованием к чехам опомниться и с угрозами двинуть против них «все свои силы», если они не послушаются.

Эти угрозы губят всякую возможность какого-нибудь компромисса. Чехи отлично знают ничтожество семеновских «сил», но станут теперь опасаться порчи пути, что их больше всего страшит; сами они всегда пройдут, и никто их не остановит, но для них вся сущность в благополучном вывозе всех эшелонов с накопленным и награбленным добром.

Еще осенью под этим добром было не менее 600 вагонов, но это составляло только нечто вроде основной базы, а в каждой части имелись свои собственные запасы и «сбережения» (за счет русского народа); теперь, я думаю, таких «драгоценных» и ценных вагонов наберется на 50–60 эшелонов и для их вывоза чехи ни перед чем не остановятся.

Ни угрозы, ни сила сейчас не помогут. Напротив того, надо себя перебороть, крепко стиснуть зубы и с нашей стороны сделать все возможное, чтобы самым стремительным и безостановочным образом вытаскать все чешские эшелоны в Забайкалье и отсюда возможно быстрее отправить части войск на Чаньчун и Дайрен, а их грузы на Владивосток.

Вместо угроз Семенову следовало бы обещать всякое содействие, остановить все движение в Забайкалье и бросить все паровозы и составы для избавления нас от чешской опасности, которая сейчас нависла над нами хуже всех большевиков, вместе взятых.

Попробовал поговорить об этом с Вериго и Магомаевым в надежде, что они согласятся передать мои соображения своему читинскому владыке, но встретил самые яростные возражения и чуть ли не клятвенные заявления, что атаман разнесет чехов в пух и прах; по их словам, атаман уже давно точит зубы на всю чешскую слякоть, и в Чите все уже готово, чтобы пороть поголовно все проходящие через нее эшелоны.

Последнее, конечно, пустозвонное хвастовство, но его наличие характеризует настроение.

Поехали к Ли-тя-о, чтобы позондировать настроение союзников по отношению чехов; по словам Ли-тя-о, союзное командование считает, что все это в компетенции генерала Жанена, и само вмешиваться не будет.

От Л[и-тя-о] узнал, что семеновские части придвинулись к ст. Маньчжурия и, по полученным от Хорвата сведениям, готовятся занять Хайлар и Аньда.

Узнал также, что Семенов засылал послов к Гревсу¹⁷⁹³ и Морису¹⁷⁹⁴ и искал у них заручки и поддержки в своих автономных планах, но получил очень холодный прием и весьма откровенные указания, что с ним станут разговаривать только тогда, когда он разгонит всю прилипшую к нему банду и на деле и прочно докажет, что сам стал представителем и защитником законности и порядка.

Приехавший опять из Японии Ванька Толмачев¹⁷⁹⁵ не может расстаться с[о] своим жидоедством и все болтает, что гайдовское восстание было субсидировано Гинсбургом и Высоцким. Какая чушь!

22 декабря. Из Благовещенска получена телеграмма, что местное земство, казачий круг и большевистские советы решили прекратить вооруженную борьбу и на сегодня назначен общий съезд делегатов для выработки условий.

Сдал должность начальника штаба полковнику Смирнову, с текущей работой он справится; правда, что опыта у него немного, но есть характер и решительность с некоторой, правда, склонностью к умеренной доле атаманства, но при теперешней владивостокской обстановке с несомненным и все возрастающим влиянием атаманских Читы и Хабаровска некоторая доля беззаконности быть может даже и нужна.

У здешних чехов идут энергичные приготовления к приему сибирских эшелонов к последующей эвакуации морем; при этом их верхи заявили весьма откровенно, что при отъезде они вернут России все по-

лученное от нас вооружение, но все остальное вывезут с собой и не допустят таможенного над собой осмотра.

Кто-то из двойных агентов нашей разведки (нисколько не удивлюсь, если бы обнаружилось, что он исполнял распоряжение Крашенинникова) осведомил чехов о моем проекте просить союзников направить их эшелоны на Харбин. Хорошо, что я уехал, а то это обстоятельство могло осложнить и без того уже корявое положение Розанова, которому предстоит вынести на своих плечах ношу, обратную сторону всего, связанного с прибытием сюда всех чешских войск.

23 декабря. Распрощался с Владивостоком. Накануне отъезда узнал от Смирнова, что от разведки получены сведения, что так называемый комендант крепости полковник Томилко, «освобожденный» Розановым от вышеуказанной должности, собрал к себе командиров частей своей Амурской бригады и обсуждал с ними проект восстания с помощью красных партизан и установления какой-то новой государственной власти.

Видел С.И. Колокольников¹⁷⁹⁶, вызванного в Читу, куда уже приехали Гаврилов¹⁷⁹⁷ и Кропоткин¹⁷⁹⁸, своевременно удравшие из Омска, и где, как говорят, уже находится Третьяков. Все это связано с планами Семенова о создании двойной автономной Сибири.

Адмирал как будто бы уже сброшен со счетов, и все вращается вокруг имени Семенова, выдвигаемого в логические приемники носителя всей власти. Сие основывают на том, что в руках атамана реальная сила (в чем она заключается, знает только Аллах) и что за ним стоят японцы, а по мнению некоторых, якобы и другие союзники (от Нокса знаю, что это доподлинная ложь; сам Нокс не может хладнокровно слышать про Семенова, американцы относятся к нему не лучше).

На ст. Никольск встретился с несколькими старыми офицерами сибирских полков; провожали генерала Смирнова, назначенного Розановым на место коменданта крепости. Жаль, что это сделано так поздно, Смирнова знаю по его службе в штабе 3 Сиб[ирской] стр[елковой] дивизии и по его доблестной боевой службе на фронте.

У него огромный служебный, строевой и хозяйственный опыт; очень скромн, но пользуется редким авторитетом у офицеров и нижних чинов. Но все это может наткнуться на сопротивление обиженного Томилко, фактического хозяина и начальника частей своей бригады, составляющей главную основу владивостокского гарнизона.

Со мной в поезде едет помощник коменданта ст. Владивосток; он ведает погрузкой на Эгершельде и говорит, что первые эшелоны чехов, уже отправленные на пароходах, забрали с собой все доски внутреннего оборудования вагонов, все фонари, ведра и сигнальные веревки и вынули все оконные рамы, заявив, что все это куплено на их собственные деньги, а потому им принадлежит. Повторение в огромном масштабе «давай и веревочку, и веревочка пригодится» или дитерихсовского «мы бедные; где же нам взять, если сами о себе не подумаем».

В Пограничной ко мне в вагон зашел Лехмуссар¹⁷⁹⁹, бывший помощник начальника контрразведки штаба округа, служащий теперь на такой же роли у Калмыкова; едет в Харбин с каким-то поручением; вид запуганный, и, несмотря на старую мне подчиненность, упорно молчит про то, что делается в Хабаровске.

Только когда я спросил его про нескольких старых офицеров штаба округа, остававшихся в Хабаровске, то он пугливо и оглядываясь по сторонам проговорил шепотом, что Колесников и его помощник по отделению, «пропали без вести», и на мой недоуменный вопрос, как же это произошло, добавил, заикаясь, что в Хабаровске это постоянно случается.

Лехмуссар выдывал виды, когда работал с провокатором Фиошиным и надо много, чтобы довести его до того перепуга, в котором он, очевидно, находится, — тем более что он, несомненно, пользуется у Калмыкова доверием, т.к. иначе Хабаровск не выпускает от себя тех, кто слишком много знает.

24 декабря. Отдыхаю от владивостокского кавардака и по обычаю своему пытаюсь свести итоги своего пятинедельного пребывания на старом пепелище.

Поехал туда лечиться и подремонтироваться, а попал в весьма бурную и неприятную кипень неожиданных для себя событий.

Думаю и боюсь, что никакой пользы там не принес — по невозможности это сделать по всей совокупности обстановки (союзники, Розанов, развал в войсках, выпущенные вожжи и давно уже упущенные мероприятия, рост партизанщины; постепенное внедрение влияний Хабаровска и Читы и т.п.).

Похоже на то, что сыграл роль лишнего камня, хлопнувшего в это взбаламученное болото и вызвавшего некоторые временные потрясения и второстепенные брызги, но не более. Хотел улучшить жизнь и

служебные условия в войсках, но смог осуществить очень мало, так как не было денег и средств, хотел поднять авторитет русского командования, но оказалось уже поздно: слишком уже мы приучили союзников, а в особенности японцев и чехов, считать себя полновластными хозяевами и требовать от нас молчаливой покорности и, как это ни тяжело сознаться, — чисто лакейского послушания. Даже в отношении освобождения Розанова от губительного на него влияния Крашенинникова потерпел неудачу, так как наткнулся на непоколебимую уверенность С.Н. в великих способностях и государственной полезности этого революционного выкидыша-авантюриста.

Даже те надежды, которые были вызваны в населении Владивостока и в войсках фактом моего появления в роли начальника штаба округа, должны будут принести некоторый вред, ибо нет ничего хуже обманутых ожиданий, особенно же теперь, после всего переиспытанного и под грозными тучами весьма тревожного будущего.

Суждены были благие порывы, а свершить их оказалось невозможным, выходит как будто бы, что лучше было и не начинать, ибо приспособиться к владивостокской обстановке я также не мог, как и в Омске; такому сорту людей, как я, теперь, очевидно, уже не место; вреда от них нет, но и практической положительной пользы тоже не предвидится.

Тяжело это сознавать, но иного вывода быть не может, надо искать какого-либо иного применения своих сил; в размышлениях рисуется проект предложить свои услуги академии Генерального штаба, но не на преподавательском поприще (к нему я совершенно не способен), а по отделу разработки истории войны, где я несомненно могу быть полезным. Если академия оснуется во Владивостоке на Русском острове, то устройство при ней было бы подходящим для меня исходом.

25 декабря. Приехал обратно в Харбин; единственный плюс от сделанного путешествия — это несомненное улучшение здоровья, и главным образом благодаря Акацатову, который помог мне и без операции. Харбин застал переполненным всякими слухами; на самой станции комендант сообщил мне, что в Чите идет бой: с одной стороны японцы и семеновцы, а с другой чехи, которых атаман велел как будто бы разоружать при прохождении через Читю; ожидается якобы вмешательство американцев.

По тому, что мне было известно во Владивостоке, все это маловероятно, как в отношении японцев, так и американцев.

От Самойлова узнал, что ночью получена телеграмма Семенова, что указом Верховного правителя он назначен главнокомандующим войсками Иркутского, Читинского и Приамурского военных округов; начинается, очевидно, осуществление читинской программы. Одна новая ступенька в нашем положении: главнокомандовали Крыленко¹⁸⁰⁰ и Гайда, почему же не главнокомандовать читинскому Гришке?

Это назначение вызвало здесь панику; с одной стороны, боятся вторжения Семенова в полосу отчуждения и переноса его столицы из Читы в Харбин, а с другой, откуда-то пущены слухи, что китайцы собираются устроить на днях Варфоломеевскую ночь и перерезать русских и японцев; положение и настроение характеризуется тем, что этой нелепости верят, и квартиры начальства железнодорожного и военного охраняются уже караулами и часовыми.

Финансовое положение тяжелое; охранная стража не получила жалованье за два месяца.

26 декабря. Виделся с Хорватом, поделились осведомлениями; рекомендовал ему обменяться с Розановым надежными и доверенными представителями, чтобы держать связь и работать в одном направлении, рассказал про уродливости наших контрразведок, шпионящих за своими же русскими начальниками и вносящих разлад и разложение туда, где должно быть доверие, единодушие и единство действий, против общих врагов и полуврагов.

Опять сдонкихотствовал и предложил даже свои услуги поехать в Читку и постараться привлечь Семенова к общей русской работе; на мою удачу, это не входило в планы Хорвата, а если бы он согласился, то наверно я не вернулся бы из Читы живым; это я сообразил уже после того, как сделал свое предложение, но самому идти на попятный не пристало.

Хорват дал мне телеграмму генерала Сырового, ответившего Семенову, что если тот так силен, что может остановить чехов, то зачем же он сидит в Чите и не бросился на фронт, чтобы там остановить большевиков и выручить своих братьев.

Хорват вполне разделяет мои взгляды на ошибочность и опасность положения, занятого Семеновым по отношению к чехам, и на необходимость показать полную готовность и всякую поддержку для их скорейшего и беспрепятственного продвижения к портам посадки.

Вечером из штаба охранной стражи передали, что от союзников дошли какие-то смутные слухи о восстании в Иркутске и о том, что мост на Ангаре взорван и правительство отрезано.

Я решил верить только официальным сообщениям; чересчур много уток выпускается на страх харбинским обывателями (кое-кто из последних уже отбыл в южном направлении).

Появился болтливый Корф, притащил с собой массу всевозможных сплетен: тут оказались и вилла в Иокогаме, якобы уже купленная Розановым, и переговоры М^{ме} Хорват с Чжан Цзо-Лином о продаже ему нашей части К[итайско-]В[осточной] железной дороги, и дела семейных агентов в Харбине, и махинации Хрещатицкого, и последние сумасбродства Унгерна, и торговля экспортными вагонами и пр. и пр.

27 декабря. Был у Хорвата. У него никаких новых сведений о том, что делается в Иркутске и в районе армий; я лично ни на минуту не сомневаюсь, что армии пробьются в Забайкалье, но все небоеое, очевидно, уже гибнет и обречено на полную гибель. Из слов Хорвата понял, что при проезде Семенова-Мерлина тот ему рассказывал, что у Сыромятникова имеются документы, устанавливающие, что у Розанова и Гайдой было соглашение о совместном выступлении 17 ноября и что, узнав об этом, Сыромятников якобы даже предлагал Семенову-Мерлину арестовать Розанова и вступить в командование войсками, но С.М. от этого уклонился.

Хорват, видимо, верил этой выдумке и был очень удивлен, когда я рассказал ему обратное, т.е. что Сыромятников был в заговоре с Гайдой и осведомлял его о всех против него распоряжениях и что я был близким свидетелем всей борьбы и могу категорически ручаться, что у Р. не было ничего, кроме желания разгромить бунт и покончить с Гайдой.

По рассказам Самойлова и Баранова, моя временная служба во Владивостоке разожгла старую ненависть Арнольда, и тот сочинил и пустил по Харбину порядочную пачку самых подлых инсинуаций о моей там деятельности; старается и работает по специальности, ибо к иному не способен.

28 декабря. Вчерашний вечер провел у Петра Петровича¹⁸⁰¹, где был старый контролер Валюжинич, по его словам, Хорват ухлопал миллионы ж.д. денег на поддержку атаманов, прикрыв это фиктивными расходами на другие нужды, отсюда крупный дефицит, усугубленный уменьшением доходов и постоянной работой дороги по перевозкам союзных и китайских войск, выполняемым пока на «запиши». Весь состав служащих сверху донизу старается обеспечить себя от всяких случайностей; кражи и взяточничества, эти обычные язвы К.В.Ж.Д.,

умножались и увеличивались во много-много раз. Честный и очень порядочный помощник управляющего Казакевич¹⁸⁰² выразился даже, что удивляется, как это до сих пор не разворовали всю дорогу и ее станции. Сейчас все рвач[е]ские аппетиты сосредоточены на том, чтобы хоть чем-нибудь примазаться к нарядам и погрузкам вагонов на южный бобовый экспорт; бобовые грузы гниют в штабелях, спрос на бобы в Дайрене огромный и за наряд вагона или платформы платят тысячами романовских.

Получены первые приказы читинского главнокомандования с повышением в новых должностях всех самых отвратных персон семеновского антуража (во главе, конечно, Афанасьев¹⁸⁰³, Тирбах¹⁸⁰⁴ и Ко).

Слухи о читинских боях оказались, конечно, очередной уткой; были какие-то словесные столкновения, а харбинская сплетня постаралась и умножила.

Видел несколько старых офицеров нашего округа, устроившихся на службу в охранной страже; поведали мне про всякие безобразия, главным образом по хозяйственной части; все в руках разных подрядчиков, платящих крупные взятки, поставляющих всякую дрянь и не боящихся жалоб; состав нижних чинов очень неважный, большинство озлоблено и при первой возможности может пойти на всякие эксцессы.

29 декабря. Был у Плешкова¹⁸⁰⁵; по-прежнему весел, приветлив и хлебосолен; событиями в Иркутске особенно не интересуется и не тревожится, убаюкивая себя надеждой, что все разрешится достаточно благополучно. Редкий характер. Недаром он выглядит на двадцать лет моложе своего возраста.

Связи с Иркутском нет; семеновская агентура, связанная с Читой, кидает загадочные фразы, что в Иркутске неблагополучно, более точные данные сообщают, что там появилась эсеровская народная армия.

Выскочило то, о чем и я, и Бурлин докладывали адмиралу в Омске и что стало особенно ясным после проезда Гайды через Иркутск, а именно то, что там главная эсеровская штаб-квартира и идет энергичная работа по организации партизанщины и по подготовке восстания, причем эсерам помогает сам управляющий губернии Яковлев¹⁸⁰⁶.

Адмирал одно время забеспокоился, но все было смято заявлениями самого Вологодского и еще нескольких министров, заверивших* в

---

* В документе несогласованно — заверившими.

полной лояльности Яковлева и в его-де зорком наблюдении за деятельностью эсеров в его губернии.

30 декабря. Обедал у Скидельского¹⁸⁰⁷; дорога должна ему по угольным и дровяным поставкам за целый год; в таком же положении и другие подрядчики.

Чешская сводка сообщает о боях с красными к западу от Иркутска и о занятии «народными войсками[»] станции Батарейной. По телеграфной записи телеграфиста Иркутской городской станции, в городе идет бой между зелеными с одной стороны и юнкерами и офицерами с другой; в Иркутске сидит-де уже эсеровское правительство, а на Черемховских копиях образовалось свое большевистское. Чита ничего не сообщает об иркутских событиях и об армии, что создает необычайно приподнятое настроение.

Послал Розанову телеграмму с просьбой разрешить мне остаться в Харбине и не возвращаться во Владивосток для исполнения одной только формальности официальной передачи Смирнову уже занимаемой им должности начальника штаба округа. Предполагаю дожидаться здесь Андогского и попробовать устроиться при академии.

31 декабря. Получил ответ с просьбой все же приехать, так как положение все более запутывается и усложняется и С.Н. хотел бы иметь меня около, хотя бы в совершенно частном положении. Одновременно дано поручение поговорить с Хорватом по поводу вагонов и тарифов по вывозу закупаемого в Маньчжурии хлеба для войск и населения Приамурского края, а также и о разрешении оплачивать перевозки чеками на харбинские банки.

Хорват был очень любезен и с готовностью удовлетворил все просьбы.

Союзные осведомители сообщают, что союзное главнокомандование решило передать дорогу Красноярск — Мысовая под власть старшего чешского командования впредь до смены чехов другими союзными войсками, под последними надо понимать, по-видимому, японцев, но остается непонятным, обязались ли чехи удерживать голову этого участка до смены их этими «другими войсками». Последнее весьма сомнительно, а в таком случае наши армии и идущие за ними красные будут идти за хвостом сматывающихся на восток чехов и тогда никакой охраны сибирской магистрали не получится.

Моему пессимизму чудится, что распоряжение союзного командования сделано в угоду чехам и нам в ущерб, да еще какой! Теперь чехи —

законные хозяева на магистрали и могут делать что угодно, оставаясь на законной почве. Ждать от них благородства и человеческого отношения к нам, нашим нуждам и страданиям нет никаких оснований. Конечно, эта мера как будто бы возлагает на них нравственную ответственность, но если бы они были способны на такие гуманитарные призывы, то поступили бы надлежащим образом с самого начала и нашли бы какое-то среднее решение, вполне выгодное для них самих и в то же время не губящее несчастные русские армии и десятки тысяч наших беженцев.

Семенов выступает в роли государственного деятеля, отдал приказ о созыве совещания по продовольственным и общеорганизационным вопросам с приглашением общественных и профессиональных представителей; это хотел сделать Розанов, долго с этим носился, а Семенов-Мерлин схватил эту идею и осуществил ее в Чите. В теории надо было бы радоваться крупному проявлению изменения читинского торжного режима, но в действительности при созыве совещания под главенством архи-одиозного Афанасьева нет никакой надежды ожидать от этого каких-либо положительных результатов.

1 января [1920 г.]. Не мог отказать Розанову в его просьбе и отправился назад во Владивосток; везу с собой генерала Иностранцева¹⁸⁰⁸, вагон которого сгорел во время пути¹⁸⁰⁹ и который ухитрился бросить где-то адмирала и «уехать в отпуск». Мои владивостокские перспективы очень нерадостны.

По тому, что я там видел и узнал, мне представляется весьма вероятным и недалеким по времени, что Семенов уберет Розанова и посадит на его место Калмыкова; об этом еще при мне носились какие-то смутные предположения (особенно после приезда Вериги и его поездки в Хабаровск).

С назначением Семенова главнокомандующим такая комбинация более чем возможна, так как положение Розанова и его удельный вес в Чите, вообще достаточно шаткие, очень сильно упали после перебежки к Семенову Семенова-Мерлина, очень нерасположенного к Розанову.

Хорватовское окружение тоже считает, что возвышение Семенова должно вызвать соответственный подъем в положении его хабаровского «младшего брата», который давно уже тяготится ограниченностью своей сферы действий и, конечно, сделает все, чтобы скакнуть в командующие войсками Приамурского военного округа.

2 января. Поезд идет очень медленно; вся линия занята китайскими солдатами. Товарных поездов не видно ни на станциях, ни в пути; весь

вагонный парк или на западе, или на южной ветке. В пути нет никакого осведомления; настроение подавленное, все мысли к западу от Иркутска; вспоминаются картины уральской и челябинской эвакуации, а в ночных мыслях восстают бесконечные линии наших эшелонов, брошенных вдоль сибирской магистрали без топлива и без довольствия и отданных на смерть от мороза, голода и красных палачей.

Одновременно грызет вопрос: может ли Семенов измениться, а главное вышвырнуть от себя свое прежнее каторжное, грабительское, из палачей составленное окружение? Первые его шаги дают отрицательный ответ; нет особой надежды и на японцев, которыми он только и держится и которые не могли и не могут не знать всего того, что творилось и творится этой шайкой. А ведь в этом единственное спасение, так как с Семеновым, окруженным порядочными советниками и исполнителями, можно было бы еще помириться.

3 января. Приехал во Владивосток и опять наткнулся на забастовку. Уколот С.Н., указав ему на бездействие его хваленой контрразведки, которая допустила подготовку и осуществление забастовки; прежде самый посредственный жандармский офицер так не опростоволосился; а все потому, что все внимание агентуры направлено не туда, куда следует. Посему паки и паки рекомендовал выделить военную и антибольшевистскую контрразведку и передать ее в ведение Смирнова, у которого зашевелились те остатки старого жандармского управления, которые бездействуют или растрачиваются на бесполезную работу у Крашенинникова.

Примечательно то, что настоящая забастовка идет под лозунгом: «Долой реакцию и интервенцию»; это пахнет прямым руководством из Москвы, агенты которой искусно просочились в наш край и энергично здесь работают (по мнению Циммермана¹⁸¹⁰, немало их сидит уже во Владивостоке и работает под самым носом нашей контрразведки).

Говорил по этому поводу с Розановым; выслушал повторение старых уверений, что К[рашенинников] в полном курсе дела и при его деятельности не может быть ничего подобного; кое-что, конечно, есть и в соответственное время будет ликвидировано.

Не спорил, но напомнил, к каким печальным результатам приводила очень часто привычка наших жандармских деятелей допускать до полного созревания разные революционные нарывы, заговоры и покушения. Хотелось отличиться, поднести все полностью и с эффектным гарниром разных подробностей... и в значительном числе случаев — проваливались, опаздывали, упускали...

Наше положение за время моего короткого отсутствия потерпело новые потери; произошли крупные беспорядки в 36 полку в Хабаровске, в самой вотчине Калмыкова; в Шкотове взбунтовалась и перешла к партизанам пулеметная команда.

Комендантом крепости Семенов назначил своего наперсника генерала Вериго, звезда которого опять взошла, это назначение сделано не спрашивая Розанова, что вызывает во мне опасения последующих неприятностей. Вечером получена телеграмма Семенова с приказом изъять контрразведку от Крашенинникова и передать ее в ведение и на ответственность генерал-квартирмейстера штаба округа. Это уже прямой удар по Розанову и очевидный результат хлопот Вериго.

По сущности это то, чего я добивался несколько недель, но форма и источник приказа наводят на размышления.

Указал С.Н. на осложнение обстановки и на все усиливающуюся комбинацию семеновских представителей (Вериго, Магомаев, Лесников и недавно появившийся генерал Никонов¹⁸¹¹) и на их сношения с разными экзотическими здесь организациями (курени, кавказцы и т.п.).

Был на довольно многоядном заседании общественного совещания, собранного Розановым. Впечатление полной бестолочи, невоздержной болтологии и отсутствие плана и практических решений по основному вопросу о продовольствии населения. В речах представителей земства заметил необычную резкость.

4 января. Утром кто-то принес из семеновской штаб-квартиры (теперь — штаб крепости) сенсационное известие, что Розанов уволен и ком[андующим] войсками назначен Калмыков, причем последнему приказано стянуть в Никольск все свои силы, так как боятся, что Р. окажет сопротивление.

Вскоре выяснилось, что это было неправдой, но самый факт появления этого слуха в связи со всем, ранее бывшим и известным, был очень симптоматичен.

В общем, все настроены нервно и тревожно и чего-то ждут. Розанов пытается казаться спокойным и равнодушным, но в практической деятельности рвет и делает большие промахи.

Хотел даже закинуться и не исполнить приказа о передаче контрразведки; насилу его уговорил этого не делать.

Под влиянием К[рашенинникова] отрешил от должности прокурора военно-окружного суда за то, что тот дал отрицательное заключение

по делу какого-то Шишляникова¹⁸¹², привлеченного контрразведкой по обвинению в заговоре и революционной работе.

Напрасно старался доказать ему полную незаконность такой экстраординарной меры, совершенно безумной и подрывающей авторитет суда, а вместе с тем и государственной власти.

Убедился, что за мое отсутствие К[рашенинников] вернул обратно все отнятые у него мной позиции и вошел опять в полное доверие и силу.

5 января. Остался здесь в качестве частного лица, а при надобности добровольца по отдельным военным вопросам.

Веригу вступил в обязанности коменданта; он приехал из Читы, куда вызывался Семеновым для получения руководящих указаний; на ст[анции] Пограничной с ним случилась неприятность — таможенные чиновники не пощадили его высокого положения и отобрали у него массу контрабанды, которой был набит его специальный вагон.

Послезавтра ожидается прибытие сюда Калмыкова с бронепоездом; говорят также, что Семенов отправляет во Владивосток два полка; наиболее болтливые сателлиты Веригу болтают, что с приездом Калмыкова будет объявлен приказ Семенова о назначении его вместо Розанова.

Спросил Изоме, играющего с Р. в большую дружбу; тот заверил, что, по его сведениям, не может быть ничего подобного и что без ведома союзного главнокомандования такая перемена невозможна, тем более что при настроении американцев едва ли допустимо появление Калмыкова в такой роли.

В войсках и учреждениях округа затяжной денежный кризис. Иркутск выслал сюда довольно крупную сумму денег, но дошла она в сильно окургуженном состоянии; по донесению везшего деньги чиновника Рожковского, его заставили «поделиться» при задержании его в Чите, а потом в Даурии. Замечательные порядки и нравы!

6 января. В Иркутске восстание охватило части местного гарнизона; японцы двинули туда часть своих забайкальских войск — таковы сведения из американских источников. Официальных сведений о положении в Иркутске и в армии нет. Веригу, Магомаев и чехи, по-видимому, о всем осведомлены, но хранят все для себя.

Это вполне возможно, т.к. телеграф в руках чехов, все телеграммы ими цензируются и пользование прямым проводом только с разрешения чехов или японцев. Позорное и унижительное наше положение; и это называется дружеской помощью!

Слухи о калмыковском назначении замолкли; Крашенинников говорит, что японцы наложили на это решительное «veto».

Вечером опубликовано извещение, что японское правительство решило занять район Иркутска, что как-то не вяжется с ранее сделанным заявлением генерала Жанена, объявившим этот район нейтральным и не допускающим вооруженных столкновений в его пределах.

Красная агитация распространяет сведения о том, что японцы вскоре очищают все Приморье, и этим устрашают население и солдат, обещая жестоко расправиться со всеми, кто будет поддерживать колчаковцев и семеновцев.

В штабе округа распространили слух о состоявшемся будто бы окружении и пленении наших сибирских армий где-то в районе Красноярска. Высказался самым решительным образом против всякой возможности такого исхода.

Непоколебимо убежден, что Каппель, Войцеховский¹⁸¹³, Молчанов¹⁸¹⁴ и другие начальники выведут остатки армии за Байкал; потери будут, конечно, огромные; немало отстанет добровольно, потеряв всякую надежду на продолжение борьбы, но самые основные кадры отобьются и уйдут. Силы красных не так велики, им тоже нелегко, и сейчас главные опасности для нас — это местные восстания у Иркутска и к западу и чешская пробка на магистрали.

Был опять на общественном совещании; все время жевали вопрос о покупке хлеба; какой-то читинско-сибирский Коган, большой хлебный оптовик, берется поставить три миллиона пудов зерна в подходящие сроки и по сносной цене, а совещание занимается тем, что старается высчитать, сколько заработает на этом сей иудей.

В современной обстановке всякие совещания ни к чему; нужна единая власть и воля, но только, конечно, честная.

7 января. Из осведомительных данных выходит, что в Иркутске образовалось какое-то новое правительство и что союзное командование вступило с ним в переговоры. Известно также, что вечером 3 января японцы и отряд семеновских войск находились в 6 верстах от Иркутска, а так как по предыдущим сводкам японцы занимали ст. Иркутск 1 и 2 января, то приходится заключить, что они почему-то отошли.

Опубликована телеграмма из Москвы, что президентом советской республики выбран какой-то Каренин (из путиловских рабочих; по справке в контрразведке «Калинин»¹⁸¹⁵).

У Деникина тоже неважно.

Около Розанова вертится известный Гутман (литературный Ган)¹⁸¹⁶, которого туда ввел Ванечка Толмачев (в Одессе был жидоедом высокой марки, а здесь с ними якшается).

Приказом Семенова упразднены должности командующих войсками округов и вместо них учреждены должности начальников военных округов с подчинением их главному начальнику военных снабжений, в данном случае знаменитому генералу Афанасьеву. Это бьет главным образом по Розанову, единственному настоящему к[омандующему] войсками; по новому положению он теряет право управления войсками и превращается во второстепенную тыловую инстанцию хозяйственно-административного назначения.

На донесения о беспорядках в войсках Семенов приказал «расстреливать целиком все взбунтовавшиеся части». Сидя под надежным прикрытием двух японских дивизий, читинскому атаману очень нетрудно отдавать такие «железные» приказания, совершенно не считаясь с тем, что при теперешней обстановке сие равносильно сотрясению воздуха и никогда не сбыточным угрозам. Прежде всего вопрос: а кто же будет расстреливать?

Здесь не Даурия Унгерна, не Маккавеево Тирбаха и не бронепоезда Степанова, где в полной безопасности семеновские палачи расстреливали кого угодно, ибо их жертвы были бессильны сопротивляться и никто не мог этому препятствовать: на единицы были сотни.

Когда Р[озанов] утвердил смертный приговор некоторым участникам восстания 17 ноября, то уже тогда командир Егерского батальона не мог привести его в исполнение, так как его подчиненные категорически от этого отказались и пришлось набирать какую-то сборную команду.

Да, и кроме того, сейчас некого и расстреливать, ибо взбунтовавшиеся части уходят в сопки и делаются совершенно недоступными для какого-нибудь наказания.

8 января. Наблюдаю все совершающееся в качестве внешне постороннего зрителя, и тяжело, тяжело на душе. Осталась какая-то жалкая тень государственной власти и военной силы, да и та тает с каждым часом. В Чите идет игра в правительство — без территории, без населения, без местных аппаратов власти и без наличия какой-нибудь реальной силы для исполнения своих распоряжений. Вся территория в сущности — городской район Читы, прикрытый японскими войсками, затем опять-таки городские районы Владивостока, Никольска и Хаба-

ровска и полосы Забайкальской и Уссурийской жел. дорог, находящиеся под охраной японских и американских войск.

Все военные силы дальневосточного главкомандования состоят из двух, наполовину уже разбежавшихся стрелковых дивизий самого неблагонадежного состава и ничтожного боевого качества, разбойничьей монгольско-бурятской дивизии Унгерна и разных мелких частей малого состава и еще меньшего боевого значения.

И даже этот печальный актив вынужден почти полностью сидеть под защитой иностранных штыков, не имея ни сил, ни средств, ни возможности вступить в надлежащую и решительную борьбу с партизанским движением, возглавляемым красными агентами и занявшим уже весь Дальний Восток.

Неужели только мой пессимизм все это видит и учитывает? Неужели же не ясно, что после краха Омска и чешского предательства у нас самих уже нет средств восстановить государственную власть даже в пределах трех дальневосточных областей; и что все то, что было вполне возможно и осуществимо нашими собственными средствами при небольшой союзной помощи в первой половине 1918 года, ныне уже стало недостижимой мечтой?

Если бы Забайкалье, Амур и Приморье получили бы тогда твердую, заботливую и законную власть, способную привлечь к себе население и поддержать свой авторитет, то я убежден, что были все шансы создать на нашем Дальнем Востоке непоколебимую базу всего белого движения. Здесь не было тогда никаких причин и оснований для распространения большевизма; особое изолированное положение всего края представляло самые благоприятные условия для того, чтобы выловить и ликвидировать те анархические, преступные и разбойные элементы, которые, несомненно, имелись в местном населении.

Конечно, нужна была стремительная, высокоидейная и отлично проведенная программа устранения из жизни населения всего незаконного, нагнетающего и угнетающего и умелого удовлетворения насущнейших нужд, главным образом по снабжению, по материальной помощи вернувшимся с фронта казакам и крестьянам и по временному облегчению налогового обложения.

Все это было тогда вполне возможно и осуществимо. Надо было только об этом подумать, все это учесть и оценить, а затем найти средства, способы и людей для исполнения, после чего можно было быть вполне уверенными в сохранении у нас на Дальнем Востоке полного

внутреннего порядка и можно было не опасаться никаких красных махинаций.

И все эти возможности были начисто и невозвратно сметены нашими собственными руками, и как бы нарочно, было сделано все, что должно было вздыбить и поднять против нас основные слои местного населения и бросить их в объятия красных и той каторжной шпаны, которая создала первые партизанские и вначале чисто разбойничьи отряды и шайки.

Сразу же в Чите и Хабаровске засели очень мелкие, но вредные Соловьи-Разбойники, немедленно пригретые японцами, в Приморье началась чехарда: земство, плюгавый Толстов¹⁸¹⁷, Хорват и его окружение, затем Иванов-Ринов и на последнюю закуску вынужденный все это унаследовать — Розанов. Самой посредственной государственности не оказалось ни на грош; практического здравого смысла также; население получило только всевозможные проявления самой необузданной атаманщины с всевозможными контрразведками, могущими поспорить с чекой, и с беззаконием, поборами, насилиями, карательными экспедициями... и полным отсутствием какой-либо заботы о самом скромном удовлетворении производственных и товарных нужд.

Влезшие в верхние этажи власти много писали, еще больше приказывали и повелевали, наслаждались, а некоторые более чем неумеренно, всеми сладостями доставшейся им и баснословно узурпируемой власти... а о всем остальном думали очень мало, заботились еще меньше и, что хуже всего, окружали себя отборными рвачами, грязными дельцами и «белыми большевиками» самого разнузданного типа, развернувшимися во всю глубину своей подлости и гнусности (достаточно вспомнить все деяния семеновской своры и его бронепоездов, Унгерна и Калмыкова[]); ведь это хуже большевиков середины 19 года; те ведь защищали свою шкуру и ради этого применяли самый жестокий террор. Семенов же, Унгерн и Калмыков фактически ни с кем не боролись (особенно первый и третий), опасности никакой не подвергались, а насильничали и зверствовали только по звериным похотям и склонностям, пробужденным революцией и с тех пор ничем и никем не сдерживаемым.

Совершенно непонятно, почему все, что было допущено союзниками, хотевшими, по-видимому (в особенности вначале до заключения мира), нам помочь. Ведь они очень скоро узнали, что представляли из

себя наши дальневосточные выкидыши, и нельзя себе представить, что у союзного командования не было средств сразу же это устранить.

Японцы, быть может, преследовали и преследуют какие-то собственные тайные цели, поддерживая Семенова и Калмыкова, но ведь они связаны общими обязательствами с другими союзниками, а Нокс, Мартель и Гревс в самой полной мере осведомлены о всех злодеяниях обоих атаманов и понимают отлично невозможность ожидать от них какой-нибудь устроительной государственной работы.

Невыразимо тяжело на душе, когда в голове проносятся все эти мысли и представляешь себе, как прочно и благополучно могло быть теперь на всем пространстве от Байкала и до Тихого океана, если бы судьба в виде Хорвата, японцев и двух иностранных капитанов: Куроки¹⁸¹⁸ и Пеллио¹⁸¹⁹ не наградила нас всем сонмом египетских язв в лице Семенова и Калмыкова.

К характеристике моего пессимизма: только что узнал от Смирнова, что в егерском батальоне все, начиная с его командира, напились до чертиков, один из офицеров убил своего ротного командира, а оставшая братия собиралась перепороть всю администрацию коммерческого училища, в здании которого стоит этот батальон (привезенный Розановым из Красноярска). Кроме того, мне сообщили, что казаки южных округов Уссурийского войска обратились к союзным представителям с просьбой-требованием избавить их от насилий и злодейств самозванного атамана Калмыкова и принять меры по прекращению братоубийственной войны в пределах области и по возвращению ее к мирной жизни; о последнем же просят также и амурские казаки, точно так же обратившиеся к представителям союзных держав.

9 января. Пессимизм мой все распухает. Вчерашнее обращение казаков двух войск (а в третьем $\frac{9}{10}$ казаков давно уже на стороне красных партизан) приводит меня к мысли, что единственный для нас исход — это полная оккупация Дальнего Востока союзными войсками. Но по японской позиции это невозможно; между тем более чем необходимо, чтобы то, что ведет Капшель и что, я уверен, пробьется в Забайкалье, прибыло туда не для новой борьбы с восставшим населением, а для отдыха под прикрытием иностранных штыков, на обязанности которых установить порядок и закон и не допустить вторжения сюда красных войск. В общем какая-то неразрешимая дилемма.

Утром видел помощника Крашенинникова штабс-капитана Думбадзе¹⁸²⁰; он уверяет, что у чехов есть лента разговора по телеграфному

проводу между Семеновым и Калмыковым, удостоверяющая якобы что назначение последнего уже решено, но временно задерживается по разным междусоюзным причинам.

Через Охотск получена радиограмма иркутского красного главкома Зверева¹⁸²¹, что в Иркутске утвердилось новое социалистическое правительство «на советской платформе». То же подтвердил Вериго с добавлением, что войска Семенова уже отошли к Мысовой, исполняя требование Жанена.

Положение Розанова необычайно тяжелое: на нем пока лежит вся ответственность, но кругом все уверены, что его песня спета, и уже позволяют относиться к нему как к *quantité négligeable*¹⁸²².

Ко мне явился Никонов (знаю его с Забайкалья и по его службе в Никольске в Забайкальской конной батарее¹⁸²³) с намеками, не возьму ли я на себя посоветовать Розанову, чтобы тот переехал в нормальный пункт пребывания штаба округа, то есть в Хабаровск, т.к. его присутствие стесняет настоящего хозяина крепости — ее коменданта генерала Вериго.

Отказался брать на себя подобные поручения, указав, что это может сделать сам Вериго.

10 января. Составил для Розанова телеграмму Семенову с ходатайством о разрешении расформировать полуразвалившиеся и полуразбежавшиеся полки 9 Сиб[ирской] дивизии и начать формирование новых чисто добровольческих частей с самым тщательным подбором всего состава и с обеспечением их широким материальным и денежным снабжением. По-моему, сейчас это единственный исход; только очень и очень грызет червь сомнения по поводу возможности найти приличный офицерский состав, особенно старший командный и по хозяйственной части; младших офицеров можно взять из Инструкторской школы Русского острова.

Жаль, что эта мысль пришла так поздно. Никонов назначен председателем особой комиссии по реализации материалов и товаров в коммерческом и морском портах и в складах крепости; видна рука специалиста по разбазариванию русского добра и матерого семеновского сподвижника генерала Афанасьева, уже набившего руку на грабеже и ликвидации вагонных залежей ст. Маньчжурия. Здесь уйма всякого добра, и японские друзья и компаньоны читинского Гришки должны здорово набить себе карманы.

11 января. В дополнение местной хмары скверные известие от Деникина; по всему чувствуется, что порыв наступления уже выдохся,

развивать его нечем, а большевики успели оттянуть войска от уже разгромленного Сибирского фронта, и это дает им серьезные выгоды для перехода в наступление против редкого и расплзающегося расположения добровольческих армий. Очень и очень опасаясь, что на юге может повториться то же самое, что случилось с нами, когда сибирские армии подходили к Волге в таком же растянутом и безрезервном виде и были встречены планомерным наступлением нового заволжского красного фронта.

Не знаю, конечно, потребностей деникинских операций, но общая обстановка очень похожа.

Японцы болтают разное: по одним, будет обязательная оккупация всей Сибири и для этого будто бы назначены и ожидаются к прибытию еще две дивизии; другие же категорически это отрицают, добавляя, что Америка решительно отказалась дать на это свое согласие, а остальные союзники, давно уже охладевшие по части оказания нам помощи, стали на сторону Америки.

Послал телеграмму в Читу с запросом, успели ли вывезти из Иркутска военно-учебные заведения. Я поднял этот вопрос еще в начале декабря, прикрыв его очень благовидным предложением освобождения помещений Иркутска для эвакуируемых из Омска государственных учреждений.

Принудительное согласие было получено, но, как всегда, приведение в исполнение задержалось разговорами о местах эвакуации и недостатком вагонов. Я телеграфировал генералу Карликову¹⁸²⁴ грузить что можно и везти, не ожидая точного распределения и указывая, что часть возьмет Забайкалье, а остальное отправим в Хабаровск и на Русский остров, но из этого ничего не вышло.

Теперь очень боюсь, что училища, корпус и институты попали в иркутскую кашу со всеми неизбежными от сего последствиями.

Вспоминаю, как поносили и ругали меня омские мамы, когда я, никого не спрашивая, приказал нагрузить омский Сибирский корпус и отправил его во Владивосток на Русский остров. Теперь те из них, кто не попал в ледяные ужасы омской эвакуации, должны молиться за меня Богу, что я спас их сыновей от неизбежной гибели.

Никонов, у которого я справлялся по поводу Иркутского училища и корпуса, думает, что они там остались, ибо известно, что юнкера принимали участие в уличных боях.

12 января. Центр всего управления перенесен в штаб крепости, куда сосредоточились все накопившиеся здесь семеновцы. Вериге име-

ет совсем победоносный вид, говорит открыто о покорении под нож всех непокорных, но особенно интересуется вопросами о ликвидации эгершельдских запасов. Передвижение меридиана японских симпатий видно по полковнику Изоме, игравшему раньше в неразрывную дружбу с Розановым, а теперь все чаще и чаще появляющемуся в кабинете Вериги.

Видел Манакина; в Японии он жил рядом с домом, занятым женой семеновского главного интенданта генерала Федотьева (знаю его по Амурскому каз[ачьему] полку, где он был полковым адъютантом), и ему пришлось видеть те грандиозные траты, которые ею производились, иены лились, как вода. Ясно, что всей такой публике нужны обильные источники для продолжения уже привычного для них образа жизни.

Заходил в контрразведку, уже перешедшую в ведение штаба округа; по ее сведениям, партизанские отряды растут неудержимо; Никольск уже окружен ими со всех сторон; в полках 9 дивизии настроение очень неблагоприятное, особенно в расположенном здесь тридцать пятом полку, укомплектованном очень сомнительными элементами Амурской области.

13 января. Последний день проклятого 1919 года¹⁸²⁵ наградил нас страшным тайфуном. Просидел дома; пешком никуда не дойти, а кроме того, все время в воздухе носились листы сорванных крыш (больше, чем в наши времена, — очевидный результат пятилетнего «моратория» по ремонту крыш).

По распоряжению адмирала, как-то до нас добравшемся, получил от Розанова три тысячи иен как пособие для поездки для лечения в Японию. Глубоко тронут этим ко мне вниманием, оказанным в такое тяжелое для самого адмирала время. Не знаю только, ехать ли сейчас в Японию и не сберечь ли эти деньги на черный день. Жалованье, хотя и на сибирские, я все же получаю, а будущее закрыто очень мрачными тучами.

Вечером до меня добрался Станишевский, вернувшийся опять на насиженное место в штаб крепости (он там ходячая справка по всем делам и вопросам); он слышит многие разговоры толкущихся там семеновцев, хвастающих, что скоро здесь будет вторая Чита и всех возьмут в настоящие атаманские ежовые рукавицы. Об остальном, о состоянии войск, о развитии партизанского движения и о том, что же будет дальше, никто и нисколько не интересуется; заняты самоназначениями на

разные должности, выбором и обстановкой квартир, нарядом автомобилей и прислуги и предварительными пока, кутежами в сообществе молодых японских офицеров; появились уже кандидатки на амплуа Машки Шарабан¹⁸²⁶ разных рангов.

Кое-кто из состоятельных владивостокских старожилов запаслись уже паспортами и билетами на Цуругу или Шанхай, зная по опыту Читы о возможных для них последствиях установления здесь «настоящего» атаманского режима и будучи достаточно хорошо осведомленными о «читинских рекордах» белого чекиста Вериго.

14 января. Новый 1920 год¹⁸²⁷. Что-то он нам принесет. Казалось бы, ничего не может быть хуже его предшественника, но сейчас все auspicii¹⁸²⁸ весьма грозные. По последней сводке, Иркутск занят партизанами какого-то Карандашвили¹⁸²⁹; где Каппель и что делается с армией, неизвестно. Сейчас, когда более чем когда-либо необходимо полное и верное осведомление, все его органы онемели; отчасти в этом виновата Чита, установившая собственную цензуру; со стороны получается впечатление, что семеновские поводыри решили сделать главным и единственным фокусом внимания своего новорожденного главнокомандующего, а все остальное как бы вывести в расход.

Совершенно не понимаю позиции союзников; помогают ли они нам или же все это одна только комедия? Крах омского режима и потеря нами всей Сибири настолько очевидны, что следовало что-то предпринять. Если решили базироваться на Семенова, то неужели же у союзных здесь представителей не хватает мозгов на то, чтобы сначала самым решительным образом продезинфицировать* Читу и оставить там одного только атамана, и на нем, как на топоре в нашей сказке, сварить новую кашу.

Ну, а если по общей конъюнктуре над всем висит и господствует влияние жульнической компании Куроки и японских рвачей, всецело поддерживаемых своим правительством, то честнее и благороднее закрыть союзную лавочку и предоставить нас своей судьбе, и во всяком случае, не разговаривать с товарищами Карандашвили и К^о, как делают сейчас Жанен и Сыровой, обязанные защищать правительство адмирала, ими признанное.

15 января. Из японского штаба проскользнули какие-то смутные слухи, что в Чите произошли не то беспорядки, не то нападение

---

* Так в документе.

красных партизан. Американское командование объявило, что их войска спешно снимаются с охраны железной дороги и вывозятся в Манилу. Можно только сказать: «Скатертью дорога», пользы от вас было ноль, а вреда вы принесли слишком много, и вы сами и ваше пресловутое демократическое правительство. Не будь вашего вмешательства, японцы могли значительно раньше сменить чехов, а тогда все могло перевернуться совсем иначе, чем теперь. Свернуть шею атаманам вы не смогли, а на моральную, а кое-где и тайную материальную поддержку красным партизанам, ваш Гревс и К^о оказались способными.

Опять заходил Никонов; по-видимому, желает использовать мое знание владивостокских условий для своих целей; несомненно, что он и Вериго собирают материалы для будущего утопления Розанова, могущего сильно поплатиться за подвиги своих приближенных. Сейчас идет секретное обследование махинаций все того же Кузьминского; уже выяснено, что сей гусь провел весьма крупную мошенническую сделку с фирмой Буа Ландри, устраивая для нее незаконный ввоз крупной партии иностранных вин и получив за это «на имя командующего войсками округа» приличную взятку винами и закусками на несколько сот тысяч рублей.

Другой, состоявший в распоряжении Розанова, полковник Степанов (из казанских героев и чешских приятелей)¹⁸³⁰ истребовал для командующего войсками двадцать ведер спирта! Теперь понятны те сплетни о непрерывном пьянстве Розанова, которыми был полон и ныне полон Харбин.

Зная С.Н. с училища и встречаясь во время всех поездок в Петербург в 1907–1913 годах, я мог давать голову на отсечение, что он отличался всегда очень умеренным образом жизни, и потому был поражен, когда еще в Омске стали поступать донесения об его разгульном поведении.

Недурно его отблагодарили его же подчиненные.

16 января. Тяжелый и прискорбный день. Полковник Изоме сообщил, что чехи передали адмирала в руки Иркутского эсеровского «правительства» (так и сказано «правительства»; настолько глубоко упало это название)¹⁸³¹. Одновременно Семенов объявил, что на основании последних распоряжений адмирала принимает на себя всю полноту верховной власти и верховного командования. Итак свершилось, и омское действо пришло к небывало трагическому концу. По-видимому, не подлежит сомнению, что роль Иуды в гнуснейшем омском преда-

тельстве сыграл Жанен, а исполнителями были чехи. Очень темна роль японцев, у которых в Забайкалье было достаточно сил, чтобы играть там главную роль и заставить чехов самым серьезным образом с собой считаться; чехи могли чихать на Семенова, но отлично понимали всю гибельность для себя каких-либо серьезных столкновений с японскими войсками.

Под страшным ударом известия о предании адмирала в моей голове зашевелились ужасные подозрения о возможности умышленного бездействия японцев, решивших-де не мешать ликвидации всех остатков Омска, до адмирала включительно, с тем, чтобы пустить в ход свою уже подготовленную читинскую махинацию.

В былые времена, при старой самурайской этике, такое предположение было бы совершенно невозможным *nonsens*'ом, но теперь после тех губельных изменений в нравственном кодексе, которые внесли в японское офицерство гнилые порядки их интервенции, мой пессимизм имеет право на некоторые основания.

Очень многое, что я наблюдал в Харбине и Владивостоке и что подтверждалось многочисленными рассказами и сообщениями о поведении влиятельных японских начальников и офицеров в Чите, наводило меня всегда на грустные мысли о слабой сопротивляемости японцев не только против чужеземной физической инфекции, но и против нравственного разложения, вносимого соприкосновением с гнилыми влияниями пресловутой европейской цивилизации, не говоря уже о той грязи и гнили, которые развились у нас в Чите и Харбине и отчасти во Владивостоке.

17 января. Иркутская трагедия не оставляет сомнений в грандиозном размере постигшей нас катастрофы. Не говоря уже о самом факте самого подлого предательства по отношению к признанному союзными державами носителю верховной власти и старшему представителю военного командования, нам надо считаться с потерей всего золотого запаса и всего снабжения, находящегося в Иркутске и к западу от него (в одном только Иркутске было сосредоточено медицинского снабжения на десять корпусов).

Вспоминается август [1919 г.] и моя борьба по вопросу о необходимости эвакуировать Омск и мои самостоятельные распоряжения об отправке большей части запасов военного снабжения в тыл с эшелонированием между Красноярском и Иркутском. Не будь читинской западни, я не постеснялся бы бросить часть запасов и в Забай-

калье, где для этого имелись подходящие склады и помещения, но опасность захвата их Семеновым — более чем вероятная, тогда меня остановила.

Восстает опять грозный вопрос: с чем же мы будем продолжать борьбу; золота нет, а союзники, как то показал опыт Омска, продают только за наличные и деньги вперед; военного снабжения в тылу очень мало, патронов, по последней справке, в окружном артиллерийском управлении только 1¹/₂ миллиона. Рассчитывать на какие-нибудь кредиты от союзников теперь просто глупо; мы им уже не нужны, особенно после гибели золотого запаса, на который они так точили свои зубы.

Началась сплошная отправка американских войск восвояси; на прощание пьянствуют и безобразничают, как бы стараясь побить все прежние рекорды. Из Читы прибывают новые персонажи — из отборных специалистов по семенизации и иенизации. По последним сведениям, Капель пробился мимо Красноярска и движется на восток.

В семеновском окружении вновь появился и лезет наверх Хрещатицкий; Веригу объясняет это добротой атамана и его неумением отказывать, когда его умильно просят.

18 января. Семенов несколько опоздал, приказал Веригу наложить лапу на находящуюся во Владивостоке кредитную канцелярию, но начальник последней как будто бы предвидел эту опасность и несколько дней тому назад перевел все валютные ценности за границу в распоряжение наших послов. Таким образом, самый крупный и жирный налет не удался.

Японцы сообщили Розанову, что завтра во Владивосток приезжает Болдырев, который затем отправится в Читу; явление совершенно неожиданное, непонятное и совершающееся с разрешения, а может быть, и с одобрения японского правительства; иначе Болдырева сюда не пустили бы; весьма возможно, что в его лице проектируется какая-нибудь подпорка или дополнение к Семенову.

Хорват ответил на провозглашение Семенова Верховным правителем и объявил, что остается единым и независимым представителем российских интересов и власти в полосе отчуждения; при этом особенно подчеркнул, что верховные права в полосе отчуждения принадлежат Китаю.

Харбинская лисица пожинает плоды своей собственной неумной и вредной для России политики; способствовал зарождению и подкарм-

ливанию атаманщины, несколько раз спасал Семенова от финансовых крахов, а теперь сам от него спасается, несомненно отдавая в жертву наши законные здесь интересы. Ничего этого не случилось бы и сидел бы он здесь неприкосновенным ни для кого охранителем дороги и прав России, если бы остался на почве абсолютного политического нейтралитета и исполнения обязанностей ответственного хозяина огромного железнодорожного предприятия с его весьма сложным международным положением и особыми правами.

Местные семеновские круги мечут громы и молнии, клеймят Хорвата гнусным изменником и готовы требовать от китайцев его выдачи на суд и расправу. Вина его в прошлом, а сейчас он не мог поступить иначе, ибо нельзя же было допустить читинских хапуг и насильников воцариться в полосе отчуждения. Мы не знаем, каким актом адмирал передал свою власть Семенову, но знаем отлично и бесспорно, что по закону адмирал не имел права этого сделать, ибо сам утвердил решение Совета министров, что его единственным преемником и заместителем является генерал Деникин. В силу этого после предательства адмирала и провала куда-то всего Совета министров Семенов мог временно считать себя главнокомандующим на Дальнем Востоке, потерявшим связь с центральным правительством, но не более.

19 января. Пришло сообщение, что в Чите одобрили составленный еще при мне проект преобразования Инструкторской школы в военное училище с полуторагодовым курсом; вместе с тем Калмыков тоже разразился приказом об открытии в Хабаровске военного его имени училища.

Идея бесцельности дальнейшей междоусобной войны, родившаяся в Амурской области, перебросилась в Никольск; находящийся там генерал Маковкин¹⁸³² обратился к партизанам с предложением прекратить восстание и помириться, угрожая в противном случае японцами, которые-де решили не допускать сюда большевизма и в случае надобности сумеют с ним справиться.

Другая весьма красочная фигура никольского гарнизона, полковник Враштель¹⁸³³, имел даже свидание с одним из главарей партизанства Степаненко¹⁸³⁴, который ему заявил, что партизаны не большевики, борются только против беззакония и насилия и готовы прекратить военные действия и вернуться по домам, но только при твердо гарантированном обеспечении от каких-либо преследований за прошлое, т.е. при условии полной амнистии.

По словам Маковкина, Враштель вынес самое благоприятное впечатление от встречи с партизанами и уверен в их искренности и готовности бросить сопки и вернуться к мирной жизни.

Розанов просил моего совета, я высказался за удовлетворение желания, совместно заявленного старшими представителями никольского гарнизона и одним из главных вожakov сопочных партизан, так как считал это несомненно полезной мерой, долженствовавшей вытянуть из партизанщины те местные элементы основного крестьянского и казачьего населения, которые пошли туда под влиянием порыва или какой-нибудь обиды или были сманены или принуждены. С их уходом все движение должно было потерять местное сочувствие и материальную поддержку, делалось чужеродным, а борьба с его остатками становилась возможной даже для наших слабых сил. Надо было только одновременно принять самые срочные и энергичные мероприятия по установлению в областях и уездах твердого и законного порядка и по удовлетворению нужды населения в продовольствии и предметах первой необходимости.

20 января. Официально объявлено, что 15 января чешское командование передало иркутскому эсеровскому правителю Верховного правителя и нового председателя Совета министров* Пепеляева, находившихся в поезде на ст. Иннокентьевской.

Нет выражений для заклеяния этой гнуснейшей подлости. Преданы высшие представители верховной государственной власти, признанной всеми союзниками; преданы благородные и честные люди, поверившие Жанену и К^о и отдавшие не только себя, но и все то, что олицетворяли и чему служили, под охрану союзнической чести и союзнических обязательств.

Невозможно даже представить, что могло побудить Жанена и Сырового совершить такую беспримерную подлость. Не могли же они испугаться какого-нибудь Карандашвили или эсеровско-большевистской банды, которых можно было разогнать и ликвидировать одним японским батальоном.

Под напором бушевавшего во мне негодования написал Жанену телеграмму следующего содержания: «Получил известие о предании Верховного правителя адмирала Колчака повстанцам и о заключении его в иркутскую тюрьму. Продолжаю пока верить, что это известие

---

* В документе ошибочно — министра.

ложно и что лица, коим адмирал доверил свою судьбу, не запятнали себя гнусным предательством. [В] противном случае считаю, что лица, задержавшие адмирала, не позволившие ему выйти из сферы опасности и имевшие возможность его беспрепятственно оттуда вывезти, совершили бесчестное деяние, которому у честных людей нет названия, каковы бы ни были их политические убеждения. Как старый русский офицер, отдавший пять лет жизни на борьбу за общесоюзное дело, прошу Ваше Превосходительство своим авторитетным разъяснением развеять нашу русскую тревогу, а если позорное деяние совершено, то сообщить нам и всему миру, кто это сделал, а также сообщить, какие меры приняты Вами для освобождения адмирала....»

Знаю, что мое обращение должно остаться гласом вопиющего в пустыне, но не могу остаться безмолвным; больно только, что телеграфные условия не позволяют применить те эпитеты, которые были бы способны выразить мое негодование и мою оценку совершенного предательства.

От чехов можно было всего ожидать, но Жанен в Омске производил впечатление, не позволявшее думать, что он способен на такую подлость.

Приехал Болдырев, долго сидел у Розанова; все данные за то, что он появился здесь с одобрения японцев, собирающихся использовать его для какой-то новой комбинации из него, Семенова и «демократической общественности» (комбинация весьма сумбурная и ничего путного не обещающая). По рассказу Розанова, у Болдырева разработана полная программа, требующая немедленного прекращения всех вооруженных действий, образования новой государственной власти в сотрудничестве с эсерами, а при исключительных условиях даже с большевиками; и в организации новой армии, так как по словам Б., русский народ не допускает возможности продолжения пребывания на своей территории иностранных штыков и постороннего вмешательства.

Выслушал эту удивительную белиберду и даже не удивился — два года революции отняли, очевидно, эту способность; слишком много чуши и идиотства пришлось за это время увидеть и испытать.

Разве в здравом уме можно верить в соглашение с эсерами и большевиками, способное дожить только до первого столкновения по бесчисленным вопросам, по которым не может быть никакого соглашения?

Революционные прелести продолжают: на Зыбунном руднике Скидельского взбунтовалась охранная рота 33 полка, убила офицеров

и часть администрации, разграбила склады и ушла в сопки к партизанам. Несколько раз указывал Крашенинникову на необходимость развития агентуры во всех войсковых частях для охраны и предупреждения от таких восстаний, которые не вспыхивают сразу, а долго готовятся.

К. обещал это сделать, но, очевидно, ограничился одними словами.

21 января. В дополнение к прожектам Болдырева и К^о Русское телеграфное агентство передало статью Керенского, что русский вопрос должен быть отдан на разрешение русской демократии с прекращением всякого иностранного вмешательства в наши дела; отставной и беглый главноуговаривающий и насвистанный революционный попугай продолжает свою волюнку и уверяет, что сия демократия — такая огромная сила, которая победит все препятствия.

Семеновцы напирают вовсю; образовались какие-то комиссии с диктаторскими правами вплоть до предания военно-полевому суду. Никонов тоже разворачивается вовсю; Розанов хочет его отсюда выслать, но для этого надо иметь поддержку японцев, а это более чем сомнительно: Ойя и Инагаки давно уже не на стороне Р., а автономный Изоме виляет и тоже, по-видимому, близок к переходу в другой лагерь.

Болдырев выразил желание меня видеть, но я от этого уклонился, мне с ним не по дороге.

Вчера состоялось собрание местных лидеров всех несоциалистических партий, весьма серьезно испуганных болдыревскими комбинациями из атаманов, эсеров и большевиков. Болтали, кричали, вынесли громкие резолюции и разошлись с тем, чтобы при появлении очередного кулака онеметь и творить, что он прикажет, — такова, по-видимому, их судьба и их неизбежный удел.

Сердит, да не силен, кому брать? Пережевывают программы, системы выборов, права и гарантии, а не понимают или не хотят понять, что всему этому сейчас не время и не место. В теперешней обстановке нужна, прежде всего, власть, власть сильная, разумно без послаблений законная, но единоличная, с большой долей диктатуры и выгодно-удобная для населения в отношении удовлетворения его основных шкурных потребностей и интересов. Недопустимы ни совещания, ни выборы, ни посторонние вмешательства.

В газетах очень дельная беседа Хорвата с корреспондентами харбинской прессы; умно и рельефно очерчены его взгляды на свои обязанности как управляющего дорогой и охранителя русских интересов. Как

горько и обидно, что он не додумался до этого в начале 1918 года и не осуществлял этого так долго.

22 января. Болдырев ведет какие-то совещания с земцами и областниками, ищет каких-то общих линий. Розанов считает, что Б. приехал сюда по поручению японской военной партии Танака¹⁸³⁵ и должен осуществить такую комбинацию, которая позволила бы японцам умыть руки во всей сибирской интервенции и не потерять при этом лица, но в качестве благодетеля сохранить свое влияние в пределах русского Дальнего Востока и извлечь из этого посильные выгоды.

Плохо все это понимаю; очень сложная и, по-моему, плохо связанная и в деталях противоречивая задача, слабая в теории, а на практике неосуществимая и близкая к абсурду. Комбинация из демократии, эсеровщины и большевизма абсолютно неспособна ни к чему; кроме болтовни сначала, грызни затем и общей свалки под конец с неизбежной победой более беспринципных большевиков.

От Жанена, конечно, ответа нет и не будет.

23 января. Из Никольска прибыли генерал Маковкин и командир 33 полка Евецкий¹⁸³⁶ с новым и настойчивым ходатайством о даровании амнистии всем партизанам, которые вернутся в деревни и станицы и сдадут оружие. Розанов прислал за мной автомобиль и просил приехать в штаб округа, где по сему было устроено совещание при участии Вериги. Маковкин лично и за Враштеля самым энергичным образом отстаивал необходимость такой меры, утверждая, что она приведет к успокоению населения и позволит приступить к общей устроительной работе; Евецкий решительно поддерживал такое мнение и в конце концов заявил, что если амнистия будет дана, то он будет ручаться за свой полк, как за самого себя, а если не будет, то, наоборот, он ни за что не ручается и опасается самых нежелательных последствий.

Я все время молчал; когда Розанов спросил мое личное мнение, то я доложил, что очень сомневаюсь в искренности партизанских предложений, так как не вижу никаких причин и оснований для такого миролюбия; их силы все время растут, а наши уменьшаются, причем всякому младенцу ясно, что у нас нечем бороться с партизанщиной и ей вообще чем-нибудь угрожать.

Однако, ввиду настойчивого желания старших начальников никольского гарнизона, более близко соприкоснувшихся с последними настроениями ближайших партизанских партий, я не вижу оснований

отклонить их проект, который в случае удачи принесет весьма желательные для нас результаты, а при провале ничем нам повредить и ухудшить нашего положения не может.

После этого единогласно было решено дать просимую амнистию, был составлен и подписан приказ, обеспечивающий прощение всем партизанам, которые добровольно вернутся домой и сдадут оружие. Маковкин и Евецкий с копиями быстро отпечатанного приказа и в очень приподнятом настроении* отправились обратно в Никольск. При разъезде участников совещания мне очень не понравилась фраза, брошенная мимоходом Вериго о том, что такая слабость может очень не понравиться атаману, которого следовало бы ранее спросить; тогда я спросил В., почему он не заявил об этом раньше во время совещания, на что тот отделался отговоркой, что это дело касается всей области, к нему, как к коменданту крепости, не относится, а потому он и не считает себя обязанным в это вмешиваться.

Для обеспечения Розанова со стороны Читы уговорил его поехать к Ойя и испросить его утверждение этого распоряжения. Розанов попросил меня его сопровождать.

Сначала Ойя ответил, что он ничего не имеет против такой примирительной меры, но когда я позволил себе вмешаться и просил более определенного решения и официального заявления, то увертливый японец от такого заявления уклонился, но довольно решительно заявил, что во всяком случае он гарантирует, что эта мера отменена не будет.

Искренно жалею бедного С.Н., влипшего во все эти переделки, в кипении которых он обречен на обвинения, осуждения, сплетни и клевету, причем сам он, если и повинен в чем, то главным образом в излишнем доверии к атаманам и к своему окружению (по доверчивости и неспособности отречься от тех, кому он раз поверил, он очень схож с адмиралом).

У него было и есть много хороших планов и благих намерений, но вначале не хватило умения двинуть их по пути исполнения, а потом уже не было ни средств, ни возможности. В результате получилось великое бремя обязанностей и ответственности при невозможности осуществить что-нибудь положительное и при неизбежности стать единственным козлом отпущения за все и грехи, [и] ошибки, и недоделки.

---

* В документе ошибочно — направлении.

Одновременно с амнистией разрешено отпустить пленных красноармейцев, не причастных к каким-либо уголовным проступкам; это вполне логично, ибо иначе нет никакой гарантии, что в одну какую-нибудь ночь они [не] уйдут к партизанам совместно с собственной охраной.

Вечером Ойя вызывал к себе Розанова, который опять-таки просил меня его сопровождать, мотивируя это желанием иметь свидетеля с достаточно высоким положением и чином. Разговор продолжался более двух часов; Ойя начал с того, что действительность доказала, что та политика, которую вело правительство адмирала Колчака, оказалась неприемлемой для населения Сибири и Дальнего Востока, а потому все надо переделать и установить такой порядок, который устранил бы все обнаруженные недостатки и ошибки и был бы полезен для всего населения.

По мнению японского главнокомандующего, необходимо тесное и умелое сотрудничество военной и гражданской власти при участии всего дельного и талантливое, независимо от принадлежности к той или иной партии, за исключением большевиков и крайних левых. Военные власти должны воссоздать вооруженные силы, а гражданское управление установить законность, основные положения всякой государственности и полный порядок. Временно порядок в крае будет поддерживаться японскими войсками, каковых с приходом сюда новой 13^й дивизии будет вполне достаточно и которые возьмут на себя обеспечение движения по железным дорогам и недопущение никаких вооруженных столкновений в полосе дорог и в местах своего расположения, но воевать с большевиками не будут и только в случае нападения ответят силой на силу.

Сейчас власть передана атаману Семенову, и поэтому японское командование будет его поддерживать, надеясь, что он сумеет осуществить необходимую государственную программу при помощи выборных лиц от населения (эту часть разговора Ойя не смог выразить по-немецки, а передавший ее переводчик плохо владел литературным языком — удалось уловить только общий смысл при очень туманной роли этих выборных).

В заключение Ойя как бы мимоходом высказал, что он и его подчиненные не могли вмешаться во все, что произошло в последние дни в районе Иркутска, так как это было вне сферы их полномочий, но что он и все японцы очень огорчены тамошними событиями.

Я позволил себе доложить свой пессимизм в отношении продуктивности совместной работы правых и левых группировок и высказал пожелание, чтобы главнокомандующий союзными войсками вызвал к себе лидеров этих группировок, выяснил им позицию, желания и условия Японии и предупредил, что помощь последней возможна только при полном отказе от партийных домогательств и при обязательстве самого дружного сотрудничества в восстановлении государственности, порядка и матерьяльного благополучия.

Мое предложение было принято, и Ойя просил прислать ему список лиц, которых следовало бы пригласить для выслушания такого заявления.

Перед расставанием последовали два довольно оригинальных вопроса; сначала Ойя спросил Розанова, кто такой генерал Болдырев и зачем он сюда приехал, на что Розанов рассказал служебный стаж Б., но отозвался незнанием цели его здесь появления (о последней Ойя знает, наверное, лучше нас всех).

При самом же прощании Ойя ошарашил Розанова, спросив его, какие меры приняты им в случае необходимости оказать вооруженное воздействие на чехов и американцев. Р. совсем оторопел и отделался ответом, что на такой случай в его распоряжении нет достаточных сил, что и вынуждало его, а в случае крайности должно вновь принудить прибегать к переговорам и компромиссам.

Трудно понять, чем были вызваны это приглашение и этот разговор с явным притворством о незнании не только цели приезда Болдырева, но даже и кто он такой. Все пункты, о которых говорил Ойя, уже известны, жуются и в Чите, и здесь и очень схожи с программой Болдырева, а происхождения они, несомненно, японского.

Условия беседы и мое положение не позволили мне задать Ойя вопросы, почему же высказанные им общие положения о государственности, законности и порядке не были положены в основание всей деятельности союзного командования с самого начала союзной интервенции и почему японцы так усердно способствовали созданию, развитию и охранению читинского и хабаровского нарывов и этим связали руки адмиралу и его правительству и подняли против нас все население; главные ведь беззакония совершались у Семенова и Калмыкова, а их безнаказанность способствовала повсеместному распространению атаманщины всевозможных калибров и развело всюду беззаконие и насилие. Если бы японцы не спасли Семенова, когда он открыто вос-

стал против адмирала, то не могло быть сомнений, что власть и авторитет Омска были бы бесконечно выше и прочнее, а тогда могло быть осуществлено очень и очень многое положительное и широко государственное.

Получены неопровержимые сведения о начавшемся движении партизанских партий к Никольску и в районе ст. Угольной, причем ясно, что эта операция кем-то направляется и ведется с определенной целью. Никольские оптимисты об этом знают, не придают этому серьезного значения и продолжают уверять, что как только широко распространится приказ об амнистии, то в рядах партизанов произойдет раскол, умеренные потянут домой, и вся партизанская опасность расплзется.

Абсолютно не понимаю и решительно не разделяю такого розового оптимизма, ибо не представляю себе причин и оснований для красного миролюбия и сдачи своих очень выгодных позиций.

24 января. Утром самая дерзкая телеграмма Калмыкова с требованием немедленно отменить «трусливый приказ об амнистии» и с плохо скрытой угрозой принять самые решительные меры в случае неисполнения (одновременно получены сведения, что хабаровский атаман отдал распоряжения бронепоездам к походу на Владивосток).

Вслед за этим телеграмма Афанасьева из Читы с приказанием Розанову прибыть в Читу; Р. пока ничего не ответил, но ехать не собирается, т.к. трудно сомневаться, что благополучно ему оттуда не вернуться. Сведения о выдаче адмирала Политическому центру в составе Коссинского¹⁸³⁷, Фельдмана¹⁸³⁸ и Нестеренко официально сообщены из Читы; оттуда же получены сведения, что решено упразднить Приамурский военный округ и разделить его на крепостной район под начальством Вериги и на Уссурийский «фронт» под командованием Калмыкова. С уходом американцев выдвижение Калмыкова встречает меньше препятствий, а исключение Владивостокского района и Владивостока устраняет возможные столкновения К. с союзными представителями. В этом завершение всей предварительной подготовки по ликвидации Розанова и по переходу всего края во власть доверенных семеновцев.

Семенов потребовал подчинения ему местных средств Добровольного флота — кусок жирный и, кроме того, валютный.

Видел Роопа и был несказанно удивлен его взглядам на необходимость всем нам поддерживать Семенова, как законного приемника адмирала; наговорил ему много неприятного, но не спорил против его решения продолжать работу его комиссии по снабжению войск Дальнего

Востока; это его обязанность, особенно серьезная ввиду гибели всех военных запасов омского направления и необходимости быть готовыми снабдить армию Каппеля, которая, я убежденно верю, должна будет скоро появиться в Забайкалье. Будь я на месте Роопа, я считал бы себя в подчинении законного преемника верховного командования генерала Деникина, донес ему об этом, но исполнял бы все наряды Читы, так же, как прежде Омска (между прочим, указал ему, что, будучи отчислен в Омске в распоряжение Верховного главнокомандующего, считаю себя теперь в распоряжении Деникина и при возможности постараюсь отправиться на юг России).

Приходил Станишевский; он в штабе крепости с 1906 года, провел здесь все время Великой и Гражданской войны, знает всех и вся, и его знают все; настроен он очень тревожно и пессимистически, по его мнению, Вериги и К^о ждут прибытия каких-то войсковых частей, обещанных Семеновым, но это не находится в какой-либо связи с развитием борьбы с партизанами, а исключительно рассчитано на укрепление своего положения во Владивостоке и создание здесь второй Читы.

По сведениям Станишевского, 35 полк более чем ненадежен, а в город прибывают и укрываются в разных притонах весьма подозрительные личности; разведка об этом знает, но не умеет их обнаружить. Партизанские предложения о замирении, несомненно, какой-то ловкий ход, так как, по мнению осведомленных старожилов, настроение партизан в последнее время особенно приподнятое и хвастливое, и есть данные, что отдельные партии надвинулись уже на полуостров и скрываются в лесах недалеко от линии фортов.

В связи с этими сведениями весьма симптоматично внезапное исчезновение Крашенинникова; оказывается, что он отбыл в Японию для отдыха от чересчур напряженной работы, а, как я понимаю, сделал это в предвидении надвинувшейся на него двойной опасности: семеновской в лице Вериги и К^о и красной в случае возможности установления новой власти с участием эсеров, а быть может, и большевиков (проекты Болдырева, земцев, областников и т.п.). Очевидно, Крашенинников учуял, что скоро может стать очень жарко и при всяких комбинациях его шансы настолько неблагоприятны, что надо возможно скорее спастись свою холеную шкурку. Как и когда он уехал, остается секретом.

25 января. С утра очередное восстание, но на этот раз уже в самом городе и в достаточно неожиданном направлении; взбунтовался егерский батальон, привезенный Розановым из Красноярска и считав-

шийся до сих пор вполне надежной частью и оплотом штаба округа. Паки и паки сказала преступная неряшливость и бездеятельность Крашенинникова, не установившего надлежащего наблюдения за этой частью, о чем я ему дважды говорил, подчеркивая, что при офицерском составе батальона и при полной распушенности самих егерей, внешне прикрытой аракеевщиной, надо за ними зорко следить.

Батальон забаррикадировался в здании Коммерческого училища, господствующем над всем центром города, и потребовал передачи всей власти земству.

Для Розанова это большой удар, так как он доверял этому батальону как самому себе и считал его своим последним резервом. Союзники объявили, что это наше внутреннее дело, но просили ликвидировать его возможно скорее и не допуская распространения беспорядков в остальной части города.

Розанову пришлось вызвать с Русского острова роты Инструкторской школы. На счастье, выяснилось очень скоро, что взрыв остался локализованным в одном месте и что в остальных частях хотя и появились отдельные агитаторы, но в общем все оставалось спокойно, а в комендантской роте таких агитаторов даже избили в лепешку.

Поехал на квартиру Розанова, где застал Изоме, выполнявшего на этот раз роль нашего посредника в сношениях с японским главнокомандованием.

Оказалось, что при первом сообщении о бунте егерского батальона Ойя сначала сообщил Р. о категорическом воспрещении каких-либо вооруженных столкновений в черте города, но затем, после посещения его Изоме, изменил свое решение и уведомил, что если усмирение будет не на политической почве, а в порядке восстановления нарушенной воинской дисциплины, то тогда нам предоставляется полная свобода действий и японцы вмешиваться не будут, но только широко оцепят район Коммерческого училища для его изоляции от остального города.

Это решение было привезено к Розанову самим Изоме, который рассказал, что у Ойя только что был Болдырев, излагал свои проекты и якобы доказывал, что притязания земства на передачу ему власти имеют законные и логические основания.

Когда спросил Изоме, почему здесь появился Болдырев и кто его поддерживает, то Изоме насторожился и очень официально заявил, что японские военные и государственные круги к этому приезду совершенно не причастны и им совершенно не интересуются.

Через несколько времени к Розанову явился Болдырев и довольно долго наедине с ним беседовал; о чем они говорили, Розанов мне не сказал; заметил только, что Б. пытался быть посредником и заступником за восставших егерей и советовал не применять силы, а действовать уговором, а когда Р. ему сообщил об уже отданных распоряжениях по беспощадному усмирению, то Б. очень важно выразил свое сожаление по поводу такого решения, добавив затем, что от каких-либо советов воздерживается (удивительная болтология!).

С приемом у Ойя представителей местного населения происходит заминка. Розанов под влиянием крайних правых — Меркуловых¹⁸³⁹ и К^о — хочет устроить прием только для правых и центра, а то, что говорил по этому вопросу сам Ойя, требует представительства всех направлений (кроме большевиков).

Встретил Семена Скидельского, он настроен тоже очень пессимистически; разговорились по злободневному вопросу о заготовке продовольствия для населения; С. считает, что со сдачей подряда слишком поторопились и получивший его Коган, крупный игрок на хлебной бирже, заработает от 20 до 30 иен на пуд; по мнению С., следовало привлечь к этому делу Биржевой комитет, думаю, что это было бы действительно лучше и, кроме того, избавило бы Р. от разных сплетен.

26 января. К утру восстание егерского батальона было начисто ликвидировано. Двух оружейных выстрелов было достаточно, чтобы все сдались. Главные зачинщики (в том числе брат командира батальона) и бывшие в здании эсеровские руководители ночью куда-то исчезли. Прорвали в двух местах стену, разбили большинство окон и ранили четырех егерей; батальон разоружен и отправлен на Русский остров.

После обеда выяснилось, что восстание должно было принять более широкие размеры, но пушенное кем-то сообщение, что японцы окружили Коммерческое училище и разоружают егерей, обескуражило остальных заговорщиков. Части 35 полка, стоявшие в районе ст. Океанской, собирались идти на Владивосток, но, получив вышеуказанное сообщение, ушли на север с пулеметами и обозом, взорвав мост на р. Лянчихе; последнее обстоятельство остановило уже решенный мой отъезд в Харбин; по сложившейся обстановке мне здесь делать нечего.

Опубликовано письмо Сыроболярского Жанену по поводу иркутского предательства, написано горячо и не стесняясь в выражениях. Конечно, адмиралу теперь уже не помочь, но заклеить гнусное по-

ведение старшего представителя союзного командования надо всеми путями и средствами.

Приезжал городской голова Еремеев¹⁸⁴⁰; он очень встревожен всеми уже совершившимися проявлениями атаманской власти и говорит, что население волнуется и хочет определенно знать, на что ему рассчитывать; высказал почти то же самое, о чем теперь говорят со всех сторон (до Ойя включительно); надо восстановить государственность, законность и порядок и сделать все возможное для помощи населению в удовлетворении его основных и насущных потребностей (с этим я вполне согласился). Затем нужно, чтобы к обслуживанию государственной машины были привлечены все честные и деловые люди, без различия политических убеждений и с твердым для всех обязательством поступиться партийными жупелами и работать только на общее благо (с этим тоже нельзя не согласиться). Осуществление должно быть выполнено с привлечением широкой общественности и на основаниях широкого выборного начала (с этим я решительно не согласен).

Рассказал Еремееву про посещение Ойя и рекомендовал подготовиться к приему последним делегации от населения и постараться добиться делового единения всех консервативных лидеров, дабы говорить с Ойя общим и разумным языком, а не болтать разноголосицу.

Поздно вечером у Розанова был опять Изоме, сообщил, что междусоюзная комиссия очень недовольна тем, что Ойя допустил применение вооруженной силы при усмирении егерского батальона; по сему необходимо, чтобы от имени Р. было написано (якобы еще утром) письмо на имя Ойя с решительными уведомлением, что в егерском батальоне прошли недопустимые нарушения основ воинской дисциплины, усугубленные вооруженным сопротивлением начальникам, а потому и решено применить силу для восстановления воинского порядка. Конечно, это было сделано.

27 января. Простился с Розановым; прицепили вагон к утреннему харбинскому поезду, но после второго звонка ко мне ворвался капитан Гуковский с настоятельной просьбой Розанова отложить отъезд и немедленно прибыть в штаб округа, т.к. произошли события чрезвычайной важности. Пришлось все отставить. Оказалось, что еще вчера в Никольске началось общее восстание, в город ворвались партизаны, к которым присоединились войска гарнизона; движение поездов остановлено. Японцы, занимающие железную дорогу, остаются нейтраль-

ными, так как все движение идет под флагом передачи власти в руки земства.

Я предложил Розанову стянуть во Владивосток части раздольнинского гарнизона и особенно нужные нам Приморский драгунский полк и Артиллерийское училище. Р., поддержанный Изоме, решительно от этого отказался, признавая такую меру признаком слабости и отказа от борьбы. Признали необходимыми вывезти только из Раздольного все офицерские семьи и для этого послать туда два поездных состава под конвоем морских гардемарин. Когда это решение было сообщено начальнику Морского училища капитану I ранга Китицыну¹⁸⁴¹, вызванному в штаб округа, то тот отказался исполнить такое приказание, заявив, что не может «рисковать вверенными ему молодыми жизнями», а на угрожающее замечание Р., что в таком случае он будет смещен и заменен другим лицом, встал и очень дерзко и вызывающе сказал: «Меня сменить и заменить нельзя. Не советую пробовать».

Собрались все старшие начальники, долго говорили, но все планы разбивались о недостаток надежных и достаточных сил. Во время дебатов я усиленно, но не особенно успешно пытался втолковать собравшимся, что если бы в нашем распоряжении было бы в десять раз более верных нам частей, то и тогда было бы необычайно трудно удержать за собой город без активной помощи союзников. В доказательство своего пессимизма я рекомендовал представить себе наше положение внутри большого города, в котором наши силы окажутся распыленными и связанными по рукам и ногам, как союзниками, так и невозможностью предотвратить пожары, брать приступом отдельные дома и планомерно действовать против всюду рассеянного, текучего и легко скрывающегося врага.

По моему мнению, надо было немедленно потребовать у союзного командования разоружения всех войсковых частей гарнизона (за исключением военно-учебных) и занятия японцами всей фортовой линии с прекращением всякого доступа в пределы крепостного района. При этих условиях и при сосредоточении в городе Инструкторской школы, гардемарин, Артиллерийского училища и полусомнительного для меня иррегулярного полка Патиашвили¹⁸⁴², мы могли очистить город от всего опасного и подозрительного и сохранить власть и порядок. Иначе с нашим активом и в обстановке вооруженных беспорядков внутри города нам с ними не справиться; это было доказано еще в октябре 1905 года.

Решили мобилизовать все[x] офицеров и сформировать офицерские роты; уверяют, что здесь находится несколько тысяч офицеров. Розанов, кроме того, рассчитывает на помощь правых организаций, что, несомненно, сплошная утопия; не думаю также, чтобы получилось что-нибудь солидное из офицерских рот, т.к. для их пополнения нет или, во всяком случае, очень мало подходящих элементов; огромное большинство нестроевых, административных, крепко окопавшихся здесь во время войны и не тронувшихся никуда даже тогда, когда началась война с красными.

Когда Волков ехал в Омск с[о] своей организацией, то жаловался мне на инерцию и отсутствие патриотизма владивостокских офицерских контингентов и с горестью говорил, что после его отъезда там не найдется и нескольких десятков, способных за ним последовать. Того же мнения и Кондрашев, а те образчики, которых я здесь видел и вижу, не дают никаких оснований для самомалейшего оптимизма.

Розанов пытается сохранить внешнее спокойствие, но, несомненно, понимает собственное бессилие. Удивительней всех Вериго, он является на все собрания, держит себя беззаботно, как будто бы все это его не интересует и не касается, и что на все у него есть собственное мнение и собственное решение, составляющие его личное дело и способные разрешить все благополучно и самостоятельно. Думаю, что все его расчеты на прибытие Калмыкова и двух полков из Забайкалья, которые давно уже обещаны, но что-то до сих [пор] не являются (какие это полки, держится в секрете, но, зная состав семеновских войск, я не представляю себе, что он может сюда послать; почти невероятно, чтобы это были полки унгерновской дивизии).

К вечеру выяснилось, что самое большее, на что мы можем рассчитывать по части мобилизации офицеров, — это человек 600–700 и по большей части весьма сомнительного боевого значения; было два собрания с очень крикливым настроением, но без каких-либо признаков подъема и воодушевления.

28 января*. Видел Станишевского и очень бойкого и патриотически настроенного штабс-капитана Павлова; оба высказались очень пессимистически по поводу офицерских формирований; уже выяснилось, что резкий против них протест начался среди офицерских жен, громко кричащих против новой игры головами их мужей и заявляющих, что

---

* Подчеркнуто публикатором.

не допустят розанов-семеновских махинаций, которые только поссорят офицеров с «будущим правительством» и создадут для них опасности тюрьмы и расстрелов.

Выходит, что владивостокские «офицерши» уже решили нашу судьбу; опять на горизонте «mene, mene, tekel, upharsin*»¹⁸⁴³, да еще с такого неожиданного румба. «Взвешены и найдены легкими»¹⁸⁴⁴ — обидно слышать это из подобного источника, но для моего пессимизма, да еще и после опыта омского крушения, в такой оценке есть основания и грозные предостережения.

Появились первые беженцы из Никольска; там властвуют советы и комиссары; обращение пока вежливое, как то полагается в медовые дни каждого революционного переворота. Старшие начальники арестованы, с офицеров сняли погоны. Нападение партизан произошло рано утром и явилось полной неожиданностью для никольских пацифистов, вообразивших даже сначала, что партизаны явились сдавать оружие; по слухам, защищались только офицеры Уссурийского артиллерийского дивизиона и погибли у своих орудий. Врагитель с частью офицеров ушел в направлении на Гродеково, но, по последним японским сведениям, нагнан партизанами, окружен и сдался.

Как ни тяжело наше положение, но надо что-то делать. Весь день провел в движении, стараясь собрать наиболее стойкие офицерские остатки.

В общем, при штабе округа набирается офицерская рота около 100 человек, в числе которых 60 строевого типа и с бодрым настроением, есть и четыре пулемета с подготовленным составом; передал в роту небольшой запас английского обмундирования, которое подарил мне Нокс для снабжения нуждающихся офицеров (половину я отправил в Никольск для выдачи выписывающимся из тамошнего госпиталя).

Вечером узнал от Станишевского, что к Вериге приезжали офицеры из Инструкторской школы, заверили в своей преданности атаману Семенову и просили арестовать Розанова. Это уже полная неожиданность; до сих пор эта школа считалась надежнейшим оплотом твердого порядка, и Розанов всячески с ней носился. Очевидно, гнилые бактерии общего развала перебрались и на Русский остров; там, как нарочно, набрали новый состав юнкеров и, как мне говорил заместитель Кра-

---

* В документе ошибочно — upharsin.

шенинникова Думбадзе, при этом проскочило немало ненадежного и шаткого элемента.

29 января*. На рассвете меня разбудили сообщением, что в Инструкторской школе восстание, арестованы все офицеры, и опасаются движения восставших для нападения на город; все сообщения с Русским островом прерваны. Бороться нечем; положение нелепо глупое и трагическое. Союзники умывают руки; Розанов ездил ко всем представителям и просил хотя бы заступиться и освободить арестованных офицеров, но вернулся ни с чем; вечером к нему приехал и на основании сведений от ездивших на остров японских офицеров сообщил, что нападения на город не будет, но что школа признала власть земства и ждет указаний последнего.

Вериго приказал поставить часовых у номера, занятого Болдыревым, и в доме, где живет председатель земской управы Медведев¹⁸⁴⁵, объяснив это желанием охранить их от всяких случайностей.

Поздно вечером появились беженцы с Русского острова; в школе распорядается комитет, называют друг друга товарищами; с офицерами обращаются вежливо; никаких эксцессов не было; все прошло в порядке мирного революционного переворота. Но по всей сущности самый факт весьма знаменательный и показывающий всю грозность положения.

Крепость со вчерашнего дня объявлена на осадном положении, в силу чего вся власть перешла к коменданту крепости, но Вериго продолжает ни во что не вмешиваться, видимо, предоставляя Розанову все расхлебывать и за все отвечать.

В городе паническое настроение; множество обывателей пытаются уехать на коммерческих пароходах хотя бы в трюме или на палубе.

Ко мне приехал генерал Никонов, твердит, что вся надежда на Семенова и что при твердости и решительности можно выправить наше положение и все спасти. Убедился, что мой собеседник абсолютно не способен понять полную невозможность успешной для нас борьбы в пределах города и при наличии у нас самое большее нескольких сот человек боевого актива, который в поле был бы внушительной силой, но в условиях уличного боя почти круглый ноль. Читинские господа, привыкшие свободно экзекутировать в обстановке безопасного сидения под надежной охраной японских штыков, очень самоуверенны, особенно на словах.

---

* В документе ошибочно — 29 ноября.

Никонов прислан ко мне Вериго с предложением помочь последнему в его положении коменданта крепости, объявленной на осадном положении, и дать свое согласие на включение меня в совет обороны, установленный Положением об управлении крепостями.

Я вполне откровенно высказал Никонову свои несогласия с направлением всего семеновского режима, но добавил, что в обстановке, подобной настоящей, никто не имеет права отказываться от службы, и в силу этого я готов исполнять любые технические обязанности по профессии штабного офицера и помочь своим знанием крепостного района и старым опытом по усмирению беспорядков, но заранее отгораживаюсь самым решительным образом от всех политических и административных распоряжений коменданта крепости.

Спросил Никонова, что же предполагает делать Вериго, но тот отошелся незнанием и туманным замечанием, что имеются полные основания рассчитывать на энергичную помощь японцев (эта версия порождена, несомненно, Изоме, так как настроение штаба Ойя совсем иное).

Приказ об амнистии отменен (беспользый жест бессильной власти). В городе появилась депутация красного земства. Розанову предъявлен ультиматум в двухдневный срок передать всю власть земству — собственно говоря, обращение не по адресу, т.к. сейчас вся военная и гражданская власть в крепостном районе принадлежит коменданту крепости, а Розанов находится здесь, так сказать, случайно, как второстепенный по положению начальник военного округа.

Получил конфиденциальную записку английского консула Ходсона¹⁸⁴⁶, старого владивостокского знакомого, а сейчас временного заместителя быстро улетучившегося отсюда генерала Нокса, с предупреждением, что в союзных кругах произошел резкий перелом в пользу передачи власти местному земству, как более реальной силе, поддерживаемой всем населением, и что с этим нам надо очень считаться. Ясно, что и союзники решили: *mene, mene, tekel, upharsin!** Какая же теперь борьба; нужно только найти какой-нибудь честный и почетный выход из нашего отчаянного положения.

С трудом поборол физическое переутомление и добрался до штаба округа, где была собрана первая офицерская рота; оказалось, что из всех офицеров, собравшихся на первую общую регистрацию в числе

---

* В документе ошибочно — *upharsin*.

около 700 человек, на второй приказ явиться в роты отозвалось только меньше 200, а из остальных большинство куда-то смоталось, и по указанным адресам их не нашли. Таким образом, наш актив свелся к двум ротам (одна в штабе округа, другая в здании окружного суда около штаба крепости), всего 150–170 винтовок и 4 пулемета.

Морское училище сложило оружие; с утра началась погрузка морских семейств и разных запасов на вспомогательный крейсер [«]Орел[»] и транспорт [«]Якут[»]; моряки открыто заявили, что покидают Владивосток. Это усилило панику в городе; вызванный к Розанову Кितिцын категорически отказался остановить погрузку, а на вопрос С.Н., правда ли, что он решил бежать на [«]Орле[»] вместе с гардемаринами, уклончиво ответил, что бежать не собирается, но считает себя обязанным подготовиться на всякий случай и избавить вверенные ему жизни от возможных в будущем событий.

Говорили, что Вериго грозился остановить погрузку, но у него не было никаких средств выполнить свою угрозу.

Днем по городу под прикрытием американского караула разъезжали две николевские делегации, посещали импровизированные митинги, были даже приняты Инагаки.

Вечером на уссурийском побережье вскопился новый революционный чирей в образе роты 35 полка и полевой батареи Амурского артиллерийского дивизиона, изгнавших от себя своих офицеров и объявивших о своем переходе на красную сторону. Они занимают высоту 55 с расположенной на ней 10^{д[Юймовой]} береговой батареей и оттуда угрожают всему Гнилому углу¹⁸⁴⁷.

Японцы объявили, что вооруженных столкновений не допустят, но относительно какой-нибудь реальной нам помощи молчат. Спрашивается, что же будет, если красные войдут со всех сторон в никем не защищаемый город и объявят себя властью? Ясно, что объявление японцев их к этому приглашает, ибо обеспечивает им полную безопасность даже от того сопротивления, которое мы сможем им оказать.

Какая-то подлая союзная игра в беспристрастность и нейтралитет; куда честнее было бы заявить прямо Розанову и Вериге, что их песня спета и на их смену выпускается земская власть и что представителям омского правительства надо сложить оружие и покориться или эмигрировать. При теперешнем же положении продолжают с нами сноситься и в то же время гарантируют нашим врагам полную свободу прийти в пока еще наш дом, свернуть нам шеи и сесть на наше

место. Гнуснейшая и подлейшая комедия, достойное продолжение иркутского предательства. Совершенно не понимаю Изоме, который носится между Вериго и Розановым, обоим ободряет и обоим обещает, заведомо зная, что решение союзников не в нашу пользу и что в час последнего расчета мы будем брошены, как никому уже не нужный хлам.

30–31 января*. Записываю события двух последних дней¹⁸⁴⁸, сидя в маленькой конурке на верхнем этаже дома на Алеутской улице, занятого штабом японских войск. Рано утром 30 января попал на совещание Розанова и Вериго, которые оказались настроенными воинственно и строили разные планы встречи красного нападения — неожиданный результат подбадриваний Изоме**.

Я вновь доложил свои соображения по поводу абсолютной невозможности остановить вторжение красных, охвативших нас со всех сторон (ими заняты Океанская, леса к северу от фортов, высота 55 на Уссурийском побережье, Русский остров и, кроме того, обнаружено прибытие отдельных партий по льду Амурского залива и внедрение их в Куперовской пади¹⁸⁵⁰ и даже в Матросской слободке¹⁸⁵¹). Надо быть душевно больным, чтобы воображать о возможности сопротивления при наличии 150 офицеров и примерно столько же всадников Паташвили. Единственно, что можно сделать, это занять одну из береговых батарей (скажем, Токаревскую, как более удаленную от города и более удобную для обороны[)], сосредоточить туда запасы продовольствия, консервов и возможно больше патронов и защищаться там, подняв над батареей крепостной штандарт, пока будет можно, а затем взорвать и батарею, и себя; укрытий на батарее достаточно, пулеметов можно собрать штук 12, а для взрыва на батарее достаточно пороха.

Это будет отчаянное решение, но практически исполнимое, а для военных людей почетное; надо опасаться только, что если о нем объявить нашей кучке защитников, то от нее немного останется; я с[о] своей стороны обязуюсь его выполнить, ибо для меня, как для старого кре-

---

* Подчеркнуто публикатором.

** Входя в кабинет начальника штаба, встретил выходявших оттуда Николая Меркулова, Широкогорова¹⁸⁴⁹ и Меньших. Розанов сидел за столом, положив голову на руки. Я спросил его, зачем приходила эта компания? Розанов устало махнул рукой и процедил сквозь зубы: «Сволочь! Второй раз являются просить дать им 50 000 иен на издание патриотической газеты; нашли время» (*примеч. А.П. Будберга*).

постника, такой исход даже улыбается; после всего уже потерянного жизнь стоит немного, а возможность уйти из нее по-воински и оставить о себе память в истории белой борьбы должна быть радостно встречена нами, старыми офицерами.

Мои собеседники изумленно выслушали мое предложение, приняли его, по-видимому, за шутку или буффонаду и ничего не сказали. Тогда я предложил Розанову еще раз поехать к Ойя и в самой решительной форме потребовать от него ответов на следующие вопросы: 1) признает ли союзное главнокомандование существующую государственную власть, возглавленную ныне атаманом Семеновым и являющуюся продолжением власти правительства адмирала Колчака; 2) можем ли мы рассчитывать на оказание нам помощи от партизан или большевиков и 3) признается ли возможным такое положение, чтобы ныне существующая власть могла оспариваться всякими революционными комбинациями и могла быть отнята путем насилия и в пределах полной компетенции союзного главнокомандования, обязавшегося поддерживать эту власть и до сих пор этого обязательства с себя не сложившего.

Для точности эти вопросы были записаны и заблаговременно переведены на немецкий язык (единственный иностранный, на котором объяснялся Ойя).

Союзный главнокомандующий опешил от заданных вопросов, ушел на совещание с генералом Инагаки и затем ответил через переводчика по-японски самым туманным образом; так что при всем желании трудно было понять, каково было решение. При этом перевод был умышленно заключен словами, что больше ничего сказано быть не может и мы можем идти.

Вернувшись в штаб округа, я высказал Р. свое мнение, что из ответа Ойя ясно одно, что ни поддерживать, ни защищать нас японцы не будут, так как по этой части они связаны остальными союзниками, а потому нам надо рассчитывать только на самих себя и в силу этого надо вызвать Веригу и старших войсковых начальников и сегодня же немедленно принять окончательное и определенное решение, так как завтра кончается ультиматум земства и надо ожидать перехода красных к вооруженным против нас действиям.

Состоялось общее совещание; вначале я, как старший в чине генерал русской армии, обратился к Вериге, как к коменданту крепости, и к Розанову, как главному начальнику военного округа, и к обоим вместе, как к представителям государственной власти, и просил их дать ка-

тегорический ответ: могут ли они защитить вверенные им служебные полномочия от насильственных действий земства и красных партизан и имеются ли в их распоряжении достаточные для этого силы и средства.

И Вериго и Розанов определенно заявили, что они не в состоянии защищаться от вышеуказанных насильственных действий за отсутствием каких-либо для этого средств. После такого ответа я позволил себе еще раз повторить тот же вопрос, как ввиду его совершенно исключительной серьезности, так и во избежание каких-либо сомнений и недоразумений.

Оба генерала подтвердили свое первое заявление.

Тогда я доложил собранию, что в таком случае необходимо отправиться немедленно к Ойя, доложить ему, что представители русской власти, лишённые помощи и предоставленные самим себе, не в состоянии защищаться от красного вторжения и просят союзников не допустить появления красных в течение двух суток и в пределах крепостного района и прикрыть нас от нападения, пока мы в это время успеем эвакуировать из Владивостока офицерские семьи, после чего сами уйдем на ту сторону Амурского залива с сохранением за собой свободы дальнейших действий.

Это предложение было принято единогласно всем совещанием, причем я, подавленный тяжестью принимаемого решения, опять-таки два раза спросил Вериго и Розанова, нет ли какого иного исхода, и опять оба ответили, что такового не усматривают.

В дальнейшем совещание приняло мое предложение приступить немедленно к конфискации оборудования и погрузке нескольких транспортов и к сформированию конного отряда и конной пулеметной команды с вьючным обозом для ухода в Посъет, а если обстоятельства принудят, то и в Корею или Китай.

Но когда Розанову и Вериго предложили немедленно же ехать к Ойя, то оба наотрез отказались и заявили, что должен ехать я, как старший генерал. Время шло, надо было решать, и это принудило меня прекратить споры и дать свое согласие.

Чувствовал себя невероятно тяжело, вернулся от автомобиля в кабинет Розанова и еще раз спросил его, быть может, есть какой-нибудь другой выход, чем такое унижение. Ответ был прежний.

К Ойя меня повез на своем автомобиле Вериго; по пути я обратился к нему с тем же мучившим меня вопросом и выслушал решительное и определенное заявление, что в распоряжении коменданта крепости не было средств не допустить занятия Владивостока отрядами красных

партизан и что решения, только что принятые на совещании у генерала Розанова, были единственно возможными и надо было осуществить их возможно скорее.

При прощании Вериго сказал мне, что отправляется к Изоме, осведомить его о принятых нами решениях, дабы пустить их по двум направлениям.

Кабинет Ойя на втором этаже и два марша, которые мне надо было подняться, показались мне бесконечными ступенями на эшафот. Ойя был в отсутствии, и меня принял Инагаки, которому я сказал буквально следующее: «Главный начальник Приамурского военного округа генерал Розанов и комендант владивостокской крепости генерал Вериго уполномочили меня, как старшего здесь генерала российской армии, доложить японскому главнокомандованию, что ими получено ультимативное требование самозванного земского правительства передать ему власть с исполнением не позже 8 ч. утра 31 января. Этого сделано не будет, и генералы Розанов и Вериго врученной им власти никому не сдадут, о чем генерал Розанов имел честь заявить еще сегодня утром при приеме его главнокомандующим. Но при отсутствии в распоряжении представителей русской законной власти необходимых вооруженных сил они не могут оказать соответственного отпора, и посему ими решено оставить Владивосток на попечение и ответственность союзного командования, а самим с верными им войсками перейти на ту сторону Амурского залива и продвинуться в район Посъета, сохраняя за собой полную свободу дальнейших действий.

При исполнении сего главной заботой русского здесь командования является сохранение жизни и безопасности офицерских семей, и посему оно обращается к японскому главнокомандованию с просьбой задержать на 48 часов вступление во Владивосток отрядов красных партизан и этим дать возможность погрузить на транспорт и вывести в море семейства офицеров и нижних чинов, оставшихся верными долгу, чем и избавить их от неизбежных преследований и возмездия новой власти».

К моему удивлению, Инагаки ответил немедленно, что он с этим вполне согласен, но только просит выполнить это возможно скорее; затем спохватился и добавил, что решение зависит от главнокомандующего, которое будет немедленно сообщено, как только состоится доклад, но что он, Инагаки, уверен в благоприятном для нас решении и что просимые нами 48 часов будут нам гарантированы. При этом разговоре присутствовали генерал Такаянаги¹⁸⁵² и полковник Изоме.

Я, не теряя ни минуты, бросился в штаб округа. Сообщил Розанову о результатах своей поездки и просил находившегося в это время в штабе округа подполковника Кононова (начальника штаба крепости) доложить об этом генералу Вериге; при этом был удивлен странным отношением Кононова к моему сообщению и его, сквозь зубы, замечанием, что «у них» ничего подобного не ожидали и готовятся к совершенно иному. Тем не менее надо было распорядиться: именем Розанова приказал командирам коммерческого и военного портов готовить транспорты, составить добровольческие и надежные для них команды; вызвал директора Государственного банка и представителя кредитной канцелярии и просил их срочно приготовиться к эвакуации в течение ночи и следующего утра, но затем передумал и решил направить их на «Орел», который предполагал выйти в море этой же ночью.

Приказал офицерским ротам готовиться к уходу, вызвал капитана Ешкова и дал ему поручение конфисковать в городе всех верховых лошадей и седла и сделать все возможное, чтобы мы могли посадить на коней обе роты, запрячь пулеметы и наладить вьючный обоз; для скорости приказал выдавать пока временные квитанции с оплатой их из тех 30 миллионов сибирских, которые только что были отпущены нам распоряжением читинского казначейства на очередные нужды округа.

Во время этих распоряжений в штаб округа прибыл офицер для связи японский капитан Андо¹⁸⁵³ с извещением, что главнокомандующий одобрил решение своего начальника штаба, но тоже указал, что «все надо делать скорее»; затем последовало довольно странное добавление, что если все же случилось бы что-нибудь неожиданное, то всем старшим начальникам лучше тогда идти на броненосец [«]Хизен[»]¹⁸⁵⁴, где их примут; при этом, обращаясь специально ко мне, сказал, что мне, как бывшему министру омского правительства, тоже будет место на этом броненосце, на что я ответил, что собираюсь в совершенно другом направлении.

(Понял значение этого предложения только на следующий день.)

Я уже кончал свои распоряжения, как в штабе округа появился Изоме, совсем пьяный и очень воинственно настроенный, спросил, здесь ли Вериге, и сейчас же уехал.

Замечание Кононова и приезд Изоме меня встревожили; пешком (автомобильная команда штаба округа только что забастовала) поплелся в штаб крепости; в это время было уже около 10 часов. Пришлось довольно долго ждать в приемной, так как у коменданта крепости шло какое-то

совещание с участием Изоме. Провел весьма неприятные для себя минуты, так как в приемной сидели и появлялись многочисленные семеновцы, войсковые старшины и есаулы, кавказцы в черкесках и японские офицеры, большинство в порядочном подпитии и в сугубо воинственном настроении, открыто и не стесняясь в выражениях поносили «трусливых генералов», с которыми у их атамана будет надлежащая расправа, и хвастались, что разнесут красных вдребезги, а всех пленных и сидящих во Владивостоке эсеров и земцев развезят по телеграфным столбам.

Когда я попал в кабинет коменданта, то там застал весьма красочную компанию в составе Вериго, Изоме, Кононова и прибывших сюда отборных читинцев: генерала Загоскина¹⁸⁵⁵, полковников Жирар-де-Сукантона¹⁸⁵⁶ и Сокулинского и адъютанта ротмистра Зеленкова¹⁸⁵⁷; все были совершенно пьяны, а семеновцы встретили мое появление как-ким-то кряканьем.

Я спросил Вериго, в чем дело, что изменилось и остается ли в силе принятое им решение, одобренное Ойя, и в части, касающейся штаба округа, уже частично осуществляемое.

На это Вериго, пошатываясь и сильно жестикулируя, очень повышенным голосом заявил, что решение, принятое на дневном заседании, позорно, недопустимо и вызовет страшный гнев атамана, а потому он, комендант крепости и единственный за нее ответчик, решил сопротивляться до последнего человека, никакой эвакуации не допустит и прикажет вешать и расстреливать всех трусов и малодушных. При этом постоянно повторял, что хоть нас и немного, но за каждым нашим десятком бойцов станет несколько японских рот, и что Изоме ему совершенно ясно и определенно сказал «начинайте, а мы вам поможем»; указывал также, что ему обещана помощь сильного Сербского батальона, стоящего на Первой Речке в бывших казармах 10 С[ибирского] с[трелкового] полка, и что эти сербы в два счета справятся с партизанами, надвигающимися с севера*.

Все тирады Вериго сопровождались одобрительными криками его свиты, особенно старались Загоскин, Кононов и Зеленков, махали кулаками и грозили кому-то самой суровой и беспощадной расправой атамана.

Обстановка была примечательная. Спорить и возражать в такой атмосфере было бесполезно и бессмысленно. Я только сказал Вериго, что решение в штабе округа было им неоднократно одобрено, но так как в

---

* В документе несогласованно — надвигающихся.

крепости, объявленной на осадном положении, ему принадлежит вся власть, а он решил сопротивляться вторжению партизанских отрядов, то все военнотружашие обязаны исполнять его приказы, а посему я отпрапляюсь немедленно в штаб округа, отменю все распоряжения об эвакуации и вместе с ротой окружного штаба буду ждать дальнейших указаний о боевых задачах роты и назначенном ей районе.

При расставании Вериго опять подтвердил, что вся Япония за ним, что земцы и партизаны трепещут перед именем Семенова, что он готов отдать последнюю каплю крови за любимого атамана и что сейчас он отправится на [«Орел»], выгонит оттуда гардемарины и разнесет в пух и прах всех партизан, если они только осмелятся сунуть сюда свой нос (в последнем он, однако, сомневается, так как из полученной им записки арестованных им членов земской управы Афанасьева¹⁸⁵⁸ и Меньшикова¹⁸⁵⁹ очевидно, что среди партизанов разлад, а сами земцы перепуганы и готовы на попятный).

На все это я сказал, что мои взгляды на положение и на способы действий были мною доложены на совещании, а что теперь я буду только исполнять приказания коменданта крепости. В это время вмешался до тех пор молчавший и совсем осовевший Изоме, начал кричать, что надо биться до последнего конца, собрать все вместе и из центра бить во все стороны и что тогда будет успех; когда же Вериго повторил опять про обязательную помощь японцев, то Изоме стал изображать это показательно, сначала хватая отдельных персонажей свиты, а потом становясь за ними и растопыренными пальцами стараясь показать, что за одним русским будет стоять десять японцев.

Семеновцы рычали от восторга, душили Изоме в объятиях и муслили его лицо пьяными поцелуями. Картинка была в пугачевском жанре.

Я ушел, но перед этим напомнил Вериго, что 55 высота на Уссурийском заливе занята ротой 35 полка, к которой сегодня подошло несколько партизанских партий, и что все направление на Гнилой угол и Морские казармы никем не охраняется и не наблюдается и, между прочим, там находится квартира генерала Розанова, от которого дезертировал уже весь казачий конвой, за исключением 2 офицеров и 12 енисейцев.

При мне было отдано [распоряжение] занять это направление сборным отрядом под командой полковника Патиашвили.

С великими трудами дошел пешком до Розанова, повторил и передал ему все, что было со мной после ухода из штаба округа, сообщил о решении Вериго и рекомендовал приготовиться к завтрашним со-

бытиям. Затем добрался до штаба округа, отменил все распоряжения по эвакуации и приказал вызвать всех офицеров роты, взять двойные комплекты патронов, осмотреть пулеметы и пулеметные ленты и быть готовыми к получению боевого приказа. Сразу же по лицам понял, что к назначенному сроку придет только небольшая часть; до известной степени это было неизбежно и естественно, ибо большинство понимало беспечность и безнадежность дальнейшего сопротивления, а способных на подвиг и смерть было очень немного.

Общему подавленному настроению очень способствовало объявление, сделанное прибывшими в штаб японскими офицерами и главившее, что все русские военные, коим почему-либо будет угрожать личная опасность, приглашаются идти в японский штаб на Алеутской улице.

В связи с указанием Инагаки на броненосец, все это показывало, что японцы считают, что в ближайшем будущем для русских офицеров могла создаться обстановка личной и серьезной опасности. Комментарий к этому не требовалось; нам обещали не защиту и помощь, а только «убежище», да и то с достижением оно собственными попечениями.

Штабные распоряжения окончил незадолго до рассвета; решил пройти домой, попрощаться с женой. Дома переоделся по-походному зимнему, вооружился наганом и 2 браунингами, набил кожаный портфель запасными готовыми обоймами и, когда рассвело, поплелся опять из Эгершельда в штаб округа и по дороге зашел в штаб крепости, чтобы повидать там Вериго и получить последние указания и приказания (в 8 ч. утра кончался срок ультиматума, и надо было быть готовым к последующим действиям).

Прошел в штаб крепости с Корейской улицы, со стороны пожарной команды, и был неслуханно, до ошолбенения, поражен, когда застал все здание абсолютно пустым, с раскрытыми дверями, вывернутыми ящиками столов и всеми следами самого поспешного оставления или, вернее сказать, бегства. В одной из задних комнат застал старенького чиновника, что-то выбиравшего из ящика стола, и невыразимо испуганного моим появлением.

Спросил его, а где же комендант и все офицеры; выслушал ответ, что их превосходительство и господа офицеры были здесь несколько часов тому назад, но уже в штатском платье, а потом забрали вещи и уехали (насколько слышалось — в штаб японской жандармерии); с ними были и уехали грузовые автомобили с сундуками и чемоданами.

Вот к чему свелись все похвалы об обороне до последней капли крови! Оставалось недоумевать, для чего же игралась вся вчерашняя ночная комедия, сорвавшая часть распоряжений по эвакуации.

Очевидно, после моего ухода выяснилось что-то такое, что сразу отрезвило всю эту пьяную и низко трусливую банду и побудило их искать спасение в близком им по внутреннему содержанию жандармском штабе; при этом награбленного добра не забыли.

Когда выходил из штаба, в стороне морских флигелей раздалось несколько орудийных выстрелов и послышалась ружейная стрельба. На Алеутской было пусто, но на Светланке встретил японские десантные роты, бежавшие по нескольким направлениям; всюду выскакивали испуганные жители; скорым шагом прошло несколько наших русских команд, в порядке и прилично одетых, но без офицеров (одно время я подумал, что это наши белые, и только через некоторое время сообразил, что это были красные части, вошедшие с разных сторон в город[]).

Пытался добраться до Розанова, но около морского штаба ко мне подошел японский офицер и по-русски предупредил, что город уже занят партизанами и частями 35 полка и что мне необходимо возможно скорее добраться до штаба японских войск на Алеутской улице. В это время Светланская была запружена народом, и это, вероятно, и благоприятствовало тому, что, несмотря на форму, я беспрепятственно дошел до нашего штаба округа; там почти никого уже не было; только казначей лихорадочно раздавал особое пособие, назначенное всем офицерам, записавшимся в офицерскую роту.

Оказалось, что часть офицеров уже разошлась по домам, часть уже ушла в японский штаб; в дверях был брошен пулемет, я схватил его и с помощью подбежавшего в это время штабс-капитана Павлова потащил его по Алеутской к японскому штабу. Мы только что успели отойти несколько десятков шагов, как к зданию штаба подбежала большая партия красных и быстро туда ворвалась; бедный казначей был захвачен сидящим над раскрытой требовательной ведомостью.

Но особенно замечательно то, что штабс-капитан Павлов, хотевший вернуться еще раз в штаб и взять там две винтовки и как-то чудом проскочивший назад, был ошеломлен, когда увидел, что во главе красных, вошедших в штаб, шел тот самый большевик, которого он две ночи тому назад захватил во время перехода с той стороны Амурского залива и который ввиду обнаруженных на нем важнейших секретных сведений и билета на имя одного из руководителей партизанского дви-

жения, был передан в распоряжение контрразведки и считался преданным военно-полевому суду и расстрелянным.

(Этим подтвердились темные слухи, что за большие деньги наша контрразведка была способна на что угодно.)

Около японского штаба стояла рота; у входных дверей — два офицера, владевшие кое-как русским языком, встречали приходивших, записывали фамилии. Я официально заявил, что отдаюсь под покровительство Японии, сдал принесенный пулемет и хотел сдать оружие и револьверы, но старший офицер заявил, что имеет распоряжение оставить оружие у старших начальников.

Внутри здания почти весь первый этаж был уже занят нашими офицерами, нашедшими здесь убежище; по словам штабных офицеров, полковник Смирнов и прикомандированный к штабу из академии полковник¹⁸⁶⁰ Антонович¹⁸⁶¹ остались в штабе округа и заявили, что у японцев укрываться не будут.

Я успел взять у дежурного генерала несколько больших пачек сибирских, около 300 000 рублей, и распределил их между офицерами, не получившими пособия. Уже через час пришлось взять на себя распоряжок; наши распустехи очень скоро дошли до того, что захотели бродить по всему зданию, пререкались с японскими часовыми и кричали, что хотят есть. Японцы вели себя очень корректно, сдержанно и с видом сочувствия, но скоро все же не выдержали и просили меня, как старшего, навести порядок.

Просьбу японского коменданта выполнил, пригрозил, что японские часовые могут ответить применением оружия, но по выражению многих физиономий пришел к выводу, что их обладателям можно было бы остаться в городе и что, во всяком случае, для честного белого лагеря они были не нужны.

Через некоторое время с кем-то из японских генералов в штаб приехал Розанов, а потом и его адъютанты; Веригу, семеновцы и почти вся контрразведка оказались в штабе японской жандармерии.

Розанов очень счастливо избежал очень большой опасности и был на волосок от того, чтобы попасть в плен к красным, что для него было равносильно смерти (не столько за Владивосток, сколько за Красноярск¹⁸⁶²).

Как выяснилось, Веригу не принял никаких мер по охране города со стороны Гнилого угла, и этим воспользовались партизаны, сосредоточившиеся на побережье Уссурийского залива; рано утром они появились в районе морских флигелей современным, так сказать, порядком,

захватив вагоны трамвая, к одному из которых прицепили полевое орудие; последнее установили на Светланке в нескольких стах* шагах от квартиры Розанова и открыли по ней огонь шрапнелью и одновременно развернули стрелковые цепи для окружения этого дома.

Все это произошло совершенно неожиданно; все обитатели квартиры С.Н. мирно спали, и только у ворот, над которыми начали рваться красные шрапнели, стоял часовой — енисейский казак.

Розанов обратился в японский штаб и просил прислать охрану, но японцы от этого уклонились. Надо было выбираться своими средствами; все наличные мужчины в составе Розанова, ротмистра Гуковского, штабс-ротмистра Нарышкина, подьесаула [Левиз оф] Менара и хорунжего Стрелецкого вооружились и решили пробиваться мимо здания цирка к дому Синкевича¹⁸⁶³, в котором жили Ойя и чины его штаба. Положение затруднялось тем, что одновременно надо было вывести с собой жену и двух дочерей Розанова и жену капитана Гуковского.

Выручило то, что красные поторопились открыть орудийный огонь, и когда Р. вышел из дома, то направленные для его окружения цепи не успели еще отрезать путь отхода к зданию цирка; кроме того, вся прорывавшаяся группа состояла из хороших стрелков, и их удачный огонь, сваливший нескольких проскочивших вперед партизан, охладил остальных.

В конце концов, переходя от здания к зданию, Розанов, его семья и свита достигли ограды дома Ойя, откуда «японское главнокомандование» наблюдало последний бой русского командующего войсками с беспрепятственно ворвавшимися в город красными бандами.

При этом было примечательно, что на Светланке в расстоянии 200–300 шагов от дома Розанова стояла японская рота, а другая рота вытянулась по улице около квартиры своего главнокомандующего. Вчера нам были вполне официально обещаны недопущение красных в пределы города, а также и недопущение каких-либо вооруженных столкновений. И все это не помешало красным свободно пройти через весь район, занятый чехами, и начать громить артиллерией беззащитный дом, в котором жил генерал Розанов, и учинять сие на глазах японских военных властей и нескольких десантных рот. Воистину горе побежденным!

Дойдя до ограды дома Синкевича, Розанов и его офицеры сдали свое оружие японскому коменданту и были приняты под покровитель-

---

* Так в документе.

ство Японии, а через некоторое время скрытно перевезены в японский штаб на Алеутской.

Так свершился основной акт владивостокского революционного переворота. Розанов совершил немало ошибок, но в последний час вел себя молодцом и был единственным старшим русским начальником, который защищался с оружием в руках и положил последнее только ввиду абсолютной невозможности более сопротивляться.

Разительным контрастом было поведение семеновского сателлита Вериго, грозно бахвалившегося биться до последней капли крови во славу любимого атамана, и вслед за тем смотавшегося под японское крылышко, не забыв укрыть туда же и свои бебехи¹⁸⁶⁴.

Непонятно поведение американских представителей; вчера после намеков японцев о возможности необходимости для русских офицеров искать убежища, Розанов обратился к американскому консулу Макговену¹⁸⁶⁵ с просьбой в случае особой крайности принять под свое покровительство тех русских, которые будут вынуждены этого просить. Последовал сухой ответ, что американский флаг прикрывает только американских граждан. А во время восстания Гайды главные зачинщики Краковецкий¹⁸⁶⁶, Якушев¹⁸⁶⁷ и некоторые их соучастники были укрыты американцами в своих казармах, а затем тайно увезены из Владивостока.

Из окна моей каморы видна вся Алеутская, залитая толпой и двигающимися вооруженными партиями; всюду уже красные флаги и тряпки.

Японцы завесили все окна, обязали нас не показываться, и на все приходящие из города запросы о судьбе и местопребывании русских начальников и офицеров отвечают полным незнанием (специфическое проявление нейтралитета и очередной вариант известной японской отговорки «японскому командованию ничего не известно»[]).

Вечером в штаб пробрался сотник Власов, оставшийся в городе в штатском платье (у него такой опростившийся вид, что никто не заподозрит в нем офицера); принес объявления земства, но говорит, что по составу и настроению партизан, занявших город, земству долго не протянуть; оно слишком умеренно, а главное, в его руках нет абсолютно никакой действительной силы, а без этого всякая власть ничтожна; уже сейчас всюду ощущается господство солдатчины и разной шпаны.

Большинство интернированных почему-то признали меня главным авторитетом и лезут с просьбами, нервничают, требуют определенного

ответа о дальнейшей судьбе; надорвался до потери голоса, разъясняя, успокаивая и требуя выдержки и терпения, а главное, обязательности для нас не распускаться до бабьей истерики на глазах у приютивших нас японцев; последние держат себя чрезвычайно корректно, сделали все, чтобы устроить сотни неожиданных гостей.

В комнате Розанова встретил Изоме, который обратился ко мне с изысканными выражениями сочувствия. Несмотря на деликатность положения, я все же не мог удержаться и намекнул, что если бы не решение, принятое ночью Вериго и им «почему-то» и без всякого о том уведомления отмененное, то, по всей вероятности, были бы избегнуты многие неприятности сегодняшнего дня, в особенности же если бы японским главнокомандованием было исполнено обещание, данное мне генералом Инагаки и подтвержденное капитаном Андо от имени самого главнокомандующего.

Я не имел возможности добавить, что из намека начальника американской полиции майора Джонсона¹⁸⁶⁸, с которым я встретился на лестнице японского штаба, можно было думать, что решение Вериго оказать сопротивление партизанам было очень на руку для японцев, так как дало им право не считаться с ранее данными нам обещаниями. Это очень возможно; очередная подтасовка и передержка.

1 февраля. Весь день возился с нашими офицерами; особенно нервничают те, у которых семейства остались в городе; японцы стараются всячески помочь, но при условии соблюдения тайн своего нейтралитета; после обеда даже разрешили допуск офицерских жен в помещение штаба. Из внешних известий — комендантом крепости назначен вновь вынырнувший откуда-то эсер Краковецкий, а помощником его красный партизан Степаненко (очень характерно для показания того, в чьих руках реальная сила). Земство обещает туры на колесах, но ясно, что это останется только обещаниями.

Разговаривал с командиром так называемого пластунского полка Патиашвили, который с разрешения Розанова и Китицына ночью на 31^{-е} погрузил своих пластунов на [«]Орел[»]; отсюда его выгнал примчавшийся к [«]Орлу[»] Вериго, грозил расстрелять, требовал биться до последнего человека и приказал самому Патиашвили явиться немедленно в штаб крепости.

Тот это исполнил, но, явившись, узнал от разбегавшихся офицеров и писарей, что комендант крепости уже смотался к японцам. Бурный кавказец рассказывал об этом с таким видом, что в случае

появления здесь сейчас оного Вериго, нельзя было дать и гроша за его жизнь.

[«]Орел[»] и [«]Якут[»] на рассвете ушли из Владивостока; перед уходом ходили слухи, что Новосильцевская батарея решила их расстрелять при выходе из Босфора¹⁸⁶⁹, но все прошло благополучно. Когда 29 и 30 января моряки грузились, то я, как и другие, очень их осуждал и был даже согласен с Розановым, который проектировал остановить погрузку силой (не сделал потому, что этой-то силы у него не было), а теперь сознавал, что, быть может, они поступили умнее и дальновиднее всех.

Огорчил меня только велеречивый и по сущности очень скользкий и двусмысленный приказ Китицына, пытавшийся оправдать этот уход. Раз начальник решился на такой поступок и нашел исполнителей, то нет никакой надобности все это мотивировать и разглашать.

Особенно неуместен конец приказа (мне дал его Патиашвили), «не мыслю существования своего ни в составе части, ни как отдельной личности вне России, под властью каких бы партий она ни находилась. Если будет Божья воля и историческая судьба на то, чтобы это были те партии, против которых мы до сих пор честно боролись, борьба кончена и бесполезна; наш долг повелевает нам все-таки и с ними продолжать нашу борьбу по воссозданию русского флота. Поэтому я рассматриваю наш уход как временное удаление для обеспечения права на существование нашим частям или хотя бы личностям, входящим в их состав...»

Вполне понимаю настроение и состояние духа старого морского офицера, принявшего сильное и рискованное решение, но осуждаю все эти фигли-мигли и их туманно-условную фразеологию. Причины ясны — грозит несомненная опасность, средств устранить ее и защищаться нет, а потому надо физически от нее удалиться. В этом нет элементов бегства в его специфическом значении. Добавки к будущей власти, готовность сотрудничать с любой из них и вся дополнительная словесность придают всему приказу очень неприглядный оттенок.

Вечером Розанова и меня перевезли на броненосец [«]Хизен[»] (поднятый и исправленный [«]Ретвизан[»]), стоящий у Адмиральской пристани. Прошло шестнадцать с лишним лет с тех пор, как я был на этом тогда русском броненосце с визитом у его командира; тогда — начальник штаба крепости и почетный гость; теперь в том же помещении,

но уже под чужеземным флагом, — бездомный и безместный русский генерал, вынужденный на своей земле искать убежище у чужих людей.

Везли нас с большими предосторожностями; и мы и японцы вооружены были, как говорится, до зубов, ибо в случае захвата по дороге сдаваться живыми не приходилось.

Тяжело было только, что для облегчения положения японского командования пришлось дать согласие надеть сверху японские военные плащи с кашюсонами. Ехали на двух открытых автомобилях с флагами японского штаба; на первом сидел Изоме, а Розанов — рядом с шофером. На броненосце нас встретили хотя и не на палубе, а внизу в командирском помещении, но с должными почестями; вообще, по части внешней вежливости и предупредительности японцы безупречны. В отведенном нам помещении постельное белье, скатерти, салфетки и полотенца старого [«]Ретвизана[»] с орлами и морскими эмблемами, и все в удивительной сохранности и высокой добротности.

2 февраля. Не мог заснуть всю ночь; душило ощущение какой-то большой потери и образования внутренней душевной пустоты. Утром пришли первые сведения из города; в так называемых народных войсках уже наметился раскол: на стороне земства и порядка юнкера Инструкторской школы (500 ч[еловек]), а на чисто красной платформе все остальные (около четырех тысяч) плюс грузчики и прочая владивостокская шпана. Пока что объявлено, что в войсках не будет ни комитетов, ни выборного начала и что все офицеры могут оставаться на старых местах.

На броненосце уже живут Вериго и почти все семенцовы, отдельно от нас; у них постоянное веселье с участием японцев. Вечером в нашу каюту явился Вериго с обычным нахальным видом. Я сразу спросил его, как объясняется его поведение ночью на 31^{-е}, его требование продолжать борьбу и затем исчезновение и укрытие у японцев без всякого о том нас предупреждения, что решение, столь категорически мне заявленное, было вслед за тем отменено.

Читинский гнус сразу заюлил, сослался на резкую перемену в настроении японцев, а не уведомление меня и Розанова свалил на вину своих подчиненных.

Затем я спросил его, где крепостные императорские штандарты и Высочайшие грамоты, хранившиеся в штабе крепости в особом художественно исполненном ларце-рундуке; полагал, конечно, что комендант был обязан их увезти. Выслушал небрежный ответ, что не было

времени об этом думать. Глубоко опечален, так как привык высоко уважать эти крепостные регалии; почти потребовал у Вериго указать, где остались ключи, ибо в голову залезла неотвязная мысль попытаться выкрасть штандарты при помощи оставшихся в штабе Станишевского и нескольких прежних офицеров.

Принесли владивостокские газеты; яростно ругают японцев и именем народа требуют удаления всех интервентов.

Адъютанты Розанова побывали в помещении семеновцев и узнали, что атаманский представитель Магомаев и его антураж перебрались на японский броненосец еще днем 30 ноября и что их грузовики целый день перевозили в японский жандармский штаб большие сундуки и ящики этой компании; туда же укрылись заблаговременно и чины крашенинниковской разведки, выбрав предварительно все казенные деньги и успев сорвать еще и с местных состоятельных обывателей.

3 февраля. Сидим в своего роде бесте¹⁸⁷⁰. Связался с женой и передал ей проект спасения штандартов при помощи Станишевского, который, уверен, не откажет в содействии.

Очень скверные сведения о положении дел у Деникина; нет ли в этом связи с тем равнодушием, которое мы видим здесь по отношению к нам с[о] стороны союзников. «Взвешены и найдены легкими». Неужели же опять «Париж победил Вандею»¹⁸⁷¹. Адмирал Кавахара¹⁸⁷² показал мне приказ Китицына; ничего не сказал, но выражение лица скорбное и неодобрительное; адмирал старого самурайского типа, — и его отрицательная оценка этого печального документа нашего революционного безвременья для меня понятна.

Последние известия из города подтверждают усиление красного влияния и настойчивые требования полного соглашения с Советской властью, все это следовало ожидать.

4 февраля. В газетах объявлено постановление нового правительства о привлечении Вериго и Розанова к уголовной ответственности по обвинению в государственной измене.

Днем нас спрятали в нашем помещении, так как на [«]Хизен[»] приезжали новые земские власти и красный комендант Краковецкий с визитом к адмиралу.

Заходил опять Антонович (он на свободе и его не трогают), говорит, что в японском штабе получены известия, что Каппель взял Черемхово и что иркутское правительство бежало на север. Если это верно, то

я ошибся очень немного, когда доказывал Розанову, что наши армии должны будут появиться у Байкала в середине февраля.

Антонович был у генерала Медведева (дядя главы земского правительства), и тот ему конфиденциально поведал, что его племянник и его коллеги считают положение очень шатким и начинают уже жалеть, что заварили всю кашу.

В японском штабе наши офицеры довели японцев до того, что вчера двух совсем упившихся пришлось арестовать; здесь на [«]Хизене[»] режим свободнее — второй вечер в семеновском отделении попойка, пьяные песни и дикий хохот.

Веригу и Никонов узнали (вероятно, от Изоме), что Розанову удалось спасти остатки от продажи хлопка, около трехсот тысяч иен, и явились к нему с требованием от имени атамана передать им эти деньги.

Розанов, конечно, отказал, но под давлением очень дерзкого наскока и даже угроз сдал и дал обещание после размены чека в Японии выдать генералу Веригу сто тысяч иен с тем, что это пошло на выдачу пособий и прогонных до Читы и Харбина (от Гензана, куда нас хотят вывезти) всем чинам штаба крепости и владивостокского гарнизона; остальные же деньги будут назначены для той же цели для офицеров частей всего округа.

Валя сообщила, что вошла в связь с помощником Станишевского и что, по-видимому, есть надежда ночью вынести штандарты по черному ходу и спрятать в домике манакинской прислуги; о том, что они хранятся в нижней части ларца, наличному составу* штаба неизвестно, и потому дело должно пройти незамеченным.

Генерал Инагаки очень любезно прислал мне напечатанный в газетах декрет большевистского Совнаркома (получен по радио), что адмирал и все его министры объявлены «вне закона». При первой возможности попрошу какую-нибудь существующую русскую власть внести это отличие в мой послужной список.

В газетах печатаются списки представителей старого режима, заявивших о своей лояльности новой власти и явившихся к ней с предложением своих услуг (много очень неожиданных для меня лиц; считал их устойчивее).

5 февраля. Ничего не знаем о своей судьбе; нас как будто повезут в Японию, а всех остальных в Гензан. Японцы делятся с нами новостями, получаемыми по радио. У Деникина плохо.

---

* В документе несогласованно — состава.

Иркутских и здешних эсеров совсем прижали к стенке; большевики предъявили им ультиматум и уже требуют не соглашения, а абсолютного и беспрекословного подчинения; повторяется то же самое, что и везде, — эсеры готовят путь большевикам, а затем получают за это одни пинки.

Послал Вале последние инструкции по поводу штандартов; она — удивительный храбрец, ходит по городу, разыскала жен офицеров волковского отряда и раздала им посланные мной деньги; ей выражают сожаления, что я не остался на свободе, так как новая власть очень хотела бы иметь меня своим ответственным сотрудником.

6 февраля. Официально объявлено, что авангард сибирской армии под начальством генерала Войцеховского находится вблизи Иркутска. Сейчас все решение в руках Семенова и японцев; при их содействии армии смогут не пустить красных дальше Байкала, а тогда, хотя бы и с Семеновым, надлежаще обузданным, а при возможности и устраненным, возможно создание Белого Дальнего Востока. Весь вопрос теперь в организации снабжения; у Семенова пока есть схпанные им 60 миллионов руб. первого эшелона золотого запаса (не думаю, что все уже растащено), и этого пока хватит, а затем имеются спасенные кредиты кредитной канцелярии и уже оплаченные заказы комиссии Роопа, а кроме того, крупные кредиты остались у Угета¹⁸⁷³ в Нью-Йорке. Необходимо только скорейшее образование нового настоящего правительства на юге России, ибо оставшиеся деньги нельзя отдать в руки читинских разбойников.

После обеда нам объявили, что вскоре нас повезут на Эгершельд на транспорт, уходящий завтра в Японию.

6–7 февраля*. Переехали на транспорт. Повезли нас еще засветло, вероятно, для большей безопасности, т.к. вечером и ночью за броненосцем установлено наблюдение с берега. Ехали на открытых автомобилях через Светланскую, Алеутскую и затем на Эгершельд. Опять пришлось надеть сверху японские плащи, а меня заставили снять неподходящее для японца пенсне, что лишило меня возможности рассмотреть как следует физиономии толпы наполнявшей улицы (особенно Алеутскую, по которой шла какая-то демонстрация).

Вдоль пути встретили несколько прогуливавшихся японских рот, двигавшихся в расстоянии нескольких сот шагов одна от другой —

---

* Подчеркнуто публикатором.

очевидное мероприятие на какой-нибудь случай с нашими автомобилями. Я имел при себе свои три револьвера и 12 обойм. Все прошло благополучно, но у нашего автомобиля лопнула шина у самого штаба крепости, и шофер, как ни в чем не бывало, свернул на возвышенный подъезд и, проехав входные двери, остановился на спуске недалеко от старой комендантской квартиры, и здесь на глазах штабных писарей было поставлено новое колесо, и мы поехали дальше.

Палуба японского транспорта была сплошь завалена вещами семеновской партии, а часть оставалась еще на берегу; шла спешная погрузка, блистали новые чемоданы и дорогие сундуки. У меня лично [из] всего имущества был портфель с обоймами, а у Розанова и этого не было. Вериго и часть семеновцев были уже на транспорте. Нас разместили по каютам, задраили все люки и запретили показываться и громко разговаривать; все это только для соблюдения нейтралитета, т.к. транспорт стоит около эгершельдского маяка, а вся эта территория огорожена стенкой с воротами, охраняемыми японским караулом.

Поздно вечером на пароход пришла Валя (пешком, измученная); моя выдумка выручить крепостные штандарты (большой в 35 ф[утов] длины я собирался отправить императрице Марии Федоровне, а малый оставить себе для того, чтобы им обернули мой гроб во время отпевания) чуть-чуть не окончилась печально. Оказалось, что штабс-капитан Серых, служивший в японской разведке и уполномоченный поддерживать связь с берегом для бывших на броненосце русских офицеров, вошел уже в связь с красным штабом, и моя последняя записка на имя жены была передана им для перлюстрации.

Спасли две случайности: первая — я не написал подробностей и имени Станишевского, а вторая — красная разведка предупредила того же Станишевского, ведавшего зданием штаба крепости, что ночью будет засада для захвата лиц, вознамерившихся пробраться в кабинет коменданта, и у перепуганного насмерть Андрея Константиновича, моего верного сослуживца в течение пяти лет, хватило сил и времени сообщить об этом своей жене, которая нашла Валю и укрыла ее у себя до отправления на транспорт.

Слушая все эти подробности, пережил тяжелые минуты.

Поздно вечером семеновцы под главенством Вериго и розановские адъютанты устроили попойку; несколько человек явились ко мне в каюту с бокалами вина и с предложением к ним присоединиться. Туго натянутые нервы не выдержали, я выбил у них из руки их бокалы, крик-

нул: «Как вы, негодяи, смеее пьянствовать и веселиться, когда через несколько часов мы должны оставить родную землю», — и после этого свалился без сознания на пол.

Едва светало, когда японский транспорт, предшествуемый портовым ледоколом, тронулся от пристани. Сквозь полузамерзший иллюминатор я пропустил мимо себя все так знакомые мне рельефы владивостокских берегов и бухт. Потом промелькнул Скрыплевский маяк, за ним прошли в Аскольд¹⁸⁷⁴. Начался сильный, со штормом, снег, и родная земля скрылась из вида.

«Взвешены и найдены легкими». «Горе побежденным!»

Конец

НИА. А.Р. Budberg collection. Вох 1. Дневник. Л. 1–127. Подлинник. Автограф.

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

«Опрошенный, спустившийся на аэроплане...»

Документы генерал-майора ВВС М.П. Строева (Рихтера)¹⁸⁷⁵

Гражданская война 1917–1922 гг. стала трагедией для народов нашей страны, расколола общество, отголоски ее не утихают и по сей день. Но упрощенная черно-белая картина той войны постепенно уходит в прошлое, а вместо нее, стараниями исследователей, начинает вырисовываться другая, более сложная и интересная. Одним из интереснейших явлений Гражданской войны стали массовые переходы представителей командного состава из лагеря в лагерь. Прежде всего, из Красной армии на сторону антибольшевистских сил. Чем более совершенными были технические средства для таких переходов, тем проще было бежать. Легче других это было сделать летчикам, которые по долгу службы должны были подниматься в воздух, а дальнейшие их действия никто контролировать не мог. Летчики перелетали к белым в массовом порядке, причем одним из самых скандальных случаев был перелет на сторону противника целого 9-го армейского авиаотряда 29 октября 1918 г.¹⁸⁷⁶

Немало было случаев вынужденной посадки на вражеской территории из-за технических проблем. Один из таких эпизодов произошел 8 января 1920 г. южнее станицы Грушевской на Дону. Тогда вынужден-

ную посадку из-за отказа двигателя совершил «Фарман-30» начальника авиагруппы особого назначения Южного фронта (вскоре влита в состав 1-й Конной армии) и временно исполняющего должность начальника воздушного флота 1-й Конной армии М.П. Строева (Рихтера) и И.П. Шурыгина, летавших на разведку в район Ростова-на-Дону. Пилотировал самолет Шурыгин, а Строев был наблюдателем. В этот день красные штурмовали Ростов. Летчики старались дотянуть до своих, но не получилось. Узнав, что находится на территории белых, Строев попытался уничтожить аэроплан, что является доказательством вынужденного характера посадки. На фоне разгрома белых трудно поверить в добровольность его перелета. Пленение белыми бывшего офицера, добросовестно служившего большевикам, было чревато самыми печальными последствиями для пленного. Однако в дальнейшем Строев и нашедшиеся в руководстве ВСЮР его товарищи по прежней службе старались представить перелет в глазах белых как добровольный. Об этом даже сообщалось по радио, которое перехватили красные (впрочем, текст перехвата сопровождался пометкой: «Может быть провокацией»)¹⁸⁷⁷. Никаких значимых документов у Строева с собой не было. Важные документы об авиации 1-й Конной армии попали к белым позднее, когда в феврале 1920 г. они ворвались в Ростов-на-Дону и захватили там управление авиации 1-й Конной армии.

Суровое отношение к пленным из бывших офицеров обычно не распространялось на личные взаимоотношения между бывшими однокашниками по академии. Интересно свидетельство военного журналиста А.А. Валентинова, по словам которого «опустился он (Строев. — А.Г.) под Тихорецкой в наше расположение, несомненно, по ошибке, так как наши акции в те дни с неудержимой быстротой катились уже к Новороссийску, и никаких надежд на исправление дел у Строева быть не могло. Да и он сам не скрывал происшедшей ошибки. Несмотря на это, когда его привели в поезд ставки и ввели в вагон оперативного отделения, некоторые офицеры генштаба (коллеги, кажется, по выпуску) встретили его оживленными восклицаниями, а капитан Г. даже бросился ему на шею. Делу был придан такой вид, будто Строев опустился к нам нарочно. Ротмистр князь К. (офицер для поручений при генерале Деникине), ошеломленный происшедшим, допустил несколько очень резких выражений по адресу генштаба. Об инциденте доложили генералу Деникину, указав, что Строев опустился нарочно. Генерал Деникин тотчас же уволил 70-летнего князя К. без прощения. Позже

вина Строева была доказана»¹⁸⁷⁸. В итоге Строева белые осудили на бессрочную каторгу и долгое время держали в тюрьме Екатеринодара, откуда он был выпущен местным большевистским подпольем вместе с другими политзаключенными за день до взятия города красными 17 марта 1920 г. 1 апреля он уже вернулся на прежнее место службы, но в сентябре 1920 г. был отстранен от должности и даже лишен звания «красный летчик-наблюдатель» по несоответствию, «как интриган, не изживший замашек “царского генштабиста”»¹⁸⁷⁹.

Биография Михаила Павловича Строева (Рихтера) довольно интересна. Он родился 8 ноября 1887 г. в Киеве, в семье надворного советника (в советское время писал, что был сыном почтового служащего¹⁸⁸⁰). Это был высоко образованный для своего времени человек. Строев окончил 1-ю Киевскую гимназию (1905), 1-й курс математического отделения Киевского университета Св. Владимира (1906), Киевское военное училище (1908, окончил первым, с занесением имени на мраморную доску) и Николаевскую военную академию (1914). Владел французским, немецким, польским и украинским языками. В старой армии дослужился до чина капитана, участвовал в Первой мировой войне. 28 мая 1915 г. ему было Высочайше разрешено сменить немецкую фамилию Рихтер на Строев. Во время Первой мировой войны Строев был прикомандирован к 9-му корпусному авиаотряду в качестве наблюдателя. Так началась его служба в авиации. Как офицер-генштабист он мог быть весьма полезен на этом поприще. Позднее он находился при штабе 9-й армии для организации воздушной разведки и производства полетов в качестве наблюдателя. За бой 21 апреля 1915 г., в котором Строев командовал пулеметами (одним управлял лично) при штурме высоты 958 — горы Маковка, он был награжден Георгиевским оружием¹⁸⁸¹. 11–12 сентября 1915 г. обер-офицер для поручений при штабе XVIII армейского корпуса Строев отличился в ходе воздушных разведок, которые проводил под сильным артиллерийским огнем противника. Благодаря Строеву было установлено расположение частей и резервов противника, на основании чего началась операция, завершившаяся взятием части неприятельской позиции¹⁸⁸². 14 августа 1916 г. Строев был командирован в распоряжение заведующего авиацией и воздухоплаванием великого князя Александра Михайловича. С 6 января 1917 г. состоял исполняющим должность штаб-офицера для поручений при Полевом генерал-инспекторе Военно-Воздушного Флота. В ноябре — декабре 1917 г. возглавил авиаотдел Полевого управления авиации и

воздухоплавания Ставки. С декабря 1917 г. был членом Всероссийской авиационной коллегии. В 1918 г. Строев добровольно пошел на службу в Красную армию, участвовал в организации воздушной обороны Петрограда от немцев в феврале — марте 1918 г. Желая быть в курсе развития военной мысли, Строев в 1918 г. прошел подготовку в школе авиации военного времени Московского общества воздухоплавания в качестве военного летчика на аппарате «Фарман-20», однако звание «военный летчик» так и не получил. Тем не менее авиация стала его специальностью на всю жизнь. В Гражданскую войну он занимал ответственный пост помощника начальника Полевого управления авиации и воздухоплавания при Полевом штабе РВСР, участвовал в боях против конницы К.К. Мамантова и А.Г. Шкуро, действовавшей в советских тылах. В 1918–1919 гг. дважды встречался и беседовал с В.И. Лениным, в том числе весной 1919 г. по вопросу об организации воздушной связи с Венгерской советской республикой.

Офицер отличался непростым характером. Тем более что его, как человека старой школы, многое в новой армии не устраивало. 17 июня 1919 г. он сообщал начальнику Полевого штаба РВСР: «В конце марта с.г. мною был подан рапорт об отчислении от управления Авиадарма¹⁸⁸³, мотивом которого было указано определенное убеждение в неспособности фактически управляющей авиациею (здесь и далее подчеркнуто в документе кем-то из читателей. — А.Г.) группы лиц выполнить очередную задачу, каковою является качественное улучшение дела в техническом и политическом отношениях. Резолюции по этому рапорту не последовало, я же был временно командирован на Украину с особою задачею. Вернувшись из командировки и ориентировавшись в том, что было сделано в мое отсутствие, я еще более убедился в правильности тех мотивов, которые заставили меня просить об уходе.

Двусмысленность дальнейшего моего пребывания в управлении подчеркивается хотя бы таким фактом, как сопровождение меня комиссаром (братом Авиадарма) во время доклада Вам, что ранее не практиковалось и является наглядным доказательством опасения за какие-нибудь новые разоблачения секретов управления Воздушным флотом.

Вторично ходатайствую о немедленном откомандировании меня от управления Авиадарма для дальнейшего назначения Вашим распоряжением; лично прошу хотя бы временно назначить меня на боевую работу — летчиком-наблюдателем в авиаотряд, так как продолжительная (8 месяцев) работа в управлении отдалила меня от боевой жизни.

Вр.и.д. начальника управления Строев»¹⁸⁸⁴.

Дальнейшая служба Строева подробно изложена в публикуемой автобиографии. После Гражданской войны он был начальником штаба ВВС СССР. Позднее участвовал в Зимней войне, а затем, уже будучи генерал-майором авиации, в Великой Отечественной. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Ленина, Красной Звезды. Оставил ряд печатных трудов, в том числе первое в РККА наставление по боевому применению авиации и серию уставов ВВС РККА 1923–1924 гг.

Такое пятно на биографии, как попадание в плен к белым при весьма неоднозначных обстоятельствах, не помешало Строеву впоследствии стать генерал-майором советских ВВС и сделать одну из самых головокружительных карьер среди летчиков старой школы. Не помешало этому и то, что племянник Строева П.М. Михайловский находился в эмиграции в Югославии, где окончил военное училище, а родной брат Анатолий в Гражданскую войну служил в войсках А.И. Деникина¹⁸⁸⁵. Но окружающая действительность не могла не сказываться на этом человеке. Если в аттестации 1927 г. было отмечено, что Строев «как едкий полемист-экспериментатор возбуждает против себя людей, подходящих к вопросу с более упрощенными формулами»¹⁸⁸⁶, то по аттестации 1948 г. Строев «вежлив, тактичен, но обидчив до крайности. Замкнут и мнителен; считает, что у него много скрытых врагов»¹⁸⁸⁷. 27 декабря 1948 г. Строев был уволен из армии с правом ношения формы¹⁸⁸⁸, умер в СССР в 1961 г.

В архиве Гуверовского института в США удалось обнаружить доклад начальника разведывательного отделения штаба главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) о состоянии Красной армии, составленный по материалам допроса Строева 3 (16) января 1920 г. В фондах РГВА сохранилось личное дело Строева, за послевоенный период. В этом деле хранится его автобиография. Эти два интересных документа дополняют друг друга, а в сочетании с другими источниками рисуют яркую картину того, как военный летчик Строев (Рихтер) боролся за выживание между красными и белыми. Публикуемые документы представляют интерес для истории Красной армии и истории отечественной военной авиации, у истоков которой стоял герой этого материала.

Нельзя сказать, чтобы Строев, судя по его показаниям в белом плену, был полностью осведомлен о военном строительстве в Советской России, но он интересовался происходящим и был в курсе многих важных вопросов. Например, перспектив советской военной политики,

обсуждавшихся на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. Сведения, которые сообщил белым Строев, должны были их поразить. Из доклада, основанного на откровенных показаниях пленного, следовало, что истинным защитником офицерства в Советской России является не кто иной, как ненавистный белым председатель РВСР Л.Д. Троцкий. Он же, по мнению некоторых военспецов, был лучшим руководителем военного ведомства России за весь предшествующий период. Эти сведения белые получили на фоне колоссальных успехов Красной армии — очевидных доказательств высокой эффективности военной политики Троцкого. По этой причине, вероятно, белые полагали, что перелет Строева мог быть спланированной провокацией. В документе прямо говорится о серьезных просчетах белого командования, способствовавших успехам красных: о возвращении земель помещикам, грабежах и мародерстве добровольцев. Интересны свидетельства Строева о 1-й Конной армии, где он служил перед тем, как попасть в плен. С другой стороны, из доклада не следует, что Строев сообщил белым какие-то секретные сведения. В основном его наблюдения носят общий характер. Возможно, он даже сознательно искажал некоторые факты, чтобы слишком явно не рекламировать Красную армию.

В документе имеется отсылка к другому докладу о политическом положении Советской России, основанному на показаниях Строева. К сожалению, обнаружить этот документ не удалось. Возможно, о нем в своих мемуарах писал генштабист П.С. Махров: «Особенный интерес представляли показания Генерального штаба подполковника¹⁸⁸⁹ Строева*, попавшего к нам в плен из штаба Буденного. Он говорил, что русский народ ненавидит большевиков и стремится к возрождению России. В стране постоянно вспыхивают восстания, транспорт совершенно разрушен. Свирепствует тиф. Госпитали переполнены, санитарная часть не справляется, медикаментов нет — смертность ужасающая. В тылу армии красных царит хаос и очень много дезертиров»¹⁸⁹⁰.

Показания Строева были настолько значимы для белых и их союзников, что нашли отражение даже в британских военных документах. Капитан-лейтенант Дж. Мюрхэд-Гоулд по итогам своей поездки на

---

* Настоящая фамилия Строева была Рихтер. Он переменил свою фамилию после начала войны с немцами в 1914 г. Я его лично не встречал, но слышал о нем как об образованном и энергичном офицере Генерального штаба. До занятия большевиками Екатеринодара в феврале 1920 г. он содержался у нас в тюрьме. Дальнейшая судьба его мне неизвестна (*примеч. П.С. Махрова*).

Юг России включил обширные выдержки из этих показаний в свой секретный доклад от 28 января 1920 г. о состоянии ВСЮР и Красной армии¹⁸⁹¹. Сведения о Красной армии, которые сообщил Строев, были переданы по телеграфу в британское Военное министерство и лично госсекретарю по военным делам У. Черчиллю. Материалы доклада Мюрхэда-Гоулда, в целом, совпадают с публикуемым документом, однако, как и любой краткий пересказ, содержат неточности.

Доклад Мюрхэда-Гоулда интересен тем, что включает материалы допросов Строева по политической ситуации в Советской России, которые до сих пор в документации белых обнаружить не удалось. В этой части документа говорится о стремлении большевиков советизировать Индию, Персию и Афганистан и достичь мира с Польшей, Финляндией и Прибалтикой. Борьбу с белыми большевики собирались вести до полного уничтожения противника. Строев также свидетельствовал о попытках большевиков перетянуть на свою сторону казачество. Во внутренней политике Советской России наблюдался переход от массового террора к индивидуальному, послабления в сфере продовольствия и торговли. Разбой и пьянство якобы карались смертной казнью. По свидетельству Строева, большевики предпринимали значительные и эффективные усилия в борьбе с эпидемиями, охватившими страну. Еще одной сферой приложения усилий новой власти стало образование. Церковь, по мнению Строева, преследованиям не подвергалась, однако власти вели антирелигиозную пропаганду. Строев был убежден, что коммунисты утратят власть, но власть Советов сохранится, поскольку пользуется популярностью в народе. Основным вопросом Гражданской войны, по мнению пленного, был аграрный. Россия же в будущем могла существовать лишь при условии передачи земли народу. В этих оценках, видимо, заключены не только наблюдения Строева за советской действительностью, но и его собственные социально-политические взгляды.

Автобиография Строева является документом совсем другой эпохи — периода позднего сталинизма. Как и в первом документе, здесь тоже отчетливо прослеживается стремление Строева выжить в непростой обстановке. По этой причине Строев вынужден теперь ругать Троцкого, которого за 28 лет до этого хвалил даже перед белыми. Разумеется, это не означает, что наш герой был беспринципным. Таковы были суровые правила игры, несоблюдение которых могло повлечь серьезные последствия. Удивительно, что Строеву, несмотря на пери-

петии биографии и немецкие корни, несмотря на участие в четырех войнах, включая две мировые, удалось уцелеть, дожить до преклонных лет и умереть своей смертью.

**Документ 1. Доклад начальника разведывательного
отделения штаба главнокомандующего ВСЮР
по материалам допроса М.П. Строева (Рихтера)
о состоянии Красной армии. 3 (16) января 1920 г.**

Начальник
разведывательного отделения
штаба
главнокомандующего
Вооруженными силами
на Юге России
«3» января 1920 г.¹⁸⁹²
№ 001/р
Ставка¹⁸⁹³

Генерал-квартирмейстеру
Доклад

Опрошенный, спустившийся на аэроплане в нашем расположении капитан Генерального штаба Строев (прежде Рихтер), исполнявший в последнее время в первой конной армии Буденного должность начальника авиации, сообщил:

I. Задачи советского командования: Основная задача, поставленная Южному¹⁸⁹⁴ и Юго-Восточному советским фронтам, — занятие городов Новочеркаска и Ростова, являвшихся в глазах советской власти «ядром контрреволюции». Главную целью наступления было разбить Добровольческую армию, ведя одновременно демонстрацию на донском фронте. Конная ударная группа Буденного получила директиву — разобщить действия Донской и Добровольческой армии, а затем повернуть на запад, куда предполагался отход всей Добровольческой армии. В советских штабах существовало мнение, что, потерпев поражение, Добрармия отойдет на каменец-подольском направлении, где присоединится к правому флангу поляков и вместе с последними будет нести борьбу с большевиками, но 20-го декабря ст. ст. директива была изменена, отчасти под влиянием отхода частей Добрармии на юго-вос-

ток, а главным образом благодаря настоянию штаба Буденного идти на Дон и Кубань, которое было вызвано общим стремлением красных казаков попасть в родные места.

Немедленное занятие Крыма и Одессы, а также восточного побережья Черного и Азовского морей, согласно показаний Строева, насущного значения для большевиков не имеет. Но, судя по советской печати и той пропаганде, которая за последнее время ведется среди красноармейцев, внушающих массам, что «Армию Деникина мало разбить, а ее надо и добить», [существует] стремление перенести войну в более теплые и хлебные места, а также неудовлетворенность советского командования малочисленностью взятых пленными и трофеев, которые считаются весьма ничтожными в сравнении с количеством, взятым на Восточном и Туркестанском фронтах. Все это указывает на то, что красные в ближайшее время перейдут на северном Кавказе к широким активным действиям; к тому же конница Буденного, имеющая в своем составе большое количество кубанских казаков, стремится скорее попасть в свои станицы. Что же касается задач советского командования на других фронтах, то Восточный фронт считается уже ликвидированным. От угрозы Японии, вследствие быстрого продвижения большевистских войск, советское правительство считает себя достаточно обеспеченным громадным пространством занятой территории.

Особенно беспокоит в настоящее время большевиков польский фронт, так как по советским данным польская армия весьма боеспособна. Вопрос об усилении этого фронта начал уже муссироваться в официозе (Известия В.Ц.И.К.). Однако, по словам Строева, не следует рассчитывать на то, что выступление Польши сможет в ближайшем будущем вызвать переброски с Южного фронта на Западный, так как большевики уже научились не бояться потери территорий, особенно голодных, а идея выдержки характера, пока не будет закончена начатая операция, достаточно глубоко проникла в сознание вождей советской власти и в партийные круги. Так, Вацетис был смещен за то, что весной 1919 года занялся отжиманием Колчака, не закончив операции на южном фронте¹⁸⁹⁵.

II. Формирования и мобилизация. Программа 3-хмиллионной Красной армии по штатному составу* выполнена. В связи с освобождением части сил Восточного фронта и успехами на Южном и Северо-Западном фронтах формирования пехотных частей прекращены. Так, в ноябре месяце [1919 года] в Калуге было прекращено формирование стрелковой дивизии. Из пяти формировавшихся в Туле для ее оборо-

* Разрядка документа.

ны бригад, доведенных в ноябре до 60–70% штатного состава, одна направлена в качестве пополнения на Западный фронт, другая намечалась для обеспечения тыла войск, наступавших на Украину, и лишь три последних предполагалось (задание дано в половине ноября) перебросить на царицынское направление. Эти три бригады на царицынском фронте с переброшенными частями с других фронтов и с прирезкой частей соседних армий должны были образовать вторую армию, штаб которой сформирован из штаба Тульского укрепленного района.

Формирование конных частей в широком масштабе начато еще весной 1919 года в связи с поражением на Южном фронте; решительный же толчок, который ускорил формирование конницы, дал рейд Мамонтова. О новых формированиях Строев не знает, но уверен, что киргизы¹⁸⁹⁶ и оренбургские казаки будут использованы в полной мере.

В октябре 1919 года было приступлено к формированию частей особого назначения из баталионов Ч.К. (находились при губернских чрезвычайках и играли роль жандармских войск) и из коммунистов, служивших в гражданских учреждениях; назначение частей «особого назначения» — подавление восстаний и охрана в опасные моменты советских учреждений. Сила частей особого назначения — баталион или полк на губернию. В Москве имеется штаб по формированию этих частей, состоящий исключительно из партийных работников.

Формирование специальных партизанских частей началось еще в октябре, и отправка некоторых из них по неизвестным маршрутам имела место в половине ноября. О том, что пополнение убыли, громадной даже в период успехов, ведется мобилизованными 16-тилетнего возраста, Строев не слышал. Мобилизация в занятых районах, в целях обеспечения тыла, производится после известного промежутка времени, в который население подвергается соответствующей обработке. В занятых районах берутся только добровольцы и сочувствующие советской власти (что делается в настоящее время в Сибири).

Стратегических резервов на Южном фронте, по данным к началу декабря, не было, в силу проведения в жизнь методов вливания всех освобождающихся частей прямо на линию фронта; роль стратегических резервов играют перебрасываемые с Восточного и других фронтов войска. В последнее время о перебросках на Южный фронт Строев не слышал и предполагает, что часть перебросок идет на Западный фронт. Переброски с Восточного фронта на Южный тянутся уже с июля месяца, и количество свободных там войск не может быть велико.

III. Командный состав и его подготовка. Вопрос этот в Красной армии по-прежнему большой. Инструкторские школы разных специальностей, которых набралось до 70-ти, выпускают красных офицеров, не пользующихся в частях особым почетом и авторитетом (всегда предпочитают «бывших офицеров»); подготовка слаба, исключая строевой, которая приближается к уровню прежних ускоренных курсов училищ. В программе, кроме введения военной психологии и чтения политических лекций, серьезных изменений нет.

Академия Генштаба сформировалась полностью заново после потери вывезенной в Екатеринбург. Состав лекторов, в общем, не блестящий. Основная работа профессуры — изучение германской войны — выводов из опытов Гражданской войны не производилось (исключение — военная география, включившая в программу довольно поверхностное описание театров Гражданской войны); новые предметы: авиация, психология и политические лекции. Начата разработка военно-политических вопросов в контакте с наиболее видными работниками Московского университета. Положение старого офицерства в Красной армии в связи с постепенным налаживанием дисциплины стало несколько лучше, хотя и теперь очень часты случаи «ворчания за спиной» со стороны красноармейцев, когда их подтягивают. Доверие к командному составу из старого офицерства стало несколько больше и своих начальников красноармейцы больше любят, чем комиссаров. К познаниям красного офицерства доверия нет. Вождями масс являются командиры из бывших начальников партизанских и красногвардейских отрядов, особенно в тех случаях, когда начальники являются земляками, хотя бы небольшой части своих подчиненных. Подобного рода причины объясняют* и обаяние Буденного. Необходимо отметить, что при определенном отрицательном отношении к большевизму охота работать у старого офицерства увеличивается; объясняется это тем, что техники постепенно втягиваются в то дело, которому они себя посвятили. Кроме того, стали видны определенные результаты строительства Красной армии, что также имеет на многих подбадривающее влияние. Наконец, распространение Красной армии к бывшим государственным границам, самый характер этой армии, состоящей, как и встарь, преимущественно из мобилизованного крестьянства и служилого офицерства, отрицательное отношение красноармейских

---

* В документе несогласованно — объясняются.

масс к коммунизму — все это заставляет часть офицерства думать, что Красная армия решает национальную задачу объединения России, на свержение которого (коммунизма. — А.Г.) в подходящий момент надежда отнюдь не потеряна.

Вопрос об уничтожении института комиссаров принципиально принят (доклад Троцкого на 7-м съезде советов)¹⁸⁹⁷; по некоторым данным можно судить, что мера эта будет проведена постепенно, взамен комиссаров будут помощники командармов по политической части (должность уже введена в штабе под названием «политический руководитель»).

Высший командный состав: главком — бывший Генштаба полковник С.С. Каменев¹⁸⁹⁸, на[чальник] шта[ба] Реввоенсовета: Генштаба ген.-майор П.П. Лебедев¹⁸⁹⁹, его помощник б[ывший] Генштаба ген.-майор Г.Н. Хвошинский¹⁹⁰⁰, нач[альник] операт[ивного] отдел[а] Генштаба ген.-майор [В.И.] Михайлов¹⁹⁰¹. Реввоенсовет Республики в октябре получил новую организацию с распределением функций между его членами: главком, оперативная часть, причем военкомом штаба является член Реввоенсовета [С.И.] Гусев¹⁹⁰² (старый партийный работник); его помощник, не состоящий членом совета — [К.Х.] Данишевский^{**1903}. Снабжение — [А.И.] Рыков¹⁹⁰⁴; Троцкий — председатель, ведал преимущественно организационной частью, разъезжая по фронтам, принимая иногда, как это было под Казанью и Петроградом, непосредственное участие в боях¹⁹⁰⁵. Троцкий весьма популярен, даже среди близко стоящего к центру бывшего генералитета и офицеров Генштаба. Последние говорят, что Россия чуть ли не впервые получила настоящего военного министра. Популярность его вызывается, прежде всего, тем, что он требует только дела, быстро схватывает лучшее из делаемых ему предложений и проявляет железную волю и настойчивость при проведении принятых проектов в жизнь, совершенно не считаясь с партийными предрассудками и мнениями, если они могут быть в ущерб делу. К офицерству относится хорошо, и только он один поддерживает его.

Так, при нашем успешном наступлении на север, когда масса офицеров переходила на нашу сторону, то все комиссары требовали проявления кровавого террора по отношению к офицерству, служащему

* В документе ошибочно — Г.П. Хвошинский.

** В документе ошибочно — Данилевский.

в Красной армии, и удаления их из последней, и только лишь один Троцкий убедил их, что применять террор к оставшимся офицерам на советской службе бессмысленно, так как все те, кто остался, искренно преданы советской власти и они явятся той твердой скалой, на которой будет построена сильная революционная армия.

Склянский, заместитель Троцкого, руководит работами трудовых органов военного комиссариата; уважением он не пользуется.

Гусев выдается знанием военного дела, Рыков — работник с размахом, но иногда делает ошибки вследствие недостаточного знакомства с делами. Главком Каменев с начальником штаба Лебедевым отмечаются исключительной работоспособностью и являются единственными руководителями стратегических операций, по-видимому, хорошо постигшими особенности гражданской войны.

Реввоенсовет 1-ой конной армии: Командарм Буденный (до сих пор упорно не хочет записываться в коммунисты¹⁹⁰⁶), [К.Е.] Ворошилов¹⁹⁰⁷ и [Е.А.] Щаденко*¹⁹⁰⁸. На[чальник] штаба был [В.А.] Погребов¹⁹⁰⁹, недавно смещенный за пьянство; в передовой летучке штаба (Буденный, Ворошилов и несколько человек работников, помещающихся в одном вагоне) обязанности на[чальника] штаба исполняет некто [С.А.] Зотов¹⁹¹⁰, не производящий впечатления человека с достаточной военной эрудицией.

IV. Снабжение и транспорт. При всем недостатке средств в совдепии, снабжение следует считать поставленным хорошо. Причины этого: 1) строгая централизация снабжения, Рыков недавно выступил с проектом объединения в руках одного органа военной промышленности и военных складов, 2) своевременно (еще до германского мира) начатый учет и описание военного имущества, остатки которого еще до сих пор поступают из складов, 3) налаживание полуразрушенной военной промышленности и покровительство ей предпочтительно перед другими отраслями и производствами (снабжение в первую голову материалами и топливом, перевод рабочих наиболее нужных заводов на красноармейский паек¹⁹¹¹ и т.д.), 4) применение в тылу армии коммиссионного способа заготовок, не считаясь с твердыми ценами, 5) резкие меры против злоупотреблений. Из характерных примеров можно указать на поднятие производства**. Тульских заводов, выпуска-

* В документе ошибочно — Шеценко.

** Так в документе.

ющих ныне до 20–30 тысяч винтовок и до 2-х тысяч пулеметов в месяц, и на быстрое восстановление (пока в небольших размерах) работы Ижевских заводов. Недостаток, конечно, ощущается во всем, особенно в артиллерии, патронах и санитарной части, но все же можно сказать, что вопросы снабжения Красную армию к кризису не приведут.

Значительную поддержку оказало имущество, захваченное у адмирала [А.В.] Колчака. Помощи в снабжении извне в сколько-нибудь заметных размерах нет. Строев имел лишь сведения о контрабанде, привезенной в Петроград из Швеции (шведские спички и медикаменты, вооружения же и снаряжения не было), были сведения о перевозках из Баку бензина в небольших размерах и притом контрабандой.

Отрицательную роль в вопросах снабжения играет состояние транспорта. Процент больных паровозов все увеличивается; захватываемый подвижной состав, конечно, более чем недостаточен для обслуживания огромной сети путей в завоеванной территории. В классных вагонах острый недостаток; товарных — на наличное число перевозок. Топлива для железных дорог в целом, говорят, достаточно, но дрова сырые, а отсутствие излишка приводит к недостатку топлива то на одном, то на другом участке. Вывоз донецкого угля налаживается слабо и лишь в малой степени облегчит остроту положения, так как главную роль играет недостаток паровозов.

V. Дисциплина в Красной армии. Дисциплина в частях постепенно налаживается, причем главным средством к ее заведению являются репрессивные меры; агитация и работа коммунистических ячеек играют роль лишь в тыловых частях. С пьянствами и грабежами на фронте борются расстрелами, дисциплинарный устав никого не удовлетворил и не выполняется; так, например, аресты даются в произвольном размере: еще и теперь бывают наложения* денежных штрафов и т.п. Имеется положение о ротных и полковых судах (дисциплинарного характера), но можно с уверенностью сказать, что эти суды организованы в тыловых частях, да и то не везде. В общем можно считать, что значительная часть (примерно четверть) Красной армии уже приобрела характер регулярных войск, но все-таки, в общем, приходится управлять войсками, базируясь более всего на принципе психологии толпы, а не психологии организованной и дисциплинированной армии. Так, настроение войск в связи с успехом хорошее; порыв вперед, безуслов-

---

* В документе ошибочно — положения.

но, есть, но главную роль в этом играет не столько агитация, сколько желание скорее закончить войну.

VI. Стратегия и тактика. Основой стратегии, приведшей к успехам на Восточном, затем и на Южном фронтах, является использование психической инерции масс; сначала для нанесения удара прилагаются все силы и средства с вводом в боевую линию всех находящихся под рукой частей, а затем, как только масса сдвинулась, все внимание обращается на своевременное вливание пополнений и резервов, большей частью из заканчивающих формирование частей; при этом абсолютно не считаются с неготовностью формирований, лихорадочно срывая их с места и бросая непосредственно в бой.

О вопросах снабжения при этом если и думают, то, во всяком случае, не останавливая боевых операций из-за отставания обоза, представляя войскам снабжаться добычей и местными средствами. Вдохновителями подобного рода действий являются, очевидно, главком Каменев и начштаба Лебедев и, видимо, Гусев. Второй особенностью действий является систематическая организация восстаний в тылу у противника. В этом отношении необходимо отметить возможность движения в настоящее время в Бакинском районе, о котором говорилось и писалось очень много и которое может получить развитие как [в]следствие ведущейся агитации, так и ввиду заинтересованности рабочих в скорейшем открытии дороги для экспорта нефти.

Фортификационных работ для закрепления захваченного ныне красными пространства не производится; «укрепленные районы» одно время были в большой моде, и даже при штабе Реввоенсовета Республики имелось центральное управление, но действительность разочаровала руководящие круги в пользу этих районов при современных условиях войны.

В отношении тактики пехоты, кроме того, что боевые действия привязывают к жел[езным] дор[огам] и телеграфным линиям, а также населенным пунктам, ничего нового, особенно в положительном смысле, нет; красная пехота и хуже обучена, и хуже действует, чем любая из ее противников.

Особо стоит вопрос о тактике конных масс; правда, метод опытов, по-видимому, прост, но на самом деле в действиях Буденного виден очень тонкий расчет. Так, задаваемые рубежи, как слышал Строев, всегда достигались войсками и зачастую даже переходились ими. Кроме того, заслуживает внимания комбинация действий конницы с при-

данной ей пехотой, которая придает устойчивость боевому порядку и закрепляет захваченное конницей.

Штабная работа везде налажена нормально, лишь в армии Буденного штаб только что организован. Связь налажена посредственно.

В общем итоге большим местом Красной армии является ее стадный характер, вызываемый недостаточной подготовкой спешно брошенных на фронт частей и командным вопросом; все делается немногими частями, имевшими возможность сколотиться в сравнительно спокойной обстановке и случайно получившими* начальников с природными данными полководцев. Эти части и тянут за собой всю остальную толпу.

Командный состав, особенно бывшее офицерство, успешно пойдет на агитацию, но при условии облегчения его перехода и обстоятельств сдачи в плен (опасение расстрела при пленении и перспектива суда). Что касается агитации среди красноармейцев, то, по словам Строева, она в настоящее время едва ли может рассчитывать на особый успех, пока обещаемое не будет подтверждено фактами (разрешение аграрного вопроса, прекращение расстрелов и разделение пленных), во всяком случае, большевики на словах всегда смогут наобещать массам больше и этим успешнее будут бороться с нашей агитацией.

VII. Причины успехов Красной армии. 1) Сдача большевиками некоторых позиций и заигрывание с теми политическими кругами, которые нужны им для победы в данный момент. 2) Правильное понимание психики масс, выразившееся в безостановочном наступлении, хотя бы и в ущерб теоретическим правилам. 3) Систематическая и широко поставленная агитация. 4) Исключительная организационная работа и энергия большевиков. 5) Агитация соглашателей, призывающих к поддержке большевиков на фронте.

Самой же главной причиной успеха большевиков, по словам Строева, являются промахи их противников: а) возвращение земли помещикам, о котором стало сразу известно всему крестьянству, являющемуся подавляющей массой Красной армии; б) грабежи и насилия добровольцев, заставляющих население выбирать из двух зол меньшее (большевиков); в) быстрое растворение сравнительно небольших кадров добровольцев в огромной массе мобилизованных, на настроении-

---

* В документе несогласованно — получивших.

ях которых решение аграрного вопроса и должно было, прежде всего, сказаться.

VIII. Роль Германии в Советской России. Ни одного красноармейца с винтовкой и каской Строев в Красной армии не видел. Офицеров германского Генерального штаба в Красной армии, по его словам, нет¹⁹¹². Немецких войск, присланных из Германии, также нет. Есть интернациональные бригады, составленные из военнопленных немцев — чисто идейных большевиков, для которых чужды интересы своего. Что же касается разрушения, происходящего* в настоящее время, русской промышленности, то это обстоятельство весьма удовлетворяет немцев, так как их мечта в будущем экономически поработить Россию, и в этом отношении немцы работают вовсю. Вся их энергия, по словам Строева, затраченная в Прибалтике, заключается в том, чтобы к моменту восстановления в России, она (видимо, Германия. — А.Г.) хотя бы небольшим кусочком земли непосредственно граничила бы с Россией.

IX. Общее заключение о военных действиях на Южном фронте в данное время. По мнению Строева: 1) красные остановились на линии Дона с целью подтянуть свои тылы. 2) Если подтвердится переброска новых сил на царицынское направление, то со стороны красных следует ожидать двойного удара в общем направлении на ст. Тихорецкая с задачей — открыть дальнейшую дорогу на Баку. 3) Вопрос боевых действий против красных сводится к тому, чтобы, прежде всего, нанести поражение сравнительно небольшому числу отборных частей противника (конная армия Буденного), не обращая особого внимания на остальные войска, даже в случае частичного их успеха.

X. Доклад политического характера, составленный на основании показаний Строева, будет представлен дополнительно.

П[одлинный] п[одписал] за начальника разведывательного отделения полковник *Дрон*

подпоручик *Никольский*

НИА. Р.А. Koussonsky collection. Box 10. Folder 42. Подлинник. Машинопись.

---

* В документе несогласованно — происходящей.

Документ 2. Автобиография М. П. Строева (Рихтера).
24 апреля 1948 г.

Копия

Автобиография

Отец мой — из мещан, 14 лет начал службу телеграфистом и, постепенно поднимаясь по служебной лестнице, кончил начальником почтовой конторы. Закончил он только двухклассное училище, но был грамотным человеком; отлично знал языки, поскольку дед его по отцу был выходцем из Саксонии, бабка — полька, а мать — француженка. Сам он считал себя русским, по-русски говорил безукоризненно, по религии — православный. Мать русская; дед мой по матери, видимо, происходил из помещичьей семьи, в период восстания декабристов был забрит в солдаты, с лишением прав. Отпущен он был с военной службы только при Александре II и то — в звании ефрейтора. Фамилия отца была Рихтер; поскольку она не соответствовала фактическому положению дела, еще в 1912 году было возбуждено ходатайство о перемене фамилии, удовлетворенное только после начала Первой мировой войны.

Учебу я начал в духовном училище и продолжал в семинарии; учился отлично, но, почувствовав отвращение к богословию и философии, ушел из 4 класса дух[овной] семинарии и через 5 месяцев сдал экстерном на аттестат зрелости при 1-й Киевской гимназии. Успешность подготовки (более половины пятерок на экзаменах), особенно по математике, привела меня на математическое отделение физ[ико-]матем[атического] факультета Киевского университета. Пребывание в университете (1905–1906 гг.) было периодом моего политического развития. Я включился в движение революционно настроенной молодежи в армию и поступил в Киевское военное училище. В училище вскоре попался (на пустяке) и удержался только благодаря начальнику его, боевому генералу [Л.И.] Коссовичу, которого как раз в это время увольняли за либерализм. О продолжении агитационной работы в дальнейшем не могло быть и речи, я втянулся в военное дело и полюбил его, сохраняя революционные традиции до нового подъема.

Предвидя войну с Германией и будучи воспитан русской прогрессивной литературой в духе нелюбви к немецким культуртрегерам, усиленно готовился к войне, закончив первым и военное училище, и

Военную академию (с Лееровской премией и принятием к изданию дипломной работы). После окончания академии (в мае 1914 года) взял вакансию в штаб войск гвардии и Петербургского военного округа, работа в котором вскоре была оборвана начавшейся войной.

Штабную работу на фронте (по оперативной части и связи) совмещал с боевыми полетами в качестве наблюдателя в отрядах [П.Н.] Нестерова (XI корпус[н]ом), [А.С.] Воротникова (IX корпус[н]ом) и [С.А.] Бойно-Родзевича (XVIII* корп[усном]). Используя каждую возможность, непосредственно участвовал в боевой работе всех родов войск, кроме танков, которых тогда не было; несколько раз участвовал в атаках, в разных условиях обстановки. В период службы в штабах пехотных дивизий, когда поездки на аэродром были затруднены, я много поработал с воздухоплатателями и был одним из пионеров фотограмметрического дела. За первые 14 месяцев войны получил все боевые награды, какие только мог получить молодой офицер, в том числе офицерского «Георгия» (4-й степени) и дважды — Георгиевское («золотое») оружие (случай исключительный, так как Георгиевское оружие, присуждавшееся, как и орден Георгия, специально собиравшееся георгиевскою думою, можно было получить только один раз, произошло это в связи с переходом из одной армии в другую и представлением к награде за боевую работу в новой армии прежде, чем собиралась дума в старой армии).

Осенью 1916 года, будучи переутомлен и контужен во время Брусиловского наступления, подлежал эвакуации для лечения, но подал ходатайство о назначении преподавателем в только что организованную [военную] школу летчиков-наблюдателей в Киеве. Вместо этого получил от тогдашнего «полевого генерал-инспектора авиации» (б[ывший] великий князь Александр Михайлович) предложение — занять у него должность штаб-офицера Генштаба. Фактически это была должность начальника штаба, которую я и исполнял затем до декабря 1917 года под разными штатными названиями (генерал для поручений, начальник авиационного отдела в Полевом управлении авиации и воздухоплавания). Свой первый педагогический опыт в школе летнабов я все-таки осуществил в конце 1916 года и начале 1917 г. — в порядке совместительства.

После февральского переворота был крепким оборонцем, изыскивая новые формы управления армией и авиацией. Был одним из тех

---

* В документе ошибочно — ХІІІ.

активных работников центра, которые на фоне общего разложения армий и упадка снабжения самолетами сумел[и] в 1917 году поднять боеработу русской авиации в борьбе с немецким империализмом более чем на 20%. В частности, я был одним из организаторов и участников 1-го Всероссийского авиасъезда, собранного вопреки запрещению Керенского и Ставки и вынесшего много полезных постановлений по упорядочению организации и работы авиации, ее школ, снабжения и «промышленности». Открыто выступал против «офицерского союза» и сыграл немалую роль в борьбе с корниловским путчем, доказывая офицерам безнадежность бунта и организуя подпольным методом сопротивление солдатских масс в самом Могилеве; делалось это вне связи с большевиками, организация которых в Могилеве отсутствовала в связи с особым вниманием, уделенным борьбе с большевизмом контрреволюционным офицерством (не без участия, конечно, комиссаров Временного правительства при Ставке). В результате подвергся бойкоту со стороны большей части офицеров Ставки и мелким служебным ограничениям вроде задержки присвоения очередного военного звания (по этой причине, а также потому, что на генштабистов не распространялось правило об ускоренном присвоении званий за боевые полеты, я кончил Первую мировую войну капитаном, занимая должность с правами начальника дивизии).

После Октябрьского переворота я стал оборонцем в квадрате и, продолжая оставаться на старой должности в Могилеве, провел некоторые меры, облегчившие в дальнейшем спасение значительной части фронтового авиаимущества и начальное строительство красного воздушного флота; в частности, большую роль сыграла директива о стягивании авиасредств к фронтовым авиапаркам, бывшим опорными точками большевизма в старой авиации. При первой возможности установил связь с петроградскими организациями воздушного флота и в декабре 1917 года был назначен членом организуемой «Всероссийской коллегии по управлению воздушным флотом республики». Предыдущая служба в Полевом управлении авиации и воздухоплавания дала мне школу работы в общегосударственном масштабе, уроки которой были успешно использованы после Октября, с учетом новых задач и новой обстановки. Поскольку в то время почти все крупные специалисты воздухофлота саботировали, а новые работники были неопытны, мне пришлось лично провести напряженную работу в центре по начальному строительству Красной авиации — начиная от

радикальной реорганизации «Главвоздухфлота» и кончая составлением первого советского наставления по боевому применению авиации. Основные организационные установки по этой работе я получил лично от товарища Ленина. В дальнейшем мне пришлось вести борьбу с мелкобуржуазною группировкою авиаработников, связанной с Троцким и потерявшей влияние на дела воздухфлота только после партийной чистки 1922 г. Перестав играть ведущую роль в руководящем аппарате авиации, я в дальнейшем чередовал боеработу на фронтах Гражданской войны с работой в центре. Первое назначение на фронт — в Царицын — было оформлено в июле 1918 года*. В Царицыне я находился в непосредственном подчинении товарища Сталина, который был не только председателем Реввоенсовета, но и единственным специалистом штаба «Севкавказского» по руководству авиацией.

Работа моя во время Гражданской войны протекала только в авиации, исключая небольшой период в 1919 году, когда я в качестве представителя главкома организовывал сначала общую, а затем воздушную оборону Тульского укрепленного района; при этом было сформировано ядро стрелковой дивизии и кавалерийский отряд, развернувшийся впоследствии в 11-ю кавдивизию 1-й Конной армии.

В январе 1920 года, находясь в рядах 1-й Конной армии, имел вынужденную посадку в расположении белых (при остановке мотора в неприятельском тылу удалось дотянуть только до передовой заставы белых, казаки которой были без погон и кокард и называли себя бойцами одного из полков 1 конармии). Мне удалось уцелеть вместе с товарищем по несчастью легчиком Шурыгиным** только благодаря совпадению случайностей, а главным образом благодаря тому, что деникинщина в то время переживала под ударами Красной армии свою последнюю агонию. Не получив передышки после кошмарных переживаний плена, я продолжал работу на фронте до осени 1920 года, когда был назначен преподавателем, а затем начальником кафедры воздухфлота в Военной академии РККА. Здесь занялся специализацией и обобщением опыта боевого использования авиации по взаимодействию с войсками.

В конце 1923 г. получил назначение начальником штаба ВВС; в мае 1924 года внезапно свалился в результате тяжелого отравления центральной нервной системы, едва не закончившегося смертельным ис-

---

* В Царицын Строев прибыл 23 августа 1918 г.

** В документе ошибочно — Шурыжным.

ходом и надолго ослабившего силы. Выжил благодаря тому, что Советская власть дала мне в течение ряда лет совершенно исключительные условия лечения и отдыха, поддерживая одновременно работою волю к жизни.

С декабря 1924 г. я перешел на педагогическую деятельность в Военной воздушной академии им. Жуковского, с которою был связан еще ранее, участвуя в военизации «Института инженеров воздушного флота» в 1921–22 гг. и состоя с весны 1923 года председателем военно-научного общества академии (общество это имело общегосударственный характер, в частности в деле развития планеризма в СССР). Невзирая на болезненное состояние, удалось с места ликвидировать прорыв на только что сформированном командном факультете академии и создать зачатки теории боевого использования авиации в разрезе, необходимом боевому командиру ВВС, а в дальнейшем повторить ту же работу на инженерном факультете под углом зрения требований тактики к конструкции самолетов.

С конца двадцатых годов началась борьба с «дуэтизмом»¹⁹¹³ в области боевого применения авиации и преждевременным гигантизмом в самолетостроении. Борьба эта кончилась переводом моим на кафедру истории.

К 1938 году моя работоспособность заметно восстановилась, я вновь возвратился к преподаванию тактики ВВС, а в 1940 году получил командировку на фронт борьбы с белофиннами, где достаточно ознакомился с современным состоянием и боеработою ВВС, а заодно успел побывать в войсках при прорыве линии Маннергейма. Вскоре по возвращении с Карельского перешейка занял должность начальника кафедры тактики ВВС и общей в академии им. Жуковского.

На фронт Отечественной войны мне удалось, несмотря на все усилия, получить назначение только в начале апреля 1943 г. и то на должность отнюдь не ответственного характера. Однако мне привелось неоднократно руководить боеработою ВВС — частью в составе коллектива, частью же единолично, в том числе три раза действиями морской авиации. Параллельно проводились опытные организации авиационного тыла в тактическом масштабе и систематическое посещение позиций.

С августа 1944 года — работа по организации и руководству военными кафедрами авиационных институтов на должности в ГУУЗе¹⁹¹⁴ Министер-

ства авиапромышленности. Пребывание в последнем облегчило мне ознакомление с основами будущей авиатехники и позволило, пока на черном, свести в систему боевой опыт прошлого с перспективами боевого использования ВВС в будущем.

Гв[ардии] генерал-майор авиации Строев

«24» апреля 1948 г.

копия верна

начальник военной кафедры генерал-майор авиации *Некрасов*

«28» апреля 1948 г.

РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 84. Л. 7–8об. Заверенная машинописная копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 14

Опросный лист начальника снабжений Семиреченской армии полковника А.А. Асанова. 30 апреля 1920 г.

Опросный лист

перебежчика полковника Асанова Алексея Александровича, 33 года, начальника снабжений Семиреченской армии, опрос произведен в разведывательном отделении штарма 5–30 апреля 1920 года. г. Красноярск.

Прохождение службы: По возвращении из старой армии (Кавказского фронта) уволен в запас в чине есаула мая 1918 года*. Мобилизован сибирским Войсковым правительством в июне 1918 года во время службы конторщиком на заводе Бергеля в районе Кокчетав. Атаманом 1-го отдела Сиб[ирского] каз[ачьего] войска был назначен командиром 1-го Сиб[ирского] каз[ачьего] полка (в чине есаула), в июле 1918 года был отчислен от должности по приказу, без указания причин, а в письме официального характера нач[альника] штаба Сиб[ирской] каз[ачьей] дивизии есаула Федорова Асанову были сообщены причины отчисления в следующей редакции: «За работу в контакте с большевиками в период ликвидации 1-го Сиб[ирского] каз[ачьего] полка старой армии при ее демобилизации». Письмо это я хранил до последнего времени и оставил его в своих вещах, кото-

---

* В документе ошибочно — 1917 года.

рые находились в Осиновке, перед моим отъездом в Красную армию. Войсковым Кругом я был реабилитирован и в августе 1918 года получил назначение пом[ощником] ком[андира] полка 3-го Сиб[ирского] каз[ачьего]. Через несколько дней принял командование 1-м Алатавским каз[ачьим] полком, каковым командовал до мая 1919 года. Вновь отчислен от должности приказом по 2 Степ[ному] корпусу на основании предложения сиб[ирского] Войск[ового] правительства по доносу генерала Ионова (команд[ир] Семиреченской бригады, в состав которой входил мой полк), который обвинял меня в том, что я был не согласен с его политикой уничтожения иногороднего элемента, сочувствовавшего большевизму*. В мае 1919 года мне было предложено принять 6-ой Сиб[ирский казачий] полк, от принятия которого отказался вследствие того, что в Омске, куда должен был прийти полк, находились генералы Красильников и Волков, мои личные враги, с которыми у меня установились неприязненные отношения еще в 1-ом Сибирском полку старой армии, откуда эти лица должны были уйти по требованию казаков, а я в полку был председателем полкового комитета. В мае 1919 года атаман Анненков предложил командовать конницей своей дивизии. Предложение принял и уехал в Семиречье. В августе 1919 года принял должность пом[ощника] нач[альника] партизан[ской] атамана Анненкова дивизии. В этой должности был до 1-го декабря 1919 года. В этом месяце получил назначение начальником** снабжений Семиреченской армии, в каковой должности был до 27-го марта нового стиля 1920 года. Чины войскового старшины и полковника получил за выслугу сроков.

Обстановка в армии перед сдачей. Численность всей Семиреченской армии — 31 000 едоков. Состав солдат и офицеров — добровольцы, местные мобилизованные, китайцы, очень мало казачества, как среди офицеров, так и среди солдат. В армии и ее районе находилось много трудовой интеллигенции. Добровольцами офицерами и солдатами был элемент большею частью пришлый, с Волги, Урала и Сибири. Снабжение армии было поставлено хорошо, ощущался только недостаток в ружейных патронах, но это обстоятельство не казалось очень опасным. Дух войск был превосходен, все верили в то, что с атаманом Анненковым не пропадешь, было желание драться, так как среди солдат и офицеров разными

---

* В документе несогласованно — большевизма.

** В документе — начальника.

перебежчиками распространялись слухи, что красные расстреливают партизан. Отношение большинства населения к армии было хорошее. 25-го марта ночью я получил из Уч-Арала, где находился штаб ат[амана] Анненкова, телеграмму, в которой он приказывал, подавив восстание артиллеристов в Герасимовке, отходить на Лепсинск, а сам, передавая командование мне, сообщал, что он уходит по направлению к Китаю. Вступив в командование армией, я, взвесив всю обстановку, решил сдать вверенную мне армию советской власти, и главными побудительными мотивами послужили: 1) Желание скорее приблизить наступление внутреннего мира в России, т.е. скорее окончить Гражданскую войну, 2) Желание сохранить молодые жизни добровольцев, обманом предыдущих властей втянутых в эту войну и не сознававших этого, 3) Текущею жизнью уже намечались пути примирения казачьего и крестьянского населения Семиреченской области, на антагонизме которых была построена вся авантюра местной областной войны (Семиреченский фронт). Поэтому, несмотря на полную боеспособность армии, я издал приказ № 2 о сдаче частей советской власти. В ночь получения телеграммы от Анненкова я хотел сообщить ему свои взгляды на создавшуюся обстановку и выход из нее, но связи с ним уже не было.

Связь Семиреченской армии с Д[альним] Востоком. В январе месяце 1920 года армией был получен запрос из Читы от всероссийского правительства о количественном составе армии и ее нуждах. Дутовым был послан ответ, что наличность армии 51 000 человек, нуждается в деньгах, обмундировании и патронах. После этого никаких сношений с Дальневосточной окраиной не было. Армия была предоставлена самой себе и ниоткуда помощи не получала, обо всем должна была заботиться сама.

Сношения с Китаем. Армия получала из Китая: мануфактуру и рис, расплачиваясь серебром, имевшимся в русском консульстве в Чугучаке. Китайские власти до самого последнего момента оказывали содействие Анненкову по приобретению в Китае разных товаров, а по отношению Красной армии китайцы имели в виду принять только предохранительные меры по охране границ, обеспечив от возможного вторжения в Китай красных войск или большевистской пропаганды. Можно сказать, что отношение кит[айских] властей к красным и белым

было одинаково дружелюбно и главным фактором здесь играют* экономические выгоды для китайцев.

Опрос снимал пом[ощник] нач[альника] развед[ывательного] отдел[ения] *Николаев*

РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1094. Л. 63–63об. Подлинник. Машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 15

Донесение начальника разведывательного отделения оперативного управления штаба Туркестанского фронта от 6 июня 1920 г. о пленных Уральской армии

Начальник
разведывательного отделения
оперативного управления
штаба Туркфронта
«6» июня 1920 года № 367/р
г. Ташкент

Начальнику оперативного управления**

Доношу, что прибывшие офицеры быв[шей] Уральской армии мною допрошены. Всего допрошено 20 офицеров, из них 1 генерал, 6 штаб- и 13 обер-офицеров. Пленные представляют из себя «сливки» Уральской армии. Большинство участвовали в Гражданской войне с первых дней ее возникновения и за различные заслуги награждены «Верховным правителем» двумя-тремя чинами, орденами и иными наградами (уже после разгрома Уральской армии в феврале 1920 г. ген. Моторный¹⁹¹⁵ получил «почетный мундир Уральского каз. войска»).

В большинстве опрошенные после двухлетней строевой службы занимали должности (н[ачальни]ка отделения, адъютанта и пр.) в штабе армии и совершали отступление совместно с атаманом Толстовым¹⁹¹⁶.

* Так в документе.

** На документе резолюции: синим карандашом — Докл[ад] 7/VI; красным карандашом — Ш[таб?] Отправить всех под конвоем в распоряжение Реввоенсов[ета] сотрудника со всеми документами по делу М. Фр[унзе].

За очень небольшим исключением (Моторный, Саламаха¹⁹¹⁷ и два обер-офицера), пленные — природные казаки и, несмотря на свои чины, являются людьми малоинтеллигентными и даже мало развитыми. Полковник Еремин имеет среди пленных казаков родного брата, который равно ничем не отличается от своего брата-офицера. Моторнов (по-казачьи [-] NB), быв[ший] дежурный генерал, полковник Саламаха, окончивший академию Генерального штаба (первый старую, второй — в Сибири), резко отличаются от остальной «армейской среды». В большинстве своем пленные, выступив однажды против советской власти (в Уральске, Сызрани, Симбирске), продолжали войну в полной уверенности в своей правоте. Мотивы выступления везде одни и те же: оскорбление офицерства в первые дни революции, отсутствие веры в силы пролетариата и пр. Среди офицеров есть люди, «выступившие на защиту родины от германского нашествия». Лицо, заявившее последнее, — кадровый офицер, окончивший военное училище, средних лет, производит серьезное впечатление. Резкой чертой всех опрошенных является их нежелание во время Гражданской войны задуматься над политическим положением страны. В политическом отношении это все совершенно безграмотные люди, слепо повторявшие зазубренные в кадетских корпусах, военных училищах и полках и казавшиеся им истинными фразы. Большинство оправдывают свою политическую безграмотность тем, что они «люди военные, что начальство приказывало, то и исполняли». Находясь на ответственных должностях, участвуя продолжительное время в Гражданской войне и будучи в полной уверенности в неминуемой «мучительной» смерти в случае пленения, пленные, бросив свои семейства в Ф[орте] Александровском, решили бежать в Персию, Хиву или Бухару, безразлично куда, лишь бы не попасть к красным; и, безусловно, если бы не случайность, в плен бы не сдались. Насколько позволяют судить личные разговоры и документы (дневник сестры милосердия), изумление пленников при виде гуманного отношения красноармейцев к недавним заклятым врагам было крайне велико. Моторнов передает, что фраза, сказанная ему одним рядовым красноармейцем, принесшим хлеб: «Ешь, ты хоть и генерал, а человек больной», никогда не будет им забыта. Еще более поразило отношение высшего командного состава в Ташкенте и полученное обмундирование. Уральцы откровенно заявляют, что подобного отношения к пленным у белых не бывало и не могло быть. На мой вопрос: «Как было бы поступлено в Уральской

армии с пленными лицами командного состава Красной армии» Моторнов откровенно ответил: «Более чем вероятно, что были бы расстреляны, а партийные обязательно». Более чем убедившись в мощи Красной армии, пленные в настоящее время изъявляют желание честно служить советской власти. Характерной* является просьба коренных казаков предоставить им возможность служить в строевых кавалерийских частях и трудно скрываемое желание иногородних (даже кадровых офицеров) уйти подальше от всего, что имеет отношение в военному делу.

Должен отметить как общее явление откровенность, с которой пленные рассказывают о своем участии в борьбе с советской властью.

Донося о всем вышеизложенном, считаю необходимым:

1) пленных офицеров бывшей Уральской армии, как лиц, игравших активную роль в организации борьбы с советской властью, оказывавших сопротивление до последней возможности и хорошо знакомых еще не совсем успокоившемуся «Яицкому войску», выслать в пределы Центральной России, где после усиленной политической обработки заставить на деле, в борьбе с иноземцами, искупить свою вину и доказать преданность рабоче-крестьянскому правительству.

2) По отношению рядовых казаков применить ту же меру, так как лишь одна слепая преданность своим офицерам заставляла переносить лишения и совершать тяжелые походы по Закаспию.

3) К сестрам милосердия, служившим буржуазному правительству с начала революции и являвшимся спутницами веселых и грустных дней бывшего штаба Уральской армии, применить ту же меру.

Приложение¹⁹¹⁸: Показания быв[шего] начштаба Уральской армии б[ывшего] ген. Моторнова. 2) Его же «Краткая аттестация на быв[ших] офицеров Уральской армии».

Начальник разведывательного отделения штаба Туркфронта**

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 36. Л. 21–22. Подлинник. Машинопись.

* В документе несогласованно — характерным.

** Подпись неразборчива.

ПРИЛОЖЕНИЕ 16

**Заявление бывшего генерала П.А. Лечицкого
в Московский политический Красный Крест.
3 ноября 1921 г.**

3 ноября 1921 г.
Бутырская больница
Каменный корпус
Палата № 4.

В Московский политический Красный Крест
Находящегося на излечении в Бутырской тюремной больнице заклю-
ченного гражданина
Платона Алексеевича Лечицкого

Заявление*.

8 июля 1921 г. при переводе меня для допроса из Таганской во вну-
треннюю тюрьму В.Ч.К. пешком, я, будучи не в силах перенести на себе
все мои вещи, некоторые из них сдал на хранение старосты беспартий-
ной камеры политического коридора Владимиру Николаевичу Щегло-
ву** , а именно: новый статский костюм, несколько смен белья, ¹/₂ фунта
табаку и сотню папирос. Когда через некоторое время выяснилось, что
возвращать меня из тюрьмы В.Ч.К. в Таганскую не предположено, я в
половине июля подал заявление начальнику тюрьмы В.Ч.К., прося вы-
требовать оставленные мною вещи; но, несмотря и на повторные за-
явления об этом начальнику тюрьмы, я до перевода меня 19 октября в
Бутырскую тюремную больницу никакого ответа о судьбе моих вещей
не получил.

По непроверенным частным сведениям политический коридор
Таганской тюрьмы будто был расформирован и политические за-
ключенные, в том числе и Щеглов, были переведены в Бутырскую
тюрьму.

---

* Карандашная резолюция на полях: Числится Леонид Щеглов А.К. Другая
резолюция: Щеглов на свободе и вещи взял с собой.

** Подчеркнуто в документе.

Не имея в Москве никого из родных и близких мне, которые помогли бы мне разыскать мои вещи, я вынужден просить Политический Красный Крест не отказать помочь в розысках моих вещей.

Гражданин Платон Лечицкий

3 ноября 1921 г.

Бутырская больница

Каменный корпус

Палата № 4.

ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 136а. Л. 1–1а об. Автограф. Чернила.

СПИСОК АББРЕВИАТУР

- ВРК — Военно-революционный комитет
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ВСЮР — Вооруженные силы на Юге России
ВУСО — Верховное управление Северной области
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР
ГАОО — Государственный архив Архангельской области (Архангельск)
ГАКК — Государственный архив Краснодарского края (Краснодар)
ГАЛО — Государственный архив Луганской области (Луганск)
ГАМО — Государственный архив Мурманской области (Мурманск)
ГАНИСО — Государственный архив новейшей истории Саратовской области (Саратов)
ГАОО — Государственный архив Оренбургской области (Оренбург)
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГАСБУ — Ведомственный архив Службы безопасности Украины (Киев)
ГПУ — Государственное политическое управление
ГубЧК — Губернская чрезвычайная комиссия
ГУГШ — Главное управление Генерального штаба
ДРЗ — Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва)
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
МВД — Министерство внутренних дел
НАА — Национальный архив Армении (Ереван)
НАА (партийный архив) — Национальный архив Армении (партийный архив) (Ереван)
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ОГАСПИ — Оренбургский государственный архив социально-политической истории (Оренбург)

СПИСОК АББРЕВИАТУР

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление

ОДСПИ ГААО — Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (Архангельск)

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)

ПСР — партия социалистов-революционеров

РВС — Революционный военный совет

РВСР — Революционный военный совет Республики

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)

РГВА — Российский государственный военный архив (Москва)

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия

РКП, РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)

РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)

СНК — Совет народных комиссаров

УНР — Украинская народная республика

ЦДАВОУ — Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Киев)

ЦДАГОУ — Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Киев)

ЦИАГ — Центральный исторический архив Грузии (Тбилиси)

ЦИК — Центральный исполнительный комитет

ЦК — Центральный комитет

ВАР — Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

ВДИС — Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция)

САВ — Центральный военный архив Польши (Рембертов)

НИА — Архив Гуверовского института (Стэнфордский университет, Пало-Альто, Калифорния, США)

LCVA — Центральный государственный архив Литвы (Вильнюс)

LVA — Национальный архив Латвии (Рига)

ПРИМЕЧАНИЯ

С кем было офицерство

- ¹ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 273.
- ² Первоначально С.В. Волков оценивал численность офицерства к осени 1917 г. в 276 000 человек (*Волков С.В. Трагедия русского офицерства*. М., 2001. С. 10). Позднее он провел пересчет численности офицерского корпуса периода Первой мировой войны, определив количество офицеров, оставшихся в живых к октябрю 1917 г., в 320 000 человек (*Волков С.В. Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института*. 2011. Вып. 1 (38). С. 115).
- ³ *Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг.* М., 1988. С. 27–28, 52.
- ⁴ *Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921.* М., 2011. С. 61.
- ⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 50. Л. 16; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 667. Л. 2.
- ⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 7.
- ⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 67.
- ⁸ Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011. Т. 1. С. 11.
- ⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 107. По данным А.Г. Кавтарадзе, краскомов к декабрю 1920 г. было 39 914 человек (*Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты*. С. 176).
- ¹⁰ *Абинякин Р.М. Увольнения бывших офицеров из РККА в 1921 г.: причины и тенденции // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям.* Мурманск, 2011. С. 239.
- ¹¹ Там же. С. 240.
- ¹² *Ганин А.В. Выпускники Николаевской военной академии в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: статистический обзор // Историческая информатика* (Барнаул). 2016. № 1–2. С. 54.
- ¹³ *Нешкин М.С., Шабанов В.М. Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов. Биографический справочник.* М., 2006. С. 12–15.
- ¹⁴ *Егоров Н., Жебровский С. «Ни пяди земли, даже для погребения, не имею...» Судьбы георгиевских кавалеров Первой мировой // Родина.* 2014. № 8. С. 76–79.

- ¹⁵ Назаренко К.Б. К вопросу о численности и судьбе офицерского корпуса русского флота в 1917–1921 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2007. Вып. 4. С. 109, 116.
- ¹⁶ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты. С. 222.
- ¹⁷ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. С. 317.
- ¹⁸ Там же. С. 398.
- ¹⁹ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты. С. 177.
- ²⁰ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. С. 292–293, 317, 398.
- ²¹ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 72. Л. 1об.
- ²² РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 87. Л. 11об.–12; Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.
- ²³ Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 47, 118.
- ²⁴ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 405, 424.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3. Л. 77.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 32. Л. 71.
- ²⁷ По оценке С.В. Волкова, всего офицеров — участников антибольшевистского движения на Севере могло быть в пределах 3500–4000 (Волков С.В. Северный край в судьбах русского офицерства // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 1 (3). С. 30). На наш взгляд, эта оценка представляется завышенной.
- ²⁸ Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2011. Кн. 2. С. 61.
- ²⁹ САУ. I.303.9.3. Л. 6.
- ³⁰ Подсчитано по: Preliminär tjänsteställningslista öfver aktiva officerare och reservofficerare i aktiv tjänst vid armen. Helsinki, 1919.
- ³¹ Рудиченко А.И., Тинченко Я.Ю. Награды и знаки национальных армий и правительств. Украина. Белоруссия. Литва. Киев, 2011. С. 387.
- ³² Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940. Biogrāfiska vardnica. Rīga, 1998. S. 522.
- ³³ В первые месяцы Советской власти в Армении были арестованы 1400 офицеров (Мартirosян Г.А. Офицеры Республики Армения в концлагере города Рязани. Рязань, 2002. С. 15).
- ³⁴ Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005. С. 89.
- ³⁵ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 229.
- ³⁶ Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2. С. 235.
- ³⁷ НИА. Р.А. Koussonsky collection. Box 2.
- ³⁸ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 171–172.
- ³⁹ Наш подсчет по: НИА. Р.А. Koussonsky collection. Box 5.
- ⁴⁰ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Док. и мат. М., 2010. Т. 5: Раскол. 1924–1925 гг. С. 495.

- ⁴¹ VAR. А.Р. Arkhangel'skii papers. Box 2.
- ⁴² Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 556.
- ⁴³ Реформа в Красной армии. Док. и мат. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 2. С. 6.
- ⁴⁴ Цит. по: Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 420.
- ⁴⁵ Городецкий Е.Н. О записках Н.М. Потапова // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 59.
- ⁴⁶ Кедров М.С. За Советский север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 86.
- ⁴⁷ РГВА. Ф. 102. Оп. 1. Д. 56. Л. 93.
- ⁴⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 1. Л. 40.
- ⁴⁹ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 245.
- ⁵⁰ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 297.
- ⁵¹ Любопытный анализ мировоззрения офицеров разных типов армий см.: Назаренко К.Б. Флот, революция и власть. С. 18–46.
- ⁵² Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 79.
- ⁵³ Снесарев А.Е. «Вся Россия — больна». Из дневника 1918–1919 годов // Московский журнал. 1996. № 8. С. 38.
- ⁵⁴ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 226.
- ⁵⁵ Снесарев А.Е. Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43.
- ⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 20об.
- ⁵⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4613. Л. 8об.
- ⁵⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1338. Л. 106–106об. Впрочем, другой фигурант этого дела генштабист А.Н. Алексеев в годы Гражданской войны оказался в белом лагере.
- ⁵⁹ Трамбицкий Ю.А. Генерал-лейтенант А.И. Деникин // Белое движение. Исторические портреты. М., 2011. С. 143–144.
- ⁶⁰ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. С. 244–245; Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты. С. 68.
- ⁶¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66. Л. 10.
- ⁶² Фрайман А.А. Революционная защита Петрограда в феврале-марте 1918 г. М.; Л., 1964. С. 151.
- ⁶³ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 85.
- ⁶⁴ Там же. Л. 133–134.
- ⁶⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 62об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 63, 65.
- ⁶⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 81.
- ⁶⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 7.
- ⁶⁹ Подробнее см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. М., 2009. С. 45–46, 50–52.
- ⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 74.

- ⁷¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 28.
- ⁷² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 276об.
- ⁷³ *Авенариус Н.А.* Кремнистый путь. М., 2012. С. 79.
- ⁷⁴ Реввоенсовет Республики: Протоколы, 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 114–115.
- ⁷⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66. Л. 10.
- ⁷⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 105.
- ⁷⁷ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 17.
- ⁷⁸ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 42. Л. 5–5об.
- ⁷⁹ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–2.
- ⁸⁰ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 220.
- ⁸¹ *Федюкин С.А.* Об использовании военных специалистов в Красной армии // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 42.
- ⁸² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 85.
- ⁸³ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 84. Л. 36.
- ⁸⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 71.
- ⁸⁵ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты. С. 198, 208, 210.
- ⁸⁶ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1974. Т. 40. С. 199, 218.
- ⁸⁷ *Молчанов В.М.* Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009. С. 124.
- ⁸⁸ *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 152.
- ⁸⁹ Приказ РВСР по личному составу армии. 1921. № 207. 04.07.
- ⁹⁰ Интересна характеристика Николаева, данная одним из белых офицеров: «Этот человек был... крайне отрицательной личностью; поступивши добровольцем в Красную армию, он всячески добивался порядка в своих частях и был крайне жесток со своими подчиненными» (*Гершельман А.С.* В рядах добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III-им Интернационалом. 1919 год. М., 1997. Т. 1. С. 26). По одной из версий, незадолго до казни Николаев заявил допрашивавшим его офицерам: «Вы все — преступники, вы идете на Русь с самозваными генералами, а мы, как военные, подчинены правительству; законно или незаконно оно — не наше солдатское дело» (*Маргулис М.С.* Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 2 (Апрель — сентябрь 1919 г.). С. 171).
- ⁹¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 73.
- ⁹² *Филипп Миронов.* Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997. С. 22.
- ⁹³ *В.И. Ленин.* Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 317.
- ⁹⁴ ВДИС. F. Nossowitch. F Δ rés 843 (1) (7) (3). Vox 1. Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Ч. 3. Гл. 3. С. 112.
- ⁹⁵ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 148. Л. 6об.
- ⁹⁶ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Незаменимый коррупционер. Страницы биографии главного военного железнодорожника Советской России // Родина. 2012. № 3. С. 110–116.

⁹⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1047. Л. 67.

⁹⁸ Там же. Л. 69.

⁹⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 45об.

¹⁰⁰ Всего среди Маршалов Победы было пять бывших офицеров: И.Х. Баграмян, А.М. Василевский, Л.А. Говоров, Ф.И. Толбухин, Б.М. Шапошников.

¹⁰¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 46.

¹⁰² Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М., 1925. С. 91 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 167).

¹⁰³ Эти данные не соответствуют действительности. В «Списке лиц с высшим общим военным образованием» к 1 августа 1922 г. приведены поименные данные на числившихся в РККА 559 выпускников военных академий, а также 23 переведенных в Генштаб или причисленных к нему, в том числе без обучения в академии (см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 84).

¹⁰⁴ Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М., 1925. С. 92 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 167).

¹⁰⁵ Александров К.М. Драма военспецов // Родина. 2011. № 2. С. 38.

¹⁰⁶ Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011. Т. 1.

¹⁰⁷ Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии. С. 78; Волков С.В. Трагедия русского офицерства. С. 52–53; Симонов А.А. Гарнизонные формирования Казанского военного округа на защите власти Советов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 111.

¹⁰⁸ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты. С. 37. А.Г. Кавтарадзе не были учтены офицеры создававшихся национальных армий, в частности украинской.

¹⁰⁹ VAR. Memoirs of V.N. Kasatkin. Folder 1.

¹¹⁰ Энгельгардт Б.А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 167.

¹¹¹ Там же. С. 212.

¹¹² Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 118.

¹¹³ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 285.

¹¹⁴ Калинин И.М. Под знаменем Врангеля // Казачий исход. М., 2003. С. 85.

¹¹⁵ Там же. С. 86.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 7–8.

¹¹⁷ См., напр.: Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918–1920). М., 1998. С. 5–11.

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 105–106.

¹¹⁹ Черныш А.В. На фронтах Великой войны: воспоминания, 1914–1918. М., 2014. С. 189–190.

¹²⁰ Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии. С. 134.

¹²¹ Чуйкина С. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 19.

¹²² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 35, 45.

¹²³ Там же. Л. 54об.

- ¹²⁴ *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию [1907–1917]. М., 2003. С. 201–203.
- ¹²⁵ «Оттянуть гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии / публ. Л. Павликовой // *Источник*. 1999. № 3. С. 18; *Лукомский А.С.* Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 280.
- ¹²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 14.
- ¹²⁷ *Нестерович-Берг М.А.* В борьбе с большевиками. Воспоминания. Париж, 1931. С. 159.
- ¹²⁸ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
- ¹²⁹ Там же. Л. 41.
- ¹³⁰ *Цветков В.Ж.* Белые армии Юга России (комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных сил Юга России, Русской армии). М., 2000. С. 15.
- ¹³¹ ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 76.
- ¹³² *Столыпин А.А.* Дневники 1919–1920 годов. *Романовский И.П.* Письма 1917–1920 годов. М.; Брюссель, 2011. С. 226.
- ¹³³ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.
- ¹³⁴ Там же. Л. 97об.
- ¹³⁵ *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 53.
- ¹³⁶ ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 92.
- ¹³⁷ *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Б. м., 1937. Кн. 5. С. 77.
- ¹³⁸ ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 126.
- ¹³⁹ Там же. Л. 114.
- ¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.
- ¹⁴¹ РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
- ¹⁴² ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 210. Л. 7об.
- ¹⁴³ Там же. Л. 7об.–8.
- ¹⁴⁴ *Деникин А.И.* Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 117.
- ¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.
- ¹⁴⁶ VAR. Е.Е. Messner collection. Box 3. Месснер Е.Э. Мои воспоминания. Ч. 4. Л. 223. См. Приложение 8.
- ¹⁴⁷ НИА. Р.А. Koussonsky collection. Box 2.
- ¹⁴⁸ *Махров П.С.* В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 53.
- ¹⁴⁹ РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
- ¹⁵⁰ *Скрылов А.И.* Кто совершал Первый Кубанский ген. Л.Г. Корнилова поход // *Первопоходник (Лос-Анджелес)*. 1917. № 10. Декабрь. С. 32. Также см.: *Волков С.В.* Первые добровольцы на Юге России. М., 2001. С. 9.
- ¹⁵¹ Подсчитано по поименным спискам в кн.: *Дроздовский и дроздовцы*. М., 2006. С. 390–459.
- ¹⁵² *Деникин А.И.* Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 326.
- ¹⁵³ *Гагкуев Р.Г.* Источники комплектования и социальный состав Марковских полков // *Марков и марковцы*. М., 2001. С. 436.

- ¹⁵⁴ *Критский М.А.* Корниловский Ударный полк. Париж, 1936. С. 227; *Левитов М.Н.* Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 563.
- ¹⁵⁵ *Абинякин Р.М.* Офицерский корпус Добровольческой армии. С. 97–98.
- ¹⁵⁶ *Гагкуев Р.Г.* Источники комплектования и социальный состав. С. 447.
- ¹⁵⁷ *Штейфон Б.А.* Кризис добровольчества. Белград, 1928. С. 62.
- ¹⁵⁸ *Левитов М.Н.* Материалы для истории. С. 305.
- ¹⁵⁹ *Андоленко С.* Преображенцы в Великую и Гражданскую войны. 1914–1920 годы. СПб., 2010. С. 328.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 335.
- ¹⁶¹ Там же. С. 341.
- ¹⁶² *Абинякин Р.М.* Офицерский корпус Добровольческой армии. С. 171.
- ¹⁶³ Там же. С. 178.
- ¹⁶⁴ *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. С. 204, 207.
- ¹⁶⁵ См., напр.: *Гагкуев Р.Г.* Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 600.
- ¹⁶⁶ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 229.
- ¹⁶⁷ *Гагкуев Р.Г.* Белое движение на Юге России. С. 307.
- ¹⁶⁸ Сводные помесячные данные боевого состава ВСЮР с января по ноябрь 1919 г. по документам РГВА систематизированы нами в таблицу в: *Ганин А.В.* Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 272.
- ¹⁶⁹ *Столыпин А.А.* Дневники 1919–1920 годов. *Романовский И.П.* Письма 1917–1920 годов. С. 106; *Абинякин Р.М.* Офицерский корпус Добровольческой армии. С. 101.
- ¹⁷⁰ *Венков А.В.* Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008. С. 254.
- ¹⁷¹ *Денисов [С.В.]* Записки. Гражданская война на Юге России 1918–1920 гг. Константинополь, 1921. Кн. 1. С. 29.
- ¹⁷² *Поляков И.А.* Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 362.
- ¹⁷³ *Венков А.В.* Атаман Краснов и Донская армия. С. 273.
- ¹⁷⁴ *Поляков И.А.* Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 362.
- ¹⁷⁵ Подробнее см.: *Венков А.В.* Донская армия. Организационная структура и командный состав 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2014. Вып. 1: Донские партизанские отряды. Командование Донской армии. Молодая армия. Военно-учебные заведения. С. 396–416.
- ¹⁷⁶ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 359.
- ¹⁷⁷ *Дрейер В., фон.* Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом 1918 — 1920 года. Берлин–Шарлотенбург, 1921. С. 113.
- ¹⁷⁸ «Ход жизни» (лат.) — автобиография.
- ¹⁷⁹ *Корсак В.* У белых. Париж, 1931. С. 12–14.
- ¹⁸⁰ Протокол совещания см.: РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 45.
- ¹⁸¹ *Поляков И.А.* Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 584.

- ¹⁸² Дроздовский и дроздовцы. С. 102.
- ¹⁸³ Достовалов Е.И. О белых и белом терроре // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 670.
- ¹⁸⁴ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 236.
- ¹⁸⁵ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 17. Л. 266об.
- ¹⁸⁶ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 220об.–221.
- ¹⁸⁷ НИА. Р.А. Koussonsky collection. Вох 6.
- ¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.
- ¹⁸⁹ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 34. Л. 158об.
- ¹⁹⁰ О материальном положении деникинских генштабистов см.: Ганин А.В. Материальное положение и повседневность специалистов Генерального штаба в Гражданскую войну 1917–1922 гг. // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сб. науч. трудов. Саратов, 2014. Вып. 10. С. 81–83.
- ¹⁹¹ Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. С. 248–249.
- ¹⁹² Там же. С. 255.
- ¹⁹³ Там же. С. 391.
- ¹⁹⁴ Там же.
- ¹⁹⁵ Цит. по: Врангель П.Н. Записки. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 327.
- ¹⁹⁶ Цит. по: Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 488.
- ¹⁹⁷ Из документов белогвардейской контрразведки. Секретная сводка о работе Харьковского ОСВАГа / публ. В.Г. Бортневского // Русское прошлое (Санкт-Петербург). 1991. Кн. 2. С. 346.
- ¹⁹⁸ Уильямсон Х. Прощание с Доном: Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920. М., 2007. С. 79.
- ¹⁹⁹ Калинин И.М. Под знаменем Врангеля // Казачий исход. М., 2003. С. 28.
- ²⁰⁰ Егоров А.И. Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., 2003. С. 364.
- ²⁰¹ Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. С. 105.
- ²⁰² Уильямсон Х. Прощание с Доном. С. 85–86.
- ²⁰³ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.
- ²⁰⁴ Соколов К.Н. Правление генерала Деникина // Кубань и Добровольческая армия. М., 1992. С. 181.
- ²⁰⁵ Подробнее см.: Ганин А.В. «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...» Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера) // Родина. 2013. № 1. С. 131. См. Приложение 13.
- ²⁰⁶ НИА. Р.А. Koussonsky collection. Вох 10.
- ²⁰⁷ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 401.
- ²⁰⁸ Подробнее см.: Абинякин Р.М. Смена главнокомандующих Вооруженными силами на Юге России в 1920 г.: проблема сочетания «добровольческих» и «регулярных» устоев // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 15–25.

- ²⁰⁹ Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 475; Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. С. 182; Раковский Г.Н. В стане белых // Белое дело. Избранные произведения: в 16 кн. М., 2004. Кн. 9: Донская Вандея. С. 325–326.
- ²¹⁰ Деникин А.И. Очерки русской Смуты. Кн. 3. С. 796.
- ²¹¹ Раковский Г.Н. В стане белых. С. 339.
- ²¹² Там же. С. 340.
- ²¹³ Подробнее о новороссийской эвакуации см.: Венков А.В. Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014. С. 366–373; Дробязко С.И. Эвакуация войск ВСЮР с кавказского побережья (январь — май 1920 г.) // Донские казаки в борьбе с большевиками. Альманах (станция Еланская). 2010. № 4. С. 20–52.
- ²¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
- ²¹⁵ Подробнее см.: Ганин А.В. «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило». Неизвестное письмо полковника В.В. Добрынина генерал-лейтенанту А.К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г. // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: Док. и мат. М.; СПб., 2016. С. 54–75.
- ²¹⁶ НИА. Vrangeli papers. Box 162. Folder 37.
- ²¹⁷ Черкасов А.А. Трагедия войск генерала Шкуро на территории Сочинского округа в апреле — начале мая 1920 г. Материалы исследования. Сочи, 2003. С. 23.
- ²¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 221. Л. 69.
- ²¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 142.
- ²²⁰ Публикацию доклада см.: Секретный доклад генерала Махрова // Грани. 1982. № 124. С. 183–243.
- ²²¹ Залесский П.И. Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 252–253.
- ²²² Врангель П.Н. Записки. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 176.
- ²²³ Там же. С. 268–269.
- ²²⁴ Слащов Я.А. Белый Крым 1920 г. Мемуары и документы. М., 1990. С. 88.
- ²²⁵ Там же. С. 134.
- ²²⁶ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 39. Л. 177об.
- ²²⁷ Новая русская жизнь (Гельсингфорс). 1920. № 123. 10.06. С. 2.
- ²²⁸ Октябрь 1920-го. Последние бои Русской армии генерала Врангеля за Крым. М., 1995. С. 98.
- ²²⁹ Русская армия и флот в изгнании (1920–1923 годы). Севастополь, 2007. С. 3; Картов Н. Крым — Галлиполи — Балканы. М., 2002. С. 20.
- ²³⁰ РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 41. Л. 304; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 105; Тумшиц М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 152–153. Списки части расстрелянных см.: Абраменко Л.М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005.

- ²³¹ Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 221.
- ²³² Атаман Семенов. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999. С. 126; Романов А.М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск, 2013. С. 182.
- ²³³ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 331. Л. 167.
- ²³⁴ Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 128, 233.
- ²³⁵ В частности, казанская организация генерала И.И. Попова насчитывала порядка 450 членов (прежде всего, офицеров), однако к началу лета 1918 г. была раскрыта (Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 101). Подпольные организации существовали также в Самаре, Пензе, Саратове и Симбирске.
- ²³⁶ Картагузов С.В. Офицерский корпус Уральского казачьего войска в годы Первой мировой войны (1914–1918 годы) // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Серия История. Международные отношения. Вып. 2. Ч. 1. С. 44.
- ²³⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 582. Л. 122–122об.
- ²³⁸ Филимонов Б.Б. На путях к Уралу. Поход степных полков лето 1918 года. Шанхай, 1934. С. 11.
- ²³⁹ Подробнее см.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.
- ²⁴⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 247–247об.
- ²⁴¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (июнь — октябрь 1918 г.). М., 2011. С. 260.
- ²⁴² РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 72. Л. 1об.
- ²⁴³ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 51. Л. 87об.
- ²⁴⁴ Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. С. 59.
- ²⁴⁵ Каревский А.А. В.О. Каппель и Народная армия: к истории антибольшевистской борьбы в Поволжье в 1918 г. // Каппель и каппелевцы. М., 2007. С. 635.
- ²⁴⁶ Подсчитано по: ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 106. Л. 1–5.
- ²⁴⁷ РГВА. Ф. 39512. Оп. 1. Д. 72. Л. 35.
- ²⁴⁸ Напр.: Волегов И.К. Воспоминания о Ледяном походе. Данденонг, 1988. С. 37.
- ²⁴⁹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.
- ²⁵⁰ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 87. Л. 2.
- ²⁵¹ Там же. Л. 11об.-12.
- ²⁵² Там же.
- ²⁵³ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 63. Л. 169об., 171.
- ²⁵⁴ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. С. 269.
- ²⁵⁵ Подсчитано с уточнением по: Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011.

- ²⁵⁶ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 313.
- ²⁵⁷ Романов А.М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. С. 186.
- ²⁵⁸ НИА. А.Р. Budberg collection. Vox 1. Л. 5об. См. Приложение 12.
- ²⁵⁹ Молчанов В.М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009. С. 109–110.
- ²⁶⁰ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 24. Л. 70.
- ²⁶¹ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 172. Л. 2.
- ²⁶² Цит. по: Ситников М.Г. Полковник Е.И. Урбанковский и его штурмовики // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2003. № 12. С. 44.
- ²⁶³ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 135.
- ²⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 6об.
- ²⁶⁵ Ганин А.В. Выпускники Николаевской военной академии в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: статистический обзор // Историческая информатика (Барнаул). 2016. № 1–2. С. 54.
- ²⁶⁶ Андоленко С. Преображенцы в Великую и Гражданскую войны. С. 326–352, 359.
- ²⁶⁷ Боевые расписания армий Восточного фронта. 1918–1919 гг. / публ. А.А. Каревского и Р.Г. Гагкуева // Белое движение на Востоке России. Белая гвардия. Исторический альманах. 2001. № 5. С. 156.
- ²⁶⁸ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 342.
- ²⁶⁹ Кислицын В.А. В огне Гражданской войны. М., 2016. С. 72–73.
- ²⁷⁰ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 368.
- ²⁷¹ Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. С. 233.
- ²⁷² Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 385.
- ²⁷³ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 642.
- ²⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 9. Л. 70.
- ²⁷⁵ РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 4. Л. 117.
- ²⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 243. Л. 2.
- ²⁷⁷ Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака. Док. и мат. М., 2005. С. 462.
- ²⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 19.
- ²⁷⁹ Этот фактор не следует недооценивать. Трения в офицерской среде ощущались достаточно болезненно. Важны были даже мелочи. Так, например, генерал С.Н. Розанов на параде в Челябинске (по всей видимости, это произошло летом — осенью 1918 г.) лишь кивнул генералу А.И. Андогскому вместо приветствия, что было воспринято как проявление неуважения и послужило основанием для далеко идущих выводов. Исключение из Военной академии генерала А.Ф. Матковского за дисциплинарный проступок летом 1918 г. сделало его непримиримым врагом академического руководства на протяжении 1918–1919 гг.
- ²⁸⁰ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 77а об.
- ²⁸¹ Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака. С. 412.
- ²⁸² Вырыпаев В.О. Капшелевцы // Капшель и капшелевцы. С. 321.

- ²⁸³ Александр Ильич Дутов: Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска, генерал-лейтенант. Краткая биография, выборки из печати, статьи и проч., относящееся к деятельности Войскового атамана. Составлено согласно пожеланий, выраженных депутатами 3-го Чрезвычайного Войскового Круга войска Оренбургского партизанами отряда атамана Дутова [Троицк, 1919]. С. 64.
- ²⁸⁴ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 341, 342, 397.
- ²⁸⁵ Там же. С. 340.
- ²⁸⁶ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 137. Л. 427.
- ²⁸⁷ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 139. Л. 22.
- ²⁸⁸ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 172. Л. 20.
- ²⁸⁹ Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака. С. 416.
- ²⁹⁰ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 389.
- ²⁹¹ Там же. С. 416.
- ²⁹² Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. С. 164.
- ²⁹³ Критский М.А. Корниловский Ударный полк. Париж, 1936. С. 227.
- ²⁹⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 328. Л. 164.
- ²⁹⁵ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 66.
- ²⁹⁶ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 184об.
- ²⁹⁷ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 32. Л. 30.
- ²⁹⁸ Цит. по: Тимошков С. Разгром Южной армии Колчака (август — сентябрь 1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 53.
- ²⁹⁹ Подробнее об оренбургских казачьих офицерах см.: Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска, 1891–1945: биографический справочник. М., 2007.
- ³⁰⁰ См. Приложение 15.
- ³⁰¹ Подробнее об истории этого побега и его последствиях см.: Дмитриев Н.И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2011. № 19. С. 98–121; 2012. № 20. С. 81–103.
- ³⁰² РГВА. Ф. 39730. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.
- ³⁰³ РГВА. Ф. 39817. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
- ³⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-7598. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
- ³⁰⁵ По данным на 1 июня 1921 г., армия имела лишь 86 винтовок, через месяц эта цифра возросла до 252, а еще через месяц — примерно до 500 винтовок (ГА РФ. Ф. Р-7598. Оп. 1. Д. 6. Л. 4).
- ³⁰⁶ НИА. Colonel Vorotovov collection. Folder VW Russia V954. Л. 37–38.
- ³⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 135. Л. 18.
- ³⁰⁸ ГАМО. Ф. Р-919. Оп. 1. Д. 3. Л. 42.
- ³⁰⁹ Кедров М.С. За Советский север. С. 96–97.
- ³¹⁰ Свечников М. Союзническая интервенция на севере Советской России с 2 июля 1918 г. по 1 октября 1919 г. // Кто должник? Сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции. М., 1926. С. 446.

- ³¹¹ *Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск, 2005. С. 88.
- ³¹² *Марушевский В.В.* Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 279.
- ³¹³ *Волков С.В.* Северный край в судьбах русского офицерства. С. 30.
- ³¹⁴ *Дерябин А.И.* Белая армия на Севере России 1918–1920 гг. М., 2002. С. 5.
- ³¹⁵ ГАМО. Ф. Р-919. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.
- ³¹⁶ *Марушевский В.В.* Год на Севере. С. 213.
- ³¹⁷ Там же. С. 243.
- ³¹⁸ *Игнатъев В.И.* Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (1917–1921 гг.). Ч. 1 // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 108, 119; *Тучков А.И.* Исторический фон // Гражданская война на Севере России глазами британцев. Из фондов Имперского военного музея (Лондон). СПб., 2008. С. 164.
- ³¹⁹ *Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 2. С. 232.
- ³²⁰ Там же. С. 212.
- ³²¹ Белое движение на Севере России. Белая гвардия. Исторический альманах. 2006. № 9. С. 78.
- ³²² ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 18. Л. 21.
- ³²³ *Марушевский В.В.* Год на Севере. С. 244.
- ³²⁴ *Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области. С. 205.
- ³²⁵ ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 327.
- ³²⁶ *Марушевский В.В.* Год на Севере. С. 200.
- ³²⁷ *Айронсайд У.Э.* Архангельск. 1918–1919 // Зброшенныя в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 240–242.
- ³²⁸ Там же. С. 240.
- ³²⁹ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3. С. 23.
- ³³⁰ ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 20. Л. 22.
- ³³¹ Там же.
- ³³² *Марушевский В.В.* Год на Севере. С. 214.
- ³³³ *Данилов И.А.* Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 46.
- ³³⁴ Там же. С. 55–56; *Добровольский С.* Борьба за возрождение. С. 48, 51–52.
- ³³⁵ *Данилов И.А.* Воспоминания о моей подневольной службе. С. 69.
- ³³⁶ Там же. С. 76.
- ³³⁷ *Марушевский В.В.* Год на Севере. С. 332.
- ³³⁸ ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.
- ³³⁹ *Добровольский С.* Борьба за возрождение. С. 41.
- ³⁴⁰ *Соколов Б.Ф.* Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 55.
- ³⁴¹ *Марушевский В.В.* Год на Севере. С. 200.

- ³⁴² Свечин А.А. Искусство вождения полка. М., 2005. С. 72–73.
- ³⁴³ Дерябин А. Белая армия на Севере России. С. 6.
- ³⁴⁴ Бессонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928. С. 66.
- ³⁴⁵ Игнатьев В.И. Некоторые факты и итоги. С. 142.
- ³⁴⁶ Данилов И.А. Воспоминания о моей подневольной службе. С. 68.
- ³⁴⁷ Марушевский В.В. Год на Севере. С. 263, 264.
- ³⁴⁸ ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 47. Л. 172об.
- ³⁴⁹ Добровольский С. Борьба за возрождение. С. 73.
- ³⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 5. Л. 151.
- ³⁵¹ Тучков А.И. Исторический фон. С. 172.
- ³⁵² По имеющимся данным, Мурузи служил у красных по принуждению и возглавлял подпольную антибольшевистскую офицерскую монархическую организацию «Белый крест» в Архангельске (Тучков А.И. Исторический фон. С. 147; Чаплин Г.Е. Два переворота на Севере (1918 г.) // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1928. Т. 4. С. 16–17).
- ³⁵³ Добровольский С. Борьба за возрождение. С. 74.
- ³⁵⁴ Марушевский В.В. Год на Севере. С. 213.
- ³⁵⁵ ГААО. Ф. И-32. Оп. 5. Д. 1. Л. 134.
- ³⁵⁶ Добровольский С. Борьба за возрождение. С. 73.
- ³⁵⁷ Марушевский В.В. Год на Севере. С. 213.
- ³⁵⁸ ГААО. Ф. Р-5915. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.
- ³⁵⁹ ГАМО. Ф. Р-566. Оп. 1. Д. 9. Л. 42.
- ³⁶⁰ Дерябин А.И. Белая армия на Севере России. С. 10.
- ³⁶¹ ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 47. Л. 89.
- ³⁶² ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 32. Л. 71.
- ³⁶³ ОДСПИ ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 720. Л. 1.
- ³⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.
- ³⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 5об.
- ³⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 98. Л. 14.
- ³⁶⁷ Там же. Л. 5–5об.
- ³⁶⁸ Добровольский С. Борьба за возрождение. С. 132.
- ³⁶⁹ Соколов Б.Ф. Падение Северной области. С. 66.
- ³⁷⁰ Голдин В.И., Тетереваева Т.П., Цветнов Н.Н. Русская эмиграция в Норвегии. 1918–1940 // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск, 1997. С. 112.
- ³⁷¹ Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 2. С. 437, 453.
- ³⁷² Волков С.В. Северный край в судьбах русского офицерства. С. 31. Следует отметить, что нередко в учетных документах офицеры указывались вместе с военными чиновниками. К сожалению, очевидной тенденцией является завышение сведений о попавших в плен белых офицерах. Так, С.В. Волков утверждает, что в Покровском лагере в Москве к маю 1920 г. содержались 1300 офицеров, в основном из белых формирований Севера

России (Там же. С. 32; *Он же*. Трагедия русского офицерства. С. 220). Однако документы Московского политического Красного Креста содержат именно список пленных офицеров и чиновников архангельской группы Северного фронта белых, в котором значатся только 153 человека, включая 5 чиновников (ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 119. Л. 60б.). В списке, в частности, указаны генералы П.М. Баранов, Б.Н. Вуличевич, В.И. Замшин, взятые в плен в разных местах. Эти данные подтверждаются мемуарами одного из высланных, генерала И.А. Данилова, отметившего, что из Архангельска в Москву отправлялась партия в 150 человек (*Данилов И.А.* Воспоминания о моей подневольной службе. С. 79). Утверждения о том, что 826 офицеров были взяты в плен на фронте, а сверх того в Архангельске попали в плен еще порядка 2000 офицеров (*Волков С.В.* Северный край в судьбах русского офицерства. С. 32; *Дойков Ю.В.* Красный террор. Россия. Украина... 1917–1924. Архангельск, 2008. С. 120), также представляются ошибочными, поскольку такого количества офицеров на Севере просто не было. Причина ошибки заключается в некорректном анализе имеющихся учетных материалов Ю.В. Дойковым, который утверждал, что в Государственном архиве Архангельской области хранятся учетные карточки на 2028 пленных белых офицеров-северян (*Дойков Ю.В.* Красный террор. Россия. Украина... С. 120). В действительности это учетные карточки не пленных, а вообще всех офицеров (в том числе эмигрировавших), упоминавшихся в документации белых, к тому же содержащие многочисленные повторы (ГААО. Ф. Р-2617. Оп. 1. Д. 6–30).

³⁷³ Утверждения о том, что из армии Миллера были расстреляны 2000 офицеров и военных чиновников (*Волков С.В.* Северный край в судьбах русского офицерства. С. 36) не соответствуют действительности, поскольку превышают общее количество офицеров, взятых в плен на этом фронте.

³⁷⁴ *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России. С. 29.

³⁷⁵ НИА. В. Gerua collection. Box 8. Folder 11.

³⁷⁶ *Родзянко А.П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2000. С. 11–12.

³⁷⁷ *Розенталь Р.* Северо-Западная армия: хроника побед и поражений. Таллин, 2012. С. 22.

³⁷⁸ Там же. С. 25.

³⁷⁹ Там же. С. 621.

³⁸⁰ Там же. С. 61.

³⁸¹ Там же. С. 67.

³⁸² *Родзянко А.П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 170.

³⁸³ Там же. С. 165.

³⁸⁴ РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 7.

³⁸⁵ *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России. С. 424. Впрочем, есть и другие данные. Так, в боевом составе на 2 октября 1919 г. значились 839 офицеров (НИА. N. Iudenich collection. Box 2).

- ³⁸⁶ *Верзунов В.* Офицеры флота и чины морского ведомства, служившие в Отдельном Северном корпусе — Северо-Западной Добровольческой армии или пребывавшие в пределах Эстляндии после октябрьского переворота и Гражданской войны в России. М.; Таллин, 2006. С. 16. Утверждение, что около половины морских офицеров Северо-Западной армии погибли (*Кадесников Н.З.* Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах. М., 1993. С. 30; *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. С. 229), не соответствует действительности, поскольку даже с учетом жертв эпидемий и казненных за воинские преступления в 1918–1919 гг. погибли лишь отдельные офицеры (подсчитано по: *Верзунов В.* Офицеры флота и чины морского ведомства).
- ³⁸⁷ *Доронин Ю.П.* Авиация Северо-Западной армии в годы Гражданской войны // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2001. № 9. С. 23.
- ³⁸⁸ Таким образом, общая оценка численности офицеров-северо-западников до 5000 человек, из которых около 1000 погибли (*Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. С. 227, 229), представляется существенно завышенной.
- ³⁸⁹ *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России. С. 326–327.
- ³⁹⁰ *Пермикин Б.С.* Генерал, рожденный войной. Из записок 1912–1959 гг. М., 2011. С. 51.
- ³⁹¹ Там же. С. 156.
- ³⁹² BAR. N.N. Iudenich collection. Box 9. Folder 61.
- ³⁹³ *Розенталь Р.* Северо-Западная армия. С. 249–251.
- ³⁹⁴ *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России. С. 400–401.
- ³⁹⁵ *Розенталь Р.* Северо-Западная армия. С. 292–293.
- ³⁹⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1375. Л. 81.
- ³⁹⁷ Там же. Л. 3.
- ³⁹⁸ Боевое расписание см.: *Родзянко А.П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 125–127. Уточненный вариант см.: *Гершельман А.С.* В рядах Добровольческой Северо-Западной армии. С. 79–81.
- ³⁹⁹ См., напр.: *Родзянко А.П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 94.
- ⁴⁰⁰ НИА. Р.А. Tomiloff collection. Box 1. Л. 183.
- ⁴⁰¹ РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 322.
- ⁴⁰² *Кручинин А.С.* Генералы С.Н. и И.Н. Балаховичи // Белое движение. Исторические портреты. М., 2011. С. 1155.
- ⁴⁰³ *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России. С. 342.
- ⁴⁰⁴ РГВА. Ф. 40147. Оп. 1. Д. 9. Л. 32об.
- ⁴⁰⁵ РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 261.
- ⁴⁰⁶ Подробнее см.: НИА. Р.А. Tomiloff collection. Box 1. Л. 388–389; *Родзянко А.П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 145–149; *Рутыч Н.Н.* Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 162–166.
- ⁴⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 125. Л. 1–2.
- ⁴⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 40.

- ⁴⁰⁹ Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. С. 231. Известно людоедское высказывание начальника штаба Вирусского фронта эстонской армии Н. Реека (бывшего капитана русской армии) о северо-западниках и русских беженцах: «Если зараза среди них распространится, нам не будет слишком больно и даже слишком жалко, если количество русских в Причудье немного уменьшится... Совершенно точно то, что у руководства Эстонии и эстонского командования было значительно больше возможностей улучшить положение своих бывших союзников, спасти и облегчить судьбу многим из них» (Перликин Б.С. Генерал, рожденный войной. С. 73).
- ⁴¹⁰ НИА. Р.А. Tomiloff collection. Box 1. Л. 534; Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 405.
- ⁴¹¹ Скоронадський П.П. Спогади. Київ; Філадельфія, 1995. С. 72.
- ⁴¹² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 12об.
- ⁴¹³ Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Т. 1. С. 459.
- ⁴¹⁴ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 174. Л. 10.
- ⁴¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 41.
- ⁴¹⁶ Там же. Л. 312.
- ⁴¹⁷ Там же.
- ⁴¹⁸ Там же. Л. 313.
- ⁴¹⁹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 1. Д. 272. Л. 3.
- ⁴²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 163. Л. 49.
- ⁴²¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 63.
- ⁴²² Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2011. Кн. 2. С. 60.
- ⁴²³ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 110.
- ⁴²⁴ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 93.
- ⁴²⁵ Там же. С. 95–96.
- ⁴²⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1294. Л. 58.
- ⁴²⁷ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 174. Л. 15–16.
- ⁴²⁸ Там же. Л. 18.
- ⁴²⁹ Ковальчук М.А. Невідома війна 1919 року: українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ, 2006. С. 50.
- ⁴³⁰ Удовиченко О.І. Україна у війні за державність: Історія організації і бойових дій Українських Збройних Сил 1917–1921. Київ, 1995. С. 42 (перевод мой).
- ⁴³¹ Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. Кн. 1. С. 7.
- ⁴³² Копия письма любезно предоставлена А.И. Рудиченко (Нью-Йорк).
- ⁴³³ Герасименко Н.В. Батько Махно. Мемуары белогвардейца. М., 1990. С. 25.
- ⁴³⁴ Подробнее о нем см.: Ганин А.В. Александр Владимирович Сливинский // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 19–45.
- ⁴³⁵ Удовиченко О.І. Україна у війні. С. 127–128.
- ⁴³⁶ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 32об.
- ⁴³⁷ Там же. Л. 88.
- ⁴³⁸ Там же. Л. 33об.

- ⁴³⁹ ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 6. Д. 13. Л. 3. Выражаю благодарность к.и.н. М.А. Ковальчуку (Киев) за указание на этот источник. При цитировании отдельные украинские слова, имевшиеся в документе, переведены на русский язык.
- ⁴⁴⁰ Там же. Л. 4об.–5об.
- ⁴⁴¹ Там же. Л. 10об.–11об.
- ⁴⁴² ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 838. Л. 353.
- ⁴⁴³ *Тинченко Я.Ю.* Офіцерський корпус. Кн. 2. С. 61.
- ⁴⁴⁴ *Dowbor Miśnicki J.* Moje wspomnienia. Warszawa, 1935. S. 184–185.
- ⁴⁴⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964. Т. 2: Ноябрь 1918 г. — апрель 1920 г. С. 76.
- ⁴⁴⁶ *Wyszczelski L.* Wojsko Polskie w latach 1918–1921. Warszawa, 2006. S. 75.
- ⁴⁴⁷ САУ. I.303.9.3. Л. 6. Внесены исправления при пересчете.
- ⁴⁴⁸ В том числе 18 врачей и 18 судей.
- ⁴⁴⁹ САУ. I.303.9.3. Л. 7.
- ⁴⁵⁰ *Wojtaszak A.* Generalicja Wojska Polskiego 1921–1926. Szczecin, 2005. S. 122–123.
- ⁴⁵¹ *Никитин В.* Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб., 2017. С. 11.
- ⁴⁵² *Лайдинен Э.П., Веригин С.Г.* Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 83.
- ⁴⁵³ *Никитин В.* Финская армия: русский след. С. 12.
- ⁴⁵⁴ Там же. С. 18.
- ⁴⁵⁵ Подсчитано по: Preliminär tjänsteställningslista öfver aktiva officerare och reservofficerare i aktiv tjänst vid armen. Helsinki, 1919; Virkaikäluettelo upseereista vakinaisessa sotapalveluksessa 1.3.1921.
- ⁴⁵⁶ *Никитин В.* Финская армия: русский след. С. 20.
- ⁴⁵⁷ Там же. С. 22.
- ⁴⁵⁸ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 64.
- ⁴⁵⁹ НАА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.
- ⁴⁶⁰ *Стеклов А.* Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928. С. 16.
- ⁴⁶¹ *Дарабади П.Г.* О вооруженных силах Азербайджанской демократической республики (1918–1920 гг.) // Известия Академии наук Азербайджана. Серия истории, философии и права. 1991. № 1. С. 29–30.
- ⁴⁶² Подробнее см.: *Ганин А.В.* Разведчики эпохи дилетантов // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2016. № 4 (21). С. 98–123.
- ⁴⁶³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 584. Л. 216.
- ⁴⁶⁴ *Квинтадзе Г.И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917–1921. Париж, 1985. С. 15; *Безугольный А.Ю.* Демократическая республика Грузия и ее вооруженные силы. 1918–1921 гг. // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 91.
- ⁴⁶⁵ *Квинтадзе Г.И.* Мои воспоминания. С. 16.
- ⁴⁶⁶ *Безугольный А.Ю.* Демократическая республика Грузия. С. 91.
- ⁴⁶⁷ Подробнее см.: *Rukkas A.* Georgian Servicemen in the Polish Armed Forces (1922–1939) // The Journal of Slavic Military Studies. 2001. Vol. 14. № 3. P. 93–106.

- 468 *Квинтадзе Г.И.* Мои воспоминания. С. 20.
- 469 РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 41. Л. 43.
- 470 *Квинтадзе Г.И.* Мои воспоминания. С. 18.
- 471 НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 13. Л. 22.
- 472 Там же. Л. 24об.
- 473 НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 15. Л. 45об.
- 474 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 552. Л. 42.
- 475 Там же. Л. 15.
- 476 НАА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.
- 477 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 552. Л. 87.
- 478 НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 32. Л. 12.
- 479 *Мартиросян Г.А.* Офицеры Республики Армения в концлагере города Рязани. Рязань, 2002. С. 15.
- 480 НАА (партийный архив). Ф. 1435. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.
- 481 *Rutkiewicz J.* Wojsko Łotewskie 1918–1940. Warszawa, 2005. S. 133.
- 482 *Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V.* Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940. Biogrāfiska vardnica. Rīga, 1998. S. 522.
- 483 *Juhid ja juhtimine eesti vabadussõjas 1918–1920.* Tartu, 2010. P. 608.
- 484 *Ibidem.* P. 611.
- 485 *Krõönström M.* Eesti sõjaväe juhtivkoosseis Vabadussõjas 1918–1920. Tartu, 2008. P. 303–309; *Абисогомян Р.* Роль русских военных деятелей в общественной и культурной жизни Эстонской республики 1920–1930-х гг. и их литературное наследие: дисс. ... magister atrium. Тарту, 2007. С. 45–46.
- 486 *Juhid ja juhtimine eesti vabadussõjas.* P. 602.
- 487 *Рудиченко А.И., Тинченко Я.Ю.* Награды и знаки национальных армий и правительств. Украина. Белоруссия. Литва. Киев, 2011. С. 386–387, 432.
- 488 РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 319. Л. 109–109об.
- 489 ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.
- 490 *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты. С. 224.
- 491 См., напр.: РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 41. Л. 304; *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 105; *Тумишис М., Папчинский А.* 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. С. 152–153; *Абраменко Л.М.* Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005.
- 492 Архангельск. Расстрельные списки 1921 года / подгот. текста и послесл. Ю.В. Дойкова. Архангельск, 2000. С. 3. По официальным данным, Архангельской ГубЧК в 1920 г. было приговорено к смертной казни 258 человек (*Кубасов А.Л.* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 — февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008. С. 164). Расстрельные приговоры выносили и другие органы — Петроградская ЧК, ревтрибуналы, расстрелы осуществлялись и по личному распоряжению Ф.Э. Дзержинского. В литературе приводятся нуждающиеся в проверке данные о расстреле летом 1920 г. в районе Холмогор более тысячи кубанских казаков, о расстреле в марте — апреле 1921 г. 422 пленных белых офицеров (*Кубасов А.Л.* Чрезвычайные комиссии. С. 166). К 1 января 1921 г.

в Северном крае находились под арестом органов ЧК 245 человек, в 1921 г. на территории Северного края Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской ГубЧК было арестовано 1993 человека, 1102 заключенных были освобождены, 582 перечислены, 358 осуждены и 21 скончался, остались в местах заключения 175 (*Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М., 2011. С. 349, 352). За период с февраля по октябрь 1920 г. Архангельской ГубЧК в лагеря принудительных работ было направлено 419 человек, за тот же период было освобождено 660 заключенных. К концу 1922 г. во всех местах лишения свободы на территории РСФСР содержалось 68 297 человек (*Упадышев Н.В.* ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 годы. Архангельск, 2004. С. 18–20). Эти данные соответствуют известным на сегодня спискам расстрелянных на Севере, в которых числятся несколько сотен человек. Также см.: *Волков С.В.* Северный край в судьбах русского офицерства. С. 30–37.

⁴⁹³ *Дойков Ю.* Красный террор на Севере. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 12.

⁴⁹⁴ LVA. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 16925. Л. 4.

Какова роль казачества

⁴⁹⁵ Общее представление о казачестве можно получить из следующих работ: *Ауский С.* Казаки. Особое сословие. М.; СПб., 2002; Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003; *Трут В.* Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007; *Hindus M.* The Cossacks. The Story of a Warrior People. London, 1946; *Longworth Ph.* The Cossacks. Five Centuries of Turbulent Life in the Russian Steppes. N.Y., 1970; *McNeal R.H.* Tsar and Cossack, 1855–1914. London, 1987; *O'Rourke Sh.* Warriors and Peasants. The Don Cossacks in Late Imperial Russia. London, 2000. На наш взгляд, работа Р. МакНила может считаться наиболее глубоким западным исследованием по истории казачества поздней Российской империи. Также см. наше исследование: *Ганин А.В.* Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008.

⁴⁹⁶ *Сафонов Д.А.* Казачество в Гражданской войне: между красными и белыми // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Исторический альманах (Москва). 2005. № 8. С. 8. Это подтверждается и данными о том, что к концу 1918 г. в РККА служили 15–18% донских казаков боеспособного возраста (*Венков А.В.* Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014. С. 436).

⁴⁹⁷ *Шулдяков В.А.* Расказачивание и оказачивание как феномены русской революции и Гражданской войны // История белой Сибири. Материалы 5-й международной научной конференции. Кемерово, 2003. С. 72.

⁴⁹⁸ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 88. Л. 171.

⁴⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 29. Л. 35.

⁵⁰⁰ Оренбургский казачий вестник. 1917. № 63. 27.10. С. 1.

⁵⁰¹ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵⁰² Подробнее см.: *Атаман Семенов. О себе* (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999; *Романов А.М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова*. Иркутск, 2013.

⁵⁰³ Подробнее о декабрьских боях 1917 г. в Иркутске: *Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири*. М., 2005. С. 21–37. Об участии иркутских казаков в Гражданской войне см.: *Романов Г.И., Новиков П.А. Казачество Иркутской губернии в Гражданской войне // Белая армия. Белое дело* (Екатеринбург). 2012. № 20. С. 34–62.

⁵⁰⁴ Воспоминания юного партизана-чернецовца см.: *Федоров Н.В. От берегов Дона до берегов Гудзона* (Воспоминания). Ростов-на-Дону, 1994.

⁵⁰⁵ Подробнее о Каледине см.: *Кручинин А.С. Генерал-от-кавалерии А.М. Каледин // Белое движение. Исторические портреты*. М., 2011. С. 96–139.

⁵⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 209. Л. 148.

⁵⁰⁷ Подробнее об астраханском казачестве см.: *Антропов О.О. Астраханское казачество. На переломе эпох*. М., 2008; *Очиров У.Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.)*. Элиста, 2006.

⁵⁰⁸ Подробнее о восстании уральцев см.: *Дубровин Д.Ю. Наш самодельный бронепоезд. Уральские казаки и начало борьбы с большевиками // Родина*. 2008. № 3. С. 28–32; *Он же. Уральское казачество в Гражданской войне. Илецкий бой 13 (26) марта 1918 г. // Горынычъ. Краеведческий сборник (Уральск)*. 2007. № 1. С. 34–51.

⁵⁰⁹ Подробнее о борьбе Дутова см.: *Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов*. М., 2006.

⁵¹⁰ Подробные данные о нескольких тысячах офицеров Оренбургского казачьего войска, участвовавших в Гражданской войне, см.: *Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска: 1891–1945: биографический справочник*. М., 2007.

⁵¹¹ *Андреев С.М. Военное и гражданское управление в Сибирском казачьем войске (1808–1919)*. Омск, 2005. С. 210.

⁵¹² Эта тема далека от объективного и глубокого изучения. Примером не вполне добросовестного исследования является работа И.С. Ратьковского (*Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.)*). М., 2016), многие сведения которой недостоверны, причем для придания белому террору масштабности в его жертвы оказались записаны жертвы боевых действий, бандитизма, бытовых преступлений, «зеленых», эсеров, махновцев, петлюровцев, неизвестных лиц, погибшие в национальных государствах (Украина, Закавказье и т.д.) и даже персонажи художественных произведений. Автору этих строк, который не согласен с подобным антинаучным подходом и на архивном материале Южного Урала ранее показал несостоятельность источниковой базы, подхода и анализа И.С. Ратьковского (*Новые материалы об атамане А.И. Дутове / публ. А.В. Ганина // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и материалов / сост. и науч. ред. А.В. Посадский*. М., 2015. С. 211–214), последний в качестве ответа и вовсе приписал некую

порочную концепцию своего собственного сочинения, которую сам же разоблачил (*Ратьковский И.С. Хроника. С. 7*).

⁵¹³ Подробнее о восстаниях в казачьих областях см.: Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Исторический альманах (Москва). 2005. № 8. Обзоры участия казачества в Гражданской войне см.: *Ганин А.В. Казачество России в Гражданской войне // Казачество великое, бесстрашное. СПб., 2008. С. 533–585; Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003.*

⁵¹⁴ *Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge; London, 2002. P. 148–151.*

⁵¹⁵ *Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008. С. 169.*

⁵¹⁶ Подробнее о событиях на Дону см.: *Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004; Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия; и др.*

⁵¹⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 64. Л. 256.

⁵¹⁸ Подробнее см.: *Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов.*

⁵¹⁹ Подробнее о событиях в Уссурийском войске см.: *Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в Гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2002.*

⁵²⁰ Подробнее о событиях на Тереке см.: Памяти годовщины восстания Терского казачества. 23 июня 1918 г. — 23 июня 1919 г. Пятигорск, 1919; *Бурда Э.В. Терское казачье восстание. 1918 год. Нальчик, 2016; Шкуро А.Г. Записки белого партизана // Белое дело. Избранные произведения: в 16 кн. М., 1996. [Кн. 7]: Добровольцы и партизаны; Кручинин А.С. Терек и Добровольческая армия в 1918 году («Мемория» генерала Романовского) // Военная быль (Москва). 1997. № 9 (138). С. 15–22.*

⁵²¹ *Киреев Ф.С. Терские казачьи части в Белом движении // Гражданская война в России (1917–1922): взгляды и оценки через 90 лет. Доклады Академии военных наук (Саратов). 2007. № 5 (29). С. 52–53.*

⁵²² Подробнее о событиях в Забайкалье см.: *Атаман Семенов. О себе.*

⁵²³ *Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 256.*

⁵²⁴ НИА. А.В. Cheriachoukin papers. Folder 1.

⁵²⁵ См.: *Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 419.*

⁵²⁶ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

⁵²⁷ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 101об.

⁵²⁸ Подробный анализ опыта государственного строительства на Кубани см.: *Никитин А.Н. Суверенная Кубань: Опыт отечественного парламентаризма (1917–1920). М., 2010. Ч. 1. Автор этой монографии утверждает, что кубанское казачество предложило белым программу возрождения России, «реализация которой могла не только обеспечить победу в Гражданской войне, но и утвердить в масштабах всей страны демократию, законность и правопорядок, а в дальнейшем ее модернизацию, но в отличие от СССР без применения насилия, массовых репрессий, огромных людских жертв и материальных издержек» (Там же. С. 329). Также, по мнению автора этой работы, кубанскому руководству «были чужды сепаратистские устремления» (Там же. С. 330).*

Более соответствующим реальному ходу событий представляется тезис о том, что в решающий момент кубанцы отвернулись от Деникина, а неудачи белых связаны как с действиями самостийников, так и с ошибками политики Деникина в отношении кубанского казачества (*Пученков А.С. Деникин и Кубань в 1919 году: два эпизода отношений // Русский сборник (Москва). 2012. Т. 12. С. 406*).

⁵²⁹ *Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 630–631.*

⁵³⁰ Подробнее о борьбе уральских казаков см.: *Фокин Н.И. Финал трагедии. Уральские казаки в XX веке. М., 1996.*

⁵³¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 582. Л. 124.

⁵³² РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 51–51об.

⁵³³ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 5.

⁵³⁴ РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.

⁵³⁵ Подробнее см.: *Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. С. 268–291; Он же. Адмирал А.В. Колчак и партия социалистов-революционеров: военно-политическое противоборство в ноябре-декабре 1918 г. // Военный комментатор. Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2009. № 1 (8). С. 21–37.*

⁵³⁶ Подробнее об участии сибирских казаков в свержении большевиков см.: *Шудьяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. М., 2004. Кн. 1: 1917–1920.*

⁵³⁷ Подробнее см.: *Паршуков В.А. «В чисто казачьих офицерах, которые могли бы... служить... примером, ощущается крайний недостаток» // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2013. № 21. С. 71–83.*

⁵³⁸ *Романов Г.И., Новиков П.А. Казачество Иркутской губернии в Гражданской войне. С. 50, 59.*

⁵³⁹ См., напр.: *Атаман Семенов. Вопросы государственного строительства. Сб. док. и мат. Чита, 2002. С. 19.*

⁵⁴⁰ *Holquist P. Making War, Forging Revolution. P. 282.*

⁵⁴¹ *Волков С.В. Трагедия русского офицерства. С. 197.*

⁵⁴² Публикацию документа см.: *Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997. С. 137–138.*

⁵⁴³ Там же. С. 164.

⁵⁴⁴ См., напр.: *Кровожадный приказ большевиков // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 75. 29.04. С. 1–2; Большевицкий секретный приказ // Курганская свободная мысль. 1919. № 93. 04.05. С. 2; Кровожадный приказ большевиков // Утро Сибири (Челябинск). 1919. № 93. 07.05. С. 3.*

⁵⁴⁵ *Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. С. 184–185.*

⁵⁴⁶ Там же. С. 187.

⁵⁴⁷ РГВА. Ф. 245. Оп. 8. Д. 3. Л. 206об.

⁵⁴⁸ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 30. Л. 9, 74, 156.

⁵⁴⁹ См., напр.: ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 353; *Орский вестник. 1918. № 17. 08.11. С. 2.*

⁵⁵⁰ *Урал и Прикамье (ноябрь 1917 — январь 1919). Док. и мат. / под ред. М.С. Бернштама. Париж, 1982. С. 230.*

- ⁵⁵¹ Гражданская война в Оренбуржье 1917–1919 гг. Док. и мат. Оренбург, 1958. С. 303, 307.
- ⁵⁵² Там же. С. 308.
- ⁵⁵³ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. С. 164.
- ⁵⁵⁴ Там же. С. 184–186.
- ⁵⁵⁵ Подробнее см.: Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004.
- ⁵⁵⁶ Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 95.
- ⁵⁵⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 590. Л. 1.
- ⁵⁵⁸ Наш расчет по: Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 691.
- ⁵⁵⁹ ГАКК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–2.
- ⁵⁶⁰ Там же. Л. 6. Полную публикацию документа см.: «...Выделение Кубанской армии в особую армию явилось бы полным крахом». Письмо главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России от 11-го июля 1919 года за № 10066 Войсковому атаману Кубанского казачьего войска / публ. О.В. Ратушняка // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Исторический альманах (Москва). 2005. № 8. С. 90–91.
- ⁵⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.
- ⁵⁶² Жуникова Е.Ф. К вопросу о депортации терского казачества в 1918–1920 гг. // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Исторический альманах (Москва). 2005. № 8. С. 130–148.
- ⁵⁶³ Публикацию дневника М.А. Фостикова см.: Дневники казачьих офицеров. М., 2004. С. 15–178. Подробнее о формированиях Фостикова см.: Кратова Н.В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов-на-Дону, 2012; Стрелянов (Калабухов) П.Н. «Армия возрождения России» генерала Фостикова (март — октябрь 1920 г.) // Антибольшевическое повстанческое движение. Белая гвардия. Историческая имена. 2002. № 6. С. 182–186.
- ⁵⁶⁴ Интереснейшие записки одного из выживших пленных кубанских офицеров см.: Елисеев Ф.И. Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006.
- ⁵⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 310–310об.
- ⁵⁶⁶ Чельшев Е.П. Уральская катастрофа. М., 1996. С. 67.
- ⁵⁶⁷ Ганин А.В. Оренбургские казаки в Восточном Прикаспии осенью 1919 — весной 1920 г. // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал (Санкт-Петербург). 2002. № 13–14. С. 373–380; Он же. Оренбургские казаки в рядах Отдельной Уральской армии 1919–1920 гг. // Горынычъ. Краеведческий сборник. Уральск, 2007. Ч. 2. С. 34–110.
- ⁵⁶⁸ Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 189.
- ⁵⁶⁹ Маковский А., Радченко Б. Каспийская краснознаменная. М., 1961. С. 112.
- ⁵⁷⁰ Российской миссией в Персии были зарегистрированы 134 человека, пришедшие с Толстовым в мае 1920 г. (ГА РФ. Ф. Р-4738. Оп. 2. Д. 226. Л. 1–5; публикацию документа см.: Уральские казаки в Персии / публ. А.В. Ганина // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2011. № 19. С. 127–132). Впрочем, этот список не учитывает группы, отделившиеся от отряда Толстова, — отря-

ды генерал-майора В.И. Моторного (34 офицера), полковника Т.И. Сладкова (13 человек) и капитана П.И. Решетникова (17 человек). Отряд Моторного был захвачен красными (подробнее см.: *Толстов В.С. От красных лап в неизвестную даль (поход уральцев). Константинополь, 1922; Орлов Н.В. Поход уральцев и его герои. По воспоминаниям одного из них // Луч Азии (Харбин). 1940. № 66–2. С. 6–7; Масыанов Л.[Л.] Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк, 1963. С. 143).*

⁵⁷¹ Боевой состав частей Отдельной Оренбургской армии к 18 января 1919 г. (РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 20–21об.). Публикацию документа см.: Боевые расписания Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армий / публ. А.В. Ганина // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Исторический альманах (Москва). 2005. № 8. С. 216–218.

⁵⁷² Подробнее см.: *Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937; Ганин А.В. Оренбургские казаки в рядах Отдельной Уральской армии. С. 34–110.*

⁵⁷³ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 19. Л. 98.

⁵⁷⁴ *Еловский И. Голодный поход Оренбургской армии (Из воспоминаний участника похода). Пекин, 1921 (ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–2м об.).* Опубл. в: *Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 205–226).*

⁵⁷⁵ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14. Л. 41.

⁵⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 100.

⁵⁷⁷ Несколько идеализированную биографию Анненкова см.: *Гольцев В.А. Атаман Анненков. Алматы, 2006.*

⁵⁷⁸ Подробнее см.: *Ганин А.В. Черногорец на русской службе.*

⁵⁷⁹ См. Приложение 14.

⁵⁸⁰ Подробнее об участии иркутских казаков в Гражданской войне см.: *Иркутский казак (Харбин). 1934. № 1; 1935. № 2.*

⁵⁸¹ РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

⁵⁸² Там же. Л. 10.

⁵⁸³ РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 14. Л. 35–35об.

⁵⁸⁴ *Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. Кн. 1. С. 356–357.*

⁵⁸⁵ Подробнее см.: *Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг. Док. и мат. М., 2002; Сибирская Вандея. М., 2000–2001. Т. 1: 1919–1920; Т. 2: 1920–1921; Жушкова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М., 2016; Кратова Н.В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов-на-Дону, 2012; Куреньшиев А.А. Крестьянские военно-политические организации России. Повстанчество. 1918–1922 гг. М., 2010; Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999; Шибанов Н.С. «Зеленая война». Исторические очерки. Челябинск, 1997; Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. М., 2004. Кн. 2: 1920–1922; и др.*

⁵⁸⁶ Подробнее см.: *Кратова Н.В. Повстанческое движение в северо-западной части Кавказа и Предкавказья (1920–1922 гг.): автореф. ... дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2004.*

⁵⁸⁷ *Краснов П.Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 257.

⁵⁸⁸ Марков и марковцы. М., 2001. С. 447.

⁵⁸⁹ *Деникин А.И.* Очерки русской Смуты. Кн. 3. С. 691.

⁵⁹⁰ *Присяжный Н.С.* Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году (Малоизвестные страницы истории). Ростов-на-Дону, 1992. С. 20–21.

⁵⁹¹ Там же. С. 42–43; помимо этих частей, по требующим проверки польским данным, на сторону поляков из состава разных армий переходили: 20 июня 1920 г. — 59-й казачий полк 10-й кавалерийской дивизии, состоявший из оренбургских казаков, 18–19 августа — 8-й полк имени Льва Троцкого 8-й кавалерийской дивизии, 9 сентября — полк уральских казаков и т.д. (*Karpus Z.* Oddziały kozackie formowane w Polsce (czerwiec-listopad 1920 r.) i ich udział w wojnie polsko-sowieckiej // Kawaleria przeciwników i sojuszników Wojska Polskiego w latach 1918–1921. Toruń, 2003. S. 212, 230–231). В этой польской работе, впрочем, приводятся значительно преувеличенные и недостоверные данные об изменах красных частей (в частности, отмечается переход к полякам 3-й бригады 14-й кавалерийской дивизии, тогда как на самом деле на их сторону перешли лишь три эскадрона, упоминаются целые кавалерийские бригады, переходившие на польскую сторону, чего на самом деле не было, не соответствуют действительности данные о переходе на польскую сторону полка 14-й кавалерийской дивизии в сентябре 1920 г.). Те же данные, с незначительными уточнениями, основываясь на работе З. Карпуса, приводит А. Смолинский, детально исследовавший историю 1-й Конной армии по документам РГВА (*Smoliński A.* 1 armia konna podczas walk na polskim teatrze działań wojennych w 1920 roku. Organizacja, uzbrojenie, wyposażenie oraz wartość bojowa. Toruń, 2008. S. 203–204). По всей видимости, польские источники не содержат точной информации по данному вопросу и необходимо более глубокое изучение документов РККА.

⁵⁹² Жизни и деятельности Миронова посвящен целый ряд работ: Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997; *Лосев Е.Ф.* Миронов. М., 1991; *Медведев Р.А., Стариков С.П.* Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М., 1989; и др.

⁵⁹³ *Зайцов А.А.* 1918 год. Очерки по истории русской Гражданской войны. Б.м., 1934. С. 140.

⁵⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 23об.

⁵⁹⁵ Там же.

⁵⁹⁶ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 352.

⁵⁹⁷ *Пеньковский Д.Д.* Эмиграция казачества из европейской и азиатской частей России и ее последствия (1920–1945 гг.). М., 2009. С. 263.

⁵⁹⁸ *Венков А.В.* Донская армия в борьбе с большевиками. Имел ли шансы на победу «третий Путь». С. 436.

Имел ли шансы на победу «третий путь»

⁵⁹⁹ *Протасов А.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 108.

⁶⁰⁰ Апологию этого пути см.: *Прайсман Л.Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб., 2015. К сожалению, автор этой книги слабо использовал архивные источники и современные исследования, что привело к определенному искажению событий. См. критическую рецензию В.М. Рынкава и А.Ю. Суслова и ответ Л.Г. Прайсмана (Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 215–232), попытавшегося оправдать игнорирование современной историографии мнимой реакционностью российских ученых.

⁶⁰¹ *Холяев С.* Партия эсеров как крошка Цахес // *Родина*. 2016. № 2. С. 113.

⁶⁰² Подробнее о борьбе большевиков против эсеров см.: *Павлов Д.Б.* Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. М., 1999.

⁶⁰³ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.А. Шесть месяцев среди врагов России. Ч. 1. Гл. 7. С. 41.

⁶⁰⁴ *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 30.

⁶⁰⁵ *Мейбом Ф.Ф.* Тернистый путь // 1918 год на Востоке России. М., 2003. С. 119.

⁶⁰⁶ *Сахаров К.В.* Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 11.

⁶⁰⁷ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 278.

⁶⁰⁸ Там же. С. 279, 289, 292.

⁶⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 1.

⁶¹⁰ См., напр.: *Добровольский А.В.* Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917 — начале 1920 гг. Новосибирск, 1999; *Он же.* Съезд членов Учредительного собрания // История белой Сибири. Материалы 6-й международной научной конференции 7–8 февраля 2005 года. Кемерово, 2005. С. 211–214; *Конonenko А.А.* Социалисты в политической жизни Урала (1917–1918 гг.). Тюмень, 2003; *Московкин В.В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень, 1999; *Переверзев А.Я., Кулешов О.С.* Комуч. Директория. Колчак: Антисоветский лагерь в гражданской войне на Востоке России в документальном изложении, портретах и лицах. Воронеж, 2003; *Smele J.D.* Civil War in Siberia. Cambridge, 1996. Наиболее серьезным исследованием по этой теме следует считать работу уральского историка И.Ф. Плотникова (*Плотников И.Ф.* Гибель Всероссийского Учредительного собрания. Трагические события на Урале и в Сибири. 1918 г. Екатеринбург, 2002), однако ее автор не исчерпал источниковую базу проблемы, почти не уделил внимания подготовке заговора против адмирала Колчака в Оренбурге, а также допустил ряд неточностей. Необоснованным представляется и его утверждение о том, что выступление эсеров в Оренбурге было организовано по указанию так называемой уфимской комиссии по руководству борьбой с Колчаком, более того, автор противоречит сам себе, когда пишет о том, что комиссия, образованная 5 декабря, могла отдать приказ о выступлении в

Оренбурге в ночь на 2 декабря (Там же. С. 83). Другое дело, что эсеровские комиссии по борьбе с Колчаком создавались как минимум дважды (по данным И.Ф. Плотникова даже трижды — Там же. С. 84). Однако нет доказательств того, что оренбургским заговорщикам отдавала директивы первая комиссия. Книга Плотникова свидетельствует о безальтернативности борьбы красных и белых, при этом сам автор на протяжении всей работы пишет о трагической судьбе Учредительного собрания и об ответственности белых за репрессии по отношению к учредилкам, причем подобная точка зрения достаточно распространена (см., напр.: *Добровольский А.В.* Белый террор и преследования социалистов-революционеров при А.В. Колчаке (ноябрь — декабрь 1918 г.) // История белой Сибири. Тезисы 3-й научной конференции 2–3 февраля 1999 года, Кемерово. Кемерово, 1999. С. 89–93). О том, что эти репрессии имели основания, не говорится. До сих пор нет цельной биографической информации о деятелях ПСР, что существенно осложняет работу. Наиболее подробный справочный материал содержит сборник документов о судебном процессе над эсерами (Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сб. док. М., 2002), однако и он не полон и не свободен от ошибок; также полезен справочный материал трех других сборников документов ПСР (Партия социалистов-революционеров. Док. и мат. М., 2000. Т. 3, ч. 1. Февраль-октябрь 1917 г. / сост. Н.Д. Ерофеев; Т. 3, ч. 2: Октябрь 1917 г. — 1925 г. / сост. Н.Д. Ерофеев; *The Socialist-Revolutionary Party After October 1917. Documents from the P.S.-R. Archives / M. Jansen [ed.]. Amsterdam, 1989*). В процессе работы с большим трудом удавалось выявлять данные о составе различных эсеровских комиссий, неизвестен точный список эсеров, арестованных в Уфе в декабре 1918 г., практически нет данных о псевдонимах тех или иных деятелей ПСР, что нередко не дает возможности установить, о каком именно человеке идет речь в том или ином документе.

⁶¹¹ *Архангельский В.* Волжский фронт Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. Прага, 1930. С. 11.

⁶¹² *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Новониколаевск, 1925. С. 29.

⁶¹³ *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937. С. 93.

⁶¹⁴ Партия социалистов-революционеров. Док. и мат. Т. 3, ч. 2. С. 400.

⁶¹⁵ Преобразован из Комуча после образования 23 сентября 1918 г. уфимской Директории.

⁶¹⁶ Орган исполнительной власти Комуча, после образования уфимской Директории перешел на положение Уфимского областного правительства.

⁶¹⁷ *Уорд Д.* Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. М.; Пг., 1923. С. 66.

⁶¹⁸ ГА РФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 526. Л. 1об.

⁶¹⁹ Там же. Л. 2.

- ⁶²⁰ Партия социалистов-революционеров. Док. и мат. Т. 3, ч. 2. С. 396.
- ⁶²¹ ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.
- ⁶²² ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 95. Л. 295.
- ⁶²³ Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–18 гг. Берлин, 1922. С. 24.
- ⁶²⁴ Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. М., 1993. С. 363.
- ⁶²⁵ Личность не установлена.
- ⁶²⁶ Судьба Учредительного собрания. Доклад председателя Комуча В.К. Вольского / публ. С.А. Павлюченкова // Исторический архив (Москва). 1993. № 3. С. 138.
- ⁶²⁷ Николаев С.Н. Политика «Комуча» (Опыт характеристики) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. Прага, 1930. С. 140.
- ⁶²⁸ Кобзов В., Кузнецов В. Зигзаги судьбы казаков Махиных // Гостинный двор (Оренбург). 2000. № 9. С. 98–99; Серков А.И. Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 530.
- ⁶²⁹ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 895.
- ⁶³⁰ Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 21; Майский И. Демократическая контр-революция. М.-Пг., 1923. С. 53.
- ⁶³¹ Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа. С. 15.
- ⁶³² Там же. С. 40.
- ⁶³³ Чечек С. От Пензы до Урала (Доклад, сделанный в Обществе участников волжского движения) // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 264.
- ⁶³⁴ РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 189.
- ⁶³⁵ РГВА. Ф. 461к. Оп. 2. Д. 142. Л. 18.
- ⁶³⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 387. Л. 3об.–4; Из архива В.И. Лебедева. От Петрограда до Казани // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 193–194.
- ⁶³⁷ ГА РФ. Ф. Р-5789. Оп. 1. Д. 36. Л. 7–7об.
- ⁶³⁸ Там же. Л. 8об–9.
- ⁶³⁹ The Socialist-Revolutionary Party After October 1917. P. 642.
- ⁶⁴⁰ Николаев С.Н. Политика «Комуча» (Опыт характеристики). С. 142.
- ⁶⁴¹ Лейтенант N.N. Записки белогвардейца // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 84.
- ⁶⁴² Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. Прага, 1930. С. 90.
- ⁶⁴³ Николаев С.Н. Политика «Комуча» (Опыт характеристики). С. 140; Майский И. Демократическая контр-революция. С. 151.
- ⁶⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 53.
- ⁶⁴⁵ Fleming P. The fate of admiral Kolchak. Edinburgh, 2001. P. 109; Майский И.М. Демократическая контр-революция. С. 326.
- ⁶⁴⁶ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1. С. 284.
- ⁶⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 26.

- ⁶⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 20об; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. С. 6; Николаев С.[Н.] Конец КОМУЧ-а // Современные записки (Париж). 1931. Т. 46. С. 287–288.
- ⁶⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 21.
- ⁶⁵⁰ Пайнс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 54.
- ⁶⁵¹ Партия социалистов-революционеров. Док. и мат. Т. 3, ч. 2. С. 401–402.
- ⁶⁵² Окончательная гибель Всероссийского Учредительного собрания. Сентябрь-декабрь 1918 г. / публ. И.Ф. Плотникова // Исторический архив (Москва). 1999. № 4. С. 144.
- ⁶⁵³ Кроль Л.А. За три года (воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток, 1921. С. 159.
- ⁶⁵⁴ Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917 — начале 1920 гг. С. 61–62.
- ⁶⁵⁵ Чернов В.М. Перед бурей. С. 381.
- ⁶⁵⁶ Святицкий Н.[В.] К истории Всероссийского Учредительного собрания. М., 1921. Ч. 3: Съезд членов Учредительного собрания. С. 68.
- ⁶⁵⁷ Там же. С. 112.
- ⁶⁵⁸ Чернов В.М. Перед бурей. С. 391.
- ⁶⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 33.
- ⁶⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 772. Л. 26.
- ⁶⁶¹ Там же. Л. 27.
- ⁶⁶² Красильников Иван Николаевич (24.06.1888–04.01.1920) — генерал-майор (с 17 августа 1919 г.), активный участник омского переворота 18 ноября 1918 г.
- ⁶⁶³ ГА РФ. Ф. Р-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 37.
- ⁶⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 7. Д. 16. Л. 20.
- ⁶⁶⁵ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 114.
- ⁶⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 40–42.
- ⁶⁶⁷ Там же. Л. 42–43.
- ⁶⁶⁸ Майский И.М. Демократическая контр-революция. С. 325.
- ⁶⁶⁹ РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
- ⁶⁷⁰ Акулинин И. Колчак и атаман Дутов. Отзвуки омского переворота 18 ноября 1918 года в Оренбурге и Уфе // Возрождение (Париж). 1930. № 1711. 07.02. С. 2.
- ⁶⁷¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. С. 8.
- ⁶⁷² Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 170.
- ⁶⁷³ ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 7. Д. 16. Л. 22–22об.
- ⁶⁷⁴ Чернов В.М. Перед бурей. С. 381–382.
- ⁶⁷⁵ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985. С. 36.
- ⁶⁷⁶ Также см.: Кручинин А.М., Неуймин Н.Б. В защиту белого генерала // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2003. № 12. С. 102.
- ⁶⁷⁷ Протоколы допроса адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе-феврале 1920 г. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 304–305.

- ⁶⁷⁸ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930. Ч. 2. С. 175.
- ⁶⁷⁹ Чернов В.М. Перед бурей. С. 391.
- ⁶⁸⁰ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. С. 12; Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. Сб. док. / собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919. С. 42.
- ⁶⁸¹ Партия социалистов-революционеров. Док. и мат. Т. 3, ч. 2. С. 403
- ⁶⁸² Святицкий Н.[В.] К истории Всероссийского Учредительного собрания. С. 86.
- ⁶⁸³ Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контр-революции в 1918 году. М.; Л., 1927. С. 374.
- ⁶⁸⁴ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. С. 111.
- ⁶⁸⁵ Святицкий Н.[В.] К истории Всероссийского Учредительного собрания. С. 123.
- ⁶⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 7. Д. 16. Л. 21.
- ⁶⁸⁷ The Socialist-Revolutionary Party After October 1917. P. 337.
- ⁶⁸⁸ Ibid. P. 342.
- ⁶⁸⁹ Партия социалистов-революционеров. Док. и мат. Т. 3, ч. 2. С. 404; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. С. 182.
- ⁶⁹⁰ Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России № 56. 30.11.1918 г. // Русская армия (Омск). 1918. № 13. 03.12. С. 1.
- ⁶⁹¹ Там же.
- ⁶⁹² Николаев С.[Н.] Конец КОМУЧ-а. С. 290, 297; Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 63.
- ⁶⁹³ Партия социалистов-революционеров. Док. и мат. Т. 3, ч. 2. С. 405.
- ⁶⁹⁴ Святицкий Н.[В.] К истории Всероссийского Учредительного собрания. С. 102, 127; Партия социалистов-революционеров. Док. и мат. Т. 3, ч. 2. С. 402.
- ⁶⁹⁵ См., напр.: Молчанов В.М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009. С. 108–109.
- ⁶⁹⁶ Святицкий Н.[В.] К истории Всероссийского Учредительного собрания. С. 126.
- ⁶⁹⁷ Николаев С.[Н.] Конец КОМУЧ-а. С. 292.
- ⁶⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 804. Л. 10.
- ⁶⁹⁹ Урал и Прикамье (ноябрь 1917 — январь 1919). Док. и мат. / под ред. М.С. Бернштама. Париж, 1982. С. 588.
- ⁷⁰⁰ ГА РФ. Ф. 9431. Оп. 7. Д. 16. Л. 11.
- ⁷⁰¹ Николаев С.[Н.] Конец КОМУЧ-а. С. 293.
- ⁷⁰² Впоследствии из этой группы Н.В. Фомин и Н.Я. Барсов, вопреки указаниям адмирала А.В. Колчака, были расстреляны вместе с девятью другими арестованными во время восстания в пригороде Омска Куломзино в ночь с 22 на 23 декабря 1918 г. Однако, несмотря на пропагандистские заявления эсеров, а позднее и советских историков, что Колчак якобы уничтожает депутатов Учредительного собрания, единственным погибшим депутатом являлся Н.В. Фомин. Другой депутат, К.Т. Почекуев, бежал из тюрьмы и замерз —

- Плотников И.Ф. Гибель Всероссийского Учредительного собрания. С. 89. Справочные данные обо всех депутатах см.: Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания. Показательно, что большинство арестованных колчаковцами депутатов впоследствии стали жертвами репрессий, но не белых, а советских.
- ⁷⁰³ Святицкий Н.[В.] К истории Всероссийского Учредительного собрания. С. 135.
- ⁷⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-147. Оп. 10. Д. 8. Л. 13.
- ⁷⁰⁵ Святицкий Н.[В.] К истории Всероссийского Учредительного собрания. С. 136.
- ⁷⁰⁶ Партия социалистов-революционеров: Девятый Совет партии и его резолюции (июнь 1919 г. Москва). Париж, 1920. С. 15.
- ⁷⁰⁷ Святицкий Н.[В.] К истории Всероссийского Учредительного собрания. С. 139–140.
- ⁷⁰⁸ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. С. 14.
- ⁷⁰⁹ Партия социалистов-революционеров. Док. и мат. Т. 3, ч. 2. С. 651.
- ⁷¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 34, 36. С некоторыми искажениями опублик. в кн.: Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 307–308.
- ⁷¹¹ Тоган З.-В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 175.
- ⁷¹² Акулинин И. Колчак и атаман Дутов. С. 2.
- ⁷¹³ Тоган З.-В. Воспоминания. С. 106, 117–118.
- ⁷¹⁴ Окончательная гибель Всероссийского Учредительного собрания. С. 150.
- ⁷¹⁵ Святицкий Н.[В.] К истории Всероссийского Учредительного собрания. С. 114.
- ⁷¹⁶ РГВА. Ф. 461к. Оп. 2. Д. 142. Л. 18.
- ⁷¹⁷ Там же.
- ⁷¹⁸ Тоган З.-В. Воспоминания. С. 185.
- ⁷¹⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 420. Л. 278–278об.
- ⁷²⁰ Тоган З.-В. Воспоминания. С. 187.
- ⁷²¹ РГВА. Ф. 461к. Оп. 2. Д. 142. Л. 17.
- ⁷²² Тоган З.-В. Воспоминания. С. 187.
- ⁷²³ Речь идет о некоем В. Майстрахе, личность которого установить не удалось.
- ⁷²⁴ Кто такой «Петрович», установить не удалось, однако из других документов известно, что он играл важную роль в военной организации ПСР, в частности, после переворота в Омске его просили направить полк Тараса Шевченко в Челябинск (ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 260б.).
- ⁷²⁵ Былинкин Арсений Сергеевич (20.09.1887–03.11.1937) — член ПСР, депутат Учредительного собрания от Румынского фронта. Управляющий ведомством юстиции Совета управляющих ведомствами (1918).
- ⁷²⁶ Несмеянов В.А. (?) — член ПСР, участник московской боевой организации, вышел из ПСР в ноябре 1918 г.
- ⁷²⁷ Донской Дмитрий Дмитриевич (1881–22.09.1936) — член ПСР (вступил не позднее 1907 г.), врач, член ЦК ПСР (с декабря 1917 г.). Руководил военной

комиссией ЦК ПСР (1918). Один из руководителей эсеровского антибольшевистского подполья в Москве. Арестован ВЧК летом 1919 г. В 1924 г. выслан в Нарымский край, работал в районной больнице. Покончил с собой.

⁷²⁸ ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.

⁷²⁹ Там же. Л. 20.

⁷³⁰ Там же. Л. 25.

⁷³¹ Там же. Л. 37.

⁷³² РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 56–56об.

⁷³³ РГВА. Ф. 461к. Оп. 2. Д. 142. Л. 18.

⁷³⁴ *Акулинин И.* Колчак и атаман Дутов. С. 2.

⁷³⁵ РГВА. Ф. 461к. Оп. 2. Д. 142. Л. 18.

⁷³⁶ ГА РФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 39. Л. 48–48об.

⁷³⁷ ГА РФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 391. Л. 1.

⁷³⁸ Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска. Журнал еженедельный (Омск). 1919. № 7. 28.02. С. 16.

⁷³⁹ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 50.

⁷⁴⁰ *Тоган З.-В.* Воспоминания. С. 187.

⁷⁴¹ Письма атамана Дутова // Наш путь. Ежемесячный журнал Дальбюро ЦК РКП (Чита). 1923. Апрель. № 8. С. 48.

⁷⁴² Енисейский вестник (Воля Сибири). Издается при Управлении Енисейской губернией (Красноярск). 1919. 08.02. С. 3.

⁷⁴³ РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937. С. 103.

⁷⁴⁴ Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска. Журнал еженедельный (Омск). 1919. № 7. 28.02. С. 16.

⁷⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 52, 60.

⁷⁴⁶ *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. М., 1994. С. 190.

⁷⁴⁷ *Войнов В.М.* Оренбургское казачье войско в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917 — 1919 гг.) // Оренбургское казачье войско: исторические очерки. Челябинск, 1994. С. 92.

⁷⁴⁸ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 99.

⁷⁴⁹ *Тоган З.-В.* Воспоминания. С. 189.

⁷⁵⁰ *Плотникова М.Е.* Колчак и эсеровская «оппозиция» // Вопросы истории Сибири / под ред. И.М. Разгона, Л.И. Боженко. Томск, 1967. Вып. 3. С. 174, 176, 179.

⁷⁵¹ См., напр.: Возрождающаяся Россия: эс-эры об уфимских предателях // Курганская свободная мысль. 1919. № 46. 04.03. С. 2.

⁷⁵² *Ферганский Вл.* Партия социалистов-революционеров (эс-эров) и ее роковая для русского народа роль за четырехлетний (1917–1921 гг.) период революции. Краткий очерк. Владивосток, 1921. С. 22.

⁷⁵³ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 305.

⁷⁵⁴ Там же. С. 342.

⁷⁵⁵ *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. С. 37–38.

⁷⁵⁶ Будберг А. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 268.

⁷⁵⁷ Партия социалистов-революционеров. Док. и мат. Т. 3, ч. 2. С. 502–503.

Из-за чего был разбит Колчак

⁷⁵⁸ Иностранцев М.А. История, истина и тенденция. По поводу книги ген[ерал]-лейт[енанта] К.В. Сахарова «Белая Сибирь» (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Прага, 1933. С. 8.

⁷⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 2.

⁷⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 89.

⁷⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 3об.

⁷⁶² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 752.

⁷⁶³ Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2009. С. 380.

⁷⁶⁴ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 332.

⁷⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 106.

⁷⁶⁶ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 332.

⁷⁶⁷ Там же. Берлин, 1924. Т. 14. С. 332–333.

⁷⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

⁷⁶⁹ Подробнее см.: Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. С. 263; Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 161–162; Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1924. Т. 2: 1919 год. Кн. 1. С. 104–113.

⁷⁷⁰ Клерже Г.И. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания. Мукден, 1932. Ч. 1. С. 138–139.

⁷⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 78об; Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 76.

⁷⁷² ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 69; Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. С. 340–341.

⁷⁷³ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. 14. С. 235; Сахаров К.В. Белая Сибирь. С. 91.

⁷⁷⁴ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

⁷⁷⁵ См. также: Плотников И.Ф. Челябинск: разработка стратегического плана наступления русской армии А.В. Колчака, успехи в его осуществлении и последующий провал (февраль–май 1919 г.) // Урал в событиях 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 79–83.

⁷⁷⁶ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 11.

⁷⁷⁷ Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999. С. 128.

⁷⁷⁸ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. С. 195.

⁷⁷⁹ Молчанов В.М. Борьба на Востоке России и в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 423.

⁷⁸⁰ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 746.

⁷⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-6219. Оп. 1. Д. 47. Л. 1об.–2.

- ⁷⁸² Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Новониколаевск, 1925. С. 60; Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. 14. С. 241; Головин Н.Н. Российская контрреволюция. Б.м., 1937. Ч. 4, кн. 8. С. 114.
- ⁷⁸³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 820.
- ⁷⁸⁴ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985. С. 53–54.
- ⁷⁸⁵ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 11. Л. 31–31об.
- ⁷⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 66об.
- ⁷⁸⁷ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. С. 256–257.
- ⁷⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 38.
- ⁷⁸⁹ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 87. Л. 11об.–12.
- ⁷⁹⁰ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 57.
- ⁷⁹¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 56об.
- ⁷⁹² Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 148.
- ⁷⁹³ Подробнее см.: Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 255–256.
- ⁷⁹⁴ Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака. Док. и мат. М., 2005. С. 414–415.
- ⁷⁹⁵ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 57. Л. 59.
- ⁷⁹⁶ Сахаров К.В. Белая Сибирь. С. 103.
- ⁷⁹⁷ Там же. С. 111.
- ⁷⁹⁸ Сулавко А.В. Этюды по тактике в Гражданской войне. Никольск-Уссурийский, 1921. С. 19.
- ⁷⁹⁹ См., напр.: Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака. С. 412.
- ⁸⁰⁰ К примеру, в отдельной телеграфной роте штаба Сибирской армии, дислоцированной в Екатеринбурге, в феврале 1919 г. на почве безделья произошло полное разложение. Телеграфисты пьянствовали, ходили в самоволку, подделывали увольнительные документы, посещали театры, вызывали на всю роту проституток, которым потом не платили денег, адъютант роты по причине большого количества свободного времени преподавал эсперанто 15 ученикам, один из солдат еще до прибытия роты в Екатеринбург намеренно облил офицера супом со второго этажа (РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 24. Л. 174, 176). В итоге рота в полном составе была отправлена на фронт. См. Приложение 7.
- ⁸⁰¹ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 32. Л. 30.
- ⁸⁰² РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 66.
- ⁸⁰³ Гражданская война в Оренбуржье 1917–1919 гг. Док. и мат. Оренбург, 1958. С. 308.
- ⁸⁰⁴ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 53.
- ⁸⁰⁵ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 87. Л. 11об.–12.
- ⁸⁰⁶ Боевые расписания армий Восточного фронта. 1918–1919 гг. / публ. А.А. Каревского и Р.Г. Гагкуева // Белое движение на Востоке России. Белая гвардия. Исторический альманах. 2001. № 5. С. 152. Публикаторы ошибочно

перевели дату документа «Боевой состав армий» 10 июня на новый стиль, получив 23 июня, тогда как на Востоке России новый стиль был официально принят и документ изначально им датирован.

⁸⁰⁷ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

⁸⁰⁸ Боевые расписания армий Восточного фронта. С. 148.

⁸⁰⁹ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 13. Л. 68–69.

⁸¹⁰ Боевые расписания армий Восточного фронта. С. 155.

⁸¹¹ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. док. М., 1978. Т. 4: Материалы, указатели. С. 56.

⁸¹² Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. С. 66.

⁸¹³ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 43–43об.

⁸¹⁴ *Плотников И.Ф.* Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.). Энциклопедия и библиография: в 3 т: Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 149–150. В дальнейшем ситуация с дисциплиной ижевцев и воткинцев лучше не становилась — подробнее см.: Почему проиграли белые?! Воззвание офицеров и солдат ижевцев и воткинцев о самовольном оставлении ими рядов армии 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Белое дело. М., 2005. С. 239–242. См. Приложение 10.

⁸¹⁵ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 27об.; *Константинов С.И.* Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1997. С. 165.

⁸¹⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 817.

⁸¹⁷ «Россия погибнет в волнах новой анархии» / публ. Н.Д. Егорова и Н.В. Пульченко // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 82.

⁸¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 78.

⁸¹⁹ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 27. Л. 84.

⁸²⁰ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 57. Л. 156об.

⁸²¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 14об.

⁸²² Там же. Л. 18об.

⁸²³ Там же. Л. 23–23об.

⁸²⁴ Там же. Л. 22.

⁸²⁵ См., напр.: *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 75–76.

⁸²⁶ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 48.

⁸²⁷ Там же. Л. 32об.

⁸²⁸ Там же. Л. 61.

⁸²⁹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 18об.

⁸³⁰ *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака. М., 1960. С. 221.

⁸³¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 45.

⁸³² Там же. Л. 128–128об.

⁸³³ Там же. Л. 136.

⁸³⁴ Там же. Л. 148.

⁸³⁵ Там же. Л. 149об.–150.

⁸³⁶ *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. С. 108–109.

⁸³⁷ «Россия погибнет в волнах новой анархии». С. 80.

⁸³⁸ *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. С. 76.

- 839 *Сиротинский С.А.* Путь Арсения. М., 1959. С. 140.
- 840 Подробнее см.: *Ганин А.В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 73–75.
- 841 РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 109об.
- 842 РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 27. Л. 81.
- 843 ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 98.
- 844 *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 80–81.
- 845 РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 126.
- 846 «Россия погибнет в волнах новой анархии». С. 81.
- 847 ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 71об.
- 848 РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 68.
- 849 Там же. Л. 109об.
- 850 Там же. Л. 184.
- 851 *Будберг А.П.* Дневник // Архив русской революции. Т. 14. С. 228–229.
- 852 *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака. С. 218.
- 853 *Бринюк Н.Ю.* Условия формирования 1-го Волжского армейского корпуса колчаковской армии (зима — весна 1919 года) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды 7-й международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. СПб., 2016. Ч. 1. С. 335.
- 854 *Smele J.D.* Civil War in Siberia. Cambridge, 1996. P. 320.
- 855 РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 14. Л. 109.
- 856 РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 106.
- 857 *Симонов Д.Г.* К истории Сводного Сибирского Ударного корпуса армии адмирала А.В. Колчака (1919 г.) // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 2007. С. 55–57.
- 858 РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 158.
- 859 Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 375.
- 860 РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 38. Л. 3; Ф. 39597. Оп. 1. Д. 142. Л. 12об.
- 861 ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
- 862 *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. С. 111.
- 863 РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 68.
- 864 *Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками, 1918–1920. М., 2008. С. 109.
- 865 РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 70. Л. 156–158об.
- 866 РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 195.
- 867 См., напр.: ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 12. Л. 4–4об.; Оп. 2. Д. 75. Л. 8, 9об., 12.
- 868 ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 75. Л. 8, 9об.; *Абрамовский А.П., Кобзов В.С.* Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999. С. 322.
- 869 РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 188.
- 870 РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 87. Л. 11об.–12.
- 871 РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 186. Л. 460.
- 872 Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака. С. 417.

- ⁸⁷³ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 11. Л. 21.
- ⁸⁷⁴ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 154об.
- ⁸⁷⁵ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 12.
- ⁸⁷⁶ «Россия погибнет в волнах новой анархии». С. 81.
- ⁸⁷⁷ По устным воспоминаниям участника боев А.Ф. Гергенредера (письмо И.А. Гергенредера автору от 13 января 2004 г.
- ⁸⁷⁸ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 53.
- ⁸⁷⁹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. С. 220.
- ⁸⁸⁰ Сахаров К.В. Белая Сибирь. С. 102.
- ⁸⁸¹ РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24. Л. 25.
- ⁸⁸² Сахаров К.В. Белая Сибирь. С. 74.
- ⁸⁸³ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 88.
- ⁸⁸⁴ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 14. Л. 61.
- ⁸⁸⁵ Там же. Л. 33–34.
- ⁸⁸⁶ Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака. С. 423; Спи-рин Л.М. Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 89–91. См. также несколько иные данные по британским поставкам: *Pereira N.G.O. White Siberia. The Politics of Civil War. Montreal, 1996. P. 105.*
- ⁸⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-5936. Оп. 1. Д. 462. Л. 1.
- ⁸⁸⁸ На пароходе «Дориз».
- ⁸⁸⁹ Закуплено генералом М. Жаненом в Америке.
- ⁸⁹⁰ Закуплено генералом М. Жаненом в Америке.
- ⁸⁹¹ *Mawdsley E. The Russian Civil War. Edinburgh, 2008. P. 198.*
- ⁸⁹² Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. С. 89–91.
- ⁸⁹³ Сахаров К.В. Белая Сибирь. С. 97–98.
- ⁸⁹⁴ Плотников И.Ф. Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.). Энциклопедия и библиография: в 3 т. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 144.
- ⁸⁹⁵ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 50.
- ⁸⁹⁶ Шушпанов С.Г. Забытая дивизия // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 1997. № 4. С. 44.
- ⁸⁹⁷ Филимонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 39; Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения. С. 79; Лобанов Д.А. Пермская стрелковая дивизия армии адмирала Колчака. 1918–1919 гг. // Белое движение на Востоке России. Белая гвардия. Исторический альманах (Москва). 2001. № 5. С. 91.
- ⁸⁹⁸ Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002. С. 238.
- ⁸⁹⁹ Имеется в виду взятие белыми Уфы 13 марта 1919 г.
- ⁹⁰⁰ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 62об.
- ⁹⁰¹ Там же. Л. 64об.
- ⁹⁰² НИА. Colonel Vorotovov collection. Folder VW Russia V954. Л. 17.
- ⁹⁰³ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 58–58об.
- ⁹⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 62; Сахаров К.В. Белая Сибирь. С. 78. Генерал Будберг писал, что караул был без штанов, однако это представляется менее вероятным (Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. С. 341).

- ⁹⁰⁵ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 109об.
- ⁹⁰⁶ «Россия погибнет в волнах новой анархии». С. 82.
- ⁹⁰⁷ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 210. Л. 22.
- ⁹⁰⁸ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 65.
- ⁹⁰⁹ *Думбадзе Г.С.* То, что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну / публ. А.И. Дерябина // Белая гвардия. Исторический альманах. 1997. № 1. С. 43.
- ⁹¹⁰ *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. С. 229; *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 163.
- ⁹¹¹ Речь идет о кн.: *Огородников Ф.Е.* Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938.
- ⁹¹² *Думбадзе Г.С.* То, что способствовало нашему поражению. С. 45.
- ⁹¹³ РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 60. Л. 266.
- ⁹¹⁴ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 26. Л. 10.
- ⁹¹⁵ Омскому правительству.
- ⁹¹⁶ РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 62. Л. 126. См. Приложение 9.
- ⁹¹⁷ Директива главного командования Красной армии (1917–1920). Сб. док. М., 1969. С. 571.
- ⁹¹⁸ *Спирин Л.М.* Разгром армии Колчака. С. 184.
- ⁹¹⁹ *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. С. 234–238.
- ⁹²⁰ Там же. С. 246–247.
- ⁹²¹ *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. М., 1990. Т. 2: 1919–1920 гг. С. 249.
- ⁹²² *Клерже Г.И.* Революция и Гражданская война. С. 146.
- ⁹²³ Подробнее см.: *Купцов И.В.* «Челябинск. Июль-август 1919 года» // Челябинск неизвестный. Краеведческий сборник. Челябинск, 2002. Вып. 3. С. 241–333.
- ⁹²⁴ Там же. С. 266.
- ⁹²⁵ *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. С. 379.
- ⁹²⁶ *Кручинин А.С.* Адмирал Колчак. С. 391.
- ⁹²⁷ *Мейбом Ф.Ф.* Тернистый путь // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 368–369, 376; *Он же.* Гибель 13-й Сибирской стрелковой дивизии в боях под городом Челябинском в 1919 году // Там же. С. 378, 384, 387.
- ⁹²⁸ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 6об.
- ⁹²⁹ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 62. Л. 3об.
- ⁹³⁰ *Будберг А.П.* Дневник // Архив русской революции. Т. 14. С. 272, 328.
- ⁹³¹ *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. С. 76.
- ⁹³² См., напр.: Доклад начальника главного военного цензурно-контрольного бюро полковника Н.К. Павловского 2-му генерал-квартирмейстеру Штаба Верховного главнокомандующего от 23 августа 1919 г. // Директория. Колчаковщина (из истории Гражданской война на Урале и в Сибири в 1918–1920 гг.). Тематический перечень документов РГВА.
- ⁹³³ *Гонтер К.Я.* Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига, [1920?]. С. 161.
- ⁹³⁴ *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. С. 308–309.
- ⁹³⁵ *Тимошков С.П.* Разгром Южной армии Колчака (август — сентябрь 1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 55.

- ⁹³⁶ *Алескеров Ю.Н.* Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959. С. 138; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Док. и мат. Алма-Ата, 1964. Т. 2: Сентябрь 1919 г. — декабрь 1920 г. С. 75; М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. М., 1941. С. 211, 217; *Тимошков С.П.* Разгром Южной армии Колчака. С. 51.
- ⁹³⁷ *Воробьев В.Ф.* Тобольско-Петропавловская операция. М., 1939. С. 40.
- ⁹³⁸ *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. С. 153; *Smele J.D.* Civil War in Siberia. P. 537.
- ⁹³⁹ *Воробьев В.Ф.* Тобольско-Петропавловская операция. С. 46.
- ⁹⁴⁰ *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. С. 146.
- ⁹⁴¹ Там же. С. 151.
- ⁹⁴² *Цветков В.Ж.* «Легион Святейшего Патриарха Тихона». Гвардия Православной Руси: из неосуществленных проектов // Военная быль (Москва). 1995. № 6 (135). С. 23–24; *Он же.* Генерал Дитерихс, последний защитник империи // Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 46. *Волков Е.В.* Православные священники в белых армиях: люди, идеи, судьбы // ВоенКом: Военный Комментатор. Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2002. № 2 (4). С. 11–12; *Посадский А.В.* Страницы Белого добровольчества на востоке России // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2002. № 11. С. 84–93;
- ⁹⁴³ *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. С. 147.
- ⁹⁴⁴ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 19. Л. 98.
- ⁹⁴⁵ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 645.
- ⁹⁴⁶ *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. С. 153.
- ⁹⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 22.
- ⁹⁴⁸ Подробнее см.: *Симонов Д.Г.* Система управления антибольшевистскими вооруженными силами на Востоке России: реформы генерала М.К. Дитерихса (лето-осень 1919 г.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI — начале XXI в. Новосибирск, 2011. С. 149–153.
- ⁹⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 92. Л. 15.
- ⁹⁵⁰ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Реконструкция боевого расписания казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока по состоянию к 25 октября 1919 г. // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Исторический альманах. (Москва). 2005. № 8. С. 302–304.
- ⁹⁵¹ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. С. 111.
- ⁹⁵² *Воробьев В.Ф.* Тобольско-Петропавловская операция. С. 81.
- ⁹⁵³ *Петров А.А.* Эволюция планов командования белого Восточного фронта в сентябре — декабре 1919 года // Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 308–309.
- ⁹⁵⁴ Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака. С. 508–509. С.А. Шепихин отмечает, что вопрос о назначении Сахарова в итоге был решен на совещании с участием Колчака, Каппеля, Войцеховского и Сахарова (НИА. S.A. Shchepikhin collection. Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–20 гг. Л. 7). Похожее описание приводит и сам Саха-

- ров, упоминая среди участников помимо себя Колчака и Дитерихса (Сахаров К.В. Белая Сибирь. С. 176–179).
- ⁹⁵⁵ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения. С. 93.
- ⁹⁵⁶ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. С. 336.
- ⁹⁵⁷ Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака. С. 510.
- ⁹⁵⁸ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения. С. 96–97, 104.
- ⁹⁵⁹ НИА. S.A. Shcherikhin collection. Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–20 гг. Л. 28.
- ⁹⁶⁰ Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. М., 2007. С. 321.
- ⁹⁶¹ Пучков Ф.А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном походе // Каппель и каппелевцы. С. 417.
- ⁹⁶² Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011. С. 149.
- ⁹⁶³ Там же. С. 405–406, 485.
- ⁹⁶⁴ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. С. 339.
- ⁹⁶⁵ Подробнее см.: Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006; Он же. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004.
- ⁹⁶⁶ Пучков Ф.А. 8-я Камская стрелковая дивизия. С. 469.
- ⁹⁶⁷ Там же. С. 422.
- ⁹⁶⁸ Серебренников И.И. Гражданская война: Великий отход. М., 2003. С. 56.
- ⁹⁶⁹ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения. С. 99.
- ⁹⁷⁰ Там же. С. 101.
- ⁹⁷¹ Пучков Ф.А. 8-я Камская стрелковая дивизия. С. 441.
- ⁹⁷² Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения. С. 102.
- ⁹⁷³ Там же. С. 102–103.
- ⁹⁷⁴ Пучков Ф.А. 8-я Камская стрелковая дивизия. С. 471.
- ⁹⁷⁵ Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. С. 206.
- ⁹⁷⁶ Подсчитано по: Мовчин Н. Комплектование Красной армии в 1918–1921 гг. // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 87.

Какую роль сыграли спецслужбы

⁹⁷⁷ Эта история получила трагикомическое продолжение, характеризующее стиль и методы работы ВЧК. В октябре 1918 г. для начальника Всероссийского главного штаба начальником оперативного управления С.А. Кузнецовым и временно исполняющим должность начальника военно-статистического отдела Н.Н. Шварцем была подготовлена справка об аресте военно-агентского отделения, в которой сообщалось: «9-го сентября был послан запрос Домовому Комитету дома, в котором помещалось агентское отделение, об обстоятельствах, при коих был произведен арест служащих отделения. Ввиду неполучения ответа на запрос 14 сентября из журнальной части военно-статистического отдела был послан на Поварскую улицу в дом № 22 курьер отдела Василий Чувакин с целью выяснить, в каком положении находится помещение военно-агентского отделения, находится ли

там кто-нибудь из служащих в нем и если находится, то пригласить его в отдел за получением бумаг и дачи справок по делам отделения. Когда посланный Чувакин долго не возвращался, начальником общего отделения военно-статистического отдела туда же был послан сторож Панов. Последний по возвращении доложил, что в помещении военно-агентского отделения оставлена засада, от которой он узнал, что никого из служащих в отделении нет, а приходивший ранее курьер Чувакин задержан и отправлен на Б. Лубянку в Чрезвычайную следственную комиссию.

В тот же день 14 сентября заведывающему контрразведывательным отделом Чрезвычайной следственной комиссии было послано сношение за № 39315 с просьбой освободить курьера Чувакина, посланного в помещение военно-агентского отделения по службе и для выполнения возложенного на него поручения, т.к. он не мог быть причастным к обстоятельствам, вызвавшим ранее арест начальника этого отделения Жихора. 22 сентября мною совместно с комиссаром управления было вторично возбуждено перед Чрезвычайной следственной комиссией ходатайство об освобождении Чувакина и 30 сентября за № 39434 комиссаром управления было возбуждено особое ходатайство о допущении его в помещение военно-агентского отделения для выбора необходимых дел.

Ни одно из поименованных ходатайств до настоящего времени удовлетворено не было» (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 120. Л. 53–53об.).

⁹⁷⁸ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 113.

⁹⁷⁹ О реорганизации центрального аппарата см.: *Звонарев К.К.* Агентурная разведка: М., 2003. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. С. 267–269.

⁹⁸⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 98. Л. 188об.

⁹⁸¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 391. Л. 5.

⁹⁸² РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 25. Л. 6.

⁹⁸³ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 190.

⁹⁸⁴ Подробнее см.: К истории ВЧК: Письмо А.И. Эрдмана (Бирзе) Ф.Э. Дзержинскому / публ. А.И. Колпакиди // Русское прошлое (Санкт-Петербург). 1996. Кн. 6. С. 181–208.

⁹⁸⁵ Там же. С. 192.

⁹⁸⁶ Там же. С. 197.

⁹⁸⁷ Подробнее об изменениях в структуре и кадрах советской военной разведки периода Гражданской войны см.: *Кочик В.* Советская военная разведка: структура и кадры. Статья первая (1917–1918) // Свободная мысль. 1998. № 5 (1474). С. 94–104; Статья вторая (1918–1921) // Там же. № 6 (1475). С. 88–103; Статья третья (1921–1924) // Там же. № 7 (1476). С. 97–109. О военно-морской разведке см.: *Владимиров О.* Следить за настроениями правящих кругов. Советская военно-морская разведка в 1918 году // Родина. 2011. № 10. С. 15–17.

⁹⁸⁸ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 126.

⁹⁸⁹ Там же.

- ⁹⁹⁰ Подробнее см.: Реввоенсовет Республики: Протоколы, 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 96; *Колпакиди А., Север А.* ГРУ. Уникальная энциклопедия. М., 2009. С. 71.
- ⁹⁹¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 189–197. Публикацию документа см.: Первый год советской военной разведки. Доклад В.А. Срывалина от 19 февраля 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Военно-исторический архив. 2011. № 1 (133). С. 174–191. Частично и без указания места хранения доклад опубликован в: *Кочик В.* Советская военная разведка: структура и кадры. Статья вторая (1918–1921). С. 89–92; *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ: дела и люди. СПб.; М., 2002. С. 18–21.
- ⁹⁹² РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 191.
- ⁹⁹³ Там же. Л. 194.
- ⁹⁹⁴ *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 605–606. Впрочем, сами белые приводили косвенные свидетельства проникновения красных в 1920 г. в один из штабов: *Сербин Ю.* О разведке. Из личных воспоминаний // Часовой (Брюссель). 1960. Декабрь. № 415. С. 12.
- ⁹⁹⁵ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 26об.
- ⁹⁹⁶ Там же. Л. 32.
- ⁹⁹⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 38. Л. 3.
- ⁹⁹⁸ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 143. Л. 132–132об.
- ⁹⁹⁹ Подробнее о Грондайсе см.: *Grondijs L.-H.* La guerre en Russie et en Sibirie. Paris, 1922; *Jansen M. L.H.* Grondijs and Russia: The Acts and Opinions of a Dutch White Guard // Revolutionary Russia. 1994. Vol. 7. № 1. June. P. 20–33; Людовик Грондайс «Он был возведен в ранг великих стратегов» / публ. Р.Г. Гагкуева и С.Г. Шиловой // Историк. 2016. № 5 (17). С. 28–31.
- ¹⁰⁰⁰ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 130. Л. 1–1об.; Ф. 100. Оп. 2. Д. 294. Л. 12; Ф. 33987. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.
- ¹⁰⁰¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 31об.
- ¹⁰⁰² *Алексеев М.* Как создавалось ГРУ. Военная разведка в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) // Секретное досье (Москва). 1998. № 2 (2). С. 42.
- ¹⁰⁰³ *Крестьянников В.В.* Белая контрразведка в Крыму в гражданскую войну // Русский сборник. 2004. Т. 1. С. 218.
- ¹⁰⁰⁴ См., напр.: Героическое подполье. В тылу деникинской армии. Воспоминания. М., 1976.
- ¹⁰⁰⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 218.
- ¹⁰⁰⁶ См., напр.: *Шинин О.В.* Советская военная разведка на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. // Военно-исторический журнал. 2012. № 3. С. 29–35
- ¹⁰⁰⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 250об.
- ¹⁰⁰⁸ Подробнее см.: *Филимонов С.Б.* Тайны крымских застенков. Симферополь, 2007. С. 86–95.
- ¹⁰⁰⁹ Подробнее о разведке Коминтерна см.: *Фирсов Ф.И.* Секретные коды истории Коминтерна 1919–1943. М., 2007.
- ¹⁰¹⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 581. Л. 139.

- ¹⁰¹¹ *Алексеев М.* Как создавалось ГРУ. С. 48.
- ¹⁰¹² ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 123; Д. 2. Л. 27.
- ¹⁰¹³ *Голдин В.И.* Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010. С. 38.
- ¹⁰¹⁴ Позднее вместо саботажа стали указывать преступления по должности.
- ¹⁰¹⁵ *Леонов С.* Дзержинский — Троцкий: кто кого? // *Родина*. 2008. № 12. С. 35–36.
- ¹⁰¹⁶ О деятельности Орлова см.: ГА РФ. Ф. Р-5936. Оп. 1. Д. 422.
- ¹⁰¹⁷ *Зданович А.А.* «Латышское дело». Нюансы раскрытия «заговора по-слов» // *Военно-исторический журнал*. 2004. № 3. С. 31.
- ¹⁰¹⁸ *Архив ВЧК*. Сб. док. М., 2007. С. 489–490.
- ¹⁰¹⁹ Там же. С. 556.
- ¹⁰²⁰ *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 147.
- ¹⁰²¹ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Михаил Антонович Дорман: генерал и его «дело» // *Новый исторический вестник*. 2012. № 2 (32). С. 84–100.
- ¹⁰²² *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 174–175.
- ¹⁰²³ *Леонов С.* Дзержинский — Троцкий: кто кого? С. 36.
- ¹⁰²⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 118об.
- ¹⁰²⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 127. Л. 13.
- ¹⁰²⁶ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 29об.
- ¹⁰²⁷ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 173.
- ¹⁰²⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 7об.
- ¹⁰²⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 126. Л. 1, 3–3об.
- ¹⁰³⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 202.
- ¹⁰³¹ Там же.
- ¹⁰³² ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 379. Л. 170.
- ¹⁰³³ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 78. Л. 35, 100об., 113.
- ¹⁰³⁴ См., напр.: *Лацис [М.Я.]*. Трудноизлечимая язва (О военконтроле) // *Известия ВЦИК*. 1918. № 277 (541). 18.12. С. 1.
- ¹⁰³⁵ Подробнее см.: *Зданович А.А.* Как Л.Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку // *Военно-исторический журнал*. 1996. № 3. С. 65–73; № 5. С. 75–82; *Он же*. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004. С. 121–141.
- ¹⁰³⁶ Речь идет о временно исполняющем обязанности начальника отдела военного контроля В.Х. Штейнгардте.
- ¹⁰³⁷ *И.Д. Чинтулов* был консультантом отдела военного контроля.
- ¹⁰³⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 33. Л. 16.
- ¹⁰³⁹ Утверждения о том, что Особый отдел ВЧК не имел отношения к военной разведке (*Войтиков С.* Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М., 2016. С. 653), не соответствуют действительности и лишь отдают читателям от понимания первого этапа истории советских спецслужб. В период Гражданской войны советские специальные службы находились

на этапе своего рождения и становления, поэтому нередко обладали дублирующими функциями. Это касалось и ведения разведывательной работы в 1919–1920 гг. Помимо Регистрационного управления Полевого штаба РВСР как центрального органа военной разведки и разведывательных отделений фронтовых и армейских штабов, разведывательной работой в интересах Красной армии занимались подпольные органы РКП(б), создававшиеся на занятых белыми территориях, и партизанские отряды. Для руководства этой работой были организованы Зафронтовые бюро ЦК РКП(б), а также Зарубежные бюро (*Алексеев М.* Как создавалось ГРУ. С. 44). Разведывательную деятельность вели и Особые отделы. Первые «Положения» об Особых отделах фронтов и армий, утверждавшиеся в январе 1919 г. еще не ВЧК, а РВС, включали в предполагаемую структуру новых органов и разведывательные отделы. И хотя эти «Положения» вскоре были пересмотрены, прежний замысел сохранился. В постановлении ВЦИК об Особых отделах при ВЧК от 21 февраля 1919 г. среди задач Особого отдела ВЧК была указана работа «агентуры за границей и в оккупированных иностранными державами и занятых белогвардейцами областях», кроме того, фронтовые и армейские Особые отделы выполняли все задания РВСР и РВС фронтов и армий (Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. Сб. док. М., 1958. С. 260). В штатах Особых отделов фронтов и армий была создана так называемая активная часть, а в структуре Особого отдела ВЧК возникли оперативный (активный) отдел и регистрационное отделение. Оперативному отделу Особого отдела ВЧК были подчинены вопросы организации агентурных сетей в тылу противника (*Скоркин К.В.* На страже завоеваний революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011. С. 835, 838). Агенты ВЧК вели масштабную работу в белом тылу, в том числе и диверсионную (этим сюжетам посвящена обширная историография. См., напр.: *Солдат революции: военная и политическая деятельность Ф.Э. Дзержинского.* М., 1987. С. 54–55; *Военные контрразведчики.* М., 1979. С. 98; *Кирмель Н.С.* Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. М., 2008. С. 279; *Кирмель Н.С., Шинин О.В.* Красные против белых. Спецслужбы в Гражданской войне 1917–1922. М., 2016. С. 197–198; и др.). Некоторые разведчики Особого отдела ВЧК приобрели легендарную известность. В Сибири успешно действовал сотрудник Особого отдела ВЧК А.И. Анисимов. В Одессе в 1919 г. кратковременно, но эффективно работал сотрудник Особого отдела ВЧК Ж. де Лафар. От председателя Особого отдела М.С. Кедрова он получил задание внедриться во французский штаб, добыть информацию о силах интервентов и установить, какие существуют возможности для прекращения интервенции. Лафар устроился в штаб экспедиционного корпуса Антанты переводчиком и сумел получить ценные сведения (*Капчинский О.И.* Агент из «Мирографа» // *Родина.* 2002. № 1. С. 73–75; *Кирмель Н.С.* Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка. М., 2013. С. 61–62). К сожалению, в России документация Особых отделов периода Гражданской войны до сих пор не доступна для исследова-

дователей. Однако такие документы рассекречены в зарубежных архивах. В частности, обширный материал по заброске на территорию Литвы и разведывательной работе сотрудников Особого отдела РВС 15-й армии и Особых отделов дивизий этой армии за начало 1920 г. хранится в Центральном государственном архиве Литвы (Lietuvos centrinis valstybes archyvas — LCVA) и открыт для изучения (LCVA. Ф. 378. Оп. 5. Д. 75). Разведывательные пункты Особого отдела ВЧК были созданы на Кавказе и в Средней Азии.

Свидетельства о разведывательной работе особистов сохранились и в мемуарах современников. Так, бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич вспоминал о своей работе начальником Полевого штаба РВСР летом 1919 г.: «Сведения о противнике должно было дать мне разведывательное отделение; их я и затребовал. Оказалось, однако, что отделение это изъято из ведения штаба и передано в Особый отдел.

Для доклада о противнике ко мне в кабинет явился молодой человек того “чекистского” типа, который уже успел выработаться... На заданные мною дополнительные вопросы о противнике молодой человек не смог ответить, и я не без удивления узнал, что он-то как раз и является начальником разведывательного отделения.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что в старой армии мой посетитель был писарем какого-то тылового управления, военного дела совершенно не знает и о той же разведке имеет самое смутное представление.

Необходимых мне данных о противнике я так и не получил. Пришлось ограничиться теми сведениями, которые добывались войсковой разведкой и излагались в разведывательных сводках, кстати сказать, поступавших с большим запозданием» (*Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 347–348).

В дальнейшем военная и политическая разведка получили различное институциональное оформление. Наличие у Особых отделов разведывательных функций привело к тому, что в конце Гражданской войны, весной 1920 г., в целях совершенствования разведывательной работы именно при Особом отделе ВЧК возник Иностраннный отдел, а при Особых отделах фронтов, армий и некоторых губерний — иностранные отделения, в компетенции которых оказалось ведение разведывательной работы за рубежом. В результате реорганизации в конце 1920 г. на базе прежнего органа был создан Иностраннный отдел ВЧК (позднее — ГПУ-ОГПУ) — орган внешней разведки, широко известный, благодаря операциям 1920–1930-х гг.

¹⁰⁴⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 147.

¹⁰⁴¹ *Васильев И.И., Зданович А.А.* Анатомия одного конфликта. История о том, как реввоенсовет армии отрешал от должности «своего» начальника особого отдела // Гражданская война в России и на русском Севере. Архангельск, 1999. С. 42–43.

¹⁰⁴² *Иванов А.А.* «Северная стража». Контрразведка на русском Севере в 1914–1920 гг. М., 2011. С. 105.

¹⁰⁴³ Военные контрразведчики. М., 1979. С. 8.

¹⁰⁴⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 26, 278.

¹⁰⁴⁵ Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920). С. 158–159; Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926: Док. / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 135–136.

¹⁰⁴⁶ Органы военного контроля в Закаспии не были влиты в Особые отделы, как было на остальной территории Советской России.

¹⁰⁴⁷ См., напр.: *Куприянов А.* Разведка в Персии не очень трудна... Компетентные органы Закаспийского фронта на иранской территории в 1919 году // Родина. 2012. № 2. С. 96–99.

¹⁰⁴⁸ Подробнее см.: *Зданович А.А.* «Помогли не угрозы... а сила аргументов». Особый отдел ВЧК против 2-го отдела польского генштаба: ликвидация резидентуры «Сверш» в 1920 году // Военно-исторический журнал. 2016. № 3. С. 37–42.

¹⁰⁴⁹ Подробнее о ликвидации Дутова см.: *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 480–502.

¹⁰⁵⁰ Подробнее см.: *Чебышев Н.Н.* Близкая даль // Белое дело. Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 13: Константинополь — Галлиполи. С. 166–172; *Цветков В.Ж.* Гибель «Лукулла» // Родина. 1998. № 5–6. С. 129–131.

¹⁰⁵¹ *Тумшиц М., Папчинский А.* 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 159–161.

¹⁰⁵² Подробнее см.: Юрій Тютюнник: від «Двійки» до ГПУ. Док. і мат. Київ, 2011.

¹⁰⁵³ Например, Семиреченская облЧК в 1921 г. смогла внедрить своего агента в ближайшее окружение одного из командующих белыми силами в Западном Китае и Монголии генерала А.С. Бакича, дочь этого агента даже вышла замуж за Бакича и информировала чекистов обо всем происходящем у белых (подробнее об этой операции см.: *Ганин А.В.* «Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть». Последний роман генерала Бакича в документах // Черногорцы в России / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 239–268. Подробнее о Бакиче см.: *Ганин А.В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004).

¹⁰⁵⁴ См., напр.: *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра». ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 132–147.

¹⁰⁵⁵ О разведке и контрразведке белых см.: *Кирмель Н.С.* Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918–1922 гг.). М., 2007; *Он же.* Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне; *Он же.* Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Разведка. М., 2013; *Он же.* Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка; *Кирмель Н.С., Хандорин В.Г.* Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015; *Кирмель Н.С., Шинин О.В.* Красные против белых.

¹⁰⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 855. Картон 3. Д. 6. Л. 3об.

¹⁰⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 10.

¹⁰⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 43.

¹⁰⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 4, 7.

- ¹⁰⁶⁰ Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 391.
- ¹⁰⁶¹ Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. С. 282.
- ¹⁰⁶² Казанович Б.И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май-июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 198.
- ¹⁰⁶³ Там же. С. 197.
- ¹⁰⁶⁴ Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М., 2006. С. 241–242.
- ¹⁰⁶⁵ Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918–1920). М., 1998. С. 163.
- ¹⁰⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 544. Л. 108–122; публикацию этого документа с некоторыми пропусками и неточностями см.: «Вредить большевизму всеми возможными способами». Белый агент в Красной армии // Источник. 1999. № 5. С. 61–67. Публикацию ряда статей Носовича в белой печати см.: Носович А.А. (А. Черноморцев). Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. М., 2010.
- ¹⁰⁶⁷ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 6.
- ¹⁰⁶⁸ Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. 1: Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. — март 1919 г.). С. 305.
- ¹⁰⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 51. Л. 74–74об.
- ¹⁰⁷⁰ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 29–29об. Подробнее см.: Измена командарма Н.Д. Всеволодова / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 72–93; № 5. С. 71–91.
- ¹⁰⁷¹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 291–291об.
- ¹⁰⁷² Орехов В. Кончина генерала Архангельского // Часовой (Брюссель). 1959. Декабрь. № 404. С. 4.
- ¹⁰⁷³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 36, 97.
- ¹⁰⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–1об.
- ¹⁰⁷⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225.
- ¹⁰⁷⁶ ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 2. Д. 12. Л. 2об.
- ¹⁰⁷⁷ «Национального центра».
- ¹⁰⁷⁸ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України» // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 35. Интересно, что почти дословно эти же данные привел в своем докладе И.П. Павлуновский (Архив ВЧК. Сб. док. С. 128).
- ¹⁰⁷⁹ Архив ВЧК. Сб. док. С. 126.
- ¹⁰⁸⁰ Там же. С. 129. Данные подтверждаются показаниями арестованных: Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 393–394.
- ¹⁰⁸¹ Казанович Б.И. Поездка из Добровольческой армии. С. 192.
- ¹⁰⁸² Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 92–93.
- ¹⁰⁸³ Казанович Б.И. Поездка из Добровольческой армии. С. 192.
- ¹⁰⁸⁴ Интересно, что в конце 1919 г., по просьбе Немитца, Троцкий через каналы Региструпра организовал передачу письма его жене и 10 000 рублей его

- детям, находившимся в занятой белыми Одессе (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 273, 288).
- ¹⁰⁸⁵ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 408.
- ¹⁰⁸⁶ Архив ВЧК. Сб. док. С. 129.
- ¹⁰⁸⁷ *Остряков С.З.* Военные чекисты. М., 1979. С. 52–53.
- ¹⁰⁸⁸ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 276–280.
- ¹⁰⁸⁹ НИА. Vrangeli collection. Box 39. Folder 1.
- ¹⁰⁹⁰ Т.е. «Правый центр» и «Национальный центр».
- ¹⁰⁹¹ *Деникин А.И.* Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 548.
- ¹⁰⁹² *Гурко В.И.* Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу 1917–1918 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 18; *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 14–15.
- ¹⁰⁹³ *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. С. 173.
- ¹⁰⁹⁴ Там же. С. 438.
- ¹⁰⁹⁵ К истории осведомительной организации «Азбука» / публ. В.Г. Бортневского // Русское прошлое. 1993. Кн. 4. С. 187.
- ¹⁰⁹⁶ *Рутыч Н.Н.* Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 412–416.
- ¹⁰⁹⁷ Там же. С. 420; *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1. С. 295.
- ¹⁰⁹⁸ *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 352–353.
- ¹⁰⁹⁹ *Двигубский А.М.* Отчет о деятельности харьковского разведывательного центра. Харьков, 2007. С. 13.
- ¹¹⁰⁰ Там же. С. 15. Другой вариант публикации этого документа см.: Из документов белогвардейской контрразведки 1919 г. // Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 150–172.
- ¹¹⁰¹ См., напр.: *Маймескулов Л.Н., Рогожин А.И., Сташиц В.В.* Всеукраинская Чрезвычайная комиссия (1918–1922). Харьков, 1990. С. 183–184.
- ¹¹⁰² РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 5. Л. 54.
- ¹¹⁰³ *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о гражданской войне. М., 1933. Т. 4. С. 132.
- ¹¹⁰⁴ Там же. С. 133.
- ¹¹⁰⁵ Там же. М., 1932. Т. 3. С. 173–174.
- ¹¹⁰⁶ Там же. С. 296.
- ¹¹⁰⁷ *Бортневский В.Г.* Избранные труды. СПб., 1999. С. 303.
- ¹¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-6393. Оп. 1. Д. 1. Л. 6об.–7об. Публикацию документа см.: *Ковальчук М.А.* Невідома війна 1919 року: українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ, 2006. С. 455–456.
- ¹¹⁰⁹ Подробнее о нем см.: *Ганин А.В.* Большая игра генерал-майора И.М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Исторический альманах. 2005. № 8. С. 193–207; *Он же.* Шестой побег генерала Зайцева // Родина. 2005. № 3. С. 28–32.

- ¹¹¹⁰ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
- ¹¹¹¹ *Malleson W.* The British Military Mission to Turkistan, 1918–1920. London, 1922. P. 96.
- ¹¹¹² *Bailey F.M.* Mission to Tashkent. N.Y., 2002. P. 49 (русский перевод — *Бейли Ф.М.* Миссия в Ташкент. М., 2013).
- ¹¹¹³ *Гафурова К.А.* Документы разоблачают (новые материалы о происках британского империализма в Средней Азии в годы Гражданской войны в СССР) // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 38; *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. Lenin's Dream of an Empire in Asia. N.Y.; Tokyo; London, 1995. P. 41.
- ¹¹¹⁴ *Деникин А.И.* Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 548.
- ¹¹¹⁵ См., напр.: *Ганин А.В.* Саквояж генерала А.М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143.
- ¹¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.
- ¹¹¹⁷ *Орлов В.Г.* Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998. С. 298.
- ¹¹¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-3510. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3.
- ¹¹¹⁹ *Ганин А.В.* Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 3 (127). С. 289.
- ¹¹²⁰ *Орлов В.Г.* Двойной агент. С. 75.
- ¹¹²¹ *Бортневский В.Г.* Избранные труды. С. 75.
- ¹¹²² *Орлов В.Г.* Двойной агент. С. 309.
- ¹¹²³ Цит. по: *Остряков С.З.* Военные чекисты. С. 78.
- ¹¹²⁴ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 10об.
- ¹¹²⁵ Подробнее о центрах см.: *Гагкуев Р.Г.* Охота на охотников. Вербовочные центры Добровольческой армии // Родина. 2008. № 3. С. 33–36.
- ¹¹²⁶ К истории осведомительной организации «Азбука». С. 183.
- ¹¹²⁷ Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М., 2007. С. 532.
- ¹¹²⁸ Пример данного явления см.: *Сербин Ю.* О разведке. Из личных воспоминаний. С. 11.
- ¹¹²⁹ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 148. Л. 6об.
- ¹¹³⁰ Там же. Л. 2, 6об.
- ¹¹³¹ Там же. Л. 52.
- ¹¹³² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 39–40.
- ¹¹³³ *Борман А.А.* Москва — 1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. 1991. № 1. С. 140–145.
- ¹¹³⁴ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1094. Л. 96.
- ¹¹³⁵ Там же.
- ¹¹³⁶ Там же. Л. 97.
- ¹¹³⁷ РГВА. Ф. 39457. Оп. 1. Д. 207. Л. 89об.
- ¹¹³⁸ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 78. Л. 41–43.
- ¹¹³⁹ *Деникин А.И.* Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 282.
- ¹¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 10.
- ¹¹⁴¹ Подробнее см.: *Айрапетов О.Р.* Дело Мясоедова // Родина. 2011. № 3. С. 78–81; № 4. С. 81–83; *Он же.* Рец. на кн.: У. Фуллер. Внутренний враг: шпи-

ономания и закат императорской России. М., 2009 // Русский сборник. 2010. Т. 9. С. 292–335.

¹¹⁴² Глобачев К.И. Правда о русской революции. С. 200.

¹¹⁴³ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 112.

¹¹⁴⁴ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 39. Л. 189.

¹¹⁴⁵ Бортневский В.Г. Избранные труды. С. 293–294.

¹¹⁴⁶ Там же. С. 300.

¹¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 84. Л. 6–6об.

¹¹⁴⁸ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 44. Л. 67.

¹¹⁴⁹ Устинов С.М. Записки начальника контрразведки. Белград, 1922. С. 132.

¹¹⁵⁰ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.

¹¹⁵¹ Достовалов Е.И. О белых и белом терроре // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 668.

¹¹⁵² ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 364. Л. 3об.

¹¹⁵³ НИА. Vrangel papers. Box 162. Folder 28.

¹¹⁵⁴ Ibidem.

¹¹⁵⁵ В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы. Сб. док. и мат. М., 2008. С. 76.

¹¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 474. Л. 3.

¹¹⁵⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 537 (616). Л. 44.

¹¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 151.

¹¹⁵⁹ Крестьянников В.В. Белая контрразведка в Крыму. С. 217–218.

¹¹⁶⁰ НИА. Р.А. Koussonsky collection. Box 8.

¹¹⁶¹ Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы. С. 183.

¹¹⁶² РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 126.

¹¹⁶³ Там же.

¹¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 12об.

¹¹⁶⁵ НИА. S.A. Shcherikhin collection. Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–20 гг. Л. 28.

¹¹⁶⁶ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 353; Корнева Е.А. Контрразведка А.В. Колчака: организация и освещение политических настроений населения и войск // Гражданская война в России (1917–1922 гг.). М., 2002. С. 195.

¹¹⁶⁷ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 360, 362.

¹¹⁶⁸ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. С. 342.

¹¹⁶⁹ Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 138–139.

¹¹⁷⁰ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 443об.

¹¹⁷¹ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 137. Л. 393–394; Гражданская война на Южном Урале 1918–1919. Сб. док. и мат. Челябинск, 1962. С. 251, 266–267.

¹¹⁷² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 353. Л. 73об. Аналогичная ситуация, когда отдельные офицеры считали себя вправе выполнять работу контрразведчиков, сложилась на белом Юге, в Одессе (Устинов С.М. Записки начальника контрразведки. С. 129).

¹¹⁷³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 257.

¹¹⁷⁴ Подробнее см.: *Майнио А.* Подрывная деятельность в Советской России: финские активисты и саботаж в 1918–1919 гг. // *Русский сборник.* 2013. Т. 13. С. 121–144.

¹¹⁷⁵ Там же. С. 129.

¹¹⁷⁶ Там же. С. 141.

¹¹⁷⁷ *Тотров Ю.Х.* СИС: 100 лет в России. Выражаю благодарность Ю.Х. Тотрову за любезно предоставленную возможность ознакомиться с рукописью статьи.

¹¹⁷⁸ Подробнее см.: *Быков А.В., Панов Л.С.* Дипломатическая столица России. Вологда, 1998. С. 87–91.

¹¹⁷⁹ *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008. С. 240.

¹¹⁸⁰ Публикацию документов по делу Локкарта см.: *Архив ВЧК.* Сб. док. С. 489–592.

¹¹⁸¹ Подробнее см.: *Bailey F. M.* Mission to Tashkent; *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze; *Teague-Jones R.* The Spy who Disappeared. Diary of a Secret Mission to Russian Central Asia in 1918. London, 1990.

¹¹⁸² *Куприянов А.* Разведка в Персии не очень трудна... С. 99. О британской разведке в Советской России см.: *Локкарт П.Б.* История изнутри: мемуары британского агента. М., 1991; *Cook A.* The True Story of Sidney Reilly. Stroud, 2011; *Dukes P.* Red Dusk and the Morrow. Adventures and investigations in Red Russia. London, 1923; *Hill G.A.* Go Spy the Land. London; Toronto; Melbourne; Sydney, 1932; *Plotke A.J.* Imperial Spies Invade Russia. The British Intelligence Interventions, 1918. Westport; London, 1993; *Siegel J.* British Intelligence on the Russian Revolution and Civil War — A Breach at the Source // *Intelligence and National Security.* 1995. Vol. 10. Iss. 3. P. 468–485; *Spence R.A.* Trust No One. The Secret World of Sidney Reilly. Los Angeles, 2002; *Id.* The Terrorist and the Master Spy: The Political 'Partnership' of Boris Savinkov and Sidney Reilly, 1918–25 // *Revolutionary Russia.* 1991. Vol. 4, Iss. 1. P. 111–131; *Van Der Rhoer E.* Master Spy. A True Story of Allied Espionage in Bolshevik Russia. N.Y., 1981.

¹¹⁸³ *Service R.* Spies and Commissars. Bolshevik Russia and the West. London, 2011. P. 226.

¹¹⁸⁴ Подробнее см.: *Зданович А.А.* Польский крест советской контрразведки. Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1918–1938. М., 2017; *Pepłoński A.* Wywiad Polski na ZSRR 1921–1939. Warszawa, 2010.

¹¹⁸⁵ *Очерки истории российской внешней разведки.* М., 1997. Т. 2: 1917–1933 годы. С. 130–133.

¹¹⁸⁶ *Чепик М.В.* Деятельность органов государственной политической охраны Дальневосточной республики по противодействию подрывной работе специальных служб интервентов и белых режимов в 1920–1922 гг. // *Теория и практика общественного развития.* 2015. № 12. С. 270.

¹¹⁸⁷ Кирмель Н.С. Деятельность контрразведывательных органов. С. 74.

¹¹⁸⁸ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. С. 38. В этом издании Корзун ошибочно назван Корзиным.

Брали ли красные в заложники семьи военспецов

¹¹⁸⁹ См., напр.: ГА РФ. Ф. Р-1245. Оп. 1. Д. 1, 14.

¹¹⁹⁰ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 739. Л. 108об.; ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 9. Д. 283. Л. 47об.

¹¹⁹¹ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 151.

¹¹⁹² The Trotsky papers 1917–1922 / edited and annotated by J.M. Meijer. London; Hague; Paris, 1964. Vol. 1: 1917–1919. P. 148.

¹¹⁹³ Реввоенсовет Республики: Протоколы, 1918–1919. Сб. док. М., 1997. С. 36.

¹¹⁹⁴ В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1975. С. 117.

¹¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 197. Л. 162.

¹¹⁹⁶ Там же. Л. 162об.

¹¹⁹⁷ Лобанов Д.А., Станковская Г.Ф. Судьба семьи генерала Владимира Оскаровича Капшеля // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 82.

¹¹⁹⁸ Харитоновна Е.Д. Судьба семьи русского офицера Владимира Капшеля // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 48.

¹¹⁹⁹ Капшель и капшелевцы. М., 2007. С. 112.

¹²⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 48об.

¹²⁰¹ Врангель М.Д. Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 198.

¹²⁰² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939: Док. и мат.: в 4 т. М., 2000. Т. 1: 1918–1922. С. 789. Впрочем, это указание содержится не в самих документах, а в именном комментарии и не имеет отсылки к документам. Здесь же приводятся данные об убийстве красными родителей повстанца «хорунжего» В.Ф. Рябоконя, однако, по всей видимости, речь не идет о заложничестве (Там же. С. 802). К сожалению, некоторые авторы вследствие не критического подхода к столь противоречивым данным склонны считать подобные случаи результатом заложничества. См., напр.: Черкасов А.А. Заложничество как средство воздействия на бело-зеленую оппозицию на Кубани и Черноморье в 1921–1922 гг. Краснодар, 2004. С. 80.

¹²⁰³ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 24.

¹²⁰⁴ ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.

¹²⁰⁵ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 141.

¹²⁰⁶ Об этом ярко написал генерал А.И. Деникин в своем рассказе «Исповедь» (Деникин А.И. Офицеры. М., 1991. С. 33–47).

¹²⁰⁷ Всебюркомвоен — Всероссийское бюро военных комиссаров. Образовано 8 апреля 1918 г. в целях координации деятельности военных комиссаров. С 14 октября 1918 г. в подчинении РВСР. Упразднено по решению VIII съезда РКП(б) на пленарном заседании ЦК РКП(б) нового состава 25 марта 1919 г.

Функции Всебюркомвоенна в дальнейшем выполнял Политотдел РВСР, а с мая 1919 г. Политуправление РВСР.

¹²⁰⁸ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 354. Л. 155об.–156.

¹²⁰⁹ Там же. Л. 55–64, 79.

¹²¹⁰ Там же. Л. 238.

¹²¹¹ Цит. по: *Критский М.* Красная армия на Южном фронте в 1918–1920 гг. (по документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-ым корпусом Добровольческой армии) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 270.

¹²¹² ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 9. Д. 283. Л. 46.

¹²¹³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 43.

¹²¹⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 63. Л. 149.

¹²¹⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 226.

¹²¹⁶ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 280.

¹²¹⁷ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 69. Л. 173.

¹²¹⁸ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 63.

¹²¹⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 395.

¹²²⁰ *Соколов Б.Ф.* Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 50.

¹²²¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 196. Л. 23.

¹²²² РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 313.

¹²²³ Там же. Л. 202.

¹²²⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1366. Л. 40–42.

¹²²⁵ *Беляков А., Дегтева О., Сеньюткина О., Смирнов С.* Политические репрессии в Нижегородской области 1917–1953 гг. М.; Нижний Новгород, 2017. С. 87.

¹²²⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 74; НИА. Vrangeli papers. Box 113. Folder 14.

¹²²⁷ *К-й В.* Красный начальник штаба // Часовой (Брюссель). 1958. Сентябрь. № 390 (8). С. 7.

¹²²⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 24об.

¹²²⁹ *Филипп Миронов.* Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997. С. 452, 628.

¹²³⁰ *Аншакова Ю.Ю.* Армия «Правды» начдива Сапожкова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т. 8, № 3. С. 775.

¹²³¹ *Хайрулин М., Кондратьев В.* Военлеты погибшей империи: Авиация в Гражданской войне. М., 2008. С. 61.

¹²³² *Баранов В.Г.* Состояние авиации на Дону / публ. А.В. Махалина, А.А. Литвина // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия. М., 2009. С. 526. Выражаю благодарность М.А. Хайрулину за указание на этот источник.

¹²³³ *Нешкин М.С., Шабанов В.М.* Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов. Биографический справочник. М., 2006. С. 12.

¹²³⁴ Напр.: РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 332.

¹²³⁵ *Махров П.С.* В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 88–89.

¹²³⁶ *Волконская С.А., кн.* Горе побежденным // Красный террор в Москве: Свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 454; *М.* Мартиролог русского офицер-

ства // Руль (Берлин). 1921. 6 сент. С. 2; *Трубецкой С.Е.* Минувшее // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 262.

¹²³⁷ НИА. Vrangeli papers. Box 39. Folder 1.

¹²³⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 361–138 (1909 г.). Л. 103об.–108; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года (с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 360.

¹²³⁹ Приведем еще одно мемуарное свидетельство, относящееся к осени 1918 г., впрочем, довольно сумбурное и наполненное неточностями: «За несколько дней до обыска поселился у нас на Басманной по ордеру полковник Генерального штаба Барановский [видимо, бывший генерал В.Л. Барановский], называю его полковником [исходя] из чина в русской старой армии. Блестящий офицер, видно сразу, что из культурной, интеллигентной семьи. Держался безупречно, но очень осторожно, не затрагивая никаких политических, экономических, не говоря уж о военных, вопросов. Говорил о Петрограде, его театрах, концертных залах, музыке. Вспоминал о семье, видно было, что тоскует, но о причине, почему семья не может переехать в Москву, отвечал:

— Так сложились обстоятельства.

Рано уходил на службу, приходил поздно вечером. Встречались лишь за вечерним чаем, когда приходил в столовую. А тут как-то утром в воскресенье звонок. Горничная говорит, что пришел какой-то мальчик, спрашивает Барановского. Его не было дома. Завели его в столовую. Мальчик воспитанный, но на всех смотрит с опаской. Потом как-то освоился, почувствовал к нашим доверие и рассказал:

— Мы с мамой и сестрой живем в Петрограде. Папу куда-то увезли. Мы живем как в тюрьме, мама с нами не может выйти из дому, только сама или мы одни. На днях получили от папы сообщение, что он в Москве, и адрес его сообщили, но просят не писать. Мама плачет, не верит и вот решила послать меня. Целую ночь я ехал.

Дождался он отца. Вечером горничная отвезла его на вокзал. Уехал счастливый. С отцом мы не поднимали о нем разговор. Поняли, что Троцкий (тогда он был министром обороны [наркомом по военным делам]) организует Генеральный штаб. Генштабисты разбежались, а кого поймаешь — тому верить нельзя. Заставить работать за совесть, а не за страх можно, взяв в залог семью» (*Авенариус Н.А.* Кремнистый путь. М., 2012. С. 118–119).

¹²⁴⁰ *Куракина Т.Г.*, кн. Воспоминания 1918–1921 гг. // Красный террор в Москве. С. 181–182; Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 492.

¹²⁴¹ *Грезин И.И.* Храм-Памятник в Брюсселе: Список мемориальных досок. СПб., 1999. С. 16.

¹²⁴² М. Мартиролог русского офицерства.

¹²⁴³ По просьбе А.И. Гучкова Мельгунов участвовал в сборе материалов, обличавших кровожадность большевиков. Эти данные должны были способствовать превращению процесса по делу М.М. Конради, убившего 10 мая 1923 г. в Лозанне советского дипломатического представителя В.В. Воровского, в политический процесс над коммунизмом.

¹²⁴⁴ В данном случае Мельгунов ссылался на сведения антибольшевистской газеты «Русская жизнь», сообщавшей в разгар Гражданской войны со ссылкой на «Северную коммуну», что в Петрограде «расстреляны все родственники командного состав[а] 86 пехотного полка, перешедшего к белым» (Русская жизнь (Гельсингфорс). 1919. 11.03. № 8. С. 2). Показательно, что указание газеты на расстрел *всех* родственников командного состава опустил как неправдоподобное даже сам Мельгунов, не стремившийся приуменьшать масштабы красного террора.

¹²⁴⁵ Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918–1923. М., 1990. С. 29.

¹²⁴⁶ Корнатовский Н.А. Борьба за красный Петроград. М., 2004. С. 145.

¹²⁴⁷ Мельгунов С.П. Красный террор. С. 116.

¹²⁴⁸ Witkowicz A. Wokół terroru białego i czerwonego 1917–1923. Warszawa, 2008. S. 236.

¹²⁴⁹ В.И. Ленин и ВЧК. С. 218.

¹²⁵⁰ Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М., 2011. С. 28.

¹²⁵¹ Наша газета (Омск). 1919. № 20. 09.09. С. 4.

¹²⁵² Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году. М., 1941. С. 26.

¹²⁵³ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 256–256об.

¹²⁵⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1965. Т. 50. С. 343.

¹²⁵⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 267; Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926: Док. / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 148.

¹²⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 785. Л. 74–75.

¹²⁵⁷ Сибирская Вандея. М., 2001. Т. 2: 1920–1921. С. 246–247.

¹²⁵⁸ Явное преувеличение Троцкого перед иностранцем: в старой армии не было миллиона офицеров, а численность военспецов РККА не превышала 100 тысяч человек.

¹²⁵⁹ Morizet A. Chez Lénine et Trotski. Moscou 1921. Paris, 1922. P. 107. Перевод наш.

¹²⁶⁰ Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 446.

¹²⁶¹ Троцкий ошибочно датировал декрет о взятии заложников, изданный в 1918 г. Можно предположить, что эта ошибка памяти обусловлена тем, что в 1918 г. распоряжение Троцкого еще не нашло практического применения.

¹²⁶² Троцкий Л.Д. Их мораль и наша // Бюллетень оппозиции (большеви-ков-ленинцев). 1938. Август–сентябрь. № 68–69. С. 14.

¹²⁶³ Почему вы миндальничаете? // ВЧК уполномочена сообщить... Жуковский; М., 2004. С. 132.

Почему победила Красная армия

¹²⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 130.

¹²⁶⁵ Подробнее см.: Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию [1907–1917]. М., 2003; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003.

- ¹²⁶⁶ Первое Советское правительство. Октябрь 1917 — июль 1918. М., 1991. С. 71.
- ¹²⁶⁷ Соломон Г.А. Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 261–262.
- ¹²⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 128.
- ¹²⁶⁹ Каменев С.С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М., 1963. С. 35.
- ¹²⁷⁰ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 10.
- ¹²⁷¹ М.В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 74.
- ¹²⁷² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 87.
- ¹²⁷³ Там же. Л. 534.
- ¹²⁷⁴ Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии в свете современных проблем российского федерализма. Уфа, 2004. С. 49–50.
- ¹²⁷⁵ Тоган З.-В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 251.
- ¹²⁷⁶ Контрпроцесс Троцкого: Стенограмма слушаний по обвинениям, выдвинутым на московских процессах 1930-х гг. М., 2017. С. 98.
- ¹²⁷⁷ См., напр.: Директивы главного командования Красной армии (1917–1920). Сб. док. М., 1969. С. 466.
- ¹²⁷⁸ Троцкий Л. Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 115.
- ¹²⁷⁹ Троцкий Л. Моя жизнь. М., 2001. С. 405.
- ¹²⁸⁰ Троцкий писал 16 октября 1919 г. командующему 7-й армией Д.Н. Надежному: «При таких условиях представляется безусловно необходимым организовать внутреннюю оборону Петрограда. Если вспомнить, что адмиралу Думбадзе (на самом деле адмиралу Ф.В. Дубасову. — А.Г.) понадобилась чуть ли не целая неделя, чтобы усмирить Москву в декабре 1905 года, хотя во всей Москве было едва ли более тысячи вооруженных революционеров, занявших ряд важных зданий, то совершенно очевидно, что несколько тысяч прорвавшихся белогвардейских войск будут совершенно загнаны, измотаны, затравлены и уничтожены в Петрограде при сколько-нибудь разумной организации внутренней обороны в течение одного-двух дней, а за это время успеют подойти достаточные подкрепления извне... Если бы белые прорвались в город, они бы здесь испарились и исчезли, как брызги воды на накалившейся плите» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 446–447). Советский чиновник-невозвращенец Г.А. Соломон, критически настроенный в отношении Троцкого, подверг этот приказ устами Л.Б. Красина критике, как «верх растерянности и глупости» (Соломон Г.А. Среди красных вождей. С. 195, 343). Думается, эта критика несостоятельна и основана на преувеличении сил и возможностей Северо-Западной армии Н.Н. Юденича, которая бы погибла в Петрограде в условиях тактики выжженной земли, предложенной Троцким.
- ¹²⁸¹ Троцкий Л. Моя жизнь. С. 407.
- ¹²⁸² Там же. С. 419.
- ¹²⁸³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 446.

- ¹²⁸⁴ Например, основой формирования штаба Беломорского военного округа послужили кадры штаба Юго-Западного фронта старой армии (в Архангельск прибыли 57 человек во главе с бывшим временно исполняющим должность начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта полковником Н.Н. Петиным (РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 26. Л. 20). Штаб 1-й армии Северного фронта переформировывался в Самаре в штаб Приволжского военного округа (*Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 245).
- ¹²⁸⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 16.
- ¹²⁸⁶ Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М., 1925. С. 12, 16 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 167).
- ¹²⁸⁷ *Кляцкин С.М.* На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. М., 1965. С. 336.
- ¹²⁸⁸ Там же. С. 247.
- ¹²⁸⁹ Там же. С. 156–157.
- ¹²⁹⁰ Состояние Московского военного округа к 15 ноября 1918 г. Доклад Совету Рабочей и Крестьянской Обороны и Революционному Военному Совету Республики. М., 1918. С. 10.
- ¹²⁹¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 5.
- ¹²⁹² Там же.
- ¹²⁹³ *Каменев С.С.* Записки о гражданской войне. С. 73.
- ¹²⁹⁴ *Гиацинтов Э.* Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 77.
- ¹²⁹⁵ *Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В.* Военная история гражданской войны в России 1918–1920 годов. М., 2004. С. 79.
- ¹²⁹⁶ *Каменев С.С.* Записки о гражданской войне. С. 73.
- ¹²⁹⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 559.
- ¹²⁹⁸ *Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В.* Военная история гражданской войны. С. 79.
- ¹²⁹⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 258–258об.
- ¹³⁰⁰ *Воронович Н.* Меж двух огней (Записки зеленого) // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 172.
- ¹³⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 381а. Л. 4.
- ¹³⁰² Там же. Л. 7–8.
- ¹³⁰³ *Мовчин Н.* Комплектование Красной армии (исторический очерк). Л., 1926. С. 101.
- ¹³⁰⁴ Там же. С. 228.
- ¹³⁰⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.
- ¹³⁰⁶ *Кляцкин С.М.* На защите Октября. С. 463.
- ¹³⁰⁷ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 138.
- ¹³⁰⁸ *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1924. Т. 2, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцатый год. С. 5–6.
- ¹³⁰⁹ Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. С. 49 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 167).

- ¹³¹⁰ *Евсеев Н.* Конница в разгроме белых на Урале в 1919 г. М., 1934. С. 8.
- ¹³¹¹ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 176.
- ¹³¹² Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. С. 92 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 167).
- ¹³¹³ См., напр.: *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 188–189.
- ¹³¹⁴ Интересно, что в 1920 г. даже врангелевские офицеры произносили то-сты за взятие Красной армией Варшавы (*Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. М., 2004. С. 134).
- ¹³¹⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 79.
- ¹³¹⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 236.
- ¹³¹⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 46.
- ¹³¹⁸ Там же. Л. 46об.
- ¹³¹⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 567.
- ¹³²⁰ РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 180. Л. 330, 338–339.
- ¹³²¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 34об.
- ¹³²² РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 21. Л. 311.
- ¹³²³ *Каменев С.С.* Записки о гражданской войне. С. 72.
- ¹³²⁴ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.
- ¹³²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 381а. Л. 18.
- ¹³²⁶ *Александр Михайлович, вел. кн.* Воспоминания. М., 2001. С. 407–408.
- ¹³²⁷ *Мордвинов Р.Н.* Волжская военная флотилия в Гражданской войне (1918–1920 гг.). М., 1952. С. 71–72, 74.
- ¹³²⁸ *Каменев С.С.* Записки о гражданской войне. С. 77.
- ¹³²⁹ Гражданская война в СССР. М., 1986. Т. 2: Решающие победы Красной армии. Крах империалистической интервенции (Март 1919 г. — октябрь 1922 г.). С. 37.
- ¹³³⁰ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 2об.
- ¹³³¹ Немцы вывозили имущество завода вагонами. Среди вывезенного или изъятого были доски, бочки, бензин, масло, сено, гвозди, цемент, известь, гильзовая латунь, мельхиор, сотни тысяч патронов (ГАЛО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 149. Л. 31об.-32, 39, 40; Также см. Д. 148).
- ¹³³² РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 70. Л. 156–158об. Оpubл. в: Малоизвестная страница истории гражданской войны на Востоке России / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 62–67. См. Приложение 2.
- ¹³³³ РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 140. Л. 25.
- ¹³³⁴ Таблицы и диаграммы к отчету о деятельности Совета военной промышленности за 1919 и 1920 гг. М., б.г. С. 3–5, 7–10; Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. док. М., 1978. Т. 4: Материалы, указатели. С. 406–407; Из истории Гражданской войны в СССР: Сб. док. и мат. М., 1961. Т. 3: Февраль 1920 — октябрь 1922. С. 168–170; *Коваленко Д.А.* Оборонная промышленность Советской России в 1918–1920 гг. М., 1970. С. 383.

- 1335 Советское военно-промышленное производство (1918–1926 гг.). Сб. док. М., 2005. Т. 2. С. 213.
- 1336 Там же. С. 214.
- 1337 Там же.
- 1338 ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 9. Д. 283. Л. 68.
- 1339 РГВА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 9. Л. 69.
- 1340 Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. С. 393–394.
- 1341 Советское военно-промышленное производство. С. 89.
- 1342 *Коваленко Д.А.* Оборонная промышленность Советской России. С. 253.
- 1343 Там же. С. 389.
- 1344 Реввоенсовет Республики: Протоколы, 1920–1923: Сб. док. М., 2000. С. 79.
- 1345 Реввоенсовет Республики: Протоколы, 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 244.
- 1346 *Барятинский М., Коломиец М.* Бронеавтомобили «Остин». М., 1997. С. 30.
- 1347 Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 247; *Коломиец М., Мощанский И., Ромадин С.* Танки Гражданской войны. М., 1999. С. 4–6.
- 1348 Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. С. 133 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 167).
- 1349 *Хайрулин М., Кондратьев В.* Военлеты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. М., 2008. С. 89–90, 92.
- 1350 Автор благодарит за консультацию М.А. Хайрулина.
- 1351 Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 610.
- 1352 РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 410.
- 1353 ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 196. Л. 107.
- 1354 *Кляцкин С.М.* На защите Октября. С. 409.
- 1355 Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 249; Таблицы и диаграммы к отчету о деятельности Совета военной промышленности за 1919 и 1920 гг. С. 13.
- 1356 Реввоенсовет Республики: Протоколы, 1920–1923. С. 126.
- 1357 *Коваленко Д.А.* Оборонная промышленность Советской России. С. 117.
- 1358 Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. С. 355–356.
- 1359 *Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В.* Военная история гражданской войны. С. 209; *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015. С. 126.
- 1360 Советское военно-промышленное производство. С. 251.
- 1361 РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 5об.–6.
- 1362 РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 930. Л. 323.
- 1363 Там же. Л. 435.
- 1364 Там же. Л. 481.
- 1365 РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 570–571.
- 1366 РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 7об.
- 1367 *Кляцкин С.М.* На защите Октября. С. 266.
- 1368 РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.
- 1369 РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 10.

- ¹³⁷⁰ История СССР с древнейших времен до наших дней. Вторая серия. М., 1967. Т. 7: Великая Октябрьская Социалистическая революция и Гражданская война в СССР 1917–1920 гг. С. 684.
- ¹³⁷¹ Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 — 1920 г.г.). М., 2002. С. 136–137.
- ¹³⁷² Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России. М., 2001. С. 28–29.
- ¹³⁷³ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 392. Л. 101.
- ¹³⁷⁴ Из истории Гражданской войны в СССР. Сб. док. и мат. М., 1961. Т. 2: Март 1919 — февраль 1920. С. 821.
- ¹³⁷⁵ Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 46.
- ¹³⁷⁶ Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В. Военная история гражданской войны. С. 205.
- ¹³⁷⁷ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 17.
- ¹³⁷⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 272об.
- ¹³⁷⁹ Там же. Л. 273.
- ¹³⁸⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 7об.
- ¹³⁸¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 256об.
- ¹³⁸² Мовчин Н. Комплектование Красной армии (исторический очерк). С. 133. В другой работе этого автора допущена явная ошибка в расчетах в сторону существенного увеличения числа задержанных (Мовчин Н. Комплектование Красной армии в 1918–1921 гг. // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 83). Эта ошибка позднее перекочевала в современное исследование о военных потерях России и СССР в XX в. (Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 134).
- ¹³⁸³ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 386.
- ¹³⁸⁴ Там же. Л. 312об.
- ¹³⁸⁵ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 39. Подробнее о заградотрядах см.: Дайнес В.О. Штрафбаты и заградотряды Красной армии. М., 2010.
- ¹³⁸⁶ Подробнее об этом см.: Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 70–74; Гусев С.И. Гражданская война и Красная армия. Сб. военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.; Л., 1925. С. 20.
- ¹³⁸⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 147–147об.
- ¹³⁸⁸ Там же. Л. 150.
- ¹³⁸⁹ Подробнее см.: Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Сб. док. М., 2007. С. 422–428; Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 479–493.
- ¹³⁹⁰ Генис В.А. Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 73.
- ¹³⁹¹ Присяжный Н.С. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году (Малоизвестные страницы истории). Ростов-на-Дону, 1992. С. 19.
- ¹³⁹² РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1648. Л. 1.

¹³⁹³ Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). М., 2009. С. 348.

¹³⁹⁴ См., напр.: *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008; *Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925)*. Сб. док. М., 2017.

¹³⁹⁵ Конец 1918 г.

¹³⁹⁶ 1918.

¹³⁹⁷ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 960.

¹³⁹⁸ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 367.

¹³⁹⁹ *Критский М.* Красная армия на Южном фронте в 1918–1920 гг. (по документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-ым корпусом Добровольческой армии) // *Архив русской революции*. Берлин, 1926. Т. 18. С. 280.

¹⁴⁰⁰ *Валь Э.Г., фон.* Как Пилсудский погубил Деникина. Таллин, 1938. С. XV–XVI.

¹⁴⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 100.

Заключение

¹⁴⁰² *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1956. Т. 7. С. 86.

Приложения

¹⁴⁰³ Д и 90 вписано черными чернилами.

¹⁴⁰⁴ Сербами был укомплектован 3-й батальон 1-го Семеновского пешего полка (две роты), впоследствии преобразованный в Сербский конный дивизион Конвоя атамана Семенова.

¹⁴⁰⁵ Дата вписана чернилами.

¹⁴⁰⁶ Впервые опублик. в: Малоизвестная страница истории гражданской войны на Востоке России / публ. А.В. Ганина // *Вопросы истории*. 2008. № 10. С. 62–67.

¹⁴⁰⁷ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 70. Л. 158об.

¹⁴⁰⁸ Н.А. Галкин являлся по специальности артиллеристом. Галкин Николай Александрович (1886–1921) — полковник, генерал-майор, начальник Главного штаба и командующий Народной армией (08.06–24.10.1918).

¹⁴⁰⁹ Фортунатов Борис Константинович (24.01.1886–1940) — политический и военный деятель, ученый, писатель, член партии эсеров, вошел в состав Комуча (с 08.06.1918), член штаба Народной армии Комуча (с 06.1918). Подробнее см.: *Леонтьев Я.В.* Фартовый корнет Фортунатов // *Родина*. 2006. № 7. С. 75–78.

¹⁴¹⁰ Сапожников Алексей Васильевич (15.03.1868–23.07.1935) — генерал-лейтенант, заведующий отделом центральной научно-технической лаборатории военного ведомства (с 03.08.1914).

¹⁴¹¹ Киснемский Гавриил Петрович (19.03.1853–?) — генерал-майор, начальник Михайловско-Шостенского порохового завода (с 20.09.1908, на 1916).

¹⁴¹² Т.е. чехословацких войск.

- ¹⁴¹³ Правильно — ГАУ (Главного артиллерийского управления).
- ¹⁴¹⁴ Грот Александр-Евгений Юльевич, фон (29.08.1865 — ?) — генерал-майор, начальник отдела заводской техники и заготовок Главного артиллерийского управления Комуча (с 07.09.1918).
- ¹⁴¹⁵ Алмазов Валентин Иванович (1889 — 17.03.1921) — член Комуча.
- ¹⁴¹⁶ Маслов Павел Григорьевич (1879 — после 1928) — член Комуча.
- ¹⁴¹⁷ Копанский Николай Васильевич (26.09.1869 — ?) — генерал-майор, начальник Симбирского патронного завода.
- ¹⁴¹⁸ Речь идет об Отдельном Уральском армейском корпусе генерал-лейтенанта М.В. Ханжина.
- ¹⁴¹⁹ Болдескул Лев Иванович (20.02.1872 — ?) — полковник, начальник Главного артиллерийского управления Комуча (1918).
- ¹⁴²⁰ Судя по всему, речь идет о поселке Кочкарь Троицкого уезда Оренбургской губернии.
- ¹⁴²¹ Плазовский Роман Антонович (23.08.1874–26.02.1930) — генерал-майор, помощник начальника Главного артиллерийского управления Комуча.
- ¹⁴²² Келлер Федор Артурович (12.10.1857–08(21).12.1918) — генерал от кавалерии, монархист, убит петлюровцами в Киеве.
- ¹⁴²³ Алексеев Михаил Васильевич (03.11.1857–25.09(08.10).1918) — генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий (1917), один из основоположников Белого движения.
- ¹⁴²⁴ Деникин Антон Иванович (04.12.1872–07.08.1947) — генерал-лейтенант, главнокомандующий Добровольческой армией.
- ¹⁴²⁵ Краснов Петр Николаевич (10.09.1869–16.01.1947) — генерал от кавалерии, атаман Всевеликого войска Донского.
- ¹⁴²⁶ Скоропадский Павел Петрович (03.05.1873–26.04.1945) — гетман Украины.
- ¹⁴²⁷ В действительности такой встречи не было.
- ¹⁴²⁸ Впервые опубликовано в: Ганин А.В. «Настоящую революцию я в натуре лично с оружием в руках проводил». Исповедь сотника Рогожкина // Историки-слависты МГУ. М., 2016. Кн. 11: Многоликий и беспокойный славянский мир. Научный сборник в честь 50-летия Юрия Аркадьевича Борисенка. С. 379–407.
- ¹⁴²⁹ Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945. Биографический справочник. М., 2007. С. 484.
- ¹⁴³⁰ Приказ армии и флота от 23.03.1917.
- ¹⁴³¹ Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус. С. 117.
- ¹⁴³² Правильно — 1-й.
- ¹⁴³³ Годовщина первой революционной армии. М., 1920. С. 100.
- ¹⁴³⁴ РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 277; ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183. Л. 2об., 7–8об., 10.
- ¹⁴³⁵ Подробнее об атамане А.И. Дутове см.: Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006; Новые материалы об атамане А.И. Дутове / публ. А.В. Ганина // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное

участие, кадры. Сб. статей и материалов / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2015. С. 100–219.

¹⁴³⁶ Баев Александр Александрович (16.08.1878–?) — есаул, командир Бердской сотни. Подробнее см.: *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус. С. 101–102.

¹⁴³⁷ Карнаухов (Корнаухова) Николай Петрович (25.11.1881 — не ранее 1925) — генерал-майор, командующий Бузулукской группой войск. Подробнее см.: Там же. С. 261–262.

¹⁴³⁸ Тургенев Василий Николаевич (12.12.1866–?) — полковник, командир 25-го Оренбургского казачьего полка. Подробнее см.: Там же. С. 566.

¹⁴³⁹ Далее зачеркнуто — Я с ним с первых дней не сошелся.

¹⁴⁴⁰ Иванов Петр — войсковой старшина, командир 25-го Оренбургского казачьего полка. Подробнее см.: *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус. С. 240.

¹⁴⁴¹ Возможно, Калачев Валентин Кузьмич (14.12.1866–?) — полковник. Подробнее см.: Там же. С. 254.

¹⁴⁴² Поляков Никита Андреевич (02.12.1876–13.04.1923) — генерал-майор, начальник сводной Оренбургской казачьей дивизии. Подробнее см.: Там же. С. 461–462.

¹⁴⁴³ Шишкин Владимир Николаевич (11.07.1862–1920) — генерал-лейтенант, командир Оренбургского армейского корпуса. Подробнее см.: Там же. С. 625–626.

¹⁴⁴⁴ Имеются в виду солдаты бывшей Народной армии.

¹⁴⁴⁵ Нестеренко (Нестеренков) Степан (Стефан) Иванович (14.08.1893–23.01.1973) — войсковой старшина, в распоряжении Войскового штаба Оренбургского казачьего войска. Подробнее см.: *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус. С. 400–401.

¹⁴⁴⁶ Т.е. при отделе народного образования.

¹⁴⁴⁷ Уездного исполнительного комитета.

¹⁴⁴⁸ Мемуарист неточен. Возможно, речь идет о 3-м Чрезвычайном Войсковом круге Оренбургского казачьего войска, созванном в Оренбурге в сентябре 1918 г.

¹⁴⁴⁹ Акулинин Иван Григорьевич (12.01.1880–26.11.1944) — полковник, помощник командующего войсками Оренбургского военного округа. Подробнее см.: *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус. С. 81–84; *Ганин А.В.* Три жизни генерала Акулинина (Ч. 1) // Известия лаборатории древних технологий (Иркутск). 2015. № 3 (16). С. 28–54; То же (Ч. 2) // 2015. № 4 (17). С. 97–127; То же (Ч. 3) // 2016. № 1 (18). С. 95–127.

¹⁴⁵⁰ Видимо, речь идет о Народной армии.

¹⁴⁵¹ Речь идет о 2-м военном округе Оренбургского казачьего войска.

¹⁴⁵² Речь идет об оренбургских казачьих офицерах, братьях Кашириных, поддержавших большевиков. Каширин Иван Дмитриевич (26.04.1890–20.09.1937) — оренбургский казак, подьесаул, член РКП(б) с апреля 1918 г.

Каширин Николай Дмитриевич (15.02.1888–14.06.1938) — оренбургский казак, подъесаул, член РКП(б) с апреля 1918 г.

¹⁴⁵³ В документе ошибочно — Батича. Бакич Андрей Степанович (31.12.1878–17.06.1922) — полковник, командующий Бузулукской группой Юго-Западной армии. Подробнее см.: Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус. С. 102–104; Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004; Он же. «Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть». Последний роман генерала Бакича в документах // Черногорцы в России / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 239–268; Он же. Урянхайский поход Бакича // Родина. 2014. № 7. С. 52–58; Он же. Черногорац у службы Русије: генерал Бакић. Никшић, 2009; Он же. Новые материалы к биографии черногорца на русской службе генерала А.С. Бакича // Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: материалы XI Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. Оренбург, 2015. С. 43–47.

¹⁴⁵⁴ Впервые опублик. в: «Хотелось бежать назад без оглядки». «Психическая» атака 2 февраля 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Источник. 2003. № 3. С. 21–22.

¹⁴⁵⁵ Петров А.А. Феномен «психических» атак // Сержант (Москва). 2001. № 1 (18). С. 37.

¹⁴⁵⁶ «Психическая» атака // Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 1256.

¹⁴⁵⁷ Скорее всего, это были не уральские, а оренбургские казаки, действовавшие на этом фронте.

¹⁴⁵⁸ В рапорте начальника военно-контрольного отделения штаба Сибирской армии генерал-квартирмейстеру штаба армии от 28 февраля 1919 г. отмечалось, что в отдельной телеграфной роте штаба Сибирской армии служат нежелательные элементы левых убеждений, которые не исполняют приказов, выражают недовольство условиями службы, самовольно отлучаются, подделывают увольнительные записки, а солдат А. Яковлев еще в Иркутске нарочно со второго этажа вылил на офицера суп (РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 24. Л. 176). Генерал Б.П. Богословский приказал написать генералу П.П. Гривину секретное сношение «о приведении ее (роты. — А.Г.) в христианскую веру» (Там же).

¹⁴⁵⁹ Комментированный самим Е.Э. Месснером его послужной список на 16 (29) сентября 1920 г. опублик. в кн.: Евгений Эдуардович Месснер. Судьба русского офицера. СПб., 1997. Подробнее о жизни и деятельности Е.Э. Месснера см.: Домнин И.В. От Первой мировой до «Третьей всемирной». Жизненный путь Генерального штаба полковника Е.Э. Месснера // Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 19–70.

¹⁴⁶⁰ Автором этих строк ранее опубликован фрагмент этих воспоминаний об учебе мемуариста в академии (Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 560–578). К сожалению, в подготовленной нами

биографической справке о Е.Э. Месснере датировки его службы в период Гражданской войны были указаны по старому стилю.

¹⁴⁶¹ «Якутцы не привыкли к поражениям...» (к истории 42-го пехотного Якутского полка в Гражданскую войну) / публ. А.С. Кручинина // Военная быль (Москва). 1995. № 6 (135). С. 20–23.

¹⁴⁶² Подробнее см. в рапорте о состоянии дивизии от 19 июня (2 июля) 1919 г.: 7-я пехотная дивизия ВСЮР в боях под Царицыным // Цветков В.Ж. Белые армии Юга России (комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных сил Юга России, Русской армии). М., 2000. С. 106–109.

¹⁴⁶³ Месснер Александр Яковлевич (08.02.1874–09(22).12.1919) — генерал-майор, заведующий новороссийским железнодорожным узлом.

¹⁴⁶⁴ 21 мая 1919 г. по новому стилю.

¹⁴⁶⁵ Тимановский Николай Степанович (16.08.1889–18 (31).12.1919) — генерал-майор, начальник Отдельной Одесской стрелковой бригады, с которой отступил в Румынию в апреле 1919 г.

¹⁴⁶⁶ Е.Э. Месснер неточен в изложении данных о численности и составе бригады. 7000 человек — возможная максимальная численность прибывших из Румынии, а не только офицерского состава.

¹⁴⁶⁷ Рубцов Александр Николаевич (1888–?) — полковник.

¹⁴⁶⁸ Невядомский Николай Евстафьевич (30.04.1889–?) — капитан.

¹⁴⁶⁹ Капнин Константин Львович (14.04.1890 — не ранее 1945) — капитан, начальник штаба Отдельной Одесской стрелковой бригады.

¹⁴⁷⁰ 31 мая 1919 г. по новому стилю.

¹⁴⁷¹ Непенин Петр Павлович (31.12.1872–06.07.1932) — полковник (позднее — генерал-майор), командир сводного полка 4-й стрелковой дивизии.

¹⁴⁷² Санников Александр Сергеевич (18.04.1866–16.02.1931) — генерал-лейтенант, главнокомандующий войсками Юго-Западного края (Одесса).

¹⁴⁷³ Шварц Алексей Владимирович, фон (15.03.1874–27.09.1953) — генерал-лейтенант, военный генерал-губернатор Одессы и командующий русскими войсками.

¹⁴⁷⁴ Груев Иван Семенович (1878–1919) — подполковник, командир батареи 7-й пехотной дивизии.

¹⁴⁷⁵ Дроздовский Михаил Гордеевич (07.10.1881–01(14).01.1919) — полковник, командир Отряда русских добровольцев Румынского фронта.

¹⁴⁷⁶ Бахутов Иван Иосифович (1877–24/25.05.1931) — подполковник.

¹⁴⁷⁷ Николаевский цепной мост — первый постоянный мост через Днепр в Киеве напротив Аскольдовой могилы. В июне 1920 г. взорван польскими войсками.

¹⁴⁷⁸ Возможно, Добровольский Михаил Николаевич — генерал-майор.

¹⁴⁷⁹ Добровольский Виктор Васильевич — полковник, командир Корниловской инженерной роты.

¹⁴⁸⁰ 23 мая 1919 г. по новому стилю.

¹⁴⁸¹ Кутепов Александр Павлович (16.09.1882–26.01.1930) — генерал-майор, генерал-лейтенант, командир I армейского корпуса Добровольческой армии.

¹⁴⁸² 2 июня 1919 г. по новому стилю.

- ¹⁴⁸³ Калнин Михаил Эммануилович — поручик, шурин Е.Э. Месснера.
- ¹⁴⁸⁴ 12 июня 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁴⁸⁵ Ползиков Михаил Николаевич (26.10.1875–06.06.1938) — капитан (впоследствии — генерал-майор). Участник похода Яссы — Дон в должности командира легкой батареи. Но, возможно, применительно к событиям воспоминаний речь идет о его однофамильце — офицере-артиллеристе Иване Дмитриевиче Ползикове, который впоследствии участвовал в Бредовском походе.
- ¹⁴⁸⁶ Со 2 по 17 июня 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁴⁸⁷ 18 июня 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁴⁸⁸ Врангель Петр Николаевич (15.08.1878–25.04.1928) — генерал-лейтенант, командующий Кавказской армией.
- ¹⁴⁸⁹ 24 июня 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁴⁹⁰ Улагай Сергей Георгиевич (19.10.1875–29.04.1944) — генерал-лейтенант, командир II Кубанского казачьего корпуса, начальник Царицынской группы войск.
- ¹⁴⁹¹ 25 июня 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁴⁹² 26 июня 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁴⁹³ 27 июня 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁴⁹⁴ 29 июня 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁴⁹⁵ Буденный Семен Михайлович (13.04.1883–26.10.1973) — командир конного корпуса РККА.
- ¹⁴⁹⁶ Речь идет о событиях 28 июня 1919 г. по новому стилю, когда был подписан Версальский мирный договор.
- ¹⁴⁹⁷ Шуберский Александр Николаевич (20.03.1875–11.06.1963) — генерал-майор, начальник штаба II Кубанского казачьего корпуса.
- ¹⁴⁹⁸ Е.Э. Месснер неточен. Первая оборона Царицына от донских казаков происходила с июля по ноябрь 1918 г. Новое наступление на Царицын белые предприняли в январе — феврале 1919 г.
- ¹⁴⁹⁹ 28 июня 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁵⁰⁰ 30 июня 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁵⁰¹ Царицын был взят белыми 30 июня 1919 г.
- ¹⁵⁰² 4 июля 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁵⁰³ У Е.Э. Месснера неточно — 24 июля. Очевидно, речь идет о 24 июня (7 июля) 1919 г.
- ¹⁵⁰⁴ Римский-Корсаков Михаил Михайлович (1872–02.1950) — капитан 1-го ранга. Фабрицкий Семен Семенович (14.02.1874–03.02.1941) — контр-адмирал, начальник речного отряда Донской армии. Кононов Иван Анатольевич (25.12.1885–23.01.1959) — контр-адмирал, командир Донской флотилии (1918). Женат вторым браком на Вере Васильевне Флуг. Флуг Василий Егорович (19.03.1860–03.12.1955) — генерал от инфантерии.
- ¹⁵⁰⁵ Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич (30.10.1873 — после 1944) — генерал-лейтенант, начальник 7-й пехотной дивизии.
- ¹⁵⁰⁶ 3 октября 1920 г. по новому стилю.
- ¹⁵⁰⁷ 17 июля 1919 г. по новому стилю.

- ¹⁵⁰⁸ Крупская Надежда Константиновна (14.02.1869–27.02.1939) — революционерка, государственный и общественный деятель, супруга В.И. Ленина.
- Коллонтай Александра Михайловна (19.03.1872–09.03.1952) — революционерка, государственный и общественный деятель, супруга П.Е. Дыбенко.
- ¹⁵⁰⁹ Эверт Георгий Аполлонович (20.03.1880–?) — полковник, начальник штаба 7-й пехотной дивизии.
- ¹⁵¹⁰ 6 мая 1918 г. по новому стилю.
- ¹⁵¹¹ Гейман Александр Александрович (26.08.1866–1939) — генерал-лейтенант, начальник 2-й Кубанской пластунской отдельной бригады.
- ¹⁵¹² 23 июля 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁵¹³ Речь идет о событиях 1917 г.
- ¹⁵¹⁴ Ныне — Красноград Харьковской области Украины.
- ¹⁵¹⁵ Май-Маевский Владимир Зиновьевич (Зенонович) (15.09.1867–30.10 (13.11).1920) — генерал-лейтенант, командующий Добровольческой армии.
- ¹⁵¹⁶ Ныне — Днепр.
- ¹⁵¹⁷ Шкуро Андрей Григорьевич (07.02.1886–16.01.1947) — генерал-майор, генерал-лейтенант, начальник Кавказской конной дивизии, 1-й Кавказской казачьей дивизии, командир III Кубанского конного корпуса.
- ¹⁵¹⁸ Яковлев Константин (?-1919) — поручик, офицер-артиллерист, друг Е.Э. Месснера.
- ¹⁵¹⁹ Шифнер-Маркевич Антон Мейнгардович (04.06.1887–21.01.1921) — генерал-майор, начальник штаба Кавказской конной дивизии.
- ¹⁵²⁰ Циммерман Михаил Артурович (21.11.1887–28.05.1935) — поручик.
- ¹⁵²¹ Эйзенхауэр Дуайт Дэвид (14.10.1890–28.03.1969) — американский государственный деятель, генерал армии, президент США. Монтгомери Бернارد Лоу (17.11.1887–24.03.1976) — британский фельдмаршал. Пашкевич Яков Антонович (?–15(28).07.1920) — полковник, командир 2-го Корниловского полка.
- ¹⁵²² По всей видимости, речь идет о 1-м и 2-м Башкирском кавалерийских полках, входивших в состав 14-й советской армии.
- ¹⁵²³ Юзефович Яков Давыдович (12.03.1872–05.07.1929) — генерал-лейтенант, командир V кавалерийского корпуса.
- ¹⁵²⁴ Речь идет о Мгарском Спасо-Преображенском монастыре, находящемся рядом с Лубнами.
- ¹⁵²⁵ Е.Э. Месснер излишне критично оценивает качества казаков и их офицерского состава. Такие оценки применительно к эпохе Первой мировой войны уже не соответствовали действительности. Отметим, что один из лучших артиллерийских генералов этого периода, М.В. Ханжин, сыгравший видную роль в организации наступления Юго-Западного фронта в 1916 г., происходил из оренбургских казаков.
- ¹⁵²⁶ Ширяев Василий Алексеевич (27.03.1885–1922) — полковник, начальник штаба II Донского корпуса.
- ¹⁵²⁷ Ткаченко Георгий Андрианович — корнет, личный адъютант генерала Н.Э. Бредова.

- 1528 Месснер (Калнина) Людмила Эммануиловна (? — 02.1966) — супруга Е.Э. Месснера.
- 1529 Кусонский Павел Алексеевич (07.01.1880—26.08.1941) — генерал-майор, начальник штаба V кавалерийского корпуса.
- 1530 Барбович Иван Гаврилович (27.01.1874—21.03.1947) — полковник, командир 1-й конной бригады 2-й кавалерийской дивизии.
- 1531 Штейфон Борис Александрович (06.12.1881—30.04.1945) — полковник, командир Белозерского полка.
- 1532 Яковлев Михаил Ильич (? — 04.1941) — капитан, командир Волчанского партизанского отряда.
- 1533 Штакельберг Николай Иванович (03.10.1870—20.03.1956) — генерал-майор, командир Сводно-гвардейской бригады.
- 1534 Сакс Георгий Владимирович (10.11.1887—06.11.1964) — полковник. В нашем распоряжении нет данных об учебе Г.В. Сакса в академии.
- 1535 Шульгин Василий Витальевич (01.01.1878—15.02.1976) — общественный и политический деятель.
- 1536 Петлюра Симон Васильевич (10.05.1879—25.05.1926) — украинский военно-политический деятель, глава Директории УНР.
- 1537 На самом деле — меньшевики.
- 1538 Абациев Дмитрий Константинович (03.12.1857—04.06.1936) — генерал от кавалерии, почетный представитель горских племен при командующем войсками Северного Кавказа.
- 1539 Баратов Николай Николаевич (01.02.1865—22.03.1932) — генерал от кавалерии, представитель ВСЮР в Закавказье. Е.Э. Месснер неточен — Н.Н. Баратов был грузинского происхождения.
- 1540 Промтов Михаил Николаевич (12.06.1857—04.07.1950) — генерал-лейтенант, командир II армейского корпуса.
- 1541 Андрей (Шептицкий Роман Мария Александр; 29.07.1865—01.11.1944) — митрополит, председатель Украинской греко-католической церкви.
- 1542 Змиенко Всеволод Ефимович (16.10.1886—30.10.1938) — полковник армии УНР.
- 1543 Пилсудский Юзеф (05.12.1867—12.05.1935) — польский государственный деятель, начальник Польского государства.
- 1544 Мятлев Владимир Петрович (01.02.1868—04.01.1946) — поэт, сатирик.
- 1545 Т.е. гетман Украины П.П. Скоропадский.
- 1546 Агапит (Вишневский Антоний Иосифович; 16.07.1867—1925/1926) — архиепископ, глава самочинного «Синода Украинской православной автокефальной церкви». Винниченко Владимир Кириллович (16.07.1880—06.03.1951) — украинский общественно-политический деятель, глава Директории УНР. Державная варта (Государственная стража) — служба правопорядка Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского. Голицын Александр Дмитриевич (05.02.1874—28.05.1957) — князь, общественно-политический деятель, председатель Союза промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства (Протофис). Гейден Дмитрий Федорович (06.07.1862—23.05.1926) — из семьи

голландского происхождения, граф, полковник, один из инициаторов созыва съезда всех хлеборобских организаций Украины, избравшего П.П. Скоропадского гетманом. Олсуфьев Дмитрий Адамович (02.10.1862–10.11.1937) — дальний родственник П.П. Скоропадского, граф, общественный деятель. Липки — район Киева. Альвенслебен Константин, фон (1866–1943) — капитан германской армии, офицер связи при гетмане П.П. Скоропадском. Родзянко Михаил Владимирович (09.03.1859–24.01.1924) — политический деятель, один из лидеров Февральской революции. Корнилов Лавр Георгиевич (18.08.1870–31.03 (13.04).1918) — генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий (1917), один из основоположников Белого движения. Лафайет Жильбер (06.09.1757–20.05.1834) — французский военно-политический деятель, участник американской войны за независимость, Великой французской революции и июльской революции 1830 г.

¹⁵⁴⁷ Е.Э. Месснер не вполне точен. Зятьковский договор между командованием Украинской галицийской армии и представителями ВСЮР был подписан 6 ноября 1919 г.

¹⁵⁴⁸ Точный вариант: В вагоне — Директория, под вагоном — территория.

¹⁵⁴⁹ Так в документе. Кравс Антон (23.11.1871–13.11.1945) — генерал-хорунжий Украинской галицийской армии, командир III корпуса.

¹⁵⁵⁰ Туган-Мирза-Барановский Давид Иванович (23.04.1881–29.08.1941) — полковник, участник Белого движения на Юге России.

¹⁵⁵¹ Белогорцев Владимир Федорович (19.09.1879–22.02.1955) — полковник, начальник 2-й Терской отдельной пластунской бригады.

¹⁵⁵² Речь идет о Южной группе войск 12-й армии под командованием И.Э. Якира (45-я, 58-я и остатки 47-й Черноморской стрелковых дивизий), которая в августе — сентябре 1919 г. совершила 400-километровый поход, пробиваясь от Одессы на соединение с основными силами 12-й армии в районе Житомира.

¹⁵⁵³ Е.Э. Месснер неточен. Речь идет о кратковременном захвате Киева 14–16 октября 1919 г. частями 58-й стрелковой дивизии И.Ф. Федько.

¹⁵⁵⁴ Драгомиров Абрам Михайлович (21.04.1868–09.12.1955) — генерал от кавалерии, главноначальствующий и командующий войсками Киевской области.

¹⁵⁵⁵ Драгомиров Михаил Иванович (08.11.1830–15.10.1905) — генерал от инфантерии, выдающийся военный теоретик.

¹⁵⁵⁶ Покровский Виктор Леонидович (14.09.1889–09.11.1922) — генерал-лейтенант, командир I Кубанского корпуса.

¹⁵⁵⁷ Явно завышенные данные. По другому свидетельству — около 10 тысяч офицеров (*Корсак В. У белых*. Париж, 1931. С. 17).

¹⁵⁵⁸ Прокопович Василий Анатольевич (30.01.1878 — около 09.08.1921) — полковник, член военно-следственной комиссии войск Новороссийской области.

¹⁵⁵⁹ 23 августа 1919 г. по новому стилю.

¹⁵⁶⁰ Возможно, Сильвестров Михаил Павлович — капитан, офицер штаба войск Новороссийской области (на 12.1919).

- ¹⁵⁶¹ Попель Семен Михайлович — капитан, участник Белого движения на Юге России.
- ¹⁵⁶² Ломновский Петр Николаевич (24.11.1871–02.03.1956) — генерал-лейтенант, начальник Киевского главного центра Добровольческой армии (1918).
- ¹⁵⁶³ Григорьев Николай Александрович (1878–27.07.1919) — штабс-капитан, командовал дивизией РККА, поднял восстание, которое потерпело поражение, присоединился к махновцам и убит по приказу Н.И. Махно.
- ¹⁵⁶⁴ Митаки Павел Константинович (05.04.1889–03.1919) — штабс-капитан, артиллерист, участник Белого движения на Юге России, расстрелян красными в Одессе.
- ¹⁵⁶⁵ Шереметьевцы — члены шереметьевского кружка спорта и одноименной футбольной команды 3-й гимназии Одессы, организованной в 1908 г. преподавателем гимнастики капитаном Шереметьевым.
- ¹⁵⁶⁶ Шварц Роза (?–1919) — сотрудница киевской ЧК, лично казнившая несколько сотен человек.
- ¹⁵⁶⁷ Евлинская (Любарская, Гребенникова) Дора — мифическая женщина-палач из одесской ЧК, якобы лично казнившая 400 офицеров.
- ¹⁵⁶⁸ Калнин Эммануил Христианович (28.02.1855 — до 1922?) — генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Одесского военного округа (с 19.11.1904), умер в Одессе от тифа.
- ¹⁵⁶⁹ Е.Э. Месснер неточен — Курск был взят белыми 7 (20) сентября 1919 г.
- ¹⁵⁷⁰ 28 октября 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁵⁷¹ Шиллинг Николай Николаевич (16.12.1870–около 03.05.1946) — генерал-лейтенант, главноначальствующий Таврической губернии, командующий войсками Новороссийской области.
- ¹⁵⁷² 1 ноября 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁵⁷³ Мунштейн Леон Гершкович (Леонид Григорьевич) (31.12.1866–06.08.1947) — поэт, публицист, печатался под псевдонимом Лоло.
- ¹⁵⁷⁴ Е.Э. Месснер неточен. Ганфман Максим Ипполитович (04.10.1873–15.11.1934) — петербургский журналист. В 1919 г. — редактор газеты «Объединение» (Киев).
- ¹⁵⁷⁵ Мильруд Михаил Семенович (26.01.1883–24.11.1942) — журналист.
- ¹⁵⁷⁶ Лампе Алексей Александрович, фон (06.07.1885–28.05.1967) — полковник, старший адъютант штаба войск Киевской области.
- ¹⁵⁷⁷ Чаговец Всеволод Андреевич (17.02.1877–20.11.1950) — театральный критик.
- ¹⁵⁷⁸ Е.Э. Месснером вписано от руки неточно — Мунштайна.
- ¹⁵⁷⁹ Не публикуется.
- ¹⁵⁸⁰ Возможно, Кобылянский Мариан Людвигович (08.09.1867–09.04.1964) — полковник. Однако М.Л. Кобылянский не обучался в Николаевской военной академии.
- ¹⁵⁸¹ Так в документе.
- ¹⁵⁸² Збутович Константин Станиславович (15.09.1875–?) — полковник, начальник штаба отряда генерала Н.Э. Бредова.

- ¹⁵⁸³ Скоблин Николай Владимирович (09.06.1893–1938) — генерал-майор, начальник Корниловской дивизии.
- ¹⁵⁸⁴ Туркул Антон Васильевич (11.12.1892–19/20.08.1957) — генерал-майор, начальник Дроздовской дивизии.
- ¹⁵⁸⁵ Пешня Михаил Александрович (23.10.1883–04.12.1937) — генерал-майор, начальник Марковской дивизии.
- ¹⁵⁸⁶ Манштейн Владимир Владимирович (03.01.1894–19.09.1928) — генерал-майор, командир 3-го Дроздовского полка.
- ¹⁵⁸⁷ Стессель Александр Анатольевич (23.07.1876–01.06.1933) — сын А.М. Стесселя, полковник, командир 2-го Сводно-гвардейского полка, позднее — начальник внутренней обороны и комендант Одессы.
- ¹⁵⁸⁸ Стессель Анатолий Михайлович (28.06.1848–18.01.1915) — генерал-лейтенант, комендант Порт-Артура во время Русско-японской войны.
- ¹⁵⁸⁹ Михайловский Василий Андреевич — штабс-капитан, офицер штаба войск Новороссийской области.
- ¹⁵⁹⁰ Кирпичев Лев Нилович (18.11.1876–1928) — генерал-майор, командир Киевской добровольческой дружины (1918).
- ¹⁵⁹¹ Кирста Константин Федорович (19.02.1878–?) — прапорщик, инженер, организатор патриотических союзов рабочих в Киеве и других городах, инициатор формирования «Рабоче-офицерского отряда».
- ¹⁵⁹² Парижская мирная конференция (18.01.1919–21.01.1920) — международная конференция, созванная по итогам Первой мировой войны.
- ¹⁵⁹³ Возможно, Гершельман Карл Карлович (1899–21.12.1951) — штабс-капитан, участник Бредовского похода.
- ¹⁵⁹⁴ Злобин Ростислав Владимирович (29.08.1886–24.04.1958) — полковник, заведующий передвижением войск Киевского района.
- ¹⁵⁹⁵ По официальным данным, безвозвратные потери РККА оцениваются в 980 741 человека (Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 141). Оценки общих потерь воюющих сторон колеблются от 2,5 до 3,3 миллиона человек (Там же. С. 151; Население России в XX веке. М., 2000. Т. 1. С. 97). Общие потери населения страны за период 1917–1922 гг. оцениваются в 7–15 миллиона человек (Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 238; Население России в XX веке. Т. 1. С. 95).
- ¹⁵⁹⁶ В начале декабря 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁵⁹⁷ 16 декабря 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁵⁹⁸ 3 июля 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁵⁹⁹ 13 октября 1919 г. по новому стилю.
- ¹⁶⁰⁰ Гувер Герберт (10.08.1874–20.10.1964) — 31-й президент США (1929–1933)
- ¹⁶⁰¹ Суворов Александр Васильевич (13.11.1730–06.05.1800) — русский полководец.
- ¹⁶⁰² Хохкригсрат. Правильно — Гофкригсрат — придворный военный совет Священной Римской империи германской нации.

¹⁶⁰³ Речь идет о событиях 1-го Кубанского (Ледяного) похода и штурма Добровольческой армией Екатеринодара, в ходе которого 31.03(13.04).1918 погиб главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов.

¹⁶⁰⁴ Марков Сергей Леонидович (07.07.1878–13(26).06.1918) — генерал-лейтенант, один из основоположников Белого движения на Юге России.

¹⁶⁰⁵ 3 июля 1919 г. по новому стилю.

¹⁶⁰⁶ 14 октября 1919 г. по новому стилю.

¹⁶⁰⁷ Группа генерала Бредова получила наименование армии 24 января (6 февраля) 1920 г. и называлась Отдельная русская Добровольческая армия. Ее численность составляла около 23 тысяч человек. После интернирования в Польше войска летом 1920 г. были переброшены в Крым и вошли в состав Русской армии генерала П.Н. Врангеля.

¹⁶⁰⁸ Е.Э. Месснер неточен. Орден Святителя Николая Чудотворца не приравнивался к ордену Св. Георгия, хотя и имел много общего в своих учредительных документах (подробнее см.: Рудиченко А.И. Награды и знаки белых армий и правительств 1917–1922 гг. Учредительные документы, изготовление, практика награждения, типы и разновидности. М., 2008. С. 6–10). Попов Сергей Петрович (20.09.1882–05.03.1959) — полковник, командир Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии.

¹⁶⁰⁹ Кулабухов Алексей Иванович (15.03.1880–07 (20).11.1919) — член Кубанской Рады, повешен по приговору военно-полевого суда за измену.

¹⁶¹⁰ Махно Нестор Иванович (26.10.1888–25.07.1934) — военно-политический деятель, руководитель анархического освободительного движения на юге Украины в 1918–1921 гг.

¹⁶¹¹ Скалон Михаил Николаевич (19.04.1874–23.02.1940) — генерал-лейтенант, начальник Сводно-гвардейской пехотной дивизии.

¹⁶¹² Середина февраля 1920 г. по новому стилю.

¹⁶¹³ Одинец Дмитрий Михайлович (25.12.1882–10.05.1950) — историк, общественно-политический деятель.

¹⁶¹⁴ Шурупов Алексей Федорович — инженер путей сообщения.

¹⁶¹⁵ 11 февраля 1920 г. по новому стилю.

¹⁶¹⁶ Шевченко Андрей Иванович (20.08.1868–?) — генерал-майор, начальник 4-й пехотной дивизии, участник Бредовского похода.

¹⁶¹⁷ Скларов Николай Васильевич (19.12.1875–04.04.1920) — генерал-майор, командир Терской казачьей конной бригады, участник Бредовского похода, начальник восточной колонны отряда генерала Н.Э. Бредова, умер от тифа.

¹⁶¹⁸ Штемпель Борис Федорович, фон — барон, одесский градоначальник.

¹⁶¹⁹ 6 февраля 1920 г. по новому стилю.

¹⁶²⁰ 8 февраля 1920 г. по новому стилю.

¹⁶²¹ У Е.Э. Месснера здесь — Катовского. Котовский Григорий Иванович (12.06.1881–06.08.1925) — начальник кавалерии 45-й стрелковой дивизии.

¹⁶²² Орлов Виталий Фирсович (03.04.1857–27.07.1934) — генерал-лейтенант, командир Тираспольского отдела Черноморского округа пограничной стражи.

- ¹⁶²³ Возможно, Штайгер Михаил Вильгельмович — подпоручик.
- ¹⁶²⁴ 25 февраля 1920 г. по новому стилю.
- ¹⁶²⁵ Эйхенбаум Иван Андреевич (1893–12.11.1982) — полковник.
- ¹⁶²⁶ Радзивилл Станислав Вильгельм (25.01(06.02).1880–28.04.1920) — князь, ротмистр, адъютант Ю. Пилсудского, погиб в советско-польскую войну.
- ¹⁶²⁷ Соснковский Казимеж (19.12.1885–11.10.1969) — польский генерал, военный министр Польши.
- ¹⁶²⁸ Радко-Дмитриев (Русаков Радко Димитров) Радко Дмитриевич (24.09.1859–18.10.1918) — генерал от инфантерии, командующий 3-й армией (1914–1915).
- ¹⁶²⁹ Макензен Август, фон (06.12.1849–08.11.1945) — германский генерал-фельдмаршал.
- ¹⁶³⁰ Впервые опублик. в: *Ганин А.В.* Новый документ о сепаратизме атаманов Б.В. Анненкова и Г.М. Семенова // *Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв. Сб. науч. статей.* Хабаровск, 2014. Вып. 4. С. 131–134.
- ¹⁶³¹ См., напр., одну из апологетических работ: *Гольцев В.А.* Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова. М., 2009.
- ¹⁶³² Подробнее см.: *Романов А.М.* Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск, 2013. С. 235.
- ¹⁶³³ Впервые опублик. в: Почему проиграли белые?! Воззвание офицеров и солдат ижевцев и воткинцев о самовольном оставлении ими рядов армии 1919 г. / публ. А.В. Ганина // *Белое дело.* М., 2005. С. 239–242.
- ¹⁶³⁴ Прикамская Народная армия — общее название антибольшевистских вооруженных формирований, действовавших на территории Вятской губернии летом — осенью 1918 г. Командующий — полковник Д.И. Федичкин (09.02.1885–24.10.1966), затем (с 20.10.1918) — капитан Г.Н. Юрьев (?–06.1920). Армия носила милиционный характер, командные должности были выборными, внутренние порядки отличались крайним демократизмом. Общая численность Ижевской и Воткинской Народных армий, составлявших войска Прикамского края, достигала 25 тысяч человек.
- ¹⁶³⁵ Здесь и далее так в документе, правильно — Дитерихс. Дитерихс Михаил Константинович (05.04.1874–08.10.1937) — генерал-лейтенант, главнокомандующий армиями Восточного фронта.
- ¹⁶³⁶ Сахаров Константин Вячеславович (18.03.1881–23.02.1941) — генерал-майор, командующий 3-й армией (с 14.07.1919).
- ¹⁶³⁷ Составители воззвания, однако, умалчивают, в какую армию они предполагают перейти.
- ¹⁶³⁸ Русское написание чешского слова «nazdar» — привет.
- ¹⁶³⁹ Нилов А. — полковник (не позднее 1919). Кадровый офицер русской армии, военный летчик. Участник Первой мировой войны. По данным на август 1918 г., капитан. Командующий Воткинской Народной армией (17.08–02.09.1918). Смещен по решению старшего командного состава за нераспорядительность. По свидетельству полковника А.Г. Ефимова, Нилов «проявил мало энергии в организации борьбы с большевиками и больше занимался

политикой в духе углубления революции по рецептам Керенского, а не спасением Родины» (Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками, 1918–1920. М., 2008. С. 59).

¹⁶⁴⁰ Литбел — Литовско-Белорусская советская социалистическая республика.

¹⁶⁴¹ Павел Квек и Иван Занко (РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 282. Л. 53).

¹⁶⁴² Здесь и далее — лист дела.

¹⁶⁴³ Польской военной организации.

¹⁶⁴⁴ *Raunas P.P., фон. Facies Hippocratica (Лик умирающего). Воспоминания члена Чрезвычайной следственной комиссии 1917 года.* СПб., 2007. С. 221.

¹⁶⁴⁵ Белое дело. Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 14: Белый Восток. К сожалению, вторая часть комментированного издания опубликована не была.

¹⁶⁴⁶ Ефимов А.Г. С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте. Статьи, письма, документы. М., 2013. С. 404.

¹⁶⁴⁷ Авилов Р.С. «Сибирские воспоминания» барона А.П. Будберга — неизвестный источник по истории Забайкалья в конце XIX в. // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2016. № 4 (21). С. 59–60.

¹⁶⁴⁸ Езеев А. К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности»... (Из истории георгиевских наград на Востоке России в 1918–1919 гг.) // Военная быль (Москва). 1993. № 4 (133). С. 9.

¹⁶⁴⁹ Там же.

¹⁶⁵⁰ Вместо анализа возможных несоответствий «Дневника» заявленному времени написания комментатор подверг критике мнимую лживость дневниковых записей Будберга о георгиевских наградах для высокопоставленных лиц (Там же. С. 10). В них генерал иронично отзывался о награждении адмирала А.В. Колчака и императора Николая II орденами Св. Георгия 3-й и 4-й степени соответственно (напр.: «В наградном чаду дошли до того, что высоко залежные георгиевские кавалеры повторили киевскую комедию с георгиевским крестом Государю и на пасху поднесли адмиралу Георгия 3 степени за освобождение Урала. Слабохарактерный адмирал... принял крест» — Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 251). Однако ни в отношении награждения Николая II за несуществующий подвиг (побывал в 6–7 верстах от передовой), ни в отношении награждения Колчака Будберг (хотя в последнем случае он и не знал некоторых деталей) против истины не погрешил, а эти дневниковые записи не могут свидетельствовать ни о лживости их автора, ни о том, что дневник написан не в обозначенное время.

¹⁶⁵¹ Езеев А.Б. Комментарии // Белое дело. Избранные произведения: в 16 кн. Кн. 14. С. 446.

¹⁶⁵² Там же. С. 465.

¹⁶⁵³ Там же. С. 501–502.

¹⁶⁵⁴ Там же. С. 536–537.

¹⁶⁵⁵ Романов А.М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. С. 160.

¹⁶⁵⁶ Езеев А.Б. Комментарии. С. 553.

- ¹⁶⁵⁷ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 86–87.
- ¹⁶⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 87об.-88.
- ¹⁶⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 111. Л. 7.
- ¹⁶⁶⁰ См., напр.: Пучков Ф.А. Барон А.П. Будберг. Жизнь и деятельность // Военный альбом генерала А.П. Будберга. Материалы к биографии. Воспоминания о войне. 1914–1917. М., 2014. С. 34.
- ¹⁶⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 111. Л. 7об.
- ¹⁶⁶² Вологодский Петр Васильевич (30.01.1863–19.11.1925) — председатель Совета министров Российского правительства (18.11.1918–22.11.1918). Сведения о предстоящей отставке Вологодского были напечатаны в газете «Русь» 28 октября 1919 г.
- ¹⁶⁶³ Третьяков Сергей Николаевич (26.08.1882–16.04.1944) — министр торговли и промышленности, министр иностранных дел, заместитель председателя Совета министров Российского правительства.
- ¹⁶⁶⁴ Имеется в виду Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД).
- ¹⁶⁶⁵ Гойер Лев Викторович, фон (27.01.1875–30.04.1939) — министр финансов Российского правительства.
- ¹⁶⁶⁶ Михайлов Иван Андрианович (29.12.1891–30.08.1946) — министр финансов Российского правительства.
- ¹⁶⁶⁷ Неклютин Константин Николаевич (30.07.1887–1978) — управляющий министерства снабжения и продовольствия Российского правительства.
- ¹⁶⁶⁸ Мисюра Андрей Викторович (30.11.1872–?) — генерал-майор, начальник 8-й Читинской стрелковой дивизии.
- ¹⁶⁶⁹ Зубковский Сергей Андреевич (1881–20.09.1937) — полковник, начальник штаба помощника командующего войсками Приамурского военного округа в Забайкальской области.
- ¹⁶⁷⁰ Федотьев Александр Павлович (16.10.1871–?) — генерал-майор, интендант штаба помощника командующего войсками Приамурского военного округа.
- ¹⁶⁷¹ Сыроболярский Александр Владимирович (09.07.1889–30.03.1946) — полковник, представитель атамана Г.М. Семенова при Верховном правителе и Верховном главнокомандующем адмирале А.В. Колчаке.
- ¹⁶⁷² Непенин Сергей Яковлевич (03.07.1869–?) — генерал-майор, главный начальник военных сообщений при Верховном главнокомандующем.
- ¹⁶⁷³ Возможно, Михайлов Константин Петрович (1872–03/04.03.1929) — подполковник Отдельного корпуса жандармов во Владивостоке.
- ¹⁶⁷⁴ Так и произошло — указом Верховного правителя адмирала А.В. Колчака от 4 января 1920 г. Г.М. Семенову до получения указаний от генерала А.И. Деникина была передана вся полнота власти на территории Российской Восточной окраины.
- ¹⁶⁷⁵ Валя (здесь и далее) — Будберг (урожденная — Назарова) Валентина Петровна (? — 13.03.1933) — баронесса, супруга генерала А.П. Будберга.

¹⁶⁷⁶ Хилков Михаил Иванович (06.12.1834–08.03.1909) — князь, министр путей сообщения.

¹⁶⁷⁷ Самойлов Михаил Константинович (19.10.1868–26.01.1940) — генерал-лейтенант, начальник Охранной стражи КВЖД.

¹⁶⁷⁸ Розанов Сергей Николаевич (24.09.1869–28.08.1937) — генерал-лейтенант, главный начальник Приамурского края и командующий войсками Приамурского военного округа.

¹⁶⁷⁹ Семенов Григорий Михайлович (13.09.1890–30.08.1946) — генерал-майор, Войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главного начальника Приамурского края, Походный атаман дальневосточных казачьих войск.

¹⁶⁸⁰ Калмыков Иван Павлович (12.05.1888–01.09.1920) — генерал-майор, Войсковой атаман Уссурийского казачьего войска, начальник Отдельной Уссурийской атамана Калмыкова бригады.

¹⁶⁸¹ Хорват Дмитрий Леонидович (25.07.1858–16.05.1937) — генерал-лейтенант, директор-распорядитель КВЖД (1919–1920).

¹⁶⁸² Ильин Владимир Дмитриевич — инженер, исполняющий обязанности товарища министра финансов Российского правительства.

¹⁶⁸³ Романовский Георгий Дмитриевич (13.11.1877–1939) — генерал-лейтенант, главный уполномоченный и военный представитель Верховного правителя и Верховного главнокомандующего при союзниках на Дальнем Востоке (1918–1920).

¹⁶⁸⁴ Семенов-Мерлин Иосиф Владимирович (22.07.1870–19.01.1942) — генерал-майор, помощник командующего войсками Приамурского военного округа.

¹⁶⁸⁵ Т.е. А.В. Колчака.

¹⁶⁸⁶ Генерал М.К. Дитерихс с поста главнокомандующего армиями Восточного фронта был отправлен в отставку 04.11.1919 и уехал из Омска в Читу.

¹⁶⁸⁷ Речь идет о генерале К.В. Сахарове.

¹⁶⁸⁸ Иванов-Ринов Павел Павлович (26.07.1869–?) — генерал-лейтенант, помощник главнокомандующего армиями Восточного фронта по военно-административной части (с 05.11.1919).

¹⁶⁸⁹ Речь идет о Нерчинском горном округе, находившемся до 1917 г. в собственности Кабинета Его императорского величества.

¹⁶⁹⁰ Вериго Леонид Витальевич (19.09.1879–01.03.1944) — генерал-майор, комендант крепости Владивосток (25.12.1919–30.01.1920).

¹⁶⁹¹ Малиновский Павел Петрович (? — 13.06.1925) — полковник, в 1919 г. находился в длительной командировке в Харбине.

¹⁶⁹² Полидоров Константин Порфирьевич (29.03.1882–03.11.1960) — генерал-майор, генерал для поручений при управлении начальника военной части штаба Восточного фронта.

¹⁶⁹³ Рябиков Павел Федорович (24.03.1875–27.08.1932) — генерал-майор, начальник штаба Восточного фронта (до 08.11.1919).

¹⁶⁹⁴ Голицын Владимир Васильевич (09.07.1878–12.1919?) — генерал-лейтенант, начальник всех добровольческих формирований.

¹⁶⁹⁵ Каппель Владимир Оскарович (16.04.1883–26.01.1920) — генерал-лейтенант, командующий Московской группой армий и 3-й армией Восточного фронта (с 04.11.1919).

¹⁶⁹⁶ Имеется в виду генерал К.В. Сахаров, прозванный еще в кадетском корпусе «бетонной головой».

¹⁶⁹⁷ Рудченко Валентин Саввич — подполковник.

¹⁶⁹⁸ Касаткин Василий Николаевич (20.12.1885–31.03.1963) — генерал-майор, главный начальник военных сообщений при Верховном главнокомандующем (до 12.08.1919). Предан военно-полевому суду (приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра № 887 от 28.08.1919) за то, что «состоя в должности главного начальника военных сообщений при Верховном главнокомандующем, получив в мае месяце с.г. от служащего в комендатуре ст. Омск поручика Еськова официальный доклад о вышеуказанных случаях злоупотребления (использование железной дороги с санкции коменданта станции Омск и начальника станции для частных нужд, взятки. — А.Г.), а равно сведения и от других лиц, будучи обязан по занимаемой должности и имея возможность принять немедленные меры к расследованию и пресечению таковых злоупотреблений, он, генерал-майор Касаткин, никаких мер не принял, вследствие чего таковые злоупотребления были обнаружены и расследованы лишь при возбуждении настоящего дела». Лишен некоторых прав и преимуществ по службе и приговорен к заключению в крепости на год и четыре месяца с исключением с военной службы, но по резолюции Верховного правителя адмирала А.В. Колчака «генерал-майору Касаткину, ввиду безукоризненной предшествовавшей его служебной деятельности и заслуг в деле икольской эвакуации фронта, заменяю определенное судом наказание заключением в крепости на шесть месяцев без исключения из службы и с отложением приведения этого наказания в исполнение до окончания войны» (02.09.1919).

¹⁶⁹⁹ Лачинов Василий Дмитриевич (1872–07.1933) — исполняющий обязанности управляющего КВЖД (1918–1920).

¹⁷⁰⁰ Каутский Карл (16.10.1854–17.10.1938) — немецкий экономист, социал-демократ, теоретик классического марксизма.

¹⁷⁰¹ Корф Дмитрий Викторович (17.01.1874–10.07.1939) — барон, полковник Отдельного корпуса жандармов.

¹⁷⁰² Чжан Цзолинь (19.03.1875–04.06.1928) — китайский военно-политический деятель.

¹⁷⁰³ Стивенс Джон Фрэнк (25.04.1853–02.06.1943) — американский железнодорожный инженер, председатель технического совета Междусоюзного железнодорожного комитета по управлению сибирскими дорогами и КВЖД (с 1919) в период иностранной интервенции.

¹⁷⁰⁴ Эмерсон Джордж Х. — полковник американской армии, заместитель главы американской железнодорожной миссии Дж.Ф. Стивенса, глава миссии по техническим вопросам.

¹⁷⁰⁵ Грегори Евгений Виллимович (Виллиамович) — полковник, выпускник владивостокского Восточного института (1910). В эмиграции — в Китае. Военный инструктор по артиллерии при маршале Чжан Цзолине. Жил в Мукдене.

¹⁷⁰⁶ Хрещатицкий Борис Ростиславович (11.07.1881–22.07.1940) — генерал-лейтенант, инспектор дальневосточных формирований стратегического резерва и генерал для поручений при командующем войсками Приамурского военного округа.

¹⁷⁰⁷ Речь идет о К.В. Сахарове и П.П. Иванове-Ринове.

¹⁷⁰⁸ Предположительно речь идет о генерал-майоре Петре Петровиче Левицком (?–15.01.1920), служившем до революции в 1-м Верхнеудинском казачьем полку Забайкальского казачьего войска вместе с Г.М. Семеновым. Другим офицером с таким именем и отчеством, являвшимся в прошлом командиром у Г.М. Семенова, был генерал-майор Петр Петрович Жулебин (12.10.1869–06.01.1939), служивший в Первую мировую войну в 1-м Нерчинском казачьем полку Забайкальского казачьего войска.

¹⁷⁰⁹ Мике — майор, офицер японской военной миссии в Сибири и на Дальнем Востоке, знакомый А.П. Будберга по штабу 10-й армии в 1914–1915 гг. (*Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 229.*)

¹⁷¹⁰ Баранов Алексей Михайлович (15.08.1865–26.01.1927) — полковник, исполняющий должность начальника штаба охранной стражи КВЖД.

¹⁷¹¹ Айгунский договор — договор между Российской империей и цинским Китаем, заключенный 16 (28) мая 1858 г. в городе Айгунь и установивший границу по реке Амур.

¹⁷¹² Матильдина гвардия — ироничное наименование Заамурской пограничной стражи по имени второй супруги министра финансов графа С.Ю. Витте — Матильды Исааковны (Марии Ивановны) Лисаневич (урожд. Нурок).

¹⁷¹³ Кордюков Павел Алексеевич (19.10.1862–09.05.1930) — генерал-лейтенант, начальник 1-го отдела охранной стражи КВЖД.

¹⁷¹⁴ Гайда Радола (14.02.1892–15.04.1948) — генерал-лейтенант, в резерве Чехословацкого корпуса. Лишен чина (02.09.1919).

¹⁷¹⁵ Манакин Михаил Михайлович (09.02.1862–17.06.1932) — генерал-лейтенант.

¹⁷¹⁶ Инструкторская школа (Учебная инструкторская школа, «Школа Нокса») — военно-учебное заведение на Русском острове во Владивостоке, созданное в ноябре 1918 г. при содействии британского военного представителя генерала А. Нокса. Осуществляла четырехмесячную подготовку и переподготовку офицерских и унтер-офицерских кадров. Первый выпуск состоялся 15.02.1919. Прекратила существование 31.01.1920 в результате переворота во Владивостоке.

¹⁷¹⁷ Речь идет об улице Светланской.

- 1718 Акацатов Николай Епифанович (12.03.1860–02.06.1933) — врач во Владивостоке.
- 1719 Смирнов Яков Яковлевич (13.04.1890–2-я половина 1960-х) — подполковник, генерал-квартирмейстер (с 09.10.1919), начальник штаба (с 17/18.11.1919) Приамурского военного округа.
- 1720 Сыромятников Александр Дмитриевич (04.02.1886–27.08.1938) — полковник, исполняющий должность начальника штаба Приамурского военного округа (08.09–19.11.1919).
- 1721 Томилко Иван Иванович (07.08.1882–11.10.1937) — полковник, комендант крепости Владивосток (на 11.1919).
- 1722 Кононов (Кононов-Кононович) Константин Лукич (11.11.1892–17.01.1988) — подполковник, начальник штаба крепости Владивосток (11.1919).
- 1723 Владивостокские гардемаринны — воспитанники Морского училища во Владивостоке, открытого в ноябре 1918 г. на базе переведенной из Петрограда осенью 1917 г. 3-й роты Морского училища. Эвакуировались в 1920 г. в Сингапур, где был осуществлен первый выпуск. Начальник училища — капитан 1-го ранга М.А. Китицын.
- 1724 Оой Сигэмото — японский генерал-лейтенант, командующий японским экспедиционным корпусом в Сибири.
- 1725 Исоме Рокуро — полковник, резидент японской военной разведки во Владивостоке (1919–1920).
- 1726 Чечек Станислав (13.11.1886–29.05.1930) — генерал-майор, командующий Дальневосточной группой чехословацких войск, организатор эвакуации чехословацких легионеров из Владивостока.
- 1727 Крашенинников Нестор Александрович (04.1892–?) — ротмистр, начальник гражданской канцелярии генерала С.Н. Розанова (1919).
- 1728 Нарышкин Кирилл Михайлович (28.05.1895–09.10.1939) — ротмистр, адъютант генерала С.Н. Розанова и (с 1920) его зять.
- 1729 Рубец (Рубец-Масальский) Борис Иванович (1874–21.12.1933) — полковник, командир батальона Инструкторской школы во Владивостоке.
- 1730 Солодовников Борис — капитан, начальник штаба войск Р. Гайды в период восстания во Владивостоке.
- 1731 Кузьменко М.С. — капитан дальнего плавания, управляющий Добровольным флотом во Владивостоке.
- 1732 Фиошин Владимир Васильевич (08.07.1883–?) — ротмистр Отдельного корпуса жандармов, начальник контрразведывательного отделения штаба Приамурского военного округа (1912–1914).
- 1733 Саввич Сергей Сергеевич (01.04.1863 — до 08.07.1939) — генерал-лейтенант, начальник штаба Приамурского военного округа (29.12.1909–07.08.1913).
- 1734 Санников Александр Сергеевич (18.04.1866–16.02.1931) — генерал-майор, генерал-лейтенант, начальник штаба Приамурского военного округа (19.08.1913–18.12.1914).
- 1735 Речь идет о С.Н. Розанове.

- ¹⁷³⁶ Болдырев Василий Георгиевич (05.04.1875–20.08.1933) — генерал-лейтенант, Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами России (1918).
- ¹⁷³⁷ Возможно, Кузьминский Александр Александрович (1881–1930) — племянник графа Л.Н. Толстого.
- ¹⁷³⁸ Левиз оф Менар Артур Персивальевич, фон (1898–?) — подьесаул Енисейского казачьего войска.
- ¹⁷³⁹ Т.е. А.П. Будберг предложил свою кандидатуру.
- ¹⁷⁴⁰ Бурлин Петр Гаврилович (30.07.1879–10.02.1954) — генерал-майор, исполняющий должность 1-го генерал-квартирмейстера штаба Восточного фронта.
- ¹⁷⁴¹ Смирнов Сергей Петрович (05.09.1870–18.04.1935) — генерал-майор, начальник Никольск-Уссурийского военного района и уполномоченный командующего Приамурского военного округа и главного начальника Приамурского края по охране государственного порядка и общественного спокойствия (с 25.09.1919).
- ¹⁷⁴² Станишевский Андрей Константинович (1871–?) — полковник, начальник штаба крепости Владивосток (на 05.1918).
- ¹⁷⁴³ Делимарский Константин Иванович (08.08.1868–?) — полковник, дежурный генерал штаба Приамурского военного округа (на 01.1919).
- ¹⁷⁴⁴ Арнольд Роман Аполлонович, фон (22.08.1871–23.09.1930) — полковник, начальник контрразведки в полосе отчуждения КВЖД (с 1918).
- ¹⁷⁴⁵ Шилунов Николай Иванович (03.11.1879–25.09.1952) — полковник, командир возрожденного им Приморского драгунского полка.
- ¹⁷⁴⁶ Толмачев Иван Николаевич (05.01.1861–28.06.1932) — генерал-майор, генерал-лейтенант, одесский градоначальник (02.12.1907–04.11.1911).
- ¹⁷⁴⁷ Гирса Вацлав (28.11.1875–23.06.1954) — доктор, представитель чехословацкого правительства на Дальнем Востоке (1919–1920), один из организаторов эвакуации чехословацких легионеров из России.
- ¹⁷⁴⁸ В значении не упредила.
- ¹⁷⁴⁹ Инагаки Сабуро (1870–1953) — генерал-лейтенант, начальник штаба японского экспедиционного корпуса во Владивостоке (1919–1920).
- ¹⁷⁵⁰ Павлу Богдан (03.03.1883–12.05.1938) — чехословацкий политический деятель.
- ¹⁷⁵¹ Пепеляев Виктор Николаевич (08.01.1885–07.02.1920) — политический деятель, председатель Совета министров Российского правительства (с 22 ноября 1919 г.).
- ¹⁷⁵² Гинс Георгий Константинович (15.04.1887–24.09.1971) — главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров.
- ¹⁷⁵³ Бурышкин Павел Афанасьевич (09.02.1887–27.07.1955) — министр финансов Российского правительства.
- ¹⁷⁵⁴ Червен-Водали Александр Александрович (1872–23.06.1920) — временно исполняющий должность министра внутренних дел Российского правительства.
- ¹⁷⁵⁵ Прозвище П.А. Бурышкина.

- ¹⁷⁵⁶ Кронковский Евгений Константинович — подполковник (впоследствии — генерал-майор).
- ¹⁷⁵⁷ А.П. Будберг командовал 70-й пехотной дивизией в годы Первой мировой войны с 21 октября 1915 по 22 апреля 1917 г.
- ¹⁷⁵⁸ Кондрашев Алексей Степанович (14.01.1871–03.11.1921) — генерал-майор, в распоряжении дежурного генерала штаба Восточного фронта.
- ¹⁷⁵⁹ Волков Владимир Александрович (15.01.1877–14.11.1919) — генерал-майор, в 1918 г. — полковник, руководитель владивостокской офицерской организации. Начальник гарнизона Омска (с 15.09.1919). По некоторым данным, застрелился. А.П. Будберг об этом еще не знал.
- ¹⁷⁶⁰ Речь идет об И.А. Михайлове.
- ¹⁷⁶¹ Сукин Иван Иванович (1890/1891–?) — товарищ министра иностранных дел, временно управляющий Министерством иностранных дел Российского правительства, уволен по личному прошению (29.11.1919).
- ¹⁷⁶² Смирнов Михаил Иванович (18.06.1880–26.08.1940) — контр-адмирал, управляющий Морским министерством Российского правительства.
- ¹⁷⁶³ Огороков Александр Матвеевич (05.09.1880–?) — инженер-технолог, Министр торговли и промышленности Российского правительства (с 29.11.1919).
- ¹⁷⁶⁴ Магомаев Наурбек (?–29.02.1948) — полковник, представитель Походного атамана дальневосточных казачьих войск Г.М. Семенова во Владивостоке.
- ¹⁷⁶⁵ Пепеляев Анатолий Николаевич (03.07.1891–14.01.1938) — генерал-лейтенант, командующий 1-й Сибирской армией.
- ¹⁷⁶⁶ Правильно — подполковник.
- ¹⁷⁶⁷ Цвилленев Николай Викторович (1882–16.01.1918) — подполковник, находился в Крыму на лечении, вывезен матросами на гидрокрейсер «Румыния» в Евпатории и утоплен в море вместе с другими офицерами. Зять генерала М.К. Самойлова.
- ¹⁷⁶⁸ Речь идет об Отдельной образцовой Егерской бригаде под командованием генерала В.А. Волкова.
- ¹⁷⁶⁹ Коншин Алексей Владимирович (26.08.1859–?) — банкир и финансист, управляющий Государственным банком (1910–1914).
- ¹⁷⁷⁰ Мартель Дамьен, де (27.11.1878–21.01.1940) — граф, французский дипломат. Заместитель верховного комиссара Франции при Российском правительстве (1918–1920).
- ¹⁷⁷¹ См.: Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 224.
- ¹⁷⁷² Нокс Альфред Уильям Фортестью (30.10.1870–09.03.1964) — британский генерал-майор, глава британской военной миссии на Востоке России.
- ¹⁷⁷³ Военная академия эвакуировалась из Томска во Владивосток согласно приказу Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 1228 от 7 октября 1919 г. Эвакуация производилась в трех эшелонах. Первый эшелон под руководством полковника Н.В. Главацкого, включавший академи-

ческую библиотеку (250 тысяч томов), склад учебных пособий и геодезических инструментов (топографические и геодезические инструменты на 350 слушателей), экспедиционный отдел, архивы, музеи, части типографии и личное имущество высшего учебно-административного состава, выехал из Томска 1 ноября 1919 г. Второй эшелон под начальством штабс-капитана А.С. Дружинина, в котором перевозились остатки имущества библиотеки, типографии и большая часть личного имущества учебно-административного состава академии и рабочих типографии, выехал из Томска 10 ноября. На Дальний Восток эшелон продвигался крайне медленно вследствие действий партизан, а также из-за ожидания оставшегося в Ставке персонала академии, в том числе ее начальника, генерала А.И. Андогского, и членов конференции — Н.И. Коханова, Д.В. Филатьева, В.И. Сурина и А.А. Сурнина. В третьем эшелоне, которым руководил заведующий типографией подполковник К.А. Наумов, перевозились незначительная часть личного имущества и весь личный состав, кроме уехавших первыми двумя эшелонами. Эшелон отправился 19–20 ноября. Ценности академии охраняли чехословацкие войска. 8 и 10 декабря 1919 г. первые два эшелона прибыли во Владивосток. Третий эшелон задержался в Харбине и прибыл во Владивосток только 30 марта 1920 г. (подробнее см.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии. С. 322–337).

¹⁷⁷⁴ Медведев Александр Иванович (22.07.1853–05.1925) — генерал-лейтенант, ординарный профессор Военной академии.

¹⁷⁷⁵ Речь идет о попытках силами Сибирской армии наступать на соединение с белыми на Севере России весной 1919 г.

¹⁷⁷⁶ Тельберг Георгий Густавович (27.09.1881–20.02.1954) — министр юстиции Российского правительства, уволен по болезни (29.11.1919), уехал во Владивосток для отъезда за границу.

¹⁷⁷⁷ Лаж — превышение рыночного курса денежных знаков по сравнению с номиналом.

¹⁷⁷⁸ Сыровой (Сыровы) Ян (24.01.1888–17.10.1970) — генерал-майор, командующий чехословацкими войсками в России.

¹⁷⁷⁹ Это утверждение противоречит последующему.

¹⁷⁸⁰ Андогский Александр Иванович (25.07.1876–25.02.1931) — генерал-майор, начальник Военной академии.

¹⁷⁸¹ Т.е. оконфузиться.

¹⁷⁸² Унгерн фон Штернберг Роман Федорович (17.12.1885–15.09.1921) — генерал-майор, начальник Азиатской (Туземной) конной дивизии.

¹⁷⁸³ Правильно — КВЖД.

¹⁷⁸⁴ По всей видимости, Викторов Владимир Петрович — капитан.

¹⁷⁸⁵ Федорович Михаил Иосифович (14.10.1872–07.12.1936) — контр-адмирал, командующий морскими силами на Дальнем Востоке.

¹⁷⁸⁶ Прибылович Виктор Николаевич (1878–05.1920) — генерал-майор, полевой инспектор артиллерии Восточного фронта.

- ¹⁷⁸⁷ Бутрин Антон Никифорович («Старик»; 1868–1966) — командир партизанского отряда в Приморье (1919–1920).
- ¹⁷⁸⁸ Вероятно, речь идет о партизанском отряде «Черный ворон» под командованием В.Д. Вострикова.
- ¹⁷⁸⁹ Шевченко Гавриил Матвеевич (1888–1942) — уссурийский казак, командир партизанского отряда в Приморье (1919–1922).
- ¹⁷⁹⁰ Т.е. Омска.
- ¹⁷⁹¹ Рооп Владимир Христофорович (04.07.1865–30.12.1929) — генерал-лейтенант, председатель дальневосточной комиссии по выяснению наличия предметов военного снабжения и их переотправки (с 02.04.1919).
- ¹⁷⁹² Жанен Пьер-Тибо-Шарль-Морис (19.10.1862–28.04.1946) — французский генерал, главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке.
- ¹⁷⁹³ Гревс (Грейвс) Уильям Сидней (27.03.1865–27.02.1940) — американский генерал, командующий американскими оккупационными силами в Сибири и на Дальнем Востоке.
- ¹⁷⁹⁴ Моррис Роланд Слетор (11.03.1874–23.11.1945) — американский посол в Японии (1917–1921) и высокий комиссар в Сибири.
- ¹⁷⁹⁵ Генерал И.Н. Толмачев был известен своими черносотенными взглядами.
- ¹⁷⁹⁶ Колокольников Степан Иванович (1867–1925) — тюменский предприниматель, меценат.
- ¹⁷⁹⁷ Гаврилов А.А. — омский предприниматель, занимавшийся военными поставками.
- ¹⁷⁹⁸ Кропоткин Алексей Алексеевич (17.01.1859–15.11.1947) — князь, член Государственного экономического совещания.
- ¹⁷⁹⁹ Лехмусар Александр Михайлович (1865–14.03.1930) — капитан, выпускник владивостокского Восточного института (1910), переводчик, помощник начальника контрразведывательного отделения штаба Приамурского военного округа (с 05.1919), начальник хабаровского контрразведывательного пункта (с 09.1919).
- ¹⁸⁰⁰ Крыленко Николай Васильевич (02.05.1885–29.07.1938) — бывший прапорщик, Верховный главнокомандующий русской армии (11.1917–03.1918).
- ¹⁸⁰¹ П.П. Левицкий или П.П. Жулебин. См. прим. выше.
- ¹⁸⁰² Казакевич Дмитрий Петрович (16.12.1869–03.02.1924) — помощник управляющего КВЖД, исполняющий обязанности управляющего (1920–1921).
- ¹⁸⁰³ Афанасьев Михаил Иванович (02.11.1883–12.10.1937) — генерал-майор, начальник штаба Походного атамана дальневосточных казачьих войск Г.М. Семенова (01.09.1919–27.04.1920), главный начальник снабжений войск Дальнего Востока и Иркутского военного округа (с 27.12.1919).
- ¹⁸⁰⁴ Тирбах Артемий Игнатьевич (18.10.1892–18.11.1935) — полковник, начальник Сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии (с 18.06.1919).

¹⁸⁰⁵ Плешков Михаил Михайлович (01.11.1856–03.06.1927) — генерал от кавалерии, уполномоченный по охране государственного порядка и общественного спокойствия в полосе отчуждения КВЖД (с 22.02.1919).

¹⁸⁰⁶ Яковлев Павел Дмитриевич (27.05.1891–15.01.1925) — бывший политка-торжанин, эсер, управляющий Иркутской губернией.

¹⁸⁰⁷ Скидельский Семен (Симон) Леонтьевич (1885–24.03.1948) — промышленник.

¹⁸⁰⁸ Иностранцев Михаил Александрович (26.07.1872–05.12.1938) — генерал-майор, ординарный профессор Военной академии.

¹⁸⁰⁹ Речь идет о происшествии 26 декабря 1919 г., когда около станции Силиньхэ на КВЖД по пути из Владивостока в Харбин всего за 10 минут сторел вагон генерала М.А. Иностранцева со всем имуществом, в том числе ценной библиотекой и деньгами. Сам Иностранцев с семьей, задыхаясь от дыма, едва успел выскочить из вагона. Чудом удалось спасти дочь генерала, вытащенную из вагона без сознания. Разместил погорельцев в своем вагоне генерал А.П. Будберг.

¹⁸¹⁰ Циммерман Иван Иннокентьевич (1868–19.08.1931) — управляющий Приморской областью (1918–1919). См. также: *Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции*. Т. 13. С. 298–299.

¹⁸¹¹ Никонов Николай Васильевич (21.09.1875–08.07.1929) — генерал-лейтенант, генерал для поручений при командующем войсками Дальнего Востока и Иркутского военного округа (с 02.01.1920).

¹⁸¹² Шишлянников Рафаил Абрамович (28.10.1896–20.06.1938) — член РКП(б) с 1920 г. Один из руководителей приморских партизан. Под руководством Шишлянникова был завербован русский офицер, служивший в японской разведке, что позволило партизанам получать ценные разведданные.

¹⁸¹³ Войцеховский Сергей Николаевич (16.10.1883–07.04.1951) — генерал-майор, командующий 2-й армией.

¹⁸¹⁴ Молчанов Викторин Михайлович (23.01.1886–10.01.1975) — генерал-майор, командир Ижевской стрелковой дивизии.

¹⁸¹⁵ Калинин Михаил Иванович (07.11.1875–03.06.1946) — советский партийно-государственный деятель, председатель ВЦИК.

¹⁸¹⁶ Гутман (псевдоним — А. Ган) Анатолий Яковлевич (1889–1950) — журналист, издатель газеты «Русский экономист» (Владивосток).

¹⁸¹⁷ Толстов Сергей Сергеевич (13.02.1881–09.11.1950) — полковник, командующий войсками Приамурского военного округа (1918).

¹⁸¹⁸ Куроки Тикамаро — капитан, офицер японской военной разведки.

¹⁸¹⁹ Пеллио Поль (28.05.1876–26.10.1945) — капитан, офицер французской военной миссии в Сибири, французский востоковед.

¹⁸²⁰ Думбадзе — капитан, начальник разведывательной части штаба Приамурского военного округа и главного начальника Приамурского края.

¹⁸²¹ Зверев Даниил Евдокимович (21.11.1894–30.11.1941) — главнокомандующий партизанским Северо-Восточным фронтом в Восточной Сибири.

¹⁸²² Величина, которой можно пренебречь (*фр.*).

¹⁸²³ Речь идет о периоде до декабря 1912 г.

¹⁸²⁴ Карликов Вячеслав Александрович (15.11.1871–17.10.1937) — генерал-лейтенант, помощник военного министра Российского правительства по общей части.

¹⁸²⁵ По старому стилю.

¹⁸²⁶ Маша Шарабан — прозвище любовницы атамана Г.М. Семенова шансонетки Марии Михайловны Вотчер (впоследствии Нахичеванской) (11.05.1897–16.01.1974).

¹⁸²⁷ По старому стилю.

¹⁸²⁸ Т.е. предзнаменования.

¹⁸²⁹ Правильно — Каландаришвили. Каландаришвили Нестор Александрович (26.06.1876–06.03.1922) — революционер, анархист, один из руководителей партизанского движения в Восточной Сибири, участник установления советской власти в Иркутске.

¹⁸³⁰ Степанов Александр Петрович (10.10.1884–27.11.1934) — полковник, в распоряжении генерала С.Н. Розанова.

¹⁸³¹ Политический центр (Политцентр) — эсеро-меньшевистское правительство, существовавшее в Иркутске в ноябре 1919 — январе 1920 г. Захватил власть в Иркутске 5 января 1920 г., 21 января передал власть Иркутскому ВРК. 15 января 1920 г. Политцентру чешским командованием были выданы задержанные Верховный правитель адмирал А.В. Колчак и председатель Совета министров В.Н. Пепеляев.

¹⁸³² Маковкин Александр Евплович (07.06.1876–06.09.1928) — генерал-майор, председатель военно-следственной комиссии при начальнике гарнизона Никольска-Уссурийского.

¹⁸³³ Вращиль (Враштель) Виктор Владимирович (30.10.1885–04.1920) — полковник, командир Конно-егерского полка.

¹⁸³⁴ Степаненко Кирилл Петрович — сельский учитель, командир партизанского отряда в Приморье.

¹⁸³⁵ Танака Гиити (22.06.1864–29.09.1929) — генерал, военный министр Японии, один из организаторов японской военной интервенции в Приморье.

¹⁸³⁶ Евецкий Александр Ананьевич (23.11.1887–04.1920) — полковник, командир 33-го Сибирского стрелкового полка.

¹⁸³⁷ Правильно — Косминский Борис Александрович (около 1888–?) — эсер, товарищ председателя Политцентра.

¹⁸³⁸ Фельдман Моисей Соломонович (12.1883–02.1942) — эсер, член Политцентра.

¹⁸³⁹ Меркуловы — братья, общественно-политические деятели. Николай Дионисьевич (10.12.1869–1945) и Спиридон Дионисьевич (06.12.1871–18.06.1957).

¹⁸⁴⁰ Еремеев Иннокентий Иванович (27.02.1869–12.11.1925) — городской голова Владивостока (1919–1920).

¹⁸⁴¹ Китицын Михаил Александрович (17.09.1885–22.08.1960) — капитан 1-го ранга, начальник Морского училища во Владивостоке.

- 1842 Патиашвили (Патиешвили) И.А. — полковник, командир сформированного 1-го Кавказского конно-пластунского партизанского полка.
- 1843 По библейскому преданию слова, начертанные на стене таинственной рукой во время пира вавилонского царя Валтасара. Условное обозначение предзнаменования смерти.
- 1844 Вариант перевода вышеприведенной фразы.
- 1845 Медведев Александр Семенович (1877–1938) — эсер, председатель Временного правительства Приморской областной земской управы (с 31.01.1920).
- 1846 Ходжсон Роберт Маклеод (25.02.1874–18.10.1956) — британский дипломат, консул Великобритании во Владивостоке (1911–1920).
- 1847 Гнилой угол — район Владивостока.
- 1848 Далее А.П. Будберг излагает события переворота 31 января 1920 г. во Владивостоке, в результате которого власть перешла от генерала С.Н. Розанова к Временному социалистическому правительству Приморской областной земской управы во главе с А.С. Медведевым.
- 1849 Широкогоров Сергей Михайлович (19.06.1887–19.10.1939) — этнолог и антрополог.
- 1850 Куперовская падь — район Владивостока и участок Транссибирской магистрали перед станцией Первая Речка.
- 1851 Матросская слободка — район Владивостока.
- 1852 Такаянаги Ясутаро (1869–1951) — генерал-майор, начальник 2-го (разведывательного) отдела штаба японского экспедиционного корпуса во Владивостоке (1919–1920), начальник японской военной миссии в Омске (1919).
- 1853 Андо — капитан, офицер японского органа особой службы (военная разведка) во Владивостоке и Харбине.
- 1854 «Хизен» («Хидзэн») — эскадренный броненосец японского флота. Заложен в 1899 г., спущен на воду в 1900 г., введен в эксплуатацию в 1901 г. как эскадренный броненосец русского флота «Ретвизан». Получил повреждения, был полузатоплен и частично подорван в Порт-Артуре. После захвата Порт-Артура японцами поднят и отремонтирован. Введен в состав японского флота в 1908 г. как линкор 1-го класса. С 1918 г. использовался для обеспечения японской интервенции на Дальнем Востоке. В 1923 г. исключен из состава флота и в 1924 г. потоплен как мишень в ходе учений.
- 1855 Загоскин Дмитрий Владимирович (01.07.1872–01.05.1938) — генерал-майор, начальник артиллерии сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии.
- 1856 Жирар де Сукантон Лев Львович (07.02.1886–08.03.1934) — полковник.
- 1857 Зеленков Петр Евгеньевич (?–03.1944) — ротмистр.
- 1858 Афанасьев С.И. — член Приморской областной земской управы.
- 1859 Меньшиков А.А. — член Приморской областной земской управы.
- 1860 Правильно — генерал-майор.
- 1861 Антонович Александр Трифонович (23.08.1877–1937) — генерал-майор, штатный преподаватель военных наук Военной академии.

- 1862 Речь идет об ответственности С.Н. Розанова как особоуполномоченного по охране государственного порядка в Енисейской и Иркутской губерниях (штаб — Красноярск) за жестокое подавление партизанского движения в 1919 г.
- 1863 Синкевичи — братья, владельцы торгового дома во Владивостоке.
- 1864 Бебехи — домашние вещи, пожитки.
- 1865 Макгаун Дэвид Белл (05.06.1870–30.11.1960) — американский консул во Владивостоке (1918–1922).
- 1866 Краковецкий Аркадий Антонович (15.08.1884–12.02.1937) — эсер, один из руководителей антиколчаковского восстания во Владивостоке.
- 1867 Якушев Иван Александрович (24.06.1886–11.11.1935) — эсер, один из руководителей антиколчаковского восстания во Владивостоке.
- 1868 Джонсон Сэмюэл И. (настоящие фамилия, имя и отчество — Игнатъев Борис Иванович; 04.12.1874–24.02.1948) — эмигрант из России, майор американской армии, начальник международной военной полиции Владивостока.
- 1869 Босфор Восточный — пролив в заливе Петра Великого Японского моря.
- 1870 Бест — укрытие.
- 1871 Отсылка к событиям Великой французской революции, в ходе которой республиканские власти Франции подавили контрреволюционное восстание в Вандее 1793–1796 гг. Выступление вандейцев впоследствии нередко ассоциировалось с Белым движением в ходе Гражданской войны в России.
- 1872 Кавахара Кэсатаро — японский контр-адмирал, командующий Специальной японской эскадрой во Владивостоке.
- 1873 Угет Сергей Антонович (1884 — после 1926) — финансовый агент при российском посольстве в США.
- 1874 Аскольд — остров в заливе Петра Великого.
- 1875 Впервые опублик. в: *Ганин А.В.* «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...» Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера) // *Родина*. 2012. № 12. С. 118–121; 2013. № 1. С. 129–133. Выражаю благодарность за консультации М.А. Хайрулину.
- 1876 Подробнее см.: *Хайрулин М.* Летим на Юг! Черный список красного воздушного флота // *Родина*. 2011. № 2. С. 84–89.
- 1877 *Хайрулин М., Кондратьев В.* Военлеты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. М., 2008. С. 273.
- 1878 *Валентинов А.А.* Крымская эпопея // Белое дело. Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 11: Белый Крым. С. 273.
- 1879 РГВА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 18. Л. 165. Документ предоставлен М.А. Хайрулиным.
- 1880 РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.
- 1881 Подробнее об этом штурме см.: *Каширин В.Б.* Взятие горы Маковка. Незвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010.
- 1882 Подробнее см.: *Нешкин М.С., Шабанов В.М.* Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов. Биографический справочник. М., 2006. С. 276.

- 1883 Начальника авиации действующей армии.
- 1884 РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 146–146об.
- 1885 РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.
- 1886 Там же. Л. 9об.
- 1887 Там же. Л. 13.
- 1888 Там же. Л. 15.
- 1889 Правильно — капитана.
- 1890 *Махров П.С.* В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 117–118.
- 1891 National Archives of the United Kingdom. Public Record Office (Kew). Cabinet Office (CAB) 24/100. С электронной копией документа можно ознакомиться на: <http://nationalarchives.gov.uk>.
- 1892 16 января 1920 г. по новому стилю.
- 1893 На документе резолюция красным карандашом: Совершенно секретно. Ген. Е.К. Миллеру. Штамп: Examined by general Golovine. Еще одна карандашная резолюция неразборчива.
- 1894 Ко времени написания доклада — Юго-Западный фронт.
- 1895 На самом деле И.И. Вацетис был снят с поста главнокомандующего в связи с арестом по делу Полевого штаба РВСР, сфабрикованному Особым отделом ВЧК по заказу большевистского руководства.
- 1896 Современные казахи.
- 1897 VII Всероссийский съезд Советов проходил 5–9 декабря 1919 г. в Москве. Председатель РВСР Л.Д. Троцкий 7 декабря выступал на съезде с победным докладом о военном положении «Наше военное строительство и наши фронты». Среди прочего Троцкий заявил о возможности в будущем перейти к единоначалию в РККА. О том, что этот вопрос является решенным, как отмечено в документе, Троцкий не говорил.
- 1898 Каменев Сергей Сергеевич (03.04.1880–25.08.1936) — главнокомандующий всеми вооруженными силами республики.
- 1899 Лебедев Павел Павлович (21.04.1872–02.07.1933) — начальник Полевого штаба РВСР.
- 1900 Хвошинский Георгий Николаевич (26.11.1878–1928) — помощник начальника Полевого штаба РВСР по технической части.
- 1901 Михайлов Виктор Иванович (18.10.1872–31.10.1937) — начальник оперативного управления Полевого штаба РВСР.
- 1902 Гусев Сергей Иванович (Яков Давидович Драркин) (01.01.1874–10.06.1933) — член РВСР.
- 1903 Данишевский Карл Юлий Христианович (03.05.1884–08.01.1938) — член РВСР.
- 1904 Рыков Алексей Иванович (13.02.1881–15.03.1938) — член РВСР.
- 1905 Имеется в виду руководство боевыми действиями.
- 1906 На самом деле С.М. Буденный вступил в РКП(б) в 1919 г. и формально вел партийный стаж с 19 марта 1919 г. (*Буденный С.М.* Пройденный путь. М., 1958. Кн. 1. С. 341).
- 1907 Ворошилов Климент Ефремович (23.01.1881–02.12.1969) — член РВС 1-й Конной армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁹⁰⁸ Щаденко Ефим Афанасьевич (12.09.1885–06.09.1951) — член РВС 1-й Конной армии.

¹⁹⁰⁹ Погребов Виктор Андреевич — временно исполняющий должность начальника штаба 1-й Конной армии.

¹⁹¹⁰ Зотов Степан Андреевич (23.11.1882–29.09.1938) — начальник полевого штаба 1-й Конной армии.

¹⁹¹¹ Автор документа не указывает, что красноармейский паек необходимо было отработать фактически в условиях близкой к военной дисциплины на предприятии.

¹⁹¹² На самом деле отдельные иностранные генштабисты служили в РККА (подробнее см.: *Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 69*).

¹⁹¹³ Речь идет о доктрине итальянского генерала Джулио Дуэ о возможности достижения победы в войне силами авиации (подробнее см.: *Дуэ Дж. Господство в воздухе. СПб., 2003*).

¹⁹¹⁴ Главное управление учебных заведений.

¹⁹¹⁵ Моторный Владимир Иванович (22.02.1883–1931) — генерал-майор, начальник штаба Отдельной Уральской армии.

¹⁹¹⁶ Толстов Владимир Сергеевич (07.07.1884–29.04.1956) — генерал-майор, Войсковой атаман Уральского казачьего войска.

¹⁹¹⁷ Саламаха — правильно — Соломаха Константин Георгиевич — полковник, дежурный генерал штаба Отдельной Уральской армии.

¹⁹¹⁸ Не публикуется.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абамелек 566
Абациев Д.К. 520, 521, 822
Абинякин Р.М. 15
Абрамов Ф.Ф. 45, 196
Авенариус Н.А. 29
Аверьянов П.И. 70, 197
Авксентьев Н.Д. 228, 231, 232, 247
Автономов А.И. 211
Агапеев В.П. 129
Агапит, см. Вишнеvский А.И.
Агафонов 579
Агоронян 139
Адашек 578
Адиз-хан (Азиз-хан) 349
Азин В.М. 37
Айрапетов О.Р. 8
Айронсайд У.Э. 103
Айселиник 584, 586, 587
Акацатов Н.Е. 611, 628, 663, 833
Акуанин И.Г. 96, 191, 202, 241, 245,
246, 255, 264, 478, 817
Акутин П.Т. 108, 199
Александров 598
Алексеев А.Н. 67, 756
Алексеев М.В. 11, 46, 48, 50, 51, 52, 53,
57, 121, 159, 334, 340, 341, 351, 354,
453, 455, 524, 571, 816
Алексеевский А.Н. 238
Алкин И.С. 230, 239
Алмазов В.И. 448, 816
Альвенслебен К., фон 523, 524, 823
Альтфатер В.М. 36
Аметистов Т.А. 354
Андо 707, 715, 840
Андогский А.И. 80, 81, 292, 653, 667,
764, 836
Андрей, см. Шептицкий Р.М.А.
Анисимов А.И. 798
Анисимов Н.С. 246
Анненков Б.В. 88, 89, 91, 165, 185, 186,
203, 204, 205, 287, 300, 301, 573, 574,
575, 745, 746, 778
Антоний, см. Храповицкий А.П.
Антонов М.Н. 582, 584, 585, 587
Антонович А.Т. 712, 718, 840
Антонов-Оvсеенко В.А. 36, 190, 346,
347, 348
Апанасенко И.Р. 430
Аплок Ю.Ю. 317
Аполлонов 463–466
Аппетер И.А. 326
Аралов С.И. 36, 315, 319, 326, 328, 378,
380, 381
Арапов П.С. 311
Аржанов М.М. 38
Арнольд Р.А., фон 630, 665, 834
Арнольдов В.Н. 354
Арсеньев А.Д. 349
Артемьев В.В. 206
Артузов (Фраучи) А.Х. 331, 333
Артузов А.Х. 331
Архангельский А.П. 338, 339, 340, 341,
343
Архангельский В.Г. 222
Архангельский П.Г. 359
Асанов А.А. 205, 744
Астров Н.И. 44
Аузан А.И. 145
Афанасьев М.И. 666, 668, 673, 677, 692,
837
Афанасьев С.И. 709, 840
Афанасьев 578
Ахвердов И.В. 141
Ахметелов С.Г. 137
Баграмян И.Х. 38, 142, 758
Баев А.А. 460, 817
Бакич А.С. 203, 204, 205, 301, 479, 800,
818
Балодис Я. 142, 146
Балтийский А.А. 22
Балтин 584, 587
Бангерский Р.К. 264, 284, 285
Баранов А.М. 609, 665, 832
Баранов П.М. 768
Барановский В.Л. 808
Барановский 532, 537
Баратов Н.Н. 521, 822
Барбович И.Г. 35, 517, 519, 822
Барсов Н.Я. 238, 784
Бартельс В. 353

- Барцевич В.П. 355
 Барышников С.Н. 302
 Басков М.В. 348
 Батрук А.И. 362
 Батый 522
 Батюшин Н.С. 325, 358, 359, 360
 Бафталовский И.А. 89, 221
 Бахутов И.И. 492, 539, 819
 Бейли Ф.М. 350
 Белов А.И. 185
 Белов П.А. (Виттекопф Г.А.) 202, 278,
 296, 364
 Белов 461
 Белогорцев В.Ф. 527, 531, 823
 Белозерцев 517
 Бенкендорф М. 370
 Берендс К.Ю. 320
 Берзин Э.П. 323, 324, 326
 Бермондт-Авалов П.Р. 117, 118, 119
 Бирзе (Эрдман) А.И. 314, 315
 Бирк Р. 371
 Бирюков И.А. 162
 Бичерахов Г.Ф. 172
 Блаватский Г.В. 349
 Блаунс 326
 Блюмкин Я.Г. 323
 Блюхер В.К. 163, 164, 171, 293
 Бобриков Л. 482
 Богаевский А.П. 176, 195, 214
 Богданов Ф.А. 97, 212
 Богословский Б.П. 80, 484, 818
 Бодак Н.В. 318
 Бойно-Родзевич С.А. 740
 Бойс Э. 351, 352, 369, 370
 Болдескул Л.И. 449, 816
 Болдырев В.Г. 85, 92, 222, 224, 229, 231,
 232, 233, 235, 240, 243, 255, 337, 367,
 623, 683, 686, 687, 688, 691, 693, 694,
 695, 700, 834
 Болховитинов Л.М. 63, 66, 67
 Большаков 633
 Бонч-Бруевич В.Д. 170
 Бонч-Бруевич М.Д. 12, 24, 26, 28, 33, 40,
 325, 351, 359, 799
 Борд Ф. 337
 Борисов В.Е. 384
 Борман А.А. 356
 Бородин В.А. 164
 Бородин Г.К. 201
 Бортневский В.Г. 348
 Бортников 171
 Борчанинов А.Л. 163
 Бочкарева М.Л. 109
 Бредихин 327
 Бредов Н.Э. 63, 487, 488, 504, 505,
 508–513, 515, 516, 518–521, 525, 526,
 528, 529, 530, 531, 538, 539, 541, 542,
 543, 545, 547–550, 552, 553, 556, 557,
 559–562, 564, 565, 566, 568, 570, 572,
 820, 821, 826
 Бредш Ф.М. 363
 Брешко-Брешковская Е.К. 241
 Бриггс Ч.Д. 540, 541
 Брудерер А.А. 238
 Брусилов А.А. 24, 38, 68, 450, 451
 Брушвит И.М. 227, 230, 236
 Будберг А.П. 8, 85, 87, 249, 256, 258, 261,
 274, 293, 366, 588–594, 600, 609, 617,
 624, 626, 658, 703, 722, 791, 828, 829,
 832, 834, 835, 838, 840
 Будберг В.П. 598, 720, 721, 829
 Буденный С.М. 193, 410, 498, 729, 734,
 737, 738, 820, 842
 Буйкис Я.Я. 323
 Букретов Н.А. 194, 195
 Булак-Балахович С.Н. 113, 118
 Бунин 478
 Бурачек А.П. 547
 Бурачек С.П. 547
 Буре П. 638
 Буревои (Сопляков) К.С. 238
 Буренин Д.Е. 327
 Бурков 140
 Бурлин П.Г. 626, 640, 643, 656, 666, 834
 Бурыйшкин П.А. 638, 834
 Бутрин А.Н. 837
 Бучинский Б.И. 126, 354, 360
 Былинкин А.С. 243, 785
 Быч Л.Л. 178
 Бычков А.Г. 206
 Бяков 574
 Вагин А.Н. 256
 Вакулин К.Т. 209
 Вакье Э. 351
 Валентинов А.А. 723
 Валидов А.-З. 185, 226, 240, 241, 242, 245,
 246, 247, 400
 Валтасар 840

- Валь Э.-К.-В.Г., фон 433
 Валужинич 665
 Вандам А.Е. 113
 Ванюков В.В. 263
 Василевский А.М. 758
 Василенко Л.Д. 79
 Василенко М.И. 36
 Васильев А.Г. 317
 Васильев И.В. 238
 Васильев С. 491
 Ватсон 351
 Вахрушев 579
 Вацетис И.И. 11, 12, 33, 36, 37, 40, 42,
 255, 259, 288, 324, 328, 330, 409, 432,
 730, 842
 Вдовенко Г.А. 180
 Вебстер Л. 370
 Вегнер 516
 Веденяпин (Штегеман) М.А. 223, 224,
 229, 231, 233, 238, 243, 244, 245
 Велиев А.А. 246
 Величко К.И. 26
 Вержбицкий Г.А. 281
 Вериго Л.В. 602, 655, 656, 660, 668, 670,
 671, 677, 680, 688, 689, 692, 693, 698,
 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706,
 707, 708, 709, 710, 712, 714, 715, 716,
 717, 718, 719, 721, 830
 Вертамон, де А. 370
 Ветренко Д.Р. 115, 119
 Взоров 225
 Видор 352
 Викорст Н.Э. 104
 Викторов В.П. 655, 836
 Вильгельм II 175
 Винниченко В.К. 522, 822
 Витте С.Ю. 832
 Витукевич К.Я. 110
 Вишневецкий А.И. 522, 822
 Владыкин В.Т. 238
 Власов 714
 Влассак 235
 Войлошников П.И. 206
 Войткевич М.М. 368
 Войцеховский С.Н. 96, 230, 231, 234,
 236, 237, 255, 289, 290, 292, 297, 299,
 300, 303, 672, 720, 793, 838
 Волков В.А. 640, 644, 698, 835
 Волков В.И. 165, 185, 204, 745
 Волков С.В. 17, 18, 60, 102, 754, 755, 767
 Вологодский П.В. 229, 594, 638, 666, 829
 Вольский В.К. 225, 230, 237, 238, 248
 Воровский В.В. 808
 Воронович Н.В. 407
 Воротников А.С. 740
 Воротовов М.Ф. 100
 Ворошилов К.Е. 734, 842
 Востриков В.Д. 837
 Вотчер М.М. (Маша Шарабан) 680, 839
 Врангель М.Д. 380
 Врангель О.М. 69
 Врангель П.Н. 20, 56, 66, 67, 69, 70, 71,
 72, 74, 75, 76, 77, 97, 191, 194, 195,
 196, 197, 212, 332, 333, 359, 361, 362,
 380, 386, 411, 412, 496, 499, 502, 503,
 530, 551, 553, 555, 571, 812, 820, 826
 Враштыль (Враштель) В.В. 684, 685, 688,
 839
 Всеволодов Н.Д. 337, 385
 Вуличевич Б.Н. 768
 Высоцкий 660
 Вязьмитинов В.Е. 333, 359
 Гаврилов А.А. 661, 837
 Гаевский А.Т. 359
 Гайда Р. 84, 230, 234, 235, 249, 256, 258,
 259, 263, 266, 271, 272, 276, 299, 593,
 610, 611, 612, 613, 615, 616, 617, 618,
 619, 620, 621, 622, 624, 629, 630, 633,
 636, 637, 646, 660, 664, 665, 666, 714,
 832, 833
 Галаев П.А. 161
 Галкин Н.А. 184, 221, 244, 446, 447, 815
 Галкина Ю.М. 8
 Галлер Ю. 130, 131
 Гамов И.М. 165, 187, 287
 Ганфман М.И. 541, 542, 543, 824
 Гедеваншвили И.К. 137
 Гейден Д.Ф. 523, 524, 822
 Гейман А.А. 505, 821
 Геккер А.И. 42, 142
 Генбачев В.И. 349
 Герих П.К., фон 133
 Геруа А.В. 358
 Геруа Б.В. 102, 345
 Гершельман К.К. 549, 825
 Герштейн Л.Я. 236
 Гиллеспи Д. 369, 370
 Гинс Г.К. 232, 239, 638, 834

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Гинсбург 660
 Гинце П, фон 340
 Гирса В. 633, 636, 639, 834
 Гиттис В.М. 346
 Главацкий Н.В. 835
 Глаголев В.П. 348
 Глобачев К.И. 324, 345, 358, 359
 Глуховский 582
 Глушков Г.В. 170
 Гнеушев 429
 Гноевых А.А. 209
 Говоров Л.А. 38, 97, 758
 Говырин 95
 Гоголь Н.В. 508
 Гойер Л.В., фон 594, 595, 599, 600, 650, 829
 Голдсмит Д. 370
 Голицын А.Д. 523, 822
 Голицын В.В. 94, 603, 604, 639, 831
 Головин Н.Н. 54, 94, 292, 296
 Головин 544
 Голубов Н.М. 160
 Гольдин-Володарский 586
 Гондель В.К. 399, 425
 Горовой 656
 Городовиков О.И. 410
 Готгард З.И. 334
 Гревс (Грейвс) У.С. 660, 676, 681, 837
 Грегори Е.В. 606, 832
 Греков 159
 Греков А.П. 125
 Гренар Ф. 324
 Гривин П.П. 299, 818
 Григорьев Н.А. 535, 824
 Григорьев Ф.Л. 26, 315
 Григорьев Ю.И. 312
 Гридягин 579
 Гришин-Алмазов А.Н. 79, 90, 650
 Гришинский А.С. 26
 Грондайс Л. 318, 796
 Грот А.-Е.Ю., фон 447, 816
 Груев И.С. 492, 539, 819
 Губерский М. 464
 Гувер Г. 552, 825
 Гуковский 625, 696, 713
 Гурский 463, 465, 472, 474, 475, 476, 480
 Гусев С.И. (Драбкин Я.Д.) 319, 344, 733, 736, 842
 Гусев 578
 Гутман А.Я. (А. Ган) 673, 838
 Гутор А.Е. 68, 121
 Гучков А.И. 256, 277, 808
 Гушин Ф.А. 8
 Давыдов (Давтян) Я.Х. 322
 Далецкий 584
 Данилов И.А. 104, 768
 Данишевский К.Ю.Х. 733, 842
 Двигубский А.М. 346
 Делимарский К.И. 629, 834
 Демишхан М.А. 81, 82
 Деникин А.И. 11, 19, 25, 44, 50, 54, 55, 56, 57, 59, 64, 65, 66, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 80, 121, 126, 127, 132, 134, 135, 141, 148, 175, 176, 177, 178, 179, 181, 191, 192, 193, 194, 195, 199, 200, 202, 243, 249, 253, 258, 259, 260, 272, 273, 295, 304, 334, 335, 344, 346, 348, 351, 354, 355, 358, 359, 360, 361, 363, 397, 405, 407, 408, 412, 413, 422, 453, 455, 456, 482, 487, 489, 490, 491, 503, 507, 509, 510, 520, 521, 522, 529, 531, 539, 540, 541, 548, 552, 553, 554, 555, 672, 677, 678, 684, 693, 718, 719, 723, 726, 730, 742, 761, 776, 806, 816, 829
 Денисов С.В. 168, 169, 176
 Джонсон С.И. (Игнатьев Б.И.) 715, 841
 Джунайд-хан 349
 Джунковский Е.П. 349
 Дзержинский Ф.Э. 257, 314, 316, 323, 326, 330, 337, 338, 352, 379, 389, 391, 579, 772
 Дзержинский А.Ф. 114
 Дитерихс Е.К. 50
 Дитерихс М.К. 50, 78, 88, 96, 100, 122, 172, 254, 255, 257, 289, 292, 293, 295, 296, 297, 300, 334, 576, 577, 578, 597, 601, 602, 603, 623, 638, 642, 649, 662, 794, 827, 830
 Дмитриев А.С. 359
 Добржинский И. 331
 Добровольский В.В. 493, 513, 819
 Добровольский М.Н. 493, 819
 Добровольский С.Ц. 103
 Добрынин В.В. 354
 Добрышин А.Ф. 383
 Довбор-Мусницкий И.Р. 130, 132
 Довгирд С.А. 337
 Дойков Ю.В. 768

- Долинин М. 471
 Домбровский 572
 Доможиров Л.Н. 97, 264
 Доможиров Н.Н. 386
 Донской Д.Д. 243, 785, 786
 Дорман М.А. 324
 Дорман П.Е. 362
 Доставалов Е.И. 361
 Драгомиров А.М. 44, 57, 73, 74, 75, 530,
 538, 542, 545, 546, 548, 550, 551, 552,
 554, 823
 Драгомиров М.И. 530, 823
 Дрейер В.Н., фон 62, 63
 Дро, см. Канаян Д.
 Дроздовский М.Г. 58, 65, 66, 169, 492,
 505, 819
 Дрон 738
 Дронгошевский 580
 Дружинин А.С. 836
 Дубасов Ф.В. 810
 Думбадзе Г.С. 285
 Думбадзе 676, 700, 838
 Луменко Б.М. 69, 193, 213
 Дуров Б.А. 103, 104
 Дутов А.И. 45, 78, 80, 83, 91, 95, 96, 157,
 158, 163, 164, 169, 170, 171, 181, 182,
 183, 184, 187, 190, 203, 204, 205, 206,
 207, 223, 225, 232, 233, 234, 236, 240,
 241, 242, 246, 247, 254, 256, 261, 263,
 268, 275, 300, 301, 332, 380, 408, 458,
 459, 460, 462, 463, 464, 465, 466, 467,
 468, 469, 470, 474, 475, 478, 479, 610,
 774, 800, 816
 Духонин Н.Н. 50, 121
 Дуэ Дж. 843
 Дыбенко П.Е. 126, 407, 821
 Дыдоров К.И. 113
 Дюкс П. 369, 370
 Дядюша С.И. 349, 380
 Евецкий А.А. 688, 689, 839
 Евлинская (Любарская, Гребенникова)
 Д. 824
 Егоров А.И. 33, 42, 71
 Егоров 641
 Егорьев В.Н. 121, 125
 Егошкин Я.И. 88
 Ежевский К.А. 120
 Езеев А.Б. 588
 Екабсон Э. 8
 Енборисов Г.В. 164
 Еرارский Н.В. 347, 354
 Еремеев И.И. 696, 839
 Еремин 748
 Ермаков П.З. 163
 Ермолов В.В. 110
 Ерофеев 340, 341
 Еськов 831
 Ефимов А.Г. 589, 827
 Ешков 629, 641, 707
 Жаба 582
 Жанен П.-Т.-Ш.-М. 304, 598, 659, 660,
 672, 677, 680, 682, 685, 686, 688, 695,
 791, 837
 Жебрак-Русанович М.А. 58
 Желиховский В.И. 129
 Жилинский В.А. 104, 106, 110, 111
 Жирар-де-Сукантон Л.Л. 708, 840
 Жихор К.И. 311, 312, 795
 Жлоба Д.П. 180
 Жуков Г.П. 247
 Жуков М.Н. 380
 Жуковский (Жаукаускас) С.К.
 Жулебин П.П. 607, 665, 832, 837
 Журавлев 238
 Забелло 585, 586, 587
 Заваруев А. 246
 Загоскин Д.В. 708, 840
 Загю М.М. 26
 Зайцев И.М. 349, 350
 Зайцов А.А. 214
 Зайчек 365
 Зайченко З.И. 384
 Залесский П.И. 76
 Залесский 492, 496, 500
 Замбржицкий В.А. 56, 76
 Замшин В.И. 768
 Занко И. 579, 584, 585, 587, 828
 Збутович К.С. 546, 566, 824
 Зверев Д.Е. 677, 838
 Звиргзд К.А. 367
 Зданович А.А. 323
 Зейбот А.Я. 321
 Зеленков П.Е. 708, 840
 Зензинов В.М. 224, 232
 Зиверт В.Г. 312
 Зиневич Б.И. 300
 Зиновьев Г.В. 171
 Злобин Р.В. 549, 825

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Змиенко В.Е. 521, 822
 Знаменатик 449
 Знаменский С.Ф. 224
 Золотарев 578
 Зонов 464
 Зорин 578
 Зотов С.А. 734, 843
 Зубковский С.А. 596, 597, 829
 Зумото 601
 Зур 547
 Ивакин А.В. 300
 Иван IV Грозный 413
 Иванов Б.П. 173
 Иванов Н.Н. 230, 238
 Иванов П. 462, 817
 Иванов 502
 Иванов 566
 Иванов-Ринов П.П. 185, 206, 207, 296,
 365, 601, 603, 604, 606, 610, 628, 631,
 639, 642, 645, 648, 655, 657, 675, 830,
 832
 Ивановский В.А. 311, 312
 Избышев А.А. 262
 Изергин М.И. 199
 Изоме Р., см. Исоме Р.
 Ильин В.Д. 600, 830
 Ильин И.С. 12, 215, 221, 277
 Инагаки С. 635, 651, 652, 656, 687, 702,
 704, 706, 710, 715, 719, 834
 Иностранцев М.А. 90, 254, 255, 258, 261,
 292, 296, 668, 838
 Ионов А.М. 89, 165, 171, 186, 745
 Искрицкий Е.А. 26
 Исоме Р. 615, 616, 618, 655, 659, 671, 679,
 681, 687, 694, 696, 697, 701, 703, 706,
 707, 708, 709, 715, 717, 719, 833
 Ихновский 585
 Кабаев 481
 Кавахара К. 718, 841
 Кавтарадзе А.Г. 17, 18, 33, 148, 754, 758
 Кадирбаев С.К. 245
 Кадыкин В.П. 354
 Казакевич Д.П. 666, 837
 Казанович Б.И. 56, 60, 335, 343, 344
 Кайгородов А.П. 186
 Какурин Н.Е. 349
 Каламатиано К. 370
 Каландаришвили Н.А. 680, 685, 839
 Калачев В.К. 817
 Калачев 462
 Калашников Н.С. 92
 Каледин А.М. 50, 51, 53, 159, 160
 Каленчин 578
 Калинин М.И. 97, 672, 838
 Калманович 586
 Калмыков И.П. 84, 172, 187, 287, 600,
 601, 606, 610, 612, 613, 619, 620, 621,
 623, 624, 627, 628, 629, 633, 634, 641,
 646, 648, 649, 652, 655, 662, 668, 670,
 671, 672, 675, 676, 677, 684, 691, 692,
 698, 830
 Калнин Л.Э. 562
 Калнин М.Э. 494, 495, 516, 533, 534, 537,
 538, 543, 562, 566, 820
 Калнин О.Ю. 318
 Калнин Э.Х. 536, 537, 562, 824
 Калякина А.В. 8
 Каменев С.С. 12, 26, 33, 36, 40, 192, 399,
 401, 405, 412, 733, 734, 736, 842
 Каменский С.Н. 311
 Канаян Д. 139
 Капелька 358
 Капнин К.Л. 50, 491, 493, 497, 501, 504,
 819
 Капшель (Строльман) О.С. 379
 Капшель В.О. 80, 93, 96, 98, 99, 233, 234,
 243, 255, 275, 285, 289, 292, 297, 298,
 300, 302, 303, 304, 339, 379, 380, 604,
 644, 657, 659, 672, 676, 680, 683, 693,
 718, 793, 831
 Капустянский Н.А. 349
 Карамзов И.Ф. 452
 Караулов М.А. 161
 Карахан Л.М. 326, 338
 Каргалетелли В.Д. 137
 Каргин К.Л. 184, 241, 242, 245, 246, 247
 Карликов В.А. 678, 839
 Карнаухов (Корнауков) Н.П. 171, 461,
 479, 817
 Карпов 492
 Карпус З. 779
 Касаткин В.Н. 43, 605, 831
 Катанаев А.В. 185
 Катанян Р.П. 322
 Каутский К. 606, 831
 Каширин В.Б. 8
 Каширин И.Д. 211, 479, 817
 Каширин Н.Д. 171, 211, 479, 818

- Квек П. 579, 584, 585, 587, 828
 Квешинский М.Ф. 104, 105, 111, 112, 255
 Квинитадзе Г.И. 138
 Кедров М.С. 22, 326, 328, 330, 331, 798
 Келлер Ф.А. 452–457, 524, 816
 Келлер 636
 Келчевский А.К. 57, 70, 72, 75, 196
 Керенский А.Ф. 22, 43, 44, 103, 104, 118,
 156, 157, 219, 220, 222, 223, 450, 477,
 478, 524, 540, 527, 532, 540, 594, 687,
 741, 828
 Кирпичев Л.Н. 547, 825
 Кирста К.Ф. 548, 825
 Киселев Н.А. 363
 Кислицын В.А. 88
 Киснемский Г.П. 446, 815
 Китицын М.А. 697, 702, 715, 716, 718,
 833, 839
 Кияковский-Стецкевич В.С. 333
 Кияшко А.И. 165
 Клаузевиц К., фон 307
 Клембовский В.Н. 68, 148, 359
 Клембовский Г.В. 148
 Клерже Г.И. 257
 Климович Е.К. 358, 363
 Климушкин П.Д. 228, 229, 238, 243
 Ключев Н.А. 105
 Кобозев П.А. 163
 Кобылянский М.О. 546, 566, 824
 Ковалевский А.Н. 25
 Ковальчук М.А. 8, 126, 771
 Коган П.Д. 430
 Коган 672, 695
 Козлов Е. 460
 Козлов С. 471
 Кокура Е.В. 8
 Колесников А.П. 357
 Колесников 662
 Коллонтай А.М. 504, 821
 Колокольников С.И. 661, 837
 Колышев П.В. 66
 Колчак А.В. 6, 12, 18, 43, 44, 72, 78, 80,
 81, 82, 83, 85, 89, 92, 93, 94, 96, 97,
 100, 107, 110, 115, 182, 184, 186, 187,
 198, 204, 205, 206, 207, 220, 221, 222,
 223, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236,
 238, 239, 240, 241, 242, 246, 247, 248,
 249, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259,
 260, 261, 262, 263, 266, 267, 269, 270,
 272, 274, 277, 280, 281, 283, 284, 285,
 287, 288, 289, 290, 292, 293, 294, 295,
 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303,
 304, 305, 306, 326, 356, 363, 364, 365,
 366, 367, 371, 389, 390, 404, 405, 408,
 412, 414, 445, 479, 482, 574, 576, 578,
 591, 601–604, 606, 621, 624, 634, 636,
 638, 641, 642, 649, 653, 658, 659, 661,
 664, 666, 668, 679, 680, 681, 682, 684,
 685, 686, 689, 690, 691, 692, 695, 704,
 730, 735, 780, 781, 784, 785, 787, 793,
 794, 828, 829, 830, 831, 839, 841
 Кольцов П.А. 320
 Комаров 469
 Комиссарова (Снесарева) А.А. 8
 Комолятова А.Н. 8
 Кондратович Л.Л. 349, 350
 Кондратьев 247
 Кондратьев 578
 Кондрашев А.С. 640, 698, 835
 Кондрашев И. 463–465
 Кононов (Кононов-Кононович) К.Л.
 613, 707, 708, 833
 Кононов И.А. 503, 820
 Конради М.М. 808
 Коншин А.В. 645, 835
 Копанский Н.В. 448, 816
 Копытин М. 478
 Копытин П. 471
 Корбель Э. 352
 Кордюков П.А. 610, 832
 Корзун Н.П. 371, 806
 Корк А.И. 36, 42
 Корнаухов Н.П., см. Карнаухов Н.П.
 Корнилов Л.Г. 11, 44, 46, 48, 50, 51, 52,
 53, 54, 55, 57, 120, 121, 165, 336, 349,
 451, 524, 553, 571, 575, 823, 826
 Корнилов П.Г. 349, 350
 Корф Д.В. 606, 607, 608, 665, 831
 Косминский Б.А. 692, 839
 Коссович Л.И. 739
 Костанди Л.В. 106
 Костяев Ф.В. 40, 330
 Котовский Г.И. 563, 568, 826
 Котомин В.В. 257
 Коханов Н.И. 836
 Кравс А. 526, 528, 540, 823
 Кравченко 657
 Краковецкий А.А. 714, 715, 718, 841

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Красильников И.Н. 94, 185, 186, 231, 745, 783
 Красильд 462
 Красин Л.Б. 810
 Краснов П.Н. 61, 65, 68, 70, 156, 169, 175, 176, 181, 210, 392, 455, 521, 816
 Красноярцев Д.М. 169, 171
 Краус А., см. Кравс А.
 Крашенинников Н.А. 616, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 629, 630, 631, 633, 635, 640, 641, 646, 647, 650, 654, 655, 656, 661, 663, 669, 670, 671, 672, 676, 687, 693, 694, 699, 700, 718, 833
 Крейтер В.В. 354
 Кривая С.А. 367
 Кривошлыков М.В. 169
 Кроль Л.А. 230
 Кромби Ф. 324, 370
 Кронковский Е.К. 639, 835
 Кропоткин А.А. 661, 837
 Круглевский А.В. 237
 Крузе А.Я. 281
 Крупская Н.К. 504, 821
 Кручинин А.С. 8
 Крыленко Н.В. 12, 123, 125, 664, 837
 Кувшинов 462
 Куделя 233
 Кудря 125
 Кудрявцев А.Ф. 392
 Кузнецов Б.И. 312, 314
 Кузнецов С.А. 339, 340, 794
 Кузьменко М.С. 620, 833
 Кузьминский А.А. 625, 626, 634, 647, 681, 834
 Кук А.И. 321
 Кулабухов А.И. 178, 194, 557, 826
 Кун Б. 77
 Куприн А.И. 148
 Куроки Т. 676, 680, 838
 Курский Д.И. 36
 Кусонский П.А. 517, 738, 822
 Кутепов А.П. 74, 494, 510, 530, 538, 546, 553, 819
 Кутырев Г.Я. 312, 314, 315, 316
 Кутяков И.С. 327
 Кучинский 543
 Лабнин 579
 Ладыженский А.А. 341
 Лазарев Е.Е. 241
 Лазарев Р.Г. 159
 Лазо С.Г. 12, 158, 159, 371
 Лайдонер Й. 114, 143, 144, 145, 146
 Лампе А.А., фон 55, 72, 351, 355, 359, 362, 397, 399, 412, 413, 433, 542, 824
 Ластовский 129
 Лауриц А.А. 385
 Лафайет Ж. 524, 823
 Лафар Ж., де 798
 Лапис М.Я. 391
 Лачинов В.Д. 605, 831
 Лашевич М.М. 410
 Лебедев В.И. 225
 Лебедев Д.А. 81, 92, 94, 254, 255, 256, 257, 263, 277, 291, 292, 335
 Лебедев Д.К. 145
 Лебедев П.П. 40, 343, 344, 733, 734, 736, 842
 Левашов А.Е. 162
 Левиз оф Менар (Левиз-Менар) А.П., фон 625, 713, 834
 Левицкий Б.А. 388
 Левицкий П.П. 607, 665, 832, 837
 Ленин В.И. 6, 7, 24, 32, 33, 34, 37, 43, 44, 221, 257, 283, 288, 319, 324, 330, 352, 356, 391, 392, 398, 399, 400, 401, 405, 459, 524, 540, 554, 605, 725, 742, 821
 Лесевицкий Н.Н. 410
 Лесевицкий Н.П. 161
 Лескова 361
 Лесников 670
 Лехмусар А.М. 662, 837
 Лечицкий П.А. 750, 751
 Ли Р.Э. 68
 Ливен А.П. 113
 Лисаневич (Нурок) М.И. 832
 Литвинов М.М. 353
 Ли-тья-о 649, 660
 Лобков З.И. 367
 Локкарт Р.Б. 318, 323, 324, 352, 370
 Ломновский П.Н. 340, 535, 541, 547, 824
 Лонткиевич Б. 443
 Лопухов 516
 Лорио Ф. 194
 Лотошников С.М. 238
 Лохвицкий Н.А. 289, 292
 Лукин Н.В. 169
 Лукирский С.Г. 23, 26, 384, 404

- Лукомский А.С. 19, 44, 74, 340, 359, 361
 Луконин Я.Г. 209
 Луцкий А.Н. 371
 Львов 566
 Люберсак Ж., де 352
 Любимов В.В. 429
 Люндеквист В.Я. 345, 384
 Лябурб Ж. 362
 Ляхов Н.В. 181, 195
 Магомаев Н. 642, 660, 670, 671, 718, 835
 Майгур П.М. 383
 Май-Маевский В.З. 73, 320, 506, 509,
 510, 530, 549, 553, 821
 Майстрах В. 243, 785
 Макаров П.В. 320
 Макаров 578
 Макгаун Д.Б. 714, 841
 Макдональд Э.-Ж.-Ж.-А. 257
 Макензен А., фон 573, 827
 Макларен М. 369
 Маковкин А.Е. 684, 685, 688, 689, 839
 Макушев П. 407
 Малакен В.П. 99
 Малинин 578
 Малиновский П.П. 602, 830
 Маллесон У. 350
 Малыхин 633
 Малявин Б.С. 113
 Мамаев Ю.И. 164
 Мамантов К.К. 192, 725, 731
 Манакин В.К. 361
 Манакин М.М. 619, 620, 621, 633, 679,
 832
 Манакины 611
 Маннергейм К.-Г.-Э. 133
 Манштейн В.В. 57, 546, 825
 Марков С.Л. 121, 553, 826
 Марковецкий В.А. 238
 Марковский В.И. 277
 Маркс К. 439
 Мартель Д., де 649, 676, 835
 Мартынов А.И. 591
 Мартынов М.Ф. 327, 591
 Мартьянов 226
 Марушевский В.В. 103, 104, 105, 106,
 107, 108, 109, 110, 122
 Маслов П.Г. 448, 816
 Масыгин Н.О. 363
 Матковский А.Ф. 44, 80, 254, 277, 764
 Махин Ф.Е. 80, 184, 225, 226, 227, 234,
 236, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246,
 247, 339
 Махно Н.И. 66, 127, 400, 557, 826
 Махров Н.С. 387,
 Махров П.С. 22, 76, 387, 388, 727
 Медведев А.И. 649, 719, 836
 Медведев А.С. 700, 840
 Медек Р. 236
 Медиокритский В.Е. 345
 Медяник Л.Е. 161
 Меженинов С.А. 290, 293
 Мейбом Ф.Ф. 221
 Мельгунов С.П. 235, 388, 389, 808, 809
 Мельницкий В.М. 354
 Менжинский В.Р. 322, 330, 342, 379
 Меньших 703
 Меньщиков А.А. 709, 840
 Мергин Р.Д. 345, 354, 359
 Меркулов Н.Д. 695, 703, 839
 Меркулов С.Д. 99, 695, 839
 Месснер (Калнина) Л.Э. 516, 533, 535,
 537, 538, 539, 541, 558, 559, 562, 565,
 566, 567, 569, 570, 573, 822
 Месснер А.Я. 490, 534, 540, 819
 Месснер В.Э. 562
 Месснер Е.Е. 535
 Месснер Е.Э. 8, 57, 485–491, 493, 495,
 498, 501–503, 506, 509, 511, 512, 514,
 524, 527, 529, 533, 537, 539, 541, 542,
 544, 550, 551, 552, 554, 555, 560, 563,
 564, 568, 570, 571, 573, 818–824, 826
 Месснер Э. 562
 Мехмандаров С.-Б. 135
 Мехоношин К.А. 32
 Мике 607, 832
 Миллер Е.К. 12, 104, 105, 106, 107, 108,
 110, 111, 112, 258, 259, 768, 842
 Мильруд М.С. 542, 543, 824
 Миронов Ф.К. 37, 211, 212, 213, 386, 779
 Мисевич 588
 Мистулов Э.А. 172
 Мисюра А.В. 596, 829
 Митаки П.К. 536, 824
 Михайлов В.И. 733, 842
 Михайлов И.А. 365, 595, 598, 829, 835
 Михайлов К.П. 597, 640, 650, 829
 Михайлов Н.Ф. 164
 Михайловский В.А. 547, 566, 825

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Михайловский 516
 Михайловский П.М. 726
 Михутина И.В. 8
 Мицкевич-Капсукас У. 579, 580, 582–584
 Могилевский С.Г. 322
 Мозохин О.Б. 389
 Молчанов В.М. 33, 85, 255, 672, 838
 Монтгомери Б.Л. 509, 821
 Моор Д.С. 423
 Моризе А. 392
 Морозов Н.А. 75
 Моррис Р.С. 660, 837
 Моторный (Моторнов) В.И. 79, 182,
 747, 748, 749, 778, 843
 Мочульский А.М. 343, 344
 Мошовитин 579
 Муклевич 581
 Мунштейн Л.Г. 540, 543, 549, 824
 Муравьев М.А. 37
 Мураев А. 171
 Муралов Н.И. 399
 Муртазин М.Л. 293
 Мурузи А.А. 109, 767
 Муханов 536
 Мюрхэд-Гоулд Дж. 727, 728
 Мясников (Мясникян) А.Ф. 142
 Мясоедов С.Н. 359
 Мятлев В.П. 521, 525, 822
 Нагаев 475
 Надежный Д.Н. 26, 403, 810
 Назарбеков Ф.И. 138, 141
 Назаров А.М. 160
 Назаров П.С. 349, 350
 Назаров Ф.Д. 159
 Назаров 504
 Назоров И.П. 605
 Наполеон Бонапарт 68
 Нарышкин К.М. 616, 625, 713, 833
 Наумов К.А. 836
 Невядомский Н.Е. 354, 491, 819
 Негодин 579
 Неймирок Н.З. 347
 Неклютин К.Н. 595, 644, 829
 Некрасов 744
 Нелидов Д.Д. 113
 Немерцалов А. 385
 Немерцалов П. 385
 Немитц А.В. 343, 801
 Непенин П.П. 492, 497, 498, 500, 501,
 504, 564, 819
 Непенин С.Я. 597, 829
 Несмеянов В.А. 243, 785
 Нестеренко С.И. 473, 474, 817
 Нестеренко 692
 Нестеров И.П. 229, 238, 243
 Нестеров П.Н. 740
 Нестеров 578
 Нестерович-Берг М.А. 51
 Неф Г.Г., фон 113
 Нефедов 449
 Николаев А. 576
 Николаев А.П. 35, 757
 Николаев С.Н. 225, 237, 238
 Николаев 747
 Николаев-Журид Н.Г. 332
 Николай I 413
 Николай II 51, 527, 828
 Никольский В.П. 345
 Никольский П.А. 94, 95
 Никольский 584, 587
 Никольский 738
 Никонов Н.В. 670, 677, 678, 681, 687,
 700, 701, 719, 838
 Нилов А. 576, 578, 827
 Новицкий Ф.Ф. 353, 400
 Новопашенный П.А. 119
 Новосильцев Л.Н. 341
 Нокс А.У.Ф. 649, 650, 659, 661, 676, 699,
 701, 832, 835
 Носович А.Л. 37, 220, 336, 337
 Нотбек В.В., фон 206
 Оберюхтин В.И. 295, 297
 Образков 516, 566
 Овчинников Г.И. 363
 Оглоблин П.П. 159, 205, 206
 Огородников Ф.Е. 286
 Одинец Д.М. 558, 826
 Озаян А. 139
 Озол В.А. 145
 Ойя С., см. Оой С.
 Окерлунд Р. 370
 Окороков А.М. 642, 835
 Окулов 599
 Олсуфьев Д.А. 523, 823
 Ольдерогге В.А. 25, 294

- Оой С. 615, 635, 636, 651, 652, 659, 687,
689, 690, 691, 694, 695, 696, 701, 704,
705, 706, 708, 713,
Орджоникидзе Г.К. 37
Орлинский Б.И., см. Орлов В.Г.
Орлов В.Г. 323, 351, 352, 353, 358, 360,
362
Орлов В.Ф. 563, 826
Орлов Н.И. 76
Осадчий А.М. 212
Отрыганьев В.Н. 363
Охранюк (Черский) Г.С. 209
Павлов А.А. 180
Павлов В.Е. 238
Павлов С.Д. 163
Павлов 698, 711
Павловский В.И. 472, 480
Павловский Н.К. 792
Павлу Б. 636, 834
Павлуновский И.П. 330, 342, 801
Павулан В.П. 317
Пайпс Р. 7
Палтов 578
Панов 795
Пантелеев М. 429
Парв А.И. 347
Парский Д.П. 26, 68
Патиашвили (Патиешвили) И.А. 697,
703, 709, 715, 716, 840
Патронов И.Ф. 54, 334
Пашкевич Я.А. 509, 821
Певный 125
Пеллио П. 676, 838
Пепеляев А.Н. 84, 223, 255, 263, 267, 271,
274, 281, 285, 289, 299, 642, 835
Пепеляев В.Н. 299, 304, 638, 641, 654,
685, 834, 839
Пермикин Б.С. 113, 115
Персиянов П.А. 169
Перхуров А.П. 96, 293, 336
Петин Н.Н. 22, 383, 386, 811
Петлюра С.В. 125, 127, 129, 349, 400, 519,
521–525, 540, 557, 822
Петр I 413, 549
Петренко П.П. 105
Петров В.Н. 128
Петров П.П. 23, 80, 220
Петров 124
Петров 639
Пехливанов И.Г. 26, 380
Пешня М.А. 546, 825
Пилкин В.К. 116
Пилсудский Ю. 132, 136, 521, 822, 827
Плазовский Л.А. 449, 816
Плеткин М.Н. 365
Плешков М.М. 666, 838
Плотников И.Ф. 230, 780, 781
Плюшевский-Плющик Ю.Н. 56, 66
Погребов В.А. 734, 843
Подвицкий В.В. 238
Подвойский Н.И. 22, 125, 126, 331, 347,
348, 405
Подгурский Ф.А. 26
Подтелков Ф.Г. 160, 168, 169
Покровский В.Л. 72, 161, 194, 530, 823
Ползиков И.Д. 820
Ползиков М.Н. 495, 547, 820
Полидоров К.П. 602, 608, 830
Поляков Б.П. 345
Поляков К.С. 168
Поляков Н.А. 467, 479, 817
Попель С.М. 534, 824
Попов В.Л. 79
Попов И.И. 763
Попов П.Х. 160, 169
Попов С.П. 555, 564, 568, 826
Попов 159
Попов 578
Порталь 362
Потапов Н.М. 22
Почекуев К.Т. 238, 784
Прайсман А.Г. 780
Прелевский 579
Пржевальский М.А. 196
Прибылович В.Н. 657, 836
Притоманов В.Ф. 142
Прокопович В.А. 531, 823
Промтов М.Н. 527, 539, 557, 559, 561,
562, 563, 564, 822
Пугачев 460
Пугачевский 476
Пуль Д. 324
Пуль Ф.К. 101, 368
Пучков Ф.А. 287, 299
Радзивилл С.В. 571, 572, 827
Радко-Дмитриев Р.Д. 573, 827
Разина И.М. 8
Ракитников Н.И. 238

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Раковский Х.Г. 190
 Раскольников Ф.Ф. 36
 Растегаев 516
 Раттэль Е.И. 148
 Раттэль И.И. 147
 Раттэль Н.И. 26, 40, 42, 147
 Ратьковский И.С. 774
 Раупах Р.Р., фон 588
 Раух Г.О. 345
 Рахья Э.А. 318
 Раша Н.К. 311
 Реек Н. 770
 Рейли С.Г. (Розенблюм С.М.) 324, 345, 352, 370
 Рейхардт 390
 Репников 478
 Решетников П.И. 778
 Рид Л. 369
 Римская-Корсакова В.Э. 503
 Римский-Корсаков М.М. 820
 Ринк И.А. 34, 35
 Рогожкин И.Е. 457–460, 466, 472, 476–481
 Рогуль К.Н. 444, 445, 450
 Родзянко А.П. 113, 115, 368
 Родзянко М.В. 524, 823
 Рожковский 671
 Розанов С.Н. 94, 600, 601, 603, 606, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 640, 641, 642, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 655, 656, 661, 663, 664, 665, 667, 668, 669, 670, 671, 673, 675, 676, 677, 679, 681, 683, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 709, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 721, 764, 830, 833, 839, 840, 841
 Романов А.М. 413, 724, 740
 Романова М.Ф. 721
 Романовский Г.Д. 601, 830
 Романовский И.П. 44, 53, 54, 56, 66, 74, 254, 359, 361
 Ронин А.Е. 584, 586
 Рооп В.Х. 657, 658, 692, 693, 720, 837
 Рубец (Рубец-Масальский) Б.И. 619, 833
 Рубцов А.Н. 491, 819
 Рудиченко А.И. 770
 Рудко Ф.П. 229
 Рудченко В.С. 605, 831
 Ружейников 465
 Рыков А.И. 398, 733, 734, 842
 Рынков В.М. 780
 Рябиков П.Ф. 297, 312, 364, 602, 830
 Рябовол Н.С. 178, 193
 Рябокони В.Ф. 806
 Ряснянский С.Н. 123, 334, 335, 354, 358, 360
 Саблин Ю.В. 160
 Саватъев (Саватеев) 584, 587
 Саввич С.С. 106, 112, 622, 623, 833
 Савельев Н.И. 99
 Савин Е.Д. 164
 Савинков Б.В. 314, 335
 Савицкий 586
 Савченко В.С. 92
 Сакс Г.В. 517, 518, 822
 Саламаха К.Г., см. Соломаха К.Г.
 Сальников Д.Н. 55, 56, 94, 289
 Самарин С.Н. 103, 104, 108
 Самодуров И. 363
 Самойло А.А. 111, 330
 Самойлов М.К. 599, 603, 609, 610, 644, 664, 665, 830, 835
 Санина Е.Т. 388
 Санников А.С. 492, 622, 819, 833
 Сапожков А.П. 209, 386
 Сапожкова Д.С. 386
 Сапожников А.В. 446, 815
 Сатке 319
 Сатунин Д.В. 186
 Сахаров К.В. 93, 94, 221, 248, 255, 263, 272, 280, 283, 289, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 299, 300, 366, 367, 576, 577, 578, 601, 603, 604, 607, 632, 637, 639, 640, 641, 644, 649, 650, 793, 794, 827, 830, 831, 832
 Сахаров Н.П. 84
 Свердлов Я.М. 328
 Свечин А.А. 26, 28, 29, 42, 106, 148
 Свечин М.А. 148
 Свидерский А.Г. 614, 625
 Свиридов В.М. 164
 Свобода 449
 Святицкий Н.В. 237, 239

- Святополк-Мирский 566
 Седельников Г.Н. 478
 Седельников Т.И. 478
 Секретев А.С. 191
 Селивачев В.И. 121, 342, 344, 357, 358
 Селинский 173
 Семашко А.Я. 338
 Семенов (Васильев) Г.А. 226
 Семенов Г.М. 78, 79, 80, 84, 91, 98, 99,
 158, 159, 173, 187, 205, 287, 304, 573,
 574, 575, 591, 596, 599, 600, 601, 602,
 603, 605, 606, 607, 608, 610, 623, 631,
 632, 634, 636, 638, 642, 646, 649, 650,
 653, 654, 655, 656, 657, 659, 660, 661,
 663, 664, 666, 668, 669, 670, 671, 672,
 673, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681,
 682, 683, 684, 686, 687, 690, 691, 692,
 693, 698, 699, 700, 701, 704, 708, 709,
 712, 714, 718, 719, 720, 721, 815, 829,
 830, 832, 835, 837, 839, 840
 Семенов П.Т. 168
 Семенов Р.С. 584, 585, 586, 587
 Семенов 485
 Семенов-Мерлин И.В. 601, 636, 638,
 644, 645, 653, 654, 665, 668, 830
 Семилетов Э.Ф. 159, 160, 168, 169, 176
 Серебров 482, 483
 Сережников Н.К. 181
 Серых 721
 Сессаревский Б.М. 354
 Сиверс Р.Ф. 160
 Сигида Н.Ф. 352
 Сидорин В.И. 71, 74, 75, 169, 176, 196
 Сильвестров М.П. 534, 539, 823
 Симанский П.Н. 119, 592
 Симонов А.А. 8
 Симонсон Д.П. 142, 143
 Синкевичи 713, 841
 Синклер В.А. 349
 Скалон М.Н. 557, 564, 565, 826
 Скачко А.Е. 346
 Скидельский С.А. 667, 686, 695, 838
 Склянский Э.М. 32, 123, 391
 Скляр Н.В. 560, 564, 565, 826
 Скобелев М.Д. 520, 521
 Скоблин Н.В. 57, 546, 825
 Скоропадский П.П. 19, 120, 121, 124,
 126, 130, 335, 348, 456, 521, 523, 524,
 540, 816, 822, 823
 Сладков Т.И. 778
 Слащов Я.А. 76, 333
 Слесарев К.М. 164
 Сливинский (Слива) А.В. 127
 Смердяков П.Ф. 452
 Смил Дж. 6
 Смирнов И.Н. 392
 Смирнов И.Ф. 362
 Смирнов М.И. 641, 657, 835
 Смирнов С.П. 629, 641, 661, 834
 Смирнов Я.Я. 612, 614, 619, 627, 655,
 656, 660, 661, 667, 669, 676, 712, 833
 Смолинский А. 779
 Смолл В. 369
 Смольнин-Терванд И.И. 339
 Снесарев А.Е. 25, 336
 Совков 95
 Соколов В.И. 342
 Соколов 574
 Соколовский Н.Ф. 347, 348
 Сокулинский 708
 Соловьев В.И. 37
 Соловьева Н.С. 37, 356
 Солодовников Б. 620, 621, 833
 Соломаха К.Г. 748, 843
 Соломон (Исепкий) Г.А. 398
 Соотс И.Г. 123
 Сорокин И.Л. 211
 Соснковский К. 572, 827
 Сперанский А.Н. 238
 Спрогис Я. 323
 Сръвалин В.А. 316, 319, 362
 Сталин И.В. 7, 33, 34, 152, 330, 336, 390,
 398, 401, 728, 742
 Станиславский А.В. 312, 313, 343
 Станишевский А.К. 629, 641, 645, 679,
 693, 698, 699, 718, 719, 721, 834
 Станкевич А.В. 35, 385
 Степаненко К.П. 684, 715, 839
 Степанов А.П. 673, 681, 839
 Степанов Н.А. 94, 176, 277
 Стессель А.А. 546, 562, 825
 Стессель А.М. 546, 825
 Стеценко 361
 Стивенс Дж.Ф. 606, 831, 832
 Стогов Н.Н. 341, 343, 344, 373, 388
 Стогов Н.Н. (сын) 388
 Стогова А.Д. 388
 Стогова Е.Н. 388

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Стогова Н.Н. 388
 Стогова О.Н. 388
 Стогова Т.Н. 388
 Стоун Д. 6
 Стрелецкий 625, 713
 Строев (Рихтер) М.П. 73, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 735, 736, 737, 738, 739, 742, 744
 Струнге А. 86
 Стырне В.А. 333
 Суворов А.В. 553, 825
 Сукин И.И. 89, 262, 279, 297, 298, 641, 650, 835
 Сукин Н.Т. 273, 284, 285
 Сулейман Н.А. 26
 Сулькевич С.А. 134
 Сургучев Д.П. 239
 Сурин В.И. 836
 Сурконт Е.И. 37, 356
 Сурнин А.А. 836
 Суслов А.Ю. 780
 Сухомлинов В.А. 388
 Суэйн Дж. 6
 Сыроболярский А.В. 596, 597, 601, 695, 829
 Сыровой Я. 93, 233, 235, 652, 664, 680, 685, 836
 Сыромятников А.Д. 612, 614, 618, 623, 624, 626, 630, 665, 833
 Сытин П.П. 25, 322
 Такаянаги Я. 706, 840
 Талаат-паша 399
 Таль 648
 Танака Г. 688, 839
 Таннберг Т. 8
 Тарасов В.Ф. 315
 Тарашкевич И.В. 580–588
 Гарновский 548, 562, 566
 Тельберг Г.Г. 650, 836
 Теодори Г.И. 312, 315, 316, 326, 327, 328, 329, 385
 Тер-Арутюнянц М.К. 12
 Теслев В.В. 133
 Тимановский Н.С. 486, 491, 492, 497, 504, 507, 520, 819
 Тирбах А.И. 84, 666, 673, 837
 Ткаченко Г.А. 516, 821
 Токарев С.Г. 209
 Толбухин Ф.И. 758
 Толмачев И.Н. 632, 633, 660, 673, 834, 837
 Толстов В.С. 198, 200, 301, 747, 748, 777, 843
 Толстов С.Е. 201
 Толстов С.С. 675, 838
 Толстой А.К. 512
 Толстой Л.Н. 625, 834
 Томилко И.И. 613, 647, 648, 661, 833
 Томилов П.А. 117, 119
 Томлинг Д. 370
 Томс С. 370
 Тотров Ю.Х. 8, 805
 Тракман М.Г. 316, 326
 Третьяков С.Н. 594, 641, 656, 661, 829
 Трилиссер М.А. 322
 Трифионов Е.А. 328
 Троцкий Л.Д. 26, 27, 29, 32, 33, 34, 35, 36, 68, 117, 170, 192, 193, 213, 221, 257, 269, 312, 324, 325, 326, 328, 330, 339, 346, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 386, 389, 390, 391, 392, 393, 398, 400, 401, 402, 403, 406, 407, 408, 419, 422, 423, 428, 429, 464, 465, 527, 553, 554, 555, 621, 727, 728, 733, 734, 742, 778, 801, 808, 809, 810, 842, 843
 Трухачев С.М. 53
 Трухина Е.Л. 173
 Туган-Мирза-Барановская 558
 Туган-Мирза-Барановский Д.И. 526, 533, 558, 823
 Тундутов Д.Ц. (Д.Д.) 180, 181
 Тунцельман фон Адлерфлуг А.А. 368
 Тургенев В.Н. 461, 817
 Туркул А.В. 50, 57, 546, 825
 Турло С.С. 355
 Тухачевский М.Н. 12, 33, 36, 42, 290, 331
 Тыркова-Вильямс А.В. 356
 Тютюнник Ю.И. 332
 Уборевич И.П. 33, 36, 37, 42
 Угет С.А. 720, 841
 Удовиченко А.И. 126, 128
 Уильямсон Х. 71, 72
 Улагай С.Г. 161, 496, 497, 498, 499, 501, 502, 820
 Унгерн фон Штернберг Р.Ф. 91, 96, 654, 665, 673, 674, 675, 836
 Уншлихт И.С. 321, 585, 586
 Уорд Д. 222

- Урусова 69
 Усов 493
 Успенский Н.М. 194
 Устинова О.Ю. 8
 Ушинский 579
 Ушицкий 578
 Фабрицкий С.С. 503, 820
 Федичкин Д.И. 827
 Федоров 744
 Федорович М.И. 655, 836
 Федорович Ф.Ф. 230, 231, 238
 Федотьев А.П. 596, 607, 679, 829
 Федько И.Ф. 12, 823
 Федюкин С.А. 32
 Федюшкин Н.К. 172
 Фельдман М.С. 692, 839
 Фенин В.В. 349
 Ферфолио А. 536, 562
 Ферфолио Р. 536
 Фетисов М.А. 168
 Филатьев Д.В. 234, 256, 260, 277, 292,
 297, 302, 303, 836
 Филимонов А.П. 194
 Филимонов Б.Б. 589
 Филимонов 448
 Филипповский В.Н. 229, 238, 243
 Фиошин В.В. 621, 622, 623, 630, 662, 833
 Флейшер А.Е. 343
 Флуг В.В. 820
 Флуг В.Е. 335, 503, 592, 820
 Фомин Н.В. 230, 235, 236, 238, 784
 Фо-Па-Биде Ш. 351, 352
 Фортунатов Б.К. 225, 229, 237, 293, 446,
 815
 Фостиков М.А. 196, 197, 391, 777
 Франц Иосиф I 526
 Фрунзе М.В. 36, 200, 202, 270, 272, 293,
 400, 747
 Футер 580
 Хайкель Э. 369
 Хайрулин М.А. 807, 841
 Ханжин М.В. 96, 256, 264, 266, 278, 285,
 816, 821
 Хартулари В.Д. 335, 353, 354
 Хвошинский Г.Н. 733, 842
 Хилков М.И. 599, 830
 Хилл Д. 370
 Хлебников 602
 Ходаков В.Н. 162
 Ходжсон Р.М. 701, 840
 Ходский 601
 Ходырев 578
 Холквист П. 167
 Холл Г. 370
 Хорват Д.Л. 187, 600, 601, 602, 603, 608,
 609, 613, 622, 623, 625, 628, 630, 631,
 653, 654, 660, 664, 665, 667, 668, 675,
 676, 683, 687, 830
 Хорошхин Б.И. 246
 Хотсен 352
 Храповицкий А.П. 454
 Хрешатицкий Б.Р. 607, 631, 638, 639,
 640, 642, 643, 653, 655, 665, 832
 Хробтов 578
 Хувер Г., см. Гувер Г.
 Цвилленев Н.В. 644, 835
 Цвилленева 644
 Цвиллинг С.М. 169
 Цесляк 585
 Циммерман И.И. 669, 838
 Циммерман М.А. 508, 515, 519, 531, 543,
 545, 562, 566, 821
 Цихович Я.К. 343
 Циховский К.Г. 583, 584
 Цурпалев А.Н. 385
 Чаговец В.А. 543, 824
 Чайкин В.А. 240, 241, 245, 247
 Чайковский Н.В. 101, 107
 Чапаев В.И. 181, 198, 410
 Чаплин Г.Е. 101, 104
 Чеботарева Т.Г. 8
 Чекатун 584, 587
 Червен-Водали А.А. 638, 639, 834
 Черемухин И.И. 460
 Чернавин В.В. 56, 592, 593
 Чернецов В.М. 159, 160
 Чернов В.М. 220, 223, 227, 230, 234, 235,
 236, 237, 238, 239
 Черновы 611
 Черныш А.В. 49
 Чернышев А.С. 135
 Черчилль У. 549, 728
 Чехович 586
 Чечек С. 226, 615, 616, 617, 618, 624, 633,
 635, 833
 Чжан Цзолинь (Чжан Цзо-Лин) 606,
 609, 665, 831, 832
 Чинтулов И.Д. 326, 328, 329, 797

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Чокаев М. 240, 241, 242, 245, 246, 247
 Чувакин В. 794, 795
 Чхенкели А.И. 137
 Шапиро 586
 Шапошников Б.М. 12, 315, 320, 758
 Шапуи Э. 352
 Шарбо 337
 Шварц А.В., фон 352, 492, 525, 819
 Шварц Н.Н. 313, 794
 Шварц Р. 536, 824
 Швемов 578
 Шевченко А.И. 560, 563, 564, 826
 Шевченко Г.М. 657, 837
 Шевченко Т.Г. 522
 Шептицкий Р.М.А. 521, 822
 Шиллинг 539, 546, 557, 560, 561, 824
 Шильников И.Ф. 206
 Шипунов Н.И. 631, 834
 Широкогоров С.М. 703, 840
 Ширяев В.А. 515, 821
 Шифнер-Маркевич А.М. 507, 821
 Шихлинский А.-А. 135, 136
 Шишкин В.Н. 469, 470, 817
 Шишкин Д.Я. 209
 Шишлянников Р.А. 671, 838
 Шкуро А.Г. 57, 172, 195, 506, 507, 511,
 532, 725, 821
 Шмигельский К.К. 354
 Шмитхен 323, 324
 Шнеур А.К. 139, 354
 Шолохов М.А. 457
 Шорин В.И. 37, 356
 Шостак З.Б. 318
 Шохов М.Е. 357
 Штайгер М.В. 566, 827
 Штакельберг Н.И. 517, 550, 822
 Штейнгард В.Х. 328, 797
 Штейфон Б.А. 46, 47, 57, 72, 451, 517,
 527, 545, 546, 560, 561, 563, 565, 566,
 569, 571, 572, 822
 Штемпель Б.Ф., фон 561, 826
 Шуберский А.Н. 499, 820
 Шульгин В.В. 355, 519, 822
 Шульман 584, 587
 Шумиловский 639
 Шурупов А.Ф. 558, 826
 Шурыгин И.П. 723, 742
 Шаденко Е.А. 734, 843
 Шеглов В.Н. 750
 Шеглов Л. 750
 Щепихин С.А. 25, 86, 184, 214, 215, 255,
 261, 267, 273, 274, 298, 363, 365, 793
 Щепкин Н.Н. 342, 344, 388
 Щербаков Н.С. 165
 Щербаков 361
 Щербачев Д.Г. 103
 Щорс Н.А. 12
 Щукин 171
 Эверт Г.А. 488, 505, 506, 508, 513, 515,
 520, 529, 544, 821
 Эйдук А.В. 326
 Эйдукевич 582, 584, 587
 Эйзенхауэр Д.Д. 509, 821
 Эйхенбаум И.А. 571, 827
 Эллерц-Усов А.В. 79
 Эльвенгрэн Г. 369
 Эмерсон Д.Х. 606, 832
 Энвер-паша 399
 Энгельгардт Б.А. 43, 152
 Энден А.П., фон 367
 Энкель О.К. 133
 Эрдели И.Г. 54
 Юденич Н.Н. 12, 115, 116, 118, 119, 345,
 351, 368, 402, 410, 545, 591, 592, 638,
 810
 Юдин Н.М. 350
 Юзефович Я.Д. 510, 511, 515, 520, 553,
 821
 Юренев К.К. 389, 390
 Юркевич 516
 Юрьев Г.Н. 827
 Якимов 1-й 95
 Якир И.Э. 539, 823
 Яковлев А. 818
 Яковлев К. 489, 507, 821
 Яковлев М.И. 517, 570, 822
 Яковлев П.Д. 666, 667, 838
 Яковлева В.Л. 507
 Яковлева В.Н. 381
 Якушев И.А. 714, 841
 Янов Г.П. 169
 Янушевский Г.Е. 128, 129
 Ярушин Ф.Г. 172

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
С кем было офицерство	9
Какова роль казачества	153
Имел ли шансы на военную победу «третий путь»	217
Из-за чего был разбит Колчак	251
Какую роль сыграли спецслужбы	309
Брали ли красные в заложники семьи военспецов	375
Почему победила Красная армия	395
Заключение	435
Приложения	441
Приложение 1. «Части сербских войск... не будут принимать участия ни в каких действиях, направленных против братского русского народа». Письмо представителя сербской армии в России полковника Б. Лонткиевича народному комиссару по военным делам. 21 марта 1918 г.	443
Приложение 2. О причинах потери артиллерийских заводов и имуществ, находящихся в районе Поволжья. Рапорт полковника Сибирской армии К.Н. Рогуля. Октябрь 1918 г.	444
Приложение 3. Письмо бывшего генерала А.А. Брусилова председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому. 10 октября 1918 г.	450
Приложение 4. Из воспоминаний генерала Б.А. Штейфона «Харьковский главный Центр Добровольческой армии. 1918 год»	451
Приложение 5. «Настоящую революцию я в натуре лично с оружием в руках проводил». Исповедь сотника И.Е. Рогожкина	457
Приложение 6. «Хотелось бежать назад без оглядки...». «Психическая» атака 2 февраля 1919 г. в Башкирии.	481
Приложение 7. «Целый день ничего не делаем...». Доклад о состоянии телеграфной роты штаба Сибирской армии. 24 февраля 1919 г.	484
Приложение 8. Из воспоминаний полковника Е.Э. Месснера «В Добровольческой армии»	485

Приложение 9. О сепаратизме атаманов Б.В. Анненкова и Г.М. Семенова. Письмо полковника Г.М. Семенова генерал-майору Б.В. Анненкову. 25 мая 1919 г.	573
Приложение 10. Воззвание офицеров и солдат ижевцев и воткинцев о самовольном оставлении ими рядов армии. Лето — осень 1919 г.	576
Приложение 11. О состоянии Минской ЧК в 1919 г.	579
Приложение 12. Неизвестный дневник барона А.П. Будберга 1919–1920 гг.	588
Приложение 13. «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...». Документы генерал-майора ВВС М.П. Строева (Рихтера)	722
Приложение 14. Опросный лист начальника снабжений Семиреченской армии полковника А.А. Асанова. 30 апреля 1920 г.	744
Приложение 15. Донесение начальника разведывательного отделения оперативного управления штаба Туркестанского фронта от 6 июня 1920 г. о пленных Уральской армии.	747
Приложение 16. Заявление бывшего генерала П.А. Лечицкого в Московский политический Красный Крест. 3 ноября 1921 г.	750
Список аббревиатур	752
Примечания	754
Именной указатель	844

Ганин Андрей Владиславович
СЕМЬ «ПОЧЕМУ»
РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Ответственный редактор *Г. Пернавский*
Художественный редактор *М. Левыкин*
Верстка *А. Григорьев*
Технический редактор *Н. Атауллина*
Корректор *Н. Самбу*

ООО «Бестселлер», торговая марка «Издательство «Пятый Рим».
Адрес: 129515, г. Москва, ул. Академика Королева, д. 13, стр. 1, оф. 811
Все наши книги можно заказать на сайте www.5rim.ru

Подписано в печать 02.11.2017.
Формат 70x100^{1/16}. Гарнитура «AGPalatialC». Печать офсетная.
Бум. офс. Усл. печ. л. 70,2. Тираж 1 500 экз.
Зак. № 7325.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

14+ | Издание не рекомендуется детям младше 14 лет

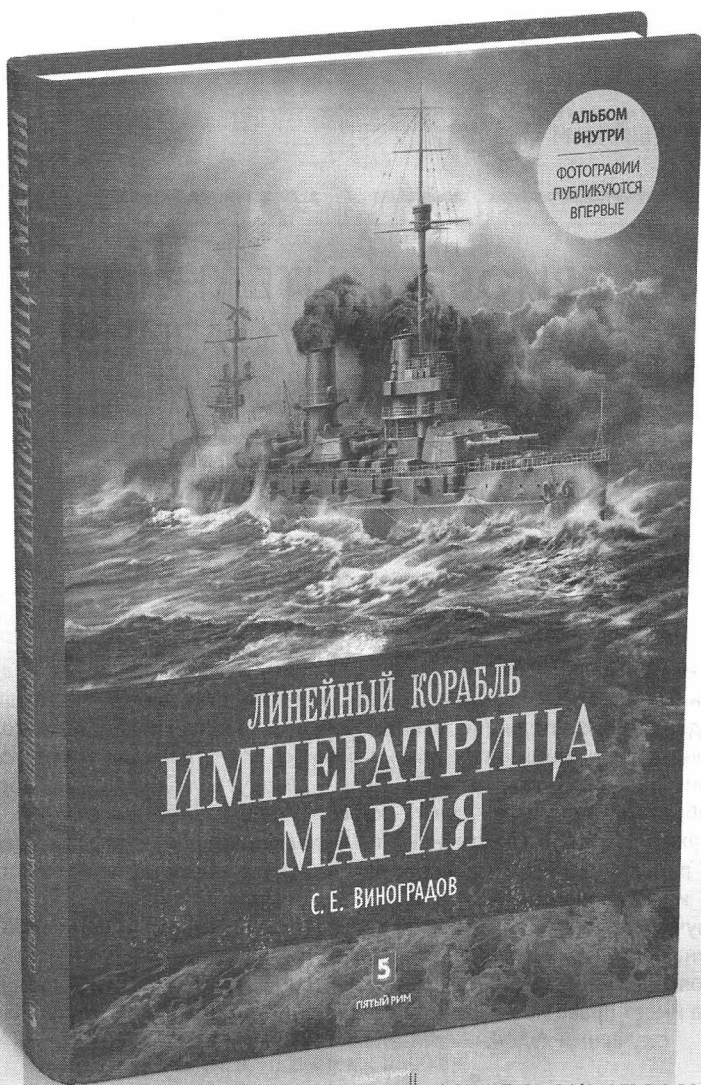
ПРИБРЕТАЙТЕ КНИГИ
В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

5rim.ru

Еще не так давно книга по праву считалась лучшим подарком, и для истинных ценителей выход нового издания становился настоящим праздником. Издательство «Пятый Рим» создано в конце 2015 года именно истинными ценителями, которые ко всему прочему знают толк в книгоиздании. Главная наша цель – вернуть людям возможность приобретать, читать и дарить хорошие книги, как интересные по содержанию, так и качественные по исполнению. Мы не ограничиваем себя рамками какого-то конкретного жанра. В портфеле издательства есть и исторические книги, и военные, художественная литература и научно-популярная. Есть книги известных авторов, а есть работы начинающих литераторов, которые, мы уверены в этом, станут настоящими «звездами». Мы считаем, что каждая, даже самая скромная книга имеет право на наилучшее оформление, поэтому мы сотрудничаем с лучшими художниками-иллюстраторами и дизайнерами.

ФОРМАТ: 60x84/8, ОБЪЕМ: 304+96 СТР.

Впервые на обширной документальной основе детально исследуются обстоятельства пожара и взрыва линкора в Севастополе 7 (20) октября 1916 г., подробно описывается происходящее на дредноуте, борьба экипажа за живучесть корабля и его гибель. Приводятся материалы расследования комиссий Черноморского флота и Морского министерства, их выводы; рассматриваются многочисленные версии причины пожара и взрыва, анализируются действия командования и моряков линкора в процессе катастрофы. Подробно освещается операция по выемке из затопленного корабля боезапаса, подъёму на поверхность корпуса линкора и его орудийных башен.

«Высокопрофессиональное исследование на основе широкого круга разнообразных исторических источников. Значительная часть документов вводится в оборот впервые. Книга дает ответы на ключевые вопросы военно-политической истории нашей Гражданской войны»

В.И. Голдин,

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ассоциации исследователей Гражданской войны в России

«Получил большое удовольствие от прочтения новой книги. Автор, опираясь на многолетние архивные исследования, популярно раскрывает трагическую историю Гражданской войны. Рекомендую к прочтению всем неравнодушным любителям военной истории»

А.Г. Горчаков,

внук офицера Русской императорской и Красной армий

«Историки должны приветствовать книгу опытного ученого Андрея Ганина, которая в свете новых источников знакомит широкую читательскую публику с разными аспектами Гражданской войны в России и отвечает на важнейшие вопросы – о роли русского офицерства и казачества в событиях столетнего прошлого. Андрей Ганин своими исследованиями офицерского корпуса Русской императорской, Красной, белых и национальных армий, проводившимися в российских и зарубежных архивах, продолжает работу, начатую нашим общим учителем Александром Георгиевичем Кавтарадзе»

Брюс Меннинг,

профессор Университета штата Канзас, исследователь военной истории России XIX – начала XX века

«Прочитал с огромнейшим интересом. Даже не припоминаю трудов такого плана по Гражданской войне. Это в прямом смысле инновационная работа. В восторге от структуры книги и подачи материала. Читатель, мало знакомый с историей Гражданской войны, по прочтении будет знать о ней не только необходимое, но даже больше. Это настоящий успех! Можно использовать и в учебном процессе – замечательное пособие. Когда книга выйдет, буду рекомендовать ее студентам»

А.А. Симонов,

кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного национального исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского.

ISBN 978-5-9908267-1-7

9 785990 826717